

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07920050 1

БИБЛИОТЕКА
А. А.
ЗАЕШНИКОВА.
Шкафъ .....
Полка .....
№ .....
1

*C

ВРЕМЯ

ВРЕМЯ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ М. ДОСТОВЕВСКАГО

№ 9. СЕНТЯБРЬ

ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ВАУАРАДА ПРАЦА

1862

1862

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
252957
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS.
R 1007 1862

Одобрено цензурою. С. Петербургъ, 14 сентября 1862 года.

НАШЪ ГУБЕРНСКІЙ ДЕНЬ

ВВЕДЕНІЕ

Какъ тамъ не шутя, а жить скучно. Жизнь сорвалась съ прежней колеи, а на новую попасть и не смѣть, и не умѣть. Люди ходятъ какъ сонные или сидятъ себѣ сложа руки, вперивъ взоры въ туманную даль — ничего въ волнахъ не видно! Особенно мастерски умѣемъ скучать мы, провинціалы. Тамъ, въ Петербургѣ, что-то затѣвается, какал-то все стряпня идетъ; одни болтаютъ, что готовится нѣчто громадное, другіе брешутъ, что черезчуръ что-то маленькое. Мы сидимъ въ мурѣ и недоумѣваемъ; намъ-то желалось бы, чтобъ все это было маленькое да мнѣнѣе-корненькое... а вдругъ, чортъ возьми, левіафана хватить? Вѣдь съ нашими робятами и это случиться можетъ!

Вотъ пронеслись слухи, будто откупа трещать, — предсѣдатель казенной палаты дрожить и слабѣетъ желудкомъ. «Куда же я съ малыми дѣтьми-то дѣнусь? спрашиваетъ онъ самъ себя: — Да пойми же ты, чортъ, что у меня восемь дочерей, и каждой по приданому!»

До свѣдѣнія губернатора доходитъ, что въ губерніяхъ будутъ заведены новыя какія-то учрежденія, совсѣмъ будтобы независимыя учрежденія. «Какъ же я теперича повелѣвать буду? вопрошаетъ онъ самъ себя: — Да пойми же ты, чортъ, какъ я за благосостояніе губерніи-то отвѣчать буду?»

Предсѣдатель судебной палаты тоже узналъ кое-что о гласномъ судопроизводствѣ, и тоже совсѣмъ растерялся. Онъ то застегнетъ, то разстегнетъ свой вицмундиръ, то беретъ за шляпу, точно ваті куда-то собирается, то бросаетъ шляпу на столъ и садится. Наконецъ рѣшается послать за секретаремъ.

- Иванъ Ксенофонтычъ, слышалъ?
 — Поговариваютъ-сь.
 — Ну?
 — Поговариваютъ-сь.
 — Да какъ же это... въ публикѣ-то сидѣть?
 — Будемъ прописывать-сь.
 — Да какъ же, братъ, это... въ публикѣ-то?
 — Будемъ прописывать-сь.
 — Да пойми же ты, любезный: вѣдь кругомъ-то вездѣ публика поватыкана! Пу-бли-ка!
 — Чтоже-сь? Каждому кто что заслужилъ-сь!
 — О, чортъ поberi да в совсѣшъ!
 — Это точно-сь.

Однимъ словомъ всѣ повѣсили головы, всѣ отстали отъ дѣла, которое уже признается старымъ, отживающимъ свой вѣкъ, всѣ ждуть чего-то новаго, а новое не идетъ.

— Хоть бы развязали чтоли! слышится со всѣхъ сторонъ.

Всѣ эти люди сидятъ на чеку, словно куда-то собираются, словно теперь только почему-то вспомнили, что они лишь временные жильцы этого міра. Очевидно нѣчто волнуетъ ихъ, и мы конечно поймемъ и это волненіе, и эту озабоченность, если припомнимъ, что это «нѣчто» — не болѣе, ни менѣе какъ вопросъ о жизни и смерти ихъ.

Скучно жить! Скучно видѣть людей, которые разучились смѣяться, которыхъ мысль постоянно находится въ отсутствіи. Подойдешь къ губернатору, спросишь: «не угодно ли вашему превосходительству карточку?» а онъ вмѣсто отвѣта выпучить глаза и бормочетъ какія-то безсвязныя фразы: «гм... да... что?... объ чемъ бишь мы говорили?» Прошу покорно тутъ думать о какихъ-нибудь общественныхъ движеніяхъ при видѣ столь огорченнаго начальника!

Да и одинъ ли губернаторъ, одинъ ли предсѣдатель опустили носы? Увы! улицы пусты, базары обезлюдѣли! Полиція незнаетъ, драться ли ей или вѣжливенько приглашать: пойдемъ дескать, милый мой, я тебя въ части поѣмъ! Обыватели тоже пришли въ сомнѣніе. То что прежде разрѣшалось въ одно мгновеніе ока и однимъ махновеніемъ руки, нынче перекладывается съ мѣста на мѣсто, переворачивается съ боку на бокъ, да такъ на боку и остается.

— Да развѣши-то мою нужду! пристаётъ несчастный обыватель къ лицу власть имѣющему.

— Нельзя, братецъ, закона нѣтъ! отвѣтствуетъ лицо власть имѣющее.

— Охъ, да хоть бы ужъ развязали поскорѣй! вопить обыватель, и слѣдомъ за нимъ эхо изъ конца въ конецъ перекатываетъ: — Охъ, да хоть бы ужъ развязали поскорѣй!

Какъ жить? какъ поступать? чѣмъ быть? — вотъ вопросы, которые слышатся всюду. Пойдешь направо — назовуть ретроградомъ; сунѣшься нѣлѣво — прослывешь прогрессистомъ... Оба прозвища равно небезопасны. Одинъ мой знакомый говоритъ: «а ны пройдемъ середочкой!» Гм... хорошо, коли кто эквилибристикѣ обучался; а каково тому, кто этой науки незнаетъ? Каково идти-то по этой переузницѣ? Каково цѣлую жизнь обѣ томъ только думать, какъ бы не покачнуться ни направо, ни нѣлѣво, и не выронить изъ рукъ спасительнаго шеста?

Объ чемъ писать? Какіе подвиги воспѣвать? Подвиговъ нѣтъ; героевъ нѣтъ — ихъ мѣсто заступили люди, у которыхъ трисутся поджигки; фестивалей и пиршествъ нѣтъ — ихъ мѣсто заступили молчаливыя сборища съ головными помаваніями, съ односложными рѣчами и скорбными дрожаніями устъ и ноздрей. Что за время! что за время!

Увы! я охотно бы рассказалъ напрямѣръ о томъ, какъ Леонидъ Звонскій, протанцовавъ туръ вальса съ Пульхеріей Пронской, почувствовалъ, что все его существо внезапно охватилося тонкомъ любовнаго электричества, — но не могу, потому что мнѣ никто не повѣрять. «Подите! скажетъ мнѣ читатель: — да развѣ вы не знаете, что нынче Леонидъ Звонскій насчетъ любовныхъ дѣлъ совсѣмъ слабъ сталъ?» И читатель будетъ правъ, потому что дѣйствительно Звонскій не тѣмъ занятъ: онъ думаетъ о томъ, будетъ или не будетъ опредѣленъ помощникомъ управляющаго питейными сборами, я весь погруженный въ расчеты и соображенія, взираетъ на Пульхерію не только съ холодностью, но даже не безъ прони.

Еще охотиве я началъ бы свой рассказъ такъ: «Леонидъ Звонскій принадлежалъ къ одной изъ великихъ либеральныхъ партій, которая въ послѣднее время оказала столько услугъ для отечественнаго преуспѣванія. Онъ невидѣлъ откупа со всю искренностью пламенной души» и т. д. и т. д. Конечно,

тутъ было бы больше правдоподобія и больше животрепещущаго интереса (ибо кто же въ самомъ дѣлѣ не принадлежитъ нынче къ одной изъ либеральныхъ партій?), однако я и этого написать не рѣшусь. Впервыхъ, если я углублюсь въ свой предметъ надлежащимъ образомъ, то расказъ можетъ выйти несовсѣмъ цензурный; вовторыхъ, откупной либерализмъ уже нѣсколько провонялъ сивухой, и въ этомъ видѣ сданъ въ архивъ.

Одинъ мой пріятель предлагаетъ такого рода сюжетъ: Леонидъ Звонскій, начитавшись мемуаровъ Казановы, ощутилъ и т. д. «Тутъ можетъ выйти цѣлый рядъ очень миленькихъ сценъ, да и цензура непременно пропуститъ расказъ!» прибавляетъ пріятель. Но вѣтъ... я не могу писать и на эту тему! Я не сомнѣваюсь, что цензура пропуститъ расказъ мой, но сомнѣваюсь, чтобъ нашолся журналъ, который рѣшился бы напечатать его.

Чтожъ остается мнѣ дѣлать? Очевидно остается грустить вмѣстѣ со всѣми, остается быть лѣтописцемъ вздоховъ... поймите какъ это трудно!

Да и какой еще вздохъ? какой его цвѣтъ? какой его запахъ? Во времена счастливыя, въ тѣ времена, когда жизнь изживается «безъ тоски, безъ думы роковой», отвѣтъ на эти вопросы дать нетрудно. Тогда вздохъ бываетъ голубой и пахнетъ фіалкой. Вотъ Леонидъ Звонскій, который только-что кончилъ вторую фигуру кадрили съ возлюбленной Пульхеріей; онъ садится возлѣ предмета своихъ страстныхъ, но законныхъ помышленій, и вздыхаетъ... Вздохъ не задерживается въ груди его, не вылетаетъ оттуда ураганомъ; онъ выходитъ легко, ровно, благоуханно. Очевидно, Звонскій вздыхаетъ потому только, что онъ счастливъ; онъ принадлежитъ Пульхеріи, Пульхерія принадлежитъ ему; кадрили кончится, и растроганные родители благословятъ ихъ... Вотъ патриархъ-помѣщикъ, въ бояхъ домашнихъ посѣдѣлый, который только-что получилъ оброкъ съ возлюбленныхъ домохадцевъ своихъ. Онъ сидитъ за конторкой, разглаживаетъ замасляныя и измятыя пачки асигнацій, и вздыхаетъ... Миръ царствуетъ во всемъ существѣ его; онъ пересчитываетъ деньги, и въ душу его закрадывается увѣренность, что недоимки нѣтъ, и что слѣдовательно домохадцы его блаженствуютъ и живутъ припѣваючи. Веселыя картины рисуетъ его воображеніе; пейзажи гуляютъ въ кумачныхъ сарафанахъ, пейзажи въ синихъ суконныхъ поддевахъ; а тамъ горѣлки, хороводы, орѣхи,

привики... Тутъ вздохъ понятенъ : тутъ онъ служить существеннымъ выраженіемъ того кроткаго блаженства, которое напояетъ душу и катится благоуханной струей по всѣмъ жиламъ... Вотъ чиновникъ который сейчасъ только сходилъ въ карманъ своего ближняго ; онъ тоже нѣчто считаетъ , онъ умилень духомъ , онъ чувствуетъ , какъ дыханіе спирается въ его зобу, онъ вздыхаетъ. Понятно, что и тутъ вздохъ не можетъ быть горькимъ.

Все это вздохи голубые , пропитанные запахомъ фіалки. Человѣкъ , который вздыхаетъ такимъ образомъ , можетъ сказать объ себѣ : я вздыхаю , потому что во мнѣ играетъ сердце , потому что природа разыгрываетъ въ мою пользу постоянное увеселительное представленіе. Я вижу цвѣтокъ — и радуюсь ; я внимаю пѣнію птицы — и радуюсь ; я слышу мычаніе осла — и радуюсь ; все въ божьемъ мірѣ манитъ и взираетъ на меня свѣтлыми очами, все говоритъ : живи и наслаждайся !

Но я имѣю дѣло съ міромъ огорченныхъ , съ міромъ людей трепещущихъ и скучающихъ. Они тоже вздыхаютъ , но ихъ вздохи желтые и пропитанные тлѣніемъ органическихъ остатковъ. Имѣть дѣло съ подобными вздохами почти невыносимо.

А другихъ вздоховъ нѣтъ. Странно измѣнился міръ божій ; уже не смотритъ онъ на человѣка свѣтлыми очами, не приглашаетъ его жить и наслаждаться. Подобно бурѣ, вырывающей съ корнемъ столѣтніе дубы и щадащей молодые, гибкіе побѣги, смерть прошла крыломъ своимъ по рядамъ человѣческимъ и востѣкла въ одинъ мигъ все что считало себя на вѣки несокрушимымъ. Валятся люди, а за ними валится цѣлый порядокъ явленій, валится цѣлая жизнь.

Лѣтописецъ минуты, я роковою силой осужденъ раздѣлять настроеніе ея. Міръ грустенъ — и я грущу вмѣстѣ съ нимъ ; міръ вздыхаетъ — и я вмѣстѣ съ нимъ вздыхаю. Мало того, я приглашаю грустить и вздыхать вмѣстѣ со мною и читателя.

Изъ послѣдующихъ очерковъ онъ увидитъ чтоъ стало съ нашимъ провинціальнымъ «днемъ», этимъ днемъ, который еще столь недавно былъ днемъ веселія и утѣхъ.

I

У ПУСТЫННИКА

Мы составляемъ особое общество, *status in statu*. Насъ немного: губернаторъ, губервскій предводитель дворянства, я, председатель казенной палаты, управляющій палатой государственныхъ имуществъ и жандармскій штабъ-офицеръ. Еще допускается къ намъ откупщикъ, потому что имѣть очень пріятное обхождение.

До тѣхъ поръ, пока мы не начали грустить, мы жили очень весело: днемъ распоряжались, а вечеромъ играли въ стуколку; но теперь все это переѣнилось. Если хотите, мы продолжаемъ и распоряжаться, и играть въ стуколку, но на все это легла какая-то печать унынія. Все идетъ машинально, безъ приказокъ, безъ острыхъ словъ, словно не сами мы все это дѣлаемъ, а играетъ и распоряжается въ насъ непорвавшійся еще пропесъ нашего прежняго, веселаго существованія. Скоро онъ порвется, а съ нимъ вмѣстѣ порвутся распоряженія и стуколка...

Есть у насъ пріятель, который слыветъ между нами подѣ именемъ пустынника. Почему мы дали ему такое прозвище, объяснить не могу. Развѣ потому, что онъ любитъ прибѣгать къ славянскимъ оборотамъ рѣчи, а можетъ-быть и потому, что въ дѣйствительности ничто такъ не противно его природѣ, какъ соединеніе. Человѣкъ онъ старый и одинокій, но еще до сихъ поръ сохранившій въ душѣ своей юношескую веселость и проказливость. Мы любили посѣщать его. Когда ни придите къ нему, у него всегда словно масляница: либо самъ пѣсни поетъ, либо соберетъ мальчишекъ да и заставитъ ихъ голосить, а самъ сидитъ на диванѣ и благодумствуетъ.

— Величай, душе! дерутъ во все горло мальчишки.

— Преславнаго и пречестнаго! подтягиваетъ имъ пустынникъ, и когда придется забирать голосомъ высоко, то вытянетъ шею, и руки простретъ, точь-вточь какъ дѣлаютъ регенты.

И такимъ образомъ время проходитъ быстро, весело и для души невредительно.

— Не люблю, государи мои, не люблю одинъ оставаться!

черти въ удивленіи пощёщаютъ! говаривалъ онъ намъ, когда мы веселою толпой врывались въ его удивленную комнату, и потомъ, словно о чемъ-то задумавшись, прибавлялъ: — И по хлѣбъ являея ему діаволь... Вотъ и выходитъ, государи мои, что діаволь-то всегда намъ тайно соприсутствуетъ, ибо еще отцы наши выражались: веселіе есть Руси пити и ясти... Ахти-хти! грѣхи наши!

И дѣйствительно, такой страстной жажды общества, сопровождаемой безпримѣрнѣйшимъ гостепримствомъ, рѣдко можно было встрѣтить. Бывало чуть немного засидится безъ гостей, какъ ужъ бредеть на балконъ и выглядываетъ отуда, не видать ли гдѣ празднующагося, котораго можно бы залучить, накормить, напоить и утѣшить. И благо тому, кто, завидѣвъ издалека его приземистую фигуру съ распушенными по вѣтру волосами, послѣдуетъ влеченію сердца, и незаглядываясь по сторонамъ, поидеть прямо туда, гдѣ ожидаютъ всѣ утѣхи, какихъ только можетъ пожелать самый прихотливый желудокъ.

— Не хотите ли зернистой икорки закусить? Миѣ наши черноглазовскія дѣвки вотъ эка мѣсто въ презентъ прислали! привѣтствуетъ онъ гостя, и тутъ же сряду дрожащимъ старческимъ голосомъ запоетъ: — Да балыкъ тоже преотмѣнный есть: это наши мужики изъ Полорѣцка презентовали!

И не пройдетъ получаса, какъ одно за другимъ переберутся всѣ произведенія глуповской природы во всѣхъ видахъ и со всевозможными приправами. Не пройдетъ получаса, какъ гость уже ощущаетъ себя и сытымъ и глупымъ.

— Теперь бы вотъ поплясать гостю! восклицаетъ пустынный: — я смолода—то куда дерзокъ плясать былъ.

И вотъ призываются пѣсенники, шлются гонцы за новыми собесѣдниками, столъ уставляется новыми сибѣями и питьями, и начинается пиръ горой до самой ночи.

Увы! этому ликованію, этой вѣчной масляницѣ суждено было прекратиться!

На дняхъ я постилъ утромъ пустытника и былъ самымъ грустнымъ образомъ пораженъ происшедшею въ немъ переменой. По обыкновенію онъ сидѣлъ на диванѣ, и по обыкновенію же, кого-то дрожащимъ голосомъ величалъ. Это тоскливое величае и прежде порой досаждало миѣ; теперь же, какъ только я его слышалъ, сердце мое сжалось, какбы томимое тяжкимъ

предчувствіемъ. Дѣйствительно, закуски на столѣ не было; пустынный сидѣлъ и качалъ головой изъ стороны въ сторону, словно бѣлый медвѣдь, оторванный отъ родной стихіи и посаженный въ звѣринецъ. Казалось даже лысина его потускнѣла.

— Что съ вами, пустынный? спросилъ я его послѣ обычнаго привѣтствія.

— Скорблю!

Я посмотрѣлъ на него въ недоумѣніи. Грѣшный человѣкъ, я подумалъ сначала, что у него вышелъ весь запасъ свѣжей икры, что откупщикъ забылъ прислать ему обычную дань водки и пива, и эта догадка тоскливо подѣйствовала на мой желудокъ.

— Мяутся! продолжалъ онъ, и вслѣдъ затѣмъ въ грустномъ интонаціонномъ тонѣ запѣлъ: — И смятошася людіе...

Я все-таки не понималъ, хотя нельзя было сомнѣваться, что нѣчто произошло. Конечно, мнѣ не безызвѣстно было, что наше маленькое общество съ нѣкотораго времени прониклось гражданскою скорбью, но какое же дѣло до нея пустынному? Пустынный — отрѣзанный ломоть отъ общества; пустынный самой природой такимъ образомъ устроенъ, что было бы у него вдоволь ѣства да пойма, да малахай шолковый, такъ не проймешь его никакою скорбью — это ясно! И вдругъ о чемъ-то скорбятъ, и произносятъ отрывистыя и неподобныя рѣчи!

— Да что же случилось, пустынный? спросилъ я.

Онъ въ свою очередь взглянулъ на меня, но въ этомъ взглядѣ видѣлась скорбная иронія.

— Не велѣтъ ли развѣ рыбки подать? Мнѣ намеднись преотмѣнной изъ Песчанолѣсья прислали! сказалъ онъ, но въ звукахъ его голоса слышался укоръ, и я даже явственно различилъ, что укоръ этотъ относится именно ко мнѣ, какъ-будто онъ говоритъ: «малодушный человѣкъ! я знаю, что ты думаешь объ осетринѣ... въ такую горестную для отчины минуту!»

— Да нѣтъ, позвольте, зачѣмъ же рыбки? Если въ самомъ дѣлѣ что-нибудь важное случилось, то можно и безъ рыбы... Скажите, что же случилось?

Онъ посмотрѣлъ на меня строго.

— Да что жъ ты, сударь, смѣешься чтоли?

— Нѣтъ, не смѣюсь.

— Незнаешь чтоли, что дѣлается?

— Да что же такое наконецъ?

— А вотъ, сударь, что! Приходитъ ко мнѣ сегодня одинъ изъ моихъ жеребцовъ стоялыхъ (пустынникъ называлъ такимъ образомъ своихъ дворовыхъ) и кланяется мнѣ... вотъ эдакъ (пустынникъ кивнулъ головой съ невыносимымъ пренебреженіемъ)! Я на него смотрю и думаю: не въ горячкѣ ли малый, не очунется ли? Однако нѣтъ: стоитъ какъ столбъ безчувственный. «Постой! что ты, дама чтоли?» спрашиваю я его. — Нѣтъ, говорить, я не дама, а по вашему мнѣнію выходитъ, я жеребецъ стоялый! Ну ужь меня, знаешь, и разбирать зачало, однако все терплю. «Чтожъ, говорю, коли ты не дама, зачѣмъ же такъ кланяешься?» Все еще, знаешь, мыслю, что онъ очунѣеть... Хорошо. Только чтожъ бы ты думалъ, онъ сбѣжалъ? — А коли, говорить, мой поклонъ тебѣ не нравится, такъ и нѣтъ тебѣ ничего! Повернулся хребтомъ—то да и былъ таковъ! А что? хорошо?

— Гм... да...

Я незналъ что отвѣтить пустыннику, но чувствовалъ, что въ головѣ моей бродитъ нето мысль, нето ощущеніе, однимъ словомъ нѣчто такое, что можно бы формулировать словами: «эге! да это явленія одного и того же порядка!»

— Такъ вы думаете?... сказала я вслухъ.

— Чего тутъ думать... оно!

— Гм... да... это оно!

Мы не объяснили другъ другу что значить это «оно»: мы поняли. Я вознамѣрился было посѣтовать, высказать нѣсколько жалкихъ словъ, какъ это обыкновенно дѣлаютъ люди, которыхъ претензіи ограничиваются желаніемъ выпить и закусить и которыхъ виѣсто того заставляютъ ломать голову надъ какими-то проклятыми вопросами. Но пустынникъ оказался и рѣшительнѣе, и воинственнѣе меня. Онъ вскочилъ съ дивана и накинулся на меня съ такою неистовой яростью, что я одну минуту думалъ, что онъ растерзаетъ меня на части.

— Чего же вы—то, начальство, смотрите? закричалъ онъ на меня, сверкая глазами.

Я поникъ головой.

— Вѣдь это зараза! продолжалъ онъ, все болѣе и болѣе наступая: — вѣдь это чума!

Я почувствовалъ себя сугубо виновнымъ. Мнѣ не приходило даже въ голову сказать въ свое оправданіе стереотипную фразу:

«да чѣмъ же я виновать?», которою, по заведенному изстаринному обычаю, оправдываются всѣ втепцы бюрократіи. Миѣ какъ-то вдругъ пришли на умъ всѣ пословицы вродѣ: «взявшись за гужъ, не говори, что не дюжъ», «люби кататься, люби и самочки возить» и проч. Я вдругъ почувствовалъ, что на миѣ лежитъ какая-то отвѣтственность, что я долженъ былъ предугадать, предвидѣть, предозаботиться и предотвратить! Держа въ рукахъ свою милѣонную частицу административной возжи, имѣя право, въ милѣонной части, рѣшить и вязать, я обязанъ былъ тянуть свою тягу насколько ставало моихъ силъ. Если возжа ослабла, слѣдовательно я не натягивалъ ее съ надлежащею заботливостью, слѣдовательно я не исполнилъ своего долга, слѣдовательно я былъ безъ оправданій.

Пустынникъ казалось понялъ, что во миѣ происходитъ нѣчто очень тяжелое, и смягчился.

— Да ужъ не велѣтъ ли рыжичковъ подать? Миѣ дѣвки мелконькихъ такихъ въ укусуѣ прислали! сказалъ онъ ласково.

Но миѣ было не до грибковъ. Чортъ-знаетъ что бродило въ это время въ головѣ моей, но только вмѣсто того, чтобъ откашляться и поблагодарить, я отиѣчалъ:

— А кто ихъ знаетъ, можетъ-быть онѣ не дѣвки, а бабы!

Пустынникъ усмѣхнулся.

— Да ну ужъ, ну! велѣтъ чтоли? Вижу! все вижу! Обидѣлъ я тебя!

— Нѣтъ ужъ, увольте... Лучше потолкуемъ!

Я былъ смущенъ: миѣ представлялась «зараза». Не могу опредѣлительно объяснить фигуру этого существа, но помню, что это было нѣчто похожее на громадное черное пятно, которое безобразно шевелилось передъ моими глазами, словно угрожая лечь миѣ на грудь всею своею массой. Стало-быть она поселилась вездѣ, коли проникла даже въ такое тихое пристанище, какъ домъ нашего милаго пустынника!

— Такъ потолкуемъ! повторилъ я.

— Потолкуемъ! отиѣчалъ онъ.

Но уста наши нѣмѣли. Было какое-то слово, которое казалось вертѣлось на губахъ, но оно словно застыло тамъ.

— Вотъ каково оно тяжело! произнесъ наконецъ пустынникъ: — что даже словъ не измыслишь!

Что за будущее, что за будущее представлялось воображе-

идеть вадимъ! Сѣрое, неприглядное, покрытое бурьяномъ и колючками! Нужны мы ли неужны? — безпрестанно приходило на мысль. Или мы тотъ самый бурьянъ и есть, который предстоитъ настоящая надобность скосить? Если мы бурьянъ, то какое же сдѣлають употребленіе изъ насъ, подкошенныхъ? Отдадутъ ли на кормъ осламъ, или просто кинуть въ навозъ? Если же мы не бурьянъ, то за что же, Господи! за что же!

Странное дѣло! Въ то время когда наши души были полны скорби, въ саду, прилегавшемъ къ пустынникову дому, беззаботно чиликали птички. Да, для нихъ горизонтъ былъ чистъ и безоблаченъ; имъ не угрожала ни гласность, ни устность, ни уничтоженіе откуповъ; вокругъ нихъ природа оставалась неизмѣнною: вчера она радовала, насыщала и убаюкивала, и завтра будетъ точно такъ же радовать, насыщать и убаюкивать. Майскій солнечный день такъ и вривался въ комнату сквозь отворенную дверь балкона, вривался со всѣмъ своимъ влажнымъ тепломъ, со всѣми благоуханіями молодой, только-что распустившейся флоры. Хорошо тамъ въ саду; хорошо птицамъ, хорошо жучкамъ и мошкамъ, хорошо цвѣтамъ! Только человѣку скверно; скверно вездѣ: и на солнышкѣ, и въ тѣни, и въ саду, и на погребѣ; вездѣ преслѣдуетъ безотвязная дума, вездѣ насквозь пронзываетъ мысль о заразѣ...

«Расхитять! растащить! по кусочкамъ разнесутъ!» долженъ онъ ежемгновенно твердить себѣ, чтобы не ослабнуть духомъ. Каково тутъ жить? Каково недреманнымъ—то окомъ всю жизнь глядѣть? Ну, а чѣмъ онъ наприимѣръ виновать, если и въ самомъ дѣлѣ растащить? Развѣ онъ не человѣкъ? Развѣ не хочется ему и погулять, и выпить, и съ дѣвухами побаловать, и на птичекъ полюбоваться? Развѣ весна—то не дѣйствуетъ на него?

— А чѣмъ вы смотрѣли, покуда у васъ алонамѣренныя мысли распространились? спросятъ его быть—можетъ строгіе цѣнители чужды.

— А я, скажете, въ это время у Матрены Ивановны пироги съ грибами ѣлъ, ибо я тоже обязанъ и о соединеніи общества подумать.

— Правда. Ну, а гдѣ вы были въ то время, какъ у васъ въ оковскомъ уѣздѣ нѣкоторый продерзостивый нахаль на полной сходкѣ утверждалъ, что словесное производство лучше безсловеснаго?

— А я въ это время у себя въ кабинетѣ на приговорахъ уголовной палаты «согласенъ», «согласенъ», «согласенъ» писалъ!

— Правда.

Такого рода разговоръ можно бы продолжать хоть до завтра, и все-таки въ результатѣ ничего иного не выйдетъ, кромѣ : правда, правда и правда.

Признаюсь, еслибъ я былъ губернаторомъ, я отнюдь не затруднился бы никакимъ вопросомъ. Я бы заранѣе для себя такой катихизисъ составилъ, въ которомъ начертилъ бы простодушные, но дышащіе истиной отвѣты на всевозможные вопросы.

Вопр. Это что?

Отв. Не разорваться же мнѣ!

Вопр. А это что?

Отв. А это правитель канцеляріи напуталъ!

Вопр. Ну, а это что?

Отв. Гм... это? Помнится, что я посылалъ туда своего чиновника, а онъ ничего не сдѣлалъ! и т. д. и т. д.

Дѣла пошли бы у меня какъ по маслу, — начальство было бы довольно, я былъ бы правъ, а обыватели славословили бы имя мое.

Размысливъ все это, я почувствовалъ себя облегченнымъ; идея объ отвѣтственности уже не лежала тяжелою камнемъ на сердцѣ; призракъ слаботяннутой административной возжи не тревожилъ воображенія. Очевидно весна подѣйствовала благотворно; я даже непрочъ былъ отвѣдать грибковъ.

— Однако вы несправедливы, пустынный! молвилъ я, покоряясь новому порядку идей.

— Въ чемъ же, сударь?

— Намеднись я былъ у него по дѣламъ... Только, знаете, слово за слово, онъ мнѣ и открылся: повѣрите ли, говорить, Николай Ивановичъ, вотъ третій вицеундиръ приходится бросить, съ тѣхъ поръ какъ эти слухи пошли! Такъ вотъ оно что!

— Чтожъ, потому чтоли оно изъ него выходитъ?

— Смѣйтесь тамъ или не смѣйтесь, а что человекъ скорбитъ — это вѣрно!

— Гм... да... чай расходъ на одежду большой?

Мнѣ стало обидно и больно.

— Пустынный! сказалъ я серьезно: — поймите, что это

дѣла совѣтъ не шуточное! Вѣдь мы всѣ, сколько насъ ни есть, должны будемъ такъ—сказать сократиться... исчезнуть...

— Скорблю! вздохнулъ пустышкакъ.

— Выбсто того чтобъ смѣяться другъ надъ другомъ, намъ надлежало бы соединиться!

— О семь мечтаю и всечасно сего желаю!

— Вотъ у Ивана Николаича восемь дочерей невѣстъ: вѣдь ему и съ дочерьми исчезнуть придется!

— Яко исчезаетъ дымъ да исче—е—езнуетъ! затынулъ пустышкакъ.

— Намеднись я у Семена Петровича былъ; онъ тоже говорить: что я съ этой устностью буду дѣлать?

— Куда прочіе, туда и онъ!

— Да вѣдь люди—то какіе!

— Люди отиѣнные!

— И всѣхъ вотъ словно холерой постѣкло! Вѣдь мухъ зла не сдѣлали! Иванъ—то Николаичъ курицы въ супу не съѣсть безъ того, чтобъ не сказать: «Вотъ курочка! Кабы не плотоядность человѣческая, клевала бы ты да клевала теперь по зернышку!»

— Что и говорить!

— А вы еще обвиняете!

— Постой! Я въ чемъ обвиняю? Я въ томъ, сударь, и обвиняю, что много въ васъ добродѣтели этой развелось... да! Возьмемъ хоть губернатора: сажаетъ это всякаго, руку подаетъ — пристойно ли? Нѣтъ, вотъ я съ предѣстникомъ его хлѣбъ—соль вживалъ, такъ тотъ и слово—то молвить бывало, такъ словно укусить того—гляди! Видъ—отъ одинъ дикій что предвѣщаль!

— Однако какъ же руки не подать? согласитесь!

— Да такъ: не подавай да и шабашъ! Иной еще такой озоривкъ выищется: ты ему руку подашь, а онъ на нее плюнетъ!

Признаюсь, это предположеніе совѣтъ сшибло меня съ ногъ своею непредвидѣнностью. Во все время моей административной карьеры ничего подобнаго не приходило мнѣ на мысль — и вдругъ!..

— А ну, если и въ самомъ дѣлѣ плюнетъ? подумалъ я.

Вся кровь во мнѣ закипѣла; я явственно слышалъ какъ внутри меня разомъ поднялись тысячи голосовъ, которые кричали: въ острогъ! въ острогъ его!

— Такъ-то вотъ, сударь! Дѣло-то оно съ маленькаго начинается: тамъ посадишь, тамъ погладишь, анъ онъ ужъ и думаетъ, что и завсегда его сажать да гладить слѣдуетъ... Черти!

— Да вѣдь велѣно! сказалъ я голосомъ помытымъ отчаянія: — кому бы охота, кабы не велѣно!

— А коли велѣно, такъ стало-быть и шабашъ!

Мы умелкли; часы заунывно простонали двѣнадцать. Странное дѣло! я еще не завтракалъ, а между тѣмъ былъ такъ сытъ, какъ-будто цѣлаго осетра одолѣлъ.

— Сколько добродѣтельныхъ людей чрезъ это самое погибнуть должны! промолвилъ пустынникъ.

— Можетъ-быть и я! подумалъ я.

— Можетъ-быть и я! подумалъ пустынникъ.

Въ это время, неся подносъ и гремя тарелками, влетѣлъ въ комнату прислужникъ въ длинномъ кафтанчикѣ на манеръ ополченскаго. На подносѣ красовались вещи знакомыя, но вѣчно милыя: янтарный балыкъ, свѣжая икра, духовая осетрина, копченныя стерляди и проч.

— Ну, мы добрѣ побесѣдовали; теперь потрапезуемъ!

— Нѣтъ, нѣтъ! ужъ увольте! я сытъ!

— Чѣмъ же сытъ? развѣ у кого потрапезовалъ?

— Нѣтъ, ни у кого! Я... я просто сытъ...

— Гм... оно и вправду... какая нынче ѣда!

— Какая ѣда! повторилъ я машинально.

— Не о хлѣбѣ единомъ... такъ-то!

— Прощайте, пустынникъ!

— Куда же?

— Да надобно бы... тово...

Я хотѣлъ было сказать, что надобно бы распорядиться, но вспомнилъ, что все уже кончено, что зараза уже совершаетъ разъѣдающій кругъ свой, — и запнулся.

— Нѣтъ, ужъ прощайте!

— Ну, прощай, сударь, прощай! Я-то съ своими справлюсь; вотъ вы-то какъ?

Я взялся за шляпу и спѣшилъ уйти. Слова пустынника давили меня; никогда я не понималъ такъ отчетливо, что все кончено, никогда будущее не представлялось мнѣ въ такомъ черномъ цвѣтѣ.

— Зараза! думалъ я, возвращаясь домой: — зараза!

И такими образомъ, негибая отвъ думъ, я пробилъ въ жгутъ дель восвѣтраваши.

II

ОБѢДЪ

Блгогь четыре часа; дѣла покончены, пора обѣдать. Впереди еще остался цѣлый день, пустой и длинный день... Куда дѣваться? Куда дѣваться такъ, чтобъ уйти отвъ политическихъ саображеній, не слышать политическихъ вѣздоховъ, не видать политическихъ взоровъ? Свиданіе съ пустынникомъ положительно расстроило меня. Представьте себѣ, что когда секретарь принесъ мнѣ отвъ подпису бумаги, то я вмѣсто своей фамиліи вездѣ подписался: «зарара», «зарара», «зарара»... Хорошо, если ни одна изъ этихъ бумагъ не отправлена по начальству, а те вѣдь отвъ этихъ приказныхъ становится, что и нарочно пошлютъ — каковы тогда страхи!

Куда дѣваться? Дома оставаться нельзя, вопервыкъ потому, что дома нечего дѣлать, а ввторыхъ и потому, что мы положительно не привыкли къ уединенію. Какъ только останешься одинъ, такъ вотъ тебя и томить, такъ и сосеть что-то: десятки да двойки въ глаза мечутся, нагія влечи, розовыя улыбки, французскія рѣчи такъ и тревожатъ воображеніе... Правду говорилъ пустынникъ, что въ уединеніи черти посѣщаютъ.

— Не зайдете ли къ намъ отвѣобѣдать? вдругъ раздался подь окномъ мовнъ ласковый голосъ, и вслѣдъ затѣмъ показался украшенный брилліантовыми перстнемъ палець, который легонько постукивалъ по стеклу.

И палець, и перстень принадлежали генералу Голубчикову. Разумѣется я поспѣшилъ воспользоваться приглашеніемъ съ благодарностью.

Генералъ Голубчиковъ — тотъ самый предсѣдательствующій старецъ, у котораго восемь дочерей. Онъ любитъ и видимо ласкаетъ меня, потомучто полагаетъ, что изъ всего этого выйдеть гиней. Быть-можетъ это предположеніе и не лишено основанія, однако я еще крѣплюсь: пускай, думаю, старикъ покоинтъ!

Генералъ — очень жалелый и членовый старикомъ. Когда онъ бываетъ въ хорошемъ расположеніи духа, мы называемъ его мышиннымъ жеребчикомъ, когда же въ мрачномъ (а это случается всякій разъ, какъ только зайдетъ рѣчь объ уничтоженіи откуповъ), то каримъ меринномъ.

— Господа! сегодня нашъ генералъ въ образѣ мышинаго жеребчика! раздается въ одномъ концѣ комнаты, какъ только онъ войдетъ.

— Нѣтъ, онъ сегодня въ образѣ каряго мерина! раздается въ другомъ концѣ.

И такими образомъ шутки идутъ непрерывно, но шутки безобидныя, незлобныя, доказывающія лишь наше расположеніе къ милому генералу.

Увы! я не могу не сознаться, что съ нѣкотораго времени генералъ почти постоянно является въ образѣ каряго мерина. Глаза его тусклы, носъ какъ-то раздался въширь и вытянулся, словно хотеть слиться съ мясистыми губами; въ заушакъ его голоса слышатся что-то похужее на тонное, разслабленное. ржаникъ однимъ словомъ по всему видно, что его насквозь пронизываютъ заботы о любезныхъ восьми дочеряхъ.

Какъ и всѣ мы, генералъ гостеприименъ, но въ немъ это гостеприимство усугубляется вѣчно присущимъ воспоминаніемъ о дочеряхъ. Милые птенцы! имъ необходимы развлечения, имъ нужно общество, имъ нужны наконецъ женихи! Рассказываютъ, будто его зятьямъ не житье, а масляница: я этому очень вѣрю. Я самъ, неоднократно обѣдая у генерала, замѣчалъ канихъ-то двоихъ господъ, которыхъ генеральша разъ навсегда рекомендовала мнѣ такъ: мужа моихъ двухъ старшихъ дочерей (эти дочери были выданы замужъ еще до возникновенія слуховъ объ уничтоженіи откуповъ). Господа имѣли видъ здоровый, ѣли за обѣдомъ съ двойнымъ аппетитомъ, и никто имъ въ этомъ не препятствовалъ ни косвенными взглядами, ни тонко брошенными намекомъ на то, что вотъ дескать есть люди на свѣтѣ, на которыхъ и прѣваста нѣтъ. Напротивъ того, мнѣ даже достоверно извѣстно, что этихъ господъ не только поить и кормить, но даже одѣваютъ, обуваютъ и обшиваютъ. По этому случаю ихъ въ нашемъ обществѣ называютъ въ шутку военными мужьями.

— Да поскорѣе! весело торопился меня генералъ, куда-я облакался въ сертукъ: — вы можетъ-быть не слышали еще, что

сегодня у насъ не назатъ расширеніе получено, которое дастъ основаніи заключить, что ступа остается на неизмѣненномъ времени... да!

— Ну вотъ и слава-богу! отвѣчалъ я такъ же весело. Съ одной стороны меня радовала мысль, что хоть на этотъ разъ я убѣгу отъ политики, съ другой стороны я все-таки невозможо говорилъ самъ собою: пускай старикъ поконитъ! пускай его!

Я вышелъ; мы поздоровались.

— Представьте какъ все это неожиданно вышло: слышите вы сегодня въ налатъ и по обыкновенію рассуждаете о томъ, что ожидается впередъ нашу матушку Русь православную, какъ вдругъ приходитъ пакетъ. Раскрываю — и что же напримѣръ вижу? «Снисходя, говорить, къ ходатайству грека Мерзоконаки, оставляемъ...» ну, однимъ словомъ оставляемъ, да и все тутъ!

Генералъ хихикнулъ, какъ-будто его кто-нибудь нечаянно щемотнулъ вальцемъ подъ мышкой.

— Ну и слава-богу! повторилъ я.

— Я впрочемъ заранѣе зналъ, что это такъ будетъ! Да оно, коли хотите, и неправдоподобно! Не было еще примѣровъ въ исторіи, чтобъ правительство просвѣщенное добровольно отказывалось отъ такихъ полезныхъ сотрудниковъ.

— Да, объ нихъ именно можно сказать, что это истинные вѣрноподанные!

— Это такъ. Потому живутъ смирно и ничего не задѣваютъ!

— Мало того, что не задѣваютъ, но всегда такъ-сказать на общую пользу стремятся!

— И это опять-таки именно такъ. Ктѣ во время послѣдней войны неестественныя суммы, съ лѣвнымъ для себя ущербомъ, на торгахъ набавилъ?

— Мерзоконаки в Лампурдосъ!

— Ктѣ нашего губернатора изъ бѣды выручилъ, когда вѣдь было женскія училища вездѣ заводить?

— Лампурдосъ и Мерзоконаки!

— Ктѣ обществу угодилъ, когда оно постоянный театръ имѣть нежелало?

— Лампурдосъ, Лампурдосъ и Лампурдосъ!

— Какъ вспоминать да соединить все это въ одинъ фокусъ, такъ оно денегъ-то и шороховъ выйдеть!

— Чтѣ ужъ и говорить!

— А вѣдь нѣтъ тоже съ деньгами-то чай жалъ расставаться-то! А вѣдь они даже вида этого не поддадутъ, что жалъ! А вѣдь у нихъ только и словъ, что «сейчасъ» да «съ нашими удовольствіями!» Сами-то те-есть вроткій, безотыбный народъ!

Такимъ образомъ, славословъ Лашпурдеса, мы дошли до семейной квартиры генерала. Столъ былъ уже накрытъ и наша встрѣтила въ залѣ сама Прасковья Петровна, которая пріивѣтствовала меня самымъ утонченнымъ образомъ. За мною стояла Nathalie, та самая, на которую старикъ Голубчиковъ наиболѣе рассчитывалъ въ отношеніи гимназій. Я взглянулъ на нее, и какъ нѣтъ быть въ отличномъ расположеніи духа, то мнѣ опять пришлось на шельмъ: пускай старикъ покопится! пускай!

Надобно сказать правду, что въ наружности Nathalie было нѣчто двойственное. Когда она имѣла основаніе надѣяться и чувствовала себя счастливою, то была похожа на мать и могла нравиться; когда же сладкія надежды гимназій похищали ее и будущее покрывалось чернымъ флеромъ, то была похожа на отца, и нравиться не могла. Сколько разъ бывало, видя ее въ этомъ послѣднемъ образѣ, я съ досадою восклицалъ: отъ унѣ этотъ мнѣ карій меринъ! даже хамелеоново свое преліатею потомству передалъ! Однако дѣлать было нечего.

На этотъ разъ Nathalie была похожа на отца. Вообще съ нѣкотораго времени на всемъ домѣ генерала лежала словно опаляющая кака-то. Неговоря уже объ немъ самомъ, все семейство его очевидно скорбѣло. Прасковья Петровна, несмотря на утонченную свѣтскость манеръ, предписывающую выказывать какъ можно больше равнодушія къ житейскимъ мелочамъ, безпрестанно прерывалась. То не донесетъ до рта ложки съ супомъ, и съ крикомъ: «ахъ, это ужасно!» положить ее опять въ тарелку; то потянется, чтобъ достать соли, но на обратномъ пути почувствуетъ дрожаніе въ рукѣ и разсыплетъ свою пошу на столъ и т. д.

— Хоть неѣвши сиди! говаривалъ мнѣ некогда генералъ, съ полными глазами слезъ.

Да, политическіе кризисы ужасны; они возбуждаютъ чувства и уничтожаютъ апетитъ. Но еще чаще бываетъ такъ, что апетитъ остается прежній, а органы, долженствующіе служить ему, внезапно, вслѣдствіе какинъ-то мелочнаго политическаго соображенія, отказываются отъ исполненія своихъ обязанностей. Несноснѣе этого положенія ничего быть не можетъ. Чело-

дѣтъ, постигнутый такимъ несчастіемъ, постепенно дѣлая и выдѣтая, дѣлается наконецъ способнымъ только ронять ножи в валки, которые, какъ орудія бѣды, во всякое другое время могли бы доставить ему полное удовольствіе. Только во время глубокаго мира, когда политическій горизонтъ совершенно безоблаченъ, можно найти полную гармонию между апетитомъ и чувствами; только тогда они пополняютъ и даже такъ—сказать, подстрекають другъ друга: чувства рождаютъ новый апетитъ, апетитъ рождаетъ новыя чувства. Веселіе и пріятіе этого положенія нельзя себѣ ничего вообразить.

— А я, ма сѣге, пріятную новость привезъ! началъ генералъ.

— Ну вотъ и прекрасно! А то, признаюсь вамъ, Николай Ивановичъ, даже противно жить стало: кругомъ все только пошлости однѣ слышишь!

— Да вы спросите напередъ, какую новость-то! сказала я, желая нѣсколько помучить генеральшу: — вѣдь дозволено оглашать всѣ злоупотребленія... и съ именами, Прасковья Петровна, съ именами-съ!

— Да кому же и гласное судопроизводство вводится! брякнулъ за мной генералъ, любезно подмигивая мнѣ.

Но генеральша не могла видѣть подмигиванья, потому что съ ней сдѣлалось дурно. Разумѣется генералъ струсилъ и засуетился около нея; онъ безпрестанно хлопалъ ей по ладони и нѣжными голосомъ ворковалъ на ухо:

— Ма сѣге! я пошутить! Этого не будетъ! этого никогда не будетъ! Напротивъ того, откупа продолжены, а типографіи всѣ до одной закрыты!

— А! слабо вскрикнула Прасковья Петровна.

Признаюсь, я не ожидалъ, чтобъ слово «откупъ» заключало въ себѣ такую магическую силу. Конечно, всѣ мы, члены великой отечественной консервативной партіи, чувствуемъ искреннюю преданность къ откупщику, но это все-таки не мѣшаетъ намъ сохранять нѣкоторый decorum въ выраженіи чувствъ нашихъ. Съ стороны генеральши подобный поступокъ могъ быть объясненъ только силою материнскихъ чувствъ и деликатностью женскихъ нервъ.

— Маманъ всегда такъ! Когда рара въ первый разъ получалъ конфетку, то откупщикомъ всѣхъ выгоняють, то она по пяти

разъ въ дѣнь въ обморокъ падала! сонка была! мнѣ на ухо Nathalie.

— Какая однако милая дѣвушка! подумалъ я.

— Потому что видъ нашъ нельзя, продолжала Nathalie: у рара денегъ не будетъ, если откупщиковъ выгонять.

— Ну, деньги-то у рара пожалуй и теперь есть! подумалъ я.

Между тѣмъ генеральша оправилась совершенно; она ужъ шутила и даже пребольно выдрала генерала за ухо за его немѣстную выходку.

— И вамъ бы тоже слѣдовало сдѣлать, сказала она, обращаясь ко мнѣ: — да такъ ужъ и быть, на этотъ разъ я снисходительна.

Въ глазахъ ея я прочелъ: «прощаю тебя, но сдѣлай же милость не медля: сдѣлай счастливою мою дочь!»

— Мaman! вы однакожъ забыли, что къ рара письмо изъ Петербурга есть? вступилась Nathalie.

— Ахъ да, дѣйствительно къ тебѣ есть письмо, Jean; enfants, apportez donc la lettre à rара!

Я совершенно согласенъ, что лучше, еслибъ этого письма совсѣмъ не было, но ужъ во всякомъ случаѣ было бы лучше, еслибъ оно пришло послѣ обѣда. Едва генералъ прочиталъ нѣсколько строкъ, какъ уже позеленѣлъ отъ верхняго края до нижняго; сердца всѣхъ присутствующихъ сжались болѣзненнымъ предчувствіемъ.

— Вотъ такъ штука! сказалъ наконецъ генералъ какимъ-то унылымъ голосомъ, какъ-будто всѣ внутренности его въ одну минуту отсырѣли.

Въ письмѣ было изображено:

«Нѣтъ сомнѣнія, что вы уже получили, почтеннѣйшій другъ, распоряженіе насчетъ продолженія откупной системы. Скажу безъ хвастовства: нужно было много ловкости, чтобъ при настоящемъ откупновраждебномъ настроеніи умовъ провести нашу мысль, однако мы не пощадили ни трудовъ, ни издержекъ, и провели. Но не спѣшите радоваться, ибо радоваться въ наше время столь же несовѣстно, какъ и мечтать о временахъ пеллагия, но увы! невозвратимаго отечественнаго благополучія. Едва успѣли мы покончить, какъ противная партія уже ударила въ набѣтъ. Что говорилось и писалось по этому случаю, того бу-

нашъ доверитъ не могу; однако волонеры рину на сердце окажу: уши вянуть! Подобно злымъ и неотвязнымъ шавкамъ выбросились школяры на нашъ проектъ, и неистовымъ своимъ крикомъ (именно одинокимъ крикомъ) успѣли—таки поколебать величественное званіе его.

«Мы стояли на твердой почвѣ и упирались въ казенный интересъ; противники наши приводили возраженія мечтательныя и опирались на требованія нравственности. «Нравственность — говорили мы — есть вещь второстепенной важности, когда дѣло идетъ объ интересѣ казны и славѣ любезнаго отечества» (вамъ должно быть по опыту извѣстно, почтеннѣйшій другъ, что слава безъ денегъ мертва есть). — «Интересъ казны — возражали наши противники — есть вещь второстепенной важности, когда дѣло идетъ о нравственности.» И такимъ образомъ сговориться никакъ не могли, тѣмъ болѣе что и самое преніе какбы о томъ только шло, чтобы сказуемое намѣсто подлежащаго поставить, а подлежащее намѣсто сказуемаго. Все сіе было бы смѣшно; еслибъ не заключало въ себѣ, какъ въ зернѣ, зачатка самыхъ горькихъ послѣдствій. Границы російскія, какъ вамъ извѣстно, обширныя, — войска требуется пропасть; народъ русскій многочисленъ и склоненъ къ увеселеніямъ — полиція требуется пропасть — всего и не перечесть... Съ одной стороны обширность, съ другой лѣснотость и малообработанность — вотъ положеніе нашего любезнаго отечества въ финансовомъ, экономическомъ и административномъ отношеніяхъ! Дыннѣ все это шло, все это удовлетворялось: обширность была обезпечена, лѣснотость уничтожалась, къ воздѣлыванію полей принимались ищры. Откуда извлекались средства для всего этого? спрашиваю я васъ. Откуда, какъ не изъ откуповъ? Они представляли и для государства и для общества убѣжище постоянное и непоколебимое; они изображали собой шкатулку, въ которую всякій достойный гражданинъ свободно запускать руку, безъ опасеній завязать ее. Тутъ была цѣлая государственная теорія, намѣсто которой нынѣшніе мечтатели предлагаютъ что? Предлагаютъ нравственность!.. Скучно слушать! И тѣмъ менѣе побѣдили! Откупа окончательно и безвозвратно уничтожены...

«Итакъ же въ этомъ случаю не выразить моего искренняго сожалѣнія о васъ и о всемъ вашемъ почтенномъ семействѣ. Знаю по себѣ, что подобные удары переносить не легко, но ду-

нам, что упряміе на милость божию и въ семь крайнихъ случаевъ не оставитъ васъ. Она одно...

И т. д. т. д.

Подписалъ: «Георгій Дамурдосъ».

Описать сцену ужаса и смятенія, которая произошла вслѣдствіе чтенія этого пасьяма, я не въ силахъ. Скажу одна: лица у дочерей повѣсть вытанулись, и на лицахъ этихъ я очень явственно могъ прочесть, что женщины улетѣли. Наемные мужья, пользуясь общей суматохой, незамѣтно удрали. Генераль, вдругъ преобразившись въ каряго мерина, шагаль по комнатѣ и безирегулярно повторялъ, что жманъ есть обманъ. Генеральша, едва замѣтно вздрагивая ногами, возражала, что жизнь есть совѣсть не обманъ, а что напротивъ того, дураки сами во всемъ виноваты.

— Представьте себѣ, Николай Ивановичъ! сказала она, обращаясь ко мнѣ: — даже въ дѣтихъ эта зараза дѣйствуетъ! Намедни, на балѣ у Пеструшкиныхъ, подходит мой Иванъ Николаичъ къ сыну Шалимова, гимназисту, и хочетъ, знаете, по щелкѣ его потрепать... Только какъ бы вы думали, что этотъ мальчишка слѣпалъ? Повернулся эдакъ къ нему спиной, да говорить: я, говорить, съ вами незнакомъ, потомучто вы откупа защищаете!

— Ссс...

— Нѣтъ, да каковъ клопъ! Вѣдь отъ земли не видать, букашка, а туда же въ политику лѣзетъ!

— Скажите пожалуйста!

— Право! Какъ же теперь можемъ мы жаловаться, когда ужъ дѣтей своихъ не умѣемъ въ истинныхъ правлахъ воспитать! Когда мы сами вездѣ кричимъ: откупа гадость! крѣпостное право мерзость! Ну и декричались!

— Я, ша сѣбе, никогда ничего подобнаго не кричалъ! отказался генераль.

— Ахъ отстань пожалуйста! Не объ тебѣ и говорить!

— Я положительно отъ того терплю, что жизнь есть обманъ! приставалъ генераль.

— Да отстань же слѣдай милость! Развѣ кто-нибудь съ тобой объ этомъ спорить!

— Я положительно утверждаю, что жить въ настоящее время не только гадко, но и не безопасно.

... Генеральша встала плечами.

— *Regardez, въ мікрокосмѣ: на каплю воды — вы увидите, что микрочорія съ жадностью пожираютъ другъ друга! Взгляди, те на нашу человѣческую міръ даже безъ увеличительнаго стекла — вы увидите, что люди съ такою же жадностью пожираютъ другъ друга, какъ и безмысленныя микрочоріи.*

— *Mais qu'est-ce qu'il a donc?* сказала генеральша, съ беспокойствомъ глядя на мужа.

— Я положительнo удостовѣрю, что Лампурдосъ подлець! провозгласилъ генераль торжественно.

Генеральша вскочила со стула и, блѣдая перепуганная устремилась къ мужу.

— *Jean!* что съ тобой, другъ мой? сказала она.

— Грѣхъ Лампурдосъ подлець, потому что лишилъ меня апетита! Грѣхъ Лампурдосъ подлець, потому что не будь его поганнаго письма, я былъ бы въ настоящую минуту счастливъ! Вотъ все что я желаю сказать!

Генераль заплакалъ.

— За докторомъ! ради-бога за докторомъ! вскрикнула встревоженная генеральша.

— Меня ни одинъ докторъ лечить не станетъ! продолжалъ жаловаться генераль: — мнѣ даже крошка-Шалимовъ въ глаза сказалъ, что я ретроградъ... да! О, еслибъ я былъ либераломъ! Я былъ бы теперь здоровъ, и всякій докторъ согласился бы лечить меня съ удовольствіемъ!

Генеральша металась; малыя дѣти взвизгивали и машинально хватились за фалды генерала, словно боялись, что онъ улетитъ... Смутно стало на душѣ моей. Съ одной стороны мнѣ представлялся вопросъ: неужели я и обѣдать сегодня не буду? съ другой стороны, взирая на генерала, я невольно говорилъ самъ съ собою: ну пѣтъ, братъ! копить ты ужь больше не будешь!

— *Kushatъ подано!* гаркнулъ въ это время лакей.

Никто не тронулся.

— *La soupe est sur la table, maman!* робко подсказала *Nathalie*, которая, надо сказать правду, и въ мирное и въ смутное время кушала съ одинаковымъ апетитомъ.

Но генеральша такъ строго взглянула на дочь, что та навѣрное отпустила себя языкъ.

Я увидѣлъ, что надеждамъ моимъ суждено разлетѣться въ прахъ, всталъ за спящую и поспѣшнo ушелъ. На другой день эта

городъ зналъ, что генераль дѣлался рассудка, что онъ безъ умолку говоритъ каки-то странныя рѣчи, упоминаетъ о грѣшѣ Лампурдосѣ и грозить дѣтлѣмъ, что если она будутъ дурно уметься, то онъ отдастъ ихъ въ ретрограды, а сама останется въ либералахъ и будетъ носить бѣлый колпакъ.

III

НА БАЛЬ

Въ бывалыя времена, когда губернаторша желала повеселить себя и своихъ demoiselles, то просто говорила губернатору:

— Губернаторъ! чтоже ты не прикажешь откупщику балъ дать?

— Можно! отвѣтствовалъ обыкновенно губернаторъ, и тотчасъ же посылалъ за откупщикомъ.

— Балъ? вопрошалъ губернаторъ.

— Можно-съ, отвѣтствовалъ откупщикъ.

И дѣло устроивалось легко, просто и умиительно. Губернаторъ оставался доволенъ, что онъ далъ возможность откупщику повеселиться; откупщикъ оставался доволенъ, что онъ хотя на нѣсколько часовъ могъ послужить въ нѣкоторомъ смыслѣ административнымъ орудіемъ для соединенія общества.

Нашъ глуховскій губернаторъ не дальнозорокъ (употребляю это слово не въ обилномъ для этого сановника смыслѣ, но просто желая выразить, что онъ близорукъ). Помѣщики знаютъ это и говорятъ: «это ничего»; чиновники знаютъ это и говорятъ: «это ничего»; наконецъ мѣстные либералы знаютъ это и говорятъ: «это ничего». Для всѣхъ «ничего», — стало-быть очень хорошо.

— Съ своей стороны скажу: это хорошо, именно потому, что это «ничего». Горе тому граду, въ которомъ «князь» юнъ, усерденъ по службѣ и не чуждъ разговорамъ о прогрессѣ. «Князь» можетъ забрать себѣ въ голову, что онъ благонамѣреннѣйшій и образованнѣйшій человекъ, и чортъ знаетъ чего надѣлаетъ! Почнетъ вунцовъ за бороды трясти, а помѣщикамъ реприманды дѣлать, почнетъ женскія гимназій устраивать, почнетъ заботиться

о распространеніи общества трезвости... однимъ словомъ учредить нѣчто вродѣ временнаго землетрясенія.

Нашъ начальникъ края принадлежитъ къ такъ-называемой старой школѣ. Онъ управляетъ съ прохладю, любитъ поѣсть, попить и повать съ барынями, о прогресѣ же не имѣетъ никакого понятія. Зато чиновники боготворятъ его, зато помещики безпрестанно зовутъ его къ себѣ откушать, зато откупщикъ устраиваетъ въ честь его обжорныя торжества и говоритъ на нихъ благодарственные речи, въ которыхъ сравниваетъ его съ Минервою; зато землетрясенія ни временнаго, ни постоянного у насъ нѣтъ и не бывало. Зато онъ пріѣхалъ къ намъ на губернію худенькій и мизерненькій, а въ два года отѣлся такъ, что сдѣлался совершенной кубышечкой, и только послѣднія моральныя потрясенія возвратили его къ первоначальной худобѣ и мизерности.

На дняхъ какъ-то губернаторша, по старой привычкѣ, обратилась къ мужу съ обычнымъ вопросомъ относительно устройства какого-либо увеселенія.

— Губернаторъ! сказала она: — ты забываешь, душа моя, что откупщикъ ужъ третій мѣсяцъ ничего не дѣлаетъ!

— Мож... отвѣчалъ было губернаторъ, но потомъ спохватился, и махнувъ рукою, прибавилъ очень рѣшительно: — нельзя!

— C'est inconcevable! сказала губернаторша.

— Чего тутъ «inconcevable!» запальчиво возразилъ губернаторъ: — ты знаешь ли, сударыня, что за нами съ тобой нынче тысячи глазъ наблюдаютъ?

Въ это время маленькій Володя (сыночекъ ихъ превосходительствъ) навелъ на татапа свое зеркальце (на дѣтскомъ языкѣ это называется *устроить зайчика*), и отраженіе свѣта на минуту ослѣпило глаза ея. Губернаторша подумала, что это смотреть тѣ самые тысячи глазъ, о которыхъ только-что упомянулъ губернаторъ.

— Во всякомъ случаѣ хоть намъ самимъ да слѣдуетъ что-нибудь устроить! сказала она: — вѣдь это невозможно: *Aglaé* и *Cléopâtre* (*rauvres petites!*) совсѣмъ никакихъ развлеченій не видѣютъ!

— Я самъ объ этомъ... да! надо положить конецъ этимъ расиранъ, надо соединить обѣ партіи! пробормоталъ губернаторъ, какбы обдумывая нѣчто грандіозное.

— Ну вот и красиво! Кечати же, ны тамъ давно не доставляли никакихъ удовольствій обществу!

Слово «партіи» не ново въ провинціи; но значеніе его на нашихъ уже глазахъ совершенно измѣнилось. Въ прежнія времена у насъ обыкновенно свирѣпствовали двѣ партіи: стараго предводителя дворянства и новаго предводителя дворянства. Обѣ партіи исключительно занимались тѣмъ, что объѣдали и опивали своихъ патроновъ и бушевали на выборахъ, кладя имъ шары направо, поднося имъ шары на блюдѣ и вообще оказывая самые разнообразныя знаки всевозможной преданности. Тутъ борьба не имѣла никакого политическаго отбѣнка, тутъ дѣло шло единственно о томъ, кто кого перекуормитъ. И, Господи! что за объѣды, что за объѣды происекали изъ этого благороднаго соревнованія! Петръ Петровичъ шесть недѣль спаввааетъ съ круга какого-то благорожденнаго телянка, холить и ублажаетъ нѣкоторую необычайную свинью; бѣлые какъ снѣгъ поросята визжать и мнутя отъ желудочныхъ болей, слѣдствія неслыханнаго обжорства... Партія Петра Петровича притаила дыханіе, взирая на эти приготовленія, и заботится только о томъ, чтобъ Иванъ Яковлевичъ какъ-нибудь не прозналъ объ нихъ и не успѣлъ отразить ударъ чѣмъ-нибудь въ томъ же родѣ. Но Иванъ Яковлевичъ тоже не промахъ; съ помощью преданныхъ ему клеветовъ онъ зорко слѣдитъ за своимъ противникомъ, и въ то время какъ тотъ торжествуетъ мысленно побѣду, онъ наноситъ ему ударъ въ самое сердце, посылая въ Москву за такую провизіей, о которой мудрецамъ глуповскимъ и во снѣ не снилось.

— Фазановъ! фазановъ! фазановъ! кричитъ онъ восторженно и отъ нетерпѣнія даже подпрыгиваетъ.

И вотъ черезъ какой-нибудь день послѣ объѣда у Петра Петровича, гдѣ гости до оглушенія объѣдались несслыханными колбасами и чудодѣйственною телятиной, устраивается объѣдъ у Ивана Яковлевича, гдѣ гостямъ предлагаютъ фазановъ и тончайшее вино въ бутылкахъ съ золотыми ярлыками... Чудное время! гдѣ ты?

Мы, претержающія власти, а также тѣ изъ благоразумныхъ людей, которые находили для себя выгоднымъ равно уважать и Петра Петровича, и Ивана Яковлевича, — мы съ одинаковымъ

решимъ ѣли и у того и у другого. Мы ѣли и радовались, что въ отечествѣ нашемъ процвѣтаетъ гостепріимство, что въ отечествѣ нашемъ отнамливаются такіа неслыханныя свиньи, и что это не мѣшаетъ фазанамъ населять отечественныя лѣса, безопасно перелетая съ одной вѣтки на другую. Души наши вытѣмъ не возмундались, ибо мы были чисты; сердца наши стучали въ груди ровно, ибо мы были пьяны: понятно, какое благотворное вліяніе оказывало это обстоятельство на дѣла.

Увы! партіи остались, но это партіи такъ—скажете голодныя. Нынче не ѣдятъ и не пьютъ, но разговариваютъ. Доромъ кажется, что міръ долженъ потонуть въ потокѣ словесъ, стонесъ и восклицаній. Завелись ретрограды, завелись либералы красные, либералы умѣренные, завелись даже такіе люди, которые соглашаются и съ одними, и съ другими, и съ третьими, и надѣются пройти какъ—нибудь посередкѣ (не потомуки ли это тѣхъ доблестныхъ мужей, которые во времена оны обѣдывали и у Петра Петровича, и у Ивана Яковлевича?) И, странное дѣло! прежніе люди партій, встрѣчаясь въ обществѣ, все-таки подавали другъ другу руки и даже взаимно другъ у друга обѣдывали; вытѣшніе не только взаимно не угощаются (и самимъ—то вѣдно перекусить нечего!), но даже выказываютъ другъ другу совершенное презрѣніе, выражая оное шлепками, пощечиними и шаваніемъ въ глаза... Вотъ какъ ожесточилось человѣчество въ каіе—нибудь два года!

У насъ въ настоящее время двѣ партіи: ретрограды и либералы (разумѣется умѣренные). Представителемъ первыхъ служитъ Сидоръ Петровичъ (сынъ Петра Петровича), представителемъ послѣднихъ — Эмманюель Ивановичъ (сынъ Ивана Яковлевича). Чего хотятъ ретрограды, чего добиваются либералы — понять очень трудно. Съ одной стороны ретрограды кажутся либералами, ибо составляютъ оппозицію, съ другой стороны либералы являются ретроградями, ибо говорятъ и дѣйствуютъ такъ, какъ бы состояли на жалованьи. Повторяю: понять очень трудно. Если же захотѣтъ объяснить, какой смыслъ имѣетъ у насъ слово «оппозиція», то навѣрное въѣдешь въ такой дремучій лѣсъ, изъ котораго потомъ и дороги не найдешь. Скажу одно: если гляться за опредѣленіями, то первую партію всего правичше было бы назвать ретроградною либераліей, а вторую — либеральною ретроградіей.

Наши начальники край истинно сокрушались, взирая на все эти раздоры.

— Ахъ, мой серж, неразъ говаривалъ онъ мнѣ: — мнѣ хотѣлось бы, чтобъ все это было полегче да потише...

Желаніе вполне законное. По мнѣнію его благосостояніе губерній было нарушено, ибо благосостояніе это тогда только возмоще, когда помѣщики совершенно довольны. Сколько положили онъ труда, чтобъ умирить враждующія стороны! Сколько истинно-сводническихъ способностей выказалъ онъ, перебѣгая изъ одного лагеря въ другой и успѣвая пошептаться а разѣ со всякимъ изъ враждующихъ членовъ! И все вотще! Члены, вмѣсто повиновенія его желанія, показывали ему языки (да, нынче и это дѣлается!) и даже съ дерзостью замѣчали, что онъ суется не въ свое дѣло. Балъ представлялся послѣднимъ, крайнимъ средствомъ для сближенія враговъ.

— Если и послѣ того я не успѣю, сказалъ начальникъ края, — тогда...

Онъ хотѣлъ сказать: «тогда выйду въ отставку», но запылуясь и подумавъ: «тогда... я останусь на службѣ попрежнему!»

Когда мы пріѣхали, балъ былъ въ полномъ разгарѣ. Волнующееся море танцующихъ пестрѣло самыми яркими и разнообразными цвѣтами; дамы граціозно колыхались; кавалеры нахвастывали любезности и выдѣлывали такіе па, которые положительно доказывали, что они съ честью выдержали весь курсъ петербургскихъ шицбаловъ. Въ одномъ углу интересная блондинка мѣла подъ звуки рѣчей мѣстнаго льва, Свербиллы-Замбражцкаго, который рассказывалъ, что вчера проигралъ въ ступолку послѣдніе пять цѣлковыхъ, что сегодня утромъ онъ успѣлъ изобличить во взяткѣ своего надсмотрщика и что однажды въ Петербургѣ въ него влюбилось разомъ пять княгинь. Въ другомъ углу очень бойкая брюнетка спрашивала своего кавалера: что вы зѣваете? Танцующихъ обступила густая толпа праздныхъ зрителей, которыхъ довольныя лица казалось говорили:

— Эге! да вѣдь это все наши!

Хорошая вещь балъ, господа, но въ особенности хорошъ балъ въ провинціи. Онъ хорошъ тѣмъ, что служитъ какбы продолженіемъ нашихъ домашнихъ дѣлъ, что никто изъ насъ не передѣлываетъ себя по этому случаю, что все мы находимся

какбы въ семейномъ кружкѣ своемъ. Въ этой непринужденности отношеній есть своя особенная, неисчерпаемая прелесть. Хотя мы знаемъ другъ друга наизусть, знаемъ всѣхъ этихъ женщинъ съ благоухающими плечами и цвѣтущими улыбками, но это не мѣшаетъ намъ видѣть другъ друга каждый разъ все съ новымъ и новымъ наслажденіемъ. Причина такого явленія, я полагаю, заключается въ томъ вопервыхъ, что мы сами очень ужъ милы; а вовторыхъ въ томъ, что намъ не нужно много затрудняться и насиловать воображеніе, чтобъ найти предметъ для разговора. Предметы эти общи намъ всѣмъ въ равной степени, и хотя мало разнообразны, но зато прямо вытекаютъ изъ нашего существованія и потому затрогиваютъ насъ гораздо сильнѣе, нежели какой-нибудь вымученный разговоръ о преимуществахъ Тамберлика надъ Кальцоляри. Тѣ, которые распространяютъ мнѣніе о чопорности провинціальныхъ баловъ, — тѣ или клеветаютъ на провинціи, или не знаютъ сами о чемъ говорятъ или пишутъ. Да, они не видали тѣхъ подмигиваній и улыбокъ, которыя пересылаются отъ одного конца залы въ другой, они не слышали тѣхъ веселыхъ побрякиваній, которыми сосѣдъ сосѣду выражаетъ свою мысль. Чтоже касается до того, что на провинціальныхъ балахъ царствуетъ чинопочитаніе, то это и не можетъ быть иначе: чинопочитаніе существуетъ въ природѣ, а потому нѣтъ резона не быть ему и на балахъ.

Въ самыхъ дверяхъ зала я встрѣтился съ Сидоромъ Петровичемъ, и съ перваго же взгляда убѣдился, что предпріятіе нашего почтеннаго начальника края совершенно не удалось.

— Скажите пожалуйста что это съ вашимъ префектомъ сдѣлалось? совсѣмъ чтоли онъ голову потерялъ? — обратился ко мнѣ этотъ ретроградъ.

Сидоръ Петровичъ въ шутку называлъ всѣхъ вообще губернаторовъ префектами, ибо стоялъ за selfgovernment, а централизацию признавалъ вреднымъ порожденіемъ наплыва французскихъ демократическихъ идей. Съ другой стороны Эмманюель Ивановичъ называлъ всѣхъ губернаторовъ пашами, потому что былъ сторонникомъ самой строгой административной централизации и находилъ, что наше губернское учрежденіе есть горькій плодъ нашей древней азіатской распущенности.

— Развѣ что-нибудь случилось? спросилъ я.

— Чего «случилось»? Онь кажется вознамѣрился иныище потѣшить публику увеселительнымъ представленіемъ! Вообразите: вѣдь онъ выдумалъ сводить меня съ нашимъ дожорощеннымъ Лафайетомъ... да вѣдь такъ и толкаетъ, такъ и толкаетъ! А тутъ ему сдуру Лампадииковъ взялся помогать: тотъ Лафайета на меня толкаетъ — чуть было носы намъ не разбили! Изволите видѣть, это у нихъ называется примирать враждующія стороны!

— Вѣроятно однакожь его превосходительство имѣлъ при этомъ въ виду какую-нибудь благонамѣренную цѣль...

— Да чортъ его дери съ его благонамѣренными цѣлями! да какое намъ дѣло до его цѣлей!

— Однакожь согласитесь сами, Сидоръ Петровичъ, его превосходительство, какъ начальникъ края...

— Нѣтъ, да вы представьте себѣ: вѣдь такъ и толкаетъ! такъ и толкаетъ! «Позвольте, господинъ префектъ, говорю я ему: — развѣ въ вашихъ instructions такъ написано, чтобъ толкаться? Да вы за маленькаго чтоли, или за вашего adjoint или substitut меня принимаете?» Такъ вѣдь нѣтъ, не унялся: щекотить у меня подъ мышками да и полно! Насилу вѣдь освободились!

— Ахъ, какъ это неприятно! Куда-жь вы теперь?

— Домой, батюшка, домой, и съ этой минуты на всѣ эти bals de la préfecture ни шагу! Нѣтъ, да каковъ однако? Щекотаться выдумалъ!

— Послушайте, Сидоръ Петровичъ: вашъ отъѣздъ можетъ глубоко огорчить начальника края... Конечно, я совѣтовать вамъ не смѣю, но съ своей стороны полагалъ бы, что благоразумное снисхождение и такъ-сказать покорность волѣ начальства...

Но я не успѣлъ кончить, потомучто Сидоръ Петровичъ какъ-то странно обозрѣлъ меня съ ногъ до головы и тотчасъ же началъ спускаться по лѣстницѣ. «Эге! подумалъ я, да какой же ты ретроградъ! Ты, братъ, либераль, да еще какой — въ носъ бросится!»

Между тѣмъ въ кабинетѣ его превосходительства разыгрывалась другая исторія. Начальникъ края стоялъ посреди комнаты совершенно растрепанный и застѣчиво выслушивалъ заносчивыя рѣчи Эммануэля Ивановича. Гости сжались и притаились; нѣкоторые изъясляли явное намѣреніе улизнуть, другіе попрыта-

лись къ сторонѣ, но ни одинъ не пикнулъ. Среди этой всеобщей тишины правольно было раздаваться громовому голосу нашего либерала.

— Вы обязаны были, государь мой, кричать онъ, — предвѣрительно освѣдомиться, пріятно ли будетъ мнѣ... да, мнѣ! а не подмигивать какому-нибудь башки-бузуку Лампадикову толкаться!

— Эмманюель Иванычъ! повѣрьте, я никакъ не думалъ, чтобъ вы такъ горячо приняли такое дѣйствіе, которое въ сущности заключало въ себѣ лишь желаніе примирить двухъ благонамѣренныхъ согражданъ и...

— Я, государь мой, ни съ кѣмъ не ссорился! Я имѣю свои политическія убѣжденія, Сидоръ Петровичъ свои! Мы можемъ оспаривать другъ друга, мы можемъ даже враждовать, но толкать себя никому не позволимъ! *Jeu de mains, jeu de vilains*; время пашей прошло безвозвратно, государь мой! Вы должны бы болѣе другихъ помнить и понимать, что мы живемъ въ цивилизованномъ государствѣ, которое нѣкогда имѣло во главѣ своей блаженной памяти государя императора Петра-великаго и которое мы имѣемъ честь и счастье называть своимъ отечествомъ!

— Но, повѣрьте...

— Извините, мнѣ здѣсь не мѣсто!

Сказавъ эти слова Эмманюель Иванычъ вышелъ, гордо потрясая головой. Зрители мгновенно вышли изъ оцѣненія и зажуужали какъ шмели въ рою. Всѣ до одного выражали непритворное соболѣзнованіе о нашемъ добромъ начальникѣ, который за свое усердіе и благонамѣренность вознагражденъ столь наkostenнымъ образомъ. Но начальникъ стоялъ блѣдный, приложивъ палецъ къ носу и какбы въ забытіи повторялъ:

— Стало-быть толкаться нельзя... славно!

— Мое почтеніе, ваше превосходительство! сказалъ я, подходя къ нему.

— Здравствуйте! Вы слышали что онъ говорилъ?

— Отчасти, ваше превосходительство; я пришолъ ужъ на самомъ кончикѣ...

— Да, у него отличный даръ слова! я всегда это утверждалъ, и теперь утверждаю! Тотъ... Сидоръ... тотъ ничего!

Поболталъ—поболталъ руками — и дѣло съ концомъ! А этотъ... орелъ!

Я смутился; я уже надѣялся, что въ третій разъ буду свидѣтелемъ умственнаго разстройства.

— Онъ говоритъ, что толкаться не слѣдуетъ, это такъ! продолжалъ между тѣмъ начальникъ края: — но развѣ я толкался? Я просто хотѣлъ ихъ свести... я просто желалъ, чтобъ общество наше не помрачалось...

— Несомнѣнно, что цѣль вашего превосходительства была самая благонамѣренная...

— Не правда ли? Вѣдь я имѣлъ не только право, но и обязанность такъ поступить? Вѣдь мое назначеніе какое? Мое назначеніе быть миротворцемъ, мое назначеніе улаживать, соединять, предотвращать... а онъ говоритъ, что я толкаюсь!

Но хотя мы всѣмъ хоромъ спѣшили подтвердить, что сводить людей еще не значитъ толкаться, гармонія была уже нарушена. Губернаторъ повѣсилъ носъ, губернаторша бросала окрестъ безпокойные взоры, губернаторскія demoiselles танцую болтали руками, что случалось съ ними лишь тогда, когда ихъ волновали политическія соображенія.

— Я бы этого стараго Манюшку (презрительное отъ «Эмманюель») за ноги повѣсилъ! Просто всю семейную картину испакостилъ, подлець! — шепнулъ мнѣ на ухо тотъ самый Лампадииковъ, который помогалъ начальнику края примирять враждующія стороны.

— Я просто незнаю что дѣлать! нашоптывалъ мнѣ съ другой стороны начальникъ края: — управленіе губерніей сдѣлалось рѣшительно невозможнымъ!

— Я полагаю, ваше превосходительство...

— Вотъ вы увидите что они на предстоящихъ выборахъ надѣлаютъ.

— Я полагаю, ваше превосходительство, что относительно этихъ обывателей надлежитъ быть строже! осмѣлился замѣтить я, возмущенный всѣмъ мною видѣннымъ и слышаннымъ: — необходимо, чтобъ они всегда чувствовали руку надъ собой...

— Нельзя, mon cher! отвѣчалъ онъ мнѣ рѣшительно: — зайдите ко мнѣ завтра утромъ, и я объясню вамъ подробно *ouï vous en sommes!*

— N'est-ce pas quel esclandre! обратилась ко мнѣ губерна-
торша: — ces vieux grigous qui se donnent des airs!

— Ахъ, матушка! прервалъ ее губернаторъ.

— Да помилуй, Nicolas!

— Ахъ, матушка! вновь настаивалъ губернаторъ.

— Папасецка! ты навѣйное этихъ гьубіановъ въ туюму посадишь? сказала старшая губернаторская demoiselle, подлетѣвшая къ намъ въ эту минуту и имѣвшая обыкновеніе при постороннихъ картавить какъ маленькій ребенокъ.

— Ахъ, матушка! опять возразилъ губернаторъ.

Губернаторша и ея demoiselle спѣшили удалиться, потому что во опыту знали, что когда губернаторъ начнетъ говорить: «ахъ, матушка!» то изъ него ужъ ничего кромѣ этихъ словъ и не выбѣшь. Въ этомъ отношеніи онъ нѣсколько походилъ на попугая; бывало вдругъ нападетъ на него стихъ говорить: «нельзя-съ» — ну, цѣлый день и говорить: «нельзя-съ»; въ другой разъ вздумаетъ говорить: «закона нѣтъ» — такъ и пойдетъ на цѣлый день: «нѣтъ закона». До такой степени зарепортуется, что даже когда докладываютъ, что кушанье подано, онъ все-таки кричать: «нѣтъ закона!»

— Ахъ, Nicolas, какой ты разсѣянный! замѣтитъ бывало губернаторша.

— Ахъ, матушка! возразитъ губернаторъ, и съ этой минуты вмѣсто «нѣтъ закона» почнетъ пилить «ахъ, матушка!»

Надо сознаться, что съ непривычки это крайне затрудняетъ сношенія съ нашимъ начальникомъ края, а незнакомыхъ съ его обычаями повергаетъ даже въ крайнее изумленіе. Я помню, одинъ эстляндскій баронъ, пріѣхавшій изъ-за двѣсти верстъ жаловаться, что у него изъ грунтового сарая двѣ вишни украли, даже страшно оскорбился, когда начальникъ губерніи, вмѣсто всякой церемоніи, сказалъ ему: «ахъ матушка!», — и чуть ли даже не хотѣлъ довести объ этомъ до свѣдѣнія высшаго начальства.

— На что это похоже! сказывалъ онъ мнѣ: — у него ищутъ правосудія, а онъ: «ахъ, матушка!»

Но когда присмотришься къ людямъ, когда поймешь, что все это отъ незлобивости происходитъ, тогда все сдѣлается ясно, и въ сношеніяхъ никакой помѣхи происходить не будетъ.

Вдругъ по залѣ пронесся злобщій шопотъ. Пьеръ Укол-

кинть, цвѣтъ и надежда нашей молодежи, весь взволнованный переходилъ отъ одного гостя къ другому и таинственно перела-
валъ какую-то новость. «Телеграфическая депеша!» слышалось
всюду, и внезапно, вопреки всѣмъ приличіямъ, по угламъ обра-
зовались кружки, такъ что губернаторское семейство осталось
совершенно одинокимъ посрединѣ залы.

— Да что тамъ такое? спросилъ меня губернаторъ, встрево-
женный горькимъ предчувствіемъ.

Губернаторша озиралась во всѣ стороны, губернаторскія de-
moiselles съ изумленіемъ смотрѣли на мать, какбы говоря: та-
тан, танан! да чтоже мы не танцуемъ!

— Господа! ваше поведеніе крайне изумляетъ его превосхо-
дительство, сказалъ я, подходя къ той группѣ, въ которой оратор-
ствовалъ Пьеръ Уколкинъ.

— Шт... le gouverneur est flambé! отвѣчалъ Уколкинъ.

Я не понималъ; я все еще думалъ, что рѣчь идетъ объ этой
поганой исторіи между Сидоромъ Петровичемъ и Эмманюелемъ
Иванычемъ, и поспѣшилъ выразить все мое изумленіе.

— Mais non, il ne s'agit pas de celà! шопотомъ сказалъ мнѣ
Уколкинъ: — je vous dis que le gouverneur est flambé!

Въ глазахъ у меня завертѣлись зеленые кружки. Съ одной
стороны: «бѣдный старикъ!» съ другой стороны: «чортъ возьми,
нельзя ли какъ-нибудь мнѣ на его мѣсто!» — все это страннымъ
образомъ перемѣшалось въ моей головѣ. Во всякомъ случаѣ я
былъ крайне смущенъ, ибо на мнѣ лежала тяжелая обязанность
предувѣдомить обо всемъ губернатора. Къ счастью, ея добро-
вольно принялъ на себя Лампадниковъ.

— Ваше превосходительство! сказалъ онъ: — въ древности
знаменитѣйшіе философы, будучи настигаемы ударами судьбы,
вѣнчали себя розами...

Кругомъ оратора мало-помалу образовалась толпа.

— Ваше превосходительство! отъ лица всего общества при-
нимаю смѣлость выразить вамъ наше соболѣзнованіе! вмѣшался
Пьеръ Уколкинъ.

Губернаторъ все еще хлопалъ глазами.

— Vous n'êtes plus gouverneur! шепнулъ я ему на ухо.

Губернаторъ не изумился, не заплакалъ и не закричалъ. Онъ
только инстинктивно расшаркался и сказалъ: — Честь мнѣю по-
здравить!

— Mais qu'est ce que c'est donc cela ? mais qu'est ce qu'ils ont, Nicolas ? приступала губернаторша.

— Честь имѣю поздравить ! повторилъ губернаторъ.

— Mais dites donc ! mais dites donc !

— Честь имѣю поздравить ! неизмѣнно отзывался губернаторъ на всѣ пристававанья.

Легко можно представить себѣ, въ какое положеніе были поставлены присутствующіе ! Ясно, что танцы должны были прерваться, ясно, что ужинъ... При этой мысли волосы мои встали дыбомъ.

— Да вѣдь Лампадинокъ говорить, что въ древности философы вѣнчались розами, думалъ я : — стало-быть...

Но скоро сомнѣнія мои разсѣялись окончательно. Я собственными глазами увидѣлъ, какъ гости одинъ за другимъ брались за шляпы и незамѣтно исчезали.

— Какая неблагодарность ! шептала губернаторша, необъясняя однакожъ, къ кому относятся ея слова.

— Честь имѣю поздравить ! отозвался губернаторъ : — а впрочемъ... увѣнчаемъ себя розами, какъ говоритъ Лампадинокъ ! Эй, человекъ ! шампанскаго !

Но зала была пуста.

— Честь имѣю поздравить ! въ послѣдній разъ уныло повторилъ начальникъ края.

• Кумиръ развѣнчанный — все богъ ! •

И безъ впрямь подумалъ я, надѣвая калоши : — однако поужинать такъ-таки и не удалось !

ЗАКЛЮЧЕНІЕ

Итакъ мы не завтракаемъ, не обѣдаемъ и не ужинаемъ. Хотя я самъ отчасти дѣлаю тоже самое, но порою, когда голодъ уже слишкомъ настоятельно даетъ себя чувствовать, въ голову мою неволью закрадывается сомнѣніе, дѣйствительно ли мы правы, постукая столь самоубійственнымъ образомъ ?

Дѣйствительно ли намъ угрожаетъ опасность ?

Дѣйствительно ли мiръ погибаетъ подъ гнетомъ новыхъ идей, утопаетъ въ развратѣ реформъ и преобразованiй?

Дѣйствительно ли въ воздухѣ пахнетъ фиалками, а не скотнымъ дворомъ?

Оглядываюсь кругомъ себя — и съ удовольствiемъ примѣчаю, что все обстоитъ благополучно. Правда, что появилось множество неслыханныхъ прежде промышленныхъ обществъ, но дѣйствiя ихъ ограничивались доселѣ только невыдачею дивиденда простодушнымъ акціонерамъ. Правда, что старики вымираютъ или кротко стушоваются, но молодые, которые взлѣзаютъ на упраздненные мѣста, отнюдь ихъ не хуже. Въ нихъ тотъ же запахъ, тотъ же вкусъ, та же закваска. Собственно отечество нисколько отъ того не теряетъ.

Скажу болѣе: отечество даже много выигрываетъ.

Мы, старики, смотрѣли на божiй мiръ слишкомъ простодушно; мы не строили системъ, не добивались принциповъ; мы жили и дѣйствовали сплеча. Рѣшаясь на что-либо, мы справлялись только о томъ, такъ ли было поступаемо въ подобныхъ случаяхъ прежде; но почему поступалось именно такъ, а не иначе, почему Петръ всегда оказывался правымъ, а Иванъ всегда виноватымъ, почему добродѣтель и смиренiе служатъ украшенiемъ простолюдиновъ, а пороки и непокорливость, неукрашая ихъ, служатъ лишь къ огорченiю начальства — всѣ эти вопросы, вся эта философiя жизни ускользала отъ насъ. Мы благодѣтельствовали единственно по добротѣ сердца, и если были у насъ подъ руками рецепты на различные административные случаи, то это были рецепты, механически списанные изъ домашняго лечебника, безъ изслѣдованiя причины цѣлительности ихъ свойствъ. Напротивъ того, молодое поколѣнiе успѣло привести все это въ ясность, и тамъ, гдѣ мы говорили: «видно такъ Богу угодно» — сумѣли доискаться до системы, а тамъ, гдѣ мы говорили: «самъ чортъ не разберетъ» — дорылись до принциповъ. Такимъ образомъ, хотя сущность осталась та же что и прежде, но Иванъ уже знаетъ почему онъ долженъ оставаться виноватымъ, а простолюдины не оставлены въ невѣдѣнiи насчетъ того, что именно должно считаться ихъ украшенiемъ и что посрамленiемъ. Ясно, что жизнь сдѣлалась несравненно болѣе прiятною.

Конечно, нашъ милый грекъ Лампурдосъ справедливо выразился, что безъ системы нельзя, но онъ ошибся, сказавъ, что

именно въ настоящее время мы живемъ безъ системы. Удовольствую ихъ, что никогда «система» не сказывалась столь настоятельно, какъ въ настоящую минуту. Прежнія системы были ничто иное какъ младенческой лепетъ передъ тѣми, которыя воздвигаются нынѣ.

Я не говорю уже о томъ, что у каждаго изъ насъ были правители канцелярій и секретари, которые были въ своемъ родѣ масоны; важнѣе всего, что мы не имѣли понятія о томъ, что такое дисциплина, что такое корпорація. Мы думали, что всякій изъ насъ можетъ дуть въ свою дудку какъ ему угодно; мы свободно яхшались съ суетными и непосвященными; мы охотно прохаживались съ ними по хересамъ, отнюдь неподозрѣвая, что это общеніе приучаетъ ихъ смотрѣть на насъ какъ на простыхъ смертныхъ и поселяетъ въ ихъ мораль вредную мысль о возможности кормить насъ современемъ подзатыльниками. Напротивъ того, истинный масонъ всегда живетъ особнякомъ и сохраняетъ гордую неприступность; подобно идолу, онъ стоитъ гдѣ-нибудь въ углу, одѣтый сумракомъ; жрецы (правители канцелярій) сметаютъ съ него пыль, а обыватели только кадятъ и славословятъ — и ничего болѣе.

Истинные масоны только теперь нараждаются на Руси, и надо отдать имъ справедливость, понимаютъ свое дѣло отлично. Несмотря на молодость и неопытность, они сразу постигли, что галиматья сама по себѣ есть вещь отличная, и что вся штука заключается въ томъ, чтобы возвести ее въ перлъ созданія. Вотъ они и возводятъ...

Итакъ галиматья осталась, но галиматья, возведенная въ перлъ созданія. Отчего же мы испугались, отчего потеряли аппетитъ, составлявшій доселѣ лучшее украшеніе нашей жизни? Я вамъ скажу отчего.

Несмотря на дряхлость и истощеніе силъ, мы желаемъ жить. «Послужилъ бы, ейбогу еще послужилъ бы!» повторяемъ мы непрерывно: до такой степени слова «жить» и «служить» сдѣлались въ понятіяхъ нашихъ синонимами. Привыкнувъ дѣйствовать всегда во имя личныхъ ощущеній, мы и на все происходящее въ мірѣ смотримъ въ силу этихъ же ощущеній. Еслибы міръ разрушался, но насъ это разрушеніе не коснулось, — мы не почувствовали бы его, мы не ощутили бы ни озлобленія, ни негодованія. Но худо то, что міръ стоитъ, а мы разрушаемся. Это

мы уже считаемъ дерзостью, и на все что це валится кругомъ насъ, смотримъ какъ на посягателей, отнимающихъ наши лакомые куски. Отсюда стоны, раздрающіе воздухъ, отсюда вопли о вторженіи новыхъ идей, угрожающихъ будтобы смертью старымъ порядкамъ.

Исторія эта не новая. Всякій разъ какъ какой-нибудь Иванъ Петровичъ сходитъ съ дѣятельнаго поприща и на смѣну его является Петръ Ивановичъ, мы уже трясемся и надсаживаемъ себѣ грудь, крича, что послѣзавтра имѣетъ быть революція. Кто нащоптываетъ намъ эту мысль, кто внушаетъ намъ такое обидное мнѣніе о Петрѣ Ивановичѣ — мы и сами затруднились бы объяснить это, но несомнѣнно, что явленіе это повторяется безъ ошибки каждый разъ какъ на горизонтѣ восходитъ новое свѣтило. Намъ и въ голову не приходитъ, что свѣтило это вовсе даже не свѣтило, а просто-напросто новый милостивецъ, что ни сущность дѣлъ, ни теченіе ихъ нимало оттого не измѣнятся и что вся штука ограничивается тѣмъ, что на мѣсто Ивана Петровича, покровительствовавшего многочисленной династіи Трифоновичей, поступилъ Петръ Ивановичъ, покровительствующій немнѣе многочисленной династіи Сидорычей. А кто же и въ какія времена могъ уловить политическіе признаки, характеризующіе эти двѣ разновидности?

Трифонычи смѣняютъ Сидорычей, Сидорычи смѣняютъ Трифоновычей, — вотъ, благодареніе Богу, всѣ перевороты, возможные въ нашемъ любезномъ отечествѣ. Если такая перетасовка картъ можетъ назваться переворотомъ, то конечно нельзя не согласиться, что онъ совершается и на нашихъ глазахъ. Пожалуй можно сказать даже, что въ настоящее время онъ совершается сугубо, потому что на мѣсто старыхъ и простыхъ Трифоновычей поступили Трифонычи молодые, сугубые, махровые.

Но вопросъ не въ этомъ; вопросъ въ томъ, слѣдуетъ ли изъ этой перетасовки заключать, что на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ любезное отечество, будетъ завтра дыра?..

Соображая все вышеизложенное, я нахожу, что мы имѣемъ болѣе причинъ радоваться, нежели унывать. Что нужды, что насъ оттираютъ, а отчасти и умерщвляютъ? Мы обязаны въ этомъ случаѣ позабыть о себѣ и имѣть въ виду одно отечество. Если оно довольно, если преемники наши не только не отступаютъ отъ мудрой политики своихъ предковъ, но даже видимо

оную совершенствуютъ — этого достаточно для успокоенія увлеченныхъ сердецъ нашихъ!

Итакъ забудемъ наши горести и станемъ жуировать жизнью, въ надеждѣ, что доблестные потомки не посрамятъ именъ и дѣлъ доблестныхъ отцовъ своихъ. Благо тому, кто въ этой сладкой увѣренности можетъ встрѣтить тихій закатъ жизни своей! Благо тому, кто взирая на рѣзвящуюся юность, можетъ безъ озлобленія сказать: «да, и я былъ молодъ! и я въ свое время проказничалъ!»

Н. ЩЕДРИНЪ

СОБОРЪ ПАРИЖСКОЙ БОГОМАТЕРИ

РОМАНЪ В. ГЮГО

ПРЕДИСЛОВІЕ ОТЪ РЕДАКЦІИ

«Le laid, c'est le beau» — вотъ формула, подъ которую лѣтъ тридцать тому назадъ самодовольная рутинѣ думала подвести мысль о направленіи таланта Виктора Гюго, ложно понявъ и ложно передавъ публикѣ то что самъ Викторъ Гюго писалъ для истолкованія своей мысли. Надо признаться впрочемъ, что онъ и самъ отчасти былъ виноватъ въ насмѣшкахъ враговъ своихъ, потому что оправдывался очень темно и заносчиво и истолковывалъ себя довольно безтолково. И однакожъ нападки и насмѣшки давно исчезли, а имя Виктора Гюго не умираетъ, и недавно, слишкомъ тридцать лѣтъ спустя послѣ появленія его романа «Notre-Dame de Paris», явились «Les Misérables», романъ, въ которомъ великій поэтъ и гражданинъ выказалъ столько таланта, выразилъ основную мысль своей поэзіи въ такой художественной полнотѣ, что весь свѣтъ облетѣло его произведеніе, всѣ прочли его, и чарующее впечатлѣніе романа было полное и всеобщее. Давно уже догадались, что не глупой карикатурной формулой, приведенной нами выше, характеризуется мысль Виктора Гюго. Его мысль есть основная мысль всего искусства девятнадцатаго столѣтія, и этой мысли Викторъ Гюго, какъ художникъ, былъ чужъ ли не первымъ провозвѣстникомъ. Это мысль христіанская и высоконравственная; формула ея — возстановленіе погибшаго человѣка, задавленнаго несправедливо гнетомъ обстоятельствъ, застоя вѣковъ и общественныхъ предрасудковъ. Эта мысль — оправданіе униженныхъ и всѣми отринутыхъ парій обще-

ства. Конечно, аллегорія немислима въ такомъ художественномъ произведеніи, какъ напимѣрь «Notre-Dame de Paris». Но кому не придетъ въ голову, что Квазимодо есть олицетвореніе пригнетенаго и презираемаго средневѣкового народа французскаго, глухого и обезображеннаго, одареннаго только страшной физической силой, но въ которомъ просыпается наконецъ любовь и жажда справедливости, а вмѣстѣ съ ними и сознаніе своей правды и еще непочатыхъ, безконечныхъ силъ своихъ.

Викторъ Гюго чуть ли не главный провозвѣстникъ этой идеи «возстановленія» въ литературѣ нашего вѣка. Покрайней-мѣрѣ онъ первый заявилъ эту идею съ такой художественной силой въ искусствѣ. Конечно она не есть изобрѣтеніе одного Виктора Гюго; напротивъ, по убѣжденію нашему она есть неотъемлемая принадлежность и можетъ-быть историческая необходимость девятнадцатаго столѣтія, хотя впрочемъ принято обвинять наше столѣтіе, что оно послѣ великихъ образцовъ прошлаго времени не внесло ничего новаго въ литературу и въ искусство. Это глубоко несправедливо. Прослѣдите всѣ европейскія литературы нашего вѣка и вы увидите во всѣхъ слѣды той же идеи, и можетъ-быть хоть къ концу-то вѣка она воплотится наконецъ вся, цѣликомъ, ясно и могущественно, въ какомъ-нибудь такомъ великомъ произведеніи искусства, что выразитъ стремленія и характеристику своего времени такъ же полно и вѣковѣчно, какъ напимѣрь «Божественная комедія» выразила свою эпоху средневѣковыхъ католическихъ вѣрованій и идеаловъ.

Викторъ Гюго безспорно сильнѣйшій талантъ, явившійся въ девятнадцатомъ столѣтіи во Франціи. Идея его пошла въ ходъ; даже форма теперешняго романа французскаго чуть ли не принадлежитъ ему одному. Даже всѣ его огромные недостатки повторились чуть ли не у всѣхъ послѣдующихъ французскихъ романистовъ. Теперь, при всеобщемъ, почти всемірномъ успѣхѣ «Les Misérables», намъ пришло въ голову, что романъ «Notre-Dame de Paris» по какимъ-то причинамъ не переведенъ еще на русскій языкъ, на которомъ уже такъ много переведено европейскаго. Слова нѣтъ, что его всѣ прочли на французскомъ языкѣ у насъ и прежде; но во первыхъ, разсудили мы, прочли только знавшіе французскій языкъ; вовторыхъ — едвали прочли и всѣ знавшіе пофранцузски; втретьихъ — прочли очень давно; а вчетвертыхъ — и прежде-то, и тридцать-то лѣтъ назадъ, масса публики, читающей пофранцузски, была очень велика сравнительно съ тѣми, которые и рады бы читать, да по-

Французски не умѣли. А теперь масса читателей можетъ—быть въ десять разъ увеличилась противъ той, что была тридцать лѣтъ назадъ. Наконецъ — и главное — все это было уже очень давно. Теперешнее же поколѣніе врядъ ли перечитываетъ старое. Мы даже думаемъ, что романъ Виктора Гюго теперешнему поколѣнію читателей очень мало извѣстенъ. Вотъ почему мы и рѣшились перевести въ нашемъ журналѣ вещь гениальную, могучую чтобъ познакомить нашу публику съ замѣчательнѣйшимъ произведеніемъ французской литературы нашего вѣка. Мы даже думаемъ, что тридцать лѣтъ — такое разстояніе, что даже и читавшимъ романъ въ свое время можетъ—быть неслишкомъ отяготительно будетъ перечестъ его въ другой разъ.

Итакъ надѣмся, что публика на насъ не посяуетъ за то, что мы предлагаемъ ей вещь такъ всѣмъ извѣстную... *по названію.*

Много лѣтъ тому назадъ, осматривая въ малѣйшихъ подробностяхъ соборъ парижской Богоматери, авторъ этой книги нашолъ въ одномъ изъ темныхъ угловъ ея башень слово выцарапанное на стѣнѣ: *сѣфукл*.

Эти греческія буквы, почернѣвшія отъ времени, носили какой-то отпечатокъ готическаго письма, показывающаго, что онѣ существуютъ какъ остатокъ среднихъ вѣковъ. Какъ это, такъ и мрачный смыслъ слова заставили автора задуматься.

Онъ старался разгадать какая страдающая душа не хотѣла разстаться съ здѣшнимъ міромъ, неоставивъ этого клейма преступленія или несчастья на челѣ древней церкви.

Съ тѣхъ поръ стѣны выскоблили или закрасили и надпись исчезла. Такъ поступаютъ въ послѣдніе два вѣка съ великолѣпными средневѣковыми храмами. Нападенія на нихъ совершаются изнутри и извнѣ: священники ихъ расписываютъ, архитекторы скоблятъ, потомъ является толпа и разрушаетъ до основанія.

Потому—то о таинственномъ словѣ-на стѣнѣ парижскаго собора и объ участи писавшаго его остались только эти нѣсколько страницъ, посвященныхъ ему авторомъ. Человѣкъ, написавшій слово, исчезъ съ лица земли еще за нѣсколько вѣковъ, надпись ис-

чезла теперь въ свою очередь, можетъ-быть наконецъ и самый храмъ постигнуть таже участь.

По поводу этого-то таинственнаго слова и написанъ слѣдующій романъ.

КНИГА ПЕРВАЯ

I

Ровно триста сорокъ восемь лѣтъ, шесть мѣсяцевъ и девятнадцать дней тому назадъ жители города Парижа проснулись отъ зова въ большіе колокола, раздававшагося со стороны предмѣстья, университета и города.

Кажется 6-ое января 1482 года не ознаменовано никакимъ историческимъ событіемъ. Почему же колокола и буржуа въ такомъ движеніи? Въ этотъ день небыло возстанія пикардійцевъ и бургонцевъ, не носили мощей съ крестнымъ ходомъ, небыло возмущенія школыниковъ, ни въѣзда *notredit très redouté seigneur monsieur le roi*, ни даже висѣлицъ для мошенниковъ обоого поза. Трезвонъ этотъ не могъ быть также возбужденъ въѣздомъ какого-нибудь нестароаго посольства, потомучто въ пятнадцатомъ вѣкѣ это было вещью обыкновенной. Еще не прошло и двухъ дней, какъ подобная каваляда въ перьяхъ вступила въ городъ. Это были фламандскіе поессинники съ порученіемъ устроить бракъ между дофиномъ и Маргаритой фландреккой, которыхъ кардиналъ волей-неволей долженъ былъ угостить въ своемъ отеле Бурбоновъ «*d'une moult belle moraine assie et farce*», между тѣмъ какъ дождь поливалъ на улицъ его дорожѣ ковры.

Этакъ событіе, приведшее въ движеніе парижскій народъ шестого января, былъ съ незапамятныхъ временъ установленный праздникъ ирещенія и торжество шутовъ.

Въ этотъ день предполагался фейерверкъ на Гревской площади, празднованіе мая въ часовнѣ de Vierge и мистерія въ палатѣ юстиціи. Объ этомъ было провозглашено наканунѣ по всѣмъ предмѣстьямъ съ трубнымъ звукомъ, людьми г-на градского головы, одѣтыми въ сіюлетовыя платья, съ бѣлымъ крестомъ на груди.

Толпы мужчинъ и женщинъ, торговцевъ и торговокъ, заперши дома и лавки, направлялись съ ранняго утра въ каждое изъ трехъ

вышеозначенныхъ мѣсть. Были охотники и до фейерверка, и до мистеріи. Надо сказать въ похвалу стариннаго здраваго смысла парижскихъ зѣвакъ, что большая часть изъ нихъ предпочла фейерверкъ, который совершенно соотвѣтствовалъ времени гола, или мистеріи, которая должна была разыгрываться въ тепломъ залѣ, и предоставилъ бѣдному маю одному дрогнуть отъ холода въ уединенной кладбищенской часовнѣ.

На мистерію стремились еще и потому, что фламандскіе посланники, пріѣхавшіе два дня тому назадъ, собирались присутствовать на ея представленіи и принимать участіе въ избраніи папы шутовъ, долженствующемъ быть въ томъ же залѣ.

Нелегко было въ тотъ день достать мѣстечко въ этомъ залѣ, считавшемся самымъ большимъ въ то время. (Правда, что тогда еще Соваль не измѣрилъ большой залы замка Монтаржи.) Площадь передъ зданіемъ представлялась огромнымъ моремъ, въ которое впадали пять или шесть улицъ, вносящихъ ежеминутно новыя волны людскихъ головъ. Эти живыя волны ударялись объ углы домовъ, выдающихся на подобіе мысовъ въ этомъ неправильномъ бассейнѣ. Въ центрѣ высокаго готическаго фасада зданія, толпы входили и спускались по лѣстницѣ, образуя каскадъ, выливающейся на площадь. Крики, смѣхъ, топанье тысячи ногъ произвели ужасный шумъ, увеличивающійся повременамъ отъ слишкомъ большого наплыва людей у входа на лѣстницу; тогда все толкалось, кричало, спутывалось. Тогда сержанты на лошадяхъ врѣзывались въ толпу, чтобы возстановить порядокъ. Это трогательное преданіе перешло отъ власти градскихъ головъ къ вѣдомству конетабля, оттуда къ маршальству и наконецъ къ современнымъ парижскимъ жандармамъ.

Въ дверяхъ, въ окнахъ, на чердакахъ, на крышахъ, кишѣли тысячи добрыхъ гражданъ, которые смотрѣли на зданіе палаты, на толпу и оставались совершенно довольны; въ Парижѣ много людей довольствуется тѣмъ, что позѣваетъ на толпу; даже стѣна, за которой происходитъ что-нибудь любопытное, дѣлается сама предметомъ любопытства.

Еслибъ была возможность намъ, гражданамъ 1830 года, пройти всѣми неправдами въ тѣсную залу вслѣдъ за парижанами XV вѣка, зрѣлище было бы для насъ не безъ интереса: мы увидѣли бы вещи такія старыя, что онѣ за давностью перешли бы для насъ въ новизну.

Если читатель согласится, мы постараемся воспроизвести въ

уѣтъ гнѣвчатыише, которое оиъ вынесъ бы, пробираясь за нами въ эту разнокарактерную толпу.

Впередыхъ въ ушахъ ужасный шумъ, изъ глазъ сыпятся слезы. Надъ головою двойной стрѣлчатый сводъ, изукрашенный деревянными лѣпными фигурами, покрытыми голубой краской, съ золотыми разводами; подъ ногами плиты изъ чернаго и бѣлаго мрамора. Въ нѣсколькихъ шагахъ огромная колонна, потомъ другая и третья; всего семь колоннъ, по протяженію зала, поддерживающихъ сводъ посрединѣ. У четырехъ первыхъ колоннъ; прилавка съ стекломъ и добрымъ стеклами; у трехъ послѣднихъ — дубовыя скамьи, выполированныя приосновеніемъ нижняго шатра суданскаго и маѣтій прокуроровъ. Вокругъ всего зала, у стѣнъ, между дверями и окнами, несомнѣемый рядъ статуй всѣхъ королей Франціи, отъ Фарамонда: лѣпные короли, съ опущенными руками и глазами; короли храбрые и воинственные, съ головою и руками смѣло поднятыми къ небу. Въ стрѣлчатыхъ окнахъ разноцвѣтныя стекла; въ широкихъ выходахъ прекрасныя двери съ рѣдью, и все это — окна, двери, статуи, стѣны, карнизы, покрыты сверху до низу голубымъ цвѣтомъ и позолотой; уже сильно потемнѣвшими въ то время и почти вовсе мечтательными подъ сводами пылы и паутины въ блаженной памяти 1549 году, когда до-Брель любовался ими, по преданію.

Представьте себѣ эту огромную продолговатую залу, въ которую проникаетъ слабый свѣтъ ливарскаго дня, наполненную пестрой и шумной толпой, выстроенной вдоль стѣнъ и вращающейся около семи колоннъ, и у васъ будетъ общій абрисъ картины, любопытные детали которой мы постараемся разъярнить подробно.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что еслибъ Равальякъ не убилъ Генриха IV, небыло бы процесса Равальяка и бумагъ, хранящихся въ судебной канцеляріи; небыло бы сообщниковъ, заинтересованныхъ въ уничтоженіи этихъ бумагъ и слѣдственно небыло бы зажигателей, принужденныхъ, за неимѣніемъ другого способа, прибѣгнуть къ пожару, — ерго небыло бы и пожара 1618 года. Старое зданіе существовало бы и теперь съ своей старой залой; и могъ бы сказать читателю: «подите посмотрите сами», и мы взаимно бы избавились — я отъ описыванья, а онъ отъ чтенія всѣхъ возможныхъ описаній. Все это подтверждаетъ старую истину, что великія злобыя влекутъ за собою бездну послѣдствій.

Вопросъ, можетъ ли случиться, что у Равальяка небыло вовсе сообщниковъ или что эти сообщники не принимали никакого уча-

стиа въ пожарѣ 1618 года. Существуютъ два очень вѣроятныя объясненія этого случая. Вопервыхъ : огромная огненная завѣда, длиною въ футъ, шириною въ локоть, упала, какъ вѣтъмъ известно, съ неба на крышу зданія, 7 марта послѣ полудни. Во вторыя четыре дня Теодила :

Certes, ce fut un triste jeu
Quand à Paris dame Justice,
Pour avoir mangé trop d'épice,
Se mit tout le palais en feu.

Но что бы ни думали объ этомъ трюкѣмъ объясненіи, политическомъ, эвѣническомъ и поэтическомъ, пожаръ 1618 года принадлежитъ къ несчастью, къ несомнѣнно-совершившимся фактамъ. Теперь по милости пожара и послѣдовавшихъ за нимъ поправкамъ, окончательно потребившихъ то что онъ пощадилъ, осталось очень немного отъ врезняго жилища французскихъ королей, отъ этого предка Лувра, уже такого стараго во времена Филиппа-красиваго, что въ немъ отыскивали слѣдовъ построекъ, воздвигнутыхъ королемъ Робертомъ и описанныхъ Гельгальдусомъ. Что сдѣлалось съ той канцеляріей, въ которой святой Людовикъ сирѣннлъ свой бракъ? съ садомъ, въ которомъ онъ рѣшалъ дѣла, «одѣтый въ камлетовое платье и шерстяной безрукавный камзолъ, въ черномъ плащѣ, лежа на коврѣ съ Жуанниломъ»? Гдѣ комната императора Сигизмунда? Карла IV? Юанна-безземельнаго? Гдѣ лестница, съ которой Карлъ VI провозгласилъ свой милостивый эдиктъ? Гдѣ та плита, на которой Марсель задушилъ, въ присутствіи дофина, Роберта клермонтеаго и маршала Шаяпанъ? Рѣшотка, за которой сожигались буллы антипапы Бенедикта и изъ-за которой принесенія яхъ, вышвы мариконные на-смѣхъ въ митры и должны были приносить публичное покаяніе по цѣлому Парижу? А зала съ своею лазурью, пезолотой, сводами, статуями, огромнымъ куполомъ, унизаннымъ звѣнкими украшеніями? А золотая комната? А каменный левъ, сидящій у дверей съ пониженной головою и поджатымъ хвостомъ, какъ левъ солемонедатрона, символы власти, склоняющейся предъ правосудіемъ? А великолѣпныя двери? А окна? А рѣзные ручки, приводившія въ очаяніе Бискорнета? А изящная столярная работа дю-Гинци?.. Что сдѣлало время и люди изъ этихъ чудесъ? Что дали намъ взаменъ всего этого, всей этой исторіи галловъ и готическаго искусства тѣмелыя эрми Броссе, этого неуклюжаго архитектора портала св. Жерве? Это по части искусства; а по части исторіи намъ могутъ служить

болѣе великія воспоминанія внутреннихъ столбовъ, сохранившихъ преданіе.

Это не много. Возвратимся къ настоящей большой залѣ настоящаго зданія.

Два оконечности этого гигантскаго параллелограма были заняты, едва знаменитый столбъ изъ цѣльной мраморной глыбы, такой длинной, широкой и толстой, что по сказанію старинныхъ росписей, слогъ которыхъ способенъ возбудить алетичъ Гаргантюа, «никогда не видано въ свѣтѣ такого кусочка мрамора»; другая оконечность залы была часовней, въ которой Людовикъ XI велѣлъ сдѣлать свою статую на колѣнахъ передъ Богоматерью и куда онъ велѣлъ перенести, не забывая о томъ, что два шани останутся пустыми, статуи Карла-великаго и Людовика-святого. Эта новая часовня, построенная въ то время, отличалась тѣмъ деликатнымъ стилемъ, чудосной скульптурой, тонкой рѣзьбой, которая обозначаютъ у царя конецъ потлесной эры и являются во всю черную поволоку XVI вѣка въ волшебныхъ фантазіяхъ Возрожденія.

Сквозная розетка надъ входомъ была въ особенности верхомъ изящества и прачивъ: можно было назвать ее кружевнымъ звѣздомъ.

Въ срединѣ залы, передъ главною дверью, была подставлена эстрада, покрытая золотой парчей, возлѣ самой стѣны, въ которой устроены были особый выходъ черезъ окно, выходящее въ коридоръ золотой комнаты: это для фламандскаго посольства и другихъ земныхъ аристократовъ, желающихъ удостоить мистерию своимъ вниманіемъ.

Мистерія должна была, по принятому обычаю, разыгрываться на мраморномъ столѣ. Онъ былъ готовъ уже съ самаго утра; на его широкой доскѣ, исцарапанной ногами черни, стояла довольно высокая деревянная кибитка, верхняя часть которой, доступная впрямь вслѣдъ, должна была служить сценою, а внутренность, завѣшанная парами, уборной для актеровъ. Лѣстница, наивно поставленная снаружки, должна была служить сообщеніемъ между уборной и сценою. Не предполагалось появленія какого-нибудь неожиданнаго лица или сценическаго эффекта; всѣ персонажи должны были избираться безъ церемоній по ступенькамъ. Невинное и конченное дѣйство-искусства и механики!

Четыре сержанта изъ дворцовой стражи, обязанные хранить удовольствія толпы въ праздники и дни казни, стояли по угламъ мраморнаго стола.

Пьеса должна была начаться съ послѣднимъ ударомъ двѣнадца-
таго часа. Конечно это немного поздно для спектакля, но нужно было
приравнить время удобное для послѣдниковъ.

Вся эта масса ждала здѣсь съ утра. Большая часть любителей
съ утра дрогнула у входныхъ дверей; некоторые, говорятъ,
ночевали у порога, чтобъ войти первыми. Тогда сшестиминутно увели-
чивалась и какъ вода, выступающая изъ береговъ, лавала на стѣны,
обвивалась вокругъ колоннъ, помѣщалась на столахъ, карнизахъ,
подоконникахъ, на всехъ архитектурныхъ уступкахъ и скульптур-
ныхъ рельефахъ. Нетерпѣние, неудобство, скука, свобода регуля-
наго дня, ссоры за толчки придавали говору этой массы недовольный
тонъ еще задолго до прибытія песельства. Всюду слышались жа-
лобы и проклятія фламандцамъ, градскому голову, кардиналу, судѣ,
Маргаритѣ австрійской, сервантамъ, холоду, жару, дурной погодѣ,
парижскому архіепископу, колоннамъ, папѣ шутокъ, статуямъ и ор-
дѣ большому удовольствію школьничковъ и мавсеевъ, которые дра-
нили и подзадоривали недовольныхъ.

Между прочимъ была одна группа этихъ всевозможъ бовенятъ, ко-
торые, продаваяши оконную раму, уѣхали верхомъ на людеконникъ
и наребрасывали острофы и насмѣшки на толпу, собравшую въ залѣ
и подъ сѣнниками. По ихъ уморительнымъ жестамъ и фразамъ, ко-
торыми они перекликались съ товарищами на другомъ концѣ цѣли,
легко было судить, что они отнюдь не раздѣляютъ усталости и скуки
общества и умѣютъ извлекать пользу изъ зрѣлища, которое у нихъ
передъ глазами, въ ожиданіи того, которое будетъ послѣ.

— Клянусь богомъ, это Іоганнесъ Фролло де-Молендиво! кри-
чалъ одинъ, обращаясь къ маленькому блондуруму дьяволенку, съ
коротенькимъ и задорнымъ лицомъ, примостившемуся къ агантамъ
нашителя: — тебя ловко прозвали Ванькой-Мельницей, потому что
твои ноги и руки настоящія мельничныя крылья. Давно ты здѣсь?

— Часа четыре, чортъ бы ихъ побралъ; надѣюсь, что покрай-
ней-мѣрѣ они зачтутся мнѣ въ чистилницѣ. Я слышалъ, какъ во-
семь пѣвчихъ короля Сициліи начали первый стихъ ранней обѣдни
въ капеллѣ.

— Прекрасные пѣвчіе! подхватилъ другой: — голосъ у нихъ
такой же острый, какъ оконечность ихъ шапокъ! Прежде чѣмъ огу-
лкнуть обѣдни святому Іоанну, нужно бы было спросить его; любить
ли онъ латинскіе псалмы съ провансальскимъ акцентомъ.

— Все это сдѣлали, чтобы пристроить этихъ проклятыхъ сиди-

лейскихъ пѣвчихъ! крикнула снизу какой-то старуха. — Шутка, тысячу фунтовъ паризи за одну обѣдню! и еще изъ налога на рыбу!

— Молчи, корга! проворчалъ важный толстякъ, все время ватыкавший себя носъ отъ рыбнаго запаха, которымъ отдавала его со-сѣдка: — нужно же было учредить обѣдню; или ты хочешь, чтобъ король опять заболѣлъ?

— Bravo, Жиль Лекорню, мѣховщикъ его величества! вскричалъ маленькій школьникъ съ париза.

— *Cognatus et hirsutus*, подхватилъ другой.

— Разумѣется! продолжалъ первый: — чего они смѣются? Это почтенный Жиль Лекорню, братъ Ивана Лекорню, сынъ Майе Лекорню, старшаго сторожа въ венсенскомъ лѣсу; всѣ они граждане Парижа и всѣ состоятъ въ законномъ бракѣ.

Смѣхъ удвоился. Толстый мѣховщикъ, не отвѣчая ни слова, старался затереться въ толпѣ; но пыхтѣлъ и потѣлъ напрасно; чѣмъ болѣе онъ толкался, тѣмъ болѣе глазъ обращалось на его круглое лицо, багровое отъ злобы.

Наконецъ такой же почтенный толстякъ явился ему на помощь.

— Вотъ оно! школьники осмѣливаются такъ разговаривать съ почтенными гражданами! Въ мое время ихъ бы высѣкли розгами, а изъ розогъ составили бы костеръ и сожгли бы ихъ.

Вся толпа взволновалась.

— Кто эта старая сова, а?

— А, узнаю! это Андрей Мюнье.

— Онъ распѣваетъ эту гамму потому, что онъ одинъ изъ четырехъ книгопродавцевъ при университетѣ!

— Въ нашей лавкѣ всего по четыре: четыре народности, четыре факультета, четыре праздника, четыре прокурора, четыре избирателя, четыре книгопродавца.

— Ну, нужно сыграть съ ними штуку, предложилъ Фролло.

— Мюнье, мы сожжемъ твои книги!

— Мюнье, мы отколотимъ твоего лакея!

— Мюнье, мы раздѣлаемъ съ твоей женой!

— Славная толстуха — мадмуазель Ударь!

— Такая свѣжая и веселая, будто вдова.

— Чортъ бы васъ взялъ! ворчалъ Мюнье.

— Молчи, сказалъ Фролло: — не то я упаду тебѣ на голову.

Мюнье поднялъ голову, исчислилъ въ умѣ вышину карниза и тяжесть шалуна и не сказалъ ни слова.

Фролло, видя себя победителемъ, продолжалъ:

— Я это сдѣлаю, несмотря на то, что мой родной братъ зрѣньякомъ!

— Хорошо иане университетское начальство! Не уважило нашихъ привилегій въ такой день, какъ сегодня! Въ городѣ май и фейерверкъ; здѣсь мистерія, папа шутовъ и алмаандковъ посолство, а въ университетѣ ничего!

— Долой ректоровъ, избирателей и прокуроровъ!

— Надо сдѣлать сегодня фейерверкъ на Галлардовомъ полѣ изъ книгъ Андре Мюнье!

— И изъ каседръ нашихъ книжниковъ!

— И изъ розогъ педелей!

— Изъ плевальницъ декавовъ!

— Изъ буфета прокуроровъ!

— Изъ квшани избирателей!

— Изъ стульевъ ректора!

— Долой Мюнье, педелей, книжниковъ, теологовъ, докторовъ, прокуроровъ и ректора!

— Это свѣтопредставленіе! бормоталъ Мюнье, затыкая уши.

— Кстати, ректоръ идетъ по площади! крикнулъ кто-то.

Всѣ обернулись.

— Въ самомъ дѣлѣ это нашъ почтенный ректоръ Тибо? спрашивалъ Фролло, немогшій удостовѣриться собственными глазами, потомучто держался за внутренней карнизъ.

— Да, да, это онъ, ректоръ Тибо.

И въ самомъ дѣлѣ ректоръ и всѣ университетскія власти шли процесіей навстрѣчу посольству и переходили въ эту минуту площадь. Школьники встрѣтили ихъ ироническими привѣтствіями и рукоплесканіемъ. Ректору достался главный залпъ.

— Здравствуйте, господинъ ректоръ! Ну, здравствуйте жъ!

— Какъ это старый картежникъ не за игрой сегодня?

— Какъ его осель выступаетъ! Но у ховяина уши длиннѣе!

— Здравствуйте, господинъ ректоръ Тибо! Tubalde aleator! старый дуракъ! картежникъ!

— Господь съ вами! сколько угловъ вы загнули сегодня?

— О, почтенная рожа, битая за игру!

— Куда ты, Тибо, Tubalde ad dados, спиной къ университету, въ городъ!

Потомъ наступилъ чередъ прочихъ властей.

— Долой педантовъ ! долой палочниковъ !

— Кто это такой, Робертъ ?

— Это Жильберъ де Сюльи, Gilbertus de Soliaco, начальникъ Отонской школы.

— Вотъ мой башмакъ, тебѣ лопяте, брось ему въ рожу.

— Долой теологовъ въ былыхъ магияхъ !

— Долой докторовъ !

Между тѣмъ привилегированный книгопродавецъ университета шепталъ на ухо мѣховщику : — Увѣрю васъ, скоро конецъ свѣта ! Никогда еще не слыхано такого безобразія ; эти проклятыя нововведенія все портятъ. Артилерія, бомбардирскія судна, а въ особенности книгопечатаніе, эта нѣмецкая дзая. Ненужно болѣе рукописей ! Печать убиваетъ книжную торговлю ! Скоро, скоро конецъ свѣта !

— Я это тоже замѣтилъ, по большимъ запросамъ на бархатъ, отвѣчалъ мѣховщикъ.

Прошло полдень.

— А !.. раздалось единодушно въ толпѣ.

Школьники смолкли ; началась возня и шарканье ногами ; пошла сморкаться и кашлять ; каждый выбиралъ болѣе удобное положеніе. Настала тишина ; головы наклонились впередъ, рты раскрылись, глаза обратились къ мраморному столу... Но на немъ ничего не показывалось. Четыре сержанта попрежнему стояли по угламъ, какъ статуи молчанія. Всѣ глаза обратились къ эстрадѣ назначенной для посольства. Дверь была заперта, на эстрадѣ никого небыло. Эта толпа съ ранняго утра ждала трехъ вещей : полудня, фламандскихъ посланниковъ, мистерію. Одинъ только полдень явился въ свое время.

Это было слишкомъ !

Подождали одну, три, пять минутъ, даже четверть часа : ничего ! эстрада и сцена оставались пусты. Нетерпѣніе перешло въ гнѣвъ. Началась глухая рожня. — Мистерію ! Мистерію ! повторялось многими голосами. Головы начинали разгорячаться. Буря уже собиралась. Жанъ Фралло бросилъ первую искру.

— Мистерію и къ чорту фламандцевъ ! крикнулъ онъ во всю силу легкихъ, обвиваясь амѣей вокругъ своей капители.

Толпа рукоплескала.

— Мистерію ! повторила она : — и ко всѣмъ чертямъ Фландрію !

— Сейчас же мистерию, повторить школьничек: — это мы повѣсимъ полицейскаго въ примѣръ вѣрности и взаимну комедіи.

— Хорошо, хорошо, начнемъ съ сержантовъ!

Четыре бѣдняка блѣднѣли и переглядывались. Толпа напирала на нихъ, легкая деревянная ограда уже готова была сломаться.

Минута была критическая.

— Въ мѣшокъ! въ мѣшокъ! кричали со всѣхъ сторонъ.

Въ эту минуту драпировка уборной, о которой мы говорили, поднялась и передъ публику предстала любопытная личность.

— Тише! тише!

Фигура, дрожащая отъ страха, подошла къ окрестію стола съ четырьмя поклонами, которые подконецъ сдѣлались покломи на вѣтнопреклоненія.

Тишина водворилась мало-помалу. Оставался только небольшой говоръ, свидѣтельствующій о многочисленномъ собраніи.

— Господа граждане и господа гражданки! началъ онъ: — мы должны имѣть честь представить и продекларировать при его эминенціи кардиналъ нравоученіе, называющееся: «справедливый судъ». Я представляю Юпитера. Его эминенція сопровождаетъ посольство высокопочтеннаго герцога австрійскаго, оставившееся въ эту минуту для выслушанія рѣчи ректора университета. Какъ только святѣйшій кардиналъ прибудетъ, мы начнемъ немедленно.

Дѣйствительно, нужно было появленіе самого Юпитера для того, чтобъ спасти отъ смерти четверыхъ бѣдныхъ сержантовъ. Еслибы мы имѣли счастье выдумать всю эту правдивую исторію: и слѣдственно отвѣчать за нее предъ судомъ критики, противъ насъ нельзя бы было привести классическаго правила: *Nec deus in-ter-sit*. Впрочемъ костюмъ Юпитера былъ очень красивъ и весьма способствовалъ къ умиренію толпы, привлеки ея вниманіе. Юпитеръ былъ одѣтъ въ кольчугу, покрытую чернымъ бархатомъ, съ золотыми гвоздями; на головѣ у него была шапочка съ серебряными пуговками; не будь румянъ и огромной бороды, покрывавшихъ его лицо, не будь свертка изъ позолоченаго картона и решней обвитыхъ мишурою, въ которыхъ каждый угадывалъ молнію, не будь его ноги перевиты погречески лентами, — онъ по строгости костюма легко вынесъ бы сравненіе съ любимъ стрѣльнымъ корпусомъ герцога де-Берри.

II

ПЕРВЪ ГРЕВГУАРЪ

Во время его рѣши удовольствію, возбужденное нестроенье, начинало уничтожаться и когда онъ дошелъ до заключенія, что предствленіе начнется тотчасъ по прибытіи кардинала, поднялась цѣлая буря свистковъ.

— Начинать сейчасъ же! Мистерію! сейчасъ мистерію! кричалъ народъ, и громче всѣхъ раздавался исклиный голосъ Фрола.

— Долой Юпитера и кардинала! кричали другіе швыльщики.

— Сейчасъ же мистерію! голосила толпа: — что? смѣрть по-медіантствъ!

Бѣдный Юпитеръ, поблѣднѣвшій подъ своими рукавами, урчнулъ громы, снялъ шляпку, вламываясь и борнотага: — Его эминенція... посланники... Маргарита фландрская... — Онъ не зналъ что писать. Ему весьма не хотѣлось быть повѣшеннымъ.

Нехода небыло. Съ одной стороны толпа общается повѣсить, если не исполнять ея требованія; съ другой, можетъ повѣснить кардинала именно за его исполненіе.

Къ счастью явился спаситель, принявшій на себя отвѣтственность. Между рюшетою и мраморнымъ столомъ стояла такая длинная и тощая фигура, что колонна совершенно скрывала ее отъ глазъ зрителей. Эта-то фигура, высокая, худая, блѣлая, бѣдная и еще молодая, хотя лобъ и щеки покрылись уже морщинами, съ блестящими глазами и веселой улыбкой, въ платьѣ покрытомъ штопками и получившемъ лоскъ отъ давняго употребленія, подошла къ столу и сдѣлала знакъ бѣдному страдальцу. Тотъ въполнѣхъ не замѣтилъ.

Фигура сдѣлала шагъ впередъ.

— Юпитеръ, любезный Юпитеръ!

Юпитеръ не слышалъ.

Высвѣданный изъ тергвѣня блондинъ кривнулъ уже во весь голосъ:

— Жиборъ!

— Кто меня зоветъ? вскрикнулъ Юпитеръ.

— Я.

— А!

— Начинайте сейчасъ. Удовлетворите публику; я беру на себя умилоствитъ судью, а онъ умилоствитъ кардинала.

Юпитеръ вздохнулъ свободно.

— Господа граждане! крикнулъ онъ томъ, продолжавшей свистать: — мы сейчасъ начинаемъ.

— *Bravo, Jupiter! Plaudite, cives!* кричали зрители.

— Браво! Браво! кричалъ народъ.

Рукопожатія были единодушны и зала все еще дрожала отъ нихъ, когда Юпитеръ уже скрылся за занавѣскою.

Между тѣмъ личность, отаратившая бурю, вновь приблизилась къ столбу и вѣроятно осталась бы тамъ незамѣченной, еслибы два молодые женщины, стоявшія въ первомъ ряду, не замѣтили ея разговора съ Юпитеромъ.

Одна поманила его къ себѣ. Другая, свѣжая и разряженная, толкнула ея локтемъ.

— Что вамъ угодно, сударыни? сказала блондинъ, подолгая къ рѣшеткѣ.

— Это вотъ она хотѣла говорить съ вами.

— Нѣтъ, нѣтъ, она сама! — И обѣ покраснѣли и опустили глаза.

— Такъ вамъ нечего сказать мнѣ?

— Нечего-съ.

Блондинъ сдѣлалъ шагъ назадъ, но женщинамъ очень хотѣлось завести разговоръ.

— Послушайте, сказала одна, съ быстротою только-что отерятого шмюза или женщины на что-нибудь рѣшившейся: — вы стали-быть знакомы съ солдатомъ, который будетъ играть въ мисте-ринъ?

— Роль Юпитера?

— Да. Ахъ, какая она глупая! Такъ вы знаете Юпитера?

— Жиборна? Какже.

— У него славная борода.

— А хорошо то что они будутъ представлять?

— Очень хорошо, отвѣчалъ съ увѣренностью незнакомецъ.

— Что это будетъ такое?

— Справедливый судъ богоматери, нравоученіе, сударыня.

— А!

Послѣдовала пауза. Незнакомецъ прервалъ ее:

— Это составяет новое правоученіе; его дадутъ въ первый разъ.
— Такъ это не то, которое давали два года тому назадъ, въ день прибытія г. легата, когда еще три дѣвочки исполняли роль?..

— Спрятать? да еще раздѣтыль? Это была важная-то драма. Сегодня будетъ пьеса, написанная нарочно для Маргариты Фландрской.

— Будутъ пѣть куншеты?

— Фи! то что хорошо для легата, негодится приицесѣ.

— А жаль. Тогда были также дикіе люди и сражались между собою и расгибали разные пѣсенки.

— А около нихъ играли равные инструменты; было очень прилично.

— А еще былъ фонтанъ изъ вина и нѣли все, сколько кому хотѣлось.

— А помнишь, былъ приступъ и всѣхъ англичанъ перебилъ?

— Когда г. легатъ проѣзжалъ по мосту, то выпустилъ множество птицъ; какъ это было хорошо!

— Сегодня будетъ лучше, прервалъ незнакомецъ, слушавшій съ нетерпѣніемъ.

— Такъ вы ручаетесь, что мистерія будетъ хороша?

— Сударыни! Я самъ сочинилъ ее.

— Неужели? сказали удивленныя дѣвушки.

— Да, отвѣчалъ поэтъ съ нѣкоторой важностью: — то есть мое: Маршанъ, который пилилъ доски и строилъ сцену и я, который написалъ пьесу. Меня зовутъ Пьеръ Гренгуаръ.

Авторъ Сиада съ меньшею гордостью объявилъ бы, что его зовутъ Пьеромъ Корнелемъ.

Читатели вѣрно уже замѣтили, что прошло довольно времени съ тѣхъ поръ какъ Юпитеръ скрылся за драпировкой до той минуты, когда авторъ мистеріи открылся своимъ наивнымъ почитательницамъ. Странно: толпа, такая нетерпѣливая за минуту, добродушно ждала, положившись на слово комеданта. Это подтверждаетъ вѣчно повторяющуюся истину, что лучший способъ заставить публику долго ждать, это сказать ей, что представленіе сейчасъ начнется.

Одинъ Фролло не дремалъ.

— Эй, Юпитеръ! заснулъ ты чтоли? Начинайте, или мы начнемъ свое!

Раздалися звуки музыки, драпировка расплывлась и изъ-за нея вышли четыре нарумяненныхъ и разряженныхъ личностей и стали подниматься по лѣстницѣ. На верхней площадкѣ оны выстроились въ

литию и много поклонились публикѣ; музыка замолчала, началась интродукція.

Актеры, получивъ должную дань рукоплесканій, начали прологъ, отъ котораго мы охотно забываемъ читателей. Впрочемъ тогда, какъ подчасъ и теперь, публика больше была занята ихъ костюмами, что было совершенно справедливо. Всѣ четверо были одѣты въ бѣломъ и желтомъ; платья отличались только качествомъ матеріи; первое было парчевое съ серебромъ, второе шелковое, третье шерстяное, четвертое холстинное. Первый персонажъ держалъ въ рукѣ шпагу, второй два золотыхъ ключа, третій вѣсы, четвертый заступъ; для людей несовсѣмъ догадливыхъ, на подолѣ перваго платья, было вышито черными буквами: «я дворянство», на подолѣ второго: «я духовенство»; на третьемъ: «я торговля» и на четвертомъ: «я земледѣліе». Различіе пола обозначалось длиною платья и головнымъ уборомъ. У двухъ аллегорій мужескаго рода платья были короче и на головѣ шапочки.

Надо было вовсе не имѣть проницательности, чтобъ не понять изъ пролога, что земледѣліе было въ законномъ супружествѣ съ торговлей, а духовенство съ дворянствомъ и что у обоихъ семействъ былъ общій золотой дельфинъ, котораго они назначали лучшей изъ женщинъ. Они ходили долго по свѣту, отыскивая эту красавицу и отвергнувъ королеву голкондскую, принцессу требизондскую, дочь великаго хана татарскаго и т. д., пришли отдохнуть на мраморномъ столѣ и излить передъ зрителями весь запасъ риторическихкихъ фигуръ и кудрявыхъ фразъ, когда-либо существовавшихъ на свѣтѣ.

Все это было весьма хорошо.

Тѣмъ неменѣе изъ всей этой толпы, на которую четыре аллегоріи взапуски изливали свое краснорѣчіе, внимательнѣе всѣхъ былъ Пьеръ Гренгуаръ, неутерпѣвшій, чтобъ не сказать своего авторскаго имени двумъ молодымъ дѣвушкамъ. Слухъ его былъ напряженъ до послѣдней возможности, сердце билось, глаза такъ и вливались въ актеровъ; онъ слушалъ съ благоговѣйнымъ вниманіемъ автора, слѣдящаго за тѣмъ, какъ воплощаются его идеи. Достойный Пьеръ Гренгуаръ!

Съ сожалѣніемъ должны мы сказать, что упоеніе его было непродолжительно. Едва успѣлъ онъ прикоснуться губами къ чашѣ наслажденія, какъ въ нее привѣшалаобъ горечь.

Оборванный миціей, неимѣя возможности продрагаться сквозь тол-

пу для сбора милостыни, и вѣроятно ненадя достаточной помощи въ карманахъ своихъ ближайшихъ сосѣдей, вздумалъ помѣститься на первомъ встрѣчномъ видномъ мѣстѣ, чтобъ привлечь общее вниманіе. Въ самомъ началѣ пролога онъ пробрался по разнымъ личнымъ украшеніямъ на самую вершину стога, надъ эскадрой для веселья, и усаживъ тамъ, неговоря пока ни слова, но выставивъ напоказъ руку съ ужаснѣйшей раной. Прологъ шолъ своимъ чередомъ, какъ вдругъ Жанъ-Фредо замѣтилъ ниццога и залаялъ звонкимъ смѣхомъ :

— Ба! этотъ оберывшій проситъ милостыню!

Тотъ, кому случилось бросить камень въ болото или встрѣлить въ стаю птицъ, пойметъ какое дѣйствіе произвели эти неожиданныя слова въ минуту всеобщаго вниманія. Актеры остановились, все головы повернулись къ ниццогу, который не упустилъ удобнаго случая и затянулъ жалобнымъ голосомъ : «подайте милостынку!»

— Э! да это Клодень Трульеу. Что, любезный другъ, лѣвно ранѣ твоей не поправилось на ногѣ, что она перѣхала на руку?

Говоря это, онъ искусно бросилъ серебряную монету въ правую шапку ниццога. Ниццой незамутимо принялъ сарказмъ и милостыню и опять затянулъ свою жалобную ноту.

Этотъ эпизодъ значительно разсѣялъ слушателей, и большая часть молодежи весело андировала импровизированному дуэту между шлольничкомъ и ниццога.

Гренгуаръ былъ очень недоволенъ. Придя въ себя, онъ не переставалъ кричать четырьмя аллегоріями : — Да продолжайте же, чертъ васъ, воюми! и не удостоилъ даже взглядомъ двухъ нарушителей своего триума.

Кто-то сзади потянулъ его за сартукъ ; онъ обернулся неохотно, однако принужденъ былъ состроить улыбку, потому что дума, потревожившая его, принадлежала одной изъ его молодыхъ собратницъ.

— Будутъ они продолжать?

— Конечно, отвѣчалъ Гренгуаръ, обиженный вопросомъ.

— Въ такомъ случаѣ не будете ли вы такъ добры и не объясните ли мнѣ...

— То что они будутъ говорить? Да вы сами услышите.

— Нѣтъ, то что они говорили вначалѣ.

Гренгуара подернуло, какъ-будто кто пальцемъ коснулся ему до свѣжей раны.

— Чортъ побери глупую дѣвчонку! проворчала онъ съ своею зубою. — Съ этой минуты она потеряла права на его уваженіе.

Между тѣмъ актеры вняли его увѣщаніямъ и публика тоже приготовилась дослушивать, хотя и пропустила множество красотъ отъ неузнанной остановки. Гренгуаръ не безъ горечи думалъ объ этомъ. Никольникъ молчалъ, жидкій пересчитывалъ деньги, нѣса шла своею дорогою.

Это было прекрасное твореніе, которыхъ можно бы, по нашему мнѣнію, воспользоваться и теперь, допустивъ нѣкоторые передѣлки. Правда, что вступленіе было нѣсколько длинно и пусто, но зато Гренгуаръ изъ своего угла любовался его юностью. Какъ и слѣдовало ожидать, аллегорія очень устала отъ своего долгаго путешествія, все-таки ненашедши пристанища своему золотому дельянму. Начались похвалы чудесной рыбѣ, съ томскими и неуслыми замками на молодого жениха Маргариты фландрской, который въ это время печально сидѣлъ въ Амбуазѣ и нисколько не задарѣвалъ, что земледѣіе и духовенство, дворянство и торговля сдѣлали для него кругосвѣтное путешествіе. Вышеупомянутый дельянмъ (былъ, по словамъ аллегорій, молодъ, красивъ, силенъ и главное (какое чудодѣйственное происхожденіе царственныхъ добродѣтелей!) былъ сыномъ французскаго льва. Я заявляю, что эта смѣлая метафора удивительна и что естественная исторія театровъ въ припадкѣ аллегорій и эпиграммъ владѣтельнымъ лицамъ нисколько не оскорбляется продолженіемъ дельянма отъ льва. Эти-то рѣдкія и павдаровскія смѣленія народъ и выражаютъ энтузіазмъ. Чтобы бросить на нѣсу критическій взглядъ, скажишь пожалуй, что авторъ могъ бы выразить свою прекрасную идею менѣе чѣмъ въ двухъ устахъ стихахъ. Правда и то, что по распоряженію судьи мистерія должна была занять время отъ полудня до четырехъ часовъ, а надо же говорить что-нибудь въ такой промежутокъ. Слушали впрочемъ терпѣливо.

Вдругъ, въ самый разгаръ ссоры между торговлей и дворянствомъ, въ то время когда земледѣіе произноситъ удивительный стихъ:

On ne s'il dans les bois bête plus agissante —

дверь эстрады отворилась и пронзительный голосъ привратника провозгласилъ: «Его эминенція кардиналъ герцогъ бургонскій!»

III

ЕГО ЭМИНЕНЦІА

Бѣдный Гренгуаръ! Двойной зарядъ изъ пушекъ, залпъ двадцати мундшетоуъ, звукъ знаменитаго орудія въ бывшей Близнѣ, которое во время осады Шарнижа, въ воскресенье 29 сентября 1465 года, убило разомъ семерыхъ бургомистровъ, взрывъ всѣхъ пороховыхъ запасовъ не произвелъ бы на него такого оглушительнаго дѣйствія, какъ эти простые слова: «Его эминенція кардиналъ герцогъ бургонскій».

Нельзя сказать, чтобы Пьеръ Гренгуаръ боялся кардинала или чувствовалъ къ нему презрѣніе. У него не было ни этой слабости, ни этого высокомерія. Настоящій электикъ, какъ сказали бы въ наше время, Гренгуаръ былъ одинъ изъ тѣхъ умовъ космополитическо-спокойныхъ, твердыхъ и умеренныхъ, которые всегда умѣютъ держаться золотой середины (*stare in dimidio sentis*) и быть, одновременно разсудка и либеральной эмиссией, непереставая уважать кардиналовъ. Драгоценная и нестойкая раса эмиссией, которую новая Ариадна кажется дала клубокъ, и они охотно пробирются съ нимъ по житейскому лабиринту. Они неизмѣнны во все времена, следовательно всегда умѣютъ быть современными.

Итакъ къ несправдливому чувству отъ павленія кардинала не пригнѣшивалась ни ненависть, ни презрѣніе въ душѣ Гренгуара. И наоборотъ, у нашего поэта было слишкомъ много здраваго смысла и костями его было слишкомъ изодранъ, такъ что онъ не могъ не желать, чтобы и некоторыя фразы, содержащія похвалы дошину, золотили до чѣлхъ-нибудь высокими ушами. Впрочемъ интересъ не преобладаетъ въ поэтическихъ натурахъ. Если предположить, что сумасшедшій поэтъ превращается цѣлою десятою, какой-нибудь химикъ, разложивъ эту десятою бы девять частей самолюбія и одну десятую интереса. Въ ту минуту какъ отворялась дверь предъ кардиналомъ, девять частей гренгуарова самолюбія были сильно напряжены въ ожиданіи славы, такъ что одна десятая интереса, замѣченная нами въ поэтическихъ натурахъ, была совершенно въ тѣни; впрочемъ она составляетъ драгоценный ингредиентъ, въ силу котораго поэты получаютъ известную долю практичности и несколько дѣ-

лаются сынами земли. Гренгуаръ наслаждался, видя цѣлую массу, правда простонародья, но все-таки массу, изумленную, внимательную, какъ-будто даже подавленную множествомъ тирадъ, ежеминутно вырывавшихся у его персонажей. Я готовъ утверждать, что и самъ онъ раздѣлялъ всеобщее удивленіе и наперекоръ Лафонтену, который во время представленія своего Флорентинца спросилъ: «Какимъ это изученіемъ вы назвали эту рапсодію?» Гренгуаръ готовъ былъ спросить: «Чье это образцовое произведеніе?» Можете представить какое дѣйствіе: произвало на него внезапное паденіе кардинала.

Страхъ его, вполнѣ оправдался. Входя въ амфиатрѣю, растревожилъ все общество. Всѣ головы обернулись къ астрадѣ. Гвалтъ былъ ужасный. Несчастныи предсѣдъ былъ еще разъ ошаманенъ...

Кардиналъ остановился на минуту на порогѣ астрады. Поднялась цѣлая тревога; чтобы взглянуть на него; каждый старался извыситься надъ головой стоящаго впереди.

Это была на самомъ дѣлѣ высокая личность, и взглянуть на нее стоило любви комедіи. Карлъ Бурбонъ, кардиналъ, архіепископъ и графъ фонекій, принцесса Галлиа, состоятъ въ двойномъ родствѣ: съ Людовикомъ XI — съ стороны своего брата, Петра де-Боже, женатого на старшей дочери короля, и съ Карломъ-смѣлымъ, — по своей матери Агнесѣ бургонской. Слѣдственно главной характеристической чертой его была душа куртизанства и преданность властямъ. Легко можно судить, сколько хлопотъ было ему отъ его двойного родства и между оролыми подводными камнями должна была ламировать его духовная ладья, чтобы не разбиться ни объ Людовика, ни объ Карла, эту Хариблу и Сциллу, поглотившую герцога монмурскаго и конетабля де Сен-Поль. Благодаря-богу онъ цѣль и невредимъ добрался до Рима. Но, хотя и у приетани, и потому именно, что былъ у приетани, онъ не безъ сардечной тревоги вспоминалъ тревоженія своей многотрудной политической карьеры. Онъ обыкновенно говаривалъ, что 1476 годъ былъ для него бѣлымъ и чернымъ; разумѣя подъ этимъ, что тогда онъ иммигрировалъ своей матери и двоюроднаго брата, герцога бургонскаго, и что одна потеря утѣшила его въ другой.

Впрочемъ это былъ добрый человекъ; онъ велъ веселую жизнь, охотно пилъ королевское вино, охотнѣе оказывалъ благотвореніе молодымъ дѣвушкамъ нежели старухамъ, и за все это былъ очень приятенъ народу. Его всегда сопровождала небольшая свита епископовъ и аббатовъ изъ хорошихъ фамилій, веселыхъ, милыхъ, любящихъ

покутить, и нѣрѣдко Богомольныя дамы сенжерменскаго прихода, проходя вечеромъ подъ освѣщенными окнами дома Бурбоновъ, къ великому скандалу слышали какъ тѣже самые голоса, которые имъ шли вечерню, распѣваютъ теперь вакхическую пословицу Бенуа XII, этого папы, который прибавилъ третій вѣнецъ къ тиарѣ: *Vivamus paraiter.*

Вѣроятно эта-то справедливо заслуженная популярность и спасла его отъ всякой неприятности, при появленіи на эстрадѣ, со стороны толпы, очень мало цѣнившей кардинальское званіе въ тотъ день, когда ей предстояло избрать папу. Но парижане не злопамятны; они поставили на своемъ, заставивъ начать мистерію, и были совершенно довольны. Ктому же кардиналъ былъ очень красивый мужчина и умѣлъ отлично носить свое превосходное красное платье; изъ этого слѣдуетъ, что прекрасная половина присутствующихъ была на его сторонѣ. Возможно ли изъявить неудовольствіе кардиналу, заставившему себя ждать, когда онъ такой красивый мужчина и такъ хорошо носитъ свое красное платье!

Онъ взошелъ, поклонился съ улыбкой и медленно направился къ своему креслу изъ пунцоваго бархата, съ видомъ человѣка, думающаго о совершенно постороннихъ вещахъ. Слѣдомъ за нимъ вошла его свита. Въ толпѣ каждый хвасталъ, что знаетъ хотя одного епископа, каждый называлъ своего, причемъ произносились странныя имена, едвали кѣмъ слыханныя. Школьники потѣшались; это былъ ихъ день, ихъ праздникъ, ихъ ежегодная оргія. Каждая шалость была въ этотъ день законна. Ктому же въ толпѣ было много веселыхъ Агнесъ, Клавдій и проч.: а какъ не подурачиться въ такомъ веселомъ обществѣ?

Кардиналъ между тѣмъ готовился къ принятію фландрскаго посольства, вступившаго вслѣдъ за нимъ за эстраду.

Нельзя сказать, чтобы онъ былъ большой политикъ и заботился о послѣдствіяхъ брака своей кузины Маргариты бургонской съ своимъ кузеномъ Карломъ, дофиномъ венскимъ, или вычислялъ какъ долго можетъ продлиться миръ между герцогомъ австрійскимъ и королемъ Франціи. Ему было рѣшительно все равно, какъ приметъ англійскій король отказъ своей дочери, и онъ попивалъ каждый вечеръ королевское вино, недодозрѣвая, что нѣсколько бутылокъ того же напитка, разумѣется исправленныхъ и пополненныхъ докторомъ Куатье, предложенныхъ въ подарокъ Людовикомъ XI Эдуарду IV, избавитъ Людовика отъ Эдуарда. Достопочтенное австрійское по

сольство не внушало. всѣхъ этихъ заботъ кардиналу, но докучало ему въ другомъ отношеніи. Въ самомъ дѣлѣ было очень несправедливо ему, Карлу Бурбону, ухаживать за какими-то бюргерами, любителями пива. При этомъ случаѣ онъ конечно сдѣлалъ самую трудную гримасу въ угоду королю Франціи.

Итакъ кардиналъ съ самой любезной миной обратился къ двери; конечно вся ваза послѣдовала его примѣру.

Въ дверь начали входить попарно, съ важностью, составлявшешо разительный контрастъ съ шумной свитой кардинала, сорокъ восемь посланниковъ Максимилиана австрійскаго. Толяна затихла; только изрѣдка слышался взрывъ смѣха при какомъ-нибудь странномъ имени или слишкомъ мѣщанскомъ титулѣ вновь прибывшихъ. Всѣ личности были важны, серьезны, разодѣты въ бархатъ и шелкъ, въ шапочкахъ изъ чернаго бархата съ золотыми кистями; у всѣхъ были добродушныя фламандскія головы, серьезные и строгія, изъ ряда тѣхъ, которыхъ Рембрантъ изобразилъ въ своемъ ночномъ смотру; на всѣхъ лицахъ была написано, что Максимилианъ хорошо сдѣлалъ, *положившись аюль на такыя достойныя предметскетелы.*

Одно только лицо рѣзко отличалось отъ прочихъ: оно было умное и хитрое, какъ у обезьяны или дипломата; кардиналъ сдѣлалъ къ нему нѣсколько шаговъ и особенно поклонился, хотя приходшаго звали просто Вильгельмомъ Раймъ, совѣтникомъ города Гента.

Наинюгіе знали тогда, что такое Вильгельмъ Раймъ. Это былъ рѣдкій геній, который выказался бы въ полномъ блескѣ во время революцій, но въ XV вѣкѣ осужденъ былъ на *ведение подземныхъ интригъ*, какъ говорилъ герцогъ Сен-Симонъ. Его вполне умѣлъ оцѣнить хитрейшій человекъ Европы; онъ имѣлъ частныя секретныя бесѣды съ Людовикомъ XI и исполнялъ его тайныя порученія. Всѣ эти вещи конечно небыли извѣстны толпѣ, удивлявшейся необыкновенной вѣжливости кардинала къ такой невзрачной фламандской личности.

IV

ТАКОВЪ КОППЕНОЛЬ

Пока кардиналъ и совѣтникъ обмѣнивались низкими поклонами и нѣсколькими тихими словами, человекъ высокаго роста, съ широ-

лицомъ и плечами, хотѣлъ войти вслѣдъ за Раймомъ, какъ будто хотѣлъ вслѣдъ за лиоцей. Его войлочная шапка и кожаный кафтанъ резко бросались въ глаза среди шелка и бархата. Думая, что это какой-нибудь конюхъ, привратникъ не хотѣлъ пустить его.

— Нельзя, любезный другъ!

— Что надо отъ меня этой рожь? сказала новопривыщій такъ громкимъ голосомъ, что вся зала обратила вниманіе,

— Ваше имя?

— Иаковъ Коппеноль.

— Ваше званіе?

— Продавецъ панталонъ въ Гентѣ.

Приманчиво заулыбался. Докладывать о бургомистрахъ вѣдѣше смосно, но о продавецѣ нижняго платья... это ужь единкомъ. Кардиналъ былъ на угольяхъ. Тогда ждала и слушала. Его эминенція цѣлыхъ два дня приглаживала этихъ фламандскихъ мелнтьевъ, чтобы приманчиво показать ихъ публикѣ, какъ вдругъ такой случай! Вильгельмъ Раймъ нашолся:

— Доложи: Иаковъ Коппеноль, старшина города Гента, подса- залъ онъ тако.

Кардиналъ громко повторилъ титулъ.

Это была ошибка: Коппеноль слышалъ.

— Нѣтъ, закричалъ онъ своимъ громовымъ голосомъ, — Иаковъ Коппеноль продавецъ нижняго платья, ни болѣе ни менѣе, слышимъ? Хорошо и такъ. Эрцгерцогъ не гнушается же брать перчатки изъ кармана моихъ панталонъ.

Раздался смѣхъ и рукоплесканія. Шутку всегда поймутъ и оценятъ въ Парижѣ.

Прибавимъ, что Коппеноль принадлежалъ къ народу и народъ ему анлодировалъ. Сообщение между ними было быстрое, электрическое. Гордая выходка въ присутствіи придворныхъ пробудила въ плебейскихъ душахъ какое-то чувство собственнаго достоинства, еще очень смутное въ XV вѣкѣ. Продавецъ платья ихъ ровнялъ: такъ говорить съ кардиналомъ! — эта мысль была пріятна людямъ, привывшимъ дрожать передъ каждымъ сержантомъ.

Коппеноль гордо поклонился его эминенціи, тотъ оглядъ поклонъ сильному гражданину, котораго побаивался Людовикъ XI. Потомъ, пока Вильгельмъ Раймъ, умный и хитрый, во словахъ Фидина до Коппеноль, слышалъ за обоими саркастическимъ взглядомъ, они сѣли на свои мѣста — кардиналъ озабоченный и сконуженный, Коппеноль

спокойный и гордый, сознавая по всей вѣроятности, что его титулъ продавца платья стоилъ титула кардинала и что Марія Бургонская, мать той Марин, которой бракъ онъ теперь устраивалъ, мѣше бы боялась его, когда бы онъ былъ кардиналомъ, а не лавочникомъ; потому что не кардиналъ заставилъ бы толпу пренебречь словами Маргариты Фландрской, у подножія эшафота умолившей за своихъ фаворитовъ: простой лавочникъ заставилъ пасть ваши головы, святѣйшій Гюи Гимберкуръ, канцлеръ Вильгельмъ Гюгонъ!

Но не все еще кончилось для бѣднаго кардинала; онъ долженъ былъ выпить до дна чашу горечи отъ такого неприличнаго общества.

Читатель вѣроятно не забылъ дерзкаго нищаго, забравшагося на колонну кардинальской эстрады. Прибытіе именитыхъ посѣтителей не заставило его измѣнить мѣста, и пока посланники утискивались въ своей ложѣ, какъ настоящія Фламандскія сельды, онъ очень удобно уюлся и скрестилъ ноги на перекладинѣ. Дерзость была ужасная, но въ первую минуту никто не обратилъ на нее вниманія. Онъ въ свою очередь не замѣтилъ ничего особеннаго въ залѣ и покачивая головою какъ безпечный неаполитанецъ, затыкалъ отъ времени до времени свою жалобную ноту. Нужно же было, чтобы Іаковъ Коппеноль сѣлъ въ первый рядъ, возлѣ самой колонны. Пока лавцій раскачивался, Коппеноль положилъ ему на плечо руку; нищій обернулся; оба удивились, потомъ узнали другъ друга и обрадовались; ницелю не забываясь о зрителяхъ, нищій и продавецъ платья начали потихоньку разговаривать, держась за руки, такъ что дохмотья Трульфу смѣшивались съ золотыми украшеніями эстрады.

Новость подобной сцены возбудила одобреніе и смѣхъ въ залѣ, такъ что кардиналъ обратилъ вниманіе. Наклонившись впередъ и видя только часть грязнаго платья Трульфу, онъ подумалъ, что тотъ просить милостыню и закричалъ судья:

— Бросьте это чучело въ рѣку!

— Господинъ кардиналъ, сказалъ Коппеноль, невыпуская рукъ нищаго, — это одинъ изъ моихъ друзей.

— Bravo! bravo! кричала толпа. Съ этой минуты Коппеноль получилъ въ Парижѣ такую же популярность, какъ и въ Гентѣ.

Кардиналъ закусилъ губы. Онъ нагнулся къ своему сосѣду аббату св. Женевьевы и сказалъ вполголоса:

— Странное посольство выбралъ эрцгерцогу, чтобъ сообщить вамъ прибытіе Маргариты!

— Ваша аминенція понапрасну тратитъ свою любезность на этихъ фламандцевъ: *Margaritas ante porcos.*

— Скажите лучше, замѣтилъ кардиналъ съ улыбкой: — *porcos ante Margaritam.*

Вся свита была въ восторгѣ отъ каламбура. Кардиналу сдѣлалось легче; теперь онъ поквитался съ Коппенелемъ; его шутки также аплодировали.

Теперь пусть позволяютъ намъ тѣ читатели, которые оспособны обобщить образъ и идею, какъ говорятъ въ наше время, спросить ихъ: ясно ли они представляютъ себѣ видъ, который имѣла большая зала въ минуту нашего рассказа? По срединѣ ея, у восточной стѣны великолѣпная широкая эстрада съ золотомъ парчей, въ которую входятъ попарно, чрезъ готическую дверь, важныя лица, перевозглашаемая придверникомъ; на переднихъ скамьяхъ уже множество почтенныхъ лицъ, въ горностаяхъ и бархатахъ. Вокругъ эстрады, дышащей тишиной и важностью, внизу ея, со всѣхъ сторонъ, шумъ и толпа. На каждое лицо эстрады устремлено тысячу глазъ, тысячи губъ повторяютъ каждое имя. Конечно все это любопытно и заслуживаетъ вниманія; но тамъ, въ концѣ, что это за возвышеніе на четырехъ пестрыхъ столбахъ? Что это за человекъ въ черномъ платьѣ и съ блѣднымъ лицомъ? Увы, любезный читатель! Это Пьеръ Гренгуаръ и его прологъ...

Мы его всѣ совершенно забыли.

А этого-то онъ пуще всего боялся.

Съ самаго входа кардинала Гренгуаръ хлопоталъ о спасеніи своего пролога. Онъ было велѣлъ актерамъ продолжать и возвысить голосъ, но видя что никто не слушаетъ, остановилъ ихъ; въ продолженіи цѣлой четверти часа онъ не переставалъ выходить изъ себя, топтать ногами, призывать вниманіе сосѣдей — и все напрасно. Никто не отворачивался отъ кардинала, посланниковъ и эстрады, центра всѣхъ взоровъ. Къ величайшей горести надо признаться, что прологъ начиналъ уже порядочно надоѣдать, когда кардиналъ такъ кстати прервалъ его. Притомъ на эстрадѣ и на мраморномъ столѣ были одни и тѣже персонажи: собраніе земледѣльцевъ и духовенства, дворянства и торговцевъ. Многимъ зрителямъ лучше нравилось видѣть всѣ эти сословія въ настоящемъ ихъ видѣ, на эстрадѣ, въ костюмахъ фламандскихъ посланниковъ, въ мантии кардинала, въ одеждѣ Коппенеля, чѣмъ набѣденныхъ и говорящихъ стихами, въ желтыхъ туникахъ, которыми наградилъ ихъ Гренгуаръ.

Однакожь нашъ поэтъ, пользуясь водвореніемъ тишины, придумалъ хитрость, которая могла бы все спасти.

— Милостивый государь, началъ онъ обращаясь къ своему толстому сосѣду съ лицомъ выражавшимъ терпѣніе: — что, еслибы начать сначала?

— Что такое? спросилъ сосѣдъ.

— Да мистерію, отвѣчалъ Гренгуаръ.

— Какъ вамъ угодно, отвѣчалъ сосѣдъ.

Этого полуодобренія было довольно Гренгуару; онъ принялся самъ хлопотать о себѣ, и вмѣшавшись въ толпу, началъ кричать:

— Сначала мистерію! Сначала!

— Чортъ! сказалъ Юганъ де Молендино: — что они тамъ напѣвають? (Гренгуаръ кричалъ за четверыхъ.) Братцы, развѣ мистерія не кончилась? Они требуютъ ее сызнова: это несправедливо!

— Нѣтъ, нѣтъ! подхватили школьники: — ненужно мистеріи!

Но Гренгуаръ кричалъ еще громче.

Шумъ привлекъ вниманіе кардинала:

— Что они такъ шумятъ, г. судья, будто въ аду? сказалъ онъ, наклонясь къ черной фигурѣ, стоявшей подлѣ него.

Этотъ судья былъ родъ амфибіи, летучей мыши судебного разряда, похожій на крысу и птицу, на судью и солдата.

Онъ не безъ страха подошелъ къ его эминенціи и объяснилъ запинаясь народное своеволие и то, что полдень прибылъ раньше его эминенціи, такъ что актеры не могли уже отказываться.

Кардиналъ расхохотался.

— Что-бы ректору университета догадаться сдѣлать тоже что и комедіанты! Какъ вы думаете, г. Раймъ?

— Будемъ довольны, ваша эминенція, что избавлены хоть отъ половины комедіи.

— Могутъ эти шуты продолжать свое дѣло? спросилъ судья.

— Продолжайте пожалуйста, мнѣ все равно. Я буду пока читать молитвенникъ.

Судья приблизился къ краю эстрады и прокричалъ:

— Граждане и всѣ присутствующіе! чтобы удовлетворить тѣхъ, которые требуютъ начала, и тѣхъ, которые желаютъ конца, его эминенція приказалъ продолжать пьесу съ того мѣста, на которомъ остановились.

Нужно было покориться. Впрочемъ авторъ и публика долго были въ претензіи на кардинала.

Итакъ актеры опять начали болтовню и Гренгуаръ надѣлся, что по крайней мѣрѣ конецъ его созданія будетъ оцененъ по достоинству. Но и эта надежда незамедлила рушиться. Въ то время какъ кардиналъ отдавъ приказъ о продолженіи мистеріи, эстрада была еще далеко не полна, такъ что стики пролога часто были раздѣляемы надвое крикливымъ голосомъ привратника, провождавшаго новаго зрителя.

Это было невыносимо.

Этотъ странный аккомпаниментъ, мѣшавшій слѣдить за пьесой, былъ тѣмъ невыносимѣе для Гренгуара, что онъ создавалъ какъ растеть интересъ его пьесы и что единственная бѣда въ томъ, что никому ее слушать. Въ самомъ дѣлѣ трудно придумать болѣе драматизма. Аллегоріи были въ смертельномъ недоумѣніи, когда сама Венера предстала предъ ними и требовала дельфина, обѣщаннаго красивѣйшей изъ женщинъ. Юпитеръ поддерживалъ ея просьбы своими громами и дѣло почти рѣшилось, какъ вдругъ явилась маленькая дѣвочка, одѣтая въ бѣломъ дамъ и держащая въ рукахъ бѣлую маргаритку (олицетвореніе Маргариты фландрской). Театральный эффектъ. Послѣ долгаго состязанія маргаритка, Венера и компанія рѣшили обратиться къ суду. Была еще хорошая роль дона Педро, короля Месопотаміи, но такъ какъ пьеса безпрестанно прерывалась, то и трудно было судить зачѣмъ онъ тутъ случился. Всѣ именитыя лица безъ церемоніи входили по лѣстницѣ.

Увы! ни одна красота не была понята и прочувствована. Съ прибытіемъ кардинала будто какая магическая нить обратила всѣ взоры къ эстрадѣ, съ южной на восточную сторону залы. Ничто не въ силахъ было разрушить этихъ чаръ и новоприбывающіе, съ своими проклятыми именами, продолжали разсѣвать публику. За исключеніемъ молоденькихъ сосѣдокъ, оглядывавшихся всякій разъ какъ Гренгуаръ дергалъ ихъ за рукавъ, и терпѣливаго толстяка, вся публика стояла профилемъ къ сценѣ.

Съ какимъ горькимъ чувствомъ видѣлъ Гренгуаръ разрушеніе зданія своей славы и поэзіи! Какъ вспомнишь, что всѣ эти люди готовы были довѣсить судьбу отъ нетерпѣнія видѣть мистерію! При какомъ единодушномъ сочувствіи она начиналась! А теперь?.. О непостоянство народнаго увлеченія! Чего бы онъ не далъ, чтобъ воротить ту сладкую минуту, когда собирались вѣшать сержантовъ!

Грубый монологъ привратника наконецъ прекратился и Гренгуаръ вздохнулъ свободно; актеры храбро продолжали свое дѣло,

Никто же было этому невинистому Коппенюлю встать съ мѣста и начать свою скверную рѣчь :

— Господа граждане и молодежь Париска! по чести, я незнаю что мы здѣсь дѣлаемъ. Я вижу тамъ въ углу, на возвышенія, людей, которые кажется жалуютъ драться. Незнаю что у васъ называется министеріей, только это скучно; они болтають языкомъ и больше ничего. Уже съ четверть часа я ожидаю начала драки, но ея нѣтъ; это трусы, которые умѣють только ругаться. Нужно было выписать нулачныхъ бойцовъ изъ Лондона или Роттердама, тогда было бы другое дѣло! На этихъ смотрѣть жалко. Хоть бы они что-нибудь проплясали! Мы общали совсѣмъ другое: праздникъ шутовъ съ избраніемъ папы. У насъ въ Гентѣ также есть такой папа; въ этомъ мы не отстаемъ. Только у насъ вотъ какъ дѣлается: мы всѣ собираемся толпою, какъ здѣсь; потомъ каждый просовываетъ голову въ какое-нибудь отверстие и дѣлаетъ режу: тотъ, у кою режа выйдетъ всѣхъ хуже, избирается въ папы; это очень забавно. Хотите выбирать папу по-моему? Будетъ гораздо занимательнѣе, чѣмъ слушать этихъ болтуновъ. Если они тоже захотятъ дѣлать режи, то мы и ихъ примемъ въ игру. Какъ вы думаете, господа граждане? Здѣсь порядочно наберется уморительныхъ лицъ мужского и женскаго пола, такъ что можно ожидать славной хари и похотать пофламандски.

Гренгуаръ хотѣлъ отвѣчать: удивленіе, гнѣвъ пресѣкли его голосъ. Впрочемъ предложеніе популярнаго торговца панталонами было принято съ такимъ единодушіемъ и энтузіазмомъ, что всякая рѣчь была бы бесполезна. Оставалось предаться теченію. Гренгуаръ закрылъ лицо руками, за неимѣніемъ плаща Агамемвона.

V

КВАЗИМОДО

Въ одно мгновеніе все было готово, чтобы осуществить идею Коппенюля. Буржуа, школьники и чернь, всѣ принялись за дѣло. Часовенька напротивъ мраморнаго стола была избрана мѣстомъ гримасъ. Одно разбитое стекло въ прелестной розеткѣ надъ дверью оставило пустой кругъ, въ который конкуренты рѣшили выставять голову. Чтобы достать до него, нужно было взобраться на двѣ бо-

ти, поставленнымъ одна на другую и извѣстнаго бога-эбоза-этиуда. Въ условіи значилось, что каждый кандидатъ нужного пола (женщины тоже допускались въ избранію), чтобы произвести своей гримасой полное впечатлѣніе, будетъ сидѣть въ углу часовни, закрыть лицо руками. Въ одну минуту конкурентовъ оказалась бездна и дверь часовни затворилась за ними.

Коппеноль распорядился съ своего мѣста. Кардиналь, сконфуженный неменьше Гренгуара, ушелъ съ своей свитой; ночь-предлогомъ вечерни, и таже толпа, на которую появленіе его произвело такое сильное впечатлѣніе, теперь и не замѣтила его ухода. Вильгельмъ Раймъ одинъ намѣтилъ ототупленіе его эмишшцимъ. Народное любопытство шло путемъ солнца: съ одного конца зала оно сначала перешло на средину, а теперь стремилось въ противоположный уголъ. Мраморный столъ и парчевая эстрада отбыли-свою очередь; теперь былъ чередъ часовни Людовика XI. Раздолье для шалостей было полное; въ залъ оставалась только червь да фламандцы.

Начались гримасы. Первая рожа, показавшаяся въ оявъ, съ вывернутыми нѣками, съ исковерканнымъ ртомъ и лбомъ сморщеннымъ какъ гусарскіе сапоги времянь имперіи, произвела такой ужасный хохотъ, что Гомеръ принялъ бы всѣхъ этихъ шалопавъ за боговъ. Между тѣмъ зала далеко не была Олимпомъ; Одиный гренгуаромъ Юпитеръ зналъ это очень хорошо. Эсониъ послѣдовала другая, третья, четвертая гримаса и всѣ сопровождалась смѣхомъ и топаньемъ. Въ этомъ зрѣлищѣ было какое-то необъяснимое упоеніе; совершенно непонятное нашимъ современнымъ читателямъ. Представьте себѣ цѣлый рядъ лицъ, изображающихъ всѣ геометрическія формы, отъ треугольника до трапеціи и т. д.; всѣ выраженія человеческихъ лицъ, отъ гнѣва до сладострастія; всѣ возрасты, отъ морщинъ новорожденного до морщинъ старика; всѣ религиозныя фантазмагоріи, отъ Фавна до Вельзевула; всѣ прожилы животныхъ. Представьте себѣ всѣхъ чудовищъ Нового-моста ожившими и смотрящими на васъ огненными глазами, всѣ маски венеціанскаго карнавала, однимъ словомъ цѣлый людской калейдоскопъ.

Ордія дѣлалась все болѣе и болѣе фламандскою. Теньеръ не въ силахъ бы былъ дать о ней полное понятіе. Пусть представляютъ себѣ въ видѣ вакханаліи битву Сальвадора-Розы. Тутъ нечеловѣческое различіе званій, пола и возраста, все слилось въ общемъ раз-

гуль. Зава была обремененной мазовальной пшима, казмыш-ротъ издавала крикъ, каждый взоръ металъ искры, каждое лицо было гримасой, каждое движение свободной пазей: все ревяло и дохотало. Лица, показывающіяся изъ окна, служили горячими головами, бросавшимися въ эту печь; и изъ всей этой толпы вылетала, какъ дымъ изъ огромной печи, гуль, шипѣнье, смѣхъ.

— А, ахъ, чортъ побери!

— Смотри на эту рожу!

— Фуй, гадость!

— Ну-ка другую!

— Вильгельмина, посмотри на эту бычачью морду: недостаетъ только рога. Не твой ли это мужъ?

— Проваливай!

— Это что за гримаса?

— Ну это ужъ нечестно!.. Позволено показывать только лицо.

— Отъ шалуньи Перетты это стается!

— Bravo! Bravo!

— Ухъ, дышать не могу!

— У этого уши не пролѣзаютъ! — И т. д., и т. д.

Надо отдать полную справедливость нашему другу Фролло. Впродолженіи всего этого шабаша онъ все еще былъ на своемъ прежнемъ мѣстѣ, какъ юнга на мачтѣ. Ротъ его былъ открытъ во всю ширину и издавалъ звукъ, котораго уже небыло слышно: такъ высокъ былъ его диапазонъ.

Чтожъ касается Гренгуара, то спустя первую минуту онъ рѣшился не уступать ни шагу. «Продолжайте!» крикнулъ онъ въ третій разъ своимъ говорящимъ машинамъ и пока расхаживалъ одиноко передъ мраморнымъ столомъ, ему пришла мысль показаться въ окнѣ и сдѣлать самую злую гримасу этой неблагодарной толпѣ. Но нѣтъ, это бы было недостойно насъ! будемъ бороться до конца! власть поэзіи надъ народомъ велика. Посмотримъ что возьметъ верхъ: литература или гримаса.

Увы! онъ остался единственнымъ зрителемъ своей пьесы.

Теперь къ нему обратились даже не профилемъ, а просто спиной.

То-есть нѣтъ. Терпѣливый толстякъ, къ которому онъ уже обращался за совѣтомъ, стоялъ лицомъ къ балюстрада. Молодые бабенки давно дезертировали.

Гренгуаръ былъ до глубины души тронутъ постоянствомъ своего единственнаго зрителя. Онъ подошелъ къ нему и сказалъ, тол-

кнувъ его немного подъ руку, потомучто добриятъ вазуль; отпар-
вись о балюстраду:

— Милостивый государь, благодарю васъ!

— За что, милостивый государь? отвѣчалъ тотъ зѣвая.

— Я вижу, что вамъ надобно, сказала востъ, — этотъ шумъ,
который помѣшалъ вамъ слушать. Но будьте покойны: вѣрно вамъ
перейдете къ потомству. Позвольте узнать ваши имя?

— Рено Шато, къ вашимъ услугамъ.

— Милостивый государь, вы здѣсь единственный представитель
нужь.

— Вы слишкомъ добры, милостивый государь.

— Вы одна съ должнымъ вниманіемъ слушали пьесу. Какъ вы
ее находите?

— Гм! гм! сказалъ тотъ совершенно пресмувшись: — она очень
забавна.

Гренгуаръ принужденъ былъ удовольствоваться этой похвалою,
потомучто цѣлый залъ рукоплесканій, съ ужасными восклицаніями
прервалъ ихъ разговоръ. Папа шутовъ былъ избранъ.

— Bravo! bravo! bravo! кричали со всѣхъ сторонъ.

На самомъ дѣлѣ это была удивительная гримаса. Послѣ всѣхъ
пятиугольныхъ, шестиугольныхъ и неправильныхъ лицъ, появляв-
шихся въ окнѣ и недостигшихъ идеала, создавагося въ головахъ,
возбужденныхъ оргіей, нужно было именно такое первокласное
безобразіе. Самъ Коппеноль аплодировалъ и самъ Клопень Труйльфу,
бывшій въ числѣ конкурентовъ (а одинъ Богъ знаетъ до какой сте-
пени безобразія могло достигнуть его лицо), призналъ себя побѣ-
жденнымъ. Мы повѣримъ ему на-слово и не будемъ передавать чи-
тателю, что это былъ за трехугольный носъ, ротъ подковой и ма-
ленькій лѣвый глазъ, осѣненный рыжей, клокастой бровью, между
тѣмъ какъ товарищъ его съ правой стороны исчезалъ подъ громад-
ной бородавкой; зубы были неровные, мѣстами какъ зубцы на ба-
шинѣ; губы искривленные и на одной изъ нихъ выступалъ длинный
зубъ, какъ клыкъ у слона; подбородокъ острый; въ особенности же
нѣвозможно передать общаго характера фізіономія: это была смѣсь
хитрости, удивленія и печали. Вообразите, если можете, весь ан-
самбль.

Одобреніе было единодушное. Всѣ бросились къ часовнѣ. Счаст-
ливаго кандидата на папство съ триумфомъ вывели въ залу и тогда-
то удивленіе и восторгъ достигли полнаго апогея; гримаса была его

постоянно въ выраженіи лица или лучше сказать вся фигура его представляла одну гримасу. Большая голова съ клокастыми рыжими волосами, сзади огромный горбъ, часть котораго выходила и напередъ; ноги были такъ странно устроены, что склонились только въ дойти и представляли видъ двухъ костей, соединенныхъ въ своей верхней части; ступни широкія, руки чудовищныя, и со всемъ этимъ какой-то ошпеятой силы, ловкости и отваги; странное исключеніе изъ общаго правила, что сила, какъ красота, происходитъ изъ гармоніи. Таковъ былъ несомнѣнный папа шутовъ.

Это былъ раздробленный и потомъ худо сложенный гигантъ. Когда это подобіе циклопа показалось на порогѣ часовни, неподвижное, лохматое и почти квадратное, народъ тотчасъ узналъ его по его платью, частію красному, частію фіолетовому, съ серебряными мушкетями, въ особенности же по его феноменальному безобразію, и всѣ вскрикнули въ одинъ голосъ:

— Это Квазимодо звонарь! Это Квазимодо, горбатый изъ собора! Кривой Квазимодо! Кривоногий Квазимодо! Bravo! bravo!

Какъ-видно бѣднякъ могъ сдѣлать выборъ изъ прозвищъ.

— Берегитесь, беременныя женщины! кричали школьники.

— Или тѣ, которыя надѣются дойти до такого положенія! прибавилъ Фролло.

Женщины въ самомъ дѣлѣ закрывались руками.

— Мерзкая обезьяна! говорила одна.

— Такой же злой, какъ и безобразный, говорила другая.

— Это чортъ, прибавляла третья.

— Я по несчастью живу у собора и слышу какъ онъ ночью ходить по крышѣ.

— Съ кошками.

— Онъ всегда лазить по крышамъ.

— Онъ нашоптываетъ въ трубы.

— Одинъ разъ онъ выставилъ свою рожу въ мое слуховое окно.

Я думала, что это воръ и испугалась.

— Я увѣрена, что онъ ѣздитъ на шабашъ. Одинъ разъ онъ оставилъ метлу у моего колодца.

— О противная харя!

— О гадость!

— Фуй!

Мужчины напротивъ были въ восторгѣ и рукоплескали. Одинъ

школьникъ засмѣялся ему прямо въ лицо. Квазимодо видѣвъ его за поясъ и бросающаго въ толпу, неговера ни слова.

Восхищенный Коппеноль подошелъ къ нему.

— Ну, почтеннѣйшій, ты обладаешь такимъ безобразіемъ, какъ я во всю жизнь не встрѣчалъ.

Говоря это онъ весело положилъ ему на плечо руку. Квазимодо не шевельнулся. Коппеноль продолжалъ :

— Съ такимъ чудачкомъ я бы охотно подрался. Что ты объ этомъ думаешь ?

Квазимодо не отвѣчалъ.

— Чортъ побери, неужели ты еще и глухъ ?

Онъ былъ на самомъ дѣлѣ глухъ.

Однакожь ему начиная надѣяться приемы Кошениоля и онъ вдругъ повернулся къ нему съ такимъ скрежетомъ зубовъ, что фландрскій гигантъ отехушилъ, какъ бульдогъ отъ кошки.

Тогда вокругъ странной личности образовалась толпа, смотрящая съ любопытствомъ и ужасомъ. Одна старуха объяснила Кошениолю, что чудачъ глухъ.

— Глухъ! сказалъ тотъ съ своимъ фламандскимъ кокетомъ : — ну, лучшаго паны и желать нельзя.

— А, я узнаю его! сказалъ Фролло, сошедшій наконецъ съ своего мѣста, чтобъ видѣть пана поближе : — это авошаръ моего брата архидьякона.

— Здравствуй, Квазимодо.

— Вотъ чортова кукла! сказалъ Робертъ Пуспень, отряхавшись отъ своего паденія. — Посмотришь прямо — горбунъ, посмотришь снизу — кривоногій, взглянешь въ лицо — кривой, заговоришь — глухой. Какое-то употребленіе дѣлаетъ изъ своего языка это чучело ?

— Онъ говоритъ когда захочетъ, объяснила старуха : — онъ оглохъ отъ колокольнаго звона, онъ не глухонѣмой.

— Этого только ему недостаетъ, замѣтилъ Фролло.

— У него еще глазъ лишній, подсказалъ Пуспень.

— Неправда, справедливо возразилъ Фролло : — кривой гораздо несовершеннѣе слѣпого; онъ знаетъ чего ему недостаетъ.

Между тѣмъ всѣ нищіе, всѣ лакеи, всѣ мазурики въ сопровожденіи школьниковъ отправились процесіей доставать картонную тиару и мантию пацы-шутовъ. Квазимодо позволялъ одѣть себя съ видомъ нѣкоторой гордости. Потому что онъ посадилъ на шею но-

силки. Двенадцать членовъ шутовскаго братства подняли его на плеча; какая-то горькая и презрительная радость изобразилась на мрачномъ лицѣ циклопа, когда онъ увидѣлъ подъ своими ногами эти головы, принадлежащія людямъ высокимъ и красивымъ. Потому эта оборванная и кричащая процессія тронулась, чтобъ по обыкновенію обойти внутреннія галереи дворца, прежде чѣмъ появиться на улицахъ и предмѣстьяхъ.

VI

В СМЕРАЛЪДА

Съ душевнымъ удовольствіемъ сообщаемъ читателю, что пьеса Гренгуара все время шла своимъ чередомъ. Актеры, возбуждаемые имъ, не переставали декламировать, а онъ не переставалъ слушать. Онъ рѣшился не обращать вниманія на шумъ и все еще надвѣлся, что вотъ публика возвратится. Эта надежда воскресла, когда онъ увидѣлъ, что Квазимодо, Коппеноль и вся свита шутовъ удалялась. Увы! толпа жадно бросилась вслѣдъ за ними!

— Славно! всѣ зачинщики уберутся, подумалъ онъ.

Къ несчастію къ зачинщикамъ принадлежала вся публика. Въ одну минуту зала опустѣла.

Правда, осталось еще нѣсколько зрителей, женщинъ, дѣтей и стариковъ, которымъ надоѣлъ шумъ и которые толпились у колонъ, да нѣсколько школьничковъ сидѣло верхомъ на окнахъ и смотрѣло на площадъ.

— Довольно и тихъ, чтобъ дослушать конецъ, думалъ Гренгуаръ. — Ихъ мало, но зато это избранная, посвященная публика.

Въ эту минуту слѣдовало начать великолѣпную симфонію для выхода главнаго лица, но толпа увлекла музыкантовъ.

— Пропустить! стоически распорядился Гренгуаръ.

Онъ подошелъ къ одной группѣ, гдѣ казалось толковали о его пьесѣ, и вотъ что онъ слышалъ:

— Знаете, Шеното, наварскій отель, который принадлежалъ герцогу немурскому?

— Что противъ часовни?

— Ну да, онъ отданъ вънаймы за шесть ливровъ паризи въ годъ.

— Какъ квартиры-то дорожаютъ!

Гренгуаръ вздохнулъ. — Ну, зато другіе слушаютъ!

— Братцы! вскрикнулъ одинъ изъ школьнико́въ: — Эсмеральда на площади!

Это слово произвело магическое дѣйствіе. Все что оставалось въ залѣ, бросилось къ окнамъ, взбираясь куда попало и повторяя: Эсмеральда! Эсмеральда!

Съ площади слышались сдѣрные аплодисменты.

— Что это еще за Эсмеральда? сказала Гренгуаръ въ отчаяніи всплеснувъ руками. — Господи! теперь они бросидсь къ окнамъ!

Онъ обернулся къ столу и увидѣлъ, что представленіе остановилось. Въ эту минуту именно долженъ былъ появиться Юпитеръ съ своими громами, а онъ-то и стоялъ сложа руки внизу.

— Жиборнь, что ты здѣсь дѣлаешь? крикнулъ раздраженный мосьт: — развѣ твоя это роль? Ползай сейчасъ!

— Эхъ! отвѣчалъ Юпитеръ: — школьница: унеси лѣстницу.

Гренгуаръ посмотрѣлъ и убѣдился, что всякое сообщеніе между завязкой и концомъ прервано.

— И зачѣмъ имъ эта лѣстница?

— Смотрѣть на Эсмеральду, жалобно отвѣчалъ Юпитеръ. — Они сказали: «вотъ лишняя лѣстница» и унеси ее.

Это былъ послѣдній ударъ. Гренгуаръ перенесъ его съ покорностью.

— Ну, убирайтесь къ чорту! сказалъ онъ актерамъ: — если имъ замлатать, вы подучите свою долю.

Тогда онъ вышелъ съ пониженной головою, но послѣдній, какъ волководецъ, сражавшійся до послѣдней возможности.

Сходя по лѣстницѣ, онъ размышлялъ: «Какая толпа ослось и невѣждъ эти парижане: приходятъ слушать мистерію и не слышатъ ни слова! Они занимались здѣсь всѣми: Клопомъ Трульдофу, кардиналомъ, Коппенолемъ, Квазимодо, чортомъ! а мистеріей не занимались. Зналъ бы я это, составилъ бы я вамъ мистерію! А я-то? пришолъ сюда, чтобъ видѣть одни спины! Быть позтомъ, а имѣть успѣхъ аптекаря! Правда, что Гомеръ просилъ милостыню, а Назонъ умеръ въ изгнаніи у московитовъ. Но самъ чортъ не разбереть на чтѣ они теперь смотреть. Что за слово такое Эсмеральда? Это что-то египетское!»

КНИГА ВТОРАЯ

I

ИЗЪ ХАРИБДЫ ВЪ СЦИЛЛУ

Ночь рано наступаетъ въ январѣ мѣсяцѣ. На улицахъ было уже темно, когда Гренгуаръ вышелъ изъ залы. Ему нравилась темнота; онъ торопился въ какую-нибудь пустынную улицу, чтобы подумать на просторѣ и залечить философскими разсужденіями рану, нанесенную поэту. Философія была его единственнымъ приближителемъ уже и потому, что другого, болѣе вещественнаго, у него не было.

Послѣ окончательнаго фіаско онъ не смѣлъ возвратиться на свой чердакъ, противъ Свиного-моста, потомучто рассчитывалъ выручкой за пьесу заплатить шестимѣсячный долгъ хозяину — двѣнадцать парижскихъ сантимовъ, т. е. двѣнадцать разъ стоимость всего его имущества, невыключая панталонъ, рубашки и шапки.

Оставовившись, чтобы рѣшить, которую изъ улицъ Парижа онъ выберетъ для своего ночлега, онъ припомнилъ одну ступеньку въ улицѣ Саватеръ, передъ домомъ парламентскаго совѣтника. Еще когда онъ видѣлъ ее въ первый разъ, ему уже пришло на мысль, что она можетъ служить изголовьемъ нищему или поэту. Онъ возблагодарилъ провидѣніе за счастливую мысль, но приготовившись перейти площадь, чтобы попасть въ лабиринтъ старыхъ улицъ, еще существующихъ и теперь съ своими девятиэтажными домами, онъ увидѣлъ процесію папы, выходящую изъ палаты юстиціи и направляющуюся съ шумомъ, крикомъ и факелами прямо на него, Гренгуара. Все что напоминало его неудачу, дѣйствовало раздражительно на свѣжую сердечную рану.

Онъ хотѣлъ идти по мосту Сень-Мишель, но по немъ бѣжали дѣти съ коньями и ракетами.

— Чортъ побери эти ракеты! сказалъ Гренгуаръ и направился къ мосту О-Шанжъ. У трехъ главныхъ домовъ были выкинуты три большіхъ флага съ изображеніемъ короля, дофина и Маргариты фландрской и шесть маленькихъ съ портретами герцога австрійскаго, кардинала, Божѣ, Жанны французской, батарда Бурбона и незнаю еще кого-то; все было освѣщено факелами. Толпа любовалась.

— Счастливый живописецъ! подумаль Гренгуаръ и повернулъ назадъ.

Передъ нимъ была улица такая темная и пустынная, что въ ней онъ надѣялся избѣжать всѣхъ иллюминацій. Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ почувствовалъ что-то подъ ногами, споткнулся и упалъ. Это былъ майскій снопокъ, который клерки поставили поутру у двери президента парламента въ честь майскаго торжества. Гренгуаръ героически перенесъ эту новое паденіе; онъ всталъ и направился къ берегу. Оставивъ за собою тюремную башню и пройдя королевскіе сады, по немощену берегу, въ грязи по щиколку, онъ дошелъ до западной стороны предмѣстья и взглянулъ на островокъ Пастуха, исчезнувшій теперь подъ бронзовымъ конемъ и Новымъ-мостомъ. Островокъ казался ему въ темнотѣ черной массой изъ-за узкаго пространства воды. Тамъ виднѣлась пастушеская хижинка, въ которой мерцалъ огонекъ.

— Счастливый пастухъ! подумаль Гренгуаръ: — ты не мечтаешь о славѣ и не пишешь эпиграммъ! Что тебѣ за дѣло до королевскихъ браковъ! Ты знаешь только тѣ маргаритки, которыя твои коровы находятъ на лугу въ апрѣлѣ! А я, поэтъ, я освистанъ, мнѣ холодно, я долженъ двѣнадцать су и подошвы моихъ сапогъ такъ прозрачны, что могли бы служить стеклами для твоего фонаря. Благодарю тебя, пастухъ! видъ твоей хижины успокоилъ меня и заставилъ забыть Парижъ.

Онъ выведенъ былъ изъ экстаза двумя выстрѣлами изъ этой счастливой хижины. Пастухъ по-своему принималъ участіе въ общемъ увеселеніи.

Отъ этихъ выстрѣловъ передернуло Гренгуара.

— Проклятый праздникъ! ты меня всюду преслѣдуешь, даже въ хижинѣ пастуха!

Тогда онъ принялъ отчаянное рѣшеніе. Если уже ему не удалось избѣжать процесій, флаговъ, ракетъ и выстрѣловъ, такъ онъ пойдетъ въ самый центръ праздника, на Гревскую площадь.

— Тамъ покрайней-мѣрѣ погрѣшься у потѣшныхъ огней и можно будетъ утолить голодъ какими-нибудь крохами отъ сахарныхъ цитовъ, которые тамъ выставлены на общественномъ бужетѣ.

II

ГРЕВСКАЯ ПЛОЩАДЬ

Теперь остались едва замѣтные слѣды того, чѣмъ была Гревская площадь въ то время. Существуетъ прелестная башенка на северной сторонѣ, но и она уже изувѣчена поправками, сглажившими рельефность ея скульптуры; скоро ее можетъ быть вовсе не будетъ замѣтно изъ-за наплыва новыхъ домовъ, такъ быстро замѣняющихъ теперь старинные фасады.

Люди, которые подобно намъ не могутъ пройти мимо башни, небросивъ на нее взгляда симпатии и сожалѣнія, легко представляютъ въ своемъ воображеніи весь прежній характеръ этой готической площади.

Это была, какъ и теперь, неправильная трапеція, граничащая съ одной стороны набережной, а съ трехъ остальныхъ рядами домовъ высокихъ, узкихъ и темныхъ. Днемъ можно было любоваться разнообразіемъ этихъ зданій съ скульптурными украшениями изъ камня или дерева, представлявшими всѣ образчики домашней архитектуры среднихъ вѣковъ, отъ XI до XV вѣка. Тутъ было все: отъ простыхъ оконъ, вытѣсненныхъ стрѣльчатыхъ, до полукруга романскаго, который замѣнили стрѣльчатые окна и который все еще красовался подъ ними, въ первомъ этажѣ башни Роланда. Ночью изъ всей этой массы строеній можно было различить только острия закраины крышъ, окаймляющія площадь своей зубчатой бахромой. Радикальная разница между прежними и нынѣшними городами состоитъ въ томъ, что теперь фасадъ выдается на площадь, а тогда выдавалась часть фронтона. Впродолженіи двухъ вѣковъ дома перевернулись.

Въ центрѣ съ восточной стороны площади возвышалось тяжелое строеніе, смѣшанныхъ родовъ архитектуры; оно раздѣлялось на три помѣщенія и носило три имени, объясняющія его исторію, назначеніе и архитектуру. Оно называлось: домъ дофина, потомучто въ немъ жилъ дофинъ Карлъ V; торговый домъ, потомучто онъ служилъ городской думой, и домъ съ колоннами (*domus ad piloria*) по множеству колоннъ, поддерживавшихъ его три этажа.

Городъ находилъ въ немъ все что нужно такому хорошему го-

роду какъ Парижъ : часовню для богомолья , мѣсто , гдѣ можно собираться и критиковать распоряженія несоотвѣтствующія потребностямъ , в наконецъ арсеналъ съ артилерійскими снарядами .

Площадь вѣгла и тогда тотъ грозный видъ , который сохраняетъ и теперь , по гнусному воспомнанію , соединенному съ ея именемъ и во мрачной городской думѣ Доминика-Богадора , замѣнившей домъ ея волоннами . Нужно прибавить , что плаха и висѣлица , стоящія рядомъ посрединѣ мостовой , немало способствовали отвращенію отъ этой части города , гдѣ умирало такое множество людей полныхъ здоровья и силы и гдѣ пятьдесятъ лѣтъ спустя проявилась извѣстная лихорадка *fièvre de Saint-Vallier* , болѣзнь эшафота , болѣзнь самая страшная , потому что посылается не Богомъ , а людьми .

Отрадно подумать , что смертная казнь , выставившая свои ужасныя атрибуты въ двадцати мѣстахъ Парижа , не считая расправъ , принадлежавшихъ старшинамъ , духовнымъ , монастырямъ и аббатамъ , не считая юридическихъ куваній въ Сенѣ ; отрадно видѣть , что теперь , утративъ всю пышность своихъ отправленій , всю утонченность пытокъ , для которыхъ каждая нятъ лѣтъ поновлялась кожаная постель въ *Grand Châtelet* , эта старая сюэренка феодальнаго общества , почти изгнанная изъ нашихъ городовъ и законовъ , тѣснимая отъ мѣста до мѣста , пріютилась въ нашемъ огромномъ Парижѣ единственно въ безславномъ углу Гревской площади и только одна пильотина , временная , поворная , какбы боящаяся , что ее застанутъ враслохъ , тотчасъ же исчезаетъ , окончивъ свое дѣло .

III

BESOS PARA GOLPES

Гренгуаръ продрогъ до костей , дойдя до Гревской площади ; онъ нарочно шолъ по Мельничному мосту , чтобъ избѣжать толпы , но тамъ мельничныя колеса забрызгали его , такъ что платье на немъ было мокрое ; паденіе его пьесы еще усиливало лихорадку . Онъ поспѣшно подошолъ къ праздничному костру , роскошно пылавшему посреди площади , но его уже окружала значительная толпа .

— Проклятые парижане ! подумалъ Гренгуаръ (какъ истинный драматургъ , онъ подверженъ былъ монологамъ) : — вотъ они заслоняютъ мнѣ огонь ! А между тѣмъ я болѣе кого-нибудь нуждаюсь въ

теплѣ; башмаки мои промокли, а тутъ еще эти проклятыя мельницы облили меня своими слезами! Желалъ бы я знать, начто архіереямъ мельницы? развѣ нашъ собирается перейти въ мельника? Если ему для этого недоставало только моего проклятiя, то я охотно произнесу его, въ честь его и его мельницъ! Посмотрите: хоть бы одна каналья посторонилась! Спрашивается, что они дѣлають здѣсь? Грѣются? — большое удовольствiе! Смотрятъ какъ горять прутья? — хорошъ спектакль!

Всмотрѣвшись поближе, онъ замѣтилъ, что вся эта толпа собралась вовсе не для того, чтобы грѣться или наблюдать за горвнiемъ прутьевъ.

Въ довольно большомъ пространствѣ между огнемъ и публикой плясала молоденькая дѣвушка.

Принадлежала ли эта дѣвушка къ породѣ смертныхъ, была ли она фея, этого Гренгуаръ не могъ рѣшить ни въ качествѣ философа-скептика, ни въ качествѣ ироническаго поэта: такъ поразила и очаровала она его въ первую минуту.

Она была не высока, но казалась высокою отъ стройности стана. Она была брюнетка, но легко было предположить, что днемъ ея кожа имѣетъ золотистый оттѣнокъ андалузскихъ и римскихъ женщинъ. Ножка у ней тоже была андалузская, свободно помѣщавшаяся въ прекрасномъ узенькомъ башмачкѣ. Она танцевала, вертѣлась, носилась вѣтеркомъ на старомъ персидскомъ коврѣ, небрежно подброшеномъ ей подъ ноги, и каждый разъ, когда перевертывалась, ея свѣтлое личико мелькало передъ зрителями, ея черные глаза метали искры.

Всѣ взоры были прикованы, всѣ рты раскрыты. И въ самомъ дѣлѣ, когда она танцевала подъ звуки тамбурина, который поддерживала надъ головою круглыми, стройными руками, такая стройная, тоненькая и живая, въ своемъ гладкомъ корсажѣ и пестрой юбочкѣ, открывавшей повременамъ ея стройныя ножки, съ открытыми плечами, черными волосами и огненными глазами, она казалась необыкновеннымъ существомъ.

— Это саламандра, это нимфа, это богиня, это вакханка! думалъ Гренгуаръ.

Въ эту минуту одна изъ черныхъ косъ саламандры распустилась и изъ нея выпала мѣдная бляха.

— А, это цыганка! сказалъ онъ.

Вся иллюзія исчезла.

Она опять уже плясала ; взяла съ земли двѣ шпаги , приставила ихъ остріемъ ко лбу и вертѣла ихъ въ одну сторону , между тѣмъ какъ сама кружилась въ противоположную : въ самомъ дѣлѣ это была просто цыганка . Но несмотря на разочарованіе , картина эта имѣла свое обаяніе для Гренгуара ; костеръ освѣщаль ее неровнымъ краснымъ цвѣтомъ , который дрожалъ на лицахъ зрителей , на смугломъ лбу дѣвушки , и бросаль блѣдный свѣтъ , съ движущимися тѣнями , на старый и темный фасадъ дома съ колоннами съ одной стороны и на каменные столбы висѣлицы съ другой .

Между всѣми этими лицами , окрашенными въ пурпуръ , было одно , въ особенности слѣдившее за танцовщицей . Это было строгое , спокойное и мрачное лицо мужчины , одежды котораго нельзя было различить въ темнотѣ ; ему казалось не болѣе тридцати пяти лѣтъ , а между тѣмъ онъ былъ плѣшивъ ; волосы оставались только на вискахъ , но и тѣ были съ просѣдью ; его широкій лобъ начиналъ покрываться морщинами , но изъ впалыхъ глазахъ его свѣтилась сильная жизнь , необыкновенная молодость и жгучая страсть . Глаза его были прикованы къ цыганкѣ , и чѣмъ живѣе плясала молодая дѣвушка для общаго удовольствія , тѣмъ мрачнѣе казалось становидись его мысли . Въ одно и тоже время улыбка и вздохъ вырывались у него , но улыбка была грустнѣе самого вздоха .

Танцовщица наконецъ остановилась , и толпа съ любовью ей аплодировала .

— Джали ! позвала цыганка : — теперь твоя очередь ! — И саясь она граціозно подставила козѣ свой тамбуринъ .

— Джали , продолжала она : — который теперь мѣсяць въ году ?

Коза подняла переднюю лапку и ударила одинъ разъ по тамбурину . Въ самомъ дѣлѣ январь первый мѣсяць . Всѣ аплодировали .

— Джали , спросила дѣвушка , перевернувъ тамбуринъ : — который теперь день въ январѣ ?

Коза подняла свою позолоченую ножку и ударила шесть разъ .

— Джали , продолжала цыганка , дѣлая новую эволюцію тамбуриномъ : — который теперь часъ ?

Джали ударила семь разъ . Въ ту же минуту часы въ сосѣднемъ зданіи пробили семь .

Народъ не могъ надивиться .

— Колдовство ! сказалъ мрачный голосъ въ толпѣ . Онъ принадлежалъ плѣшивому челоуѣку , неспускавшему глазъ съ цыганки .

Она обернулась и вздрогнула, но рукоплесканія покрыли мрачный возгласъ. Они такъ успѣли изгладить его, что она продолжала:

— Джали, представь капитана Гишара Гран-Реми во время срътенскаго крестнаго хода.

Джали встала на заднія лапки и начала блеять, выступая съ такой забавной важностью, что вся толпа единодушно хохотала надъ обязательной набожностью капитана.

— Джали, продолжала дѣвушка, ободренная успѣхомъ: — какъ говорить проповѣдь Жакъ Шармолю, духовный королевскій прокуроръ?

Коза сѣла на заднія лапы и начала блеять такимъ страннымъ образомъ, что за исключеніемъ дурного французскаго и латинскаго выговора, это былъ настоящій Жакъ Шармолю.

Толпа рукоплескала еще сильнѣе.

— Святотатство! крикнулъ опять тотъ же голосъ.

Цыганка опять обернулась.

— А! сказала она: — это тотъ скверный человекъ! — Потомъ выдвинувъ нижнюю губку, она сдѣлала милую гримаску, повернулась на каблукъ и пошла собирать пожертвованія въ свой тамбуринъ.

Мелкія и крупныя монеты дождемъ сыпались въ него: вдругъ она остановилась передъ Гренгуаромъ. Гренгуаръ въ разсѣянности опустил руку въ карманъ; она ждала. — «Чортъ побери!» ворчалъ поэтъ, ощутивъ пустоту на днѣ кармана. Между тѣмъ передъ нимъ стояла хорошенькая дѣвушка съ большими черными глазами и протягивала свой тамбуринъ. У Гренгуара выступилъ потъ.

Еслибъ у него было Перу въ карманѣ, онъ не задумался бы отдать его; но тогда Америка не была еще открыта.

Его выручилъ неожиданный случай.

— Уйдешь ли ты, цыганская стрекоза! раздался рѣзкій голосъ изъ самаго темнаго угла площади.

Дѣвушка обернулась въ испугъ. Это не былъ голосъ плѣшиваго мужчины; это былъ голосъ женщины и притомъ злобной святоши.

— Это затворница башни Роланда, заговорили всѣ со смѣхомъ. — Чего она бранится, вѣрно не ужинала? Отнесемъ ей что-нибудь изъ буфета!

Всѣ бросились къ дому съ колоннами.

Гренгуаръ же воспользовался замѣшательствомъ танцовщицы и скрылся. Воскликанія напомнили ему, что и онъ не ужиналъ. Онъ

побѣжалъ къ буфету, но у молодежи ноги были быстрѣе и онъ нашолъ пустой столъ. Оставались только граціозныя лиліи, перемѣшанныя съ розами, нарисованныя въ 1434 году Матъе Битерномъ. На ужинъ онъ негодились.

Скверно ложиться безъ ужина; но еще хуже незнать гдѣ придется еще и лечь. Гренгуаръ былъ въ такомъ положеніи. Ни хлѣба, ни крова! одна нужда встрѣчалась на каждомъ шагу, и конечно казалась ему очень назойливою. Онъ давно уже открылъ истину, что Юпитеръ создалъ людей въ минуту мизантропіи и что вся долгая жизнь мудреца есть борьба философіи съ судьбою. Самъ онъ былъ болѣе чѣмъ когда-либо въ осадномъ положеніи; желудокъ его громко былъ тревогу и ему казалось очень тривиальнымъ, что злая судьба рѣшила заставить его сдаться посредствомъ голода.

Эта меланхолія овладѣвала имъ все сильнѣе и сильнѣе, какъ вдругъ раздался странный, хотя полный мелодіи голосъ. Это была поющая цыганка.

О ея голосѣ можно было сказать тоже что о ея танцахъ и красотѣ. Это было нѣчто невыразимое, но восхитительное, что-то чистое, звучное, воздушное. Это были неожиданныя мелодіи среди самыхъ простыхъ фразъ, прерываемыхъ рѣзкими высокими нотами, потомъ слѣдовали переливы, неуступающіе соловью, въ которыхъ никогда не терялась первоначальная мелодія. Ея прелестное лицо согласовалось со всеми выраженіями голоса, отъ самаго страстнаго вдохновенія до самой полнѣйшей скромности и достоинства. Это была безумная и королева въ одно время.

Слова ея пѣсни были на языкѣ незнакомомъ Гренгуару и казались были чужды самой пѣвицы: такъ выраженіе ея пѣнія мало соответствовало ихъ смыслу. Четыре слѣдующіе стиха она произносила съ безумной веселостью:

Un cofre de gran riqueza
Hallaron dentro un pilar
Dentro del, nuevas banderas
Con figuras de espantar.

А минуту спустя тонъ, который она придавала этой строфѣ:

Alarabes de cavallo
Sin poderse menear,
Con espadas, y los cuellos,
Ballestas de buen echar.

вызывалъ у Гренгуара слезы. Впрочемъ во всемъ ся пѣніи болѣе

выражалась радость: кажется она пѣла какъ птицы, отъ безопасности и потребности пѣть.

Пѣсня цыганки возмутила задумчивость Гренгуара, но такъ, какъ лебедь возмущаетъ воду. Онъ слушалъ ее съ восторгомъ, забывая все на свѣтѣ. Это была первая минута, въ которую онъ не ощущалъ страданія.

Минута прошла быстро.

Тотъ же женскій голосъ, который помѣшалъ танцамъ, прервалъ и пѣніе.

— Замолчишь ли ты, проклятая стрекоза? закричала таже женщина изъ того же темнаго угла.

Бѣдная стрекоза остановилась. Гренгуаръ зажалъ уши.

— О! вскричалъ онъ: — проклятая пила разбила лиру!

Другіе зрители тоже роптали: — Къ чорту святошу! бормотали многіе. И старухѣ пришлось бы поплатиться, еслибы вниманіе не было отвлечено процесіей паны, которая, обойдя всѣ улицы, вступала на Гревскую площадь съ шумомъ и факелами.

По выходѣ изъ палаты юстиціи кортежъ постепенно увеличивался отъ присоединявшихся къ нему праздныхъ гулякъ и воровъ безъ дѣла, такъ что, вступая на площадь, имѣлъ совсѣмъ торжественный видъ.

Впереди шло цыганство. Въ главѣ герцогъ цыганскій верхомъ, а его графы пѣшкомъ и держали ему стремя и узду лошади; позади цыгане и цыганки, толпой, съ ребятами за спиной; герцогъ, графы и народъ были въ лохмотьяхъ шитыхъ мишурою. Потомъ шествовали воры Франціи въ іерархическомъ порядкѣ, самые малые впереди; исчисленіе всѣхъ разрядовъ утомило бы самого Гомера. Посрединѣ двѣ собаки везли телѣжку, въ которой возсѣдалъ наибольшій. Далѣе начиналось царство галилеянъ. Вильгельмъ Руссо, король галилейскій, плавно выступалъ въ своей пурпуровой мантии, залитой виномъ, предшествуемый шутами, которые дрались и плясали пиррической танецъ; кругомъ шли маршалы, члены и клерки конторы. Наконецъ шла просто чернь, съ цвѣтами, въ черныхъ платьяхъ, съ музыкой достойной шабаша въдѣмъ и съ большими свѣчами изъ жолтаго воска. Въ центрѣ этой толпы сановники шутовскаго братства несли на плечахъ носилки, уставленные множествомъ свѣчей; а на этихъ носилкахъ красовался въ полномъ костюмѣ новый папа шутовъ, соборный звонарь, горбатый Квазимодо. Каждый отдѣлъ этой оригинальной процесіи имѣлъ свою му-

зыку. Цыгане били въ тамбурины. Мазурики, народъ весьма немзыкальный, пробавлялись віолой, пастушьимъ рожкомъ и какимъ-то готическимъ инструментомъ XII вѣка. Галилейская имперія тоже недалеко ушла: въ ея инструментахъ едва проглядывалъ какой-то родъ кринки, выводящій не далѣе gé-la-mi. Зато вокругъ самого папы собрались, въ ужасающей какофоніи, всѣ современные музыкальныя богатства. Увы! читатель вѣроятно помнить, что это былъ оркестръ Гренгуара.

Трудно дать положительное понятіе о степени гордаго торжества, до котораго достигло печальное и безобразное лицо Квазимодо. Это было первое удовлетвореніе его самолюбію. До сихъ поръ онъ испытывалъ только униженіе, презрѣніе къ своему положенію, отвращеніе къ своей личности. Несмотря на свою глухоту, онъ наслаждался, какъ настоящій папа, кликами толпы, которую всей душой ненавидѣлъ за ненависть ея къ себѣ. Что за бѣда, что народъ его состоитъ изъ воровъ, негодяевъ и нищихъ! Это все-таки народъ, а онъ его властелинъ. И онъ серьезно принималъ всѣ эти насмѣшливыя рукоплесканія, этотъ ироническій почетъ, къ которому, надо сказать правду, примѣшивался нѣкоторый страхъ. Горбунъ былъ силенъ и ловокъ, глухарь былъ очень зоръ: качества, смягчающія смѣшную сторону личности.

Впрочемъ едвали новый папа отдавалъ себѣ полный отчетъ въ чувствѣ, которое внушалъ, и въ томъ, какое самъ испытывалъ. Духъ, обитающій въ этомъ неудавшемся тѣлѣ, долженъ былъ также отличаться несовершенствомъ; такъ что онъ долженъ былъ сознавать неясно и смутно то, что происходило въ его душѣ въ это время. Только радость и гордость, какъ чувства преобладающія, влияли наружу. Была какая-то ореола вокругъ этой несчастной личности.

Представьте же себѣ удивленіе и испугъ толпы, увидѣвшей въ ту минуту, когда упоеннаго Квазимодо пронесли мимо дома съ колоннами, какъ кто-то съ яростью вырвалъ у него свѣчу, признакъ его ложнаго папства.

Дерзновенный былъ тотъ же плѣшивый человекъ, который за минуту привелъ въ ужасъ хорошенькую цыганку. Онъ былъ одѣтъ какъ духовный. Когда онъ выходилъ изъ толпы, Гренгуаръ узналъ его: — Э, да это мой учитель, дом-Клавдій Фролло, архидьяконъ! Чего ему нужно отъ этого горбуна? Вѣдь онъ растерзаетъ его.

Раздался крикъ ужаса. Страшный Квазимодо бросился съ носи-

локъ; всѣ женщины закрыли глаза, чтобъ не видать смерти архидьякона.

Въ одинъ прыжокъ Квазимодо былъ около священника, взглянулъ ему въ лицо и упалъ на колѣна.

Священникъ сорвалъ съ него тиару, разбилъ его жезлъ, порвалъ его блестящую мантию.

Квазимодо все стоялъ на колѣняхъ, съ опущеной головою и сложенными руками.

Тогда завязался между ними странный разговоръ посредствомъ знаковъ и жестовъ, потомучто ни одинъ не произносилъ словъ. Священникъ стоялъ грозный, разгнѣванный, Квазимодо склонялся съ видомъ умоляющей покорности. А между тѣмъ онъ могъ однимъ щелчкомъ уничтожить архидьякона.

Наконецъ тотъ, сильно потрясши могучее плечо горбуна, сдѣлалъ ему знакъ встать и идти.

Квазимодо всталъ.

Братство шутовъ, придя въ себя отъ перваго изумленія, хотѣло было защитить своего владыку. Цыгане, воры и чернь окружили священника.

Квазимодо заслонилъ его собою, сжалъ свои атлетическіе кулаки и взглянулъ на осаждающихъ съ скрежетомъ зубовъ разъяреннаго тигра.

Священникъ принималъ свой обычный суровый видъ, сдѣлалъ знакъ Квазимодо и молча удалился.

Квазимодо шолъ впереди, расталкивая толпу.

Когда они миновали площадь, толпа зѣвакъ пошла было за ними; Квазимодо перешолъ тогда въ арьергардъ и слѣдовалъ за архидьякономъ задомъ, страшный, клокастый, съ сжатыми кулаками и выказывавая свои кабаньи клыки.

Такъ вошли они въ узкую и темную улицу. Никто не осмѣлился сдѣлать шагъ вслѣдъ за ними: такъ страшенъ былъ одинъ призракъ горбуна, скрежещущаго зубами.

— Все это очень странно!.. Однако чортъ-знаетъ гдѣ мнѣ придется поужинать? подумалъ Гренгуаръ.

IV

ОНЕУДОБСТВЪ СЛѢДИТЬ ЗА ХОРОШЕНЬКОЙ ЖЕНЩИНОЙ НОЧЬЮ
ПО УЛИЦАМЪ

На всякій случай Гренгуаръ пустился вслѣдъ за цыганкой. Онъ видѣлъ, что она направилась съ своей козой въ улицу Кутельри.

— Отчего-же и мнѣ нейти? подумалъ онъ.

Гренгуаръ, практическій философъ парижской мостовой, пришолъ къ убѣжденію, что ничто такъ не способствуетъ мечтательности, какъ слѣдованіе за хорошенькой женщиной, когда незнаешь куда она идетъ. Въ этомъ отреченіи отъ собственнаго произвола, въ подчиненіи одной фантазіи другой, которая и не подозрѣваетъ этого подчиненія, смѣсь своенравной независимости и слѣпого повиновенія, что-то среднее между свободной и рабствомъ, нравилось Гренгуару, уму попреимуществу нерѣшительному и сложному, придерживающемуся всѣхъ крайностей, постоянно блуждающему между всѣми человѣческими наклонностями и нейтрализирующаго одну другою. Онъ охотно сравнивалъ себя съ могилою Магомета, которую притягиваютъ два противоположныхъ магнита и которая постоянно колеблется между низомъ и верхомъ, между сводомъ и поломъ, между паденіемъ и вознесеніемъ, между зенитомъ и надиройъ.

Еслибы Гренгуаръ жилъ въ наше время, какую бы великолѣпную средину между классицизмомъ и романтизмомъ могъ онъ изобразить! Но онъ былъ слишкомъ недопотопенъ, чтобъ прожить триста лѣтъ. Очень жаль! Его отсутствіе образуетъ у насъ ненаполнимую пустоту.

Впрочемъ, чтобы слѣдить ночью за прохожими, въ особенности женскаго пола, что Гренгуаръ охотно дѣлалъ, надо не имѣть положительнаго ночлега

Итакъ онъ шолъ задумавшись за дѣвушкой, которая почти бѣжала, видя что добрые люди запираютъ дома и таверны, единственныя мѣста торговли, которыя были открыты въ этотъ день.

— Вѣдь живетъ же она гдѣ-нибудь? думалъ онъ. — Цыганки добры. Кто знаетъ?.....

Въ этихъ точкахъ были какія-то невысказанныя, но граціозныя мысли.

Проходя мимо группъ, расходящихся по домамъ, онъ ловилъ отрывки разговоровъ, нарушавшихъ его плѣнительныя гипотезы.

Два старика сходились :

— А сегодня вѣдь очень холодно, г. Тибо ?

— Да еще какъ, Дизомъ ! Неужели будетъ такая же зима, какъ три года назадъ, въ восьмидесятомъ, когда дрова были такъ дороги ?

— Ба ! еще это что въ сравненіи съ зимой 1407 года : тогда были морозы отъ св. Мартина до Срѣтенія ! Было такъ холодно, что у писарей замерзали на кончикѣ пера чернила послѣ каждаго слова ! Такъ что нельзя было производить судебныхъ дѣлъ.

Далѣе двѣ сосѣдки разговаривали подъ окномъ :

— Вашъ мужъ рассказывалъ вамъ о несчастіи ?

— Нѣтъ. Чтожъ это такое ?

— Лошадь г. Жилия Гобенъ испугалась фламандской процесіи и опрокинула Филипа Аврилью, целестинскаго старца.

— Въ самомъ дѣлѣ ?

— Да еще какъ !

— Лошадь простого мѣщанина ! Это ужъ слишкомъ. Еслибъ еще это была кавалерійская лошадь !

И окна закрывались. Но мысли Гренгуара теряли свою первоначальную нить.

По счастью онъ скоро снова напалъ на нее, благодаря цыганкѣ и Джали, шедшимъ все впереди, двумъ граціознымъ созданіямъ, тонкими ножками и граціозными формами которыхъ онъ любовался, соединяя ихъ почти въ одно своею мыслью ; по разумности и дружбѣ онъ обѣ казались ему молоденькими дѣвушками, а по легкости и быстротѣ ходьбы двумя козочками.

Между тѣмъ улицы дѣлались все пустѣе и темнѣе. Давно вѣдно было гасить огни и только изрѣдка виднѣлся еще огонекъ или встрѣчался прохожій. Гренгуаръ вступилъ за цыганкой въ тотъ лабиринтъ темныхъ проулковъ, который окружаетъ старое кладбище св. Инокентія и походить на мотокъ нитокъ, запутанныхъ котенкомъ. — Вотъ улицы, которымъ сильно недостаетъ логики ! говорилъ Гренгуаръ, теряясь въ тысячѣ изворотовъ, нимало несмущавшихъ молодой дѣвушки. Она была здѣсь какъ дома и все ускоряла шагъ ; чтожъ до него, то онъ навѣрное не зналъ бы гдѣ находится, еслибъ не увидѣлъ на поворотѣ одной улицы осьмиугольную массу позорнаго столба, сквозная верхушка котораго обозначалась

чернымъ пятномъ на одномъ изъ освѣщенныхъ оконъ Верделейской улицы.

Молодая дѣвушка начала замѣчать, что за нею слѣдятъ и нѣсколько разъ съ безпокойствомъ оборачивалась назадъ; одинъ разъ она даже совсѣмъ остановилась и пользуясь свѣтомъ изъ дверей пекарни, оглядѣла его съ головы до ногъ; послѣ осмотра Гренгуаръ замѣтилъ у ней туже презрительную гримаску, какъ и на площади.

Гримаска заставила его призадуматься. Въ ней безъ всякаго сомнѣнія выражалась насмѣшка и презрѣніе. Онъ опустилъ голову и началъ уже отставать, какъ вдругъ на поворотѣ въ одну улицу услышалъ рѣзкій крикъ.

Онъ поспѣшилъ.

Улица была вовсе темна. Однакожъ свѣтильня, пропитанная масломъ, горѣвшая въ желѣзной клѣткѣ у Богоматери, помогла Гренгуару различить цыганку, отбивавшуюся отъ двухъ человекъ, которые старались заглушить ея крики. Бѣдная, испуганная козочка опустила рожки и жалобно блеяла.

— Ко мнѣ, стража! закричалъ Гренгуаръ и храбро пошелъ впередъ. Одинъ изъ нападающихъ обернулся къ нему. Гренгуаръ увидѣлъ страшное лицо Квазимодо.

Гренгуаръ не ударился бѣжать, но и не сдѣлалъ ни шагу впередъ.

Квазимодо приблизился къ нему, отбросилъ его на четыре шага однимъ ударомъ руки и убѣжалъ въ темноту, унося на одной рукѣ Эмеральду. Товарищъ его пошелъ за нимъ, а коза бѣжала сзади, съ жалобнымъ блеяніемъ.

— Караулъ! караулъ! кричала несчастная цыганка.

— Стойте, негодяи, и оставьте эту женщину! раздался вдругъ громовой голосъ всадника, выѣхавшаго изъ перваго поворота. Это былъ капитанъ королевскихъ стрѣлковъ, въ полномъ вооруженіи и съ саблей наголо.

Онъ вырвалъ цыганку изъ рукъ пораженнаго Квазимодо и положилъ ее поперегъ сѣдла; въ ту минуту какъ страшный горбунъ приползъ въ себя и готовъ былъ кинуться за своей добычей, пятнадцать человекъ стрѣлковъ явились на зовъ капитана. Это былъ ночной патруль, объѣзжавшій городъ.

Квазимодо былъ окружонъ, схваченъ и связанъ; онъ рычалъ, кусался и будъ это днемъ, одно его ужасное лицо, сдѣлавшееся еще

безобразіе отъ гнѣва, обратило бы въ бѣгство весь отрядъ. Но ночью онъ былъ лишонъ своего лучшаго оружія — безобразія.

Товарищъ его исчезъ во время борьбы.

Цыганка граціозно приподнялась на сѣдлѣ; она положила руки на плеча молодого офицера и пристально смотрѣла на него нѣсколько минутъ, какъ-будто восхищенная его красотой и тронутая услугой. Потомъ она первая заговорила, стараясь придать еще болѣе нѣжности своему голосу:

— Какъ васъ зовутъ, г. жандармъ?

— Капитанъ Фебъ де-Шатоверъ, къ вашимъ услугамъ, моя красавица! отвѣчалъ офицеръ.

— Благодарю, сказала она.

И пока капитанъ крутилъ усы, она спустилась на землю, какъ падающая стрѣла, и исчезла.

Молнія исчезла бы не такъ быстро.

— Канальство! проворчалъ офицеръ, приказывая крѣпче затянуть Квазимодо: — мнѣ пріятнѣе было бы задержать дѣвчонку!

— Что дѣлать, капитанъ, сказалъ одинъ изъ жандармовъ: — мадиновка улетѣла, а летучая мышь осталась.

V

ПРОДОЛЖЕНІЕ НЕУДАЧЪ

Гренгуаръ, оглушонный паденіемъ, лежалъ у ногъ изображенія Богоматери. Мало-помалу онъ пришолъ въ себя; сначала онъ былъ въ какомъ-то полуснѣ, нелишонномъ пріятности: передъ нимъ мелькали граціозныя фигурки Эсмеральды и козочки, перемеживаясь съ ощущеніями отъ тяжелаго кулака Квазимодо. Ощущеніе это было непродолжительно. Холодъ въ той половинѣ тѣла, которая непосредственно касалась мостовой, вывелъ его изъ дремоты и возвратилъ разсудокъ. — Откуда такой холодъ? спросилъ онъ себя. Тогда онъ замѣтилъ, что лежитъ въ грязной лужѣ.

— Проклятый горбатый циклопъ! проворчалъ онъ сквозь зубы и хотѣлъ встать. Но ударъ былъ слишкомъ силенъ, а голодъ его ослабилъ, такъ что нужно было лежать. Воспользовавшись свободой рукъ, онъ зажалъ себѣ носъ и покорился судьбѣ.

— Парижская грязь, думалъ онъ (потому что сталъ мириться съ

убѣжденіемъ, что переночуетъ въ лужѣ) — парижская грязь по преимуществу тяжело пахнетъ; въ ней вѣроятно заключается много серо-водороднаго газа. Это впрочемъ мнѣніе Николая Фламея и герметическихъ...

Слово герметическій напомнило ему Клавдія Фролло. Онъ вспомнилъ какъ цыганка отбивалась отъ двухъ мужчинъ: стало-быть у Квазимодо былъ товарищъ, и мрачная фигура архидьякона смутно мелькнула въ его памяти. — Вотъ было бы странно! подумалъ онъ. И онъ принялся соиздать на этихъ данныхъ фантастическое зданіе гипотезъ, этотъ карточный домъ философовъ. Повременамъ однакожъ онъ возвращался къ дѣйствительности: — Да я мерзну!

На самомъ дѣлѣ положеніе дѣлалось невыносимымъ. Каждая частица воды воспринимала частицу лучистой теплоты изъ тѣла Гренгуара и равновѣсіе между температурой лужи и его тѣла начинало происходить ощутительно.

Вдругъ пришла новья бѣда.

Толпа дѣтей, этого полудикаго племени, таскающагося по улицамъ Парижа подъ общимъ названіемъ «gamin», которое бросало въ насъ камнями во времена нашего дѣтства, потому что на насъ не было разодранныхъ панталонъ, — эта-то толпа ворвалась съ крикомъ и гамомъ въ ту улицу, гдѣ лежалъ Гренгуаръ. Она тащила за собою какой-то безобразный мѣшокъ и одно ихъ топанье способно было разбудить мертваго. Гренгуаръ, чувствовавшій себя въ живыхъ, приподнялся.

— Слышите, компанія! кричали они во все горло: — старый Мубонъ, кузнецъ, померъ. Намъ достался его матрацъ, мы сожжемъ его и будетъ фейерверкъ. Сегодня праздникъ фламандцевъ!

И они бросили матрацъ прямо на Гренгуара, незамѣчая его. Въ ту же минуту одинъ изъ нихъ зажегъ пукъ соломы въ лампадѣ.

— Господи! думалъ Гренгуаръ: — эдакъ придется страдать отъ жара.

Минута была критическая. Приходилось быть между огнемъ и водою. Онъ сдѣлалъ отчаянное усиліе, усиліе фальшиваго монетчика, котораго сажаютъ въ кипятокъ. Онъ всталъ, бросилъ матрацъ на мальчишекъ и убѣжалъ.

— Матерь божія! вскрикнули дѣти: — кузнецъ ожилъ!

Матрацъ одинъ остался на полѣ битвы.

VI

РАЗБИТЫЙ КУВШИНЪ

Гренгуаръ бѣжалъ со всѣхъ ногъ, тыкался головою въ заборы, перепрыгивалъ черезъ ручьи, искалъ защиты во всѣхъ закоулкахъ, подвергая изслѣдованію все что на языкѣ латинскихъ хартій называется *tota via, cheminum et viaria*, и вдругъ остановился, схваченный такъ-сказать за воротъ дилеммой, возникшей въ его умѣ.

— Кажется, любезнѣйшій Пьеръ Гренгуаръ, сказалъ онъ, представивъ палецъ ко лбу, — что ты бѣжишь какъ сумашедшій. Ребятишки столько же испугались тебя, какъ и ты ихъ. Кажется, что ты могъ бы слышать шумъ ихъ шаговъ, удаляющійся въ совершенно противоположную сторону. Итакъ изъ двухъ одно: или они разбѣжались и тогда матрацъ, брошенный ими, именно та постель, которой ты такъ давно жаждешь и которую судьба посылаетъ тебѣ за то, что ты написалъ мистерію съ прологомъ; или дѣти подожгли матрацъ и тогда готовъ костеръ, въ которомъ ты такъ нуждаешься, чтобъ обсушиться и отогрѣть члены. Въ обоихъ случаяхъ матрацъ есть даръ судьбы, которая можетъ-быть и ниспослала смерть Мубону именно для тебя. Стыдно бѣжать, какъ пикардіецъ передъ французами, оставляя за собою то, чего ищешь.

Тогда онъ вернулся назадъ и старался чутъемъ отыскать вожделѣнный матрацъ, но тщетно. Былъ такой хаосъ проулковъ, домовъ, грязи, что онъ блуждалъ какъ въ лабиринтѣ. Наконецъ вышедши изъ терпѣнія, онъ торжественно воскликнулъ: — Да будутъ прокляты перекрестки! ихъ самъ чортъ устраивалъ по своему плану!

Это восклицаніе его облегчило, а красноватый свѣтъ, который онъ завидѣлъ въ концѣ одной длинной и узкой улицы, окончательно возвратилъ ему бодрость духа.

— Слава-богу! подумалъ онъ, — это горитъ мой матрацъ.

И сравнивая себя съ кормчимъ, погибающимъ въ ночную бурю, онъ воскликнулъ: «*Salve! salve, maris stella!*»

Едва сдѣлалъ онъ нѣсколько шаговъ по улицѣ, шедшей подъ гору, немощеной и грязной, какъ замѣтилъ странную вещь. Она была не пустая: тамъ и сямъ, во всю ея длину, ползли какія-то черныя массы, направляясь къ свѣту, мерцавшему на концѣ улицы,

подобно наскочнымъ, перебирающимся съ былинки на былинку, къ огню пастуха.

Ничто такъ не возбуждаетъ къ отвагѣ, какъ совершенная пустота кармана. Гренгуаръ смѣло подавался впередъ и достигъ одну изъ ящерицъ, которая ползла медленно всѣхъ прочихъ. Подойдя ближе, онъ увидѣлъ, что это было безногое существо, ползущее на рукахъ. Когда онъ проходилъ мимо, этотъ наукъ съ человѣческимъ лицомъ воззвалъ къ нему плачевнымъ голосомъ: «*La buona mercia, signor! la buona mercia!*» (милостыньку, баринъ, милостыньку!)

— Чортъ бы тебя побралъ, да и меня вмѣстѣ съ тобой, если я появляю хоть одно слово! отозвался Гренгуаръ.

И прошолъ мимо.

Дойдя до другой движущейся массы, онъ тоже осмотрѣлъ ее.

Это былъ безногий и безрукій, такой изувѣченный, что сложная система его костылей придавала ему видъ ходячаго строенія.

Гренгуаръ, любящій благородныя классическія сравненія, уподобилъ его мысленно живому треножнику Вулкана.

Этотъ треножникъ поклонился ему, но остановивъ свою шляпу на высотѣ его подбородка, какъ бритвенницу, закричалъ ему на ухо:

— *Senor caballero, para comprar un pedaso de pan!* (Баринъ, на ломтикъ хлѣбца!)

— Этотъ кажется то-же говорить, но на ужасномъ языкѣ и счастливъ же, если самъ его понимаетъ! подумалъ Гренгуаръ.

Потомъ по внезапному стеченію идей: — Что бишь это хотѣли они сказать утромъ своимъ *Эсмеральда*?

Онъ хотѣлъ ускорить шаги, но въ третій разъ наткнулся на что-то. Это что-то, или лучше кто-то, былъ слѣпой, маленькій слѣпецъ съ жидовскимъ лицомъ и бородою, который, ощупывая палкой дорогу и сопровождаемый собакою, прогнусилъ ему съ венгерскимъ акцентомъ: «*Facitote caritatem!*» (подайте милостыньку!)

— Наконецъ-то! сказалъ Гренгуаръ: — этотъ хоть говорить похристіански. Должно-быть у меня очень внушительный видъ, что всѣ они обращаются къ моему пустому кошельку.

— Другъ мой, сказалъ онъ, обращаясь къ слѣпому: — на той недѣлѣ я продалъ послѣднюю рубашку, то-есть, такъ какъ вы разумѣете только языкъ Цицерона, — *vendidi hebdomade nuper transitam meam ultimam chemisam.*

Сказавъ это, онъ отвернулся и пошелъ дальше. Но слѣпой также ускорилъ шагъ и двое прокаженных тоже подошли, шумя своими клочками. Потомъ всѣ трое, ковыляя за Гренгуаромъ, затянули свое:

— *Caritatem!* пѣлъ слѣпой.

— *La buona speranza!* пѣлъ безногий.

А изувѣченный повторялъ всю мелодію въ словахъ:

— *Un pedaso de pan!*

Гренгуаръ зажалъ уши.

— О столпотвореніе вавилонское! вскричалъ онъ.

Онъ пустился бѣжать. Слепой бѣжалъ; хромымъ бѣжалъ; безрукій бѣжалъ.

Чѣмъ далѣе углублялся онъ въ улицу, слѣпые, хромые, прокаженные являлись десятками, выходили изъ домовъ, изъ сѣбднихъ улицъ, изъ погребовъ; все кричало, ныло, стонало, плелось къ огню и барахталось въ грязи, какъ улитки послѣ дождя.

Гренгуаръ, преслѣдуемый трѣми первыми, двигался между этой толпой, не зная что начать, обходя хромыхъ, перешагивая черезъ безногихъ, вязая въ грязи подобно англійскому капитану, попавшему въ гнѣздо морскихъ пауковъ.

Ему пришло на мысль воротиться назадъ, но было уже поздно. Легионъ сомкнулся зади его и онъ былъ во власти трехъ черныхъ нищихъ. Онъ двинулся впередъ, увлекаемый теченіемъ, страхомъ и какимъ-то дурманомъ, принимая все видѣнное за страшный сонъ.

Наконецъ онъ достигъ конца улицы. Она выходила на огромную площадь, гдѣ брежжили въ туманѣ тысячи разныхъ огоньковъ. Гренгуаръ бросился туда, надѣясь избавиться отъ своихъ преслѣдователей.

— *Onde vais, homme?* (камо грядеши, человѣче?) вскричалъ прокаженный, бросивъ свои костыли и погнавшись за нимъ на самыхъ здоровыхъ ногахъ.

Между тѣмъ безрукій исправно нахлобучивалъ ему на голову тяжелую шапку, а слѣпой глядѣлъ на него во всѣ глаза.

— Гдѣ я? спросилъ испуганный поэтъ.

— При Дворѣ-чудесъ, отвѣчало четвертое привидѣнье.

— Я вижу, что хромые ходятъ и слѣпые прозрѣваютъ, но гдѣ же исполнитель?

Ему отвѣчали ужаснымъ смѣхомъ.

Бѣдный поэтъ оглянулся кругомъ. Онъ въ самомъ дѣлѣ былъ на

этотъ ужаснось *Дворъ-чудесъ* (1), куда не проникалъ ни одинъ честный человекъ въ такое позднее время; волшебный кругъ, въ которомъ исчезали жандармы и сержанты; притонъ воровъ, гнусная язва Парижа; источникъ, изъ котораго вышлезаали поутру и куда собирались въ вечеру всѣ пороки и преступленія, гнѣздившееся въ столичныхъ улицахъ; ужасный улей, въ который слетались каждый вечеръ цѣмеди обществаннаго порядна; ложный госпиталь, гдѣ всякій бродяга, негодный школьникъ, мошенникъ всѣхъ націй и исповѣданій смывали мнимыя раны, съ которыми днемъ просили милостыню, и являлись просто разбойниками: однимъ словомъ огромная убогая, гдѣ отбывались и раздѣвались всѣ акты той дѣчной комедіи, которую грабятъ, развратъ и убійство разыгрываютъ на улицахъ Парижа.

Это было обширное мѣсто, неправильное и дурно вымощенное, какъ всѣ парижскія площади того времени. У огня стояли странныя группы. Все двигалось, шумѣло, кричало. Слышался рѣзкій смѣхъ, плачь дѣтей, женскіе голоса. Руки и головы этой толпы, чернѣвшія на красномъ фонѣ, дѣлали странныя жесты. Порою въ землѣ, на которой дрожалъ отблескъ свѣта, пробѣгала собака похожая на человека, или человекъ похожій на собаку. Границы между породами здѣсь исчезали. Мужчины, женщины, животныя, возрастъ, полъ, здоровье, болѣзнь, все было общее у этого народа, — все было слутано, перемѣшано; каждый принималъ участіе во всемъ.

Трепетное мерцаніе огня позволило Гренгуару различить вокругъ площади рядъ скверныхъ домишекъ, странныя фасады которыхъ, снабженные двумя свѣтящимися отверстіями, казались ему огромными головами старухъ, страшныхъ и косматыхъ, издали смотрившихъ на шабашъ.

Это былъ новый міръ, неизвѣстный, невѣроятный, безобразный, гнусный, фантастическій.

Гренгуаръ, совершенно ошеломленный, въ тискахъ у троихъ нищихъ, оглушонный пискомъ и крикомъ, несчастный Гренгуаръ старался собрать свои мысли, чтобы припомнить, не субота ли сегодня. Но усилія его были тщетны: нить его памяти и мышленія была

(1) Въ средніе вѣка «Дворомъ-чудесъ» назывались извѣстныя мѣстности въ большихъ городахъ, куда сходилась всякаго рода нищія и попрошайки, которые составляли изъ себя настоящую общину, имѣвшую особыя постановленія и особыя начальниковъ. Такъ назывались эти мѣстности потому, что по приходѣ туда всѣ нищія-калѣки какбы чудомъ мгновенно излечивались отъ всякаго мнимаго недуга, помощію котораго они вымаливали себѣ подаяніе.

порвана, и сомнѣваясь во всемъ, переходя отъ очевиднаго къ кажу-щемуся, онъ предлагалъ себѣ скептическій вопросъ: «Если я живъ, могутъ ли случиться со мной такія странности? А если онъ дѣйствительны, то не призракъ ли я?»

Въ эту минуту изъ толпы ясно раздался возгласъ: «Къ королю его! къ королю!»

— Пресвятая дѣва! проговорилъ Гренгуаръ: — да здѣшній король долженъ быть непременно козелъ.

— Къ королю! къ королю! повторила толпа.

Его потащили. Каждый старался запустить свои когти, но трое нищихъ не уступали и ревѣли: «онъ нашъ!»

Платье поэта, уже находившееся въ агоніи, испустило послѣдній вздохъ въ этой борьбѣ.

Пока тащили его по площади, онъ началъ понемногу приходить къ сознанию дѣйствительности и свыкаться съ мѣстной атмосферой.

Въ первую минуту въ его поэтической головѣ, или говоря прозой, въ его нустомъ желудкѣ поднялся туманъ, сквозь который онъ видѣлъ все предметы какъ въ кошмарѣ. когда все контуры сжимаются, все формы искривлены, предметы собираются въ невѣроятныя группы, вещи обращаются въ химеры, а люди въ привидѣнья. Эта галлюцинація постепенно переходила въ болѣе нормальный взглядъ. Дѣйствительность лѣзла къ нему со всехъ сторонъ, толкала въ бокъ, совалась подъ ноги и разрушала шагъ за шагомъ всю странную поэзію, которой онъ воображалъ себя окруженнымъ. Необходимо было сознаться, что онъ шолъ не по берегамъ Стикса, но по грязи; что его толкали не демоны, но воры; что дѣло шло не о его душѣ, но о жизни (потому что у него не было драгоцѣннаго примирителя, становящагося между бандитомъ и честнымъ человѣкомъ, — кошелька). Наконецъ, разсмотрѣвъ оргію поближе и похладпокроннѣе, онъ спустился изъ шабаша въ чистый кабакъ.

Дворъ-чудесъ былъ въ самомъ дѣлѣ кабакъ, но кабакъ разбойниковъ, пропитанный виномъ и кровью.

Зрѣлище, представившееся его глазамъ, когда онъ приведенъ былъ къ мѣсту назначенія, тоже внушало мало поэтическихъ мыслей, даже будь это адская поэзія. Болѣе чѣмъ когда-нибудь, это была прозаическая, грубая дѣйствительность кабака. Еслибъ дѣйствіе происходило не въ XV вѣкѣ, мы бы сказали, что Гренгуаръ снизошелъ отъ Микель-Анджело до Калло.

Вкругъ огня, горѣвшаго на широкомъ камнѣ и охватывавшаго

пламенемъ пока еще пустой треножникъ, стояло нѣсколько поноробившихся столовъ, расположенныхъ безъ малѣйшихъ признаковъ симетріи. На столахъ свѣтились нѣсколько кружекъ вина и водки, а за столами сидѣло множество вакхическихъ фізіономій, раврумяненныхъ отъ вина и жара. Мужчина съ большимъ животомъ и веселымъ лицомъ громко цѣловалъ толстую, рябую дѣвку. Переряженный солдатъ разбинтовывалъ, посвистывая, свою мнимо-раненую ногу. На другомъ краю будущій калѣка приготовлялъ съ помощью бычачей крови и ластовочной травы снадобье для своей завтрашней раны.

Черезъ два стола мнимый богомолецъ въ полномъ костюмѣ заучивалъ молитву, произнося ее въ носъ. Далѣе, новичекъ бралъ уроки падучей болѣзни у старика, который училъ его жевать кусокъ мыла, чтобъ произвести пѣну у рта. Рядомъ происходило исцѣленіе отъ водяной и четыре женщины спорили за ребенка, украденнаго въ тотъ вечеръ. Всѣ эти случаи, два вѣка спустя, казались такъ смѣшны при дворѣ, — говоритъ Соголь — что служили развлеченіемъ королю и сюжетомъ для королевскаго балета «Ночь», раздѣленнаго на четыре отдѣла и даваемого на театрѣ de petit Bourbon. Очевидецъ прибавляетъ, что никогда еще метаморфозы Двора-чудесъ не были такъ удачно воспроизведены. Бексеритъ подготовилъ насъ къ нимъ своими стихами.

Повсюду раздавался грубый смѣхъ и непристойныя пѣсни; каждый говорилъ свое, неслушая сосѣда. Кружки ежеминутно чокались и вслѣдъ за чоканьемъ возникали ссоры, сопровождаемыя звукомъ разбитой посуды.

Большая собака сидѣла передъ огнемъ. Нѣсколько ребятъ притѣшивалось къ этой оргіи. Украденный ребенокъ кричалъ и плакалъ; другой, мальчикъ четырехъ лѣтъ, сидѣлъ на высокой скамьѣ, касаясь стола подбородкомъ, и не говорилъ ни слова. Третій переважно размазывалъ по столу пальцемъ наплывшее со свѣчки сало. Последний сидѣлъ въ грязи и чистилъ кирпичемъ жаровню, производя звукъ, способный довести до безпамятства Страдиваріуса. Около огня стояла бочка, а на бочкѣ возсѣдалъ нищій. Это былъ самъ король на тронѣ.

Тріо, притащившее Гренгуара, поставило его къ бочкѣ и волвакханалія на минуту замолкла, исключая скрипа жаровни.

Гренгуаръ несмѣлъ поднять глазъ.

— *Nombre, quita tu sombrero!* (человѣкъ, скидай шапку!)

оказавъ одинъ изъ трехъ вожатыхъ ; я прежде чѣмъ оцъ успѣлъ понять что значила эта фраза , съ него слетнувшя шапку , правда очень плохонькую , но все еще поднуту отъ дождя или солнца . Гренгуаръ вдохнулъ .

Между тѣмъ король обратился къ нему съ высоты своего сидища :

— Что это за бездѣльникъ ?

Гренгуаръ вздрогнулъ . Этотъ голосъ , хотя съ выраженіемъ упрямства , напомнилъ ему другой , который въ это же утро нанесъ первый ударъ его мистеріи , прогнавшаго : « подайте милостыню ! » Онъ поднялъ голову . На самомъ дѣлѣ это былъ Клопенъ Трульфу .

Костюмъ его нисколько не измѣнился ; только рана на рукѣ исчезла и онъ держалъ въ ней ременный хлыстъ , употребляемый въ тѣ времена сержантами для водворенія порядка въ толпѣ . На головѣ у него была остроконечная шапка , напоминавшая дѣтскій головной уборъ или корону .

Незная самъ почему , Гренгуаръ ободрился , узнавши въ королѣ своего давешняго учителя .

— Милостивый государь... ваша свѣтлость... ваше величество... Какъ долженъ я назвать васъ ? спросилъ оцъ наконецъ , дойдя до самаго высокаго крешендо , незная что начать дальше .

— Свѣтлость , величество или просто пріятель , называй какъ хочешь , только скорѣе . Что скажешь ты въ свою защиту ?

— Въ твою защиту ! подумалъ Гренгуаръ : — это мнѣ не нравится . Онъ началъ запинаться : — Я тотъ самый , который сегодня утромъ...

— Пошолъ ты къ дьяволу ! намъ нужно твое имя и ничто больше . Слушай . Ты передъ тремя могучими государами : я Клопенъ Трульфу , высшій сюзеренъ воровскаго царства ; Матьясъ Сликали , герцогъ Египта и Богеміи — вонъ тотъ жолтый старикъ , котораго ты видишь съ тряпкой на головѣ ; Вильгельмъ Руссо , императоръ Галлеи — вонъ тотъ толстякъ , который ласкаетъ дѣвку . Мы твои судьи . Ты вошолъ въ наше царство , не принадлежа къ нашей корпораціи , и тѣмъ нарушилъ привилегіи нашего города . Ты долженъ быть наказанъ , если не принадлежишь къ классу воровъ , нищихъ или бродягъ . Ну , принадлежишь ты къ какому-нибудь изъ этихъ разрядовъ ? Оправдывайся ; объяви намъ свой титулъ .

— Увы ! сказалъ Гренгуаръ : — я неимѣю этой чести . Я авторъ...

— Довольно . Ты будешь повѣшенъ . Дѣло очень просто , господа

честные люди! Какъ вы обходитесь съ нашими у себя, такъ и мы обращаемся съ вами въ нашихъ владѣнiяхъ. Законъ, который вы примѣняете къ бродягамъ, бродяги примѣняютъ къ вамъ. Сами же вы виноваты, если законъ жестокъ. Надо же когда-нибудь посмотреть какую гримасу дѣлаетъ честный человекъ на вистлицѣ; это облагороживаетъ казнь. Ну, любезный другъ, подари свои дохмоты на память этимъ барышнямъ. Я велю тебя повѣсить для удовольствiя бродягъ и ты отдашь имъ свой кошелекъ, чтобъ справить поминки. Если хочешь покаяться, тамъ въ углу есть образъ, Даю тебѣ четыре минуты.

Речь была ужасная.

— Хорошо сказано! воскликнулъ Руссо, разбивая кружку объ столъ.

— Императоръ и короли! сказалъ Гренгуаръ съ большимъ присутствiемъ духа (незная по какому случаю къ нему воротилась опять твердость): — подумайте; меня зовутъ Пьеръ Гренгуаръ; я тотъ самый поэтъ, котораго мистерiю представляли сегодня утромъ въ большой залъ.

— А, этотъ! сказалъ Клопентъ. — Былъ я на этомъ представленiи! Чтоже, прiятель, развѣ то, что ты надобдалъ намъ сегодня утромъ, мѣшаетъ тебѣ быть повѣшеннымъ къ вечеру?

— Трудно вынутаться, подумалъ Гренгуаръ.

Онъ попробовалъ послѣднее усилiе.

— Незнаю, сказалъ онъ, — почему бы поэтовъ не причислить также къ бродягамъ. Эносъ былъ бродягой, Гомеръ былъ нищимъ, Меркурій былъ воромъ...

Клопентъ прервалъ его: — Не пой намъ этой дичи. Приготовляйся быть повѣшеннымъ безъ всякихъ церемонiй!

— Извините, ваше королевское величество, продолжалъ Гренгуаръ, выигрывая время. — Это стоитъ послушать... Одну минуту!.. Выслушайте меня... Вы не осудите меня невыслушавши...

Голосъ несчастнаго исчезалъ въ шумъ, происходящемъ вокругъ. Маленькiй мальчикъ усерднѣе прежняго чистилъ жаровню и къ довершенiю удовольствiя старуха поставила на треножникъ сновороду полную жиру, который визжалъ на огнѣ какъ цѣлая ватага перепуганныхъ дѣтей.

Между тѣмъ Клопентъ Трульфу казалось совѣщался съ герцогомъ Египта и императоромъ Галилеи, который былъ совершенно пьянъ. Потомъ онъ закричалъ «тише!» но такъ какъ жаровня и

сковорода его не слушались и продолжали дуэть, онъ соскочилъ съ бочки, толкнулъ ногою жаровню, отсочившую на десять шаговъ вмѣстѣ съ мальчикомъ, сбѣгалъ тоже со сковородой, изъ которой весь жиръ вылился на огонь, и важно возшолъ снова на тронъ, не заботясь о сдержанномъ плачѣ ребенка и о ворчанѣ старухи, ужинъ которой улетучивался въ клубахъ дыма.

Трульфу подалъ знакъ, по которому герцогъ, императоръ и всѣ старшины встали передъ нимъ полукругомъ, центръ котораго составлялъ Гренгуаръ, все еще невысвободившійся изъ желѣзныхъ рукъ. Это былъ полукругъ изъ лохмотьевъ, блѣстокъ, вилъ, топоровъ, пьяныхъ лицъ съ угасшимъ животнымъ выраженіемъ. Клопентъ Трульфу, какъ дождь этого сената, какъ король этихъ перовъ, какъ папа этого конклава, возвышался надъ всѣми, вопервыхъ величиною своею бочки, а вовторыхъ какимъ-то гордымъ, дикимъ и страшнымъ выраженіемъ, заставлявшимъ блистать его глаза и облагораживавшимъ животный типъ бродяги. Это была голова кабана между рылами простыхъ свиней.

— Послушай, сказалъ онъ Гренгуару, поглаживая безобразный подбородокъ жесткой рукой: — я не вижу почему бы не быть тебѣ повѣшеному. Правда, что тебѣ это несовѣтъ нравится, да и понятно — вы, честные люди, не привыкли къ этому. Вы придаете слишкомъ много важности этой штукѣ. Мы впрочемъ не желаемъ тебѣ зла. Вотъ тебѣ средство избавиться отъ бѣды, покуда. Хочешь быть нашимъ?

Можете судить, какое дѣйствіе произвело это предложеніе на Гренгуара, терявшаго послѣднюю надежду. Онъ крѣпко ухватился за предлагаемую нить.

- Конечно хочу, еще какъ! отвѣчалъ онъ.
- Ты согласенъ вступить въ ряды мелкихъ воришекъ?
- Именно въ ряды мелкихъ воришекъ! отвѣчалъ Гренгуаръ.
- Ты признаешь себя членомъ свободныхъ гражданъ?
- Свободныхъ гражданъ.
- Поданнымъ царства бродягъ?
- Царства бродягъ.
- Бродягой?
- Бродягой.
- Въ душѣ?
- Въ душѣ.

— Надо тебѣ замѣтить, что это не спасетъ тебя отъ висѣлицы, сказалъ король.

— Канальство! сказалъ поэтъ.

— Только, продолжалъ Клопенъ, — ты будешь повѣшенъ поскорѣе, съ болѣею церемоніею, на счетъ города Парижа, на красивой каменной висѣлицѣ и руками честныхъ людей. Это утѣнительно.

— Ваша правда, отвѣчалъ Гренгуаръ.

— Есть и другія выгоды. Въ качествѣ свободнаго гражданина ты не будешь обязанъ платить ни за мостовую, ни за фонари, ни въ пользу бѣдныхъ, чему подвержены всѣ граждане Парижа.

— Пусть будетъ по-вашему, сказалъ поэтъ. — Я согласенъ. Я бродяга, мелкій воришка, свободный гражданинъ, все что хотите; я былъ всѣмъ этимъ уже и впередъ, ваше королевское величество, потому что я философъ; *et omnia in philosophia omnes in philosopho continentur*, какъ вамъ извѣстно.

Король нахмурилъ брови.

— За кого ты меня принимаешь, пріятель? Какую жидовскую грамоту ты еще выкопалъ? Я незнаю поеврейски. Разбойники не жида. Я даже не ворую больше, я выше этого: я убиваю. Перерѣзать горло — мое дѣло, а рѣзать кошельки отказываюсь.

Гренгуаръ старался проговорить извиненіе во время этого потока словъ, тонъ которыхъ дѣлался все раздражительнѣе. — Извините, ваше величество, это не поеврейски, а полатыни.

— Я тебѣ говорю, что я не жидъ и что я велю тебя повѣсить, клянусь синагогой! какъ вотъ этого еврейскаго торгаша, что стоитъ съ тобой рядомъ и котораго я надѣюсь видѣть когда-нибудь приплюснутымъ къ его прилавку, какъ фальшивую монету!

Говоря это, онъ указывалъ пальцемъ на маленькаго жидка съ бородою, который приставалъ къ Гренгуару съ своимъ «*facitate caritatem*», и съ удивленіемъ смотрѣлъ теперь на гнѣвъ короля, непонимая никакого другого языка.

Наконецъ Клопенъ успокоился.

— Такъ ты, бездѣльникъ, хочешь быть бродягой? обратился онъ снова къ Гренгуару.

— Разумѣется, отвѣчалъ поэтъ.

— Одного хотѣнья еще мало! продолжало неотвязчивое величество: — отъ хотѣнья ни одной луковицы въ супѣ не прибавится; надо доказать, что ты къ чему-нибудь годенъ и для этого надо сдѣлать опытъ надъ манкеномъ.

→ Я сейчас какой хотите опыть.

Клопёнь подалъ знакъ. Нѣсколько человекъ отделились отъ группы и вернулись черезъ минуту. Они принесли два столба, заостренные внизу, такъ что ихъ легко было укрѣпить въ землѣ; на верхней части они утвердили балку, что составило временную висѣлицу. Цѣпля доже была готова.

«Что они хотятъ дѣлать?» спрашивалъ себя Гренгуаръ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ. Звукъ колокольчиковъ, раздавшійся въ ту же минуту, разсѣлалъ его опасенія: бродяги вѣщали мангена, родъ вороньяго пугала, одѣлага въ красномъ и увѣшаннаго колокольчиками въ громадномъ количествѣ. Эти звонки подребезжали пока качалась веревка и наконецъ смолкли.

Тогда Клопёць, указывая Гренгуару на ветхую скамейку, стоящую подъ манкеномъ, сказалъ: — Подѣзай на нее!

— Да я сломаю себѣ шею. Скамейка хромаетъ какъ маршмаловъ кругъ; у ней одна нога шестистопная, а другая пятистопная.

— Подѣзай! повторилъ Клопёнь.

Гренгуаръ влѣзъ на скамью и ухитрился укрѣпиться на ней.

— Теперь обвей правой ногой лѣвую и встань на цыпочки.

— Ваше величество, вамъ напредѣнно хочется, чтобъ я сломалъ что-нибудь?

— Послушай, пріятель, ты много разговариваешь. Вотъ, въ двухъ словахъ, въ чемъ дѣло: ты встанешь на цыпочки, какъ я тебѣ сказалъ; такимъ образомъ ты достанешь до кармана куклы и запустишь въ него руку, чтобъ достать кошелекъ; если ты это сделаешь, незатронувъ ни одного колокольчика, — хорошо, ты будешь бродягой. Намъ останется только поколотить тебя цѣлую недѣлю.

— Не приведи Богъ, сказалъ Гренгуаръ. — Ну, а если колокольчики вазвенять?

— Тогда ты будешь повѣшенъ. Понялъ?

— Все не понялъ, сказалъ Гренгуаръ.

— Слушай еще разъ. Ты обыщешь манкенъ и вынешь у него кошелекъ; если хоть одинъ колокольчикъ звякнетъ во время операціи, ты будешь повѣшенъ. Понимаешь ты это?

— Хорошо, понялъ; а потомъ?

— Если ты вынешь кошелекъ безъ звона, будешь бродягой и тебя будутъ колотить ровно недѣлю. Теперь ты конечно все понялъ.

— Нѣтъ, ваше величество, опять не понимаю. Гдѣ-жъ моя выгода? Въ одномъ случаѣ избыють, а въ другомъ лишѣются.

— А вѣтъ бродягой, развѣ этого мало? Мы будемъ тебя бить для твоей же пользы, чтобъ приучить къ поборнѣ.

— Очень благодаренъ!

— Ну проворнѣй, сказалъ король, топая ногою. — Объяви манкена и двѣл'комецъ! Объявляю тебѣ въ послѣдній разъ, что-если увеличишь хоть одинъ колокольчикъ, ты заслужишь тѣноконь.

Вся толпа рукопискала словамъ Клопена и окружила встѣлицу, съ самымъ безжалостнымъ смѣхомъ; Гренгуаръ увидалъ, что смерть его будетъ имъ еще большею забавой. Ему не оставалось другой надежды, кромѣ весьма сомнительнаго успѣха операціи; онъ рѣшилъ попытаться, произнесъ мысленно самую жаркую просьбу манкenu, надѣясь умилюствовать его скорѣе нежелан зрителей. Маршды звонковъ съ мѣднныи язычками казались ему частью аспиловъ, ежеминутно готовыхъ унажить и испустиль свистъ.

— О! говорилъ онъ про себя: — возможно ли, чтобъ моя жизнь зависла отъ шестя этихъ побрякушекъ? О! повторялъ онъ, складывая руки: — не звоните колокольчики, не звоните!

Онъ попытался еще смягчить Трульфу.

— А если вдругъ подуетъ вѣтеръ? спросилъ онъ.

— Ты будешь повѣшенъ, отвѣчалъ тотъ бездумываловъ.

Вѣда, что ничто не отвертишься, онъ рѣшился: обернувши правую ногу объ лѣвую, всталъ на пальцы, протянулъ руку... Но въ ту минуту какъ онъ коснулся манкена, его тѣло, державшееся на одной ногѣ, перетянуло скамью, у которой ногъ было только три; онъ машинально хотѣлъ схватиться за манкена, потерялъ равновѣсіе и тяжело упалъ на землю, оглушительный звукомъ тысячи колокольчиковъ манкена, который, покачнувшись назадъ и впередъ отъ даннаго толчка, опять висѣлъ на своемъ мѣстѣ.

— Проклятіе! воскричалъ онъ падая, и уже делалъ лицомъ къ землѣ.

До ушей его доносился несносный трезвонъ колокольчиковъ, хоть бродягъ и слова Клопена: «Поднимите этого сегодня и поѣсьте его хорошенько.»

Онъ всталъ. Манкенъ ужъ сняли, чтобъ дать ему мѣсто.

Мошеники втащили его на скамью. Клопенъ подошелъ къ нему, вакинулъ ему петлю на шею и ударя по плечу, оканвалъ:

— Прощай, другъ! теперь не вырвешься.

Просьба о помилованіи замерла на губахъ Гренгуара. Онъ глянулъ кругомъ, но надежды не было; всѣ смѣялись.

→ Бельвинъ, обратился Клопенъ къ огромному бродягѣ: — полѣзай на перекладину.

Бельвинъ ловко вкарабкался и Гренгуаръ съ ужасомъ увидать его надъ своей головою.

— Теперь, продолжалъ Клопенъ, — когда я хлопну въ ладоши, ты, Андри, толкнешь колѣномъ скамейку, ты, Франсуа, повиснешь у него на ногахъ, а ты, Бельвинъ, вскочишь ему на плечи; всё трое разомъ. Слышали?

Гренгуаръ вздрогнулъ.

— Готовы? спросилъ Труэльфу.

Бѣдный страдалецъ переживалъ ужасную минуту, между тѣмъ какъ король поправлялъ ногою недогорѣвшіе сучья.

— Готовы? повторилъ онъ, и хотѣлъ уже ударить въ ладоши. Еще секунда — и все было бы кончено.

Но онъ остановился, будто отъ какой-то внезапной мысли.

— Подождите! я позабылъ!.. по нашему правилу, нельзя повѣсить человѣка неспросивши, не хочетъ ли кто-нибудь изъ женщинъ выйти за него замужъ. Пріятель, это твоя послѣдняя надежда. Надо взять въ жены бродягу или цетлю.

Этотъ странный цыганскій законъ еще и теперь существуетъ въ старомъ англійскомъ законодательствѣ. Смотри «Burington's Observations».

Гренгуаръ вздохнулъ. Впродолженіи получаса жизнь возвращалась къ нему во второй разъ. Надѣяться онъ еще не осмѣливался.

— Эй, вы! кричалъ Клопенъ, взмолившись снова на свою бочку: — женщины! есть ли между вами, отъ старой вѣдьмы до ея кошки, существо женскаго рода, желающее взять этого молодца? Идите, смотрите! Мужчина даромъ! Кто хочетъ?

Гренгуаръ въ своемъ бѣдственномъ положеніи былъ конечно непривлекателенъ. Женщины были мало тронуты предложеніемъ. Несчастный слышалъ ихъ отвѣтъ: «Нѣтъ, лучше повѣсить его: эдакъ будетъ всѣмъ удовольствіе.»

Однакожь три отдѣлились отъ толпы и подошли его осматривать. Первая была толстая дѣвка, съ квадратнымъ лицомъ. Она внимательно осматрѣла жалкую одежду бѣдняка: она была дырява какъ сковорода, на которой пекутъ каштаны. Женщина сдѣлала гримасу.

— Старо! проворчала она: — а гдѣ твоя шапка?

— Я ее потерялъ, отвѣчалъ Гренгуаръ.

— Твои сапоги?

— У нихъ отвалились подошвы.

— А кошелекъ?

— Увы! простоналъ Гренгуаръ: — въ немъ нѣтъ ни одного су.

— Ну такъ благодари, что тебя вѣшаютъ. — И она повернулася къ нему спиною.

Вторая была стара, черна и безобразна; Гренгуаръ почти не желалъ, чтобъ она его выбрала. Она проворчала сквозь зубы: «нѣтъ, онъ слишкомъ худъ!» и ушла прочь.

Третья была молодая дѣвушка, довольно свѣжая и неслишкомъ дурная.

— Спасите меня! шепталъ ей бѣднякъ.

Она съ сожалѣніемъ посмотрѣла на него, опустила глаза, повернула край своего передника и осталась въ нерѣшимости. Онъ слѣдилъ за каждымъ ея движеніемъ.

— Нѣтъ, сказала она наконецъ: — длинный Вильгельмъ меня будетъ бить. — И она удалилась въ толпу.

— Ну братъ, ты несчастливъ! сказалъ Клопенъ.

Потомъ, привставъ на бочкѣ: — Такъ никому онъ не нуженъ? прокричалъ онъ, удачно передразнивъ экзекутора, къ общему удовольствію. — Разъ, два, три! Никто не выходитъ? — Присужденъ! объявилъ онъ, кивнувъ на толпу.

Бельвинъ, Андри и Франсуа приблизились къ Гренгуару.

Въ эту минуту раздался крикъ:

— Эсмеральда! Эсмеральда!

Гренгуаръ вздрогнулъ и оборотилъ голову по направленію шума. Толпа разступилась передъ чуднымъ, чистымъ созданиемъ. Это была цыганка.

— Эсмеральда! повторилъ Гренгуаръ, припоминая всѣ событія, связанныя съ этимъ именемъ.

Прелестное созданіе казалось имѣло какую-то власть, даже при дворѣ-чудесъ, силою своей красоты и граціи. Мошенники давали ей дорогу и ихъ грубыя лица прояснялись отъ ея взгляда.

Она подошла къ бѣдняку своимъ легкимъ шагомъ. Джали слѣдовала за нею. Гренгуаръ былъ ни живъ ни мертвъ. Она съ минуту глядѣла на него.

— Вы хотите повѣсить этого человѣка? спросила она съ важною.

— Да, сестрица, отвѣчалъ король, — если ты не захочешь быть его женою.

Она сдѣлала свою обыкновенную гримаску.

— Я беру его, сказала она.

Гренгуаръ былъ твердо увѣренъ, что все что происходитъ съ утра — длинный сонъ, а это его продолженіе.

Переходъ, хотя и граціозный, былъ паразитиченъ.

Петлю развѣвали и поэта свели со скамьи. Онъ принужденъ былъ съѣсть отъ сильного потрясенія.

Герцогъ Египта, неговоря ни слова, принесъ глиняный кувшинъ. Цыганка подала его Гренгуару.

— Бросьте его на землю.

Кувшинъ разбился въ дребезги.

— Братъ, промолви герцогъ Египта, кладя имъ руку на голову: — она твоя жена; сестра, онъ твой мужъ, на четыре года. Ступайте.

VII

СВАДЕБНАЯ НОЧЬ

Черезъ нѣсколько минутъ нашъ поэтъ очутился въ маленькой комнатѣ со стрѣльчатыми сводами, укрытой и теплой, передъ столомъ, готовымъ принять на свою поверхность все съѣстное, заключающееся въ сосѣднемъ шкапѣ; въ перспективѣ была покойная постель, а въ настоящемъ — *lête-à-lête* съ прелестной дѣвушкой. Все это отзывалось волшебствомъ. Онъ серьезно начиналъ считать себя сказочнымъ героемъ, и оглядывался, ища огненной колесницы, запряженной двумя крылатыми химерами, которая одна могла его перенести такъ быстро изъ тартара въ рай. Чтобъ вовсе не потерять изъ виду дѣйствительности, онъ взглядывалъ и на свое худое платье. Разсудокъ его, витавшій въ вымышленныхъ мірахъ, нуджался въ этой нити, чтобы не вовсе покинуть землю.

Дѣвушка казалось не обращала на него вниманія; она ходила, прибирала, разговаривала съ козой и дѣлала повременамъ свою гримаску. Наконецъ она сѣла у стола и Гренгуару стало удобно смотреть на нее.

Вы были ребенкомъ, читатель, можетъ-быть даже имѣете сча-

стие быть имъ до сихъ поръ. Вамъ вѣроятно случалось (я же посвящая этому занятію мои лучшіе дни) слѣдить, съ куста на кустъ, у берега, въ ясный день, за хорошенькой стрекозой, голубой или зеленой, задѣвавшей каждую вѣтку въ своемъ неправильномъ полетѣ. Вы помните съ какимъ нѣжнымъ любопытствомъ слѣдили за ея взглядъ за этимъ жужжащимъ вихремъ въ голубомъ одѣяніи, изъ-за котораго мелькала, едва замѣтная за быстротою, стройная форма. Воздушное существо, неясно обозначающееся изъ-за лазури крыльевъ, казалось вамъ химерическимъ, недоступнымъ осязанію и даже глазу. Но когда наконецъ стрекоза отдыхала на какой-нибудь вѣткѣ и вы могли разсматривать, сдерживая дыханіе, длинныя газовыя крылья, длинное эмалевое платье и два хрустальные шарика, какое вы испытывали удивленіе и страхъ, что вотъ существо снова обратится въ химеру! Припомните эти ощущенія и вамъ легко будетъ понять, что чувствовалъ Гренгуаръ, разсматривая въ видимой и осязательной формѣ эту Эсмеральду, которую видѣлъ до этой минуты только въ вихрѣ танца, съвозъ обаяніе пѣнія и страхъ смерти.

— Такъ вотъ что такое Эсмеральда! Небесное созданіе! уличная танцовщица! Такъ много и такъ мало! Она довершила паденіе моей пьесы поутру и спасла мнѣ жизнь вечеромъ. Мой злой геній и вмѣстѣ добрый ангелъ! Хорошенькая женщина, честное слово!.. И вѣрно любить меня до безумія, если согласилась на такой странный бракъ! Кетати! сказалъ онъ вставая, съ тѣмъ философскимъ чутьемъ истины, которое составляло основу его характера: — не знаю какъ это случилось, но вѣдь я ея мужъ.

Съ такою мыслью въ головѣ и въ глазахъ, онъ подошелъ къ дѣвушкѣ съ такимъ развязнымъ видомъ, что та отшатнулась.

— Что вамъ отъ меня нужно?

— Можете ли вы спрашивать, обожаемая Эсмеральда? отпѣчалъ Гренгуаръ съ такимъ страннымъ акцентомъ, что и самъ удивился.

Цыганка широко раскрыла глаза.

— Я васъ не понимаю.

— Какъ! продолжалъ Гренгуаръ, воспламеняясь все болѣе и болѣе и думая при этомъ, что имѣеть дѣло съ добродѣтельною Двора-чудесъ: — развѣ ты не принадлежишь мнѣ, моя прелесть?

И онъ наивно взялъ ее за талію.

Корсажъ цыганки выскользнулъ изъ его рукъ какъ угорь. Она отпрыгнула на другой уголъ комнаты, наклонилась и встала передъ

нимъ съ маленькимъ кинжаломъ въ рутѣ, разгнѣванная, гордая, съ надувшимися губками, съ щеками горѣвшими какъ яблоко, съ глазами мечущими молнію. Козочка тоже встала передъ своей хозяйкой и подставила Гренгуару золотые и острые рожки. Все это сдѣлалось въ одну минуту.

Стрекоза превратилась въ пчелу и готова была ужалить.

Философъ остоленѣлъ и поглядывалъ то на козу, то на дѣвушку.

— Матерь божія! сказалъ онъ, оправясь отъ удивленія: — какія храбрыя!

Цыганка тоже заговорила:

— А у тебя много дерзости!

— Простите, сударыня, сказалъ онъ улыбаясь: — но зачѣмъ же выбрали вы меня въ мужа?

— Такъ надо было дать тебя понѣсить?

— Такъ у васъ не было другой мысли, кромѣ моего спасенія? спросилъ Гренгуаръ, разочарованный въ своихъ надеждахъ.

— Какая же могла еще быть у меня мысль?

Гренгуаръ закусилъ губы.

— Увы! подумалъ онъ: — я еще не такой баловень амура, какъ думалъ. Но тогда зачѣмъ же было разбивать этотъ несчастный горшокъ?

Между тѣмъ кинжалъ Эсмемальды и рожки козы все еще были въ оборонительномъ положеніи.

— Мадмуазель Эсмемальда, сказалъ поэтъ, — будете вести переговоры. Я не присяжный и не буду къ вамъ придирааться за то что вы носите оружіе, тогда какъ это строго запрещено. Вамъ конечно извѣстно, что Ноэль Декривенъ былъ осужденъ на денежную пеню зато что носилъ шапагу. Но это не мое дѣло; перейдемъ къ сущности. Я клянусь вамъ будущей жизнью, что не подойду къ вамъ безъ вашего разрѣшенія, только дайте мнѣ поужинать.

Въ сущности Гренгуаръ не былъ страстенъ; онъ не принадлежалъ къ породѣ рыцарей и мушкетеровъ, которые берутъ женщину приступомъ. Въ дѣлахъ любви, какъ и во всѣхъ другихъ, онъ былъ согласенъ на уступки; хорошій ужинъ въ пріятномъ обществѣ казался ему, въ особенности когда онъ былъ голоденъ, очень примечательнымъ антрактомъ между прологомъ и развязкой любовнаго похождения.

Цыганка не отвѣчала. Она сдѣлала презрительную гримаску и

расхоталась ; маленькій кинжалъ исчезъ, какъ и появился, совершенно невидимымъ для Гренгуара образомъ.

Минуту спустя на столѣ очутился ячменный хлѣбъ, кусокъ сала, нѣсколько яблокъ и кружка пива. Гренгуаръ принялся ѣсть съ яростью. По стуку его желѣзной вилки можно было подумать, что вся его любовь перешла въ аппетитъ.

Дѣвушка молча сидѣла противъ него, видимо занятая другой мыслью, которой улыбалась, отъ времени до времени поглаживая своей вѣжной ручкой бѣленькую головку козочки, лежавшую на ея колѣняхъ.

Свѣча желтаго воска освѣщала эту сцену жадности и мечтательности.

Когда были утолены первыя требованія желудка, Гренгуару сдѣлалось совѣстно, что на столѣ осталось всего одно яблоко.

— Вы не ужинаете, мадмуазель Эсмеральда ?

Она отвѣчала отрицательнымъ движеніемъ головы и взглядъ ея устремился на верхній сводъ.

— Чѣмъ это она занята? подумалъ Гренгуаръ и сталъ смотрѣть по тому же направленію. — Невозможно, чтобъ ее такъ занималъ этотъ лѣпной карликъ. Чортъ возьми! съ нимъ-то я выдержу сравненіе.

— Мадмуазель!

Она не слыхала.

Онъ закричалъ громче :

— Мадмуазель Эсмеральда!

Напрасно! Мысли Эсмеральды были далеко, а голосъ Гренгуара не имѣлъ достаточнаго обаянія, чтобы заставить ихъ вернуться. По счастью коза вмѣшалась въ дѣло. Она тихонько потянула за рукавъ свою хозяйку.

— Что тебѣ, Джали? съ живостью спросила цыганка, какъ-будто проснувшись.

— Она хочетъ ѣсть, сказалъ Гренгуаръ, радуясь предлогу завести разговоръ.

Эсмеральда принялась крошить хлѣбъ, а Джали граціозно подбирала его у ней съ ладони.

Гренгуаръ не далъ ей времени вновь впасть въ задумчивость. Онъ рискнулъ предложить щекотливый вопросъ :

— Такъ вы не хотите, чтобъ я былъ вашимъ мужемъ?

Дѣвушка пристально поглядѣла на него :

— Нѣтъ.

— А любовникомъ?

Она сдѣлала гримасу и отвѣчала:

— Нѣтъ.

— А другомъ? продолжалъ Гренгуаръ.

Она еще разъ посмотрѣла на него пристально и сказала:

— Можетъ-быть.

Это *можетъ-быть*, такъ любимое философами, одобрило Гренгуара.

— Знаете ли вы, что такое дружба? спросилъ онъ.

— Да, отвѣчала цыганка: — это значить быть братомъ и сестрой; это двѣ души родныя другъ другу, но не слитыя въ одно, какъ два пальца руки.

— А любовь? продолжалъ Гренгуаръ.

— О, любовь! сказала она и голосъ ея дрожалъ, а глаза сверкали. — Это, когда двое составляютъ одно. Это блаженство!..

Уличная танцовщица была, произнося эти слова, такъ чудно хороша, что Гренгуаръ былъ пораженъ; была гармонія между ея лицомъ и восточными оборотами рѣчи. Ея розовыя и чистыя губы слегка улыбались; ея дѣвственное чело повременамъ смущалось какъ зеркало отъ легкаго дыханія, а изъ-подъ длинныхъ, опущенныхъ рѣсницъ изливался какой-то чудный свѣтъ, придававшій ея профилю ту идеальную чистоту, которую уловилъ впоследствии Рафаэль для мистическаго выраженія дѣвственности, материнской любви и божественности.

Несмотря на то Гренгуаръ продолжалъ:

— Чтожъ нужно дѣлать, чтобъ вамъ понравиться?

— Надо быть мужчиной.

— А я-то чтоже такое?

— Мужчина тотъ, у кого на головѣ каска, въ рукахъ сабля, а на ногахъ шпоры.

— Хорошо; вамъ мужчина не можетъ обойтись безъ лошади. Любите вы кого-нибудь?

— Любовью?

— Любовью.

Она съ минутою подумала, потомъ отвѣчала съ особымъ выраженіемъ:

— Скоро я буду знать это.

— Почему-жъ не сегодня вечеромъ? нѣжно возразилъ поэтъ.

— Почему-жъ не меня?

Она серьезно посмотрѣла на него.

— Я люблю только человѣка, способнаго защитить меня.

Гренгуаръ понялъ и покраснѣлъ. Очевидно дѣвушка намекала на малую помощь, которую онъ оказалъ ей въ критическомъ обстоятельствѣ, часа два назадъ. Это воспоминаніе, изглаженное другими событіями этого вечера, воротилось къ нему. Онъ ударилъ себя по-лбу.

— Кстати, слѣдовало бы начать съ этого. Простите за разсѣянность. Какимъ образомъ вы избавились отъ Квазимодо?

Цыганка вздрогнула отъ этого вопроса.

— О страшный горбунъ! сказала она, закрывая лицо руками и дрожа, какъ отъ сильнаго холода.

— Въ самомъ дѣлѣ ужасный, подтвердилъ Гренгуаръ, неупуская своей мысли: — но какъ вы отъ него отдѣлались?

Эсмеральда улыбнулась, вздохнула и промолчала.

— Зачѣмъ онъ слѣдилъ за вами? началъ Гренгуаръ, стараясь зайти съ другой стороны вопроса.

— Незнаю, отвѣчала она и живо прибавила: — но вы-то сами зачѣмъ за мною слѣдили?

— Сказать вамъ правду, отвѣчалъ Гренгуаръ, — я и самъ не знаю зачѣмъ.

Наступила минута молчанія. Гренгуаръ стругалъ ножомъ столъ; дѣвушка улыбалась и казалось видѣла что-то сквозь стѣну. Вдругъ она принялась пѣть едва слышнымъ голосомъ:

Quando las pintadas aves
Mudas estan, y la tierra...

Она внезапно остановилась и начала ласкать Джаги.

— Хорошенькая у васъ козочка, сказалъ Гренгуаръ.

— Это моя сестра, отвѣчала она.

— Почему васъ называютъ Эсмеральдой? спросилъ поэтъ.

— Незнаю.

— Однакожъ?

Она вынула изъ-подъ корсажа родъ продолговатой ладонки, на цѣпочкѣ изъ сѣмянъ какого-то растенія. Ладонка издавала сильный запахъ камфоры; ошита она была изъ зеленой матеріи, а посрединѣ вставлено было стеклышко изумруднаго цвѣта.

— Можетъ-быть по случаю этого, сказала она.

Гренгуаръ хотѣлъ взять ладонку ; она отдернула.

— Не дотрогивайтесь , это талисманъ. Или вы можете уничтожить ея силу, или она причинить вамъ вредъ.

Любопытство поэта было еще сильнѣе возбуждено.

— Кто вамъ ее далъ ?

Она приложила палецъ къ губамъ и спрятала ладонку на груди. Онъ дѣлалъ и еще вопросы, но она едва отвѣчала.

— Что значить слово Эсмеральда ?

— Незнаю, сказала она.

— На какомъ это языкѣ ?

— Кажется на цыганскомъ.

— Я такъ и думалъ. Вы родились не во Франціи ?

— Незнаю.

— Есть у васъ родители ?

Она зашла на мотивъ старой пѣсни :

Mon père est oiseau,
Ma mère est oiselle,
Je passe l'eau sans nacelle,
Je passe l'eau sans bateau.
Ma mère est oiselle,
Mon père est oiseau.

— Хорошо, сказалъ Гренгуаръ. — Сколькихъ лѣтъ вы пріѣхали во Францію ?

— Совсѣмъ ребенкомъ.

— А въ Парижъ ?

— Прошлаго года. Когда мы входили въ Панскія ворота , я видѣла какъ пролетала малиновка ; былъ конецъ августа ; я подумала, что зима будетъ очень холодная.

— Такъ и было, подтвердилъ Гренгуаръ, радуясь, что разговоръ завязывается : — я все это время дулъ на руки. Такъ вы обладаете даромъ пророчества ?

Она снова впала въ лаконизмъ : — Нѣтъ.

— Тотъ человекъ, котораго вы называете герцогомъ Египта, начальникъ вашего племени ?

— Да.

— Онъ насъ обручилъ, робко замѣтилъ Гренгуаръ.

Она сдѣлала свою привычную гримаску. — Я еще и имени вашего до сихъ поръ незнаю.

— Моего имени? Вотъ оно къ вашимъ услугамъ : Пьеръ Гренгуаръ.

— Я знаю одно получше.

— А вы таки злая! замѣтилъ поэтъ. — Ничего, вамъ не удастся меня разсердить. Можетъ-быть вы полюбите меня, когда узнаете короче; кому же вы такъ довѣрчиво рассказали мнѣ свою исторію, что я обязанъ сдѣлать тоже. Знайте же, что меня зовутъ Пьеръ Гренгуаръ и что я сынъ сельскаго нотаріуса. Мой отецъ былъ повѣщенъ бургонцами, а мать зарѣзали пикардійцы, двадцать лѣтъ назадъ, во время осады Парижа. Незнаю какъ я прожилъ отъ шести лѣтъ до шестнадцати. Кормили меня добрые люди, а ночью поднималъ дозоръ на улицѣ и отвозилъ въ тюрьму, гдѣ я находилъ пукъ соломы для ночлега. Все это не помѣшало мнѣ вытянуться и похудѣть, какъ вы видите. Зимой я грѣлся на солнцѣ и находилъ очень страшнымъ, что костры св. Іоанна зажигаются лѣтомъ. На шестнадцатомъ году я вздумалъ прискаты себѣ занятіе. Я пробовалъ всего : сдѣлался солдатомъ, но не хватило храбрости. Сдѣлался монахомъ, да не достало призванія; кому же я не пьяница. Съ отчаянія я поступилъ ученикомъ въ плотничью артель, да не достало физической силы. Склонность у меня была сдѣлаться школьнымъ учителемъ; правда, я не зналъ грамотъ, но это еще небольшой недостатокъ. Черезъ нѣсколько времени я замѣтилъ, что ни къ чему неспособенъ и сдѣлался поэтомъ. Это ремесло, которымъ можетъ заняться каждый празднующійся; все же лучше, чѣмъ воровать, какъ мнѣ совѣтовали нѣкоторые изъ моихъ товарищей. Къ счастью судьба свела меня съ Клавдіемъ Фролло, соборнымъ архидьякономъ. Онъ принялъ во мнѣ участіе и ему я обязанъ, что сдѣлался совсѣмъ ученымъ, знающимъ латынь отъ Цицерона до отцовъ-целестинцевъ и нечуждымъ схоластики и даже герметики, этого начала премудрости. Я авторъ той мистеріи, которую давали сегодня съ такимъ триумфомъ, при огромномъ стеченіи народа въ большой залъ юстиціи. Я написалъ также книгу въ шестьсотъ страницъ о чудесной кометѣ 1465 года, и вообразите: одинъ изъ моихъ читателей помѣшался. Были у меня и другіе успѣхи. У меня есть нѣкоторыя свѣдѣнія въ артилеріи, и это я работалъ надъ той большой мортирой Мога, которую разорвало во время пробы на Шарантонскомъ мосту и убило двадцать четыре человѣка. Вы видите, я несовсѣмъ плохая партія. Я знаю много хорошихъ фокусовъ, которымъ могу научить вашу козу; напримѣръ передражничать парижскаго епископа, котораго мельни-

цы обрызгиваютъ на мосту прохожихъ. Потомъ моя мистерія дастъ мнѣ большой доходъ, если за нее заплатятъ. Наконецъ къ вашимъ услугамъ я самъ, мой умъ и моя наука; я готовъ жить съ вами какъ вамъ будетъ угодно, цѣломудренно или весело; какъ мужъ съ женой, если это вамъ нравится; какъ братъ съ сестрой, если вы это находите лучшимъ.

Гренгуаръ замолчалъ, ожидая дѣйствія своей рѣчи на молодую дѣвушку. Глаза ея были опущены.

— *Фебъ!* повторяла она вполголоса. Потомъ, обращаясь къ поэту: — Что значить *Фебъ*?

Гренгуаръ, непонимая хорошенько какое можетъ быть соотношение между этимъ вопросомъ и его рѣчью, не пропустилъ все-таки случая выказать свою ученость и отвѣчалъ съ важностью: — Это латинское слово и значить *солнце*.

— Солнце! повторила она.

— Это также имя одного божества, добавилъ Гренгуаръ.

— Божество! повторила цыганка и въ ея голосѣ было что-то задумчиво-страстное.

Въ эту минуту у ней разстегнулся браслетъ и упалъ на полъ. Гренгуаръ наклонился поднять его, и когда всталъ, — ни Эсмемальды, ни козы не было въ комнатѣ. Онъ услышалъ шумъ задвижки; заперли изнутри дверь сосѣдней каморки.

— Оставила ли она мнѣ хоть постель? сказалъ нашъ философъ.

Онъ обошелъ комнату. Лечь можно было только на довольно большомъ сундукѣ, крышка котораго украшена была рѣзбою, что доставило улегшемуся Гренгуару ощущение похоее на микромегасово, когда тотъ ложился во весь ростъ на Альпы.

— Что дѣлать! говорилъ онъ, укладываясь какъ можно удобнѣе: — надо покориться. Однако странная же свадебная ночь!.. Очень жаль; въ этомъ бракѣ при разбитомъ кувшинѣ было что-то наивное и допотопное.

ОНА И ОНЪ

Das ist eine alte Geschichte...

HEINE.

Ему все мило было въ ней :
И смѣхъ ребяческій, и ласки.
Ея голубенькіе глазки
И пряди свѣтлыя кудрей.

Мирился онъ съ своей судьбой,
Когда къ плечу его бывало,
Ласкаясь, тихо припадала
Она головкой молодой.

Цѣлуя чистое чело
И гибкій станъ обвивъ рукою,
Онъ говорилъ : — «На міръ съ тобою
Смотрю я честно и свѣтло ;

«Ты духъ мой слабый извлекла
Изъ бездны страшнаго паденья ;
Звѣздой яркою спасенья
Ты въ небесахъ моихъ возшла.

«Отнынѣ были-бъ безъ тебя
Мнѣ дни мои невыносимы ;
Тоской безвыходной томимый,
Сошолъ бы въ землю я любя !»

На рѣчи нѣжныя она
Могла отвѣтить лишь слезами ,

И не «клялася небесами»
Навѣки быть ему вѣрна.

Она безъ клятвъ, безъ громкихъ словъ
Всю жизнь любить его умѣла ;
Она пошла за милымъ смѣло,
Покинувъ свой родимый кровъ.

Онъ былъ хорошъ. Лицо его
Слѣды носило жизни бурной.
Сначала свѣта блескъ мишурный
Любилъ онъ болѣе всего,

Хоть можетъ-быть и не блисталъ
Онъ тамъ звѣздой первостепенной
И обращался съ нимъ надменно
Иной сѣятельный нахаль.

Но сердце женское неразъ
Умѣлъ плѣнить онъ рѣчью страстной,
И были всѣ мужья согласны,
Что онъ опасенъ какъ Ловласть.

Въ любви онъ видѣлъ жизни цѣль,
Бросалъ, потомъ опять влюблялся,
Съ однимъ соперникомъ стрѣлялся
И сосланъ былъ онъ за дуэль.

Развратомъ, картами, виномъ
Онъ услаждалъ тоску изгнанья,
И небольшое состоянье
Убивъ, остался голякомъ.

Тогда-то онъ сошелся съ ней.
Его ума она сначала
Боялась все, — не понимала
Его возвышенныхъ рѣчей.

Какъ дикій цвѣтъ въ поляхъ цвѣла
Она, цѣны себѣ не знала.
Ей странно было, какъ такая
Степничка нравиться могла ?

Да и кому еще притомъ !
 Ему, который тамъ, въ столицѣ,
 Конечно не съ одною львицей
 Великосвѣтской былъ знакомъ.

Онъ побѣдить въ ней этотъ страхъ
 Старался вѣжностью покорной ;
 Большую опытность безспорно
 Имѣлъ въ сердечныхъ онъ дѣлахъ.

И говорилъ онъ такъ умно !
 А отличить въ нашъ вѣкъ и сразу
 Отъ чувства искренняго фразу
 Сердцамъ наивнымъ мудрено !

И въ Петербургъ съ собой увезъ
 Ее онъ изъ глуши печальной.
 Съ нинѣ въ путь она пустилась дальный
 Безъ горькихъ жалобъ и безъ слезъ.

Онъ представлялъ друзьямъ своимъ
 Ее съ торжествовавшимъ взоромъ ;
 Друзья всѣ поздравляли хоромъ
 Его съ сокровищемъ такимъ.

Какъ былъ доволенъ онъ и радъ,
 Когда знакомые артисты
 Бывало этотъ обликъ чистый
 Съ головкой грёзовской сравнять !

Одна бѣда : своимъ трудомъ
 Обонмъ жить имъ приходилось.
 Она безъ устали трудилась,
 Сидѣла ночи за шитьемъ, —

А онъ... онъ мѣста все искалъ,
 Но получивъ отвѣтъ повсюду
 Одинъ : «имѣть въ виду васъ буду»,
 Пока сложивши руки ждалъ.

Хоть онъ на связи прошлыхъ лѣтъ
 Считать имѣлъ бы основанье,

Но въ этотъ разъ ему внищныя
Не оказалъ холодный свѣтъ.

Увѣренъ я, извѣстно намъ,
Читатель мой, что очень трудно
Въ столицѣ нашей многолюдной
Себя пристроить бѣднякамъ.

Себѣ отказывать во всемъ
Онъ не привыкъ. Среди лишеній,
Грошовыхъ счетовъ, огорченій,
Нерѣдко жолчь кипѣла въ немъ.

Купить хотѣлъ бы онъ своей
Подругѣ пышные наряды,
Чтобы завистливые взгляды
Привлечь, когда идетъ онъ съ ней.

Ему хотѣлось побывать
Въ любимой оперѣ, въ балетѣ ;
Норой хотѣлось даже въ свѣтѣ
Блеснуть любезностью опять.

Воснѣ онъ часто видѣлъ балъ.
Гремѣлъ оркестръ, блистали свѣчи
И кто-то пламенные рѣчи
Ему подъ музыку шепталъ...

Но чтоже дѣлала она ?
Ей не мечтался говоръ бальный :
Зажжотъ себѣ огарокъ салыный
И шьетъ, силитъ, незная сна.

Чтобъ только онъ доволенъ былъ,
Клясть пересталъ судьбы нападки,
Чтобъ завтра свѣжія перчатки
Себѣ къ гуляню онъ купилъ.

Она была такъ весела,
Какбы нужды не знала гнета ;
Лишь красота казалось что-то
Немного блекнуть начала.

Но наконецъ — хвала судьбѣ —
 (Я отношу сей случай къ чуднымъ)
 Мѣстечко съ жалованьемъ скуднымъ
 Нашолъ пріятель нашъ себѣ.

И сталъ онъ въ должность каждый день
 Ходить и тамъ строчить бумаги.
 Но не надолго въ немъ отваги
 Хватило... не осилилъ лѣтъ!

И тяготясь своимъ трудомъ,
 Онъ сталъ твердить : — «Нѣтъ право мочи
 Приказнымъ быть чернорабочимъ,
 Какимъ-то упряжнымъ воломъ.

«Не снился мнѣ такой удѣлъ!
 Доволенъ будетъ имъ не каждый;
 Моя душа томится жаждой
 Иныхъ полезныхъ міру дѣлъ!»

Но если правду говорить,
 Онъ къ дѣлу годенъ былъ неслишкомъ,
 И не такимъ какъ онъ умивкамъ
 Дѣла великія творить!

И становились все тошнѣй
 Ему служебныя занятія;
 Все чаще сыпалъ онъ проклятія
 И на судьбу и на людей!

И даже той онъ не щадилъ, —
 Когда домой къ себѣ бывало
 Придетъ сердитый и усталый, —
 Кому мидѣ жизни былъ!

Неразъ бросалъ въ лицо упрекъ
 Онъ ей въ минуту озлобленья,
 Хотя потомъ просилъ прощенья
 И у ея валялся ногъ.

То, чѣмъ душа была больна,
 У ней не изливалось въ пеняхъ —

И по ночамъ лишь на колѣняхъ
Молилась пламенно она.

А онъ все думалъ объ одномъ :
«Когда-жъ мнѣ счастье улыбнется?
Иль въ должность цѣлый вѣкъ придется
Мнѣ шлаться по-гризи пѣшкомъ!»

«Ужели буду поглощенъ
Я весь чиновничества тинной
И въ мѣсяцъ двадцать-два съ полтиной
Братъ цѣлый вѣкъ я обреченъ!»

Желанье благъ пережитыхъ
Въ груди его все возрастало,
И онъ, вочто бы то нистало,
Поклялся вновь добиться ихъ.

Давно извѣстно намъ изъ книгъ,
Что человѣку съ силой воли
Возможно все. Такъ мудро ли,
Что цѣли скоро онъ достигъ?

Достигъ... но не путемъ труда.
Вѣдь по привычкамъ былъ онъ баринъ —
А этотъ путь неблагодаренъ
Въ отчизнѣ нашей, господа!

Онъ часто льстилъ себя мечтой,
Что говорить умѣя плавно;
Онъ вѣрно-бъ былъ ораторъ славный,
Иль адвокатъ въ странѣ иной.

Увы! не то ему судилъ
И бѣдъ и радостей виновникъ,
Капризный рокъ. Одинъ сановникъ
Тогда въ столицѣ нашей жилъ.

Хотя у старца голова
Была сѣдинами покрыта,
Но называла волокитой
Его стоустая молва.

И точно : отъ семи тайкомъ
 (Имѣлъ дѣтей онъ и супругу)
 Завелъ онъ вѣжную подругу
 И ей купилъ въ Коломнѣ домъ.

Связь эта длилась много лѣтъ,
 И дочь была плодомъ ихъ страсти, —
 Хоть признаюсь, темно отчасти,
 Кто произвелъ ее на свѣтъ.

Ее любилъ онъ ; исполнялъ
 Онъ дочку каждую затѣю
 И общался дать за нею
 Довольно круглый капиталъ.

Охота страшная была
 У ней отвѣдать жизни брачной ;
 Но къ сожалѣнію, невзрачной
 Ее природа создала.

Хотя подчасъ пускала въ ходъ
 Она румяна и бѣлила,
 Но жениховъ не находила, —
 А ей ужъ шолъ двадцатый годъ.

Она училась кой-чему,
 Но не могла прочесть безъ скуки
 Двухъ словъ. Неправились науки
 Ея небойкому уму.

Боялась мать, чтобы грѣха
 Какого съ дочкой не случилось —
 И къ старцу съ просьбой обратилась
 Скорѣй найти ей жениха.

Примѣрнымъ старецъ былъ отцомъ
 И много времени нетрата,
 Искать усердно началъ зятя
 Въ обширномъ вѣдомствѣ своемъ.

И нашъ пріятель тамъ служилъ :
 Фигурой стройной, смѣлымъ взоромъ,

Изящнымъ, свѣтскимъ разговоромъ
Онъ тотчасъ старца поразилъ.

И старецъ былъ ужасно радъ,
Что сей чиновникъ интересный
Живетъ себѣ въ коморкѣ тѣсной,
Что бѣденъ онъ и не женатъ.

Къ себѣ онъ на домъ звалъ его,
И тамъ однажды въ кабинетѣ
Открылъ ему, что на примѣтѣ
Имѣлъ невѣсту для него;

Что не красавица она,
Но обладаетъ состояньемъ,
Притомъ съ отличнымъ воспитаньемъ,
И будетъ добрая жена.

Отвѣсилъ нашъ герой поклонъ
И съ восхищеннымъ старцемъ вмѣстѣ
На смотръ къ назначенной невѣстѣ
Поухать согласился онъ.

Невѣста юная гостей
Ждала съ тоской нетерпѣливой :
Женихъ изящный и красивый
Давно воснѣ являлся ей.

Когда-жъ предсталъ ей наяву,
Ее онъ просто озадачилъ ;
Ей стало жаль, что не назначилъ
Онъ гдѣ-нибудь ей рандеву.

Что не сошлись они тайкомъ,
Въ саду, въ аллеѣ темной, ливной,
А здѣсь въ гостиной этой чинно
Сидятъ, и даже не вдвоемъ.

Сбылся ея завѣтный сонъ,
Его мечты сбывались тоже, —
Такъ дожидаться имъ чего же ?
Вопросъ о бракѣ былъ рѣшёнъ.

Но въ душу страхъ ему проникъ :
Какъ объяснить подругѣ прежней ?
А объясненіе неизбѣжнѣй
Все становилось каждый мигъ.

И этотъ страхъ преодолѣть
Не въ силахъ будучи, изъ дому
Онъ скрылся разъ... Она къ знакомой
Пошла въ тотъ вечеръ посидѣть.

Когда-жъ назадъ она пришла
И побѣдивъ свою дремоту
Хотѣла взяться за работу, —
Письмо на столикѣ нашла.

Рукой дрожащею печать
Она въ испугѣ надломилла,
Прочла... Слезы не проронила
И тихо сѣла на кровать.

И просидѣла такъ она
Вплоть до утра, храня молчанье,
Какъ-будто скорби изваянье,
И недвижима и блѣдна.

Онъ ей повѣдалъ коротко,
Что въ немъ ужъ нѣту прежней страсти,
Что чувства всѣ не въ нашей власти
И съ сердцемъ сладить нелегко.

Ну словомъ, онъ сумѣлъ мотивъ
Найти достаточный измѣнѣ
И кончилъ нѣжно, въ нотабене
Подругѣ помощь предложивъ.

Но вотъ ужъ розовымъ лучемъ
Къ ней утро въ комнатку блеснуло ;
Она очнулась и взглянула
Глазами мутными кругомъ.

У ней казалось на лицѣ
Ужъ нѣтъ отчаянья и тѣни ;

Привстала... дверь толкнула въ сѣни —
И очутилась на крыльцѣ.

Все спало. Даже въ мелочной
Лавченкѣ не было продажи
И не гремѣла экипажи
Еще по пыльной мостовой.

Съ крыльца сошла она, и вотъ
Куда-то улицей пустою
Идетъ поспѣшною стопою,
Неозираясь идти.

Дома и церкви передъ ней
Громадно высились... но скоро
Пошли лачуги да заборы,
А тамъ застава, даль полей...

Минуя фабрику дымныхъ рядъ,
Кладбища тѣсныхъ могилъ,
Она идетъ, идетъ... и силы
Ей измѣнить уже хотять.

Ей темя жжотъ полдневный зной,
Томятъ ее усталость, голодъ ;
А сердце словно тяжкій молотъ
Стучить у ней въ груди больной.

Переступить она съ трудомъ
Могла — подкашивались ноги...
И вдругъ упала средь дороги,
Какъ колось, срѣзанный серпомъ.

Купцомъ проѣзжимъ найдена,
Она въ ближайшій станъ попалась
И при допросѣ оказалось,
Что сумашедшая она.

А нашъ пріятель получилъ
Довольно выгодное мѣсто,
И съ некрасивою невѣстой
Спустия недѣлю въ бракъ вступилъ.

Я видѣлъ разъ какъ ихъ несла
Въ коляскѣ модной сѣрыхъ пара —
И пожалѣлъ лишонныхъ дара
Свои обдѣлывать дѣла!

А. ПЛЕЩЕЕВЪ

МО ПОВОДУ НѢКОТОРЫХЪ ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ ВОПРОСОВЪ

I

СВОБОДА ТОРГОВЛИ

Изъ всѣхъ отраслей человѣческаго знанія вѣтъ ни одной науки, которая представляла бы такое обширное поприще для споровъ всевозможнаго рода школъ и въ то же время для произвольнаго толкованія фактовъ и положеній, какъ политическая экономія.

Всякая наука ищетъ законовъ, и законы суть ничто иное какъ всеобщія истины, приложимыя во всякомъ данномъ случаѣ. Существуетъ ли въ социальной наукѣ хоть одно предложеніе, истина котораго была бы принята всѣми? Навѣрно нѣтъ. Попробуйте спросить любого экономиста, что такое политическая экономія? Политическая экономія — отвѣтитъ онъ — есть наука о народномъ богатствѣ. Что такое богатство? Смысла можно сказать, что не найдете двухъ экономистовъ, которые согласились бы между собою въ опредѣленіи богатства, этого основного понятія всей науки. Заключается ли богатство въ землѣ? Но вамъ отвѣтятъ, что въ силу весьма важнаго закона природы, чѣмъ болѣе пользуются землею и чѣмъ значительнѣе количество труда, употребленнаго на улучшеніе ея, тѣмъ менѣе плодовъ приносятъ усилія челоуѣка, тѣмъ слѣдовательно общество дѣлается бѣднѣе и стремится къ смертности и нищетѣ... Самыя убѣдительныя доказательства такого порядка дѣлъ вы можете легко найти у новѣйшихъ писателей, пользующихся огромнымъ авторитетомъ въ наукѣ. Не заключается ли богатство въ развитіи умственныхъ способностей? Но впервыхъ легко доказать, что всякія положительныя изслѣдованія въ этомъ смыслѣ будутъ тщетны, а вовторыхъ вамъ скажутъ, что всякое увеличеніе въ числѣ людей, посвятившихъ себя обученію народа, должно сопровождаться уменьшеніемъ количества богатства, которымъ мо-

жетъ располагать общество. Однимъ словомъ добросовѣстный изслѣдователь по прочтеніи очень многихъ книгъ все еще не можетъ опредѣлить себѣ точно, что такое богатство? Перехода къ другимъ основнымъ понятіямъ науки, мы встрѣчаемъ тотъ же хаосъ и такую же неопредѣленность. Что такое цѣнность, что такое капиталъ, трудъ, рента, задѣльная плата, процентъ? На всѣ эти вопросы, которые сами собою представляются всякому, кто хотѣлъ бы дать себѣ отчетъ въ явленіяхъ, совершающихся въ экономическомъ мірѣ, новейшая наука не даетъ положительныхъ отвѣтовъ, а если и даетъ, то такіе, которые ведутъ къ самымъ вопіющимъ противорѣчіямъ.

Причины существованія такого порядка вещей легко объясняются. Между всѣми науками социальная наука есть самая спеціальная, самая конкретная, наиболѣе всѣхъ требующая предварительныхъ знаній по всѣмъ отраслямъ, наука, въ которой труднѣе всего собирать и анализировать факты и которая идетъ слѣдовательно позади всѣхъ наукъ. Кромѣ того изъ всѣхъ наукъ она одна непосредственно касается интересовъ людей, ихъ чувствъ, ихъ страстей, ихъ предрассудковъ, а поэтому въ ней труднѣе всего встрѣтить двухъ людей, которые бы собирали и сравнивали факты съ единственною цѣлью вывести изъ нихъ истину. Занимаясь взаимными отношеніями людей, ей приходится вездѣ бороться съ властеніями личностей, которыя стараются поддержать свои привилегіи и свою власть насчетъ другихъ. Люди, поставленные высоко въ политическомъ мірѣ, мало уважаютъ науку, которая учитъ обходиться безъ ихъ помощи; военный человекъ не вѣритъ въ науку, которая хочетъ уничтожить его ремесло, а приверженецъ монополіи не захочетъ добровольно принять выгодъ конкуренціи. Всѣ эти люди находятъ свою выгоду въ ложныхъ экономическихъ теоріяхъ и потому не могутъ благосклонно смотрѣть на тѣхъ, которые хотятъ проповѣдывать истину.

Здѣсь-то мы встрѣчаемъ такіа затрудненія, противъ которыхъ не боролась ни одна наука. Астрономія напримѣръ встрѣтила на пути только минутную преграду въ предрассудкахъ школь, потому что никто лично не былъ заинтересованъ въ томъ, вертится ли земля вокругъ солнца, или солнце вокругъ земли. Если свѣтскіе и духовные ученые и показали въ началѣ противодѣйствіе наукѣ Коперника и Галилея, то тѣмъ менѣе фактъ остался доказаннымъ и противодѣйствіе исчезло. Тоже самое случилось, когда геологи въ первый разъ доказали, что земля существуетъ гораздо дольше, чѣмъ до нихъ полагали. Франклинь, Вольтъ, Берцелиусъ продолжали свои изслѣдованія, не боясь нападокъ, потому что мало

было вѣроятіа, чтобы ихъ открытія нанесли ущербъ кошелку земельныхъ собственниковъ, купцовъ или государственныхъ людей. Наука же политической экономіи находится до сихъ поръ въ рукахъ людей школы и вездѣ поддерживается тѣми, которые находятъ выгоду въ невѣжествѣ и слабости народа.

Люди, занимающіе кафедры въ разныхъ государствахъ по мѣстнымъ учрежденіямъ, не всегда могутъ проповѣдывать то, что противно существующему порядку. Во Франціи доктрины экономическихъ школъ мѣняются смотря по тому, деспотизмъ ли одерживаетъ верхъ надъ народомъ, или народъ надъ деспотизмомъ. Въ Англіи земельные аристократы и капиталисты съ большимъ удовольствіемъ встрѣтили доктрины Мальтуса и Рикардо, убѣждавшія ихъ, что нищета и бѣдствіе народныхъ классовъ суть слѣдствіе великаго закона, даннаго самимъ Создателемъ. Въ Россіи, при всеобщей бѣдности оригинальныхъ изслѣдованій надъ фактами народной жизни, публицисты либо слѣпо слѣдуютъ доктринамъ английскихъ школъ, либо впадаютъ въ крайнія утопіи, неприменимыя ни въ какомъ человеческомъ обществѣ.

При такихъ обстоятельствахъ нисколько не будетъ преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что собственно политическая экономія, какъ наука о взаимныхъ отношеніяхъ людей въ обществѣ, едва существуетъ и что изслѣдователю, который безъ всякой задней мысли, безъ всякаго предубѣжденія вздумалъ бы дать себѣ отчетъ въ экономическихъ явленіяхъ, безпрестанно приходится сталкиваться съ теоріями различныхъ школъ, болѣе или менѣе пристрастныхъ въ своихъ заключеніяхъ, и что право нужно много настойчивости и доброй воли, чтобы окончателно не потерять вѣры въ общественную науку.

Двѣ школы спорятъ теперь о господствѣ въ экономическомъ мірѣ: экономисты, или школа преданія, и социалисты, или школа утопіи.

«Общество прогрессируетъ какъ въ матерьяльномъ богатствѣ, такъ и въ нравственномъ совершенствѣ, говорятъ экономисты: это очевидно для всякаго самаго поверхностнаго наблюдателя.» Изъ этого необходимо слѣдуетъ, что общество въ своихъ произвольныхъ дѣйствіяхъ подчиняется извѣстнымъ законамъ, въ силу которыхъ прогрессъ становится возможенъ. Все дѣло политической экономіи ограничивается открытіемъ и формулированіемъ этихъ законовъ. Методъ для этого нужно употребить самый естественный, самый простой; это тотъ самый методъ, который въ наукахъ положительныхъ, естественныхъ, привелъ ученыхъ къ такимъ великимъ открытіямъ, т. е. методъ наблюдательный. Общество есть

жесткой организации; наблюдайте, какимъ образомъ этотъ организмъ проявляется въ материальномъ мѣрѣ, собирайте факты о явленіяхъ въ производствѣ и распредѣленіи богатствъ, т. е. самыхъ общихъ, самыхъ произвольныхъ, а поэтому и самыхъ истинныхъ формахъ труда и мѣны; распредѣлите по классамъ ваши наблюденія; опишите явленія, укажите на ихъ взаимныя отношенія: тогда изъ среды собранныхъ вами непосредственнымъ наблюденіемъ фактовъ выдвинется одинъ общій фактъ, который будетъ носить на себѣ всѣ признаки необходимости, и этотъ фактъ будетъ экономическимъ закономъ. Тутъ оканчивается дѣло политической экономіи; она ничему не учитъ новому, ничему такому, что бы находилось внѣ историческаго развитія общества, а только собираетъ и обобщаетъ явленія повседнежнаго опыта о материальныхъ отношеніяхъ людей въ обществѣ.

Поэтому по самой сущности и методу политическая экономія есть естественная исторія обычаевъ, преданій, практики и рутины, наиболѣе очевидныхъ, наиболѣе пользующихся довѣріемъ въ человечествѣ въ томъ, что относится до произведенія и распредѣленія богатства. Въ этомъ смыслѣ политическая экономія считаетъ себя закономъ *по факту* и *по праву*: по факту — потому что явленія, разсматриваемыя ею, постоянны, самопроизвольны и всеобщы; по праву — потому что эти явленія имѣютъ за себя санкцію и авторитетъ рода человеческого, самый великій изъ всевозможныхъ авторитетовъ. Такимъ образомъ источники политической экономіи находятся въ прошедшей жизни народовъ, и на основаніи этого прошлаго она объясняетъ настоящее и предсказываетъ будущее.

Соціализмъ напротивъ указываетъ на аномалію настоящаго общественнаго порядка, а слѣдовательно и всѣхъ общественныхъ учрежденій. Онъ утверждаетъ и доказываетъ, что настоящая цивилизація безсмысленна, ведетъ къ противорѣчіямъ, что она порождаетъ угнетеніе, нищету и преступленіе; онъ обвиняетъ политическую экономію какъ ложную гипотезу, какъ софистику, изобрѣтенную изъ пользы эксплуатаціи большинства меньшинствомъ; онъ начертываетъ страшную картину человѣческихъ бѣдствій и дѣлаетъ отвѣтственнымъ за нихъ науку экономистовъ. Переходя отъ отрицанія къ положенію, онъ противопоставляетъ началу собственности, краеугольному камню всей политической экономіи, начало ассоціаціи, переворачиваетъ вверхъ дномъ всю соціальную науку, создаетъ новое право, новую политику, новые нравы и учрежденія, совершенно противоположныя старымъ. Такимъ образомъ непримиримая черта между двумя шилами все обозначена и примиренія между ними врядъ ли возможно.

Гдѣ же наконецъ истина? Безъ сомнѣній въ одной изъ этихъ крайнихъ школъ.

Политическая экономія, освящая совершившіеся факты и принимая ихъ за критеріумъ всей науки, слѣдовательно истины, пришла по необходимости къ крайнему оптимизму, провозглашая, что «все идетъ къ лучшему въ этомъ наилучшемъ изъ міровъ». Она закрыла глаза и не хочетъ знать о тѣхъ страшныхъ язвахъ, которыя гложутъ настоящее общество, и указывая на видимое процвѣтаніе и богатство, говоритъ съ гордостью: «Смотрите и поучайтесь! Вся эта великолѣпная цивилизація есть слѣдствіе самопроизвольныхъ усилій человѣка; оставьте общество идти естественнымъ путемъ развитія, не стѣсняйте его никакою регламентировкою, не навязывайте никакихъ искусственныхъ реформъ — и вы увидите до чего дойдетъ человѣкъ, руководимый единственно своимъ личнымъ интересомъ, самымъ существеннымъ и самымъ дѣйствительнымъ стимуломъ цивилизаціи. *Laissez faire, laissez passer!*»

Возводя личный интересъ въ принципъ, провозглашая всюду теорію эгоизма, политическая экономія совершенно законно приобрѣла названіе *врачской науки*, изученіе которой привело Сисмонди къ слѣдующему вопросу: «Неужели богатство — уже все, а человѣкъ рѣшительно ничто?» Въ глазахъ политической экономіи онъ въ самомъ дѣлѣ ничто, потому что она смотритъ на него единственно какъ на орудіе капитала, употребляемаго владѣльцемъ этого капитала для полученія вознагражденія за право пользованія имъ. «Большая часть экономистовъ, сказалъ одинъ замѣчательный французскій экономистъ — выражаются такъ, что можно подумать, что люди созданы для продуктовъ, а не продукты для людей!» (*Droz. «Economie politique».*)

Съ другой стороны, если экономисты принимаютъ настоящій порядокъ въ обществѣ за возможно-разумный, слѣдовательно физиологическій, естественный, то социаллисты напротивъ считаютъ его уродливымъ порожденіемъ историческаго развитія и на этомъ основаніи отвергаютъ всю прошедшую и настоящую цивилизацію, указываютъ на безсиліе политической экономіи удовлетворить гармоническимъ стремленіямъ человѣка, упрекаютъ экономическія теоріи, всегда слѣпленныя по образцу прошлаго, въ томъ, что онѣ сулятъ человѣчеству одно безнадежное будущее. Короче, они смотрятъ на порядокъ, основанный на собственности, какъ на ужасную галлоцизацію, противъ которой человѣчество борется вотъ уже четыре тысячи лѣтъ. Поэтому, если экономисты являются физиологами настоящаго порядка, социаллисты занимаютъ его патологиче-

своих стороней, и въ этомъ заключается по нашему мнѣнiю главная заслуга социализма.

Отыскивая дурныя стороны въ нынѣшней цивилизаціи съ такимъ же старанiемъ, съ какимъ экономисты ищутъ ея хорошихъ сторонъ, социализмъ не даетъ послѣднимъ уснуть на лаврахъ своихъ утѣшительныхъ теорій и подстрекаетъ ихъ къ болѣе серьезному и глубокому изслѣдованiю общественныхъ вопросовъ. Но отвергая старый экономическiй порядокъ, социалисты въ свою очередь предлагаютъ перемѣны общественныя реформы, которыя рѣшительно оказываются бессильными въ практическомъ своемъ приложенiи и возбуждаютъ только одинъ насмѣшливъ противникъ.

Въ настоящихъ статьяхъ мы намѣрены разсмотрѣть нѣкоторыя изъ экономическихъ вопросовъ, выступающихъ особенно рельефно въ наукѣ. Мы не льстимъ себя надеждою разрѣшить эти вопросы совершенно удовлетворительно; цѣль наша будетъ исполнѣ достигнута, если мы сумѣемъ не ставить ихъ въ настоящемъ свѣтѣ и освободить отъ софизмовъ и предрасудковъ, въ которые облекаютъ ихъ школьная наука политическiй экономiи.

Англія безспорно въ нѣкоторыхъ отношенiяхъ можетъ назваться тысячелѣтнею странею новаго міра. Этотъ небольшой островъ въ 2750 квадрат. миль съ 20 милліонами жителей, располагаетъ самовластною судьбою 200 милліоновъ въ различныхъ частяхъ свѣта и держитъ довольно твердо въ своихъ рукахъ вѣсы равновѣсія политической Европы. Англія — страна преданія, политической свободы, парламентаризма; на нее съ уваженiемъ, доходившимъ до боготворенія, смотрятъ всѣ глубокomyсленныя доктринеры континента, находя въ учрежденiяхъ ея, въ духѣ народа прототипъ, которому слѣдуетъ подражать всѣмъ, кто только хочетъ мирно и разумно достигнуть на землѣ всевозможнаго блага. Но Англія по преимуществу родина политическiй экономiи. Имена Адама Смита, Мальтуса, Рикардо, Милля составляютъ неоспоримыя авторитеты въ наукѣ, предметъ которой рѣдкій изъ новѣйшихъ экономистовъ дерзаетъ возставать.

« Неболѣе какъ лѣтъ около двадцати (1) тому назадъ въ Англіи произошло необыкновенное движеніе; образовалось огромное обще-

(1) Лига образовалась въ Манчестерѣ въ 1838 году, но начала дѣйствовать въ метрополіи только съ 1843 года.

ство, доселѣ испытывавшее въ цѣнливостяхъ міръ. Общество это имѣло своихъ агентовъ во всѣхъ частяхъ королевствъ, собирало громадныя митинги, на которыхъ присутствовали десятки тысячъ лицъ обоего пола, имѣло свои типографіи, печатало свои газеты, брошюры, памфлеты, склоняло на свою сторону сельскихъ учителей съ цѣлью дѣйствовать на неразвитую часть публики и юношество, имѣло своихъ присяжныхъ ораторовъ, которые заслужили огромную извѣстность въ политическомъ мірѣ Европы.

Это общество стало называться *лигой* и имѣло цѣлью принудить свое правительство уничтожить пошлыны съ хлѣба, привозимата изъ-заграницы. Безъ всякаго сомнѣнія *хлѣбный вопросъ* былъ болѣе какъ предлогомъ; сущность дѣла заключалась въ болѣе обширномъ размѣрѣ, а именно въ уничтоженіи всѣхъ вообще таможенныхъ пошлынъ и въ провозглашеніи полной свободы торговли.

Такое небывалое движеніе въ странѣ, издавна славившейся своимъ богатствомъ промышленнымъ и торговымъ, въ странѣ, которая имѣла неотъемлемое вліяніе на весь міръ, не могло не отозваться на континентѣ. Въ самомъ дѣлѣ столбцы всѣхъ европейскихъ газетъ начали наполняться рѣчами Кобдена и другихъ знаменитыхъ ораторовъ лиги.

Кобденъ и лига! Робертъ Пиль и свобода торговли! — таковы были возгласы, которые немилосердно начали поражать слухъ всѣхъ непосвященныхъ въ тайны экономическаго міра. Англоманы всѣхъ странъ и народовъ начали болѣе чѣмъ когда-либо указывать съ гордостью на свой завѣтный островъ и ставить его въ образецъ для подражанія. Экономисты, воспитанные на теоріяхъ англійскихъ школъ, съ жаромъ ухватились за новое начало, откинули неожиданно свою консервативность и открыто вступили въ борьбу съ преданіемъ и торговымъ баяномъ. Между тѣмъ какъ всегда и вездѣ они являлись защитниками *statu quo*, находя въ этомъ *statu quo* возможно лучшее осуществленіе экономическаго идеала, тутъ, т. е. въ вопросѣ о свободной торговлѣ, они сами начинаютъ атаку противъ монополіи, словно монополія явилась имъ здѣсь въ первый разъ; они неожиданно становятся въ разрѣзъ съ преданіемъ, съ практикой, съ правительственной политикой. Несчастные меркантилисты съ Кольберомъ подвергаются немилосерднымъ насмѣшкамъ; ихъ стали называть людьми непонимающими даже азбуки въ экономической наукѣ, людьми отсталыми, вредными, монополистами. Самыя великолѣпныя обѣщанія, самыя обольстительныя надежды начали сулить человечеству апостолы свободной торговли. Пропаганда сдѣлалась всемірною.

«Вобразите себѣ; — говоритъ одинъ экономиста (1), — что та-
наже не существуютъ: что тогда случится?»

«Присла, все же уменьшаются до нуля кровавые войны, прекра-
щаются всѣ преступленія въ подлогѣ и контрабандѣ; національныя
соперничества, порожаемые столкновениемъ коммерческихъ и промыш-
ленныхъ интересовъ, не существуютъ; націи отдѣляются одна отъ
другой одними политическими границами; продукты обращаются
изъ одной страны въ другую безъ всякихъ преградъ, къ большой
выгодѣ производителей; мѣна устанавливается въ самыхъ обшир-
ныхъ размѣрахъ; коммерческіе кризисы, застон становятся случа-
ми исключительными; сбытъ и рынокъ существуютъ въ самомъ
обширномъ смыслѣ слова, и у наждого производителя рынокъ —
весь міръ!»

«Подобная революція (т. е. уничтоженіе запретительной систе-
мы) — говоритъ г. Бастіа (2) — не есть происшествіе, случай, слѣд-
ствіе непреодолимаго, но скоропреходящаго ситуатіама. Это, если
можно такъ выразиться, медленный общественный ватакъ: мѣна,
вмѣняющій всѣ условія существованія общества; среду, въ ко-
торой оно живетъ и дышетъ.

«Это справедливость, облеченная во власть, здравый смыслъ,
становящійся авторитетомъ. Это всеобщее благо, благо народовъ,
насъ, великихъ и малыхъ, слабыхъ и сильныхъ; это уничтоженіе
привилегій, злоупотребленія, касты, не уличнымъ возмуще-
ніемъ, но прогрессивнымъ и всеобщимъ признаніемъ нравъ и обя-
занностей человека. Однимъ словомъ, это торжество чедовѣче-
ской свободы, смерть монополіи, этого Протейа въ тысячу фор-
махъ, то заводчателя, то владѣтеля невольниковъ, промышленника,
торговца, банкира и даже филантропа. Въ какомъ бы костюмѣ
онъ ни являлся теперь, ему не укрыться отъ провидательскаго
взгляда общественнаго мнѣнія, потому что оно научилось узна-
вать его и подъ краснымъ мундиромъ и подъ чернымъ фракомъ,
въ курткѣ плаватара и въ вышитомъ мундирѣ благороднаго лор-
да. Свобода всѣмъ! Каждому справедливое и естественное воз-
награжденіе по его дѣламъ; для каждаго справедливое и есте-
ственное приближеніе къ равенству, согласно его усиліямъ, его
уму, его предусмотрительности и нравственности. Свободная мѣна
съ цѣлымъ міромъ! Миръ со всѣми! Нѣтъ болѣе колониальнаго
порабощенія, нѣтъ болше арій и флотаго, кромѣ тѣхъ, кото-
рые нужны для поддержанія національной независимости! Рав-

(1) - Fich. - *Journal des Écon.* - 1843.

(2) - *Cobden et la Ligue*, Introduction.

какое отличие между тѣмъ, что принадлежить и что не принадлежить дѣйствию правительства и закона; назначеніе правительственной ассоціаціи ограничивается гарантіею для каждаго члена общества свободы и защиты противъ великаго несправедливаго насилія внутри и извнѣ; равновѣрный налогъ для вознагражденія лица, посвятившаго себя этому назначенію, а не для того, чтобы прикрывать вѣдѣемое захватываніе подъ именемъ сбыта и внутреннаго грабительства подъ именемъ протекціи, — вотъ что рѣшается теперь въ Англіи на полѣ битвы, повидимому ограниченномъ однимъ таковымъ вопросомъ. Но этотъ вопросъ заключаетъ въ себя работу, только въ новой формѣ, потому что, какъ сказалъ въ парламентѣ Джинсонъ, одинъ изъ членовъ лѣви: «Овладейте человекомъ, чтобы заставить его работать въ свою пользу или захватывать плоды его труда — все это одно и тоже рабство, и разница только въ степеняхъ».

Какая обольстительная картина! Нужно повстанѣть противъ многосердечной холодности, много равнодушія къ человечеству, чтобы не увлечися ею! Кончена ужаснѣйшая борьба человека за свободу! Царство насилія прекращается, наступаетъ царство справедливости, истинный золотой вѣкъ для всего рода человеческого! И все это достигается свободой торговли, уничтоженіемъ таможенныхъ пошлинъ! Мудрено ли послѣ этого, что проповѣдники этой свободы стали въ глазахъ общества благодѣтелями рода человеческого, что имена Кобдена, Роберта Пила и др. произносятся не иначе какъ съ благоговѣніемъ? Мудрено ли наконецъ, что наши русскіе публицисты, всегда надкіе ко всякаго рода новизнѣ, почти всѣ сдѣлались поборниками свободной торговли, и нисразу не потрудились выкинуть въ вопросъ носерьознѣе, ставъ щеголять имъ съ самымъ наивнымъ высокомеріемъ?

Но — странное дѣло! несмотря на такія положительныя обѣщанія всемірнаго благоденствія, несмотря на недавнее волненіе въ экономическомъ мірѣ, произведенное агитаціей англійской лѣви, запретительная или протекціонная система продолжаетъ почти повсемѣстно дѣйствовать съ той же силой, какъ въ варварскія времена меркантилистовъ и Кольбера. Въ этомъ случаѣ кажется экономическую школу постигла участь, одинаковая съ участью социалистовъ, коммунистовъ и прочихъ утопистовъ, которыхъ реформы принимаются педантично и вароломъ и правительствомъ.

Вопросъ о свободной торговлѣ важнее не столько какъ вопросъ теоретическій, научный, сколько какъ вопросъ практический, государственный. Практическая, непосредственная важность его заключается главнымъ образомъ въ томъ, что индустрія во немъ

принадлежитъ исключительно правительству, и отъ того, какую систему они примутъ, зависитъ будущность цѣлыхъ націй. Здѣсь дѣло идетъ не о вѣчныхъ перебранкахъ экономистовъ и социалистовъ, не объ отвлеченной теоріи, споръ о которой въ сущности мало вліяетъ на практическія отношенія людей: это огромная реформа, зависящая очень часто отъ одного взмаха пера государя или его министровъ. Вотъ почему англійская лига не удовольствовалась одною правдивою пропагандою, но заботилась главнымъ образомъ о томъ, чтобы склонить на свою сторону избирателей и приобщить себя такимъ образомъ большинство въ парламентѣ.

Чтоже касается до теоретической стороны вопроса, то онъ давно и окончательно рѣшонъ всѣми экономистами; они такъ убѣждены въ непогрѣзительности своихъ выводовъ, что едва удостоиваютъ отвѣчать насмѣшками на возраженія своихъ противниковъ (1).

Неувлекаясь обѣщаніями и надеждами лигистовъ и ихъ послѣдователей, обѣщаніями, въ которыхъ гораздо больше реторики, чѣмъ дѣла, мы постараемся взглянуть на вопросъ о свободной торговлѣ нѣсколько глубже, чѣмъ до сихъ поръ это дѣлали наши экономисты. Не будемъ упускать изъ виду, что инициатива по этому вопросу принадлежитъ Англій, первой торговой странѣ въ мірѣ, — странѣ, пожираемой всевозможнаго рода монополіями, освящаемыми политическою экономіею, что лига сдѣлала за послѣднее время огромные успѣхи и что основныя начала ея ученія начинаютъ приводиться на практикѣ. Это дастъ намъ случай поближе взглянуть на экономическій бытъ въ Англій и на историческое развитіе ея экономической системы. Можетъ-быть мы откроемъ, что источникъ агитаціи не такъ благороденъ и чистъ, какъ хотять уверять насъ англичане, а за ними и всѣ политико-экономы. Мы рискуемъ правда при этомъ возбудить къ себѣ презрѣніе и насмѣшки нашихъ почтенныхъ лордовъ и джентльменовъ (а затрогивать ихъ джентльменское достоинство и англійскія убѣжденія не всегда бываетъ безопасно); къ счастью мы имѣемъ за себя авторитетъ фактовъ и цифръ, противъ которыхъ не помогутъ никакія разглагольствованія, никакая реторика.

Здѣсь намъ придется на минуту уклониться отъ нашего главнаго предмета; общія разсужденія, въ которыя намъ необходимо будетъ вѣдаться, дѣтото существенно и близко относятся къ самому вопросу, что читатели вѣроятно извинятъ насъ за это небольшое отступленіе.

Экономисты, смѣшная по своему обыкновенію всѣмъ понятія въ

(1) См. Бастія, «Sophismes économiques».

наукѣ, придаютъ слову *торговля* (commerce) слишкомъ узкое значеніе и почти постоянно смѣшиваютъ его съ другимъ терминомъ *торгъ* (traffic). А между тѣмъ идея, выражаемая этими двумя словами, такъ глубоко различна, что ведутъ на практикѣ къ очень серьезнымъ несообразностямъ и потому необходимо яснѣе провести это различіе (1).

Всѣ люди стремятся къ ассоціаціи, къ сношенію съ подобными себѣ, къ взаимному обмѣну идей и услугъ и къ поддержанію такимъ образомъ общенія, торговли. Нѣсколько личностей стараются выполнить и облегчить мѣну для другихъ личностей и поддерживаютъ торгъ.

Торговля есть цѣль, къ которой стремятся во всѣхъ странахъ всѣ народы. Торгъ есть орудіе, употребляемое торговлею для достиженія этого результата, и чѣмъ сильнѣе потребность въ этомъ орудіи, тѣмъ слабѣе власть тѣхъ, которые въ немъ нуждаются. Чѣмъ ближе находится производитель и потребитель другъ къ другу и чѣмъ совершеннѣе у нихъ способность къ ассоціаціи, тѣмъ менѣе они чувствуютъ потребности прибѣгать къ услугамъ торговца и въ тоже время тѣмъ сильнѣе могущество тѣхъ, которые производятъ и потребляютъ. Чѣмъ напротивъ болѣе удалены производитель отъ потребителя, тѣмъ болѣе они нуждаются въ услугахъ торговца и тѣмъ власть послѣдняго увеличивается въ ущербъ первымъ.

Цѣнность всякаго товара пропорціональна препятствіямъ, которыя нужно преодолѣть для приобретенія его; изъ этого необходимо слѣдуетъ, что первая (т. е. цѣнность) увеличивается по мѣрѣ того какъ послѣднія (т. е. препятствія) тоже увеличиваются. Необходимость прибѣгать къ услугамъ торговца составляетъ препятствіе для общенія людей, и поэтому, увеличивая цѣнность продуктовъ, она настолько же уменьшаетъ цѣнность труда, т. е. человека. Люди, которые покупаютъ и продаютъ, торгуютъ и перевозятъ, понеобходимости желаютъ воспрепятствовать ассоціаціи и непосредственнымъ сношеніямъ людей между собой, и чѣмъ болѣе достигаютъ они своей цѣли, тѣмъ болѣе большая пропорція товаровъ проходитъ черезъ ихъ руки и тѣмъ болѣе выгоды удерживаютъ они въ ущербъ потребителямъ и производителямъ.

Чтобы доказать это, возьмемъ въ примѣръ хоть администрацію почтъ, удивительную машину, изобрѣтенную для поддержанія общенія словъ и идей, но машину совершенно безполезнаю, когда люди живутъ вмѣстѣ. Разрозните людей — и машина становится необходимою, но зато возможность поддерживать общеніе умень-

(1) Carey, «Principes de la science sociale», T. I.

шается. Соедините напротив людей — и необходимость машины исчезает, а общение значительно увеличивается, так как вследствие быстроты обмена идей, в полчаса разговора можно сделать больше чем посредством корреспонденции в целый год. Те, которые пишут письма, суть люди, поддерживающие общение, торговлю, между теми как те, которые перевозят письма, суть торговцы, употребляемые первыми для своей цели. В первые времена общества препятствия к общению очень велики и результаты очень слабы: вот почему администрация почти стала всегда помощью правительства, которая предписывала условия каким вы хотели и во всяком случае очень тягостными. Мы взяли в пример администрацию почты, но справедливость вышеприведенного закона очевидна во всем; так недавно сделанными расчетами в Соединенной Америке, зерновой хлеб, который продается на месте по двадцати-четыре доллара за тонну, не имеет уже никакой ценности на расстоянии всего ста-шестидесяти миль, когда сообщенье делается по обыкновенным транспортным дорогам, и следовательно цена провоза равна цене товара.

Торговые движения зависят главным образом от воли личности, а потому всегда неправильны. Соединившись в значительных городах, купцам ничего не стоит соединить свои операции, когда нужно бывает уменьшить цену покупаемых товаров или увеличить цену продаваемых, и таким образом они достигают того, что покупают в одно время у производителя, и потребителя.

Торговля, равно как и война, рассматривает человека как орудие, между тем как общество, ассоциация смотрит на самый торговлю как на орудие, и из этого следует, что человек в обществе опускается по мере того как власть военного и купца увеличивается, и обратно. Как в истории развития наук мы видим, что всегда прежде развиваются отвлеченные, общие идеи, между тем как специальные, положительные идут позже, так точно и в труде человека. Земледелие например каждую минуту должно прибегать к помощи науки. Торговля совсем не требует большого развития умственных способностей. Для почтальона совершенно все равно, какую вещь приносить ему в письме, хорошую или дурную, печальную или радостную; для купца совершенно все равно, где растет покупаемый им хлеб, в долине ли, или на горах, на земле удобренной или неудобренной.

Подобно войне торговля развивается очень рано, между тем как земледелие, ассоциация, требуют для своего развития значительного прогресса в народонаселении, в богатстве, в могуществе. Длинно

съ Сандвичевыхъ острововъ можетъ сдѣлаться такимъ же искуснымъ торговцомъ, какъ и человекъ, воспитывавшійся въ лондонской или нью-йоркской конторѣ.

Въ первые возрасты человѣческихъ обществъ единственными качества, внушающія уваженіе между людьми, суть либо грубая сила, либо изворотливость. — первая олицетворенная у Гомера въ Ахисъ, вторая въ мудрака Улиссъ. Правствениность войны и правствацность торговца одна и таже. Полководецъ рветъ, когда обманеть своего противника; купецъ приобретаетъ уваженіе своихъ друзей и вѣсь въ обществѣ, благодаря огромнымъ богатствамъ, которыя онъ накопилъ, продавая быть-можетъ китайцамъ отравляющій опиумъ, или несчастнымъ пограмъ ружья, которыя разрывались при первой попыткѣ выстрѣлить изъ нихъ. Въ обоихъ случаяхъ конецъ осващаетъ средства, и единственный критеріумъ справедливости есть удача или неудача. Купецъ, стараясь оцѣновать въ обществѣ всякое движеніе, которое не сосредоточивается въ немъ, употребляетъ для своей цѣли такія же безотвѣтныя машины, какъ и война. Матросъ на купеческомъ кораблѣ считается существомъ грубымъ, съ которымъ позволено обращаться самымъ жестокимъ образомъ; онъ обязанъ подлѣ страхомъ самаго ужаснаго наказанія безпрекославно исполнять волю своего начальника.

Для военнаго человека выгодно дешовизма труда, потомучто ему легко будетъ набирать рекрутъ. Большому помещику тоже выгодно, потомучто онъ можетъ присвоить себѣ большее количество продуктовъ почвы; купецъ стремится къ тому же, чтобы имѣть возможность предписывать условія купли и продажи.

Такъ какъ цѣль всѣхъ этихъ людей одна и таже, имѣя приобрѣтеніе власти надъ другими классами, то неудивительно, что всегда они готовы подавать другъ другу руку помощи.

Римскіе банкиры точно также готовы были помогать деньгами Кесарю, Помпею, Августу, какъ нѣмѣнше лондонскіе, амстердамскіе, маринскіе и вѣнскіе банкиры готовы помогать турецкому султану или австрійскому императору, и притомъ всѣмъ имъ, — какъ преждемъ, такъ и нынѣшнимъ банкирамъ, — совершенно все равно, на что идетъ эта денежная помощь. Поэтому война и торгъ идутъ всегда рука объ руку, какъ это мы можемъ убѣдиться изъ дналовъ всемірной исторіи; единственная разница между войнами, предпринятыми съ цѣлью завоеванія, и тѣми, которыхъ цѣль есть монополія, состоитъ въ томъ, что насиліе вторыхъ гораздо гибельнѣе, чѣмъ насиліе первыхъ. Побѣдитель, создавая себѣ политическое могущество, руководится иногда желаніемъ улучшить состояніе своихъ

подданныхъ. Не купецъ въ преслѣдованіи своей сѣли руководится единственно идеею покупать товаръ на рынкѣ дешовымъ и продавать на рынкѣ дорогимъ, уменьшая въ первомъ случаѣ цѣну товара, хотя бы производители умирали оттого съ голоду, и увеличивая ее во второмъ, хотя бы потребители умирали съ голоду.

Война и торгъ, стремится монополизировать въ рукахъ власть, стремится постоянно къ централизаци. Содержаніе армій и властвъ требуетъ учрежденія контрибуцій, которыя неизбежности должны искать центральной точки, прежде чѣмъ будутъ распределены; а распределеніе ихъ вынуждаетъ соединеніе въ одномъ мѣстѣ вожестей людей лично подвластныхъ и расцѣпывающихъ единственно на производніе, какъ это мы видимъ въ древнихъ Ассириѣ и Римѣ, какъ мы видимъ теперь въ Парижѣ, Лондонѣ и Нью-Йоркѣ. Центральной городъ дѣлается съ каждымъ годомъ, все болѣе и болѣе мѣстомъ, въ которомъ мѣна товаровъ дѣлается наиболѣе выгодною, и чѣмъ болѣе городъ разрастается, тѣмъ болѣе усиливается благотворное вліаніе мѣстныхъ центровъ и тѣмъ болѣе увеличивается балансовое движеніе въ самомъ центрѣ.

При каждомъ новомъ увеличеніи въ центральномъ движеніи обществѣ все болѣе и болѣе принимаетъ противостоящую форму люди, живущіе не трудомъ, а присвоеніемъ чужого труда, составляютъ его основу, и вотъ почему въ такомъ обществѣ, которое встаетъ извѣстнаго движеніе внутри себя и въ тоже время старается сдѣлать тоже у своихъ сосѣдей, является періодъ кажущагося могущества и силы, но въ сущности это періодъ слабости, за которою неминуемо слѣдуютъ упадокъ и смерть. Обогащая меньшинство, торговая централизация объединяетъ массу населенія, и позволяя первому строгимъ морямъ и замкамъ, заводить парки, она заставляетъ вторую искать убійства въ самыхъ жалкихъ хижинахъ и создавать таковы образцы населеніе всегда готовое продавать свои услуги тому, кто больше дастъ, какихъ бы жертвъ ни стоило это его сосѣдямъ.

Для людей, живущихъ присвоеніемъ чужого труда, увеличеніе обществѣ ассоціаций не желательна, такъ какъ развитіе ея вездѣ сопровождается уменьшеніемъ блеска и великолѣпія тѣхъ, которые хотятъ управлять движеніями общества въ виду личныхъ своихъ выгодъ. Бюрократъ пользуется своимъ удивительнымъ положеніемъ отъ другихъ людей, точно также и наемъ, купецъ, большой поземельный собственникъ и вообще всѣ принадлежащіе къ классу людей, которые находятъ средства къ существованію, становясь между производителемъ и потребителемъ. Всѣ эти личности, пользуясь временною выгодною, пріятствуютъ безпрерывности общественнаго движенія, и чѣмъ сильнѣе власть ихъ, тѣмъ пропорція труда, вына-

зависающая не на их долю, значительна въ ущербъ работникамъ. Маклеву немалодно, чтобы его дѣлители соединились вмѣстѣ и устроили овецъ дѣла безъ его посредства; напротивъ, чѣмъ значительнѣе рикстошіе, развѣтляющее ихъ, тѣмъ ему легче будетъ нажать состояніе на ихъ счетъ. Извозчикъ тоже знаетъ, что чѣмъ болѣе пренятствій между производителемъ и рынкомъ, гдѣ онъ продаетъ свои продукты, тѣмъ значительнѣе будетъ потребность въ лошадахъ и повозкахъ, и слѣдовательно количество товаровъ, выходящихъ на его долю, будетъ тѣмъ значительнѣе. Тому самое быстрое неизмѣнно и относительно купца, который стремится только поддержать, но не увеличить орудія провоза. Чѣмъ болѣе это достигается, тѣмъ совершеннѣе бываетъ централизція, тѣмъ совершеннѣе дѣлается города, въ которыхъ нѣтъ необходимости доажие совершеннаго, и тѣмъ значительнѣе временное богатство купца.

Но источникъ народовъ, съ которыми они торгуютъ, купцы сами себѣ создаютъ препятствія къ поддержанію торга, такъ какъ стесненіе почвы имѣетъ слѣдствіемъ часть голода и впаденія; намъ это виднѣе только въ Ирландіи и Индіи. По мѣрѣ того какъ уменьшалась населеніе, уменьшалась въ тоже время возможность поддерживать дороги и шесты, ведущіе къ рынку, на которомъ продавались бѣдные продукты почвы и покупались предметы необходимые для потребленія. Такой порядокъ дѣла существуетъ теперь въ Ямайкѣ, въ Индіи, въ Ирландіи, въ Мексикѣ и Турціи.

Во всѣхъ этихъ странахъ разнообразіе продуктовъ почвы уменьшается постоянно, и въ тоже время уменьшается и самое количество ихъ. Нигдѣ это не дѣлается съ такою очевидностью какъ въ Турціи. По поводу этой страны одинъ новѣйшій путешественникъ выражается такъ: ⁽¹⁾ «Въ каждомъ кантонѣ большая часть земледѣльцевъ обрабатываетъ одни и тѣже продукты и слѣдуетъ въ обработкѣ одной рутинѣ. Слѣдовательно каждый съ избыткомъ имѣетъ то, что хочетъ продать его сосѣдѣ.» Подъ вліяніемъ такихъ обстоятельствъ несчастный земледѣлецъ находится совершенно въ подчиненіи у купца, и власть послѣдняго надъ нимъ увеличивается по мѣрѣ того какъ уменьшается у него возможность входить въ непосредственныя сношенія съ своими согражданами.

Исторія всѣхъ народовъ подтверждаетъ справедливость высказаннаго нами закона, и если мы захотимъ дать себѣ отчетъ въ причинахъ упадка и конечнаго разрушенія различныхъ государствъ, то мы должны искать ихъ въ экономической системѣ, которой они

(1) Carey, loc. cit.

слѣдовали по выбору или по необходимости, т. е. той, которая увеличивала количество классовъ, живущихъ присвоеніемъ, или той, которая уменьшала это количество. Во всякомъ случаѣ мы убѣдимся въ томъ многозначнаго фактѣ, что между тѣмъ какъ первая мечетъ за собою разрушеніе и смерть, вторая ведетъ къ увеличенію богатства, счастья, жизни.

Свобода развивается вмѣстѣ съ развитіемъ ассоціаціи; чѣмъ совершеннѣе ассоціація, т. е. чѣмъ возвышеннѣе организація въ обществѣ, тѣмъ болѣе классы общества, живущіе единственно присвоеніемъ, стремятся занять свое естественное мѣсто, т. е. слѣлаться *орудіемъ, которое общество употребляетъ для своихъ цѣлей*. Все же напротивъ, что препятствуетъ ассоціаціи, производитъ обратное слѣдствіе, т. е. дѣлаетъ изъ общества *орудіе для нѣсколькихъ личностей*; торговая централизація, рабство и смерть идутъ всегда объ руку какъ въ экономическомъ, такъ и въ нравственномъ и политическомъ мірѣ.

Совершенно противоположное проповѣдуютъ экономическія доктрины, которыя стараются оправдать непреложными законами эволюціи, существующія въ настоящемъ обществѣ, и избавить отъ всякой отвѣтственности классы, живущіе насчетъ труда другихъ классовъ. Таковы доктрины экономистовъ англійской школы и вообще всѣхъ новѣйшихъ экономистовъ, которые ищутъ доказательства благоденствія страны въ картинѣ привозовъ и вывозовъ, въ увеличеніи потребности въ корабляхъ и въ необходимости услугъ купца. Макъ-Коллокъ (Mac-Culloch) говоритъ, что человекъ, занимающійся перевозомъ и продажей товаровъ — такой же производитель, какъ и земледѣлецъ, и что *обсентеизмъ*, требующій употребленія посредниковъ между собственникомъ почвы и тѣмъ, кто ее обрабатываетъ, есть скорѣе благо въ обществѣ, чѣмъ зло. Шевалье ⁽¹⁾ ограничиваетъ сферу политической экономіи слѣлками, въ которыхъ есть продажа и купля, а Бастиа ⁽²⁾ говоритъ, что одно изъ заблужденій новѣйшаго социализма состоитъ въ томъ, что онъ причисляетъ къ числу общественныхъ паразитовъ *посредниковъ* или людей, становящихся между производителемъ и потребителемъ. «Такъ какъ маклеръ и купецъ — говоритъ онъ — создаютъ *цѣнности*, то совершенно справедливо помѣстить ихъ на одну доску съ земледѣльцемъ и промышленникомъ, потому что всѣ люди вмѣстѣ и каждый отдѣльно суть посредники, оказывающіе другъ другу услуги, за которыя имъ слѣдуетъ плата.»

(1) -Journal des économistes- 1853.

(2) -Sophismes économiques-.

Совершенно справедливо, что посредникъ создаетъ цѣнность, но именно потому-то и было бы гораздо лучше, еслибъ можно было обойтись безъ его услуги.

Въ той пропорціи, въ которой купецъ увеличиваетъ цѣнность товаровъ, въ той пропорціи уменьшается прибыль производителя и потребителя. Въ цѣнѣ, платимой всякой націей за потребляемые ею товары, самая большая доля идетъ купцамъ, которые обогащаются такимъ образомъ насчетъ производительныхъ классовъ.

Таковы общія разсужденія, которыя упустили изъ виду поборники свободной торговли, или лучше-сказать о которыхъ она совсѣмъ не хотѣли знать. Мы просимъ читателей обратить на эти выводы особое вниманіе: они значительно помогутъ намъ разъяснить вопросъ о свободной торговлѣ и кромѣ того дадутъ ключъ разгадки всей экономической системы Англіи.

Экономисты и доктринеры, приходя въ умиленіе отъ учрежденій, богатства и свободного духа англійской націи, указываютъ главнымъ образомъ на тѣ организующія начала, которыя внесла англійская цивилизація во всѣ концы земного шара. А между тѣмъ нѣтъ и не было въ мірѣ ни одной націи, которой вліяніе дѣйствовало бы такъ разрушительно на народы, съ которыми она вступала въ сошеііе, какъ англійская. Она не только не внесла новой организаціи въ общества, а напротивъ, разрушала даже тѣ цивилизаціи, которыя устанавливались вѣками экономического развитія. Въ этомъ читатель легко убѣдится изъ слѣдующаго очерка экономической системы, которой слѣдовала до сихъ поръ Англія въ своихъ колоніяхъ и въ странахъ, наиболѣе подвергшихся ея вліянію — въ Португаліи, Турціи, Ирландіи и Индіи (1).

Прошло около двухъ вѣковъ, когда лондонскіе купцы стали умолять свое правительство употребить всѣ усилія, чтобы ослабить шерстяную мануфактурную промышленность въ Ирландіи и тѣмъ воспрепятствовать ирландцамъ потребленіе шерсти, которая предварительно не прошла черезъ англійскія прядильни. Въмѣсто того чтобы самимъ обращать шерсть въ сукно, ирландцы принуждены были отправлять свою шерсть въ сыромъ видѣ въ Англію и получать ее опять оттуда въ видѣ оконченнаго продукта. Такимъ образомъ устанавливалось господство вѣшняго торговаго уцербъ внутренней асоціаціи.

(1) Carey, loc. cit.

Съ тѣхъ поръ ⁽¹⁾ все англійское законодательство стремилось къ слѣдующей важной цѣли: воспрепятствовать вочто бы то ни стало населенію своихъ колоній и дедіямъ, независящимъ отъ его господства, приобретать машины, которыя позволяли бы имъ самимъ обрабатывать у себя желѣзо и тканн, и тѣмъ побудить ихъ привозить въ Англію сырые матерьялы, получая изамѣтъ ихъ обработанные и платя огромныя издержки за провозъ и обработку.

Огромное пристрастіе англійскихъ владѣнцій и чрезмѣрное вліаніе на междунароныя экономическія отношенія, которое оказалъ англійскій народъ, заставляють ценообходимости экономистовъ обратить особенное вниманіе на эту систему, столь отличную отъ всѣхъ прочихъ системъ. Но необходимость строгаго разбора увѣнчивается еще оттого, что въ самой Англіи система эта произвела страшную язму пролетаріата, подтачивающую до корня всю націю, и подала поводъ къ образованію экономическихъ доктринъ, имѣвшихъ совершенно превратное вліаніе на социальную науку. Однѣ изъ этихъ доктринъ (Мальтусъ, Рикардо) силчились оправдать явленіе пролетаріата неизбѣжными законами providѣнія, другія (Кобленъ и Лига) искали лекарства отъ него въ уничтоженіи таможенныхъ пошлинъ и полной свободѣ торговли.

Ничего не можетъ быть проще той истины, что чѣмъ болѣе въ обществѣ существуетъ разнообразіе въ трудахъ и занятіяхъ, тѣмъ сильнѣе бываетъ развитіе человѣческой личности, тѣмъ необходимѣе дѣлаются сношенія людей между собой и тѣмъ слѣдовательно сумма матерьяльнаго благосостоянія общества увеличивается. Цѣль англійскаго законодательства заключалась именно въ томъ, чтобы какъ можно болѣе воспрепятствовать въ другихъ странахъ развитію этого различія въ трудахъ и тѣмъ заставить все населеніе сдѣлаться исключительно земледѣльческимъ. Думая дать этимъ толчокъ своимъ собственнымъ фабрикамъ и мануфактурамъ, она развила чудовищную торговую централизацію, другого примѣра которой мы не встрѣчаемъ въ лѣтотисяхъ народовъ. Накто такъ постоянно и си-

(1) Въ 1765 году, въ царствованіе Георга III, выѣздъ ремесленниковъ изъ Англій былъ воспрещенъ подѣ страхомъ строгаго наказанія. Въ 1781 году былъ воспрещенъ вывозъ станковъ, употребляемыхъ для обработки шерсти и шолка. Въ 1782 году воспрещеніе распространено на бумагопрядильныя, желѣзныя и стальныя машины, равно какъ и на работниковъ, занимающихся этими фабрикаціями.

Въ 1710 году палата депутатовъ объявила, что «образованіе мануфактурной промышленности въ колоніяхъ уменьшаетъ зависимость ихъ отъ метрополи». Въ 1750 году постройка горна или какой-либо машины для плавки иликовки желѣза была воспрещена. Еще недавно лордъ Чатамъ объявилъ, что онъ не позволитъ колонистамъ фабриковать ни одного желѣзнаго гвоздя.

стематично не старался подавлять у другихъ народовъ внутренней торговли, этого важнѣйшаго источника жизни и благосостоянія общества, какъ англичане въ преслѣдованіи своей ложной системы.

Чтобы достигнуть этой цѣли, употреблены были всевозможныя усилія. Сырые продукты, которые по причинѣ своей громозкости должны были оплачивать огромныя издержки за провозъ, были допускаемы въ Англію съ самою легкою пошлиною; напротивъ того хотя нѣсколько обработанные продукты, какъ напримѣръ рафинированный сахаръ, были обложены такою пошлиною, что было гораздо выгоднѣе привозить ихъ въ сыромъ видѣ, и притомъ всѣ продукты допускались вѣнчае какъ черезъ англійскій портъ или на англійскихъ корабляхъ. Такимъ образомъ съ одной стороны уничтожалась промышленность страны, а съ другой поощрялся вывозъ сырыхъ продуктовъ. Единственная важная цѣль такой системы состояла въ томъ, чтобы поддержать въ самомъ громоздомъ видѣ продукты, которые нужно было перевозить, и обогатить этимъ купца и перевозчика, въ ущербъ производителя и потребителя. Потому что чѣмъ болѣе такія мѣры приводились на практикѣ, тѣмъ меньшее количество тканей получалъ колонистъ за свой сахаръ, а съ другой стороны тѣмъ меньшее количество сахару получалъ работникъ тканей за свой трудъ, и слѣдовательно населеніе обѣихъ странъ бѣднѣло все болѣе и болѣе.

Со времени покоренія разныхъ колоній западной Индіи, всякаго рода мануфактурная промышленность была тамъ строго воспрещена и запрещеніе доведено было до того, что жителямъ не позволено было рафинировать свой собственный сахаръ. Вслѣдствіе этого для всего населенія, неисключая женщинъ и дѣтей, не оставалось другого занятія, кромѣ полевыхъ работъ. Всѣ жители принуждены были оставаться производителями сырыхъ продуктовъ и могли вступать между собою въ сношеніе только при посредствѣ народа, отаѣленнаго отъ нихъ разстояніемъ въ нѣсколько тысячъ миль, и этотъ народъ употреблялъ свое могущество не только на то, чтобы запрещать всякаго рода промышленность, но и на то, чтобы препятствовать разнообразію работъ въ самомъ земледѣліи. Такъ въ Ямайкѣ пробовали было заняться обработкою индиго; но случилось, что въ цѣнѣ, платимой за него въ Англіи, такая значительная доля шла корабельщикамъ, купцамъ, комиссіонерамъ и правительству, что обработка индиго была оставлена. Таже участь постигла и разведеніе кофейнаго дерева.

Запрещая такимъ образомъ сношеніе людей между собою, имъ въ тоже время воспрещалось сношеніе съ иностранцами, развѣ только черезъ посредство англійскихъ портовъ, англійскихъ кораблей и

англійскихъ купцовъ. Одинъ только торгъ съ Африкой былъ позволенъ, потому что Африка доставляла невольниковъ, и этотъ торгъ производился въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ; большая часть негровъ въ испанскихъ колоніяхъ была привезена на англійскихъ корабляхъ. Но и участь свободнаго колониста была незавидна; на его долю едва выпадала четвертая часть цѣны, по которой продавались его продукты. Онъ былъ неболѣе какъ смотрителемъ невольниковъ, которыхъ заставлялъ работать для правительства Великобританіи, а никакъ не для своей пользы. Поставленный между невольниками, которыхъ онъ обязанъ былъ содержать, и между своими вѣчными кредиторами, купцами и государствомъ, ему оставалось только то, что имъ угодно было оставить, и *когда урожай былъ хорошъ и цѣны падали, онъ былъ совершенно разоренъ*. Слѣдствіемъ такого порядка дѣлъ было то, что въ Ямаикѣ въ промежутокъ неболѣе двадцати лѣтъ было продано съ аукціону неменѣе 147 владѣній: 92 остались въ рукахъ кредиторовъ, а остальные 55 были совершенно оставлены. Послѣ этого не покажется удивительною чрезмѣрная смертность въ англійскихъ колоніяхъ. Колонистъ, небудучи въ состояніи приобрѣтать машины, долженъ былъ по необходимости прибѣгать къ грубой силѣ, и ему гораздо легче было покупать эту силу на берегахъ Африки, чѣмъ созавать ее на своей плантаціи. Поэтому для того, чтобы поддержать уровень населенія, необходимо было постоянно увеличивать ввозъ негровъ, и вотъ почему во время эмансипаціи изъ числа ввезенныхъ негровъ остались въ живыхъ только одинъ на три (1).

Колонистъ самъ былъ такимъ же невольникомъ, какъ и негръ, котораго онъ покупалъ. Вѣчно въ долгахъ, его плантаціи почти всегда находились въ рукахъ агентовъ, посредниковъ, представлявшихъ лицо его кредитора, живущаго въ Англій; эти посредники обогащались насчетъ номинальнаго владѣтеля земли и насчетъ негровъ, обрабатывавшихъ эту землю. Чѣмъ незавиднѣе было положеніе колониста, тѣмъ богаче становился посредникъ; такое точно положеніе дѣлъ мы находимъ теперь въ Ирландіи, гдѣ владѣнія отсутствующихъ вельможъ находятся въ рукахъ управителей, которымъ нѣтъ никакого дѣла ни до почвы, ни до несчастныхъ бѣлыхъ *рабовъ*, поселенныхъ на землѣ. Въ обоихъ случаяхъ централизація, *абсентеизмъ* и рабство идутъ вмѣстѣ точно также, какъ во времена Сципіоновъ, Катоновъ, Помпеевъ и Кесарей.

Таковы были ожидаемые результаты тѣхъ, которые ставили ко-

(1) Число негровъ, привезенныхъ въ англійскія колоніи, было неменьше 1,700,000. Во время эмансипаціи ихъ осталось всего 600,000.

лониста въ зависимость отъ далекаго рынка, гдѣ онъ долженъ былъ продавать все что производилъ и покупать все что потреблялъ. Чѣмъ больше онъ бралъ у почвы, тѣмъ болѣе она истощалась и тѣмъ менѣе продуктовъ могъ онъ собирать; при избыточныхъ же жатвахъ увеличивались значительно издержки перевоза, найма магазиновъ, куртажа и настолько же уменьшалась цѣна самаго продукта, — такъ что и при урожаѣ, и при неурожаѣ колонистъ страдалъ одинаково. Примѣръ такого положенія мы можемъ видѣть еще теперь на хлопчатыхъ плантаціяхъ въ Соединенныхъ-Штатахъ. Система, имѣвшая цѣлью лишить плантатора выгодъ близкаго рынка и тѣмъ дать ему возможность улучшать свое хозяйство, такая система привела къ слѣдствіямъ, которыхъ слѣдовало ожидать, именно къ увеличенію съ каждымъ годомъ состоянія рабства и варварства; доказательство этому мы найдемъ въ постоянномъ преобладаніи случаевъ смертности надъ случаями рожденія въ англійскихъ колоніяхъ. Фактъ постепеннаго истощенія земли открывается во всей своей силѣ въ исторіи Ямайки. Трудъ и земля постоянно падали въ цѣнности, но мѣръ того какъ населенія прочихъ странъ, немогшихъ бороться съ мануфактурами англійскими, должны были обратиться къ земледѣлю. Сахаръ и ромъ до того унази въ цѣнѣ, что почти вся жатва шла на уплату комиссій и процентовъ. Подъ вліяніемъ такихъ обстоятельствъ смертность была неизбѣжна, и вотъ почему мы видимъ, что тысячи людей, привезенныхъ на этотъ островъ, не оставляли послѣ себя никакихъ слѣдовъ существованія. На комъ же должна лежать отвѣтственность за такое возмутительное положеніе дѣлъ? Конечно не на колонистѣ. Ему было запрещено употреблять свое свободное время на рафинировку сахара, онъ не могъ привезти на островъ ни одного ткацкаго станка. Онъ не могъ заняться разработкой каменнаго угля, ни плавленіемъ мѣдной руды. Небудучи въ состояніи улучшить свою почву, онъ все меньше и меньше собиралъ съ нея плодовъ, и это небольшое количество поглощалось личностями, являвшимися посредниками въ мѣнѣ, и тѣми, которыя наблюдали за мѣной на правахъ правительственныхъ. Такъ какъ онъ самъ былъ болѣе какъ орудіемъ въ рукахъ этихъ людей для уничтоженія въ негрѣ нравственности, понятія и самой жизни, то не на немъ, а на этихъ людяхъ должна лежать отвѣтственность за тотъ фактъ, что изъ числа негровъ, привезенныхъ въ Ямайку, едва осталось въ живыхъ двѣ пятихъ во время эмансипаціи.

А между тѣмъ именно колонистъ былъ провозглашонъ тираномъ и разрушителемъ нравственности и жизни, и общественное мнѣніе — мнѣніе тѣхъ самыхъ людей, которые болѣе всѣхъ погло-

щали плоды труда несчастнаго негра — принудило правительство объявить эмансипацію чернаго населенія. Истиннѣ великолѣпная филантропія!

На каждой страницѣ въ исторіи можно найти доказательство того, что ремесленникъ былъ всегда въ союзѣ съ земледѣльцемъ въ борьбѣ ихъ съ купцомъ и фискомъ. Купецъ старается таксировать его, продавая дорого и покупая дешево; фискъ заставляетъ его платить за *приклегію* имѣть сношенія; и чѣмъ отдаленнѣе мѣсто мѣны, тѣмъ значительнѣе таксированіе съ обѣихъ сторонъ. Когда ремесленникъ становится самъ купцомъ, тогда сырые продукты преобразуются на мѣстѣ и имъ ненужно оплачивать никакихъ издержекъ на содержаніе корабельщиковъ, купцовъ, комиссіонеровъ, лавочниковъ, и торговля разовьется съ тѣмъ большею скоростью. «Въ одномъ кускѣ сукна, вѣсящемъ 80 фунтовъ, — говоритъ Адамъ Смитъ, — заключается не только больше 80 фунтовъ шерсти, но еще нѣсколько тысячъ фунтовъ хлѣба, употребленнаго на содержаніе рабочихъ», и это хлѣбъ и шерсть, путешествующіе дешево въ формѣ сукна. Чѣмъ совершеннѣе могущество ассоціаціи между людьми, тѣмъ значительнѣе будетъ развитіе человѣческой личности, тѣмъ меньше будетъ власть купца и тѣмъ свобода чело-вѣка возрастаетъ.

Англійская торговая система, стремясь къ совершенно противоположнымъ результатамъ, препятствовала ассоціаціи, потомучто заставляла все населеніе предаваться однообразнымъ занятіямъ. Она препятствовала переселенію ремесленниковъ, увеличенію колоніальныхъ городовъ, учрежденію школъ, и слѣдовательно препятствовала развитію умственныхъ способностей между работниками и ихъ господами. Она препятствовала увеличенію народонаселенія, принуждая женщинъ и дѣтей заниматься обработкою сахарнаго тростника въ мѣстахъ наиболѣе нездоровыхъ. Она истощала такимъ образомъ и землю, и землевладѣльцевъ, губила невольника и ослабляла общество, которое слѣдалось простымъ орудіемъ въ рукахъ купцовъ и агентовъ правительства, т. е. именно тѣхъ классовъ, которые во всѣ времена обогащались насчетъ земледѣльца. Условія потребителя отъ производителя, они могли, какъ мы это видѣли, присвоить себѣ три четверти изъ всей суммы продукта, оставляя всего одну четверть на землю и на трудъ. Они слѣдвались отъ этого сильны въ обществѣ, между тѣмъ какъ работникъ все болѣе и болѣе ослабѣвалъ; и чѣмъ болѣе онъ ослабѣвалъ, тѣмъ менѣе нужно было обращать вниманія на права его, какъ свободной личности.

Такова была система, которой слѣдовала Англія въ своихъ за-

атлантических колоніяхъ, такова была цивилизація, которую разнесилъ англійскій народъ во все концы міра. Система эта, какъ читатели убѣдятся изъ послѣдующаго, есть ничто иное какъ прологъ другой системы, которая гораздо глубже захватываетъ международныя отношенія и которая стала извѣстна въ экономическомъ мірѣ подъ именемъ системы *свободной торговли*.

Нужно сознаться, что радикальные недостатки въ англійской колоніальной системѣ не укрылись отъ вниманія большей части поборниковъ свободной торговли. Но незамѣчая тѣсной, родственной связи между обѣими системами, они именно находятъ въ своей доктринѣ лекарство отъ зла и общаются, что съ прекращеніемъ запретительныхъ таможенныхъ пошлинъ зло, порожденное колоніальною системою, уничтожится въ самомъ корнѣ. «Англія — говоритъ съ восторгомъ г. Бастіа (1) — отказывается отъ колоніальнаго владычества; ея колонія теперь — весь міръ!»

Человѣку не данъ даръ предвидѣнія, но судя по настоящимъ и прошедшимъ фактамъ, онъ можетъ отчасти предугадать будущее. Трудно положительно рѣшить что́ станетъ съ человѣчествомъ, когда англійскія идеи о свободной мѣнѣ проникнутъ всюду и будутъ признаны всеми, но по нѣкоторымъ фактамъ мы можемъ приблизительно сказать что́ случится съ міромъ, когда онъ случится англійскою колоніею. Начала свободной торговли вотъ уже два съ половиною вѣка примѣняются съ полною силою въ Португаліи и Турціи, — двухъ государствахъ, независимыхъ отъ политическаго господства Англій, — въ Ирландіи и Индіи, находящихся въ политической отъ нея зависимости. Посмотримъ какіе результаты добыли эти народы и насколько можно ожидать блага для остальнаго человѣчества отъ примѣненія началъ свободной мѣны.

Блескъ Португаліи въ XVI вѣкѣ, которымъ она была обизана главнымъ образомъ своему торгу и колоніямъ на востокѣ, смѣнился скоро, какъ это всегда случается, постоянно увеличивающеюся слабостью; къ концу этого вѣка она стала простою испанскою провинціей. Сорокъ лѣтъ спустя ей удалось возвратитъ свою независимость, и къ концу XVII вѣка мы замѣчаемъ, что она употребляетъ все усилія, чтобы поддержать свою независимость, развивая между своимъ населеніемъ привычку къ ассоціаціи, къ внутренней торговлѣ. Уже издавна Португалія славилась достоинствомъ шерсти своихъ овецъ, но долго у ней не было средствъ обращать ее въ сукно. Поэтому въ эпоху своего возрожденія правительство выписало иностранныхъ фабрикантовъ и ремесленниковъ, которые на-

(1) «Cobden et la Ligue», Introd.

часть снабжать сукномъ внутренніе рынки и уменьшили такимъ образомъ значительно зависимость страны отъ шансовъ и рисковъ заграничнаго торга.

Такъ продолжалось до 1703 года, когда администрація страны перешла въ другія руки и подписанъ былъ метуэнскій трактатъ, въ силу котораго было снято запрещеніе съ ввозимыхъ изъ-за границы товаровъ и объявлена была свобода торговли. Непосредственно вслѣдъ затѣмъ рынки ея были переполюены иностранными и преимущественно англійскими товарами, мануфактуры были разорены и драгоцѣнные металлы исчезли.

Она преобразилась такимъ образомъ снова въ страну чисто-земледѣльческую и истощеніе почвы сдѣлалось необходимымъ слѣдствіемъ; а истощеніе почвы повлекло въ свою очередь уменьшеніе въ народонаселеніи. Уменьшеніе это продолжалось такъ долго, что теперь все народонаселеніе Португаліи равняется всего 3 миліонамъ и въ одно прошлое столѣтіе уменьшилось на 700,000 душъ. Въслѣдъ съ уменьшеніемъ народонаселенія уменьшилась возможность заводить и поддерживать пути сообщенія, такъ что въ странѣ, которая еще во времена Кесаря имѣла прекрасныя дороги, теперь перевозятъ письма на спивѣ муловъ по три мили въ часъ, между столицею и провинціальными городами. Такъ какъ рѣшительно нѣтъ никакихъ способовъ сообщенія, исключая дороги между Лисабономъ и Оporto, то путешественнику понеобходимости приходится нанимать муловъ, если онъ хочетъ переѣхать съ одного мѣста на другое. «Нетолько нѣтъ ни одной дороги, достойной назваться этимъ именемъ, — говоритъ одинъ новѣйшій путешественникъ, — но даже самыя улицы и проходы обращены въ склады для навоза, и единственный способъ перевозки товаровъ есть телега, запряженная волами, а для болѣе легкихъ товаровъ мулъ или спива галиційца; цѣнность человѣка такъ незначительна въ этой странѣ, что на него смотрятъ какъ на простой вьючной скотъ.»

Система свободной торговли продолжалась два съ половиною вѣка и привела къ тому результату, что вмѣстѣ съ уничтоженіемъ внутренней торговли возможность производить заграничный торгъ уменьшилась до такой степени, что Португалія потеряла всякое значеніе даже въ глазахъ тѣхъ націй, которыя въ 1703 такъ живо любивались торговли съ нею.

«Финансы страны находятся въ самомъ плачевномъ состояніи, казна пуста и всѣ общественныя услуги страдаютъ. Беззаботность и взаимная апатія царствуютъ во всѣхъ отрасляхъ администраціи, и нужно сказать — въ цѣлой націи. Между тѣмъ какъ во всей Европѣ заботятся объ улучшеніи, Португалія стоитъ на одномъ мѣстѣ.»

Администрація почти представляет очень любопытный примѣръ этого; письмо изъ Лисабона въ Браганцу идетъ отъ девятнадцати до двадцати-одного дня; разстояніе между обими городами равняется около 410 верстѣ. Всѣ средства страны истощены теперь, и весьма вѣроятно, что доходы государства не дадутъ и одной трети суммы, назначенной въ бюджетѣ» (1).

Таково было состояніе дѣлъ вѣсколько лѣтъ тому назадъ (1849 г.), но пагубные результаты исключительной обработки земли оказываются съ каждымъ годомъ все сильнѣе и сильнѣе. Внутренній рынокъ хлѣба преобразовался въ заграничный рынокъ для вина, во въ настоящее время и этотъ послѣдній прекратился по случаю чрезвычайнаго истощенія почвы подъ виноградниками. Цѣлыя классы людь въ Португаліи доведены до крайней нищеты, въ тоже время какъ въ Мадерѣ люди гибнутъ отъ недостатка припасовъ, — и тоже самое случается во всякой странѣ, въ которой нѣтъ разнообразія въ занятіяхъ, этого главнаго помощника ассоціаціи и развитія человеческой личности.

Изъ всѣхъ странъ Европы нѣтъ ни одной, которая бы такъ была одарена всѣми выгодами природы, какъ турецкая имперія въ Европѣ и Азіи. При приличной обработкѣ въ ней можно бы было производить почти въ безграничномъ количествѣ шерсть, шовель, хлѣбъ, масло и табакъ; Фессалия и Македонія, издавна славившіяся по производству хлопчатой бумаги, покрыты невоздѣланными землями, которыя могли бы доставить хлопка на цѣлую Европу; желѣзо и каменный уголь находятся тамъ въ изобиліи, между тѣмъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имперіи «холмы кажутся огромными массами углекислой мѣды». Природа сдѣлала все для этой страны, а между тѣмъ между всѣми населеніями Европы турецкіе райи ближе всего подходятъ къ состоянію невольниковъ, и между всѣми европейскими правительствами Оттоманская Порта больше всѣхъ подчиняется условіямъ, которыя ей предписываютъ не только иностранныя націи, но и иностранное и туземные купцы. Посмотримъ отчего произошло такое состояніе.

Два вѣка тому назадъ торгъ съ Турціей составлялъ самую важную статью въ торговлѣ западной Европы и турецкіе купцы считались самыми богатыми между всѣми, посѣщавшими западные рынки. Нѣсколько времени спустя правительство турецкое заключило съ англійскимъ и французскимъ правительствами трактаты, въ силу котораго оно обязывалось взимать пошлину съ привозимыхъ товаровъ несвыше 3%; такъ какъ въ тоже время корабли ихъ были

(1) «Annuaire de l'économie politique et de la statistique pour 1849»

совершенно афранкированы, то такая система была въ сущности самою безусловною и самою полною свободою торговли.

Съ тѣхъ поръ около вѣка Турція еще въ состояніи была выдерживать конкуренцію съ мануфактурами запада; провинція Амбелайа, славившаяся своею промышленною дѣятельностью, продолжала снабжать шолковыми и бумагопрядильными тканями Германію и даже Францію.

Но такъ какъ уничтоженіе таможенъ образовало дефицитъ въ государственныхъ доходахъ, то онъ понеобходимости долженъ былъ пополниться прямыми налогами; съ тѣхъ поръ и до самыхъ нашихъ временъ бюджетъ правительства основывается исключительно на подушной подати, на налогѣ съ домовъ и съ земли. Вънѣшній торгъ былъ избавленъ отъ всякихъ препятствій, между тѣмъ какъ внутренняя торговля должна была бороться со всевозможными вмѣшательствами.

Такой порядокъ дѣлъ имѣлъ то слѣдствіе, что внутренняя торговля наконецъ совсѣмъ уступила мѣсто заграничному торгу; Амбелайа и другія промышленныя мѣста были совершенно оставлены. Изъ 600 прядильныхъ станковъ, существовавшихъ въ 1812 году въ Скутари, осталось въ 1821 году всего 40, а изъ 2000 прядильныхъ заведеній въ Турново осталось въ 1830 году 600. Съ тѣхъ поръ промышленность совершенно исчезла.

Такъ какъ уменьшеніе народонаселенія и бѣдность была во всѣхъ странахъ слѣдствіемъ увеличенія торговаго ввоза и внутренней ассоціаціи, то неудивительно, что новѣйшіе путешественники почти всѣ говорятъ о томъ, что турецкая нація постепенно идетъ къ разрушенію, а народонаселеніе все болѣе и болѣе приближается къ рабству — результатъ неминуемый системы, которая не даетъ развиваться ремесленнику, принуждаетъ всѣхъ къ однообразнымъ занятіямъ и мѣшаетъ такимъ образомъ развитію человѣческой личности. Между путешественниками въ особенности интересны очерки Макъ-Фарлена (1). Во время его посѣщенія Турціи (1850 г.) не только совершенно исчезли шолковыя мануфактуры, но закрыты были даже прядильни, на которыхъ приготовлялся шолкъ сырецъ; ткачи сдѣлались земледѣльцами, женщины и дѣти лишились всякихъ занятій. Въ то же время въ Англіи разыгрывался одинъ изъ періодическихъ коммерческихъ кризисовъ и она нашла необходимымъ уменьшить цѣны на земледѣльческіе продукты, съ цѣлью прюпроставить ихъ ввозъ. Нѣсколько разъ — говоритъ Макъ-Фарленъ во время своего путешествія — распространялся слухъ, что

(1) - La Turquie et se destinée.

цѣны на шолкъ поднимаются въ Англіи, и это мгновенно произвело необыкновенное движеніе и одушевленіе, которыя, какъ онъ говоритъ, «льстили его національной гордости при мысли, что электрической толчокъ, идущій изъ Лондона, этого могущественнаго коммерческаго центра, въ нѣсколько дней чувствуется въ такомъ далекомъ мѣстѣ, какъ Бильджекъ». Вотъ что значитъ торговая централизація! Она дѣлаетъ изъ земледѣльцевъ, разбѣянныхъ по земному шару, настоящихъ рабовъ, зависящихъ въ своемъ пропитаніи и одеждѣ отъ нѣсколькихъ личностей, владѣющихъ небольшимъ количествомъ машинъ въ могущественномъ торговомъ центрѣ. Въ извѣстные моменты спекуляція овладѣваетъ рынкомъ, цѣны на товары поднимаются и употребляются всевозможныя средства, чтобы увеличить до чрезмѣрности ввозъ сырыхъ продуктовъ. Но такой моментъ проходитъ — всѣ жалуются на безденежье и экспедиторы разоряются.

Вездѣ въ Турціи можно видѣть въ настоящее время развалины деревень, нѣкогда цвѣтущихъ, и результаты такого уменьшенія мѣстныхъ центровъ открываются въ общемъ упадкѣ земледѣлія. Хлопчатобумажныя поля Фессалии остаются безъ всякой обработки. Самые необходимые для жизни припасы идутъ издалека: хлѣбъ — изъ Одессы, рогатый скотъ и бараны — изъ мѣстъ за Адрианополемъ или изъ малой Азіи; рисъ, который потребляется въ такомъ значительномъ количествѣ — изъ Филиппополиса, дичь — изъ Бугаріи, плоды и зелень — изъ Никомедіи и Мовданіи. Слѣдствіемъ этого бываетъ то, что почти вся звонкая монета исчезаетъ изъ Турціи.

Шолкъ турецкій, грубо приготовленный по невозможности достать себѣ хорошихъ машинъ, долженъ идти теперь въ Англію, обработаться тамъ и потомъ уже отправляться въ Персію; такимъ-то образомъ и самая вышняя торговля уменьшается по мѣрѣ того какъ уменьшается внутренняя.

Иностранцы не только могутъ свободно провозить въ Турцію свои товары, но заплативши незначительную пошлину въ 2⁰/₀, могутъ провозить ихъ по всей имперіи, пока не продадутъ. Путешествуя вмѣстѣ съ караванами, иностранные купцы вездѣ находятъ даровую квартиру. Размѣнявъ свои товары на звонкую монету или на что имъ вздумается, они такъ же быстро исчезаютъ, какъ пришли. Необходимое слѣдствіе этой полной свободы *торги* есть то, что мѣстная торговля совсѣмъ не существуетъ; туземный купецъ, платившій ренту и налогъ, не могъ бороться съ странствующимъ разносчикомъ, который ничего не платитъ. Бѣдный земледѣлецъ находится въ невозможности обмѣнять гдѣ-нибудь свои

продукты. развѣ придетъ случайно одинъ изъ этихъ каравановъ; да и то караванные купцы гораздо скорѣе обмѣниваютъ свои товары на звонкую монету, чѣмъ на громоздкіе сырые продукты.

Какъ это всегда бываетъ въ странахъ исключительно земледѣльческихъ, вся масса землевладѣльцевъ находится постоянно въ долгахъ и совершенно въ рукахъ заимодавца. Слабость и бѣдность, существующія между земледѣльческими классами, встрѣчается во всѣхъ странахъ, гдѣ земледѣлю не позволяли укрѣпиться въ самомъ себѣ, посредствомъ естественнаго союза между плугомъ и станкомъ, между молотомъ и бороною, какъ это прекрасно говорить Адамъ Смитъ. Изъ краткаго обзора положенія дѣлъ въ Ямайкѣ, Португаліи и Турціи мы вполне убѣждаемся, что вслѣдствіе этого обстоятельства цѣнность человѣка тамъ постоянно уменьшается и что онъ болѣе и болѣе порабощается природою и людьми. Правительство, столь же слабое какъ и населеніе, такъ зависать отъ воли заграничныхъ и туземныхъ торговцевъ, что этихъ послѣднихъ можно считать за настоящихъ собственниковъ земли, которые произвольно таксируютъ кого имъ вздумается.

Изъ этого же слѣдуетъ, что масса недвижимыхъ имуществъ совершенно не имѣетъ никакой цѣнности. Въ долину Буккердъ, вѣкогда извѣстной подъ именемъ *прекрасной страны*, имѣніе въ двѣнадцать миль въ окружности продается за 5000 долларонъ (около 5¼ тысячъ рублей) ⁽¹⁾, между тѣмъ какъ нѣсколько далѣе цѣна еще ниже. Какъ ни незначительны эти цѣны продажи имѣній, но онѣ непремѣнно падутъ еще ниже подъ вліяніемъ системы, которая принуждаетъ несчастнаго земледѣльца истощать свою вѣчу для того, чтобы доставлять свои продукты въ отдаленные рынки.

Въ эпоху англійской революціи 1688 года фабрикація шерстяныхъ матерій сдѣлала быстрые успѣхи въ Ирландіи. Но правительство Вильгельма и Маріи въ отвѣтъ на прошеніе лондонскихъ купцовъ обязалось воспрепятствовать развитію этой фабрикаціи, съ цѣлью принудить силою привозить въ Англію сырые продукты, и въ тоже время запретило всякій вывозъ ихъ въ другія страны. Ирландія могла получать колоніальныя товары иначе какъ черезъ англійскіе порты; требовалось, чтобы ввозъ дѣлался на англійскихъ корабляхъ, принадлежавшихъ англійскимъ купцамъ; такимъ образомъ увеличивали насколько возможно издержки перевоза и лишали ирландцевъ всякаго участія въ этой прибыли.

Запрещая имъ въ возможныхъ гравницахъ всякія работы, кото-

(1) Mac-Farlane.

рыя клонились бы къ развитію промышленности, ихъ въ то же время поощряли къ обработкѣ тѣхъ продуктовъ, которые были нужны для англійскихъ мануфактуръ; шерсть, пенька и ленъ были ввозимы въ Англію безъ всякой пошлины. Такимъ образомъ и здѣсь повторилась та же исторія, какъ и въ заатлантическихъ колоніяхъ, т. е. что все населеніе Ирландіи, мужчины, женщины и дѣти, по необходимости должны были посвятить себя полевымъ работамъ.

Тѣмъ неменѣе однакоже во время сѣверо-американской войны ирландскій парламентъ потребовалъ самостоятельности. Въ виду тѣсныхъ обстоятельствъ англійское правительство должно было уступить. Первымъ дѣломъ новаго законодательнаго собранія было обложить высокою пошлиною заграничные товары, съ явною цѣлью поощрить внутреннюю промышленность и торговлю. Съ этого времени страна начала дѣлать быстрые успѣхи какъ въ промышленномъ, такъ и въ умственномъ развитіи, что можно заключить изъ того факта, что несмотря на бѣдность тогдашняго населенія, одинъ книжный издатель въ Дублинѣ печаталъ въ годъ больше книгъ, чѣмъ теперь печатаютъ всѣ издатели въ Ирландіи для цѣлаго королевства, хотя населеніе и значительно увеличилось съ того времени.

Такъ продолжалось до 1801 года, когда торговая централизація Англій была окончательно установлена и изданъ былъ *соединительный актъ*. Въ силу этого акта пошлины, установленныя ирландскимъ парламентомъ на товары, должны были уничтожены малопомалу, до тѣхъ поръ, пока не установится полная свобода торговли. Это значило другими словами, что Манчестеръ и Бирмингамъ захватывали въ свои руки монополію доставки въ Ирландію желѣза и сукна. Слѣдствіемъ этого было то, что мануфактуры ирландскія прекращали постепенно свое существованіе, по мѣрѣ того какъ соединительный актъ приводился въ исполненіе. Изъ числа 90 фабрикантовъ, бывшихъ въ Дублинѣ въ 1800 году, осталось всего 12 въ 1840; число работниковъ, употребляемыхъ на фабрикахъ, уменьшилось съ того времени отъ 4918 до 600; издѣліе же ковровъ и цвѣтныхъ шерстяныхъ матерій совершенно прекратилось. Тѣ же самые факты повторились во всемъ королевствѣ.

Такъ какъ земледѣліе сдѣлалось единственнымъ занятіемъ для всего населенія, то земля сдѣлалась естественно главною цѣлью стремленія для жителей.

«Земля — это жизнь», сказалъ первый судья Блэкборнъ, и для населенія остался одинъ выборъ: или занять землю на правѣ фермерства *чего бы это ни стоило*, или умереть голодною смертію. По-

земельный собственникъ налагалъ дѣнь на землю какія ему вздумалась; фермы поднялись до чрезвычайности, между тѣмъ какъ земная плата рабочимъ падала соответственно; спекуляторы, земельные монополисты, управители-посредники наживали огромныя состоянія среди несчастнаго населенія, умиравшаго съ голода, павшагося однимъ картофелемъ и кодою. Всѣ эти факты повели за собой частыя возстанія противъ собственниковъ, за которыми слѣдовали страшныя репрессивныя мѣры правительства, законы противъ хранителей оружія, законы принудительные, между тѣмъ какъ корень зла лежалъ въ самыхъ правительственныхъ учрежденіяхъ.

Англійскіе писатели утверждаютъ, что въ Ирландіи не было капиталовъ необходимыхъ для мануфактурной промышленности; но это всегда должно случиться съ страной чисто-земледѣльческою. Капиталы становятся изобильны только въ той странѣ, гдѣ существуетъ могущество ассоціи, гдѣ каждый находитъ покупателя на свой собственный трудъ и можетъ слѣдаться самъ покупателемъ труда другого. Возможность оказывать тѣлесныя или умственныя услуги есть слѣдствіе потребленнаго капитала, и эта возможность составляетъ для работника капиталъ, который онъ предлагаетъ для чужды. Когда существуетъ разнообразіе занятій и трудовъ, тогда движеніе общества становится быстро, и весь этотъ капиталъ является въ формѣ товаровъ, машинъ или звонкой монеты; но когда нѣтъ другого занятія кромѣ земледѣлія, тогда движеніе общества медленно и большая часть трудового капитала теряется. Миліоны ирландцевъ растрачивали каждый день свой капиталъ, и немудрено, что у нихъ не хватило. Такого недостатка въ средствахъ не существовало въ эпоху между 1783 и 1801 годами, потому что тогда было требованіе на всѣ физическія и умственныя силы націи. Съ этого времени торговля все болѣе и болѣе падала, до тѣхъ поръ пока совсѣмъ не прекратилась; и такимъ-то образомъ каждый годъ терялось столько капитала, сколько было бы достаточно для приобрѣтенія всѣхъ машинъ, употребляемыхъ въ Англіи для фабрикаціи шерсти и хлопчатны.

Что торговая централизація, рабство, уменьшеніе народонаселенія и смерть идутъ объ руку, въ этомъ насъ убѣждаетъ каждая страница исторіи; но нигдѣ это не является въ такомъ ужасномъ видѣ, какъ въ исторіи Ирландіи съ того времени какъ она лишилась своего парламента и подпала въ полную зависимость Англіи.

Мы не будемъ утомлять вниманіе читателя дальнѣйшимъ развитіемъ этой исторіи. Въ доказательство мы приведемъ статисти-

ческія данныя о народонаселеніи Ирландіи за послѣднее пятидесятилѣтіе.

По вычисленіямъ лондонскаго статистическаго бюро народонаселеніе Ирландіи составляло :

въ 1805	году	5,395,456
— 1815	—	6,142,972
— 1825	—	7,172,748
— 1835	—	7,927,989
— 1845	—	8,334,142
— 1856	—	6,077,283

Итакъ подъ конецъ оказывается огромная, безпримѣрная въ вѣйшей исторіи убыль народа ('). Мы уже знаемъ достаточно, чему нужно приписать эту убыль.

Какъ ни жалко было положеніе Ирландіи лѣтъ двадцать тому назадъ, но оно съ каждымъ годомъ становится все хуже и хуже. Бѣдность и нищета заставляетъ несчастныхъ работниковъ тысячами переселяться въ Англію, увозя такимъ образомъ съ собою трудовой капиталъ и почву; улицы и погреба Лондона, Ливерпуля, Глазгоу наполнились мужчинами, женщинами, дѣтьми, неимѣвшими возможности продавать свой трудъ и гибнувшими отъ недостатка пищи. Въ деревняхъ работники занимались изъ одного прокормленія; между англичанами поднялся всеобщій крикъ, что англійскіе рабочіе потеряютъ всякую работу отъ конкуренціи этихъ голодныхъ ирландцевъ. Чтобы помочь бѣдѣ, англійскій парламентъ принудилъ ирландскихъ ландлордовъ содержать своихъ бѣдныхъ и издалъ законъ о бѣдныхъ, хотя нѣсколько лѣтъ тому назадъ всѣ англійскіе экономисты, а за ними всѣ газеты и самый парламентъ признали, что всякіе подобные законы о бѣдныхъ противны началу здравой политической экономіи.

Послѣ обнародованія ирландскаго закона о бѣдныхъ явилось естественно большое желаніе между достаточными классами избавиться отъ населенія, которое, небудучи въ состояніи продавать свой трудъ, не могло вслѣдствіе этого платить никакой ренты; и съ тѣхъ поръ до самыхъ нашихъ временъ Ирландія представляетъ для наблюдателя самую отвратительную сцену разоренія домовъ и изгнанія ихъ полунагихъ, полуголодныхъ обитателей; — сцены, достойныя болѣе какой-нибудь готентотской страны, а не націи, принадлежащей великобританской монархіи.

До этого времени ирландское земледѣліе пользовалось покрови-

(') Кольбъ, «Руководство къ сравн. стат.» пер. Корсака.

ительствомъ на англійскомъ рынкѣ и это было нѣкотораго рода вознагражденіе за пожертвованіе національнымъ рынкомъ; теперь же и эта милость, какъ она ни незначительна, отнята у ирландцевъ. Подобно населенію Ямайки ирландское населеніе сдѣлалось бѣдно и торгъ съ нимъ потерялъ всякое значеніе для тѣхъ самыхъ англичанъ, для которыхъ семьдесятъ лѣтъ тому назадъ ирландцы были лучшими покупателями.

Такъ какъ англійская торговая система истощила страны, находившіяся подъ ея вліяніемъ, каковы Индія, Португалія, Турція, Антиллы, Ирландія, то стало необходимою употребить усилія для приобретенія новыхъ рынковъ въ другихъ странахъ, каковы Соединенные-Штаты, Франція, Бельгія, Германія и Россія, и для этой цѣли имъ предложена та же самая система, которая истощила Ирландію, т. е. система свободной мѣны. Вездѣ земледѣльцамъ предложили присылать свои сырые продукты въ Англію, и уничтоженіе хлѣбныхъ законовъ имѣло цѣлю поставить эти страны въ конкуренцію съ голодною Ирландією. Чаша бѣдствій, и безъ того полная, переполнилась. Нетолько работники, но и самые землевладельцы разорились; имѣнія были отягощены ипотечками, такъ что правительство должно было прибѣгнуть къ общей продажѣ ихъ съ публичнаго торга и къ распредѣленію по странѣ продуктовъ, добытыхъ этою продажей. Всѣ эти явленія, только еще въ большихъ размѣрахъ, повторились въ Индіи ⁽¹⁾.

Читатель имѣетъ теперь передъ глазами картину движенія четырехъ націй, имѣющихъ въ сложности болѣе 200 миліоновъ жителей, т. е. почти одну пятую населенія всего земного шара. Всѣ онѣ были подчинены одной системѣ, которая стремилась къ торговой цивилизаціи, препятствовала внутреннимъ сношеніямъ народовъ, ставила ихъ въ зависимость отъ далекаго рынка и тѣмъ налагала на нихъ самый тяжкій изъ налоговъ — налогъ на перевозку сырыхъ продуктовъ почвы. Могутъ правда сказать (и таково почти общее мнѣніе новѣйшихъ экономистовъ), что населеніе Индіи беззаботно и лѣново, что Турки — магометане и сдѣловательно фаталисты; что португальцы и ирландцы исповѣдуютъ религію, которая мѣшаетъ свободному умственному развитію; что колонисты Антильскихъ острововъ не очень удалены отъ варварскаго состоянія, и что именно этимъ нравственнымъ причинамъ нужно приписать постоянно возрастающую слабость этихъ обществъ. Однакоже подданные турецкой им-

(1) Для полнаго знакомства съ нынѣшнимъ состояніемъ Индіи см. Campbell: «L'Inde moderne», trad. franç. Мы боимся утомить читателя повтореніемъ, считая, что мы уже достаточно привели фактовъ для поясненія своей мысли.

періи два вѣка тому назадъ имѣли тѣже вѣровація и отличались даже еще бѣльшимъ фанатизмомъ, а между тѣмъ торговля съ ними составляла самую важную статью для западной Европы. Мауры Испаніи были магометане, а между тѣмъ они не препятствовали развитію цивилизаціи, а напротивъ. Нынѣшніе португальцы такіе же католики, какъ и ихъ предки, заключившіе метуэнскій трактатъ, а тогда торговля съ ними считалась одною изъ самыхъ значительныхъ. Португальцы, равно какъ и ирландцы, исповѣдуютъ католическую вѣру наравнѣ съ французами, у которыхъ земледѣліе и промышленность достигли такой высокой степени совершенства. Негры, привезенные въ Ямайку, не были бѣльшими варварами, чѣмъ тѣ, которые были привезены въ Сѣверо-американскіе штаты, а между тѣмъ какъ черное населеніе въ штатахъ увеличилось въ семь разъ, на Ямаикѣ оно уменьшилось на три пятыхъ.

Какъ ни различны эти націи относительно религіозныхъ вѣрованій, цѣнта, градуса широты и долготы, все онѣ сходны въ томъ отношеніи, что подъ вліяніемъ одной системы онѣ должны были ограничиться однимъ земледѣліемъ и вывозить продукты своей почвы въ самомъ грубомъ видѣ; за этимъ необходимо слѣдовало истощеніе самой почвы и недостатокъ въ разнообразіи занятій, что составляетъ необходимое условіе для развитія человеческой личности и могущества асоціаціи. Подъ вліяніемъ такихъ обстоятельствъ внутренняя торговля будетъ постоянно падать, между тѣмъ какъ могущество купца и перевозчика будетъ увеличиваться въ ущербъ земледѣльца и ремесленника.

Для того чтобы человекъ могъ побороть природу, необходимо, чтобы рынокъ, назначенный для его труда и для сбыта продуктовъ этого труда, былъ вблизи его. Когда рынокъ удаленъ, то какъ бы совершенны ни были пути сообщенія, почва лишится удобренія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и трудъ и земля упадутъ въ цѣнѣ. Возможность сообщеній была значительно увеличена въ Ирландіи за послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ, но при каждомъ увеличеніи голодъ и эпидеміи становились все чаще и сильнѣе, такъ что при окончаніи сѣти ирландскихъ дорогъ свирѣпствовалъ голодъ, который своею жестокостью превзошелъ все бывшіе.

Строющіяся теперь желѣзныя дороги въ Индіи поведутъ къ подобнымъ же результатамъ. Дѣло въ томъ, что эти дороги строятся съ тою цѣлью, чтобы больше вывозить сырыхъ продуктовъ почвы и увеличить могущество торга, а это повлечетъ за собою бѣль значительное истощеніе почвы и уничтожитъ всякую асоціацію между жителями. Желѣзныя дороги въ этомъ случаѣ играютъ роль сильныхъ ядовъ, которые въ тоже время служатъ самыми дѣйствитель-

выми лекарственными средствами. Для общества сильно организованаго, т. е. такого общества, въ которомъ разнообразіе занятій существуетъ въ высокой степени, всякая новая дорога увеличиваетъ могущество челоѣка надъ природою, и слѣдовательно увеличиваетъ его благосостояніе; между тѣмъ какъ въ обществѣ слабомъ эта дорога будетъ только новымъ средствомъ къ истощенію, при помощи котораго самая кровь общества легче будетъ высасываться торговцемъ, какъ мы это видимъ въ Ирландіи.

Приведенные нами выше факты убѣдительно доказываютъ, что доктрины свободной торговли, овладѣвши теперь съ такою силою всѣми умами въ Англіи, въ сущности ничѣмъ не отличаются отъ той системы, которой слѣдовала постоянно Англія въ своихъ экономическихъ отношеніяхъ съ цѣлымъ міромъ, что первая суть только логическое слѣдствіе второй. Мы ясно видѣли, что ни одинъ народъ въ мірѣ въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ народамъ не слѣдовалъ по такому ложному пути, какъ англичане, что они вездѣ и всегда ставятъ на первомъ планѣ интересы купца, что они амбициозный народъ, провозглашающій своимъ господствующимъ принципомъ девизъ купца: «покупать на рынкѣ, гдѣ продукты дешевле, и продавать гдѣ они дороги», и что ни одинъ народъ не продавался такъ систематично и исключительно торгу. Воспріятая ассоціацію между людьми тамъ, гдѣ она не существовала еще, уничтожая ее тамъ, гдѣ она существовала, результатомъ такой системы было сведеніе всего населенія въ уровень простыхъ земледѣльцевъ и разрушеніе самыхъ обществъ, какъ мы это видѣли выше. Во всѣхъ этихъ обществахъ различіе занятій уничтожалось все болѣе и болѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ слабѣе становилась организація и медленно было развитіе умственныхъ способностей. Чѣмъ ближе организація какого-нибудь тѣла, тѣмъ болѣе части, составляющія его, поколѣтъ на цѣлое; въ обществѣ чисто земледѣльческомъ всѣ части совершенно похожи одна на другую и цѣлое есть нечто иное какъ обширная часть. Во всѣхъ подобныхъ обществахъ явленіе мѣстныхъ центровъ уничтожается съ каждымъ годомъ и торговая централизація дѣлается совершеннѣе; а эта централизація, рабство и смерть, какъ мы замѣтили выше, идутъ всегда рука объ руку. А между тѣмъ все это есть ничто иное какъ слѣдствія, которыя при нынѣшнемъ состояніи націй должны произойти отъ полной свободы торговыхъ отношеній между націей сильно организованной съ одной стороны, и слабой и несовершенной націей съ другой. Какъ интересы всѣхъ членовъ общества, такъ и интересы націй должны быть солидарны. Основной законъ въ обоихъ случаяхъ долженъ быть: не дѣлай ничего другому, чего ты не хочешь, что-

бы съ тобою сдѣлали. Къ несчастію въ политикѣ нравственность неизвѣстна; изъ этого слѣдуетъ, что очень часто для настоящаго и временнаго блага жертвуется благомъ важнее и постоянное (!). Что Англія въ преслѣдованіи своей ложной и своекорыстной системы далеко не достигла положительныхъ и постоянныхъ результатовъ, въ этомъ мы убѣждаемся вопервыхъ развитіемъ ужаснаго пролетаріата, который несмотря на все усилія законодательства и общества, идетъ все болѣе и болѣе усиливаясь; вовторыхъ, что Англія, встошая народы, съ которыми торговала, тѣмъ самымъ лишала себя своихъ лучшихъ покупателей и уменьшала такими образомъ сбытъ своихъ собственныхъ произведеній; наконецъ встрѣтись, торговая система Англіи произвела въ самой странѣ тѣ безпорядочныя движенія, тѣ постоянныя коммерческія кризисы, которые одни уже указываютъ на болѣзненное состояніе общества.

Экономисты и поборники свободной торговли упускаютъ по большей части факты, о которыхъ мы говорили выше: Ученіемъ софистикой англійскихъ ораторовъ, которые, какъ мы видѣли, живутъ при проповѣданіи своихъ идей заднюю, своекорыстную цѣль, они сулятъ человечеству блестящую будущность и не видятъ что дѣлается у нихъ передъ глазами; они возстаютъ противъ мелкихъ монополій, неизбежныхъ при протекціонной системѣ, и не замѣчаютъ, что выѣстъ съ полной свободой торговли они сдѣлаютъ самую страшную изъ всехъ монополій — монополию торговли всеми его гибельными послѣдствіями; они ведутъ народы къ торговой централизаци, къ деспотизму торговца, въ тысячу разъ болѣе ужаснымъ, чѣмъ какая-либо административная централизція или правительственный деспотизмъ.

Въ особенности странно видѣть, что наши русскіе экономисты сдѣлались почти все поборниками свободной торговли. Огромное пространство Россіи, плодородіе ея почвы, относительная рѣдкость народонаселенія, недостатокъ промышленной и мануфактурной дѣятельности, вслѣдствіе этого недостатокъ въ разнообразіи занятій — все это факты, ясно указывающіе на слабость общественной организаціи въ Россіи и на то, что свобода мѣны поведетъ только къ большому увеличенію этой слабости, принудивъ все народонаселеніе Россіи сдѣлаться исключительно земледѣльческимъ. «Но!» вли-

(!) Переходя отъ внутреннихъ дѣлъ къ отношеніямъ международнымъ, мы напрасно стали бы искать *добродѣтельной* націи. Каждое общество, по мѣрѣ того какъ оно само достигаетъ могущества, пренебрегаетъ всеми законами справедливости и слѣдуетъ только закону насилія. Поэтому-то исторія міра наполнена преступленіями, которыя дѣлаютъ имя человѣка ненавистнымъ. (См. Carey въ примѣч.)

лицъ системы свободной торговли плодородная почва съ естественными путями сообщенія, какъ средствами для вывоза, становится самымъ умаснымъ бичемъ, угнетающимъ страну. Богатство почвы побуждаетъ всѣхъ заниматься земледѣлiемъ, дороги и рѣки служатъ для вывоза жатвъ и обильна ихъ на промышленные продукты странъ, въ которыхъ помѣщаются центры торга, капитала и промышленности. Черезъ нѣсколько времени вышнее потребление продуктовъ почвы истощаетъ страну, производившую ихъ. Въ такой странѣ не будетъ ни городовъ, ни мануфактуръ, потому что въ нихъ нѣтъ никакой потребности. Люди въ ней не будутъ предаваться никакимъ занятiямъ, требующимъ ума или таланта; народонаселенiе по необходимости разсѣяно, невежественно, необразовано; богатые люди будутъ оставлять свое отечество и искать за границей удовольствiй или образованiя; люди бѣдные, но предприимчивые будутъ тоже уѣзжать изъ страны, отыскивая себѣ работу. Мы шлоли въ убѣждены, что нельзя придумать болѣе вѣрнаго средства для обѣщанiя страны, какъ принудить всѣхъ жителей ея заниматься исключительно земледѣлiемъ. Разоренiя, происходящiя отъ войнъ, моровой язвы, голода, скоро изглаживаются; но нужны цѣлые вѣка, чтобы возстановить истощенную почву. Чѣмъ быстрое важиваются деньги въ странѣ, пользующейся свободой торговли, тѣмъ равнѣе эта страна бѣднѣетъ, потому что истощенiе почвы значителнѣе и тѣ, которые собираютъ обильныя жатвы, растрачиваютъ ихъ въ странѣ. При другой системѣ эта богатая страна сама занялась бы промышленностью, строила города, учреждала школы и университеты, предавалась всякимъ работамъ и удовлетворяла бы всѣмъ потребностямъ цивилизованнаго человѣка. Такимъ-то образомъ капиталъ, добытый внутри, и тратился бы внутри; жатвы потреблялись бы въ странѣ и каждый городъ, каждая деревня доставляли бы удобрение на окружающiя поля. Безъ этого внутренняго потребленiя невозможно достигнуть продолжительнаго богатства. Тогда вслѣдствiе необходимости должно образоваться густое народонаселенiе, богатому незачѣмъ будетъ оставлять своей страны для удовольствiй, бѣдному — для отысканiя работы.»⁽¹⁾

Мы бы совѣтали нашимъ русскимъ экономистамъ обратить особенное вниманiе на эти строки.

Послѣ всего, что сказано было нами о значенiи вышшаго торга и внутренней торговли, о томъ, къ какимъ результатамъ поемъ-англiйская торговая система въ странахъ, гдѣ она жатва наибольш

(1) Fitzhugh - Sociologie pour le Sud, цит. Кѣри.

шее вліяніе, наконецъ о томъ, къ какимъ результатамъ можетъ привести эта система и въ другихъ странахъ, при жилищныхъ экономическихъ состояніяхъ обществъ, мы можемъ непосредственно обратиться къ аргументамъ, представляемымъ лобовниками англійскихъ теорій свободной торговли въ защиту своей доктрины.

Прежде всего всякому разсуждающему человѣку является очень простая и здравая мысль, что согласно съ началомъ гражданского равенства и личной свободы, никто не имѣетъ права требовать отъ закона и правительства, чтобы въ пользу его личного интереса были подчинены интересы другихъ. Поэтому каждый членъ общества имѣетъ неограниченное право снабжать себя какъ ему заблагоразсудится предметами для своего потребления и продавать свои продукты такому покупателю и по такой цѣнѣ, какіе ему покажутся выгоднѣе. Следовательно каждый гражданинъ имѣетъ право сказать своему правительству: «Или продавайте мнѣ табакъ, соль, говядину, сахаръ по цѣнѣ, какую я вамъ предлагаю, или я буду покупать все это въ другомъ мѣстѣ. Почему я обязанъ поддерживать у васъ промышленность, разоряющую меня, эксплуататоровъ; обкрадывающихъ меня? Всякій у себя, всякій для себя, и свобода торговли для всего міра!»

Согласно съ этимъ простымъ разсужденіемъ, которое есть ничто иное какъ логическое слѣдствіе доктрины: «laissez faire, laissez passer» и теоріи эгоизма и личного интереса, непризнающей никакой солидарности между производителями, между капиталистами и работниками, экономисты съ особенною силою напирать на всевозможныя злоупотребленія, къ которымъ ведетъ протекціонная система въ государствѣ.

«Искусственная дороговизна каменнаго угля, желѣза, шерсти, скота—говоритъ г. Бланки—есть ничто иное какъ налогъ, взимаемый съ общины въ пользу нѣкоторыхъ личностей. Чтобы мы ни говорили, вопросъ всегда будетъ кончатся тѣмъ, что до какихъ поръ нація будетъ переносить эти тягости въ виду улучшеній, которыя всегда обѣщаютъ, но которыя не могутъ явиться этимъ путемъ... Запретительная система только и произвела во всей Европѣ искусственный и опасный толчокъ нѣкоторымъ промышленностямъ, организованнымъ по англійскому методу къ почти исключительной выгодѣ капитала...

«Привилегіи, монополіи, протекція, сыпавшіяся на всѣхъ, кромѣ несчастнаго работника, привели въ распредѣленіи продуктовъ къ чудовищнымъ злоупотребленіямъ. Вездѣ свобода стѣснена; преграды породили подлогъ; мошенничество, обманъ, насиліе стали помощниками труда. Скупость требуетъ безстыдья и не праву

средствъ наживаться насчетъ другихъ; вездѣ борьба, гармоніи нигдѣ! А между тѣмъ къ такимъ разорительнымъ результатамъ мы сами отрешимся. Почему въ экономическихъ школахъ ния народа никогда не произносится? Разумъ, говорятъ, долженъ управлять широкъ. Ужь не во ния ли разума французская нація обречена теперь на діету почти исключительно растительную? Не во ния ли разума она должна оставаться безъ хлѣба, безъ сапогъ, безъ средствъ къ жианію, посреди всѣхъ чудесъ ума человѣческаго? Не разумъ ли отдаетъ монополію рынку то одному, то другому, никогда не забываетъ о цѣнѣ продуктовъ относительно заденной платы работника?

«Вотъ уже восемнадцать лѣтъ какъ французская нація не можетъ покупать говядины, и при каждомъ ея требованіи намъ холодно отвѣчаютъ, что цѣна 55 франковъ необходима для существованія производителя. Необходима! Лишеніе въ пропитаніи народа необходимо для благосостоянія нѣкоторыхъ!..» (1)

Все это совершенно справедливо съ той точки зрѣнія, съ какой смотрять на вопросъ экономисты. Но принимая даже безусловно справедливость этихъ фактовъ, мы спросимъ въ свою очередь: почему же монополія, если она такая ненавистная вещь, существуетъ, какъ выражается Росси, на каждомъ шагу въ нашемъ обществѣ, то въ формѣ исключительной эксплуатаціи земли и капитала, то въ формѣ исключительнаго пользованія способами фабрикаціи, и между тѣмъ эта монополія освящается наукой экономистовъ? Почему монополія эта ставится ненавистною только тогда, когда какая-нибудь иностранная монополія лвится конкурировать съ нею? Почему она менѣе достойна уваженія между гражданами одной и той же страны, нежели между гражданами различныхъ націй? Да и наконецъ всѣ экономисты согласны съ тѣмъ, что повсемѣстное уничтоженіе таможенныхъ пошлинъ повлечетъ за собой *начать* большіе кризисы въ обществѣ, что *огромные капиталы останутся непроизводительны, мануфактуры исчезнутъ, сотни тысячъ работниковъ останутся неожиданно безъ работы и безъ хлѣба...* (2) Но, говорятъ они, эти несчастія будутъ только временны; скоро равновѣсіе возстановится и благосостояніе всѣхъ народовъ удесятенится. Какъ ни мало утѣшительны для настоящихъ поколѣній *эти ошурсы изъ неба*, которыхъ сулятъ намъ экономисты, но пусть же они скажутъ, когда настанутъ эти благодѣтельные результаты для Португаліи и Турціи, которые вотъ уже два вѣка наслаждаются полной свободой торговли, когда они настанутъ для несчастной Ирландіи,

(1) «Journ. des économistes» 1845.

(2) *Fig.* «Journ. des économ.» 1845.

въ которой до сихъ поръ свобода эта произвела только голодъ, эпидеміи и конечное разореніе страны? И неужели не ясно какъ день, что при наступающемъ экономическомъ устройствѣ обществъ свобода мѣны, уничтоживъ всѣ преграды для мѣны, этимъ самымъ увеличиваетъ господство капитала, а слѣдовательно и финансовою аристократію, передаетъ все общество, связанное по рукамъ и по ногамъ, въ руки торговца?

Изъ всѣхъ современныхъ экономистовъ никто съ такимъ увлеченіемъ и при этомъ съ такимъ несомнѣннымъ талантомъ не защищалъ теоріи свободной торговли, какъ г. Бастіа.

Г. Бастіа пользуется у насъ въ Россіи особеннымъ авторитетомъ; онъ обладаетъ тою «соблазнительною ясностью», которая такъ нравится нашей публикѣ и ученымъ, а потому мы считаемъ нужнымъ заняться нѣсколько подробнѣе его аргументами.

Вся теорія свободной торговли основывается на слѣдующемъ силогизмѣ Ж. Б. Сея, который потомъ слѣлался краеугольнымъ камнемъ всего ученія:

1) продукты оплачиваются только продуктами и товары покупаются только на товары;

2) золото, серебро, платина и другія металлическія цѣнности суть продукты труда, товары, подобно каменному углю, желѣзу, шолку, ниткамъ и пр.;

3) слѣдовательно, такъ какъ всякій ввозъ товаровъ оплачивается равносильнымъ вывозомъ, то нельзя предполагать, чтобы при этомъ была на чьей-нибудь сторонѣ выгода, еслибы часть товара и оплачивалась звонкою монетою. Совершенно напротивъ, если и есть выгода, то это на сторонѣ націи, которая ввозитъ больше товаровъ, чѣмъ вывозитъ, потому что за этотъ излишекъ она платитъ звонкою монетою, т. е. товаромъ, котораго единственное назначеніе есть способствовать мѣнѣ, быть орудіемъ мѣны.

Первое положеніе этого силогизма совершенно справедливо и можетъ назваться экономической истиною. Что же касается до второго положенія, то оно противорѣчитъ самымъ основными понятіямъ экономической науки и монетѣ.

Драгоценные металлы суть въ самомъ дѣлѣ товаръ, но товаръ по преимуществу, товаръ, на который всегда есть больше спроса чѣмъ предложенія, товаръ привилегированный, который вслѣдствіе этого есть представитель всѣхъ цѣнностей, всѣхъ продуктовъ, всѣхъ капиталовъ. У кого есть большіе запасы продуктовъ, тотъ еще не можетъ назваться богатымъ, потому что ему нужно еще совершить актъ мѣны, всегда невѣрный, всегда подверженный колебаніямъ. Но у кого есть деньги, тотъ богатъ, потому что онъ обла-

деньги товаромъ, посредствомъ котораго онъ можетъ когда ему вздумается, при самыхъ выгодныхъ для себя условіяхъ, приобрести всѣ прочіе товары; посредствомъ этого товара онъ дѣлается господиномъ рынка. «Обладатель звонкой монеты — сказалъ очень вѣрно Прудонъ ⁽¹⁾ — похожъ на человѣка, у котораго во время игры въ рукахъ козырная мастъ».

Можно пожалуй сказать, что всѣ карты въ игрѣ могутъ быть козырями и слѣдовательно цѣнность ихъ всегда относительная; можно прибавить даже, что игра можетъ быть ведена только при обмѣнѣ всѣхъ картъ между собой; тѣмъ менѣе козырная мастъ возьметъ всегда другія масты и игра будетъ на стороне того, у кого будетъ въ рукахъ эта козырная мастъ. Деньги, какъ цѣнность неизмѣняющаяся, но разъ навсегда установленная, можетъ мѣняться въ одномъ мѣстѣ въ количество, т. е. что за одинаковую сумму денегъ можно получить одинъ разъ меньше, другой разъ больше товаровъ; но качество ихъ остается всегда неизмѣненнымъ, т. е. что онѣ тѣмъ менѣе остаются привилегированнымъ товаромъ, единственнымъ, который принимается при всякой уплатѣ. Положимъ на примѣръ, что хлѣбъ внезапно высоко поднимается въ цѣнѣ, а цѣнность денегъ падаетъ: слѣдуетъ ли изъ этого, что хлѣбъ заступитъ мѣсто денегъ, что онъ будетъ мѣриломъ другихъ товаровъ, что имъ можно будетъ уплачивать налогъ, ренты, ликвидировать всѣ дѣла? Конечно нѣтъ. Качество денегъ при повышеніи и при пониженіи курса на нихъ всегда останется неизмѣннымъ ⁽²⁾.

Эти простые, повседневныя понятія о деньгахъ, какъ исключительномъ орудіи мѣны, какъ цѣности разъ навсегда установленной, показались экономистамъ слишкомъ просты; они употребили всю свою софистику, чтобы доказать, что выводы, которые приписываютъ въ обществѣ обладанію денегъ, основаны единственно на народномъ предрасудкѣ, что звонкая монета есть обыкновенный товаръ, принятый за орудіе мѣны только потому, что она удобнѣе къ переноскѣ, болѣе рѣдка и наименѣе подвержена порчѣ. (См. памфлетъ г. Бастиа: «Проклятыя деньги».)

На этомъ смѣшеніи денегъ съ обыкновеннымъ товаромъ основана вся теорія свободной мѣны, которая, какъ мы сейчасъ увидимъ, есть рядъ очень ловкихъ, очень остроумныхъ софизмовъ, способныхъ увлечь всякаго, незнакомаго съ тайнами коммерческаго міра.

⁽¹⁾ «Système des contradictions économiques».

⁽²⁾ Мы ограничиваемся здѣсь изложеніемъ простыхъ предложеній. Въ одной изъ послѣдующихъ статей мы намѣрены подробно заняться вопросомъ о монетѣ, однимъ изъ самыхъ важныхъ и самыхъ неразрѣшенныхъ доселѣ вопросовъ въ экономической наукѣ.

Предположимъ въ время націю, которая безпрестанно покупаетъ всякаго рода товары и взаи́мъ ихъ отдастъ свои деньги. Что случится? Что часть капитала этой націи, заключающаяся въ звонкой монетѣ, перейдетъ за границу, и что для того, чтобы снова вернуть ее, она должна будетъ прибѣгать къ займамъ, т. е. закладывать свои другіе капиталы, землю, трудъ, ренту; другими словами — она будетъ продавать самой себя, чтобы существовать.

Экономисты на это возражаютъ, что такъ какъ звонкая монета сдѣлается рѣдка въ одной странѣ и изобильна въ другикъ, то послѣдуетъ отлить ее изъ страны продающей въ страну покупающую, что эта послѣдняя можетъ воспользоваться низкою цѣною денегъ и равновѣсіе такимъ образомъ возстановится.

Но подобное объясненіе просто смѣшно. Неужели деньги перейдутъ изъ одной страны въ другую даромъ? Понятно, что за нихъ должно будетъ платить процентъ, а страна, обремененная займами и ипотеками, непремѣнно стремится къ паденію.

Мы предположили по гипотезѣ, что страна все покупаетъ и ничего не продаетъ; на дѣлѣ такъ не бываетъ. Но сущность нисколько не мѣняется, если въ странѣ только часть привоза уравновѣшивается вывозомъ собственныхъ продуктовъ, а другая уплачивается звонкою монетою.

Если положимъ Россію получаетъ изъ Англіи товаровъ въ годъ на сто миліоновъ и отправляетъ своихъ собственныхъ на девяносто, это значитъ, что девяносто мил. англійскихъ товаровъ покрывается девятыю-стами мил. русскихъ, а излишекъ долженъ быть уплаченъ звонкой монетою. Ясно, что Россія каждый годъ будетъ терять десять мил. изъ своего капитала и должна будетъ подъ конецъ прибѣгать къ займамъ, всегда обременительнымъ и разорительнымъ. Но, возражаютъ, такъ какъ звонкая монета сдѣлается въ Россіи рѣдкою, то и лажъ на нее подымется, а слѣдовательно она устремится снова въ Россію изъ Англіи, гдѣ лажъ на нее вслѣдствіе изобилія упадетъ, и равновѣсіе такимъ образомъ снова возстановится. Но вопервыхъ, повторимъ еще разъ, звонкая монета не будетъ ввозиться въ Россію даромъ, а вторыхъ — на дѣлѣ бываетъ совершенно не такъ, какъ предполагаютъ экономисты. Подобно тому какъ сырые продукты изъ странъ, гдѣ они дешевы, стремятся въ страны, гдѣ они сравнительно дороже, но зато гдѣ они, обрабатываясь на фабрикахъ, приносятъ болѣе пользы, — такъ точно бываетъ и съ звонкой монетою. Изъ страны, гдѣ она рѣдка и лажъ на нее высокъ, гдѣ поэтому вслѣдствіе этого высокаго лажа самое обращеніе ея медленно и польза отъ нея незначительна, она стремится въ страны, гдѣ учетъ ниже, но зато обращеніе быстрое и

шоемъ гораздо больше. Доводятъ насъ этого слышать то, что вывезть съ сырыми продуктами звонкая монета встретится постоянно въ Россіи въ Англію, въ центръ фабричной и мануфактурной дѣятельности, хотя учетъ денежный въ Англіи въ три раза выше чѣмъ въ Россіи.

Въ противность всѣмъ этимъ фактамъ г. Бастиа (1) считаетъ доказать :

что протекціонная система, производя искусственную дороговизну въ первыхъ предметахъ потребленія, ведетъ прямо къ теоріи голода ;

что несправедливо, будто вышшая конкуренція можетъ убить трудъ въ странѣ, менѣе благопріятствующей ;

что напротивъ, при свободѣ торговли выгадывается та страна, которая находится относительно другой страны въ менѣе благопріятныхъ экономическихъ условіяхъ ;

что единственное средство уравнивать условія производства — это предоставить всѣмъ полную свободу ;

что лгва и Робертъ Огиль заслуживаютъ благодарность человечества за прииѣръ, который они подають другимъ народамъ.

Разсмотримъ вкратцѣ эти предложенія.

Что значить дешовизна сырыхъ продуктовъ, хлѣба, шерсти, льна, желѣза, каменнаго угля, о которой такъ хлопчутьъ англійскіе ораторы? Это значить уменьшеніе платы за трудъ земледѣльца, который за четверть хлѣба, за пудъ шерсти или льна получить гораздо меньше сукна, полотна и прочихъ оконченныхъ продуктовъ. Это значить уменьшеніе заденной платы фабричнаго работника, который за свой трудъ получить меньшее вознагражденіе. Это значитъ увеличеніе прибыли купца, капиталиста, фабриканта, который, экономизируя на жалованья работниковъ, уменьшаетъ издержки своего производства. Какимъ же образомъ увеличивается благосостояніе рабочаго класса? Оно напротивъ уменьшается, потому что за одну и ту же сумму товаровъ ему нужно будетъ заплатить большимъ количествомъ труда. Гдѣ положеніе рабочаго класса лучше: въ южной ли Россіи, гдѣ при дешовизнѣ сырыхъ продуктовъ заденная плата ничтожна, или въ Петербургѣ, гдѣ поденная плата высока, хотя хлѣбъ, говядина и прочіе продукты гораздо выше въ цѣнѣ? Прогрессъ общества именно въ томъ и состоитъ, чтобы приближать цѣны менше болѣе цѣнность сырыхъ продуктовъ къ цѣностямъ продуктовъ оконченныхъ ; тогда земледѣлецъ за четверть хлѣба получитъ больше сукна или полотна, а следовательно какъ трудъ,

(1) «Sophismes économiques», T. I.

вакъ и земли его подышутся съ цѣнності; тогда доля прибыли труда увеличится въ той пропорціи, съ какою доля прибыли капитала уменьшится; законная плата сдѣлается выше, а рента понизится. Все это такъ справедливо, что сами англійскіе экономисты признаются, что свобода торговли имѣетъ главною цѣлью уменьшать въ Англіи ваденную плату. «Вопросъ о безплатномъ ввозѣ въ Англію хлѣба сдѣлался совершенно вопросомъ о предложеніи дешеваго и обильнаго труда. Слѣдствіемъ умноженія хлѣбныхъ пошлей было сперва ихъ уравненіе и приближеніе величины законной платы нашей страны къ величинѣ платы на континентѣ, а затѣмъ возможное пониженіе ея, когда отношенія между предложеніемъ и спросомъ сдѣлають это возможнымъ и справедливымъ. Дѣтъ пятьдесятъ тому назадъ на западные берега нашего острова сдѣлаво было нашествіе полулунныхъ, полуварварскихъ, полуголодныхъ ораъ кельтовъ, которые своимъ притѣсненіемъ уменьшили сумму поддержки между англійскимъ населеніемъ и увеличили число преступленій, къ большому ущербу для доброй репутаціи націи. Но — продолжаетъ авторъ — обильное количество дешеваго труда, доставленнаго ими, имѣло несомнѣннымъ слѣдствіемъ то, что позволило нашей мануфактурной промышленности развиться до такой степени, до каковой она безъ нихъ никогда не могла бы достигнуть, и съ этимъ отношеніемъ они были для насъ полезны (!)». Самъ Робертъ Пиль сознается, что реформа хлѣбнаго закона имѣетъ ту цѣль, чтобы мы могли производить дешевле. Итакъ свобода торговли, уменьшая цѣнность сырыхъ продуктовъ, тѣмъ самымъ уменьшаетъ цѣнность самаго труда, а слѣдовательно и человека, а потому она не только не увеличиваетъ благосостояніи рабочаго класса, а напротивъ дѣлаетъ его еще худшимъ.

Далѣе г. Бастія утверждаетъ и доказываетъ, что при свободѣ торговли выигрываетъ непремѣнно та страна, которая находится въ менѣе благоприятныхъ условіяхъ.

Неразбирая сколько парадоксальнаго заключается въ этомъ положеніи и доказательствахъ, мы отвѣтимъ только слѣдующимъ:

«Виродженіи полулунна Ирландія поддериживала совершенно свободный торгъ съ богатѣйшею націею въ мірѣ; чтоже сдѣлалъ этотъ торгъ для Ирландіи? До сихъ поръ для многочисленнаго населенія ея не существуетъ другой работы кромѣ полевой. А между тѣмъ она легко могла имѣть другія разнообразныя и многочисленныя занятія. Будемъ ли мы прибѣгать къ старой клеветѣ, будто ирландцы лѣнивы и не хотятъ работать? Будто природа человѣческая въ Ир-

(¹) North, «British Review» 1852.

ланди́и явче устроена, чѣмъ въ другихъ странахъ? Развѣ правды не самый трудолюбивый народъ въ Лондонѣ и Нью-Йоркѣ? Развѣ они стоятъ по умственнымъ способностямъ выше другихъ народовъ? Мы, англичане, мы лично видели принадлежъ въ арміи, въ юстиціи, въ церквахъ, и знаемъ, что не можете быть лучшимъ и бо-
 лѣ разумнымъ гражданиномъ. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ ихъ на-
 сущныя потребности были удовлетворены. Предположите, что ан-
 гличанинъ производитъ свой хлѣбъ и пиво, свой ростбѣль и бѣ-
 стокъ на картофель и холодное мясо; который у него будетъ на-
 столько; чтобъ не умереть съ голоду. При такой дѣлѣ, думаете ли
 вы, что англичанинъ будетъ лучше прираща, этого желта, какъ вы
 его называете? Навѣрное нѣтъ. Бѣдность приращаеъ лучше свали-
 вать не на человеческую природу, а на превратное законодательство
 Англїи въ прошедшемъ и въ настоящемъ». (1)

Что́ всего больше приводитъ въ умленіе экономистовъ и г. Ба-
 стїа со стороны англїйскихъ лигистовъ, это то, что они провоз-
 глашаютъ у себя свободу торговли и не требуютъ никакой *взаимно-*
сти! Какъ вы подумаетъ, высокій примѣръ братской любви! «Можно
 ли себѣ вообразить—восклицаетъ г. Бастиа—чтобы столько усилїи,
 столько искренняго жару, столько жизни, столько согласїа, было
 употреблено на то, чтобы обмануть сосѣдніе народы и заставитьъ
 ихъ попасть въ ловушку? Я прочелъ болѣе трехсотъ рѣчей брато-
 ровъ лига, я прочелъ безчисленное множество газетъ и памфле-
 товъ, изданныхъ этимъ могущественнымъ обществомъ, — и могу
 утверждать, что нигдѣ не нашолъ ни одного слова, которое бы по-
 твердило подобное предположеніе, ни одного слова, которое бы по-
 казало, что въ вопросѣ о свободѣ торговли дѣло шло объ эксплуата-
 ціи всего міра англїйскимъ народомъ.» (2)

Дѣло въ томъ, что вѣроятно г. Бастиа читаетъ всѣ эти рѣчи, га-
 зеты и журналы подъ вліяніемъ предубѣжденїа: иначе, онъ замѣ-
 тилъ бы въ этой риторикѣ нѣчто такое, на что указываетъ неме-
 нѣе просвѣщенный экономистъ, г. Видалъ (3).

Эти журналы, эти памфлеты наполнены тою же злобою и злопа-
 манїемъ; они нагло противорѣчатъ другъ другу, хотя часто принадле-
 жатъ одному и тому же веру.

Обращаясь къ народу, лигисты говорятъ, они ираеъ на Адамъ
 Смита: свободный рынокъ хлѣба уменьшитъ цѣну на хлѣбъ и въ то-

(1) Bernard Byles, «Sophismes du libre échange».
 (2) «Cobden et la Ligue», Introd.
 (3) «Revue indépendante» 1845.

же время увеличить заданную плату вследствие значительного увеличения въ спросѣ мануфактурныхъ продуктовъ.

Говоря съ капиталистами: уменьшеніе въ цѣнѣхъ на мануфактурные припасы позволитъ намъ уменьшить заданную плату и увеличить нашу прибыль, увеличивая сбытъ... Если же работники сдѣлаются слишкомъ требовательны, то мы легко обойдемся и безъ нихъ при помощи машинъ и пара.

Обращаются ли они къ поземельнымъ собственникамъ, тутъ они уже опираются на Ринардо и силятся доказать, что торговля свободна, видите того чтобы уменьшить цѣны на англійскій хлѣбъ сообразно съ цѣнами заграничнаго хлѣба, напротивъ заставить подыматься цѣны заграничнаго хлѣба въ уровень съ англійскимъ...

Чтобы убѣдить фермеровъ, они говорятъ, что дѣла позастае не на нихъ, а на тѣхъ, которымъ пользуются монополией и берутъ налогъ съ голода, что въ тотъ день, когда свобода торговли будетъ провозглашена, парламентъ издастъ декретъ объ уменьшеніи дашевой цѣны земли...

Можно привести безчисленное множество такихъ противорѣчій, но факты еще лучше доказываютъ, чѣмъ всевозможныя рѣчи. До сихъ поръ свобода торговли привела только къ конечному разоренію тѣ страны, въ которыхъ она дѣйствовала, и послужила въ самой Англіи къ чрезмѣрному развитію капитала и пролетариата.

«Въ прошломъ году (1844)—сказалъ на банкетѣ одинъ работникъ — мы вывели нитокъ и тканей болѣе чѣмъ на 630 миліоновъ франковъ, а вотъ причина нашего благосостоянія. Но когда заграничные рынки закрываются для насъ, тогда наступаетъ пониженіе въ заданной платѣ... Между прядильщиками, пять работаютъ для иностранцевъ и только одинъ для внутренняго рынка, а ткачи фабрикують одинъ кусокъ для внутренняго употребленія противъ шести, назначенныхъ для заграничнаго рынка.»

Въ этомъ примѣрѣ формулируется вся экономія Великобританіи. Если населеніе ея равняется 22 миліонамъ, то ей нужно 132 мил. иностранцевъ, чтобы дать занятіе ткачамъ, и 100 мил., чтобы дать работу прядильщикамъ, и тоже самое бываетъ относительно другихъ англійскихъ промышленностей. Спрашивается послѣ этого, возможно ли подумать о какомъ-нибудь равновѣсіи въ мірѣ при такой ужасной непропорціональности?

Не будетъ слишкомъ утомляться эмпаирозическими мротовѣдями англійскихъ ораторовъ; не забудемъ, что во всѣхъ концахъ міра Англія начинала свое дѣло разрушенія и грабительства библами и миссіонерами.

Намъ остается сдѣлать еще одно и послѣднее замѣчаніе.

Новѣйшіе экономисты (исключая англійскихъ) и преимущественно Бастіа, возставая противъ протекціонной системы, возстаютъ здѣсь главнымъ образомъ противъ всякой правительственной регламентировки, противъ всякаго вмѣшательства правительства въ экономическія отношенія общества. Они руководствуются здѣсь исключительно демократическимъ принципомъ, и потому таможенъ, учрежденіе, имѣющее свой корень въ регальномъ и феодальномъ правѣ, является имъ естественною вещью ненавистною, противорѣчащею. Поэтому неудивительно, что во Франціи, гдѣ правительственная централизація достигла такихъ крайнихъ предѣловъ, почти вся демократическая пресса стала за свободу торговли, забывая даже свою старую ненависть къ своимъ дамашскимъ сосѣдямъ. Но желая избѣжать одного подводнаго камня, они попали на другой, гораздо болѣе опасный. Есть большая и существенная разница между централизаціей правительственной и централизаціей торговой. Правительство, король, желающій сосредоточить власть на своемъ лицѣ, налагаетъ на общество тяжелыя налоги, но за исключеніемъ цѣнница этихъ налоговъ и распределенія ихъ по своему благоусмотрѣнію, ему нѣтъ никакой выгоды останавливать движеніе въ обществѣ или препятствовать ассоціаціи между своими подданными. Совершенно напротивъ, для него желательно, чтобы трудъ ихъ былъ какъ можно болѣе производительенъ, потому что они тѣмъ легче будутъ нести свои казенныя повинности. Исключая нѣсколькихъ точекъ, гдѣ интересъ его противорѣчитъ интересамъ націи, во всемъ остальномъ онъ для своихъ личныхъ выгодъ долженъ съ своими подданными составлять одно нераздѣльное цѣлое.

Вотъ почему мы видимъ, что въ нѣкоторыхъ странахъ Европы, подчиненныхъ самому крайнему политическому деспотизму, экономическія отношенія несмотря на это принимали все болѣе и болѣе определенныя и раціональныя формы и матеріальное благосостояніе общества постоянно улучшалось.

Совершенно обратное мы видимъ въ централизаціи торговой: ея главная цель состоитъ въ томъ, чтобы остановить обращеніе въ обществѣ, между тѣмъ какъ въ политической централизаціи замедленіе въ обращеніи есть явленіе случайное. Купецъ старается держать населенія въ удаленіи, одни отъ другихъ; онъ создаетъ препятствія къ ихъ непосредственнымъ отношеніямъ, чтобы имѣть возможность таксировать въ свою пользу всѣ ихъ продукты.

Чѣмъ разнообразнѣе занятія между подданными, тѣмъ увеличивается богатство общества, тѣмъ казна государя дѣлается тоже богаче, а слѣдовательно и его могущество увеличивается.

Могущество же купца основывается на томъ, чтобы какъ можно уменьшить разнообразіе занятій у народа и тѣмъ воспрепятствовать проявленію у него высшихъ способностей и талантовъ; чѣмъ народъ невѣжественнѣе, чѣмъ онъ бѣднѣе, чѣмъ ближе приближается къ состоянію рабства, тѣмъ больше онъ нуждается въ услугахъ торговца. Изъ всѣхъ родовъ рабства самое мучительное, самое унизительное — то, которое налагаетъ на населеніе торговая централизація, разрушающая всюду цѣнность труда и почвы.

Поэтому экономисты демократической школы, желая довести вліяніе правительства до нуля, не замѣчаютъ того, что они подчиняютъ общество десиотизму торга и капитала, въ тысячу разъ болѣе ужасному, чѣмъ всякій другой деспотизмъ.

Въ одномъ мѣстѣ ⁽¹⁾ г. Бастиа выражается слѣдующимъ образомъ о назначеніи правительства: «Вы мнѣ вручили общественную силу. Я употребляю ее только тамъ, гдѣ позволено вмѣшательство силы, а это бываетъ только въ одномъ случаѣ — въ правосудіи. Я заставляю каждаго оставаться въ границахъ своихъ правъ. Пусть всякій изъ васъ трудится съ миромъ днемъ и спитъ спокойно ночью. Я беру на себя безопасность лицъ и собственности. Это мое назначеніе и я его исполню; другого же я не возьму на себя. Поэтому да не будетъ между нами больше недоразумѣній. Отнынѣ вы будете платить мнѣ легкую дань, необходимую для поддержанія порядка и справедливости. Но знайте, что отнынѣ же каждый изъ васъ самъ отвѣчаетъ за свое существованіе и совершенствованіе. Не обращайтесь безпрестанно своихъ взоровъ ко мнѣ. Не спрашивайте у меня ни богатства, ни работы, ни кредита, ни образованія, ни нравственности. Не забывайте, что двигатель, въ силу котораго вы развиваетесь, находится въ васъ самихъ; что же касается до меня, то я могу дѣйствовать только нравственнымъ вліяніемъ. У меня нѣтъ ничего, чего бы я не получилъ отъ васъ, и слѣдовательно не могу доставить ни малѣйшихъ выгодъ однимъ насчетъ другихъ. Итакъ обрабатывайте ваши поля, фабрикуйте и перевозите свои произведенія, торгуйте, кредитуйтесь, оказывайте и получайте свободно услуги, воспитывайте своихъ дѣтей, пріискивайте имъ карьеру, занимайтесь искусствами, развивайте свой разумъ, облагораживайте чувства, образуйте промышленныя или филантропическія ассоціаціи, соединяйте свои усилія для личнаго или общественнаго блага, повинуйтесь своимъ наклонностямъ, исполняйте свое назначеніе согласно вашимъ способностямъ, ведите въ видахъ, вашей предусмотрительности. Ждите отъ

(1) «Harmonies économiques».

меня только двухъ вещей : свободы и безопасности, и помните, что вы не можете требовать отъ меня третьей, подъ опасеніемъ попірать первыя двѣ.»

Читая эту красворѣчивую илилію въ экономическомъ духѣ, кажется, что читаешь отрывокъ изъ мечтаний утопистовъ, икарійцевъ, фаланстерянъ и прочихъ комунистовъ и социалистовъ, противъ которыхъ такъ ратовалъ самъ г. Бастіа.

Г. Бастіа не только въ своихъ сочиненіяхъ, но и во всей своей политической жизни является искреннимъ и честнымъ демократомъ. Но пропитанный англійскими экономическими теоріями, онъ всю жизнь искалъ какой-то призрачной свободы, и вмѣсто этой свободы проповѣдывалъ произволъ не политическій, а промышленный и торговый, что, какъ мы уже говорили, въ тысячу разъ хуже. Перечитывая его сочиненія, невозможно не удивляться гибкости и ловкости его діалектическихъ способностей, невозможно не уважать искренности, съ какой онъ искалъ истины и блага для общества. Но попавши разъ на дорогу ложной экономической теоріи, онъ потратилъ много силъ и таланта на софистику и защищалъ доктрину, противную интересамъ его націи и той свободы, которой онъ такъ искренно добивался.

ВЛАДИМИРЪ ФУКСЪ

ВЪ ПОЛѢ

(Ф. М. Достоевскому)

Дай тебѣ Боже, родная земля,
Мира, свободы, покою!
Какъ эти села, какъ эти поля
Крѣпко сроднились со мною!

Чудное утро за ночью дождливою!
Сѣрая тѣнь переходитъ за нивою,
Тучки плывутъ въ синевѣ —
И широко по травѣ
Тянется вѣтеръ струей благовонною
Въ рощу зеленую,
Дождичкомъ свѣжимъ омытую,
Солнечнымъ свѣтомъ залитую.

Дай тебѣ Боже, родная земля,
Дождичка, вѣдра въ поля,
И сохрани ихъ отъ града, отъ голода,
Жара сухого, да поздняго холода!..

Богъ вамъ на помощь, христовы работнички!
Глубже вамъ вспахивать пашенку черную,
Шире косою размахнуться проворною —
Будетъ большой урожай, —
Градъ не побьетъ, саранча не напустится...
Какъ все кругомъ зацвѣтетъ да распутится!
Знай увози—собирай!

Въ полдень ли жаркій, полуночью—ль тихую
Медомъ потянетъ отъ кашки съ гречишою,

Стануть хлѣба что стѣна,
И засквозятся что золото яркое
Стебли сухіе на солнышко жаркое,
И зашумять какъ волна.

Пѣсни по селамъ спокуются веселыя,
Стовомъ застанутъ телѣги тяжолыя —
Горы сноповъ повезутъ.
Все чѣмъ поля за труды ни поплотятся,
Все на току на сухомъ умолотится,
Все въ закрома покладутъ...

Дай тебѣ Боже, родная земля,
Мудрыхъ вожей и великихъ,
Чтобы не слышали эти поля
Криковъ проклятiя дикихъ,
Чтобы не лилась неповинная кровь,
Слезъ неутѣшныхъ не лилось —
Чтобы вѣковѣчно святая любовь
Въ грѣшныхъ сердцахъ воцарилась!

О. ВЕРГЪ

МЕЛОЧИ ВОЕННОГО БЫТА

СЦЕНЫ И ОЧЕРКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ РОТМИСТРА ТУКИНА

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЛКОВОЙ ЛѢТОПИСИ

-Разбери кто правъ, кто виноватъ, да
обоихъ и накажи.-

Пушкинъ (Кап. дочка).

ИДИЛЛИЯ И ВОСПОМНАНІЯ

I

Послѣ знойнаго іюльскаго дня наступалъ свѣжій, прохладный вечеръ, одинъ изъ тѣхъ чудесныхъ лѣтнихъ вечеровъ, которые такъ хороши бываютъ у насъ на югѣ. Выспавшись послѣ обѣда вадлежащимъ, положительнымъ образомъ, поручикъ Мухояровъ, по офицерскому лѣтнему обычаю, усѣлся на завалинкѣ своей деревенской квартиры, приказалъ денщику своему Кожемякѣ подавать самоваръ, прихватить сюда же бутылку съ ромомъ, и принялся пить жидовскій контрабандный чай съ такимъ же точно наслажденіемъ, какъ-будтобы это былъ настоящій какой-нибудь китайскій лянъ-синь или фу-чу-фу. Нѣсколько крестьянскихъ ребятешекъ, мальчиковъ и дѣвочекъ, босыхъ, немыхъ и растрепаныхъ въ одну минуту смѣло окружили Мухоярова. Онъ поласкалъ каждого, слегка ущипнувъ кого за щеку, кого за носъ, каждому далъ по куску сахару, послѣ чего вся ватага съ визгомъ и хохотомъ весело понеслась прочь, на рысяхъ, вдоль улицы. Хозяйскій песь, старый лохматый кундель, въ

свою очередь тоже довърчиво приблизился къ Мухоярову и дружелюбно махая хвостомъ , устремилъ на него меланхолическіе, потухшіе взоры. Мухояровъ и его поласкалъ , погладилъ вдоль спины, потрепалъ косматую его голову, пригласилъ знакомъ присѣсть около себя и далъ кусокъ бѣлаго хлѣба... Высокая, стройная, опрятная молодлица, съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ, быстро прошла мимо него, и вскинувши на него ясный, смѣлый взглядъ, промолвила: «добри вечеръ!» Мухояровъ отвѣтилъ ласковымъ и граціознымъ, достолюбезнымъ дамскому полу поклономъ... За нею медленно проплелся старый ея дѣдъ, обвѣшанный рыболовными сѣтями и вершами за плечами, съ корзиною свѣжихъ раковъ. Онъ тоже поклонился Мухоярову радушно, какъ короткому, доброму знакомому. — «Для пана ракивъ налапавъ, кушайте на здоровье!» промолвилъ онъ. Мухояровъ отвѣчалъ: «спасибѣ!» и показалъ на самоваръ. Дѣдъ отрицательно кивнулъ головой.

— Ну такъ горилки?

— Хе! хе! зашамкалъ дѣдъ. — Живой чоловікъ! сѣго можно!

— Ну и добре! Эй, Кожемяка! крикнулъ Мухояровъ деньщику своему, который, присѣвши на порогъ избы, покуривалъ свою трубочку-носогрѣйку. — Кожемяка! распорядись-ко! сказалъ онъ, подмигнувши глазомъ на дѣда. Кожемяка понялъ и ухмыльнулся, Мухояровъ тоже самодовольно улыбнулся.

Однимъ словомъ въ эти минуты Мухояровъ былъ именно въ томъ прекрасномъ, безмятежномъ расположеніи духа, которое испытываетъ болѣе или менѣе всякій смертный, которому удалось порядочно выспаться послѣ обѣда и который ктому же не обремененъ никакими особенными заботами, никакими житейскими горестями и печалами. Въ эти минуты Мухояровъ, словами польскаго поэта, могъ сказать себѣ:

Такъ ми lekko, takъ mi nic teraz nie trzeba! (1) Да и дѣйствительно на этотъ разъ Мухоярову ничего особеннаго надобно не было... Долговъ у него въ это время было не много, ревматизмами онъ не страдалъ, честолюбіемъ не мучился, влюбляться давно уже пересталъ, лошадей-верховыхъ имѣлъ двѣ, мундиры и вальтрапы новехоньки, одно сѣдло новое выписано отъ Вальтера — чего

(1) Такъ мнѣ легко, такъ ничего мнѣ теперь не нужно!

же, спрашивается, смертному, а покрайней мѣрѣ армейскому поручику, остается желать болѣе?

И Мухояровъ безотчетно предавался въ эти минуты отрадѣ бытія своего, съ наслажденіемъ вдыхалъ въ легкія свои волны свѣжаго животворнаго воздуха, весь отдаваясь созерцавію окружающей его природы. Надъ головой его въ воздушномъ пространствѣ рѣяли стрижи и ласточки, то молніей падая съ высоты внизъ, то снова взвиваясь и пропадая въ поднебесной синевѣ, оглашая окрестность пронзительнымъ пискомъ; гдѣ-то тамъ, почти подъ самыми облаками, кружилось нѣсколько аистовъ, описывая широкіе, правильные вольты, на неподвижныхъ крылахъ; грустный окликъ журавлей, невидимыхъ взгляду, звенѣлъ съ вышины... Мухояровъ закинулъ голову назадъ и долго долго слѣдилъ взоромъ и за быстрымъ, судорожнымъ полетомъ стрижей и ласточекъ, и за воздушной вечерней прогулкой аистовъ, прислушивался къ крику журавлей, смотрѣлъ такъ долго, что у него даже заболѣла шея, зарябило въ глазахъ. Онъ захотѣлъ дать отдохнуть взгляду своему и устремилъ его впередъ — и снова, снова засмотрѣлся надолго... Прямо передъ глазами его далеко впередъ раскидывалась синѣющая равнина, слегка освѣщенная оранжевыми лучами заходящаго солнца; влѣво, взвиваясь исполинскимъ змѣемъ, ярко блестѣлъ свѣтлосиними волнами Бугъ, окаймленный то громадными, почернѣвшими скалами волканическаго происхожденія, то густыми порослями камыша и очерета, дробясь о нагроможденные на днѣ его пороги, донося до слуха Мухоярова неясный шумъ и рокотъ волнѣ. Вправо на далекомъ горизонтѣ рисовался гребень горъ...

И Мухоярову вспомнились неволью иныя ландшафты, иныя горы, правда родственныя этимъ блѣдно-лиловымъ холмамъ, которые грядою тянулись передъ глазами его въ эти минуты, но горы болѣе величественныя и живописныя, болѣе грандіозныя, покрытыя снѣгами вѣковѣчными, вершинами уходящія въ небо, дикія, прорытыя бурными потоками, нагроможденные одна на другую, перерѣзанныя пропастями, то мрачныя, почернѣвшія и бесплодныя, то блистающія всевозможными цвѣтами радуги, убранныя роскошною растительностью дѣвственныхъ буковыхъ лѣсовъ, то охваченныя грознымъ дыханіемъ бури, то облитыя золотымъ сіяніемъ дня и лучами полуденнаго солнца... Припомнилось Мухоярову, какъ проходилъ онъ нѣкогда горы эти, ведя

строевого коня своего за поводъ по скользкой, каменистой, кремнями усѣянной и висящей надъ пропастью дорогѣ, то взбираясь на крутизны и цѣпляясь за каждый камушекъ, то съ замираніемъ сердца, съ трепетомъ во всемъ тѣлѣ спускаясь внизъ, скользя и падая, увлекаемый конемъ своимъ.

И цѣлая, длинная исторія связана была у Мухоярова съ воспоминаніемъ этимъ. Подвигаясь шагъ за шагомъ въ глубь Венгріи, онъ оставлялъ тогда позади себя, за рубежомъ Карпатовъ, лучшую часть своего сердца; онъ уносилъ въ оны дни въ душѣ своей любовь, а на груди, какъ слѣдуетъ, локонъ волосъ. Мухояровъ былъ тогда еще очень молодъ и очень влюбленъ, — влюбленъ такъ, какъ только могутъ влюбляться корнеты, и то армейскіе, да развѣ-развѣ молодые поручики, и какъ уже не могутъ влюбляться поручики старые, закоснѣвшіе и засидѣвшіеся въ своихъ неблагодарныхъ чинахъ, поручики, погружающіеся лишь въ соображенія объ уплатѣ долговъ своихъ, посвящающіе себя всецѣло одному лишь ералашу, безжалостно подавляющіе въ себѣ всякіе нѣжные порывы, всякія корнетскія увлеченія. Да чего въ самомъ дѣлѣ и ждать отъ этихъ мрачныхъ ипохондриковъ, у которыхъ одна мечта — вакансія, одно вождельніе — чинъ штабсъ-ротмистра, одно наслажденіе — ералашъ?..

Прошли годы. Мухояровъ, какъ и всѣ заплатилъ дань времени, какъ и многіе охладѣлъ и почерствѣлъ душою среди тѣхъ условій, изъ которыхъ слагается жизнь армейская, — сталъ старымъ поручикомъ. Такъ-называемый горькій опытъ жизни успѣлъ уже многое изгладить изъ его романтическихъ наклонностей, но какъ человѣкъ никогда не властенъ вполне надъ своимъ прошедшимъ, потомучто полного забвенія прошедшаго ему не дано, то и Мухояровъ, подъ вліяніемъ воспоминаній своихъ, порою невольно обращался къ своему далекому прошедшему. Такъ и на этотъ разъ оно оживло, повторилось въ его памяти со всѣми мельчайшими, неувидимыми подробностями.

Вспомнилъ онъ уютный, скромный, бѣленькій домикъ, весело улыбавшійся изъ тѣни акацій и густо разросшихся кустовъ бузины и сирени, «чертогъ, гдѣ жила его драгая»; вспомнилъ садъ тѣнистый, пѣсни соловья въ вечерній часъ, «звукъ унылый фортепяна» разлававшійся вдали, и сладкую, сочную, спѣлую малину со сливками; вспомнилъ страстный, нѣжный шопоть, и пер-

вый сорванный съ устъ богини своей невинный подблуд... Образъ нѣкогда драгоценной женщины, спасшей Мухоморова отъ нравственнаго паденія и своимъ вліяніемъ очистившей существо его отъ грязи страстей армейскихъ, заставившей бѣжать его отъ Ваха и Киприды... Образъ этотъ, окруженный ореоломъ любви, снова какъ живой предсталъ (какъ говорятъ поэты) предъ духовными очами его, и онъ почти вслухъ заговорилъ стихами Пушкина :

..... Мало было
 Въ ней истинно прекраснаго. Глаза,
 Одни глаза да взглядъ. Такого взгляда
 Ужъ никогда я не встрѣчалъ! А голосъ
 У ней былъ тихъ и слабъ, какъ у больной,
 А мужъ у ней былъ негодилъ суровый.
 Бѣдная Инеса!

Такъ декламировалъ Мухоморовъ, хотя съ чувствомъ, но безъ боли сердца, безъ горечи. Онъ давно уже понималъ, что къ прошлому нѣтъ уже возврата. Ктому же на долю его выпало завидное счастье, которое судьба посылаетъ не многимъ: его совѣсть была чиста. Достаточная доля романтизма и въ нѣкоторомъ родѣ рыцарскія правила спасли его, не позволили ему дойти до послѣдней катастрофы любви. А однакожъ много было во всей этой исторіи и тревогъ, и страсти, и ревности, былъ другъ-соперникъ, былъ мужъ-разлучникъ, однимъ словомъ было много всякой всячины, всего того, что называется драмою.

Но поручикъ Мухоморовъ побѣдоносно вышелъ изъ всей этой катавасіи, благополучно проплылъ между Спялою дружбы и Харябдою любви; мало того, онъ благородно вывелъ изъ борьбы и ее, бѣдную Инесу, невинною какъ голубица...

О свѣтлое, небесное воспоминаніе!.. Лучъ зарницы, освѣщающій мрачный и грязный, тиною болотною покрытый жизненный путь!..

И поручикъ Мухоморовъ умилился духомъ при этомъ воспоминаніи... и подлилъ рому въ стаканъ съ чаемъ... и выпилъ... И поднялъ опять высоко голову свою, и снова устремилъ голубые глаза свои на небо...

II

Поручикъ Мухояровъ, отчасти романтикъ и фантазеръ, есть въ некоторомъ образѣ герой подлежащей исторійки. Герой онъ казѣбра небольшого, и исторійка не очень размахистая, небогатая ни фактами, ни глубиною содержания, и только по обязанности своей мы заносимъ ее на страницы скромной лѣтописи вашей, и то въ видѣ возможно сокращенномъ.

До генеалогіи Мухоярова намъ нѣтъ рѣшительно никакой надобности. Не все-ль равно для насъ откуда онъ — изъ Крыма или Казани? Начто намъ знать кто были его предки? Скажемъ только то что по крайнему разумѣнію нашему необходимо.

Въ то время, когда начинается рассказъ нашъ, ему было трицать лѣтъ. Въ наружности его не было ничего особеннаго: онъ былъ блондинъ, сангвиникъ, съ тѣмъ характеристическимъ оттѣнкомъ въ физиономіи, который всегда служитъ признакомъ энергіи, впечатлительности и подвижности характера и наконецъ вспыльчивости темперамента, — оттѣнкомъ, котораго не изглаживаютъ даже годы. Онъ былъ невеликъ ростомъ, худощавъ, быстръ въ движеніяхъ, ловокъ какъ кошка. Слабый отъ природы организмъ его окрѣпъ, закалился среди всегдашней почти жизни на открытомъ воздухѣ, отъ постоянной физической дѣятельности, требуемой родомъ его службы. Онъ былъ славный товарищъ, любимый въ полку, истинный членъ той среды, въ которую бросила его судьба, усвоившій вполнѣ всѣ ея взгляды, всѣ ея убѣжденія, пропитавшійся до мозга костей ея правилами, ея понятіями, ея предрасудками. Небудучи связанъ отношеніями семейными, потомучто былъ совершенный сирота, покончивши расчетъ съ увлеченіями сердечными, онъ весь запасъ чувствъ, которымъ довольно щедро надѣлила его природа, обратилъ на кружокъ своихъ товарищей, на ту семью, которая приняла его въ свои нѣдра. Полкъ замѣнилъ ему все: родину, семейство, — и за предѣлами полка онъ другого міра не видѣлъ, не хотѣлъ видѣть.

Въ этомъ отношеніи впрочемъ Мухояровъ не есть типъ единственный въ своемъ родѣ, и такого точно сорта романтики въ полкахъ нашихъ встрѣчаются не рѣдко... Долгіе годы жизни

этихъ своего рода аскетовъ проходить вдали ото всего, что называется свѣтомъ; во многомъ жизнь ихъ похожа на жизнь членовъ монашескихъ общинъ, потомучто и въ самомъ дѣлѣ чтоже такое наши военныя корпораціи съ своими исключительными взглядами на вещи, съ своими уставами и обычаями, съ своими преданіями, освященными временемъ, по своему наконецъ изолированному положенію, какъ не монашескія общины, отчужденныя отъ свѣта... А однакожь и въ этой замкнутой, изолированной своеобразной жизни есть своя нравственная, духовная дѣятельность, свои идилліи и свои драмы, совершаются факты, нелитературные общаго смысла, являются характеры, типы, достойные наблюденія.

Всѣхъ ближе изъ сонма товарищей Мухоярову по душѣ былъ нѣкто Зарудный, другъ-соперникъ нѣкогда по любви къ Инесѣ. Дружба ихъ началась въ самую отдаленную эпоху, въ золотое время самой ранней молодости, еще во времена ихъ юнкерства, такъ-сказать въ медовые мѣсяцы ихъ *служебной дѣятельности*. Они сошлись и сблизились, какъ это часто бываетъ въ военномъ быту, не влѣдствіе какихъ-нибудь особыхъ расчетовъ и соображеній, а единственно благодаря обстоятельствамъ да судьбѣ, которая никогда почти ихъ не разлучала, и вообще, если только можно такъ сказать, строю жизни армейской. вмѣстѣ въ одномъ эскадронѣ они служили юнкерами, вмѣстѣ потомъ въ одинъ и тотъ же полкъ были произведены въ офицеры, вмѣстѣ были влюблены въ бѣдную Инесу. Причины самыя пустыя, повидному самыя ничтожныя, превратили обыкновенныя товарищескія отношенія ихъ, въ дружбу, затянули дружбу эту въ крѣпкій, неразрывный узелъ, хотя съ другой стороны однакожь во взаимной привязанности ихъ не было ничего приторнаго, ничего сантиментальнаго, ничего такъ-сказать бабьяго, какъ бы безъ сомнѣнія выразился незабвенный нашъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, то-есть именно самаго непріятнаго...

Сидя на своей завалинкѣ, Мухояровъ задумался и объ этомъ Зарудномъ, который въ настоящую минуту былъ далеко... Съ годъ какъ онъ уже проживалъ въ Петербургѣ, въ отпуску у своихъ родныхъ. Съ мыслью о Зарудномъ невольно пришло на память Мухоярову одно превздорное, преничтожительнѣйшее об-

стоятельство изъ его юнкерской жизни. Онъ вспомнилъ, что въ первый разъ онъ сошелся съ нимъ на болѣе короткую погу подъ липою, которая росла около манежа, и подъ которую оба они за наказаніе были поставлены на часы.

Но здѣсь мы чувствуемъ сами непреодолимое желаніе перенестись мыслью вмѣстѣ съ Мухояровымъ въ это далекое прошлое, къ этимъ медовымъ мѣсяцамъ служебной юнкерской дѣятельности... Маленькое отступленіе не можетъ много помѣшать нашей исторіи, а между тѣмъ пробуждаетъ въ насъ воспоминавія можетъ—быть несовсѣмъ чуждыя и инымъ сынамъ Марса.

Вотъ грезится Мухоярову та далекая пора, когда исполняются самыя горячія, самыя радужныя отроческія мечты его... Онъ бросаетъ скучныя книги и тетради, передаетъ всеожженію всѣхъ этихъ Аннибаловъ, всѣхъ этихъ Цезарей, всѣхъ этихъ Саллюстіевъ, всѣхъ Гомеровъ, всѣ эти тропы и фигуры, всѣ эти синусы и косинусы, всѣ эти логарифмы, всю эту школьную, для наслажденія жизнью непригодную дребедень, поетъ въ послѣдній разъ екорбную, бывшую въ его время въ ходу гимназическую пѣснь:

Ахъ, почтоже я семь лѣтъ
 Посреди толикихъ бѣдъ
 Обращался?
 И ньютоновъ я биномъ
 Разрѣшать на дскѣ мѣлкомъ
 Изошрялся?
 Хрестоматіи нѣмецки,
 Письмена латински, грецки
 Гм! переводилъ я?
 Солнца свѣтъ дробилъ я въ призмы
 И различны силлогизмы,
 Гм! выводилъ я?

и затѣмъ поступаетъ на службу юнкеромъ, поступаетъ конечно точно такъ, какъ поступала въ былыя времена большая часть молодыхъ людей, то—есть безъ всякой опредѣленной цѣли, безъ всякаго понятія о значеніи избираемаго поприща, увлекаясь только красотою мундира да звяканьемъ шпоръ и сабли. Ему кажется, что служба состоитъ именно въ томъ только, чтобы вѣчно пеголять въ этомъ красивомъ мундирѣ, задавать имъ шакъ, покорять его обаяніемъ дамскія сердца; ему кажется, что вся жизнь его должна протекать въ «эмпиреяхъ», какъ выра-

жается прапорщикъ въ письмѣ къ пріятелю, которое распечатываетъ любопытный почтмейстеръ въ «Ревизорѣ». Но увы! почти на первыхъ же порахъ эти фантастическія, эти наивныя мечты его разлетаются словно дымъ. Его гонять въ караулъ, гдѣ онъ чуть не задыхается въ сирадной и удушливой, пропитанной наркотическимъ запахомъ махорки атмосферѣ, его сажаютъ подъ арестъ за каждый неловко *отбитый* темпъ, за каждый неискусно сдѣланный поворотъ въ манежѣ, и — о ужасъ! снова заставляютъ зубрить!.. зубрить уставъ, правила аванпостной службы... наконецъ даже заставляютъ... пѣть!

— Извольте-съ, г. Мухоморовъ, спѣть сигналъ: *въ галопъ!* говорить ему.

Ну, въ галопъ! въ поводиа конь,

И шенкель ему въ бокъ!

Сбирайся, конь, совсѣмъ въ клубокъ!

затягиваетъ Мухоморовъ, но конфузится, краснѣетъ, фальшивитъ ужаснѣйшимъ образомъ и наконецъ совсѣмъ обрывается... Боже, что за мотивъ! Любой итальянецъ задохнется...

— Фальшивъ!

Но, боже правый! чѣмъ же пѣть, когда голоеу нѣтъ?

— Позвольте просвистать? заикается Мухоморовъ.

И снявши фуражку, вытянувшись въ струнку, какъ требуетъ субординація, онъ свищетъ, свищетъ, свищетъ передъ экзаминаторомъ.

Такъ проходятъ почти два года среди лишеній всякаго рода, безъ всякаго комфорта, потомучто Мухоморовъ, какъ и всѣ, скитается по деревнямъ, живетъ по курнымъ избамъ, задыхаясь отъ запаху кауусты и бураковъ, среди копоти, грязи и прусаковъ, и только къ концу второго года отправляютъ его въ дивизионную команду, гдѣ въ былыя времена юнкеръ долженствовалъ изучитъ всѣ тонкости ружейныхъ пріемовъ и маршировки, постичь всѣ таинства манежной верховой ѣзды, получить однимъ словомъ окончательную дрессировку, *militärische Dressur*, какъ говорится въ прусскомъ уставѣ о воинской службѣ, чтобы наконецъ быть удостоеннымъ производства въ офицеры. Определенный закономъ срокъ для выслуги въ юнкерскомъ званіи въ тѣ времена не значилъ ничего: вождѣнный для юнкера моментъ представленія къ производству зависѣлъ сколько отъ степени знанія службы имъ, столько же, и даже всего чаще, отъ воли началь-

ства. Муки Тантала испытывалъ бывало бѣдный юнкеръ, *нижній чинъ*, въ оны дни, волнуемый ожиданіями, тревожимый сомнѣніями...

Мухояровъ вспомнилъ это тяжелое время, вспомнилъ жизнь свою въ казармахъ, нѣчто похожее на жизнь въ пансіонѣ гимназіи... Какъ въ пансіонѣ, рядкомъ стоятъ кровати; какъ въ пансіонѣ, въ известное время должны всѣ ложиться спать; какъ въ пансіонѣ, должны вставать очень, очень рано. Правда, здѣсь нѣтъ колокольчика, но точно такъ же на зарѣ утренней, когда спится такъ сладко, и такъ сладко, какъ только можетъ спаться лишь въ молодые, юношескіе годы, раздается грубый, назойливый необразованный голосъ: «Господа, вставать! господа, вставать! Вставать, господа! вставать, господа! Вста-а-вать! Вставать! На учење пора! на учење пора! Вста-а-а-вать!»

Господи! что за противный голосъ у этого Голубця! Какъ безцеремонно, какъ начальнически покрикиваетъ этотъ усатый вахмистръ, этотъ професоръ маршировки и приѣмовъ ружейныхъ, стражъ и аргусть нравственности юнкерскѣй!

Но и чай еще не готовъ. Юнкерская прислуга, имѣющая свое *locum stabile* въ другой казармѣ, еще нѣжится въ объятіяхъ сна, утомленная ночными схватками въ трышку, въ фильки и въ подкаретную, а между тѣмъ время бѣжить быстро, очень быстро.

— Господа, господа! выѣзди!.. снова раздается голосъ вахмистра, съ сильнымъ малороссійскимъ акцентомъ и натискомъ на о.

Успѣвши или не успѣвши проглотить наскоро стаканъ чаю и судорожно затаившись трубкою, всѣ спѣшатъ на сборный пунктъ, звякая тяжелыми солдатскими саблями, отягченные бременемъ панталеровъ съ карабинами, перевязей съ подсумками, въ тяжелыхъ солдатскихъ киверахъ. Сѣвши на коней, вся команда со страхомъ и трепетомъ ожидаетъ въ мапежѣ главнаго своего наставника.

-- Смиррррно! ровняйся! полковникъ иде! вскрикиваетъ Голубецъ

О какъ невѣроятно обтягиваются у всѣхъ каблуки книзу! Какъ усердно, какъ благонамѣренно вытягиваются физиономіи, какъ напряженно-туго, какъ добросовѣстно подбираются поводья!

... Смирно-съ! произносить наставникъ низкимъ басовымъ органомъ. — Извольте-съ, господа, взять посадку... плечи-съ развернуть... каблучки-съ обтянуть... поводья-съ подобрать.

— Справа-съ по-одному, на двѣ лошади дистанціи, шагомъ, первый номеръ, — маршъ!

Начинается ѣзда. Съ математической точностью размѣренъ каждый шагъ лошади, каждый малѣйшій поворотъ, каждая полуодержка. Мѣрно, стройно, какъ машина, какъ одно цѣлое движется смѣна.

— Ррысью! Ма-а-аршъ! командуетъ наставникъ своимъ благодушнымъ басомъ.

Подъ усиленнымъ дѣйствіемъ шенкелей, сытые коня, громко фыркая, горячо идутъ рысью, подобравъ крутыя шеи и высоко работая ногами, такъ что земля дрожитъ подъ мѣрнымъ топотомъ копытъ ихъ.

— Разъ-разъ-разъ-разъ, тропь-тропь-тропь-тропь! (1) договариваетъ наставникъ, выбивая тактъ рукою по своей ляжкѣ, и легкая улыбка играетъ на устахъ, сквозь черныя лѣсъ усовъ и бакенбардъ его; въ сѣрыхъ орлиныхъ глазахъ его искрится радостное чувство.

— Музыка-съ, своего рода музыка-съ! шепчетъ онъ про-себя, внимательно слѣдя за ходомъ смѣны. — Разъ-разъ-разъ-разъ! Вольты направо! вольты налево! Напра-во, на-задъ! раздается звучно уже басъ его, потрясая стѣны манежа.

Но чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Вотъ уже одинъ потерялъ дистанцію, а за нимъ и другой. Здѣсь кто-то успѣшилъ сдѣлать вольтъ, а тамъ опоздалъ. У этого лошадь не подается впередъ, уходитъ отъ повода, а тотъ совсѣмъ выпустилъ поводья изъ рукъ, нагнавъ товаришу на хвостъ, и за-сѣкъ ему коня.

— Стооооой! вскрикиваетъ наставникъ.

«*Ко миль*!»! думаетъ съ трепетомъ каждый, потому что ни у одного почти совѣсть не чиста.

— Какой-съ вы губерніи? спрашиваетъ наставникъ, обращаясь къ кому-нибудь изъ виновниковъ преступленія.

— Такой-то, г. полковникъ.

(1) Trot — рысь.

— Страшно-сь! замѣчаетъ наставникъ: — губернія эта какъ извѣстно изобилуетъ многими хорошими предметами, производитъ отличный хлѣбъ, отменный скотъ, и... гм!.. такихъ-сь неспособныхъ людей! (forte) Извольте взять дистанцію-сь!.. Довольно-сь!

— Смѣна, маршъ!.. Больше рысь! больше рысь! разъ-разъ-разъ-разъ! Тропъ-тропъ-тропъ-тропъ, тро-о-опъ!..

— Мухояровъ-сь! вы-сь что опаздываете? Вотъ и дистанцію потеряли!.. О чемъ-сь вы думаете, спрашивается?.. Гм! въ какихъ предѣлахъ блуждаетъ мысль ваша? Разъ-разъ-разъ-ра-а-азъ!.. Какіе государственные вопросы рѣшаете вы въ настоящую минуту? Разъ-разъ-разъ!.. Министрамъ-сь это предоставьте! Разъ-разъ-разъ, тропъ-тропъ-тропъ!.. А сами покажите углубитесь и мыслю вашу, и корпусомъ вашимъ въ сѣдло!..

— Ша-гомъ! Облегчить поводья, взять дистанции, оправиться!

(Слѣдуетъ пауза.)

— Помните-же, господа, что я вамъ говорилъ о галопѣ. Цавцо-сь, спокойно поднять лошадей! Не какъ-нибудь, а съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой! Сперва повернуть нѣсколько передъ лошадей къ барьеру, внутренней поводъ взять къ себѣ, толкнуть наружнымъ шенкелемъ въ бокъ лошади, и въ то время когда лошадь поднимается, дать нѣсколько воли; подчлѣдъ — опять сейчасъ поводья на себя! Ноги-сь на подборъ, аснѣ — каблукъ къ низу, плечи развернуть, костей не выворачивать. Кажется-сь понятно?..

— Га-лопъ! Ма-а-аршъ! Ра-азъ! ра-азъ! ра-азъ!..

— Стоооодій!

Наставникъ язвительнѣйшимъ образомъ усмѣхается.

— А что, знаете-ли-сь вы русскую грамоту? спрашиваетъ отецъ, подходя къ какому-нибудь трепещущему субъекту, положимъ хоть къ Зарудному.

Молчаніе.

— Я васъ спрашиваю, знаете-ли вы русскую грамоту?

— Что, спрашивается, отвѣчать на подобный вопросъ?

— Знаю, г. полковникъ.

— Сомнительно-сь! грамотѣ выучиться труднѣе, нежели понять, какъ поднимается лошадь въ галопъ. Да извольте-сь взять

правый поводъ къ себѣ! вскрикиваетъ наставникъ, облавая жертву свою взглядомъ горячимъ, какъ кипятокъ. — Вахмистръ! подъ арестъ его!

Мало-помалу crescendo, горячность наставника доходить до крайнихъ предѣловъ. Испуганныя крикомъ его лошади начинаютъ бѣситься, ѣздоки конфузятся и теряются, и ѣзда принимаетъ самый возмутительный характеръ, начинаетъ представлять самое безобразное зрѣлище, какую-то толкотню, противную и взгляду и эстетическому чувству истиннаго кавалериста. Художникъ и артистъ на дѣлѣ, на практикѣ, поэтъ верховой ѣзды въ душѣ, наставникъ не въ силахъ долѣе переносить гнусной картины, профанирующей искусство. *Редонъ* зарѣзываетъ его въ копецъ.

— Всѣхъ подъ арестъ! въ манежъ! подъ замокъ! — И наставникъ быстро ухлито къ себѣ на квартиру, возмущенный, потрясенный до глубины души.

Такъ проходятъ дни за днями года полтора еще. Какъ и прочіе, Мухояровъ отъ времени до времени сажается подъ арестъ, и для разнообразія — то въ казармѣ солдатской, то въ манежѣ, то для вящаго позора и въ назиданіе прочимъ въ лошадиномъ стойлѣ. Иногда сидитъ онъ одинъ, такъ-сказать изолируется, иногда въ избранномъ обществѣ, иногда цѣлая команда юнкеровъ запирается на весь день въ манежъ подъ замокъ. Въ особыхъ случаяхъ Мухояровъ деградируется и переводится въ «звѣринецъ», иносказательно — въ слабѣйшую смѣну по успѣхамъ въ ѣздѣ. Но всѣхъ чаще дѣлится участь эту съ Мухояровымъ Зарудный. Самъ острякъ-наставникъ прозвалъ ихъ «закадыками».

Въ одинъ изъ такихъ плачевныхъ дней, когда вся почти команда en masse сидѣла подъ арестомъ въ манежѣ, задыхаясь отъ страшной жары и духоты, совершилось наконецъ для узниковъ капитальнѣйшее и вождѣльнѣйшее событіе. Когда подъ вечеръ мѣстное общество собралось на городскомъ плацѣ, послушать игравшихъ тутъ же трубачей, произошло слѣдующее: мимо плаца, на карьерѣ, съ быстротою молніи пронесся сперва во весь духъ извѣстный цѣлому городу портной Мошка Перецъ; за нимъ слѣдомъ пролетѣлъ, какъ мечта, какъ сновидѣніе, другой портной, соперникъ Перца, жидъ Берко Маламетъ. За этимъ авангардомъ неслась съ развѣвающимися пейзами, помп-

нотно теряя свои шлепанцы, еще тогда, издавая на бѣгу какіе-то персяны, неопредѣленные, пронзительные клики.

— Что случилось? Co to jest? Не пожаръ ли?.. Ach Jezus! Вустъ-нѣтъ? раздалось въ свою очередь въ толпѣ гуляющихъ. — Гевальт! подхватили жидки за барьеромъ плаца. Самъ городничій, который находился тутъ же, бросился въ погоню за бѣгущими. Въ его пылкомъ, наметанномъ воображеніи мигомъ успѣло уже зародиться и сформироваться нѣсколько идей: самаго разнообразнаго, самаго цикавнатоу свойства.

Между тѣмъ Мошка Перецъ продолжалъ летѣть какъ стрѣла. Онъ первый достигъ цѣли, и со всего размаха ударился пулатками въ дверь манежа.

— Панове! шановни панове! Веньшуе! Прогзгавимъ! Авашеъ паномъ вишелъ! вскричалъ онъ судорожно. — Выирки панове, офицари терась! Допкоро цомъ на почцѣ биль! Самъ почтмайстеръ провъдалъ! Аввалидъ пршишелъ! Зъ Петербургу!.. Подъ хайрми!.. На мое слово! Далибугъ!.. То я! я!.. Крапанъ!.. Мовше Пегрцъ!.. Я паномъ муцдурн шять бандѣ! Я первый пршилецаля!.. Нехъ панове бандон' ласкави!.. Нехъ жиюн'!

Перецъ кричалъ, стучалъ кулаками въ дверь, задыхался... Потъ лился съ него градомъ, ермолка слѣзла на одно ухо, волосы стояли дыбомъ. Берко Маламетъ вторилъ ему съ такимъ же восторгомъ, съ такимъ же авартомъ, такъ же задыхался.

Слустая четверть часа самъ наставникъ съ сияющимъ лицомъ, веселый и радостный прискакалъ верхомъ объявить заключеннымъ восхитительную новость. Онъ шѣловалъ и прижималъ къ богатырякой груди своей счастливую молодежь.

— Мужояромъ! Заруцнй! говорилъ онъ между прочимъ, пожимая имъ обомъ въ одно и тоже время руки. — Я нарочно хлопоталъ, чтобы васъ произвели въ одинъ и тотъ же полкъ. Я вѣдь знаю, что вы закадыши! Я всегда любилъ васъ искренно-съ!.. И вы всё, господа, — продолжалъ онъ, обращаясь къ прочимъ, — забудьте-съ мою тиранию съ вами! Народъ-съ вы безпardonный. Иначе съ вами поступать нельзя было-съ! Строгъ я съ вами былъ для вашей же пользы. Покрайней-мѣрѣ теперь будете полковными, старшими свое дѣло офицерами. Всякій обязанъ любить ремесло свое и ахать его въ совершенствѣ. На-дѣюсь, что я совѣстиво исполнить все что отъ меня требова-

.....

Долго ликовала счастливая молодежь... Ликовала кондитерская, ликовалъ трактиръ, ликовалъ и Перэцъ, и Малашегъ, ликовали Рожли, Суры, Абрамки, Фрейды, Шмули, ликовалъ цѣлый городъ...

Съ этой счастливой минуты началась для Мухоморова и Заруднаго жизнь ежели не вполне независимая, то по крайней мѣрѣ все-таки болѣе самостоятельная. Въ новомъ полку ихъ приняли радушно и скоро полюбили. Они зажили вмѣстѣ, завели общее хозяйство, стали вмѣстѣ понтировать, вмѣстѣ закладывать банкъ, однимъ словомъ стали немислимы одинъ безъ другого. Не споткнулась дружба эта и тогда, когда прихотливой судьбѣ угодно было бросить ихъ въ бездну почти безысходную, поставить лицомъ къ лицу передъ одной и той же женщиной. Невозмутимо, безъ ссоръ, безъ разговорокъ прошло десять лѣтъ. Наконецъ Зарудный уѣхалъ въ Петербургъ.

III

А Мухоморовъ сидѣлъ на своей завалникѣ и все думалъ, думалъ... Много кой-чего припомнилось ему, много повторилось разныхъ событій — и серьезныхъ, и неважныхъ — въ его памяти, много проселось передъ нимъ знакомыхъ образовъ. Вспомнилъ онъ какъ когда-то, очень давно, въ Литвѣ, на медвѣжьей охотѣ, самъ незная какъ это случилось, закололъ медвѣдя. Дѣло было такъ: Зарудный промахнулся по звѣрю, и тотъ бросился на него. Черезъ минуту онъ можетъ-быть сорвалъ бы съ него черепъ. Мухоморовъ не увидѣлъ свѣта, вскипѣлъ и ринулся съ кинжаломъ впередъ. Черезъ секунду звѣрь грохнулся мертвымъ. Мухоморовъ помнилъ только, что онъ ударилъ его подъ лопатку, да кажется раза два повернулъ кинжаломъ...

Пришло въ невольную на память Мухоморову и другой случай. Это было во время венгерской кампаніи. Непріятель, занявши городъ N., упорно отстаивалъ свою позицію. Нѣкоторые изъ жителей бѣжали изъ города преселочными путями въ горы, другіе искали спасенія въ лодкахъ, спускаясь въ нихъ по теченію Дунаю

жить, большая же часть оставалась въ городѣ съ оружіемъ въ рукахъ. Эти послѣдніе составляли особыя шайки, вредъ твердылецъ, съ цѣлю захватывать пленныхъ и раненыхъ и возможности помогать войскамъ. Городъ во многихъ мѣстахъ уже пылалъ, загорѣвшій отъ выстрѣловъ артилеріи; гулъ канонады стоялъ надъ окрестностью, раздавался и повторялся усиленными раскатами въ ущельяхъ горъ, разлетаясь протяжными звуками по волнамъ Дуная; бѣглый ружейный огонь сливался въ непрерывную дробь; тучи емраднаго дыму и бурой пыли, поднятой на воздухъ движеніемъ войскъ, клубились кругомъ. После нѣсколькихъ приступовъ смѣхота наша однакоже ворвалась на штыкахъ въ городъ и потѣснила непріятеля вдоль по главной улицѣ. Въ тоже самое время нѣсколько небольшихъ отрядовъ кавалеріи послано было въ обходъ непріятелю по боковымъ улицамъ.

Построенный во взводныя колонны эскадронъ, въ которомъ было Зарудный съ Мухоморовымъ, смѣло явился на полныхъ рыскахъ по одной изъ такихъ улицъ. Вдругъ впереди затерѣли густая масса и четыре непріятельскія орудія, прикрытыя двумя взводами венгерскихъ гусаръ, стали выдвигаться изъ переулка, глухо стуча тяжелыми колесами лафетовъ своихъ.

— Орудія! вскрикнулъ Мухоморовъ, обращаясь къ эскадронному командиру своему.

— Орудія! подхватилъ цѣлый эскадронъ, встретившись точно отъ удара электрической машины.

— *Строй полуэскадроны!* гаркнулъ эскадронный командиръ.

— Въ карьеръ! маршъ-маршъ!

Эскадронъ понесся стремглавъ впередъ въ бурной атакѣ, въ тучахъ пыли, поднятой нѣсколькими сотнями конскихъ копытъ, востро махая саблеватыми клинками въ воздухъ, привставши каждый на стременахъ, наклонивши корпусъ впередъ. Мухоморовъ выскочилъ впередъ изъ второго полуэскадрона передъ первый и понесся рядомъ съ Заруднымъ.

— Ребята! вскрикнулъ онъ, повернувшись на стременахъ, назидая къ солдатамъ: — ребята! возьмемъ! — И онъ по-наполеоновски указалъ на орудія.

— Урраааа! подхватилъ эскадронъ.

Вдругъ залпъ картечи изъ двухъ непріятельскихъ пушекъ обдалъ атакующихъ, и нѣсколько человекъ слетѣло съ лоша-

дей на весь скаку. Въ тою самое время сади орудій выдвинулось еще вѣльхъ два неприятельскихъ эскадрона.

— Обходить! обходить насъ! крикнулъ въ тоже мновение кто-то въ заднемъ полускадронѣ. Съ полбатальона генераловъ, въ своихъ коричневыхъ венгерцахъ съ красными шмурками, дѣйствительно бѣжали бѣглымъ шагомъ наъ сосѣдней улицы, приходившейся во флангъ эскадрону. Раздался другой ужасный залпъ и тоже вырвалъ нѣсколько жертвъ, но уже оба полускадрона, смѣшавшись и разстроившись, быстро повернули коней и еще быстрее понесли на уходъ. Бой былъ бы уже боеушемъ⁽¹⁾. Венгерскіе гусары сами выдвинулись наъ-за орудій и тронулись рысью впередъ.

Теперь Мухояровъ скакалъ уже сади всего эскадрона, не покидая однакожъ Заруднаго и только по временамъ оборачивая голову назадъ, въ томъ же вихрѣ бурной пыли, тучами кружившейся надъ несущимся, въ позорномъ безпорядкѣ, эскадрономъ, въ страшномъ хаосѣ среди гула, топота, крика, ругательства.

Вдругъ снова грянулъ сади пушечный выстрѣлъ, и пронзительный, дьявольскій свистъ ядра раздался въ воздухѣ почти около самаго уха Мухоярова. Онъ инстинктивно нагнулся, почти совсѣмъ прицалъ на сѣдельную луку и почти безсознательно прищпорилъ сильнѣе коня, и въ ту же секунду слышался ему около него глухой ударъ...

Онъ обернулся. Заруднаго... подлѣ него уже не было!

Въ ужасѣ вскрикнулъ онъ, но никто не слыкалъ его голоса эскадронъ мчался словно буря. Мухояровъ обезпамятилъ. Съ страшной, невѣроятной силой онъ дернулъ раскакавашагося во весь махъ коня своего, сразу посадилъ наазадъ, поднялъ на дыбы, чуть не опрокинулъ его, потомъ круто повернулъ и въ какомъ-то рабытѣ поскакалъ назадъ.

Смертельно раненый ядромъ, конь Заруднаго бился въ предсмертныхъ судорогахъ во прахѣ на землѣ, навалившись всею тяжестью тѣла своего на Заруднаго, который едва-едва, и то послѣ невѣроятныхъ усилій, успѣлъ освободиться наъ-подлѣ него въ ту самую минуту, когда Мухояровъ подскакалъ къ нему. Уже нѣсколько человекъ венгерскихъ гусаръ, отдѣлившись отъ при-

(1) Neo hercules contra plures! (Примѣчаніе поднѣшнее.)

критія, быстро приближались къ нимъ, съ дымными трубами въ зубахъ, съ саблями наголо, на горячихъ скакунахъ своихъ; нѣсколько пѣхотинцевъ тоже бѣжали сюда, держа ружья на гѣсу, и были уже такъ близко, что можно было кажется разсмотрѣть каждую черту смуглыхъ, загорѣлыхъ лицъ ихъ; появилось нѣсколько гверильсовъ съ звѣрскими физиономіями, прицѣливаясь на бѣгу въ Мухоярова и Заруднаго карабинами, малая кривыми широкими саблями, съ неистовымъ воплемъ, съ страшнымъ національнымъ ругательствомъ на устахъ. Зловѣщее кровожадное *бассано* рвалось изъ груди ихъ. Надежды на спасеніе не оставалось почти никакой: они въ цѣль не брали, а если брали, то все-таки не всегда щадили жизнь несчастныхъ.

— На стремя! на стремя ко мнѣ! успѣлъ только крикнуть Мухояровъ оглушонному паденіемъ, почти раздавленному лошадию Зарудному. Двѣ пули взвизгнули надъ головою его и одна въ нѣкъ пронизала шею его лошади.

Кровь брызнула изъ раны, и «Бородино» взвился было на дыбы, но Мухояровъ наклонился съ сѣдла и ухватилъ Заруднаго за руку... Послѣдній кое-какъ уцѣпился другою рукою за переднюю луку и всунулъ ногу въ стремя Мухоярова. Мухояровъ помогъ ему подняться, почти перебросилъ его поперекъ сѣдла, и обхвативши его рукою, понесся прочь. Бородино, съ своей двойною пошею, несмотря на рану, летѣлъ во всѣ лопатки. Еще нѣсколько пуль просвистало въ догонку за ними, но они были уже внѣ опасности.

Но здѣсь мы готовимъ для читателя сюрпризъ совершенно неожиданный.

Идиллическое и благодушное настроеніе духа поручика Мухоярова, въ которомъ мы застали его въ началѣ разсказа нашего, мало-помалу начало принимать сперва нѣсколько грустный оттѣнокъ, а потомъ по всему, до сихъ поръ веселому лицу его стало разливаться какое-то особое выраженіе неудовольствія — и причина тому все-таки онъ, Зарудный, онъ самый, закадыка Мухоярова... Зарудный въ Петербургѣ, Зарудный наслаждается жизнью, слушаетъ оперу, производитъ громъ и молнію на Невскомъ проспектѣ и совершенно забылъ даже думать, что гдѣ-то тамъ, на заваленкѣ, далеко-далеко отъ него, груститъ и сокрушается бѣдный Мухояровъ. Правда, онъ писалъ мѣсяца четыре тому назадъ. Но что же это за письмо!..

Мухоморовъ сталъ припоминать слова этого письма: и вѣду-
нался еще больше...

IV

ПРАВДНЫЕ РЪЧИ

Долго бы можетъ-быть Мухоморовъ предавался обуявшимъ его мрачнымъ мыслямъ, еслибы вдали не показалась тучная фигура полкового штабъ-лекаря, и только тутъ физиономія его какъ-будто нѣсколько прояснилась. По обычаю, онъ даже слегка заплѣлъ было на голосъ *августина*: «Александръ Матвѣичъ, здравствуйте, здравствуйте, здравствуйте!» — формула, своего рода *походь*, которымъ всѣ и всегда обыкновенно привѣтствовали достойнаго медика.

Опираясь на характеристическую, цѣлому полку извѣстную, изъ кизилѣваго дерева, съ внушающимъ уваженіе набалдашникомъ, вьюку, вздергивая ногою, какъ это бываетъ у лошадей со шпаторомъ, почтенный штабъ-лекарь медленно подвигался впередъ вдоль улицы, покачиваясь изъ стороны въ сторону. Издалека еще Мухоморовъ могъ разсмотрѣть знакомую всѣмъ, постоянно веселую улыбку, игравшую на полномъ, добродушномъ лицѣ Александра Матвѣича, обрамленномъ густыми, акуратными, нацѣмаженными розовою помадою бакенбардами. Въ лѣвой рукѣ у него, по неизмѣнному обычаю, была трубочка съ коротенькимъ черешцевымъ чубучкомъ, изъ которой онъ курилъ на ходу; на пуговицѣ сертука болтался кисеть съ табакомъ Жукова. Александръ Матвѣичъ былъ между прочимъ что-называется старовѣръ, и курилъ табакъ только жуковскій, и ни турецкаго, ни папирось, ни даже сигарь терпѣть не могъ, хотя былъ отчасти и нѣмецъ; впрочемъ онъ былъ нѣмецъ русскій, воспитанный на русскихъ щахъ, на русскомъ квасѣ да на гречневой кашѣ. Онъ шолъ, какъ говорится, съ трудомъ побѣждая пространство и какъ-будто приступомъ бралъ каждый шагъ земли, пыхтя и отдуваясь, такъ что Мухоморовъ, глядя на него, совсѣмъ наконецъ расхохотался.

— Александръ Матвѣичъ, здравствуйте, здравствуйте, здрав-

стауйте! замѣлъ онъ окончательно, когда тотъ подошелъ со-
вѣрнѣ бланко.

— Здравствуйте, здравствуйте, здравствуйте! отвѣчалъ док-
торъ скороговоркою и быстро закивалъ головою въ отвѣтъ на
привѣтствіе Мухоморова. — Что вы видите дома? Отчего не гу-
ляете? Грѣшно! Боже, что за воздухъ, что за вечеръ! Роскошь,
наслаждение! Просто пѣть хочется... *Gaudeamus igitur, juvenes
dum sumus!*

И докторъ заплѣлъ въ свою очередь, слѣлалъ какой-то невѣ-
роятный жестъ своею дубинкою и даже рѣшился было под-
прыгнуть, выкинуть кривою ногою своею какое-то легкое, гра-
ціозное движеніе.

— Хорошъ *juvenis!* замѣтилъ Мухоморовъ шутя и хватая
штабъ-лекаря за руку: — лысь, съ брюхомъ, въ ногахъ шпать,
къ бракъ пора...

— *Eheu, fugaces labuntur anni!* снова воскликнулъ было Але-
ксандръ Матѣвичъ патетическимъ тономъ.

— Да полно-те вамъ съ вашей латынью! Что вы пылъ-то
въ глаза пускаете? Садитесьъко лучше. Хотите чаю?

— Съ ромомъ?

— Разумѣется!

— Къ вашимъ услугамъ!

Докторъ сѣлъ, хлебнулъ пуишу и началъ молотъ всякій
здорь.

— Долженъ я замѣтить вамъ, г. поручикъ, говорилъ онъ
шутя, — что вы не уважаете ни моего сана, ни доблестей
войдъ, надѣваетесь надо мною... Вы, я вижу, не въ духѣ.

— Ваша правда, докторъ, вы угадали.

— А, не въ духѣ! Соли англійской въ такомъ случаѣ при-
ните! Какъ рукой сниметъ, ручаюсь вамъ. *Verbum pobile!* Какъ
честный офицеръ! Да и отчего же вы не въ духѣ? Можно-ль
быть не въ духѣ, когда — посмотрите какъ прекрасенъ божій
міръ! Какъ цвѣтетъ все вокругъ! — И Александръ Матѣвичъ бы-
стро ткнулъ булавою своею перпендикулярно къ небу, описалъ
ею въ воздухѣ вольтъ, потомъ такъ же быстро махнулъ ею гори-
зонтально на-отмашь вправо, махнулъ влѣво. — Оловянными
глазами, безъ участія, безъ восторга смѣтрите на природу вы,
замѣчаю я! заключилъ онъ, и снова хлебнулъ изъ стакана.

— Всеа пѣтъ! возразилъ было Мухоморовъ.

— Ну такъ водки пьете много! Не пейте, кровяные шарикъ разлагаетъ бестія!.. Съ чаемъ крѣпкимъ ивѣшайте се. Для задору капелекъ мятныхъ прибавить можно; самъ я такъ дѣлаю!

— Ахъ, переставьте! Вы знаете, что я этой драги терафъ не могу.

— Такъ отчего-жъ? Долги чтоли сокрушаютъ васъ? И это вздоръ! Все ничто противъ вѣчности!..

— И не долги!..

— Пособить можно. Хотите дамъ денегъ взаймы? Хотите? Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ! Со мной какъ съ воскомъ! Хотите? — настойчиво допрашивалъ штабъ-лекаръ Мухоморова, вопросительно глядя ему въ глаза.

— Отвяжитесь! отвѣчалъ Мухоморовъ. — Да и что вы такъ расщедрились? откуда у васъ быть деньгамъ-то?

— Какъ откуда? Больныхъ діетою лечу. Славная, скажу вамъ, метода! Въмѣсто говядины растительной пищей питаю ихъ, благо теперь мѣто. А то гусями кормлю, съ нихъ пухъ щиплю. да жидамъ на бебехи продаю! Просто калифорнія, се qu'on appelle!

— Полноте врать! сказалъ съ укоромъ Мухоморовъ: — ну что у васъ за страсть вѣчно клеветать на себя? Сами себя вредите!

Александръ Матвѣвичъ плутовски улыбался. Онъ дѣйстви-тельно имѣлъ страстишку врать, взводить на себя небылицы, единственно ради краснаго словца, и благодаря веселому характеру своему, способности къ неистощимой болтовнѣ, былъ сокровищемъ въ полковомъ кружку. Это былъ одинъ изъ тѣхъ характеровъ, которые никогда почти не старѣются, всегда всѣмъ довольны, ничего не ищутъ, ничего особеннаго не добиваются.

— Не хотите денегъ? Такъ что же вамъ нужно? «Скажи о чемъ твое мечтанье въ полуночной тиши?» продекламировалъ ризъ, проглотивши чуть не полстакана пуншу и пуская изъ черешневаго чубучка своего струю дыму.

— А вѣдь вотъ полковой праздникъ не за горами! продолжалъ онъ: — полковой праздникъ, понимаете ли, всѣмъ праздни-кашъ праздникъ! Такъ-сказать имянины полка, а пожалуй и сердца, какъ говоритъ Гоголь. У меня ужъ и большие на выписку просятъ. «Да погодите; говорю, дуринъ; вамъ еще вы-

здоровья нужно!» Куда тебя? Выше благородие, говорятъ, вѣдь широчи печь будутъ!»

И долго еще весельчакъ штабъ-лекарь болталъ безъ умолку, восхищался природою, укорялъ Мухоморова въ хандру, совѣтовалъ ему или влюбиться, или приняться за какой-нибудь дѣловитый трудъ; импровизировалъ нѣсколько анекдотовъ, задалъ о своемъ непреложномъ (конечно на словахъ только) намѣреніи — завтрашній же день посѣтъ какого-то Чебатуру («отечески посѣтъ его, каналью!»), сапожника, состоявшаго въ качествѣ профессора при лазаретѣ; объяснилъ тутъ же, со всеми филологическими приемами, происхождение слова профессоръ (въ просторѣчьи — прохвость) отъ латинскаго pro fossa, высказалъ нѣсколько цитатъ; однимъ словомъ протараторилъ битыхъ два часа въ заключеніе велѣлъ подать себѣ водки и сталъ прощаться на конецъ съ Мухоморовымъ.

— Ахъ да! я и забылъ сказать вамъ: Зарудный возвращается въ полкъ! Слышали вы? сказалъ онъ.

— Какъ! Неужели? Отъ кого вы слышали? Быть не можетъ! воскликнулъ вдругъ Мухоморовъ, оживившись. — Вѣдь онъ же хотѣлъ переходить въ гвардію? въ отставку хотѣлъ выходить?

— Нѣтъ, возвращается въ полкъ; къ полковому празднику непременно будетъ здѣсь. Писалъ къ квартирмейстеру, самъ и письмо читалъ я.

— Неужели? Не можетъ быть! Ахъ докторъ, разбойникъ! чтоже вы до сихъ поръ молчите? — И Мухоморовъ буквально бросился на шею къ Александру Матвѣичу.

Мы непременно обязаны объяснить этотъ сердечный порывъ нашего героя. Хотя Мухоморовъ никогда не былъ особенно требователенъ, но все-таки на него какъ-то странно подѣйствовало то же письмо Варуднаго, которое онъ получилъ четыре мѣсяца тому назадъ. Варудный писалъ въ этомъ письмѣ, что обстоятельства его принимаютъ хороший оборотъ, именно — что онъ получаетъ славное наследство, что по этому случаю можетъ-быть въ полкъ не воротится, а подастъ тамъ же, въ Петербургѣ, въ отставку, и при первой возможности надѣется поѣхать за границу или можетъ-быть даже для кибера перейдетъ въ гвардію. О томъ, жаль ли ему расстаться съ нимъ, Мухоморовымъ, Зарудный не говорилъ ни слова. Онъ даже не

спрашивать совета у Мухоморова; не интересовался узнать, что онъ, какъ онъ, а писалъ только о себѣ, о своихъ соблазнахъ, вѣдахъ, о своихъ манияхъ, тогда какъ прежде все у нихъ было общимъ. Когда-то, строя воздушныя замки насчетъ своей будущности, они и въ будущемъ всегда видѣли себя вмѣстѣ, неразлучно; существовало даже что-то вроде условія, что чья бы судьба ни измѣнилась прежде къ лучшему, друзья разстанутся не должики. Зарудный даже не говорилъ объ удовольствіи доѣздки за границу, вмѣстѣ съ Мухоморовымъ, тогда какъ въ былыя времена это была самая лучшая, самая заветная мечта ихъ, и въ Мухоморовѣ мечта эта доходила до маниі. Еслибъ только было возможно, онъ бы кажется пѣшкомъ, съ котомкой за плечами, готовъ былъ пройти не только всю Европу, но даже Азію, Африку, Америку, весь свѣтъ однимъ словомъ. И Зарудный хорошо зналъ объ этомъ.

Подъ адриемъ именно этихъ-то самыхъ мыслей Мухоморовъ, сидя на завалинкѣ своей, все сильнѣе и сильнѣе затягивался дышать сигары своей. Что-то пенциатнее, тяжелое и скорбное начинало шевелиться въ его немножко капризномъ сердцѣ — и непроницаемый скептицизмъ нагло и насильно сталъ вторгаться въ это романтическое сердце... Онъ невольно сперва заподозрилъ Заруднаго въ себялюбіи, потомъ разсердился на себя-за это же самое чувство. Одну минуту ему показалось даже, что въ душѣ его загомосилось что-то дотога похорее на зависть къ новой, лучшей судьбѣ Заруднаго, что онъ возмущенъ духомъ, внутренне вознегодовалъ на себя; гадокъ и отвратителенъ показался ему собственный агонизмъ свой. Подполковникъ штабъ-лекаря, какъ мы видѣли, прервало потокъ этихъ идей.

Это теперь Мухоморовъ чуть не задумалъ штабъ-лекаря.

— Что вы, что вы? Экъ обрадовались! Точно въ штабсъ-ротмистры проведены! Точно для богатый у васъ умеръ! Что съ вами? говорилъ онъ, съ трудомъ защищая туловище свое отъ натиска Мухоморова: — да тише вы! пощадите! сердукъ разорвете!

— Что сердукъ! Зарудный возвращается въ полкъ, въ отставку не выйдеть, къ полковому празднику будетъ здѣсь! Эей! Кожемяка!

Мухоморовъ престо задыхался отъ радости...

Александръ Матвѣичъ! дряхлѣйшій, помраченнѣйшій! говорилъ онъ: — ушла генеръ, вѣдь не пущу! Вы должны просидѣть у меня всю ночь! Будемъ, шампанство, пьянствовать на радостяхъ! Вѣдь это, я вамъ скажу, событіе! Вы не знаете какой дорогой для меня человекъ Зарудный! Ахъ, да! Кожемяка! вадъ къ Вульфъ; шампанскаго сюда, живо! Маршъ-маррршъ! Докторъ! Эскулацъ!

— Что угодно, г. Марсъ?

— Еще безе!

И Мухомровъ снова обхватилъ штабъ-лекаря, вѣпилъ ему звучное безе въ румяныя уста его, поцѣловалъ въ одну благоухающую розовою помадою бакенбарду, въ другую...

V

Они просидѣли далеко за полночь. Мухомровъ сталъ совѣтъ другима женовѣномъ. Рѣчь его полнѣлась настоящимъ патркомъ. Всего больше толковалъ онъ разумеется о Зарудномъ, рассказывалъ всѣ мельчайшія подробности общей съ нимъ жизни, которую мы передали лишь въ общихъ чертахъ; казался онъ помолодѣлъ, посвѣжѣлъ отъ этихъ воспоминаній, сталъ чѣмъ-то вродѣ самаго юнаго корнета. Шампанское и искреннее чувство привязанности къ Зарудному кипятили ему кровь, повергали его въ экзальтацию.

Докторъ покуталъ—таки формальнымъ образомъ. Случаде онъ тоже импровизировалъ разныя необыкновенныя исторіи, рассказывалъ про своихъ товарищей по академіи, повѣствовалъ, какъ, будучи студентомъ, давалъ уроки танцованія въ Петербургѣ, едѣ-то на островахъ, рассказывалъ о своихъ интрижкахъ, развивалъ разныя теоріи, но подконецъ сталъ уже закираться, вутался, протаворѣчить и себѣ, и Мухомрову.

— Дружба — легкій вылъ вохмѣлья! брякнулъ вдругъ онъ, увлекшись своимъ наклонностью къ цитатамъ, въ отвѣтъ на разглагольствованія Мухомрова, и несподѣ уже понявша что тотъ рассказываетъ.

— Ахъ, тотъ скажи любви конецъ,
Кто на три года въ даль уѣзеть!

продолжалъ былъ коси́мицими языками и бросилъ свою лысину.

— Гриве́ловъ бессмертный!.. такъ... сказалъ!..

— Чтожъ, вы не вѣрите моей дружбѣ?! Не вѣрите тому, что я вамъ рассказываю? горячо заговорилъ Мухояровъ.

— Нѣтъ!.. вѣрю!.. вѣрю!.. Не про васъ я говорю!.. васъ я знаю!.. бормоталъ штабъ-лекаръ, чувствуя смутно, что сказалъ вздоръ, и желая поправиться — Я такъ только... къ слову... Зарудный малый чудесный... Ессѣ бѣто!.. А боѣсь... боѣсь-таки за него.

— Чего боѣсь? спрашивалъ Мухояровъ, заинтересованный этими словами.

— Да мало ли чего? Тамъ, въ Петербургѣ... (и Александръ Матвѣичъ внушительно посмотрѣлъ посоловѣлыми глазами на Мухоярова) въ Петербургѣ, знаете... свѣтъ... относительно-сказать нѣкоторое поле жизни... какъ говорить Гоголь. — Докторъ махнулъ рукой.

— Такъ чтожъ изъ этого?

— Какъ что?.. Наслѣдство получилъ большое, сказываюте вы... продолжалъ штабъ-лекаръ, медленно и съ разстановкою: — почему знать?.. Испортился... совратился можетъ-быть... Фанаберин набрался...

— Вздоръ!

— Съ аристократами знакомъ... говорите вы... а вѣдь это, батюшка... Фю-фю-фю!.. — Александръ Матвѣичъ засвисталъ.

— Какъ? Что такое? Что вы плетете, дражайшій? говорилъ Мухояровъ, выпучивши на него глаза: — Что вы путаете? аристократы — фю-фю-фю?..

— Да-да! вскрикнулъ Александръ Матвѣичъ и съ демократическимъ азартомъ стукнулъ кулакомъ по столу. — Да! гордецы!.. эгоисты холодные!.. Plebs... regum potentia... toties ne tō... gloriae et... respiciatam... et cetera... et cetera... avida!.. Да! совратится... падеть... Надѣнитесь этимъ тлетворнымъ воздухомъ!.. Отгни мизмами... se qu'on appelle!..

И штабъ-лекаръ злобно проглотилъ еще нѣблизкій стаканъ шампанскаго. Онъ не замѣчалъ того, что безовязная рѣчь его глупо боко достигають до сердца Мухоярова.

— Полноте, говорилъ въ свою очередь послѣдній: — полноте! За кого же вы въ самомъ дѣлѣ принимаете Заруднаго? Что онъ,

ребенокъ чтомъ не-аппетитну?... Фать, чтамъ оми какой?... Вѣдь слава-богу на первый годъ его знаше!..

— Говорю леобща... примѣры бывають, говорю я... Царядау говорю... *Verbum veritatis*... Святой чтомъ оми?... Гуси... ручаться нельзя... Еггате выпашите вы!.. заключилъ штабъ-леширь, утверждая на столѣ кулакъ и пощипывая на немъ отжалявшую голуюю.

Мухомровъ горячо отстаивалъ Заруднаго во мнѣнїи своего подгулявшаго собесѣдника, но все-таки скептическія и задорныя рѣчи послѣдняго невольно западали ему въ душу и опять поднимали рѣй только-что недавно усвоившихся было мыслей, и кожда наконецъ достойный мадикъ совсѣмъ уже ушелся до своей, разумеется подъ прикрытіемъ Кожемаки. Мухомровъ долго еще сидѣлъ на аваланинѣ опустивши голову, думая богданше о чемъ...

VI

ВСТРѢЧА.

Наступилъ полковой праздникъ. Еще наканунѣ его собирались въ полковой штабъ не только всѣ офицеры этого полка, но венаѣхале множество гостей и изъ другихъ полковъ той же дивизїи. Деревни Нечезовна, въ которой происходили всѣ описываемыя нами событія, оживилась. Тамъ и сямъ по улицамъ и мучера и солдаты проваживали замысловатыхъ лошадей въ хомутахъ, а съ разныхъ концовъ ея, отъ въѣздовъ, то и дѣла сроманились съ колоколышками и бубенчиками парадъ, тройки и четверки съ новыми сѣдланьями; сновали на рыскахъ лихорадецкой побѣжденно изади и впередъ по улицамъ разноли личности въ длиннополыхъ кафтанахъ, съ корзинами въ рукахъ, перелидывалось на бѣгу отразившими вразами: «Ребо! Абрррутъ?» — «Вуеъ-вѣтъ?» — «Вуеъ-бригонтъ-ди?» — «Ди-буталышеъ!..» На командирской кухнѣ шла усильная работа... По избамъ же и на замялнѣ ввоздухъ, подъ сѣкиа дровесъ, ужкѣ составлялось множество партїй въ ералашъ и преферансъ. Коже-вѣдъ уже и металъ и вонтпресали, а въ одной-вѣдѣ, несмотря на страшный жаръ и духоту, нешанилугу уже разсаражила болбали...

Мухоморовъ однакожь участія въ игрѣ не принималъ. Съ самаго утра онъ былъ въ какой-то безпокойствѣ, нигдѣ не могъ посидѣть долго на одномъ мѣстѣ и постоянно сбѣгалъ на улицу, устремляя взоры идаль на почтовую дорожку, приглядываясь, не ѣдетъ ли дорожкой желанный гость, и всякій разъ, когда на ней показывалось что-нибудь похожее на экипажъ, онъ почти бѣгомъ бѣжалъ навстрѣчу вплоть до самой околицы, задыхался отъ усталости и отъ душевныхъ ощущений. Наконецъ онъ не вытерпѣлъ: приказалъ засѣдлатъ себѣ лошадь и поѣхалъ изъ деревни.

Черезъ три часа, онъ возвратился, но одинъ... Сильный темнокрасный жеребенокъ его словно выкинулся въ рѣкѣ. Ручьи потоки по дрожавшимъ ногамъ его, какъ только Мухоморовъ оставилъ его у квартиры своей, чтобы сѣсть съ сѣдла.

Еще черезъ часъ — Мухоморовъ сидѣлъ уже на другомъ конѣ и снова скакалъ усиленнымъ, растяжнымъ галопомъ по большой почтовой дорогѣ, вздымая за собою клубы пыли, въ развѣвающемся бѣломъ кителѣ, накинутаго на-опашъ, раскраснѣвшись, разгорѣвшись отъ зноя, отъ нетерпѣнія, варварски и безпощадно прищипывая вѣкогда могучаго, а теперь ослабѣвшаго отъ трудовъ и старости, знакомаго намъ «Бородино». Разъ онъ споткнулся, перелетѣлъ носомъ вправо. Мухоморовъ еще всадыгъ ему шпорами въ кровавленные бока, и — ударилъ хлыстомъ...

А Зарудный все-таки не ѣхалъ... Мухоморовъ вернулся на измученномъ конѣ, когда уже стало садиться солнце. Онъ бросилъ поводья вѣстовому своему и въ невозможности повалился на вербѣхъ соловьи, лежащей подлѣ конюшни... Въ этотъ день онъ позабылъ даже обѣдать.

Передъ самымъ вечеромъ однакожь, запыленный дорожный тарантасъ оставался у воротъ одной офицерской квартиры, на сѣвалищѣ которой собрался еще прежде довольно большой кружокъ.

— Ахъ боже-мой, Зарудный, Зарудный! наконецъ-то! радѣлось нѣсколько десятковъ радостныхъ восклицаній. — Здравствуй, братъ!.. Здоровъ ли? — И толпа почти на рюняхъ вынула отъ нѣтъ тарантаса. Настомъ, какъ водится, онъ сталъ переводить изъ обѣднѣ въ обѣднѣ...

Возвращение товарища изъ долговременной отлучки восприняли въ полкахъ составившае важное, знаменательное и радостное собы-

тѣ. Его обнимали и цѣловали, закидывали въпросами... Маленькій, кудреватый корнетикъ изъ черкесовъ, Сулейманъ-Осла Курсановъ, ликовалъ, прыгалъ на одной ножкѣ, разорвалъ себѣ шорую сапогъ и въ заключеніе бросился бѣжать, повѣстивъ всѣмъ о прѣздѣ Заруднаго.

А Мухоморовъ между тѣмъ продолжалъ лежать въ забытьи на кучѣ соломы... Кровь его начала обращаться спокойнѣе и онъ погрузился—было въ легкую дремоту.

— Баринъ! а баринъ! окликнулъ его Кожемяка. — Поручикъ Зарудный прѣехалъ!

— Какъ? Прѣехалъ? Гдѣ, гдѣ онъ? воскликнулъ Мухоморовъ, въ минуту очнувшись и быстро вскакивая на ноги. И онъ бросился бѣгомъ къ своей квартирѣ.

— Та-ни! та-ни! Не въ насъ!.. Воли у Курнашевича! кричалъ бѣгучи за нимъ въ догонку Кожемяка.

VII

Рассказывать ли, что происходило въ первый минуты, когда Мухоморовъ увидѣлъ Заруднаго?.. Мы и такъ чувствуемъ, что эта наша простая впрочемъ исторія отчасти смахиваетъ на мелодраму. Но конечно виноваты въ этомъ не мы, а онъ, романтикъ и поручикъ Мухоморовъ. Просимъ не забыть, что дѣйствіе происходитъ не въ Петербургѣ, а гдѣ-то тамъ, въ Печавкѣ, одними словомъ въ глуши, въ степи; что герой нашъ не блестящій, сдержанный, столичный *coûte il faut*, а наивный и увлекающійся, несмотря на рангъ стараго поручика, степной артецъ...

Итакъ не будемъ описывать тѣхъ неудержимыхъ порывовъ радости свиданія, на которые такъ смѣшно всегда бышеть смотреть человеку постороннему, впрямь и лицу въ дѣлѣ незаинтересованному; скажемъ только, что Мухоморовъ въ первый минуты не давалъ сказать никому ни слова. Онъ засыпалъ Заруднаго вопросами, и не ожидая отвѣта предлагалъ ему новыя, и вскоре сообщалъ ему все всѣмъ что случилось въ полку во время его отсутствія, и не окончивши разсказа, принимался обнимать и прижимать къ себѣ Заруднаго, такъ крѣпко, такъ горячо, такъ радужно, какъ только могутъ обниматься послѣ долгой разлуки

добрых друзей армейскіе поручики.. Надмотря, однакожь на дружескій адартъ, онъ замѣчалъ вскользя, что въ дорогую пріятель его было что-то новое, что въ немъ была какая-то перемѣна, что въ его отвѣтахъ, на ласковыя изліянія сердечной радости Мухоморова проглядывала какая-то сдержанность, что отъ него вѣяло какою-то особою, такъ-сказать петербургскою атмосферю, что въ самомъ тембрѣ голоса его было тоже что-то особенно внушающее, что въ манерахъ явилось что-то до-медальнаго, гвардейски-утонченное.

Но Мухоморовъ никакого особаго значенія этому не придавалъ. Какое ему было дѣло до всего этого? Какое дѣло ему до какихъ-то тамъ манеръ?.. Какъ-будто въ этомъ заключается какое-нибудь особое достоинство, добродѣтель!.. Въ порывѣ сердечной радости онъ, тарантиль безъ умолку, безпрестанно то вскакивалъ съ мѣста, то опять садился на диваненку, и опять вскакивалъ, оттаптывалъ то тому, то другому ногу, извивался...

— Э! да ты, братъ, смотришь настоящимъ гвардейцемъ! болталъ онъ громко, обращаясь къ Зарудному. — Воображаю, каково дѣло, тебѣ въ Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ! Что? рисовался?.. рисовался, чѣбось!.. А?.. Прозмайся!..

Радость отняла у него рассудокъ. Онъ самъ чувствовалъ, что болтаетъ вздоръ, но никакъ не могъ удержать языка своего. Онъ забылъ, что здѣсь были люди пріятельскіе, чужде, что еслибы были, и свѣи только, то многіе въ отношеніяхъ неосознанно короткихъ ни съ нимъ, ни съ Заруднымъ; забылъ, что слишкомъ фамильярное обращеніе не всегда бываетъ ужасно — однимъ словомъ онъ повелъ себя не довольно прилично.. Последние слова его немного покоробили Заруднаго, но вдругъ Мухоморовъ снова разразился хохотомъ..

— Это что, у тебя? Покажи-ко! покажи-ко?.. вскрикнулъ онъ, увидѣвши на груди Заруднаго напущенный лорсетъ, болтающийся на черепенькомъ шнуричкѣ. — Это что? Спец.мышца? Ха-ха-ха-ха!.. Вотъ это новость! Вотъ это новость! Ахъ ты фата!.. Ахъ ты фата петербургскій!.. продолжалъ онъ снова, забывшись смѣхомъ и уже окончательно смахивая на Нодрева... — Господи! посмотрите-же, что за штука у Заруднаго!.. Душа моя, брось эту гадость!.. Фи!.. брось ее!.. заклянулъ онъ межъ-то шумительно..

И только тутъ замѣтилъ Мухояровъ, что зашолъ уже чересчуръ далеко, что ужъ слишкомъ увлекся безцеремонностью обращенія. Онъ увидѣлъ, что Зарудный покраснѣлъ и бросилъ на него нето изумленный, нето сердитый взглядъ, между тѣмъ какъ большая часть молодежи, увлеченная примѣромъ Мухоярова, тоже разразилась хохотомъ, и конечно безъ всякой задней мысли, обидной для самолюбія Заруднаго.

— Душа моя, Зарудный! заговорилъ онъ, хватая его за руку и начиная неловко оправдываться, чѣмъ еще больше увеличилъ его смущеніе. — Извини, братъ! Вѣдь это я такъ... шутя сказалъ... Ты не сердись, братъ! — Мухоярову стало совѣстно, что у него кто его знаетъ какъ сорвалось съ языка, выскочило, по выраженію Гоголя, точно воробей слово, обидное даже и для истиннаго фата. — Не сердись же пожалуста! говорилъ онъ, отстаивая отъ Заруднаго. Но тотъ какъ-то холодно высвободилъ отъ него свою руку, какъ-то холодно сказалъ: «довольно!», какъ-то холодно отвернулся и началъ съ Курнашевичемъ разговоръ о Петербургѣ. Курнашевичъ въ свою очередь тоже безмолвно смѣрялъ изумленными глазами Мухоярова.

Всѣмъ этимъ герой нашъ былъ сконфуженъ еще болѣе, нежели собственной своей выходкой. Во весь этотъ вечеръ онъ былъ очень неловокъ, какъ нарочно наступалъ всѣмъ на ноги, но уже извиняться позабывалъ... Нѣсколько разъ принимался онъ заговаривать съ Заруднымъ, съ искреннимъ желаніемъ изгладить свой промахъ, но уже въ рѣчахъ его не было и тѣни прежней веселости. Зарудный отвѣчалъ ему какъ-то вяло, неохотно; видно было, что или онъ очень усталъ отъ дороги, или что неприятное впечатлѣніе, произведенное на него грубой выходкой Мухоярова, несовсѣмъ еще изгладилось — и Мухояровъ въ свою очередь замолчалъ окончательно. Подъ шумъ обидаго живого разговора онъ во всѣ глаза сталъ смотрѣть на Заруднаго, и кто знаетъ какія мысли засновали опять въ мозгу его...

— Неужели же штабъ-лекаръ правъ? думалъ онъ между прочимъ. — Неужелиже онъ испортился тамъ? совратился? надыхался *тлетворнымъ* воздухомъ? Какая осанка! Какой видъ! А этотъ Курнашевичъ-то разсынается передъ нимъ... *Шарме!* Вотъ ужъ хвостъ-то лижетъ! Вѣрно денегъ занять хочетъ! Все о княгиняхъ да о графиняхъ рѣчь... Ишь какой кавалергардъ!

Такъ сидѣлъ онъ до поздней ночи, до тѣхъ поръ, пока вся

компания не стала расходиться по своимъ квартирамъ. Онъ выждалъ пока не разошлись всѣ и пока онъ не остался наединѣ съ Курнашевичемъ и Заруднымъ. Курнашевичъ все время посматривалъ на него угломъ глаза, и слегка казалось насмѣшливо улыбался.

— Ну чтожъ, пойдѣмъ ко мнѣ спать! проговарялъ онъ наконецъ.— Пойдемъ, братъ! потолкуемъ во старинному... такъ давно невидѣлись! и помирился тамъ... ты простишь меня...—И Мухояровъ улыбулся было заискивающею улыбкою, но голова его слегка задрожала. Несмотря на свои тридцать лѣтъ, онъ почувствовалъ, что у него какъ-будто поднялось что-то изъ глубины сердца и подступило къ горлу. — Пойдемъ, братъ! чтоже ты? прибавилъ онъ.

— Нѣтъ-нѣтъ-нѣтъ! Ни подь какимъ видомъ! Онъ останется у меня! перебилъ вдругъ Курнашевичъ, хозяйинъ квартиры, около которой до сихъ поръ шла бесѣда.— Неправда ли, М-г Зарудный, вы остаетесь ночевать у меня? Неправда ли? *Faites-moi le plaisir!* Вѣдь вы ко мнѣ прежде заѣхали, за мной право первенства, и кому же всѣ ваши вещи снесены уже ко мнѣ въ комнату.

Зарудный казалось былъ въ нерѣшимости. Онъ вопросительно взглянулъ и на Мухоярова, и на Курнашевича.

— А вы, М-г Мухояровъ, ужасно какъ офрапировали его... при всѣхъ, *devant toute la société.*

— А вамъ, М-г Курнашевичъ, рѣзко отвѣтилъ Мухояровъ,— до этого нѣтъ дѣла! Идешь чтоли, Зарудный, со мною?

— Гдѣже теперь перетаскивать вещи! проговарялъ тотъ, не глядя на Мухоярова: — кому же я усталъ... Я ужь лучше останусь здѣсь. Извини меня.

Мухояровъ пристально посмотрѣлъ на него и бросилъ злобный взглядъ на Курнашевича.

— Ну когда такъ, то прощай! сказалъ онъ. Онъ нахлобучилъ на глаза фуражку, судорожно нѣсколько разъ дернулъ ковырекъ ея внизъ, и быстро пошолъ прочь.

— Мухояровъ, *adieu!* крикнулъ ему въ слѣдъ Курнашевичъ съ насмѣшкою. Но тотъ неслыхалъ ничего...

— Какъ мнѣ жаль, что вы не срѣзали его хорошенько за его дерзость! замѣтилъ Курнашевичъ, обращаясь къ Зарудному.

VIII

Штабсъ-ротмистръ Курнашевичъ не былъ что-называется ветераномъ полка. Года два тому назадъ онъ былъ переведенъ въ этотъ заброшенный въ глушь полкъ по поводу какой-то исторіи, случившейся въ Петербургѣ и имѣвшей довольно трагическій характеръ. Онъ былъ секундантомъ при какой-то дуэли, устроенной его стараніями, что онъ и ставилъ себѣ въ особенную заслугу. Въ персонѣ своей онъ осуществлялъ тотъ идеалъ военного дендизма, до котораго такъ многіе стремятся достигнуть, которому подражаютъ такъ охотно. Это былъ военный левъ, джентльменъ въ полномъ смыслѣ слова. Хитрый и любезный, онъ понравился въ полку многимъ, но съ Мухоморовымъ сойтись не могъ и имѣлъ свои причины не любить его, потому что Мухоморовъ никогда не могъ скрыть своего нерасположенія къ этому блестящему пришельцу. Невсегда воздержный на языкъ, герой нашъ очень часто затрогивалъ самыя щекотливыя струны галантнаго ех-гвардейца, не удивлялся ему, не подражалъ ему и очень часто подтрунивалъ надъ его великосвѣтскими замашками, а однажды даже въ присутствіи его прочелъ прегрозную филиппику о безнравственности той роли, которую берутъ на себя вивые господа въ такъ называемыхъ дѣлахъ чести, намекая именно на исторію Курнашевича, несомнѣннѣ чистую... Впрочемъ мы надѣемся, что впоследствии этотъ господинъ и самъ себя обрисуетъ какъ слѣдуетъ, а теперь покаместъ скажемъ нѣсколько словъ о Зарудномъ.

Что онъ былъ славный малый, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія: его любилъ цѣлый полкъ, любилъ такъ, какъ обыкновенно любить полкъ хорошаго товарища; онъ былъ другомъ Мухоморова — иначе романтическое сердце послѣдняго не привязалось бы къ предмету недостойному. Службу началъ онъ почти въ одно время съ Мухоморовымъ и можно-сказать вслѣдствіе тѣхъ же побужденій, которыя руководятъ нашу молодежь въ выборѣ этого поприща. Будучи принужденъ необходимостью, потому что былъ небогатъ, несмотря на свои связи, служить въ арміи, онъ до сихъ поръ несъ это бремя, терпѣливо идучи по разъ избранной дорогѣ, въ надеждѣ, какъ и мно-

гіе, добиться наконецъ болѣе почетнаго положенія, если не въ свѣтѣ, то хоть въ полку. Онъ умѣлъ помириться со скромною долею армейскаго офицера безъ ропота, безъ особыхъ размахистыхъ помысловъ, вполне сдружился и сжился съ идеями того кружка, въ который бросила его судьба въ самые ранніе, почти отроческіе годы. И только смутно понималъ онъ, да по наслышкѣ зналъ, что есть какъ-говорится иныя сферы, иныя условія, иная жизнь... жизнь радужная, блестящая, полная наслажденій.

Поѣздка въ Петербургъ испортила все дѣло. Цѣлый годъ, проведенный имъ въ этомъ новомъ для него мірѣ, не прошолъ безъ того, чтобъ не оставить на немъ своего вліянія. Значительное наслѣдство, которое ему предстояло получить, дало ему возможность составить новыя связи, войти въ лучшіе (относительно разумѣется) кружки петербургскаго общества, ужь конечно не такого, какое ему случалось знать на своихъ деревенскихъ стоянкахъ. Ктому же довольно красивая наружность его (онъ былъ стройный, краснощекій, чернокудрый молодець), наружность, дышащая силою и здоровьемъ, расцвѣтшими въ лучшемъ климатѣ, доставили ему нѣсколько успѣховъ у нѣкоторыхъ петербургскихъ дамъ... Все это ему вскружило голову. Онъ, прежде скромный армейскій поручикъ, нешутя вообразилъ себя чѣмъ-то вродѣ петербургскаго льва, помѣшался на дендизмѣ, на какомъ-то *сomme il faut*, и съ точки зрѣнія армейской конечно, иной разъ могъ бы показаться фатомъ и не одному Мухомарову. Новыя свойства эти отразились и въ его сдержанности, и въ его рѣчахъ, и въ тонѣ его голоса. Исчезло доброе, милое, откровенное добродушіе и замѣнилось чопорностію.

Въ сущности, въ сердцѣ (мы увѣрены въ этомъ) онъ остался тѣмъ же добрымъ Заруднымъ, какимъ всѣ знавали его прежде; стоило только пройти небольшому промежутку времени — и все что было въ немъ наноснаго, ему несвойственнаго, сгладилось бы, исчезло бы само собою, подошло бы подъ общій уровень. Казалось сама судьба даже хотѣла этого. Наслѣдство, которое такъ круто повернуло было всю его карьеру, вдругъ подверглось процессу: отыскался болѣе близкій наслѣдникъ, съ болѣе сильными правами, съ болѣе сильною возможностью вести тяжбу, и Зарудный волею-неволею долженъ былъ снова возвратиться въ свой полкъ.

Но онъ уже вкусилъ отъ плода. Глубоко огорченъ онъ былъ, оставляя Петербургъ и разлучаясь со всѣмъ тѣмъ, чѣмъ такъ насильливо поманила его судьба, что посулила ему будущность. Мало этого, онъ успѣлъ даже въ этотъ годъ зачерствѣть сердцемъ, охладѣть не только вообще къ прежней средѣ своей, но даже и къ Мухоярову.

Онъ возвращался въ полкъ очень равнодушно. Не забилось радостнымъ трепетомъ въ груди его сердце, когда свѣжій воздухъ степей, окружающихъ деревню Нечаеву, пахнулъ на него благодатной струей, когда изъ зелени садовъ мелькнули передъ глазами его знакомые бѣленькіе домики, когда издалека услышалъ онъ трель трубнаго сигнала, приглашающаго на вечерній водопой; не подпрыгнулъ онъ въ своемъ петербургскомъ тарантасѣ, не выскочилъ изъ него, когда передъ околицей еще встрѣтилъ перваго попавшагося ему солдата своего полка, не бросился ему на шею, какъ бы сдѣлалъ это Мухояровъ, какъ бы сдѣлалъ можетъ-быть всякій другой поручикъ...

IX

Мухояровъ быстро шагаль по направленію къ своей квартирѣ. Въ сердцѣ его шевелились странныя чувства. Ему снова пришла на память недавняя бесѣда съ докторомъ, и ему стало казаться, что въ нетрезвой болтовнѣ его была своя доля истины. Мысли его путались въ головѣ самымъ беспорядочнымъ образомъ: то ему было досадно на себя, за свою неделикатную выходку противъ Заруднаго, за свой безобразный, лишопный всякаго житейскаго приличія, ноздревскій смѣхъ, то ему было досадно на Заруднаго, зато что тотъ обидѣлся изъ пустяковъ, тогда какъ на кого-на кого, а ужъ на него, Мухоярова, ему обижаться вовсе бы не слѣдовало. И имъ ли, имъ ли, боже-правый, считаются такими мелочами? Чтожъ дѣлать? Ну увлекся, сказалъ вздоръ... самъ языкъ сболтнулъ чортъ-знаетъ что. Умысла впрямь обидѣть вѣдь тутъ не было... просто такъ себя... отъ радости же заврался... Вѣдь понять же нужно наконецъ это...

И потомъ опять Мухоярову стало досадно на себя. «Отчего же это, думалъ онъ, никогда я не умѣю держать себя какъ слѣ-

дуетъ? увлекаюсь какъ дитя малое, какъ корцетъ какой-нибудь! Что это за порывы радостные? На шюю-то вѣпаться зачѣмъ? Нѣтъ, нѣтъ! Печоринымъ нужно быть, задущить въ себѣ все! И рожу безстрастную скорчить, англичаниномъ сдѣлаться!»

Мухояровъ прибавилъ ходу.

«А вѣдь какъ я просилъ простить-то меня! продолжалъ размышлять Мухояровъ: — вѣдь какъ просилъ-то! И хоть бы слово одно въ отвѣтъ, хоть бы слово! А! теперь понимаю я, чего усмѣхнулся Курнашевичъ! Понимаю теперь!..»

И Мухояровъ стиснулъ зубы. Кровь его дотого взволновалась, что тѣло его инстинктивно само понеслось впередъ до нельзя усиленнымъ алюромъ. Руки его сжались въ кулаки... Онъ началъ говорить уже вслухъ:

«А, щеголь сахарный! Кукла петербургская! Шармѣ!.. Бретѣрь!.. «А Зарудный-то, Зарудный-то!.. Вотъ ужъ именно надыхался тлетворнымъ воздухомъ-то! Тоже шармѣ сталъ, не тронь меня! И меня промѣнять! меня!.. не пойти ко мнѣ!.. промѣнять меня на фата, на... боже-мой! на... кошку эту, на этого верципенту!» (1)

Мухояровъ задыхался. Онъ не находилъ словъ для выраженія злобы своей, не находилъ достаточно сильнаго, достаточно ядовитаго эпитета для Курнашевича. Въ крайнемъ, критическомъ случаѣ онъ вдругъ, самъ не зная какъ, разрѣшился по польски.

И еслибъ кто-нибудь въ эту минуту подглядѣлъ выраженіе лица его, онъ не узналъ бы Мухоярова, онъ ужаснулся бы этого выраженія.

— Чому-жъ то Зарудный не заихалъ до насъ? спрашивалъ Кожемяка у Мухоярова, укладывая его спать и посматривая на него искоса.

Но Мухояровъ не отвѣчалъ ничего и сосредоточенно завернулся въ свое одѣяло.

— Чи вони погордѣли, чи що? Отъ-бачить ипо у Питембурхъ сьязидили! продолжалъ между тѣмъ Кожемяка, уже не столько обращаясь къ барину своему, сколько въ видѣ особаго разсужденія съ самими собою, но такъ, что тотъ могъ слышать каждое слово.

(1) *Vercepetta* — синонимъ *fata*. Собственно «вертающийся на пяткѣ».

Мухояровъ спалъ эту ночь дурно, можетъ—быть даже не спалъ вовсе; утромъ онъ однакожъ всталъ повидимому усвоенный, хотя и задумчивый, недовольный. Кожемяка явился къ нему блистательно выбритый, съ мафабрными усами, въ новомъ казакинѣ и радушно поздравилъ съ праздникомъ. Взяло и неохотно началъ Мухояровъ запрагать себя въ полную парадную форму и потомъ пошелъ на сборное мѣсто, гдѣ соби-рался уже церковный парадъ.

Въ деревнѣ все ликовало. Вычищенные, подбритые, при-мафабрные солдатки въ новенькихъ мундирахъ весело охора-шивались, приготавлиаясь идти въ церковь; краснощекія моло-дницы, стройныя, чернобровыя дѣвки-хохлушки, съ разноцвѣт-ными лентами и пучками цвѣтовъ въ волосахъ, собирались тоже около церковной паперти, щебетали какъ сороки и кокетничали по-своему съ солдатами. Маленькій колоколь полковой церкви звякалъ тоненькимъ голосочкомъ своимъ, но какъ-то особенно радостно, особенно весело. Но это былъ первый полковой празд-никъ, который Мухояровъ встрѣчалъ не такъ, какъ привыкъ онъ встрѣчать его всегда, много, много лѣтъ сряду.

Проживите десять лѣтъ съ человѣкомъ вмѣстѣ, полюбите его искренно, разстаньтесь съ нимъ на нѣкоторое время и потомъ встрѣтитесь съ нимъ именно такъ, какъ встрѣтились Зарудный съ Мухояровымъ — и тогда вы поймете положеніе послѣдняго, особенно если ко всему этому вы въ такой же степени, какъ и онъ, надѣлены отъ природы способностью привыкать и привя-зываться къ людямъ.

X

ПОЛКОВОЙ ПРАЗДНИКЪ

Муза! помоги намъ!

Воспой, муза, съ нами праздникъ полковой, этотъ праздни-камъ праздникъ, свѣтлый, радостный день, имже озаряется жизнь наша армейская!

Обѣдъ у Артамона Сергѣича великолѣпный. Онъ еще впо-ловинѣ, а на *спромъ* концѣ, то-есть между молодежью, гдѣ за-сѣдаютъ между прочимъ и нашъ знакомецъ, лысый штабъ-ле-

каръ, и никогда не называемый по фамилии штабсъ-ротмистръ Иванъ Антонычъ, и Мухояровъ; уже шумъ, говоръ, шутки, смѣхъ. Не глядите на верхній, почетный конецъ стола, гдѣ председательствуютъ генераль и такъ-называемая аристократія, *patres conscripti* полка, какъ говоритъ Александръ Матвѣичъ; отведите слухъ вашъ отъ этихъ официальныхъ предметовъ, отъ этихъ благонамѣренныхъ рѣчей, отъ этихъ назидательныхъ бесѣдъ, если не хотите умереть со скуки. Посмотримъ лучше на сѣрый конецъ.

Шампанское еще не подавалось, а ужъ на сѣромъ концѣ пьютъ *брудершафтъ*, — пьютъ хересомъ, портеромъ, мадерой, элемъ, чѣмъ попало. Косится старый генераль, почетный гость праздника, пожимаютъ плечами старые штабсъ-офицеры и усатые ротмистры, иѣкогда сами бурные кутилы-мученики, цвѣтъ *бердичевскихъ* временъ, а нынѣ строгіе моралисты, — косятся они, посылая на сѣрый конецъ безпокойные и внушительные взгляды. Конфузится и краснѣетъ самъ добрѣйшій Артамонъ Сергѣичъ, амфитріонъ пиршества, рыцарь добра и снисхожденія, конфузится и краснѣетъ за расхваливающую и шумливую молодежь.

«*Прекрасный день, веселый день, счастливый день!* чуть-чуть ужъ не поютъ на сѣромъ концѣ.

— Потише, потише господа! нахонтываетъ какой-нибудь врагъ вакхическихъ экстазовъ, случайно замѣшавшійся на сѣрый конецъ.

— Поберегите себя для вечера! слышится другой голосъ, въ которомъ звучитъ уже не укоръ, а искреннее, отеческое участіе: — берегите себя для вечера. Куда будете годиться послѣ, вечеромъ-то, когда ужъ теперь того?

Но это гласъ въ пустынѣ вопіющихъ!

— Бурцовъ, пью твое здоровье! отвѣчаютъ на все это съ сѣраго конца. А музыка гремитъ, а шумъ и гулъ все больше и больше: Вилки, ножи, ложки поминутно падаютъ на полъ тамъ и сямъ, за каковымъ пассажемъ непосредственно слѣдуетъ громкій хохотъ.

— А скоро-ль, чортъ возьми, будутъ подавать шампанское? Пора бы ужъ! раздаются нетерпѣливые голоса на томъ же сѣромъ концѣ.

.....

— Ага, несутъ! Несутъ наконецъ! Ахъ пре-лест-ца-я подру-га, тра-ла-ла-ла-ла! запѣваетъ кто-то вполголоса, потирая руки. Радостнымъ, веселымъ сіяніемъ освѣщаются лица, чудныя, сладострастные улыбки расцвѣтаютъ на устахъ...

.....
 «О вдовье Кликко, благословенное вино! Если вкусу, по правдѣ сказавши, не много въ тебѣ, зато есть идея!.. О, скольшевелишь ты нашъ сонный esprit!..

.....
 Настаетъ минута торжественная, водворяется тишина священная, прекращаются шумныя рѣчи, умолкаетъ музыка, сосредоточенно и вопросительно устремляются взоры всѣхъ на одинъ пунктъ, именно туда, на Олимпъ, гдѣ предсѣдательствуетъ генераль. Поднимается съ мѣста этотъ старецъ и предлагаетъ первый официальный тостъ...

.....
 Но... но что сравниться можетъ съ тѣмъ живымъ, неударжимымъ какъ потокъ Ніагары, какъ лава Везувія одушевленіемъ, которое овладѣваетъ сердцами сопирующихся, когда тотъ же звѣздоносный воинъ произноситъ наконецъ слѣдующій, давно всѣми желанный и вожделѣнный тостъ :

— Господа! начинается онъ : — позвольте имѣть честь предложить тостъ въ честь...

Увы! этотъ заранѣе подготовленный, хотя краткій, но лестный для полка спичъ при самомъ началѣ прерывается безвозвратно; голосъ оратора исчезаетъ безъ слѣда въ массѣ разражающихся залпомъ восторженныхъ всеобщихъ кликовъ :

• Ура! Урра! Уррра! Урра-а-а! Урра-а-а-а! Червогородскій полкъ, урра! Червогородскій полкъ, урра-а-а-а!»

«Урра! раздается подъ сводами пиршественнаго зданія.

«Уррраааа!» повторяетъ потрясеная окрестность, лѣса и доли, горы и поля (1).

Оглушительно-трескучій ревъ мѣдныхъ трубъ сочувственно вторитъ кликамъ восторга. Начинается хаосъ, лзыковъ смѣшеніе...

И подъ симпатическіе, волнующіе нервы звуки орудій мусійскихъ начивается долгое, восторженное ликованіе, взаимное,

(1) Если таковыя близости имѣются. (Позднѣйшее примѣчаніе лѣтописца.)

братское цѣлованіе. Одно слово — «другъ друга обнимемъ! рцемъ, братія, и ненавидящимъ насъ!..»

.....

И долго длится такимъ образомъ веселый обѣдъ, до тѣхъ поръ однимъ словомъ, пока не наступаетъ наконецъ (какъ и слѣдуетъ) такой критическій моментъ, когда всѣ хотятъ говорить и никто не хочетъ слушать. Лицо самого генерала расширяется словно макъ цвѣтъ, и сквозь хаосъ звуковъ и рѣчей явственно уже слышатся его превосходительный и снисходительный ласковый смѣхъ. Посвѣжѣла старческая душа его, разогрѣлась застывшая кровь...

.....

А музыка гремитъ, а шумъ и говоръ больше и больше. Разстегнулись воротники, распахнулись сердца, развязались уста. Задѣсь споръ о службѣ, тамъ патетическій павегирикъ давнымъ-давно павшей лошади, которой подобной не было въ цѣлой дивизіи. Толкуютъ и шумятъ обо всемъ: о философіи и ерадашѣ, о женщинахъ и объ австрійской политикѣ. Затрогиваютъ капитальные вопросы, рѣшаютъ ихъ безъ затрудненій въ одну секунду, изрекаютъ полновѣсныя истины, поражаютъ умъ парадоксами.

Но что за звукъ, что за ударъ кулакомъ по столу, что за неестественный, какъ-будто свирѣпый возгласъ поражаетъ слухъ вашъ? Боже, что такое? Не исторія ли? не скандалъ ли, спаси насъ Боже отъ грѣха? думаете съ ужасомъ вы: — что такое? спрашиваете вы, въ недоумѣніи обращая взоры ваши въ ту сторону, откуда послышался шумъ.

— Да вотъ Зибевъ на литературу бѣсится! отвѣчаютъ вамъ.

.....

— «Да, именно на литературу! на литературу нынѣшнюю! подхватываетъ Зибевъ, бросая вкругъ себя молніеносные взгляды и чуть не задыхаясь отъ душевнаго волненія: — на литературу! Да, на то враждебное направленіе ея противъ офицерскаго сословія, на эту антипатію, которая болѣе или менѣе выказывается въ произведеніяхъ даже лучшихъ нашихъ писателей!

«До чего вѣдь дѣло-то дошло! Нѣтъ журнала, вѣтъ газеты, гдѣ бы не было сатиры, гдѣ бы не было карикатуры на нашего брата...

«Но, спрашивается, какіе типы выводятъ они на сцену? Вѣдь

хорошо еще, ежели только безвреднаго фата, какого-нибудь безпечнаго кутилу, недозрѣлаго полуграмотнаго недоросля... а то вѣдь чаще всего... грубаго невежду... дерзкаго буяна... горькаго пьяницу... иногда чортъ знаетъ какого архаровца! Это вѣдѣ что не похоже!

Таковъ общій характеръ обѣда.

XI

Мухояровъ, какъ мы сказали, сидѣлъ на сѣромъ концѣ стола. Зная прежнія привычки Заруднаго, онъ былъ вполне увѣренъ, что будетъ за столомъ какъ нельзя болѣе близкимъ соседомъ Заруднаго, и рассчитывалъ, что брудершафтъ поправитъ дѣло. Вышло напротивъ. Зарудный очутился на *верху*, среди сановныхъ лицъ, между Курнашевичемъ и какимъ-то чопорнымъ остзейскимъ барономъ, пріѣзжимъ изъ другого полка. Когда всѣ пили за здоровье, честь и благоденствіе полка, Мухояровъ подошломъ было съ бокаломъ къ Зарудному, но послѣдній въ эту минуту, случайно или съ умысломъ, отвернулся въ сторону. Нѣсколько человекъ въ тоже время подошли къ нему и стали чокаться и лобызаться; къ Мухоярову тоже адресовался кто-то и попросилъ выпить вмѣстѣ *черезъ руку*, такъ что пока Мухояровъ успѣлъ снова наполнить свой бокалъ, всѣ опять уже успѣли по своимъ мѣстамъ. Благопріятный моментъ былъ потерянъ и Мухояровъ при Курнашевичѣ попытки своей возобновлять не хотѣлъ.

Въ жизни полковыхъ обществъ праздникъ имѣетъ важное значеніе. Обыкновенно принято — всѣ мелкія размолвки и непріятности предавать въ этотъ день полному забвенію, и обычай этотъ имѣетъ начало свое въ глубокой древности. Очень понятно поэтому, что Мухоярову не хотѣлось упустить удобнаго случая, невоспользовавшись которымъ онъ легко могъ ожидать, что размолвка его съ Заруднымъ затянется въ странныя и неопредѣленныя отношенія. Поэтому-то, когда кончился этотъ достопамятный обѣдъ, онъ хотѣлъ добиться непременно возможности закончить дѣло. Безпокойный, впечатлительный характеръ его не могъ выносить этой неопредѣленности. Но Зарудный послѣ обѣда застѣлъ у Курнашевича съ остзейскимъ барономъ и еще

однимъ господиномъ серьезно-чопорваго свойства , въ ералашъ. Мухояровъ десять разъ подходилъ было къ квартирѣ Курвашевича — и не могъ рѣшиться войти.

XII

Програма полкового праздника иногда бываетъ однакоже гораздо сложнѣе, нежели сколько кто-нибудь неполнѣ знакомый съ существующимъ порядкомъ вещей подумать можетъ. Обѣдъ есть только въ нѣкоторомъ родѣ прелюдія, вступленіе, увертюра, или даже положимъ хоть и первая часть праздника; настоящее же пиршество, настоящей содомъ — вечеромъ. Обѣдъ лежитъ на обязанности командующаго полкомъ, — обязанность, долгъ, освященный временемъ и преданіями; пиршество вечернее устраивается на счетъ общественный. Это апотеоза праздника.

Наступилъ вечеръ, прелестный, очаровательный. Само небо казалось хотѣло покровительствовать смертнымъ, благословляло грядущій кутежъ. Гдѣ же быть пиршеству, какъ не на открытомъ воздухѣ, среди животворныхъ, свѣжихъ волнь его, подъ покровомъ голубого яснаго неба?

Чудно хороша деревня Нечаевка въ благодатную лѣтнюю пору. Умильно и привѣтливо смотрятъ изъ роскошной зелени садовъ бѣленькія глиняныя хатки ея; манить взоръ къ себѣ, мысль и душу живописная окрестность; свѣтлыя волны Буга рокочутъ и прядаютъ черезъ нагроможденные на днѣ его утесы. дробясь и разсыпаясь миллиономъ брызгъ; блѣднолиловый гребень горъ на далекомъ горизонтѣ тлится безконечною грядою вдаль, и раздольная степь широко раскинулась, сливаясь съ небесами въ отдаленной таинственной мглѣ.

Вечернее празднество устраивалось подъ дирекцію подполковника Бурмашистова.

Подполковникъ Бурмашистовъ! Милѣйшій изъ всѣхъ штабъ-офицеровъ, которые когда либо существовали въ армейской-кавалеріи! О единственнѣйшій человекъ по части устройства завтраковъ, обѣдовъ и всякаго рода веселыхъ собраний! Геній, художникъ-геній! Гдѣ родились вы? Подъ какими благотворными лучами цивилизаціи развились таланты ваши? Г. подполков-

никъ Бурмашистовъ! (положа руку на сердце:) душевное вамъ русское наше *спасибо!* какъ говорить г. Кокоревъ. Вы заслуживаете монумента!

Простой, дикій садъ, находившійся при квартирѣ Бурмашистова, онъ какъ-будто силою волшебства въ нѣсколько дней обратилъ въ самый роскошный (да позволена будетъ намъ ради краснаго слова сія маленькая гипербола) цвѣтникъ. Изъ этого родника брызнулъ великолѣпный (гипербола тожъ) фонтанъ, на деревьяхъ замелькало безчисленное множество разноцвѣтныхъ фонариковъ. На полянкѣ въ углубленіи сада воздвиглась исполинская палатка, разубраная и разукрашенная какъ чертогъ. Безъ шутокъ, все это было очень затѣливо, очень мило, очень эффектно.

Вполнѣ проникнутый исполненіемъ своей высокой обязанности, предвкушая райскія радости предстоящаго пиршества, какъ творецъ всего, неумолимо хлопоталъ подполковникъ, зорко слѣдя за всѣми едва уловимыми для глаза простого смертнаго мелочами.

Отдохнувши послѣ обѣда, освѣжившись въ струяхъ Буга, принявши содовыхъ порошковъ, заботливо и предусмотрительно въ свое время приготовленныхъ достойнымъ штабъ-лекаремъ, публика въ урочный часъ начала собираться въ новѣйшее Эльдorado.

— А ну, чтоже господа, всѣ ли собрались? всѣ ли? горячился Бурмашистовъ, окидывая собраніе быстрымъ взглядомъ.

— Всѣ!

— И прекрасно! Трубачи! начинай! гаркнулъ Бурмашистовъ.

Черрадини, бывшій нѣкогда на своей прекрасной, далекой родинѣ то странствующимъ пѣвцомъ и актеромъ, то аббруцскимъ *bravo*, то солдатомъ арміи Ріо Нопо, а нынѣ затянутый въ форменный вицмундиръ російскаго полка капельмейстеръ, страшно, нечеловѣчески, совершенно поитальянски сверкнулъ черными очами и взмахнулъ своей палочкой — и вслѣдъ затѣмъ торжественные, мощные, зовущіе къ побѣдѣ звуки марша № 17 огласили окрестность.

— Чаю, чаю господа! Кому угодно чаю? Кому? Сликовъ кому угодно? горячится Бурмашистовъ. — Рому! рому! слышится

въ отвѣтъ сквозь эти побѣдвые, все существо офицерское подмывающіе звуки.

Составились группы самыя разнообразныя, самыя живописныя. Усѣлись на скамьяхъ и стульяхъ, разлеглись на муравѣ зеленой...

А когда ночь осѣнила своимъ покровомъ землю, заварили жжонку. Никогда не называемый по фамиліи штабсъ-ротмистръ Иванъ Антонычъ по единодушному приговору облеченъ въ санъ жреца. Какъ нѣкій магъ стоитъ онъ надъ жертвенникомъ, совершая великое таинство; масса фіолетоваго пламени судорожно вспыхиваетъ надъ исполинскою чашею, озаряя блѣднымъ могильнымъ свѣтомъ и его грандіозный, достойный штабсъ-офицерскаго сана образъ, и лица присутствующихъ, густою стѣною обступившихъ жертвенникъ.

— А чтоже, господа, хоръ, хоръ? Приличный случаю хоръ? суегится Бурмашистовъ.

— Да чтоже пѣтъ?

— Что-нибудь, лишь бы пѣтъ!

Кто за бокаломъ не поетъ,
Тому не полная отрада!
Богъ иѣсенъ, какъ богъ винограда,
Восторги новые даетъ!
Восторги новые даетъ!
Востор...

затягиваетъ Змѣевъ.

— Да нѣтъ! нѣтъ!, венгерскую, венгерскую! раздаются голоса.

— Ну, такъ венгерскую! Хаджи Эдиковичъ! рзни! только басомъ! поддерживаютъ другіе.

Три кварты пива, чѣре палѣньки —
Кохай мне, дивче, бассам'аленьки!

— Bravo, хаджи! bravo! брау-брау! Ну теперъ хоръ! Труба-чи! Эй! Подхватывай!

Ай джюпи-джюпи-джюпи,
Коло халюпи!
Ай джюпи-джюпи-джю!

Долго-долго раздаются еще куплеты этой безконечной яко-

бы венгерской пѣсни пѣть акомпанировать трубу, то мелодическій и нѣжный, то потрясающій органы слуха. — Что, скоро ли жжонка будетъ готова? прорываются иногда нетерпѣливые вопросы.

— Готово! произносить жрецъ.

О, какъ жадно, какъ страстно прилипаютъ уста къ горячей ароматной влагѣ!

— А ну-ко, Дроздовъ, бери-ко, братъ гитару!.. Споемъ, господа, цыганскую?

— О споемъ! споемъ! «Крамбамбули, отцовъ наслѣдство!» Нѣтъ! «Бѣла живка мужика!..» «На горѣ крутой!»

А музыка гремитъ... Стонетъ вся окрестность отъ этихъ звуковъ. Поютъ и вьютъ. Пьютъ и поютъ. Послѣ жжонки приносятъ шампанское. «Уррра!» Пьютъ и поютъ, поютъ и пьютъ...

— *Сосѣда!* вскрикиваетъ Бурмашистовъ.

— *Сосѣда! сосѣда! Со-сѣ-да!!!* подхватываютъ голоса. — Садитесь! Садитесь!

— Ну что, усѣлись?

— Усѣлись! усѣлись! Жребій! жребій! кому начинать?.. Змѣеву! Silence, messieurs! Смирно! Ну, начинать, господа!.. Стаканъ малъ!.. Тш!

ХОРЪ

• Наливай сосѣдъ сосѣду!
Сосѣдъ любить пить вино!

(Змѣевъ наливаетъ шампанскаго въ стаканъ сосѣда.)

Подноси сосѣдъ сосѣду!
Сосѣдъ любить пить вино!

(Змѣевъ подноситъ стаканъ сосѣду.)

Поклонись сосѣдъ сосѣду!
Пусть онъ выпьетъ все вино!

(Змѣевъ дѣлаетъ поклонъ.)

(Moderato и съ наилюбезнѣйшею улыбкою:)

Выпивай, сосѣдъ любезный,
Ты вѣдъ любишь пить вино!

(Слѣдуетъ всеобщій поклонъ. Сосѣдъ встаетъ раскланивается на всѣ стороны и выпиваетъ стоя.)

Wypil! wypil! nic nie zostawil!
 Bo daj go, bo daj go Bóg blogostawil! (1)

(Сосѣдъ садится.)

Оботри сосѣдъ сосѣда!
 Онъ вѣдь выпилъ все вино!

(Змѣевъ обтираетъ уста сосѣда.)

Поцѣлуй сосѣдъ сосѣда!
 Вѣдь онъ славно пьетъ вино!

(Слѣдуютъ взаимныя объятія и поцѣлув. И такъ далѣе, и такъ далѣе, въ круговую.)

Уже Артамона Сергѣича подхватываютъ на руки и начинаютъ качать. Громадное туловище его какъ мячикъ взлетаетъ на воздухъ, а физиономія его улыбается какою-то неземною улыбкою. Качаютъ Бурмашистова, качаютъ Ивана Антоныча, качаютъ другъ друга... Всѣ лица красны, губы подняты, мундиры растегнуты. Расходилась, развернулась и вправо и влево, на всѣ стороны широкая, русская наша натура!

Да! по нашему коль пить,
 Такъ выпить цѣлый океанъ!..

Но что это за звуки, мучительные, болѣзненные, словно стоны погибающей жертвы?.. Не вопли ли это души, разлучающейся съ міромъ? А! Лючія! Лю-чія!.. Л-ю-ч-і-я!.. «О Лючія! Лю-чія! Л-ю-ч-і-я!..»

Эдгаръ и Лючія (Прокопенко и Буць) замираютъ въ страстномъ, раздирающемъ сердце дуэтѣ... Тоскливо и мучительно поютъ мѣдныя трубы ихъ... и Черрадини, швырнувъ свою палочку куда-то въ кусты крыжовника уже судорожно хватается себя за грудь, поднимаетъ руки къ небу, и поетъ, поетъ... И еще три десятка голосовъ подхватили за нимъ, слились въ одну общую скорбную, безнадежную пѣснь, еще нѣсколько десятковъ рукъ судорожно поднялось къ небу, воздѣлось горѣ...

Таковъ въ общихъ чертахъ характеръ пиршества вечерняго.

(1) Выпилъ! выпилъ! ничего не оставилъ!
 Да благословитъ его господь!

XIII

Кутежъ достигалъ своего апогея. Наступалъ тотъ можно-сказать критическій моментъ, когда онъ долженъ былъ или обратиться въ оргію, или должно придти пресыщеніе, утомленіе. Поэтический букетъ онъ уже утратилъ. Артаномъ Сергѣичъ уѣхалъ домой еще врежде. Нѣкоторые изъ гостей тоже начали выражать безпокойное желаніе отыскать свои фуражки. Музыка уже трубила зря, какай-то вадоръ, а самого Черрадиши не было уже въ живыхъ: его гдѣ-то оуливали водой.

— Господа! господа! кому угодно? раздался вдругъ зычный голосъ Бурмашистова. — Господа! Штось! Пожалуйте въ палатку! Начинается, шлось, штось! Штось, къ вашимъ услугамъ! Въ вальсину! шлось, штось, штось!

Слова эти, какъ и слѣдовало ожидать, произвели тотчасъ же малую реакцию. Въ палаткѣ дѣйствительно кто-то уже распевавалъ карты и сооружалъ банкъ. Черезъ десять минутъ уже вся толпа, кльнувшая сюда изъ сада, буквально осадила степь, покрытый веленымъ сукномъ. Игра началась. Подъ вліаніемъ этихъ новыхъ ощущеній, при помощи содовыхъ перемывъ и вальсаркей воды многіе очень скоро отрезались совершенно.

Мухомаровъ однакоже вслѣдъ за другими не пошелъ, а оскандился въ саду. Въздохъ, вздохъ онъ дилъ очень много, хотя пилъ безъ увлеченія, а больше такъ-сказать съ горя, какъ обыкновенно пьетъ русскій человекъ, когда душа и сердце его бывають не на мѣстѣ. Судьба видимо потѣшалась надъ нимъ въ этотъ день, ставила его въ какія-то меловкія, страшныя, положемія. Давши себѣ слово сойтись снова съ Зарудинимъ, безъ особаго впрочемъ ущерба своему самолюбію, уже нѣсколько затронутому и развращенному, онъ дѣсколько разъ обращался къ нему въ продолженіи вечера то въ бокаламъ, то съ дуткой, но всегда какъ на грѣхъ выхледило поцѣло, напамуте, и какъ водится у людей въ подобныхъ случаяхъ, Мухомаровъ сердился не только на себя, но и на Заруднаго... Зарудный все время не отставалъ отъ Куррашевича, держалъ себя чересчуръ тихо, но въ крайности прилично, такъ что подкутыишему

Мухоморову было совѣстно за себя: онъ чувствовалъ, что онъ смѣшонъ въ глазахъ Заруднаго. И онъ волновался все больше и больше, напрасно стараясь потушить волненіе это усиленными приѣмами и жжонки, и шампанскаго. Онъ начиналъ уже пьявѣть, и разгоряченное воображеніе снова стало представлять ему въ дурномъ свѣтѣ Заруднаго, снова вспомнилъ онъ послѣднее письмо его, его обращеніе съ нимъ во время встрѣчи, снова велепнилъ онъ нетрезвыя рѣчи Александра Матвѣича — и разочарованіе начало запускать когти свои въ романтическое сердце поручика.

Мухоморовъ присѣлъ подъ топодемъ на дерюшную скамейку и погрузился въ глубокую думу. Характеръ его былъ изъ тѣхъ несчастныхъ характеровъ, которые въ тревожныя минуты не успокаивать стараются себя, а напротивъ, раздразнить еще болѣе, мучить себя, создавать небывалые призраки. Въ саду никого уже почти не было, фонари давно погасли, и только поджигатели въ свою очередь трубачи еще отхлывали какую-то бурную шолку, и то единственно для удовольствія дельщиковъ, которые, шалвавшись остатками жжонки и шампанскаго, откалывали въ присядку, да неподалеку отъ Мухоморова какіе-то два голоса во мракѣ ночи еще вели между собою горячій, дикій споръ.

— Два мѣсяца ты, тысячу верстъ прошелъ, и цѣлый-то переходъ ты шлѣ! укорялъ одинъ другого. — На каждомъ переходѣ пьянѣ былъ.

— Аиъ нѣтъ!.. не... на... каждомъ! отвѣчалъ другой голосъ, но неровный, косящій.

— На каждомъ!

— Нѣтъ... не... на каждомъ... Еще вѣдомость полъ литерою *Джостовалъ*... Вся канцелярія знаетъ.

— Врешь! на каждомъ... Ну, гдѣ ты не шлѣ? Гдѣ пьянѣ не былъ?

— Гдѣ!.. Гдѣ!.. Въ Дубоссаракъ не былъ!

А Мухоморовъ сидѣлъ и не слышалъ ничего. Онъ кипѣлъ уже и отъ досады, и отъ самолюбія... Все то, на что во всякое другое время онъ не обратилъ бы можетъ-быть никакого вниманія, все это начало представляться ему въ увеличенномъ видѣ. Изъ муки онъ сталъ дѣлать слова. Во всемъ томъ, на что въ спржойвья минуты онъ бы смотрѣлъ гораздо кладнокровнѣе, на это

всякій другой на его мѣстѣ просто бы наплевалъ (какъ и слѣдуетъ поступать въ подобныхъ случаяхъ), теперь онъ видѣлъ какой-то умыселъ, какую-то фанатерию со стороны Заруднаго. Богъ-знаетъ какія нелѣпыя идеи началъ подсказывать ему отуманенный неумѣренными употребленіемъ вина разсудокъ... Ему стало казаться, что Зарудный явно пренебрегаетъ имъ, стало казаться, что и всѣ (великое слово *асъ!*) это днають, это видятъ, и та доля жолчи, которая живетъ въ сердцѣ всякаго человѣка, теперь, благодаря усиленному дѣйствію чертъ и дарамъ шампанскаго, поднялась у Мухоморова, закипѣла нечаяннотку. Самолюбіе, щепетильное самолюбіе разыгралось въ немъ, и въ сердцѣ заговорило что-то похожее на чувство личной и глубокой обиды. Разсудокъ потерялъ власть свою надъ нимъ...

Но, Боже милостивый! за что же Зарудному особенно пренебрегать Мухоморовымъ? Чѣмъ гордиться? За что третировать его? Мстить вѣдь за вадорное слово вчерашнее? Да!.. Въ Петербургѣ побывалъ!.. Аристократомъ сталъ!.. зазнался... Часъ-два стаю подумивъ? Боядсья, чтобъ меня на шею не пришлось вѣдать? Заруднѣ отсрапать конешъ?... Врешь!.. Незнаешь ты меня амачить!.. Ты бѣдѣвъ былъ... а я и тогда... я и тогда себя бы замучить позволилъ за тебя!.. Нѣтъ!.. врешь ты... Зарудный!.. врешь!.. — шептала Мухоморова, чувствуя на сердцѣ невыносимую, жгучую боль и горечь...

Ему бы выпить холодной воды со льдомъ, уйти домой, лечь спать, успокоиться — а онъ, несчастный, отправился изъ саду въ буфетъ, потребовалъ еще бутылку шампанскаго, выпилъ еще стакама два залпомъ, съ ожесточеніемъ, и уже оцѣлѣлъ оцѣлѣтельно...

— Мухоморовъ! а Мухоморовъ! что ты тутъ дѣлаешь? раздался надъ самымъ ухомъ его голосъ одного изъ товарищей, когда подъ вліяніемъ послѣдняго приѣма вина онъ погрузился было въ какое-то самозабвеніе. — Что ты сидишь тутъ? продолжалъ тотъ, трясъ его за руку: — пойдемъ играть. Банкъ великолѣпный!

— Что-о?.. играть?.. Играть? отозвался Мухоморовъ очнувшись. — Хорошо!.. хорошо!.. Да!.. пойдемъ! пойдемъ. — И Мухоморовъ поднялся съ мѣста. — Пойдемъ! Сорвемъ банкъ! вскрикнулъ онъ наконецъ, и невѣрными, но свѣдшими шагами вошелъ въ палатку. Въ головахъ и на сердцѣ у него былъ страшнѣйшій хаосъ...

XIV

Было уже далеко за полночь. Игра была въ полномъ разгарѣ. Много лопнуло банковъ, много сѣпилось банкометовъ, пока наконецъ счастье не склонилось на сторону блднаго избранныаго любимца. На этотъ разъ имъ были Зарудный! Онъ держалъ банкъ пополамъ съ Курнашевичемъ, который сѣдѣлъ тутъ же, съ нимъ рядомъ, зорко слѣдя за каждой ставкой и дѣлая необходимые расчеты. Зарудный металъ съ достоинствомъ, побѣдносно, банкъ возрасталъ до огромной (конечно относительно, и сообразно съ фонперскими фондами) суммы. Густая толпа понтеровъ и простыхъ зрителей-аматеровъ, чуть не лежа на плечахъ другъ у друга, окружала столъ. Кто подтверждалъ хладнокрѣвно, безстрастно, съ достоинствомъ и приличьемъ, кто напротивъ горячился, рвалъ карты, кидалъ ихъ подъ столъ съ разными энергическими эпитетами. Какой-то оатъ въсколѣло разъ принимался тутъ же жечь на свѣчкѣ струблевую асимптоту: «Вскликивая: ка не! По калибрату очко! Труа-де-бодан? Не пущитъ ли, шельмовство, брадера? Бей своихъ, чужде будити болятск! перекрещивались; сыпались со всѣхъ сторонъ въ невѣроятномъ количествѣ.

А Зарудный металъ, и металъ вовсе неподозрѣвая какая буря разогривается въ сердцѣ Мухоморова, незажывая его отъ думствія, позабывши даже кажется объ его существованіи. Попавши со вчерашняго только вечера снова въ тотъ кругъ, отъ котораго почти уже отвыкъ, и попавши такъ-сказать въ самую бурную минуту, онъ былъ совершенно какъ въ чадѣ. Курнашевичъ овладѣлъ имъ совершенно! Игра и наконецъ выигрываетъ побѣдили все его вниманіе, и ему даже некогда было придти мысли въ голову, что Мухоморовъ по прежнимъ ихъ отношеніямъ имѣлъ бы больше правъ на его вниманіе, чѣмъ этотъ Курнашевичъ, чѣмъ все эти тузы, короли, валеты и прочія карточная дребедень.

— Король, ва-банкъ! раздаея вдругъ въ палаткѣ промѣна гблѣсь, дотога громкій, что все невольно повернули головы въ ту сторону, откуда онъ послышался.

— Король, ва-банкъ! повторилъ Мухоморовъ, порывающъ къ

столу, перевернуть шампань — и расталкивая носовыми пальцами прочих поцѣрковъ, незамѣчая ихъ ропота. Съ какой-то странной самоувѣренностью хлопнулъ онъ всею пятерною по лучъ асигнацій и полумиллеримокъ, лежащихъ на столѣ въ бумажки такъ что асигнаціи разлетѣлись въ стороны и задетою зѣвня покатилось платкомъ, задѣвая шарокинуль лопатомъ водосвѣчникъ, толкнулъ чей-то стаканъ съ чаемъ прямо на мундиръ одного изъ поцѣрковъ. Бѣдна начиналась дельце шамалѣбанай! Громкій хохотъ, шепотъ неудовольствія раздались кругомъ — стои и Мухояровъ всыпалъ, рассердился на свою неловкость, рассердился на хохотъ. Однакожъ онъ не забылъ наивнѣться.

— Что мечеть? спросилъ онъ, когда нарушенный миръ порядкомъ былъ снова восстановленъ, стараясь придать голосу своему возможно-серьезный тѣмбръ и показывая видъ, что въ совершенствѣ можетъ владѣть собою.

— Я мечу! отвѣчалъ Зарудный.

— Зарудный мечеть! подсказало нѣсколько голосовъ.

— Въмѣстѣ со мною мечеть! прибавилъ Курнашевичъ какъ будто нехотя и небрежно.

— А-а! протянулъ Мухояровъ, и протянулъ такимъ голосомъ, что всѣ снова неволью взглянули на него. И Зарудный въ недоумѣніи устремилъ на него взоръ, какъ-будто желалъ угадать что значило, какой смыслъ имѣло это протяжное, многозначительное: «а-а!» И онъ тоже встрѣтилъ устремленный на себя взглядъ Мухоярова, хотя омраченный, подернутый какою-то пеленою, но злобщій, вызывающій.

Въ годовѣ Мухоярова дѣйствительно бродило что-то неясное и неопредѣленное, что-то похожее на искушеніе. «Мечеть Зарудный и еще съ Курнашевичемъ!.. Неужели же отступить?.. Неужели спасовать, стушеваться?..» вотъ идея, которая волновала нетрезвый разумокъ его въ эти минуты. Зарудный стасовалъ карты,

— Да банкъ! проанесъ Мухояровъ, сдвигывая со стола первую попавшуюся ему карту, и становясь гордо въ позицію драбрана-понтера, протянувши правую руку съ картою на столъ, а лѣвою удержись въ бокъ, закинувши сдѣска голову назадъ и приниравши самый рѣшительный видъ.

— Аи да Мухояровъ! раздались кругомъ: — проанесъ!

проскрипчились! брызнул откуда-то из угла шестипятицей, перепный голосъ.

Курнашевичъ слегка тронулъ колѣсникъ Заруднаго и тихо шепнулъ ему: «не мечте!» Зарудный медлялъ.

— Ну? спросилъ Мухоморовъ.

— Не мечу! возразилъ тотъ, срѣзалъ талию и открылъ карты. — То-есть тебѣ не мечу, прибавилъ Зарудный.

— Почему же именно для не мечешь? спросилъ Мухоморовъ перепаннымъ и дрожащимъ голосомъ. Онъ запустилъ руку въ карманъ свой, чтобы вынуть оттуда бумажникъ, и ослепка не качнулся на нетвердо-стоявшихъ ногахъ.

— Кушъ слишкомъ великъ! — И Зарудный началъ метать.

— Я отвѣчаю! сказалъ Мухоморовъ в бросилъ бумажникъ на столъ.

— Не бью! отрывисто возразилъ Зарудный.

Мухоморовъ отвалился немного корпусомъ назадъ, ласково-насмѣшливо, пристально посмотрѣлъ на Заруднаго, взглянул на Курнашевича и вдругъ брякнулъ:

— Тррррусь!..

Въ этомъ словѣ случайно прозвучало столько презрѣнія, тонъ, которымъ произнесено было оно, до того былъ обиденъ, что многіе совершенно противъ воли вздрогнули и какъ-то инстинктивно взоръ cadaго обратился на Заруднаго. Смѣшная до сихъ поръ сцена начинала принимать видъ *исторіи*.

Зарудный на секунду поблѣднѣлъ. Онъ однакожъ ни однимъ словомъ, ни однимъ взглядомъ не отвѣтилъ на нелѣпую выходку Мухоморова и продолжалъ метать. Кончивши талию, онъ взглянулъ на Мухоморова, но герой нашъ не отходилъ отъ стола и снова выбиралъ изъ груды картъ еще одну, видимо дожидаясь новой талии, сохраняя до крайности гордый и смѣшной видъ. Зарудный снова тасовалъ и срѣзалъ

— Атаде! Идетъ ва-банкъ! произнесъ Мухоморовъ.

Курнашевичъ снова толкнулъ Заруднаго. Счастье могло въ одну секунду измѣнить банкѣметамъ, и огромный выигрышъ пропалъ бы низачто, лишиться его было-бъ жалко.

— Я сказалъ уже, что я вамъ не бью! возразилъ Зарудный серьезно и возвысивши голосъ. На него смотрѣло нѣсколько десятковъ глазъ, онъ это чувствовалъ и ему не хотѣлось уронить себя. Интересъ сцены возрасталъ, все молчало.

— Почему же-съ это такъ? Почему, дозвольте спросить васъ? заговорилъ Мухояровъ, упирая на словѣ *васъ* и уже какъ-то высокообраннымъ тономъ. Онъ слышалъ, что среди всеобщей почти тишины раздастся омакожъ какъ-будто неясный шопотъ, едва сдерживаемый смѣхъ, и въ свою очередь тоже чувствовалъ на себѣ дѣйствіе чужихъ взглядовъ. Онъ впился взглядомъ въ Заруднаго и уже началъ рисоваться.

— Мухояровъ! оставь, оставь пождауста! заговорило нѣсколько голосовъ. — Послѣ! послѣ! талія уже затянута! — Каждый инстинктивно почувствовалъ, что сцена мало-помалу принимаетъ характеръ угрожающій. Нѣкоторые отошли отъ стола, удалились отъ грѣха и сотворили благо. Маленькій, кровожадный, извѣстный въ полку подъ названіемъ «копчикъ», поручикъ Венжикъ, послѣдно стеръ свою записку, захватилъ изъ банка свой выигрышъ и тоже отскочилъ отъ стола, устремивши издали зеленые глазки свои на дѣйствующихъ лицъ, ладительно улыбаясь и ожидая чѣмъ все это кончится.

— Почему не хотите метать? повторилъ Мухояровъ вопросъ свой, настойчиво добываясь отъ Заруднаго отвѣта.

— Мухояровъ! Restez donc! сказалъ Курнашевичъ, складывая на губахъ любезную, но фальшивую улыбку.

— Не ваше дѣло! грубо отрѣзалъ Мухояровъ.

— Потому (и Зарудный отвѣчалъ хотя вѣжливо, но твердо и нѣсколько надменнымъ голосомъ) потому что впервыхъ я не вижу расчета играть съ вами, а вторыхъ — послѣ вашей дерзости.

— Господа, что за исторія! Мухояровъ, опомнись! что съ тобою? Къ чему это? Зарудный! что ты такъ горячо принимаешь это? Зачѣмъ отравлять удовольствіе! заговорили опять многіе въ толпѣ, уже нешутку начиная тревожиться. — Проваливай, братъ! болтнулъ изъ угла прежній веселый, ненатуральный голосъ. — Ха-ха-ха! Проваливай! Нѣтъ тебѣ ни правой, ни лѣвой! Ха-ха-ха-ха!

Но уже Мухояровъ не владелъ собою...

— Чтожъ я шулеръ чтоли, что со мной играть нельзя! вскричалъ онъ въ бѣшенствѣ, непонявши настоящаго смысла словъ Заруднаго и только увлекаясь своею раздражительностью. При этомъ онъ такъ стукнулъ кулакомъ по столу, что подсвѣчники снова кувыркнулись и полетѣли на полъ.

Выходка эта уже оскорбила цѣлое общество.

— Довольно, г. Мухояровъ! вскрикнули все разомъ. — Довольно!

Кто-то схватилъ было его за руку, но онъ съ силою вырвалъ ее.

— Дерзости?.. Что дерзости?.. Какія дерзости?.. продолжалъ Мухояровъ уже окончательно придираясь и совершенно выходя изъ себя. — Вы считаете себя обиженнымъ?.. И тоже считаю себя обиженнымъ!.. Вамъ угодно стрѣляться со мною, чтоли?.. Брѣтѣромъ въ Петербургѣ сдѣлался?.. Извольте!.. Завтра же!.. сейчасъ, когда угодно!.. къ услугамъ вашимъ! Чѣмъ скорѣй — тѣмъ лучше!.. Пересвѣтовъ! будь моимъ секундантомъ!..

Потомъ онъ сдѣлалъ всеѣмъ какой-то общій невѣроятный реверансъ, окинулъ публику блестящимъ взглядомъ и съ центральнымъ эффектомъ, гордо удалился изъ палатки, прежде нежели озадаченный Зарудный и все прочіе могли уразумѣть что все это значить.

Скандалъ вышелъ полный, совершенный... Игра само собою разумеется прекратилась въ ту же минуту: такая неожиданная развязка сбила всѣхъ съ толку. Многие изъ патриотовъ полка еще такъ недавно рисовались передъ своими прѣзжими гбстами общимъ благоприличіемъ полка, пускали пыль въ глаза благородному и вѣжливостію взаимныхъ отношеній своихъ!.. Растерявшійся Зарудный въ волненіи бросилъ карты на столъ и началъ ходить лихорадочными, поспѣшными шагами, неумѣя дать себѣ отчета, не въ силахъ будучи понять что такое именно съ нимъ случилось, востанъ ли все это онъ видитъ, или наяву.

Въ первую минуту никто почти изъ присутствующихъ не хотѣлъ произнести ни одного слова: такъ поражены были всею импровизаціей Мухоярова. Только Курпашевичъ остался еще за столомъ и началъ довольно заботливо сводить счеты, попременамъ обращаясь по этому случаю то къ тому, то къ другому, да малевкѣй Вевжикъ шепталъ что-то то тамъ, то зѣвъ и какъ-то многозначительно хихикалъ.

Странное дѣло однакожь: всѣхъ тѣхъ, кто до сихъ поръ окружалъ Заруднаго, весело съ нимъ шутили и потировавъ ему, какъ-будто обдало горячимъ киваткомъ... Никто не обратился къ нему, никто не ободрилъ его ни однимъ словомъ. Все молча-

ли и какъ ринутіе (агитуръ) только въпрямую перекидывались изъ одного въ другой, стороны отъ Заруднаго какъ отъ зачумленнаго и какъ-то серьезно-внимливо давая ему дорогу, когда тотъ, заложивши руки въ карманы своихъ шароваръ, быстро шагала по палаткѣ взявъ и впередъ, разволнованный до послѣдней степени. Наконецъ онъ схватилъ свою фуражку и боковойно сталъ прощаться. Ему подождали руки, но рѣдко уже кто пожималъ его руку.

Мы выносимъ этотъ пустой, но выверъ съ тѣмъ и грустный какъ на странной нашей лѣтописи, но... я не удовлетворяю ему. Люди всегда поступаютъ такъ съ тѣмъ, на чью сторону (обру) шитъ бѣда. «Всегда отвѣчаетъ самъ за себя» — вотъ основной образъ ихъ мыслей въ подобныхъ случаяхъ. А до того, кто правъ, кто виноватъ, въ смыслѣ юридическомъ, дѣло никому нѣтъ. Съ тѣхъ поръ какъ вызовъ сдѣланъ, дѣло нечестно: оба одинаково должны себя очистить...

Неменѣе того однакожъ тотчасъ по уходѣ Заруднаго въ палаткѣ началось языковъ свѣщеніе... Курнашовичъ на минуту выбѣжалъ за Заруднымъ вслѣдъ и самъ предложилъ свою услугу быть его секундантомъ.

XV

Въ то время когда рыцарь нашъ, обыкновенно кроткій и добрый, а теперь разъярившійся, забывшійся до неприличія и опозорившій рубымъ поведеніемъ своимъ цѣлое общество, Мухоморовъ бѣжалъ еще въ палаткѣ; — приземистый, широкоплечій; черномаслый, коротко стриженный; съ клочками шерсти въ бороде, штабсъ-ротмистръ Пересвѣтовъ употреблялъ все усиліе не допустить Мухоморова до унижающей сцены. Онъ то держалъ его за рукавъ, то старался оттащить его отъ стола; но жадный какъ филинонъ его изоблачала страшное беззастыдство, даже можно сказать страданіе.

Когда Мухоморовъ вышелъ изъ палатки, онъ не только былъ одинъ; бросился вслѣдъ за нимъ. Онъ догналъ его въ буфетѣ, гдѣ уже тотъ приказалъ подать себе порцию и жареного куропатку. Пересвѣтовъ хотѣлъ унизить бурно сарказировавшую въ гортани Мухоморова,

— Что онъ тебѣ гдѣлалъ?.. Какую обиду?.. За что ты при-
драся, что за поводъ?.. Десять дѣтъ ждалъ вѣсти... душа въ
душу... уговаривалъ онъ Мухомрова, еще петеря надежды дать
другой оборотъ дѣлу. — не выдѣлись нѣмой годъ... вчера тол-
ко опять сошлись... и теперь...

— И вечеръ!.. Завтра!.. Я подстрѣлю его какъ эту куропат-
ку! вскрывалъ Мухомровъ, тыкнувши палькою въ куропатку и
поднимая ее вверхъ.

Мухомровъ былъ страшенъ въ эту минуту. Злость и виденъ,
съ какими были связаны имъ слова эти, порадила Пересѣтова.
Онъ остолбенѣлъ и вынулъ на него глаза: первый разъ въ
жизни онъ видѣлъ Мухомрова въ подобномъ мѣстоположеніи и до-
чти почувствовалъ къ нему отвращеніе. «Неужели же это Мухом-
ровъ? подумалъ онъ. — Неужели это онъ?.. Нашъ идеалистъ,
нашъ романтикъ?..»

— Опомнись, братъ! приди въ себя! проговорилъ онъ нахо-
нешь. — Что за слова, что за фразы?.. Что за риторика?.. Завтра
же пожалѣешь ты самъ о томъ, что случилось... Завтра же рас-
каешься!..

— Что-о-о? заревѣлъ Мухомровъ... — Я?! раскаюсь!.. Дуд-
ки!.. Ха-ха-ха-ха!.. Нѣтъ!.. Я докажу, что не играю комедіи.
И съ собой играть не позволю!.. Докажу этому Зарудному...

— Что за рѣчи?.. занкнулся было Пересѣтовъ.

— За рѣчи свои отвѣчаю!.. всегда!.. вездѣ!.. наяву... во-
снѣ!.. Прощай, Пересѣтовъ!.. до завтра!.. А теперь... молчи!
Остань меня!..

И Мухомровъ схватилъ бутылку, плеснулъ изъ нея въ ста-
канъ, крѣпко стукнулъ ею объ столъ, и залпомъ осушилъ ста-
канъ. Онъ окончательно расовался, говоря классическія, стерео-
типныя фразы.

Пересѣтовъ пожалъ плечами. Спусти минуту онъ вышелъ
изъ бунгала, до глубины души взволнованный недавнею сценою
подлинно Мухомрова, подавленный предчувствіями, обезпоко-
енный такъ неожиданно, такъ быстро, что называется «съ оди-
ка», возложенной на него обязанности секунданта.

Какъ порожденіе той среды, съ правилами которой сжилъ
всѣмъ существомъ своимъ, однимъ словомъ какъ одинъ изъ тѣхъ
типовъ, о которыхъ мы уже говорили, Пересѣтовъ конечно не
допустилъ даже въ себя мысли отвѣчать Мухомрову на пору-

ченіе его отказовъ, но какъ человекъ живаго характера, какъ врагъ всякихъ есторъ и исторій, онъ не могъ не скорбѣть глубоко душою, не страдать ото всего, что случилось. Ктому же онъ особенно любилъ Мухомрова, любилъ и Заруднаго — можетъ быть именно любилъ ихъ за ихъ прежнюю, примѣрную дружбу... Вообще это былъ самый истинный, самый горячій патриотъ своего полка; всякое обстоятельство, относившееся до полка, обыкновенно онъ принималъ къ сердцу близко, горячо. Тоже романтикъ отъ природы, какъ и Мухомровъ, но еще въ большей степени; Пересвѣтовъ вѣчно жилъ въ какомъ-то идеальномъ (à la militaire) мірѣ и всегда больше для другихъ, нежели для себя самого. И страдалъ и радовался онъ за другихъ всегда всеразвѣнно живѣе, несравненно чувствительнѣе, нежели за себя; чья-нибудь размолвка, арестъ товарища, наказаніе солдата, неудача полка на церемональномъ маршѣ, ошибка на смотру — уже служили для него источникомъ тревогъ и мукъ душевныхъ, точно такъ какъ всякое обстоятельство, для полка вообще, или для кого-нибудь въ частности благоприятное, надолго служило для него предметомъ самаго высокаго наслажденія и сердечныхъ ликованій...

Какъ нѣкогда Калатула желалъ, чтобы весь народъ римскій имѣлъ одну голову для того, чтобы однимъ взмахомъ меча можно было отдѣлить ее отъ туловища, такъ Пересвѣтовъ желалъ бы кажется, чтобы весь родной сердцу его полкъ имѣлъ одну грудь, чтобы разомъ заключить ее въ свои объятія... И для него; какъ и для Мухомрова, за предѣлами полка, Другого міра не существовало... Однажды только во всю свою службу онъ попробовалъ взять отпускъ и поѣхалъ домой на четыре мѣсяца, но и тутъ не вытерпѣлъ, и черезъ шесть недѣль воротился назадъ... Напрасно родные хлопотали о его будущности, заискивали у сильныхъ лицъ для него протекцію, присылали ему во время войны рекомендательныя письма къ разнымъ начальникамъ штабовъ. Пересвѣтовъ могъ бы гдѣ угодно поступить въ адъютанты, къ кому угодно въ бригадирцы, безъ хлопотъ перейти въ гвардію, — однимъ словомъ сдѣлать карьеру, но онъ прераснодушно, немелебался, рвалъ эти письма и бросалъ въ огонь, и если это было на биванѣ, то преспокойно закидывалъ на штыкъ солдата или пресека на голыи земли, жертвуя всѣми благами военнаго славнаго міра своей беззаветной приваженности къ драго-

иному доку, чистота нравственныхъ свойствъ его заклю-
чала въ себѣ нѣчто баснословное, несообразное ни съ духомъ
временя, ни даже того общества, въ которомъ онъ вращался и
убѣжденіе и взгляды котораго настѣтъ многихъ предметовъ,
какъ извѣстно, не всегда бываютъ безукоризненны, и кото-
рое наконецъ должно бы было надолжитъ на него печать своего
влиянія.

О доблестный рыцарь добра, о благороднѣйшій типъ ар-
мейскаго штабсъ-ротмистра! Ты жилъ и дѣйствовалъ на своемъ
скромномъ поприщѣ, въ своемъ муравейникѣ, недополцивши
міра славою имени своего. И можетъ-быть мы, одни мы когда-
нибудь, оправдаемъ свѣту частію сугубую исторію твою!.. Если
Гоголь когда-то имѣлъ право сказать, что «надобѣ-де намъ
до крайности добродѣтельный человекъ, пора прирваться и пруту-
ватого», то не имѣемъ ли и мы право сказать, что прискучили уже
намъ до пошлости пошлый человекъ? И надобно ли надобность
несомнѣнная въ типахъ иныхъ... (Зри г. Дружинина разборъ
«Обломова».) А до тѣхъ поръ только развѣ въ сердцахъ тѣхъ,
кто знавалъ тебя, о невзрачный, съ дугобразными, колесома
ногами штабсъ-ротмистръ, будетъ имя твое жить и поминаться
въ любовно, съ благоговѣніемъ, да вернувшись, послѣ долгихъ,
долгихъ лѣтъ на родное репедище, какой-нибудь одлшмѣвшій
и увѣчный Батожечко, или Куць, твой меньшій братъ по ору-
жію, раскажетъ сродникамъ своимъ, съ слезами на глазахъ, что
жилъ-де былъ-де на божьемъ свѣтѣ *дотошно* добрый чело-
вѣкъ! Да много горемыкъ безотвѣтныхъ, несчастныхъ жердѣ
и служебныхъ случайностей спасъ ты на вѣку своемъ отъ ги-
бели конечной, рискуя собою незадумываясь, цедорожа собою,
чуждый эгоизма, полный самопожертвованія!

XVI

АРЕОПАГЪ

Тотчасъ по улодѣ Зарумага въ вѣдатки, бывшей арешою
подѣнговъ Мукоярова, навалокъ, какъ мѣнуше и сизааль, темне-
ніе. Прѣзвѣніе гости немъ примичія себлаторазуделе унамангьса
своеца руда сониско-житейскій тактъ, достриный муажекань,

потому что присутствие посторонних лиц послѣ совершившагося скандала уже могло женировать и стѣснять хозяевъ. Не выписываемъ подробно, съ буквальной точностью (поелику предѣлы лѣтописи нашей не дозволяютъ) всѣхъ спичей, всѣхъ преній по поводу исторій, а передадимъ лишь въ общихъ чертахъ то, что для уразумѣнія дѣла намъ будетъ необходимо.

Вотъ самая суть дѣла: исторія выходила изъ ряда обыкновенныхъ случаевъ. Это была не легкая размолвка, которую можно было потушить, заставивши на другой день извиниться одного, убѣдивши принять извиненіе другого. Здѣсь была сказана публично положительная дерзость: произнесено слово *трусъ* — слово, какъ извѣстно, болѣзненно-электрически дѣйствующее на сыновъ марса. Положимъ, оно сказано въ отношеніи къ картамъ, но это все равно. Во всякомъ случаѣ оно имѣетъ смыслъ обидный, и ктому же въ тонѣ, который оно было произнесено, звучала обида — ergo, нужнo опровергнуть это, доказать противное⁽¹⁾. Потому былъ сдѣланъ уже вызовъ на поединокъ, вызовъ публичный...

Отступленіе ненавидимо,

Самъ Суворовъ не любилъ его!

гласить древній пѣхотный сигналъ. Ктому же вызовъ сдѣланъ при чуждѣхъ, — исторія значитъ несомнѣнно гроизда сдѣлаться гласною, разгнѣстись не только по уѣзду, но что, всего важнѣе, стать извѣстною въ цѣлой (въ цѣлой!) дивизіи, такъ какъ здѣсь свидѣтелями, ея были представители отъ всѣхъ полковъ. Судясь она только при светѣ, ее еще можно бы было покончить какъ-нибудь миролюбивымъ образомъ; но здѣсь были именно чужіе, и въ случаѣ мировой, по общему закону челоуѣческой дѣлѣ, болѣе бронеисной офицерской природы, могли дать дѣлу другое, невыгодное и обидное для цѣлага дожда истолкованіе. Что скажутъ о полкѣ, въ которомъ безнаказанно совершаются скандалы?

Такимъ, былъ общій гоноръ. Черезъ грознымъ призракомъ общественнаго мнѣнія дивизіи ардепакъ рѣшился принести очитительную жертву. Рѣшено, что дѣло должно кончиться такъ или иначе, чтобы на полку совершенно никакого дѣла не оставалось, кончиться безъ проволочекъ.

(1) Жена Цезаря не должна быть подозрѣваема! (Примѣч. позднѣйшее.)

Такъ бываетъ всегда или почти всегда. Законный, юридическій смыслъ дѣла въ этихъ случаяхъ, всегда уходитъ на задній планъ. Общество для поддержанія своего достоинства агонистически требуетъ крови и произноситъ приговоръ, если не совѣсть хладнокровно, то все-таки обдуманно, имѣя въ виду одну цѣль — поддержаніе существующихъ обычаевъ и такъ называемой чести полка... поклоняясь идолу общественнаго мнѣнія и очень часто совершенно уравнивая въ глазахъ своихъ права и вины противниковъ.

И въ тоже время умываетъ оно руки, устраняетъ себя только отъ всякой отвѣтственности передъ закономъ, но даже и передъ своею совѣстью, за кровь погибшаго на роковой чертѣ; остается равнодушнымъ къ будущей судьбѣ того, кто будетъ рожденьемъ смертью только для того, чтобы послѣдующую жизнь свою провести съ именемъ убійцы, среди лжешаній и позора, въ мученіяхъ души, въ угрызенияхъ совѣсти и раскаяніи.

Было конечно нѣсколько годовцовъ, и въ томъ числѣ голосъ Пересвѣтова, которые громко и энергически протестовали противъ общаго приговора, но эти голоса потерялись въ массѣ большинства, умолкали передъ другими, болѣе сильными авторитетами. И военныя общества имѣютъ своихъ боговъ, и кто хорошо знаетъ быть этихъ обществъ, тотъ конечно знаетъ и то, какую играютъ роль эти авторитеты. Чѣмъ приобретаются они, на какихъ основаніяхъ создаются они — рѣшить трудно и вопросъ этотъ довольно сложный. Уваженіе къ нимъ не всегда впрочемъ есть дань достоинствамъ, а какъ и вездѣ, оно очень часто обуславливается причинами внѣшними, практическимъ употребленіемъ этихъ авторитетовъ подчинить вліянію своему все окружающее.

Въ настоящемъ случаѣ громче всѣхъ раздавался въ хорѣ голосъ одного изъ старыхъ офицеровъ, ротмистра Шварца, не того Шварца, о которомъ говорится въ рассказѣ гр. Толстого «Два гусара», а другого, вовсе на него непохожаго. Это именно былъ одинъ изъ тѣхъ практическихъ людей, которые приобретаютъ и вѣсъ въ обществѣ, и состояніе на службѣ безъ ущерба своей репутаціи, единственно благодаря житейской опытности, уму и наконецъ строгой безпощадности своихъ приговоровъ. Въ полку его многіе положительно не любили за его холодный эгоизмъ, за его черствое, сухое сердце, за его педантизмъ, и въ

тоже время всѣ почти дорожили его мнѣніями. Это была своего рода кумиръ, оракулъ, предъ которымъ благоговѣли, проповѣдникъ своего рода идей, увлекавшій за собою множество людей, ничто вродѣ полкового равнина, какъ когда-то, подлѣ селеній, часть, окрестивъ его Мухомровъ.

Будучи хитеръ и остороженъ, онъ умѣлъ одинакомъ всегда такъ вести дѣла, что лично никогда не былъ замѣчанъ ни въ какую исторію, даже тогда, когда былъ молотомъ. Въ настоящее время по своему положенію старата офицера онъ былъ, можно сказать, уже въ тѣхъ столкновеній, которыя чаще могутъ случаться во взаимныхъ отношеніяхъ молодыхъ людей еще не съ выработанными характерами, съ ишущей еще кровью, съ способностью еще увлечься какъ хорошими, такъ равне и дурными чувствами. Въ рѣшеніяхъ вопросовъ идеологическаго свойства онъ, ненавидѣвъ вещь по имени, всегда умѣлъ дать обществу такое мнѣніе, какое ему самому было угодно направлено, привести мнѣніе къ благо общества и къ выигранію дѣла такъ, что самъ всегда оставался какъ будто въ сторонѣ. И въ настоящихъ случаяхъ онъ ловко и осторожно устранилъ себя отъ ответственности. Онъ говорилъ вообще, по каждое слово его, каждая мысль его приносила достойный плодъ.

А Мухомрова онъ имѣлъ тоже привычку не любить, какъ и Курнашевичъ. Независимый отъ природы характеръ героя нашего, умѣвшій иногда приносить жертвы цѣлому обществу и подчиняться ему, не сносилъ деспотизма личнаго авторитета Шварца, отвергалъ права его въ дѣлахъ общественныхъ, какъ ветерана полка. Всякое проявленіе силы Мухомровъ обыкновенно встрѣчалъ отпоромъ, а тѣмъ болѣе шло въ всегдашнему Шварцу. Было и еще нѣсколько обстоятельствъ, всегда питавшихъ тайную вражду къ Мухомрову въ душѣ г. Шварца.

По убѣжденіямъ своимъ ротмистръ Шварцъ былъ бретеръ, хотя положительно было извѣстно, что въ жизни своей онъ ни одной дуэли не имѣлъ. Что касается до наружности своей, то онъ всегда сохранялъ степенно-воинственный видъ, улыбался рѣдко, выражался тономъ диктатора, носилъ длинныя усы; однимъ словомъ былъ типомъ своего рода, знакомымъ въ душамъ, но однимъ назъ.

Но да позволено будетъ вамъ маленькое разсужденіе.

Вопросъ: что такое храбрость, храбрость вообще? Не

есть ли это известная температура крови? Не зависящая ли степень ее и свойство (храбрость бываете разного сорта: одна смотрит вперед, опасность в глаза, другая зажимывается и смерть голову бросается вперед) от известного настроения духа и (да не оскорбятся люди храбрые) от оптического состояния нашего организма? Ведь упал же духомъ и даже проигрывалъ сраженья самъ великій Наполеонъ, когда у него, ты знаешь, сказалъ, побаливать желудокъ?

от Восторжкѣ: храбрость, въ сраженіи въ виду ралцій и награды, это условное мужество, которое требуетъ отъ человѣка на барьерѣ въ десяти пудахъ — двѣ вещи совершенно различныя. Въ самомъ дѣлѣ много нужно имѣть въ запасѣ и энергій, и дѣйствительнаго мужества (кроме другихъ условій), становяща на проповую верту, съ полнымъ сознаніемъ съ одной стороны всей преступности факта: противъ законовъ и религій, и гражданскихъ, и чисто нравственныхъ, съ волонительнѣйшею, устремленностью съ другой стороны, что строгій и недоумный законъ не лишится будущности тогда кому суждено будетъ остаться въ живыхъ, непопорѣ уже в модѣ былыхъ мучкахъ раскандя,

ни: Былъ въ другой глобъ, сильно вторичный голосу Шварца, и голосъ этотъ разумѣлся былъ голосъ Курнашевца. Маленькій Востжкѣ тоже поднимался на нивотныхъ, щебетахъ что-то о чести, о ринѣ, о брошенгъ, о сагисонжнн, о пиднахъ, о дивизіи. Нѣкогда въ жизнь ему удалось прилунуть какого-то и хотцаго полверуника и онъ тѣмъ порѣ онъ сталъ себя считать тоже тѣмъ-то вродѣ дуалмента. Сказалъ короче, вѣсколько подобныихъ, слегка очерченныхъ мамн личностей (увлекимъ за собою другихъ, съ болѣе слабыми характерами, но съ цѣннѣе, мнѣ, штаивыми и драматизированными вроніями.

XVII

Какъ римскимъ гадіаторамъ, Зарудному и Мухомрову промадосенъ была безопасный приговоръ: стрѣляйся, стрѣляйся, пока не пере ты безъ комедій.

Что думалъ въ эти минуты каждый изъ этихъ неумытныхъ судей этого арсенала, пусть являютъ ихъ собственная совесть. Онъ обвинялъ ли мы съ своей стороны этихъ людей, когда у бѣ-

железія ихъ привились къ нимъ съ раннихъ лѣтъ, перешли къ нимъ по преданію, стали чуть-чуть не святынею, чуть-чуть не закономъ, хотя быть-можетъ и противнымъ ихъ нравственному чувству, но все-таки закономъ, котораго они стали послушными и слѣпыми рабами? Внутренне сожалья о случившейся исторіи, каждый изъ нихъ однакожь былъ искренно убѣжденъ, что дѣло много исхода имѣть не должно и не можетъ. Такова ужъ видно судьба. *Nabent sua fata* офицеры!

Да и наконецъ какъ же иначе (разумѣй офицерскую точку зрѣнія), какъ же иначе могло бы дѣло окончиться? Ужели подвиги Мухоярова должны разрѣшиться комедіей, какою-нибудь смѣшною, водевильною сценою вродѣ «примиренія двухъ друзей»? Ужели Мухояровъ затѣетъ мелодраму и будетъ просить прощенія у обиженнаго имъ друга, а Зарудный отвѣтитъ тоже мелодрамою въ свою очередь, великодушно проститъ его, и затѣвъ нѣжный дуэтъ, упадутъ они въ слезахъ въ объятія другъ другу, грудь на грудь, при стеченіи многочисленной публики, и умилясь духомъ воскликнуть: «давай, Вульфъ, шампанскаго»!

Ареопажъ разошлся. Чувствовали ли эти люди, между которыми было много людей однакожь положительно добрыхъ и хорошихъ, эти люди, такъ безопасно, такъ весело прокутившіе предшествующій день, еще такъ недавно, такъ дружелюбно, въ круговую *сидльшіе* и пѣвшіе *сосльда*, этотъ священный символъ дружбы и единства, еще такъ недавно увлекашіеся до самыхъ нѣжныхъ сердечныхъ изліяній, задыхавшіеся отъ страстныхъ мотивовъ «Лючіи» и въ избыткѣ чувствъ чуть не проливавшіе слезъ надъ судьбою несчастнаго Эдгара, царапавшіе себѣ чуть не до крови грудь, — чувствовали ли они, говоримъ мы, какою волнующей имѣло характеръ готовящееся совершиться ихъ вреніями подготовленное событіе? Понимали ли они какую они на себѣ берутъ роль, какую отвѣтственность берутъ они на себя передъ судомъ судій судей?..

Но какое дѣло было имъ до причинъ, до поводовъ случившагося, какое дѣло до прежнихъ отношеній Мухоярова и Заруднаго! Довольно того, что фактъ совершился. Честь полка достойнымъ образомъ должна быть поддержана, а иначе —

Что будетъ говорить

Княгиня Марья Алексѣевна?

То-есть что скажет дивизія?.. По кодексу штъ, обычаевъ они исполнили свою обязанность.

XVIII

НА ДРУГОЙ ДЕНЬ

Было уже два часа утра, когда Мухояровъ возвратился на квартиру. Онъ бросился на свою походную желѣзную кровать и забился сномъ, но какимъ-то сномъ чуткимъ, лихорадочнымъ. Въ головѣ его еще шумѣли пары. Вообще это было то неприятное, то мучительное, горячее состояние, которое испытываетъ организмъ послѣ жестокой выпивки и когда одурѣніе отъ пьянства начинаетъ однакоже проходить. Сквозь сонъ Мухояровъ чувствовалъ страшные приливы крови къ головѣ, боль въ затылкъ, въ темени, въ вискахъ; раздражонныя внутренности его трепетали; чудилось ему, что на груди у него лежитъ что-то, словно тяжелый камень, сердце какъ-будто болѣзненно ноетъ. Было ли это прямое послѣдствіе невоздержно проведеннаго дня, или смутная работа хотя слабо, но еще дѣйствующей мьсли надъ тѣмъ, что случилось такъ недавно? или наконецъ предчувствіе готовящейся катастрофы?

Горячее и прерывающеееся дыханіе судорожно волнуетъ грудь его, а въ распаленномъ воображеніи неясно и бессвязно повторяются всѣ сцены бурно проведеннаго вечера, слышатся ему звуки музыки, мотивы Лючин, «наливай братъ, наливай, наливай поливе!» весь этотъ шумъ и гулъ, весь-этотъ содомъ; мелькаютъ знакомыя фізіономіи, слышатся знакомые голоса и гомерическія рѣчи; отъ времени до времени проносится передъ нимъ образъ Заруднаго; нескончаемая вереница тузовъ, королей, дамъ, валетовъ и прочей карточной сволочи пестритъ передъ его глазами, звонъ разсыпавшагося золота, стукъ подѣльничка отдается въ ухахъ его.

— Ва-банкъ! вскрикиваетъ Мухояровъ спросонья, но какимъ дикимъ, такимъ громкимъ голосомъ, что самъ просыпается отъ его звуковъ.

А между тѣмъ свѣжій утренній, ласкающій лучъ солнца уже волною льется въ его комнатку, и прохладный ранній вѣтерокъ

освѣжающей, жидательной струей дышетъ сквозь растворенное окно, играя зелеными кисейными занавѣсками. Золотистый шмель влетѣлъ съ надворья и жужжа толчется подъ потолкомъ. За окномъ въ саду на близьрастущей вишнѣ весело чиркаетъ воробей, охорашивается и любопытно заглядываетъ въ окошко, кивая головкой направо и налево. Изъ стѣны кабы слышится шипѣнье самовара, звонкіе голоса и смѣхъ хозяйскихъ дѣтей, царапающихся въ дверь къ Мухоморову, и ласковое ворчанье на вѣхъ Кожемяки.

Черезъ минуту Мухоморовъ всю верхнюю часть туловища водвинулъ на кровати и судорожно обхватилъ себя голову обѣими руками... Нервическая дрожь пробѣжала у него по всему тѣлу: самосознаніе возвратилось вполнѣ. Съ поразительной, цумолимомо ясностью вспомнилъ онъ все... все до чиста, все вчерашніе рыцарскіе подвиги свои. И ему стало стыдно, до боли сердца стало стыдно за свое вчерашнее удеченіе, стало страшно — страшно за себя, странно за Заруднаго... Онъ вспомнилъ по слѣднюю свою, полную наглара, бретѣрскаго цинизма выходку, когда въ шуропотку, въ присутствіи Пересвѣтова — и чувство негодованія, презрѣнія къ самому себѣ охватило все существо его...

На мгновеніе у него промелькнула было въ головѣ мысль броситься тотчасъ же къ Зарудному, прижать его къ груди своей, чистосердечно повиниться, сказать: «Братъ! прости! я виноватъ передъ тобою... Но... прости меня... Отпусти мнѣ вину мою!» Но это быстрое инстинктивное движеніе сердца его черезъ минуту уступило мѣсто другимъ чувствованіямъ. Ему снова прилегла память все малѣйшія подробности вчерашней сцены, холодъ производящихъ, саркастическіе взгляды вѣхъ, собственный заларъ свой... Обида, вызовъ были сдѣланы публично, следовательно и извиненіе должно быть принесено тоже публично, истопливо передъ вѣлыми волкомъ, до и при постороннихъ людяхъ... в отчлѣ иного рода, основаніи котораго нужно искать въ самолюбіи, заговорилъ въ сердцѣ Мухоморова. Убѣжденія Шварца и мелобныкъ ему, мысль: что скажутъ? съ быстротой молніи представились уму — и грозный призракъ общественнаго мнѣнія, съ своими строгими и непереложными законами началъ выростать передъ нимъ до колоссальныхъ, угрожающихъ размѣровъ. Мухоморовъ затрепеталъ передъ этимъ призракомъ. Его

прошедшее до сих поръ было такъ чисто, такъ свѣтло... Вчера онъ заварилъ кашу, сдѣлалъ исторію, — долженъ же и отвѣчать за это, долженъ же и очистить себя, какъ слѣдуетъ офицеру честному и благородному, не унижить себя!

— Нѣтъ! сказалъ онъ самъ себѣ: — извиняться значить навсегда погубить себя! Я людей знаю! Будь что будетъ! — Онъ не зналъ еще того, что извиненіе было уже по рѣшенію полка и безъ того невозможнымъ.

И онъ всталъ, принявши твердую рѣшимость выдерживать роль свою до конца. «Къ дружбѣ все равно возврата быть уже не можетъ, думалъ онъ. — Нечего дѣлать, будемъ стрѣлять!»

Въ простотѣ души своей онъ не допускалъ даже мысли, что можно иногда мѣтить противнику въ лобъ, и все-таки ловко выпустить выстрѣлъ на воздухъ, однимъ словомъ совершить изъ дуэли комедію. Онъ не былъ ни самъ лицебромъ, ни предполагалъ лицебрія въ другихъ, и былъ увѣренъ, что и это дѣло, какъ и всякое, требуетъ полнѣйшей добросовѣстности.

Два ведра холодной воды, которою окатилъ его съ головы до ногъ Кожемяка, освѣжили утомленные его вчерашнею ортіею члены, придали нѣкоторую бодрость духу. Онъ вышелъ чѣмъ, потомъ вышелъ на дворъ и сѣлъ на свою заваленку, на ту самую заваленку, на которой мы познакомились съ нами въ началѣ нашего разказа.

XIX

Еще звонче, чѣмъ тогда, стоялъ теперь стоить въ утреннемъ воздухѣ, еще быстрѣ рѣяли стрижи и ласточки въ подвѣбсвенномъ пространствѣ, еще ярче блестя въ лучахъ солнца воины Буга, съ ревомъ прыгая и дробясь о пороги, разсыпаясь множествомъ разноцвѣтныхъ брызгъ; еще привѣтливе манила взоры къ себѣ таинственная спящая степь, слегка подернутая сизою пеленою утренняго, несомнѣмъ разсѣивающаго тумана; еще благоуханнѣ дышала она, посылая вмѣстѣ съ струями вѣтерка бальзамическій запахъ своихъ цвѣтовъ и злаковъ.

Но Мухоморовъ ничего не замѣчалъ. Однѣ только сцены, вѣрооятныя сцены предшествующей катастрофы упрямно рисовалъ передъ нимъ его воображеніе. Мысль о слѣдствіи обѣ угло-

вромъ судѣ, порою тоже глухо и тяжело отзывалась въ сердцѣ его. Злобы къ Зарудному, которая такъ было разыгралась въ ночь, теперь онъ уже не чувствовалъ, отъ нея не осталось и слѣда, и даже какое-то особое, до чрезвычайности странное чувство начало брать верхъ надъ всѣми другими, чувство такое, что какъ-будто Заруднаго глубоко и кровно оскорбилъ не онъ, Мухоморовъ, а кто-нибудь другой, и что обида ихъ какъ-будто общая. Лучшая часть его сердца опять обратилась къ Зарудному. Онъ простилъ уже ему его холодность, его невниманіе, его обращеніе съ собою — и сталъ обвинять уже только одного себя.

И онъ снова готовъ уже былъ принести жертву... Онъ рѣшился задавить въ себѣ всѣ порывы самолюбія. И онъ сталъ ждать прихода Пересѣтова, чтобы уполномочить его на это, точно такъ какъ уполномочилъ вчера его на другое дѣло, сталъ ждать съ такимъ нетерпѣніемъ, что у него слѣзлась даже горючка. Наконецъ онъ воротился въ вабу, и опять бросился на кровать, волнуясь отъ ожиданія, трепеща отъ неизвѣстности. Пересѣтовъ одинъ бы можетъ-быть понялъ его драму, его побужденія, его благородное сознаніе вины своей, одинъ бы не оскорбилъ его укоромъ, подозрѣніемъ въ малодушія... Но онъ, зная также и то, что кромѣ Пересѣтова есть другіе, онъ догадывался, онъ зналъ, что тамъ можетъ-быть въ эту минуту рѣшается его судьба и грозное судилище изрекаетъ надъ нимъ свой приговоръ...

Вошелъ Пересѣтовъ, мрачный, задумчивый, серьезный, по обыкновенію пошвыставая, но какъ-то особенно безнадежно. Неприятное лицо его поземельно еще болѣе и въ глазахъ его горѣла невсѣдливый огонь. Какъ жадно, какъ пристально выжидалъ въ эти добрые сѣрые глаза Мухоморовъ, какъ хотѣлъ онъ угадать скорѣе въ нихъ свой приговоръ! Онъ еще надѣялся, что Пересѣтовъ войдетъ съ улыбкой, полушутя, полусерьезно, поспроситъ его, помнить ли что онъ вчера надѣбалъ, слегка, по-вопросицки пожуристъ его, и опять-таки спроситъ, что думаетъ дѣлать теперь.

— Ну? спросилъ Мухоморовъ, глядя пристально въ глаза Пересѣтова и съ замѣрающимъ сердцемъ ожидая отвѣта.

Пересѣтовъ опустилъ глаза и присѣлъ на стулъ около кровати Мухоморова. Онъ присутствовалъ еще безнадежнѣе.

— Ну? повторилъ Мухоморовъ настойчиво, неводя глазъ съ него и чуя недобрую вѣсть.

— Да чтожь?.. поговоримъ... объ условіяхъ... тихо отвѣтилъ Пересвѣтовъ.

— А полкъ? полкъ что?

— Известно... — И Пересвѣтовъ еще разъ свистнулъ, еще ниже наклонилъ голову.

Мухоморовъ стиснулъ зубы. Трусомъ онъ не былъ, смерти не боялся. Онъ выдалъ ее неразъ лицомъ къ лицу, въ обстоятельствахъ самыхъ различныхъ...

Но здѣсь онъ вдругъ упалъ духомъ. Онъ содрогнулся... не не передъ призракомъ смерти, а передъ величиною преступленія.

— Поправить... нельзя? глухо прошепталъ онъ, обращаясь къ Пересвѣтову. Тотъ отрицательно махнулъ головою и закурилъ губу.

Спустя минуту Мухоморовъ быстро всталъ съ кровати. Онъ поднялъ высоко голову, выпрямилъ станъ и ровными, твердыми шагами началъ ходить по комнатѣ. Подвижной, быстро принимающей и мѣняющей впечатлѣнія характеръ его весь выразился въ этомъ движеніи. Во взглядѣ его вдругъ блеснули искры, густой румянецъ вспыхнулъ на щекахъ его и гордая улыбка озарила лицо его, а на лбу явственно обозначилась крупная жила. Да! онъ понялъ, что уже теперь нѣтъ надежды никакой, что или онъ, или Зарудный должны быть принесены въ жертву страшному чудовищу — одному часто рвѣчному общественному мнѣнію...

— Да будетъ! сказалъ онъ самъ въ себѣ, подъ напѣишь новой, вдругъ освѣившей его мысли: — да будетъ! Исполняй же свой долгъ! Омоемъ кровію, своею кровію запятанную вами честь полка!.. Искупишь смертію непогрѣбное уличеніе свое, свой недостойный порывъ!

— Скажешь ли ты мнѣ покрайней-мѣрѣ причины вашего разрыва? заговорилъ съ участіемъ Пересвѣтовъ. — Да сихъ поръ я понять не могу.

Мухоморовъ махнулъ рукой. — К чему? сказалъ онъ. — Не все ли для полка равно? Дѣло сдѣлано, и исходъ одинъ. И явдѣ принимаю это.

— Но неужели мнѣ-то... неужели мнѣ-то ты не скажешь?

Мухоморовъ горько улыбулся. Онъ подошелъ къ Пересвѣтову, всталъ его за руку, сжалъ ее и горячо поцѣловалъ его въ лобъ.

— Пересвѣтовъ! добрая, честная душа ты! сказалъ онъ. — Я Заруднаго оскорбилъ. Я и отвѣчаю за это, я при чужихъ сдѣлалъ гнусную оцену, опозорилъ полкъ. И тоже отвѣчаю. Но не спрашивай меня! Причины такъ странны, такъ помелы, виновата во всемъ глупая природа моя, характеръ, да вотъ этотъ (Мухоморовъ указалъ на свое сердце) этотъ скверный кусочекъ мяса!

Пересвѣтовъ кажется догадывался и самъ, что это была за причина. Онъ самъ подмѣтилъ въ Зарудномъ переищу, больша свидѣтелемъ встрѣчи.

— А насчетъ условій, продолжалъ Мухоморовъ, уже полѣта спокойнѣйшимъ голосомъ, послѣ небольшой паузы и снова начавшая ходить, — скажу такъ: на все, что угодно будетъ сдѣлать тебя, что предложитъ Зарудный, что прикажетъ полкъ — я исполнѣ и впередъ согласенъ. Меня же, прошу тебя, увольъ отъ этого.

Чувство деликатности не позволило Пересвѣтову заикнуться объ извиненіи, о томъ, чтобы Мухоморовъ всталъ слово свое назадъ, тѣмъ болѣе что онъ былъ свидѣтелемъ всѣхъ преній аренаге, зналъ его окончательное рѣшеніе, недосудкавшее даже мысля объ апелліаціи.

XX

А что же Зарудный?

Но мы думаемъ, что съ помощью воображенія и безъ насъ вселой легко можетъ составить себѣ понятіе о томъ, что должно было происходить въ душѣ его. Что же касается до насъ, то мы и безъ того уже утомлены этою повѣстью о душевныхъ трезогалъ нашего героя.

Варочемъ кто же виноватъ? «Подѣломъ вору и мука!» гласить древнее руссійское рѣченіе наше. Какое дѣло намъ, что онъ романтикъ... что на все онъ смотритъ въ увеличительное стекло, что характеръ его не выработалъ, что не всегда умѣетъ онъ владѣть собою, обуздать себя въ горячій часъ?.. Кого наконецъ обвинять въ этомъ? Шатуну ли его, этотъ ли скверный, по его

выраженію, кусекъ мяса, его ли самого, тѣхъ ли, на чьей обязанности лежало его воспитаніе?... Вопросы эти рѣшать не намъ. Наше дѣло факты, факты, факты! А онъ...

Пусть его страдает!

Пораженный неожиданностью вчерашняго приключенія и вызовомъ Мухоярова и отчасти подозрѣвая настоящую причину прищипки послѣдняго, Зарудный тоже не могъ заснуть почти во весь остатокъ ночи. Только сознаніе своей правоты (потому что по убѣжденію своему онъ не считалъ себя особенно противъ него виноватымъ) да мысль, что несмотря на дерзкую выходку Мухоярова, сумѣлъ онъ удержаться въ границахъ приличія, не унизиться до непристойныхъ сценъ, усмирляла волненіе его крови. Ему стало даже обидно, что этотъ злой Мухояровъ такъ легкомысленно, такъ дерзко бросилъ ему вызовъ въ лицо богъ-знаетъ за что. Внутреннее чувство однакожь подсказывало ему, что онъ правъ несовсѣмъ. Онъ вспомнилъ исторію со стеклышкомъ, свою гримасу, свою холодность въ первые минуты встрѣчи съ Мухояровымъ, отказъ идти къ нему на квартиру, поведеніе свое съ нимъ на другой день. И своя доля добрыхъ свойствъ начинала было одерживать верхъ въ душѣ его... Советъ стала упрекать его уже во многомъ. Зачѣмъ навривать, когда Мухояровъ поставилъ карту, зачѣмъ онъ не металъ ему? Не все ли равно, Мухояровъ ли бы выигралъ, или онъ? Развѣ прежде не все у нихъ было общее? Положимъ, что онъ игралъ пополамъ съ Курнашевичемъ, по развѣ нельзя было бы свести счетовъ? Онъ зналъ характеръ Мухоярова, отчасти вспыльчивый, нетерпящій противорѣчій, и кому же Мухояровъ на этотъ разъ былъ не въ нормальномъ состояніи: такъ почему-жь бы ему не сдѣлать и уступки? Зачѣмъ наконецъ не обратитъ было всего въ шутку, а непремѣнно принять какой-то серьезный тонъ, сказать наконецъ это несчастное вы, — вы, которое въ устахъ Заруднаго имѣло на Мухоярова дѣйствіе искры, брошенной въ порохъ? Зачѣмъ было напоминать Мухоярову печально сорвавшееся съ языка его слово, счесть его за дерзость и выказать свое негодованіе? Развѣ не видѣлъ онъ, что Мухояровъ былъ самъ не свой, почти не владѣлъ своимъ разсудкомъ, былъ лишь однимъ словомъ?

Пусть же придетъ оно, — думалъ онъ далѣе, — пусть придетъ

Мухоморовъ, пусть соблюдеть необходимой *discipline*, пусть возыметь свой вызовъ назадъ. Я охотнее съ нимъ помирюсь, разсължусь по-старинному... Физическое утомленіе однакожь ваяло веркъ и Зарудный къ утру задремалъ, убаюканный маелію о примиреніи.

Проевнувшись и открывши глаза, онъ былъ однако пораженъ самымъ неприятнымъ образомъ. Онъ увидѣлъ Курнашевича уже за работой: онъ собственноручно разбиралъ и чистилъ пистолеты. Заруднаго точно змѣя ужалила... Онъ вспоминалъ, что Курнашевичъ вчера самъ, насильно наваявалъ къ нему въ секунданты, и прежде нежели онъ сообразилъ что ему дѣлать, — Курнашевичъ поспоролъ съ нимъ пофранцузски, одѣлалъ рукою граціозный жестъ и мило улыбулся... почти такъ, какъ улыбаются только жевщанамъ.

Почти въ тоже время явился и Пересѣтовъ. Какъ и Мухоморовъ, жадно взглянулъ Зарудный въ лицо пришедшаго, но ничего кромѣ сосредоточеннаго уныніа не прочелъ на этомъ лицѣ:..

Итакъ Мухоморовъ непременно хочетъ стрѣляться со мною?.. Итакъ вчерашняя сцена не простая, мимолетная вспышка? подумалъ онъ. И онъ почувствовалъ, что сердце его похолодѣло.

— Откуда вы? спросилъ Курнашевичъ небрежно-вѣжливымъ тономъ.

— Отъ Мухоморова.

— Чтоже вы скажете намъ хорошаго?

Но Пересѣтовъ не отвѣчалъ на этотъ вопросъ, а обратился къ Зарудному.

— Ты меня извини, братъ! заговорилъ онъ лихорадочнымъ шопотомъ: — прости меня, что я секундантомъ у Мухоморова, но онъ позвалъ меня, позвалъ неожиданно, отказаться я не могу, самъ ты знаешь порядокъ, самъ разсуди.

Зарудный пожалъ ему руку. — Ну, чтоже дѣлать!.. Это одѣлалъ бы всякій изъ насъ! сказалъ онъ, стараясь принять равнодушный видъ.

Пересѣтовъ вызвалъ Курнашевича на дворъ; здѣсь, при Зарудномъ, онъ не хотѣлъ объясняться съ нимъ насчетъ условій дуэли... Курнашевичъ предлагалъ, чтобы противники *сходились на барьеръ* и разстояніе между чертами означалъ десять шаговъ: ему казется было бы все равно, еслибы даже они стрѣлялись *черезъ плечико*. Пересѣтовъ съ своей стороны настаивалъ, что:

бы Варудный и Мухоморовъ стрѣляли вѣстѣ по командѣ, и не ближе какъ въ пятнадцать шагахъ. Онъ рассчитывалъ въ этомъ случаѣ на горячность стрѣляющихъ, на неосторожность выстрѣловъ, какъ на неизбежное слѣдствіе торопливости, и слѣдственно на равны менѣе опасныя.

— Да вѣдь это будетъ комедія! говорилъ Курнашевичъ язвительно: — какъ же можно допустить это?.. Что скажутъ? Вы вѣдь слышали о чемъ была рѣчь вчера?..

— Чтожъ, развѣ вы непременно хотите убійства? Десять шаговъ — вѣдь это почти въ упоръ. Если одинъ промахнется, те другой подзоветъ его къ барьеру, и убьетъ непременно. Выдержавши противъ себя выстрѣлъ, онъ будетъ шить на своей сторонѣ всѣ шансы... близость разстоянія, и главное дѣло хладнокровіе... будетъ стрѣлять какъ въ мишень... Какъ хотите, а этого допустить нельзя. Согласитесь, что дѣло это совершенно пустое. Я понимаю обиду кровную, а здѣсь, вы сами знаете... просто ветлышка... Не требуй полиціи — они бы можетъ-быть просто поширились. И вы... вы много въ этомъ виноваты! — Пересвѣтовъ дотога разгорячился, что на щекахъ его сквозь зеленуватый цвѣтъ кожи загорѣлся густой румянецъ.

Наконецъ они согласились бросить жребій — и онъ вынулъ въ пользу предположенія Пересвѣтова. Рѣшено быть поединку на слѣдующій день рано утромъ.

— Я почти увѣренъ, замѣтилъ Курнашевичъ, когда Пересвѣтовъ уже уходилъ отъ него, — что дѣло кончится вздрожь... Это значить срамиться секундантамъ.

XXI

Въ полковомъ штабѣ конечно были приняты всѣ мѣры, чтобы исторія о ссорѣ и о назначенномъ поединкѣ не дошла до слуха командующаго полкомъ. Добрѣйшій Артамонъ Сергѣичъ обязанъ бы былъ, какъ лицо официальное, тотчасъ же разсѣять дѣло и даже подвергнуть кого слѣдуетъ вызнанію. Все равно исторія сдѣлалась бы гласною, а между тѣмъ остаться бы неконченою и оставила бы по себѣ неблаговидную тѣнь...

Между тѣмъ важность предмета интересовала всѣхъ. Въ разныхъ концахъ деревни попрежнему собирались группы, съ

приличною таинственностью и осторожностью бесѣдуи о предстоящей катастрофѣ. Любопытные люди то и дѣло швыряли то къ Курнашевичу, то къ Пересѣтову, чтобы узнать какъ идутъ дѣла, какія избраны условія etc., чтобы въ свою очередь расказать другимъ или повѣрить свѣдѣнія, представить свои соображенія, вложить свою лепту... Никто не уѣзжалъ изъ штаба: всѣ ждали чѣмъ разрѣшится дѣло; даже пріѣзжіе гости оставались здѣсь, видя въ виду привезти къ себѣ домой (то-есть въ свои полки) интересную новость. Въ карты тоже не играли. Едвали въ продолженіи цѣлаго этого дня составилась одна или двѣ партіи въ ералашъ. Маленькій Венижикъ еуетился больше всѣхъ: для него подобная оказія была настоящимъ праздникомъ. Онъ тоже леталъ то къ одному сенуиданту, то къ другому, то наконецъ къ Шварцу, которому сообщалъ шопотомъ всѣ подробности. Забѣгалъ онъ даже и къ Зарудному, и къ Мухомарову, будто бы мимоходомъ, такъ-себѣ, *faite une visite*, но на самомъ дѣлѣ посмотреть — что? какъ они? въ какомъ духѣ? съ какими оцѣнонками?..

Курнашевичъ былъ очень авантаженъ въ этомъ день: онъ даже завялся и принапудрился, надѣлъ подъ китель какой-то фантастическій атласный бѣлый жилетъ съ маленькими форменными номерными пуговочками. Кромѣ того устроилъ человѣка на четыре довольно вкусный обѣдъ, какъ слѣдуетъ съ шампанскимъ... Но обѣдъ былъ вялъ, и послѣ его тотчасъ же гости подъ разными предлогами разошлись домой, недоставивши Курнашевичу удовольствія подольше порисоваться передъ собою.

Зарудный былъ тоже не въ духѣ. «Итакъ Мухомаровъ рѣшился таки непременно стрѣляться со мною! рассуждалъ онъ между прочимъ самъ съ собою. — Что онъ придумалъ ко мнѣ съ умысломъ — ясно какъ день... И до причинъ этого теперь уже дѣлать нечего... время ли разбирать ихъ теперь? Довольно того, что онъ поставилъ меня вчера въ такое положеніе. Вѣдъ не отказываться же мнѣ отъ вызова!..»

— Что вы задумались? спросилъ его Курнашевичъ, когда по уходѣ гостей послѣ обѣда они остались только вдвоемъ. — Соображе, m-r Зарудный! Завтра дѣло кончится какъ слѣдуетъ... Вы себя не уроните; я надеюсь... Но какой этотъ Мухомаровъ... *c'est un impertinent!* За что, спрашивается, сдѣлалъ онъ вамъ такую

скандалѣзную сцену?.. Онъ сдѣлалъ вамъ а-фронтъ передъ цѣлымъ полкомъ... Вся дивизія теперь объ этомъ будетъ знать...

— Я самъ удивляюсь, возразилъ Зарудный. — Мы всегда жили дружно... Вы знаете, что когда-то даже онъ мнѣ два раза спасъ жизнь...

— Я незнаю вашихъ прежнихъ отношеній! быстро перебилъ Курнашевичъ: — а знаю только то, что онъ рѣшился нанести вамъ оскорбленіе, вызвать васъ, и что безъ всякаго сомнѣнія непремѣнно постарается убить васъ... Ахъ да! à propos!.. Я и забылъ сказать вамъ: знаете ли что говорилъ онъ потомъ въ буфетѣ?.. Мнѣ слышалъ этотъ маленькій... какъ его?.. се petit Венжикъ: онъ слышалъ какъ Мухоморовъ говорилъ, что онъ убьетъ васъ какъ куропатку!.. Ха-ха-ха!.. Какъ вамъ это кажется?..

Зарудный покраснѣлъ отъ негодованія при послѣднихъ словахъ Курнашевича.

— Какъ?.. Неужели онъ говорилъ это? Неужели говорилъ? произнесъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, чувствуя, что вся жолчь у него поднимается.

— Да вотъ онъ скажетъ вамъ и самъ. Этотъ маленькій... вотъ онъ идетъ сюда кажется...

Венжикъ дѣйствительно мелкими торопливыми шагами стѣмнилъ по улицѣ.

— Венжикъ! ш-г Венжикъ! заходите! крикнулъ ему Курнашевичъ въ окно.

— Скажите Зарудному, что именно говорилъ Мухоморовъ вчера въ буфетѣ?

Зеленые глазки Венжика запрыгали. Онъ вѣдь съехался я съ безпокойствомъ посмотрѣлъ на Курнашевича, а потомъ на Зарудного. Курнашевичъ повторилъ вопросъ свой довольно серьезно:

— Вы говорили мнѣ, сказалъ онъ, — такъ скажите теперь Зарудному.

— Да, я слышалъ, точно онъ говорилъ... забормоталъ тотъ.

Подслушать гдѣ что говорится, разнести свлетню по угламъ было его дѣло, но быть призваннымъ въ свидѣтели людямъ къ лицу было для него очень не понутру.

— Вы дадите честное слово? строго и мрачно спросилъ его Зарудный.

— О, конечно!

Венжикъ вышелъ, чтобы сообщить и объ этомъ фактѣ кому слѣдуетъ.

— А не мѣшало бы вамъ, Зарудный, приготовиться, сказала Курнашевичъ.

— То-есть какъ приготовиться? спросилъ тотъ, смотря ему въ глаза.

— Сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ. Знаете для того, чтобы *лабить руку*. Все оно лучше, вѣрнѣе. Ничего, я вамъ снажу, не можетъ быть пошлѣе какъ эти выстрѣлы на воздухъ, эти ковели! Пойдемте-ка! попробуемте виѣсть. У меня здѣсь въ саду устроены маленькій тиръ.

— Не это подлость! подумалъ было Зарудный.

Курнашевичъ однакожъ подхватилъ его подъ руку и пошелъ на дворъ. Онъ сдѣлалъ самъ первый выстрѣлъ изъ одного пистолета, попалъ въ цѣль, и подалъ другой пистолетъ Зарудному. Последний выстрѣлилъ, и тоже удачно. Курнашевичъ снова зарядилъ пистолетъ и передалъ его Зарудному. Однимъ за однимъ сдѣлалъ онъ нѣсколько выстрѣловъ, болѣе или менѣе успѣшныхъ; три раза сряду онъ посадилъ пулю на пулю. Удача подстрекала его, онъ уже улыбался...

Судьба, предназначение, въ образѣ Курнашевича рождала образы подготавливала катастрофу. Зарудный безотчетно подчинился какъ-то его влиянію, былъ въ какомъ-то чуждѣ, а свидѣтельство Венжика расшевелило его жолчь. Можетъ-быть дѣло велучило бы совершить другой оборотъ, еслибы не виѣсть Курнашевича былъ кто-нибудь другой, кто-нибудь подобной волежнѣ Пересвѣтову. Можетъ-быть продолженіи дѣя мѣнѣя самого общества смягчалась бы, взглядъ на дѣло сдѣлался бы спокойнѣе, и тогда общее мирное предстательство осуждантовъ могло бы значительно облегчить весь ходъ дѣла...

XXII

Вечеромъ того же дня Пересвѣтовъ былъ въ штабѣ полка. Александръ Матвѣичъ жилъ на самомъ концѣ деревни, въ которомъ даже удаленіи отъ нея, ни дача, какъ онъ называлъ свою резиденцію. Съ вечера онъ ушелъ довольно рано, вер-

долженіи дня никуда не выходилъ, у него никто тоже не былъ, и потому объ исторіи онъ еще ничего не зналъ. Какъ гражданскаго чиновника, хотя и военного вѣдомства, на совѣтъ приглашать его никакой надобности не было.

Веселый сынъ эскулапа и не подозревалъ, что вѣскольцо словъ, недавно брошенныхъ имъ чертя голову, безъ всякаго злого умысла, а такъ только, для того чтобъ сказать красное слово, привели такой горькій плодъ, и едвали онъ даже объ нихъ помнилъ. Возставши отъ послѣбѣдннаго сна, онъ принялся приводить въ порядокъ свои частныя и лазаретныя счета, и съ этой цѣлью разложилъ на своемъ столѣ множество разныхъ красиво-переплетенныхъ тетрадокъ съ самыми затѣйливыми надписями. Тутъ были и «книга живота», и «безгрѣшные долготы», и «угрызения совѣсти», и «святые тайны», и множество другихъ. Онъ былъ въ духѣ.

Какъ яблочко румянъ,
Одѣтъ весьма безопасно
И веселье безконечно.

По лѣтнему домашнему положенію онъ былъ въ одной только горничной и въ единичъ «невыразимыхъ», въ каморкѣ, на босу ногу надѣвая туфлякъ, самъ въ свободное отъ служебныхъ занятій (pro bassâ) время самооживкомъ и профессоръ Чебатуромъ. Достойнъ былъ чай, покуривалъ изъ терпимаго чубучка и наклонивши голову набокъ, высунувши конецъ языка, живо стрелялъ что-то въ своихъ тетрадахъ.

— Зарастуйте! слышать входа Пересвѣтова.

— А! зарастуйте, зарастуйте, зарастуйте! — И Александра Матвѣичъ по обыкновенію закивалъ головою, подальше руку, пухнулъ изъ чубучка и тотчасъ же какъ горячій осыпалъ его вопросами. — Что? Comment? Какъ ваше здоровье послѣ вчерашняго бала? Prenez place! Голова не болитъ? На душѣ не мутитъ, а?

— Нѣтъ, ничего! благодарю васъ, отвѣчалъ Пересвѣтовъ, удерживаясь на какой-то небуретъ, импровизированный имъ поведеніи автентнаго ящика.

— Ну и слава-богу! А то можетъ быть водки хотите?.. Какія-кашомы валбашай! Вошь тамъ на, поладитъ, стоять, и, водичке-ка.

налейте себѣ сами, будьте хозяиномъ. Рекомендую! медицинская!.. Самъ настаивалъ.

— Нѣтъ, нехочется, перебилъ Пересвѣтовъ начальнымъ тономъ.

— Et pourquoi donc? воскликнулъ штабъ-лекаръ, придавши лицу своему навлюбезвѣйшее выраженіе, скорчивши самаго отчаяннаго свѣтскаго француза.

Въ этотъ день онъ попреимуществу чувствовалъ въ себѣ охоту изъясняться (съ грѣхомъ конечно поводамъ) на французскомъ діалектѣ, точно такъ какъ иногда примѣшивалъ къ рѣчи своей фразы латинскія, нѣмецкія, польскія, смотря по тому, какъ вздумается. — Et pourquoi donc?

— Некогда, признаться, я-таки къ вамъ за дѣломъ.

— Какъ за дѣломъ? за какимъ дѣломъ? что такое?.. Quelle affaire?.. Палачьяки чтоли прописать надо? Извольте!.. Однѣзъ взялъ пера — и дѣло въ шляпѣ. *Lapidis infernalis*? Сейчас! Со мной какъ съ воскомъ!

— Нѣтъ, докторъ, нѣтъ! возразилъ Пересвѣтовъ, почти не зная какъ приступить къ дѣлу. — Вы слышали про вчерашнюю исторію? проговорилъ онъ наконецъ съ усиліемъ.

— Про исторію? про какую исторію? *L'histoire? quelle histoire? Dites-moi!*

— Мухоморовъ вызвалъ Заруднаго на дуэль. Завтра они будутъ стрѣляться. Я у Мухоморова секундантомъ.

Александра Матвѣича какъ громомъ поразило это извѣстіе. Онъ вскочилъ со стула.

— Помилуйте, что вы рассказываете? Возможно ли! *Est-il possible?* Такіе друзья!.. *закадыки, se qu'on appelle!*.. За что же? говорилъ онъ, почти невѣря ушамъ своимъ. — Да нѣтъ! вы шутите! Этого быть не можетъ.

— Къ несчастію все это совершенная правда. Я пришелъ просить васъ завтра вѣхать вмѣстѣ съ нами. Помощи ваша будетъ намъ нужна. Захватите съ собою ваши инструменты.

И затѣмъ Пересвѣтовъ сталъ рассказывать штабъ-лекарю, всѣ подробности несчастной ссоры. Во все продолженіе рассказа его Александръ Матвѣичъ слушалъ его выслушивая глаза.

— Бога не боятесь вы! вскричалъ онъ наконецъ съ невротическимъ ужасомъ. — Возможно ли затѣвать такое дѣло? И ужъ кто-кто, а вы-то зачѣмъ влечетесь сюда? Съ какими-ли харак-

теромъ? съ вашимъ ли сердцемъ... идти на разбой, на душегубство, се qu'on appelle? Я васъ лишаю за это моей дружбы! Развѣ не могли вы отказаться отъ участія въ этомъ дѣлѣ? C'est affreux! C'est horrible! Грѣшно, грѣшно вамъ, дражайшій! Богу отчетъ дадите! — прибавилъ онъ съ укоризною и быстро зашагалъ по комнатѣ, шлепая своими туфлями.

Пересвѣтовъ слушалъ потокъ рѣчей доктора поникнувъ головою, и какъ обыкновенно, посвистывая сосредоточенно.

— Александръ Матвѣичъ! сказалъ онъ наконецъ, неподвижная на него глазъ. — Александръ Матвѣичъ! вы, титулярный совѣтникъ...

— Колежскій асесоръ—съ!

— Все равно. Вы... судите о дѣлѣ... съ гражданской точки зрѣнія... Ну сами посудите, могу ли я отказываться, когда товарищъ требуетъ моей помощи? И въ такомъ еще дѣлѣ! Когда онъ дѣлаетъ мнѣ честь? Когда наконецъ принято, что отказываться отъ подобныхъ вещей неблагородно?

— Вотъ она! Вотъ она... логика—то! Вотъ она!.. Вотъ офицерская—то точка зрѣнія! вскричалъ опять Александръ Матвѣичъ, ставши вдругъ въ позицію и дѣлая выразительный жестъ рукою.

— Что дѣлать! Таковъ обычай! Намъ съ вами не измѣнить его... продолжалъ Пересвѣтовъ тѣмъ же тихимъ, сосредоточеннымъ голосомъ. — Прощайте однакожь, до свиданья! сказалъ онъ вставая. — Завтра я заѣду за вами рано утромъ. Могу ли надѣяться я на васъ? Все равно вѣдь вамъ, вы не отвѣчаете ни за что.

Докторъ шаркнулъ туфлю какую-то заватую.

— Къ вашимъ услугамъ! пробормоталъ онъ.

Пересвѣтовъ вышелъ. Долго еще послѣ ухода его штабъ-лекаръ нашъ не могъ придти въ себя отъ волненія... И давно ли еще бесѣдовалъ я съ Мухоморовымъ на завалянкѣ? говорилъ онъ самъ съ собою, лихорадочно затягиваясь изъ черешневаго чубуки свѣта. — Давно ли?.. — Штабъ-лекаръ перышкомъ подошолъ къ полочкѣ и навалъ себѣ въ рюмку настойки.

— Quelle... quelle... стеченіе обстоятельствъ! воскликнулъ онъ громко, осушивши рюмку. И только тутъ вспомнилъ онъ, и что смутно и неясно, что въ тотъ вечеръ что-то много говорилъ онъ всякой всячины, что болталъ что-то тамъ про Заруцкаго,

про аристократовъ, что спорилъ съ Мухояровымъ, но что именно это такое было — припомнить не могъ. Мало ли что можетъ нную пору нацлести разболтавшійся невмѣру человѣческой языкъ! Что-то подсказывало ему, что во всемъ этомъ есть и его своя доля грѣха, но онъ хитрилъ съ самимъ собою, старался оправдать себя, однимъ словомъ устранить себя отъ расчетовъ съ собственною совѣстью. И такъ всегда хитритъ человѣкъ! Хотѣлъ онъ пойти къ Мухоярову поговорить... Но спрашивается, о чемъ поговорить? Дѣла не поправишь уже — поздно!

Онъ выпилъ водки еще... и еще... и остался дома.

XXIII

Наступила ночь. Вся Нечаевка погрузилась въ глубокой сонъ. А у Мухоярова долго еще горѣлъ огонь въ комнатѣ. Долго еще онъ сидѣлъ за своимъ письменнымъ столикомъ и безсознательно перечитывалъ кой-какія прежнія письма, записки, завалвшіяся въ его портфель, случайно оставшіяся на столѣ его рапортчики объ исправности карауловъ, разные денежные счета... Каждый подобный лоскутокъ, каждая буква, каждая цифра кажется говорили съ нимъ въ эти минуты, какъ-будто живымъ языкомъ, человѣческимъ словомъ. Пришло ему на мысль, что люди, готовящіяся къ неизбежной или по крайней-мѣрѣ къ вѣроятной смерти, имѣютъ обыкновеніе писать послѣднія, предсмертныя патетическія письма къ своимъ роднымъ, къ своимъ друзьямъ, къ дорогимъ сердцу особамъ. Но къ кому же было писать ему, Мухоярову? Ему, сиротѣ отъ рожденія! Дѣтство его протекло такъ горько, такъ безотраднo въ чужой семьѣ... Друзья его были близко... были здѣсь... но эти друзья были его неумолимыми судьями, безпощадно изрекли его приговоръ — и чувство скорби, скорби невыразимой, подступило у него къ сердцу при этой мысли... Дорогой образъ Инесы, любовь — лучъ небесный, вѣкогда освѣтившій безцвѣтную вообще жизнь его, жизнь армейскаго поручика, пронесся передъ нимъ... Но къ чему, выражаясь романтически, тревожить прахъ прошедшаго!

И къ чему рисоваться передъ смертью? Можно быть романтикомъ, глубоко чувствовать, глубоко любить... можно жалѣть,

очень, очень жалѣть о жизни... Но рисоваться, пѣть послѣднія, предсмертныя пѣсни лебедя — и глухо и смѣшно!

Нѣтъ! надобно сумѣть умереть благородно, скромно, безъ шуму, безъ классическихъ фразъ — однимъ словомъ со всевозможнымъ соблюденіемъ приличій; заглавить покрайней-мѣрѣ то впечатлѣніе, которое произвелъ Мухояровъ скандаломъ своимъ.

И Мухояровъ обратился къ болѣе земнымъ предметамъ. Онъ взялъ листъ бѣлой чистой бумаги, набожно перекрестился, обмакнувъ въ чернила перо, и крупнымъ, четкимъ, твердымъ почеркомъ сталъ выводить заголовокъ духовнаго завѣщанія:

«Во имя святыя, живоначальныя и нераздѣльныя троицы...» началъ онъ. Но рутинная торжественность фразъ и тонъ, которыми пишутся подобныя предсмертныя акты, опять остановили его...

Онъ медленно обвелъ глазами комнату свою, подумалъ вѣскольکو минутъ, потомъ взялъ другой листъ и началъ писать коротко, ясно:

«Въ случаѣ смерти моей все наличное имущество мое, а также и лошадей (исключая Бородино), завѣщаю продать съ аукціоннаго торгу.

«Вырученныя отъ продажи деньги, а также и слѣдующія мнѣ отъ казны употребить на уплату моихъ долговъ въ полку, которымъ здѣсь прилагается счетъ; къ этимъ же деньгамъ присоединить и тѣ, которыя будутъ возвращены моими должниками и которымъ счета не означаю, въ полной увѣренности, что всякій изъ нихъ окончитъ этотъ расчетъ самъ.

«По соображенію моему изъ этой общей суммы возможно будетъ выдѣлить вѣрному моему Кожемякѣ *четвертую* часть и вручить около трехсотъ руб. для нижеобъясненной надобности штабсъ-ротмистру Пересвѣтову.

«Бородино, а также боевую саблю мою и подушку, служившую столько лѣтъ мнѣ изголовьемъ, дѣлившую со мною всѣ походы, прошу принять отъ меня на память моего добраго, милаго мнѣ Илью Пересвѣтова... Бородино старъ, разбитъ уже на ноги — цѣны большой онъ имѣть уже не можетъ. Но... онъ десять лѣтъ носилъ меня на хребтѣ своемъ, я очень любилъ его. Прощу же тебя, добрый мой Илья, успокой его старость! Денегъ триста руб., которыя прошу отдѣлать на его содержаніе, должно стать на вѣскольکو лѣтъ. Ежели онъ проживетъ долѣе и

Пересвѣтовъ былъ бы въ затрудненіи съ нимъ, то завѣщаю его ни подъ какимъ видомъ въ чужія руки не перепродавать, а *пристрѣлить*, чтобы избавить его отъ той участи, которая вообще выпадаетъ на долю *бракировъ* въ этомъ жестокосердомъ мірѣ.

«Портфель сжечь.»

Мухоморовъ подписалъ эту записку и положилъ на столѣ. Потомъ онъ сталъ на колѣни передъ маленькимъ образомъ своимъ, которыми нѣкогда при его рожденіи, и сама отходя въ вѣчность, благословила его мать. Но кто скажетъ о чемъ молится онъ въ эти скорбныя минуты?.. Наконецъ онъ всталъ, погасилъ свѣчу и подошелъ къ раскрытому окну вдохнуть въ себя воздуху:

Тышина кругомъ была невозмутимая. Деревья въ саду стояли нешелохнувшись ни однимъ листочкомъ, и только крошечные кузнечики задавали концертъ свой въ кустахъ крыжовника и смородины, да ночныя бѣлыя бабочки, трепеща и шурша крылышками, мелькали передъ глазами Мухоморова, ударились ему въ лицо, да издали доносился до слуха его неясный ропотъ волнъ Буга, разбивавшихся о пороги... Полный мѣсяцъ, окруженный волнующимися клубами серебристыхъ облаковъ, высоко стоялъ на темносинемъ небѣ, обливая землю потокомъ свѣта. Теплыя испаренія пахучихъ травъ вмѣстѣ съ воздухомъ врывались въ комнату, обдавая страстной нѣгой и какъ-то странно и наркотически дѣйствуя на нервы Мухоморова... А глаза его смотрѣли, и смотрѣли безъ конца, все туда... на небо, на темносинее небо, да на полный мѣсяцъ, да на мерцающія, дрожащія звѣзды... И вдругъ одна изъ нихъ, показалось Мухоморову, сорвалась съ тверди небесной, быстро промелькнула передъ его взоромъ — и вдругъ исчезла... исчезла безъ слѣда...

XXIV

КАТАСТРОФА

Было еще раннее утро. Несмотря на это, двѣ нетычанки, выѣхавъ изъ деревни Нечаевки и свернувъ на проселочную дорогу по направленію къ небольшому мѣску, находившемуся верстахъ въ семи отъ селенія, уже быстро катились, то ны-

ря по выбоинамъ, между волнами дозрѣвшей ржи, то выѣзжая на открытое пространство. Въ одной изъ нихъ Зарудный, съ сигарою въ зубахъ, самъ правилъ лошадьми, запряженными въ англійскихъ или лучше—сказать въ польскихъ шорахъ, внимательно, какъ дилетантъ, слѣдилъ за ихъ ходомъ и систематически похлопывалъ длиннымъ бичемъ. Курнашевичъ сидѣлъ съ нимъ рядомъ на козлахъ и съ самымъ элегантнымъ выраженіемъ въ лицѣ перекидывался съ Заруднымъ французскими фразами. Онъ ѣхалъ какъ—будто на балъ. Сзади, въ другой нетычанкѣ правилъ лошадьми Пересвѣтовъ, сидя на козлахъ одинъ. Докторъ, занявши корпусомъ своимъ почти весь задокъ экипажа, молчаливо покуривалъ свой жуковскій табакъ и держалъ у себя на козлѣняхъ ящичекъ съ инструментами; неизмѣнная булава была при немъ тутъ же. Мухоморовъ, откинувшись совсѣмъ въ уголъ повозки, разсѣянно поглядывалъ по сторонамъ. Порою жаворонокъ, испуганный топотомъ лошадей и грохотомъ колесъ, выпархивалъ изъ гущины ржи или изъ придорожнаго куста, и взвиваясь все выше и выше, начиналъ звенѣть въ воздухѣ; робкій заяцъ перерѣзывалъ путникамъ дорогу и мелькая несся въ степь; лѣниво подвигался коршунъ съ ближняго кургана и тяжело махая крыльями, направляя полетъ свой въ лѣсъ. Мухоморовъ какъ—то безсознательно слѣдилъ взоромъ и за жаворонкомъ, и за быстро—несущимся по глади степной зайцемъ, и за тяжелымъ полетомъ коршуна, смотрѣлъ на шину колеса, которая свѣтлосиней полосой мелькала, быстро кружась, передъ глазами его. Какой—то мужикъ, ѣхавшій пахать въ поле на парѣ воловъ, котораго обогнали наши путники, приподнял свою баранью шапку и поклонясь примолвилъ: «помогай Боже!» Мухоморовъ по привычкѣ тоже кивнулъ ему головою.

— Вотъ наконецъ и роща! крикнулъ Курнашевичъ, обернувшись назадъ, когда обѣ нетычанки доѣхали до цѣли путешествія. Скоро онѣ совершенно скрылись въ глубинѣ лѣса. Почти въ тоже самое время и по той же дорогѣ показались два всадника: они неслись то на полныхъ рысяхъ, то усиленнымъ галопомъ, повуждая лошадей безъ всякаго состраданія.

— Ну, остановимтесь здѣсь, сказалъ Курнашевичъ: — лучше мѣста и не надобно! — Повозки остановились, и Курнашевичъ, неснимая лѣйковыхъ бѣлыхъ перчатокъ, привязалъ ло-

шадей возжами къ дереву. Тоже самое сдѣлалъ и Пересвѣтовъ.

— Будемте начинать! обратился Курнашевичъ къ Пересвѣтову.

XXV

Тогда въ чащѣ лѣса, на маленькой полянкѣ, со всѣхъ сторонъ закрытой густыми кленовыми деревьями и кустами орѣшника, стала разыгрываться слѣдующая сцена. Въ то время когда Пересвѣтовъ съ Курнашевичемъ стали отмиѣривать и поѣрять шаги, противники разошлись въ разныя стороны. Мухояровъ прилегъ подъ развѣсистымъ кленомъ и въ ожиданіи катастрофы закурилъ папиросу. Зарудный стоя присловился спиною къ стволу высокой ели и безсознательно, повидимому спокойно сталъ смотрѣть вверхъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, на другомъ деревѣ, смѣлый дятель карабкался по древесному стволу вверхъ, постукивая по корѣ крѣпкимъ клювомъ своимъ. Утренній вѣтерокъ шелестилъ молодыми побѣгами клена и орѣшника и колыбалъ вершины сосенъ и елей, позолоченныя лучами уже поднявшагося солнца; двѣ пестрыя бабочки порхали и кружились по полянкѣ, весело гоняясь одна за другою, и сквозь вершины деревъ виднѣлось голубое, ясное небо. И Зарудному какъ-будто стало жаль разстаться съ жизнью, но думать въ эти минуты не могъ онъ ни о чемъ... Онъ чувствовалъ, онъ зналъ, что вотъ-вотъ сейчасъ что-то такое съ нимъ будетъ, что-то странное, небывалое... Но ничего похожаго на робость въ сердцѣ его не было, на робость, весьма понятную и извинительную, весьма естественную въ человѣкѣ, который преднамѣренно готовится къ уголовному дѣлу, а не совершаетъ его въ минуту раздраженія, въ минуту независимыхъ отъ воли приливовъ крови къ головѣ. Зарудный былъ въ какомъ-то апатическомъ состояніи, и это не было ни особое мужество, ни очерствѣлость сердца, ни безнадежность, ни твердая рѣшимость на дѣло. Это было какое-то странное спокойствіе нервъ, которое приходитъ иногда къ человѣку въ критическія минуты, когда душа и сердце молчатъ, мысль спитъ и только организмъ движется какъ машина, повинуюсь побужденіямъ инстинктивнымъ.

Мухояровъ сидѣлъ подѣ деревомъ опустивши голову, набѣгая встрѣтиться съ взглядомъ Заруднаго, и въ раздумьи куря папирску, то слѣдилъ взоромъ за волнующимися струйками голубого дыму, то тоненькимъ хлыстикомъ сбивалъ верхушечки травяныхъ стеблей и лѣсныхъ колокольчиковъ. Одна головка цвѣтка упала къ ногамъ его и опрокинулась, стебелькомъ вверхъ; крошечная капелька соку потекла изъ свѣжей ранки и блеснула на солнцѣ. Мухояровъ поднялъ этотъ цвѣтокъ и сталъ на него смотрѣть; хлыстикъ выпалъ изъ рукъ его. Невыпускная цвѣтка изъ рукъ, онъ опустилъ глаза въ землю ⁽¹⁾... Маленькій жучокъ копошился въ травѣ у ногъ его, почти подѣ самымъ каблукомъ сапога. Мухояровъ осторожно отодвинулъ ногу. Тяжолое, неясное предчувствіе гнетомъ налегло на него, и предсмертная тоска сдравила ему легкія...

— Будете теперь заряжать пистолеты, сказалъ Курнашевичъ, отбѣривши шаги и означивши черты.

Онъ принялся за это дѣло сколько съ спокойствіемъ и хладнокровіемъ англичанина, столько же и съ тщеславіемъ француза. Подѣ ударами молотка его шомполъ смѣло и ровно входилъ въ дуло пистолета, загоняя на дно его обернутую въ лайку пулю. Вообще онъ исполнялъ операцію эту какъ-то особенно отчетливо, какъ-то особенно художественно, съ цинизмомъ и опытностью стараго бретѣра. Пересвѣтовъ тоже исполнялъ свое дѣло если не вполне хладнокровно, то внимательно, заботливо, добросовѣстно; въ рѣшительную минуту, передѣ неизбежною необходимостью, у него явилось достаточно нравственныхъ силъ для самообладанія. Забивая пулю на дно пистолета, онъ старался разными софизмами себя увѣрить, что онъ исполняетъ свой долгъ, свою обязанность. Къ чести его скажемъ, что объ отвѣтственности въ будущемъ передѣ судомъ за участіе въ этомъ дѣлѣ онъ еще не подумалъ ниразу. Но онъ переживалъ трудныя минуты за тѣхъ, кому суждено было черезъ нѣсколько мгновеній сойтись лицомъ къ лицу на роковую черту, и каждый ударъ молотка, повторявшійся подѣ дрожащею рукою его, болѣзненно отдавался въ кроткомъ и миролюбивомъ сердцѣ его. «Да, думалъ онъ, — легче самому десять разъ стать на барьеръ,

(1) Должно-быть онъ вспомнилъ ученіе Марціуса и Фихтнера. (Примѣчаніе позднѣйшее.)

нежели хоть одинъ разъ въ жизни исполнить подобную обязанность! Эту роль палача... О, Боже милосердый! отпусти мнѣ грѣхъ мой!»

Приготовленія наконецъ были окончены.

— Господа! неудобно ли становиться на ваши мѣста! сказалъ громко Курнашевичъ, пробуя спускъ курка и щолкая имъ.

Всѣ, неисключая доктора, вздрогнули; послѣдній, который до сихъ поръ въ сторонѣ судорожно затягивался изъ черешневаго чубучка, даже поблѣднѣлъ... Много въ своей жизни отпилявъ онъ рукъ и ногъ, много проводилъ народу божьяго на тотъ свѣтъ, но здѣсь, въ виду предстоящей практики, невольно содрогнулся...

Пересвѣтовъ еще разъ хотѣлъ соблюсти требуемый закономъ порядокъ, постараться помирить враговъ въ послѣднюю минуту.

— Помилуйте! чгѣ за миръ на плацу, передъ дуломъ пистолета! громко и рѣзко перебилъ Курнашевичъ и язвительно посмотрѣлъ на Пересвѣтова. — Что за комедія? Что въ полку скажутъ?.. Зарудный! прибавилъ онъ. — Я надѣюсь на васъ! Вы не должны себя уронить...

Пересвѣтовъ было вспыхнулъ, но словомъ *комедіа* онъ былъ обезоруженъ, уничтоженъ.

— Оставь! отрывисто сказалъ Мухояровъ, и сталъ на черту...

Въ тоже время вѣтви близьрастущаго куста орѣшника раздвинулись и изъ-за нихъ показалось серьезное и зловѣщее лицо Шварца; изъ-за плечъ его выглянула езуитская физиономійка Вейжика. Внезапное появленіе этихъ лицъ окончательно рѣшило дѣло: ему уже нельзя было дать никакого благопріятнаго оборота.

— Становитесь, господа! повторилъ Курнашевичъ.

Зарудный встрепенулся и смѣло, съ выраженіемъ самоувѣренности подошелъ къ чертѣ и сталъ на мѣсто. Мухояровъ украдкой бросилъ на него взглядъ, и сердце у него сжалось, облилось горечью... Какъ! никакого волненія! Ни малѣйшаго признака!..

— Выбирайте пистолеты! сказалъ Пересвѣтовъ и подошелъ сперва къ Зарудному, а потомъ уже подаль оставшіяся пистолеты Мухоярову.

Зарудный стоялъ твердо, прямо, отбросивши лѣвую руку

внизъ, слегка закинувши голову назадъ. Если правду сказать, онъ былъ очень хорошъ въ эту минуту. Черныя кудри его волнами выбивались изъ-подъ фуражки, глаза были ясны и горды, и только цвѣтъ лица какъ-будто немного блѣднѣе обыкновеннаго. Въ виду столько смотрѣвшихъ на него глазъ онъ безсознательно принялъ классически-непринужденную позу... — Я очень доволенъ вами! шепнулъ ему Курнашевичъ. А невидимое для глазъ зрителей сердце такъ билось, такъ билось, такъ замирало въ груди у Заруднаго!.. — Цѣйте же вѣрнѣе! шепнулъ опять Курнашевичъ.

— Господа! я начинаю! произнесъ онъ громко. — Прошу слушать:

— *Разъ!*

Оба врага въ одно мгновеніе подняли свои пистолеты. Бѣшенство закипѣло въ груди у Мухоярова, когда вмѣстѣ съ тѣмъ взглядъ его снова нечаянно упалъ на Шварца и его приспѣшника, которые давно и съ какимъ-то сатанинскимъ и насмѣшливымъ выраженіемъ смотрѣли на Мухоярова. Они замѣчали его волненіе и уже дѣлали свои невыгодныя заключенія.

— *Два!* скомандовалъ Курнашевичъ.

Только для того, чтобы обмануть бдительность устремленныхъ на него взглядовъ, Мухояровъ быстрымъ и небрежнымъ движеніемъ направилъ пистолетъ въ уровень съ грудью Заруднаго и такъ же быстро взглянулъ ему въ лицо...

Боже праведный! Зарудный цѣлилъ ему прямо въ лобъ!

Цѣлилъ не какъ-нибудь, лишь бы только выпустить выстрѣлъ *не на воздухъ* и тѣмъ помирить требованія чести съ совѣстью, а цѣлилъ внимательно, осторожно, прищуривши глазъ и съ точностью математическою!.. Вліяніе Курнашевича, какъ видно, не пропало даромъ...

И вдругъ Мухояровъ вспомнилъ, что онъ вчера слышалъ выстрѣлы, раздававшіеся въ той сторонѣ, гдѣ была квартира Курнашевича. Какъ молнія прорѣзала мысль эта разсудокъ его. Онъ вдругъ понялъ значеніе этихъ выстрѣловъ... И вся кровь у него бросилась въ голову, прилила въ одно мгновеніе къ мозгу... Неразъ мы уже видѣли до какихъ пароксизмовъ доходила горячность героя нашего, до какого градуса вскипала кровь его. «Какъ въ пса цѣлить!» промелькнуло въ умѣ его...

— Три! отрывисто крикнулъ Курнашевичъ.

Два выстрѣла грянули въ одно и тоже мгновение, слылись почти въ одинъ звукъ.

Съ полсекунды Зарудный постоялъ на одномъ мѣстѣ, потомъ покачулся, выровилъ изъ руки пистолеть и вдругъ опрокинулся назадъ. Тѣло его тяжело рухнулось на спину.

Розовое пятнышко заалѣло изъ-подъ растегнутаго кителя на его бѣлой рубашкѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ должно быть сердце.

Изъ-за кустовъ орѣшника въ ту же минуту выдвинулись фигуры Шварца и Венжика. Гадки и отвратительны были эти лица здѣсь, въ эту минуту, въ виду дымящейся крови и бездыханнаго трупа... Секунданты и Александръ Матвѣичъ бросились къ убитому. Штабъ-лекаръ взглянулъ на рану и сказалъ лаконически: «все кончено!» Преступленіе, убійство совершилось!

Пристально, въ какомъ-то оцѣпенѣніи, бессмысленно Мухомровъ смотрѣлъ нѣсколько секундъ на упавшаго въ предсмертной мукѣ Заруднаго. Зубы его стиснулись, а на лбу его явственно обозначилась и забилась крупная жила... Потомъ онъ съ остервенѣніемъ отбросилъ далеко отъ себя еще дымившійся пистолеть и медленно сошелъ съ черты. Колѣна его задрожали, онъ зашатался и въ изнеможеніи опустился подъ тоже самое дерево, подъ которыми сидѣлъ прежде...

Тихо стали поднимать тѣло Заруднаго. Капли алой, теплой крови окропили свѣжую зелень травы на томъ мѣстѣ, гдѣ лежалъ трупъ Заруднаго, гдѣ за минуту онъ стоялъ еще полный жизни, молодости...

А между тѣмъ золотистые лучи солнца весело играли на вершинахъ сосенъ и елей, свѣжій вѣтерокъ попрежнему шелестилъ молодыми побѣгами клена и орѣшника, испуганный сначала выстрѣлами дятель снова гдѣ-то смѣло ковалъ клювомъ по корѣ древесной, и разноцвѣтныя пестрыя бабочки попрежнему кружились по полянѣ, весело гоняясь дружка за дружкой, тысячами звуковъ шумѣлъ лѣсъ, жизнью кипѣла вокругъ уже совершенно пробужденная окрестность...

XXVI

Тѣло Заруднаго повезли въ Нечаевку. Шварцъ съ Венжикомъ поскакали тоже назадъ, но уже окольными дорогами, изъ весьма благоразумнаго опасенія подвергнуться отвѣтственности заодно съ секундантами.

— Покрайней-мѣрѣ то хорошо, что дѣло окончилось благородно! щебеталъ Венжикъ, галопируя бочкомъ и поспѣвая за своимъ патрономъ на своей бѣлоногой кобылѣ.

Штабъ-лекаръ въ метычанкѣ, которою правилъ Курнашевичъ, везъ на рукахъ своихъ трупъ Заруднаго, завернувши его въ широкую шинель свою. Курнашевичъ молчалъ, былъ серьезень. Про Пересѣтова и Мухоярова нечего и говорить: они всю дорогу не сказали ни слова между собою, и только по приѣздѣ въ Нечаевку, поровнявшись съ полковою гауптвахтою, Мухояровъ отрывисто сказалъ: «стой!» Пересѣтовъ сдержалъ лошадей. Мухояровъ вышелъ изъ повозки и пошелъ на гауптвахту.

Черезъ десять минутъ онъ отправилъ къ командиру полкомъ рапортъ, замѣчательный по своему хладнокровію и ясности изложенія.

«Вашему высокоблагородію имѣю честь почтительнѣйше довести, — писалъ онъ въ этомъ рапортѣ, — что вслѣдствіе возникшей у меня съ поручикомъ Заруднымъ непріятности я вызвалъ его на воединокъ и сего числа въ шесть часовъ утра, въ роцѣ, отстоящей отъ деревни Нечаевки въ семи верстахъ, убилъ его насмерть, въ присутствіи секундантовъ.» Слѣдовалъ номеръ, число, мѣсяцъ, годъ — все какъ должно быть по формѣ. Этимъ рапортомъ началось потомъ слѣдственное дѣло...

XXVII

На другой день послѣ описаннаго нами кроваваго приключенія Заруднаго хоронили. Медленно подвигалась погребальная процессія къ кладбищу мимо полковой гауптвахты. День на этотъ разъ былъ сѣрый, пасмурный. Во главѣ процессіи, съ образомъ

въ рукахъ шоль полковой дьячокъ; за нимъ слѣдовалъ хоръ пѣвчихъ. Гробъ несли на рукахъ товарищи покойнаго. Нѣтъ сомнѣнiя, что многіе изъ самыхъ ретивыхъ поборниковъ офицерскихъ убѣжденiй уже глубоко и горько раскаявались въ томъ, что были причиною печальной катастрофы... Процессією распоряжался ковечнио никто иной какъ подполковникъ Бурмашистовъ. Его глаза немного припухли и покраснѣли отъ невольнаго набѣгавшихъ слезъ, но несмотря на это, несмотря на весь грустный тонъ шествiя, онъ былъ все-таки кажется въ своей сѣрѣ. По обыкновенію караулъ вышелъ въ ружье и слѣмалъ «на погребенье», отдалъ послѣднюю честь усопшему. Печальные звуки похороннаго марша рѣзко раздавались въ воздухѣ...

А въ углубленiи арестантской комнаты на гауптвахтѣ, сквозь растворенное окно, виднѣлось блѣдное лицо Мухоярова. Процессія уже прошла... Она была на кладбищѣ... Уже оттуда доносились послѣдніе звуки, означавшіе, что тѣло опущено въ землю, а Мухояровъ все еще стоялъ на колѣняхъ на грязномъ полу арестантской комнаты, съ закрытыми глазами, сложивъ руки на груди, съ тихою молитвою на устахъ...

Заруднаго похоронили. Первую горсть земли послѣ священника бросилъ Бурмашистовъ, за нимъ и другіе отдали этотъ послѣдній долгъ покойному — и все было кончено. Пересвѣтовъ съ докторомъ оставили могилу послѣдніе: они не пошли и на обѣдъ, который устроилъ Бурмашистовъ по этому случаю... Въ тотъ же день почти всѣ разъѣхались изъ штаба. Нужно было на свободѣ подумать о слѣдствіи...

XXIX

ЗАКЛЮЧЕНІЕ

Мухояровъ и секунданты, само собою разумѣется, были преданы военному суду. Онъ былъ разжалованъ въ солдаты, а Курнашевичъ и Пересвѣтовъ посажены на годъ въ крѣпость. Пересвѣтовъ перенесъ это заточеніе съ тою покорностью судьбѣ, какой и нужно было ожидать отъ него. Что касается до Курнашевича, то вся эта исторія не только не уронила его, но даже приобрѣла ему еще нѣкоторый, относительный вѣсъ. Съ своей

стороны онъ нешутя ставилъ себѣ въ заслугу, что безъ него дѣло кончилось бы можетъ-быть именно комедіей, что враги помирились бы на *плату*, и тогда это было бы «чортъ знаетъ что такое». Онъ нешутя былъ увѣренъ, что съ этихъ поръ приобрѣлъ неоспоримыя права на признательность цѣлаго общества, хотя быть-можетъ и жалѣлъ, что не Мухояровъ, а Зарудный палъ жертвою.

У Мухоярова ни одна черта не дрогнула въ лицѣ, когда ему читали конфирмацію, хотя служебная карьера его съ этихъ поръ погибала навсегда. Да и чего было жалѣть ему теперь, за что трепетать!..

Онъ вынесъ послѣдній ударъ, послѣднее разочарованіе еще тогда, когда стоялъ на роковой чертѣ, подъ дуломъ пистолета Заруднаго, мѣтившаго ему прямо въ лобъ! Еще тогда онъ проклялъ все, передъ чѣмъ такъ рабски преклонялся нѣкогда, чѣмъ дорожилъ такъ много, передъ чѣмъ благоговѣлъ. Еще тогда онъ разорвалъ всю связь свою съ прошедшимъ, связь съ Заруднымъ, развязалъ узелъ этотъ по-александровски... пистолетнымъ выстрѣломъ!

Въ первое время спокойствіе духа его было даже поразительно. Онъ попрежнему сталъ играть въ ералашъ, жить прежнею жизнью и только сдѣлался молчаливѣе, сдержаннѣе. Ему простили скандалъ, произведенный на полковомъ праздникѣ, потому что по общепринятымъ правиламъ, поединкомъ онъ загладилъ все, а что онъ ли палъ бы жертвою, Зарудный ли — это было все равно: жертва очищенія принесена. Само собою разумѣется, что никогда и никто ни однимъ словомъ не вспоминалъ ему о трагическомъ эпизодѣ его жизни. Но нашлись однако и такіе люди, въ отношеніяхъ которыхъ къ Мухоярову вмѣсто прежней откровенности и радушія стали проглядывать неловкость, принужденіе, даже какое-то особое чувство, хотя сглаженное короткостью обращенія, привычною и неизбѣжною въ этомъ быту, но все-таки похожее на отвращеніе. Даже (таковы люди!) самъ милый весельчакъ штабъ-лекаръ, невольный виновникъ можетъ-быть всей этой исторіи, началъ повидимому избѣгать случая сходить-ся съ Мухояровымъ, и всякій разъ вмѣсто того, чтобы при встрѣчѣ громко и радушно, сразмаху хлопнуть по рукѣ его, какъ прежде бывало, своею широкою, пухлою ладонью, сталъ совать

ему теперь только два пальца, да и то всякій разъ наровиль обтереть ихъ объ полы своего сертука.

Все это очень, очень грустно, господа! Мухояровъ замѣчалъ это — и едвали оскорблялся... Съ другой стороны Шварцъ, Курвашевичъ и прочіе подобные имъ стали оказывать ему предпочтительное вниманіе, но Мухоярову оно было противно, тяжело: въ немъ онъ видѣлъ укоръ свой, казнь свою. И онъ сталъ удаляться отъ общества...

А. ФАТЪЕВЪ

ВОСПОМИНАНИЕ

Вотъ этотъ прудъ, вотъ этотъ садъ...
Какъ я тогда былъ жизни радъ!

Разъ ночью мѣсячной съ тобой
Мы шли тропинкою глухой.

Весь синій прудъ, весь въ звѣздахъ прудъ,
Къ нему деревья вѣтви гнутъ,
И тѣвъ безшестныхъ вѣтвей
Въ росѣ бѣляющихъ полей
Рѣзка, извилиста, черна —
Далеко тянется она
Черезъ синій прудъ, за тихій лугъ,
И видишь — тамъ блѣднѣетъ вдругъ
Передъ зарей. А мы съ тобой
Все не торопимся домой,
Голубка : такъ горячъ нашъ споръ,
Такъ откровененъ разговоръ!
Предъ новой, трудною борьбой
Мы исповѣдались съ тобой,
Но было какъ-то странно намъ
Вдругъ все — назвать по именамъ...

Ну вотъ и съ твердостью бойца
Вели мы дѣло до конца,
Ну вотъ мы рвались изъ тюрьмы...
На то-ль готовилися мы,
Чтобъ все болтать, весь вѣкъ болтать
И только этимъ жить, дышать?...
Чтобы, идя все съ жизнью врозь,
Ее судить и вкривъ и вкось?..»

А что за ночь тогда была !
Вся говорила и жила...
Чего-то кажется ждала —
И все бы вынесла душа,
Отвагой радостной дыша...

О. ВЕРГЪ

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ ПО АМУРУ

I

Октябрь 1861 года.

Только одинъ часъ ѣзды — и я уже былъ въ четырехъ верстахъ отъ Благовѣщенска, приближаясь къ горѣ, съ которой могъ любоваться десятками бѣлыхъ и красныхъ крышъ города. Двѣ каріа лошаденки, запряжонныя въ неистово-поющую одноколку, кое-какъ втянулись на гору, приободрились было, тронули хлынью, но тотчасъ же и одумались, смѣкнувъ, что везуть не курьера какого-нибудь, а просто неважнаго чина чиновника, ѣдущаго по казенной надобности. Но впередъ!.. Городъ теряется изъ виду. «Терпѣнія, больше терпѣнія!» шепчетъ мнѣ предчувствіе; съ нимъ и дорога лучше, и одноколка намазаная беретъ видъ тарантаса, клочки и рытвины — настоящее шоссе и лошади орлы... А дай еще больше воли воображенію — и летишь себѣ на птицѣ-тройкѣ съ русской удалю, въ ухахъ слышится родная, близкая сердцу русская пѣсня... «Чшш!.. шш!..» шикаетъ проводникъ мой, погоняя вмѣсто кнута хворостиной несчастныхъ клячъ. Очарованіе падаетъ. Дѣйствительность снова рисуетъ тѣже кочки и рытвины, ту же горемычную пару карихъ лошаденокъ, съ веревочной изорванной упряжью, ту же одноколку, ежеминутно готовую развалиться — и ѣдешь такъ станцію, другую и третью... И вотъ пошли себѣ писать казацкія станицы томительнымъ однообразіемъ, построеныя по одному рисунку, ровненько, въ ниточку, фронтомъ... Развѣ только кое-гдѣ въ одной пойдетъ правое плечо впередъ или лѣвое назадъ, а потомъ опять все ровно, стройно, отчетливо. Впереди пущена вытянутая цѣпь частокола огородовъ, въ другихъ она оставлена на-

зая. Дистанція между двухъ, трехъ-саженными домиками, какъ въ правильно идущихъ зводахъ, соблюдена, какъ и слѣдуетъ быть дистанціи. Все въ порядкѣ. Заборы на-лицо ровняютъ линію, на дворахъ видятся загоны скота, дворъ обнесень загородью, у другихъ и такъ обходится — и стоитъ овъ степью чистою, ровною, безъ предѣльною, и кипитъ казацкое сердце, радуется казацкая душа... «Да и чево, перя! кто сзяду и глянетъ-то, коли спереду хорошо!»

Вчера, позавчера, въ полдень и въ полночь — усталый съ лопади (!) идешь въ казацкую избу, вдыхаешь удушливый запахъ на-топленной хаты, и снова томишься однообразіемъ и бѣдностью ея внутренняго устройства и въ полдень, и въ полночь, и вчера, и позавчера.

Ненадо видѣть десятки домовъ амурскихъ станицъ, довольно одного изъ преобладающаго большинства, чтобы составить себѣ понятіе о жилищѣ амурскаго казака. Вотъ вы входите въ избу, заботливо наклоняясь, сберегая своей лобъ отъ ушиба; направо тотчасъ же замѣчаете печь, изъ кирпичей сложенную или изъ глины битую: она занимаетъ чуть ли не третью всей избы; дагѣ — два, рѣдко три окна впереди, одно еще непременно съ лѣвой стороны; вдоль стѣны узкая, полуаршинная скамейка, въ лѣвомъ углу столъ бѣлый, досчатый, въ правомъ другой, но рѣдко; въ нѣкоторыхъ избахъ есть перегородки досчатыя, низенькія, въ другихъ замѣчаютъ ихъ доскутъ чего-то, привѣшанный какъ-то; вѣроятно все это для порядка и приличія; у дверей иногда бываетъ кровать, а подъ нею сундукъ — вотъ и все. Кадокъ, бочекъ, ведеръ, рѣшотъ и другихъ хозяйственныхъ принадлежностей мало видишь: сберегаются ли онѣ гдѣ въ подпольяхъ, непускаемыхъ на свѣтъ божій, или считаются роскошью въ казацкомъ хозяйствѣ?.. Зато чайникъ или чугунокъ найдется въ каждой избѣ. Казакъ въ день два, три раза чаюетъ; чай и хлѣбъ, особенно въ первое время заселенія, для большинства служилъ единственной пищей.

Но вотъ стѣбитъ поднять взоръ выше, чтобы почувствовать за-

(!) Только три ставка отъ города Благовѣщенска, вверхъ по теченію Амура, можно ѣхать на намазаной, поющей одноколкѣ; дагѣ необходимость застаивать ѣхать верхомъ на крышеподобномъ казацкомъ сѣдлѣ.

нѣтное разнообразіе въ казацкихъ хатахъ. Въ одной кючь лучше и прилѣпленныхъ къ нему свѣчей больше, и усердіе молящихся ясно замѣчается на врожкомыхъ одеждахъ и лицахъ св. угодниковъ, иконъ собственнаго сибирскаго произведенія; въ другой кючь юмѣнѣе, зато въ нему прицѣплена подушечка изъ краснаго или снѣжнаго ситца съ крестиками, и тутъ же чернильница съ перомъ и еще какія то баночки и пузырьки съ полезными снадобьями; да еще тамъ виднѣтся табель съ ножницами, тутъ треухъ хозяина дома, понява или поддевка какаѣ-нибудь; а дальше, глядишь, перешли уже и въ бабѣ отдѣленіе: чашки, ложки, ножъ да квашня — и все тутъ. Оборачиваетесь — и тутъ только замѣчается висящая надъ дверями винтовка, страхъ и гроза враговъ амурскаго казачества, да сей поры впрочемъ навинно употребляемая противъ бѣлокъ и то съ небольшими успѣхами. По стѣнамъ въ нѣкоторыхъ висятъ тоже и картины извѣстныхъ художниковъ, извѣстнаго содержанія. Приступаешь къ ихъ разсматриванію, но сонъ смежаетъ глаза; «садокъ большой, нечитай въ пятьдесятъ верстъ былъ», говорилъ проводникъ, и дорога-то шла все по камнямъ да по хребтамъ, подушкамъ, сланямъ да раскопкамъ и по другимъ удобнымъ мѣстностямъ... Сворбе валились на лавку и засыпаешь полумертвымъ сномъ подъ звонный оркестръ носового свиста и горлового хрипа могучихъ воителей Амура.

Много надо терпѣнія и здоровья переносить осенній путь по Амуру. Вотъ вы только-что прошли верстъ десять по скользкому наклону берега, гдѣ ежеминутно скользкая лошадь вынуждала пройти вась подовину пѣшкомъ, кое-какъ спустились на самый берегъ рѣки, сѣли на лошадь, думая отдохнуть, — и снова идете версты двѣ, три, шесть.

— Это однако будетъ третій утесъ, замѣчаетъ казакъ: — его въ большую-то воду горой объѣзжаютъ.

Камни въ безпорядкѣ разбросаны и нависшіе надъ водой, ласкаютъ взоръ своей естественной дикостью; замѣтъ того паги терпятъ страшное крушеніе. Ведешь лошадь за поводъ, она падаетъ — и самъ падаешь на заледѣвшіе камни.

— Зачѣмъ, въ досадѣ кричишь — у вась лошади некованы? Видишь кровь течетъ изъ ноги? Совѣтъ разобьется лошадь!

— Приказу не было, ваше благородіе

— Да это казеннымъ чтоли?

— Дя-ча казенныя! наши. Изъ Забайкалья ланѣ (1) привели вонъ эту.

Что возражать? Идешь далѣе... минуешь третій утесъ, тамъ непожко еланью, потомъ еще послѣдній утесъ, еще чрезъ небольшую болотину, да еще еланью и на дугъ: на немъ стюкосы и наши ожидаемой станицы.

— Что, какъ хлѣба у васъ? спрашиваю я казака.

— Хлѣбушка-то?

— Ну да.

— Да есть же.

— Какъ? Ладно родились?

— Чево? Хлѣбушка-то? Ничего, ладно.

— А какъ?

— Да по малости съяли.

— Десятины по три, по четыре?

— Есть же у кого и по четыре.

— А то и меньше?

— И поменѣ есть...

— А какъ?

— У конныхъ, что съ линіи-то пришли, у тѣхъ почитай и по десятинѣ нѣтъ. Есть у кого и по четвертухѣ — непривычные значить къ этому дѣлу.

— Они давно на Амурѣ?

— Первые пришли... Четвертый теперича годъ пошолъ.

— Какъ же они тамъ?

— Перва на казенномъ быди, а теперича значить на своемъ.

— Однако хлѣба-то мало будетъ?

— Вѣстимо мало...

— Такъ какъ же они?

— Дадятъ въ Забайкальѣ къ сродственникамъ: подліи ихъ може что и добудутъ. Тоже, ваше благородіе, съ голоду умирать здѣсь не приходится.

— А много такихъ казаковъ въ вашей станицѣ?

— Ладно же будетъ.

— А земля-то у васъ какъ? хороша?

(1) Прошлый годъ.

— Земля-то ладна... Туга больно, однимъ концемъ и не думай поднять.

— Плугомъ бы... Плуги-то есть у васъ?

— Есть-то есть — и въ сотняхъ казенные есть, и у хохловъ тамъ... они значить на быкахъ и пашутъ, а намъ гдѣ ужь, ваше благородіе!

— Отчего же такъ?

— Несродственно. У насъ изстари шарбаномъ; и въ Забайкальи такъ пахивали.

— Тутую землю плугомъ-то лучше.

— Ничего, ваше благородіе, и такъ по малости добываемъ, и хлѣбшки тоже родятся.

Ѣду по Амуру (берегомъ) нельзя назвать очень тихою, нельзя и сказать тоже, что она очень скорая, особенно теперь, въ настоящее осеннее время. Лошади въ тѣлѣ, не загнаны еще почтовою гоньбой, еще не пристали, а всѣ въ надлежащемъ видѣ, какъ и слѣдуетъ быть казацкимъ лошадямъ амурскаго войска.

— Живѣе, живѣе, старшій, поторапливайся! говорилъ я старшему о снаряженіи лошадей.

— Да вотъ, ямщикъ... чево тамъ... чаюеть надо быть, ваше благородіе.

«Чаюеть!» Это въ глазахъ амурскаго казака вполне уважительная причина. Онъ и на пашню не выѣдетъ, и въ лѣсъ по дрова не поѣдетъ, если часовъ около семи утра не почаетъ надлежащимъ образомъ. А тутъ станокъ почитай пятьдесятъ верстъ будетъ.

— Погоняй, погоняй! кричалъ я проводнику, выѣхавъ изъ станицы, рѣзкимъ голосомъ.

— Понужайте, понужайте, ваше благородіе! мягко отозвался проводникъ, видя, что я уже отстаю на своемъ бѣломъ буцефалѣ отъ его пѣгой кобыленки: — больно лѣнивъ, а то лошадь дородная.

Но дородная лошадь послѣ третьяго удара нагайки только еще подумала: «похлынять, али и такъ оставить, перетерпѣть: не всю же дорогу понуженія будутъ!»

— Какого это чорта мнѣ засѣдали? въ сердцахъ кричалъ я, проѣхавъ часа четыре времени.

— Добрая лошадь, дородная лошадь, ваше благородіе! отозвался проводникъ.

- Эдакъ мы и къ утру на станокъ не выйдемъ.
- Вечеромъ бы надо быть, — развѣ что приключится...
- А сколько отъехали верстъ?
- Да звонка на рѣчкѣ половина будетъ.
- Половина?! —
- Точно такъ. Да эту, что проѣхали, поболь считаютъ.
- Гм! Такъ эта поболь будетъ?
- Ну и та ладно... тоже половина матерущая...

Спустились на рѣчку. Чистый, прозрачный ледъ покрывалъ маленькую рѣчушку. Но едва мы на него двинулись, лошади отали и заупрямились.

— «Но-ну, о-о!.. чш-шш!..» Толку не было. Пасынались учащенные удары нагайки — работа напрасная.

— Ничего, наяривайте, наяривайте, ваше благородіе! прооцрялъ меня проводникъ. И самъ за немѣніемъ случившейся по близости хворостины, выхватилъ изъ-за пояса топоръ и топорницемъ тоже началъ наяривать свою пѣгую кобыленку. Но все напрасно.

— Чтобъ околѣть тебѣ, лѣшая! ворчалъ казакъ, слѣзая съ лошади: — окачуриться бы тебѣ, окаянная! — И давъ три зуботычины въ морду лошади, усиленно потянулъ ее за поводъ.

Но едва некованая лошадь ступила на ледъ, поскользнулась и упала. Тутъ уже всякія наяриванія оказались напрасными. Надо было за хвостъ и гриву тащить ее по льду отъ одного берега до другого. Перебравшись на другую сторону рѣчки, ивогихъ усилій и работы нагайкой понадобилось, чтобы одолѣть матерущую половину, къ несчастію оказавшуюся чуть ли не вдвое больше прежде проѣханной.

Однако надо сказать, такія лошади рѣдкость у казаковъ и держатся ими больше кажется для того, чтобы время отъ времени удивлять проезжающихъ: «вотъ-де мы на какихъ коняхъ, да выѣзжаемъ станки, почитай въ пятьдесятъ верстъ будутъ!» А тоже и у казаковъ амурскихъ есть добрыя лошади, дородные кони!

Зиму встрѣтилъ я у станицы Кольцовой. Казаки станицы Ушаковой меня порадовали: «дорога-то все лугомъ; коли бы снѣгъ, хошь на саяхъ вези». Солнце садилось, но я рѣшился ѣхать: дорога-то, балли казаки, хорошая, извѣстная, одна только и есть тутъ,

да и версть-то всего двадцать-пять, больше не будетъ. Немало удивило меня, когда вышедъ изъ хаты, увидѣвъ я, что одинъ изъ казаковъ, взявъ на руки мальчика, по наружности мѣтъ деньги, садилъ его на лошадь да приговорилъ: «смотри вправо: не ѣзди, какъ рѣчку-то переѣдешь; а тамъ черезъ болотину тоже лѣво держи: вправо ѣзди — болотно ужь топко; да въ станицѣ-то подѣзжать станешь, отъ сѣновъ-то ворота вправо — допотину-то тамъ объѣзжаютъ: да...

— Эй! ужь это не проводникъ ли мнѣ? спросилъ я.

— Точно такъ, в. б—діе.

— А ему сколько лѣтъ?

— Съ лѣтиско Миколы тринадцатый голочикъ пошолъ. Тоже... ѣзжалъ... не впервые.

— Да развѣ полагаются такіе проводники?

— Да чего, в. б—діе, мѣсто-то здѣсь совсѣмъ не опасное — до самой станицы лугомъ... дорога-то только и есть одна.

— Ночью придется ѣхать, возражалъ я.

— Ничего, в. б—діе, ѣзжалъ... знаетъ... тоже вотъ и ночью возилъ.

— Ну, а дорогой случится что? Онъ и на лошадь самъ сѣсть не можетъ.

— Какое тутъ! и случится ничего не можетъ, утвердительно говорилъ казакъ.

— Ну бери же, бери! да ловче держи! говорилъ старикъ-отецъ своему сыну, давая въ руки его поводъ. — Тутъ, в. б—діе, не беспокойтесь, одна дорога, какъ есть до самой станицы. А онъ ѣзжалъ, знаетъ; чего — ужь почту возилъ!

Взявъ мальчика проводникомъ, дорогою заплатилъ я за свою уступчивость. Не прошло двухъ часовъ ѣзды, какъ заблибли утесы праваго берега. Еще полчася — и вся степь покрылась тонкой пеленой снѣга. Тропинки какъ не бывало. Кругомъ мятель. Снѣгъ валилъ крупными хлопьями. Проводникъ мой остановился.

— Поѣзжай, поѣзжай! сзади кричалъ я ему.

— Къ рѣчкѣ пріѣхали, тоскливо отозвался мальчикъ, — да ее на броду переѣзжаютъ.

— Гдѣ же бродъ? Ты знаешь дорогу?

— Не могу знать. Надо быть ниже будетъ.

Посмотрѣвъ я рѣчку. Высокій обрывистый берегъ не позволялъ думать о переправѣ; надо было искать брода и спуска. Детямъ,

переправившись; пришлось еще безъ дороги ѣхать до пяти часовъ, пока наконецъ, наткнувшись на зародь сѣна, могли мы впродолженіи одной ночью дойти до станицы Кольцовой. Я засыпалъ, какъ пріѣхалъ изъ сотни нарочный. Между прочими разговорами старшаго казака съ пріѣхавшимъ слышалъ я:

«— Приказывалъ лошадей ковать.

«— Чего же? однако и время.

«— Какъ знаа теперь! Некованный конь — беда; пропадеши съ нимъ.

«— У меня знаешь каурую-то кобылу? — все ноги обила, одно слово замаялась; такъ и стоитъ теперь. Тоже вотъ у брата двѣ лошади...

«— Да чего! Третеводни у насъ свать Демьянъ ѣхалъ черезъ Грязнуху — на бѣломъ-то на своемъ...

«— Знаю.

«— И какъ это только случилось: задеветло чтоли тамъ, ну и спускъ-отъ крутой — лошадь-то и скатилась.

«— Э-э-э! замѣтилъ старшій.

«— Ну, и замаяла его.

«— Э-э-э! замычалъ старшій.

«— И повредился.

«— Э-э!.. едва слышно потянулъ старшій, удивленный и пораженный такимъ печальнымъ событіемъ.

«— И диво еще... добро бы какой другой тамъ, ладный, чтоли, а то свать Демьянъ!

«— Чего ужъ... извѣстный казакъ.

«— Вотъ поди ты, чего станешь дѣлать!

«— Чего дѣлать! Вѣстимо божія воля... И какъ это она лѣшая покатилаеъ?

«— Не первой и ѣхалъ-то. Только передъ нимъ ямщикъ отъ дѣтвой приехалъ.

«— Поди вотъ, съ почтой!.. и вьючныя, да прошли.

«— Вотъ и диво: вьючныя, да прошли.

«— А чего онъ, дивно зашибея?

«— Да ногу почитай вотъ съ этого мѣста лею и царедилъ.

«— И-и!.. вотъ поди-жь ты!»

Я засыпалъ, но въ просондѣхъ долго мнѣ слышалось, какъ дивно казаки промежь себя дивовалися: какъ это, да на Грязнухѣ, да ло-

шадь скатилась, да свать Демьянъ повредился, казакъ — и казакъ-то хорешій!..

Амурскій казакъ не любитъ выѣзжать въ путь ни рано утромъ, ни поздно вечеромъ. Правда, и дорога непривлекательная. Она — то рядъ утесовъ, омываемыхъ какимъ-нибудь шумливымъ арвануномъ Амура, то поодлговательная или переменяющаяся цѣпь болотъ, простыхъ, кочковатыхъ, въ зкихъ или сухихъ, совсѣмъ подмерзавшихъ теперь или еще проваливающихся; а рѣчки замерзшія или замерзающія, при ѣздѣ на неованныхъ лошадахъ; а объѣзды — падями, хребтомъ, тайгой, съ шумомъ ломающимся валежникомъ или часто-коломъ выдающихся корней сосняка и березника .. Право, дорога совсѣмъ не привлекательная, хотя можетъ-быть и очень живописная, особенно при лунномъ свѣтѣ, для человѣка съ пылкимъ воображеніемъ, сознающаго себя впервые на Амурѣ, въ землѣ чуть ли не обѣтованной! Да, опять повторю, дорога совсѣмъ не привлекательная, и амурскій казакъ совсѣмъ не любитъ ночныхъ странствованій по мѣстамъ своего новаго жительства. Тутъ надо и топоръ взять, и подпругамъ сѣдла дать должное назначеніе, а главное — надо вниманіе, не потерять слѣдъ, и вниманіе долгое, на цѣлыхъ невыносимыхъ иногда десять часовъ.

— Нѣтъ ужь, в. б—діе, однако лучше переночевать, замѣчаетъ старшій.

— Отчего же?

— Какой теперь путь!

— А что?

— Опасно, в. б—діе! пугаетъ старый казакъ.

— Отчего же опасно? Утесы, хребты чтоли? болота вязкія?

— Есть, в. б—діе, все есть. И хребты, и утесы, и болота всякія. Оборони-богъ еще подпруги лопнуть!..

Я засмѣялся. Молодой казакъ, смекнувъ надо быть, что казацкимъ подпругамъ, зачастую гнилымъ, веревочнымъ, не положено лопаться, перебилъ стараго свата:

— Ну чего ты!.. И утесовъ-то, и хребтовъ крутыхъ нѣтъ, а вотъ Амазоръ рѣчку значить переѣзжать надо.

— Чтоже, вплавь? спросилъ я.

— Нѣтъ. Топерича по колѣно будетъ.

— Такъ чтожъ?

— Все же опасно. Значить дикуются, в. 6—дн.

— Что?

— Нечистая сила дикуются, в. 6—дн.

— Ужь это подлинно, перебилъ другой. — Дани потомуль казакъ, такъ и съ конемъ унволь... Мѣсто-то значить тутъ самое что ни есть гиблое.

— И только это двое веревыли, продолжалъ первый: — вода-то большая была вѣпоры, а онъ еще похвалялся! А какъ ухнулъ, такъ однажды только и показался. Ревѣль тоже намъ: «прощайте, говорить, братцы-товарищи! значить нечистая сила меня ведетъ!»

— А двое стояли на берегу и не дали помощи! возразилъ я.

— Кому, в. 6—дн, своя жизнь не дорога! замѣтилъ апатическимъ голосомъ молодой казакъ.

— Однако, старшій, скорѣ бы лошадей...

— Чего же, паря, надоть сѣдлатъ! замѣчаютъ очередному казаку.

И паря идетъ повѣся голову, и вмѣсто пріятныхъ ожиданій возлечь на грязное ложѣ свое, въ такомъ же, если не худшемъ углу казацкой хаты своей, онъ бѣдняга тащится къ богатырю коню своему, налагаетъ на него форменное сѣдло, зачастую сѣдланное на подобіе крыши, ради того, чтобъ казакъ чувствовалъ себя на службѣ, какъ объяснилъ мнѣ одинъ изъ старшихъ; но въ исправности, съ ремешками и пряжками — нельзя же, время ночное! оборони-богъ, еще подпруги лопнуть! И тянетъ онъ, тянетъ ременную подпругу, — но вѣрная казацкой натурѣ, казацкая рука не выдерживаетъ и подпруга, какъ и днемъ, болтается чуть ли не на четверть подъ брюхомъ лошади. По приказанію беретъ топоръ. Недовольный выѣзжаетъ за ворота и предъ его глазами уже рисуется знакомый ему утесъ-великанъ; острые большіе камни внизу его съ навалившимися на нихъ глыбами льда; а тамъ болота, длинныя, полузамерзшія... Онъ оборачивается, а тутъ... Боже! какъ привѣтливо свѣтитъ тусклый огонекъ лучины сквозь десятистекольное окно аршиннаго размѣра! На потникъ бы теперь, въ овчинную шубу скорѣй — тамъ-то тепло; тамъ и запахъ, и чистота, все заманчиво!.. А то свѣжій вѣтеръ такъ и рѣжетъ лицо... брр! какъ холодно!

— Что это, братецъ, какъ у тебя лошадь засѣдлана? начинаю я. Смотри-ка, подпруги такъ и болтаются.

Но казакъ, проводникъ, разговорчивый днемъ, угрюмъ и молчаливъ вечеромъ: онъ тогда становится становится весь законизмъ.

— Ужь это такъ сѣдуетъ, отрывисто отвѣчалъ казакъ

— Да отчего же так дѣлается? Вотъ ты какъ-нибудь на обѣдѣ покачнешься, да такъ съ сѣдломъ и покатишься.

— Не впервые!.. Взжали тоже!.. Шш!.. шш!.. зашипѣлъ казакъ, желтого дѣрева шапкада то вправо, то влево, какбы желая опять показать себѣ «смотри-де!» али на молодца, а, же казакъ амурскій!»

Вечерѣть. Тропинка идетъ кочками. Мѣстами выступаетъ вода. Полузамерзшее болото трещитъ и ломается подъ копытомъ лошади.

— Осторожнѣе! говорю я: — да смотри, не потеряй слѣда.

Молчаніе проводника объясняетъ бесполезность моего безпокойства.

Тяжела и неприятна ѣзда по болоту, особенно когда бѣлый, да лѣнивый конь требуетъ понуженія. Ежеминутно будь на-готовѣ. Нѣтъ-нѣтъ, а чего добраго, и слетишь пожалуй. Стукъ да стукъ, трахъ да трахъ, а все впередъ да впередъ...

— Эй! послушай-ка, казакъ!

— Чего изволите?

— Скажи пожалуста, отчего это ты такъ ѣдишь; — вся нога у тебя въ стремянѣ? Вѣдь если ты свалишься, лошадь можетъ замять тебя.

— Ужь это, в. б.—діе, не извольте безпокоиться. У насъ тоже и бригадный есть, тоже и сотенный есть...

Что онъ хотѣлъ этимъ выразить? То ли, что я говорю о дѣлѣ съ всѣмъ невозможномъ и невѣроятномъ, или же что «ты не мое-де начальство, не тебѣ и учить меня»? Богъ его знаетъ что онъ хотѣлъ этимъ выразить. Только снова сильно зашипѣлъ и отчаянно началъ дергать лошадь, которая не выдержала, бросилась въ сторону, передней ногой провалилась и казакъ, какъ былъ въ своемъ засаленомъ зипушѣ, подпоясанный веревочкой, взятой вѣроятно въ придачу при закупѣ араки, въ трухѣ, съ топоромъ и сѣдломъ, покатился на бокъ, проломилъ ледъ, и поддерживаемый стремянами за ноги, вопилъ ко мнѣ: «в. б.—діе, владну!» Господи! подумалъ я: въ такомъ ли грязномъ болотѣ да сгинетъ казацкая слава амурскаго казака!

Апатія, глубокая апатія тяжолымъ кошмаромъ давитъ амурскаго казака. Всякій трудъ грознымъ страшилищемъ возстаетъ предъ нимъ и заранѣе пугаетъ бѣдное воображеніе.

— Дя-ча, думаетъ одинъ, лежа на печи, — въ экое мѣсто попали насъ? На лицѣ бывало събѣднѣть туды разъ-другой, — и чаю-

еще себя радъ, и горюшка мало. А здѣсь, почитай, гдѣ-нибудь, гдѣ-нибудь! Разъ что Богъ по душѣ графу положитъ, таможню здѣсь урядитъ.

— Чаво ужъ! говоритъ другой: — кака здѣсь жизнь! маемъсь только... Ничаво-то у насъ нѣту... Гдѣ ужъ тутъ, какое житье! Да, да, да, нѣтъ казны клѣбушка дають... Оно правда, и въ своемъ мѣстѣ послѣднее продавалъ, — батальонный больно нарами загнивалъ. А здѣсь тоже робимъ, сатемный крѣпко объ атомъ наговариваетъ:

Горе ли, безконечная ли глѣнь родили въ большинствѣ амурскаго казачества неизлечимую болѣзнь, единственно утоляемую только опиумомъ, да аракой, да дряннымъ, никуда негоднымъ американскимъ ромомъ?..

— Одно и есть, ваше б—я, лекарство-то, говоритъ одинъ изъ болящихъ: — разъ что спирту малость выпьешь да потренишь, оно какбы и полегчаетъ; а то больно того немочь одолѣла, и руки лота беретъ и ноги хватаетъ по времени.

И лечится онъ сегодня, лечится завтра и послѣзавтра, покуда можетъ доставать спиртъ, а нѣтъ его — и нищій, оборванный казачишка платитъ по два и по три руб. за бутылку дряннаго американскаго рому или маньчжурской араки, которые везутся торгашомъ спекулянтномъ на гнилой лодченкѣ амурскаго произведенія; беретъ бутылку и двѣ... Ему и ѣсть нечего, кирпичный чай и кусокъ хлѣба — единственное его пропитаніе; ему и одѣться не во что, а семья большая... ребятишки плачуть...

Унтовое войско или халатники, какъ называютъ амурскихъ казачковъ, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ увеселяли себя сегодняшній день вечеркой. Церковнаго или гражданскаго праздника не шло, но ширь шоль горой... и боже! какое разнообразіе одеждъ и лицъ тѣшилось на двухсаженномъ квадратномъ пространствѣ душной избы! Разноцвѣтные халаты (больше полосатые), немецкія платья бывшихъ новѣйшихъ модъ съ корсетами, — форменныя мундирны, фантастическое пальто неопредѣленнаго цвѣта — все это рябило въ глазахъ при тускломъ освѣщеніи нагорѣвшихъ свѣтъ. Сириска, старый инвалидъ, хрипѣла, какбы восхваля дѣла мнѣшнія...

А какое тонкое чиновочитаніе и сознаніе достоинства кармана и должности проникало cadaго — и урядника, и старцаго, и простого

казка, и заурядъ офицера, и сотеннаго командира, и матушку попадью, и проѣзжаго прощальгу-приказчика! Глубже вглядываюсь, думалось: да это чтожь? да зтотъ томчайшій политесть нехуже пожалуй какого-нибудь тоже еще сладчайшаго на какомъ-нибудь губернаторскомъ вечерѣ... Но вотъ дѣвицы со вьюномъ пошли, ищутъ куда вьюна положить, кого животомъ подарить, а въ углу подъ св. угодниками чиновные и нечиновные люди пропускаютъ и по второй, и по третьей, и по четвертой. Время летитъ. Уже французскую кадрили отплясали.. вотъ и семерку (!) откальваютъ... по седьмой и восьмой проходятся въ уголку... А дальше... Разговоромъ мало бываетъ, да и о чемъ толковать? «Ладно же все идетъ.» Пишутъ... Старикъ-отецъ впервые, сказываютъ, запродалъ на время дочь свою проѣзжему приказчику...

Я просыпался. Надъ моей головой слышался разговоръ проѣзжающихъ:

— Но все же, скромно замѣчалъ дискантъ, — есть же тамъ общество и вообще общество цивилизованное?

— Общество? Гдѣ же вы его нашли тамъ? возражалъ басъ.

— Но все же образовалось нѣкоторымъ образомъ?

— Образование его, не въ обиду будь вамъ сказано, можно уподобить мѣшку съ раками. Высыпали ихъ — ну, пока были въ кучкѣ, — и клешнями и хвостиками постукивались, потомъ и поползъ каждый къ своей норѣ.

— Однакоже употребляли средства къ его соединенію?

— Да, вліятельной палочкой ворочали ползуновъ въ кучу.

— Да ужъ тутъ, какъ это? кто виноватъ? Мало чиновничанія было... Эхъ, кабы я да могущество-то имѣлъ, я бы ихъ забралъ въ руки! у меня бы и вечера, и балы, и всякая штука была!.. иллюминаціи бы... и шкапки изъ Шилакинскаго завода выписалъ бы!..

— Что вы? Откуда вы? Гдѣ это видано—чиновною властью соединять общество?... и когда-жъ? въ наше время, когда каждый маломальски развитой и благомыслящій самостоятельность личности ставитъ выше всего, и допустить ли посягательство на свободу своихъ

(!) Камчатальскій танецъ.

законныхъ дѣйствій и разумныхъ убѣжденій хотя бы власти высоко чиновной, губернской?

— Нѣтъ, позвольте, я не то хотѣлъ... я вообще...

— Такъ-то-съ. Теперь даже и самыя власти генераль-майорскія и тѣ стараются показать, что дѣйствуютъ на общество тонкимъ и политичнымъ образомъ. Выпачается она пожалуй вездѣ, сунуть носъ и туда, гдѣ и не спрашиваютъ ея... видѣ всѣхъ офиціальныхъ отношеній; не мыслить пожалуй различія между сферами служебной, частной и общественной, а все же не скажетъ прямо: «я хочу, я приказываю», а выберетъ достойнѣйшихъ чиновъ, приблизитъ къ себѣ: «вы, говорить, проводники моихъ идей и убѣжденій...» я хочу такъ... вы дѣйствуйте!» Вотъ оно что-съ. И все это гуманнѣйшимъ образомъ. Ну, тутъ конечно изъ общества хоть веревки вей. Ха-ха-ха!..

— Точно-съ. Дѣло ясное-съ.

— Если въ сердцахъ и прорвется, крикнетъ эдакъ на какого-нибудь старика служиваго: «эхъ ты старина!..»

— Чтоже-съ? Если тотъ достоинъ того?

— Гм!.. сердито кашлянуть бастъ.

— А вотъ, смѣю спросить опять, какъ же это тамъ въ Благовѣщенскѣ? Любопытно знать: мена туда служить приглашаютъ...

— Гм! что въ Благовѣщенскѣ? Тамъ каждый самъ по себѣ...

— То-есть какъ это-съ?

— Тамъ больше того... разсуждаютъ о гуманности.

— Вотъ какъ-съ!

— Да вы уживетесь, вамъ опасаться нечего.

— А вотъ еще смѣю спросить... Я конечно образованія высшего не удостоился, а вы вотъ изволите говорить, что тамъ все разсуждаютъ о гуманности. То-есть примѣрно какъ это разсуждаютъ? Весьма любопытно знать.

— Какъ разсуждаютъ? Гм! А вотъ какъ прїѣдете туда, распросите въ подробности объ этомъ у чиновницъ особыхъ порученій... рекомендую!

— Э-э!.. потянуть въ недоумѣнны дискантъ.

— А я плохой въ этомъ случаѣ рассказчикъ. Вотъ если были бы вы знакомы съ однимъ моимъ закадычнымъ прїателемъ, онъ бы вамъ этотъ предметъ пояснилъ какъ слѣдуетъ. Да вы его можете и знаете? Ну коротенькой, толстенькой такой, еще борода у него русая, въ видѣ половой щетки... Вотъ ужъ человекъ, такъ человекъ,

могу сказать! Чуть не министерствомъ управлялъ. Такъ самъ о себѣ и говорить: «я-де, говорить, чловѣкъ съ выработаннымъ взглядомъ на вещи.» Ейбогу такъ! «Губернатора, говорить, въ кулаки держалъ.» А говорить начнетъ о гуманности это, да о разумности, объ уваженіи къ личности и о прочемъ — ну просто съ языкомъ медъ такъ и каплетъ... Сидишь, слушаешь, да облизываешься!

— Вотъ ужь это точно-съ чловѣкъ!

— Ну, тоже имѣетъ и слабости... Вотъ хоть бы взять — кресты какъ-то невпопадъ людьми считаетъ. Это какъ-то однажды къ нему голодные хлѣба пришли просить заимообразно изъ казны. Онъ же какъ и наморщилъ!.. до усовъ наморщилъ! Кулакъ у него злоровой!

— Можетъ-быть не вовремя пришли.. обезпокоили...

— А то, сказываютъ, какую штуку удралъ. Шель это онъ спиртъ повѣрять, а въ винномъ подвалѣ лужа, и болыная. Какъ къ бочкамъ шлопать? Думалъ, думалъ и чрезъ минуту уже былъ тамъ. Только не говорить каково было вѣхать на плечахъ губернскаго секретаря. Чудный право чловѣкъ! Одинъ изъ моихъ пріятелей до сихъ поръ все карикатуру на этотъ случай рисуетъ, да борода никакъ не давая: выходитъ нето чловѣкъ, нето собака. А и подишь приличную надумалъ: «негуманный гуманнаго везеть». Вотъ развѣ что это только, а то богатый чиновникъ. Палата ума! Да чего ужь, похвальные адреса писалъ властямъ высокопревосходительнымъ или сіятельнымъ...

— А позвольте еще полюбопытствовать, есть тамъ въ городѣ клубъ?

— Клубъ? А на что намъ клубъ?

— Странно слышать отъ васъ... Какъ на что? Эдакое пріятное учрежденіе.

— Нѣтъ пока.

— Еще не устроились видно?

— Въ свое время будетъ.

— Конечно-съ. Какъ его превосходительство пожелаютъ.

— Библіотека есть.

— Ну, библіотека что-съ! А вотъ трактирные заведенія есть ли?

— Есть что-то вродѣ того — двѣ миллиарды. Тамъ и обѣд по-времена можно имѣть, и бутылку-другую вина ростить. Впрочемъ распивочныхъ тамъ довольно. Сказываютъ, каждая землянка — маленькій набзачекъ. Араки, батенька мой, въ изобиліи...

— А вотъ позволѣтъ еще спросить: чѣмъ такъ—сказать замѣчательнъ этотъ городъ? Я вотъ въ географіи отыскивалъ — не нашолъ-съ.

— Гм! Чѣмъ замѣчательнъ?.. въ раздумьи заговорилъ басъ: — чѣмъ замѣчательнъ!..

— Да-съ. Церквей наиримѣрь?..

— Ну, церковь одна, и то изъ часовни сдѣлана.

— Другихъ-съ эдакъ замѣчательныхъ отроеній, учреждений, промышленныхъ, торговыхъ?..

— Пока нѣтъ. Будутъ современемъ.

— Но все же-съ... приставакъ дискантъ.

— Да что вы пристали ко мнѣ — чѣмъ замѣчательнъ? чѣмъ замѣчательнъ? жолчно заговорилъ басъ. — Ну, замѣчательнъ тѣмъ, манджуры по городу ходятъ, араки продаютъ.

— А это должно быть прелюбопытный народъ манджуры-съ?..

— Кони налажены, ваше б—іе! говорилъ старшій, входя въ избу и прерывая разговоръ двухъ собесѣдниковъ.

Слышанный разговоръ, вызывая во мнѣ воспоминанія минувшихъ странствованій по Амуру, переносить теперь къ 59 году, къ году открытія Амурской области и г. Благовѣщенска.

Въ текучей, плохой лодченкѣ, построенной на живую руку, приближался я къ Амуру съ большими надеждами и ожиданіями, поддерживаемыми рассказами о немъ какъ о странѣ подобной китайской имперіи, то-есть о странѣ всеобщаго благоденствія, о которомъ такъ краснорѣчиво кричали тысячи бывавшихъ и бывавшихъ на этихъ пустынныхъ, безлюдныхъ и печальныхъ берегахъ большой рѣки.

Я домысывалъ Шилку. Съ обѣихъ сторонъ громоздились высокія горы и обрывистые утесы. Мѣстность дикая, недюдая. Семь станціонныхъ домиковъ стоятъ на протяженіи до трехсотъ верстъ. На берегахъ виднѣются мѣстами разбитые плоты да разбитыя баржи. Дичь, тайга, лѣсъ да камни... А вотъ и Усть-стрѣлочный постъ. На двѣсти верстъ теченія Амура амурская мѣстность мало различается отъ шилкинской. Тѣже горы, только поменьше, тѣже лѣса, только пошире, да выдаются чаще и больше мѣста еланистыя. Далѣе гористая мѣстность все болѣе и болѣе смѣняется мѣстностями ровными, лѣсистыми, частію болотистыми, мало годными для земледѣлія. Только отъ г. Благовѣщенска до Малаго-Хингана идетъ малолѣс;

нѣя (1) большая равнина, лучшее по всему Амуру мѣсто для хлѣбопашества и скотоводства.

Но путь по Амуру одинаково печаленъ своей необитаемостью.

По правому берегу гдѣ-гдѣ увидишь одинокую юрту бѣднаго орочена, выѣзжающаго на своей душегубкѣ съ предложениемъ купить рыбы, араки, табаку и просящаго хлѣба, да пороху, да свинцу. По лѣвому — въ тридцати, сорока и пятидесяти-верстныхъ разстояніяхъ видѣются или уже выстроенныя станицы (домиковъ до десятка) (2), или берестовыя шатры только-что пересаженныхъ за тысячи верстѣ казаковъ забайкальской области. Плачь слышался подѣ этимъ сквозящимъ покровомъ, плохо защищающимъ отъ дождя и солнца. Жалобы на бездолье, на гиблое мѣсто амурскихъ мѣстностей громко раздавались въ восхваленныхъ пустыняхъ и буйныя вѣтры разносили ихъ.

— Разорились, ваше б—діе, совсѣмъ разорились! говорилъ одинъ. — На родинѣ домъ-то какой былъ, былъ домъ-то какой, ваше б—діе! Все значить сгинуло! И очередь-то неподходящая намъ была, да батальонный былъ мотъ, откупиться денегъ не стало... И скота тоже было, и хлѣбушки... все въ довольствіи.

— «Чего ужъ, ваше б—діе, какая здѣсь жизнь! замѣчаетъ другой. — Ладно еще, кабы дозволили все привезти съ собой, а то теперь спервоначала дали намъ паромъ на четыре семьи: лишняго, говорить, неча брать, не въ такое мѣсто ѣдете.

— Лихоманка тожъ, ваше б—діе, одолѣла здѣсь, а и пользовація никакого нѣтъ; есть же и фершалъ, да сказываютъ, лечить нечѣмъ.

Рыданія молодой женщины привлекла мое вниманіе.

— О чемъ ты, голубушка, плачешь? спрашивалъ я.

— Уширать видно здѣсь приходится! говорила она рыдая: — какъ и не плакать по родимой сторонущкѣ!..

— Чтожъ у тебя родители, родственники остались въ Забайкальи-то?

— Никого нѣтуту... одна-однешенька... только и есть съ мужемъ одна...

— Такъ чего-жъ ты горюешь такъ, сокрушаешься?

(1) Строевого лѣсу совсѣмъ нѣтъ и далѣе Хингана, почти до Хабаровки.

(2) Въ настоящее время всѣ станицы значительно обстроились; во многихъ есть до пятидесяти дворовъ.

Мои слова пробудили еще большія рыданія.

— А эвонта, говорила она горько всхлипывая, — не глянется...

Сопка-то ..

Я въ недоумѣннiи посмотрѣлъ на указываемый утесъ противоположнаго берега.

— Это, ваше б—діе, заговорилъ ея мужъ, — у насъ значитъ на родинѣ мѣста все степныя были, еланистыя.

— А ты чего? внушительно обратился онъ къ женѣ: — вишь это не лѣсина, порѣшить не можно (¹).

— Здѣсь, ваше б—діе, отвели намъ экое мѣсто: хребты да лѣсъ... землицы добывать трудно. А тоже въ своемъ мѣстѣ пахивали: десятинъ по тридцати, по сорока было. А тутъ гдѣ ее добудешь? И скота тоже: гдѣ его разведешь? Сѣнокосу почитай совсѣмъ нѣтъ, и то косимъ на китайской землѣ.

— Оно, ваше б—діе, ладно же здѣсь для промысла, началъ другой, — а намъ оно несродственно, неподходяще будетъ. Вонъ примѣромъ аргунскіе: они спервоначала значитъ промысломъ живутъ, имъ бы и мѣсто здѣсь, а то ихъ сгнали на степь... Чего они тамъ? не пахари они! А намъ здѣсь тяжело приходится...

Вдешь далѣе. Вотъ и давно ожидаемый городъ показался при началѣ открывшейся большой равнины, идущей отъ р. Зеи до Малаго Хингана. Не въ дальнемъ разстояннiи отъ берега потянулся длинный рядъ строеній, оказавшійся послѣ рядомъ мазанокъ, сдѣланныхъ изъ плетня, съ обвалившеюся глиною и на-половину разнесенными вѣтромъ соломенными крышами. Въ нихъ два года проживали солдаты линейнаго № 2 батальона Восточной Сибири, когда строили *сначала* Благовѣщенскую станицу (въ двухъ верстахъ отъ города пятьдесятъ домовъ), а потомъ пять казармъ для собственнаго прожитія.

Далѣе потомъ, на самомъ берегу рѣки виднѣлись два небольшіе дома: одинъ батальоннаго командира, другой временно занимаемый военнымъ губернаторомъ. Когда мы вышли на берегъ, показались еще два домика, занятые семейными чиновниками гражданскаго и военнаго

(¹) Казаки съ степныхъ мѣстностей, прибывая на Амуръ, вырубаютъ весь лѣсъ вблизи своихъ станицъ.

вѣдомствъ. Черезъ поле, поросшее мелкимъ дубнякомъ, видѣлась въ полуверстѣ отъ берега маленькая часовня, около которой домъ священника и бригадный лазаретъ. На концахъ города, по теченію рѣки, было два квартала: одинъ амурской компаніи, и другой, лучший, съ шестью домиками, тремя казармами, кухнями, сараями и конюшнями — артилерійской батареи. Еще на берегу въ концѣ города былъ сложенъ складъ, привезенный изъ Забайкалья.

Вотъ и весь городъ.

Такая незначительность строеній въ городѣ соответствовала и немногочисленности жителей, состоящихъ изъ военного губернатора, нѣсколькихъ чиновниковъ да временно стоящихъ тамъ линейнаго батальона и артилерійской батареи.

Лѣтомъ же 59 года Благовѣщенскъ уже имѣлъ городскихъ обывателей, а Амурская область сельскихъ жителей. До сорока семей поселенцевъ и крестьянъ прибыли въ городъ и большею частію помѣстились въ наскоро-выкопанныхъ землянкахъ, сырыхъ, душныхъ, зловонныхъ. Одинадцать семей (малаканы) сѣли въ десяти верстахъ отъ города на правомъ берегу р. Зеи — и образовалась въ области первая крестьянская деревня Ново-Астрахановка. Четыре семьи пошли по лѣвой сторонѣ р. Зеи, да четыре семьи по правой, и въ тридцативерстномъ разстояніи отъ города остановились, выкопали для каждой семьи по землянкѣ, образовали деревни Черемховскую и Бѣлогорскіе-ключи.

Въ городѣ начались капитальныя постройки. Въ одинъ мѣсяцъ уже выкопалось до тридцати землянокъ. Мазанки, болѣе другихъ допускавшія вліяніе стихій и занимаемыя холостыми чиновниками, мало-мало умазывались. Дубнякъ, наполнявшій городскую мѣстность, началъ рубиться.

Но такой печальный видъ новорожденного города далеко теперь измѣнился. Еще къ зимѣ 1859 года десятокъ домовъ казарменнаго устройства, холодныхъ, сквозящихъ, съ капелью съ потолоковъ, построенныхъ на живую руку, украшалъ городъ своими плохо выкрашенными красными крышами. Линейный солдатъ-работникъ рубилъ да рубилъ — и еще два-три десятка подобныхъ казармъ на второй годъ красовались на стогнахъ благословеннаго града. Къ маленькой двухсажонной часовенкѣ пристроилось четырехсажонное квадратное строеніе — весьма помѣстительная для города церковь. Трое купцовъ, да четверо чиновниковъ, да десятковъ около двухъ городскихъ обывателей выстроили себѣ небольшіе домики, и теперь

надъ всѣмъ этимъ царить огромное зданіе губернаторскаго дома, краса города Благовѣщенска.

Въ послѣднее время, къ прїѣзду высшаго начальства, дѣятельность по устройству города замѣтно усилилась. Энергическія мѣры приняты. Мазанки и землянки почти всѣ снесены. Плетьми и заборами ясно теперь обозначается уже положеніе городскихъ улицъ. Базаръ (маньчжурскій и русскій) въ числѣ до сорока лавочекъ и палатокъ совершаетъ уже третье путешествіе въ центръ города, отыскивая для себя нето красиваго, нето удобнаго мѣста.

По вновь составленному городскому плану (четвертому или пятому) одинъ частный и нѣсколько казенныхъ домовъ вздумали совершить что-то вродѣ французской кадрили. Одинъ пошелъ направо, другой налево, а другіе такъ-себѣ — почти на мѣстѣ, сломались и снова стали строиться въ нѣсколькихъ саженьяхъ. Для удобства отыскивать сказанные десятки домовъ, по угламъ нѣкоторыхъ крадутся бѣлыя доски съ надписью городскихъ улицъ.

— А вотъ Загородная! говорилъ читая одинъ крестьянинъ другому, останавливаясь на углу одного изъ домовъ.

— Загородная? замѣчалъ другой! — Значить улица' будетъ, какъ и есть въ городахъ?

— Вѣстимо будетъ. Послѣ тутотка построятся, и будетъ...

— А топерича это значить знакъ, — на будущее не забылось бы...

— Чаво?

— Я вичаво... А вотъ-те Христось, братецъ ты мой, диковина!..

Большія казарменныя постройки казенныхъ домовъ даютъ видъ маленькимъ частнымъ, а большой неуклюжій губернаторскій домъ, краса города Благовѣщенска, съ своими пристройками, рѣшотками и заборами даетъ видъ всему... Такъ вотъ и думается, смотря на него: «а вотъ надо-быть здѣсь наибольшій живетъ!..»

Д. КРАСИЛЬНИКОВЪ

(продолженіе вперед)

* * *

О, въ этотъ мигъ, когда весь міръ ликуеть,
Когда во тьмѣ гудятъ колокола
И тихій воздухъ словно Бога чуетъ
И ночь во глубь торжественно ушла,

Когда лобзаньемъ врагъ врага какъ брата
Привѣтствуетъ подъ звукъ заветныхъ словъ, —
Я такъ далеко растлѣнья и разврата,
Я снова жить и вѣровать готовъ!

Моя любовь — иная Магдалина.
Она придетъ, я вѣрую, придетъ!..
Она прижметъ меня къ груди какъ сына
И въ душу мнѣ слей любви прольетъ,

И скажетъ мнѣ подъ звукъ воскресной пѣсни :
«Вставай изъ тьмы, страдалецъ, въ міръ небесъ!
Простимъ другъ другу все! — Христосъ воскресъ!
Я вся твоя — и ты душой воскресни!..»

ВСЕВОЛОДЪ КРЕТОВСКИЙ

ТЕМНЫЕ УГЛЫ

ВЫБОРЪ ВЪ ДИРЕКТРИСЫ

Въ 185. году я получила предложеніе отъ начальника губерніи принять на себя званіе директрисы надъ женскимъ отдѣленіемъ при губернскомъ острогѣ. Тогда только-что вышло постановленіе учредить при тюремныхъ комитетахъ особый отдѣлъ, который положено было составить изъ попечительницы и десяти директрисъ, и выбрать этихъ лицъ изъ дамъ городского общества. Выборъ этотъ конечно былъ почетнымъ знакомъ уваженія къ нимъ самого губернатора, и многія изъ нашихъ губернскихъ барынь были бы очень польщены имъ, какъ доказательствомъ вниманія къ нимъ, но никакъ не его филантропической цѣлю. Однако когда я получила это лестное предложеніе, я вовсе не обрадовалась ему, а скорѣе испугалась его формальности. Я рѣшительно не поняла чего отъ меня хотятъ и въ чемъ будутъ состоять обязанности предлагаемаго мнѣ званія. Но мало-помалу неожиданность потеряла свою волнующую силу, я припомнила недавніе разговоры въ обществѣ о предлагаемомъ новомъ учрежденіи и рѣшилась, прежде чѣмъ отвѣчать на бумагу, узнать основательно въ чемъ дѣло.

Я была довольно коротко знакома съ женою нашего губернскаго прокурора, которая, какъ я узнала, была выбрана попечительницей и предсѣдательницей женскаго комитета. Она была женщиной очень неглупой, практичной, смѣлой, съ рѣзкими и грубыми манерами, но всегда прямая и откровенная, и замѣтно отдѣлялась отъ другихъ женскихъ личностей нашего губернскаго общества, личностей большею частію безцвѣтныхъ, однообразныхъ и вялыхъ. Одинъ только недостатокъ слышался въ ней: это недостатокъ развитія. Въ ея сужденіяхъ было всегда много здраваго смысла, но ни ма-

лѣйшаго оттѣнка такта и нравственныхъ воззрѣній, прививающихся къ человѣку образованіемъ и расширеніемъ его личныхъ понятій до интереса въ общечеловѣческихъ вопросахъ.

Мужъ ея былъ очень сходенъ съ нею и по наружности, и по своему складу ума. Въ обращеніи со всѣми — на службѣ, въ обществѣ или дома — онъ былъ самымъ отчаяннымъ деспотомъ; никогда не сомнѣвался въ непогрѣдимости своего авторитета и чрезвычайно возвышалъ въ своихъ глазахъ званіе прокурора, которымъ часто пользовался и для своихъ выгодъ. Онъ не терпѣлъ никакого противорѣчія и становился часто личнымъ врагомъ того, кто не сходился съ нимъ во взглядѣ и мнѣніи.

Къ нимъ-то отправилась я разузнать о новомъ положеніи, котораго участницей дѣлали и меня. Отъ жены я надѣялась почерпнуть нѣсколько практическихъ, разумныхъ совѣтовъ по дѣлу довольно важному, какъ я предполагала, въ общественномъ значеніи; отъ мужа, какъ отъ записного формалиста, ждала объясненія формы. Меня встрѣтили оба супруга восклицаніемъ, въ видѣ торжественнаго поздравленія: «вы выбраны!»

— Да, отвѣчала я: — но еще незнаю приму ли.

Ихъ удивленіе моя нерѣшительность, и каждый сталъ стараться доказать мнѣ все мое неблагоуразуміе въ отказѣ.

— Помилуйте! толковалъ мнѣ правоучительно-покровительственнымъ тономъ сановникъ губернской бюрократіи: — можно ли вамъ отказываться? Предложеніе, я вамъ говорю, почетное, очень почетное, значитъ объ васъ его сіятельство очень выгоднаго мнѣнія. Отказъ вашъ можетъ не понравиться ему. Да наконецъ чего же вы испугались? Васъ никто и знать не будетъ; вся отчетность на моихъ рукахъ; попрошу только разъ въ годъ бумаги подписать: такъ неужели вамъ такъ трудно будетъ фамилію-то одну выставить? Полноте, не будьте однѣ выскочкой! Вотъ и моя жена выбрана въ предсѣдательницы, — постъ еще повиднѣй вашего, — да она не струсила, сегодня же сама къ графу благодарить ѣздила. А вотъ у меня списокъ и прочихъ выбираемыхъ директрисъ; все лица почетныя, значительныя; вамъ нечего стыдиться попасть въ число ихъ. Поглядите!

И прокуроръ развернулъ передо мной листъ бумаги, на которомъ выписаны были фамиліи дамъ, которымъ предложено было званіе директрисъ. Это были все женщины очень богатыя; нѣкоторыя изъ значительныхъ городскихъ купчихъ, другія изъ помѣщицъ,

живущихъ въ городѣ; изъ чиновнаго же небогатаго быта стояли только наши двѣ фамиліи: прокурорши да моя.

— Это все женщины богатыя; онѣ могутъ дѣлать большіе взносы, пожертвованія. — замѣтила я, отдавая листъ.

— Ну и Богъ съ ними! такихъ-то намъ и надо побольше! перебила прокурорша.

— Такъ какъ же мы-то съ вами за ними потянемся? спросила я.

— А намъ-то зачѣмъ тянуться? Извѣстно, что у насъ въ капиталахъ-то недочетъ, да ктоже насъ повѣрять будетъ? Вѣдь всѣ комитетскіе отчеты и книги черезъ мужнины же руки проходятъ; кто будетъ знать что мы жертвуемъ?

— Да разумѣется, вамъ нечего стѣсняться! перебилъ прокуроръ, находя по своему соображенію причину моего отказа въ копѣечномъ расчетѣ. — Какія тамъ еще пожертвованія дѣлать! Дайте когда на всю братію цѣлковый, или булокъ на праздникъ пошлете, вотъ все; да и то развѣ въ началѣ, для виду только, а потомъ дальше пожалуй и ненужно.

— Такъ въ чемъ же польза-то будетъ отъ нашего выбора? спросила я.

Прокуроръ скорчилъ насмѣшливую улыбку и проговорилъ презрительнымъ тономъ: — А вы пользы хотите? Вотъ утвердятъ васъ, будете директрисой считаться, благодарность отъ начальства получите когда-нибудь; чего-жъ вамъ еще надо?

— Да арестанткамъ-то чѣмъ же легче отъ этого будетъ?

— А вамъ-то до нихъ какое дѣло? Филантропическія все идеи васъ поѣдаютъ, нововведенія мутятъ! Оставьте вы ихъ въ покоѣ, не вами свѣтъ начался, не вами и кончится. Пойдетъ все такъ же, какъ и прежде шло. И ѣхать-то въ острогъ не стоитъ, вонъ тамъ какая! Вотъ я и женѣ говорю: «поѣзжай туда въ церковь къ ѡбѣдни, милостыню черезъ рѣшотку раздай; я и денегъ мѣдныхъ пожалуй цѣлый мѣшокъ намѣняю; ну, а оттуда зайди къ смотрительницѣ, распроси ее какъ слѣдуетъ, припугни немножко, чтобъ знала она какую ты надъ ней власть имѣешь, да потомъ хоть до будущаго года и не заглядывай». Ужъ не думаете ли вы, что другія директрисы сами въ острогъ поѣдутъ? Будьте увѣрены, деньги пришлютъ, сами-жъ никогда туда не заглянуть.

— Должны же быть какія-нибудь печатныя постановленія нашихъ обязанностей? настаивала я.

На этотъ вопросъ губернской сановникъ уже косо посмотрѣлъ на меня и сквозь зубы проговорилъ : «разумѣется есть ; у меня получена выписка», и сталъ медленно перебирать свои бумаги.

— Наша обязанность, заговорила между тѣмъ прокурорша, — будетъ состоять въ присмотрѣ за порядкомъ, въ какомъ содержатъ женщинъ въ камерахъ, въ сборѣ пожертвованій и въ заботѣ объ улучшеніи ихъ содержанія и нравственности. О послѣдней—то впрочемъ нечего и заботиться : извѣстно какой народъ поступаетъ въ острогъ и что изъ него и надѣяться нельзя что-нибудь путное сдѣлать ; да намъ—то какое въ этомъ горе ? А вотъ надо приучить работать ; онѣ, говорятъ, тамъ рѣшительно ничего не дѣлаютъ. Я непремѣнно заведу, чтобъ ихъ цѣлый день держали за работой. Вотъ я ужъ дюжину рубахъ заготовила имъ шить отдать ; дешево, положенная цѣна, говорятъ, есть : всего по шести копѣекъ серебромъ въ день ; а смотрительница приглядитъ, чтобъ не лѣнились.

Расчетъ былъ выгоденъ : за работу рубахъ платилось вообще неменѣе 50 к. сер. за штуку, а тутъ она не стоила и 20 ; но онъ—то и отвратилъ меня отъ правъ, даваемыхъ мнѣ какъ директрисѣ, правъ — заставлять арестантокъ работать на меня почти даромъ. Я вполне поняла, что изъ добрыхъ началъ можетъ переобразоваться только зло, когда за примѣненіе ихъ къ дѣлу примутся съ однимъ личнымъ расчетомъ. Между тѣмъ прокуроръ нашолъ присланныя постановленія.

— Прочтите, прочтите ! произнесъ онъ насмѣшливо, передавая мнѣ ихъ : — да врядъ ли что поймете ; вѣдь не такъ дѣлается, какъ пишется.

И я прочтала. Они всѣ вели къ благородной, истинно вѣрной пользѣ для общества и давали женщинѣ полный просторъ въ новой части благотворительности. Ими давалось дамамъ участіе въ тюремныхъ комитетахъ, право вмѣшательства во всѣ улучшенія быта и содержанія заключенныхъ и свободнаго посѣщенія ихъ камеръ во всякое время дня ; наконецъ дозволялось даже ходатайство въ ихъ дѣлахъ. Все обѣщало быть истинно благотѣльнымъ, но осталось только гласомъ, вопіющимъ въ пустынь.

Недостатокъ развитія въ самихъ дамахъ и интереса въ нихъ къ общественнымъ и нравственнымъ вопросамъ, понятія самого общества, въ которомъ онѣ жили и которое стѣсняло ихъ въ своихъ узкихъ законахъ приличій, и наконецъ непріятныя столкновенія, которыя имъ пришлось бы выносить, съ болѣе сильными, закоренѣ-

лыми злоупотреблениями мужской половины тюремнаго управленія ; все это остановило предложенный успѣхъ и сдѣлало новое учрежденіе одной безгласной формой.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО СЪ ТЕМНЫМИ УГЛАМИ

Я отказалась отъ предложеннаго мнѣ званія, но предметъ заинтересовалъ меня. Мнѣ захотѣлось взглянуть поближе въ этотъ несчастный бытъ отверженницъ, въ темный уголокъ, гдѣ собралось вмѣстѣ столько преступленій, грѣха и нѣвѣрно страдавій. Я познакомилась съ смотрительницей женской половины въ острогѣ и воспользовавшись случаемъ заказывать работу, стала посѣщать заключенныхъ и заглянула сама за высокія стѣны тюрьмы, отдѣляющія сотни людей отъ среды, въ которой они жили и съ которой еще много осталось у нихъ живого, общаго.

Когда я въ первый разъ вошла въ коридоры тюрьмы, отдѣляющіе чистенькую комнату смотрительницы отъ камеръ, занимаемыхъ содержащимися, мнѣ почудилось, что я вступила въ подземный ходъ, ведущій къ могиламъ : такъ было сыро, холодно и темно вокругъ меня, и шаги такъ гулко вторились отголоскомъ подъ навѣшными сводами. Невольно подумала я при этомъ ощущеніи сырого воздуха, такъ похожаго на воздухъ пещеръ, что и камеры, къ которымъ я шла, могли тоже назваться нравственной могилой.

Во все время этого перехода я слышала какой-то глухой, безпрерывный шумъ, какъ-будто кто камни каталъ по деревянному спуску. По мѣрѣ того какъ мы приближались къ дверямъ камеръ, гулъ этотъ все усиливался ; явственнѣе отдѣлились голоса и размѣры ихъ дошли до самыхъ громкихъ нотъ. Но когда смотрительница отворила дверь, меня чисто физически, какъ сильный ударъ, поразилъ шумъ, вырвавшійся изъ нея. И не одинъ шумъ произвелъ на меня это дѣйствіе : спертый, удушливый воздухъ, повалившій изъ камеры, и нестрая масса людей, кричащая, движущаяся, грязная, полунагая, представлявшая собою такую вопіющую дисгармонію съ общимъ, привычнымъ намъ порядкомъ, оттолкнулъ меня съ невольнымъ отвращеніемъ отъ двери.

Рано еще русской женщинѣ давать такое обширное назначеніе, какое она получила въ благотворительномъ дѣлѣ ; не готова еще она, не развита достаточно, чтобъ правильно понять въ чемъ оно

можетъ быть, и принять вѣрное участіе въ видахъ общественной и нравственной пользы. Соціальные вопросы и болѣе обширный взглядъ на предметъ ей еще мало доступны. Тамъ долго замкнутая сама въ одной мелочной средѣ домашняго обихода, стѣсненная во всемъ волею другихъ — и потомъ вдругъ пущенная въ круговоротъ пустой, ~~свѣтлой~~ жизни... Въ ней еще не могло, въ короткій переходъ начала ея возрожденія, образоваться довольно здраваго смысла и нравственной силы, чтобъ она сумѣла дѣйствовать сознательно-разумно и согласно съ общей пользой, и имѣть вліяніе на другихъ силою своихъ убѣжденій или ясностью своего собственнаго примѣра. Добра въ иной и много, да выразиться—то оно въ болѣе общихъ размѣрахъ не можетъ, а выкажется или въ совершенно бесплодной жалости и слезливости, или въ излишней строгости осужденія, вызванной видомъ наружнаго безобразія предмета.

Несмотря на всѣ мои заранѣе подготовленные и ожидаемыя впечатлѣнія, я стояла пораженною передъ картиной, открывшейся въ отворенную дверь камеры. Цѣлая толпа бѣзъ разнаго возраста, едва прикрытыхъ грязной одеждой, сидѣла на полу и на лавкахъ, расположенныхъ у стѣнъ, и громко кричала. Въ этомъ общемъ говорѣ слышны были разные тоны, но болѣе всего господствовалъ тонъ ожесточенной брани да визгъ дѣтей, цѣлый рой которыхъ вертѣлся и шумѣлъ между женщинами.

Большая часть арестантокъ, вступая въ острогъ, приводятъ за собой иногда по нѣскольку душъ дѣтей, такъ какъ половина изъ нихъ не имѣетъ ни законнаго отца, который бы могъ заботиться о нихъ, ни пристанища, гдѣ пріютиться, и поневолѣ должна слѣдовать за матерями, каковы бы онѣ ни были и гдѣ бы ни находились. Многія изъ этихъ несчастныхъ дѣтей проживаютъ въ стѣнахъ тюрьмы по шести и болѣе лѣтъ, подѣ губительнымъ нравственнымъ вліяніемъ ихъ окружающей среды, именно въ томъ впечатлительномъ возрастѣ, когда только-что начинаютъ развертываться ихъ первыя понятія и формироваться наклонности. Понятно, почему ребенокъ, проведеній первые свои годы въ острогѣ, большею частью оканчиваетъ свои похождения въ жизни имъ же. Первые уроки порока, слышанные имъ сначала почти безсознательно, потомъ такъ же невольно ставятъ его на дорогу, ведущую къ преступленію; зародышъ зла приноситъ свой плодъ: ребенокъ арестантки, выросшій въ изгнаніи изъ общества, дѣлается врагомъ его; ихъ интересы не легко сольются. И можно ли будетъ ожидать много хорошаго отъ

деловка, который съ начала своего пробужденія къ мысли встрѣтитъ такой недѣльный, вредный приѣмъ? Будь еще у насъ принята система одиночнаго заключенія и находишь ребенка только при матери, онъ не могъ бы получать со стороны столько вредныхъ впечатлѣній. Не всякая мать, какъ бы дурна она ни была, могла бы рѣшиться передать ребенку свои испорченныя правила; да дѣтому же мало развитыя матери никогда не говорятъ со своими маленькими дѣтьми, а потому не имѣютъ и средствъ привить къ ребенку свою порчу. Теперь же, въ общей тюрьмѣ, первыя ощущенія ребенка ограничиваются постоянными колотушками отъ всей грубой и преступной толпы, ихъ окружающей, и частыми толчками отъ самой матери, очерствѣлой, озлобленной въ своемъ заточеніи. Сколько мнѣ ни случалось видѣть этихъ женщинъ, въ нихъ всѣхъ проглядывала какая-то жестокость къ бѣднымъ дѣтямъ; онѣ какъ-будто только по необходимости терпѣли ихъ подлѣ себя и нисколько не заботились объ нихъ. Я никогда не видала, чтобъ хоть одна изъ нихъ приласкала своего ребенка; напротивъ, неразъ была свидѣтельницей, какъ мать безъ жалости била дитя двухъ-трехъ лѣтъ, когда оно просило у ней ѣсть, а подъ рукою хлѣба не было. Даже и въ этомъ дѣйствовала не крайность, потому что казенный хлѣбъ всегда можно достать въ кухнѣ, но чистая лѣнь сходитъ за нимъ, упрямство въ своемъ нежеланіи спросить его. Имъ тяжело ходить даже за своими собственными дѣтьми, а между тѣмъ можно ужаснуться той праздности, въ которой онѣ проводятъ все свое время.

Поступая въ острогъ, вновь прибывшая арестантка получаетъ мѣсто на нарахъ, а въ иныхъ тюрьмахъ, по тѣснотѣ содержащихся въ нихъ, и на полу. Здѣсь она кладетъ свой войлокъ, назначенный ей отъ казны и замѣняющій тюфякъ. Толстое рядно, родъ грубого деревенскаго тканья, которое не моется по цѣлымъ годамъ, составляетъ для нея и простыню и одѣяло. Въ головахъ, пока не пропадетъ, положить она какую-нибудь подушку; а то замѣнить ея не тугимъ узелкомъ, въ которомъ сохраняетъ все свое имущество, потому что верхнее платье она должна имѣть свое, отъ казны же получается только по двѣ рубахи и одной юпкѣ въ годъ. На этой-то очень неряшливой постели спитъ арестантка, и часто не съ однимъ, а со многими дѣтьми вмѣстѣ.

Въ первые дни своего поступленія въ острогъ, пока еще не отупѣло въ которое сознание своего преступленія и еще чувствуется стыдъ передъ людьми и невольное отвращеніе находиться въ тюрьмѣ, арестантка

стантка удаляется, молчить; но проходитъ день-другой — она подается всегда любезному на первое время приему товарокъ по заключенію, начнутся распросы, рассказы, безконечное трещанье. Ее введутъ во всѣ тайны зла, расскажутъ со всѣми подробностями и даже прибавками, ради краснаго словца, цѣлый рядъ преступленій — и ей ея собственный поступокъ покажется въ сравненіи съ ними такимъ ничтожнымъ, безгрѣшнымъ, что совѣсть, еще проявляющаяся въ ней, легко умолкаетъ и она скоро совершенно примиряется съ своимъ положеніемъ. Да и трудно ли ей примириться съ нимъ? Оно не составляетъ рѣзкой перемѣны съ ея настоящимъ бытомъ, а еще имѣетъ въ глазахъ ея свои преимущества. Большею частью классъ народа, изъ котораго попадаютъ эти преступницы, стоитъ на самой низкой степени развитія. Онѣ такъ неизбалованы удобствомъ жизни, переносятъ столько лишеній и у себя дома, ѣдятъ такъ дурно, живутъ такъ грязно, что переходъ ихъ на грязную постилку, тюремную пищу и грубую одежду не очень много для нихъ замѣтенъ. Напротивъ, онѣ здѣсь гарантированы отъ труда и заботы; ихъ праздности, лѣни и болтанью полный просторъ. Имъ есть казенное помѣщеніе, подается все готовымъ, живется беззаботно; одной только свободы недостаетъ, да и то безъ разумнаго пониманія ими на что употребить ее. Все дѣло арестантокъ заключается въ томъ, что между ними наблюдается очередь въ печенье хлѣба и приготовленіи každоднежнаго стола, да еще поочередно же отправляются онѣ въ прачешную; но ихъ вообще такъ много содержится, что иной приходится исполнить свое дѣло только въ двѣ недѣли разъ, остальное же время большею частью проводится въ совершенномъ бездѣйствіи, въ руготнѣ между собою и въ слушаньи рассказовъ или въ развиваньи ихъ самѣй передъ цѣлой толпой внимательныхъ слушательницъ. Женщины вообще общительны, и несмотря на ихъ безпрестанную вражду и ссоры между собою, онѣ легко сходятся сейчасъ послѣ каждой стычки и снова заговариваютъ о своихъ интересахъ. Удовольствіе поговорить стоитъ у нихъ выше всѣхъ личныхъ непріятностей. Но нигдѣ такъ не вредна эта общительность, какъ въ острогахъ. Уже давно толкуютъ о томъ злѣ, которое истекаетъ отъ соединенія въ общихъ камерахъ всѣхъ преступленій вообще, неразбирая ихъ рода. Отъ столкновенія и непремѣнныхъ разговоровъ заключенныхъ между собой зло распространяется, и рассказы преступника, совершившаго одинъ родъ преступленія, знакомятъ съ ходомъ и уловками другого. Передъ нимъ развертывается новый

путь, открываются новыя мошенническія продѣлки и увертки, и часто изъ робкаго, мелкаго негодяя образуютъ закоренѣлаго, ловкаго преступника. Между женщинами это общеніе еще вреднѣе. Мужчины вообще менѣе разговорчивы и болѣе самостоятельны; въ нихъ, несмотря на ихъ порчу и вліяніе лицъ окружающихъ ихъ, еще остаются нѣкоторыя свои убѣжденія и взгляды, которыя не легко разрушаются. Но женщины вообще, а тѣмъ болѣе эти заурядныя, неразвитыя натуры, часто испорченныя въ самомъ нравственномъ своемъ началѣ, рѣдко имѣютъ достаточно самобытности и стойкости, чтобъ совершенно освободиться отъ извращенныхъ понятій и правилъ, передаваемыхъ имъ очень бойко и настойчиво, какъ умѣютъ болѣею частью говорить подобныя имъ. Меня особенно удивляла неутомимость языка этихъ женщинъ и постоянный интересъ ихъ къ разговорамъ. Мнѣ неразъ случалось слышать повтореніе одного и того же по десяти разъ, но несмотря на то, и рассказчица, и слушательницы были такъ же оживлены имъ, какъ-будто слушали самую поразительную новость. И вся эта длинная и послѣдовательная цѣпь паденій, рассказываемая вообще со всеми подробностями и съ легкимъ, безупречнымъ взглядомъ на совершенное, непремѣнно глубоко западаетъ въ умъ слушательницъ и оставляетъ въ немъ много вредныхъ зародышей, которые въ свое время отражаются на самыхъ ихъ поступкахъ.

Изъ внимательнаго наблюденія за арестантками вообще, почти всѣхъ женщинъ, заключенныхъ въ стѣнахъ острога на время ихъ суда, можно раздѣлить на три разряда, по родамъ ихъ преступленій, а именно: бродягъ, воровокъ и убійцъ. Арестантки, принадлежащія къ первымъ двумъ разрядамъ, болѣею частью существа лотога жалкія, ничтожныя, испорченныя безъ собственнаго сознанія, мелкія и неразвитыя натуры, что въ нихъ съ трудомъ сознаешь человеческое начало. Онѣ безпрестанно шумятъ, ссорятся, дерутся, а потомъ трещатъ безъ умолку и вѣчно находятся въ какомъ-то суетливомъ, волнующемся состояніи. Зато рѣзко отдѣляются отъ нихъ преступницы-убійцы. Онѣ вообще не любятъ говорить о своихъ преступленіяхъ, сдержаны, несообщительны и во многихъ проглядываетъ замѣчательная твердость характера и сознательная сила своего превосходства надъ всею остальной пустой и ничтожной массой, ихъ окружающей. Между ними легко отличить тѣ загнанныя и запуганныя личности, которыя совершили свое преступленіе или въ минуты отчаянія, или подъ вліяніемъ другихъ: онѣ

слезливы, шатки и находятя всегда въ загонѣ даже и между арестантками; но зато въ нѣкоторыхъ выказывается столько стойкости и непреклоннаго, хотя ложнаго убѣжденія, что онѣ легко становятся въ главѣ всей массы и нечувствительно властвуютъ надъ ней. Ихъ то вліяніе и надо считать самымъ вреднымъ и опаснымъ для всѣхъ. Несмотря на ихъ неразговорчивость и сжатость, порча ихъ собственныхъ началъ какъ тонкій ядъ проникаетъ въ среду общей массы и прививается къ ней незамѣтно.

Восприимчивость въ заключенныхъ тѣмъ сильнѣе и больше, что развитію ея способствуетъ ихъ замкнутость отъ общественной жизни, и опять повторяю, совершенная праздность. Имъ позволено брать чужую работу, но этимъ позволеніемъ онѣ рѣдко пользуются. Причины этого заключаются въ нихъ самихъ. Первая и самая главная — это ихъ собственное равнодушіе къ труду и совершенное нестараніе получать какую-нибудь заработку. Получивъ заказы; онѣ такъ неохотно и неакуратно исполняли ихъ, съ порчею и убыткомъ для заказывающихъ, что жители перестали давать имъ работу или стали требовать отвѣтственности за нихъ съ смотрительницамъ острога, на что не каждая соглашалась. Вовторыхъ деньги, заработанныя арестантками, не отдаются имъ на руки, а остаются у смотрительницы, которая хотя и употребляетъ ихъ на ихъ же нужды; но часто неспрашивая даже ихъ согласія. Неравъ бывали случаи злоупотребленія, что изъ заработанныхъ денегъ арестантки получали только по шести копѣекъ въ день, — крайнюю стоимость назначенную за ихъ трудъ, — а остальными пользовались сами ихъ начальницы. Наконецъ третья причина: большая часть изъ содержащихся не знаютъ никакой отрасли женскаго труда и неумѣютъ ничего дѣлать. Привыкши къ неряшеству и праздности, онѣ еще до прибытія своего въ острогъ вели такую же недвѣтельную жизнь и совершенно измѣнились; теперь, когда онѣ упали нравственно, лишились всякаго желанія подняться честнымъ трудомъ; ихъ невозможно даже и заставить за него привыкать. Да и что можно заставить ихъ дѣлать? Ремесламъ въ острогѣ ихъ никакимъ не учать, кому же и ремесло завести трудно; потому что употребленіе острыхъ орудій въ острогахъ запрещается закономъ, — а что можно дѣлать безъ ножа или ножницъ? Потому, при существующемъ порядкѣ постановленій, найти дѣло для арестантокъ и искоренить самую праздность между ними почти невозможно.

Встрѣчаются однакожь иногда и между этими пропадающими

женщинами личности, сохранившия некоторые нравственные достоинства, но это только особняки, а масса остается все тою же, грязною, грубою, съ порочнымъ отгѣнкомъ на лицѣ, выраженіе котораго невольно поразило меня, когда вся толпа арестантокъ выстроилась для переключки.

УВИДѢЦА.

Послѣ переключки я ушла съ смотрительницей въ ея комнату, куда она велѣла придти работницѣ, рекомендованной ею для моей работы.

Черезъ полчаса къ намъ вошла дѣвушка въ очень чистомъ и опрятномъ видѣ. Она не могла назваться красивою, но въ ея высокой, стройной фигурѣ, въ манерѣ держать голову, обитую двумя роскошными черными косами, въ густыхъ бровяхъ, немногихъ нависшихъ въ прямой линіи надъ ея выразительными глазами, проглядывало столько достоинства и нравственной силы, что она вездѣ привлекла бы на себя вниманіе.

— Груша, гдѣ ты была? спросила смотрительница: — я тебя другой разъ не нахожу въ камерѣ.

— У Агафьи въ лазаретѣ сидѣла, сударыня, отвѣчала тихо арестантка.

— Да вѣдь на переключкѣ надо быть, сама знаешь? продолжала смотрительница.

— Извините пожалуйста, Агафьѣ—то ужь больно плохо; кажись и ночи не проживетъ.

— То-то все у васъ дѣла, а обязанностей своихъ и знать не хотите. Вотъ и барыню заставляешь ждать себя. Хочешь юпку взять вышить?

— Съ удовольствіемъ, пожалуйста.

Я стала передавать ей работу, толковать рисунокъ, считать матерьялъ.

— Не беспокойтесь, все будетъ цѣло!—замѣтила она мнѣ, и яркая краска разлилась по ея щекамъ: казалось одной тѣни сомнѣнія было достаточно, чтобы уколоть ея напряженное обидчивое самолюбіе. Но это проявленіе внутренняго чувства было мгновенно: черезъ мигъ она стояла передо мной такъ же спокойно, почти неподвижно,

какъ сначала у порога дверей , и отвѣчала на все односложно и тихо.

Въ тонѣ ея голоса и въ ея движеніяхъ постоянно выказывалась сдержанность и недовѣріе.

Когда я передала ей все , она низко поклонилась и пошла къ двери.

— Какъ кончишь , я еще приготовлю работу , сказала я ей вслѣдъ.

— Пожалуста , сударыня , я ужъ буду стараться , чтобы вы были довольны.

— Вотъ она такъ все работы просить , замѣтила смотрительница по ея уходѣ : — видно порядочную ; а другихъ попробуйте—ка засадить , — просто наплачешься съ ними.

— За что содержится эта дѣвушка ? спросила я.

— За убійство , отвѣчала смотрительница : — и преступленіе—то явное , на мѣстѣ пойманы . Она вѣдь не одна , а со старухой ключницей , вотъ этой Агафѣей , про которую она сейчасъ говорила , что умираетъ въ лазаретѣ.

— Кто—жъ онѣ такія ? спрашивала я .

— Дворовыя , задушили экономку своихъ господъ . Вотъ ужъ третій годъ судъ идетъ . Сперва въ уѣздномъ острогѣ сидѣли , потомъ сюда перевели ; теперь дѣло въ уголовной палатѣ ; еще съ годъ просидятъ , пока въ сенатъ пойдетъ . Ну , а тамъ накажутъ , да и въ Сибирь на каторгу ; ужъ извѣстно , одинъ конецъ такимъ преступницамъ . А жаль Грушу , такъ , по человѣчеству жаль : молода еще , всего двадцать лѣтъ было , какъ преступленіе сдѣлано ; работящая , скромная дѣвка , я ее лучше всѣхъ люблю изъ этихъ разбойницъ . Никакой грубости отъ нея не услышишь . Ужъ какъ тамъ ее грѣхъ попуталъ , Богъ одинъ знаетъ , а видно что хорошо ведена была , въ добрыхъ рукахъ выдержана .

— А вы спрашивали ее когда—нибудь что побудило ее рѣшиться на преступленіе ?

— Неразъ спрашивала , стыдила ее , такъ ничего путемъ не скажетъ : отвѣтить только два—три слова , а то все молчить и въ камерѣ—то ни съ кѣмъ не болтаетъ , все что—нибудь копается , — то шьетъ , то моетъ . Голоса ея никогда не слышно . Разъ вотъ , гляжу я , вяжетъ она чулокъ , сидитъ тихо такъ въ уголку на лавкѣ , а у самой слеза за слезой такъ и капаетъ . Жаль мнѣ ее ужъ очень стало , позвала я ее къ себѣ въ комнату и начала спрашивать . Такъ что—же ? Махнула рукой , да и говоритъ : «Что вамъ за охота , барыня ,

душу—то мою выворачивать! Мнѣ и такъ нелегко. Вѣдь всѣмъ извѣстно что я сдѣлала... Задушила, такъ задушила, я и передъ судомъ не запиралась; а что на сердцѣ у меня и тогда было, и теперь есть, кому до этого какое дѣло? Пусть при мнѣ останется. Не сердитесь, барыня дорогая, не могу говорить...» Укрывшись головнымъ платкомъ, повернулась и пошла прочь.

Меня сильно заинтересовала эта дѣвушка. Какъ—то невѣрилось, глядя на ея порядочную наружность и недостатокъ въ ней нравственной порчи, высказывающейся въ словахъ и поступкахъ истинно порочныхъ людей, что преступленіе, совершенное ею, проистекало изъ злого или корыстнаго побужденія. Хотя я и понимала, что преступленіе, съ какою бы цѣлью ни было оно совершено, остается тѣмъ же преступленіемъ въ глазахъ людей и закона, если фактъ его несомнѣненъ, но сознавала также, что въ душѣ нашей невольно таится къ нему какое—то снисхожденіе, когда поводъ къ нему сниметъ съ него грязное пятно порока. Развѣ мы не извиняемъ чувства снисхожденія, развѣ не сознаемъ вліянія на дѣйствія человѣка такихъ тяжелыхъ и непоколебимыхъ обстоятельствъ, противъ которыхъ силъ недостаётъ бороться, а исхода изъ этого гнетущаго положенія не предвидится? Груша была, какъ я узнала, именно изъ числа такихъ преступницъ. Познакомясь съ ходомъ ея дѣла и слыша отъ нея самой и отъ старухи Агафьи, ея соучастницы, много подробнаго, домашняго, что не вошло въ составъ его, легко было понять, что причины, побудившія ее къ преступленію, были не изъ числа обыкновенныхъ. Я передамъ ея исторію.

ГРУША

Къ одному изъ казенныхъ селеній в—скаго уѣзда прилегалъ участокъ помѣщика Колымаги. Онъ состоялъ изъ пятнадцати дворовъ крестьянъ, господскаго дома довольно ветхой наружности и двухъ—трехъ экономическихъ построекъ, гдѣ помѣщались кухня, людскія, контора и другія хозяйственныя назначенія. Лѣтъ за двадцать до случившагося въ немъ убійства, ставшаго предметомъ толковъ всего околodka и эпохой для счету мѣстныхъ жителей, помѣщикъ этого участка Михайло Васильичъ Колымага вышелъ въ отставку съ чиномъ майора, женился и пріѣхалъ въ Сучевку съ своей молоденькой женой. Михайло Васильичъ былъ уже тогда плотнымъ, немного лысымъ, лѣтъ сорока господиномъ, очень лѣни-

вымъ, ворчливымъ и несговорчивымъ. Жена его, только-что выпущенная институтка, худенькая, щедушная, робкая и уступчивая, съ самаго начала своего замужства во всемъ покорилась мужу. Ревнивый, долго засидѣвшійся холостякъ, много нидавшій измѣнъ прекраснаго пола — какъ выражался онъ самъ — въ продолженіи своей походной, разгульной жизни, счелъ за лучшее и болѣе спокойное для себя положеніе запереть свою молоденькую и больше его развитую жену въ тѣсную рамку одного семейнаго быта. Марья Семеновна прямо изъ стѣнъ института попала въ сучевскій свой домъ; мужъ не познакомилъ ее съ сосѣдами, не вывезъ нпрзду изъ имѣнія, не доставилъ ей ни одного случая посторонняго развлечения — и жизнь молодой женщины вся замкнулась въ домъ, въ саду и въ огородъ. Сначала Марья Семеновна скучала, потомъ привыкла, одичала и наконецъ почти отупѣла. Тихая, сонливая ея натура сжилась съ своей невеселой, однообразной долей. Съ мужемъ она ладила, дѣтей нянчила, присматривала иногда за работой, немножко за домовымъ хозяйствомъ, впрочемъ ни во что невдаваясь и мало въ чемъ смысла; въ размышленія никакія она не пускалась и жила такъ, какъ жилось, спустя рукава. Въ людской и въ дѣвчьеѣ ея любили; она всѣмъ говорила «миленькая» и «пожалуста» и на все глядѣла сквозь пальцы. Ее бы и не слушались никогда, да баринъ самъ иногда входилъ, на барыню ворчалъ, на людей покрикивалъ и шло все сносно: не очень порядочно, не очень толково, зато безъ шумныхъ сценъ и сильныхъ переворотовъ. Дворовые люди, особенно женщины, не привыкли слышать надъ собой команды, одного барина только побаивались, но вообще вели свои дѣла хорошо. Простору было много, присмотру мало.

Въ числѣ дворовыхъ женщинъ пользовалась особымъ почетомъ и довѣренностью нянюшка Агафья. Она вынянчила трехъ дѣтей своимъ господамъ, а потомъ на ея руки были переданы всѣ ключи кладовыхъ, погребовъ и амбаровъ, и она возведена была въ почетную должность ключницы. Въ свое время Агафья была очень красивой дѣвкой; вышла замужъ по своему выбору, но съ мужемъ скоро поссорилась, стала тяготиться полевой работой и сама нанялась кормить перваго ребенка, тогда родившагося у господъ. Съ той поры поселилась она въ барскомъ домѣ, переходя постепенно изъ мамокъ въ няньки, изъ нянекъ въ ключницы и оставаясь при послѣдней своей должности до старости. Агафья была смышленная баба; она понимала что выбирала, хотя часто поварчивала въ дѣви-

чьей на свои немощи и излишние труды и усердно плакалась о своемъ безпомощномъ вдовствѣ и сиротствѣ. Однако на самомъ дѣлѣ ея положеніе нисколько не противорѣчило ея вкусамъ: Агафья любила наряжаться, а нигдѣ не могла она имѣть лучшихъ нарядовъ, какъ въ барскомъ домѣ; любила и сама побарствовать, а въ должности няни у ней всегда была подвластная прислуга; наконецъ ей всегда и вездѣ хотѣлось быть первой, — въ семействѣ же Колымаги, гдѣ барыня была такой тихой и незамѣтной личностью, Агафья былъ полный просторъ выказываться. Бойкая, смѣтливая, говорливая баба, она не робѣла даже передъ самымъ баринномъ и легко прибрала къ рукамъ все домашнее хозяйство; барину она прислуживалась, барынѣ не грубила и какъ бы даже покровительствовала, людьми распоряжалась почти произвольно, и такъ сумѣла выставить свое безкорыстіе и заставить чувствовать необходимость своего вмѣшательства, что все въ домѣ невольно подчинилось ей и она незамѣтно вступила въ полныя права хозяйки. Она не была зла, не любила сплетень и наговоровъ, вела свои дѣла правдиво, и люди хотя и не любили ее за данныя ей преимущества, но слушались ее и боялись больше самихъ господъ. Власти своей и первенства въ домѣ она не уступала никому и требовала отъ всѣхъ полного уваженія къ своей особѣ. До самой старости она была избалована счастьемъ и всеобщимъ почетомъ; ничто не шло ей наперекоръ, не раздражало ее самолюбивой, любящей господство натуры, и ей не снилось даже возможной перемѣны въ ея положеніи. А между тѣмъ она обрушилась на нее такъ внезапно и неожиданно, и уже въ томъ возрастѣ, когда страсть къ господству вкоренилась въ ней двадцатилѣтней привычкой и постояннымъ уваженіемъ и довѣріемъ къ ней самихъ господъ.

Заболѣла Марья Семеновна и умерла, — личность сама по себѣ такая незамѣтная, но на которой однако держался весь старый порядокъ дома. Сначала все такъ же тихо и спокойно шло въ домѣ, какъ и при ней; Агафья хозяйничала и заправляла всѣмъ домомъ; старый баринъ изрѣдка выглядывалъ изъ своего кабинета, поварчивалъ на прислугу, а самъ ни во что не входилъ. Десятилѣтняя барышня, единственная дочка, уцѣлѣвшая у Михайла Васильича, попрежнему ластилась и вертѣлась около своей старой няни, а та жалѣла и любила ее по-своему. Тихая, вялая, чувствительная дѣвочка, она обвѣщала во всемъ походить на мать свою, и такъ же робко, трусливо вступала въ жизнь, какъ та провела ее.

Но вскорѣ порядокъ жизни въ Сучевкѣ нарушился. Агафѣ явилась достойная соперница въ лицѣ булочницы Софьи, вскорѣ возведенной для всего дома въ Софью Марковну. Софья Марковна, бойкая и ловкая баба, сумѣла угодить барину и своими печеньями, и своимъ вниманіемъ, и за то сдѣлана экономкой и изъ булочной была переведена въ домъ. Здѣсь заняла она комнату барыни, сбросила крестьянскую юпку и свитку, и не прошло мѣсяца со времени ея водворенія, какъ она уже надѣла шолковое платье и барынинъ лисій салонъ, оказавшійся ей только до колѣнъ, преважно сѣла въ господскія сани, которыми правилъ ея же собственный супругъ — старый барынинъ кучеръ, и бойко приказала ему, «дураку», везти себя въ приходскую сельскую церковь, желая показаться въ своемъ новомъ видѣ всему собравшемуся люду.

За этииъ началомъ Софья Марковна и въ домѣ завела свои порядки. Смолкли въ дѣвичьей смѣхъ и разговоры; слышны стали только звонкая брань Софьи Марковны, да иногда ударъ плетки по чьимъ-нибудь плечамъ, мгновенный визгъ, а потомъ тихій плачь надъ пальцами или надъ чулкомъ. Тоже происходило въ людскихъ и на кухнѣ; все стихло, присмирѣло, протрезвилось отъ долгаго сна; работа закипѣла въ рукахъ всѣхъ. Софья Марковна только ходила да распоряжалась. Даже и баринъ засѣлъ тихонько въ своемъ кабинетѣ. Софья Марковна и его припугнула немножко. «Ужь вы, Михайло Васильичъ, пожалуста не суйтесь, а то меня слушаться не будутъ, опять всѣ старые порядки заведутъ, обкрадывать васъ будутъ. Куда ужъ вамъ входить! Вы себя поберегите, я сама упрavляюсь.» А Михайло Васильичъ и радъ былъ на покой. Между тѣмъ Софья Марковна властвовала безгранично. Ея звѣрская, недověрчивая натура развернулася во всей своей силѣ; она сдвинула своихъ равныхъ, какъ тигръ своей могучей лапой сдвинулъ бы кошку, слабѣйшую изъ своей породы, и безъ милости, безъ сожалѣнія гнала ихъ временной своей силой, такъ долго удерживаемой въ своихъ порывахъ рабствомъ и неволей. Тещерь она не захотѣла знать границъ своему произволу, не пожалѣла никого и доказывала по своему то, что и она можетъ быть барыней.

Первое лицо, на которое пала ея неумолимая опала, была Агафья. Она завидовала уже долго ея власти и тещерь захотѣла выместить на ней всю свою давно накопившуюся злость. Она начала съ того, что отобрала у ней ключи и велѣла ей быть ключницей только изъ ея рукъ. Потомъ сняла съ нея платье, къ которому она

привыкла еще съ молодыхъ лѣтъ, и велѣла ей надѣть такое же грубое, какое носила вся остальная прислуга; за платьемъ была отнята и комната, и чашка чаю, и даже кровать. Такъ мало-помалу она лишила старуху всего, къ чему та издавна привыкла, желая этимъ унижить ее передъ другими. Однако въ этомъ она не успѣла: Агафья только съ этой поры начала возвышаться въ глазахъ всей дворни, и чѣмъ больше ее гнели, чѣмъ больше старались унижить, тѣмъ болѣе приобрѣтала она всеобщаго уваженія и влiянiя. Въ дѣвичьей, въ людской, даже на деревнѣ стали смотрѣть на нее какъ на мученицу. Дворовыя дѣвушки наперерывъ одна передъ другой старались услужить ей, и изъ тетки Агафьи, проведеншей шестьдесятъ лѣтъ съ этимъ короткимъ именемъ, она вдругъ сдѣлалась Агафьей Фоминишной. Въ дѣвичьей, гдѣ она постоянно вязала чулокъ, прежде на спокойномъ креслѣ, а теперь на простой деревенской скамейкѣ возлѣ печки, Агафья Фоминишна приобрѣла полное довѣрiе.

Между дѣвушками, вѣчно сидѣвшими за пальцами, особенно отличалась своей стройной фигурой и какой-то типичной физиономiей одна брюнетка, по имени Груша. Начало жизни Груши ничѣмъ не было замѣчательно. Незаконная дочь бездомной сироты, которую покойная барыня приняла изъ жалости на экономическое содержанiе и опредѣлила въ птичницы, чтобы удержать ее на мѣстѣ и помѣшать развивающейся уже въ ней страсти къ бродяжничеству, Груша жила при матери, глупой и неласковой, бѣгала безъ всякаго надзору, росла въ грязи и на свободѣ до самаго десятилѣтняго возраста. Мать обходилась съ ней грубо, никогда не заботилась о ней; сосѣди били и прогоняли, боясь, чтобы дѣвочка не съѣла у нихъ лишняго куска; ребятишки тоже ее обижали, видя ея совершенную беззащитность. Груша росла въ тяжелой школѣ; она ожесточилась и выучилась рано сдерживаться и скрываться; но въ ней не проявилось ни одного низкаго начала, не поддалась она ни унижительному обращенiю съ собой, ни желанiю воспользоваться чужою собственностью, часто вызываемому крайней нуждой, которую приходилось терпѣть ей. Въ ней не появилось ни тѣни лжи и корысти; она на все смотрѣла какъ-то гордо и независимо, довольно рѣзко для своего возраста, но тѣмъ неменѣе съ какимъ-то невольнымъ сознаниемъ своего превосходства. Обидитъ ли ее кто, она только вспыхнетъ бывало, да прочь пойдетъ; но если кто чувствительно оскорбитъ ее, она вѣкъ не забудетъ; никогда не ругнетъ его, не

увлечется въ порывѣ своего гнѣва, а только всякій разъ какъ слышитъ одно имя оскорбившаго ее, яркій румянецъ зальетъ ея смуглыя щечки : кажется такъ бы и раздавила она его, какъ букашку. Зато и привязанность ея была сильна ; ничего не было для нея невозможнымъ, чтобъ доказать ея тому, къ кому она чувствовалась. Когда умерла ея мать и дѣвочку барыня приказала взять въ людскую, Груша была очень довольна переменой въ своей жизни. Она такъ охотно и спокойно вошла въ барскіе покои , такъ акуратно и самоувѣренно принялась за новое ей дѣло , такъ скромно и вмѣстѣ съ тѣмъ твердо говорила съ барыней , что въ самое короткое время сдѣлалась ея любимой прислугой. Ея назначили для услугъ въ дѣтской и она перешла въ распоряженіе нянюшки Агафьи. Тутъ она такъ усердно и порядочно принялась за свое дѣло , что Агафья при всей своей требовательности осталась довольна ею , привыкла къ ней и разъ , въ минуту прилива нѣжности , приласкала бѣдную сиротку. Груша не выказала ей всего удовольствія , какое почувствовало ея маленькое сердечко при этой непривычной, почти первой ласкѣ , но привязалась къ Агафѣй всей силой своей сдержаной, страстной натуры , и съ этой поры няня не могла никогда найти предлога быть недовольной ею. Груша скорѣе бы не доспала , не побѣжала бы погулять на деревню , чѣмъ не сдѣлала бы велѣннаго ей Агафѣй. Впрочемъ и ко всѣмъ жившимъ въ домѣ она была хороша. Она была очень скоро и порядочна къ дѣлу, трудолюбива до-нельзя, никогда не тяготилась помочь другимъ , ни съ кѣмъ не ссорилась, не бранилась, но и не дружилась, а всегда держала себя съ какимъ-то особеннымъ достоинствомъ , помогая другимъ безъ угодливости и сохраняя полную свободу и независимость въ отношеніяхъ съ ними. Зато и ее никто не обижалъ, никто не трогалъ, и Груша выросла въ господскомъ домѣ, никогда не жалуясь на свое зависимое положеніе. Ей было хорошо въ немъ ; она была сыта, одѣта, не обижаема безпрестанно, какъ бывало при жизни у матери; неволи она не чувствовала, потому что сама была самостоятельна и спокойна и только уже входя въ лѣта стала иногда чувствовать свое сиротство и одиночество. Но и то не долго тосковало молодое сердце. Скоро одинъ изъ молодыхъ дворовыхъ людей заставилъ ее забыть свое дѣтское горе ; въ сердцѣ Груши появилось другое, болѣе сильное чувство, на которое ей такъ легко, такъ искренно отвѣтили. Въ виду будущаго у Груши стали появляться и добрый любимый мужъ, и своя хата, и своя семья, и свое хозяйство, да еще и родня ка-

кая — нянюшка Агафья! Выбранный Грушей былъ ея единственнымъ племянникъ. Узнала няня объ ихъ любви и благословила; узнали господа и согласились; оставалось сыграть только свадьбу. Но въ это время умерла барыня и всё пошло на новый ладъ, подъ желѣзной опекой Софьи Марковны.

Разжаловала новая полубарыня старую Агафью, услала Дмитрія, ея племянника, на гумно, въ черную работу, и Грушу засадила вплотную за пяльцы... О свадьбѣ нечего было и думать. Агафья плачетъ цѣлый день; посѣдѣли ея волосы, сохранявшіе до сей поры свой натуральный цвѣтъ; опустилось откормленное тучное тѣло; состарѣлась она на двадцать лѣтъ за эти короткіе мѣсяцы. Груша не жалуется, не плачетъ, рта не открываетъ цѣлый день, только все шьетъ да шьетъ непереставая. Опала ея высокая, молодая грудь; вытянулась шея отъ постоянной наклонки; она все терпитъ и молчитъ. Терпитъ даже и тогда, когда разъяренная Софья Марковна накинется на нее и за другихъ, чего она за ними не смотритъ, и на цей станетъ вымещать свой ничѣмъ неудовлетворимый гнѣвъ. Утретъ только украдкой слезы, невольно вызванные болью потасовки, или каплю крови, выступившую на рукѣ отъ укула булавкой неукротимой тигрицы, и снова шьетъ какъ ни въ чемъ не бывало, только изрѣдка румянецъ ярко разольется по всему лицу и покроетъ даже шею и грудь подъ толстой рубашкой: видно какая-нибудь непрощенная мысль горячо опалитъ ея мозгъ и внутренняя борьба проглянетъ наружу.

Такъ проходило время; тяжелая жизнь для всей дворни тянулась въ домъ помѣщика Колымаги, а онъ сидѣлъ себѣ спокойно въ своемъ кабинетѣ, книжки читалъ, да трубочку покуривалъ, невходя ни въ что, незамѣчая даже что дѣлалось у него подлѣ. Его старый, отжившій умъ не переваривалъ и мысли, что тутъ совершаются почти преступленія, что онъ долженъ вмѣшаться въ дѣло. Ему самому было хорошо; Софья Марковна кормила его сытно, постоянно рассказывала ему о воровствѣ и мошенничествѣ его людей, описывая всѣхъ самыми черными красками, а себя выставляла такой усердной, безкорыстной; ктому же и припугнула она немножко старичка, такъ что тотъ и не выглядывалъ изъ своего угла. Пробовали было ходить къ нему сначала жаловаться, просить защиты, но онъ только бранился, прогонялъ къ той же Софьѣ Марковнѣ, и горе было тогда смѣльчаку, осмѣлившемуся бороться съ ея властью! Она его съ лица земли стирала, загоняла не только его, но и всю его семью. Приходилось тер-

пѣть и молчать, а между тѣмъ невыносимо тяжело всѣмъ становилось.

Почти полгода неистовствовала уже Софья Марковна, и не было въ виду исхода изъ—подъ ея гнета. Въ это время въ Сучевкѣ разнеслась вѣсть о наборѣ, дошла и до участка Колымаги, и съ него пала очередь поставки одного рекрута. Заговорили объ этомъ по всѣмъ угламъ поселка. У многихъ жонъ и матерей защемило сердце: кого-то выберутъ?

Въ одно утро Агафья уныло сидѣла на своемъ обычномъ мѣстѣ въ двичьей и перебирала спицами петли чулка, по привычкѣ. Груша тутъ же сидѣла за пальцами съ другими работницами. Все было тихо и занято своимъ дѣломъ, какъ на порогѣ комнаты появился поваренокъ съ чашкой въ рукѣ.

— Крупъ на кашу, тетушка, пожалуйста! заговорилъ онъ обращаясь къ Агафѣ.

— Спать еще, у ней ключи, — отвѣчала она брюзгливо.

— А вы, тетушка, развѣ не знаете, что Дмитрій здѣсь? Сегодня раненько, со свѣткомъ привезли, да въ конторѣ и заперли.

— Ой ли! вскричала старуха и чулокъ повалился изъ ея рукъ.

— Говорять, его въ городъ везутъ, въ рекруты славать; ужъ Мишкѣ сотскому велѣно и телѣгу снаряжать.

Старуха такъ и повалилась на полъ.

— Ой, батюшки мои свѣтики! Последняго кормильца у меня отнимають, и все это баба постыдная! Хоть бы тебя, змѣю подкодную, задушилъ кто! Кровь ты нашу сосешь... Господи ты милосердый! помилуй, защити насъ грѣшныхъ! рыдала старуха. — Груша, али ты не слышишь, Дмитрія—то въ солдаты сдають?..

Какъ скованая сидѣла Груша на своемъ мѣстѣ. Не заголосила она по крестьянскому обычаю выражать свое горе, не заплакала даже при неожиданной новости, только иголка выпала изъ рукъ да лицо, вспыхнувши какъ полымя, вдругъ поблѣднѣло какъ у мертвой. Не смогла она слова проговорить въ отвѣтъ старухи.

— Ишь какъ ее бѣдную покоробило! замѣтила сосѣдка, подавая ей кружку воды. — Помираешь ты чтоли, Груша?

— Ненадо! проговорила она, отталкивая кружку: — еще не умираю! — И какая-то, нето улыбка, нето судорожная гримаса пробѣжала по ея блѣвшимъ губамъ.

Между тѣмъ Агафья ревѣла, причитала, ругала свою злодѣйку, не боясь того, что та можетъ ее услышать. Горе пересилило ее...

ей было уже не до осторожности, у ней отнимали послѣднюю ея надежду на лучшую жизнь, брали племянника, котораго она возрастила, любила какъ сына и на котораго рассчитывала какъ на кормильца въ старости. Она побѣжала было къ нему въ контору, но ее не пустили; бросилась было умолять Софью Марковну, въ ногахъ ея ползала, руки цѣловала, унизилась до послѣдней степени, но она только ее же укоряла да бранила, а не уступила ни одной ея мольбѣ. Агафья вернулась назадъ въ дѣвичью и снова принялась ревшть. Груша все сидѣла и вышивала, какъ-будто на сердцѣ ея и горя не было.

Въ десятомъ часу зазвенѣлъ колокольчикъ. Къ крыльцу подѣхала телѣга; на облучкѣ сидѣлъ сотскій съ блестящимъ орломъ на рукавѣ. Агафья бросилась къ окну и взвизгнула. Наступала рѣшительная минута; послѣдняя ея надежда разрушалась. Вотъ сейчасъ выведутъ Дмитрія, посадятъ въ телѣгу и ей больше не видать его голубчика. Груша встала. На ея блѣдномъ лицѣ проступили багровыя пятна; она сильно сдавила виски кулаками; ни одной слезы не выступило на глазахъ.

— Агафья Фоминишна! заговорила она глухимъ голосомъ: — бѣгите еще къ барину, можетъ онъ помилуешь.

Забывая свою старость, бѣгомъ черезъ всѣ комнаты бросилась Агафья въ кабинетъ къ барину.

— Батюшка, Михайло Васильичъ, помилуйте меня старуху!.. хоть за старые мои услуги вамъ, хоть въ память того, что и барыня покойница на моихъ рукахъ скончалась! Не отнимайте у меня Дмитрія! Вѣдь онъ у меня одинъ... вся-то и радость моя въ немъ только... оставьте мнѣ его! — И Агафья рыдая хватала ноги барина, которыя тотъ старался освободить изъ ея рукъ. Она сама не помнила себя отъ горя и не знала что дѣлала и говорила.

— Что ты, дура, привязалась ко мнѣ! непонимая чего хочеть отъ него баба, кричалъ Михайло Васильичъ: — какъ ты смѣешь приходить ко мнѣ съ такимъ ревомъ! Вонъ сейчасъ! Я только-что задремалъ, ты меня просто перепугала.

Агафья ревшла и настаивала, невыпуская ногъ барина, а тотъ вырывался изъ ея рукъ и выходилъ изъ себя. Въ эту минуту на шумъ ихъ вбѣжала Софья Марковна.

— Какъ ты смѣла войти сюда, старая вѣдьма! вскричала она, бросаясь на Агафью, и разомъ схвативъ ее за плеча, вытолкнула вонъ изъ кабинета и заперла за ней дверь. Агафья слышала какъ щелкнулъ замокъ, но пошевелила еще дверной ручкой, въ надеждѣ

отворить, . потолкала дверь плечомъ , и видя что все напрасно, не могла-таки рѣшиться оставить ее. Она остановилась за дверью, въ надеждѣ, что ее отворятъ и она еще попроситъ, но услыхала только какъ Софья Марковна толковала барину, что она, Агафья, просто бунтуеетъ всѣхъ, зато что ея племянника въ солдаты сдають, а что кого же больше и отдать, какъ не пьяницу и воришку? Агафья дождалась, что дверь отперли, но Михайло Васильчъ вышелъ только для того, чтобъ приказать скорѣй везти рекрута въ городъ.

Бѣдная старуха поняла, что больше нечего ужъ было надѣяться: она опять бросилась къ конторѣ. У крыльца ея еще стояла телѣга, въ дверяхъ ждали двое мужиковъ.

— Пустите, пустите, голубчики, хоть послѣдній разъ повидаться! умоляла ихъ Агафья.

— Не велѣно пускать, тетушка! ужъ извините, не можемъ.

Въ эту минуту за дверями раздался звукъ цѣпей, и Дмитрій въ кандалахъ на ногахъ появился на крыльцѣ; Агафья такъ и ринулась на него и повисла у него на шеѣ. Дмитрій былъ высокій, красивый малый, лѣтъ двадцати-двухъ, съ широкими плечами и высокой грудью; первый пушокъ рыженькой бородки только-что выступалъ на его бородѣ. Не было сомнѣнiя, что онъ будетъ годенъ даже въ любой гвардейскiй полкъ. Увидя тетку, парень заревѣлъ нехуже ея. Долго бы длилась эта раздирающая сцена прощанья, еслибы старуху не оттащили силою, а молодца не усадили въ телѣгу. Но въ ту минуту, когда повѣздъ былъ готовъ двинуться, къ телѣгѣ подбѣжала запыхавшаяся Груша.

— Поестой! сказала она сотскому: — дай съ женихомъ проститься.

И вскочивъ на колесо, она притянула къ себѣ Дмитрiя.

— Ну, поцѣлуемся на прощанье: вѣдь на вѣчное, Митя! Ты обо мнѣ и не думай... только сердце крушить понапрасну станешь: вѣрно намъ не судьба вмѣстѣ жизнь-прожить. Я ужъ не твоя теперь, да и ничья больше; ты меня и забыть постарайся, а коли услышишь что недоброе обо мнѣ, не кляни меня, а помолись за мою грѣшную душу.

— Полно, Груша, что ты за слова говоришь, прости тебя Господи! Ужъ ты не забуди себя, не бери грѣха на душу, можетъ когда и увидимся.

— Рукъ-то на себя я не наложу, не бойся; а что увидѣться-то, — ужъ и не жди того... не на радость будетъ... ненадо! — И выр-

жавшись изъ рукъ парня, Груша, неоглядываясь побѣжала въ огорода, за кухню. Сотскій ударилъ по лошадамъ, колокольчикъ зазвѣнѣлъ и Дмитрій въ тоже утро былъ сданъ въ рекрутское присутствіе.

Послѣ ранняго деревенскаго обѣда Агафья и Груша снова сѣли на своихъ мѣстахъ, первая за чулкомъ, а вторая за пальцами. Недавнее горе еще болѣе приутишило ихъ. Груша, неподнимая головы, выводила узоръ на своемъ батистѣ; старуха переминала чулокъ въ рукѣ и повременамъ всхлипывала или зывала короткую молитву, въ видѣ возгласа. Подлѣ нея сѣдѣла маленькая барышня, обвивъ своими тонкими рученками ея толстую фигуру и прижавъ бѣленькое личико къ ея плечу. Дитя жалѣло няню и по-своему лаской старалось ее утѣшить. Въ комнату вошла Софья Марковна. Лицо ея, надутое и злое, еще болѣе стало грознымъ, когда она взглянула на Агафью и вспомнила утрешнюю сцену въ кабицетѣ. Она не могла пропустить случая, чтобъ не накинуться на нее.

— А ты чего къ барину-то лѣзла? начала она: — какъ ты смѣла къ нему за порогъ ступить? На меня небось съ жалобами? Вотъ я тебя! Еще ли тебѣ мало я себя показала! Не со мной тебѣ тянуться, старая вѣдьма!

Дѣвочка въ страхѣ еще крѣпче прижалась къ нянѣ, и та обвила ея тоненькую шейку своей морщинистой, когда-то полной рукой.

— А ты здѣсь чего, барышня! Вонъ сейчасъ, иди въ свою комнату! — топнувъ ногой, крикнула Софья Марковна и рванула за ручку бѣднаго ребенка.

— Ребенка не тронь! закричала вышедшая изъ себя Агафья — Ребенка не дамъ, не позволю обижать! Знай свое мѣсто, холопка!

Софья Марковна позелѣла.

— Кому ты это говоришь? Я... я холопка? Такъ вотъ же знай кто я! — И удары плети посыпались на толстыя плечи Агафьи. Всѣ дѣвки вскрикнули при этомъ никогда невиданномъ и неожиданнымъ оскорбленіи старой, всѣми уважаемой няни. Барышня зарыдала и старалась прикрыть своими рученками плечи няни; но никто кромѣ нея не рѣшился пошевелиться съ мѣста. Одна Груша встала. Въ глазахъ ея было какое-то дикое, звѣрское выраженіе; губы и лицо побѣлѣли до-нельзя, густыя брови еще ниже нависли на глаза. Она твердо подошла къ старухѣ и ребенку и схватила за конецъ замахнутую плеть. Софья Марковна открыла было ротъ, чтобъ при-

вѣтствовать по-своему осмѣлившуюся вмѣшаться въ ея волю, но глаза ея встрѣтились съ такимъ страшнымъ, леденящимъ взглядомъ Груши, — навѣрно общимъ съ тѣмъ, которымъ укрощаютъ дикихъ звѣрей, — что гнѣвъ ея остановился въ своемъ порывѣ.

— Довольно! сдержаннымъ, глухимъ голосомъ произнесла Груша. — Пойдемте, Агафья Фоминишна! — И взявъ на руки перепуганную барышню, она понесла ее къ ней въ комнату. Старуха шатаясь пошла за ней. Мѣра ея горя и униженія переполнилась; Агафья даже не плакала. Груша бросила ей на полъ, подлѣ дѣтской постельки, одеяло и подушку, и старуха какъ безумная повалилась на нихъ. Груша, все также молча, раздѣла дѣвочку и посадила ее въ кровать: — Лягте и усните, барышня, — а то вы заболѣете, сказала она ей, и потомъ, наклонясь къ уху старухи, прошептала:

— Лежите здѣсь, Агафья Фоминишна, я приду къ вамъ, какъ кончимъ работать. — Вернувшись въ свою дѣвичью, она молча сѣла за пядьцы и проработала весь вечеръ, какъ-будто ничего ее не тронуло изъ предшествовавшаго и ничего не шевелилось въ ея груди на будущее время.

Послѣ всѣхъ исторій этого дня Софья Марковна нѣсколько усмирилась; ее удовлетворило то униженіе, до какого она довела Агафью. Сколько лѣтъ прослужила старуха въ домѣ и никто пальцемъ ее не тронулъ; а тутъ она, ея ровная, такая же крѣпостная какъ она, ее такъ отдѣлала, и она не посмѣла слова ей пикнуть въ отвѣтъ! Софья Марковна весь вечеръ была весела и довольна, какъ давно не бывала. Между тѣмъ въ дѣвичьей кончилось время работы. Стало смеркаться. Работницы укрыли пядьцы, спрятали нитки и рисунки, принесли изъ кухни деревянную чашку съ горячимъ борщомъ и усѣлись на полу въ кружокъ, ужинать. Груша не присоединилась къ нимъ; она отлила свою порцію борщу въ чистую глиняную тарелку и понесла его Агафѣ.

Въ комнатѣ барышни, на полу, на подостланомъ Грушей одеялѣ сидѣли старуха и ребенокъ. У обоихъ глаза были опухши отъ слезъ, но въ ту минуту какъ вошла къ нимъ Груша, онѣ уже тихо сидѣли и шопотомъ разговаривали между собой.

— Вотъ вамъ борщъ, тетушка Агафья, а вотъ и вамъ ложечка, барышня, — проговорила она, передавая имъ принесенное.

— А ты чтожь, Груша? спросила старуха.

— Я ужь ѣла, кушайте сами, — отвѣчала она и пошла къ двери, ведшей изъ комнаты ребенка въ комнату, занимаемую те-

перь Софьей Марковной. Она была невелика. У стѣны стояла придвинутая двуспальная кровать; комодъ, шкафъ съ чашками, нѣсколько стульевъ и столъ у окна составляли всю остальную мебель. Софья Марковна спала всегда одна, заперши отъ себя двери задвижками. Въ сосѣдней комнатѣ спали барышня и Агафья, остальная же прислуга располагалась по разнымъ угламъ дома, въ сѣняхъ, въ дѣвичьей или въ людской. Груша знала весь этотъ порядокъ. Вошедши въ комнату Софьи Марковны, она подошла сперва къ постели, осмотрѣла ее, попробовала было пролѣзть въ простѣнокъ между ею и стѣною, но кровать закрипѣла и она остановилась. Вылѣзая оттуда, она уже нарочно толкнула кровать, и та снова закрипѣла. Груша махнула рукой и какбы отвѣчая на свою тайную мысль, проговорила: «ну, будь что будетъ!» и пошла къ окну. Окно выходило въ садъ и было сажени на полторы отъ земли; добраться до него безъ лѣстницы было трудно, но Груша наклонилась изъ него и долго осматривала выдающіеся кирпичи высокаго фундамента; потомъ притворила окно, заложила защелки и стала разглядывать форточку. Ее легко можно было отворить снаружи, нажавши завертку, которой она была приперта изнутри. Ставня давно уже не запиралась. Груша вернулась; няня укладывала въ постель свою барышню. Груша подошла къ окну и стала жать ее. Долго и молча смотрѣла она вдаль; на блѣдномъ лицѣ ея пробѣгали какія-то тѣни, какъ-будто слезы приливали къ глазамъ и зарыдать ей хотѣлось; но порывы сдерживались. Были ли то порывы горя или злобы? Груша не выразила ихъ вслухъ.

— Агафья Фоминишна! заговорила она вполголоса, когда старуха подошла къ ней: — не пора ли? Долго ли всему нашему бѣдному люду терпѣть отъ этой амѣи? Вѣдь вы-жъ сказали сами сегодня, что хоть бы кто-нибудь задушилъ ее. Ну, такъ я задушу.

— Перекрестись, матушка, что съ тобой! Что ты это говоришь, Груша, слушать страшно!

— Страшно-то оно и мнѣ самой... знаю я, что грѣхъ великій на душу беру, а ужъ задушу!

— Это ты вѣрно за Дмитрія такъ расходилась, Груша? Ну чтожъ дѣлать, ужъ вѣрно такъ вамъ горемышнымъ на роду написано горе одно знать. Мнѣ и самой-то не жаль его чтоли? Вѣдь я одна-одинешенька, сиротой осталась!

— Агафья Фоминишна! отвѣчала Груша. — жаль мнѣ Дмитрія. Кажется сердце разорвалось на куски, какъ его у меня вы-

рвали... Да ему-то еще ничего. И въ полку хорошо бываетъ добрымъ людямъ; онъ еще не пропасть, только отъ насъ-то его взяли. А вотъ мы-то какъ живемъ? Жизнь ли это? Всѣ на волоскѣ постоянно висимъ. Не влюбить баба, такъ какъ въ пекло насъ втопчетъ. Грызеть, бьетъ цѣлый день, всю душу переверотитъ. Да не про себя я говорю: мнѣ-то что! Я дѣвка молодая, силы будетъ, вынесу; а вотъ какъ вижу, какъ она другихъ-то мучаетъ, такъ вотъ такъ и ноетъ сердце... Хоть давеча, васъ-то плеткой поподчивала: я себя еле помнила. Нѣтъ, задушю я ее!

— Это тебѣ меня-то жаль, голубушкѣ!.. Спасибо тебѣ. Да за меня не вступайся, не стойтъ; снесу, пока въ могилу упрячуть... А ты не губи себя, не грѣши.

— Да вы ли однѣ терпите! Дня не проходитъ, чтобъ чего не натворила Софья. Вонъ на той недѣлѣ, какъ наказали старика Ефремыча, а вѣдь ему ужъ за семьдесятъ лѣтъ есть, въ господскомъ домѣ вѣкъ выжилъ и грубаго слова до сей поры не слыжалъ. Третьяго дня у Марьи поварили послѣднюю корову отняли, зато что у ней изъ амбара куль высѣвокъ украли. А вчера Вѣрку, настасьину дочку, взяла сама да и заперла въ погребѣ: вишь ребенокъ сливки съ господскаго кувшина спилъ, мать не доглядѣла; до самаго вечеру продержала въ затворѣ. Сегодня дѣвочка-то вся въ жару лежитъ, перепугалась бѣдная. Нѣтъ ужъ я покончу ее, Агафья Фоминишна! Сердце мое не терпитъ всѣ ея злодѣйства видѣть. И не отговаривайте меня. Подумайте, вѣдь я сирота, никому ненужная; некому меня ни жалѣть будетъ, ни оплакивать; ужъ пусть я одна пострадаю, зато другихъ добрыхъ людей отъ змѣи избавлю. Я ужъ все придумала. Боюсь только, что одна не справлюсь. Вы покарауйте сегодня, чтобъ кто черезъ вашу дѣтскую мнѣ не помѣшалъ; а какъ порѣшу, то пусть хоть сейчасъ возьмутъ, по мнѣ все равно; знаю вѣдь я что меня ждетъ. Ну прощайте, тетушка Агафья, помолитесь за меня!

Агафья уцѣпилась было за Груню, умоляя и уговаривая, чтобы та задуманнаго не дѣлала, но она безъ словъ вырвалась изъ ея рукъ и убѣжала изъ комнаты. У Агафьи сердце замерло, когда она осталась одна. Выдать Грушу она низачт-объ не согласилась; ждать тутъ, стѣна обь стѣну, слышать все что за ней будетъ дѣлаться — у ней духу не хватало. «Пойду я потихоньку къ Грушѣ, покараую ее эту ночь; не пушу, коль идти захочетъ» — рѣшила старуха и стала искать своего платка. Онъ висѣлъ надъ дѣтской кро-

вѣтью; Агафья потянулась было за нимъ, но боль въ наболѣвшихъ отъ утреннихъ ударовъ плети старыхъ плечахъ не дала ей поднять руки. Память недавнихъ оскорбленій и гнѣвъ на врага ясныя заговорили въ Агафѣ, и она снова опустила на свою подушку. Въ эту минуту послышался скрипъ задвижки въ сосѣдней комнатѣ: Софья Марковна пришла ложиться спать и запирала двери.

— Ну, будь что будетъ! проговорила старуха: — дѣвки только жаль, а ей разбойницѣ туда и дорога. Авось-либо Груша пожалеетъ себя, опомнится.

А въ душѣ Агафья почти согласилась уже съ мыслью, что хорошо бы было, еслибъ удалось. Однако она не могла уснуть: ей страшно было ожидаемаго, и не вѣрилось ей, что оно можетъ исполниться. Прошло уже много времени, въ домѣ все стихло, все спало крѣпкимъ сномъ; одна она все сидѣла и прислушивалась. Вдругъ по стѣнѣ послышался шорохъ, потомъ щелкнули задвижки отворяемаго окна и опять все стихло. Агафья притаила дыханіе, ее невольно потянуло къ двери; она плотно прижалась глазами къ замочной скважинѣ и старалась разглядѣть что дѣлалось въ сосѣдней комнатѣ, но было темно и глаза ея ничего не могли различить. Зато она разслышала ясно сперва задушонный крикъ, а потомъ стукъ падающаго тѣла. Прошло нѣсколько минутъ глухой, отчаянной борьбы, потомъ вдругъ щелкнула задвижка, и Агафья почти влетѣла въ неожиданно отворившуюся дверь. «Платокъ, платокъ скорѣй!» щепталъ голосъ Груни, и сорвавъ платокъ съ головы старухи, она бросилась обратно; Агафья, сама несознавая какъ, очутилась подлѣ нея.

Черезъ нѣсколько минутъ старуха вбѣжала въ свою комнату, торопливо заперла за собой дверь, повернула ключъ въ замкѣ два раза и забросила его за дѣтскую кровать. Потомъ она упала на свою постель, скорчилась въ величину ребенка и укрылась съ головой своей кацавейкой. Спала ли она или просто лежала, только утромъ, когда шумъ поднявшейся прислуги дошелъ до ея ушей, ее забрала такая лихорадка, что никакая кацавейка не могла согрѣть ея старыя кости. Уже когда проснулась барышня и позвала ея, тогда только Агафья рѣшилась открыть свою голову и подняться съ постели.

— Что съ тобой, няня? спрашивала дѣвочка: — ты такая желтая?

— Ничего, душечка! ничего, матушка! наскоро отвѣчала старуха, еще болѣе блѣднѣя.

— Что это вы какъ поздно сегодня встали? спрашивали ее дѣвушки, уже собравшіяся у своихъ пледѣ.

— Нездоровится что-то! отвѣчала она, пересиливая свое волненіе.

— Оно и видно, вы точно изъ гробу встали; это васъ все вчерашнее-то такъ перевернуло.

Старуха наклонилась надъ кувшиномъ молока, съ котораго снимала въ эту минуту сливки.

— Вотъ и Груша больна должно-быть, начала одна изъ работницъ: — звала ее вѣстѣ идти, такъ лежить, не встаетъ; говорить, не пойду сегодня.

— Она и вчера-то, бѣдная, какъ сонная ходила; сгубилъ ее отъѣздъ Митюхи.

Агафья какъ-будто и не слышитъ ихъ словъ, не пристаеетъ къ разговору.

Въ эту минуту вошелъ Михайло Васильичъ. «А что, Софья Марковна не выходила еще?» спросилъ онъ мимоходомъ и получивъ отрицательный отвѣтъ, пошелъ по коридору въ ея комнату. Агафья, какъ держала кувшинъ въ рукахъ, такъ съ нимъ и бросилась въ сѣни.

Между тѣмъ Михайло Васильичъ постучалъ тихонько въ дверь, никто ему не отвѣтилъ; онъ постучалъ другой разъ — тоже молчаніе. «Софья Марковна! закричалъ уже онъ своимъ густымъ басомъ: — время вамъ съ постели-то подняться, я вѣдь чаю хочу; хоть ключи передайте.» Но дверь не отворялась и неслышно было за ней никакого движенія. Михайло Васильичъ догадался, что съ Софьей Марковной что-нибудь неладно; онъ попробовалъ дверь изъ дѣтской — тоже заперта. Тогда онъ созвалъ людей и съ ними отправился въ садъ. Тамъ, на наружной стѣнѣ дома видны еще были слѣды осыпавшейся глины, а на песокъ и поматой подлѣ травъ чьи-то небольшіе слѣды въ башмакъ и замѣтно женской ноги. Окно стояло отвореннымъ настежь. Подставили лѣстницу и влѣзли до окна. Преступленіе, совершенное ночью, стало несомнѣннымъ. Софья Марковна лежала на полу, съ почернѣвшимъ лицомъ и перетянутымъ голубымъ бумажнымъ платочкомъ горломъ. Безпорядокъ кровати свидѣтельствовалъ объ упорной борьбѣ; головная подушка, искусанная и порванная, лежала на полу, въ нѣсколькихъ шагахъ

отъ тѣла. Въ насиліи смерти сомнѣваться было нельзя ; преступникъ даже не постарался скрыть его слѣды. Михайло Васильичъ больше перепугался, чѣмъ опечалился ; онъ посрѣдился дать знать ставовому о случившемся и распорядился собрать всю дворню въ ночь и окружить ее сторожами.

Первымъ дѣломъ пріѣхавшаго временнаго отдѣленія было осмотрѣть самое мѣсто преступленія. Освидѣтельствовали двери, окна ; сняли мѣрки со слѣдовъ, оставшихся въ саду, и черезъ окно вошли въ комнату. Здѣсь они снова осмотрѣли двери и къ всеобщему удивленію нашли, что дверь только наружная была заперта задвижкой, но что та, которая вела въ дѣтскую, была заперта какъ-видно ключомъ, а задвижка оставалась отворенной ; ключа же въ дверяхъ не оказалось. Стали искать его и нашли въ дѣтской, за кроватью ; онъ какъ нельзя лучше прилохъ къ двери и отворилъ замокъ. Ясно стало, что дверь заперта была изъ дѣтской, а не изъ комнаты убитой ; но какъ же ея-то задвижка была отворена, когда вся дворня показала, что она каждую ночь запирала ее? Подозрѣніе пало на то, что въ дверь входили и уже потомъ заперли изъ другой комнаты. Оно еще болѣе подтвердилось тѣмъ, что платокъ, найденный на шеѣ удушонной, былъ всею дворнею признанъ за тотъ, который няня Агафья носила на головѣ наканунѣ ночи убійства, а никто кромѣ ея не спалъ въ дѣтской и даже на всей этой половинѣ дома. Кто же кромѣ нея могъ быть обвиненъ въ совершенномъ преступленіи ? Улики были довольно ясны, тѣмъ болѣе что Агафья съ самаго утра другого дня скрылась изъ дому, брося даже всѣ свои пожитки. Но видно тоже было, что она не одна дѣйствовала : у ней былъ помощникъ, влѣзавшій по стѣнѣ, черезъ окно, отворившій ей защелку двери и впустившій ее въ комнату. Соучастница эта тоже скоро была открыта. Въ рукахъ трупа остались лоскутки выбойки, оторванные какъ-видно во время борьбы отъ платья убійцы. Лоскутки эти подошли совершенно къ платью, бывшему на Грушѣ въ тотъ день, когда она задумала свое преступленіе.

На допросѣ Груша открыто и до удивленія спокойно показала, что преступленіе совершила именно она, и никто другой, и подробно рассказала всѣ свои дѣйствія. Когда же ее спросили, какъ ей помогала Агафья, то она совершенно отстранила ее, говоря, что платокъ былъ взятъ ею у ней еще съ вечера и находился на ней самой въ эту ночь. Чтоже касается до задвижки, то она отодвинула ее, думая выдти черезъ дѣтскую, но что дверь оказалась запертой

снаружи и что она потому спустилась снова через окно. После допроса и своего призванія она была скована без малѣйшаго сопротивленія съ ея стороны и отправлена въ уздный острогъ. Агафья была оправдана ею, но когда ее отыскали и представили въ судъ для показаній, она до того перепугалась, что сначала только врала и путала въ отвѣтахъ и наконецъ была доведена до полного сознанія всего, что видѣла и знала. Ее отправили въ тотъ же острогъ, куда была уведена и Груша, и съ тѣхъ поръ онѣ не разлучались.

Старуха сначала вела и голосила на всю камеру, потомъ при-смотрѣлась, сжилась съ своимъ горемъ, и когда я ее видала въ губернскомъ острогѣ, черезъ три года со времени ея заключенія, она очень неохотно умирала: она вовсе не тяготилась своимъ положеніемъ и съ жизнью ей еще не хотѣлось расставаться. Но Груша ни по своему характеру, ни по своему уму не подходила подъ одну мѣрку съ Агафьей. Она молчала, не жаловалась, но видимо только съ трудомъ сносила свою жизнь. Изъ здоровой двадцатилѣтней дѣвки она въ эти три года сдѣлалась сухой, желтой, угрюмой полустарухой; на видъ ей нельзя было дать меньше тридцати-пяти лѣтъ.

На вопросы о ея дѣлѣ она всегда съ замѣтной тоской отвѣчала: «Тяжелая, сударыня, ужь хоть бы поскорѣй рѣшили!» А между тѣмъ она хорошо знала чѣмъ оно должно кончиться и къ чему она будетъ приговорена. Судьбу ея облегчить было невозможно: преступленіе было ясный фактъ, подтвержденный собственнымъ сознаніемъ, противъ котораго нечего было и говорить.

А. Ч.

БУРСАЦКІЕ ТИПЫ (1)

ОЦЕРКЪ ВТОРОЙ

(Н. А. Благовѣщенскому)

Три часа утра. Въ спальнѣ, именуемой *Салонъ*, все покоится. Слышится крапъ и легкій бредъ; нѣкоторые скрываютъ востѣ зубами, чего терпѣть не могли бурсаки и за что нѣрѣдко набивали ротъ скрипѣвшаго золою, съ цѣлью отучить отъ дурной привычки; иные стонутъ отъ придавленной крови къ головѣ и груди, а завтра рассказывать будутъ какъ ихъ домовою душмъ. Только послѣ усиленнаго вглядыванья въ мракъ, наполняющій воздухъ *Салона*, можно рассмотреть множество бурсацкихъ тѣлъ, брошенныхъ на кровати и покрытыхъ поверхъ одѣялъ шубами, халатами, накидками и обносками разнаго рода.

Въ углу кто-то поднялся, и на босую ногу, крадучись осторожно, началъ обходить кровати. Онъ останавливался нѣрѣдка тамъ и сямъ и потомъ продолжалъ путь далѣе. Это былъ умилщный воръ, знаменитый нѣкогда Аксютка. Одинъ спящій юноша былъ покрытъ волчьей шубой. Въ той шубѣ много было паразитовъ, которые наконецъ донали бурсака. Онъ разбросался, шуба свѣсилась на полъ, одной лишь половиной покрывая спящаго. Аксютка наклонился къ изголовью товарища, отыскалъ воротъ шубы, и слернувъ ее съ бурсака въ одинъ мигъ, мгновенно скрылся. Искусанное тѣло окраденнаго горѣло

(1) Все описываемое здѣсь — дѣла недавно прошедшаго. Время и прогрессъ берутъ свое въ самыхъ непроходимыхъ заколустяхъ, въ самыхъ страшныхъ средахъ. Самъ авторъ въ концѣ своего очерка говоритъ о лучшихъ людяхъ, о лучшей будущности. Ред.

огнемъ, прохладный воздухъ освѣжилъ его, и онъ благодаря Аксюткѣ уснулъ сладко и спокойно. Аксютка между тѣмъ успѣлъ запрягать шубу, впредь до распоряженія ею, послѣ чего отправился въ свой уголокъ, гдѣ и заснулъ невиннымъ своимъ праведника.

Четыре часа. Вошелъ Захаренко. (На немъ кромѣ обязанности съечь учениковъ лежала, еще обязанность будить ихъ и возвѣщать колокольчикомъ начало и конецъ классовъ.) Онъ, проходя по рядамъ между кроватями, звонилъ ярко надъ головами спящихъ направо и налево.

Ученики вскакивали, чесали бока и овчину на головѣ, отплевывались, зѣвали или крестили рты; иные тупо глядѣли, непонимая сразу зачѣмъ ихъ будятъ въ такую рань, и опять тяжело падали на постели.

— Въ баню! въ баню! — провозглашалъ Захаренко.

— Эй, вы!.. И-го-го-го! загреготалъ кто-то.

Въ баню пускали по утрамъ раннимъ-раненко. Срамъ было днемъ выпустить въ городъ эту массу бурсаковъ, точно сволоочь Петра-амьенскаго, грязныхъ, истасканныхъ, въ разнородной одеждѣ, никогда не ходившихъ скромно, но всегда съ нахальствомъ, присвистомъ и грегохотомъ, стремящихся разсыпать окандалы на всю окрестность. Впродолженіи всей исторіи училищной жизни только и былъ одинъ случай, когда днемъ отпустили бурсаковъ въ баню, но послѣ начальство долго раскаявалось въ своемъ распоряженіи. Но объ этомъ послѣ.

— Живо! крикнулъ спальный старшій.

— Подымайся! кто-то заревѣлъ неустовымъ, раздрающимъ уши и душу голосомъ.

— Грѣшныя тѣла мыть! отвѣчали еще неустовѣ.

Спальни *Салона* наполнились шумомъ: Скоро и охотно одѣвались бурсаки, потомучто баня для учениковъ была чѣмъ-то вродѣ праздника. Выдвигаются сундуки; у кого есть чистое бѣлье, связываютъ узлы; у кого есть деньжонки, запасаются грошами; всѣмъ весело, потомучто хоть разъ въ двѣ недѣли бурсаки подышать свѣжимъ воздухомъ и увидятъ инья, не казенныя лица, а главное — день бани для бурсака былъ днемъ разнообразныхъ промысловъ и походовъ.

— Въ пары! командовалъ старшій.

Установились въ пары.

— Маршъ!

Длинной вереницей отправились изъ спальни *Сапога*. На двѣтницѣ они повстрѣчали еще своекоштныхъ, къ хвосту ихъ пристали еще нѣсколько номеровъ; у воротъ ихъ ожидали номера казенныхъ учениковъ. Только городскіе остались въ училищѣ. Они ходили въ баню дома, по субботамъ. Во главѣ ошелченія стоялъ *Еловый*, солдатъ изъ училищной прислуги. Ему было поручено отъ начальства наблюдать порядокъ и тишину. Повѣстно, что порядку и тишины не могло быть подъ надзоромъ такого педагога, какъ солдатъ *Еловый*. Огромной змѣей извивались по мосткамъ паръ двѣсти слишкомъ, заворачивая изъ училищныхъ воротъ на монастырскій дворъ. Гвалтъ, смѣхъ и неприличныя остроты потрясли воздухъ святыни. Схимникъ въ кельѣ *единенной*, заслыша гудѣнье и шумъ мірской, усердиѣ и теплѣ сталъ молиться о грѣхахъ людского рода.

Ученикамъ повстрѣчался рыжій монастырскій сторожъ, до безобразія огромнаго роста. Сторожъ рѣдко упускалъ случай, когда бурсаки шли въ баню, либо по праздникамъ въ городъ. Ученики насолили чѣмъ-то ему.

— А, вотъ и вшивая команда! сказалъ онъ проходившимъ мною него ученикамъ.

— Блиномъ подавился! отвѣчали ему.

Ученикамъ извѣстно было, что сторожъ однажды на масляницѣ, несходя съ мѣста, съѣлъ семьдесятъ—три блина и выпилъ четверть ведра *сиводѣру*, то—есть водки.

— Отчего это лѣса вздоружали? спрашивалъ сторожъ.

— Тебѣ блины пекли.

— Черти! на порку вамъ пошло!

— Рыжій, да ты никакъ на конѣ? Али вправду такой длинный?

— Златорунный!

— Вѣха!

— Каланча!

На сторожа градомъ сыпались насмѣшки. Гдѣ—жъ одному человѣку переговорить болѣе двухсотъ крѣпко острящихъ бурсаковъ? Онъ едва успѣлъ вставить свое слово:

— Слышь, паршивая команда, не воровать на базарѣ!

Въ него *Сатана* пустилъ комъ грязи. Сторожъ сталъ лаяться на чѣмъ свѣтъ стоитъ.

Когда проходили послѣднія паръ семьдесятъ, затѣлась оркестровая брань.

— Блинь, блинь, блинь! заѣлъ кто-то.

Сторожъ не зналъ что предпринять; голосу его не было слышно. Когда мимо его прошли всѣ, когда слово блинь раздавалось далеко, онъ крикнулъ вслѣдъ утекающей бурсы:

— Сволочь отпѣтая! Всѣхъ васъ перепороть слѣдуетъ!

Издавѣка откуда-то едва слышно довелось:

— Бли-и-нь!

Старикъ плюнулъ; ударили въ колоколъ, онъ перекрестился набожно и пошелъ къ утрени.

Бурса двигалась, большинство правымъ плечомъ впередъ по базару. Городъ спалъ еще. Бурсаки разсыпали цѣлую серію скандаловъ. Собаки, которыхъ такое обиліе въ нашихъ свято-русскихъ городахъ, ищутъ спозаранку чѣмъ бы напитать свое животное чрево; бурсакъ не упуститъ случая и непременно метнетъ въ собаку камнемъ. Шествіе ихъ знаменуется порчею разныхъ предметовъ, безъ всякаго смысла и пользы для себя, а просто изъ эстетическаго наслажденія разрушать и пакостить. Вонъ *Мехалка* раскачалъ тумбу, выдернулъ ее изъ земли и бросилъ на средину улицы. Хохоchetъ животное. Идутъ ученики мимо дома съ окнами въ нижнемъ этажѣ и барабаняютъ въ рамы, нарушая мирный сонъ горожанъ. Старушка плетется куда-то, и повстрѣчавшись съ бурсой, крестится, спѣшитъ на другую сторону улицы и шепчетъ:

— Господи! да это никакъ бурса тронулась!

Хорошо, что она догадалась перейти на другую сторону, а то нашлись бы охотники слѣлать ей *смазь*, и *верховую*, и *боковую*, и *всеобщую*.

Ѣдетъ ломовой извозчикъ. Аксютка прѣсерьозно обратился къ нему:

— Дядя, а дядя!

— Чего тебѣ? отвѣчалъ тотъ благодушно.

— А зачѣмъ, братецъ, ты гужи-то съѣлъ?

Крючники, лабазники и ломовой народъ тарифъ не могутъ, когда ихъ обзываютъ гужедами.

— Рукавицей закусилъ! прибавилъ кто-то.

Мужикъ озлился и загнулъ имъ крутую брань.

Когда шли по берегу рѣки, на которой уже стояли весенніа суда, *Сатана* сдѣлалъ предложеніе:

— Господа, крикнемте «посматривай!»

— Начивай!

Сатана началъ, и вслѣдъ за нимъ, востой въ соромъ, разда-
лось надъ рѣкой: «посматривай!»

На баркахъ мужики съ переполоху повскакала, пехонирная
чтобы значилъ такой громадный крикъ. Когда они разобрали въ
чемъ дѣло, начали ругаться; слышалось даже:

— Эхъ, ребята, въ колѣ ихъ!

На это имъ отвѣтомъ было:

— Тупорылые! Аншпугъ съѣлъ!

— «Посматривай!» хватили бурсаки что есть силы.

Надъ рѣкой повисла крѣпкая ругань.

Наконецъ подъ предводительствомъ солдата-педагога *Ело-*
сова ученики добрались и до торговыхъ бань. Пары остано-
вились. *Еловый* у двери пропускалъ по парѣ, выдавая казенно-
коштнымъ по миньютюрному кусочку мыла. Своекостнымъ во
волагалось. Затѣмъ пары отправлялись въ предбанникъ, по до-
рогѣ покупая вѣшничъ и мочалку, потомучте ни того, ни дру-
гого назна не давала ученикамъ. Пары бѣгомъ бѣжали одна за
другой, бросаясь въ двери предбанника. Въ дверяхъ была дав-
ка: всякій снѣшилъ захватить шайку, которыхъ не хватало по-
крайней мѣрѣ для третьей части учениковъ, вслѣдствіе чего они
должны были сидѣть около часу, дожидаясь, пока кто-нибудь
не освободится. При этомъ *Аксютка* съ *Сатаной* разумѣется былъ
съ шайками. Черезъ четверть часа баня наполнилась наро-
домъ, огласившимъ воздухъ безшабашнымъ гвалтомъ. Негдѣ
было яблоку упасть; всѣ снамейки заняты; иные сидятъ на по-
лу, иные выбрались въ ящики, устраиваемые для одежды мою-
щихся. Старшіе, цензора и прочія власти занимаютъ отдѣльную,
довольно чистенькую комнатку, назначаемую содержателями для
лицъ почетныхъ. Дѣти, потѣшаясь, клещутъ другъ друга ладо-
нами по голому тѣлу. Большинство отправилось въ паровую ба-
ню. Бурсаки страстно любятъ париться. Полокъ брали присту-
пкомъ; вѣрѣна слышалось затрещивы, которыхъ бурсакъ вку-
паетъ при всякомъ случаѣ достаточное количество. Тава ста-
нцалъ криго-то за волооа, со своею, какъ онъ говорилъ, мѣста.

— Катца! кричитъ Тава.

— Что? отъѣзжаетъ тотъ подобострастно.

— Поддай еще!

— Ненадо! отвѣчаютъ голоса.

— Я вамъ дамъ не надо!

— А съ дождемъ (лицо) хочешь?

Это былъ голосъ Бенелядова. Съ нимъ Тавля не сталъ разговаривать. Онъ опять кривить.

— Катька! встаешь предо мной какъ листъ передъ урагой!

Катька явился:

— Окати меня.

Окатишь.

— Шарь меня!

Катька парить его. Тавля отъ удовольствія страшно грего-четъ.

На полкѣ продолжалась возня; стонуть, грегочить, визгъ съ присвистомъ и клестъ горячаго березняка. Вонь пробирается несчастный *Ляма*. Онъ былъ парія бурсы. У *Лямы* какое-то скверное, точно гнилое лицо, въ пятнахъ, рябов; про это лицо бурсаки говорили, что на немъ ножи точить можно. Куда онъ ни приходилъ, воздухъ дѣлался противнымъ и вреднымъ для легкихъ, потому что этотъ запахъ у него былъ и за пазухой, и на синиѣ, и въ карманахъ, и въ волосахъ. Это несчастное существо право кажется перестало быть человѣкомъ, было просто живое и ходячее тѣло человѣче. Проклятая бурса сгноила *Ляму*, буквально сгноила *Ляму*. Товарищи него-чтобы ненавидѣли его, а чувствовали къ нему отвращеніе, и даже рѣдко кто находилъ удовольствіе обижать его. Не повѣрять, что изъ пятисотъ человѣкъ въ продолженіи восьми лѣтъ не нашлось никого, кто бы рѣшился не только дать ему руку, но и сказать ласковое слово. Нетолько ученики его презирали, но даже начальство и прислуга. Мы смазали, что бурса сгноила его тѣло: это въ собственномъ смыслѣ надо понимать. Онъ долженъ былъ по приговору начальства и товарищества жить и поевать въ спальнѣ, которая была отведена для такихъ же, какъ онъ, отторженниковъ бурсы, двѣнадцати человѣкъ. Дѣло въ томъ, что были ученики, страдавшіе извѣстною болѣзнію, которая въ дѣтскомъ возрастѣ не составляетъ еще болѣзни, а зависитъ отъ неравности организма. Никто объ нихъ не заботился, не лечилъ. Бурсакая казна не купила для нихъ даже клеенки, чтобы предохранить

тюрема от сырости и гниль; вмѣсто этого страдавшій этою болѣзнию имѣлъ обыкновеніе въ училищѣ съѣзъ голонищави. Честное слово, что въ тюфляхъ завелось черви, и несчастные должны были спать чисто на гвоздяхъ. Спросятъ, отчего же эти ученики сами себя не жавѣли и не просушивали своихъ тюфляковъ по утрамъ? Понявая въ каторжнѣй померъ, въ поторѣ приходилось дышать подожительно замороженнѣмъ, ледянтѣмъ воздухомъ, ощущать подъ своими тѣломъ смедленно роѣ червей, быть въ презрѣніи у всѣхъ, — они дѣлались до цѣлѣна неопрятны и внодѣ равнодушны къ своей личности; они сами себя презирали. Вотъ фактъ: *Лиза* дошолъ до того, что глегалъ мухъ и другихъ насѣковыхъ, съѣлъ однажды ледѣ бумага, вымазаннѣй деревяннѣмъ масломъ, ѣлъ салныи огарки.

Лиза уныло шатался по банѣ, высматривая гдѣ бы добыть шайку. Онъ подошолъ къ *Хорю*, тоскливо и канниъ-то драбнѣмъ голосомъ проговорилъ:

— Дай шачки, когда вымоешься.

Нищій стороуѣднаго класса, *Хорь* даже не отношенію къ *Лизѣ* сумѣлъ выдержать роль нищаго. Онъ отвѣчалъ:

— Три копѣйки, такъ дамъ.

— У меня самого только двѣ.

— Давай ихъ.

— Чтоже у меня останется?

— Ну, давай пять паръ костяжекъ.

— У меня ихъ нѣтъ.

— Убирайся же къ чорту, fraterculus (братецъ)!

Онъ подошолъ къ *Сатань*, которому кромѣ этого было другое прозвище: *Ірсе* (самъ). Его никогда не звали собственнымъ именемъ, и мы не будемъ звать его. Черти, смотря потому, къ какой націи они принадежатъ, бываютъ разнаго рода. Есть чортъ нѣмецкій, чортъ англійскій, чортъ французскій и проч. Онъ ни на одного изъ нихъ не походитъ. *Ірсе* былъ даже и не русскій чортъ; нашъ національнѣй бѣсъ честенъ, веселъ и отчасти глуповатъ: такъ онъ представляется въ народныхъ сказкахъ и легендахъ. *Ірсе* былъ чортъ-самородекъ, духъ того ада, которому имя бурса. Въ качества чорта онъ и служилъ такому челевѣку, именѣ воръ *Аксютка*. Его прозвали *Сатаной* за его характерецъ. Въ училищѣ существовалъ мелѣпнѣй обычай дражить товарищей, особенно новичковъ. Я сейчасъ объясню

что это значитъ. Сокращались трие или четверо подражннхъ чего-нибудь. Они приставали къ своей жертвѣ: Сначала насмѣлялись надъ ней и ругали ее, потомъ начинались ломать и ломали, наконецъ дѣло кончалось швыряемн, смеламн, злоудѣйствіемъ. Задача технхъ женщинъ развлекатн состояла въ томъ, чтобы довести свою жертву до бѣшенства и слезъ. Когда цѣль достигалась, учителя съ хохотомъ бросали свою жертву, которое часто доводило до самоубвенія и ослепенія; такъ Алимн (оскн) прошнлъ кочергой голову Идале, который вывелъ его изъ себя. Въ такого рода потѣлкѣ всегда принималъ дѣятельное участіе Сатана; врядъ ли былъ другой мастеръ дразнить, какъ Ире. Онъ рѣшался раздражать даже тѣхъ, кто былъ снльнѣе его. Назойливѣе, неотвзвнчивѣе Сатаны трудно себя представить что-нибудь. Иногда онъ систематически прнзывался съ утра до вечера, въ продолженіи трехъ дней и болѣе, не давая ни на минуту покоя. Его часто бивали, и жестоко; но ему все было нипочемъ. Онъ былъ какой-то околоченный, дерзанный. Только Асютка могъ укрещать его, но и то потому, что Сатана благоговѣлъ предъ бурзакнмъ геніемъ Асютки.

Къ такого-то рода господину обратился съ просьбою о шайкѣ Лява.

— А вывернись! отвѣчалъ ему Сатана.

— Мнѣ не вывернуться.

— Волоса вѣдь мокрые?

— Я не окачивался.

— Окатишь! вотъ и шайку дамъ.

— Нѣтъ, не могу.

Лява всталъ въ раздумн, не зная, вывернуться или нѣтъ. Когда предлагали вывернуться, то ученикъ подставлялъ свои волосы, которые партнеръ и забиралъ въ пасть. Ученикъ долженъ былъ высвободить свои волосы. Державшій за волосы имѣлъ право запустить свою палочку только разъ въ голову товарища, и когда мало-помалу освобождался волоса, онъ не имѣлъ права углубляться въ нихъ вторично. Мокрые волосы многіе вывертывали очень ловко. Впрочемъ бывали артисты, которые рѣшались вывертываться и съ сухими волосами: въ числу такихъ принадлежалъ самъ Сатана. Ире, видя, что Лява не рѣшается, сказалъ:

— Ну ладно, подожди, только выжидай.

— Вотъ спасебѣ-то! сдѣлалъ *Алиа* радостно!

Онъ носилъ воду *Сатана*, окатывалъ его, стараясь выслушаться и получить шайку; наконецъ *Сатана* вымылся въ *Лягва* съ радостнымъ выраженіемъ лица протянулъ руку къ шайкѣ.

— Эй, ребята! закричалъ *Сатана*. — Чтоже ты, *Ipse*?

Но голосъ *Лягвы* вопіялъ какъ въ пустынѣ. Человѣкъ пятнадцать налетѣло на призывъ *Сатаны*.

— На-шарапъ!

Сатана покатиалъ шайку по скользкому полу. Всѣ бросились на нее самымъ хищнымъ образомъ.

Толкотня, шумъ, ругань и затрещины.

Наконецъ, когда вымылся многіе, шаекъ освободилось достаточное количество. *Алиа* добылъ шайку и началъ съ ожесточеніемъ намыливать голову, но лишь только волоса его и лицо покрылись густой пѣной мыла, какъ *Сатана*, пернувшійся зачѣмъ-то въ баню, вырвалъ у него шайку и сдѣлалъ ему смазь всеобщую. *Лягва* въ испугъ раскрылъ широко глаза, пѣна пробралась за рѣсницы и онъ ощутилъ въ нихъ ѣдкое щипанье, но дѣлать было нечего; прищуриваясь и протирая глаза, онъ добрался кое-какъ до крана и промылъ здѣсь ихъ.

Между тѣмъ многіе уже вымылись; сдѣлалось гораздо тише въ банѣ, хотя и слышны были иногда греготанье, брань и проч., что читатель, ознакомясь нѣсколько съ бытомъ бурсы; самъ уже можетъ вообразить себѣ.

Перейдемте въ предбанникъ. Гардеробникъ выдавалъ казеннымъ бѣлье. Ученики отправлялись въ умывальне не парами, а кто успѣлъ вымыться, тотъ и убирался во-своея.

Вотъ тутъ-то и наступалъ праздникъ бурсы. — Теперь, дѣдушка, слѣдуетъ *деинуть* отъ всѣхъ скорбей, говорила *Бенсалалъ* Гороблагодатскому.

— То-есть столбуху воды, яже наче всякаго глагодемаго бога или чтлища?

— Въ *Зеленецкій* (кабакъ) *держанель*.

— Только вотъ что: первая перемиѣна *Долбежина*.

— Тамъ чтоже?

— Запѣтить, *отчелвоснитъ* (высѣчетъ).

— Съ какой стати онъ запѣтить?

— Развезотъ нослѣ банн-то на тещакъ.

— А ны сначала потрескаеть, а потомъ ровняется одну лашу шибанею.

— А, была-небыла, влетъ!

— Тахъ надричай (дѣйствууй), жидо!

При баняхъ всегда бывають торговцы, которые продають сбитецъ, молоко, кисляя щи, квась, булки, сайки, кренделя и пряники. Здѣсь идетъ великое столованье, Человѣкъ двадцать ѣдятъ и пьютъ. Второкурсные безстыдно, а напротивъ важно и съ сознаниемъ своего достоинства пожирають и пьютъ чужое. Докрасна распаренныя лица бурсаковъ дышать наслажденіемъ. Нищій второкурснаго класса Хорь шатается между гостями и по обыкновенію *кальчатъ*. Ему сегодня везетъ: тамъ ему отщипнуть кусочекъ булки, здѣсь онъ просить: «дай, голубчикъ, разокъ хлѣбнуть» — и ему даютъ благосклонно, послѣ чего датель продолжаетъ пить изъ того же стакана: Только аристократы засѣдаютъ въ трактирѣ, виноторговлѣ или кабацѣ, смотря по вкусу и расположенію духа. Огромное большинство не можетъ полакомиться и двухгрошовымъ стаканомъ сбитня, или полтора-копѣечною булкою. Оно смотритъ съ завистью и жадностью на угощающихся, особенно на второкурсныхъ, и щелкаетъ зубами. Изъ этого большинства выдѣлилась довольно большая масса учениковъ, которые не останавливались глазѣть около лавочки предбанника или *кальчатъ*, а отправлялись на промыселъ, высматривая по улицамъ и базару, нельзя ли гдѣ-нибудь что-либо стянуть. Аксютка однако успѣлъ стащить сайку въ лавочкѣ же.

Шли кучками и въ разбивку ученики. Въ эту минуту вся торговая окрестъ трепетала. Надобно замѣтить характеристическую черту бурсацкой морали: воровство считалось предосудительнымъ только относительно товарищества. Было три сферы, которыя по нравственному отношенію къ нимъ бурсака были совершенно отличны одна отъ другой. Первая сфера — товарищество, вторая — общество; то-есть все что было внѣ стѣнъ училищныхъ, за воротами его: здѣсь воровство и скандалы одобрялись бурсацкой коммуной, особенно когда дѣло велось хитро, ловко и остроумно. Но въ такихъ отношеніяхъ къ обществу не было злости или мести; позволялось красть только съѣдобное: поэтому обокрасть лавочника, разносчика, сидѣльца уличнаго — ничего, а украсть, хоть бы на сторонѣ; деньги, одежду и тому подобное считалось и въ самомъ товариществѣ мерзостью. Третья

собра .. начальство: ученики гадкии лгу, злорадство в съ местию. Такъ сложилась бурсацкая этика. Теперь ордына, отчего это, когда Аксютка стянулъ сайку, никто изъ судѣвшихъ его товарищей не остановилъ его: то было бы въ глазахъ бурсы-финансизма. Тешаръ такое понятие, отчего это въ бурсацкомъ языкѣ такъ много самобытныхъ фразъ и рѣченій, выражающихъ понятіе кражи: вотъ откуда всѣ эти *сболдани, слясоми, старам, синбрили, обьгорили* и тому подобныя.

Наши герои и пошли бондить, лясать, вереть, тибриль, обьгоривать.

Главными героями были Аксютка и Сатана — единый и какбы единственный (выраженіе изъ одного нелѣпаго, варварскаго языка изложеннаго учебника бурсы).

— Сатана!

— Что тебѣ?

— Ipse! крикнулъ Аксютка.

— Да что тебѣ?

— Потирай руки!

— Значить на лъвую ногу можно обдлать (надуть кого-нибудь, украсть)?

— Ужь ты помалчивай.

— Купимъ на пятакъ, сожремъ на четвертакъ!

— Вотъ тебѣ гривеникъ, сказалъ Аксютка.

— Что расщедрился вдругъ?

— Пойдемъ въ мелочную: видишь, отворена ужь. Ты торгуйся, да смотри по мелочамъ; мучки, скажи, для прибортки въ супъ, на кипѣчку (копѣчку), цикорьицы на грошъ, перечку на копѣчку, лучку на грошъ, клею на копѣчку, махорки на грошъ, леденчиковъ и постнаго масла ужь на двѣ.

— Во что же масла-то брать?

— Да ты Сатана ли? Ты ли мой любезный Ipse?

Аксютка сдѣлалъ ему смазь всеобщую. Сатана не разсердился на него, предвидя поживу. Онъ только по обыкновенію сдѣлалъ изъ фалдъ нанковаго сертука хвостъ и описалъ имъ три круга въ воздухѣ, приговаривая:

— Я Ipse.

Аксютка сталъ обьяснять ему:

— По мелочамъ, будешь брать, долыше времени пройдетъ.

Когда спросишь всланища, скажи, что забылъ дома бутылочку, и не отставай, проси посудинки.

— *Облепенили!* Аксютъ, ты умнѣ Сатаны!

— Ты долженъ звать меня Аксютъ Ивановичъ.

Саманъ была пожалована при этомъ смазь. *Саманъ* вытиснулся во фронтъ, едѣлазъ себя на головѣ пальцами рожки, едѣлазъ на своей широкой рождѣ смазь *вселенскую* и въ заключеніе вернулъ хвостомъ трижды. Прозвали его *Саманой*, и подарокъ: какъ есть сатаца съ хвостомъ и рогами.

Планъ ихъ вполне удался. У Аксютки чрезъ четверть часа оказалось краденаго: двѣ булки, банка малицоваго варенья, краюха полубѣлаго хлѣба и десятка два картофелю. Ноздри Аксютки раздувались какъ маленькіе паруса, — всегдашній признакъ того, что онъ либо хочетъ украсть, либо укралъ уже.

— Теперь, скакая играше *веселыми ногами*, *оо жабачару!* командовалъ невинный мальчикъ Аксюша.

Другое невинное дитя, мальчикъ *Ipse*, скорчилъ рожу на номеръ седьмой, на которой выразились радость и одобреніе.

— Знаешь что я *отмечиль?*

— Что?

— Наплевалъ въ кадушку съ капуетой.

— И-го-го-го! заржало *сатанинское* горло.

Училищный и увячный тать Аксютка былъ человекъ необыкновенный, талантливый, человекъ сильной воли и крѣпкаго ума, но его сгубила бурса (впрочемъ отчасти и домашнее воспитаніе), какъ она сгубила сотни и сотни несчастныхъ людей. Въ самой системѣ и характерѣ его воровства сказалась сильная натура, — сильная, но погибшая нравственно. Онъ воровалъ артистически. Этотъ каторгорожденный не могъ стянуть безъ того, чтобы зло не подшутить надъ тѣмъ, у кого онъ кралъ. Когда онъ забирался въ сундукъ, *ляпсилъ* булку, *тибрилъ* бумагу, *бондилъ* книгу и проч., — гдѣ бы другому бѣжать, а онъ не то: онъ сходить за камнями или грязью и накладаетъ ихъ въ сундукъ вмѣсто краденаго. Иные, зная его какъ вора и желая задобрить (случается у насъ и не въ бурсѣ задобриваютъ воровъ, чтобы они не нагадили), приходили къ нему съ приношеніями, но онъ отказывался отъ приношеній, играя роль честнаго человека, котораго оскорбляетъ взятка. Вотъ примѣръ. Прислали изъ деревни одному ученику *швигочекъ* толочка. Онъ зналъ, что Аксютка видѣлъ

присылку, и былъ вродѣ убѣжденъ, что Аксютка украдетъ толокно; поэтому ученикъ зарѣзалъ къ Аксюткѣ съ акциденціей, предлагая ему около двухъ горстей толокна. Аксютка сказала: «Я не могу дать толокна.» А у самого неадри поднялся и опустился. Аксютка дождалась сыграть остроумно-воровскую шутку. Когда успокоенный товарищ ваднулъ въ парту мѣшокъ съ толокномъ, Аксютка подкрался легче нажели блока скалеть по волу, подъ парту *толоконника* и выкралъ мѣшокъ. Сразу же послѣ этого онъ подошелъ къ *толоконнику*, и умалчивая гблосомъ сказалъ ему: «Братецъ, ты общалъ мнѣ толокна, такъ дай.» Тотъ похѣвъ въ парту; толокна не оказалось. Аксютка обругала его, сказавъ: «Свинья! общалъ, а не дашь; а за это тебѣ отплачу!» — отвернулся; неадри его, раздумываясь какъ паруса, и на рожѣ отсвѣчивалось сознание своей силы въ воровствѣ. Черезъ полчаса онъ подошелъ къ окраденному мнѣ товарищу и сказалъ: «Не хочешь ли толокна?» — Аксютка меркала на ладони толокно. — «Это мое?» — «Нѣтъ, мнѣ самому мамаша прислала.» — «Скотина, вѣдь у тебѣ и матери-то нѣтъ!» — «Я говорю про крестную мамашу.» Таковъ былъ Аксютка. Форменно онъ былъ искусникъ *мнѣваться можамъ*. Зѣвъ мы опишемъ еще одинъ характеристическій обычай бурсы. Обыкновенно кто-нибудь кричалъ: «съ кѣмъ ножичками мнѣваться?» Когда выискивался охотникъ на мѣну, тогда между ними начиналась слѣдующая предѣлка. Оба они выставляли на показъ другъ другу только концы ножей; тогда слѣдовало угадать, стоитъ ли рѣшаться на мѣну, чтобы вмѣсто хорошаго ножа не пришлось получить дурной. Вотъ въ этомъ-то дѣлѣ былъ особенно искусенъ Аксютка.

Мы убѣждены, что его участь — каторга. Но исключени изъ ученика онъ сначала поевался на постоломъ дворѣ, гдѣ за трехкѣтѣки суточнаго жалованья, при помощи и тарчакъ хозяйскихъ, онъ рубилъ капусту, таскалъ дрова, топилъ печи, мѣсалъ дѣбѣ и тому подобное. Но ему скорѣ накучивалъ честный трудъ, онъ обокралъ своего хозяина и утекъ отъ него. Послѣ того его встрѣчали одинъ разъ въ подрысникѣ, другой — въ гулуфѣ, третій разъ во франкѣ, — словомъ онъ изъ училищнаго вѣфа слѣдался всесвѣтвымъ мошенникомъ. Напрактиковавшись во *десятой школѣ* (такъ древними бурсаками называлась школа ищанешнаго общества, которая слѣдовала за восьмикласснымъ обученіемъ

въ бурѣ), онъ поступилъ на службу въ качествѣ дьячка, но скоро за пьянство и буйство (онъ расшибъ стекла у городничаго) былъ сосланъ на тяжелую работу въ какой-то бѣдный монастырь. Выдержавъ курсъ церковнаго покаянія, Аксютка поступилъ въ соборный хоръ пѣвчимъ, но его протурили оттуда едвали не за разбой. Аксютка при этомъ долженъ былъ переимѣнить духовное званіе на нѣщанское. Самое важное дѣло Аксютки то, что онъ хотѣлъ зарѣзать бывшаго своего благочиннаго. По этому дѣлу онъ былъ оставленъ въ подозрѣніи. Страшенъ этотъ человекъ, но напередъ можно сказать, что ему осталась одна торная дорога — владиміровка, по которой идутъ сотни нашихъ каторжниковъ, и посреди этихъ сотенъ Аксютка будетъ одинъ изъ самыхъ отпѣтыхъ.

Теперь мы будемъ продолжать о другихъ.

Хищная буреа разсыпалась повсюду.

Старая, оборванная баба, бывшая нѣкогда камеліей низшаго сорта, которыхъ прозвище — ночныя крысы, терзаетъ, для поддержанія своего дряхлаго тѣла, ободраными лимонами, растрескавшимися какъ сухая глина, врянниками, сѣройгѣми булками и другимъ неудобоваримымъ отребьемъ. Когда она заздѣла возвращавшуюся домой бурсу, то какъ мать, защищающая свое дѣтище отъ волка, она прикрыла гнилое сухолетіе грязной тряпичей и дырчатымъ передникомъ.

Во однажды обокрала, но теперь бурсанамъ не удалось утащить на одной черствой булки изъ-подъ вретнища отживающей женщины. Буреаки на этотъ разъ ограничились одной лишь бранью съ несчастной женщиной.

Въ другомъ мѣстѣ промыслы учениковъ были удачны.

Слепѣки открыли длинное и широкое окно. На доскахъ дышать легинизъ паромъ только-что испеченныя сайки. Хотя зорко веровской глазъ бурсаковъ сразу же замѣтилъ, что тутъ трудно было поживиться, но ученики все-таки обнюхиваютъ мѣстность и вотъ съ радостью дѣлаютъ открытіе, что въ другомъ отдѣленіи саечной пекарни на доскахъ разложено сырое тѣсто. Слепѣки не ожидали нападенія съ этого пункта и не защищали его отъ воровъ. Буреаки, подъ предводительствомъ хищнаго Хорька, прокрались въ пекарню и стали хватать тѣсто, торопливо пряча его въ карманы сертуковъ и брюкъ. Едва они слышали шаги саечниковъ, мгновенно скрылись и черезъ минуту ихъ не было даже

на базарѣ. Спросить, к чему бы ученикамъ нужно было сырое тѣсто: неужели они съѣдятъ его сырымъ? Нѣтъ, они ухитрятся спечь его на вьюшкахъ въ трубахъ поутру топленыхъ печей, и хотя оно выйдетъ съ сажей — ничего! бурсаку и то на руку.

Теперь расскажем еще событіе.

Трое великовозрастныхъ зашли по дорогѣ къ пѣвчому, своему исключенному товарищу. Пѣвчаго нашли они лежащаго на постелѣ и страдающаго похмѣльемъ. Къ нему въ то время долженъ былъ зайти сапожникъ, затѣмъ чтобы получить съ него долгу три рубля. Пѣвчій наканунѣ того дня съ клятвою и божбою обѣщался ему заплатить непременно, но изъ запасныхъ денегъ у пѣвча осталось около половины.

— Чтò братцы, дѣлать? вскричалъ встревоженный пѣвчій.

— Живо сюда! отвѣчалъ ему одинъ изъ великовозрастныхъ.

— А что?

— *Объясоримъ. Ложись сейчасъ на столъ.*

— Затѣмъ?

— Не разговаривай, а ложись.

Поставили столъ въ переднемъ углу, подъ образами. Пѣвчій улегся на столъ, въ головахъ его зажгли восковую свѣчку, покрыли его бѣлой простыней; одинъ великовозрастный взялъ псалтырь, подошелъ къ пѣвчому и сказалъ ему:

— Умри!

Тотъ притворился мертвымъ. Бурсакъ сталъ читать надъ нимъ псалтырь, какъ надъ покойникомъ, скорчивъ великопостную харю.

Вошелъ сапожникъ, и услышавъ монотонное чтеніе, понялъ, что въ дому есть мертвый. Онъ набожно перекрестился.

— Кто это? спросилъ онъ.

— Товарищъ, отвѣчали ему печально.

— Который это?

— Барсукъ.

Сапожникъ сначала почесалъ въ затылкъ, подумавъ про себя: «Эхъ, пропали мои денежки!» но потомъ умилился духомъ и сказалъ бурсанамъ:

— Вѣдь вотъ, господа, за покойникомъ—то долгишка осталась, да ужъ Богъ съ нимъ: грѣхъ на мертвомъ искать.

— Вотъ и видно добраго человѣка! было отвѣтомъ: — его признаться и похоронить непацто. Началъ, братъ, ты доброе дѣ-

мо, такъ и кончилъ бы: дай что-нибудь на поминки бѣдному человеку!

Сапожникъ вынулъ полтину и подалъ имъ. Тѣ благодарили его.

Сапожнику естественно захотѣлось взглянуть на мертвого. Онъ перекрестясь проговорилъ:

— Дай хоть взгляну на него.

Барсукъ до того притворился мертвымъ, что хотъ сейчасъ тащи на кладбище. Открывъ его лицо: спохватясь оно было блѣдно и имѣло жертвенный видъ.

Сапожникъ, по православному обычаю, приложился губами ко лбу пѣвчаго, а тотъ, сбѣлавъ водъ простыней свѣгу, думалъ про-себя:

— Вотъ-те кукишъ! а не свѣчка.

Когда сапожникъ удался, мертвый воскресъ и съ дикимъ хохотомъ вскочилъ на столъ.

— Теперь, ребята, поминки справлять.

— Четвертную!

— Огурцовъ да селедку!

То и другое было мигомъ добыто и полъ разными духовными канты, веремѣшывая ихъ свѣхомъ и ветротами, справляли номинальную тризну о упокоеніи раба божія Барсука.

Бурсаки съ торжествомъ и гордостью передавали другъ другу расказъ объ этомъ событіи.

Но дѣло это не кончилось.

Спустя мѣсяць времени, сапожникъ встрѣтилъ подъ вечеръ Барсука.

Барсукъ и тутъ нашолся.

Скрестивъ руки и сверкая глазами, онъ грозно приблизился къ сапожнику и дикимъ голосомъ возопилъ:

— Неправедные да погибнуть!

Сапожникъ растерялся: ему представилось, что онъ видитъ покойника, который веротился съ того свѣта, чтобы наказать его за то, что онъ дерзнулъ придти къ мертвому и требовать отъ него свой долгъ. Онъ перекрестился и съ ужасомъ бросился бѣжать, но глаза глядятъ. Долго онъ потомъ расказывалъ, какъ являлся къ нему мертвецъ и хотѣлъ утащить его едва ли не въ чиртарары.

Этотъ случай еще болѣе утѣшалъ бурсу.

Последній скандаль изъ банныхъ потождеиій бурсановъ.

Мехалка, воровски пробираясь по базару, увидѣвъ, что въ приличной лавкѣ отворена дверь, заглянулъ въ нее. Онъ увидѣлъ въ ней торговца, который стоялъ въ дальнемъ углу, къ двери спиною. Мехалка былъ не тактикъ, а стратегичеиъ, и много неразуждая, стремительно бросился на привикъ изъ стычныхъ ковригъ, который былъ величинею съ добрую доску, и потомъ выбѣжалъ вонъ изъ лавки. За нимъ съ крикомъ «грабать!» устремился торговецъ. Мехалка, обремененный ношею, бѣжалъ медленно и былъ въ опасности человека, котораго сейчасъ треснуть по шеѣ. Онъ употребилъ слѣдующій стратегическій приемъ: выждалъ приближенія къ себѣ торговца, и неожиданно обернувшись къ нему, поднялъ надъ головой ковригу и ударилъ ею въ лицо торговца. Потомъ пустился съ обломкомъ ковриги, оставшимся въ его рукахъ.

Мехалка былъ замѣчательная личность. Это не воръ, а чисто разбойникъ. Извѣстно было, что онъ, выходя изъ церкви, схватилъ попавшуюся ему навстрѣчу собаченку и разшибъ ей голову о тумбу, а потомъ закусилъ свой подвигъ саломою свѣчею. Зато хотѣли его отпороть не на животь, а на смерть. Но по случаю страстной недѣли и пасхальной, экзекуція была отложена до Фоминой. Когда наступилъ день возмездія и подъ предводительствомъ смотрителя вошли въ классъ четыре солдата съ огромнымъ количествомъ розогъ, у Мехалки засверкали глаза какъ у дикаго звѣря, и онъ, энергически сжавъ кулаки и стиснувъ зубы, бросился къ отворенному окну и вскопчалъ на подоконникъ съ быстротою кошки. (Классъ былъ во второмъ этажѣ).

— Только подступись, размножу себѣ голову о камни! вскричалъ онъ. На убѣжденія смотрителя покориться онъ отвѣчалъ, что бросится съ высоты второго этажа и тѣмъ накажетъ начальство. Смотритель плюнулъ и ушелъ. Мехалкѣ за такія дикости вручили волчій паспортъ.

Извѣстно, что впоследствии онъ, Аксютка и еще одинъ артистъ нацѣлились въ кузницу чернорабочими. Мехалка, работая здоровымъ молотомъ по наковальнѣ, добывалъ себѣ грошъ на свой образецъ, вмѣстѣ со своими товарищами. Забрался онъ на соседній дворъ, разломалъ тамъ извозничьи дромки и все жельзо утащилъ къ себѣ въ кузницу. Карьера его кончилась дья-

чествомъ и онъ сдѣлался истиннымъ мучителемъ своего священника.

Вотъ вамъ, господа, веселая картинка бурсацкой бани, въ повѣсти о которой одни лишь голые факты. Къ нимъ нечего прибавлять, они сами за себя говорятъ.

Послѣ бани бурсаки, поѣвъ всего краденаго, были въ добромъ расположеніи духа; меньше раздавалось швычковъ и податыльниковъ, рѣже творилось всеобщихъ смазей, и вообще въ классѣ сравнительно было довольно тихо и скромно.

Въ Камчаткѣ собралось нѣсколько человекъ и ведутъ бесѣду о старинѣ и древнихъ герояхъ бурсы. Митаха занималъ среди нихъ первое мѣсто.

— Эхъ, господа! то ли дѣло было въ старину!

— Въ старину живали дѣды веселѣй своихъ внучать.

— Зато братъ и пороги, сказалъ Митаха.

— А что?

— Да вотъ вамъ случай.

— Расскажи, братъ, Митаха, расскажи.

— Только чуръ не перебивать.

Митаха началъ:

— Были у насъ три брата: *Каля, Миля и Жуля*. Это были силачи тогдашняго времени и обыкновенно занимались шитьемъ сапоговъ. Они однажды отправились въ городъ съ товарищами, чтобы кутнуть хорошенько на сторонѣ. Кутнули добре. Когда шли назадъ, то орали пѣсни на пять улицъ и встрѣтились съ казаками. Тѣ пригласили ихъ молчать. Наша братія ругаться. Драка. Бурсаки отдули казаковъ на обѣ корки и утекли въ училище, будучи увѣрены, что ихъ дѣло шито-крыто. Анъ нѣтъ: на другой день начались розыски. Все вслыло наружу. Вотъ была порка-то! Драли тогда подъ колокольчикомъ, среди двора, слѣва и справа, закачивали штукъ по триста.

— Братцы, я вотъ тоже знаю... заговорилъ одинъ.

— Сказано, не перебивать! отвѣтили ему.

— Сволочь!

— Животина!

— *Маэна!*

Замѣчательно, что въ бурсѣ *Мазена* было ругательное слово, и вѣроятно основаніе тому историческое; но во времена нами описываемой бурсы изъ пятисотъ человѣкъ врядъ ли пятеро знали о существованіи *Мазены*. Здѣсь это имя было слово нарицательное, а не общее. По преимуществу называли *мазенами* толсторожихъ. Въ бурсѣ все своеобразно и оригинально.

Бурсакъ, перебившій расказъ, замолчалъ.

— Ну такъ чтоже, Митаха?

— А вотъ слушайте. Собрались всѣ ученики на дворъ, пришолъ инспекторъ, явились сторожа, и принесена огромная куча расваренныхъ лозъ. Каля, Миля и Жуля стояли въ толпѣ. Ишь, братцы, усѣли товарищи вкатить передъ сѣченіемъ по полштофу водки. Растянули Калю, потомъ Милю, потомъ Жулю. Не хотя и драли ихъ пьяныхъ, хоть они и закусывали себѣ руку до крови, однако послѣ порки ихъ отливали водой и на рожекѣ стащили въ больницу замертво. Вотъ такъ *чехвостили*!

— А зачѣмъ они закусывали руку?

— Фаля!

— Бардадымъ!

— Вѣдъ закуси руку, такъ оттягиваетъ: укусишь руку, рукѣ больно, а сзади и не слышишь въ то время.

— Тогда же, братцы, вышелъ дивный случай.

— Ну-ка.

— При этой страшной поркѣ былъ одинъ приходскій ученикъ, только-что привезенный изъ дому, котораго мамаша гладила по головкѣ, а здѣсь онъ увидѣлъ, что глядятъ по другому мѣсту. Онъ былъ мальчикъ худенькій, маленькій, блѣдненькій, однимъ словомъ вовсе не бурсакъ, а сволочь. Какъ онъ увидѣлъ такую знатную порку, такъ чуть не умеръ со страху. Онъ сталъ учиться отлично и каждый шагъ слѣдилъ за собою, чтобы не заслужить розгу. Когда сѣкли кого-нибудь, онъ дрожалъ и блѣднѣлъ. Учитель замѣтилъ это и возненавидѣлъ его, потому-что терпѣть не могъ, когда кто-нибудь сильно кричалъ подъ лозами. Учителю захотѣлось попробовать, каковъ новичокъ подъ розгами. Придравшись къ какому-то случаю, онъ отпоролъ новичка такъ, что тотъ долго послѣ того таскалъ изъ тѣла своего прутья. Ученикъ послѣ порки уналъ въ обморокъ. Этимъ онъ окончательно вооружилъ противъ себя учителя, который сталъ преслѣдовать его и каждый разъ пороть жестоко. Ученику до-

того тяжело было жить, что онъ рѣшился бѣжать изъ университета. Его поймали. Тогда онъ сначала хотѣлъ повѣситься, но потомъ рѣшился на слѣдующую штуку. Дождлася онъ ночи, досталъ перочинный ножъ, разрѣзалъ себѣ руку в своей кровью написалъ на бумажкѣ: «дьяволъ, продаю тебѣ свою душу, только избавь меня отъ сѣчешья».

Вниманіе слушателей чрезвычайно было напряжено.

— Съ этой бумажкой, продолжала Митаха, — онъ залѣзъ ночью въ двѣнадцать часовъ подъ печь. Что тамъ съ нимъ было, неизвѣстно. Оттуда его вытащили замертво. Онъ говорилъ, что видѣлъ чорта. Начальство, узнавъ его продажку, вытолкло его подъ колоколонтъ, послѣ чего говорить онъ былъ снесенъ въ больницу, гдѣ отдалъ душу Богу.

Такой расказъ подѣйствовалъ даже на крѣпкое воображеніе бурсановъ. Разговоры смолкли и все впади въ раздумье. Ученики понимали, а въ эту минуту особенно ясно сознали, что и при ихъ житѣ-бытѣ подчасъ хотъ продавай душу чорту.

Когда впечатлѣніе нѣсколько ослабѣло, кто-то спросилъ:

— А кто изъ васъ, братцы, видѣлъ дьявола?

Никто не отозвался.

— А домового видалъ кто?

Оказалось, что домовыхъ видѣли многіе, а если кто самъ не видѣлъ, то зналъ такихъ, которые видѣли. Въ бурсѣ предразсудки и суевѣрія были такъ же сильны, какъ и въ простомъ народѣ: вѣрили въ лѣшихъ, домовыхъ, водяныхъ, русалокъ, вѣдьмъ, колдуновъ, заговоры и примѣты. Словомъ, эта сторона бурсацкой личности выражала глубокое невѣжество, которое начальство и не думало искоренять, потомучто и само нискогда было свободно отъ суевѣрія.

Въ бурсѣ была даже доморощенная кабалетиска. Такъ почти вся бурса вѣрила, что если вынуть изъ пера сухую перепонку и положить ее въ книгу, то забудешь урокъ изъ той книги; если же такую перепонку положить подъ тюфякъ спящаго, то съ нимъ случится грѣхъ, за который заставятъ поцѣловать Лягу. Считалось дурнымъ — книгу послѣ урока оставить открытою, потомучто урокъ забудешь. Когда кто-нибудь мистифировалъ, говоря, что идетъ учитель, ему кричали: «чего, сволочь, врешь-то? хочется, чтобъ злымъ пришолъ!» Для того же, чтобы не спросилъ учитель, была примѣта у нѣкоторыхъ учениковъ держаться

за макушку шибудь часть своего тѣла... Въ учившійся само время былъ даже свой туземный колдунъ. Это былъ ученикъ, прибывшій въ мѣстную бурсу изъ Кіева, и званъ Блуджи. Его прозвали такъ за то, что онъ, расказывая сказку, выговаривалъ иногда «бѣжале, бѣжали» — «бѣгуги, бѣгуги». Онъ браво уподоблялъ, у кого сколько въ деревнѣ коровъ, въ семействахъ сестеръ, въ карманѣ денегъ и т. п. Многие серьезно вѣрили ему.

Кстати, мы расскажемъ продолженіе Аксютки надъ Гришкецомъ. Аксютка вотъ уже цѣлую недѣлю подговариваетъ товарищей, чтобы они показывали Гришкецу, что серьезно считаютъ его за колдуна. Когда это состоялось, многие стали обращаться къ нему съ просьбою поворожить имъ. Гришкець сначала принималъ это за шутку, но товарищи выдерживали свою роль отлично, такъ что Гришкець наконецъ принялъ ихъ затѣю за чистую монету. Тогда онъ перепугался и сталъ умолять товарищей, чтобы они не считали его за колдуна. Но они, видя его тревогу, усилили свою назойливость. Гришкець едва не потерялъ разсудка. Когда Аксютка, сидя подлѣ него въ столовой, умолялъ Гришкеца научить его колдовать, то Гришкець обратился къ инспектору съ такими словами: «Я ейбогу, господинъ инспекторъ, не умѣю колдовать. Возьму ли я такой грѣхъ на душу?» И онъ крестясь увѣрялъ, что Аксютка вретъ все.

Чертовщина для разговоровъ бурсаковъ — предметъ неистощимый.

Но мы однако незамѣтно перешли опять къ воспоминаніямъ давнихъ дней. Мы приведемъ два расказа.

Ученикамъ было запрещено начальствомъ купаться, и по его приказанію полиція преслѣдовала бурсаковъ на рѣкѣ. Надзира- тель, видя что ученики не унимаются, рѣшился вочто бы то ни стало изловить ихъ и представить къ начальству. Кала, Мила и Жуля взбѣсился, и взявъ съ собою нѣсколько товарищей, на дру- гой же день нарочно отправились купаться. Нагрянуль надзира- тель и накрыль ихъ на мѣстѣ преступленія; но они схватили его, зажали ему ротъ, чтобы не кричалъ, и потомъ выкунали его. После этой операціи они завязали ему брюки у сапогъ, такъ что изъ нихъ образовались два мѣшка, и набили брюки мусоромъ до самаго пояса; послѣ этого съ хохотомъ бросили его и утѣкли во своеса. Несчастный долго барахтался, немогиши подняться съ

земли. Когда его освободили, онъ закачался безпокоють учениковъ.

Одному изъ товарищей надобно справить вшивны, а денегъ было всего пять рублей. Это было лѣтомъ. Идетъ нашъ бѣдняга со своими друзьями по берегу рѣки да горюетъ. Въ одношь итѣсть они натолкнулись на кучку рабочихъ, которые оставили свою барку и на берегу варили кашу. — Хлѣбъ да соль! говорятъ. — «Хлѣба—соли кушать». — Но безъ водки что за-ѣда? — «Гдѣ же ее взять?» — А вотъ деньги, сказалъ бурсакъ, подавая на полведерную. Мужики обрадовались и тотчасъ добыли водки. Бурсаки напоили ихъ до-пьяна и когда они удалились спать въ барку, то угнали ее, и вмѣстѣ съ мужиками продали.

Такіе рассказы и воспоминанія о подвигахъ бурсаковъ ученики всегда выслушивали охотно и съ полнымъ одобреніемъ.

Но ударилъ звонокъ и начались классы.

Мы сказали, что начинаются классы, а начинаются они слѣдующимъ образомъ.

- Поймалъ . . . ! сказалъ одинъ изъ камчатниковъ.
- Будетъ дождь.
- Я двѣ рядомъ.
- Будетъ съ градомъ.
- Вчетверомъ.
- Будетъ громъ.

Какой-то великовозрастный ни къ селу, ни къ городу сталъ подшолкивать словами :

— Разъ-два — голова, три-четыре — прицѣпили, пять-шесть — въ рядъ снести, семь-восемь — сѣно носимъ, девять-десять — сѣно вѣсить, одиннадцать-двѣнадцать — на улицѣ бранятся.

Потомъ другой великовозрастный, вытянувъ изъ сапога бѣрестяную тавличку, затянулъ благимъ гласомъ какой-то кантъ и зарядилъ носъ съ присвистомъ.

Въ училищѣ нюханье табаку было развито въ высшей степени. Иначе и нельзя: во время занятій, на которыхъ одна лампа о трехъ рожкахъ давала свѣтъ на сто и болѣе человекъ, по-неволѣ рблало въ глазахъ, а когда ученикъ зарядилъ поминку

табаку, то глаза его дѣлались на нѣсколько минутъ слѣпые. Въ время классовъ, изъ которыхъ каждый по два часа, монотонные отвѣты уроковъ учителю нагоняли непобѣдимый сонъ, — и вотъ когда ученикъ понюхаетъ табакъ, то поневолѣ раскроетъ глаза. Табакъ былъ запрещенъ начальствомъ, но товарищество не хотѣло и знать этого запрещенія. Табакъ покупался у Закаренки, который мололъ его изъ махорки и потому продавалъ довольно дешево. И въ отношеніи нюханья табакъ въ бурсѣ былъ свои особенностями. Такъ нюхали со свичка, брали перетвое, но особенно замѣчательно, когда табакъ раскладывался по указательному пальцу до кисти и вбирался въ носъ сильнѣею вдыханіемъ. Бывали пари, кто больше вынюхаетъ въ одинъ присѣлъ, и случалось, что задорный нюхальщикъ, рѣшившись на непосильную понюшку и принявъ ее, вадалъ въ обморокъ.

До прихода учителя ученики успѣли сыграть се краски. Выбрали изъ среды себя ангела и черта, выбрали хозяина; другимъ участникамъ въ игрѣ были розданы названія той или другой краски, которыя не сообщались ни ангелу, ни чорту. Вотъ приходить ангелъ и стучитъ онъ въ двери.

— Кто тутъ? спрашиваетъ хозяинъ.

— Ангель.

— Зачѣмъ?

— За краской.

— За какой?

— За зеленой.

— Кто зеленая краска, иди къ ангелу.

Въ свою очередь приходитъ къ хозяину чортъ, выбираетъ себѣ краску и уводитъ ее.

Такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока не разберутся всѣ краски. Тогда сила ангела становится одесную отъ хозяина, а сила дьявола ошуюю. Каждая изъ партій образуютъ изъ себя цѣпь, хватая другъ друга сзади за животы. Ангелъ и чортъ ещѣ плячутся руками, — и вотъ взревѣли и ангелы, и черти — и началась таскотня. Долго шла борьба, но чортъ таки одолѣлъ.

Вдругъ отворилась дверь. Въ классъ вошелъ господить огромнаго роста въ коричневой шинели. Все смолкло. Это былъ учитель Иванъ Михайловичъ Лобовъ. Цензоръ прочиталъ молитву «царю небесный». Ученики стояли, ожидая приказанія сѣсть. Сѣлъ. Великій педагогъ отравился къ столу, за которымъ

и тѣла на: вразуми, студѣ. Онъ ваялъ нотату. Многие задрогнули. Машего помощникъ, Лобова, кричула:

— Аксютка!

— Завѣсь, сѣло отвѣчалъ Аксютка.

— Ты спишь?

— Не могу учиться.

— А отчего до сихъ поръ учишься?

— Теперь не могу.

— Къ печатѣ!.. да воздусься го!

Аксютка озвалъ учителя. Онъ съ нимъ выдѣлывалъ штуки, на которыхъ никто не рѣшался. Этотъ отчасти описанный нами поръ имѣлъ отличныя способности, память у него была обширнѣйшая, и вѣроятно онъ былъ умнѣ всѣхъ въ классѣ; ничего не стоило ему прочесть урокъ раза два, и онъ отвѣчалъ его слово въ слово. Учатся считать было легко ему. Но онъ вдругъ прекращалъ заниматься, подражая учителя на зло. Его съ-классъ, но ничего не могли подѣлать съ нимъ. Тогда его послали въ Камчатку. Но лишь только онъ добивался своего, какъ опять начиналъ учиться отлично, его переводили на первую парту, и лишь только переводили, онъ опять зацѣдвалъ:

• Ай люли, люли, люли!

А въ нотатѣ все нули!

Послѣ такой пѣсни Аксютка опять ничего не дѣлалъ. Снова повторялось сѣченье. Онъ у Лобова нѣсколько разъ переходилъ изъ Камчатки на первую парту и обратно.

Наконецъ Лобовъ разсвирѣпѣлъ, и раздалось его грозное — на воздусься!

Тутчасъ же выскочили четверо парней, схватили его, раздѣли, взяли за руки и ноги, такъ что онъ повисъ въ горизонтальномъ положеніи, а справа и слева начались свистѣть лозѣ.

Возвалъ Аксютка, а все-таки кричать:

— Не могу учиться! вѣбогу не могу!

— Положите ему подъ носъ книгу.

Подложили.

— Уна!

— Не могу! хоть образъ со стѣны снять, не могу.

— Сейчасъ оно и учи!

На этотъ разъ Аксютка вразуму кричалъ, что не можетъ

улыться; потому что лежалъ подъ резанею, и учитель это сснвалъ, но все-таки продержалъ его висилицъ надъ книгой достаточно.

— Бросьте эту тварь.

Аксютка пробрался въ Камчатку.

— Дать ему *сугубое разд!*

Товарищи повсмакали съ парты, бросились на Аксютку и за- ридили ему въ голову *картечи*, то-есть штычковъ.

Взвыль Аксютка:

— Жогъ убейте, не могу учиться!

Лобовъ имѣлъ обыкновеніе ходить за классъ съ длиннншъ березовымъ хлыстомъ. Онъ поднялся съ мѣста и вытянулъ Аксютку вдедь спины, а тотъ взвыль.

— Ейбогу не могу учиться!

Лобовъ жало-прямалу уснековлся, и классъ продолжался обычнымъ порядкомъ. Спустя нѣсколько времени онъ при- нулъ:

— Цензоръ, квасу!

Цензоръ отправился за квасомъ и принесъ его.

Лобовъ, прихлебывая изъ оловянной кружки квасъ, проема- тривалъ нотату и назначалъ по фамильямъ, кому къ печкѣ — для сѣченья, кому къ доскѣ на колѣни, кому колѣнами на ребро парты, кому безъ обѣда, кому въ горѣдь не ходить. Классъ Лобова разукрасился всевозможнн разставленными фигурами. По- томъ онъ сталъ спрашивать знающихъ учениковъ, посправляя отѣчвающаго, когда онъ отгѣчалъ не слово въ слово; и запиная бурсацкую премудрость круто завареннымъ квасомъ. Онъ сидѣлъ обыкновенно въ калошахъ, веснимая своей краснозатого шдѣта шинели. Когда спрошенный имъ ученикъ кончилъ своей отгѣтъ, Лобовъ полѣзъ въ карманъ шинели и вынулъ изъ него довольно большой пирогъ, который сталъ упнмывать съ аетитомъ. Бур- саки съ жадностью посмотрѣли на пожираемый пирогъ. Такъ Лобовъ имѣлъ обычай завтракать во время класса, шдѣвая пищу дуловую съ пищей тѣлесной.

Послѣ экзаминаціи пяти учениковъ онъ сталъ дремать и на- ковецъ заснулъ, легоньке всхрапывая. Отгѣчавшій ученикъ дол- женъ былъ дожидаться, пока не проснется великій педагогъ и не примется опять за дѣло. Лобовъ никогда уроковъ не объяснялъ — жирно дескать будетъ а отгѣчалъ постемъ въ шиникѣ съ

однимъ до званія, предоставляя ученикамъ выучить урокъ къ слѣдующему, то-есть къ уроку.

Что этотъ великій педагогъ въ своей юности недосѣченъ или пересѣченъ?

Морфей легонько посвистывалъ обѣе черезъ носъ педагога, а ученики, наказанные на колѣни и столбомъ, воспользовались этимъ. Поднялся легкій шумокъ и начались повивныя игры бурсаковъ, какъ-то въ шашки, семлицы (карты), костяшки, щанчики, швычки и т. п.

Ударилъ звонокъ, учитель проснулся, и послѣ обычной молитвы, и по выходѣ учителя классъ наполнялся обычнымъ шумомъ.

Второй классъ, латинскій, занималъ нѣкто Долбежинъ. Долбежинъ былъ тоже огромнаго роста господинъ; онъ былъ чловѣкъ чакоточный и раздражительный, и строгъ до крайности. Съ нимъ шутить нѣкто не любилъ, ругался онъ въ классѣ до того неприлично, что и сказать нельзя. У него было положено за священнѣйшую обязанность въ продолженіи курса непременно пересѣчь всѣхъ — и прилежныхъ, и скрошвыхъ, такъ чтобы ни одинъ не ушелъ отъ лезья. Его мучилъ бѣсъ какой-то бурсацкой заисти, когда въ его класса къ концу курса остались все-таки несѣченными въразу двое, державшихъ себя крайне осторожно. Придаться было не къ чему, но онъ выискалъ-таки случай. Однажды онъ пропустилъ было уже свой классъ, и ученики весело ожидали звонка, но вдругъ минутъ за пять до него Долбежинъ показался на концѣ училищнаго двора; лицо его было какъ-то особенно грозно (онъ былъ сильно выпивши), взоры его были устремлены на окна своего класса. Многіе струхнули. Одинъ изъ несѣченыхъ въ это время взглянулъ въ окно и потомъ быстро сирылся въ классъ.

— Елеоскій (несѣченый)! крикнулъ входя въ классъ Долбежинъ.

Елеоскій, трясая всѣмъ тѣломъ, подошелъ къ нему.

Долбежинъ ударилъ его въ лицо кулакомъ и окровавилъ его; изъ носа и рта потекла кровь.

Елеоскій ни слова не отвѣчалъ. Блѣдный и дрожащій, онъ смотрѣлъ безсмысленно на учителя.

— Отодрать его!

Елеоскаго отодрали.

Остался одинъ только несѣченый. Того напротивъ отодраля Долбежинъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа.

— Душенька, сказалъ онъ ему улыбаясь: — пооди къ порогу.

— Да за чтоже?

— За то, что тебя нивразу не сѣкли.

Тотъ и не думалъ отвѣчать, что это не причина, и отправился къ порогу.

Не осталось ни одного несѣченаго въ классѣ.

Не смотря на все это, трудно повѣрить, — его не только уважали товарищество, но и любило. Долбежинъ самъ былъ точно отиѣтый. Онъ, какъ и товарищество, терпѣть не могъ «геродскихъ», и одному изъ нихъ далъ самое неприличное прозвище; еискала, пришедшаго къ нему наущничать, онъ отодраля не на живогъ, а на смерть; ученики вродѣ Гороблагодатскаго были его любимцами. Однажды Блоха рѣшился возмунить товарищество, и подъ лозами Долбежина молчалъ, какъ-будто и не его деруть: Долбежинъ при всѣхъ называлъ его мелодцомъ, тогда какъ за ту же пролѣлку Любовь вознесъ его на воздухъ, а потомъ просолилъ насковозъ сѣченое тѣло. Долбежинъ не бралъ съ родителей взятковъ и дотого былъ честнаго, что составленный имъ списокъ учениковъ съ отиѣтками объ ихъ ученіи за тратъ онъ читалъ ученикамъ и позволялъ устраивать диспуты тѣмъ, которые претендовали на высшее мѣсто. Вотъ за это-то и любили его.

Сегодня были только два случая въ классѣ. Вызванъ былъ Копыта. Онъ ваялъ книжку латинскую и хотѣлъ было естаться переводить за партою.

— На средину! сказалъ Долбежинъ.

На срединѣ отвѣчать было хуже, чѣмъ за партой, потомучто въ первомъ случаѣ товарищи подсказывали ученику. Отвѣчающій способенъ былъ разслышать самый тонкій звукъ, а если не разслыхивалъ, то глядя искоса, онъ угадывалъ слово по движанію губъ.

Копыта вышелъ на средину. Здѣсь онъ српался (тоже что въ гимназій провинился) и не могъ перевести одного пункта.

— Не такъ! сказалъ Долбежинъ.

Тотъ перевелъ иначе.

— Не такъ!

Копыта на новый манеръ.

— Къ печкѣ!

Копытѣ дали еще десять ударовъ. Онъ обрадовался, что такъ легко отдѣлался и уже направился за парту, но услышалъ голосъ Долбежина:

— Переводи снова.

Тотъ перевелъ ему на новый матеръ.

— Еще разъ къ печкѣ!

Копытѣ дали еще десять лозъ и снова заставили переводить. На этотъ разъ Копытѣ сказала, что онъ не можетъ и придумать еще новой вариаци, за что и услышалъ:

— Къ печкѣ!

Десять дали, и снова переводить. Копыты напрячь всѣ усилія памяти и рассудка. Ничего не выходило.

— Ну! сказала Долбежинъ, и уже палецъ указательный его подвинулся по направленію къ печкѣ.

Способности Копыты были страшно напряжены, мозгъ работалъ въ сто разъ усилѣннѣе и вотъ, — точно овареніе сыпне, сложилась въ головѣ новая вариаци. Онъ сказалъ ее.

— Наконецъ-то! одобрилъ его Долбежинъ. — Довольно съ тебя. Пошелъ за парту. Вались дерево на дерево! Вслѣдъ затѣвъ Долбежинъ обратился къ Трезоркѣ:

— Вошабулы приготовилъ?

— Нѣтъ.

— Что, который это разъ?

— Вели угодно. приготавлию, — отвѣчала Трезорка бойко.

Трезорка былъ гордецомъ и привыкъ къ довольно свободному обращенію. Его развязность взбѣсила Долбежина. Онъ поблѣднѣлъ, на лбу надулись жилы.

— Ахъ ты подлець! закричалъ онъ, и сильной рукой поднимая въ воздухѣ здоровый лексиконъ Кроненберга. Лексиконъ зависло и пролетѣлъ черезъ классъ; еще немного — такъ и влѣпился бы въ голову бойлаго мальчика. Онъ потомъ началъ ругаться и плеваться; въ его чахоточной груди клокотала мокрота; дерзость озадачила его, но онъ почешу-то не посмѣлъ отворотъ Трезорку, — вѣрнѣе потому, что отецъ Трезорки былъ довольно значительное лицо въ городѣ. И дѣйствительно завязалось было дѣло, но кончилось все-таки ничѣмъ.

Въ классѣ послѣ этого скандала наступила мертвая тишина. Всѣ дрожали. Одинъ только беззаботный Карась, притомъ еще

сидѣвшій на первой партѣ, на глазахъ растеряннаго учителя, ухитрился уснуть. Его вдругъ спросилъ учитель, а онъ, неслыханнаго этого, тихо всхрипывалъ. Товарищъ его толкнулъ, но уже было поздно: у учителя сверкавъ глазки.

— Къ печкѣ!

— Розогъ нѣтъ, сказалъ секундаторъ.

— А давеча чѣмъ сбѣкъ?

— Тѣ изломались.

— Сходи за новыми.

Карась между тѣмъ клаясь и боилясь, что всталъ въ три часа, чтобы приготовить урокъ, что у него голова болитъ, а въ существѣ дѣла на него одурь напала отъ латынщины и онъ смежилъ свои нарасныя очи.

— Я тебѣ!

Явился секундаторъ, но безъ розогъ.

— Розгъ всё выжили, сказалъ онъ.

Учитель опять вспыхнулъ, поднялся со стула и отправился въ той партѣ, гдѣ сидѣлъ секундаторъ. Онъ отыскивалъ елики розги. Карась запищалъ:

— Простите!..

Но учитель въ это время пообылъ Караса, и направился къ секундатору. Взявъ пунъ длинныя розги за каждую конецъ, онъ началъ бить его комлемъ и по спицѣ, и въ брюхо, и въ плечи, и по ногамъ.

Раздался звонокъ. Прочѣли молитву «достоинность».. Между тѣмъ Карась спасся. Этотъ же учитель, ожившійся на Трезорку за умѣренный отбѣсокъ дерзости въ его отвѣтъ, прощаль и даже съ удовольствіемъ встрѣчалъ дерзости очень крупныя. Такъ однажды на публичномъ экзаменѣ пришлось держать отвѣтъ нѣкому Вансѣ. Долбежвинъ изъ-подъ стола показалъ ему кулакъ и проговорилъ тихо: «такълько сбѣйся, я тебѣ!» — Ванса показалъ ему свой кулакъ и прошепталъ нешечатную брань. Это только утѣшило учителя.

Наконецъ Долбежвинъ былъ навникъ. Онъ съ тѣмъ же Вансой разсуждалъ о самыхъ грязныхъ вещахъ. Тотъ ему отвѣчалъ нестысяаясь и откровенно, и оба они импровизировали самыми грязными образомъ на разныя темы.

Заглянули бурса въ столовую, «щей жегонныхъ похлебка, и опять въ свой классъ и деть». Корнили сверху; кибѣгая пунд

мѣшалась съ мякишей; порціи говядины летѣли за окно и гнили потомъ на дворѣ; одинъ только Комедо собиралъ морщій по шести и потреблялъ ихъ; въ супѣ попадались маленькіе бѣловатые червячки, въ кашѣ мышинный помѣтъ; только при одномъ экономѣ пища была безукоризненна, во такіе экономы были рѣдкость въ бурстѣ. (Вырочемъ въ своемъ мѣстѣ мы дойдемъ и до этого эконома.)

Любовь граничилъ по своему характеру къ Тавлѣ, Долбеживъ къ Гороблагодатскому. Перейдемъ теперь къ характеристикѣ третьяго лица, которое собственно-говоря не составляло пѣльмаго типа, а было помѣсью двухъ названныхъ нами. Этотъ господинъ носилъ имя Дядьки.

Онъ былъ красавецъ собою, съ открытымъ груднымъ и объемистымъ басомъ, лицо — кровь съ молокомъ. Онъ между прочимъ преподавалъ такъ называемый «Устазъ», то-есть науку, какъ править церковныя службы. Эта наука налагалась имъ самымъ страннымъ образомъ. Въмѣсто того, чтобы выдать церковныя книги на руки учениковъ, ознакомить съ тѣми книгами нагляднымъ образомъ, показать по самымъ книгамъ, когда, что и гдѣ читалось и пѣлось, — вмѣсто этого выдавались записочки, въ которыхъ по порядку службы обозначались только первыя слова каждаго чтенія или пѣнія. Такихъ заголовковъ пѣлые листы высшей бумаги. Дотогo трудно и точно было ученье и зубренье, что изъ ста слишкомъ учениковъ знало урокъ, случалось, только четверо. Кажется ясно, что тутъ уже не ученики виноваты. Правда, могло случиться, что ученики на зло учителю дѣлали стачку не учить урока, но такія стачки назывались бунтомъ и разрѣшались великимъ сѣченіемъ класса; но тутъ была не стачка, а просто физическая и умственная невозможность вызубрить все это. И это понималъ самъ Дядька. Несмотря на все это, онъ поочередно сѣкъ весь классъ: такъ парта за партой и выдвигалась къ печкѣ. Хотя въ этихъ случаяхъ секундаторы были крайне снисходительны, но снисходительны только къ тѣмъ, кого любили. Секундаторы были очень необрѣтательны и свою профессію знали специально. Когда Дядька заводосрѣвалъ секундатора въ мирволеньи и шолъ свидѣтельствовать производство сѣкуцій, тогда оказывалось, что тѣло наказываемого было покрыто синими полосами: секретъ въ томъ, что секундаторъ намазывалъ лозы чернилами, потомъ

стиралъ ихъ слегка; достаточно было легкаго прикосновенія ихъ, чтобы сдѣлать фальшивый рубецъ. Чортъ знаетъ на что расходовался умъ воспитанника! Когда приходилось, что три описанные учителя занимали уроки въ одинъ и тотъ же день, то одного и того же ученика сѣкли нѣсколько разъ. Такъ Карася, случилось, отодрали четыре раза въ одинъ день (впродолженіи училищной жизни непрерывно разъ четыреста). Но сегодня не было устава. Занимались другимъ предметомъ. Бѣда, когда Дядька приходилъ пьянъ! Тогда лицо его было блѣдно, а черные, огромные глаза особенно глубоки и блестящи. Сегодня эта бѣда и случилась. Всѣ вздрогнули, какъ только онъ вошелъ. По лицу всѣ узнали, что будетъ классу великое горе. Взялъ онъ нотату. Мучительную и страшную минуту пережилъ классъ. Дядька вызвалъ Элпаху. Элпаху, трясясь тѣломъ и содрогаясь душою, вышелъ на средину.

— Я... — голосъ его перестѣлся...

— Что ты? спокойнымъ, но глубоко, сосредоточенно-злымъ голосомъ спросилъ его Дядька.

— Я... сегодня... именинникъ...

— Такъ съ ангеломъ! — Октава его упала на двѣ ноты ниже, а сердце свирѣпѣло и въ немъ развивались кровожадность и звѣрскіе инстинкты... Страшенъ онъ былъ въ эту минуту.

— Я... заговорилъ страдалецъ: — былъ въ церкви...

— Доброе дѣло!

— Я потому и не успѣлъ выучить урока... погасающимъ голосомъ продолжалъ Элпаху, видя, какъ съ мертвенно-блѣднаго лица смотрѣли на него неподвижные, блестящіе сосредоточенной ненавистью глаза...

— Ты думаешь, что радуется твой ангелъ на небесахъ?

Элпаху молчалъ; въ его сердцѣ пробивалась слабая надежда, что его не накажутъ, потому что дядькинъ гнѣвъ иногда истощался въ правоученіяхъ, которыми увлекался онъ на полчаса и болѣе. Элпаху ждалъ что будетъ.

— Онъ плачетъ о твоей лѣности.

Элпаху ни живъ, ни мертвъ.

— И ты долженъ плакать. Поди сюда.

Элпаху ни съ мѣста.

— Поди же сюда! — тѣмъ же ровнымъ, спокойнымъ голосомъ повторилъ Дядька.

Кн. IX. — Отд. I.

Эпаха подошёл къ нему.

— Встань тутъ, около меня, на колѣни.

Дрожащій Эпаха всталъ.

— Твой ангелъ плачетъ, и ты заплачешь. Положи свою голову ко мнѣ на колѣни.

Тотъ медленно исполнилъ это, непонимая что съ нимъ хотятъ дѣлать. Но вотъ онъ сильно вскрикнулъ и поднялъ голову, за которую ухватился руками.

— Лежи, лежи! сказалъ ему Дядька.

Отчего вскрикнулъ Эпаха? А оттого что Дядька взялъ щепотъ волосъ его, сильной рукой вздернулъ ихъ кверху, вырвалъ съ корнемъ, и постепенно разводя свои красивыя пальцы, сдвигалъ съ нихъ волоса и продолжалъ дуть, пока они легли въ воздухъ.

— Лежи, лежи! повторилъ Батька.

Эпаха съ воемъ опустилъ свою голову на колѣни его, какъ на эшафотъ...

Дядька взялъ вторую щепотъ эпахинныхъ волосъ, и опять выдернулъ ихъ съ корнемъ, и опять пустилъ ихъ по воздуху.

— Простите ради-бога! взмолился страдалецъ.

— Лежи, лежи! отвѣчалъ Дядька. Что-то сатанинское было въ его ровныхъ октавахъ...

Еще медленнѣе и хладнокровнѣе онъ повторилъ ту же операцию въ третій разъ.

Эпаха рыдалъ мучительно.

— Теперь поди встань на колѣни посреди класса! сказалъ Дядька, когда улетѣлъ послѣдній волосъ Эпахи и пропалъ въ воздухъ.

Дядька потомъ долго сидѣлъ, понурая голову. Не почувствовалъ ли онъ угрызений совѣсти?

— Стой на колѣняхъ *цѣлый годъ!*

Значить, совѣсть его была спокойна. Дядька имѣлъ обыкновеніе ставить на колѣни на цѣлый годъ, на цѣлую треть, на мѣсяцъ: какъ его классъ, такъ и становись. Безпощадный чловѣкъ!

Впродолженіи всего класса Дядька разбойничалъ. Чего-чего онъ не придумывалъ: заставлялъ *клясться печкѣ, цѣловать розги, вѣкъ и болить съчѣнаго*, одно слово — артистъ въ своемъ дѣлѣ, да подъ пьяную его руку.

Но все-таки приходится сказать, что большая часть товарищества уважала его по тѣмъ же причинамъ, по какимъ и Долбежина, и только меньшинство ненавидѣло его и боялось. Въ описываемый нами періодъ бурсы нравственный уровень товарищества и начальства былъ почти одинаковъ. Но впоследствии увидимъ, что въ товариществѣ и въ лучшей половинѣ начальства развились иные начала. Что описываю теперь, — скверно, но что дальше, то лучше становилось товарищество и добрѣе люди изъ начальства. И жаль, и досадно мнѣ, что нѣкоторые писатели заявили, будто я все исчерпалъ относительно бурсы въ «Зимнемъ вечерѣ бурсы». Уже въ слѣдующемъ очеркѣ вы увидите добрые задатки для будущаго въ жизни бурсаковъ, хотя и тамъ будетъ много гадкаго и гадкаго. Бурса будетъ въ моихъ очеркахъ, какъ и на дѣлѣ было, постепенно улучшаться, — только позвольте описать такъ, какъ было, не прибавляя, не убавляя. Всякое дѣло строится не сразу, а должно пройти многія фазы развитія. Еще очерковъ восемь, и бурса дастъ-богъ выясниться окончательно. Если придется ограничиться только этими двумя очерками — «Зимній вечеръ въ бурсѣ» и «Бурсацкіе типы», — то будетъ очень жаль, потому что читатель тогда не получитъ полного понятія о томъ, что такое бурса, и потому относительно составитъ о ней ложное представление.

И. ПОМЯЛОВСКІЙ

ИЗЪ САФО

Блаженствомъ равенъ тотъ богамъ,
Кто близъ тебя сидитъ, внимая
Твоимъ чарующимъ рѣчамъ,
И видитъ какъ въ истомѣ тая,
Отъ этихъ устъ къ его устамъ
Летитъ улыбка молодая!

И каждый разъ, какъ только я
Съ тобой сойдусь, — отъ нѣжной встрѣчи
Замѣтеть вдругъ душа моя
И на устахъ нѣмѣютъ рѣчи...
А пламя острое любви
Быстрѣй по жиламъ пробѣгаетъ...
И звонъ въ ушахъ... и бунтъ въ крови...
И потъ холодный проступаетъ...
А тѣло — тѣло все дрожить!..
Цвѣтка поблекшаго блѣднѣе
Мой истомленный страстью вилъ...
Я бездыханна... И, нѣмѣя,
Въ глазахъ, я чую, меркнетъ свѣтъ:
Гляжу невидя... Силъ ужъ нѣтъ...
И жду въ безпамятствѣ и знаю:
Вотъ-вотъ умру... вотъ умираю...

ВСЕВОЛОДЪ КРЕСТОВСКІЙ

1862 г.

ЯВЛЕНІЯ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПРОПУЩЕННЫЯ НАШЕЙ КРИТИКОЙ ⁽¹⁾

ГРАФЪ Л. ТОЛСТОЙ И ЕГО СОЧИНЕНІЯ

- 1) Военные рассказы. 2) Дѣтство и отрочество. 3) Юность, первая половина.
4) Записки маркера. 5) Мятель. 6) Два гусара. 7) Встрѣча въ отрядѣ. 8) Люцернъ. 9) Альбертъ. 10) Три смерти. 11) Семейное счастье.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ГРАФА Л. ТОЛСТОГО

Въ первой статьѣ своей я, опредѣливши общее значеніе дѣятельности графа Л. Толстого, былъ долженъ поневолѣ пуститься въ разысканіе причинъ того страннаго факта, что эта въ высокой степени своеобразная и замѣчательная дѣятельность прошла незамѣченною передъ нашей критикой. Виною тому, какъ старался доказать я, было то, что критика наша перестала быть критикой литературною, т. е. другими словами говоря, что литература перестала быть для направленій нашей критики полнѣйшимъ выраженіемъ и откровеніемъ жизни.

Я намекнулъ уже, что самая дѣятельность замѣчательно-даровитаго писателя разошлась съ требованіями различныхъ болѣе или менѣе теоретическихъ направленій, что самое появленіе нѣкоторыхъ изъ его вещей, каковы напримѣръ «Альбертъ» и «Люцернъ» въ журналѣ теоретиковъ — одинъ изъ странно-вопіющихъ фактовъ для мыслящаго наблюдателя.

(1) Время. 1862. № 1.
Кн. IX. — Отд. II.

Но вѣдь ни «Альбертъ», ни «Люцернъ», ни «Три смерти», ни наконецъ «Семейное счастье» не составляютъ въ дѣятельности самого писателя какого-либо крутого поворота. Эти произведенія — прямое и притомъ не только логическое, но органическое послѣдствіе того же самаго психическаго процесса, который раскрывается въ предшествовавшихъ его произведеніяхъ, — завершеніе того же анализа, который такъ поразилъ всѣхъ въ этихъ предшествовавшихъ произведеніяхъ...

Дѣятельность Толстого, какъ она до сихъ поръ обозначалась, можно раздѣлить собственно на три категоріи: 1) чисто-аналитическія произведенія, каковы «Дѣтство и отрочество», «Юность», 2) художественные этюды, свидѣтельствующіе о необыкновенной силѣ и особенности таланта, но имѣющіе совсѣмъ характеръ этюда, характеръ чисто-внѣшній, каковы «Мятежъ» и «Два гусара», и 3) на результаты анализа, болѣе или менѣе удачныя и полныя, въ которыхъ художникъ стремится уже къ созданію самостоятельныхъ типовъ, къ воплощенію въ образы того, что добыто имъ посредствомъ анализа. Это или попытки, хотя и удивительныя, но вѣскольکو голыя, догматическія, каковы «Записки маркера», «Встрѣча въ отрядѣ», «Альбертъ», «Люцернъ», «Три смерти», или совершенно-органическія, живыя созданія: «Военные рассказы» и «Семейное счастье». Разумѣется такое раздѣленіе справедливо только по отношенію къ общему характеру этихъ произведеній. Элементъ органическій, элементъ художественнаго творчества присутствуетъ, и притомъ присутствуетъ въ замѣчательной степени въ произведеніяхъ совершенно аналитическихъ; элементы анализа и притомъ самаго смѣлаго входятъ и въ этюды, ибо вся дѣятельность Толстого, вмѣстѣ взятая, есть живая, органическая дѣятельность. Раздѣленіе принято здѣсь только какъ руководная нить для разъясненія правдивно-художественнаго процесса.

Толстой, какъ уже сказано было въ первой статьѣ, кивнулъ прежде всего всѣмъ въ глаза своимъ безпощаднымъ анализомъ. Анализъ поразилъ всѣхъ какъ въ «Дѣтствѣ и отрочествѣ», такъ и въ самыхъ «Военныхъ рассказахъ», — первымъ полнымъ и цѣльнымъ художественнымъ выраженіемъ психическаго процесса.

Какого же свойства этотъ анализъ? съ чего онъ начинается, какъ выражается, куда ведетъ и чѣмъ онъ различенъ отъ анализа другихъ художниковъ-аналитиковъ? Вотъ вопросы, которые должна поставить себѣ для разрѣшенія критика.

У художника, если онъ дѣйствительно художникъ, анализъ не можетъ быть голый: онъ облекается непременно въ поэтическіе образы; онъ приковывается даже иногда къ одному образу, пре-

слѣдующему художника во все продолженіе его дѣятельности и видоизмѣняющемуся сообразно съ ея различными фазисами. Иногда этотъ образъ, этотъ нравственный идеалъ самого художника, раздвояется, какъ напримѣръ у Пушкина — на Онегина и Ленскаго, у Лермонтова — на Арбенина и Звѣздича, на Печорина и Грушницкаго. Раздвоеніе образа есть конечно всегда признакъ движенія впередъ самого художника, становящагося въ критическое отношеніе къ преслѣдующему его образу, и результатами своими оно, это раздѣленіе, гораздо богаче мрачно-сосредоточенной односторонности, которая могла исполнѣ узакониться можетъ-быть только разъ, въ лицѣ Байрона, — да и у того типъ нѣсколько двоятся, по крайней-мѣрѣ по отношенію къ краскамъ — на Гарольда и Донъ-Жуана.

Во всякомъ случаѣ у самыхъ объективныхъ, равно какъ у самыхъ субъективныхъ художниковъ можно доискаться одного главнаго, преслѣдующаго ихъ образа. Чѣмъ художникъ по натурѣ шире, тѣмъ шире и его идеалъ, его любимый образъ, тѣмъ онъ народнѣе; но что нравственная жизнь художника воплощается въ извѣстномъ, видоизмѣняющемся и часто днующемся образѣ, — это не подлежитъ сомнѣнію.

У Толстого точно также есть этотъ преслѣдующій его образъ, къ которому приковался его анализъ, то лицо, отъ имени котораго рассказываетъ онъ «Дѣтство, отрочество и юность» и которое въ «Семейномъ счастьѣ» мѣняетъ только полъ и является женщиной. Образъ этотъ раздвояется — но раздвояется только внѣшне — въ «Запискахъ маркера», въ «Люцернѣ», являясь княземъ Нехлюдовымъ и представляя только крайнія, послѣднія грани того анализа, который отличаетъ героя «Дѣтства, отрочества и юности» отъ другихъ современныхъ героевъ... Онъ и Нехлюдовъ — вовсе не то, что Онегинъ и Ленскій, что съ другой стороны Пушкинъ-лирикъ и Пушкинъ-Бѣлкинъ; не то, что Арбенинъ и Звѣздичъ, изъ сліянія которыхъ является Печоринъ, и не то, что Печоринъ и Грушницкій, т. е. идеалъ и пародія. Нехлюдовъ — крайняя грань цѣльнаго психическаго процесса, и мало того, — жизненное послѣдствіе той особенной обстановки такъ-называемаго аристократическаго мірка, въ которой онъ заключенъ какъ въ раковинѣ и изъ которой выбивается очевидно герой «Дѣтства, отрочества и юности»... Во всякомъ случаѣ психическій процессъ не раздвояется, а только доходитъ до своихъ крайнихъ граней.

Предполагая, что всѣ читатели знакомы съ произведеніями Толстого, по крайней-мѣрѣ съ главными изъ нихъ (ибо читатели вовсе незнакомые съ ними по всей вѣроятности не стануть читать моей

статье), я не буду приводить выписокъ и ограничусь, какъ всегда, только указаніями.

Основная черта, поразившая всѣхъ въ психическомъ процессѣ, раскрывавшемся въ произведеніяхъ Толстого, была — повторяю еще разъ — анализъ необыкновенно новый и смѣлый, анализъ такихъ душевныхъ движеній, которыхъ никто еще не анализировалъ. Не «пошлость пошлаго человѣка» обличалъ Толстой подобно Гоголю; не смѣялся онъ болѣзненнымъ смѣхомъ Гамлета щигровскаго уѣзда надъ несостоятельностью такъ-называемаго развитаго человѣка, какъ Тургеневъ; не противопоставалъ онъ, какъ Писемскій, здоровый, хотя и грубоватый, хотя и нѣсколько низменный взглядъ на жизнь мишурѣ сдѣланныхъ, заказныхъ или подогрѣтыхъ чувствованій; не относился, какъ Гончаровъ, къ идеализму во имя узкой практичности, къ правдой мысли во имя узкаго и условнаго дѣла, — но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалось всѣми, что у него есть что-то общее со всѣми исчисленными стремленіями, что онъ — разумѣется полусознательно, полубезсознательно, какъ всякій художественный талантъ — разрабатываетъ одну и ту же съ поименованными художниками задачу эпохи. Близкій къ Тургеневу поэтической вѣжностью чувства и глубокою симпатіею къ природѣ, но діаметрально противоположный ему своей суровой трезвостью взгляда, безпощадною ко всѣмъ мало-мальски необыденнымъ ощущеніямъ, своей враждою ко всякой фальши, какъ бы она ни была блестяща, — онъ этими послѣдними качествами былъ бы всего ближе къ Писемскому, еслибы этотъ реализмъ былъ ему *прирожденъ*, а не *порожденъ* анализомъ. Своимъ вѣншимъ, враждебно-недовѣрчивымъ отношеніемъ къ идеализму онъ былъ бы сходенъ съ Гончаровымъ, еслибы заказнымъ образомъ поставилъ себѣ идеальчикъ въ практичности. Съ другой стороны, своей безпощадностью къ пошлости, таящейся не только въ пошломъ, но во всякомъ человѣкѣ, онъ какъ-будто развиваетъ задачи Гоголя, но онъ не плачетъ ни о какомъ разбитомъ кумирѣ, ни о какомъ условно-прекрасномъ человѣкѣ.

Общаго у него со всѣми этими задачами эпохи одно: отрицаніе.

Отрицаніе чего?..

Да всего наноснаго, напускаго въ нашемъ фальшивомъ развитіи. Отрицаніемъ онъ, по происхожденію и воспитанію разъединенный съ почвою, старается, какъ всѣ, дорыться до почвы, до простыхъ основъ, до первоначальныхъ слоевъ. Особенность его въ томъ, что онъ роется глубже всѣхъ другихъ. Онъ не удовлетворяется, какъ Тургеневъ, тѣмъ, чтобы издали благоговѣнно увидѣть почву и покло-

ниться ей въ восторгѣ Моисея, узрѣвшаго обѣтованную землю. Ему (для ясности позволю себѣ сказать-примѣромъ) мало того чтобы почувствовать только черноземную силу въ Уварѣ Иванычѣ, — онъ хотѣлъ бы разгадать и въ самомъ себѣ поднять эту сиднемъ сидящую силу. Онъ не можетъ также, смахнувши слою фальшиваго идеализма, принять, какъ Гончаровъ, за слою настояціе — столь же наносныя, но гораздо болѣе грязныя слою практичности и формализма; онъ не останавливается и на тѣхъ, повидимому прочныхъ, но въ сущности только загрубѣлыхъ слояхъ, на которыхъ твердою ногою стоитъ Писемскій; онъ такъ же мало способенъ симпатизировать положимъ хоть Задоръ-Мановскому или даже Павлу Бешметеву, какъ Ельчанинову и Бахтіарову, такъ же мало тетушкѣ ипохондрика Соломонидѣ, какъ и Дурнопечиву... Съ идеалами же на воздухѣ, со всякимъ созиданіемъ сверху, а не снизу, съ тѣмъ что погубило нравственно и даже-физически самага Гоголя, онъ способенъ помириться всего меньше... Онъ только роется въ глубь, добросовѣстно роется, руководимый своимъ необычайнымъ анализомъ, и еще непорывшись, кончаетъ пантентическою скорбію «Люцерна», — скорбію за жизнь и ея идеалы, отчаяніемъ за все сколько-нибудь искусственное и слѣланное въ душѣ человѣческой, отчаяніемъ очевиднымъ въ «Трехъ смертяхъ», изъ которыхъ самою нормальною является смерть дуба, суровою покорностью судьбѣ, нещадящей цвѣта человѣческихъ чувствъ въ «Семейномъ счастьѣ», и затѣмъ — апатією, безъ сомнѣнія временною и переходною.

Апатія ждала непременно на серединѣ такого глубоко-искренняго психическаго процесса, но что она не конецъ его, — въ этомъ вѣроятно никто изъ вѣрующихъ въ силу таланта вообще и появившихъ силу таланта Толстого даже и не сомнѣвается. Недавно еще такое явленіе, какъ «Мертвыи домъ», доказало намъ, что силы не умираютъ, не забиваются судьбою, а встаютъ могучѣе послѣ добровольной или принужденной инерціи.

Начала того отрицательнаго процесса, котораго Толстой является вмѣстѣ съ другими представителями и вмѣстѣ съ тѣмъ временною жертвою, лежатъ не въ Гоголѣ, а въ Пушкинѣ. Гоголь вмѣстѣ съ другими, хотя и глубже всѣхъ другихъ доводилъ до извѣстныхъ граней задачи, указанныя Пушкинымъ.

Говоря о Толстомъ какъ объ одномъ изъ самыхъ значительныхъ представителей нашего отрицательнаго процесса, не минуешь нѣко-

того повторенія того, что уже вѣсколько разъ высказывалъ и о началѣ, объ исходной точкѣ этого процесса.

До сихъ поръ еще только въ цѣльной натурѣ Пушкина, въ ея борьбѣ съ различными тревожившими ее и пережитыми ею идеалами, заключается для насъ слово разгадки нашихъ стремленій.

Есть натуры, предназначенныя на то, чтобы намѣтить заранѣе грани процессовъ, набросать полные и цѣльные, хотя только очерками обозначенные идеалы, и такая-то именно натура была у Пушкина. Пушкинъ все наше переживалъ — отъ любви къ загнанной старинѣ до сочувствій къ реформѣ, отъ нашихъ страстныхъ увлеченій блестящими, эгоистически-обаятельными идеалами до смиренного служенія Савелья («Капитанская дочка»), отъ нашего разгула до нашей жажды самоуглубленія, жажды «матери пустыни», и только смерть помѣшала ему воплотить наши высшія стремленія, весь духъ кротости и любви въ просвѣтленномъ образѣ Тазита, смерть, которая почти всегда уноситъ преждевременно набрасывателей многообъемлющаго и многосодержащаго идеала, которая унесла напримѣръ Рафаэля и Моцарта. Ибо есть какой-то тайный законъ, по которому недолговѣчно все разметывающееся въ ширину и ковернется какъ дубъ односторонняя глубина.

Я говорилъ уже перазъ, что за исключеніемъ совершенно новыхъ въ литературѣ нашей явленій, имѣющихъ только общенсторическую, преимственную связь съ Пушкинымъ, каковы со всѣми ихъ достоинствами и недостатками Кольцовъ, Островскій, Некрасовъ и Достоевскій, — въ нашей современной литературѣ вѣтъ ничего истинно-замѣчательнаго и правильнаго, что въ своемъ зародышѣ не находилось бы у Пушкина.

Такъ весь отрицательный процессъ нашъ, неисключая даже и самого Гоголя, по прямой линіи ведетъ свое начало отъ взгляда на жизнь Ивана Петровича Бѣлкина.

Многимъ господамъ, преимущественно привыкшимъ благоговѣть передъ именами и авторитетами, мысль эта, высказанная въ первый разъ, и высказанная притомъ ex abrupto, безъ надлежащей ясности, показалась чудовищно-парадоксальною. Но ко всякому чудовищу можно привыкнуть, тѣмъ болѣе что ни за славу Гоголя, ни за славу даже новыхъ литературныхъ корифеевъ нашихъ бояться нечего.

Типъ Ивана Петровича Бѣлкина былъ почти любимымъ типомъ поэта въ послѣднюю эпоху его дѣятельности. Какое же — спрошу я опять, во послѣ многихъ толковъ моихъ во «Времени» спрошу настоятельница — какое душевное состояніе выразилъ намъ поэтъ въ этомъ типѣ и каково его собственное душевное отношеніе къ

этому типу, влѣзая въ кожу котораго, принимая жизненные воззрѣнія котораго, онъ рассказываетъ намъ множество добродушныхъ исторій, на первый разъ даже ненравящихся своимъ добродушіемъ и простотою, но въ сущности таящихъ въ себѣ задачи весьма глубокія?

Пробовали ли читатели въ лѣта своей зрѣлости перечестъ «повѣсти Бѣлкина», эти повѣсти, которыя въ лѣта пылкой молодости привели ихъ въ негодованіе за упадокъ таланта и силъ пѣвца Алеко и Пѣвника, повѣсти, изъ которыхъ нѣкоторыя казались имъ ужасно пустыми, какъ «Мятель», а нѣкоторыя даже водевильными, какъ «Барышня-крестьянка». Они только въ первой изъ нихъ, въ «Сильвію», видѣли отраженіе пушкинскаго генія, именно потому, что здѣсь остался слѣдъ борьбы съ мучительнымъ и тревожнымъ идеаломъ. Въ «Сильвію» дѣйствительно одинъ изъ ключей къ уразумѣнію нравственнаго процесса поэта. Но вѣдь въ другихъ-то простодушныхъ рассказахъ — если вы перечтете ихъ теперь, когда почти тридцать лѣтъ прошло съ перваго появленія ихъ на свѣтъ божій — вы найдете *en germe*, въ зернѣ, и простыя изображенія простой дѣйствительности, непонятно свѣжія до сихъ поръ еще, хотя и слѣданныя очерками (какъ «Гробовщикъ»), и симпатичность отношеній къ загнаннымъ, «униженнымъ и оскорбленнымъ» сантиментальнаго натурализма («Станціонный смотритель»), и... мало ли что вы въ нихъ найдете! Можетъ-быть вы даже съ «Барышней-крестьянкой» и съ «Мателю» помиритесь?.. Вѣдь читаете же вы напрямѣръ съ удовольствіемъ — хоть въ «Очеркахъ прошлаго» г. А. Чужбинскаго изображеніе моншера Самограева, и признаете законность этого изображенія...

Но вѣдь въ кожѣ Бѣлкина, въ духѣ Бѣлкина, въ тонѣ Бѣлкина рассказаны еще намъ повтомъ такіе рассказы, какъ «Дубровскій», какъ семейная хроника Гриневыхъ, эта нимало непотерявшая своей красоты и свѣжести родовачальница всѣхъ нашихъ «семейныхъ хроникъ».

Въ типѣ Бѣлкина, который такъ полюбился нашему поэту, выразилась начала нашего отрицательнаго (въ отношеніи къ нашему напряженному развитію) процесса.

Чтоже такое этотъ пушкинскій Бѣлкинъ, — тотъ самый Бѣлкинъ, который проглядываетъ потомъ подъ другими формами въ повѣстяхъ Тургенева, — которому въ произведеніяхъ Писемскаго страшно хотѣлось взять верхъ надъ фальшиво-блестящимъ и фальшиво-страстнымъ типомъ, — которому съ излишкомъ, черезъ мѣру даетъ права Толстой, — котораго нѣсколько проницательно, но съ не-

вольною симпатією позторяетъ даже Лермонтовъ въ Максимъ Максимычъ?

Бѣлкинъ пушкинскій есть простой здравый толкъ и простое здоровое чувство, кроткое и смиренное, — толкъ вопіющій противъ всякой блестящей фальши, чувство возстающее законно на злоупотребленіа нами нашей широкой способности понимать и чувствовать. Стало-быть въ сущности это начало только отрицательное, и право оно только какъ отрицательное, ибо предоставьте его самому себѣ — оно способно перейти въ застой, мертвящую лѣнь, хамство Фамусова и добродушное взяточничество Юсова.

Посмотрите на этотъ отрицательный типъ у самаго Пушкина вездѣ, гдѣ онъ у него самолично является, или гдѣ поэтъ повѣствуетъ въ его тонѣ, съ его взглядомъ на жизнь. Запуганный страшнымъ призракомъ Сильвіо, его мрачной сосредоточенностью въ одномъ дѣлѣ, въ одной мстительной мысли, онъ еще не сомнѣвается въ томъ, что Сильвіо *можетъ* существовать. Онъ знаетъ только, что онъ самъ вовсе не Сильвіо, и боится этого типа. «Нѣтъ ужъ — говоритъ онъ — лучше пойду я къ людямъ попроче!» и первый опускается въ простые, такъ-называемые низменные слои жизни...

Читатели помнятъ вѣроятно мѣсто въ отрывкахъ главы, невошедшей въ поэму Онѣгина и нѣкогда предназначавшейся поэтомъ на то, чтобы привести существованіе Онѣгина въ многообразныя столкновенія съ русской жизнью и почвою (какъ свидѣлствуютъ уцѣлѣвшія строфы), привести эту праздную, тяготящуюся собою жизнь на разныя очныя ставки съ дѣятельною, сурово-хлопотливою, дѣйствительною жизнью. Эти отрывки, хотя они и отрывки, въ высшей степени знаменательны для уразумѣнія нашего отрицательнаго процесса.

Въ этихъ отрывочныхъ строфахъ Онѣгинъ является для насъ съ совершенно новой стороны, какъ личность, которой, несмотря на всю бурно-прожитую, тревожную жизнь, все-таки некуда дѣвать своихъ силъ, своего здоровья, своей жизненности.

Зачѣмъ, какъ тульскій застѣдатель,
Я не лежу въ параличѣ?
Зачѣмъ не чувствую въ плечѣ
Хоть ревматизма? Ахъ, создатель!
Я молодъ, жизнь во мнѣ крѣпка...
Чего мнѣ ждать? Тоска, тоска!

И разумѣется, тоскою о томъ, что много еще силъ, много еще здоровья и крѣпости жизни долженъ былъ кончить Онѣгинъ,

какъ отраженіе извѣстнаго момента нашего нравственнаго процесса; но не тоскою только, а поворотомъ къ почвѣ кончаеть живая, многообъемлющая натура самого поэта:

Цорой дождливою намедни
Я завернулъ на скотный дворъ...
Тѣфу! прозаическія бредни,
Фламандской школы пестрый соръ!
Таковъ ли былъ я расцвѣтая?
Скажи, фонтанъ Бахчисарая,
Такія ль мысли мнѣ на умъ
Ваводилъ твой безконечный шумъ?

Эта выходка поэта — не столько негодованіе на прозаизмъ и мелочность окружающей его жизненной обстановки, сколько невольное сознаніе того, что этотъ прозаизмъ имѣетъ неотъемлемыя права надъ душою, что онъ въ душѣ остался какъ отсадокъ послѣ всего кипучаго броженія, послѣ всѣхъ напряженій и тщетныхъ попытокъ окаменѣть въ байроновскихъ формахъ. И тщета этой борьбы съ собственной душою, и негодованіе на то, что послѣ борьбы остался такой отсадокъ, негодованіе, подѣ которымъ кроется уже любовь къ почвѣ — одинаково знаменательны:

Какія-бъ чувства ни таились
Тогда во мнѣ, — теперь ихъ нѣтъ:
Они прошли иль измѣнились...
Миръ вамъ, тревоги прошлыхъ лѣтъ!
Въ ту пору мнѣ казались нужны
Пустыни, водъ края жемчужны,
И моря шумъ и груды скалъ,
И гордой дѣвы идеаль,
И безыменныя страданья...
Другіе дни, другіе сны!..
Смирились вы, моей весны
Высокопарныя мечтанья,
И въ поэтической бокаль
Воды я много подмѣшала...
Иныя нужны мнѣ картины:
Люблю песчаный косогоръ,
Передъ избушкой двѣ рябины,
Калитку, сломанный заборъ,
На небѣ степенкія тучи,
Передъ тумномъ соломы кучи,
Да прудъ подъ снѣгомъ ивъ пустыгъ,
*Раздолье утокъ молодыхъ...
Теперь милый мнѣ балалайка,*

*Да пълкый топотъ трепака
 Передъ порокомъ кабака;
 Мой идеалъ теперь — хозляка,
 Мои желанія — покой,
 Да щей горшокъ, да самъ большой.*

Поразительна эта простодушнѣйшая смѣсь ощущеній самыхъ разнородныхъ, — негодованія и желанія набросить на картину колорить самый сѣрый, съ невольной любовью къ картинѣ, съ чувствомъ ея особенной, самобытной красоты... Это чувство — наше родное, такъ-сказать наше типовое чувство... Оно только-что очнулось отъ тревожно-лихорадочнаго сна, только-что вырвалось изъ кипящаго страшнымъ броженіемъ омута. Оно оглядывается на божій свѣтъ, встряхиваетъ кудрями, чувствуетъ, что все вокругъ его тоже, такое же, какъ было до сна; чувствуетъ виѣсть съ тѣмъ, что и само оно то-же, такое же, какииъ было до борьбы съ призраками и юношески недовольно тѣмъ, что оно свѣжо и молодо послѣ всѣхъ схватокъ съ подводными чудовищами...

Но кружась въ водоворотѣ этого омута, наше сознаніе видѣло такіе сны, и образы словъ такъ ясно въ немъ отпечатлѣлись, что въ призрачной борьбѣ съ ними, мѣряясь съ ними, оно ощутило въ себѣ силы необъятныя... Какъ же это оно такъ молодо, здорово, испытавши столько, и какъ же испытавши столько, оно опять видитъ передъ собою прежнюю обстановку? Вѣдь въ борьбѣ, хотя и призрачной, оно узнало само себя, узнало, что не только эту бѣдную и обыденную обстановку можетъ воспринять и усвоить, но и всякую другую, какъ бы эта другая ни была сложна, широка и великолѣпна. Пусть на первый разъ оно разглядело себя въ чужой обстановкѣ, т. е. пусть на первый разъ мѣра силы познана въ при-мѣрѣ къ чужому, для нея призрачному — да сила-то ужъ сама себя знаетъ, и знаетъ кромѣ того, что ей мала, бѣдна и узка обыденная обстановка дѣйствительности.

А между тѣмъ и въ самомъ круженіи, въ самой борьбѣ съ призрачнымъ, чуждымъ міромъ, силы чувствовали минутные припадки непонятнаго влеченія къ этой самой, повидимому столь узкой и скудной обстановкѣ, къ своей собственной почвѣ.

Негодованіе силъ, извѣдавшихъ уже «доброе и злое», выразились у Пушкина въ вышеприведенныхъ строфахъ, еще сильнѣй сказалось въ стихотвореніи, которое самъ онъ назвалъ «Капризомъ»:

Румяный критикъ мой, насмѣшникъ толстопузый и проч,
 но не осталось только негодованіемъ, а перешло въ серьезную

думу мужа о своихъ отношеніяхъ къ міру призрачному и къ міру дѣйствительному...

Въ тѣ дни, когда муза, по словамъ его, услаждала ему

пути вѣмой
Волшебствомъ тайнаго расказа,

когда... Но пусть лучше говоритъ онъ самъ:

Какъ часто по скаламъ Кавказа
Она Ленорой при лунѣ
Со мной скакала на конѣ...
Какъ часто по брегамъ Тавриды
Она меня во мглѣ ночной
Водила слушать шумъ морской,
Немолчный шопотъ Нереиды,
Глубокій, вѣчный хоръ валовъ,
Хвалебный гимнъ отцу мировъ, —

въ эти дни молодого и кипучаго вдохновенія великая натура мѣрля свои силы со всѣмъ великимъ, что уже она встрѣчала данымъ и готовымъ, подвергаясь равномѣрно вліянію и свѣтлыхъ и темныхъ его сторонъ...

Оказалось, что на «вся добрая и злая» у нея есть удивительная воспримчивость и отзывчивость; что притомъ эта воспримчивость и эта отзывчивость не могутъ остановиться на среднемъ пути, а ведутъ всякое сочувствіе до крайнихъ его предѣловъ, и что наконецъ натура все-таки не можетъ перестать любить своего типоваго, не можетъ не стремиться къ нему, не можетъ забыть своей почвы. Это стремленіе скажется то радостью «замѣтить разность» между Онѣггинымъ и собою, то мечтою о поэмѣ «пѣсенъ въ двадцать пять», въ которой, какъ говоритъ поэтъ:

Не муки тайныя злодѣйства
Тогда я въ ней изображу,
А просто вамъ перескажу
Преданье русскаго семейства;

въ которой мечтаетъ онъ пересказать

простыя рѣчи
Отца или дяди старика,
Дѣтей условенныя встрѣчи
У старыхъ липъ, у ручейка...

Мало ли чѣмъ наконецъ скажется это стремленіе къ почвѣ!..

Записываніемъ сказокъ старой няни или анекдотовъ о старинѣ, горлостью родовыхъ преданій — въ противоположность бюрократическому чванству, совѣтомъ учиться русскому языку у московскихъ просвирень...

И вотъ, когда поэтъ въ эпоху зрѣлости самосознанія привелъ для самого себя въ очевидность всѣ эти повидимому совершенно противоположныя стремленія собственной своей натуры, то прежде всего и паче всего правдивый и искренній, онъ умалилъ, принизилъ самого себя, когда-то «Шѣвника», у котораго

на челѣ его высокомъ
Не замѣнилось ничего,

когда-то «Алеко», который говоритъ про себя:

Я не таковъ... вѣтъ! я неспоря
Отъ правъ своихъ не откажусь и проч.

до смиреннаго образа Ивана Петровича Бѣлкина...

Въ этомъ типѣ узаконилось — но только на время, только отрицательно, какъ критическій отсадокъ — стремленіе къ почвѣ, поворотъ къ ея требованіямъ. Въ этотъ образъ пошла далеко не вся великая личность поэта, ибо Пушкинъ вовсе не думалъ отречься отъ прежнихъ своихъ сочувствій или считать ихъ противозаконными, какъ это иногда готовы дѣлать мы въ порывахъ усердія къ почвѣ. Да и трудно конечно представить себѣ дѣйствительно Ивановъ Петровичемъ Бѣлкинымъ натуру, которая и прежде мѣрялась, да и потомъ не переставала мѣряться своими силами съ самыми могучими типами, ибо въ тоже самое время геній поэта проникалъ въ мрачно-сосредоточенную душу Сальери и въ вѣчно-жаждущую жизни натуру Донъ-Жуана, стало-быть вовсе не замыкался исключительно въ существованіе Бѣлкина.

Бѣлкинъ для Пушкина вовсе не герой его, а больше ничего какъ критическая сторона души. Мы были бы народъ весьма нецедро надѣленный природою, еслибы героями нашими были пушкинскій Бѣлкинъ, лермонтовскій Максимъ Максимычъ и даже честный кавказскій капитанъ въ «Рубкѣ лѣса» Толстого. Значеніе всѣхъ этихъ лицъ въ томъ, что они — критическіе контрасты блестящаго и такъ сказать хищнаго типа, котораго величіе оказалось на нашу душевную мѣрку несостоятельнымъ, а блескъ фальшивымъ. Значеніе ихъ кромѣ того въ протестъ, — протестъ всего смиреннаго, загнаннаго, но между тѣмъ основаннаго на почвѣ въ нашей природѣ — противъ гордыхъ и страстныхъ до необузданности началъ, противъ широкаго размаха силъ, оторвавшихся отъ связи съ почвою.

Придать этой сторонѣ души нашей значеніе исключительное, героическое, значить впасть въ другую крайность, вѣдущую къ застою и закъси. Максимъ Максимычъ и капитанъ Толстого конечно люди очень честные и безъ всякой похвальбы храбрые; они нисколько не рисуются, нисколько не натягиваютъ своей простой природы на сильныя страсти и глубокія страдаія, — но вѣдь согласитесь, что съ ними немислима никакая исторія. Изъ нихъ не выйдутъ конечно Стеньки Разины, да зато не выйдутъ и Миныны. Увы! на однихъ добрыхъ и смиренныхъ людяхъ, умѣй они даже и умирать такъ, какъ умираетъ солдатъ Веленчукъ у Толстого, будь они благодушны до пантеистической любви ко всей твари, какъ старикъ Агафонъ у Островскаго, — далеко не уѣдешь. Для жизни страстное начало нужно, закваска нужна.

Глубоко повималъ это гениальнымъ чутьемъ своимъ Пущкинъ, в потому до сихъ поръ даже, послѣ Максима Максимыча, къ которому самъ Лермонтовъ относится впрочемъ съ ироніею, послѣ одноворца Савелья Писемскаго, послѣ капитана Храброва Толстого — его Бѣлкинъ все-таки единственно правильное узаконеніе критической стороны нашей души...

Съ тою жизнью попроще, въ которую спускается онъ, ошеломленный страшнымъ призракомъ Сильвіо, онъ вѣдь тоже разобщенъ кой-какимъ образованіемъ — ну хоть письмовникомъ Курганова, а главное, онъ уже смотритъ на нее съ высоты кой-какого образованія.

Комизмъ положенія челоѣка, который считаетъ себя *обязаннымъ* по своему кой-какому образованію смотрѣть какъ на что-то ему чужое — на то, съ чѣмъ у него несравненно болѣе общаго, чѣмъ съ приобретенными кой-какъ верхушками образованности — является необыкновенно ярко въ Бѣлкинѣ, какъ авторъ «Лѣтописи села Горохина». Эта лѣтопись — тончайшая и выѣстъ добродушнѣйше-поэтическая насмѣшка надъ цѣлою, вѣковой полосою нашего развитія, надъ всею нашею поверхностною образованностью бывалыхъ временъ, сообщавшей намъ взглядъ совершенно неприложимый къ явленіямъ окружавшей и доселѣ насъ окружающей дѣйствительности... Въ этомъ наивномъ лѣтописцѣ села Горохина лукаво притаились исъ наши бывалые взгляды на нашъ бытъ и нашу старину, выразившіеся то стихами вродѣ:

Россійскіе князья, бояре, воеводы,
Пришедшіе чрезъ Донъ отыскивать свободы...

то карамзинскими фразами, какъ напримѣръ: «Ярославъ пріѣхалъ

господствовать надъ трупами» или: «отселѣ исторія наша пріемлетъ достоинство истинно государственной» и проч. и проч.

Но вѣдь мало того, что въ этомъ легкомъ очеркѣ, въ этихъ немногихъ гениальныхъ страницахъ бездна лукавой и безпощадной ироніи: въ нихъ есть нѣчто высшее ироніи. Откуда въ немъ, въ этомъ Бѣлкинѣ, который считаетъ своею *обязанностью* писать съ важностью классическихкихъ историковъ о странѣ, именуемой Горохинымъ, и *живописуетъ* вычурнымъ слогомъ правы ея обитателей, — откуда въ немъ такое удивительное знаніе этихъ правовъ и такое любовное и вмѣстѣ совершенно-правильное къ нимъ отношеніе?

Типъ простого и смирнаго человѣка, впервые художественно выдвинутый на сцену Пушкинымъ въ лицѣ его Бѣлкина, съ тѣхъ поръ подъ различными формами является въ нашей литературѣ: то въ лицѣ простого, тоже смирнаго, но храбраго и честнаго, хотя вѣскольکو ограниченного по натурѣ человѣка, каковъ Максимъ Максимычъ Лермонтова; то въ лицѣ загнаннаго судьбою человѣка, который постоянно спасуетъ передъ хищнымъ и блестящимъ типомъ — у Тургенева; то въ лицѣ простого же, но страстнаго человѣка, надѣленнаго сильной, но неразвитой природою, который тоже пасуетъ въ жизни передъ внѣшне-блестящимъ, но внутренне-пустымъ типомъ — у Писемскаго; то въ лицѣ человѣка наконецъ, котораго глубокой анализъ довелъ до сознанія исключительной законности типа простого человѣка предъ блестящимъ, но постоянно поднимающимся на моральныя ходули типомъ, до вѣрїя даже въ возможность реального бытія такого ходульнаго типа — какъ у Толстого. Пушкина Бѣлкинъ еще вѣрїтъ въ существованіе мрачнаго, сосредоточеннаго Сильвіо; Лермонтовъ еще только иронически сочувствуетъ своему Максиму Максимычу и къ сожалѣнію *еще* вѣрїтъ въ своего Нечорина; Тургеневъ, сочувствуя глубоко и болѣзненно своему загнанному человѣку, не только вѣрїтъ въ блестящіе и страстные типы, но и самъ ими увлекается; Писемскій явно негодуетъ на торжество фальшиво-блестящаго надъ простымъ и безыскусственнымъ. Толстой анализируетъ, и анализомъ доходитъ до положительнаго невѣрїя во всякое сколько-нибудь *приподнятое* чувство. Между тѣмъ его невѣрїе — не прозаизмъ, вѣскольکو грубоватый, Писемскаго, и съ другой стороны не та искусственная практичность, которая заставляетъ Гончарова предпочесть Штольца романтику Обломову. Невѣрїе Толстого — результатъ глубокаго анализа, часто лохотящаго до крайностей,

часто разбивающаго свои собственныя основы, но иногда почти неузнающагося извѣстными сочувствіями и антипатіями.

Прежде чѣмъ разъяснить значеніе анализа Толстого, я долженъ предупредить вопросъ о томъ, почему, исчисляя различныя отношенія нашихъ писателей къ двумъ типамъ, я не сказалъ ни слова о ярко-замѣчательномъ отношеніи къ намъ Островскаго и Ф. Достоевскаго? То и другое отношеніе, какъ это будетъ объяснено въ свое время и въ своемъ мѣстѣ, совершенно оригинально. Въ идеалахъ чуждой намъ жизни искали Пушкинъ и Тургеневъ блестящихъ типовъ; въ глубинѣ народной жизни ищутъ какъ Островскій, такъ и Достоевскій, — в широкихъ типовъ, какъ напримѣръ типъ Петра Ильича и многія изъ лицъ «Мертваго дома», такъ радко и смиренныхъ. Смирные ихъ типы нельзя назвать въ противоположность типамъ широкимъ простыми, потомучто и широкіе ихъ типы взяты изъ народной жизни.

Сдѣлавши эту необходимую оговорку, возвращаюсь къ Толстому и значенію его анализа.

Анализъ Толстого дошелъ до глубочайшаго невѣрія во всѣ «приподнятыя», «необыденныя» чувства души человѣческой. Въ этомъ его высокое значеніе, въ этомъ же и его односторонность. Анализъ разбилъ готовые, сложившіеся, *отчасти* чужіе намъ идеалы, силы, страсти, энергіи. Въ русской жизни онъ, какъ и всѣ видятъ — только отрицательный типъ простого и смирнаго человѣка — и привадалъ къ нему всей душою. Вездѣ слѣдитъ онъ идеалъ простоты душевныхъ движеній: въ горести няни (въ «Дѣтствѣ и отрочествѣ») о смерти матери героя, — горести, противопоставляемой имъ нѣсколько эффектной, хотя и глубокой скорби старой графини; въ смерти солдата Веленчука, въ честной и простой храбрости капитана Храброва, явно превосходящей въ его глазахъ несомнѣнную же, но крайне эффектную храбрость одного изъ кавказскихъ героев à la Марьянскій; въ покорной смерти простого человѣка, противопоставленной смерти страдающей, но капризно страдающей барыни... Но впервыхъ, несмотря на всю свою глубокую искренность, можетъ-быть именно вслѣдствіе задачи, поставленной въ искренности анализа, Толстой иногда и пересаливаетъ въ своей строгости къ «приподнятымъ» чувствамъ. Не многіе напримѣръ будутъ съ нимъ согласны насчетъ большей глубины горя няни перелъ горей старухи-графини. Вторыхъ, этотъ анализъ, дошедшій до любви къ смиренному типу преимущественно по невѣрію въ блестящій и хищный типъ, въ концѣ концовъ, неопираясь на почву, дающую оба типа, ведетъ къ какому-то пантеистическому отчаянію, очевидному въ «Люцернѣ», «Альбертѣ» и выразившемуся еще прежде въ

«Запискахъ маркера». Встрѣтыхъ наконецъ этотъ анализъ обращается въ какой-то безсодержательный, въ анализъ анализа, своею безсодержательностью приводящій къ скептицизму и къ подрыву всякихъ душевныхъ чувствъ. Ключъ къ концамъ этого анализа — это смерть дуба въ «Трехъ смертяхъ», смерть, поставленная сознаниемъ выше смерти нетолько развитой барыни, но и выше смерти простого человѣка. Въдь отсюда одинъ шагъ къ нигилизму.

Правъ этотъ анализъ собственно только въ казни, безпощадно совершаемой имъ надъ всѣмъ фальшивымъ, чисто сдѣланымъ въ ощущеніяхъ современнаго человѣка, которыя Лермонтовъ суевѣрно обоготворилъ въ своемъ Печоринѣ. А правъ онъ вотъ почему.

Въ стремленіи къ идеалу или на пути духовнаго совершенствованія, всякаго стремящагося ожидаютъ два подводныхъ камня: отчаяніе отъ сознанія своего собственнаго несовершенства, изъ котораго есть еще выходъ, и неправильное, непрямое отношеніе къ своему несовершенству, которое почти совершенно безвыходно. Что человѣку непріятно и тяжело сознавать свои слабыя стороны, это конечно не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; задача здѣсь заключается преимущественно въ томъ, чтобы къ этимъ слабымъ сторонамъ своимъ отнестись съ полною, безпощадною справедливостію. Самое обыкновенное искушеніе въ этомъ случаѣ — уменьшить въ собственныхъ глазахъ свои недостатки. Но есть искушеніе несравненно болѣе тонкое и опасное, именно — преувеличить свои слабости до той степени, на которой онѣ получаютъ извѣстную значимость и пожалуй даже, по извращеннымъ понятіямъ современнаго человѣка, величавость и обаятельность зла. Мысль эта станетъ совершенно понятна, если я напомину обаятельную атмосферу, которая разлита вокругъ образовъ — не говорю уже Манфреда, Лары, Гяура, — но Печорина и Ловласа: психологическій фактъ, весьма нерѣдкій съ тѣхъ поръ какъ

Британской музы небылицы
Тревожатъ сонъ отроковицы...

Возьмите какую угодно страсть и доведите ее въ вашемъ представленіи до извѣстной степени энергіи, поставьте ее въ борьбу съ окружающею ее обстановкою — наше трагическое воззрѣніе закроетъ отъ васъ всѣ мелкія пружины ея дѣятельности. Эгоизму современнаго человѣка несравненно легче помириться въ себѣ съ крупнымъ преступленіемъ, чѣмъ съ мелкой и пошлой подлостью; гораздо пріятнѣе вообразить себя Ловласомъ, чѣмъ гоголевскимъ Собакинскимъ, скупымъ рыцаремъ, чѣмъ Плюшкинымъ, Печоринымъ, чѣмъ Меричемъ; даже, ужь если на то пошло, Грушниц-

кимъ, чѣмъ Милашинымъ Островскаго, потомучто Грушницкій хоть умираетъ эффектно! Сколько лягушекъ надуваются по этому случаю въ волонъ въ насъ самихъ и вокругъ насъ! сколько людей *желаютъ* показаться себѣ и другимъ *преступными*, когда они сдѣлали только *пошлость*! сколько гаденькихъ чувственныхъ пополозневей стремятся принять въ насъ размѣры колоссальныхъ страстей! Хлестаковъ, даже Хлестаковъ, и тотъ зоветъ городничиху «удалиться подъ сѣнь струй!» Мерячъ, въ «Бѣдной невѣстѣ» самодовольно проситъ Марью Андреевну простить его, что онъ «возмутитъ миръ ея невинной души!» Тамариня радъ радехонекъ, что его зовутъ демономъ!

Такимъ образомъ, даже и по наступленіи той минуты, съ которой въ натурѣ нравственной должно начаться правильное, т. е. комическое отношеніе къ собственной мелочности и слабости, гордость вмѣсто прямого поворота предлагаетъ намъ изворотъ. Изворотъ же заключается въ томъ, чтобы поставить на ходули безсилную страстность души, признать ея требованія все-таки правыми; переживши минуты презрѣнія къ самому себѣ и къ своей личности, сохранить однако вражду и презрѣніе къ дѣйствительности.

Вотъ въ казни этого-то психическаго изворота и правъ вполне анализъ Толстого, правѣ чѣмъ анализъ Тургенева, иногда и даже верѣдко каждацій нашимъ фальшивымъ сторонамъ, и съ другой стороны — правѣ чѣмъ анализъ Гончарова, ибо казнить во имя глубокой любви къ правдѣ и искренности ощущеній, а не во имя узкой, бюрократической практичности; правѣ и анализа Писемскаго, ибо онъ знаетъ глубоко, знаетъ какъ Лермонтовъ современнаго чело-вѣка, Писемскій же рисуетъ его болѣе по наслышкѣ и по наглядкѣ и потому часто не достигаетъ своей цѣли, утрируя его иногда до карикатурности.

Неправъ же анализъ Толстого не только по вышеизложеннымъ причинамъ и не только потому, что не опирается на народную почву, но еще и потому, что не придаетъ значенія блестящему *дѣйствительно* и страстному *дѣйствительно* и хищному *дѣйствительно* типу, который и въ природѣ и въ исторіи имѣетъ свое оправданіе, т. е. оправданіе своей возможности и реальности.

Не только мы были бы народъ весьма щедро одаренный природою, еслибы мы видѣли свои идеалы въ однихъ смиренныхъ типахъ — будь это Максимъ Максимычъ или капитанъ Храбровъ, даже и смиренные типы Островскаго, — но пережитые нами съ Пушкинымъ и Лермонтовымъ типы — чужіе намъ только отчасти, только можетъ-быть по своимъ формамъ и по своему такъ-сказать лоску. Пережиты они нами потому собственно, что къ воспринятію

нихъ наша природа столь же способна, какъ и всякая европейская. Неговоря уже о томъ, что у насъ въ исторіи были хищныя типы и неговоря о томъ, что Стеньку Разина изъ міра эпическихъ сказаній народа не выживешь, — вѣтъ, самыя въ чуждой намъ жизни сложившіяся типы не чужды намъ и у нашихъ поэтовъ облакались въ своеобразныя формы. Вѣдь тургеневскій Василій Лачиковъ — XVIII вѣкъ, но русскій XVIII вѣкъ, а ужъ его напривѣръ страстный и беззаботно-прожигающій жизнь Веретьевъ — и подавно.

Стремленіе Пушкина къ блестящимъ, хотя повидимому чуждымъ намъ идеаламъ имѣетъ глубокія причины въ свойствахъ самой русской натуры. Потому-то, влѣзая въ кожу Бѣлкина, онъ все-таки не переставалъ быть ни Алеко, ни Донъ-Жуаномъ, хотя Толстой едвали повѣритъ напривѣръ жаждѣ мщенія, выражающейся въ извѣстной гирадѣ Алеко:

Я не таковъ... вѣтъ! я неспоря
Отъ правъ моихъ не откажусь и проч.

И Толстой будетъ правъ, какъ правъ и Писемскій, карикатурно-зло, но вѣрно изображая Батманова и Хазарова, «драпирющагося плащомъ Ромео», но правъ только по отношенію къ народнѣи типу страстнаго и сильнаго духомъ человѣка, а не по отношенію къ самому типу. Тѣмъ менѣе правы они будутъ, если русской натурѣ припишутъ только одинъ идеалъ «смирнаго» человѣка.

Въ русской натурѣ вообще заключается едвали не одинаковое, едвали не равномѣрное богатство силъ, какъ положительныхъ, такъ и отрицательныхъ.

Нечадно смѣясь надъ всѣмъ, что несообразно съ нашей душевной мѣрой, хотя бы безобразіе несообразности, чудовищное или комическое, явилось даже въ томъ, что мы любимъ и уважаемъ — мы ведемъ всякое отрицаніе лжи до его крайнихъ предѣловъ, ни передъ чѣмъ неостанавливаясь и ничѣмъ несмуцаясь. Этимъ мы отличаемся отъ другихъ народовъ, въ особенности отъ нѣмцевъ, совершенно неспособныхъ къ комизму и весьма непослѣдовательныхъ въ своемъ хотя и смѣломъ отрицаніи, въ принципахъ. Сомнѣніа вѣтъ, что посмѣявшись надъ филистерствомъ какого-либо знаменитаго ученаго, вы впадаете въ глазахъ нѣмца въ *crimen laesae majestatis*; и извѣстно вамъ также, что великій учитель, подорвавшій своимъ смѣеобразнымъ положеніемъ всякія формы, остановился въ умилевіи передъ формами прусскаго государства — и это все не изъ политическаго благоразумія, а просто потому, что былъ нѣмецъ.

Съ другой стороны мы столь же мало способны къ строгой, од-

вообразной чинности, кладущей на все уровень вѣшняго порядка и составной цѣльности; съ утопіями формализма, каковы бы онѣ ни были — утопія ли бюрократовъ, или утопія фурьеристовъ, казарма или фаланстера — мы не миримся.

Любя праздники и нерѣдко цѣлую жизнь прожигая въ празднопатательствѣ и круженіи, мы не можемъ мѣшать дѣлу съ бездѣльемъ и дѣлая дѣло, сластоугодно наслаждаться мыслью о приготовленіи себѣ посредствомъ его извѣстной порціи законнаго бездѣлья. Этимъ мы опять-таки въ значительной степени разнимся отъ нѣмцевъ. Мы можемъ ничего не дѣлать, но не можемъ на дѣло смотрѣть какъ на prolegomena къ взлору. Одинъ изъ типическихъ героевъ нашихъ, Чацкій говоритъ правду:

Когда дѣла — я отъ веселій прячусь,

Когда дурачиться — дурачусь...

А смѣшивать два эти ремесла

Есть тѣмъ охотниковъ, — я не пзъ ихъ числа.

Съ другой стороны мы не можемъ помириться съ вѣчной суетней и толкотней общественно-буднической жизни, не можемъ среди ея заглушить въ себѣ тревожнаго голоса своихъ высшихъ духовныхъ интересовъ, но зато, скоро уставая бороться во имя ихъ съ будничною дѣйствительностью, впадаемъ нерѣдко въ хандру.

Таковы нѣкоторыя, довольно неоспоримыя кажется черты нашей — скажемъ безъ ложнаго смиренія — богатой стихійной природы, черты свидѣтельствующія о ея тревожныхъ, порывающихъ въ широкую даль началахъ. О нашихъ качествахъ смиренія, непамятозлобія и проч. я не говорю. Они давно признаны всѣми, хотя безъ всякой мѣры, до пересолу славянофилами, невидящими комической стороны нашего смиренія въ смиреніи Фамусова и таковой же стороны нашего непамятозлобія въ дешовыхъ примиреніяхъ «передъ порогомъ кабака». На этихъ однихъ, хотя и дѣйствительно прекрасныхъ качествахъ мы бы далеко не уѣхали. И такъ они немало намъ повредили своимъ одностороннимъ преобладаніемъ. Доселѣ еще мы можемъ любоваться ихъ одностороннимъ преобладаніемъ въ мірѣ драмъ Островскаго — въ покорности домохозяевъ передъ Китаемъ Кытычемъ, въ ёрническомъ раболѣпнн передъ Самсономъ Силычемъ Лазаря Полхалюзина, въ дешовомъ непамятозлобіи, основанномъ на сознаніи общественной безнравственности, Антипа Антипыча и того, кого онъ «помазалъ» насчетъ товара.

Да будетъ далека отъ читателя мысль, чтобы я смѣялся надъ этими сами по себѣ святыми началами, чтобы напримѣръ весь міръ, изображаемый Островскимъ, этотъ міръ коренной и отчасти

застывшій безъ развитія въ своихъ коренныхъ началахъ, но зато сохранившій упрямно свои самостоятельныя начала, — чтобы этотъ міръ, за поклоненіе которому я подвергаюсь постояннымъ укорамъ достопочтенныхъ «Отечественныхъ Записокъ», я считалъ «темнымъ царствомъ» весь, всецѣло — съ его величавыми патриархами, каковы Русаковъ, несмотря на его нѣкоторое резонерство, и отецъ Петра Ильича, несмотря на его раскольническую жестокость; съ его широкими и вмѣстѣ благодушными личностями вроде Бородкина и Кабанова, который душою выше своего положенія; съ его женщинами — отъ Любви Гордѣевны до страстнаго типа Катерины и идеально-религіознаго типа Марфы Борисовны, благодушной и свѣтлой до того, что она готова лгать при всей чистотѣ своей, чтобы только не обидѣть «хорошаго человѣка»; съ его наконецъ мужами эвергіи и борьбы — отъ падшей, но великой натуры Любима Торцова, незнающей куда дѣвать свою силу, натуры Петра Ильича до мужа-борца, доходящаго до религіозныхъ экстазовъ, но практически и вмѣстѣ героически кабалащаго народъ ради земскаго дѣла. Нѣтъ, это слишкомъ многообразный, какъ жизнь вообще, и свѣтлый и темный вмѣстѣ міръ. Но вѣдь въ немъ не одни же наши смиренныя свойства развиваются, и въ немъ же очевидны печальныя послѣдствія односторонняго развитія этихъ свойствъ.

Въ немъ есть и другія порывающія, тревожныя свойства, — что, какъ уже замѣчено, составляетъ богатство нашей природы.

Пока эта природа съ ея богатыми стихійными началами и съ безпошаднымъ здравымъ смысломъ живетъ еще сама въ себѣ, т. е. живетъ безсознательно, безъ столкновенія съ другими живыми организмами, какъ-то было до петровской реформы, — она еще спокойно вѣрится въ свою стихійную жизнь, еще не разлагаетъ своихъ стихійныхъ началъ. Сложившійся типъ еще крѣпокъ. Еще онъ всецѣло поддерживается «Домостроемъ» попа Сильвестра». Вы нисколько не возмутитесь тѣмъ, что наприимѣръ посланникъ Алексѣя Михайловича во Франціи, Потемкинъ, оскорбленный откупщикомъ «маршалка де-Граммона», хотѣвшаго взять пошлину съ окладовъ св. иконъ, ругаетъ его: «врагомъ креста Христова и псомъ несатытымъ» и знать не хочетъ, что откупщикъ просто-напросто дѣйствуетъ на основаніи *своихъ* правъ. Вы не возмущаетесь и тѣмъ, что въ другую, еще только вѣшне-породнившуюся съ развитіемъ эпоху, Денису Фонвизину въ варшавскомъ театрѣ звуки польскаго языка кажутся *подлыми*, и скорѣе восхищаетесь злой оригинальностью его замѣчанія вроде того, что «разсудка Французъ не имѣетъ, да и имѣть его почелъ бы за величайшее несчастіе». Всѣ эти черты стараго,

крѣпкаго, еще мало возмущеннаго въ коренныхъ своихъ основахъ типа вамъ не только понятны, но даже и любезны...

И вдругъ этотъ вѣками сложенный типъ, эта богатая, но еще нетронутая стихійная природа поставлена — и поставлена уже не случайно, не на время, а навсегда — въ столкновение съ иною, дотола чуждою ей жизнью, съ иными, столь же крѣпко, но роскошно и полно сложившимися идеалами. Пусть на первый разъ она какъ Фонвизинъ отнеслась къ этимъ чуждымъ ей типамъ, только критически... Неминуемо долженъ совершиться другой процессъ.

Тронутыя съ мѣста стихійныя начала встаютъ какъ морскія волны, поднятыя бурей; начинается страшная ломка, выворачивается вся внутренняя, бездонная пропасть.

Оказывается — какъ только разложился старый, исключительный типъ, — что у насъ есть сочувствіе ко всѣмъ идеаламъ, т. е. существуютъ стихіи для созданія многообразныхъ идеаловъ. Сущность наша — типовая мѣра, душевная единица разложилась, и на первый разъ дѣйствуютъ только многообразныя силы страшныя, дикія, необузданныя. Каждая изъ этихъ силъ хочетъ сдѣлаться центромъ души, и пожалуй могла бы, еслибъ не было другой, третьей, многихъ, равно просящихъ работы, равно зжидительныхъ и пожалуй равно разрушительныхъ, и еслибы кромѣ того въ ней самой, въ этой силѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, не заключалась равномѣрная отрицательная сторона, неумолимо указывающая на всѣ неправильныя, чудовищныя или смѣшныя уклоненія, противныя типовой душевной мѣрѣ, — мѣрѣ, которая все-таки лежитъ на днѣ бурнаго процесса.

Способность силъ доходить до крайнихъ предѣловъ, соединенная съ типовой, болѣзненно-критическою отрыжкой, порождаетъ состояніе страшной борьбы. Въ этой борьбѣ неминуемо закруживаются натуры могущественныя, но не гармоническія. Такая борьба — періодъ нашего русскаго романтизма...

Наши великіе умы, бывшіе доселѣ, рѣшительно представляются съ этой точки могучими заклинателями страшныхъ силъ, пробующими во всѣхъ направленіяхъ служебную дѣятельность стихій, но забывающими порою, что нельзя совершенно выпустить на свободу эти грозныя порожденія бездны. Стоитъ только стихіи вырваться изъ центра на периферію, чтобы по общему закону организмовъ она стала обособляться, сосредоточиваться около собственнаго центра и наконецъ получила цѣльное, реальное бытіе.

И тогда горе заклинателю, который выпустилъ ее изъ центра, и это горе неминуемо ждетъ всякаго заклинателя, поскольку онъ чезовѣкъ... Пушкина скосила отдѣлившаяся отъ него стихія Алеко;

Лермонтова — тотъ страшный образъ, который сіялъ предъ нимъ «какъ царь въмой и горлый» и отъ мрачной красоты котораго самому ему «было страшно и душа тоскою сжималася»; Кольцова — та раздражительная и начинавшая во всемъ сомнѣваться стихія, которую тщетно заклиналъ онъ своими «думами». А сколько могучихъ, но не гармоническихъ личностей закруживали стихійныя начала: Милонова, Кострова — въ прошломъ вѣкѣ, Полежаева, Мочалова — на нашей памяти.

Да не скажутъ, чтобы я здѣсь игралъ словами. Стихійное вовсе не то, что *личность*. Личность пушкинская не Алеко и вмѣстѣ съ тѣмъ не Иванъ Петровичъ Бѣлкинъ, отъ лица котораго онъ любилъ рассказывать свои повѣсти: личность пушкинская — самъ Пушкинъ, заклинатель и властелинъ многообразныхъ стихій, какъ личность лермонтовская не Арбенинъ и Печоринъ, а самъ онъ,

Еще невѣдомый избранникъ

и можетъ-быть, по словамъ Гоголя, «будущій великій живописецъ русскаго быта». Прасоль Кольцовъ, умѣвшій ловко вести свои торговля дѣла, спасъ бы намъ надолго жизнь великаго лирика Кольцова, еслибъ не пожрала его, вырвавшись за предѣлы, та раздражающаяся дѣйствительностью, неловольная, слишкомъ впечатлительная сила, которую не всегда заклиналъ онъ своей возвышенной и трогательной молитвою.

О, гори лампада
Ярче предъ распятымъ!
Тяжелы мнѣ думы,
Сладостна молитва!..

Въ Пушкинѣ попреимуществу, какъ въ первомъ цѣльномъ очеркѣ русской природы, — очеркѣ, въ которомъ обозначились и объемъ и границы ея сочувствій, — отразилась эта борьба, высказался этотъ моментъ нашей духовной жизни, хотя великій мужъ былъ и не рабомъ, а властелиномъ и заклинателемъ этого страшнаго момента.

Поучительна въ высокой степени исторія душевной борьбы Пушкина съ различными идеалами, — борьбы, изъ которой онъ выходитъ всегда самимъ собою, особеннымъ типомъ, совершенно новымъ. Ибо чтó на примѣръ общаго между Онѣгинимъ и Чайльд-Гарольдомъ Байрона? чтó общаго между пушкинскимъ и байроновскимъ или мольтеровскимъ французскимъ или наконецъ испанскимъ Довъ-Жуаномъ?.. Это типы совершенно разлчные, ибо Пушкинъ, по словамъ Бѣлявскаго, былъ *представителемъ міра русскаго, человечества русскаго*. Мрачный сплавъ и язвительный скептицизмъ

Чайльд-Гарольда замѣнился въ лицѣ Онѣгина хандрой отъ праздности, тоскою человѣка, который внутри себя гораздо проще, лучше и добрѣе своихъ идеаловъ, который надѣленъ критическою способностью здороваго русскаго смысла, т. е. прирожденною, а не приобретенною критическою способностью, который — критикъ, потому что даровитъ, а не потому что озлобленъ, хотя самъ и хочетъ искать причину своего критическаго настроенія въ озлобленіи, и которому тоже критическая способность можетъ, того и гляди, указать средство выйти изъ ложнаго и напряженнаго положенія на ровную дорогу.

Съ другой стороны Донъ-Жуанъ южныхъ легендъ — это сластолюбивое кипѣніе крови, соединенное съ демонски-скептическимъ началомъ, на которое намекаетъ великое созданіе Мольера и которыми до ошьяненія восторгается вѣмецъ Гофманъ. Эти свойства обращаются въ созданіи Пушкина въ какую-то безпечную, юную, безграничную жажду наслажденія, въ сознательное даровитое чувство красоты, въ способность «*по узенькой плткль*» дорисовать весь образъ женщины, способность находить «страшную пріятность» въ потухшемъ взорѣ и помертвѣлыхъ глазахъ черноокой Ивесы: типъ создается однимъ словомъ изъ южной, даже африканской страстности, но смягченной русскимъ тонко-критическимъ чувствомъ, — изъ чисто русской удалы, безпечности, какой-то дерзкой шутки прожигаемою жванью, какой-то безусталой гоньбы за впечатлѣніями, такъ что чуть впечатлѣніе принято душою — душа уже далеко, и только «на свѣговой порошѣ» остался слѣдъ «не зайки, не горностайки», а Чурилы Пещковича, атого Донъ-Жуана мифическихъ временъ, порожденія нашей народнои фантазіи.

Эта поучительная для насъ борьба — и въ гениально-юношескомъ лепетѣ Кавказскаго плѣнника, и въ Алено, и Гирѣ (недаромъ же печальной памяти «Маякъ» объявлялъ героевъ Пушкина уголовными преступниками!), и въ Онѣгивѣ, и въ ироническомъ, лихорадочномъ и виѣстѣ сухомъ тонѣ «Пиковой дамы», и въ отношеніяхъ Ивана Петровича Бѣлкина къ мрачному Сильвіо въ повѣсти «Выстрѣлъ». На каждой изъ этихъ ступеней борьба стѣитъ подробнѣйшаго изученія... Но что вездѣ особенно поразительно, такъ это постоянная ненослѣдовательность живой и самобытной души, ея упорная непокорность усвоемому ей типу, при постоянной послѣдовательности умственной, послѣдовательности пониманія и усвоенія типа. Ясно видно, что въ типѣ есть для этой души что-то неотразимо-влекущее и есть виѣстѣ съ тѣмъ что-то такое, чему она постоянно измѣняетъ, что стало-быть рѣшительно не по ней.

Кружась въ водоворотѣ этого омута, наше сознаніе видѣло та-

кіе сны, и образы этихъ сновъ такъ ясно въ немъ отпечатлѣлись, что въ призрачной борьбѣ съ ними, или лучше-сказать мѣряясь съ ними, оно ощутило въ себѣ силы необъятныя, силы на созданіе самобытныхъ идеаловъ. Какимъ же образомъ, извѣдавши «добра и злая», можетъ оно остаться при однихъ чисто-отрицательныхъ типахъ?

Вопросъ объ отношеніи нашихъ писателей къ двумъ типамъ — вопросъ очень важный. Толстой представляетъ крайнюю грань односторонняго отношенія, грань замѣчательную не только по своей односторонности, но и потому еще, что любовь къ отрицательному смиренному типу родилась у нашего автора не непосредственно, какъ у писателей народной эпохи литература, а вслѣдствіе глубокаго анализа.

Душевный процессъ, который раскрывается намъ въ «Дѣтствѣ и Отрочествѣ» и первой половинѣ «Юности» — процессъ необыкновенно оригинальный. Герой этихъ замѣчательныхъ психологическихъ этюдовъ родился и воспитался въ средѣ общества, столь искусственно сложившейся, столь исключительной, что она въ сущности не имѣетъ реального бытія, въ сферѣ такъ-называемой аристократической, въ сферѣ высшаго свѣта. Неудивительно, что эта сфера образовала Печорина — самый крупный свой фактъ — и нѣсколько болѣе мелкихъ явленій, каковы герои разныхъ великосвѣтскихъ повѣстей. Удивительно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и знаменательно то, что изъ нея, этой узкой сферы, выходитъ, т. е. отрѣшается отъ нея посредствомъ анализа герой рассказовъ Толстого. Въдъ не вышелъ же изъ нея, несмотря на весь свой умъ, Печоринъ; не вышли же изъ нея герои графа Соллогуба и г-жи Евгеніи Туръ!.. А съ другой стороны становится понятнымъ, когда читаешь этюды Толстого, какимъ образомъ, несмотря на ту же исключительную сферу, натура Пушкина сохранила въ себѣ живую струю народной, широкой и общей жизни, способность и понимать эту живую жизнь, и глубоко ей сочувствовать и временами даже съ нею отождествляться.

Но натура Пушкина была натура по преимуществу синтетическая, одаренная непосредственностью пониманія и цѣлостностью захвата. Ни въ какую крайность, ни въ какую односторонность не впадалъ онъ. Равно удивителенъ онъ и въ тонѣ Бѣлкина, и въ тонѣ своихъ поэмъ, и въ сухомъ свѣтскомъ тонѣ «Пиковой дамы».

Натура же героя «Дѣтства, Отрочества и Юности» по преимуществу аналитическая. Анализъ развивается въ немъ равно и подкапывается глубоко подъ основы всего того условнаго, чѣмъ онъ

окуженъ, того условнаго, что въ немъ самомъ. Доходя до явленій ему неподдающихся, онъ передъ ними останавливается. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи въ высокой степени замѣчательны главы о вавѣ, о любви Маши къ Василью и въ особенности глава о юрливомъ, въ которой сталкивается онъ съ явленіемъ, которое и въ самой народной простой жизни составляетъ вѣчто рѣдкое, исключительное, эксцентрическое. Всѣ эти явленія анализъ противопоставляетъ всему условному, его окружающему, въ которомъ цѣлѣтъ нетронутымъ одинъ только святой образъ, — образъ матери, вѣжно, любовно и граціозно нарисованный образъ. Ко всему другому анализъ безпощаденъ. И понятно: передъ нимъ уже стоятъ несокрушимою стѣною, о которую онъ разбился, иныя, противоположныя, совершенно безъискусственныя явленія иной, не условной, а непосредственной жизни.

Онъ пораженъ простотою, неразложимостью этихъ явленій. И вотъ простоты, неразложимости добивается онъ отъ самого себя, роется терпѣливо и безпощадно-строго въ каждомъ собственномъ чувствѣ, даже въ самомъ томъ, которое по виду кажется совершенно святымъ (глава «Исповѣдь»), уличаетъ каждое свое чувство во всемъ, что въ чувствѣ слѣлано, даже напередъ, — велеть каждую мысль, каждую дѣтскую или отроческую мечту до ея крайнихъ граней. Вспомните напримѣръ мечты героя «Отрочества», когда его заперли въ темную комнату за непослушаніе гувернеру.

Анализъ въ своей безпощадности заставляетъ душу признаваться самой себѣ въ томъ, въ чемъ не всякая душа себѣ признается, въ томъ, въ чемъ стыдно себѣ самому признаться. Мудрено ли, что при огромномъ талантѣ, анализъ изощрился до того, что въ «Мятеля» способенъ влѣзть въ существо воробья, который «притворился, что клюнулъ»; въ «Военныхъ расказахъ» развертываетъ цѣлую ткань пустыхъ представленій, промелькнувшихъ передъ человекомъ въ минуту смерти, до поражающей, несомнѣнной правды.

Таже безпощадность анализа руководитъ героя и въ «Юности». Поддаваясь своей условной сферѣ, принимая даже ея предразсудки, онъ постоянно казнить самого себя и изъ этой казни выходить побѣдителемъ. Многіе находили растянутою первую половину «Юности». Это неправда. Волоковы, Нехлюдовы, князь должны были быть изображены съ такою мелочною подробностью, чтобы поразительнѣй вышло столкновеніе героя съ людьми иной жизни, съ даровитыми, хотя безумно кутащими личностями, полными силъ и высокими, безусловныхъ стремленій.

Столкновеніемъ съ этимъ живымъ міромъ кончается повидимому процессъ. Но только повидимому. Слѣдить его можно и даже дол-

жно въ «Восниныхъ расказахъ» — въ расказѣ: «Встрѣча въ отрядѣ», въ «Двухъ гусарахъ». Анализъ продолжаетъ свое дѣло. Останавливаясь передъ всѣмъ, что ему не поддается, и переходя тутъ — то въ пафосъ передъ всѣмъ громадно-гравдіознымъ, какъ севастопольская эпопея, то въ изумленіе передъ всѣмъ простымъ и смиренно-великимъ, какъ смерть Веленчука или капитанъ Храбровъ, онъ безощаденъ ко всему искусственному и сдѣланному, является же оно въ буржуазномъ штабсъ-капитанѣ Михайловѣ, въ кавказскомъ ли героѣ à la Марлинскій, въ совершенно ли доманой личности юнкера въ расказѣ: «Встрѣча въ отрядѣ». Одинъ только типъ остается нетронутымъ, неподвергнутымъ сомнѣнію — типъ простого и смирнаго человѣка.

Между тѣмъ въ «Двухъ гусарахъ» авторъ видимо увлекается старымъ гусаромъ съ его энергическимъ буйствомъ и размахистой удаляю, въ противоположность гусару новыхъ временъ съ его мелочностью и пошлостью; между тѣмъ въ «Альбертѣ» онъ явнымъ образомъ поэтизируетъ силу и страстность, хотя пропадая въ неизлечимомъ безпутствѣ.

Толстой — поэтъ, поэтъ точно такъ же какъ Тургеневъ. Отрицаніе всѣхъ «приподнятыхъ» чувствъ души не ведетъ его ни къ мѣщанскому прозаизму Писемскаго, ни къ бюрократической практичности Гончарова. Всего же менѣе ведетъ его анализъ къ утилитаризму. На утилитаризмъ отвѣчаетъ онъ своимъ «Люцерномъ», въ которомъ плачетъ о погибающемъ мірѣ искусства, страстей, исторіи, — «Люцерномъ», который неожиданно поразилъ всѣхъ въ эпоху своего появленія, хотя поражаться тутъ было нечѣмъ. Чего же хотѣли отъ Толстого?..

Прежде всего и паче всего — онъ поэтъ. «Приподнятыя» чувства души человѣческой онъ казнилъ только тамъ, гдѣ они напряженно, насильственно приподняты, тамъ однимъ словомъ, гдѣ лягушка раздувается въ вола, — иногда впадая только въ крайности, какъ въ предпочтеніи глубокаго горя старухи-няни горю старухи-графини, какъ въ изображеніи кавказскаго героя, который дѣйствительно герой, и герой нисколько не меньше *смирнаго* капитана Храброва, только герой своей эпохи, эпохи Марлинскаго.

Въ сущности поэтъ нашъ только скорбитъ о томъ, что не находитъ настоящихъ «приподнятыхъ» чувствъ въ той сферѣ, которую онъ знаетъ, но не можетъ отречься отъ ихъ исканія... Въ сферѣ же ивой, въ простой народной сферѣ, ему доступны и понятны вполне только смиренные типы... Да иначе и быть нельзя. Только непосредственно сжившись съ народною жизнью, нося ее въ душѣ, какъ Островскій, Кольцовъ и отчасти Некрасовъ, или сдущив-

шись въ подземную глубину «Мертваго дома», какъ Ѳ. Достоевскій, можно узаконить равно два типа — и типъ страстный, и типъ смирный. Пушкинъ понималъ это синтезомъ — и синтезомъ создалъ «Русалку» и Пугачева въ «Капитанской дочкѣ», и старика Дубровскаго. Тургеневъ глубокимъ сочувствіемъ къ народу доходилъ иногда до того, что страстный типъ иногда являлся ему въ совершенно своеобразныхъ формахъ даже посреди такъ-называемаго цивилизованнаго общества (Веретьевъ, Коротаевъ, Чартаухавовъ), большую же часть облекалъ его въ условныя формы или въ формы историческія (Василій Лачиновъ). Толстого эти формы не удовлетворяли и онъ постоянно подкапывался подъ нихъ какъ подъ всякія формы.

Доходя въ нѣкыя минуты до отчаянія анализа и оставивши слѣдъ этого отчаянія въ образѣ князя Нехлюдова («Записки маркера» и «Люцернъ»), утомленный работою анализа, Толстой, по натурѣ художникъ, рѣшился хоть разъ уснокониться въ разрѣшеніи психической задачи менѣе широкой — и далъ намъ «Семейное счастье». О достоинствахъ этого тихаго, глубокаго, простаго и высоко-поэтическаго произведенія, съ его отсутствіемъ всякой эффектности, съ его прямымъ и неломанымъ поставленіемъ вопроса о переходѣ чувства страсти въ иное чувство, пришлось бы писать еще цѣлую статью, еслибы статьи чисто-эстетическія были возможны, т. е. читаемы въ настоящую, напряженную минуту.

Задача моя была — возможности опредѣлить смыслъ явленія столь замѣчательнаго какъ Толстой.

А. ГРИГОРЬЕВЪ

ДВА СЛОВА О ДВУХЪ СТАТЬЯХЪ

«Зимній вечеръ въ бурѣ» Н. Помяловскаго, «Время», май 1862 г.

«Родныя картины» Е. Стопакевича, «Современникъ», май 1862 г.

-Нѣтъ въ мірѣ картины ужаснѣе!.. Это вѣчные похороны чувства, разума, жизни!..-

---

Тяжелое и безотрадное впечатлѣніе ложится на душу при чтеніи этихъ статей. Трудно вѣрить, чтобы могли быть такіе люди глѣнибудь даже въ самыхъ отдаленныхъ заколустяхъ нашего отечества. Это какой-то отчужденный домъ. И въ этомъ-то домѣ живутъ люди, изъ которыхъ современемъ должны выйти пастыри народа, руководители и наставники его на пути истины и нравственности! Какъ же они при такой обстановкѣ достигнутъ своего значенія? Имъ нужно знать свѣтъ и людей, съ которыми будутъ имѣть дѣло, а они, ограниченные *инструкціею*, спячатъ въ четырехъ стѣнахъ, гдѣ ничего не увидятъ кромѣ грязныхъ и отвратительныхъ шалостей занисныхъ бурсаковъ, ошельмованныхъ длинными прозвищами: *Митахи, Тавли, Чабри, Хоря* и т. п. Имъ придется встрѣтиться въ будущемъ своемъ служеніи обществу съ людьми различнаго направленія, различной правдивности, и всѣ эти люди будутъ искать у нихъ, какъ своихъ пастырей, назиданія, разрѣшенія своихъ сомнѣній, ободренія въ несчастіи, защиты отъ неправды. Что имъ скажетъ пастырь, когда и самъ онъ не въ состояніи будетъ осмыслять своего положенія, не въ состояніи понять чужихъ нуждъ и наконецъ не въ состояніи сказать здраваго слова, постоянно будучи занятъ въ школѣ бесплодными диспутами на разныя темы, вроде: что такое сущность? спасется ли Сократъ и т. п.?

При всей очевидности фактовъ, изображенныхъ въ означенныхъ статьяхъ и подвѣрждаемыхъ очевидцами этой бурсацкой жизни, нашлись люди, которые оспаривали ихъ достовѣрность, доказывали ихъ невозможность и нелѣпость, называли г. Помяловскаго лжецомъ, «Иудю-предателемъ», призывали на его голову проклетіе неба и страшныя кары начальства за его клевету и злонамѣренность. Это дѣло такъ меня заинтересовало, что я постарался познакомиться съ лицами, испытавшими на себѣ всю тяжесть бурсацкой жизни и просилъ ихъ посвятить меня во всѣ ея тайны, и вотъ что я узналъ. Представляю все это на судъ общества, для котораго не можетъ быть неинтересенъ бытъ его будущихъ пастырей. Я буду здѣсь вести рѣчь отъ лица познакомившаго меня со всею этою жизнью.

Бурса — это тотъ же «мертвый домъ», какой изобразилъ намъ г. Достоевскій. Различіе только то, что въ «Мертвомъ домѣ» г. Достоевскаго содержатся преступники, лишенные за свои злодѣянія свободы, чтобы они снова не могли вредить обществу; а здѣсь заключаются невинныя малютки, нерѣдко самими родителями, которые конечно не подозреваютъ, что ихъ дѣтей ожидаютъ безплодныя и безцѣльныя труды и страданія, и заключаются для того, чтобы впослѣдствіи вносить свѣтъ истины и добра въ общество. Живя въ «мертвомъ домѣ», каторжные съ нетерпѣніемъ ждутъ того счастливаго дня, когда съ ихъ ногъ снимутъ кандалы, когда имъ скажутъ: свободенъ! Они считаютъ мѣсяцы, дни и часы, и проживши день, съ радостью замѣчаютъ, что однимъ днемъ ближе къ выходу изъ каторги. Бываютъ личности, которыя не могутъ терпѣливо дожидаться опредѣленнаго срока и уходятъ изъ острога, несмотря на самый зоркій присмотръ команды, несмотря на то, что иногда за этимъ слѣдуетъ еще болѣе безотрадная будущность, но все-таки одинъ день, одинъ часъ прожилъ на волѣ!.. Такъ и въ бурсѣ. И бурсакъ такъ же нетерпѣливо ждетъ окончанія курса; я знаю товарищей, которые рассчитывали сколько оставалось мѣсяцевъ, недѣль, дней, часовъ, минутъ и секундъ до окончанія курса, и какую радостью наполнялось ихъ сердце, когда уменьшалось ихъ число! Каждый могъ предвидѣть, что и по окончаніи курса рѣдко ему улыбнется счастье, что ему предстоитъ жизнь полная тяжелыхъ трудовъ; и однако все-таки каждый съ радостью встрѣчаетъ день выхода изъ бурсы. Никакой арестантъ не радуется такъ своей свободѣ, какъ радуется освобожденію изъ бурсы ученикъ, хотя бы ему по выходѣ изъ бурсы не было гдѣ и голову приклонить.

Чтожъ это за жизнь такая, способная до того убить человѣка, что онъ плачетъ, когда его выгоняютъ изъ бурсы, и при всемъ томъ

ненавидять ее, и пятнадцать лѣтъ, а иногда и больше нетерпѣливо ждеть ея конца?

Впродолженіе пятнадцати лѣтъ мнѣ удалось побывать въ нѣсколькихъ бурсахъ. В—ская бурса хотя въ сущности представляетъ то же самое что и другія бурсы, однако нельзя не замѣтить въ ней нѣкотораго превосходства предъ бурсою на примѣръ «образцовою». Это происходитъ оттого, что в—скіе бурсаки не всѣ живутъ «въ казенныхъ грязныхъ стѣнахъ»: нѣкоторые изъ нихъ живутъ на вольныхъ квартирахъ, гдѣ мальчику хоть нѣсколько припоминается родной кровъ. Хозяйка квартиры беретъ на себя обязанность заботиться о внѣшней чистотѣ и опрятности учениковъ. Здѣсь рѣдко встрѣтишь паразитовъ, которые цѣлыми стадами ходили на головахъ бурсаковъ, описанныхъ г. Помяловскимъ; здѣсь рѣдко попадаетъ золотуха, чесотка и другія болѣзни. Надо замѣтить, что въ в—ской губ. первые два приготовительные класса (они теперь уничтожены) находились въ селахъ, при монастыряхъ. Въ монастырскомъ знаніи были только классы, а дѣти жили на вольныхъ квартирахъ подъ надзоромъ старшихъ изъ ихъ же среды. Тутъ былъ полный просторъ деспотизму педагоговъ: малютки безконтрольно отдавались въ ихъ руки и безсознательно привыкали къ жестокому обращенію съ ними; тутъ было полное царство розогъ. Что ни сдѣлаешь ученикъ, хотя бы это была не больше какъ дѣтская, невинная шалость, — являются на сцену розги. Услышать ли учитель въ какой-либо квартирѣ пѣнье — розги. Сорветъ ли ученикъ въ монастырскомъ саду яблоко — розги. Не пойметъ ли онъ урока — розги. Не пойдетъ ли въ классъ въ грязную погоду по невѣрному сапоговъ или даже по болѣзни, — грозный педагогъ, иногда для куражу подкрѣпившійся стаканомъ волки, не обращаетъ на это вниманія и являются розги. Однимъ словомъ розга безконтрольно царствовала въ нашей маленькой бурсѣ. Главное удобство этой бурсы — дешевизна содержанія. За два руб. или двѣнадцать золотыхъ ученикъ имѣлъ квартиру со столомъ на цѣлый мѣсяцъ; иногда же вмѣсто денегъ посылался *вмѣтъ*, т. е. извѣстное, условное количество съѣстныхъ припасовъ. Но нерѣдко бѣднякъ-отецъ или вловать не въ состояніи были уплатить и эту небольшую сумму; тогда мальчикъ долженъ былъ отбывать извѣстныя повинности хозяину квартиры за то только, что онъ подождетъ долгъ до поры, до времени. И вотъ ученикъ ѣздитъ съ хозяйскими лошадьми въ ночную въ поле или лѣсъ, привозитъ съ поля сжатую рожь и другія хлѣбныя растенія, молотитъ и т. п. Странное дѣло! отчего это дѣти только въ бурсахъ терпятъ такую горькую долю? У насъ есть въ уѣздныхъ городахъ и мѣстечкахъ свѣтскія школы, и мальчики такъ

же живутъ на квартирахъ: отчего тамъ нѣтъ этой гадости и пошлости, которыя губятъ насъ несчастныхъ?

Еще болѣе безотрадную картину представляетъ въ собственномъ смыслѣ бурса, гдѣ по большей части помѣщаются сироты, неимѣющія ни отца, ни матери, или дѣти бѣдняковъ — дьячковъ, пономарей, которые и сами не въ состояніи прокормить себя въ селѣ. Свѣжаго человѣка, попавшаго въ жилища комнаты маленькихъ бурсаковъ, поразитъ съ перваго разу грязь, попадающаяся на каждомъ шагѣ, исхудавшія лица, будто дня два невидѣвшія хлѣба, грязная и оборванная одежда, едва покрывающая тѣло бурсака, но ничуть не защищающая его отъ вліянія стихій; деревянныя кровати, иногда даже безъ соломы, покрытыя какою-нибудь убогою простынею или ковромъ, рѣдко гдѣ ватнымъ одѣяломъ. Загляните въ ихъ сундучки и вы найдете въ нихъ нѣсколько кусковъ хлѣба; думаете, что эти куски запасены на будущее время? Ошибаетесь: голодный мальчикъ съ удовольствіемъ съѣлъ бы ихъ теперь, да нужно отдать прачкѣ за мытье бѣлья, потомучто казенной прачки не полагается. Онъ самъ ограничивается обѣдомъ безъ хлѣба или данный кусокъ на обѣдъ раздѣляетъ на двѣ части: одну часть съѣдаетъ въ обѣдъ, а другую бережетъ къ ужину, для того чтобы кусокъ, поданный ему къ ужину, оставался цѣлымъ для прачки. Не для одной прачки берегутся эти куски, а и для другихъ потребностей. Нужны ученику перья, бумага, чернила — и вотъ онъ копить *пайки* (такъ назывались у насъ эти куски) и продаетъ ихъ по грошу какой-нибудь мѣщанинкѣ и вырученныя гроши употребляетъ на покупку нужныхъ ему вещей. Грустная картина! И подобныя картины встрѣчаются не въ одной какой-нибудь провинціальной бурсѣ, а разсѣяны по всему пространству нашей благодатной Руси. Вотъ что пишетъ г. Слѣпцовъ («Современникъ», май 1862 г.: «Письма объ Осташковѣ»):

• Мой знакомый учитель привезъ насъ въ свой классъ... Боже мой, что это такое?! И еще, говорятъ, въ Осташковѣ духовное училище само изъ лучшихъ въ этомъ родѣ! Вопервыхъ меня поразилъ особенный запахъ, который такъ и бросается въ носъ, только-что отворишь дверь въ классъ. Что это за запахъ, трудно опредѣлять. Это какая-то смѣсь, букетъ какой-то, составленный изъ запаха капусты, кислыхъ полшубковъ и дегтярныхъ сапоговъ, смѣшанный съ запахомъ человѣческаго тѣла, и притомъ такого тѣла, которое богъ-знаетъ съ которыхъ поръ не было въ банѣ и страдаетъ изнурительной испариной; только испарина эта уже остыла и прокисла. Это не тотъ прѣлыи запахъ жидкого покая, который всѣмъ извѣстенъ, а другой, уже успѣвшій сконцентрироваться, прогорѣвшій, страшный запахъ. Комната неопылена и ученики сидятъ кто въ чемъ пришло: въ халатахъ, въ тулупахъ, въ кацавейкахъ, съ бабыши котами на ногахъ, другіе даже

въ лаптяхъ, простуженные, съ распухшими лицами и торчащими вихрями. Уныніе какое-то на лицахъ, точно всё ждуть наказанія (въ нашей маленькой бурсѣ неразъ всёхъ сѣкли поголовно, праваго и виноватаго: одинъ разъ зато, что кто-то рвалъ яблоки въ саду монастырскомъ; виновнаго не отыскали, потому пришлось всёмъ поплатиться. Сначала цѣлые два часа всё простояли на колѣняхъ, а послѣ испробовали и розги!). Въ другомъ классѣ шла арифметика. Учитель вызвалъ ученика къ доскѣ и задавъ задачу. Ученикъ вышелъ изъ парты, поклонился учителю, какъ-будто остерегаясь, чтобы тотъ по шеѣ его не ударилъ (и это бывало!), и поправилъ себѣ штаны. Другой ученикъ подошелъ къ учителю, точно также поклонился и подалъ мѣлъ.

Каждый, кто знакомъ съ бурсою не по однимъ только слухамъ, по совѣсти долженъ сознаться, что такъ бываетъ вездѣ, во всёхъ бурсахъ. Человѣку постороннему, какъ г. Слѣпцовъ, незачѣмъ было выдумывать небывальщину. Стоитъ вспомнить, что при осмотрѣ всёхъ учебныхъ заведеній лицами официальными оказывалось, что только одни духовныя училища изъ рукъ вонъ плохи, несмотря на то, что наши педагоги на этотъ случай старались показать свое заведеніе въ самомъ выгодномъ свѣтѣ. Въ обыкновенное время, и притомъ частнымъ лицамъ, не дозволялось проникать въ эти святилища наукъ (какъ это было года два тому назадъ въ Костромѣ).

При такой непривлекательной внѣшней обстановкѣ ученикъ, съ семью или девяти лѣтъ заключенный въ четырехъ стѣнахъ или покрайней-мѣрѣ ограниченный извѣстною инструкціею, составленною вовсе не на основаніи нуждъ и потребностей ученика, а единственно на основаніи бурсацкаго, дикаго взгляда на вещи, — отдается на произволъ всей бурсацкой аристократіи.

Начальство, — говорить г. Помяловскій, — чтобы сдерживать учениковъ въ границахъ *училищной инструкціи*, изобрѣло цѣлую бурсацко-бюрократическую систему. Оно отдало однихъ товарищей подъ власть другимъ, *желая ввести въ среду ихъ междоусобіе*. Такими властями были: *старшіе спальные, старшіе дежурные, цензора, аудитора и скандатора*... Всѣ эти власти выбирались изъ *второкурсныхъ*. (Послѣднее впрочемъ не всегда дѣлалось: теперь авторитетъ второкурсныхъ совершенно палъ, а въ провинціальныхъ бурсахъ онъ никогда и не имѣлъ такого громаднаго значенія, какъ въ бурсѣ, описанной г. Помяловскимъ. При всемъ томъ результаты этой бурсацкой бюрократіи остались тѣже...)

Изъ всего этого — продолжаетъ г. Помяловскій — вышла одна гадость. Къ второкурснымъ (вообще ко всёмъ обремененнымъ извѣстною властью) было полное довѣріе начальства. (Въ образцовой бурсѣ старшіе ставили своихъ подчиненныхъ на колѣни, позволяли себѣ лишать ихъ ужина; нечего и говорить о выговорахъ и негѣныхъ замѣчаніяхъ.

Особенно отличался фаворитъ инспектора, домысливавшего нѣтъ, что и не человѣкъ...) Жалоба на нихъ была оскорбленіемъ для смотрителя (или ректора) и инспектора (въ образцовой бурсѣ за это попадало не шефъ, да притомъ еще нужно было просить прошенія у старшаго!); деспотизмъ ихъ развился въ высшей степени, и ничто такъ не опод-
ляетъ духъ учебнаго заведенія, какъ власть товарища надъ товарищемъ (и вообще ученика надъ ученикомъ, какого бы класса онъ ни былъ).

Спрашивается: для чего нужно нашимъ педагогамъ вносить въ среду учениковъ междоусобіе? «Я люблю, говорилъ одинъ педагогъ — когда ученики затѣютъ ссору: въ этомъ случаѣ вся пріязнь на верхъ выплываетъ.» Въ недавнее еще время ссоры между учениками двухъ старшихъ курсовъ «образцовой» бursы бывали довольно часто. Обыкновенно начинали младшіе, будучи выведены изъ терпѣнія *властями*, которыя всѣ исключительно назначались изъ высшаго класса. Тѣ по самолюбію не могли сносить дерзости «бутовщиковъ», начинали пользоваться своими правами и всевозможные дразня, нерѣдко гадкіе и отвратительные, касающіеся овокъ противниковъ, выводили на чистую воду предъ инспекторомъ. Инспекторъ бывалъ радъ случаю показать свою власть надъ беззащитными учениками. Это дѣло не всегда оканчивалось благополучно; иногда, при повтореніи какой-нибудь шалости, отправлялся за *ворота* (вовъ изъ бursы) и во всякомъ случаѣ считались до конца курса негодными и обыкновенно оканчивали курсъ въ числѣ послѣднихъ. Нечего и говорить, что въ числѣ пострадавшихъ могли быть и бывали невинные. Но такова ужъ система бурсацкая! Бурсакъ, получившій власть надъ своими товарищами, тотчасъ старается оторваться къ нимъ какъ лицо начальственное, становится маленькимъ деспотомъ, требуетъ отъ своихъ подчиненныхъ почтенія и даже повиновенія и при малѣйшей непокорности послѣднихъ считаетъ своимъ долгомъ прикрикнуть на нихъ и погрозить изгнаніемъ за *ворота*...

Неразъ я думалъ: какое значеніе имѣетъ вся эта бюрократія? Еслибы лица, облеченныя властью надъ товарищами, были крайней мѣрѣ посредниками между учениками и начальствомъ; то это еще имѣло бы смыслъ. Но тутъ ничего этого нѣтъ; начальство хочетъ, чтобы эти власти пересказывали ему все что на дѣлаютъ дурного ученики (о хорошихъ качествахъ ученика оно не интересуется знать. Напримѣръ, я старшій, подаю мѣсячный отчетъ о поведеніи *выпренныхъ моему смотрѣнію* учениковъ. Если въ этомъ отчетѣ всѣ *отмѣчены* хорошо, на него никто вниманія не обратитъ; если же противъ кого-нибудь будетъ плохая отмѣтка; тогда у инспектора и руки зачеснутся отъ удовольствія...) — и для чего? Для

того чтобы исправить их? Идуть не бывало. Что при этом случае не имѣлось въ виду исправленія учениковъ, доказываетъ слѣдующій фактъ. Въ нашей бурсѣ былъ одинъ мальчикъ Р..., мальчикъ способный, рѣзвый, любившій иногда пошутиться. Рѣзвость этого мальчика показалась инспектору неисправною шалостью и онъ объявилъ, чтобы Р... готовился къ исключенію. Тутъ старшіе (кстати замѣчу: это было уже во время ломки бурсацкой дисциплины) вступились за Р..., взяли его на поруки и обѣщались исправить его какими бы то ни было образомъ. Р... съ этого времени вѣроятно измѣнился, сталъ прилежнѣе учиться, даже настоящие замѣтки въ немъ эту переѣму и обратили было на него вниманіе. Чтоже вышло? Инспектору не понравилась рѣзвость этого мальчика, да къ несчастію онъ курилъ еще табакъ; мальчика признали неисправнымъ и выгнали изъ бурсы. Какъ-будто мальчикъ можетъ быть неисправнымъ!..

Бывало у насъ еще и не такіе случаи. Начальству не понравился ученикъ, но онъ какими-то намеромъ пошелъ въ старшіе. Лишить должности старшаго безъ всякаго основанія какъ-то неловко (хотя у насъ и это бывало). На помощь начальству поспѣшила судьба: ученикъ заболѣваетъ и довольно надолго, — его и увольняютъ отъ должности старшаго по болѣзни. Этимъ дѣломъ не оканчивается; въ лице прекрасное утро ему объявляютъ, что онъ не можетъ быть тершимъ въ заведеніи, но такъ какъ исключать въ то время запрещено было главнымъ начальникомъ, то ему предлагаютъ самому проситься вонъ изъ заведенія, обѣщая дать хорошій аттестатъ: въ противномъ случаѣ дадутъ такую тумаку, съ которою и въ солдаты не примутъ. — «Чтоже за причина?» спрашиваютъ удивленный ученикъ. — «Тебѣ какое дѣло до этого? Ты дѣлай что велать, а то плаха будетъ.» Какова логика?.. Впрочемъ это не единственный случай въ этомъ родѣ...

Нелишне будетъ сказать нѣсколько словъ о томъ, какія исправительныя мѣры употребляютъ наши педагоги. Въ малой бурсѣ и до сихъ поръ еще царствуетъ розга, хотя въ послѣднее время она стала употребляться рѣже. Въ бурсѣ высшей розга вовсе не употребляется, исключая какихъ-нибудь чрезвычайныхъ случаевъ; но и здѣсь, какъ и въ малой бурсѣ, исправительныя мѣры, или мѣры неказанія, нисколько не сообразны съ проступкомъ ученика; чаще-чаще онѣ совершенно произвольны, смотря по тому, въ какомъ расположеніи духа находится педагогъ и какъ этаго проступокъ относится къ его личности. По большей части такъ бываетъ. Оскорбилъ ученикъ старшаго — его оставляютъ безъ обѣда или задегнутъ въ карцеръ; не застегнуть былъ сертукъ у ученика.

при встрѣчѣ съ начальствомъ — безъ объѣда, да еще въ столовой на колѣни; не снялъ шапки за полверсты предъ начальникомъ — въ карцеръ; обѣдалъ въ саду безъ шапки — въ карцеръ; называлъ ректора не ваше в—іе, а просто о. или г. ректоръ — въ карцеръ; чай пилъ (пить чай въ нашей бурсѣ разрѣшили только четыре года тому назадъ) — въ карцеръ; пришолъ въ больницу навѣстить больного товарища — безъ объѣда; курилъ табакъ — въ карцеръ или за *ворота*. Изъ этого перечня проступковъ и соответствующихъ имъ наказаній можно судить о соразмѣрности наказаній съ проступками и о существующемъ въ бурсѣ понятіи о проступкахъ.

Въ основаніи всей этой отаратительной бурсацкой системы воспитанія лежитъ *ложь*. На ученика смотрятъ не какъ на человѣка, а какъ на какое-то безгласное существо, обязанное подчиняться одному слову, одному мановенію руки педагога. Самому способному мальчику скажутъ: *«ты скотина, оселъ!»* — и онъ долженъ соглашаться съ словами педагога, если не рискуетъ, чтобъ ему заѣхали въ *зюрбокъ*, или не выдернули клокъ волосъ изъ головы, или не подвергли другому какому-нибудь унижительному для человѣческаго достоинства наказанію. Въслѣдствіе такого превратнаго взгляда на ученика и выходитъ изъ него какой-то автоматъ въ нравственномъ отношеніи. У него добрый поступокъ не есть слѣдствіе сознательной и глубоко-прочувствованной мысли о добрѣ, а слѣдствіе комбинаціи различныхъ внѣшнихъ представленій, имѣющихъ форму добраго поступка; даже самый взглядъ на извѣстный добрый поступокъ у него превратный, нечеловѣческій. Повиновеніе есть *альфа* и *омега* бурсацкой педагогической системы, есть безмолвное и безпрекословное исполненіе воли каждаго *начальствующаго* лица. Когда говорятъ тебѣ: *«лѣзь въ огонь»*, или *«провались сквозь землю»* (я слышалъ самъ эти слова отъ одного педагога), то и тогда не *осудивайся* ослушаться... При такомъ нравственномъ настроеніи бурсы бываетъ одно изъ двухъ: или мальчики окончательно убиваются, или становятся въ оппозицію ко всему, стѣсняющему его въ чемъ бы то ни было.

Ужасно, мучительно состояніе человѣка, познавшаго, что въ немъ хотятъ убить нравственное чувство, хотятъ уничтожить сознаніе человѣческаго достоинства. Помню какъ одинъ педагогъ въ *«образцовой бурсѣ»* старался доказать мнѣ, что я не человѣкъ. Можетъ-быть это покажется кому страннымъ и невѣроятнымъ, но это такъ было. — «Ты человѣкъ?» спрашиваетъ онъ меня. — «Человѣкъ», отвѣчаю. — «Докажи!» И я началъ строить извѣстный слогизмъ: «Всѣ существа, одаренныя разумною и свободою душою и имѣющія извѣстную тѣлесную форму, суть люди; я имѣю все это —

его и человекъ.» Кажется и доказалъ, а на повѣрку вышло совсѣмъ другое. По мнѣнію этого педагога, *должестествовавшему* быть в нашихъ мнѣніяхъ, *человекъ* собственно не существуетъ и не можетъ существовать, а существуютъ только Кай, Сократъ, Платонъ и др., т. е. существуютъ единицы, изъ сочетанія которыхъ составляется общее понятіе, и это общее понятіе есть «человекъ». Это быть-можетъ была философская шутка?.. Но шутки въ сторону.

Отъ меня требуютъ, чтобы я вставалъ въ опредѣленномъ часу, чтобы въ извѣстное время являлся на молитву въ церковь, чтобы былъ въ классѣ, хотя бы наставника и вовсе не было въ классѣ, или хотя бы онъ пришолъ на десять минутъ, чтобы поругаться съ учениками (это очень часто бывало у насъ); чтобы предъ *старшими* былъ *застынутъ*, въ присутствіи его не смѣлъ сказать ни одного слова громко, не смѣлъ пройтись по комнатѣ. Если я нарушалъ какое-нибудь изъ этихъ правилъ, — я преступникъ, меня наказываютъ, какъ-будто отъ исполненія ихъ зависитъ мое нравственное и умственное развитіе; «меня огласятъ» бунтовщикомъ и неминуемо отправятъ за *ворота*. Когда посмотришь, что за *воротами* вѣтъ никого, кто бы приютить тебя, что придется тамъ умирать съ голоду и холоду — и смиришься, и свыкнешься съ этою жизнью, а въ душѣ ростетъ и зрѣетъ ненависть ко всѣмъ, кто стѣсняетъ тебя, и ко всему, что заставляютъ считать священнымъ...

Возникшее въ душѣ бурсака сознаніе ненормальности его положенія вездѣ преслѣдуетъ его, не даетъ ему покоя ни днемъ, ни ночью, и онъ старается заглушить въ себѣ это сознаніе. Но отъ себя не спрячешься; куда ни пойдешь, вездѣ за тобою пойдетъ сознаніе, что ты человекъ, а между тѣмъ въ тебѣ безнаказанно стараются уничтожить все что могло бы тебѣ напоминать человеческое достоинство. «Елена Кириловна! говоритъ *Привоосжденный*: — а человекъ... ейбогу человекъ... У меня честная душа...» Онъ сознаетъ, что онъ человекъ, и тяжело ему это сознаніе; онъ старается забыться, и какъ Манфредъ, ищетъ забвенія и находитъ его — въ винѣ... «Вина, друзья, вина! кричитъ онъ. — Въ немъ наша радость!..» И его друзья не въ состояніи иначе пособить его горю, кромѣ рюмки. «Петровичъ! другъ сердечный! успокойся! Брось ты печаль! Выпьемъ съ горя!..» И пьютъ всѣ, пьютъ до потери памяти, до потери самосознанія, однако и въ горячечномъ бреду вездѣ не разлечить дуухъ асѣе другихъ произносимыхъ словъ: «а человекъ!»

Многіе укоряютъ, и не безъ причины, лицъ высшаго духовнаго званія въ пьянствѣ и приписываютъ по большей части причину этого

порока тому, что они ничего не дѣлаютъ, да ничего и не въ состояніи дѣлать, и потому на досугѣ поклоняются Бахусу. Притомъ холженіе въ праздники по домамъ прихожанъ, которые стараются улучшать ихъ виномъ, будтобы еще болѣе усиливаетъ пьянство. Это едвали справедливо. Что подобныя благоприятныя обстоятельства могутъ усилить пьянство въ лицахъ духовнаго званія, спору нѣтъ; но чтобы это было причиною пьянства, это болѣе чѣмъ невѣроятно, это просто несправедливо. И знаю многихъ молодыхъ священниковъ, которые учились въ періодъ лѣжки бурсацкой дисциплины; они отличаются высокою, сравнительно съ другими, нравственностью, несмотря на то, что живутъ при тѣхъ же благоприятствующихъ пьянству условіяхъ. Начало этого страшнаго порока нужно искать въ бурсѣ.

«Положимъ, все это справедливо; но къ чему, спрашивается, выводить всю эту грязь наружу?» — неразъ слышала я этотъ вопросъ отъ людей, читавшихъ «Зимній вечеръ въ бурсѣ» г. Помяловскаго. По моему мнѣнію, когда въ комнатѣ грязь хранится по угламъ, то ее мало замѣчаютъ и она остается въ комнатѣ надолго; а выметя ее на середину — авось кто-нибудь догадается и совершенно очиститъ отъ нея комнату. Такое побужденіе было по всей вѣроятности и у г. Помяловскаго. Онъ понялъ, что всякій, кто прочтаетъ его статью, ужаснется этой жизни и съ большою осмотрительностью будетъ отдавать своихъ дѣтей въ бурсу. Да и сами педагоги, отъ взора которыхъ по большей части скрывалась вся гадость бурсатства и которые безсознательно и быть-можетъ ненамѣренно поддерживали этотъ порядокъ вещей, постараются уничтожить эту мертвящую, убивающую систему воспитанія и вмѣсто нея установить новую, на новыхъ, болѣе прочныхъ человѣческихъ началахъ.

Остается сказать нѣсколько словъ объ умственномъ образованіи въ бурсѣ. Въ бурсѣ, говоритъ г. Помяловскій, господствуетъ «долбня, долбня ужасающая и мертвящая», которая «проникаетъ кровь и кости учениковъ», такъ что ученіе здѣсь является «физическимъ страданіемъ»; нужно имѣть крѣпкую природу для «училищныхъ мукъ»; ученикъ, идя въ классъ, «воетъ»; онъ «рабъ», его «терзаютъ». Такова здѣсь наука! Нечего и говорить, что установивши такой взглядъ на ученіе сдѣлства, рѣдкій ученикъ измѣняетъ этотъ взглядъ въ высшихъ классахъ. Всѣ эти синекдохи, гиперболы, разныхъ сортовъ хрипъ — и прямой, и обратный, и силогизмы на манеръ *barbara*, *celarent*, *tertio* etc. заучиваются потому, что велить ихъ заучивать. Ничего нѣтъ недѣлнѣ составленія силогизмовъ по схоластическимъ формамъ, выраженнымъ

латвскими словами, невинными илкого значенія. А вещь серьезно все это дѣлалось! «Селарент!» восклицала педагогъ — в ученикъ облазавъ былъ по этому образцу строить силлогизмъ, прибирая различныя предположенія, то обще- или частно-утвердательныя, то обще- или частно-отрицательныя, смотря по гласнымъ буквамъ въ этомъ словѣ. Первѣю ученика дѣлые ласты исписывалъ силлогизмами всевозможныхъ родовъ и видовъ, чтобы отличиться предъ профессоромъ. И что изъ всего этого вышло? А вышло то, что ученикъ, изучивши всю эту дребедень, неумѣлъ связать нѣсколькихъ словъ, не въ состояніи былъ складно рассказать самыхъ обыкновенныхъ вещей. А напишетъ — любо читать: за каждой почти точкой *ибо, послѣду, потомушто, следовательно*, а иногда для форсу и *ergo*, такъ что думаешь — здѣсь собраны всевозможныя причины, основанія и доказательства, а помотришь — это *аргя, размышленіе, умствование, чувствованіе* (подъ этими формами изображаются роды сочиненій въ нашихъ риторикахъ); иногда и смысла человеческого нѣтъ. Составитель всевозможныхъ силлогизмовъ не объяснитъ самаго обыкновеннаго явленія, не отвѣтитъ на самый обыкновенный вопросъ. Вотъ разговоръ семинаристовъ о колацкихъ мертвецахъ.

Краснопѣвецъ. Я однажды ушья встрѣтилъ, сударыня! До смерти былъ испуганъ!

Леночка. И вы вѣрите въ мертвецовъ?

Краснопѣвецъ. Какже, Елена Кириловна! Мы всѣ *обязаны* (*обязаны!* точно въ классъ ходить по звонку) вѣрить.

Леночка. Пустяки какіе! Я никогда не повѣрю, это выдумка! Не правда ли, г. Пригвожденный?

Пригвожденный. Оставьте, сударыня, этимъ мертвымъ разглаговствовать о мертвецахъ...

Псаломскій. Ты, Яковъ Петровичъ, не замыслий неправды! Хожденіе мертвецовъ всегда заслуживаетъ вѣры!

Леночка. Почему же заслуживаетъ?

Псаломскій. Потому... потому... Гм! то-есть потому...

Пригвожденный. Потомучто языкъ твой прильде къ гортани. Не такъ ли?

Псаломскій. Сударыня! ейбогу сейчасъ скажу (точно говорить предъ учителемъ, который собирается его сѣчь, зато что не выучилъ урока или сдѣлалъ какую-нибудь шалость!). Заслуживаетъ потому...

И вѣрите, никогда не скажетъ почему. Это очень естественно, потомучто его голова набита разными риторическими тропами и фигурами, прямыми и обратными хриями и подобною дребеденью, которая притупляетъ смыслъ человека. Ему и въ голову никогда

не приходило, что кромѣ его умственной мира (составленного по бурсацкой логикѣ) есть миръ внѣшній, существующій независимо отъ его бытія, что въ этомъ мирѣ все совершается по нѣкоторымъ законамъ и направляется къ нѣкоторымъ цѣлямъ. Ему натолкнували, что всѣ явленія въ мирѣ видимаго *потому* существуютъ, *потому* они являютъ въ его головѣ, и что всѣ вещи и явленія мира видимаго не могутъ быть познаны такъ, какъ онѣ существуютъ на самомъ дѣлѣ (вѣроятно по слабости ума, а можетъ-быть это зависитъ и отъ свойства вещей) и что мы познаемъ только минимальныя и случайныя признаки вещей, — и онъ не знаетъ какъ и смотреть на видимый миръ, и какъ въ немъ ступить и что дѣлать. Нерѣдко онъ приходитъ отъ изученія этой философіи къ сомнѣнію въ своемъ собственномъ бытіи; но тутъ на помощь несчастному являетъ Декартъ со своимъ «*cogito, ergo sum*» — и ученіе успокоивается. Вотъ семинаристъ оставляетъ бурсацкія стѣны и являетъ въ общество; первая его забота: что тамъ дѣлать?

— Чтожъ? отвѣчаетъ *Мавзолевъ*: — дѣло ясное: придемъ, поведемъ и разговоры завведемъ.

Исаламскій. О чемъ разговоры? Это знать надо. Такъ нельзя.

Краснопѣвецъ. Какъ о чемъ? Известно — о предметахъ возвышенныхъ (замѣтимъ, что слова: возвышенные предметы — нѣждный мѣсто можно было слышать въ нашей бурѣ, а никто не знаетъ что это за возвышенные предметы), чтобы *фюръ* показать!

Исаламскій. Даю, братцы! Наканувъ всю логику прочитай, нарочно прочитаю... Знай нашихъ!

Такъ она разсуждаютъ! И не подозреваютъ, бѣдняжки, что никто не будетъ интересоваться ихъ свѣдѣніями въ логикѣ; они забываютъ, что не можетъ интересоваться никого то, къ чему сами они питаютъ отвращеніе. Но вотъ они уже на именинахъ, а еще ни слова не сказали съ именинницей.

Надо бы съ ней какіе-нибудь разговоры завести, говоритъ *Исаламскій*: — пора уже!

Краснопѣвецъ. Я начну о чувствахъ...

Исаламскій. Нѣтъ, братъ, о чувствахъ нехорошо. Надобно что-нибудь другое.

Краснопѣвецъ. Эврика, братцы! Я просто задамъ ей вопросъ: какія страсти опаснѣшія для юношескихъ лѣтъ?

И видятъ ли ихъ за это? Вплоть всему тутъ мертвца и умишленная система образованія.

Преимущество, и справедливо, что для священнѣйшаго необходимо образованіе всестороннее, потому что нѣтъ нигдѣ дѣла отъ людей

различныхъ взглядовъ и убѣжденій; на всемъ лежитъ обязанность всѣмъ и каждому все сообщать истину, бороться съ предрассудками и суевѣрїями. И вотъ въ программу духовнаго образованія входятъ все почти извѣстныя науки, и ни объ одной изъ нихъ ученику не сообщается сколько-нибудь полнаго и опредѣленнаго понятія. Многія науки, наприимѣръ алгебра, геометрія, анатомія и подобныя, извѣстны окончившему курсъ ученику только по названіямъ. Потому-то большая часть нашихъ священниковъ, неприготовленные какъ слѣдуетъ къ своему служенію, не въ силахъ бороться съ противниками преповѣдуемыхъ ими идей. Въ бурсѣ каждый независимо ни отъ кого изучаетъ что ему угодно и какъ ему угодно. Принимая безотчетно, на вѣру, все что сообщаютъ имъ ихъ заботливые педагоги (а сообщаютъ они то, что по своему усмотрѣнію находятъ пераствѣвающимъ нравственности ученика и непротиворѣчащимъ разъ навсегда принятымъ и неизмѣннымъ началамъ), принимая все это на вѣру и никогда неосмысливая принятаго и недавая себѣ отчета въ этомъ, они убѣждены, что вь всякій долженъ довольствоваться тѣмъ же, и находятъ смѣшнымъ, дерзкимъ и даже безбожнымъ притязаніе людей, старающихся повѣтъ и осмыслить то что имъ сообщаютъ.

Если такъ ничтожно и безплодно образованіе, сообщаемое въ бурсѣ, то почему же, спрашивается, такъ много дѣльныхъ, даровитыхъ и трудолюбивѣйшихъ людей выходитъ изъ ея стѣнъ? Справедливо, что много духовныхъ воспитанниковъ съ честью занимаютъ профессорскія кафедры въ университетахъ, много и въ гражданской службѣ прославились честною и неутомимою дѣятельностью на пользу общества. Кому же они обязаны своимъ образованіемъ и воспитаніемъ? Кто слѣлалъ ихъ неутомимыми и полезными тружениками во всѣхъ родахъ службы общественной? Во всякомъ случаѣ не бурсѣ они обязаны, не бурса ихъ слѣлала такими. Каждый духовный воспитанникъ очень хорошо понимаетъ, что его будущая карьера зависитъ единственно отъ него самого, отъ его трудовъ. И онъ трудится, трудится безъ устали, чтобы имѣть впоследствии кусокъ хлѣба.

Еще одинъ вопросъ: отчего родители отдають своихъ дѣтей въ бурсу, когда ихъ ожидаетъ тамъ столько мученій?

Выше мы замѣтили, что изъ бурсы выходятъ по большей части люди забытые, съ невѣрными понятіями, съ ошибочными взглядами, безъ всякихъ убѣжденій. Для такихъ людей вопросъ о воспитаніи и образованіи дѣтей довольно труденъ, и они не трудятся его рѣшать; имъ все равно куда ни отдать своихъ дѣтей, лишь бы дѣтя чему-нибудь научились и куда-нибудь послѣ при-

строилась. Но преимущественно это зависитъ отъ необеспеченности духовенства. Согласился ли бы отецъ, мало-мальски понимающій дѣло, отдать своего сына въ эту «тѣму кромѣшную», если бы онъ въ состояніи былъ воспитать его по-человѣчески дома, или отдать въ какое-либо свѣтское заведеніе? Каждый отецъ, учившійся въ бурсѣ, вовсе не потому отдаетъ туда своего сына, что сознаетъ пользу бурсацкихъ «мукъ», какъ называютъ бурсаки свое ученье, а единственно по недостатку матеріальныхъ средствъ. Радъ бы въ рай, да грѣхъ не пускаютъ!..

ЗАМѢТКА НА ОДНУ ГАЗЕТНУЮ СТАТЬЮ

(ПО ПОВОДУ ПОЛЬСКО-РУСИНСКАГО ВОПРОСА)

Совершающееся освобожденіе крестьянъ и ожидаемая реформа суда и уголовного кодекса, городского устройства, быта государственныхъ крестьянъ, полиціи, администраціи, паспортной системы и проч. и проч. имѣютъ громадное значеніе въ жизни русскаго народа. Съ правильнымъ осуществленіемъ и развитіемъ ихъ личность русскаго человѣка приобрететъ гарантію закона, и жизнь народа получитъ возможность болѣе свободнаго, а слѣдовательно и болѣе правильнаго развитія. А это окончательно скрѣпитъ и тѣсно соединенныя части русскаго народа. Мало того, эти реформы съ ихъ послѣдствіями будутъ имѣть чрезвычайнаго благопріятнаго для Россіи вліяніе на отношенія къ ней заграничныхъ родственныхъ племенъ: устраняя причины, внушавшія имъ доселѣ болѣе или менѣе справедливое недоверіе, онѣ благотворно воздѣйствуютъ на замѣчаемое въ нѣкоторыхъ племенахъ тяготѣніе къ намъ. Немудрено поэтому, что русское общество и пресса главное вниманіе обратили на эти преобразованія и отодвинули на второй планъ нѣкоторые другіе вопросы, имѣющіе тоже очень важное значеніе. Это весьма естественно. Но нѣкоторыя наши періодическія изданія, — запятая ли болѣе важными предметами, или просто не давая себѣ труда заняться основательнымъ изученіемъ этихъ вопросовъ, — относятся къ нимъ свысока, по наперекъ сочиненной теоріи. Вотъ это, хотя тоже весьма естественно въ нашей журналистикѣ, вовсе ужъ неизвѣстно. Зачѣмъ залутовать дѣло? Зачѣмъ мѣшать раскрытію истины?

Между такими вопросами одно изъ важнѣйшихъ имѣетъ занятъ *польско-русинскій*.

Еще въ прошедшемъ году въ извѣстной статьѣ «*Національная безтактность*» весьма безцеремонно былъ высказанъ довольно стран-

вый и слишкомъ поверхностный взглядъ на этотъ вопросъ. Мы не видѣли въ ней ничего другого кромѣ произведенія досужей фантазіи, и потому считали излишнимъ возражать ей. Но австрійскіе, нѣмецкіе и польскіе журналы приписали ей значеніе, котораго она вовсе не имѣетъ: они вздумали вообразить и увѣрять себя и другихъ, что въ ней выражается общественное мнѣніе покрайнеймѣрь всего молодого поколѣнія Россіи. Съ другой стороны въ львовской русинской газетѣ «Слово» появились серьезные протесты, а въ московскомъ «Дѣлѣ» опроверженія. Мы вправѣ были бы считать все это бурей въ стаканѣ воды. Но вотъ не такъ давно другой русскій журналъ тиснулъ статейку по русинско-польскому дѣлу; статейка эта написана съ голоса и въ тонъ «Национальной безтактности». И потому нѣтъ основанія полагать, что не явятся еще статьи съ подобными тенденціями, и австріяко-поляки могутъ окончательно, безапелляціонно рѣшить, что это дѣйствительно голосъ всего русскаго общества. Мы знаемъ, что это неправда. Наше общество, какъ замѣчено выше, слишкомъ занято реформами, касающимися его ближе, и потому мало занимается польско-русинскими дѣлами; но оно знаетъ исторію угнетенія русской народности въ покойной Рѣчи-посполитой, и въ настоящее время всѣ его симпатіи на сторонѣ русиновъ. Во всякомъ случаѣ оставить теперь такой голосъ безъ отвѣта мы считаемъ себя неправѣ, и потому хотимъ высказать свои замѣчанія по поводу его и наше мнѣніе по упомянутому вопросу.

Но предварительно постараемся припомнить нѣкоторыя обстоятельства изъ исторіи русинской (восточной) части Галиціи.

Червенскіе города (нынѣшній русинскій край) прикнули къ великому княжеству кievскому при Владимірѣ св., и хотя по смерти его были захвачены польскимъ королемъ Болеславомъ-храбрымъ, но уже сынъ Владиміра Ярославъ возвратилъ ихъ. Съ этого времени до половины четырнадцатаго вѣка они составили часть русской удѣльной федераціи и были наравнѣ съ остальными русскими городами управляемы князьями изъ рюрикова дома.

Жители Червонной Руси были одного происхожденія и языка съ остальными славянскими племенами, составившими русскую землю, и имѣли одинаковыя съ ними, особенно съ ближайшими изъ нихъ — кievлянами, волинцами и проч., обычаи. Такое единство закрѣплено введеніемъ при Владимірѣ христіанской вѣры восточнаго исповѣданія и славянской грамоты, а окончательно упрочено господствомъ одного, общаго для всей Руси, княжескаго рода и постоянными сношеніями въ удѣльный періодъ червонорусскаго или галицкаго нароюнаселенія съ остальными русскими областями.

Во время удѣловъ Галиція, подобно другимъ частямъ Россіи, постоянно то дробилась на нѣсколько мелкихъ княжествъ, то собиралась въ два-три болѣе крупныя. Но главнѣйшимъ образомъ, особенно въ монгольской періодъ, она состояла изъ двухъ княжествъ — галицкаго и владимірскаго. Изъ послѣднихъ князей ея болѣе извѣстны: Романъ Мстиславовичъ, названный великимъ; Мстиславъ храбрый, сражавшійся съ монголами на рѣкѣ Калкѣ; Давидъ Романовичъ, принявшій титулъ галицкаго короля; Юрій Львовичъ, соединившій подъ своею властью оба княжества. Внукъ Юрія Георгій былъ послѣднимъ княземъ галицкимъ изъ мужескаго колѣна рюриковичей. Онъ умеръ бездѣтнымъ, и Галиція, желая избавиться отъ татарскихъ баскаковъ, поддалась сыну сестры его Болеславу Тройденовичу, князю мазовецкому. Но скоро умеръ и этотъ князь, и польскій король Казиміръ, въ 1340 г., присоединилъ Галицію къ своимъ владѣніямъ. Съ этого времени она потеряла свою самостоятельность. Однако народность въ ней осталась русская: народный языкъ былъ русскій или — частице — южнорусскій и народная вѣра — восточная, «*благочестивая*». Это ненарушимо сохранялось при первыхъ польскихъ короляхъ.

Но скоро, именно по вошествіи на польскій престолъ великаго князя литовскаго Ягеллы, правительство польское начинаетъ принимать мѣры къ окатоличенію и полонизированію галицкихъ русиновъ. Сначала оно старалось дѣйствовать преимущественно на высшій классъ народа. Средствами были: лишеніе православныхъ дворянъ права занимать государственныя должности, разныя притѣсненія и т. д. Послѣ извѣстнаго брестскаго собора стремленіе къ окатоличенію и полонизированію посредствомъ церковной уніи сдѣлалось постояннымъ и настойчивымъ; но особенно тяжкимъ для русиновъ стало оно со времени водворенія въ Рѣчи-посполитой езуитовъ. Эти господа скоро захватили въ свои руки воспитаніе польскаго юпошества, овладѣли совѣстью людей и принялись воздѣлывать *pars infidelium*, т. е. русскій народъ. Вышедшія изъ ихъ школы правительственныя лица и шляхта польская усердно содѣйствовали имъ. Русскіе дворяне долго боролись, но потому, лишаемые всѣхъ правъ и даже состоянія и воспитываемые въ езуитскихъ коллегіяхъ — по необходимости, такъ какъ русскія училища были постепенно уничтожены — они мало-помалу почти всѣ перешли въ католичество, а съ тѣмъ вмѣстѣ привали языкъ и народность польскую. Кромѣ такихъ ренегатовъ, въ Галиціи въ разное время поселилось много природныхъ польскихъ пановъ, пожалованьемъ, куплею или чрезъ родственныя связи приобрѣвшихъ тамъ помѣстья. Такимъ образомъ польскіе и ополячившіеся дворяне смѣ-

стались и составили одно цѣлое, совершенно отдѣльное отъ русинскаго народа, состоявшаго затѣмъ изъ духовенства, крестьянъ и горожанъ. Известно, что въ Рѣчи-посполитой только шляхта была сословіемъ полноправнымъ и властительнымъ; всѣ другія сословія были безправны, безгласны и совершенно полавляемы шляхтою. Особенно тяжело было народу въ русскяхъ провинціяхъ триединаго королевства. Но въ приднѣпровскомъ краю онъ все-таки могъ обратиться къ казаковъ и страшно отомстить за себя. Въ Галиціи это было невозможно: она находилась въ другихъ территоріальныхъ условіяхъ. Здѣсь народъ могъ оказывать только пассивное сопротивление. И дѣйствительно онъ терпѣлъ, терпѣлъ, терпѣлъ и долго не подавался. Его духовенство ввергнуто было въ нищету, лишено возможности образованія, унижено, съ позоромъ изгоняемо изъ приходовъ, угнетаемо. Его церкви и монастыри были или обращаемы въ уніятскіе и католическіе, или отдаваемы евреямъ на откупъ, виѣсть съ обрядами. Мѣщане съ своею «маглебургією» не имѣли ровно никакого значенія и очень часто какимъ-нибудь вельможнымъ старостою были обращаемы въ крестьяне. Кромѣ того они подвергались страшнымъ религіознымъ преслѣдованіямъ, также точно какъ и крестьяне. А эти послѣдніе не имѣли никакихъ даже человѣческихъ правъ; они всецѣло принадлежали пану. Панъ могъ даже убивать ихъ: только въ послѣдніе годы существованія Рѣчи-посполитой, во второй половинѣ прошедшаго столѣтія, сеймомъ опредѣлено было наказаніе шляхтичу за убійство крестьянина. Совокупность всѣхъ этихъ обстоятельствъ возымѣла наконецъ свое дѣйствіе: народъ русинскій сталъ принимать и потомъ совершенно почти перешолъ въ унію. Но онъ не отрекся отъ своей народности и попрежнему сохранилъ русскій языкъ, нравы, обычаи, преланія и твердое сознаніе своего единства съ остальною Русью. Въ такомъ положеніи Галиція, при раздѣлѣ Польши, досталась Австріи.

Подъ австрійскимъ управленіемъ положеніе галицкихъ русиновъ значительно улучшилось. Такъ крестьянамъ, недовольнымъ паномъ, предоставлено право жаловаться въ судъ; бесплатная барщина ограничена сначала тремя днями, потомъ однимъ днемъ; уничтожены такъ-называемыя *даремщизны*; позволено крестьянамъ вступать въ бракъ неиспрашивая панскаго позволенія. Духовенство русинское изъято изъ почитвенія католическому и подчинено своимъ консисторіямъ и митрополиту. Въ львовскомъ университетѣ учреждено особое отдѣленіе, въ которомъ богословскія науки преподавались по-русински. Но все-таки сословное начало было удержано, и польское дворянство въ восточной Галиціи продолжало

на областныхъ сеймахъ представлять собою русинскій народъ, — тотъ народъ, который отличается отъ него вѣроу, языкомъ, нравами, обычаями, общественными и политическими стремленіями, — всѣмъ строемъ своей жизни и вообще не имѣетъ съ нимъ ничего общаго. Эти представители русинскаго народа старались заслонить его собою, увѣрить австрійское правительство, что оны составляютъ племя польское, что поэтому самостоятельнаго развитія ему, какъ отличному отъ поляковъ племени, вѣнужно. Своими вліаніями, основанными на общественномъ положеніи, связяхъ и материальномъ благосостояніи, галицкіе поляки устрояли русиновъ отъ всякихъ общественныхъ должностей, особенно такихъ, съ которыми сопряжено значеніе и извѣстное вліаніе. Такимъ образомъ они достигли того, что правительство въ своихъ распоряженіяхъ относительно русинскаго края стало высказывать мысль, что въ этомъ краѣ вѣтъ русиновъ, какъ особой національности.

Наконецъ наступилъ 1848 годъ, годъ оживленія славянскихъ народностей въ Австріи. Вынужденное обстоятельствами, правительство объявило конституцію. Ею между прочимъ уничтожено въ восточной Галиціи крѣпостное состояніе, признана народность русиновъ и предоставлено имъ краю самоуправленіе. Русиновъ оживил. Для обсужденія своего положенія и принятія необходимыхъ въ вѣвыхъ обстоятельствахъ мѣръ оны составили тридцать четыре рады или сеймика. Главная, львовская рада въ своемъ воззваніи къ народу такъ формулировала его стремленія: а) сохраненіе народной вѣры и сравненіе ея въ правахъ съ другими вѣроисповѣданіями; б) поддержаніе и развитіе народности русинской — обработкою языка, введеніемъ его въ высшія и низшія училища, изданіемъ журналовъ, распространеніемъ книгъ, введеніемъ его въ публичныя учрежденія: въ судъ, администрацію и т. д.; в) сохраненіе конституціи, улучшеніе быта и дѣятельная защита народныхъ правъ. Въ этомъ же воззваніи рада заявила, что русиновы, защищая свои права, не имѣютъ никакой злобы противъ тѣхъ, которые подобно имъ ратуютъ за свою народность. Затѣмъ началась большая дѣятельность. Возникли народныя школы, въ которыхъ ученіе шло на русинскомъ языкѣ; заведены гимназіи; появились на русинскомъ языкѣ журналы, изъ которыхъ болѣе замѣчательный «Зоря Галицкая»; собранъ капиталъ для изданія учебниковъ и пр.; наконецъ созванъ былъ въ Львовѣ съѣздъ ученыхъ галицкихъ и венгерскихъ русиновъ, для обсужденія мѣръ къ составленію постояннаго общества, которое слѣдло бы за ходомъ образованія и т. д. Кромѣ того, депутаты русинскіе подали австрійскому правительству адресъ, въ которомъ высказаны были означенныя нами желанія народа и выражена просьба, чтобы ру-

словами были предоставлены всѣ гражданскія права, а также до-
ступъ ко всѣмъ должностямъ въ округахъ, гдѣ все населеніе или
большинство его состоятъ изъ русиновъ. Правительство исполнило
всѣ эти желанія.

Какъ же держали себя въ это время относительно русинскаго
варяда галицкіе поляки? — Попреежнему, въ духѣ сословной и ка-
толическо-національной исключительности. На своемъ львовскомъ
сеймѣ она съ самаго начала провозгласили, что въ Галиціи «сіемя
Rusi», что русины тоже поляки, что русинскій языкъ есть про-
винціалізмъ польскаго, а такъ, какъ другіе говорятъ только польскій
языкъ въ народѣ, то исключительно польскій языкъ долженъ быть вве-
денъ въ публичныя учрежденія и школы, и что вообще въ русин-
скихъ краѣхъ управленіе должно быть польское. Львовская русин-
ская рада конечно не соглашалась съ этимъ. Но за это русинскіи
депутаты подвергались всевозможнымъ оскорбленіямъ. Поляки раз-
кончили охотки и собранія русиновъ и простерли свои неистов-
ства до того, что правительство принуждено было охранять русин-
скіе собранія и съѣзды военною силою. Настоящіе *польскіе* поляки,
возвращеніе на своей родной почвѣ, въ нашихъ глазахъ, составляютъ
нѣчто весьма отличное отъ живущихъ среди южнорусскаго и бѣло-
русскаго народовъ. Они имѣютъ уваженіе и въ другихъ стремленіи
къ національной самостоятельности. Не таковы поляки, возгордившіеся
въ русскіхъ провинціяхъ вообще, и въ Галиціи въ частности. Эти
употребляли всѣ средства къ подавленію русинской народности;
наконецъ для приобретенія большинства голосовъ на вѣнскомъ сей-
мѣ — съ цѣлью провести и осуществить свои стремленія — прибѣг-
ли къ слѣдующимъ мѣрамъ. Передъ выборами на этомъ сеймѣ они
разослали агентовъ, которые подъ искусною маскою доброжелатель-
ства удояривали простой народъ не посылать депутатовъ въ Вѣну,
потому что они будутъ принуждены тамъ утвердить возвращеніе
патриоты, т. е. крѣпостной зависимости, и потому не возвратятся до-
мой. Это имѣло вліяніе на многія общины и они отказались отъ вы-
боровъ. Въ остальныхъ же общинахъ выборы преобладали подъ
вліяніемъ чиновниковъ поляковъ или польскихъ клиентовъ. Ре-
зультаты были выгодны для поляковъ: значительное большинство
голосовъ на сеймѣ принадлежало имъ.

Съ измѣненіемъ обстоятельствъ австрійское правительство воз-
вратилось къ прежней системѣ. Конституція пала. Намѣстникомъ
Галиціи назначенъ графъ Голуховскій. Органъ галицкихъ поляковъ,
огульно принявъ за полаганіе русинской народности. Всѣ ла-
реванскія ей въ 1848 году права исчезли. Восточная (русинская)
часть Галиціи соединена съ западною, населенною почти исключи-

тельно поляками. чрезъ что послѣдніе приобрѣли значительный перевѣсъ. Возстановлено представительство дворянъ. Русинская забука запрещена и замѣнена латинскою, т. е. польскою; русинскій языкъ изгнанъ изъ школъ, русинскія газеты должны были пасть. Изъ всѣхъ учрежденій, особенно съ болѣе вліятельныхъ мѣстъ, русины были вытѣсняемы; ихъ замѣнили большею частью поляки.

Наконецъ былъ изданъ императорскій манифестъ 1860 года...

Но обратимся теперь къ упомянутому нами въ началѣ настоящей статьи отголоску «Национальной безтактности». Мы прочли его въ «Сѣв. Пчелѣ» въ статьѣ г. Б. Н.: «Современные русинскіе поэты».

Въ ней говорится, что въ настоящее время историческія причины *вражды* между поляками и русинами уже упразднены; что первые «искренно протягиваютъ послѣднимъ братскую руку на забвѣніе старыхъ обидъ, на уврачеваніе старыхъ ранъ», что русины, неповиная собственнымъ выгодамъ, «съ грубою бранью отталкиваютъ протянутую имъ руку», что русинскіе поэты, «угорѣлые отъ чада, искусно напущеннаго кѣмъ слѣдуетъ» (т. е. австрійскимъ правительствомъ), разжигаютъ эту вражду; что эта вражда *съ сиду* (?) племенная, а на дѣлѣ только сословная. Почтенный авторъ немного смягчаетъ впрочемъ свой приговоръ надъ русинами или, какъ онъ выражается, «хлопами» и «мужичкой массою»: онъ желаетъ объяснить существованіе вражды 400-лѣтнимъ господствомъ надъ русинами поляковъ. Тѣмъ не менѣе онъ стоитъ на томъ, что со стороны послѣднихъ нѣтъ причинъ къ враждѣ.

Прежде всего мы желали бы увѣрить почтенную газету, въ которой напечатана названная нами статья, что русины вовсе не питаютъ *вражды* къ полякамъ. Въ этомъ могутъ убѣдить ее между прочимъ упомянутое выше возваніе львовской русинской рады 1848 г. и прошеніе, поданное русинскими депутатами австрійскому государственному министру въ сентябрѣ 1861 год. Въ послѣднемъ именно говорится: «мы не желаемъ, чтобы мазурамъ (полякамъ) навязывали нашъ языкъ» и категорически выражена просьба, чтобы въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ сплошное населеніе или большинство его состоитъ изъ русиновъ, слѣдовательно гдѣ ученіе въ школахъ должно преподаваться на русинскомъ языкѣ, — чтобы въ этихъ мѣстностяхъ польскимъ ученикамъ доставлена была возможность учиться и польскому языку. Какая же это вражда? Да и вообще кто хорошо знакомъ съ южнорусскимъ племенемъ, къ которому принадлежатъ русины, тотъ не можетъ допустить въ нихъ вражду, о которой говорится въ статьѣ «Сѣв. Пчелѣ»: такая вражда не въ ихъ натурѣ. Въ дѣйствительности русины, убѣжденные вѣковымъ опытомъ, продолжающимся и въ наши дни, что съ поляками каши

на сварить, жадаютъ одного; чтобы подяки оставили ихъ въ покой. Отъ этого до вражды конечно далеко.

Но допустимъ даже и вражду. Во всякомъ случаѣ она не «сословная только», какъ это проводится въ статьѣ «Современныя русинскіе коаты». Впрочемъ такое положеніе подрывается въ этой же самой статьѣ. Такъ въ одномъ мѣстѣ ея рассказывается, что «когда поляки, въ 1848 г., предложили на сеймѣ своемъ, въ Львовѣ ввести въ русинскихъ народныхъ школахъ преподаваніе польскаго языка, то русинскій сеймъ въ Львовѣ предложилъ введеніе къ эти школы нѣмецкаго языка, чтобы избѣжать ополченія, — следовательно имѣлъ въ виду цѣль далеко не «сословную только». Затѣмъ въ другомъ мѣстѣ говорится, что русины сословный интересъ имѣли къ племеннымъ. Статья очевидно перепутала послѣднія, какъ она выразилась объ одномъ русинскомъ стихотвореніи. Дальше она опять твердитъ о сословной враждѣ. Для убѣжденія въ ошибочности такой мысли мы готовы указать на исторію русинскаго края въ послѣдніа пятнадцать лѣтъ. Но намъ могутъ замѣтить, что это старая исторія. Такъ попробуемъ напомнить общепознанныя факты послѣдняго времени. Мы надѣемся, что «Сва. Писатель» извѣсти статью польскихъ газетъ и нѣкоторыхъ французскихъ журналовъ, а также извѣстіа о множествѣ памфлетовъ и брошюръ въ которыхъ подяки съ жаромъ, достойнымъ болѣе благодарной цѣли, но совершенно безуспѣшно, силятся доказать, что южнорусскій народъ, часть котораго составляютъ русины, вовсе не особый народъ, а польское племя, провъ мазуровъ, малополянъ и т. п.; что южнорусскій языкъ не особый языкъ, отличный отъ польскаго, хотя и родственный ему, а провинциализмъ послѣдняго; что даже смиренный Несторъ — польскій писатель, «Русская правда» и «Слово о подку Игоревѣ» написаны попольски и т. д. Не дадимъ какъ-нибудь мычѣшнемъ году, и не въ Галиціи, гдѣ польскія тенденціи проявляются осязательнѣе и въ формахъ болѣе широкихъ размѣровъ, а въ Кіевѣ издана брошюра, пользующаяся между массою тамошнихъ подяковъ неопровержимымъ авторитетомъ: «Postep i wsteczność» (прогрессъ и регрессъ). Авторъ ея, нѣкій г. Катковскій, самымъ серьезнымъ образомъ убѣждаетъ замѣнить русскую азбуку латинскою — какъ вы думаете, для чего? Для того, чтобы догнать Европу и пользоваться плодами цивилизаціи! Онъ полагаетъ, что стоитъ надѣтъ на русскаго человека иностранные штаны — и науки, искусства и пр. процвѣтутъ на Руси. Напомнимъ еще здѣсь объ ополченіи польскихъ пановъ русскихъ югозападныхъ губерній противъ «Грамматки г. Куляша по проектъ ихъ относительно могилы Шевченка. Если нашей почтенной газетѣ извѣстны всѣ эти вещи, то

мы надѣемся, она согласится съ нами, что стремленія поляковъ далеко не «сословныя только». А еслибы она была коротко знакома съ характеромъ и современнымъ состояніемъ племенъ, о которыхъ идетъ рѣчь, имѣла въ восточной Галиціи корреспондентовъ или по крайней-мѣрѣ слѣдила бы за мѣстными періодическими изданіями, особенно за русинскимъ «Словомъ»; она не рѣшилась бы говорить о «сословной только» враждѣ. Ей было бы извѣстно тогда, что еще въ концѣ прошедшаго года русины подали правительству два прошенія, въ которыхъ стараются разсвѣять предубѣжденіе, будто они польское племя, и просятъ объ отдѣленіи западной Галиціи отъ восточной и объ оффиціальномъ признаніи въ послѣдней народнымъ языкомъ русинскаго, а не польскаго языка, а также о введеніи его во всѣ высшія и низшія училища и въ учрежденія въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ большинство населенія русинское. Это обстоятельство очень ясно и убѣдительно говоритъ въ пользу національнаго, а не «сословнаго только» характера антагонизма между галицкими поляками и русинами.

«Еслибы «Сѣв. Пчела» слѣдила по крайней-мѣрѣ за русинскими «Словомъ», ей было бы извѣстно, какъ галиціе поляки и въ настоящее время употребляютъ всѣ, даже неблагоприятныя мѣры въ отношеніи и недопущеніи русинскаго языка въ народныя школы русинскія и въ мѣстныя городскія и сельскія судебныя и административныя учрежденія, что они сочиняютъ и распространяютъ клеветы и карикатуры на русинское духовенство, честно ратующее въ пользу своего народа, а также на издателей единственной въ Галиціи русинской газеты и писателей, защищающихъ народныя права. Еслибы почтенной редакціи «Сѣв. Пчелы» были хорошо извѣстны всѣ эти обстоятельства, то мы увѣрены, она отказалась бы отъ статьи «Современныя русинскіе поэты», свою солидарность съ которой она къ сожалѣнію заявила, помѣстивши ее въ своихъ столбцахъ даже безъ всякой оговорки.

Въ этой статьѣ утверждается еще, какъ замѣчено выше, что въ настоящее время со стороны галицкихъ поляковъ нѣтъ причинъ къ враждѣ, что они искренно желаютъ примиренія съ русинами... Эти фразы не подкрѣплены никакими фактами. Можно было бы подумать пожалуй, что авторъ дошолъ до нихъ способомъ, которымъ Г. Липкинъ-Тяпкинъ дошолъ до сотворенія міра. Но и въ этомъ грѣхѣ нельзя обличить его. Тутъ просто виновата «Національная безтактность»: авторъ прочиталъ ее, вспомнилъ, что австрійское правительство не очень-то заслуживаетъ сочувствіе, а въ заграничныхъ газетахъ поляки увѣряютъ, что они большіе либералы, и повѣрили послѣднимъ; а тутъ какъ нарочно подвернулись двѣ-три

русинскія книжки, въ которыхъ говорится, что австрійцы дрань, а поляки еще хуже. Вотъ нашъ авторъ и написалъ статейку: «Вы поляки, господа, сами не понимаете своихъ выгодъ... Поляки проитивляютъ вамъ братскую руку, а вы слурю брыкаетесь. Это некорошо! Зарубите себѣ на носу, что австрійское правительство... Метернихъ... Вискъ...» и т. д. Притомъ мы должны замѣтить, что въ статьѣ г. В. Н. выходитъ заѣсъ маленькая неясность. Сначала онъ, вычитавши въ «Голосѣ» (*) названія *старой и новой Руси*, дѣлаетъ доводъ, что это должно быть русинскія партіи, и на основаніи такихъ доводовъ строчитъ предположенія, что и между галицкими поляками вѣрно существуютъ подобныя же партіи; затѣмъ говоритъ вообще о галицкихъ полякахъ; а въ самомъ концѣ своей статьи онъ уже положительнѣе говоритъ о «партіи польской національности, которая поля въліяніемъ новыхъ началъ, а не преобладаніяго преданія, онеостѣжашаго за давностью лѣтъ, пытается постановить иные междусловныя и международныя отношенія, нежели тѣ, какія дѣйствовали доселѣ и которыя безъ потери могутъ быть сланы въ архивъ». Туда шлѣ и дорога. Изъ такихъ несообразностей мы впрямъ заключить, что авторъ вовсе незнакомъ съ предметомъ; о которомъ говоритъ. Чего не знаеетъ насъ, то мы рѣшительно ничего не знаемъ о томъ, чтобы между галицкими поляками существовала какая-нибудь партія, которая бы искренно и громко признала въ русинствѣ совершенно равновѣсный себѣ народъ, способный располагать собою по собственному усмотрѣнію и сообразно своимъ симпатіямъ. Убѣдительно просимъ г. В. Н., если онъ знаетъ что-нибудь полезное о такомъ партіи, подѣлится съ публикой. Тогда и мы можемъ несколько иначе смотрѣть на все это дѣло.

Говоря о характерѣ свободы, мы могли замѣтить какіе облаки относятся къ русинамъ. Гдѣ же это некрепнее противаніе братской руки? Въ томъ, что мы сообщали выше, этого незаметно: напротивъ вѣдно только стремленіе къ подавленію русинской народности и къ полонизированію. Уже не въ упомянутомъ ли авторомъ обстоятельствѣ, что «поморскія газеты разжигаютъ и разстраиваютъ военное несогласіе въ средѣ галицкаго народонаселенія?» Не въ постановленіи ли осердженіяхъ *сельтоорьщеско* (**)? Не въ томъ ли, что поляки предъ австрійскимъ правительствомъ вслѣски чернятъ русинство; обвиняютъ ихъ въ стремленіи предаться Россіи, въ вѣдуншости къ *сказамъ*, т. е. православію? и т. д. и т. д. Нѣтъ, если-

(*) Русинское стихотвореніе.

(**) Отъ церкви св. Юрія, при которой живетъ русинскій митрополитъ. *Сельтоорьщескими* поляки въ насмѣлку называютъ всѣхъ ратующихъ за народъ.

бы нашъ авторъ былъ знакомъ съ современными положеніями восточной Галліи, онъ не говорилъ бы о томъ, будто поляки искренно ищутъ примиренія съ русскими. Они е. воля не заботятся, хотя и заботятся объ этомъ лежать на ихъ обязанности. Они должны сдѣлать царскій шагъ къ сближенію; имъ это легче: они составляютъ высшее сословіе и обладаютъ образованіемъ и материальными средствами. Но они не сдѣлали этого шага, они хлопочутъ не о примиреніи съ русскими, а о подчиненіи ихъ себѣ, какъ народности. Такъ нечего же винить въ существованіи между этими восточными антагонизма званивать на прошедшую исторію да на русиковъ. Нечего также обвинять и австрійское правительство. Оно немало пользуется въ общественномъ мнѣніи незавидною репутаціею; ему полезно поддерживать существующій антагонизмъ; но что оно могло бы успѣть, ежели бы поляки дѣйствительно искренно желали примиренія и аваргически искали его? Старанія его остались бы тогда безуспѣшными.

Мы видѣли, протягиваютъ ли поляки братскую руку русскимъ. Можно ли послѣ этого обвинять послѣднихъ въ отталкиваніи этой руки, въ неподданіи собственныхъ выгодъ? Да ебѣ это было бы законодѣ въодъ открытое *tabuinos* *соедѣствіе*. Сначала его приписывали русскому народу, теперь навязываютъ русскимъ... не по роству ли? Глѣ, данная, въ силу которой можно приписать его русскимъ? Наумомъ только въ ону слово *шофѣствіе* публициста, приваженнаго нечестивымъ авторомъ въ своей статьѣ, — что съ массой *чрезвычайно* много непосредственнаго, статійнаго, повторнаго, не дождаскимъ *выводамъ* разума, а своимъ непосредственнымъ влеченіямъ, даже прямо наперекоръ, *выводамъ* разума? Конечно, подѣ, влѣденіемъ, страсти масса дѣйствуетъ *слѣпо*, часто даже наперекоръ *логическимъ* выводамъ разума, точно также какъ и *сдѣль-вде* *дѣла*. Но извѣстно, что *амальніе* страсти, по самому свойству этого *сдѣль-вде*, не бываютъ продолжительны. Проходить черезъ дырку — и масса, подобно индивидууму, успокоивается и затѣмъ въ своихъ *довсѣдственныхъ* отношеніяхъ дѣйствуетъ *хладнокровно*, подчиняется *собственнымъ* интересамъ. Масса не есть ничто безличное: она, не глыба, не нация, не табуи, а собраніе живыхъ людей съ головами на плечахъ, съ сердцемъ въ груди. Масса, какъ *напримѣръ* русская, состоитъ изъ людей, *соединенныхъ* сознаниемъ единства происхожденія и языка, правами, обычаями, общностью интересовъ и проч. Она очень хорошо понимаетъ свои выгоды и безъ постороннихъ *внушеній* умѣетъ отличать друга отъ недруга, даже недруга менѣе опаснаго отъ болѣе опаснаго. Поэтому напрасно Г. Б. П. говоритъ о какой-то *слѣпой* враждѣ и *слѣпой* ненависти

и невольно удивляется и негодуетъ на то, что русскіе писатели пренебрегаютъ поляковъ. Иначе народъ ненавидимый; они не въ состояніи нѣ въ виду своей эгоистической цѣли! Это такъ. Но съ удивленіемъ, что они все же что-нибудь существеннаго сдѣлали для русскаго, тогда какъ въ галицкихъ провинціяхъ мы видѣли и слышали только уверенное стремленіе къ полонизированію: «ніеши Вилі» — вотъ лозунгъ галицкихъ поляковъ.

Неправильно также мочтенный авторъ вышительно и свѣсивъ отъ носится къ русинскимъ поэтамъ за то, что они твердятъ своему народу: «берегитесь поляка!» Вообще нужно замѣтить, что поэтъ (это очень старая истина), если онъ только действительно есть, есть попременно продуктъ того общества, къ которому принадлежитъ; онъ носитъ въ себѣ и отчетливо сознаетъ всѣ нужды и желанія своего народа, а какъ человѣкъ образованный и хорошо знакомый съ современными положеніемъ дѣлъ, знаетъ средства, могущія задерживать или вѣрнѣе гарантировать удовлетвореніе потребностей его соотечественниковъ, лучше чѣмъ можетъ это знать публицистъ, живущій за тридевять земель и сулящій о дѣлѣ по слуху. Поэтому и русинскіе поэты, предостерегая своихъ земляковъ ~~судя~~ г. Б. Н. знаютъ что дѣлаютъ, и мы рѣшительно не можемъ предпочесть ихъ совѣтамъ соображеній и внушеній автора «Современныхъ русинскихъ поэтовъ».

Мы должны однакожь упомянуть здѣсь, что въ названной статьѣ высказывается скорбь о существованіи вражды между галицкими поляками и русинами. Этой скорби мы не можемъ не раздѣлять: действительно, чрезвычайно грустное явленіе этотъ автагонизмъ, парализирующий правильное развитіе обоихъ племенъ и предающій ихъ въ руки общаго врага. Въмѣстѣ съ г. Б. Н. мы желаемъ скорѣйшаго искренняго примиренія поляковъ и русиновъ, такъ какъ только полъ этимъ условіемъ возможно ихъ само-бытное, здоровое развитіе.

Кстати здѣсь скажемъ нѣсколько словъ по поводу нѣкоторыхъ опасеній московскаго публициста. Какъ-то «День», говоря о польско-католической пропагандѣ въ нашихъ югозападныхъ и западныхъ губерніяхъ, выразилъ боязнь, что народъ въ этихъ провинціяхъ, безъ поддержки русскаго общества, предоставленный самъ себѣ, пожалуй превратится когда-нибудь, благодаря этой пропагандѣ, въ поляковъ, потеряетъ свою народность. «День» при этомъ вѣроятно имѣлъ въ виду означеніе нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ въ Германіи. О неправильности различія общества и народа мы можемъ-быть поговоримъ когда-нибудь въ другой разъ. Теперь же не можемъ не выразить нашего удивленія по поводу означен-

наго видне опасеніе, какъ «Дельца», претендующій намеренно къ сближенію и кровному родству свое съ русскими широкими, такъ мало озабоча его, модрийдой и брѣ живую его честь? Пусть успокоится почтенная газета. Конечно дружеское содѣйствіе русскаго образованнаго класса вовсе не лишнее для народа латвиурскаго (а бѣлорусскіе мы не говоримъ, потому что недостаточное знакомство съ ними) ноли бже этого содѣйствія онъ не онезачится. Мы не будемъ упиваться тѣмъ, какъ безуспѣшны были преслѣдованія его народности во времена Рѣва-восподантой: эти преслѣдованія, какъ и раньше, естественно должны были вызывать сопротивленіе массы и оплачивать се сильнее для отпора. Теперь конечно несравненно опаснѣе: теперь пропаганда дѣйствуетъ потаенно, подъ личиною добродѣлительства. Но народность латвиурская сильна сама на себѣ, и для народа латвиурскаго недаромъ прошлымъ вѣковой опытъ. Пропганда поживетъ только въ папскихъ дворцахъ, да и то немного; народъ же не поддастся и на лесть, такъ точно какъ онъ не поддавался перады вѣсѣльщицею, впутомъ, четвертованьемъ и проч.

РУССІЯ

ЗАМѢТКА

ПО ПОВОДУ НАРОДНАГО ЗДОРОВЬЯ

Дниъ мыслъ, волну любви.

А. Майковъ.

Вспомнившись одну изъ медицинскихъ газетъ, мы случайно нашли на статью, которая уже по одному заглавію заинтересовала насъ. Эта статья озаглавлена такъ: «Давнишняя наша потребность». Что это за потребность? Чья эта мечта? И отчего же высказывается эта потребность, если она давнишняя? Прочли мы заглавіе, да и подумали: мало ли у насъ потребностей! Кроме всеобщихъ, чужеземныхъ, такъ-сказать физиологическихъ потребностей, у каждого есть своя, отдѣльная, личная потребность. Кому же у насъ часто капризъ возводится на степень потребности; одному наподобіе куклы, лошади, другому чины и деньги, третьему пущая наука; тамъ нужны парады, улаживанья, маскарады, вѣдь.. да словъ у насъ тьма потребностей. Недаромъ сложилась русская пословица: «у кого что болитъ, тотъ про то и говоритъ». Неючевидно ли потребность, о которой говоритъ авторъ, должна быть серьезная, сознательная: иначе она не помѣщалась бы въ такой серьезной газетѣ. Съ этой мыслью мы начинаемъ читать статью, и чѣмъ дальше читаемъ, тѣмъ болѣе и болѣе интересуемся ею. Прочли мы и вполне согласились съ авторомъ этой статьи, гдѣ онъ касался здоровья большинства населенія Россіи, высказывая такіа мнѣнія, приводить такіа доказательства, противъ которыхъ идти было бы дѣломъ крайняго тупоумія или обскурантизма. Следовательно, помѣщая свое замѣтку, мы вовсе не имѣемъ сказать что-либо противъ мнѣній автора; напротивъ мы вполне согласны съ его взглядами. Следовательно — въ свою очередь представимъ пожалуй читателю (разумѣется неблагожелательный) — статью, какъ дѣло рыночное, сдана въ архивъ. Зачѣмъ поминать про старое? Что написано, то вѣрнѣе и прочтено. Конечно про-

читано, но гдѣ? Многіе ли читали эту статью? Прочли ее только медки. Прочитали и вѣроятно съ сожалѣніемъ сказали: «да, правда!» Мы, прочитавъ ту же статью, испытали грустное впечатлѣніе, и знаете ли? половину своей грусти хотимъ свалить на васъ, читатель, — «и легче будетъ намъ». Вотъ что говоритъ авторъ:

«Въ Россіи считается 65 милліоновъ жителей и около 8½ тысячъ врачей; слѣдовательно на 7¼ тысячъ приходится по одному медку. Еслибъ они распределены были равномерно по всему государству, то и тогда число ихъ сравнительно съ населеніемъ было бы весьма недостаточно; но когда исключить 5½ тысячъ врачей военныхъ и гражданскихъ, сосредоточенныхъ по службѣ своей на опредѣленныхъ пространствахъ и по прямымъ служебнымъ занятіямъ своимъ находящихся не въ состояніи оказывать врачебное пособіе жителямъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они размѣщены, то весьма легко можетъ статься, что на 20 тысячъ жителей едва ли придется по одному медку.» Какъ такъ? спроситъ удивленный читатель. У насъ въ Россіи мало врачей? Помилуйте! Напротивъ, ихъ такъ много расплодилось въ настоящее время. Что годъ, то сотни молодыхъ врачей оканчиваютъ курсъ. Да гдѣ же они? куда дѣваются? И шпрингъ, доревенскій житель, успѣю два раза умереть, прежде нежели получу своевременную помощь. Не вѣрите? Послушайте что дальше говоритъ авторъ: «Взворава ли кто-нибудь изъ сельскихъ жителей отъ простуды, или отъ другой какой-нибудь причины, куда ему обратиться за врачебнымъ пособіемъ? Городъ далеко, а въ деревнѣ только нѣтъ фельдшера, но и эпихаръ или какая-нибудь лекаря живетъ за двадцать, за сорокъ верстъ. Что тутъ дѣлать?»

Нечего тутъ дѣлать, отвѣчаемъ мы. Отстанетъ предатьсеи силѣ природы, но пословицѣ: вынесетъ — ладно, не вынесетъ — томъ. Вотъ въ какое безотрадное, безвыходное положеніе поставлены сельскіе жители. А вѣдь ихъ большинство въ сравненіи съ городскими населеніемъ, да и причинъ заболѣть у нихъ не менше чѣмъ у насъ съ вами, читатель. Представьте себѣ крестьянина, который покосилъ въ собственномъ сѣнѣ до упаду, да тутъ же и легъ отдохнуть на сырую землю. Кажется не много и уснуть, а глядишь и схватилъ лихорадку, да все лѣте и лежить; у другихъ покосъ и живо давно уже конченъ, а онъ все лежить, пока силы природы не преодолеютъ болѣзнь, а другой разъ похвораетъ-похвораетъ, да в душу Богу овласть. А что значить семья безъ хозяйки, безъ работницы? Милъ еще: жала женщина рожа да и обрѣзала себѣ палець. Она жала очень усердно и такъ сильно: платила серпомъ, что помыльница какъ и не бывало. Жровъ рученьи лѣтъ,

и она не знаетъ что тутъ дѣлать; плачетъ; божу ни ономъ. Палецъ казался, зажала палецъ и опять принимается за работу. Палецъ начинаетъ болеть, она присыпала табакомъ — нѣтъ облегченія; палецъ распухъ, да и вся ручная кисть сдѣлалась какъ подушка. Она купоросомъ угощаетъ руку — нѣтъ легче. Она къ анахиркѣ; эта пошептала; спрыснула сладобенью и вдувъ дала, а толку все нѣтъ. Палецъ червѣеть и висеть какъ транна на ниточкѣ. Не думая долго; она сама сдѣлала себѣ операцию. Это еще хорошо, если дѣло ограничилось однимъ пальцемъ; нѣтъ случилось видѣть и хуже. При этомъ представьте сея нравственное страданіе: ни нее смотрѣть въ дощѣ какъ на брени, какъ на лавовую дровободку, потому что она не работаетъ, а она нужна какъ рабочая сила. Она видитъ все и не понимаетъ, и жить ей не мила. Или вотъ еще случай: приходилъ ко мнѣ вынѣшившій лѣтось шеница съ опухшею, перевязанной шею. Я подумалъ — охотъ, но неохотъ дѣла: Спрашиваю ее: давно ли, какъ и что? «Да вотъ, говоривъ, убирала я съ отцомъ сѣно въ сарай; оцъ подавалъ вилени, а я сверху принимала; тутъ оцъ и хитили мнѣ остерлы кощомъ въ ротъ.»

Позвольте еще рассказать одинъ случай, но предупредю васъ, читатель, что я не сказочникъ и анекдотовъ не люблю, а представляю факты, взятые прямо изъ жизни народной. Случилось мнѣ видѣть слѣпного; слово за слово — и я узналъ, что этотъ бѣднякъ во время молотбы засорилъ себѣ глаза. Более потерять зрѣнію, оцъ обратился за помощью къ сосѣлкѣ-лекаркѣ, которая приходилась ему ктому же куша. Вотъ она и помогла ему: вырынула ему оба глаза черото; ему хуже дѣ хуже и теперь онъ совсемъ слѣпой. Что бы дали этотъ бѣднякъ снова увидѣть божій свѣтъ!

Вы пожалуй скажете: зачѣмъ онъ довѣрился необразованной лекаркѣ, а не воспользовался помощью врача? Да гдѣ оцъ? Въ городѣ; а городъ далеко; да и застанетъ ли оцъ дома уезднаго лекаря, когда у него, кромѣ непосредственной обязанности заботиться о сохраненіи здоровья всего уѣзда, есть еще на рукахъ обязанности: это счастія по случаю внезапной смерти? Да наконецъ можетъ ли уездный врачъ слѣдить за здоровьемъ жителей всего уѣзда; гдѣ 50—60 тысячъ жителей? При этомъ вы конечно знаете, что Русь наша широка, что есть губерніи, которыя по пространству больше отѣльныхъ государствъ. Архангельская губернія ширинѣю раскинута на площади въ 776,366 кв. верстъ; астраханская имѣетъ 109,316 к. в., — такъ врачъ уездный при всей своей добросовѣстности и энергіи не въ состояніи выполнить своей служебной обязанности.

Обыкновенно стаетъ въ виду нашему русскому люду, что онъ не любитъ дотыгаться и особенно доверяется доктору. Въ этомъ есть доля правды; но эта черта съ его стороны происходитъ вовсе не оттого, чтобы онъ сомнѣвался въ знаніи доктора или не вѣрилъ ему по сусальнѣ. Нѣтъ, онъ всегда готовъ вѣрить, но его страшитъ дальность поѣздки, особенно въ рабочую пору; онъ боится вовсе не врачъ, а потерю времени и денегъ; следовательно ищетъ ему ищающаго экономическіе расчеты, а отнюдь не сусальнѣ или стрелъ. Въ этомъ легко убедиться, опытно. Прижайте въ деревню и скажите, кто вы докторъ. На другой же день къ вамъ придетъ большаго съ самыми разнообразными недугами и проситъ васъ помочь имъ. Они готовы доверяться всякому, а тѣмъ болѣе «дентуру», какъ они говорятъ, считая, что они царь и тѣмный.

Понимая слово въ слово, мы прихватаемъ цитировать слова автора очень. Онъ говоритъ: «Не оттого ли купятся на медиковъ, что цѣль арестей людь не любитъ обращаться за совѣтомъ? Но это несправедливо; — продолжайте авторъ — и если онъ, русскій людь, отнесется поспаловать «о своемъ недугѣ къ анжарю или бабѣ, заговаривающей всѣ болѣзни, то именно потому, что докторъ для него личность рѣдиотная; а будь онъ къ нему поближе, то конечно онъ не обошелъ бы его и не промѣнилъ бы ни на какого вымушала, ни коростейку. Это мы говоримъ по собственному опыту.»

Далѣе авторъ, разсуждая о дурной болѣзни, которая, какъ повѣбншное его глѣдится на фабрикахъ и заводахъ и всюду разносится по деревнямъ фабричными рабочими, говоритъ: «Чтобы помочь своему горю (забавится отъ варазы), болной, за неимѣніемъ врача, отаетъ себя въ руки анжаря, и обыкновеннымъ результатомъ такого выбора бывають ослабленіе заразы и разстройство общаго здоровья и властьіе непомѣрнаго внесомія въ организмъ меркуріальныхъ средствъ. Кто виноватъ въ ихъ такому несчастному последу болѣзни: болной или анжаръ?» Самъ же авторъ разрѣшаетъ вопросъ, оправдывая того и другого. «Всякому болному — говоритъ онъ — свойственно желать себя выздоровленія, и виноватъ ли онъ, что за недостаткомъ врача долженъ повѣрить себя анжарю? А смѣдуетъ ли в этого обвинять за то, что онъ изъ состраданія къ болному собрату предлагаетъ въ услугу: все свое скудное знаніе къ двѣмъ лѣчию? Еслибы первому всегда доступна была помощь врача, то конечно онъ былъ бы неправъ, предпочтя ему неимущество деревенскаго леиоучка; но, медиковъ для крестьянъ у насъ нѣтъ, врачваніе болѣзней ихъ предоставляется силѣмъ натурѣ и что имъ угодно, будетъ сдѣлать къ недугомъ, за то суда и расправы нѣтъ.»

Вот как же жинится въ деревнях одна изъ страшнѣйшихъ болезней; бичующихъ целое челоѣческое родъ, страшнѣйшая изъ для зараженнаго родъ большого; та же и для его семьи. Тѣло ее не умираетъ въ ночь, она же; стоить; вся обстановка благоприятствуетъ правителю заразы отъ одного къ другому; таковы образцы по которымъ годами болѣзнь эта держится въ деревнях и передается по наследству. Намъ случается слышать страшные результаты этой болезни на особеннаго опаснаго до proximity женщинъ и ихъ дѣтокъ. Больше эти заражены; какъ говорятъ; по повидимому отъ этихъ обстоятельствъ. Да и женщины ослабили сами сами лично были вынуждены въ эти времена, — медицина не показывается, а лечитъ. Если бы этой же цели смотрѣли на болѣзнь и челоѣческую ихъ причину, то бы; пожалуй будешь другимъ виноваты: въ примѣръ дозволили неосторожно покушаться и страдали разстройствомъ ищеваренія. Какъ же челоѣдѣ дѣтокъ лечитъ насъ?

Теперь посмотримъ насколько санитарно-здорово дѣтокъ въ этихъ сельскихъ жителяхъ. Можно бы; артуальнейшій сказать что улучшение ихъ самое начальное. Посмотрите статистическія свѣдѣнія о смертности дѣтокъ. Какой процентъ доживаетъ до пяти-десятилѣтняго возраста? Конечно это происходитъ отъ недостатка медицинскихъ пособій. Известно, какъ часто подвергается дѣтокъ разстройству ищеваренія и какъ часто умираютъ, а матерямъ имъ не обращаются за помощью, да и къ кому?.. Ребенокъ хрипѣетъ, какъ бы; творять, жалѣютъ, но чѣмъ дѣло не ограничивается; — матерямъ имъ приходится. Представьте теперь такого рода случаи въ деревнях; привалады скарлатина или крупъ. Что тутъ дѣлать? Какъ помочь? Женщины плачутъ, и только; но чѣмъ они помогутъ? Видя страданія дѣтокъ, они пожалуй сунуть имъ тепленькую ленточку, найдутъ имъ кусочекъ меда — но ничто не помогаетъ. Ребенокъ по добротѣ, отхлебываетъ отъ груди, мечется, плачетъ или испускаетъ испиты въ кровли и умираетъ. Такъ болѣзнь ходитъ, волеетъ по челоѣ деревнямъ; возмаетъ съ дому одну ей угольно контрабанду и уходитъ въ деревня въ уязвля, покрови аниаккой. Вотъ положение деревенскихъ жителей въ случаѣ привалады эпидемической болѣзнии. Оно же по угольно жертвъ скарлатины, столько они и возмаетъ безъ всякаго сопротивленія и борьбы. Легко и привольно гулять съ поѣздой Руса. Авторъ разбираемой статьи, говоря о скарлатинной эпидеміи; рассуждаетъ такъ: «Родители бѣднаго шлолки готовы дать руку помощи своему ребенку, но какъ и чѣмъ они ему пособить? Это для нихъ будущіе подвѣтки. Деревенскій знатарь и всеобщее почитаніе источникъ зачатъ своихъ врачебныхъ съ привольно почитаніи дѣтокъ сѣмьихъ челоѣческихъ и кабаротическихъ странъ; — а

но ичасево, дѣла не вполнѣтъ убо да мѣла подростѣ врачѣ— да гдѣ дѣтъ? Въ городѣ, а до него: не близко, а вѣдаломъ, да его дѣла? Удалъ обшпренъ, разъѣдалъ уастны по дѣламъ: съчастчешнымъ. Притомъ, селѣбы даже по особаево, дѣлствѣ, большого медичъ и поиматрѣтъ его и предвѣсиль, да то время приичаево дѣсарство, то кѣмъ оубъ много дѣлѣшнѣя докторогаго, окарлатина: не вѣстѣе, по крѣдѣтъ, мало много, дѣей врачу приимотрѣтъ за болѣзнытъ и розмѣше да збо, дадъ убѣднѣаго дѣкара? Фрѣнциска, поформонше, отивчашъ ны, до, оубъ, афрѣтъ, плуцѣтъ, по дѣлѣе, оалѣоконъ жителнѣтъ. Оубъ поаржѣшему оспидотѣ, кѣ, ошиданнѣ, Кнѣму же, а часѣ, медичѣшнѣя, овалѣннѣ да оонульчѣны прѣ университетѣхъ? Неужели вѣтъ, оти удрѣжѣтъ, поосаннѣны въ поелѣзу горожанѣ? Кѣму же сотнѣ, поималѣтъ врачѣй землопѣше, ованчѣлѣмъ курсѣ, и вѣкостарѣе, шѣтъ амѣкъ, по сѣрѣшнѣево, оаграницѣ дадъ, усовершончѣотвѣрѣннѣ кѣ, оидѣннѣящнѣкъ, по знаннѣхъ? Да дѣ чего такъ много тратнѣтся государствѣ? Мы отѣвѣтѣтъ оловѣами, автора на зѣи вопросѣы. «Мы не думѣомъ, — поавѣрнѣтъ оубъ, — нѣтобы оубъ, дѣи дѣлѣнѣтъ, забнѣты, и калѣомѣтъ дѣлѣшнѣево тратѣ государствѣ, поправѣшнѣево, томыа, поклѣоитѣльнѣо дадъ, приимѣсѣннѣя поимѣы, стрѣошнѣннѣтъ, горалнѣтъ и вѣвѣторнѣннѣтъ, отаѣльнѣннѣтъ, служѣбнѣннѣтъ, оодловнѣмъ». Ешѣли городскѣе, оаснѣошнѣе, вѣлѣ, воѣкѣ днѣтѣтъ, прѣво, ошнѣлѣтъ, оубъ, государствѣ, срѣдствѣтъ, и мѣрѣтъ, кѣ, обережѣннѣю, оурѣоалъ, ж нѣ, дѣлѣннѣево, его, когда она попарнѣтѣся, то зачѣтъ, не лнчнѣмъ, зтого, дѣломошѣствѣрѣннѣя, прочнѣхъ, жителѣй, государствѣ? Она тамѣе, же, чѣловѣкъ, ево, тамъ же, пооблѣднѣны, дадъ, его, оубѣствѣрѣннѣя, и чнѣлѣомъ, оловнѣ, мошѣтъ, бнѣтъ, въ дѣснѣтъ, разѣтъ, оубѣ, оавѣскодѣтъ, поселѣннѣя, городскнѣя? Да етоитѣ, только, покатнѣтъ, оидѣлѣннѣево, отѣ, сто- днѣя, въ, любѣой, удалѣтъ, нѣ, захолустьѣево, какъ, поавѣрнѣтъ, чтоубъ, до, фѣ- то, убнѣтѣтъ, да, въ, ошнѣннѣошнѣево, оавзѣмнѣаго, а, столичнѣму, житѣлю, по- добнѣе, оубѣлѣомѣ, покажѣтъ, бѣзѣ, сомнѣннѣя, парѣдоксалнѣннѣтъ. Въ, столичнѣкъ, врачѣй, много, дажѣ, слншнѣкомъ, много. Въ, Петербургѣ, по- прнѣннѣтъ, практнѣкуютъ, многѣе, профѣсорѣа, меднѣцнѣшнѣо, акадѣмнѣя, въ, кѣждѣомъ, учебѣннѣтъ, заведѣннѣннѣ, полагѣетѣся, докторѣ, чуть, лн, не, въ, кѣ- ждѣомъ, квартѣлѣ, особѣй, врачѣ. А, сколько, чѣстнѣхъ, практнѣковъ! Просто, роскошѣ! Олнѣкъ, зубнѣхъ, врачѣй, кажѣтъ, не, перѣчтѣево. Здѣсь, естѣ, клнѣнкнѣ, болѣзннѣны, особѣя, отаѣлѣеннѣя, дадъ, кѣждѣаго, рола, болѣзннѣкъ; етоитѣ, побыватѣ, на, Выборгскѣо, стѣоронѣтъ, чтоубъ, убѣднѣтъ, ся, что, мы, въ, нѣдѣстошнѣево, время, владѣемъ, покрѣаснѣннѣы, срѣдствѣамнѣ дадъ, нѣзлѣченнѣя, болѣзннѣо, чѣловѣчѣевѣаго, рола. Да, чѣго! Мы, и, скотъ, нѣлуемъ. У, вѣстѣ, естѣ, вѣтернѣнарнѣй, ннѣстнѣтутѣ, и, прѣ, немъ, клнѣнкнѣ дадъ, лошадей, рокагаго, скѣта. Заболѣла, лн, собѣчнѣа, у, барннѣннѣ, она, точнѣа, отнѣравлѣетѣ, ее, на, Выборгскѣю, стѣоронѣ, въ, вѣтернѣнарѣю, оышннѣю, гдѣ, дѣлѣютѣтъ, оубѣло, зтой, оубѣчѣа, дѣчатѣ, ее. Значнѣтъ,

домашнія животныя обезпечены въ этомъ отношеніи. А люди, подобныя намъ? Къ сожалѣнію они ничего подобнаго не имѣютъ. Если мы кушаемъ до пресыщенія, слѣдуетъ ли изъ того, чтобъ не было голодныхъ? Впрочемъ я извиняюсь, начиная дѣйствовать на слушателя пасторальнымъ тономъ. Если не изъ филантропіи, если не по чувству человѣчности, то изъ экономическихъ расчетовъ слѣдовало бы обратить вниманіе на сочленовъ государства, которое гораздо болѣе выиграло бы, давъ имъ средства для обезпеченія своего здоровья, тѣмъ болѣе что это не потребуетъ большихъ издержекъ со стороны правительства. Да наконецъ общество сельскихъ жителей сложившись дастъ отъ себя достаточный капиталъ на этотъ важный предметъ скорѣе, чѣмъ на поправку дорогъ и на починку мостовъ, которая (между нами будь сказано) всегда шлодится въ состояніи, требующемъ починки и поправки. Недаромъ сложилась народная пословица: «кто по дорогамъ нашимъ не ѣзжалъ, тотъ досыта Богу не малывался».

Много можно бы было сказать по поводу вопроса, возбужденнаго вторымъ статіею: «Давнишняя наша потребность», но мы ограничимся перечнемъ фактовъ, представивъ ихъ объективно въ тѣхъ картинахъ, какія намъ случилось видѣть въ деревнѣ, и надѣемся, что читатель не сочтетъ эти факты пережиданіемъ фантазіи, какъ мы не считаемъ статью автора проектомъ, выдуманнѣмъ въ кабинетѣ за письменнымъ столомъ. Дай-богъ, чтобъ вопросъ этотъ не оставался вопросомъ безъ отвѣта. Вопросъ же этотъ такой важности, что пройти молчаніемъ было-бъ слишкомъ нечеловѣчно.

И. Ч.

НАШИ ДОМАШНІЯ ДѢЛА

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ

Благословуче соединившееся преданство. — Тихина и вселенныя, произведенныя редакторами и сотрудниками. — Воинственный эпизодъ. — Ядолодъ, которымъ не следовало бы переходить черезъ границу двухъ тысячелѣтій. — Проектъ г. Федора Орлова. — Каша съ деревяннымъ масломъ. — Взгляды полицейскихъ властей на учрежденіе судебныхъ слѣдователей. — Исковыя дѣла рѣшима безъ помехи. — Система сборовъ за проездъ по коломенской желѣзной дорогѣ. — Неудачная артиллерійская труба. — Оправданіе лодочника. — Новый Мортара. — Жидкой остатокъ древности. — Нашъ основной кандидатъ. — Обзоръ распоряженій по министерству народнаго просвѣщенія. — Новая гимназія: двѣ частныя и три правительственныя. — Повелѣніе объ открытіи морского академическаго курса. — Сельскія школы въ одиннадцати губерніяхъ. — Число установленныхъ драгунъ. — Христіанская близость. — Сборъ...

Начинаемъ статью, только-что проснувшись послѣ праздника, отдавшаго насъ отъ минувшаго тысячелѣтія... Тихо вокругъ насъ! Тихо было и вчера! Торжественной поступью, расхаживая въ развалъ по Марсову полю и Невскому проспекту, перешли мы черезъ границу, и какъ-будто неслышно для насъ погрузилось въ вѣчность цѣлое тысячелѣтіе. «Видишь: точно такъ нарисовано, какъ оно тамъ сдѣлано», говорила зрители, стоя передъ декорацией у Казанскаго собора, изображавшею памятникъ тысячелѣтію, пока еще было свѣтло и не зажглась иллюминація. Кромѣ этого толкаго и совершенно вѣрнаго замѣчанія намъ не удалось послушать ничего относящагося къ памятнику и знаменующей имъ эпохѣ... Какія чувства и воспоминанія пробудили въ мильонахъ прожившаго тысячу лѣтъ, представленныя въ лицахъ на мраморѣ и бронзѣ, — мы незнаемъ; незнаемъ даже, были ли тутъ какія-либо чувства и воспоминанія. Если не были, то это оттого, что мильоны нашей эпохи хотятъ и могутъ жить только настоящимъ и будущимъ, а о прошедшемъ вспомнать послѣ, когда немножко поживутъ.

«Въ литературѣ господствуютъ полная тишина», говоритъ намъ одинъ чуждѣй совѣтовникъ. Не хотѣлось бы съ этимъ соглашаться, да нельзя: въ литературѣ точно тишина. Конечно, замѣчательнаго времени вовсе нѣтъ, подобныя переломки, предположившія се время полнѣйшаго бездѣлія на гладкой поверхности воды между двумя рыбами, — великодушныя, единственныя и послѣдствіемъ которыхъ бывають пресвое-решающіеся концентрическія круги, постепенно слабѣющіе и исчезающіе въ радиальныхъ извилинахъ. Тоже море и гладь нашего словеснаго моря взмучилась на донскій отбѣсъ, что истаиваясь два крупныя редактора, — редакторы «Спб. Вѣд.» — новый или воступающій, и старый или истекающій. Новый, какъ и обѣдываетъ, не оже ожидать отъ свѣтлыхъ слезъ, ударилъ бойбою и началъ парить; старый уклонился отъ удара и сталъ въ оборонительное положеніе. И плеснулъ широкія волны; концентрическіе круги плыли въ сѣдѣ роны вѣтъ, что истекающая редакція «Спб. Вѣд.» прервала прѣгражденіемъ депешъ. «Въ самомъ дѣлѣ! точно вѣтъ депешъ», а мы было и не замѣтили! Покоривъше благодарны, что ошаранивъ послѣ кавануть нововично подписанцы «Спб. Вѣд.», и затѣвъ не стихаетъ, круги улетучивъ и вопрошавшу сравнаеся поверхность словеснаго моря.

Вокругъ акулъ и другихъ чудящихъ воднаго міра податчѣ; малыя рыбки, суется и тонится за своей мелкой добычкой. — Мелочами и крошечками, и рискуя сами отдѣлаться добычей крушага собратѣ; оидъ ужасно безпокоится о своихъ прощечкахъ, помущившихся. ады. интересъ съмъ порывѣшей важности, и недоумѣваютъ, отчего крупный собратъ не обращаетъ на нихъ никакого вниманія. Вокругъ кружащихъ редакторѣхъ суется міръ маленькихъ сотрудниковъ, бѣгущихъ за маленькой добычкой и ужасно безпокоющихся о своихъ прощечкахъ: невпечатанной въ общинарній срокъ статейки, алтерированна въ типографіи ласткъ рукопися, выдержанной строчкѣ, изуродованнаго наборщицами словъ... Все это имъ кажется интересомъ порывѣшей важности, и они недоумѣваютъ, отчего редакторы слушаютъ ихъ безпокойства съ такимъ видимо искусственнымъ и исключительно наружнымъ участіемъ и вовсе не хлопчуть о томъ, чтобы какъ-нибудь поправить дѣло, составляющее предметъ ихъ безпокойства. Рѣдко, очень рѣдко рѣшаются эти малыяки двелнуться въ водѣ своимъ крошечнымъ хвостикомъ и продровствъ на поверхности словеснаго моря мивьяторныя концентрическіе круги. Это можетъ случиться напимѣръ въ такомъ случаѣ, когда крупный редакторъ, какъ вѣкій жрецъ, затворяется въ капищѣ и обречется незрившимъ для суеящихся малытокъ — префаномъ, невчитавъ нужнымъ удостовѣять ихъ даже искусственнымъ и наружнымъ участіемъ. Тогда они

проникается негодованіемъ, глубоко оскорбляетъ невиннаго и къ
ихъ интересамъ-кромешкамъ, а не думаютъ того, что до крошечнаго
ли редактору, когда она можетъ быть самъ родъ гнетомъ мысля и
слова, больше широкихъ интересахъ; можетъ быть еще въ своемъ
кончикъ дѣлай дѣла проведъ въ глубинки дипломатическихъ со-
общеній о томъ, какіе надлежитъ ему употребить контрабанду и
подворки, чтобы удержано защиту посольствъ предъ лицомъ чужез-
ной публики, предъ очини общественного мнѣнія, могущаго острожно
наказать его своей холодностью за одну маленькую выходку; до кро-
шечнаго ли, до объясненій ли съ преемниками, когда можетъ быть
въ те время или они взымаютъ за дверями конища, онъ, утолщен-
ный дипломатическими соображеніями, ускулъ мучительнымъ своимъ
в ожиданіи оба те поселятъ на рукахъ при громкихъ рупонахъ;
милхъ, те летящихъ съ высоты, выхвѣтъ съ темнаго своего журнала,
при оглушительномъ и раздварающемъ смѣхѣ!.. Но догадывающаго
объ этомъ маленькіе сотрудники и шлопаютъ хвостиками по глад-
кой поверхности словеснаго моря...

Подобныя выкладки очень недавно произведены посольства Яну-
швицкимъ и Мстиславскимъ, и выкладки они были, какъ надо ирра-
полагать, незримостью редактора «Русскаго Вѣстника».

Г. Янушкинъ (какъ пишетъ онъ въ письмѣ, напечатанномъ въ
187 М. Моск. Вѣд.) въ началѣ шибѣнаго года отдалъ въ редак-
цію «Вѣстника» свою статью (подъ заглавіемъ «Вывамо»), съ уде-
вненіемъ, чтобы по окончаніи была ему возвращена рукопись. Статья
напечатана. Двадцать разъ приходилъ г. Янушкинъ за статьей къ
секретарю редакціи г. Васильеву, и двадцать разъ г. Васильевъ обѣ-
щала отыскать и возвратить рукопись, а въ двадцать первый разъ
объявлялъ рѣшительно, что она возвращена не будетъ. Возмѣлъ
было г. Янушкинъ дерзновенную мысль провакнуть во внутренность
храмина, обитаемой верховнымъ жрецомъ — г. Катковымъ, но двер-
ри конища предъ нимъ затворились, и былъ слышенъ гласъ:

«Оставь надежду навсегда!..»

Или вѣтъ, не такъ!

«Они не могутъ прижать насъ; подождите а. Васильевъ.»

Г. Мстиславскій рассказываетъ (въ тѣхъ же «Моск. Вѣд.») слѣ-
дующій казусъ. Редакція «Русскаго Вѣстника» заказала ему статью;
онъ нависалъ, редакція приняла. Потомъ явилась въ *Современной*
Литературной статья подъ тѣмъ самымъ заглавіемъ и съ подписью
имени г. Мстиславскаго (съ подписью Мстиславскаго, мы помнимъ
въ *Современной Литературной* статью: «Арсеній Мацѣевичъ»). Но вотъ
вечеръ г. Мстиславскій эту напечатанную статью не признаетъ

своею; говорить, что она съ его рукописью ни по содержанію, ни по изложенію ничего общаго не имѣетъ, что редакція всю ее измѣнила, «искавила», безъ его согласія. Вы можетъ-быть при этомъ подумаете: да чтожь тутъ согласіе? я заказалъ вещь и могу дѣлать съ ней что хочу. Оно конечно, редакція — ея дѣло хозяйское; но если я закажу столяру мебель, положимъ стулъ, потомъ обстругаю его собственноручно по своему, можетъ-быть немножко дикому вкусу, уничтоживъ сущность фасона, да в отдамъ стулъ на выставку мануфактурныхъ издѣлій, привѣсивъ къ нему имя столяра, — полагаю, что столяръ мнѣ за это спасибо не скажетъ, а скажетъ что-нибудь нехорошее. «Имя-то мое зачѣмъ тутъ? спроситъ онъ: — кто вамъ позволилъ вѣшать его на всякую дрань?» Чтоже я отвѣчу? Стыдно мнѣ будетъ, и больше ничего. А какъ же было бы мнѣ въ подобномъ случаѣ стыдно передъ писателемъ, можетъ-быть въ послѣдній трудъ частичку души своей положившимъ!..

Поэтъ выразилъ удивленіе, что какъ это отцы наши сумѣли

такъ дивно сочетать

Европы лоскъ и варварство татарства!

Но еще удивительнѣе то, что это воспринятое нами по наслѣдству умѣнье успѣло такъ глубоко войти въ плоть и кровь нашу, что мы всѣ, служители человѣческихъ идей, всюду, неисключая и каплицы, обитаемыхъ верховными жрецами, провозглашая эти идеи, не чувствуемъ и не видимъ въ себѣ проявленій татарства въ новой, улучшенной формѣ. Мы иногда умѣемъ и даже любимъ мысленно ставить себя въ положеніе ближняго, но только въ такомъ случаѣ, если это положеніе лучше нашего; а если хуже — никакъ, ни за что не хотимъ и не умѣемъ: привычки не сдѣлали! «Г. Якушкинъ!» докладываетъ слуга. — «Скажи, что занятъ, не могу принять; пусть ждетъ Васильева.» — Это говорится такъ легко, съ такимъ внутреннимъ спокойствіемъ, какъ будто что-то должное, совершенно согласное съ законами общечеловѣческаго бытія. Подумайте же, скоро ли мы можемъ ожидать такого златого вѣка, когда подобный отвѣтъ будетъ каждому казаться грубѣйшимъ нарушеніемъ правилъ здравыхъ человѣческихъ и общественныхъ отношеній! Долго ждать, милостивые государи, очень долго!..

Спокойно и тихо совершилось празднованіе тысячелѣтія. Торжественнымъ гуломъ принеслись отголоски изъ Новгорода. «Счастливы былъ день: все удалось», говорятъ газеты. Военственный эпизодъ, рассказанный въ 243 № «Сѣверной Пчелы», заключающій въ себѣ геройскій подвигъ г. Льва Камбека, взявшаго приступомъ пароходъ на Волховской пристани, принявшаго потомъ на себя его

команду и благополучно совершившаго триумфальное пестеже по Волхову, этотъ эпизодъ конечно нисколько не нарушаетъ мирнаго теченія праздничныхъ событій и только прибавилъ свѣжій лавръ въ побѣдннй вѣнокъ г. Льва Камбека.

Итакъ — мы въ новомъ тысячелѣтнн! Заѣдемъ же, вступая въ него, потащили мы за собой вышеупомянутые всплески? Вѣдь они случились тамъ, въ тысячелѣтнншннувшемъ, тамъ бы ихъ и оставить! Да хорошо, еслибы можно было это сдѣлать; но нѣтъ, они тлвуются за нами неотвязнымъ хвостомъ!.. Еслибы можно-то было, ннвноге бы мы оставили на томъ берегу, безъ грусти, безъ сожалѣннн...

Вопервыхъ попросили бы мы г. Федора Орлова оставить на томъ берегу свою удивительную мысль о преобразованнн семинарнн и гимназнн, состоящую въ томъ, чтобы въ семинарнн ввести гимназическнн курсъ свѣтскихъ наукъ, а въ гимназнн семинарскую программу богословнн. и уравнявши такннмъ образомъ курсъ тѣхъ и другихъ заведеннн, сдѣлать его совершенно неудобовѣрннствннмъ нн для какой — нн для дѣтской, нн для юношеской головы. Эта мысль принадлежнтъ прошлому тысячелѣтнн и должна бы оставаться въ немъ всецѣло, ибо новому она не нужна даже въ качествѣ историческои рѣдкости.

Вовторыхъ убѣдительно попросили бы мы г-жу Бидо, содержательницу панснона благородныхъ дѣвнцъ въ Москвѣ, въ случаѣ если она желаетъ и въ наступившемъ тысячелѣтнн продолжать содержаннн панснона, оставить на томъ берегу обычаи кормнтъ дѣвочекъ деревяннымъ масломъ, а также и усвоенный ею взглядъ на ея обязанности въ отношеннн къ родителямъ этнхъ дѣвочекъ. Просьбу нашу мы подкрѣпнли бы документомъ, подписаннымъ г. Папкевичемъ изъ Тобольска и напечатаннымъ въ 184 № «С. Петербургскнхъ Вѣдомостей». Тамъ говорится, что онъ, г. Папкевичъ, въ маѣ нынѣшняго года получилъ отъ своей дочери, воспитывавшейся въ панснонѣ г-жи Бидо, письмо такого содержаннн: «Вы хотите взять меня изъ панснона послѣ рождества хрнстова, но я прошу васъ оставить меня до того лѣта, когда я совсѣмъ кончу курсъ, хотя мнѣ очень надоѣло въ панснонѣ и я желаю съ вами поскорѣе увидѣться. Панснонъ нашъ совсѣмъ не такъ хорошъ, какъ былъ прежде, и еслибы я могла заниматься дома, то съ удовольствнемъ вышла бы изъ панснона. М-ше Бидо не занимается такъ, какъ занималась м-ше Севенаръ (прежннн содержательница); м-ше Бидо занимается больше своимъ туалетомъ, нежели нашимъ ученнемъ. Панснонъ надоѣлъ мнѣ хуже горькой рѣдкн; столъ у насъ самый нехорошнн; третьяго дня намъ подали кашу съ деревяннымъ

масломъ и протухлую говядину; я постоянно голодна...» Черезъ мѣсяць или черезъ полтора послѣ этого письма г. Палкевичъ получилъ уже не отъ дочери и не отъ г-жи Бидо, а отъ постороннихъ лицъ, своихъ московскихъ знакомыхъ, извѣстіе, что дочь его послѣ семидневной болѣзни умерла. Въѣсть съ извѣстіемъ присланъ счетъ издержкамъ на леченіе и погребеніе; въ счетѣ, кромѣ лекарствъ, значится между прочимъ: порціи супу, фунтъ стеариновыхъ свѣчъ и фунтъ мыла, — «свѣроотно для вымытія бѣлья», прибавляетъ г. Палкевичъ, и заключаетъ изъ этого счета, что дочь его во время предсмертной болѣзни оставалась у г-жи Бидо въ несвѣщенной комнатѣ, безъ супу и безъ чистаго бѣлья.

Читая вышеприведенное письмо дѣвицы Палкевичъ, слушая этотъ замогильный, осуждающій голосъ, мы чувствуемъ желаніе сдѣлать одинъ общій вопросъ: намъ хотѣлось бы, чтобъ кто-нибудь объяснилъ одно странное явленіе изъ физиологій нашего цивилизованнаго, живущаго на христіанскихъ началахъ общества. Скажите, какихъ сердечныхъ свойствъ должны быть тѣ люди, которые по собственной волѣ, можетъ-быть по призванію, избираютъ себѣ поприщемъ воспитаніе и образованіе дѣтей, посвящаютъ жизнь свою дѣтямъ, безсильнымъ, безоружнымъ, малымъ смѣхъ, такъ крѣпко нуждающимся, чтобы пригрѣло ихъ теплое сердце? Неправда ли, что люди, избравшіе это поприще, должны быть по сердцу лучше люди, съ самой чистой душой, съ самыми свѣжими чувствами? Отчего же, откуда же берутся эти почти повсюдныя жалобы молоденькихъ пансіонерокъ на затхлую кашу, горькое масло и тухлую говядину? Откуда, какими общественными началами порождаются эти испитыя, золотушныя и худосочныя питомицы воспитательныхъ заведеній? Вѣдь къ жалобамъ ихъ дотого привыкли, что всякій отдающій дочь свою въ пансіонъ напередъ рассчитываетъ, что она часто будетъ полуголодная, и потому считаетъ необходимымъ снабжать ее кой-какими копѣйками на приобретение булокъ и другихъ прибавокъ къ пансіонской пищѣ. Этого страшнаго явленія не объяснить даже и стихомъ, говорящимъ о свойствахъ общества,

Умѣшаго такъ дивно сочетать
Езровы лоскъ и варварство татарства, —

потому что на примѣръ г-жа Бидо, судя по имени, иностранка, да еще дщерь de la grande nation!.. Фу! какъ возмутительно!

Продолжаемъ начатое.

Попросили бы мы еще почтенныхъ иигородныхъ представителей судебной и полицейской власти оставить на той сторонѣ и не

брать въ новое тысячелѣтіе своихъ косыхъ и неблагоприятныхъ взглядовъ на учрежденіе слѣдователей и затѣмъ уже не становиться симъ послѣднимъ поперегъ горла, какъ изображено это въ любопытныхъ статьяхъ «Современнаго Слова» (см. № 56, 58 и др.), гдѣ между прочимъ говорится :

«Если учрежденіе судебныхъ слѣдователей было встрѣчено еянодушнымъ сочувствіемъ общества, то совершенно противоположное настроеніе духа возбудило оно въ представителей городскихъ и земскихъ полицій. Мы не говоримъ здѣсь о томъ исключеніи, которое можно встрѣтить всегда и вездѣ, но по крайней мѣрѣ большинство изъ представителей полицейской власти, взглянувъ на судебныхъ слѣдователей какъ на нѣчто враждебное, принадлежащее къ противоположному лагерю, имѣющему другую цѣль, какъ на нѣчто введенное въ старой нашей жизни только для того, чтобы отбить у порядочныхъ людей кусокъ хлѣба. Повѣрно, что такого рода возрѣніе не могло переработаться въ убѣжденіе, что назначеніе какъ судебныхъ слѣдователей, такъ и полицейской власти одинаково : служеніе обществу, и что представители ихъ, для болѣе успѣшнаго выполненія своего назначенія, должны подать другъ другу руки. Чтобы доказать, что полицейская власть еще не утратила своего значенія и въ дѣлахъ слѣдственныхъ, ея представители избрали два пути : 1) запрудить судебныхъ слѣдователей перепиской и производствомъ слѣдствій, по дѣламъ до нихъ вовсе неотносящимся, и тѣмъ лишить ихъ возможности употребить все вниманіе на дѣла, настоятельно того требующія, и 2) производить дознанія (предписанныя §§ 2 и 3 наказа полиціямъ) такимъ образомъ, что производство дальнѣйшаго, формальнаго слѣдствія и раскрытіе чрезъ него истинны дѣлается несравненно труднѣе (а иногда и вовсе невозможно) послѣ полицейскаго дознанія, чѣмъ оно было бы при его отсутствіи.»

Какъ приводится въ исполненіе этотъ планъ полицейскими властями, можно хорошо понять изъ слѣдующаго, безъ сомнѣнія не фантастическаго примѣра :

«Въ городѣ NN проживаетъ всѣмъ извѣстный отставной чиновникъ, доведшій страсть свою писать прошенія и всякаго рода бумаги почти до сумашествія. Сей мужъ, — назовемъ его хоть Д. — положительно неимѣющій ничего кромѣ носильнаго платья и прокармливающейся собраніемъ милостыни, проживалъ у матери своей покойной жены, женщины тоже очень бѣдной, квартировавшей въ домѣ мѣстнаго мѣщанина. Вслѣдствіе неспокойнаго характера Д. теща сгоняетъ его съ квартиры; чтобы насолить ей и доставить себѣ удовольствіе исписать стратное количество бумаги,

Д. оставляетъ на квартирѣ свои негодные къ употребленію штанишки и кузовокъ, а на другой день идетъ въ полицію, гдѣ объявляетъ, что его обокрали на сумму ста рублей серебромъ, что въ кражѣ этой онъ подозреваетъ тещу свою, г-жу М., и хозяина дома X съ женой; въ доказательство же справедливости обвиненія указываетъ на поличное, которое можно найти въ квартирѣ похитителей. Полиція, непринимая въ расчетъ, что Д. вчера только былъ согнанъ съ квартиры, что еслибы похищеніе и было учинено, то откуда Д. знаетъ о поличномъ? что наконецъ у него и не было никогда, да и быть не могло имущества на сто рублей, — дѣлаетъ обыскъ, находитъ точно штанишки и кузовокъ Д., и недѣлая другого дознанія, сообщаетъ о совершеніи преступленія для изслѣдованія судебному слѣдователю. Напрасно судебный слѣдователь входитъ съ представленіемъ въ уѣздный судъ, напрасно прописываетъ онъ всѣ обстоятельства, положительно доказывающія, что подобное дознаніе полиціи не можетъ еще считаться за дознаніе, что оно должно быть произведено гораздо тщательнѣе: ему указываютъ на поличное и *предписываютъ* провѣстъ слѣдствіе.»

Это по первому пункту плана, а вотъ по второму примѣръ вѣснѣе занимательный и поучительный :

«У крестьянина А. уведена съ полнознаго корма лошадь, и онъ объявилъ подозрѣніе на своего односельца Б. Представитель полиціи дѣлаетъ дознаніе, и Б. сознается, что кража лошади — его работа, что онъ учинилъ ее вслѣдствіе подговора В. за десять рублей... Преступленіе стало-быть есть, характеръ факта уясненъ, и полиція должна была тотчасъ передать дѣло къ судебному слѣдователю; но дѣло въ томъ, что В. связанъ тѣсными узами съ полиціей, а потому его предупреждаютъ о показаніи Б., на случай обыска дають спрятать все подозрительное, находящееся у него на квартирѣ (чего надо полагать было много, потому что специальность Б. — переводъ краденыхъ вещей). Наконецъ, такъ какъ Б. показываетъ, что украденая лошадь передана В., то В. пишетъ въ полицію формальную росписку о покупке имъ лошади у Б.; заносятъ росписку въ книгу, словомъ ограждаютъ В. формальностями такимъ образомъ, чтобъ слѣдователю никакъ нельзя было запутать В., и потомъ уже передають свое дознаніе. Слѣдователь, получивши такого рода дѣло и понимая очень хорошо истину, пришелъ въ совершенное недоумѣніе, какимъ образомъ сдѣлать истину настолько ясной, чтобы судъ могъ провѣстъ свое сужденіе? Онъ вытребовалъ изъ полиціи книгу для занесенія росписокъ; росписка В. значилась тамъ подъ тѣмъ самымъ числомъ, когда уведена у А. лошадь; конечно, книга была не прошнурована и не скрѣпленая,

стало-быть въ нѣсколько часовъ такихъ книгъ можно было написать десять; но за несоблюденіе формальностей отвѣтитъ только полиція, а В. остается правымъ; слѣдователь даетъ Б. съ В. очную ставку, но Б. напрасно уличаетъ В., какъ своего сообщника: наученный полицією, В. стоялъ на одномъ, что купилъ лошадь у Б. Слѣдователь спрашиваетъ В., при комъ же онъ купилъ ту лошадь? В. сначала говоритъ, что съ глазу на глазъ; но на другой день, будучи арестованнымъ при полиціи, показываетъ, что тутъ было два свидѣтеля, и называетъ ихъ по именамъ. Слѣдователь вызываетъ свидѣтелей; являются два какихъ-то господина, готовые за цѣлковый и полштофа водки принять присягу въ чемъ угодно... Слѣдователь, видя, что В. выгораживаетъ себя свидѣтелями такъ, что остается предъ судомъ даже и не въ подозрѣніи, догадался употребить тотъ же способъ, которымъ была доказана невинность Сусанны: спрашиваетъ одного свидѣтеля, при немъ ли В. купилъ у Б. лошадь? Тотъ отвѣчаетъ: при немъ. — Гдѣ? — На базарѣ. — Можешь указать мѣсто покупки? — Свидѣтель сначала замѣшался, потомъ отвѣтилъ, что можетъ. Слѣдователь идетъ вмѣстѣ съ свидѣтелемъ на базаръ, и тотъ указываетъ на мѣсто купли лошади. Слѣдователь, недавая ему возможности видѣться съ товарищемъ, вызываетъ другого свидѣтеля, и съ тѣмъ повторяетъ ту же исторію; но мѣсто, указанное этимъ свидѣтелемъ, находится отъ мѣста перваго свидѣтеля въ разстояніи покрайней-мѣрѣ сажень на двѣсти. Послѣ того онъ даетъ имъ очной сводъ; на сводѣ оба свидѣтеля сначала странно смѣшались, но потомъ одинъ поправился и говоритъ, что забылъ гдѣ видѣлъ, какъ В. покупалъ лошадь у Б., а теперь, припомнивши, онъ согласенъ съ показаніемъ своего товарища; слѣдователь потомъ даетъ имъ по одиночкѣ своды съ В., который показалъ третье мѣсто купли. В., видя, что въ разговорѣ забылъ одну статью, остается на своемъ показаніи, и несмотря на всѣ убѣжденія своихъ свидѣтелей, утверждаетъ, что купилъ лошадь вовсе не на томъ мѣстѣ, гдѣ показываютъ свидѣтели, а на томъ, гдѣ онъ показываетъ... Такимъ образомъ безпрерывными очными ставками слѣдователю удалось спутать противорѣчіями В., во тѣмъ неменѣе шибя за собой въ резервѣ росписку, полученную въ полиціи, В. все-таки не сознался, что подговаривалъ Б. красть лошадь и служилъ приемщикомъ и переводчикомъ ея.»

Читая такіе чудные примѣры, какъ не одушевиться на покорнѣйшую просьбу къ представителямъ полицейской власти, чтобы не становились они поперегъ горла судебнымъ слѣдователямъ? Но что наши мольбы! Онѣ не помогутъ, онѣ не могутъ помочь, да и тѣ, къ кому мы обращаемся, не въ силахъ исполнить нашу не-

практичную просьбу. Тутъ уже не въ томъ дѣло... «Главной причиной того (сказано въ цитируемой нами статьѣ), что наказъ судебнымъ слѣдователямъ не удовлетворилъ ни ту, ни другую сторону, — то-есть ни общество, ни тѣхъ, кто долженъ былъ проводить учрежденіе въ общество, была по нашему мнѣнію его *одиночность*. Входя въ жизнь и въ тоже время оставляя за собой и перелъ собой городскія и земскія полиціи, уѣздныя суды, городовыя магистраты и уголовныя палаты, въ прежнее ихъ составѣ и съ прежними принципами, учрежденіе судебныхъ слѣдователей было уже парализовано къ самому зародышѣ» и проч. Такъ вотъ какой хвостъ еще тянется за нами въ новое тысячелѣтіе, и скоро ли отрубать его у насъ — мы навѣрное незнаемъ.

Но если оказывается жестокимъ наше общее требованіе отъ всѣхъ представителей полицейской власти; если исполненіе его повлекло бы за собой для нихъ тяжкія жертвы, самоотреченіе и вообще непосильный подвигъ; если наконецъ оно въ настоящее время еще непрактично по существующему общему строю дѣлъ, — то покрайней-мѣрѣ г. рязанскій полицмейстеръ вѣроятно не отказалъ бы намъ въ просьбѣ утѣшить г. Метелькова для начала тысячелѣтія, покончивъ съ нимъ расчетъ на той сторонѣ, т. е. уплативъ ему тамъ долги по документамъ. Посудите сами: г. Метельковъ еще въ 1850 и 1851 г. (въѣ это очень давно!) представилъ ко взысканію въ рязанскую полицію долговые акты, и успокоился, надѣясь, что долги его рано ли, поздно ли будутъ взысканы. Но вотъ въ концѣ тысячелѣтія узнаетъ онъ, что дѣла его давнымъ-давно рѣшены и сданы въ архивъ, документы возвращены должникамъ, а деньги... денегъ нѣтъ, и гдѣ онѣ — неизвѣстно. Г. полицмейстеръ объяснилъ очень резонно, что «*о причинахъ зачисленія дѣлъ рѣшоннымъ, безъ дѣйствительнаго по нимъ удовлетворенія, за выбитіемъ производителей самыхъ дѣлъ, объяснить невозможно*». Видите ли какъ это ясно! Но что вы будете дѣлать съ г. Метельковымъ, если онъ и засимъ еще считаетъ себя неудовлетвореннымъ и ждетъ какого-то отвѣта отъ полиціи, опираясь на то, что самъ-то г. полицмейстеръ *остается изъ полиціи невыбывшимъ?* («Моск. Вѣд.» № 169.) Въ виду такого упрямства г. Метелькова можно предполагать, что онъ способенъ втеченіе всего наступившаго тысячелѣтія не измѣнить своего горькаго убѣжденія, что рязанская полиція *должна* выдать ему деньги по его долговымъ актамъ; а потому и желательно было бы, чтобы г. полицмейстеръ рассчитался съ нимъ какъ-нибудь, неперенося съ того берега дѣлъ, уже тамъ рѣшонныхъ и въ архивъ сланныхъ.

Да внушить провидѣніе распорядителямъ московско-коломен-

ской желѣзной дороги благою мыслью оставить въ достояніе прошлему тысячелѣтію ихъ небрежно-презрительные взгляды на публику вообще и на публику третьяго класса въ особенности и по преимуществу! Воззваніе это мы дѣлаемъ на основаніи извѣстій, сообщаемыхъ гг. А. Мансуровымъ (въ 169 № «Моск. Вѣд.») и нѣкимъ *Философомъ Гороховымъ* (въ 68 № «Совр. Слова»). Первый размышляетъ, что на коломенской дорогѣ мѣста очень дороги: третій классъ стоитъ 1 р. 36 к.; что рабочему человѣку платить 1 р. 36 к. тяжело, даже очень тяжело. Вотъ какой представляется тутъ расчетъ:

Пѣшкомъ мужикъ дойдетъ до Коломны въ два дня; въ дорогѣ истратитъ на харчи 30 к. Проѣдетъ на облучкѣ у ямщика оди́нь день и проѣстъ 15 к. Въ первомъ случаѣ два рабочихъ дня стоятъ лѣтомъ 1 руб., стало-быть дорога обойдется въ 1 р. 30 к.; а заплативъ ямщику полтинникъ и потерявъ оди́нь день, рабочий человѣкъ истратитъ 1 р. 15 к. Теперь на желѣзной дорогѣ: употребитъ полсутокъ — 25 к., проѣстъ 10 к., заплатитъ за мѣсто 1 р. 36 к., всего стало-быть потеряетъ 1 р. 71 к. При этомъ является еще слѣдующее соображеніе: пѣшкомъ рабочий безъ крайней нужды не пойдетъ, — онъ измучается дорогой, а за 50 к. *теперь* ямщикъ не повезетъ, такъ какъ прежде онъ возилъ за эту цѣну мужиковъ, сажая внутрь тарантаса достаточныхъ людей по 3 руб. съ человѣка. Теперь никто не поѣдетъ въ тарантасѣ за 3 руб., а посадить однихъ мужиковъ по полтиннику — ямщику невыгодно.»

Зачто же, милостивые государи, такая немилость къ бѣдной третьеклассной публикѣ, что нѣтъ ей ни малѣйшей льготы отъ существованія коломенской желѣзной дороги? «Желательно — возглашаемъ мы словами возродившагося «Дня», — чтобы господа учредители частныхъ компаній, которыхъ предприимчивости желѣзныя дороги и пароходы обязаны своимъ существованіемъ, устроили, по примѣру николаевской желѣзной дороги, дешовые, хотя и не столь скорые поѣзды, и вообще обратили бы вниманіе на удобства пассажировъ третьяго класса, съ которыми иногда обращаются слишкомъ нецеремонно и запросто.»

О нецеремонности и о самой крайней степени ея сто́итъ прочесть расказъ г. Философа Горохова...

«30 июля въ 12 часовъ дня — говорить онъ — я обратился на московской станціи саратовской желѣзной дороги къ кассиру съ просьбою выдать мнѣ два билета до Либерцовъ (первой станціи въ девятнадцати верстахъ отъ Москвы), куда мнѣ нужно было по дѣлу съѣздить. Кассиръ, несоблюдая очереди въ выдачѣ билетовъ, по-

далъ таковыя четыремъ лицамъ, послѣ меня пришедшимъ, а я остался у окна кассы въ ожиданіи, что и моя просьба будетъ удовлетворена; потомъ онъ во второй разъ меня спросилъ, что мнѣ нужно? Я повторилъ мою просьбу о двухъ билетахъ до Либерцовъ. Тогда онъ мнѣ сказалъ, что у нихъ въ конторѣ нѣтъ билетовъ напечатанныхъ до Либерцовъ, а подалъ мнѣ билеты на первый поѣздъ до станціи Роменской, пространствомъ на 60 верстъ отъ Москвы, съ поясненіемъ именно такими словами, что я *могу слѣзть въ Либерцахъ, а билеты должны взять до Роменскаго*, ибо у нихъ нѣтъ билетовъ до другихъ станцій. Я ему еще отвѣтилъ, что желаю сойти въ Либерцахъ, и что *будетъ ли справедливо брать съ меня деньги за разстояніе на 60 верстъ, когда я ѣду только на 19*, и по крайней необходимости взялъ билеты. Когда всѣ другіе ѣздившіе пассажиры уѣхали въ вагоны, то оказалось, что многіе, которымъ слѣдовало ѣхать до станціи Фаустовой, на 75 верстъ, уступая также необходимости поѣздки и пріѣзда на московскую станцію, получили билеты на 106 верстъ, до самаго Коломенскаго, что въ кассѣ будто только и имѣются напечатанные билеты до пунктовъ Ромны и Коломны. При выхогѣ въ Либерцахъ я встрѣтилъ мужичка, уже немолодого, утомившагося, прошедшаго пѣшкомъ изъ Москвы, неуспѣвшаго съ петербургской машины пересѣсть вовремя на коломенскую и послѣ желавшаго уже собласти экономію проходитьъ въ Либерцы, гдѣ онъ намѣревался сѣсть на машину до Коломны. И надобно было видѣть его отчаяніе, когда съ него взяли тѣже деньги, что заплачено и ѣдущими изъ Москвы! Онъ горько жаловался всѣмъ на такую несправедливость... Пришелъ поѣздъ и коломенскій, и съ пасѣ, ѣхавшихъ изъ Либерцовъ обратно въ Москву, взяли деньги не за 19, а за 60 верстъ, какъ-будтобы мы мы ѣхали отъ Роменскаго. Билетовъ на поѣздъ здѣсь не выдавали, а деньги собиралъ одинъ кондукторъ прямо себѣ въ мѣшокъ, и весьма любопытно послѣ этого знать, какъ повѣряетъ его въ такомъ сборѣ доходовъ контора?... Кто не платилъ за разстояніе, на билетахъ напечатанное, того не садилъ.»

Такъ какъ же, гг. распорядители: нѣтъ билетовъ до Либерцовъ? и достать ихъ стало-быть вы не имѣете возможности... даже въ текущемъ тысячелѣтїи? Достаньте, хоть ради его и вашего доброго имени, какъ-нибудь и гдѣ-нибудь, а распоряженіе — брать за 60 вмѣсто 19 верстъ, распоряженіе, имѣющее такое разительное сходство съ мажачествомъ, оставьте на той сторонѣ!

Затѣмъ посовѣтовали бы мы г. Зрителю-Колошину бросить на той сторонѣ свою скверную зрительную трубку съ прелательскими стеклами, показывающими ему большую часть предметовъ навыво-

ротъ и вверхъ ногами, а въкоторыя очень серьезныя и пристрастныя вещи — въ такомъ грязномъ и непристойномъ видѣ, что человѣку съ чистыми мыслями и чувствами совсѣмъ смотрѣть нельзя. Можете вообразить наиримѣръ: сліяніе сословій представляется въ этой трубкѣ какимъ-то «скрещеніемъ породъ». Г. Колошинъ, доврившись трубкѣ, такъ и поваялъ сліяніе сословій, и потому на 277 страницъ «Зрителя» нарисовалъ неирричиѣйшую картинку, изображающую толстую крестьянку на колѣняхъ у франтовски-одеятаго господина и элегантную барышню на колѣняхъ у кучера. Незадолго перелъ тѣмъ было напечатано въ «Зрителѣ» письмо какого-то наивнаго подписчика, рассказавшаго, что въ Петровскомъ-Разумовскомъ былъ дешовый концертъ любителей, а послѣ концерта танцы, причемъ произошла попытка сближенія сословій, состоявшая въ томъ, что кавалеры вздумали выбрать себѣ дамъ изъ бывшихъ въ концертѣ поселянокъ, а къ дамамъ распорядители праздника подвели поселявъ, и составившіяся такимъ образомъ пары ходили польскій... Наивный авторъ отъ души восхищается этой *увеселительной* попыткой; а г. Зритель-Колошинъ, нагло обманутый тѣми же предательскими стеклами своей трубки, тиснулъ при этомъ слѣдующее полстрочное примѣчаніе:

«Помѣщая письмо нашего почтеннаго подписчика, мы дѣлаемъ это въ полной увѣренности, что онъ шутитъ. Можно ли допустить и въ одномъ благоразумномъ человѣкѣ желаніе сближенія кучеронъ съ *благовоспитанными* женщинами и крестьянскихъ *дъвокъ* съ *примѣнными* мужчинами?.. Чтобы могли когда-нибудь смѣшаться выростковые сапоги съ брюками и *ситцевые сарафаны* съ *фраками*, объ этомъ дозволено мечтать только дѣтямъ, да и то совсѣмъ хорошо воспитаннымъ.»

Какъ хорошо воспитанъ *Зритель*, это показываетъ вамъ его затхлая мысль о «скрещеніи породъ», дальше которой ужъ онъ не пойдетъ.

Далѣе, совѣтовали бы мы господамъ *Новотору* и новоторжскому градскому головѣ Луковникову оставить на той сторонѣ свои оправданія противъ статьи г. Шшмарева о бывшемъ съ нимъ случаѣ въ Торжкѣ на пожарѣ, потомучто оправданія эти такъ слабы и такъ мало измѣняютъ сущность дѣла, что благородіиѣе было бы со стороны оправдывающихся принять совершившійся фактъ безъ ильниеній, тѣмъ болѣе что онъ на массу новоторжскихъ гражданъ никакого пятна и безчестья не клеветъ, ибо объясняется существовавшимъ общимъ настроеніемъ умовъ, имѣвшимъ свои источники; понятія же о г. Вавулинѣ, составившагося у читающей публики,

уже ничто не измѣнить, если только онъ не докажетъ положитель-
но, что все рассказанное о немъ г. Шпшмаревымъ — неправда; так-
же и фразу, произнесенную толпой новоторжскихъ гражданъ, выра-
зившихъ въ ней свое мнѣніе о г. мѣстномъ городничемъ, уже ни-
чѣмъ не сотрешь съ газетныхъ столбцовъ. О чемъ же больше хло-
потать?..

Но съ чѣмъ весьма вадлежало бы разстаться навсегда при всту-
пленіи въ новое тысячелѣтіе, это съ повтореніями *исторіи Мортя-*
ры, подобными тому, о которомъ повѣствуетъ г. И. Герцманъ въ
«Одесскомъ Вѣстникѣ». Вотъ сіе повѣствованіе:

«Нѣкто еврей Кайманъ, изъ Аннополя, избралъ себѣ супругу
изъ извѣстнаго въ Острогѣ семейства — Соскисъ. Послѣ семилѣт-
ней супружеской жизни, во время которой Кайманъ ирпжилъ двухъ
дѣтей — дочь и сына, онъ влюбился въ какую-то дѣвицу-христи-
янку, и какъ водится, возненавидѣлъ свою жену. Однажды онъ
предложилъ своей супругѣ разводъ. Пораженная неожиданнымъ
ударомъ, она не согласилась однако на разводъ, потомучто уважала
Каймана какъ отца семейства и любила его какъ мужа. Тщетны
были всѣ усилія Каймана къ расторженію брака. Но какъ ни
горько было супругѣ видѣть явную измѣну мужа, она рѣшилась по-
кориться своей участи, и живя одна въ своемъ домѣ, приобрѣтала
собственными трудами пропитаніе для себя и своихъ дѣтей. Нако-
нецъ, видя, что нѣтъ никакого средства избавиться отъ жены,
Кайманъ принялъ христіанскую вѣру, въ полной надеждѣ достиг-
нуть своей цѣли. Послѣ того прошло около двухъ лѣтъ, и слѣдъ
его простылъ. Оставшаяся супруга, послѣ долгихъ страданій, нако-
нецъ утѣшилась, забыла о мужѣ и поселилась съ своими дѣтьми
въ Славитѣ.

«Нѣсколько недѣль тому назадъ въ г. Острогѣ неожиданно при-
вели въ оковахъ жену Каймана, державшую на рукахъ трехлѣт-
няго сына. Ихъ отправили въ тюрьму, а потомъ препроводили къ
городничему, который съ угрозою потребовалъ отъ нея ребенка,
чтобы обратить его въ христіанскую вѣру, *согласно желанію роди-*
теля. Со слезами на глазахъ бѣдная женщина объяснила при этомъ,
что два года прошло уже съ тѣхъ поръ, какъ мужъ ея оставилъ
семью, неизвѣстно гдѣ поселился и предоставилъ участь ребенка
материнскому ея попеченію. «Почему же, прибавила она, хотите
вы отнять у меня мою кровь, мое утѣшеніе?» Она крѣпко обняла
своего ребенка, какбы недопуская насильственного захвата. Ее
вторично отправили съ ребенкомъ въ тюрьму, куда не допустили ни
одного изъ ея родственниковъ для подавія ей пищи. Три дня про-

вела она тамъ, неѣвши, непивши. «Умиру, говорила она, но не хочу видѣть моего младенца въ чужихъ рукахъ.» Послѣ того ее опять привели съ ребенкомъ къ городничему. Но такъ какъ и послѣ настоятельныхъ требованій она не согласилась отдать своего сына, то ее возвратили въ тюрьму и посадили на хлѣбъ и на воду. Въ такомъ положеніи она находилась съ сыномъ цѣлый мѣсяць. Однажды для осмотра тюремнаго замка прибылъ начальникъ, которому пришлось навѣстить и камеру, гдѣ находилась эта женщина. На вопросъ его, по какому преступленію она содержится, смотритель объяснилъ всѣ подробности дѣла. «Чтоже вамъ до этой женщины? Возьмите у ней ребенка, а ее освободите.» Рѣшено — сдѣлано. 27 мая текущаго года городничій привелъ въ тюрьму нѣсколько человекъ нижнихъ полицейскихъ чиновъ и началъ съ узницей самый мягкій и пріятный разговоръ. Онъ увѣрялъ ее, будто мужъ ея желаетъ видѣть ребенка, поцѣловать его и возвратитъ потомъ къ матери. Она вышла на улицу, держа ребенка на рукахъ, но тутъ нѣсколько человекъ взяли у ней насильно младенца и вручили его какой-то служавкѣ, чтобы отвести на мѣсто крещенія. Между тѣмъ въ церкви собралось довольно прихожанъ, которыхъ пригласили избрать изъ среды своей воспріемнаго отца. Всѣ въ одинъ голосъ порѣшили: отдать ребенка въ руки какого-то десятскаго, съ платежомъ ему по девяти рублей въ годъ!»

Странное происшествіе, даже очень странное! Намъ даже незнаю почему кажется, что тутъ должно-быть что-нибудь не такъ; а впрочемъ можетъ-быть это только такъ кажется. Во всякомъ случаѣ разбирать это дѣло, впредь до объясненія съ другой стороны, страшно. Мы можемъ только желать, чтобы ни этого, ни другихъ подобныхъ ему происшествій не было на Руси.

Наконецъ, хорошо еслибъ не было впредь на Руси Владиміровъ Владиміровичей Трушинскихъ... Это что еще такое? спросите вы. Да вотъ что. Въ пронскомъ уѣздѣ разанской губерніи есть село Панкино, а въ томъ селѣ Панкинѣ помѣщица Екатерина Павловна Трушинская; у ней супругъ Владиміръ Ивановичъ и сыночекъ Владиміръ Владиміровичъ. Однажды временно-обязанная дворовая дѣвица сихъ помѣщиковъ Евфимія Савельева явилась къ мировому посреднику г. Федюкину и жалобилась, что Владиміръ Владиміровичъ избилъ ее безъ всякой причины. Пожаловавшись, она повеснила, что Владиміръ Владиміровичъ постоянно пребываетъ въ нетрезвомъ видѣ, бьетъ всѣхъ, кто попадаетъ ему на глаза, и часто гоняется съ ножомъ, угрожая зарѣзать. Поэтому — избавьте дескать меня, г. посредникъ, отъ столь мучительной жизни; а сама-де помѣщица Екатерина Павловна имѣетъ доброе сердце, и любя безъ

мѣры сына . всегда ему потворствуетъ и не останавливаетъ его отъ неприличныхъ поступковъ. Надо же было случиться такъ , что при жалобѣ Савельевой лично присутствовалъ самъ помѣщикъ-роитель , Владиміръ Ивановичъ , и вообразите — онъ со всею искренностью подтверждаетъ справедливость всѣхъ словъ просительницы , прибавляя , что сынокъ его , отъ потворства маменьки , отбился отъ рукъ ; что самъ онъ , родитель , ничего съ нимъ сдѣлать не можетъ , и что не только дворовымъ людемъ , но и ему скоро придется уйти изъ дома . Послѣ такого откровеннаго и нелицепріятнаго заявленія посредникъ написалъ письмо Екатеринѣ Павловнѣ , прося ее убѣдить сына вести себя прилично и не драться . Получивъ и прочитавъ письмо , Екатерина Павловна позвала сотника и приказала ему выгнать Евфимью Савельеву съ двумя ея дочерьми — пяти и двухъ лѣтъ — изъ дома и изъ села . Приходитъ Евфимья опять къ посреднику и говоритъ , что не знаетъ теперь , гдѣ ей съ дѣвочками приклонить голову . Посредникъ выдаетъ ей увольнительный актъ , а съ г-жи Трушинской взыскиваетъ на двухъ малолѣтнихъ , за десять мѣсяцевъ , восемь рублей . Конечно это распоряженіе г. Федюкина утверждено губернскимъ присутствіемъ .

Итакъ Владиміръ Владиміровичъ Трушинскій по всей справедливости долженъ былъ бы подлежать къ слачѣ въ архивъ прошлаго тысячелѣтія , ибо онъ скорѣе можетъ служить любопытнымъ экземпляромъ въ какомъ-либо археологическомъ музее , нежели сноснымъ членомъ въ живомъ , современномъ намъ обществѣ .

Еслибы однако все вышесчисленное въ самомъ дѣлѣ осталось позади и не потянулось за нами , — что же бы мы взяли съ собою въ дальнѣйшій путь ? Найдется , милостивые государи , найдется кое-что и захватить ; а въ случаѣ чего не достанетъ — наживемъ ! Мы не наследники богачей , праздно пользующіеся накопленными прежде насъ сокровищами ; мы не избалованы никакой нравственной и умственной роскошью ; мы пока еще сыны нужды , живемъ крохами и жаждемъ приобрѣтать собственнымъ трудомъ ; у насъ очень много желаній и надеждъ ; въ воображеніи мы вороваемъ горами и можетъ-быть будемъ воровать ими на дѣлѣ , если окажется у насъ столько же силы воли и доброкачественной сердечной закалки , сколько имѣется теплыхъ желаній и надеждъ .

Мы живемъ пока крохами , но это крохи относительныя : для насъ собственно онѣ — сокровища , солидный фондъ , на которомъ мы основываемъ наши будущія приобретенія . Напримѣръ недавно напечатанъ въ газетахъ «Краткій очеркъ главныхъ распоряженій во министерствѣ народнаго просвѣщенія за послѣднія семь лѣтъ» .

Тутъ почти каждое распоряженіе — сумма, которая, будучи пушена въ оборотъ, принесетъ намъ-большіе проценты... Припомнимте же эти главнѣйшія распоряженія :

Въ ноябрѣ 1855 г. разрѣшено неограниченный пріемъ студентовъ въ университеты, въ отиѣну постановленія 1849 г., ограничивавшаго число студентовъ въ каждомъ университетѣ (кромя медицинскаго факультета) комплектомъ трехсотъ человекъ.

Возстановлены упраздненныя прежде кафедры: въ 1857 г. государственнаго права европейскихъ державъ, а въ 1860 году — исторія философіи, съ логикой и психологіей.

Въ 1859 году возвращено университетамъ принадлежавшее имъ по уставу 1835 г. право выписывать изъ-заграницы книги и періодическія сочиненія ученаго содержания — безъ цензурнаго разсмотрѣнія.

Съ 1856 г. обращено вниманіе на недостатокъ способныхъ профессоровъ. Въ томъ же году послѣдовало высочайшее повелѣніе, чтобы университеты посылали отличнѣйшихъ изъ окончившихъ курсъ молодыхъ людей за границу для усовершенствованія и приготовленія себя къ профессорскому званію. Съ той поры университеты посылали избранныхъ за границу, но въ небольшомъ числѣ, по недостатку своихъ средствъ. Въ нынѣшнемъ 1862 г. эти мѣры повторились въ большихъ размѣрахъ, потому что министерствомъ испрошено разрѣшеніе отчислить на это *сто тысячъ* рублей изъ суммы, назначенной на усиленіе средствъ министерства. Теперь находятся за границей двадцать три человекъ, готовящихся къ профессорскимъ и учительскимъ должностямъ, да втеченіи наступившей осени предполагается отпривить еще двадцать-семь человекъ.

Ришельевскій (одесскій) лицей, какъ уже извѣстно нашимъ читателямъ, преобразовывается въ университетъ. Кромя того остальные два существующіе у насъ лицея: демидовскій (въ Ярославлѣ) и князя Безбородко (въ Нѣжинѣ) министерство предполагаетъ преобразовать въ высшія реальныя училища.

Мысль о пересмотрѣ университетскаго устава возникла съ 1856 года. Читатели знаютъ настоящее положеніе этого дѣла: новый уставъ окончательнo редактируется въ ученомъ комитетѣ. Въ «Очеркѣ распоряженій» говорится: «Непредрѣная вопроса о тѣхъ началахъ, которыя будутъ руководствовать при окончательной редакціи новаго университетскаго устава, можно однако сказать, что онъ будетъ основанъ на *большемъ развитіи автономіи университетовъ*... Въ полученныхъ на проектъ устава замѣчаніяхъ большей автономіи университетовъ придается особенное значеніе, и полное

принятіе этого начала признается всѣми специалистами за единственное условіе, при которомъ представляется въ будущемъ прочное обезпеченіе достоинства науки и спокойной, правильной дѣятельности университетовъ.»

Въ томъ же 1856 году было приступлено къ составленію новаго проекта устава гимназій и училищъ. Этотъ трудъ оконченъ въ 1860 году, напечатанъ подъ названіемъ: «Проектъ устава низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній» и подвергнутъ общему обсужденію. По полученнымъ на этотъ проектъ замѣчаніямъ онъ переделанъ, вновь напечатанъ подъ названіемъ «Устава общественныхъ учебныхъ заведеній» и въ началѣ нынѣшняго года препровожденъ къ попечителямъ учебныхъ округовъ. Замѣчанія, слѣданныя на этотъ послѣдній проектъ, составили шесть объемистыхъ томовъ. Разработка этихъ обильныхъ матерьяловъ и затѣмъ окончательная редакція устава возложены также на ученый комитетъ. «Чѣмъ бы ни кончились труды комитета (говоритъ «Очеркъ»), матерьялы, собранные для работъ его вышеозначеннымъ путемъ, заключаютъ въ себѣ высокій интересъ, какъ живое выраженіе современнаго взгляда нашихъ ученыхъ и педагоговъ на цѣль и устройство разныхъ учебныхъ заведеній и на тѣ воспитательныя начала, которыя по ихъ мнѣнію должны быть положены въ основаніе нашей педагогической дѣятельности. Главными началами при устройствѣ гимназій и училищъ здѣсь служатъ: сообщеніе этимъ учебнымъ заведеніямъ характера общеобразовательнаго, а не спеціальнаго, необходимость готовить для нихъ способныхъ преподавателей, большая самостоятельность самихъ учебныхъ заведеній и стремленіе къ сближенію ихъ съ обществомъ введеніемъ большаго участія его въ дѣлахъ училищъ.»

Для послѣдней цѣли, т. е. для усиленія участія общества и частныхъ лицъ въ дѣлѣ образованія гимназическаго и элементарнаго, употреблялись частныя мѣры, къ которымъ принадлежатъ:

- а) учрежденіе частныхъ гимназій;
- б) отиѣна ограниченія числа частныхъ пансіоновъ и школъ въ С. Петербургѣ и Москвѣ;
- в) предоставленіе права учреждать должности почетныхъ блюстителей при всѣхъ приходскихъ училищахъ;
- г) учрежденіе воскресныхъ школъ;
- д) устройство женскихъ училищъ, съ предоставленіемъ управленія ими попечительнымъ совѣтамъ.

По первому пункту, т. е. относительно частныхъ гимназій, недавно послѣдовали два высочайшія разрѣшенія. Вопервыхъ на-

дворяному совѣтнику *Келлеру* разрѣшено содержимое имъ учебнаго заведеніе въ С. Петербургѣ переименовать въ частную гимназію, вслѣдствіе чего заведеніе это, до сихъ поръ закрытое, дѣлается открытымъ. Въ вторыхъ учителя третьяго рода по русскому языку и словесности въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, коллежскому совѣтнику *Дынкаловскому* дозволено учредить въ С. Петербургѣ частную общеобразовательную и реальную гимназію.

Насчетъ отмѣны ограниченія числа частныхъ пансіоновъ въ «Очеркѣ распоряженій» есть слѣдующія замѣчательныя слова:

«Ограниченіе числа частныхъ пансіоновъ въ С. Петербургѣ и Москвѣ сдѣлано было въ 1833 году въ тѣхъ видахъ, чтобы доставить существующимъ пансіонамъ возможность улучшаться. Между тѣмъ на дѣлѣ вышло не то: какъ установленіе таксы на съѣстные припасы не содѣйствуетъ нисколько къ удешевленію ихъ, такъ и здѣсь постановленіе опредѣленнаго комплекта пансіоновъ и школъ, уничтоживъ свободную конкуренцію, послужило напротивъ къ ихъ упадку, а потому высочайшимъ повелѣніемъ 17 января 1857 года ограниченіе это было отмѣнено, и такимъ образомъ частнымъ содержателямъ пансіоновъ и школъ открыта широкая дорога прилагать свои знанія и умѣнье къ учебному и воспитательному дѣлу.»

Исторію воскресныхъ школъ читатели наши безъ сомнѣнія знаютъ, также какъ и начало открытія разныхъ женскихъ училищъ. Послѣднихъ, по словамъ «Очерка», въ настоящее время считается всего 62, въ томъ числѣ 19 перваго и 43 втораго разряда.

Въ заключеніе «Очеркъ» упоминаетъ о существующей въ настоящее время особой комиссіи для пересмотра, дополненія и измѣненія постановленій по дѣламъ книгопечатанія, и о томъ, что комиссія эта надѣется окончить возложенное на нее порученіе къ концу вышшняго года. О предметѣ занятій комиссіи между прочимъ сказано:

«Министерство народнаго просвѣщенія не можетъ не желать возможно большаго простора къ печатному слову, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы каждый случай злоупотребленія свободой слова подвергалъ виновнаго законному взысканію, по сулу. Достигнуть этого разомъ, вдругъ — невозможно, и по этому предмету, какъ по другимъ отраслямъ законодательства и администраціи, постепенность составляетъ такое же неизбѣжное условіе, какъ и при развитіи цѣлыхъ обществъ и отдѣльныхъ лицъ. По мѣрѣ развитія образованія въ обществѣ и большаго участія образованныхъ лицъ въ дѣлахъ общественныхъ, предварительная цензура ставится болѣе затруднительною и менѣе соотвѣтствующею цѣли своего первоначальнаго назначенія. Система карательной цензуры, при

которой менѣе стѣсняется свобода каждаго члена общества, но зато каждый случай злоупотребленія этой свободой подвергается виновнаго взысканію, должна неминуемо, при большемъ развитіи общества, замѣнить предупредительную цензуру...

«Комиссія по дѣламъ книгопечатанія поручено составить постановленія, необходимыя для введенія карательной цензуры, и въ то же время упростить высѣшній цензурный уставъ, дабы тѣмъ самымъ доставить правительству возможность мало-помалу, безъ потрясеній, перейти отъ одной системы къ другой.»

11-го прошедшаго августа послѣдовало высочайшее повелѣніе объ учрежденіи вновь трехъ гимназій, на суммы министерствъ — морского и народнаго просвѣщенія. съ тѣмъ чтобы онѣ состояли въ вѣдѣніи послѣдняго и были помѣщены въ званіяхъ уступаемыхъ ему морскимъ министерствомъ. Изъ этихъ гимназій одна учреждается въ Николаевѣ, другая въ Петербургѣ (седьмая), съ пансіономъ для воспитанниковъ, которые будутъ переданы изъ морского вѣдомства, а третья въ Кронштадтѣ, для приходящихъ.

Это повелѣніе безъ сомнѣнія имѣетъ связь съ другимъ, послѣдовавшимъ 6 августа, именно: въ видѣ временной мѣры, впредь до окончательнаго преобразованія морскихъ учебныхъ заведеній, повелѣно открыть въ С. Петербургѣ академической курсъ морскихъ наукъ. Курсъ этотъ будетъ состоять изъ трехъ отдѣленій: гидрографическаго, кораблестроительнаго и механическаго. Съ открытіемъ его упраздняется существующій нынѣ при морскомъ корпусѣ офицерскій классъ. Къ слушанію лекцій этого курса допускаются офицеры всѣхъ корпусовъ морского вѣдомства, если они находились неменѣе двухъ лѣтъ на дѣйствительной службѣ, включая впрочемъ сюда гардемаринскую и кондукторскую. Права окончившихъ академической курсъ соотвѣтствуютъ общему положенію для академіи военнаго вѣдомства.

Слѣдующія статистическія свѣдѣнія касаются самой прочной части нашего нравственнаго основнаго фонда, на которомъ покоятся наши лучшія надежды. «Сѣверная Почта» сообщаетъ о числѣ сельскихъ школъ для временно-обязанныхъ крестьянъ по одиннадцати губерніямъ: вятской, оренбургской, казанской, пензенской, курской, ярославской, новгородской, псковской, смоленской, ковнской и екатеринославской. Въ этихъ губерніяхъ, до обнародованія Положенія 19 февраля 1861 г., было сельскихъ школъ 353, а послѣ обнародованія открыто 1095. Во всѣхъ нихъ находится въ настоящее время учащихся: 23,179 мальчиковъ и 1,807 дѣвочекъ. По числу школъ и учащихся первое мѣсто занимаетъ губернія смолен-

ская; затѣмъ слѣдуютъ: пензенская, новгородская, екатеринославская, исковская и пр. Меньше всего въ оренбургской.

Больше всего открыто школъ духовенствомъ (921), потомъ крестьянами (295) и помѣщиками (64); нѣсколько — совокупными силами посредниковъ, духовенства и крестьянъ; три школы — инаками, одна волостнымъ старшиной, одна солдатымъ.

Оставивъ въ прошломъ тысячелѣтїи крѣпостныхъ, мы вступаемъ въ новое съ временно-обязанными, увезъ съ собою великое дѣло устройства ихъ новаго быта. По этому дѣлу ограничиваются цифрами уставныхъ грамотъ, все еще составляющихъ главную часть дѣла. По 1-е августа все число представленныхъ грамотъ было 57,395 (но въ томъ числѣ въ одномъ юлѣ представлено 10.781); введено въ дѣйствіе всего 27,378 грамотъ. Введенныя въ дѣйствіе грамоты относятся къ имѣніямъ, въ которыхъ водворено 27,97,550 душъ крестьянъ, что составляетъ около 27,5% общаго населенія. Изъ числа введенныхъ грамотъ подписано крестьянами 14,122, не подписано 13,256.

Если уже выбирать все лучшее, что слѣдовало бы захватить намъ съ собою въ дальнѣйшій жизненный путь, то нельзя пропустить слѣдующее проявленіе «христіанской любви», извѣстіе о которомъ «Сѣв. Пчела» нашла въ газетѣ «Гакармель». 23 іюня (говорится въ извѣстіи) прїѣхалъ въ г. Ошмяны, виленской губерніи, епископъ виленскій Станиславъ Красинскій. Все мѣстное духовенство и много народа пошло ему навстрѣчу. На другой день пришли къ нему съ привѣтствіемъ и хлѣбомъ-солью мѣстный раввинъ и почетнѣйшіе члены еврейскаго общества. Епископъ принялъ ихъ съ сіяющимъ лицомъ, подавъ руку раввину и здороваясь со всѣми весьма привѣтливо. «Одинъ Богъ сотворилъ насъ, мы дѣти одного отца», повторилъ онъ нѣсколько разъ съ чувствомъ. Потомъ благословилъ онъ именемъ Бога Авраама, Исаака и Іакова своихъ гостей, ихъ согорожанъ и всего Израиля. При разставаньѣ онъ вручалъ раввину денежное пожертвованіе въ пользу нищихъ евреевъ. Корреспондентъ газеты «Гакармель» заключаетъ свой расказъ такъ: «Дай-богъ побольше такихъ примѣровъ, которые убѣдили бы насъ, что небадалъ на землѣ духъ истиннаго человеколюбія, что уже нѣтъ больше между людьми неприязни за различіе вѣроисповѣданій, что отъ каждаго изъ насъ требуется преданность своей вѣрѣ и теплота сердца, любящее и милующее ближняго, къ канону бы толку одъ имъ приваллежалъ.»

Заключимъ нашу статью новостью весьма важною въ быту нашего народа. Это — послѣдовавшій 1-го сентября высочайшій манифестъ о производствѣ въ 1863 г. реврутскаго набора съ обѣщаніемъ

полосѣ имперіи, по пяти человекъ съ каждой тысячи душъ. Въ манифестѣ есть между прочимъ двѣ статьи, составляющія непривычное нововведеніе: параграфъ 4-й повелѣваетъ рекрутъ вводить въ рекрутское присутствіе не обнаженными, а въ сорочкѣ; параграфъ 5-й отмѣняетъ прежде существовавшее воспрещеніе дворянамъ и лицамъ, достигшимъ офицерскихъ и классныхъ чиновъ, поступать въ рекруты по найму, оставляя въ своей силѣ это воспрещеніе только въ отношеніи лицъ, приобретшихъ военные офицерскіе чины.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ГАРИБАЛЬДИ ПРИ АСПРОМОНТЕ и въ Спеціи. — Описаніе аспромонтскаго нападенія пьемонтскаго войска. — Раны Гарибальди. — Газетныя толки по этому поводу. — Недоумѣнія правительства. — Правительственныя мѣры. — Итальянскія революціи съ вѣнскаго конгреса. — Пріѣздъ доктора Партриджа. — Письмо императора французовъ. — Донесеніе Партриджа лондонскому гарибальдійскому комитету.

ПРУССКІЯ ДѢЛА. — Столкновеніе министерства съ палатою депутатовъ. — Защита смѣты министерствомъ. — Отказъ палаты.

ПОСЛѢДНІЯ ИЗВѢСТІЯ. — Поучительность французскихъ газетъ. — Сѣверо-американская рѣзня. — Сербія. — Австрія.

Двадцать осьмого августа тысяча восемьсотъ шестьдесятъ второго года полторы тысячи человекъ подъ начальствомъ генерала Гарибальди стали на бивуакахъ среди дикихъ горъ, неподалеку отъ Реджіо и отъ Мессинскаго пролива. Вслѣдствіе труднаго и продолжительнаго перехода, вслѣдствіе голода и крайняго утомленія, много народу отстало. Всѣ тамошнія горы извѣстны подъ именемъ Аспромонте, т. е. Крутогорье, а то урочище, гдѣ остановился Гарибальди, называется Форестали. Это огромная равнина на вершинахъ Аспромонте. Тамъ стояли двѣ крошечныя мазанки; въ одной изъ нихъ помѣстился генералъ. Онъ постоянно былъ бодръ, здоровъ и веселъ, какъ человекъ, глубоко сознающій что онъ дѣлаетъ и прямо идущій къ своей цѣли. Погода была ужасная: ночью съ 28 на 29 число безпрестанно шолъ дождь, съ холоднымъ, пронзительнымъ вѣтромъ. Волонтеры съ большимъ трудомъ развели огни и съ величайшими усиліями ихъ поддерживали. Вечеромъ 28 числа, въ четвергъ, они ужинали. Четыре барана изжарено было на полторы тысячи человекъ, да сколько-то хлѣба. Ровно столько же ушло провизіи въ пятницу утромъ на завтракъ. Затѣмъ запасовъ никакихъ не осталось. Доставать провіантъ было чрезвычайно трудно: страна бѣдная, отрядъ слишкомъ великъ; вездѣ стоятъ

сардинскія войска, всѣ дороги заняты; пробраться по тропикамъ и по русламъ горныхъ ручьевъ по многочисленности отряда невозможно. Генералъ Гарибальди за завтракомъ 29 числа говорилъ своимъ соумышленникамъ, что надо раздѣлать колону на двѣ части и идти двумя различными путями къ общей цѣли. Наканунѣ еще сардинскія войска взяли въ плѣнъ нѣсколько волонтеровъ отсталыхъ. Это было въ Апри. Молодые люди изъ отряда генерала Гарибальди не выдержали усложненнаго перехода и отдыхали въ этомъ селеніи, не ожидая такъ скоро сардинцевъ. Вдругъ тѣ нагрянули и окружили дома, кѣлѣи и сѣновалы. Барабаны бьютъ, трубы трубятъ; мальчиши лѣтъ пятнадцати-семнадцати просыпаются, борются за оружіе. Но генералъ Гарибальди строго приказалъ ни въ какомъ случаѣ не впадать на сардинцевъ и никакъ не защищаться, а только идти, идти впередъ какъ можно быстрее. Обезоруженная молодежь отдается въ плѣнъ; но что это за плѣнники? Военнопленные? Но какая же это война, когда никто не сражался?

Нѣсколько раньше полудня, 29 августа, генералъ приказалъ двинуться дальше, чтобы уйти отъ сардинскаго отряда, который былъ уже въ Санто-Стефано, на разстояніи двухъ часовъ ходьбы отъ Форестали. Приказано было спуститься въ лощину, перейти ручей и направиться къ горѣ, вершина которой поросла густымъ еловымъ лѣсомъ. Неодолая до лѣсу, волонтеры остановились, обернувшись лицомъ къ показавшимся валамъ солдатамъ сардинскаго отряда. Вся колона помѣстилась вразсыпную, подъ деревьями, на солнечной сторонѣ; порою проглядывало сквозь облака солнце и просушивало и согрѣвало переязбшихъ и измокшихъ молодыхъ людей. Кто лежалъ, кто сидѣлъ, кто стоялъ, и всѣ были спокойны, всѣ рассчитывали на своего вождя, который выходилъ благополучно еще не изъ такихъ крутыхъ обстоятельствъ. Генералъ стоялъ впереди отряда; онъ послалъ впередъ офицеровъ съ строгимъ подтвержденіемъ не стрѣлать, а самъ сталъ смотрѣть въ свою подзорную трубу во всѣ стороны. Сабля его была въ ножнахъ, и до конца онъ не вынималъ ее. Между тѣмъ войско все приближалось; впередъ шли берсальеры бѣглымъ шагомъ, а за ними линейные полки. Изъ центра они развертывались вправо и влѣво, съ тѣмъ чтобы окружить волонтеровъ. Въ тоже время видно было, какъ на горѣ другой отрядъ подходилъ къ волонтерамъ съ фланга. Первые ряды берсальеровъ уже начали стрѣлать и установились по мѣстамъ, кто за кустомъ, кто за кочкой. Волонтеры не стрѣляли и молча ожидали развязки. Генералъ стоялъ впереди своихъ, одинъ, въ срединѣ всего строя, и порою только повертывался къ волонтерамъ съ командою: «Дѣти! не стрѣлать!» Офицеры повторали эту

команду. Въ это время позади Гарибальди были убиты несколько молодой человекъ, котораго третій день была лихорадка; онъ сидѣлъ спиною къ неприятельскому фронту и наслаждался тѣмъ, что сонде сильно прогнѣвала ему измокшую шиню. Сардинцы прицелились такъ близко, что уже легко было угадать противника въ лицо. Но генерала легко было угадать и по достоянью. Онъ стоялъ отдѣльно отъ другихъ, впереди, въ своемъ синтлаксиромъ плащѣ съ красною подкладкой. Лѣвая рука его вѣтнута была за поясъ, а въ правой, опущенной, была артельная труба.

Онъ какъ-было недоумѣвалъ. Онъ всегда шолъ умирать за Италию, и на этотъ разъ онъ шолъ за Италию, а эти люди ильи протнать него. Стало-быть по его мнѣнню противъ Итали?

Сардинцы все продолжаютъ стрѣлять, все подвигаются впередъ; въ ушахъ гарибальдийцевъ раздается давно знакомый свистъ пуль, которые врѣзываются въ деревья или тоже въ нѣкоторыхъ волонтеровъ, которые со стономъ падаютъ. Къ несчастію нѣкоторые молодые люди не могутъ воздержаться, съ невпринични слышатъ стны раненыхъ, и тоже стрѣляютъ, едва не зажиурившись. При этомъ нѣсколько сардинцевъ ранено. Остальные, болѣе опытные волонтеры не двигаются съ мѣста; кто стоялъ, тотъ стоитъ, кто сидѣлъ, тотъ сидитъ. Всѣ гарибальдийскія трубы наперерывъ трубятъ команду: «препратить огонь!» Всѣ офицеры командуютъ то же словами. Въ этомъ заключается весь отвѣтъ на трубную команду сардинцевъ: «впередъ!» съ сильнымъ бѣглымъ огнемъ. Генералъ съ своего мѣста, обернувшись назадъ, опять кричатъ: «не стрѣляйте!» Въ эту минуту въ него виваются двѣ пули. Одна, не мзлетъ, попадаетъ въ лѣвое бедро, другая, не всей силой, во внутреннюю щиколку правой ноги. Рапа бедра очень легка, рана щиколки тяжка и до сихъ цоръ еще опасна. Гарибальди, раненый, не удаль. Лѣвой рукой онъ снялъ шляпу, взмахнулъ ею, и два раза крикнулъ: «да здравствуетъ Италия! не стрѣляйте!» Тогда нѣсколько ближайшихъ офицеровъ полкватили его, отнесли подальше и положили подъ дерево. Тамъ онъ съ своимъ обычнымъ спокойствіемъ продолжалъ приказывать съ величайшею точностью: «пусть они подходятъ, не стрѣдайте!» Дѣйствительно волонтеры перестали стрѣлять и начали собираться толпою вокругъ своего раненаго генерала. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ того привели полковника Менотти Гарибальди, старшаго сына генерала, раненаго тоже въ лѣвое бедро. Сына помѣстили подъ одно дерево съ отцомъ. Затѣмъ генералъ закуриваетъ сигару и на всѣ вопросы отвѣчаетъ: «не стрѣляйте! не дератесь!..»

Налондъ и трубы сарсальеровъ начали трубить команду: «стой!

превратить огоньъ Берсальеры и линейной отрядъ волонтеровъ такъ близко, что пришлось бы стрѣлять въ уноръ. Волонтеры, берсальеры и линейные смѣшались такъ, что нельзя было разобратъ. Отъ перваго выстрѣла до этой точки общаго сраженія прошло не болѣе четверти часа. А сцена эта была крайне любопытна. Тутъ встрѣтились друзья, братья, родственники, знакомыя, товарища на оружію, встрѣтились опять какъ братья; одни въ красныхъ рубашкахъ, другіе въ регулярныхъ мундирахъ. Люди клянутся, обвиняются, упрѣкаютъ другъ друга. Самые суровые упрѣки слышатся со стороны красныхъ рубашекъ, которые утверждаютъ, что «хотятъ только Рима». Начинается споръ, уже вовсе не военный, а политическій. Въ это время къ лежачему на землѣ генералу подползъ сардинскаго поручика генеральнаго штаба. Гарибальди взглянулъ на него и приказалъ взять у него шпату. Поручикъ отдалъ свое оружіе, но замѣтилъ, что онъ явился парламентеромъ.

— Чтo же вы раньше не пришли? сказалъ съ досадою генералъ, и потомъ прибавилъ: — Я уже тридцать лѣтъ знаю, и лучше нашего знаю что такое война; знайте же, что парламентеры тамъ не являются.

Подъ деревомъ, гдѣ лежалъ генералъ, собралось много солдатъ изъ линейныхъ и изъ берсальеровъ. Гарибальди велѣлъ уяснѣе отобрать шпату, и черезъ нѣсколько минутъ возвратилъ ихъ. Все это произошло въ самое короткое время; а помѣстѣ доктора осматривали и перевязали раны генерала; онъ самъ потребовалъ, чтобы положили ему компрессы, для чего привесли воды изъ близкаго ручья. Онъ спрашивалъ нѣсколько разъ, не нужно ли отрѣзать ногу, и если нужно, то чтобы немедленно приступили къ операциіи. Доктора отвѣчали отрицательно.

Затѣмъ генералъ приказалъ своему начальнику штаба позвать къ нему командира атаковавшаго отряда. Полковникъ Паллавинчина явился. Въ толпѣ онъ встрѣтилъ многихъ знакомыхъ, и тутъ же сказалъ, что ему было предписано самымъ положительнымъ образомъ вочто бы то ни стало *наместо* на волонтеровъ. Онъ спрашивалъ, приказываютъ ли гарибальдийцы короля? Ему отвѣчали, что объ этомъ толковать нечего, что программа Гарибальди и его катанское воззрѣніе довольно опредѣлительны. Тогда полковникъ Паллавинчина началъ толковать о славѣ. Ему опять отвѣчали, что славаться нечего, такъ какъ не было сраженія, такъ какъ атакованные не отвѣчали выстрѣлами на выстрѣлы нападавшихъ, не защищались, а нѣсколько убитыхъ или раненыхъ въ регулярномъ отрядѣ были сдѣланъ пагубнаго, но понятнаго улеченія.

Полковникъ Паллавичини думалъ въ Гарибальди съ позволеніемъ головой и выражался съ видомъ молчаливца. Когда онъ это слыжалъ, некоторые офицеры отъ имени Гарибальди предложили ему обозрѣніе волонтеровъ, которые потомъ могли отправиться съ регулярнымъ отрядомъ куда слѣдовало. Полковникъ замѣтилъ, что по его мнѣнію всѣ они въ теченіи сутокъ будутъ распухшими по докамъ. Условлено было, что генералъ Гарибальди со своей своекъ офицеровъ, которые удержатъ свои пикаги, отправится въ Сидлау; что во время пути онъ будетъ останавливаться гдѣ-нибудь, для отдыха и перевалки своихъ ранъ; что въ Сидлау онъ потребуетъ англійскій корабль и на него свезетъ со своею свитой; что батальонъ берсальеровъ въ этомъ переходѣ будетъ охранять за нимъ назадъ. Что касается до англійскаго корабля, то полковникъ Паллавичини замѣтилъ, что противъ этого онъ еще не знаетъ ничего, но обязанъ испросить особенныхъ инструкцій правительства.

Когда совершилось обозрѣніе, начинало уже смеркаться. Слѣдали на скорую руку носилки, чтобы нести раненаго генерала, и повесили. Берсальеры подъ командой полковника Пинелли слѣдовали поодаль за скорбными носилками. При всей осторожности и любви носальщиковъ не было возможности въ потемнѣхъ; но узкой горной тропинкѣ, избѣжать болѣзненныхъ для раненаго толчковъ. Двинули черезъ часть до лабушии, въ которой собраны были раненыя съ обѣихъ сторонъ, но генералъ не захотѣлъ тутъ остановиться на ночь; онъ хотѣлъ добраться до какой-нибудь мазанки, съ накрытою пубудъ клономъ соломы, лишь бы лежать одному. Довольно далеко вправо была мазанка настуха Винченцо, стараго знакомаго тѣхъ волонтеровъ, которые прежде другихъ перенесли въ Кабрацію въ августѣ мѣсяцѣ 1860 года. Настухъ этотъ съ тоскливымъ видомъ приложился къ рукѣ Гарибальди, вышелъ изъ своей мазанки и углубился въ темную, дождливую ночь и пропалъ. За два года передъ тѣмъ онъ видѣлъ героя въ полномъ блескѣ величія и славы, сардинійскаго диктатора, передъ которымъ таяла испанскій война какъ снѣгъ передъ солнцемъ; а теперь тотъ же Гарибальди, раненый двумя итальянскими пулями и въ плѣну. Винченцо настухъ не позналъ всей непроходимой глубины заключающихся въ этомъ свѣтѣ политическихъ соображеній и ушелъ. Куда ушелъ, зачѣмъ, гдѣ онъ явится и явится ли гдѣ-нибудь — неизвѣстно.

Въ мазанкѣ Винченцо приготовили какъ можно лучше постель изъ соломы и солдатскихъ шинелей. Принесли воды, обмыть рану. Доктора принялись за свое дѣло. Сварили для раненаго супъ изъ козьяго мяса. Стали въ затрему готовить поедина поудобѣ:

и вояцѣе. Поставили вокругъ избушки караулъ. Печально свѣтила луна сквозь туманную атмосферу; печально раздалась вдали лай пастушьихъ собакъ. Раненый провелъ печальную и бессонную ночь на почвѣ того королевства, котораго ивѣогда онъ былъ полковникъ и неограниченнымъ распорядителемъ.

Въ шесть часовъ утра отправились дальше, по такимъ же неудобнымъ, тѣснымъ горнымъ тропинкамъ, по какимъ шли итальианцы. Безпрерывно приходилось то спускаться, то подниматься въ гору, и не было ни одной сѣмени ровнаго вѣста. Во всю дорогу, несмотря на ужасныя страданія, раненый ивразу не охнулъ, не проронилъ ни одной жалобы.

Дошли до развалинъ, извѣстныхъ подъ именемъ Сант-Анджело, — нѣсколько домовъ безъ крышъ и потолковъ, — и рѣшились тамъ остановиться, чтобы дать раненому отдохнуть съ полчаса. Доктора перебинтовали перевязки и компрессы. Приготовили чашку бульону; раненый выпилъ ее, улыбнулся и поблагодарилъ. Такъ какъ солнце очень пекло, то устроили небольшой навѣсъ изъ лавровыхъ вѣтвей, а послѣ отправились дальше.

Въ третью часу пополудни дошли до Сциллы. Полковникъ Виллашчичи былъ уже тамъ наканунѣ вечеромъ. Онъ и встрѣтилъ печальное шествіе. Тутъ оказалось, что инструкціи правительства весьма строгы. По телеграфу дано было знать, что раненаго нельзя пустить на англійскій корабль, что съ нимъ нельзя везти никого изъ назначенныхъ имъ офицеровъ. Когда раненый узналъ все это, то нѣсколько не удивился, но сказалъ только съ своимъ обычнымъ важно-ласковымъ тономъ: «А, вы меня обманули!»

Приказано было «свезти генерала Гарибальди на паровой фрегатѣ Герцогъ Генуэзскій вмѣстѣ съ сыномъ, и допустить при нихъ не болѣе десяти офицеровъ». Раненый не хотѣлъ отдохнуть въ приготовленномъ для него домѣ и пожелалъ немедленно переѣхать на корабль. А на фрегатѣ уже разнежены были пары. Потребовали лодокъ, и раненаго положили между тѣмъ въ какую-то лодку, которая вытянута была на берегъ. Позади выстроились берсальеры. Черезъ двадцать минутъ явились два баркаса. Матросы всѣ были вооружены, какъ между непріятелями. Съѣли и поплыли на корабль. Приходилось плыть мимо парохода *Звѣзда Италіи*. Тамъ на палубѣ стояли генералъ Чіальдини, контръ-адмиралъ Альбини и нѣсколько другихъ генераловъ. Никто не поклонился. Такъ и проѣхали. Но раненый на каждого изъ нихъ взглянулъ довольно шлюсто. По глазамъ каждого изъ нихъ прошло въ взглядъ этого человека. Онъ плылъ въ переднемъ баркасѣ. Задній былъ оставленъ контръ-адмираломъ Альбини, который нагналъ его въ

третьей лодки. Она замѣтила, что реллеровъ, сопровождающихъ раненаго, было не десять, а двѣнадцать, и вѣлѣлъ двинуть пересѣку снарядъ, четвертую лодку и отправиться на берегъ. Баркасъ, на которомъ лежалъ раненый, подошелъ къ фрегату, закиченъ былъ веревками и поднятъ въ воздухъ, а потомъ опушенъ на палубу фрегата. Въ это время раненый, сидя на своихъ носилкахъ, держался одною рукою за веревку и оглашалъ нѣкоторые приказанія капитану подполка своего баркаса. Работавшіе при этомъ матросы смотрѣли на него, какъ одинъ человекъ. Черезъ минуту потомъ всѣ спутники были съ нимъ. Это были три доктора — Амбанези, Барилла и Рипари, сынъ его Менотти, потомъ Бассо, Брунони, Билоскани, Корте, Каттабоне, Кайроли, Фриджези, Гвастала, Манчи, Малато и Нулло. Ягери, иччалл и шароходъ доплыли въ Спецію.

И вѣрны всѣхъ Европы устремлены теперь на раненаго человека, который лежитъ въ маленькой каматкѣ въ Спеціи. Смотрятъ Европа и какъ топазса, толкуеть верды и вкось о томъ, что изъ всего этого выйдетъ. Газетчики съ жадностью перехватываютъ другъ у друга извѣстія о здоровьи раненаго человека. Произойдетъ ли какое-нибудь событіе, будетъ назначенъ судъ или диктаторомъ обѣихъ Сицилій. Самихъ образуетъ изъ себя верховное судище. Рана идетъ такъ дурно, что придется отнять ногу. Рана идетъ такъ хорошо, что останется по выздоровленіи только небольшая хромота. Судить диктатора будутъ въ ассизномъ судѣ при сдѣлкѣ. Судить вовсе не будутъ, а по случаю выхода замужъ дочера карола Гарибальди будетъ помилованъ. Гарибальди не хочетъ никакого помилованія, а требуетъ суда. Войско будетъ весьма недовольно помилованіемъ, и генералъ Чиардини, бывшій диктаторомъ обѣихъ Сицилій, выйдетъ въ отставку, если Гарибальди не будетъ преданъ суду. У Гарибальди въ Спеціи на полушкахъ вѣтъ наволочекъ, Комисаріатъ распорядился выдать наволочки на полушки раненаго человека. Тридцать прекраснѣйшихъ дамъ Италіи добиваются какъ величайшей чести разрѣшенія быть смѣлками у раненаго. Знаменитѣйшіе хирурги Европы добиваются чести сдѣлать ему перевязку. Въ ранѣ зашла пуля. Начинаютъ выходить осколки костей. Партриважъ, первый хирургъ Англіи, пріѣхалъ въ Спецію, привезъ раненому 125 тысячъ франковъ отъ имени своего правительства и предлагаетъ свои ученыя услуги. Въ Лондонѣ собрался митингъ для выраженія сочувствія раненому. Въ Стокгольмѣ такое же собраніе. Въ Бристолѣ, въ Бирмингемѣ, дегафъ подобныя собранія съ адресами правительству. Но рана идетъ худо. Полковникъ Палла-вичино-ди-Пироло за асиромодтское дѣло получалъ генеральскій чинъ и полушки отъ императора Наполеона командорскій крестъ

почетнаго легіона. Оказываются возобновившимъ стрѣлять ногу. Итальянскіе врачи писали въскланъ хирургамъ и просили совета. Командоръ ордена почетнаго легіона генералъ-майоръ Падмаччиани-ди-Пріола ъдетъ въ отъездъ во Францію, въ Біаррицъ, чтобы вѣрнуться императору французскъ. Второй сынъ Гарибальди проситъ позволенія вѣдѣть раненаго отца, но ему отказано; при этомъ едва-лиже его унѣрили, что отецъ чувствуетъ себя довольно хорошо: ни въ чемъ не нуждается. Съ Капреро вѣрталъ зять Гарибальди, обыкновенный судъ присяжныхъ той провинціи, гдѣ онъ прежде былъ раненый, судить его не можетъ, потому что это непременно породитъ туземныя безпорядки. Неаполитанскій верховный судъ постановилъ, что миланскій верховный судъ назначитъ гдѣ будутъ судить раненаго, и вѣроятно это будетъ въ Туринѣ, потому что туринскіе присяжные вообще не благоволятъ къ раненому.

Но оставимъ ежедневныя газеты, которыя перебиваются другъ у друга новостямъ, печатаютъ ихъ, а на другой день опровергаютъ. Сущность дѣла заключается покаместъ только въ томъ, что вся Европа съ страстнымъ любопытствомъ слѣдитъ за извѣстиями изъ Швеціи и изъ Туриня, принимая тутъ же въ соображеніе извѣстія изъ Франціи, именно изъ Біаррица. Дѣло въ томъ, что на лосальная фигура раненаго человѣка въ Швеціи закрываетъ собою и черноголовія событія, и біаррицкія прогулки, и пренія прусскаго парламента, и константинопольскія конференціи. Почему же шведы Европѣ любопытны, что на другой сторонѣ раненой ноги, у вѣншей шиломъ одѣлаея нарывъ, котораго образованіе причинило большіе страданія раненому? Отчего же это? Отчего такъ велика охота раненаго человѣка въ Швеціи?

Очень просто: оттого, что въ Швеціи лежитъ на челоуѣкъ подстрѣлена не нога, не шиколова, отпинутъ не стопу. Лежитъ въ Швеціи идея, подстрѣлена идея, искалѣчена идея; идея единства Италіи. Человѣчество рѣдко бывало свидѣтелемъ такого замѣчательнаго явленія, и никогда безъ глубокихъ слѣдовъ такого явленія не проходило. Опять таки повторимъ, какъ говорили италіицы тому дѣззель, что Осипъ Гарибальди можетъ быть судимъ, можетъ быть расстрѣлянъ, или раснять, или повѣшанъ, это все равно, это все не важно. Дѣло въ томъ, что нынѣшнее правительство въ Италіи, бывшее сардинское, нынѣ итальянское, есть плодъ революціоннаго движенія, быстраго, неодолимаго движенія итальянскаго народа къ самостоятельной политической жизни. Бывало прошло полтора года, какъ оно само сознало, что оно уже не сардинское, а итальянское правительство, и вотъ оно отказывается отъ своего происхожденія, и трагически отъ пародившей его идеи, подстрѣливаетъ то

чему оно обязано своимъ существованіемъ. Опять-таки тутъ несдѣланы не Осипъ Гарibaldi. Онъ во восемь дѣлъ соединенія Италіи въ одно цѣлое является только олицетвореніемъ движенія, охватывающаго всю Италію; онъ знамя итальянскаго единства. Отъ этого-то знамени отсеклось министерство Ратацци. Но такое отреченіе не оспариваетъ еще преступленія: это только еще ошибка. Но когда доля науки и войны противъ началъ, которыя дали имъ жизнь, то они идутъ противъ самихъ себя, и понятно само собою, что они тутъ отказываются отъ самихъ себя, теряютъ самостоятельность, теряютъ всякую личность. Тутъ уже нѣтъ возможности сдѣлать ни одного шагу правильнаго, безошибочнаго, ежедневно приходится впадать въ безвыходныя противорѣчія.

Въ такомъ положеніи теперь находится министерство Ратацци. Оно самому себѣ нанесло смертельную рану, и теперь уже находится въ агоніи. Повелитель, для котораго отказалось оно отъ своего происхожденія, самъ уже недоволенъ черезъ мѣру послушными исполнителями.

Благодаря парламентской ловкости Канура, дѣла Италіи шли безъ малѣйшаго отступленія отъ конституціоннаго порядка. Онъ вовсе не двусмысленно намекалъ на участіе кабинета въ итальянскомъ стремленіи къ единству, и если не прямо помогать походу Гарibaldi въ Сицилію и въ Неаполь, то и не мѣшалъ почти баснословнымъ подвигамъ народнаго героя. Ловкость и изворотливость правителя (невнятная пока во вниманіе нравственныхъ началъ) состояла у него въ томъ, чтобы воспользоваться успѣхами Гарibaldi въ пользу единства Италіи, а въ случаѣ неудачи — отказаться отъ героя и отъ всякаго участія въ его попыткахъ. Взглядъ Канура на конституціонныя учрежденія лучше всего видѣнъ изъ слѣдующаго письма его отъ 2 октября 1860 года.

«Любезный другъ, благодарю васъ за письма отъ 30 сентября, но не могу согласиться съ вами касательно изложенныхъ въ немъ совѣтовъ. Говоря откровенно, я считаю весьма пагубнымъ предложеніе, клонящееся къ тому, чтобы парламентъ передалъ неограниченную власть въ руки короля, до окончательнаго разрѣшенія итальянскаго вопроса. Вы помните конечно какъ англійскія газеты упрекали итальянцевъ за то, что они отказались отъ своихъ конституціонныхъ правъ на время прошлогодней войны. Еслибы мы сдѣлали тоже самое теперь, среди кажущагося мира, то это произвело бы очень невыгодное впечатлѣніе во мнѣніи Англій и всѣхъ либеральныхъ людей материка. Внутри государства эта мѣра несколько не будетъ способствовать пришивренію взглядовъ великой національной партіи. Лучшее средство доказать, какъ ваша страна далека отъ

ученія Мадзини, состоитъ въ томъ, чтобы дать парламенту возможно-большую свободу надзора и контроля. Если министерство получить въ палатѣ значительное большинство, то это составитъ нравственную силу, которая будетъ несравненно выше всякой диктатуры. По вашему совѣту исполнилась бы мысль Герibaldi, который именно стремится къ большой революціонной диктатурѣ отъ имени короля. Я думаю напротивъ, что для Італіи не меньше будетъ славы сумѣть сформироваться въ одинъ народъ, выходяща сквозь диктаторскія руки какого-нибудь Кромвелла, а избавившись отъ монархическаго абсолютизма и непадая въ деспотизмъ революціонный. Теперь — одно средство достигнуть этой цѣли: подчеркнуть въ содѣйствіи парламента ту нравственную силу, которая одна только и можетъ побѣдить партіи и сохранить намъ союзство либеральной Европы. Возвратиться къ комитетамъ общенациональной безопасности или, что одно и тоже, къ революціонной диктатурѣ одного или нѣсколькихъ лицъ — значитъ убить законную свободу, которая должна быть нераздѣльна съ независимостью націй.»

Кавуръ значить больше всего рассчитывалъ на парламентское, то есть на народное содѣйствіе. Отъ этого ась его начинанія были въ высшей степени удачны. Министерство Риказоли сразу не подвергалось серьезному испытанію; во покрайней-мѣрѣ въ тѣхъ важныхъ дѣлахъ, какия встрѣчались ему, оно постоянно подтверждало характеръ рѣшимости, твердости, самостоятельности и главное — вѣрности конституціоннымъ началамъ. Какъ читателя помнить очень хорошо, г. Ратацци перешелъ поступленіемъ въ министерство изъ Франціи и получалъ тамъ нѣкоторые совѣты. Весьма можетъ быть, что по убѣжденіямъ г. Ратацци тотъ породокъ, который теперь заведенъ во Франціи, гораздо лучше и выгоднѣе строго-конституціоннаго порядка, съ уваженіемъ всѣхъ постановленій государственной уставной грамоты. Можетъ быть по его убѣжденіямъ военная диктатура гораздо болѣе способствуетъ матеріальному и умственному развитію страны, чѣмъ свободныя учрежденія. Собообразничать этимъ онъ и дѣйствуетъ, какъ-будто постаравшись забыть исторію своего отечества. Но видно, что онъ получалъ совѣты несовсѣмъ подробно, наставленія не довольно точныя: какъ править народомъ совершенно по своему усмотрѣнію, но такъ, чтобы это казалось совершенно легкимъ, чтобы «нарочно написать на бумагѣ Франція, то и выйдетъ Китай», — какъ говорить намъ общій знакомый Ансентій Ивановичъ Поприничинъ. Безъ надлежащаго умѣнья, министерство сначала оскорбляло народъ своими угадываемыми отношеніями къ чужому государю, а потомъ даже, открыто возстало противъ желаній и стремленій народныхъ. Произошло столкновеніе крайне прискорбное.

Итали признавать безоговорочнаго ограниченія, безъ соли, безъ обремененія, а прямо и безусловно признаеть, что столица ея Римъ. Въ этой столицѣ стоитъ неистрапанное войско. Народъ не желаетъ вѣдѣть иноземное владычество въ своей столицѣ, желаетъ удаленія иноземныхъ силъ, на которыхъ и смотритъ нѣкъ на своихъ враговъ. Министертво съ своей стороны не видитъ ничего неудобнаго въ томъ, что чужое войско занимаетъ столицу его отечества, и обращается къ этому чужеземному владычству съ особыми выразительными предостереженіями, и заставляетъ молчать и сдѣлать смирно народъ, который такъ и кипитъ желаніемъ воротить себѣ свою столицу, который готовъ всею встать и вооружиться поголовно. Путешественники, видѣвшіе вблизи альпійскую Италию, рассказываютъ, что общее настроеніе умовъ въ Италиі такъ напряжено, такъ патетично, такъ настроено на воинственный ладъ, что безъ сомнѣнія теперь Италиа переживаеетъ одну изъ тѣхъ рѣдкихъ и непродолжительныхъ эпохъ, когда народы производятъ чудеса и совершаютъ великія подвиги. Не повѣдать этого министертву, или не можетъ оно вообразить себѣ никакого чуда, никакого великаго подвига, или наконецъ оно очинуетъ величайшимъ подвигомъ безусловно стремиться къ своему идеалу, къ французскимъ порядкамъ; но оно рѣшило отразить буржуазную непосредственность и покорно исполнить вступленіе, исходящія изъ шалонскаго лагеря или съ бирюцкихъ прогудокъ. Для Италиа сорванное развитіе можетъ начаться только тогда, когда она будетъ владѣть своею столицей. Гарибальди шелъ на эту столицу въ твердой увѣренности, что дорогой соберетъ себѣ сотни тысячъ волонтеровъ. А министертво выводило въ окрестностяхъ Реджіо болѣе тридцати тысячъ войска съ строгими наказаніями встрѣтить набѣгающихъ истрѣчи волонтеровъ и напасть на нихъ.

Въ Сициліи, на мѣсто генерала Чіальдини, бывшего меоораничевымъ распорядителемъ на время гарибальдійскаго движенія, теперь генералъ Бриньоне диктаторствуетъ подъ именемъ имперскаго префекта и разными крутыми мѣрами приводитъ Сицилію въ порядокъ. Не едвали она что-нибудь сдѣлаеетъ. Стоитъ только припомнить исторію италіанскаго народа, чтобы безошибочно предсказать генералу Бриньоне совершенную неудачу. Вспомните только, что происходило въ Италиі со времени наполеоновскаго самовластія...

Въ 1814 году, когда Наполеонъ удалился на островъ Эльбу, Италиа была театромъ многихъ военныхъ движеній и дипломатическихъ сдѣлокъ. Вниманіе страны сосредоточивалось на политикѣ неаполитанскаго короля Юлиана (Мюрата); онъ тогда былъ сильнѣйшій изъ италіанскихъ государей, и многие италіанцы сильно на него наделись. Въ началѣ 1814 года Австріа объявила въ Венецію,

что ежели втеченіе четырехъ сутокъ не будетъ заключенъ договоръ, то австрійскій посланникъ будетъ отозванъ. Іоакимъ отъѣхалъ отъ Неаполя и соединился съ Австріей. Тайною стѣею Австрія обязалась ходатайствовать, чтобы король савойскій формально отказался отъ неаполитанскаго престола и чтобы Англія примирилась съ Іоакимомъ. Во время переговоровъ Іоакимъ старался также не прерывать всѣхъ сношеній и съ Наполеономъ. Прежняя Церковная-область почти вся занята была его войсками; въ Болонью онъ вступилъ и былъ принятъ съ восторгомъ, какъ освободитель Италіи. Въ патримоніи св. Петра нѣсколько патриотовъ подняли итальянское знамя. Въ февралѣ неаполитанскія войска заняли Флоренцію и Лукку. Изъ Анконы и изъ прочихъ крѣпостей французы выступили.

Съ другой стороны Беллегардъ особенной прокламаціей (3 февраля) объявлялъ итальянцамъ, что союзники намѣрены восстановить Италію сколь возможно въ такомъ положеніи, въ какомъ она была до вторженія Наполеона. Вслѣдствіе этого въ сѣверной Италіи произошли смуты. Въ Миланѣ народъ ворвался въ сенатъ, сорвалъ тамъ со стѣны портретъ Наполеона и выбросилъ въ окошко; потомъ толпа кинулась къ дому министра финансовъ Пина, и увидавъ тамъ хозяина, домъ сломала. Потомъ убили самого министра! Разъяренная толпа кричала только: «Долой вице-короля! долой французовъ!» Генералъ Пино никакими средствами не могъ унять разсвѣдавшагося народа. Послѣ того уже австрійцы заняли городъ.

Генуя была занята англичанами подъ начальствомъ Бентинка, который согласился на образованіе тамъ республики съ прежнимъ до-наполеоновскимъ округомъ. Но союзники не признали этой республики.

Король Викторъ-Эммануилъ I вступилъ въ мѣсяцъ въ Туринъ и восстановилъ въ Пьемонтѣ старый порядокъ вещей; австрійскія войска сдали ему всѣ крѣпости, кромѣ Новары и Алессандрии. Парма, Паченца и Гвастала объявлены уделомъ бывшей императрицы французовъ, и тамъ французскія учрежденія были до вѣторой стѣны сохранены. Францискъ IV пріѣхалъ въ качествѣ молденскаго герцога и восстановилъ прежніе законы и порядки. Послѣ того Іоакимъ вывелъ свои войска изъ Тосканы, куда вернулей прежній герцогъ съ прежними порядками. Папа ПІИ VII точно такъ же внесъ съ собою въ папскую область прежнія учрежденія, такъ что въ половинѣ 1814 года король Іоакимъ остался съ однимъ своимъ неаполитанскимъ королевствомъ. Съ паденіемъ Наполеона ему пришлось отказаться отъ всѣхъ своихъ блестящихъ плановъ. Къому же своимъ深思услыннымъ поступкамъ онъ сдѣ-

дался подозрительнѣ союзникамъ, а бурбонскій домъ началъ предъявлять свои требованія. Меттернихъ прямо объявлялъ неаполитанскому уполномоченному, что за исключеніемъ вѣнскаго кабинета всѣ остальные кабинеты не держатъ сторону его короля. Сверхъ того внутри государства народъ сталъ требовать конституціоннаго участія въ дѣлахъ правленія, причемъ сильно дѣйствовало общество карбонаріевъ. Ихъ требованія кончились нѣсколькими казнями и нѣсколькими изгнаніями.

Въ Сициліи король Фердинандъ съ согласія англичанъ вступилъ въ управленіе островомъ и созвалъ парламентъ для обсужденія вужа государства и пересмотра уставной грамоты.

Вѣнскій конгрессъ окончательно утвердилъ всѣ эти распоряженія и возвраты. Произошло несогласіе только относительно короля Іоакима. Когда въ Неаполь дошло извѣстіе объ отъѣздѣ Наполеона съ острова Эльбы, Іоакимъ увѣрялъ Австрію и Англію въ своей глубочайшей преданности, а черезъ два дня послѣ того приказалъ своему войску двинуться въ верхнюю Италію и начать военныя дѣйствія противъ Австріи. 17 марта Наполеонъ получалъ отъ него завѣщеніе, что онъ нападетъ на австрійцевъ; въ то же время Іоакимъ испрашивалъ разрѣшенія паны провести войска черезъ его владѣнія, и тутъ же приказалъ схватить папу и отвезти его подъ арестомъ въ Гаету. Но Пій VII не согласился пропустить неаполитанцевъ и уѣхалъ изъ Рима. Іоакимъ издалъ манифестъ, въ которомъ сказано было между прочимъ, что «наступило время независимаго существованія Италіи!» Но онъ вездѣ былъ разбитъ австрійцами, которые наконецъ вступили въ Неаполь. Король Фердинандъ вступилъ въ свою столицу вмѣстѣ съ австрійцами. Впослѣдствіи король Іоакимъ, схваченный въ попыткѣ произвести возстаніе, по приказанію короля Фердинанда былъ разстрѣлянъ подъ именемъ генерала Мюрата.

Вѣнскій конгрессъ хотѣлъ устроить такой порядокъ вещей, при помощи котораго могли бы возстановиться въ Европѣ прочныя общественныя отношенія и сколько-нибудь устойчивыя привычки быта, правовъ и обычаевъ. Для Италіи покрайней-мѣрѣ цѣль эта вовсе не была достигнута. Слишкомъ долго и слишкомъ рѣзко по милости революціи и кровавыхъ поединговъ Наполеона все что люди привыкли считать священнымъ было помято ногою, все укоренившееся было вырываемо съ корнемъ. Не проходило въ Италіи года безъ бодѣ или менѣе значительнаго возстанія то тамъ, то здѣсь. Народъ, привыкшій къ перемѣнамъ, можно сказать разбуженный перемѣнами, требовалъ себѣ правъ, свободы и участія въ управленіи. Въ 1817 году было возстаніе карбонаріевъ надъ консти-

туціоналистовъ въ Мархіяхъ: тринадцать человекъ приговорено къ смерти.

Невыносимая тягость податей и совершенная неподатливость правительства произвела въ 1820 году взрывъ въ Сициліи. Сначала кавалерійскій поручикъ Морелли съ своими солдатами сталъ требовать конституціи. Дѣло началось въ Ноло, быстро распространилось на Авеллино и дальше, такъ что правительство рѣшилось послать войско для усмиренія возстанія. Но всѣ генералы были раздражены тѣмъ, что король поручилъ верховное начальство надъ всѣми своими военными силами австрійскому генералу Нугенту. Поэтому возстаніе въ Сициліи принимало болѣе и болѣе грозныя размѣры. Въ самой столицѣ генералъ Гульельмо Пепе, во главѣ нѣсколькихъ недовольныхъ, увелъ своихъ драгунъ изъ города и принялъ начальство надъ революціоннымъ войскомъ. Королю остался вѣренъ одинъ только полкъ. Онъ-то вмѣстѣ съ гражданской стражей просилъ короля уступить народнымъ желаніямъ. Король въ особой прокламаціи обѣщалъ конституцію. Но возставшимъ нужно было что-нибудь болѣе положительное; они потребовали введенія въ королевствѣ испанской конституціи 1812 года. Въ такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ король употребилъ уловку, къ которой часто прибѣгалъ въ Сициліи: онъ назначилъ за себя правителемъ наследнаго принца, герцога калабрійскаго. Но инсургенты успѣли получить отъ него самого обѣщаніе утвердить все что будетъ дано его сыномъ. 13 іюля король присягнулъ конституціи. Парламентъ былъ созванъ на первое октября. Сицилія стала требовать себѣ особеннаго парламента и совершеннаго отдѣленія отъ Неаполя въ административномъ отношеніи, какъ было всегда. Палермскій комендантъ генералъ Чѣрчъ, англичанинъ, едва спасся отъ негодованія народаго. Зато убито было множество другихъ важныхъ лицъ. Неаполитанскія конституціонныя власти не хотѣли и слушать объ отдѣльномъ устройствѣ Сициліи. Послано было войско, которое взяло Палермо, а потомъ было оттуда выгнано. Наконецъ одвакоже внутреннія дѣла уладились, все успокоилось и пришло въ порядокъ. Но авилась гроза извнѣ. Конгрессъ въ Троппау и потомъ въ Лайбахѣ измѣнилъ все дѣло.

Конгрессъ государей въ Троппау (отъ 20 октября до 20 декабря 1820 года), по поволу переворотовъ въ Испаніи, въ Португаліи и особенно въ Неаполѣ, постановилъ не допускать никакихъ представительныхъ учреждений, которыя въ чемъ-нибудь отступали бы отъ политическихъ системъ, установленныхъ для Европы вѣскимъ конгрессомъ. Противъ неаполитанскаго переворота возставала особенно въ Австріи, а Франція и Англія. Посланникъ Англіи лордъ

Стюартъ проповѣдовалъ невмѣшательство, а большинство голосовъ постановило систему вооруженнаго вмѣшательства. Англія не соглашалась ни на какія насильственныя мѣры противъ Неаполя; Франція приступила къ союзу противъ Неаполя только при извѣстныхъ условіяхъ, на которыя не согласились Австрія, Россія и Пруссія. Положено было силою возстановить въ Неаполѣ порядокъ опрокинутый и замѣненный другимъ. Всякія сношенія съ Неаполемъ были прерваны; уже посланные того же короля не могли добиться чести быть принятыми въ Троппау. Корованныя особы пригласили только короля Фердинанда на новый конгрессъ въ Лайбахъ. Одна Англія противилась этому конгрессу и его цѣлямъ. Неаполитанцы начинали опасаться войны, и ихъ безпокойство увеличилось чрезмѣрно, когда королевское посланіе увѣдомило, что король Фердинандъ, несмотря на свои преклонныя лѣта, ѣдетъ на лайбахскій конгрессъ. Въ то же время, чтобы успокоить парламентъ, король далъ ему самыя положительныя увѣренія въ своихъ конституціонныхъ чувствахъ и предлагалъ даже взять съ собою парламентскую комиссію. Король съ согласія парламента отправился только въ половинѣ декабря, и во время своего отсутствія всю королевскую власть предоставилъ наследному принцу. Возобновивъ свои горячія увѣренія и обѣщанія, король уѣхалъ, а наканунѣ наследный принцъ снова присягнулъ конституціи въ качествѣ регента, и парламентъ спокойно продолжалъ свои преобразовательныя работы. Король старался отставать въ Лайбахѣ уставную грамоту своего королевства, и въ январѣ 1821 года изъ Лайбаха провозглашено было закрытіе парламента. Въ февралѣ австрійскій посланникъ объявилъ въ Неаполѣ, что австрійскія войска займутъ Неаполь по доброй волѣ, или силой. Ужасъ овладѣлъ Неаполемъ, и ежели тогда же не произошло взрыва, то оттого только, что королевскій принцъ обязался собственною жизнью защищать права и независимость Неаполя. Посланники Австріи, Россіи и Пруссіи выѣхали изъ Неаполя, а парламентъ опять собрался и принялъ необходимыя мѣры для защиты. Неаполитанскія войска, несмотря на геройское сопротивленіе, были вездѣ разбиты численно превосходящими силами. Послали къ королю просить его защиты. Онъ очень милостиво принялъ депутацію, но уклонился отъ прямого отвѣта и отъ всякихъ положительныхъ обѣщаній. Австрійцы вступили въ Неаполь. Гражданская стража была обезоружена, а неаполитанское войско размѣщено было по квартирамъ, перемѣшанное съ большимъ количествомъ австрійскихъ солдатъ.

Вслѣдъ затѣмъ въ Мессинѣ вспыхнуло возстаніе: генералъ Россароли провозгласилъ республику. Въ двухъ сраженіяхъ онъ былъ

разбить австрійцавъ, и наступила страшная реакція. Невиннѣйшія книги запрещались; учителя за одно слово, отступавшее отъ учебника, ссылались. Когда король вернулся, то нѣсколько смягчились эти вредныя строгости. Между тѣмъ оказалось необходимымъ опять послать австрійскія войска въ Сицилію, потому что спокойствіе тамъ не возстановлялось посредствомъ нѣсколькихъ казней.

Въ сардинскихъ земляхъ общее раздраженіе (по поводу возвращенія къ прежнему порядку, бывшему до Французовъ) дошло до послѣдней степени; а тутъ еще подошли извѣстія о возстаніяхъ въ Испаніи и въ Неаполѣ. Въ одинъ прекрасный день, именно десятаго марта 1821 года, графъ Пальма, во главѣ своего полка, въ крѣпости Александріи провозгласилъ испанскую конституцію. Остальной гарнизонъ къ нему присоединился. Изъ Турина было послано войско для усмиренія; но оно черезъ нѣсколько времени возвратилось въ столицу съ криками: «да здравствуетъ король и испанская конституція!» Народъ присоединился къ этому охотно. Король Викторъ-Эммануилъ I не нашолъ въ себѣ никакого иного отклика на желанія народа кромѣ того, чтобы отказаться отъ престола въ пользу младшаго брата Карла-Феликса, который былъ тогда въ Моденѣ, стало быть въ непосредственномъ вліяніи народа, изъявившаго свои желанія. Отреченіе произошло ночью, и тогда же король уѣхалъ. Регентомъ до прѣзда новаго короля назначенъ былъ Карлъ-Эммануилъ Альбертъ. Произошли недоразумѣнія. Австрійскій посланникъ бѣжалъ изъ Турина, потомъ принужденъ былъ бѣжать и регентъ. Карлъ-Феликсъ при помощи австрійцевъ разбилъ сардинское войско и вступилъ торжественно въ свое государство, въ сопровожденіи двѣнадцати тысячъ австрійцевъ, которые въ силу особенной конвенціи остались въ Пьемонтѣ, для охраненія порядка.

1822 годъ ознаменовался новымъ заговоромъ въ Сициліи; но онъ былъ подавленъ и послѣ него казни продолжались нѣсколько дней, по нѣскольку десятковъ человекъ разомъ. Затѣмъ не прошло года безъ кровавыхъ развязокъ какихъ-нибудь политическихъ замысловъ. Въ 1830 году іюльскій переворотъ и перемѣны династій въ Парижѣ не могли не откликнуться въ Италіи, а съ начала 1834 года выступаетъ на сцену Малліни съ своей савойской экспедиціей и уже не сходитъ болѣе со сцены. Перевороты 1848 и 1849 годовъ довершили воспитаніе народа.

Новятно, что народъ, прошедшій такую школу, не легко успокоится распоряженіями г. Ратацци и никакъ не можетъ быть названъ удобоуправляемымъ. Несмотря на неловкости министерства, мысль о единствѣ Италіи еще могла удержать существующій порядокъ, еслибы народъ сколько-нибудь понималъ эту мысль, сочув-

ствовавъ ей, или находилъ въ ней выгоду. Но этого ничего нѣтъ. Народъ кинулся на единство на томъ основаніи, что его хотѣлъ, его провозгласилъ народный герой. Теперь, когда герой лежитъ раненый въ крѣпости, охраняемый четырьмя линейными кораблями и пятью тысячами солдатъ, и въ самомъ непродолжительномъ времени будетъ подвергнутъ суду, является въ народѣ такого рода мысль: въ чемъ же выгода единства? Къ чему единство? Первый помятно сказавшій народу о единствѣ схваченъ и подъ судомъ. Стало-быть его мысль невѣрна? Или непозволительна? Приходится самостоятельно обсудить дѣло, и вотъ какого рода являются соображенія: «Для меня, старика Кlemente Руффо, отличнаго столяра и кореннаго жителя Милана, всего пріятнѣе, что австрійцы выгнаны. Тедесковъ давно мы ненавидимъ, и еслибы ненависть эта не перешла ко мнѣ наследственно отъ отца, то я и самъ довольно насмотрѣлся. Чуть только народъ добьется до того, что вздохнетъ свободно, какъ являются тедески возобновлять гнѣтъ и даже его преувеличивать. Городскія власти теперь все изъ нашихъ; нѣтъ нѣмца городничаго, нѣтъ бѣлыхъ мундировъ, отъ которыхъ бывало, какъ увидишь, становится тошно. Ясно, что стало лучше съ этой стороны. Но съ другой стороны платить приходится гораздо больше прежняго, а въ вынѣшніа трудныя времена это много значить, а пьемонтскіе сборщики не ждуть: на что-то имъ тамъ безпрестанно нужны деньги. Да и то сказать, неужели нельзя безъ тедесковъ, но также и безъ пьемонтцевъ? Говорятъ, что тогда единства не будетъ. Выходитъ, что единство означаетъ пьемонтскихъ сборщиковъ. Неужели же это такъ необходимо? Могли бы собирать подати свои неужели пьемонтцевъ. Не въ томъ ли дѣло, чтобы намъ называться итальянцами? Да это разумѣется само собою, итальянцами всегда мы были; но мы тоже никогда не перестанемъ быть миланезами. А ужъ какому-нибудь Турину до нашего Милана далеко, какъ землѣ до неба. Если же Гарибальди засадили, стало-быть единства и ненадо. Да здравствуетъ Гарибальди! Долой Ратацци!»

Народъ кричитъ, министерство называетъ это демонстраціей, стрѣляетъ въ толпу; народъ расходится по домамъ попрежнему, съ тою только разницею, что изъ дому онъ выходилъ недоумѣвающимъ, а домой возвращается ожесточенный. Завтра онъ будетъ уже свирѣпъ, а при итальянской скрытности, осторожности, злоба, ненаходящая исхода или проявленія, уйдетъ внутрь и выступитъ впоследствии ужасающимъ взрывомъ.

Другой, напримѣръ неаполитанецъ Михеле Паццо, лодочникъ, разсуждаетъ нѣсколько иначе. «Галубарда сказалъ, что въ Италиа долженъ быть одинъ король, тотъ самый, что въ Пьемонтѣ. Стало-

быть такъ тому и быть. Что сказали Галубарда, то всегда хорошо. Говорить еще — надо идти въ Римъ. Хорошо, пойдемъ и въ Римъ, и на конецъ свѣта. Чальдина говоритъ, что въ Римъ не надо. "Хорошо, только посмотримъ еще кто кого: нашъ его, или онъ нашъ его. А въ случаѣ бѣды пританемся, какъ-будто все на порядкахъ; такъ всегда дѣлывали наши отцы и дѣды; а потомъ какъ подойдетъ наше время, такъ и развернемся во всю ширь. Тогда поминетъ Чальдина нашего Галубарду, да поводо будетъ. А единство, ишине, что же это такое? Галубарда сказалъ ишита, а если иштъ Галубарда, дакая же тутъ ишита, что за единство?"

Въ Сициліи отвѣтъ на аспромонтскій вопросъ министерства королю. Читателя помнятъ очень хорошо, что передъ воеводскими прибытіемъ Гарибальди въ Сицилію весь островъ былъ въ самомъ изнуренномъ состояніи. Общее неудовольствіе на чрезвычайное администраторство и на тяжесть налоговъ готово было разразиться всеобщимъ возстаніемъ. Гарибальди однимъ чарующимъ словомъ своего присутствія удержалъ порядокъ. А теперь, когда министерство отняло у Италіи любимаго народнаго героя, создателя единства, охранителя порядка, единственную на югѣ поддержку имени короля Виктора-Эммануила, — таившіяся и подавленные пяткою Гарибальди искры разгорѣлись въ пожаръ. Прежде всего вспыхнули Палермо и Мессина. Въ Трапани освистали берсальеровъ, возвращавшихся изъ Калабріи. Въ Марсалѣ освистанъ 37 полкъ. Въ Джибеллина провозглашена республика. Въ Гран-Микеле, приравнившись ко вновь учрежденному налогу на вино (какъ еслибы у насъ учредили налогъ на квасъ), народъ тоже пошумѣлъ. Въ Рокальмудо приравнившись къ конскрипціи и подняли бѣлое бурбонское знамя. Слѣдуетъ вспомнить, что въ Сициліи само бурбонско-неаполитанское правительство не могло при помощи всевозможныхъ жестокостей ввести конскрипцію. Въ Джибеллинѣ поднято красное мадзинистское знамя и народъ требуетъ раздѣла имущества. Въ Рагузѣ народъ требуетъ хлѣба и работы. Въ Каникати городничій и городской совѣтъ стали во главѣ возстанія. Вездѣ пылаетъ возстаніе, и офціальныя газеты, какъ водится въ западной Европѣ, смягчаютъ дѣло, доводя его въ своихъ рассказахъ до микроскопическихъ размѣровъ. Въ одномъ даже мѣстѣ достаточно было выстрѣла изъ пистолета на воздухъ; чтобы заставить народъ разойтись по домамъ.

Министерство, имѣя на рукахъ аспромонтскаго арестанта, ишине, по словамъ одной англійской газеты; большого окуни, который вздумалъ проглотить средняго роста щуку, которая осталась повисла у него въ горлѣ. Видный окунь теперь не знаетъ какъ быть; своимъ стараніемъ проглотить щуку онъ выказалъ чуждымъ

ную рѣшимость, большую твердость воле, доказать, что онъ дѣйствуетъ самостоятельно и совершенно произвольно распоряжается въ своемъ друдѣ. Но дальше—то какъ же? Проглотить нѣтъ возможности; горло не довольно широко. Да и выкинуть невозможно; зубы слишкомъ къ нему вблизи и разжать ихъ нѣтъ возможности. Такъ и плаваетъ окунь въ мѣрѣ невзвѣстности и колебаній, самъ въ нѣдну у своей добычи.

Въ своемъ дѣлѣ министерство находится въ крайне затруднительномъ положеніи. Ссудить Гарибальди никому не вредитъ въ голову; заставить его судить обыкновенный судъ — непревѣнно оправдаетъ; неже не судить — обидитъ войско, которое въ такомъ случаѣ играло роль весьма невыгодную; помиловать — неудобно, потому что для этого прежде нужно обвинить. Положеніе весьма трудное, такъ что г. Ратацци собственными силами едва ли него выкрутится. Поедетъ слухъ, что г. Ратацци на дняхъ отправится для улаженія затрудненій во Францію.

Произошли уже и несогласія въ министерствѣ, которое весьма недовольно лицами, занимающими судейскія должности, а министр юстиціи г. Конфорти утверждаетъ, что судьи очень хороши, что переимѣнять ихъ нѣтъ надобности, что въ судѣй ничего не значатъ его политическія убѣжденія. Г. Конфорти подалъ уже въ отставку, а г. Ратацци уговариваетъ его остаться въ министерствѣ по крайней мѣрѣ до свадьбы принцессы Маріи-Піи, то-есть дней восемь или десять. Увѣряютъ, будто тогда произойдетъ общее преобразование министерства. Г. Ратацци возьметъ на себя министерство иностранныхъ дѣлъ, г. Селла перейдетъ изъ министерства финансовъ къ управленію публичными работами и т. д. Но эти преобразования весьма искажены, такъ какъ система остается таже, стало-быть перетасовка однихъ и тѣхъ же лицъ по разнымъ портфелямъ ничего не переимѣнитъ.

А въ Спеціи попрежнему нѣтъ отбоя отъ посѣтителей, но большая часть изъ нихъ не можетъ добиться чести видѣть доблестнаго большого, котораго слишкомъ многолюдный приѣздъ могъ бы утомить. Докторъ Партриджъ уѣхалъ, осмотрѣвши рану Гарибальди и поговоривъ съ нимъ нѣсколько разъ наединѣ. Сначала комендантъ крѣпости не хотѣлъ оставлять своего арестанта наединѣ съ пріѣзжимъ иностранцемъ и долженъ былъ обратиться по этому поводу за приказаніями въ Туринъ. Однако г. Партриджъ такъ усердно рекомендовалъ быть лордомъ Пальмерстономъ сардинскому кабинету, что разрѣшеніе тотчасъ было прислано. Теперь становится несомнѣннымъ, что г. Партриджъ былъ нѣмѣль инымъ, какъ англіи-

снять чрезвычайнымъ посломъ при Гарибальди. Онъ впрочемъ несколько и не скрывалъ своего назначенія.

Съ другой стороны въ Англіи собирается на г. Ратацци гроза. Мадзини напечаталъ циркуляръ ко всѣмъ своимъ многочисленнымъ приверженцамъ въ Англіи, чтобъ они во всѣхъ великобританскихъ городахъ составили прошенія на имя лорда Росселя и снабдили ихъ возможно большимъ количествомъ подписей о дипломатическомъ требованіи очищенія Рима. Чтобы сдѣлать этотъ шагъ какъ можно болѣе чувствительнымъ для Франціи, онъ проситъ подписать всѣ эти прошенія въ одинъ и тотъ же день по всей Англіи. Г. Ратацци по этому случаю совершенно терлется и будетъ ожидать что скажутъ изъ Парижа.

А въ Парижѣ, въ официальной газетѣ 25 сентября напечатано, чтобы избавитъ отъ всякихъ докучныхъ вопросовъ, письмомъ императора Луи-Наполеона къ своему министру иностранныхъ дѣлъ. Это послѣднее слово состоитъ въ томъ, что папа долженъ остаться въ Римѣ, область должна остаться за нимъ, а Италия должна обойтись безъ Рима. Это не очень утѣшительно и не подаетъ особенно блистательныхъ надеждъ на устройство итальянскихъ дѣлъ, negotiorum уже о томъ, что г. Ратацци получаетъ тутъ прекрасный урокъ. Вотъ извлеченіе изъ этого письма :

«Такъ какъ сила обстоятельствъ держитъ насъ по римскому вопросу далеко отъ обѣихъ крайностей, то намъ необходимо особенно четко пояснить наше направленіе, чтобы избѣгнуть безпрестанныхъ обвиненій, будто мы колеблемся то въ ту, то въ другую сторону. — Съ тѣхъ поръ какъ я стою во главѣ французскаго правительства, я постоянно держусь одной и той же политики относительно Италіи; моя цѣль — способствовать національнымъ стремленіямъ, склонять папу къ поддержанію ихъ, короче сказать — сочетать религію съ свободой. Съ 1849 года, когда рѣшена была римская экспедиція, всѣ мои письма, всѣ мои рѣчи, всѣ депешы моихъ министровъ неуклонно выражали это стремленіе, и я поддерживалъ его, смотря по обстоятельствамъ, когда имѣлъ власть ограниченную, какъ президентъ республики, и когда былъ во главѣ побѣдоноснаго войска, на берегахъ Минціо. Признаюсь, мои усилія до сихъ поръ постоянно разбивались о сопротивленія всякаго рода передъ двумя диаметрально противоположными партіями, которыя непреклонны въ своихъ ненавистяхъ и въ своихъ убѣжденіяхъ, глухи къ софтамъ, внушаемымъ однимъ желаніемъ добра. Но это не отвратитъ меня отъ дѣйствительныхъ усилій и я не оставляю великаго дѣла, благотельнаго для всего человѣчества. — Дѣла теперь такого рода, что римскій вопросъ долженъ необходимо получить окончательное разрѣшеніе, долтому-

что онъ смущаетъ умы не въ одной Италіи; вслѣдствіе онѣ производятъ нравственное замѣшательство, касаясь ближайшихъ сердцу человѣческому обстоятельствъ, вѣры религіозной и вѣры политической. — Всякая партія ставитъ на мѣсто истинныхъ началъ справедливости свое исключительное чувство. Такъ одни, забывая признанныя права власти, продолжающейся десять вѣковъ, провозглашаютъ, *несмотря на такое древнее право, отиѣну свѣтской власти папы*; другіе, необращая вниманія на законныя требованія нравъ народа, безъ зазрѣнія совѣсти приговорили часть Италіи на вѣчную неподвижность и угнетеніи. Такъ *одни располагаютъ еще существующею властью, какъ-будто она уже разрушена, а другіе располагаютъ жизнью народа, какъ-будто онъ уже умеръ*. — Какъ бы то ни было, обязанность государственныхъ людей состоитъ въ томъ, чтобы изыскать средства примиренія обѣихъ сторонъ, которыхъ примиримость закрывается отъ людей только страстями. Если не удастся, то по крайней-мѣрѣ попытка будетъ не безъ нѣкоторой славы, и во всякомъ случаѣ полезно изложить свою цѣль. — Эта цѣль состоитъ въ томъ, чтобы дойти до комбинаціи, посредствомъ которой папа принялъ бы участіе въ великомъ стремленіи народа сдѣлаться націей, а съ другой стороны народъ повялъ бы какъ спасительная власть, которой вліяніе распространяется на всю вселенную. — Сначала, смотря на предразсудки и злобу, одинаково сильныя съ обѣихъ сторонъ, не ждешь благопріятнаго результата. Но если разсмотрѣть сущность дѣла, обратиться къ разуму и къ здравому смыслу, то легко увѣриться, что истина, *сей священный свѣтъ*, проникнетъ наконецъ въ умы и ясно покажетъ верховную и жизненную выгоду, приглашающую приверженцевъ обѣихъ сторонъ къ соглашенію и примиренію. — Въ чѣмъ состоитъ выгода Италіи? Отвратить, насколько это въ ея силахъ, грозящія ей опасности, укротить возбужденныя ею неудовольствія и *опрокинуть все что мѣшаетъ законному ея желанію устроиться*. Чтобы побѣдять столько пренатствій, надо разсмотрѣть ихъ хладнокровно. — Италія, какъ новое государство, имѣетъ противъ себя все что держится старинныхъ преданій; какъ государство, обратившееся къ помощи революціи, оно внушаетъ недовѣріе всѣмъ людямъ порядка. Они сомнѣваются въ ея силѣ къ подавленію безначальныхъ стремленій и не думаютъ, чтобы общество могло укрѣпиться посредствомъ элементовъ, которые уже опрокинули столько другихъ обществъ. Наконецъ у ея дверей стоитъ страшный врагъ, котораго войска и весьма понятное неблагорасположеніе долго еще будутъ постоянною угрозою. — Столь важные противники становятся еще важнѣе, опираясь на интересы католической вѣры. Религіозный вопросъ еще затрудняетъ посто-

женіе и увеличиваетъ число противниковъ новаго порядка вещей, установившагося за Альпами. Не такъ давно еще ея была враждебна только партія приверженцевъ неограниченнаго правленія: нынче ея враждебна большая часть католическихъ народовъ Европы, и эта вражда не только мѣшаетъ исполненію благоприятныхъ намѣреній правительствъ, связанныхъ вѣрою съ святѣйшимъ престоломъ, но мѣшаетъ и выгодному расположенію правительствъ протестантскихъ и другихъ, которыя должны принимать въ соображеніе большое число своихъ подданныхъ. Такимъ образомъ вездѣ религіозная идея охлаждаетъ общественное сочувствіе къ Италіи. Ея примиреніе съ папой уничтожитъ множество затрудненій и обратитъ въ ея пользу множество нынѣшнихъ противниковъ. — Съ другой стороны святѣйшій престолъ имѣетъ такую же, если не большію выгоду въ примиреніи, ибо если святѣйшій престолъ имѣетъ ревностную поддержку со стороны всѣхъ усердныхъ католиковъ, зато противъ него все что ни есть либеральнаго въ Европѣ. Въ политикѣ онъ считается представителемъ предрасудковъ старыхъ порядковъ, а въ глазахъ Италіи онъ врагъ ея независимости и самый преданный сторонникъ реакціи. Поэтому онъ окруженъ самыми восторженными приверженцами павшихъ династій, что не увеличиваетъ въ его пользу сочувствія народовъ, опрокинувшихъ эти династіи. Впрочемъ это положеніе вещей менѣе вредитъ государю, чѣмъ глупость религіи. Въ католическихъ земляхъ, гдѣ преобладаютъ новыя идеи, люди наиболѣе преданные своимъ вѣрованіямъ чувствуютъ, что ихъ совѣсть смущается и сомнѣніе входитъ въ ихъ умы, потому что они не знаютъ какъ помирить свои политическія убѣжденія съ религіозными правилами, которыя какъ-будто противятся новѣйшей цивилизаціи. Если это положеніе, исполненное опасностей, продолжится, то политическія несогласія могутъ даже повести къ скорбному раздѣленію даже въ вѣрованіяхъ. — Италіи выгоды святѣйшаго престола, выгоды религіи требуютъ примиренія насъ съ Италіей, ибо это будетъ означать примиреніе съ новѣйшими идеями, это удержитъ въ лонѣ церкви двѣсти миліоновъ католиковъ и дастъ религіи новый блескъ, показавъ, что вѣра способствуетъ успѣхамъ человѣчества. Но на чемъ основать столь желанное примиреніе? Папа, при здравой оцѣнкѣ вещей, пойметъ необходимость принять все что привяжетъ его къ Италіи, а съ своей стороны Италія, уступивъ совѣтамъ мудрой политики, дастъ необходимыя ручательства въ независимости святѣяго отца и въ свободномъ употребленіи ея власти. — Можно бы ожидать достиженія этой двойной цѣли посредствомъ комбинаціи, которая удержала бы папу государемъ въ его владѣніяхъ, но спѣшила бы брѣтрани, отдѣляющая теперь

свѣтскому государству отъ остальной Италіи. — Чтобы онъ былъ у себя государемъ, ему должна быть обезпечена независимость, а власть его должна быть свободно принята его подданными. Надо надѣяться, что это такъ и случится, когда съ одной стороны итальянское правительство обяжется относительно Франціи признать Церковную область въ опредѣленныхъ границахъ, и когда съ другой стороны правительство свѣтшаго престола утвердитъ права городовъ и провинцій такимъ образомъ, чтобы они такъ-сказать управлялись сами собою. Тогда власть папы будетъ парить въ сферѣ гораздо болѣе независимой, чѣмъ второстепенные интересы общества, и избавится отъ той тяжелой отвѣтственности, которая можетъ быть возложена только для сильнаго правительства. — Предшествующія общія указанія не суть ультиматумъ, который я налагалъ бы на обѣ несогласныя стороны. Это только основанія политики, которую считаю своею обязанностью поддерживать своимъ законнымъ вліяніемъ и безкорыстными совѣтами.»

Далѣе въ томъ же номерѣ Монитера напечатана нота министра иностранныхъ дѣлъ г. Тувенеля къ французскому посланнику въ Римѣ. Г. Тувенель говоритъ, что императоръ никогда не давалъ туринскому кабинету надежды, чтобы Римъ могъ сдѣлаться столицей Италіи, и что Франція положительно хочетъ удержать за папой его папѣшнія владѣнія. Поэтому соглашеніе было бы возможно только на слѣдующихъ основаніяхъ: *удержаніе нынѣшнихъ владѣній папы; Италія откажется отъ всякой претензіи на Римъ и обяжется не прикасаться къ папскимъ землямъ.* «Передайте этотъ проектъ кардиналу Антонелли, — прибавляетъ г. Тувенель. — Въ этомъ проектѣ нѣтъ ничего безусловно-окончательнаго; однако дайте ему почувствовать, что если намъ все будутъ противопоставлять теорію владѣнности, то Франція вынуждена будетъ, охраняя сколь возможно интересы свѣтшаго престола, выйти наконецъ изъ положенія, которое не можетъ продолжаться далѣе нѣкотораго времени, предавая французской политикѣ ложнаго направленія.»

Наконецъ помѣщенъ и отвѣтъ г. Лавалетта, извѣщающаго, что кардиналъ Антонелли отказался отъ всякихъ переговоровъ и даже не хотѣлъ взять копій съ ноты.

Во всей этой перашкѣ, напечатанной въ официальной газетѣ 25 сентября, заключается весьма много поучительнаго для г. Раттца. Вопервыхъ онъ можетъ узнать, что и въ крайнемъ случаѣ окончательной невозможности въ чемъ-нибудь согласиться, Франція будетъ охранять интересы папскаго престола; во вторыхъ, что эта невозможность будетъ признаваема послѣ нѣкотораго времени; что Италія должна отказаться и думать о Римѣ; что Франція считаетъ

удобнѣе разпорядиться лавою Италией и Реномъ и поимать даромъ Римъ Италию, или по крайней мѣрѣ даромъ въ столицу-Ватиканъ. Оны не могутъ еще видѣть, что желаніе Италию устроить — весьма сильное желаніе, что этого единственно никогда не случится, желаніею правды и на свѣтскую власть есть весьма древнее право, и желаніе, что истина есть священнѣйшій свѣтъ.

А въ итогѣ оказывается, что сподвижники безумно-романтичны устремлены къ Франціи италянскій императоръ ничего не обѣщаетъ, но добьется рѣшенія извѣстнаго вопроса своего отечества.

Но помнитъ вѣдѣвшіе извѣстія изъ Италию получена по телеграфу изъ Лондона. Туда вернулся докторъ Парграмъ изъ Швеціи, и доносилъ герибольдскому комитету, что доблестный боковой чужакутъ себя лучше, что всматриваясь въ боль прекратилась и черная иболодько иболодько того всматриваясь въ черную, еще въ оставался затрудненіе въ огнѣхъ суровыхъ.

ПРУССКІЯ ДѢЛА

Точно также какъ въ Италию, и въ Пруссію происходитъ борьба: но алѣсь, вала надѣяться, эта борьба кончится безъ убійства и революцій.

Читатели помнятъ очень хорошо, каковыя обрѣзаны и по какому поводу распущена была прусская палата депутатовъ, причемъ правительство поступило по точному смыслу конституціи. Теперь палата рѣшилась утвержденіемъ сѣдла расходовъ на 1862 годъ по повелѣнію министерства. Правительство хотѣло уменьшить мѣсячные и увеличить регулярное войско, а палата не хотѣла, что это лишнее. Министерство было утверждено, что если оно обѣщаетъ свои преобразованія и издержать на нихъ вѣскольке милліоновъ, то палата разумнѣе утвердить уже сдѣланнѣй расходъ; но палата не исполнила министерскихъ надеждъ. Представители имѣютъ претензію думать, что страна лучше всѣхъ знаетъ сама свои потребности, а министерство полагаетъ, что оно знаетъ лучше. Произошло разногласіе въ высшей степени замѣчательное. По закону, по сѣдлу расходовъ необходимо огласить парламенту представителей, а повелѣніемъ сѣдла расходовъ по повелѣнію министерства на сѣдлѣннѣй 1862 года, котораго прошло уже три четверти, еще не утверждено, такъ что до сихъ поръ правительство управляетъ безъ сѣдла. Это противно основному закону. Премія с сѣдла всенароднаго министерства вѣщавшая по въ пользу правительства, а министры остаются на своихъ мѣстахъ. Это коня и законъ не противно закону, но основанная саррационна злоудобнѣе, поэтому что безъ великой необходимости

интересъ императора о селеніи войска и о приписываемой власти короля венгерскаго, и т. д. была.

Министерство, желавшее увеличить войска, вызываетъ это увеличеніе преобразованиемъ: слово выбрано весьма удачно, потому что въ желаніи доброты отечеству, желаютъ преобразования и тамъ, и здѣсь, и по одной части, и по другой; но палата брала большое число отирали истинный смыслъ этого слова. По снѣдъ подалась въ министерство 30,805,706 талеровъ. Комиссія, разсматривавшая снѣдъ, вычеркнула изъ нея по разнымъ спеціальнымъ причинамъ 17,726 талеровъ. На преобразование войска палата чинила въ общемъ итотъ 5,911,090 талеровъ. Палата въ снѣдъ отнесла. Въ томъ же итотъ на чрезвычайный расходъ, следовательно, подалась 1,828,068 талера. Изъ этого послѣдняго числа 822,202 талера приходилось на преобразования, которые не утверждены. Такимъ образомъ снѣдъ министерства оказалась выше той, на которую согласны представители, на 6,151,087 талеровъ. Таково было предположеніе снѣдной комиссіи.

Однадцатаго сентября пренія начались рѣчью министра финансовъ, который по огромной важности предстоявшаго вопроса счелъ нужнымъ изложить предварительно взглядъ правительства. Онъ много распространялся о необходимости коренного преобразования войска; по опытамъ послѣднихъ мобилизацій, по наблюденіямъ за ходомъ и успѣхами пятнадцати войнъ, оказывается полезнымъ ускорить подвижность войска, такъ какъ этого требуетъ безопасность и независимость страны. Кроме того необходимо увеличить численность войска въ мирное время и слѣдить за исполненіемъ закона объ общей обязанности военной службы. Еще 4 юня прошлаго года министръ финансовъ, по поводу возникшаго тогда важнаго вопроса, говорилъ: «Какое бы ни было общее мнѣніе относительно устройства нашего, никто разумѣется не захочетъ вернуться съ начала 1862 года къ старому порядку и разомъ расписать 19½ милія батальоновъ. Стало-быть министру финансовъ остается только опять изложить деньги на разрѣшительные въ качествѣ экстраординарныхъ раскодовъ для поддержки совершеннонаго преобразования; вѣнча не утверждать по снѣдъ снѣдъ.»

Изъ этого очевидно, что министерство нагбрелась совершить преобразования и по снѣдъ потребовалъ у палаты признанія этого снѣдъ вѣнча снѣдъ съ того время утверженія снѣдъ вѣнча вѣнча. Тутъ г. фонъ-деръ-Гейдъ, министръ финансовъ, прѣдлагаетъ еще министру финансовъ. Палата согласилась продолжать собирать до 1 июля 1890 года добавочные на подати 25 процентовъ, итотъ вѣнча снѣдъ вѣнча употребленнымъ на дѣло преобразования

войска и отиѣнено не было, то министерство и дало понять, что палата была согласна на преобразованіа. При этомъ же министромъ исполня свои обязанности относительно странъ: ни по мѣрѣ возможности, что ему откажутъ въ денежныхъ средствахъ. Дожидаясь, пока еще не было проведено новаго закона о преобразованіи войска, но съ этого еще не слѣдуетъ, что палата отказывалась въ дѣлахъ. Въ началѣ нынѣшняго года правительство представило палатѣ проектъ закона о рекрутскомъ наборѣ, утвержденный высшею палатою. Въ нынѣшнее собраніе онъ снова не былъ представленъ потому, что министерство хотѣло во итрѣ возможности сократить сроки службъ и не дѣлать предложеній, которыя вызвали бы прежде всего важныхъ принципахъ (какихъ образомъ министерство хотѣло выиграть время для достиженія своихъ цѣлей). Но въ следующемъ собраніи правительство представитъ проектъ закона о военной службѣ, и теперь вовсе не надеется, чтобы палата задумала отказать ему въ деньгахъ, тѣмъ болѣе, что съѣта на 1863 годъ несколько не будетъ связывать въ составленіи закона о военной службѣ. Мы для усиленія палаты можно нѣсколько переставить члены и назначить мѣсто ординарнаго въ актранный разрядъ особому, употребленную на преобразованіа. Но малѣйшій министр, каково-либо положеніе тѣмъ не можетъ служить предлогомъ къ отказу, потому что въ нынѣшнемъ году верховная палата имѣла всего только четыре члена. Эта чередованіа въ составѣ тоже не значитъ, потому что и приходъ повѣнчанныхъ на свадьбу, который предполагать въ мѣстѣ. Министръ объявлялъ съ дружными словами: «Правительство знаетъ очень хорошо, что для сокращенія расходовъ на преобразование оно нуждается въ сокращеніи, точно также какъ и для другихъ расходовъ, слѣдовательно до утвержденія мѣсты. Оно надѣется на полученіе этого согласія, потому что издержки были сдѣланы съ добрымъ результатомъ, съ той мысли, что новое уменьшеніе было невозможно (увеличить, что расходы увеличены, потому что не было или уменьшено). Если же законъ о рекрутскомъ наборѣ не былъ представленъ въ нынѣшнее засѣданіе, а будетъ представленъ въ следующемъ, то это обстоятельство и само по себе не извинило отказа, который былъ бы причиною значительнаго строгости порядка въ дѣлахъ финансовъ, и остановилъ бы администрацію въ великому ущербу весьма важнымъ образомъ интересовъ и отчасти тѣмъ, что палата была въ тѣхъ затруднительныхъ отношеніахъ другимъ державамъ. Правительство совершенно согласна съ мнѣніемъ комиссій, что конституція министерства работаетъ согласіа палаты на мѣстѣ; но если мнѣніемъ комиссій предлагать согласіа

въ величии на преобразование, то пусть же она не забудетъ, что поддержка уже сдѣлана, а въ послѣдніе три мѣсяца невозможно сдѣлать оборотеній.»

Такіе образцы правительство дѣлаетъ издержки, не представляя народнымъ представителямъ свѣтъ; неолучивъ утвержденія этой свѣтъ, старается доказать, что остается въ предѣлахъ конституціи, если предоставить свѣту послѣ того какъ поддержка сдѣлана. Народные представители тоже остаются въ предѣлахъ конституціи, если обсуждая дѣло, найдутъ поддержку неумною или превосходящею нѣтъ средства. Тогда кто же отвѣчать за сдѣланный раскладъ?..

Министру финансовъ отвѣчалъ г. Вальдекъ. Онъ сказалъ, что неадекватность требований правительства совершенно достаточна, чтобы остаться въ нѣтъ полномочій. Войско изъ 130.000 человекъ должно до 200.000; палата остается только вычеркнуть лишніи 70.000 человекъ. Всѣмъ другой взглядъ былъ бы недостойнъ палаты либеральной партіи вовсе не противителю-консервативныхъ улучшеній; они готовы на всевозможныя уступки, но что же дѣлать, когда свѣтъ свое изборъ, какъ или уничтожить палату, или отказаться отъ требований улучшить? Впрочемъ палата должна имѣть доверіе къ своей свѣтъ; исторія показываетъ противъ уступокъ свѣтъ той, которую императоръ былъ сдѣлать королю Елизаветѣ, встрѣтивъ такое сильное сопротивленіе австрійскаго парламента.

Извѣстный профессоръ-врачъ-докторъ Вирховъ сказалъ, что палата старается упрямить въ томъ, будто она стала исключительна по точнѣ зрѣній законности и не захотѣла принять въ соображеніе потребности политическаго положенія. Но его мнѣнію нынѣшнее столкновеніе можетъ быть разрѣшено конституціоннымъ порядкомъ только двумя: или распустить палату, или выпустить въ составъ министровъ. Если министерство не захотѣтъ ни того, ни другого, то оно должно передать свѣту или вынести у палаты пофронтъ сдѣланнымъ раскладомъ въ обвинѣ на свѣтъ точныя и положительныя обвиненія. Занять ораторъ отрицаетъ, будто бы въ настоящемъ случаѣ нарушаются права короля. Въ уставной грамотѣ свѣтъ на одной статьѣ, которая дала бы королю право учреждать новыхъ должностей, а новые батальоны дали множество новыхъ должностей. Наконецъ ораторъ доказываетъ, что внутреннія силы государства заключаются въ силѣ законовъ, и заключаетъ тѣмъ, что правительству остается только или уступить, или нарушить 99 статью конституціи.

Г. фонъ-Карстенъ признаетъ, что въ своемъ дѣлѣ войско должно быть преобразовано, но что и палата точно также необхо-

дина для Пруссіи. Нынѣшняя политика Пруссіи доставляетъ большое удовольствіе непріятелю ея, и нынѣшнему министерству никакъ не можетъ быть довѣрено удовлетвореніе національных желаній Пруссіи. Не слѣдуетъ также прибѣгать къ обоюднымъ уступкамъ, согласившись на утвержденіе представленной смѣты въ обмѣнъ на либеральныя уступки, на которыя вѣроятно не согласится верхняя палата. «Если мы здѣсь — продолжаетъ онъ — только затѣмъ, чтобы безпрекословно подписывать требованія военного министра, то я отказываюсь отъ своего званія представителя; и если правительство имѣетъ право дѣлать издержки безъ утвержденія смѣты, то вся конституція наша не стоитъ той бумаги, на которой она написана.» (Браво! браво!)

Г. фонъ-Роонъ, военный министръ, утверждаетъ, что никто не споритъ противъ необходимости преобразованія. (О! о?) Доказано также несомнѣнно, что страна можетъ выдержать новыя расходы. (Отрицанія.) Онъ ссылается на указанія статистики и доказываетъ намъ, что общественное богатство Пруссіи увеличилось и что жалобы на тягости смѣты ничѣмъ не оправдываются. Что касается до упора правительства въ томъ, что оно вышло изъ своихъ конституціонныхъ правъ, то «это дерзость, выходящая изъ великихъ границъ». (О! о? отрицанія; шумъ.) Еслибы дѣло шло только о смѣтѣ на 1863 годъ, то было бы весьма естественно, еслибы палата требовала сначала представленія закона о рекрутскомъ наборѣ; но на 62 годъ смѣты, весьма честно установленная, почти уже израсходована, стало-быть нечего о ней и толковать.

Извѣстно, что военный министръ г. фонъ-Роонъ влохой ораторъ; ему все кажется, что онъ передъ своимъ солдатскимъ фронтомъ, когда онъ говоритъ въ палатѣ; онъ забываетъ, что конституціонный министръ говоритъ передъ цѣлою страной въ лицѣ ея представителей и что такая аудиторія имѣетъ повѣйшее право просто не дать ему денегъ.

Въ другомъ засѣданіи одинъ депутатъ, защитникъ министерства, далъ палатѣ хорошій урокъ, напоминая ей, что въ 1860 году она знала о намѣреніи организовать новыя полки, однакоже согласилась на необходимую тогда издержку; стало-быть она изъявила согласіе на увеличеніе войска.

Еще въ другомъ засѣданіи министръ финансовъ объявилъ, что правительство всячески желаетъ избѣгнуть столкновенія и вовсе не желаетъ нарушить конституцію. Но когда палата отказывается въ утвержденіи одной смѣты за другой, что остается министерству? (Крики: Удалиться!) Мы считаемъ рѣшительно невозможнымъ согласиться на требуемую уступку. Затѣмъ министръ объявляетъ,

что министерство пожалуй могло бы удалиться, уступило бы свои места лицамъ, пользующимся довѣріемъ палаты депутатовъ; но если палата желаетъ имѣть министровъ съ этимъ довѣріемъ, но безъ довѣрія верхней палаты, то нижняя переступить границу своихъ правъ.

Послѣ цѣлаго ряда засѣданій, посвященныхъ почти исключительно преніямъ о смѣтѣ, палата 23 сентября приступила къ окончательной подачѣ голосовъ. Сначала предложенъ былъ вопросъ: слѣдуетъ ли, сообразно съ желаніемъ правительства, утвердить всю сумму, требуемую на *ординарные* расходы по военному министерству.—37,779,043 талера? На это предложеніе встало только одиннадцать членовъ. Потомъ единодушно всѣ члены утвердили сумму въ 31,932,940 талеровъ въ качествѣ ординарнаго военного расхода, а остальное положено отнести къ расходу экстраординарному. Наконецъ въ суммѣ 5,529,566 талеровъ экстраординарнаго расхода послѣдовалъ отказъ весьма значительнымъ большинствомъ голосовъ, и немедленно затѣмъ палата занялась разсмотрѣніемъ нѣсколькихъ прощевій.

До послѣдней степени ясности ясно, что министерство потердѣло рѣшительное пораженіе. Послѣ этого въ государствѣ конституціонномъ обыкновенно слѣдуетъ или отставка министерства, или распущеніе палаты. Последнее распоряженіе допускается въ томъ смыслѣ, что палата можетъ-быть не составлять правильнаго выраженія мнѣній страны; но передъ отказомъ самой страны министерство никакъ не задумалось бы остаться на своемъ мѣстѣ. Поэтому распущеніе палаты и собраніе новой для рѣшенія возникшаго разногласія весьма справедливо называется обращеніемъ къ страѣ, которая потомъ и рѣшаетъ разногласіе безъ апелляціи посредствомъ вновь избранныхъ представителей. Дѣло ведется обыкновенно на чистоту.

Прусское же министерство рѣшилось остаться при дѣлахъ и управлять страной безъ смѣты. Одинъ только министръ финансовъ фонъ-деръ-Гейдтъ вышелъ въ отставку. Но и тутъ банковская газета объясняетъ выходъ министра въ отставку другою, неконституціонною причиною. Она придумала, будто король не согласился утвердить закона касательно постройки новыхъ желѣзныхъ дорогъ, такъ поэтому будтобы министръ и вышелъ.

Между тѣмъ засѣданія были отложены на четыре дня, и 29 сентября г. Бисмаркъ-Шенгаузенъ, вновь назначенный президентъ совѣта министровъ, прочелъ въ палатѣ слѣдующее:

«Такъ какъ палата не утвердила расходовъ на преобразование войска въ 1862 году, то правительство должно считать, что, безъ

перемѣны тоже рѣшеніе состоитъ и на 1863 годъ. Правительство удерживаетъ мѣры, изложенныя министрами по смѣтѣ на 1862 годъ; поэтому результаты немедленнаго разсмотрѣнія могли бы только помѣшать будущему разрѣшенію спорнаго вопроса, значительно увеличивая затрудненія. Изъ преній, происходившихъ до сихъ поръ, оказывается, что соглашеніе невозможно безъ представленія проекта закона о преобразованіи войска. По предложенію министерства его величество король разрѣшилъ мнѣ взять обратно смѣту на 1863 годъ. Такимъ образомъ правительство не думаетъ отказаться отъ принципа своевременнаго представленія смѣты; только теперь оно считаетъ своею обязанностью не увеличивать препятствій, мѣшающихъ соглашенію. Когда въ слѣдующій разъ палата будетъ созвана, — правительство представитъ смѣту на 1863 годъ вмѣстѣ съ проектомъ закона, которымъ не будутъ нарушены основанія военнаго преобразованія, и смѣту на 1864 годъ.»

Потомъ президентъ г. Грабовъ прочелъ королевскій декретъ, утверждающій предложеніе министерства. Постановлено прерывать это дѣло на разсмотрѣніе смѣтной комиссіи, для немедленнаго представленія надлежащаго рапорта. Гг. фонъ Бисмаркъ-Шенгаузенъ и фонъ-Роонъ присутствовали въ засѣданіи смѣтной комиссіи. На вопросъ, въ нынѣшнемъ ли году вновь будетъ созвана палата, г. фонъ-Бисмаркъ объявилъ, что правительство до сихъ поръ ничего еще въ этомъ отношеніи не рѣшило и считаетъ время между закрытіемъ нынѣшняго собранія и открытіемъ будущаго чѣмъ-то вродѣ перемирія, какъ опытъ придти къ разрѣшенію столкновенія. Можетъ-быть возможно будетъ представить смѣту еще въ нынѣшнемъ году, но разсмотрѣть ее нельзя успѣть. Нѣкоторые члены замѣтили при этомъ, что къ 1 ноября можно бы пересмотрѣть военную смѣту на 1863 годъ, но г. фонъ-Роонъ объявилъ, что отъ 15 октября, когда вѣроятно закрыто будетъ это собраніе, до 1 ноября нельзя успѣть выработать смѣту и составить законъ о преобразованіи войска.

На другой день, 30 сентября, опять собиралась смѣтная комиссія въ присутствіи тѣхъ же министровъ. Постановлено пригласить правительство представить палатѣ депутатовъ смѣту на 1863 годъ своевременно, чтобы можно было разсмотрѣть ее и утвердить до новаго года. Объявлено, что правительство распоряжается противно конституціи, когда палата депутатовъ на нее не согласилась. Г. фонъ-Бисмаркъ утверждалъ, что *своевременное утвержденіе смѣты не обязательно* по точному смыслу конституціи. Онъ сказалъ, что нынѣшняя борьба опредѣлитъ границы между властью короля и властью парламента, а впрочемъ правительство искренно желаетъ

прийти къ соглашенію. Г. фонъ-Роонъ говорилъ въ томъ же смыслѣ, и объявлялъ, что представить смѣту и военный проектъ ранѣе 1863 года невозможно.

Итакъ прошедшее затрудненіе не разрѣшено, а отложено; чѣмъ покрыть израсходованные пять съ половиною миліоновъ — неизвѣстно. Правда, что въ уставной грамотѣ пропущено слово «своевременно». Дѣйствительно, такъ не сказано, что смѣта на будущій годъ должна быть утверждена въ нынѣшнемъ; но конечно это разумѣется само собою. Если смѣту на текущій годъ можно представлять въ концѣ года, то нѣтъ причины не представить ее въ будущемъ году или черезъ два года.

Это извѣстіе отъ 1 октября. Что будетъ дальше — увидимъ.

Последнія извѣстія

Французскія газеты теперь распространяются въ соображеніяхъ и размышленіяхъ по поводу напечатаннаго въ Монитерѣ и приведеннаго нами письма императора Французовъ къ своему министру иностранныхъ дѣлъ, и потомъ ноты г. Тувенеля къ своему посланнику въ Римѣ. Одна газета старается найти цѣль, съ какою эти документы были теперь напечатаны, тогда какъ они писаны были въ мѣѣ и въ іюнѣ нынѣшняго года. Но затѣмъ ли печатали, чтобы показать заботливость о сохраненіи нынѣшнихъ владѣній папы? Не хотятъ ли приготовить умы къ очищенію Рима? Не хотятъ ли только сложить съ себя отвѣтственность? Или это напечатаніе считается послѣднимъ средствомъ исполненія посредничества?

Другая газета возражаетъ на эти догадки и на нѣкоторыя весьма осторожныя толкованія съ дирѣческимъ негодованіемъ: «Ужъ мы тысячу разъ говорили: слова императора нельзя подвергать толкованіямъ; ихъ можно собирать и обдумывать. Но да позволено намъ будетъ замѣтить, что никогда можетъ-быть государь, котораго умѣренности и мудрости удивляется Франція и міръ, не выражаетъ болѣе краснорѣчиво мыслей болѣе сильныхъ и болѣе вѣрныхъ. Въ этомъ письмѣ невозможно не признать сердца великаго государя и умъ великаго политика. Что за уваженіе ко всѣмъ законнымъ правамъ! Что за благородныя усилія примирить требованія преданій съ требованіями новѣйшей цивилизація!» и т. д.

Третья газета говоритъ: «Этотъ документъ есть не только удивительная страница исторіи и политики, — это прежде всего европейское событіе. Всѣ мыслящіе люди въ нашей странѣ, всѣ уважающіе силу разума, почувствуютъ законнѣйшую гордость, находя высоту взглядовъ и выраженій одного изъ принадлежностей высшаго въ

государствѣ положеніи. Но еслибы тутъ великій писатель не былъ поддержанъ волею и мудростью государственнаго мужа, то наше уваженіе къ литературному таланту не уменьшило бы независимости нашего сужденія. Къ счастью, мы можемъ добрить то, чему удивляемся...» и т. д.

Въ сѣверной Америкѣ рѣзня продолжается съ изумительнымъ звѣрствомъ и съ полнѣйшею бесполезностью. Рабовладѣльческое войско, которое до сихъ поръ все отодвигалось назадъ, перешло въ наступленіе. 15 сентября было сраженіе при Чернеборгѣ; 17 числа рабовладѣльцы возобновили бой: свободные одержали побѣду, взяли въ плѣнъ 15,000 человекъ и отбили шесть батарей; а незадолго перель тѣмъ перевѣсъ оставался на сторонѣ южныхъ войскъ, которыя забирали въ плѣнъ тоже тысячами. Несмотря на такія кровопролитныя драки, сраженіе 17 числа не имѣло рѣшительнаго результата. Сѣверное войско потеряло отъ шести до десяти тысячъ человекъ; однихъ генераловъ ранено тринадцать и одинъ убитъ. Говорятъ, что рабовладѣльцы потеряли до двадцати тысячъ человекъ.

И вся эта ужасающая бойня людская, гдѣ каждый мѣсяцъ у обѣихъ воюющихъ сторонъ выбываетъ изъ строю по нѣсколькимъ десяткамъ тысячъ человекъ убитыхъ и раненыхъ, въ двухъ или трехъ сраженіяхъ, происходитъ изъ-за таможенныхъ сборовъ, изъ-за денегъ, изъ-за барышей. Можно съ большою достовѣрностью сказать, что еще довольно долгое время найдутся тамъ желающіе служить въ военной службѣ, такъ какъ всякій рядовой, поступающій на три года, получаетъ одновременно болѣе 50 рублей награды и потомъ отъ 9 до 12 рублей въ мѣсяцъ жалованья, одежду и прекрасное содержаніе.

Велика сила ваша, о барыши!

24 сентября отправилась изъ Бѣлграда большая турецкая коммисія въ Ушицу, для срытія этой крѣпости, для передачи мѣста, ею занимаемаго, сербскому правительству, и вывода живущихъ тамъ турокъ въ Боснію. Теперь любопытно видѣть, какъ ушицкіе турки подчинятся своей участи.

Въ Австріи рейхсратъ мало-помалу теряетъ способность договориться до чего бы то нибыло: славянскіе депутаты уходятъ изъ него, какъ только доходитъ дѣло до подачи голосовъ по какому-нибудь серьезному вопросу, такъ что засѣданіе закрывается по не-

нижнюю требуемую конституціею числа членовъ. Поговариваютъ о необходимости пересмотрѣть конституцію, установленную въ февралѣ прошлаго года. Но такъ какъ пересмотръ будетъ происходить съ одной стороны, а заинтересованная сторона сирожена не будетъ, то слѣдуетъ ожидать весьма односторонняго плода предстоящихъ трудовъ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ ДРАМАТУРГІИ И СЦЕНЫ

I

Театръ въ нашихъ глазахъ — дѣло великое, потому великое, что по сущности своей онъ долженъ быть дѣломъ народнымъ.

Если мы до сихъ поръ не писали ничего о русскомъ театрѣ, то потому только, что до сихъ поръ писать о немъ серьезно было совершенно невозможно. Кромѣ общихъ условій, полагаемыхъ произволу мысли закономъ положительнымъ, существовали еще условія особенныя, спеціальныя.

Такихъ спеціальныхъ условій нѣтъ болѣе.

Писать о театрѣ, слѣдить за театромъ становится не только возможнымъ, но необходимымъ, становится по нашему мнѣнію даже обязательнымъ для каждаго честнаго литературнаго направленія.

Писать разумѣется слѣдуетъ только о русскомъ театрѣ, о нашемъ театрѣ, каковъ онъ нинаестъ, потому что только его состояніе важно для мыслящаго наблюдателя жизни.

Двухъ вещей будемъ равно избѣгать мы въ нашихъ лѣтонисахъ, двухъ подводныхъ камней оберегаться, именно: 1) упадка критическаго шѣрила нашего до уровня сцены, въ ея настоящемъ состояніи и 2) фешенебельнаго, великосвѣтскаго презрѣнія къ русской сценѣ, даже въ настоящемъ ея состояніи.

Насчетъ этихъ двухъ пунктовъ мы и считаемъ прежде всего необходимымъ честно и искренно объясниться.

1) Въ сценѣ и въ сценическихъ впечатлѣніяхъ есть извѣстнаго рода обаяніе, которому вполне поддаваться довольно опасно. Объяснимъ дѣло проще. Если вы рѣдко ходите въ театръ — все фальшивое, рутинное, сдѣланное въ пьесахъ ли, въ игрѣ ли артистовъ,

васъ поражаетъ въ высшей степени непріятно; вамъ и въ глаза и въ уши кидается все что производится «нарочно», а не «взаправду». Не говоримъ о совершенно пошломъ, говоримъ только о рутинномъ, ибо рѣдко ли, часто ли ходите вы въ театръ, но если вы человѣкъ съ чутьемъ, — пошлое всегда будетъ внушать вамъ глубокое, непримиримое отвращеніе... Но если вы ходите въ театръ часто, если вы любите его страстно, вы постоянно должны, изъ уваженія къ самому себѣ, пристально смотрѣть за собою, иначе (мы говоримъ вовсе не шутя, а по собственнымъ личнымъ опытамъ) вы можете такъ вѣсться въ сценическія впечатлѣнія, что рутинна и фальшивая слава и слава будутъ поражать ваше чутье: вы принюхаетесь къ нимъ. И знаете ли какъ принюхаетесь! Непотомъ увлекаясь исполненіемъ роли артистами вы будете смѣшивать драматическое произведеніе съ его сценическимъ исполненіемъ нѣтъ, въ самомъ исполненіи вы незамѣтно для васъ самихъ будете привыкать къ рутинѣ, механикѣ, фальши...

Чтоже слѣдуетъ изъ этого? спросите вы конечно. Неужели для того чтобы настоящимъ образомъ понимать и цѣнить театръ,halобно ходить въ него какъ можно рѣже?..

Знаете ли, что мы искренно скажемъ почти-что да... при настоящемъ состояніи нашей сцены. Кто въ состояніи съ удовольствіемъ просидѣть, когда даютъ «Житейскую школу», «Водевиль съ переодѣваньемъ», «Смерть Лапунова», «Парижскихъ нищихъ», пошлыя штуки г. Ролиславскаго вродѣ «Разставанье», омерзительныя клеветы на русскій бытъ вродѣ издѣлій гг. Тарновскаго, Руднева, Григорьева 1 (котораго никакъ не надобно смѣшивать съ покойнымъ Григорьевымъ 2, авторомъ грубыхъ, но безпритязательныхъ и простолюдно-даровитыхъ картинъ изъ купеческаго и народнаго быта), — кто, говоримъ мы, способенъ все это высмивать съ сластью, того вкусъ ничѣмъ не лучше вкуса мышиныхъ жеребчиковъ, занимающихъ первые ряды креселъ въ балетѣ. Для того театръ не дѣло, а забава, — да и забава-то грубая.

Одинъ изъ величайшихъ и серьезнѣйшихъ драматическихъ критиковъ Лессингъ сказалъ какъ-то въ своей знаменитой «Гамбургской драматургіи», что «многія плохія вещи могутъ и должны быть удержаны на сценѣ, потомучто представляютъ для актеровъ благодарныя роли». Но этихъ словъ Лессинга не могутъ обратить противъ высказаннаго нами положенія поклонники «водевиль съ переодѣваньемъ»... Въ тѣ времена, когда великій критикъ писалъ свою «Гамбургскую драматургію», въ Германіи еще не было ни Шиллера, ни Гёте, и почти только онъ одинъ ратоборствовалъ за Шекспира. Да и не штуки же вродѣ «Водевиль съ переодѣваньемъ»

защищалъ Лессингъ. Онъ защищалъ, да и то на время, вещи плохія или «сдѣланныя», но въ извѣстныхъ роляхъ представляющія работу для артистовъ. Ему вочто бы то нистало надо было пробуждать въ исполнителяхъ сценическихъ произведеній артистичность, а въ зрителяхъ сочувствіе къ сценическимъ зрѣлищамъ вообще. Совершенно въ другихъ условіяхъ находимся мы.

Театръ, какъ дѣло серьезное и народное, начался у насъ тоже недавно, начался настоящимъ образомъ съ Островскаго, ибо Пушкинъ писалъ свои драмы не для сцены; великія же произведенія Грибоѣдова и Гоголя попали на сцену совершенно случайно и долго высидѣли уединенно надъ ея пошлымъ хламомъ, но во всякомъ случаѣ театръ у насъ начался. Представленія драмъ нашего перваго воплиѣ народнаго драматурга показали уже массѣ неизмѣрпую бездну, отдѣляющую то, что представляется на театръ «нарочно», отъ того, что происходитъ на немъ «взаправду», что служитъ выраженіемъ жизни и вмѣстѣ разъясненіемъ и оразумленіемъ жизни.

Съ другой стороны, мы прожили уже ту эпоху, когда интересуется только сценическое исполненіе пьесъ, только игра артистовъ. Едвали бы даже великій Мочаловъ могъ увлечь насъ въ настоящую минуту исполненіемъ вельпаго Ляпунова г. Кукольника, едвали бы даже в такой серьезный пластическій художникъ, какъ В. А. Каратыгинъ, могъ сдѣлать для насъ сноснымъ Ляпунова г. Геденова. Едвали бы тоже Рѣпину или Асенкову могли мы теперь вынести въ разныхъ издѣліяхъ нашихъ бывалыхъ водевилистовъ; едвали бы даже и ради граціозной и вмѣстѣ глубокой игры г-жи Вѣры Самойловой высидѣли мы въ настоящее время ерунду вродѣ «Владимира Заревскаго» или сентиментальную пошлость вродѣ «Театральнаго музыкаята и княгини».

Когда мы говоримъ мы, то разумѣемъ конечно не себя, а первыхъ людей мыслящихъ, и восторыхъ народъ, толпу, массу. О серединѣ, о нравственномъ и умственномъ мѣщанствѣ, мы вообще не имѣемъ привычки говорить по отношенію къ серьезнымъ явленіямъ общественной, умственной и нравственной жизни.

Да не серединою эгою русскій театръ теперь и держится матерьяльно. Середина какъ-нибудь да ужъ абонируется въ оперу или для шикю посѣщаетъ французскіе спектакли. Сходите напрямѣрь хоть въ Маринскій театръ, когда въ немъ даютъ не оперы, а русскія драматическія произведенія: вы увидите, что бель-эгажъ и бенуаръ пусты. Такая исторія и въ Александринскомъ.

Да и слава-богу! Театръ долженъ держаться массою. Да обратится овъ для нея въ насущную потребность!..

Но много условій нужно для того, чтобы онъ обратился для нея

въ насущную потребность, и условия эти заключаются вовсе не въ ея развитіи. «Дитя тысячеглавое» достаточно развито, т. е. снабжено общимъ чутьемъ добра и правды, чтобы понимать то, что есть «настоящее дѣло», что происходитъ на сценѣ «взаправду», а не «напрасно», а главное — въ немъ чутье къ живью необычайно сильно. Изъ-за «живья», мало-мальски глѣ-нибудь явившагося, оно снисходительно, даже пока безсознательно и безразлично-снисходительно смотритъ на все. Въ немъ, въ «тысячеглавомъ дитяти», даже чувство красоты есть, только смутное. Воспитается, не успокоится!

Условия для того, чтобы насущною потребностью и серьезнымъ дѣломъ сталъ для массы театръ, повторяемъ, заключаются не въ ней, а въ самомъ театрѣ.

Русскій театръ и русская драматургія до сихъ поръ, несмотря на Островскаго, все еще какъ-то не ладятъ между собою. На сценѣ напрямѣръ не поставлено нѣскольکو вещей, существующихъ въ литературѣ (¹). Даже нѣкихъ вещей Островскаго не поставлено на сценѣ, каковы: «Доходное мѣсто», «Зачѣмъ пойдешь, то и найдешь», и наконецъ не поставленъ еще и его «Минивъ». Многія изъ поставленныхъ уже прежде его вещей даются рѣдко, крайне рѣдко, какъ напрямѣръ одно изъ высшихъ его произведеній: «Бѣдная невѣста», вли вовсе не даются, какъ «Не такъ живи, какъ хочется», «Праздничный сонъ до обѣда». Неужели для массы интереснѣе «Парижскіе нищіе», «Демонъ» и другія штуки, чѣмъ драмы Островскаго?

Не думаемъ.

Массѣ явно, очевидно нужно свое, народное, русское. Каково-бы оно ни было, — художественное ли, какъ вещи Грибоѣдова, Гоголя, Островскаго; порядочное ли, какъ вещи г. Чернышова, которыя покрайней-мѣрѣ улы; даровито ли грубое, какъ вещи г. Потѣхина-сеніор, несмотря на вой его кликушъ и на бессмысленное пьянство его героевъ; наглые ли сивки изъ чужихъ лоскутьевъ г. Потѣхина-юніор; бездарныя ли и безъязычныя, какъ произведенія г. Владыкина, — масса народная наполняетъ театръ, масса чувствуетъ чрезвычайно живо, слушаетъ внимательно и серьезно. И повятно. Ея жизнь, ея настоящіе, неподдѣльные интересы затрогиваются; хорошо ли, нѣтъ ли, но затрогиваются. Тутъ она на-

(¹) Въ русской литературѣ есть напрямѣръ «Сковитляка» Мея, а на сценѣ насъ угощаютъ «Деньщикомъ» г. Кукольника; у насъ есть «Горькая судьбина» Писемскаго, съ типическимъ лицомъ Ананья, а насъ подчуютъ иногда «Разставаньемъ» г. Родиславскаго!

стоящимъ образомъ цѣнить и выполненіе сценическое, способна отличить фальшь и рутину отъ дѣла. Помните представленіе хоть «Грозы» напримѣръ: судорожныя рукоплесканія всему, что было выполнено хорошо, и величайшая холодность къ ломанью г. Бурдина въ роли Дикова. Потому въ драмахъ Островскаго масса понимаетъ какой долженъ быть *тонъ* у извѣстнаго лица, *какъ* должно выразиться извѣстное душевное движеніе. Это ея мѣръ, это лица ей знакомыя, лица «заправскія» или покрайней-мѣрѣ хоть немного походящія на «заправскія». А почему ей знать, какъ объясняются разные герцоги и герцогини? Какъ ни ломайся въ нихъ актеръ или актриса, — масса можетъ подумать, что оно тутъ можетъ-быть такъ и вужно.

Чтоже опять таки слѣдуетъ изъ этого? — вправѣ еще спросить читатель.

Неужели то, что ходить въ театръ надобно только въ русскія, оригинальныя пьесы, и что стало-быть давать надобно на театрѣ только русскія оригинальныя пьесы?

И опять-таки мы обязаны искренно отвѣтить — почти-что да... при настоящемъ состояніи сцены, и отвѣтить такъ вовсе не по исключительности націонализма.

Эпоха чисто артистическая — эпоха Мочаловыхъ, Каратыгиныхъ, Щепкиныхъ, Сосницкихъ, примѣривавшихъ на русскую натуру, и великолѣпно примѣривавшихъ, обще-европейскіе типы — прошла. Съ этимъ ничего не подѣлаешь.

Мы были бы очень рады видѣть на нашей сценѣ Шекспира, Шиллера, Кальдерона, Гюго, — да вѣдь играть-то ихъ некому. Масса тоже могла бы понять настоящее дѣло, хотя бы и чужеземное, да вмѣсто настоящаго дѣла передъ нею на сценѣ происходитъ пародія на настоящее дѣло. Ей остается восторгаться криками. Это мы стараемся доказать въ этой же статьѣ.

Переводный же баластъ вродѣ «Парижскихъ нищихъ», «Дялюшки Мартына» и проч. только притупляетъ и затѣмъ развращаетъ вкусъ и влечетъ къ одному умозаключенію, что въ театрѣ надобно ходить какъ можно рѣже. А то вѣдь вонъ Москва, по своей страсти къ театру, развратилась эстетически дотого, что восторгается г. Самаринымъ и г-жою Медвѣдовой въ непрестанно-прибывающемъ хламѣ переводной дребедени!

2) Но мы сказали, что столько же, какъ пониженія критическаго мѣрила до уровня сцены въ ея настоящемъ состояніи, должно бояться противоположнаго подводнаго камня — фешенебельнаго презрѣнія къ сценѣ даже въ ея настоящемъ состояніи.

Жалко, дѣйствительно жалко это настоящее состояніе. Весь

дѣльный репертуаръ русской сцены упишется на одной страничкѣ... Къ этому дѣльному репертуару можно еще пожалуй, скрѣпя сердце, прибавить еще страничку лессинговыхъ «плохихъ вещей, которыя могутъ и должны быть удержаны, потому что представляютъ благодарныя роли для артистовъ». Все остальное — хламъ, баластъ, въ который толпа ходитъ только въ первый, во второй разъ, заманиваемая афишами, и затѣмъ уже вовсе не ходитъ; но презирать русскую сцену, какъ напримѣръ презиралъ ее явно, въ своихъ фельетонахъ, покойный Панаевъ — нельзя было и въ былыя времена, нельзя и теперь. Ужаснѣйшій вздоръ играли по бѣльшей части Мочаловъ, Щепкинъ, Каратыгинъ, Рѣпина, Самойлова, даже Мартыновъ, даже иногда Садовскій, даже — и большею частію Васильевъ, Шумскій, В. Самойловъ, — но большія русскія сценическія дарованія сказывались въ этомъ вздорѣ. Вотъ напримѣръ хотя въ какомъ-нибудь «Владимірѣ Заревскомъ» въ былую эпоху весь второй актъ, введенный Каратыгинымъ съ энергическою простотою, а В. Самойловой со всѣмъ обаяніемъ граціи, доставлялъ настоящее эстетическое наслажденіе, доступное намъ гораздо болѣе празднаго наслажденія, доставляемаго гастрономамъ Михайловскою французскою сценою: вѣдь Мартыновъ былъ великъ иногда въ ужасномъ вздорѣ, вѣдь Самойловъ показывалъ, что богатое, хотя и вѣдшее дарованіе можетъ сдѣлать изъ какой-нибудь штуки вродѣ «Театрального музыканта и княгини», вѣдь Садовскій начиналъ не съ Русакова и не съ Любима Торцова.

Но это дарованія большія. А честныя, посильныя подвиги дарованій меньшаго размѣра были ли оцѣняемы по достоинству, были ли вообще оцѣняемы? Помните ли вы величаво-презрительный тонъ покойнаго Панаева (а вѣдь это былъ литераторъ честный, кромѣ того что литераторъ высоко даровитый), который постоянно являлся у него, какъ только онъ заговаривалъ въ своихъ фельетонахъ о русскомъ театрѣ? Вотъ то-то и бѣда, что у насъ кто говорилъ о театрѣ не презрительно, — падалъ до уровня воззрѣній гг. Руднева, Родиславскаго и К^о, а настоящіе литераторы говорили о русскомъ театрѣ съ пренебреженіемъ. Позвольте васъ спросить, кто оцѣнилъ честную игру покойнаго Максимова 1 въ Гамлетѣ, помимо невыгодныхъ условій его органа? Кто наконецъ серьезно указывалъ нашимъ артистамъ на ихъ недостатки и промахи? Совершалась напримѣръ въ Москвѣ безобразнѣйшая профанація: поэтическій ликъ Гамлета обращаемъ былъ въ какого-то противнаго нюню г. Самаринымъ — хоть бы слово русская критика! Искажали недавно Макбета — тоже хоть бы одно слово! Да и зачѣмъ? Не стоитъ!..

Незнаемъ удастся ли намъ плыть безопасно между Сцилою и Харибдою, но мы на это плаваніе рѣшились — не по увѣренности въ нашихъ силахъ, а по крѣпости вѣры нашей въ серьезное значеніе театра, какъ дѣла народнаго... Не дадутъ намъ плыть далеко обстоятельства, отъ насъ независія, мы вернемся назадъ, т. е. оставимъ это дѣло, — но плыть по волѣ всякаго вѣтра не станемъ...

II

Что даютъ на русской сценѣ?

Несмотря на видимое разнообразіе нашихъ афишъ, насущный репертуаръ русскаго театра весьма легко перечислить. Не все то, что разнообразить наши афиши, или лучше сказать разнообразило ихъ, удерживается на сценѣ.

Вопросъ о томъ, что даютъ на нашей сценѣ, можетъ быть обращенъ въ другой вопросъ: что такое наша драматургія?

Прежде всего разумѣется надобно отличить драматургію печатную отъ сценической. Мы уже коснулись нѣскольکو этого отличія, но коснулись вскользь, неисчисляя фактовъ и не углубляясь въ вопросъ.

Въ литературѣ есть драматическіе очерки Пушкина, очерки положимъ и безъ красокъ, но гениальные. Ихъ вообще не даютъ. Мы не ставемъ говорить о причинахъ, по которымъ не дается «Борисъ Годуновъ», хотя признаемся откровенно, что недоумѣваемъ, почему онъ не дается, разумѣется съ выпускомъ или измѣненіемъ двухъ-трехъ сценъ, въ которыхъ участвуютъ духовныя лица. Но почему не даются другія его драматическія произведенія? Скажутъ вамъ, что пытались ставить нѣкоторыя, какъ напримѣръ «Моцартъ и Сальери», «Русалка» — и онѣ не имѣли успѣха. Но вѣдь надобно спросить, почему они не имѣли успѣха? Еще бы ставились онѣ такъ, какъ разъ ставились *сцены* изъ «Каменнаго гостя» (почему же не всего «Каменнаго гостя»? Вѣдь это произведеніе законченное!), въ которыхъ роль Донъ-Жуана возложили чуть ли не на г. Степанова, должно-быть на основаніи его красивой наружности. А другіе-то великіе очерки? Развѣ лицо стараго барона въ «Скуномъ рыцарѣ» не одна изъ благодарнѣйшихъ ролей для большого артиста? Развѣ «Пиръ во время чумы», поставленный со смысломъ и обставленный даровитыми артистами, не способенъ произвести глубокаго, потрясающаго впечатлѣнія, хоть это и отрывокъ? Нравственность публики, смотрящей на «водевили съ перео-

дѣваньемъ», постраждетъ отъ этого? Вѣроятно!.. Ну, а сцены изъ рыцарскихъ временъ, въ которыхъ тоже, несмотря на ихъ отрывочность, вырисованъ вполне великимъ художникомъ типъ Франца, тоже дорогой для хорошаго артиста? Нѣтъ, мы рѣшительно убѣждены, что не Пушкинъ виноватъ въ томъ, что его очерки или вовсе не ставились на нашемъ театрѣ, или поставленные не имѣли успѣха, а нравственность, особеннымъ образомъ понимаемая нашимъ театромъ, да такая обстановка и мало-осмысленная игра.

Въ литературѣ есть юношеская попытка Лермонтова: «Маскарадъ». Дика она, нескладна своею постройкою, пожалуй подражательна, но вѣдь если она подражаніе «Отелло», то вѣдь подражаніе сто-первое, у comragis «Коварство и любовь» Шиллера. Но вѣдь тутъ есть громадное, лермонтовское лицо — Арбенинъ, здѣсь есть гениальные намеки на типы, изъ которыхъ хорошіе артисты могутъ досоздать типы: здѣсь есть игрокъ Казаринъ, князь Звѣздичъ, баронеса Шприхъ. Драма не сценична? Чтожъ за дѣло? Ее можно посократить, но съ толкомъ. Опять должно-быть нравственность мѣшастъ. Виноваты однако: лѣтъ десять тому назадъ давали сцены изъ «Маскарада». Бѣдный, обципаный лермонтовскій «Маскарадъ», въ которомъ Арбенинъ закалывается послѣ отравленія Нины, съ словами: «умри-жъ и ты, злодѣй!» (сколь это чувствительно!) тоже должно-быть ради спеціальной нравственности, недопускающей совершиться надъ нимъ лютой казни сознанія. А какія это сцены для настоящаго трагика — сцены Арбенина у гроба Нины, и Арбенина, узнающаго отъ своего врага свою ужасную ошибку! Недаромъ покойнику Мочалову такъ хотѣлось играть Арбенина — и увыл! не удалось его сыграть ниразу.

Въ литературѣ есть теперь полная комедія Грибоѣдова. Было время, когда она была полнѣе на сценѣ, чѣмъ въ литературѣ. Теперь увыл! дѣло выходитъ наоборотъ.

Въ литературѣ кромѣ «Ревизора», «Женитьбы» и «Игроковъ» Гоголя, существуютъ еще его гениальные отрывки. На сценѣ кромѣ заграничныхъ «Ревизора», «Женитьбы» и «Тяжбы», — буквально заграничныхъ чуть не до противности на сценахъ столичныхъ, провинціальныхъ и любительскихъ — ничего не существуетъ. Изрѣдка развѣ даются «Игроки». А какіе типы для артистовъ — лица Собачкина, Марьи Александровны и ея сына, два чиновника въ «Утрѣ дѣловаго человѣка», дворецкій въ «Лакейской»!.. Да развѣ «Развѣздъ», поставленный такъ, чтобы каждое лицо знало что оно говоритъ, отъ свѣтской дамы до господина, который весь вышелъ въ словахъ: «подлецъ портной» и проч., — не былъ бы внимательно и серьезно слушаемъ публикою, не доставилъ бы ей высо-

каго наслажденія? Вѣдь тутъ, за немногими исключеніями, «знакомья все лица», тутъ живья-то, живья-то сколько!

Островскаго одну вещь, именно «Сани», заиграли до невозможности, заиграли какъ «Ревизора», «Женитьбу» и «Горе отъ ума». Изъ другихъ его вещей постоянный успѣхъ имѣютъ (да еще бы не имѣли!) «Свои люди, сочтемся», «Бѣдность не порокъ», «Гроза», отчасти «Въ чужомъ пиру похмѣлье» и... и только. Еще-бы, повторимъ мы, не имѣли успѣха и не давались эти вещи! Вѣдь въ нихъ и русская публика серьезнѣе, и русскіе артисты, вполне серьезные, каковы Саловскій, Васильевъ 1 (московскій, — увы! теперь ослѣпшій), покойный Мартыновъ, Васильевъ 2 (петербургскій), Дмитревскій — отводили и отводятъ душу; вѣдь въ нихъ яркимъ блескомъ сверкало порою высокое, но порченное дарованіе г-жи Косицкой (въ роляхъ Дуни, Груши и въ особенности Анны Ивановны, которую выполняла она высоко-художественно); въ нихъ г-жа Васильева въ роли Марьи Андревны являлась перво-степенною артисткою и выказывала всю глубину своего прекраснаго таланта, осужденнаго на мелодрамы и пошлые водевили; въ нихъ, какъ въ «Грозѣ» напримѣръ, г. Горбуновъ и г-жа Левкѣва являлись съ самыхъ блестящихъ своихъ сторонъ. Но опять-таки — нѣкоторыя пьесы Островскаго даются крайне рѣдко, можно-сказать даже вовсе не даются, уже поставленныя на сцену; другія на сцену не ставились.

Разберемъ дѣло въ подробности. Оно стоитъ этого. Островскій пока наше *все* по части драматургій, наше самое насущное.

Рѣдко даются уже поставленныя разъ на сцену пьесы:

- 1) «Бѣдная невѣста».
- 2) «Не такъ живи, какъ хочется».
- 3) «Праздничный сонъ до обѣда» — первая часть трилогіи о безцѣнномъ Бальзаминовѣ.
- 4) «Свои собаки грызутся» — вторая ея часть.
- 5) «Старый другъ лучше новыхъ двухъ».
- 6) «Утро молодого человѣка».
- 7) «Картина семейнаго счастья».
- 8) «Не сошлись характеромъ».
- 9) «Въ чужомъ пиру похмѣлье».

Девять пьесъ — и чѣмъ же пьесъ? Островскаго! — рѣдко даются на русской сценѣ. Да чѣмъ же такъ богата она, русская сцена, что можетъ забрасывать въ дальній ящикъ пьесы Островскаго?

Но прежде чѣмъ разсуждать о томъ, чѣмъ такъ богата русская сцена, позвольте намъ попытаться поискать причинъ, почему де-

яты исчисленныхъ пьесъ Островскаго даются рѣдко, и изъ нихъ семь первыхъ почти-что никогда не даются.

1) Почему не дается «Бѣдная невѣста». Успѣха чтоли она не имѣеть? Да во первыхъ, что вы назовете успѣхомъ? Количество ходящаго въ театръ народа? Положимъ, что и такъ; но вѣдь мы не повѣримъ, да и читатели согласятся, что нельзя этому повѣрить, чтобъ на «Бѣдную невѣсту» пошло и ходило меньше народа, чѣмъ на «Демова», переведеннаго (кромѣ его безобразія) ломанымъ русскимъ языкомъ, чѣмъ на умную, но скучную передѣлку «Айвенго» князя Шаховскаго; на «Парижскихъ нищихъ», «Дядю Мартына» и другую подобную, фальшивую, да и вдобавокъ еще чуждую намъ ерунду... Артистовъ чтоли нѣтъ для «Бѣдной невѣсты»? Да вѣдь г-жа Сибткова 3 тратитъ же свое весьма маленькое, но довольно миленькое дарованіе на мелодраматическій вздоръ, и вѣдь была же она больше чѣмъ сносна въ роли Катерины въ «Грозѣ». А въ Москвѣ, гдѣ тоже рѣдко даютъ «Бѣдную невѣсту», предпочитая ей по всей вѣроятности переводы французскихъ штукъ гг. Тарновскаго, Руднева и Радиславскаго, въ которыхъ г. Самаринъ и г-жа Медвѣдева «ломаютъ комедію» для удовольствія средней великосиѣтскости, — въ Москвѣ, говоримъ мы, г-жа Васильева отъ начала до конца играетъ Марью Андревну вервами!.. Да вѣдь г. Леонидовъ наиримѣръ, артистъ съ умомъ и чувствомъ, несмотря на свой неблагодарный органъ — не лучше ли бы былъ въ «Хорьковѣ», чѣмъ въ неудавшемся ему «Макбетѣ»? Вѣдь въ «Хорьковѣ» даже г. Полтавцевъ отрывается отъ рутины и дикихъ криковъ. А лицо Мерича — развѣ не стоитъ того, чтобы надъ нимъ поработалъ какой-нибудь даровитый молодой артистъ, хоть бы наиримѣръ г. Нильскій: право бы это было и для него полезно, и для публики пріятно, чѣмъ его шествіе по стопамъ г. Самарина въ Сюлливанахъ и другихъ продуктахъ. А Милашинъ, глубоко, почти гениально созданный Васильевымъ-московскимъ, развѣ не по силамъ Васильева-петербургскаго, артиста, для котораго возможно художественное осуществленіе Лазаря Подхалузина и Любима Торцова? А г. Самойловъ пренебрегаетъ развѣ удивительною ролью Добротворскаго? Вѣдь можно сказать, что поработавши надъ нею, онъ будетъ въ ней выше Шумскаго, какъ и вообще выше оныхъ этого, впрочемъ замѣчательнаго, артиста московской сцены вѣшными средствами и разнообразіемъ таланта? А мать, а Хорькова, и каждое входящее съ двумя-тремя словами лицо въ великолѣпномъ пятомъ актѣ и «до точки» обрисованное этими двумя-тремя словами?

А Дуля?

Мы ужь и не говоримъ о Бепеволевскомъ.

А Дуня наконецъ — эта Дуня, которую такъ долго не пускала на сцену и наконецъ-таки пустила специальная нравственность, — эта Дуня, которой вся жизнь захвачена поэтомъ въ одной сценѣ, — и какъ могущественно, гениально захвачена! Вѣдь это роль для первостепенной артистки!

Почему же рѣдко дается, или правильнѣе сказать никогда не дается «Бѣдная Невѣста»? Да развѣ есть другая драма, которая бы (кромя «Грѣзы») захватывала глубже судьбу русской женщины и (кромя «Доходнаго мѣста») болѣе широкими чертами изображала бытъ средняго класса нашего общества?.. Укажите намъ богатства, изъ-за которыхъ русская сцена пренебрегаетъ однимъ изъ самихъ высокнхъ созданій русскаго художника!

2) Почему не дается «Не такъ живи, какъ хочется»? Не имѣла успѣха на обѣихъ сценахъ, скажутъ намъ. Но вѣдь опять-таки мы вправѣ спросить *почему* не имѣла успѣха? Мы знаемъ очень хорошо, что она Островскимъ вовсе не долѣлава, что ея концепція — одна изъ высшихъ концепцій нашего поэта, а отдѣлка крайне бѣдна; но вѣдь бѣдна отдѣлка только по мѣстамъ: скудно очерчены только древній отецъ Петра Ильича да его искуситель, котораго у Островскаго не достало смѣлости прямо назвать и прямо созлатъ русскимъ чортомъ, юмористически-страшнымъ, какъ онъ является въ нашихъ фантастическихъ рассказахъ: но вѣдь обрванъ только поэтомъ по недостатку смѣлости конецъ. А типъ-то Петра Ильича захваченъ все-таки страшно широко. Вольно же было погубить его ходульностью и рутинной г. Полтавцеву (въ Петербургѣ, ужь мы право и не помнимъ, какимъ бездарностямъ отдавали эту великолѣпную роль), который все хотѣлъ играть какого-то кукольниковскаго героя, дико бѣсяющагося, испортилъ загоскинскою сантиментальностью сцены съ Грушей и отсутствіемъ комической правды погубилъ удивительную сцену опьяненія до чортиковъ. А вѣдь драма-то виситъ на Петрѣ Ильичѣ! Чтобы наприимѣръ г. Васильеву не взаться за это лицо? Право вѣдь тутъ вовсе не нужно грандіознаго роста!.. Да кромѣ Петра Ильича тутъ есть Груша, которую почти художественно создавала г-жа Косицкая; есть жена Петра Ильича, испорченная въ Москвѣ французской мелодраматичностью г-жи Медвѣдовой а въ Петербургѣ не помнимъ кѣмъ; тутъ есть Агафонъ, видя въ которомъ Саловскаго, какъ-то даже не жалѣлось, что не онъ играетъ Петра Ильича, хотя онъ одинъ только и могъ исполнить эту роль настоящимъ образомъ... Почему же, ради какихъ невидимыхъ намъ и публикѣ сокровищъ брошена драма,

которая, какъ она ни мало отдѣлана поэтомъ, представляетъ такъ много гениально-человѣчныхъ типовъ?

3) Мы не станемъ съ такою же подробностью доискиваться причинъ, почему рѣдко или даже совѣмъ не даются другія, поставленные уже разъ на сцену произведенія Островскаго. Очевидное дѣло, что причины эти заключаются не въ нихъ самихъ, ибо всѣ они представляютъ для артистовъ типы самые благодарные, а для публики интересъ несомнѣнный, ибо всѣ они полны живья и настоящаго дѣла. Причины заключаются въ чемъ-либо совершенно постороннемъ, даже не въ недостаткахъ исполненія, которые могутъ быть устранены и о которыхъ, равно какъ и о достоинствахъ исполненія, мы поговоримъ подробно въ одной изъ слѣдующихъ нашихъ статей.

Почему не поставлены вовсе на сцену «Доходное мѣсто» и «Мининъ», изъ большихъ произведеній нашего драматурга, и послѣдняя часть трилогіи о Бальзаминовѣ: «За чѣмъ пойдешь, то и найдешь» — дѣло рѣшительно необъяснимое. Строгий вкусъ чтоли театральныхъ цѣнителей отвергаетъ напримѣръ послѣднюю изъ этихъ пьесъ... или нравственность чтоли ихъ оскорблена тѣмъ, что Бальзаминовъ добился наконецъ своей цѣли — женитьбы на богатой купчихѣ? Право незнаемъ. Въдъ специальная нравственность и специальный вкусъ — вещи очень мудренныя: имъ можетъ грезиться то, чего

Нехитрому уму не выдумать и въ вѣкъ!

А какъ много теряетъ театръ оттого, что не поставленъ «Мининъ» и не поставлено «Доходное мѣсто», — говорить кажется нечего.

Мы кончили толкъ о первостепенностяхъ нашей драматургіи. Но въдъ кромѣ первостепенностей у насъ есть въ литературѣ произведенія дарованій болѣе или менѣе яркихъ...

Мы не станемъ говорить много о драматическихъ попыткахъ одного изъ первокласныхъ нашихъ писателей, Тургенева. Въ его вѣнкѣ онъ конечно не пятна, но зато и не большое украшеніе: всѣ онъ, безъ исключенія даже прелестной и тонко-граціозной, но все же нѣсколько празднои вещицы: «Гдѣ тонко, тамъ и рвется», — ниже его высокаго таланта. Какъ натура вполнѣ и даже слишкомъ отзывчивая, Тургеневъ приносилъ въ нихъ жертвы различнымъ вѣвьямъ, увлекаясь всѣми... Мы не говоримъ о произведеніяхъ вродѣ «Холостяка» и «Нахлѣбника», ибо здѣсь жертва принесена была серьезному вѣвьяню, сантиментальному натурализму, — и она же, эти произведенія, довели сантиментальный натурализмъ до край-

видъ, градей комическаго. Но талантъ Тургенева такъ гибокъ и многокъ, что не только выносилъ на себѣ всѣ впечатлѣнія разныхъ эпохъ литературы, отъивался на серьезныя званія, а подчинялся даже модѣ, чисто случайнымъ поветриямъ.

Въ промежутокъ непримирѣ между самыми сильными эксцентричностями сантиментальнаго натурализма и появленіемъ на арену чистаго, простаго натурализма, въ литературу нашу вторглось блонетство, болѣею частью дамское (иногда впрочемъ и кавалерское) ввиль драматическихъ пословицъ и поговорокъ изъ жизни великосвѣтской или покрайней-мѣрѣ изъ жизни тонко-развитыхъ слоевъ общества. Форма занята была конечно на-прокатъ у Альфреда Мюссе, который, какъ поэтъ истинный, умѣлъ вкладывать въ эту сухую форму поэзію и содержаніе, и то впрочемъ тамъ только, гдѣ онъ бралъ предметы не изъ условной свѣтской жизни. У насъ отъ востоя, смуты и празности, роль этуъ принялся очень скоро и въ немъ нашли для себя выходъ различныя, черезъ мѣру тонко развитыя претензіи. Роль этуъ, какъ очень легкій, скоро обрисовался такъ, что получилъ общіе, такъ-сказать физиологическіе привычки, а именно:

1) Сфера жизни въ таковыхъ драматическихъ пословицахъ и поговоркахъ бралась обыкновенно великосвѣтская, т. е. въ нихъ разсуждали и дѣйствовали (очень много разсуждали и очень мало дѣйствовали) люди свѣтскіе и занимались въ нихъ различными, людямъ *«нехитраго ума»* непонятными дѣлами, какъ-то: держали пари на честь женщинъ, вызывали другъ друга на эффектные дуэли съ дешевой расплатой, или правильнѣе сказать — «поколоться», по наивному выраженію пушкинской капitanши.

2) Или были это люди, хотя и небольшого свѣта, то зато «разочарованные», такіе разочарованные, что «и стоялъ свѣтъ, и будетъ стоять», какъ выражается гоголевская сваха, а такихъ разочарованныхъ и не было, и не будетъ.

3) Женскія лица были тоже барыни или барышни, свѣтскія или вообще *развитыя* весьма тонко барыни и барышни, и занимались онѣ преимущественно тѣмъ, что технически называется «микрою въ чувствѣ», — дѣломъ хотя конечно и правдымъ, но зато дававшимъ имъ всегда полную возможность высказывать различныя приращенія, благодарнообрѣтенныя и даже противоестественныя свойства *прекрасной и малюто-развитой личности*.

4) Обычно, главный герой и главная героиня (чаще всего ихъ только и есть что два на оцѣнѣ, съ присовокупленіемъ полубезмолвной пары *мизантъ* и *деревенныхъ* природъ лавки и горничной. уѣ-
Кн. IX. — Отд. II.

ршии себя влншно въ невозможности любви вообще и своей собственной ли одной неспособности.

б) Преимущественно же всѣ любовныя произведенія стремились къ тонкости, были на тонкости. Тонкость была повсюду, тонкость никому непомняныхъ чувствъ, въ выраженіяхъ мало-помнятымъ языкомъ, тонкость голландскаго бѣлья или батиста, тонкость стала героиня и притомъ такая, что станъ того и глани непомнать жердочку въ народной ибсѣ, и вся эта тонкость, съ тонкостью голландскаго бѣлья включительно, дуть что не ставилось главнымъ признакомъ челоѣческаго достоинства.

б) Кончалась дльа обыкновенно или мирно, сознаниемъ героя и героини, что позволить себя любить, или трагически: герой и героиня разставались «въ безмолвномъ и гордомъ страданіи», пародиря трагическую тему Лермонтова.

Д этой—то жадкой модѣ, этому повѣтрію апатія и празности поддавался высокій талантъ Тургенева... Да! скажемъ мы безъ завидья и уязжемъ прямо и на «Провинціалку» и даже на упомянутую уже нами вещьцу: — «Гдѣ тонко, тамъ и рвется». Пусть эта промстная вещьца, по истинной тонкости анализа, по предельски разговору, по множеству наконецъ поэтическихъ чертъ стоитъ надо всѣмъ дамскимъ и кавалерскимъ бадовствомъ такъ же высоко, какъ послевидца Мюссе; пусть въ «Провинціалкѣ» женское лицо очерчено, хотя и слегка, но съ мастерствомъ истиннаго артиста, почти такъ же хорошо, какъ Жакелина въ «Le chandelier» Мюссе, хотя и съ меньшею энергіею; пусть въ «Провинціалкѣ» была очаровательна В. Самойлова и художественно хороши, каждый по своему гг. Самойловъ и Шумскій, — все же эти произведенія жертва модѣ, какаютю женская прихоть Тургенева. Изъ глубокаго уваженія и симпатія къ его таланту, мы не жалѣемъ, что на нашей сценѣ рѣдко или почти никогда не дають какъ ихъ, такъ и «Холостяка» и «Нахлѣбники».

Писемскій написалъ двѣ драматическія пьесы: «Ипохондрика» и «Горькую судьбину». Мы думаемъ, что онъ не рождаетъ быть драматургомъ. «Ипохондрика», его весь построенъ на патологической, а не на общественной темѣ; въ «Горькой судьбинѣ» дорогъ только тивъ Аванья да замѣчательны эпизодическія сцены, но во всякомъ случаѣ живыя лица, окружающія патологическую тему въ «Ипохондрикѣ», комическія въ высшей степени сцены, реальность языка, — все это достоинства, которыхъ могли бы удержатъ пьесу на русской сценѣ, — а между тѣмъ она тоже «не живъа усѣбка» — и конечно тоже по причинамъ, отъ нея самой независимымъ. Чтотоме касается др удивительнаго лица Аванья въ «Горькой судьбинѣ», то оно одно,

исполненное даровитымъ артистомъ, вынесло бы на плечахъ всю пьесу. Но вѣроятно специальная «нравственность» не допускаетъ представленія это драмы.

Шокойный Л. А. Мей написалъ «Царскую невѣсту» и «Псковитянку». Та и другая, несмотря на свои недостатки, все-таки послѣ пушкинскихъ «Бориса» и «Русалки», да Островскаго «Минина», единственныя и по языку и по подробностямъ драмы, гдѣ наша была личность не исключена. «Царскую невѣсту» на сценѣ не поставлено, больше не даютъ. «Псковитянка» вовсе не поставлена, — и какъ та, такъ и другая драма имѣютъ теоретическія и первоклассныя достоинства.

Рядъ какихъ же богатствъ — еще въ послѣдній разъ спросимъ мы — не поставлены, или поставлены не даются на сценѣ, произведенія развѣтлѣннѣйшихъ русскихъ писателей, и вотчимъ съ слѣдующей стѣнѣ рассмотримъ эти драматическія богатства, эти малочисленныя капиталы русской сцены и русской драматургіи.

Мы не говоримъ о томъ, что не дается старое. Даже сонетники оне комедіи имѣютъ теперь для насъ только историческое значеніе; не руть говорить о другомъ? Далевская русская литература, по нашему разумѣнію, прерывается Носовскими и соединяется съ Пушкинскими. Мы говорили о томъ только, что имѣетъ настоящее, бытовое, драматическое значеніе.

СЛАВЯНОФИЛИ, ЧЕРНОГОРЦЫ И ЗАПАДНИКИ, САМАЯ ПОСЛЕДНЯЯ ПЕРЕНАЛКА

Да, опять переналка. Случился такой жутишь, на который вдруг навалилась вместе наши вавилоносцы и западники, взятое въ самом чистомъ ихъ состояніи (увы! они еще существуютъ въ чистомъ состояніи, даже въ самомъ чистѣйшемъ, съ порывами самой святыяаской асимличности), патнулись — и поневолю должны были обоюдно высказаться, выложить все свое, — ну, тутъ ужъ разубѣется случалась и переналка. Это новое столкновеніе мы сибившиъ заветили съ нашоу хроникю : оно не безъ интереса.

Пунктъ, на которомъ столкнулись враги, называется чернегорцы. Извѣстно, что въ этомъ году, и еще очень недавно, славяне, въ томъ числѣ и черногорцы, вели большой бой съ султаномъ. Даже и теперъ дѣло не кончено. Черногорцы дѣйствовали изо всѣхъ силъ : дрались какъ отчаянные, били султаново войско ; ну и ихъ били. Мало того : ихъ жгли, грабили, безчестили, насловали, — однимъ словомъ поступали съ ними потурецки. Тутъ, какъ и всегда бываетъ у славянъ, въ самую рѣшительную минуту случился у черногорцевъ раздоръ. Конецъ концовъ — имъ теперъ очень худо. Все разбито, пожжено и разорено. Конечно имъ надо было помочь. Дѣломъ нельзя, такъ хоть деньгами ; иногда деньги почти тоже что дѣло. А такъ какъ денегъ у насъ никогда нѣ на что не соберешь, то разумѣется пришлось помогать хоть крохами. Ну вотъ въ этомъ-то честь и слава тѣмъ, которые первые открыли подписку, неспугавшись этихъ крохъ и непогнушавшись крохами. Крохи все-таки лучше, чѣмъ ничего. А если мы все будемъ бѣлоручничать, ждять прямо миліоновъ съ неба, чтобъ не стыдно было дескать намъ, такимъ важнымъ людямъ, копѣчнымъ дѣломъ заниматься, — то вѣдь мы при этомъ расчетъ никогда и рубля не увидимъ. Небрезгая же начнемъ съ крохъ, а дойдемъ и до миліоновъ, хоть не теперъ, такъ впоследствии. Первый шагъ есть всегда самое первое и самое

главное дѣло. Только бы познать съ точки общества, приучить, въ обычной вѣсти, интересъ возбудить...

Но вотъ тутъ-то и случилась бѣда. Честь первого начавшихъ принадлежить газетѣ «Современное Слово», и тѣмъ больша честь, что «Современное Слово», судя по всему, есть органъ чистѣйшаго западничества, а если ужъ придаться къ некоторымъ фактамъ, такъ даже фанатическаго западничества. Даже вдругъ возобновились провъ трехдѣсячного перерыва «День» удавалось издавать «Современнаго Слова»: онъ и не ожидалъ, что тѣ въ состоянн объявить подписку на червогорцевъ! Известно, что «День» вдругъ прерывалъ лѣтомъ на своемъ 34 номерѣ. Мы все, т. е. мы думаемъ вся литература, некроме сожалѣли объ этомъ, впервыхъ по принципу, а восторжъ и «Дня» было шалко: хорошее было изданіе, издавалось людьми преданными дѣлу, безкорыстными и право, откровенно, лове издѣгающими свои убѣжденія. А лено излагать — значить въ вышней степенн не сомнѣваться въ своихъ убѣжденіяхъ. Намъ хотъ и случалось задрѣвать «День» въ нашемъ журналѣ, но мы всегда вѣрили въ неискренность и въ добровѣстность издателей «Дня» и въ этомъ расходимся съ «Современнымъ Слово», которое почтиже создалось, что до известнаго факта несомнѣвъ вѣрнле неискренности и добросовѣстности редакціи «Дня» въ ее убѣжденіяхъ. Такую редакцію, какъ редакція «Дня», нельзя заподозреть въ неискренности. Мы уважаемъ ее, хотя и до сихъ поръ не можемъ, ширинѣрь, безъ смѣху припомнить хотъ бы о предположенн «Дня» о возможности оберъ-прокурора св. синода изъ евреевъ. (Мы думаемъ, читателю помнать объ этомъ фантастическомъ оберъ-прокурорѣ изъ евреевъ. Вопросъ полъ о уравненн правъ евреевъ и русскнхъ въ Россіи «Если будетъ равенство правъ, то тогда пожалуй нной еврей дозволится до оберъ-прокурора синода. Ну что тогда съ нами будетъ!») возкликнулъ «День» и вывелъ изъ возможности этого оберъ-прокурора, что невозможно давать известннхъ правъ евреямъ!) Но вѣдѣ такія встрѣчи нашего журнала съ «Днемъ» вовсе не могутъ шоварбать нашего личнаго къ нему уваженія. Итакъ къ дѣлу. Только что вышелъ обновленнй «День», въ первомъ же 35 номерѣ его раздался жестокой залъ въ «Современное Слово», по поводу подпнскн на червогорцевъ. Правда, «Современное Слово» залъмо славношомъ еще прежде того, при первомъ объявленнн подпнскн. Но какъ кажется, что тутъ со стороны «Дня», кромѣ обиды, случилась маленькая ревность къ «Современному Слово»: изащѣ дескать ты началъ первыи подпнску, а не мы, славношомъ, востовннѣ друзья славношомъ? Мы ихъ открыли, мы ихъ изобрѣли, мы даже кнннхъ палѣемъ славношомъ, слѣдственно честь чина и слава!» Кромѣ этой личной рев-

ности воспринимать бытие и другая, более благородная форма, т. е. ревность убежденій: «как! несовершенный, неостепенный, неопытный, да еще прикасается къ такому дѣлу!» и т. д. и т. д. Не похвалитъ-то поступокъ «Деня» не моль: дѣло все-таки было очень хорошее, да и черногорцы что-нибудь и случать: не вѣнчать дозволено, — къдѣ не такъ на дѣло-то смотритъ «Современное Слово»! Бездѣлныя, безъ уваженій къ высшимъ принципамъ, да куда же содѣлать въ нашъ рядъ! Помогаютъ черногорцевъ, а между тѣмъ вовсе не потому, что они черногорцы, православные славяне, родные наши братья, плоть отъ плоти и кровь отъ крови нашей, которымъ предстоитъ современно слѣдовать съ землей русскою, а потому только помогаютъ, что они народъ угнетенный, независимость свою подлорщиваютъ, за свободу борются, за принципы національности. И мы все напомнимъ то, что оба приближенные селились по чувству на одномъ и томъ же хорошемъ дѣлѣ, и хѣлѣли, оба тотчасъ же разсудились другъ на друга за это же хорошее дѣло, чуть не застылились даже его. Попробуйте-нибудь извѣстнымъ огосорки и оправдѣн въ иныхъ случаяхъ и въ иныхъ поступкахъ значать не-вашему почти-что стыдиться этихъ поступковъ. И мы шли прелепическая картина. Мы не можемъ не представлять ее въ лицахъ: стоять съ одной стороны «Деня», съ другой «Современное Слово», а посрединѣ стоять черногорцы; «Деня» и «Современное Слово» очень соратны, такъ что черногорцы даже поблажались.

— Вотъ вамъ, черногорцы! говорить «Деня». — Примите Христа-ради на бѣдность, побратоны. Уже очень васъ любимъ. Мы впрямь не хотимъ, за что мы васъ любимъ, отныне не забываймо: ишней за то, что вы черногорцы, а не просто какой-нибудь другой народъ, который защищаетъ свою независимость. Мы вовсе не такъ, какъ «Современное Слово», которое за это только и любитъ васъ. Значитъ ево-васъ вовсе не любить, потому что любить одну только отлученности, любить въ васъ только народъ, который защищаетъ принципъ независимости. (Два-всплывай!) Конечно защищать независимость хорошее дѣло. Мы съ вами согласны, и очень потому же за васъ радуемся, что у васъ такой духъ. Но какъ представите, допустите, что вы были бы не черногорцы, т. е. не братья-славяне, съ которыми вы должны слѣдовать современно не-одино (уже что-то говорю «Современное Слово», продолжатъ «Деня», а это будетъ!). Ну что бы вы тогда для насъ значили? Просто были бы какой-то тамъ народъ, который отстаиваетъ свою независимость; а больше ничего. Пожалуй мы бы вѣ тогда похвалили васъ (впрямь только въ такомъ случаѣ, еслибы вы были не пѣнды), но ужъ говорить, такъ какъ мы теперь дае насъ-вероятно-сказать никакъ дѣла —

морганъ форм! не стали былимачего. Что намъ другой народы «благочестность! Это мы уже «Современному Слову» предостовалими. По-вѣрьте, черногорцы, что «Современное Слово» — это такая газета, такая газета, что: ушь...

— Черногорцы! перебиваетъ «Современное Слово»: — «не слушайте «Дня»: онъ фанатикъ онъ васъ развращаетъ. Вотъ посмотрите! Это все, что мы могли собрать по поводу... Царьградъ безъ благодарности. Намъ вѣдь въ сущности собственно до насъ мало цинкъ! Намъ принципъ, принципъ дороги, принципъ, который вы испещаете; помните же: мы вамъ помогаемъ какъ народу, защищаемъ щему принципъ национальности, и главное — независимости: а вы не какъ черногорцамъ. Даже въ настоящихъ случаяхъ (какъ вы какъ мы затрели съ этими сумасшедшими «Днемъ» эту статью) даже жалъ, что вы черногорцы. Даже досадно внешнего. Будь хоть погры, такъ кажется было бы лучше. Намъ вѣдь все равно, что вы, что погры; помните это. Намъ принципъ, принципъ дороги, принципъ! Ну конечно, раса... Ну тамъ и то, что вы такъ сказать посредники между нами и Европой... (!) Одинакъ словомъ мы это еще несовсѣмъ хорошо себѣ уяснили, что вы посредники, то, и какъ это вы тамъ будете нашими посредниками... Все это конечно излоръ... Но вѣдь надо же было что-нибудь поговорить этому... багренородному ливантійцу... т. е. «Дню»... Ахъ, слава въ (хоть на этотъ случай только!) была не черногорцы, а каніе-ш: будь швейцарцы, тирольцы, баденъ-баденцы, авганчане! Впрочемъ намъ все равно: принципъ главное! Да чего медлить? Цѣпайте скорѣй—на скорѣй! Высылайте скорѣе въ Европу нашихъ дѣтей учиться. Мы конечно очень стоимъ за принципъ национальности. Но вѣдь невозможно думать, что национальность замечается въ передѣ, въ вѣрѣ, въ языкѣ, въ народныхъ обычаяхъ, въ исторіи, и пр. Такъ «Дню» только мешаетъ судить. Национальность не-вѣщому — это... это Европа; это — быть также какъ и все, что въ никакой те-есть особенности не было ни въ чемъ, ну и разумеется европейская свобода; европейскій прогрессъ, т. е. не простой, естественный прогрессъ, а европейскій. Слышите, европейскій! Не свобода чтобъ была европейская! Эхъ! дѣлался бы вы поскорѣе хоть милордами, слава бы было! Бросьте ваши германъ! Да что, сравнить бы ихъ, да и дѣло съ концомъ; ну, на что вѣдь это? Правда, въ Швейцаріи есть германъ, въ Тироль пожалуй тоже... Но вѣдь это особенности, это какою; это мѣшаетъ общо-европейскому развитію. Принципы, принципъ, принципъ первое дѣло! Были бы!

(*) «Современное Слово» 08, статья «Возрожденіе «Дня»».

милердаи; — и Катковъ бы насъ потешить. А вѣдь ясно, когда Катковъ нехвалитъ, неправда ли? Теша вѣдь европеецъ... Ну-ну, не хмуритесь, не прищипайте на шеечку, про Каткова-то; мы только такъ... Право, право, право жаль, что вы черногорцы! Досада даже! Дама для того, чтобъ только написать эту «Дню»... чтобъ еще!

Стоять черногорцы въ раздумьи, раскрывши ротъ и разставивъ руки и даже совѣстно имъ. Передъ «Днемъ»-то еще не такъ совѣстно. «Ате котъ и правна, — думаютъ они, — что мы народъ; отстоявшаго своею независимостью; этого скрыть нельзя; не зато вѣдь мы и черногорцы: а это все выкупаешь. Ну, а относительно «Современнаго Слова», такъ дѣйствительно совѣстно. Тутъ «черногорцы» ничего не выкупаютъ. Правда, что мы дѣйствительно народъ, отстоявшаго независимости, да вѣдь съ народностью-то что будешь дѣлать! Не саркаешь, не заросшь: какъ вы обернешь, — это черногорцы. Э-эхъ! передрался бы лучше у себя дома да прищипи бы къ намъ ужь совѣтъ готовый! Лучше бы было! А еще братья-ми называются! Терять только въ разныхъ сторонахъ. Ну насъ сойдимъ!»

Конечно черногорцы можетъ-быть и поделити бы выразились и не сказали бы: «ну насъ совѣтъ!» съ перваго разу. Они еще народъ ярмарочный, неотесанный и не привыкли къ европейскимъ раздвоенностямъ нашей с. петербургской литературы и цивилизованыхъ назимыхъ наставій. У нихъ еще пониманье не передается съ означеніемъ собственныхъ именъ, такіе наиримѣръ совѣты, что дескать г. Радину совѣтуемъ не такъ высоко расти, г. Бестужеву-Рюмину совѣтуемъ низаться колесной мазью послѣ бани, или такіе наиримѣръ острооты, что г. Волозову надобно возить воду. У нихъ еще вѣрно не употребляются въ печати такіе печатныя возраженія, какъ наиримѣръ приведенное въ «Экономистѣ» и сдѣланное одному какому-то сотруднику: «Если базобразіе отиѣта отности къ неопределенности мозговыхъ отиравленій автора, то шавологическое составленіе его близко къ идиотизму, еслабы башкирецъ нашъ учился не у муллы на вѣданные гроши; обладатели такой логики посѣждаются въ домъ умалашонныхъ; башкирецъ изъ Белебея можетъ; для разумленія его надобно обратиться не къ печатному слову, а къ другимъ... болѣе чувствительнымъ средствамъ» и проч.

Все это только останется памятникомъ эпохи нашего с. петербургскаго эрроризма, эпоха, въ которую «Современное Слово» украсило «Дню» за то, что онъ ругается съ нимъ по-порядку, и указывало при этомъ на «Journal des Débats» какъ на примѣръ благовоспитанности. «Что дескать скажутъ про насъ европейцы? И ругаются ли

напримѣръ такъ въ де-Деба?» Изъ нашихъ европейскихъ и цивилизованныхъ газетъ «Современное Слово» конечно могло бы узнать, что и не по-народному можно такъ выругаться, какъ и народу иной разъ не снилось. А въ Парижѣ хоть и не ругаются теперь по-нашински, зато ругаются по-своему, даже получше нашего, и кромѣ того, кромѣ ругательства, тамъ въ газетахъ и безъ ругательства напишутъ иной разъ такъ, что стоишь всякій передъ такимъ человѣкомъ. Но впрочемъ что до того какъ скажутъ черногорцы? что намъ и до парижскихъ корреспонденцій? У насъ вѣдь свои дѣла...

Свои дѣла, да и много дѣла! К чему же, к чему, скажите пожалуйста, добровольно себѣ связывать руки теоретизмомъ и исключительностью? Что за отпугное старовѣрство съ обѣихъ сторонъ! Оба изданія почтенныя, достойныя уваженія, и что лучше всего — дѣльныя; и вотъ идетъ между ними такая чехарда, — ужь простите за выраженіе, а вѣдь это ушественная чехарда и больше ничего. «Я дескать люблю человека безъ кожи, а я люблю кожу безъ человека» и т. д. и т. д. А обществу--то какая нужда по всемъ этому, подумаешь! Конечно западничеству не растолкуешь его исключительности низачто; только обругаютъ за это и больше ничего. Съ славянофидами тоже въ этомъ смыслѣ спорить нельзя, все одно что воду толочь. Не за смыслъ собственно этихъ старинныхъ теорій мы теперь и упрекаемъ ихъ. Мы вѣримъ, что эти двѣ наивнѣйшія и невиннѣйшія теперь въ мірѣ теоріи умрутъ наконецъ сами собою, какъ двѣ драхлы ворчливый бабушки въ виду молодого племени, въ виду свѣжей, національной силы, которой онѣ до сихъ поръ не вѣрятъ и съ которой до сихъ поръ, по привычкѣ всѣхъ бабушекъ, обходятся какъ съ несовершеннолѣтней малюткой. Нѣтъ, не этихъ теорій боимся мы теперь, въ настоящемъ случаѣ, а примѣръ худой намъ былъ непріятенъ. Случилось дѣло, ну хотя бы эта подписка (маленькое, большое ли дѣло — вѣдь все равно) — и тотчасъ въ разладъ, тотчасъ надо тянуть въ разныя стороны общество, тотчасъ теоріи тамъ, гдѣ бы надо еще крѣпче соединиться...

ВО ДВОДУ ТЫСЯЧЛѢТІЯ РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ

ВЫШЛО

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ НАРОДОВЪ РОССІИ

Г. фонъ-Паули, действ. члена имп. рус. геогр. общества. Сочиненіе это посвящено е. и. в. государю императору Александру II. Спб. 1862 г.

Это замѣчательное произведеніе, предпринятое авторомъ съ со-трудничествомъ нѣсколькихъ извѣстныхъ ученыхъ, основано на многочисленныхъ матеріалахъ императорскаго русскаго географическаго общества и документахъ министерствъ и административныхъ мѣстъ государства. Текстъ написанъ на французскомъ языкѣ и составляетъ великолѣпный томъ gr. in-folio въ 304 страницы (въ два столбца), напечатанныхъ на отличной веленовой бумагѣ. При текстѣ помѣщены 62 снятыхъ съ натуры хромолитографированныхъ рисунковъ, изображающихъ типы и костюмы всѣхъ племенъ россійской имперіи. Кромѣ того приданы: листъ съ краниологическими рисунками, статистическія и этнографическія таблицы, равно какъ и подробная этнографическая карта.

По изяществу и роскоши изданія книга эта составляетъ рѣдкое появленіе и потому отпечатана въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ. **Цѣна 300 руб. сер.** Обратитесь къ издателю, г. фонъ-Паули, въ Петербургѣ, на Офицерской ул. № 19.

СОДЕРЖАНІЕ

СЕНТЯБРЬ. № 9

Нашъ губерискій день. Введеніе. — I. У пустынькиа. — II. Общъ. — III. На балѣ. — Заключеніе. Н. Щадринъ	5
Соборъ царской богоматери. Романъ В. Гюго	44
Онъ и она. Поэма. А. Павщевъ	119
По поводу нѣкоторыхъ экономическихъ вопросовъ. Свобода тор- говли. Владимира Фукса	130
Въ полѣ. Стих. Ѳ. Берга	178
Воспомяваніе. Стих. Ѳ. Берга	270
Мелочи военного быта. Сцены и очерки изъ записокъ ротмистра Тухина А. Фатъева	180
Изъ путевыхъ записокъ по Амуру. Д. Красильникова	272
О, въ этотъ мигъ, когда весь міръ лжуетъ. Стих. Всеволода Крѣ- стовскаго	292
Изъ Сафо. Стих. Всеволода Крестовскаго	356
Темные углы. I. Выборъ въ деректрисы. — II. Первое знакомство съ темными углами. — III. Убійца. — IV. Груша. А. Ч.	293
Бурсацкіе типы. (Очеркъ второй). Н. Помяловскаго	323

СОДЕРЖАНІЕ ОБОЗРѢНІИ

Явленія современной литературы пропущенныя нашей критикой. Графъ Д. Толстой и его сочиненія. 1) Военные рассказы. 2) Дѣт- ство и отрочество. 3) Юность, первая половина. 4) Записки маркера. 5) Мятель. 6) Два гусара. 7) Встрѣча въ отрядѣ. 8) Люцернъ. 9) Альбертъ. 10) Три смерти. 11) Семейное счастье. Статья вторая. Аполлона Григорьева	1
Два слова о двухъ статьяхъ. Зимній вечеръ въ бурсѣ. Н. Помялов- скаго, «Время», май 1862 г. — Родныя картины. Е. Стопаке- вича. «Современникъ» май 1862 г	28
Замѣтка на одну газетную статью (по поводу польско-русинскаго вопроса). Русина	42
Замѣтка. (По поводу народнаго здоровья). И. Ч.	55

НАШИ ДОМАШНІЯ ДѢЛА. (современныя замѣтки). Благополучно совершившееся празднество. — Тишина и всплески, производимые редакторами и сотрудниками — Воинственный эпизодъ. — Явленія, которымъ не слѣдовало бы переходить черезъ границу двухъ тысячѣтъ — Проектъ г. Федора Орлова. — Каша съ деревяннымъ масломъ. — Взгляды полицейскихъ властей на учрежденіе судебныхъ слѣдователей. — Исковыя дѣла, рѣшонныя безъ апелляцій. — Система сборовъ за проѣздъ по коломенской желѣзной дорогѣ. — Непопулярная зрительная трубка. — Оправданія новаторовъ. — Новый Мортара — Живой остатокъ древности. — Нашъ основный капиталъ. — Обзоръ распоряженій по министерству народнаго просвѣщенія. — Новыя гимназіи: двѣ частныя и три правительственныя. — Повелѣніе объ открытіи морского академическаго курса. — Семейскія школы въ одиннадцати губерніяхъ. — Число уставныхъ грамотъ — Христіанская благодѣтельность. — Наборъ	62
ПОЛИТИКА. Гарибальди при Аспромонте и въ Спеціи. — Описаніе аспромонтскаго нападенія пьемонтскаго войска. — Ранні Гарибальди. — Газетныя толки по этому поводу. — Недоумѣнія правительства. — Правительственныя мѣры. — Итальянскія революціи съ вѣнскаго конгресса. — Пріѣздъ доктора Партриджа. — Письмо императора французовъ. — Донесеніе Партриджа лондонскому гарибальдійскому комитету. — Прусскія дѣла. — Столкновеніе министерства съ палатою депутатовъ. — Защита смѣты министерствомъ. — Отказъ папаты. — Последнія извѣстія. — Поучительность французскихъ газетъ. — <u>Сѣвероамериканская рѣзня.</u> — Сербія. — Австрія	84
Русскій театръ.	117
Славинофилы, черногорцы и визавинцы, самая послѣдняя переписка.	132

ВРЕМЯ

ВРЕМЯ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ М. ДОСТОВСКАГО

№ 10. ^{Ок.} ОКТЯБРЬ

ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА

1862

252858

Одобрено ценсурю. С. Петербургъ, 11 октября 1862 года.

СВОЕ И НАНОСНОЕ

РОМАНЪ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

(посвящается Ивану Захарьевичу Лазареву)

I

Впечатлѣнія дѣтства съ удивительной ясностью сохранила моя память. Какъ часто теперь, когда я просыпаюсь долгие, зимние вечера передъ одиноко-мерцающей свѣчей, мнѣ стоитъ только закрыть глаза, и всѣ эти давно отжившіе, сошедшіе въ могилу образы возстанутъ передо мной, какъ живые... И пойдутъ у меня съ ними бесконечно-долгіе разговоры о прошломъ жить-бытьѣ, и снова переживаетъ сердце и старыя боли и старыя радости.

.....

Какъ теперь видится мнѣ старинный дѣдовскій домъ въ деревнѣ на крутомъ берегу Дона. Здѣсь, въ небольшой комнатѣ, съ окнами въ фруктовой садъ, я впервые увидѣлъ божій свѣтъ. А это огромный залъ, длинный, мрачный, съ узкими готическими окнами; съ высокими, тяжелыми хорами, затянутыми паутиной, какъ флеромъ; съ огромными изразцовыми печами, украшенными эмалевыми рисунками — какъ теперь передо мною. Какимъ холодомъ и сыростью вѣяло отъ него. Позже, много позже, когда я хоронилъ бабу и входилъ въ могильный склепъ, въ памяти моей моментально воскресъ страшный залъ. Я ска-

залъ: страшный. Ребенкомъ я никогда не могъ побѣдить въ себѣ невольное чувство страха, которое болѣзненно заставляло меня вздрагивать и пугливо оглядываться, когда заигравшись въ большой гостиной съ Амшкой, и забывшись переступалъ высокій порогъ. Эмалевые рисунки изразцовой печи развили это чувство до ужаса. По нимъ я учился исторіи вѣтхаго завіта. Каждое утро послѣ чаю, когда меня сильно тянуло въ садъ, двое рослыхъ, оборванныхъ слугъ, на босую ногу, вносили тяжелое волтеровское кресло и ставили его передъ печью. Являлся дѣдъ, суровый старикъ, высокій, худощавый, съ сѣдыми, повисшими на глаза бровями и острымъ какъ у ястреба носомъ. Холоднымъ, безстрастнымъ голосомъ читалъ онъ мнѣ исторію каждаго рисунка. Я тихо повторялъ за нимъ, пугливо оглядываясь и вздрагивая при случайномъ повышевленіи собственного голоса. Исторія Кайна и Авеля наводила на меня ужась. Повторяя за дѣдомъ, я чувствовалъ, какъ холодная дрожь струей пробѣгаетъ по моей спинѣ. Кайнъ съ занесенной рукой надъ братомъ такъ страшно смѣтрѣлъ со стѣны, что проходя залъ, я отворачивалъ отъ него голову и жмурился глаза, боясь взглянуть на него. Мнѣ казалось, что вѣтъ+вождь-онъ сойдеть со стѣны и ранесенная надъ Авелемъ рука упадетъ на меня. Внутренне ободряя себя и жалея побѣдить невольный страхъ, я мѣстными взглядывалъ на печь, стараясь утѣшить встревоженное чувство на погибели злого чараана, но глаза довольно переходили къ Кайну и съ утѣшенными бисоніемъ сердца я ускоренными шагами шолъ на терасу. Выбѣжать изъ залы я никогда не рѣшался. Мнѣ казалось, рискни я бѣжать, тамъ встрѣтятся страшные старики, съ ихъ бѣдыми, длинными по поясъ бородами и исхудалыми, суровыми лицами, бросятся со стѣны за мною. На терасѣ я скоро успокоивался. Съ нею былъ такой чудный видъ на Дошъ. Мнѣ было какъ-то особенно весело бѣгать по аспиднымъ плитамъ, перекидываться на узенькихъ пугунцияхъ перильца, и прищуривъ глаза, долго, долго смѣтрѣть, какъ Захаръ съ Василемъ купаютъ лошадей, пощипывая, шокрикая, перебрасываясь шуточками, перекидываясь ибесонками. Операция купанья тянулась съ бѣлой зори до ночи: рѣдкая была заводь. Вдоволь налюбовавшись лошадками, я чувствовалъ сильное желаніе посѣтить дворъ и садъ. Тоскливо оглядываясь, не подайцетъ ли няня, чтобъ выѣтъ совершить неприятный дѣлъ че-

редъ: повалочный залъ. Но нина была эй-ей какъ тяжела на ногахъ. Весь день она сидѣла на маленькй скамеечкѣ въ дѣтской, лѣгочъ у окна на софийникѣ, зиней у печки и работала, те-е-е! держала въ рукахъ кусокъ ситцу съ веткинутой иглой и дремала: попомогала его носомъ. Понуря голову и растворялъ дверь дѣраствъ, быстро проходилъ залъ и переступилъ роковой порогъ въ востаную, во всѣ лепатки летѣлъ на дворъ. Тамъ тянулось длинныя веревки, съ напизанною, вяленой таранью, котрае: на софийникѣ глядѣла такъ литарно-оочво, такъ ацетивно, что собѣгнуть соблазна было трудно. Ворко высматривала д, нѣтъ ли шестеронного глаза, подкрадывался къ гнущейся подъ тяжестью веревкѣ, и съ помощью палки, добыча была въ моихъ рукахъ. Спрятавъ ее подъ рубашонку, я въ помылахъ бѣжало: въ садъ подъ любимое вѣтвистое деревцо шелковицы и на-ооро принимался за завтракъ, пугливо оглядываясь по-стороннѣ. Услѣди мени дѣдъ:— и тогда прощай послѣ обѣда и дули в сонникъ: Страшное дѣло, зина въ деревнѣ для меня, ребенка, шѣлая болѣе привлекательности. Днень правда мѣй было скучно: Къ дѣду почти никто не ходилъ изъ сосѣдей-помѣщанновъ. Оны нѣлые дни проеживалъ у себя въ кабинетѣ за каменн-то счепанъ съ приказанномъ. Отецъ читалъ вслухъ для матери, которая, постоянно грустная, серьезно занималась вязаньемъ. Я, приваившись въ уголокъ, дравилъ хорошенькую аглицкую собачку. Бабушка нѣлый день или молчалась Богу въ своей крохотной спаленнѣ, или стирала въ кухнѣ и варила кофе, до котораго была страшная охотница. Цѣлые дни, съ утра до вечернего чаю, ее не было слышно, какъ-будто ея и нѣтъ дома. Я горячо любилъ бабушку. Такой безпредѣльной добротей, такой ангельской протостью дышало ея морщинистое, желтоватое лице: Съ такою любовной шржностью ласкала она меня, когда я утравой забѣгалъ въ ея спаленку. Съ лихорадочной торопливостью выдвигала она ящикъ большого комода, приговаривая: «бери голубчикъ, кушай на здоровье». А взять было что. Чего-того только не было въ этомъ ящикѣ: и фиги, и сливы, и орѣхи грецкіе и веходсніе, и винныя ягоды, и много, много всякихъ съветей. Съ жадностью бросался я къ заветному ящику, хватался за то и другое, шѣснольно разъ оставляя сочную фигу для крупнаго грецкаго орѣха, орѣхъ для привлекательно выглядывающаго яблочка съ зарумяненными щечками. А бабушка то-

репливо приговаривала: «бери, голубчикъ, по мѣшкѣй, попо-душка увидитъ», и въ головахъ ея, и въ складкахъ лица: мерзаялся искренній страхъ. Въ эти минуты мнѣ безотчетно жалко было смотреть на бабушку. Я чувствовалъ даже потребность, но всегда ограничивался тѣмъ, что стрелялъ изъ дуло ружью. Мнѣ всегда казалось, что дѣдушка не любитъ бабушку. Онъ часто бранилъ ее при мнѣ. Она прямо выслушивала его жесткую брань, и уйдя въ свое комнатку, горько плакала. Я неразъ подглядывал эти сцены. А бабушка: отецъ любилъ его. И за что она его любить? думалъ я, — когда онъ тайно заой: Ни четвергашъ къ дѣду прѣзжали какихъ-то страшные люди: кь дьянинополыхъ кастанакъ, цѣлый день о чомъ-то долго и горячо разговаривали съ дѣдомъ, потомъ обѣдали за обидицъ столемъ, и низко раскланявшись, уходили: Отталинивающую ювсик: помю одного шѣв няхъ до сихъ поръ сохранила моя память: Довбылъ маленький старичокъ съ рысьими глазками, смѣшной улыбкой, иногда не сбѣгающей съ его губъ, и большими передними зубами, которые онъ выставлялъ какъ-будто на-шокакъ, когда начиналъ смѣяться. Отецъ замѣтно перады былъ этихъ гостей: Онъ быстро шагала въ комнатѣ изъ угла въ уголь и хмуритъ громно барабанилъ пальцами по стѣну. Нерѣдко случалось, что въ эти дни онъ ссорился съ дѣдомъ венашуцку.

Одинъ тяжелый четвергъ особенно памятенъ мнѣ. Погода была невастная. На дворѣ стояла оттепель; свицовыя тучи заволокли все небо. Крупный дождь порывисто хлесталъ въ оконныя рамы, быстро сбѣгая струйками по стеклу. Всѣ домашніе были какъ-то особенно суровы. Дѣдъ былъ замѣтно озабоченъ чѣмъ-то. Въ этотъ день его лицо показалось мнѣ стерѣе обыкновеннаго; блѣдныя, сухія губы повременамъ конвульсивно искривлялись, а густыя, нависшія брови поднимались каждымъ волоскомъ. Онъ обнаруживалъ замѣтное нетерпѣніе. То подходилъ къ окну, протиралъ его платкомъ, и приложивъ глаза, пристально всматривался на вьющуюся къ крыльцу дорожку; то быстро уходилъ въ переднюю, и я слышалъ, какъ онъ отдавалъ приказаніе поспатривать на дорогу, не ѣдетъ ли кто. Мать была особенно грустна, отецъ нахмуренъ; а у бабушки отъ страху лица не было. Она поминутно забѣгала въ свою комнатку, бросалась на колѣни передъ лампадкой божіей матери, клала земные поклоны, съ лихорадочной дрожью нашептывала

свое молчаливо, и при малѣйшемъ шорохѣ тутъ же вскакивалъ. Все утро между ними не было промолвлено слова. Когда убѣжила бабенка Васюшка и дедовъ, что къ дому подѣвкали сани, дѣдъ бросился въ переднюю. Мать съ отцомъ молча переглянулись и потрусились. Минуты двѣ спусти дѣдъ, сильно взволнованный, торопливо принявъ съ знакомыми мнѣ старичками въ кабинетъ, и вполголоса, какъ щелкнулъ ключъ замка. Старички противъ объясненія убѣжали рано. Дѣдъ, поговоривъ о чемъ-то съ отцомъ, ушелъ снова въ кабинетъ и не выходилъ изъ обѣда. За обѣдомъ всѣ сидѣли, какъ въ воду опущенные, не двигались ни до чего. Отецъ кнурился, мать не прерывала всхлипывала. Бабушка была совершенно растеряна. Черезъ полчаса мы убѣжали въ убаюканный городъ. Дѣдъ, какъ и usualъ вслѣдъ, обрвался на подражкахъ и спекуляціяхъ. Глазныи и везничкомъ былъ старичокъ съ рысьими глазками; подаркомъ я его такъ не любилъ.

Но я забѣгаю впередъ.

Зимній вечеръ былъ все ост. Съ пашимъ петербургскимъ дождемъ дался я, когда подадутъ свѣчи. Опрямлено бросился въ дѣтскую, крѣпко обнималъ и цѣловалъ няню, просил ее рассказать какую-нибудь сказку. У няни была дурная привычка долго отпѣкиваться и сердить меня до слезъ; но все-таки безъ сказки вечеръ обойтись не могъ. Боже! съ какимъ сладкимъ замѣреніемъ сердца слушалъ я ея расказы о разбойникахъ и людоедахъ. Холодная дрожь пробѣгала по моему тѣлу, когда веселившю вела неплютно-притворенная ставня. Мнѣ уже чудилось, что злой колдунъ лезетъ въ окно, чтобъ зарѣзать меня и мѣнить мою кровь. Я плотнѣе прижимался къ нянѣ и начиналъ плакать.

— Ну, чего разревѣлся! мнѣ балованный, не стану я тебѣ сказывать.

Но слушая няню, я продолжалъ плакать, крѣпко обхвативъ рученками ея шею. Но только-что успокоивались мои нервы, а слова пристава къ нянѣ съ мольбами и просьбами, цѣлуя ее сухія, морщинистыя руки.

— Я не боюсь больше няни! говорилъ я, стараясь придать спокойствіе моему голосу, хотя чувствовалъ, что сердце бьется учащеннѣе обыкновеннаго, а глаза невольнo устремляются къ двери. Въ сосѣдней комнатѣ огня нѣтъ... тьма страшная... и въ

злой тайный разотроенное воображение уже видела чудовищно-фантастический миръ.

— Озаришь ты этаной, ояитъ на грѣхъ поведеній барачетъ старушка.

Одно малопониманіе навсего няню на грѣхъ, шило на мена негласное дѣйствіе: Я робко притихала. И какъ бы страшнѣе быть разгадъ шни, какъ на силно билось мое сердце, я едва перепада дуть отъ обхварающаго мена ужаса, крѣпился. Я знала что значить навсего на грѣхъ.

Дѣды были злой и горный старикъ. Отецъ не могъ разодушно омишать дѣтскаго шлата, и бѣдной нянѣ часто доставало за мена. Отецъ бранилъ ее такъ громко, что мнѣ становилось спрочно и я еще шумѣ начиналъ рѣзѣть. Въ эти минуты я чувствовала, что няня совершенно бесшумно терпѣть за мена. За что отецъ бранилъ ее, когда шнокитъ я, думалось мнѣ, и я не солгу, если скажу, что такая несправедливость мена возмущала. Мое дѣтское сердце такъ было зло на дѣда, что когда однажды отецъ, сильно раздосадованный, ударилъ няню, мной овладѣло бѣсновато, я хотѣла закричать и не могла: голосъ пересохъ въ гортанѣ. Чувство свое бесшумно, я схватился ручищами за его руку и укусилъ его. Дѣдъ ударилъ мена и назвалъ диволомъ. Съ той поры я болѣе шбѣннаго шноши не слышала отъ него. Съ этого часа моя нелюбовь къ дѣду росла по часамъ. Мало симпатичнаго было въ его личности: его высочая, сутуловатая фигура, строгое дѣсуровости выраженіе лица, холодный какъ сталь взглядъ, тонія, блѣдныя губы, никогда не улыбающіеся, дѣдъ пряди нѣжнѣ желто-золотоватыхъ волосъ на вискахъ нѣвольше отталкивала мена. Мнѣ чудилось, что шнеше такимъ долженъ быть злой волшебникъ, ворующій себя дѣтой на шатракъ, о которомъ такъ часто рассказывала мнѣ няня, и который нѣрѣдко мнѣ снился въ образѣ дѣда. Вскорѣ моя нелюбовь къ дѣду обратилась въ живую ненависть; насколько она доступна незлобивому дѣтскому сердцу. Одно обстоятельство играло тутъ важную роль. Дѣдъ былъ типъ дѣснота-помѣнши прошлыхъ временъ: крестьяне ненавидѣли его и дрожали передъ нимъ. Конечно все это уяснилось для мена гораздо позже. Дворня у насъ, съ которой я вообще былъ дружна, была огромная. Помню, что за обѣдомъ, кромѣ трехъ слугъ въ шатрашнѣныхъ, дырлявыхъ шуртукахъ, прислуживало еще четверо

маленького: не оборванного рубашонкала, ни босую ногу! Я не мог не заметить, какъ были блѣды нѣхъ лица, какъ ходили ходили эти руки, когда она наляглась изъ кухни съ тарелками и блюдами. Рѣдкій обѣдъ обжидаясь быть того, чтобы кто-нибудь изъ прислуги не противилъ дѣда своему малолетству. Носили за Мещарычевъ дворецкиня, носили шарманщица и сладко-улыбающийся стариконь, а Васюку послѣ обѣда въ конюшню, обжидая дѣла и чагѣть обѣдъ шоль своимъ трудомъ. Чолово Васюка блѣдѣлъ какъ полотно и весь обѣдъ не рѣдужалась съ него на ногу, какъ будто стоялъ на раскаленной плитѣ. Счастлива я смутно понимала, зачѣмъ приходить въ конюшню; кола сердце мое фидкавывало нѣтъ, что тутъ: красота что-то недоброе. И какъ не подстержало меня мое дѣтство: злобность, а не шлѣги случая выражали изъ дому; послѣ обѣда мѣтр съ отцомъ уводили меня съ собою въ постелю, засыпали меня съ Арешкой, а сами разговаривали. Не одинъ случай объяснилъ все. За обѣдомъ мой любимчикъ Костя, подивив тарелку дѣду; громко пишуть. Дѣдъ желалъ за Масквичемъ и принималъ ему отности Костю въ каретникъ. Мое сердце бѣдливоше билуло, чья что-то недоброе; притомъ отъ меня не могъ ускользнуть улыбающійся взглядъ матери, устремленный на дѣда; особенно хмурое лице отца, до того времени веселое! Онъ не дотронулся ни до одного блюда и весь обѣдъ барабанилъ пальцами по тарелкѣ. Набушка, забывно расторопан, дѣла не шарапа глазами. Все это случалось и прежде, но не брсалось такъ рѣзко мнѣ въ глаза. На этотъ разъ странное душевное безпомощство: провоза говорилъ нѣтъ, что съ Костей; хотѣть сдѣлать что-то злое.

Только-что мы встали изъ-за стола и ушли въ постѣлю, а на могъ продолжать своего зловоннаго любопытства и замѣтно взволнованный, присталъ къ матери съ вопросомъ, зачѣмъ отъшли Костю въ каретникъ.

Мой вопросъ смутилъ ее, она всихнула; но скоро оправдалась и Дѣдушка кочетъ его поборнить немножко; отвѣтила она спокойнымъ голосомъ, быстро отвернулась и подошла къ разстоянному окну, облокотилась на подоконникъ.

— Ступай играть на терасу! сказала, отходя съ запытой-то речью въ голоу.

Я почувствовалъ, что отъ меня что-то скрываютъ, и шной

ошдѣло непреодолимое, нѣрѣе сказать, болѣзненное любов-
ничество. Узнать что дѣлается въ каретникѣ. Я бросилась со
всѣмъ ного на балюсть. Пробѣгалъ независимый мнѣ заль, и не-
вольно вскакинулъ на противную печь и мнѣ показалося, что надъ
Авдѣей съ возмущенной рукой стѣять уже не Жанья, а дѣдушка.
Сгрузилъ я и сорокатымъ выскокылъ на терасу. Нижняя синева
неба, яркая зелень дубовой рощи по ту сторону Дома, легкій,
гармоническій плескъ воды въ моментъ прогнали мой стрекъ.
Я подбѣжалъ къ сорокатымъ съ непреодолимымъ нагѣроникомъ спу-
ститъ на землю и махнуть черезъ дворъ въ каретникъ. Но
горе! Балюсть путь не на самомъ надъ землею. Прыгать и ма-
уѣбалъ. Вообще я былъ нервный, горячій, но смѣлый и неловкій
ребенокъ. Мои ошкѣй зачинались мало, и впоследствии я по-
чудилъ, какъ мой духъ все дня въ день разрушалъ со. Въ это
ошкѣе время, какъ я съ тоскливой безразличностью несмотрѣ-
нать ошкѣе, мимо балюста проходила Михѣй кучеръ. У дѣду-
ошкѣе были Михѣй коняръ и Михѣй столяръ. Гавриль у насъ
было десять и всѣ должны были помнить свои номера. Савѣ
дѣдъ называлъ ихъ по номерамъ и никогда не сбивался. Михѣй
кучеръ, съ виду суровый, былъ предобрѣйшее созданіе. Все
дворовые любили и уважали его. Подшутить надъ старикомъ
Михѣемъ, значило раскнутъ и своей репутацией и своимъ бо-
каши.

Михѣй любилъ меня, часто урядкой отъ дѣдушки сажалъ
на лошаду, вода со подъ уадамъ одной рукой, а другой придер-
живая меня.

— Михѣй, голубчикъ, золотой мой, спусти меня! кричалъ я.
Михѣй подошолъ.

— Что ты намѣть! На што тебѣ, али мало мѣста у дѣму.

— Михѣй, душенька! Хочется посмотрѣть что дѣдушка дѣ-
лаетъ въ каретникѣ.

— Нечего тебѣ тамъ смотрѣть! сказалъ Михѣй, сильно на-
хмурилъ брови и пошолъ было отъ крыльца.

— Голубчикъ, Михѣй! просилъ я, чуть не плача: — спусти
туда Костю отвѣла... Михѣй, золотой мой!

Михѣй остановился, сосредоточенно почесалъ въ сатылнѣ,
нахмурился еще прежняго, и протянувъ ко мнѣ руки, сказалъ:

— Ползай черезъ перило, да держись покрѣпчай.

Черезъ минуту я стоялъ уже на землѣ. Сгрѣмой облетѣлъ

домъ и очутился на дворѣ. Что-то шелкнуло подъ моею ногой, и съ ужасомъ отпрыгнулъ. То была жаба (*). Трудно выскazać силу такоу бессознательнаго отвращенія, которое я чувствовала въ отношеніи, чувствуя и теперь по вѣкъ возмущенныя и мучительныя мысли. Быть ихъ издали каменьями было истиннымъ наслажденіемъ своимъ. Подойти ближе не квадале воли. Я схватила камень и уже размахнулся было, какъ страшный воякъ изъ перетяжка заставилъ меня оцепенѣть на минуту. Я узнала голоса Кости. Дрожь вѣсьмъ гнѣвомъ отъ новаго, неизявимаго мучительства, которое мгновенно обхватило все мое существо, и бѣгомъ подошла къ перетяжку и остановилась въ нерешимости: но какъ-то внутренняя сила толкала меня, и я бѣгомъ проскользнула въ непотное притворенныя ворота. Глазѣ мои пролетѣли возмутительная сцена: два столбра, Михай старшій и Михай младшій наказывали Костю, а дѣдъ съ невозмутимостью спомоществомъ, покуривая въ маленькой трубочкѣ, наблюдал притомъ. Злость и скорбь схватили меня за горло: Я, сокровенно, какъ укушенный и бросила къ дѣду.

— Дѣдушка, престите! Едва могла я выговорить, задышавшись отъ слезъ и волненія.

— Ты какъ сюда попалъ, дьяволенокъ, закричалъ дѣдъ, затопавъ ногами: — а вотъ тебя выхлѣстѣ съ Костыкой!

Я не переставала рыдать и просить дѣда.

— Отвести его домой! вотъ я ему дамъ ушко на орѣхи, обратилась дѣдъ къ Михай старшему. Меня хотѣли взять, но я вырвался. Злость закинула во мнѣ.

— Костя, Костя! бѣги отъ нихъ! кричалъ я неистовымъ голосомъ, силясь заглушить собственнымъ крикомъ то, что творилось у меня на душѣ. — Злой! злой! людоѣдъ! кричалъ я вслѣдъ, указывая пальцемъ на дѣда.

— А, такъ ты такъ! Дѣдъ вскинулся и съ ослѣпительной отъ гнѣва глазами вешель на меня.

Что со мною сталося — сказать не умѣю. Бѣшенство овладѣло мной. Я-бъ желала убить дѣда, — такъ гадко и противно мнѣ было мнѣ въ настоящую минуту. Не знаю какъ случилось, что камень приготовленный для жабы, полетѣлъ отъ дѣда и попалъ ему въ плечо.

(*). Порода лягушекъ сибирско-казахской губерніи.

...и осмыслила въ своей прелесть — большой, возвышенный стол — бабушки и матери, оба съ заплаканными глазами. Бабушка беспрестанно склонялась надо мной, прищипывала что-то въ плечевую лямку; одновременно сиротливо вскидывая лицо иерданской водою, шептала: мой дядь, глаза, щипки; всяма днй въ руки слабуку-булачку, приговаривая: «Кушай, реченский, серебряный, бриллиантовый, кушай, не обѣдалъ видь, — шипи какъ жаулудочка отецаль.» И она ошупывала съ сосредоточеннымъ вниманіемъ мой жаулудокъ. Я преложала ибсать. Бабушка и мать поочередно не отходили отъ моей постели. Отецъ тоже нащипывалъ шею. Я не умывала его: такъ онъ перемѣнялся въ короткое время. Его доброе, всегда улыбающееся лицо было сурово; притивъ обнаженности, а ласковые голубые глаза пришли смилый отгнотокъ и смотрѣли некорешо. Забѣтые что-то тревожило себя. Имена не покидала меня ни на часъ. Въ первое время болями съ мной дѣлались странныя припадки. При малѣйшемъ заблещѣ мой живо представлялась сцена съ Костей; странный испугъ схватывалъ меня, и сознавала съ постелью я звала на помощь и мать и отца, умоляя спрятать меня отъ дѣда. Малѣйшій стукъ двери заставлялъ меня всдратнеться. Въ вечерней тишинѣ вполне притворенной стивни мой видѣлся дѣдъ. Даже дворянъ, когда я была окружонъ своими, и до меня случайно долетала изъ палы грѣшій голосъ дѣда, шепъ дѣлалось дурно а я шала въ обморокъ. Болеши возвышала свое дѣйствіе: я стала быстро разиваться. Всѣ окружающія меня лица предстали теперь не радонней съ шиломъ, долотомъ незнакомомъ мнѣ себя. Не по днямъ, а по часамъ умолилась мнѣ ебра, въ которой я жила. Ишоя комната, а няня, и дѣдъ, и отецъ, и мать, и бабушка, везеги длинный, мрачный залъ, и вѣчно плещущій Дошъ, и кушетка Мишей, и рѣз, и все... все получило для меня новый смыслъ; все вдругъ взглянуло мнѣ въ глаза въ выськъ, оше невидомая мнѣ образиль. Все вокругъ меня и по мнѣ зажило новымъ жизнью. Я стала сильно задумываться по цѣлымъ часамъ. Это испугале редннмъ. Не могла ли я не задумываться, когда изнутри моего недвильнаго шило-то: вопросы, и отвѣты, и шипо-то: видѣся; каккихъ я прежде и не слышалъ и не подозревалъ ихъ существованія. Отецъ сегодня вошелъ въ комнату грустный, у меня на сердцѣ нехорошо стало. Въ головѣ неуловимо дряхлеть ведрость,

отчего онъ грустенъ, дѣдушка не обидѣлъ ни, не болѣвъ ли онъ? И онъ уже родился отъ вопроса, и отчего онъ такъ мучительно радуется въ сердцѣ. Не прикидалъ же онъ съ прежнего время. Увидишь бывало папу невеселымъ, только и мелочливо къ головѣ: да па сердитъ сегодня, не буду шалить, а то бранить будетъ. И не спрашивалось отчего папа сердитъ. Бабушка придетъ съ заплаканными глазами, — опять вопросъ, — о чемъ она плачетъ. Дѣдушка обидѣлъ, инстинктивно, но, вѣрно поделкажетъ сердце. Да она смиренная такая, за что ему сердиться на нее? Опять спрашивается головка. Сердце молчитъ, не даетъ отвѣта, — и задумалась головка. Встанешь съ постели, подойдешь къ окну посмотреть какъ солнышко поднялось, какъ оно замраетъ въ рѣкѣ и рыба замолчитъ, а Михѣй уже лошадокъ купаетъ. Что это Михѣй цѣлые дни лошадокъ купаетъ и праздникка нѣтъ у него. Вонъ дѣдушка и спитъ послѣ обѣда, и на охоту ѣздитъ, и въ гости такъ же, а Михѣй все лошадей купаетъ. Скучно я думаю ему, хочется и погулять, а нѣкогда, а дѣдушка еще третьяго дня бранилъ его, лѣнивымъ называлъ. Страшно это, и заработала голова. Марью скотницу дѣдушка наказалъ за то, что голосъ у нея грубый. Да чѣмъ она виновата, вѣдь Богъ за такой создалъ. И много-много еще кое-чего уяснилось мнѣ изъ прежняго туманилаго. Постоянная грусть матушкин, озабоченное лицо отца уже не проходили для меня безъ тревожнаго отзвука въ сердцѣ на эту грусть. Дѣду въ все время моей болѣзни ни разу не заглянулъ въ мою комнату. Самолюбивый старикъ не могъ простить своимъ онеротѣлимъ сердцемъ долготерпѣливость мальчишки, какъ онъ называлъ мой поступокъ въ каретникѣ, притомъ отецъ весь былъ погруженъ въ свои аферы, которыя разразились уже знакомой катастрофой.

Мы перѣехали въ сосѣдній городъ, гдѣ отецъ получилъ мѣсто. Прозовы носили тяжелый характеръ. Отецъ и мать какъ будто забѣгали, встрѣивъ съ дѣдомъ до послѣдней минуты. Отецъ куряще обмыливанга, крупными шагами ходилъ изъ угла въ уголъ зала. Матушка безъ всякой видимой надобности разъ десять забѣгала въ кухню, изъ кухни въ дѣвничью и опять въ кухню. Ничего не приказывала, а такъ, зайдетъ, постоитъ на одномъ мѣстѣ какъ-будто что-то принимающая и уйдетъ. Дѣду съ ранняго утра скрылся изъ дому. Когда я выбѣжалъ на дворъ, мать, невольно ударила, какая-то пугливая, странная, устал-

вѣсть дворян. Попадавшіеся навстрѣчу люди были на себя непохожи. Они какъ-то боязливо озирались на сторовахъ, шептались между собою, быстро скрываясь въ людскую и такъ же быстро снова показываясь.

— Дядя Елизаръ, а дядя Елизаръ!.. кричала въ полголоса высунувшаяся изъ кухни ключница, завидѣвъ выходящаго изъ каретника кучера.

— Ну что, былъ?

— Былъ!

— Зачѣмъ приходилъ?

— Извѣстно зачѣмъ, — сердце сорвать... Митриѣ въ сарай отвели.

— Охъ-ти господи, мать пресвятая богородица, со вздохомъ произнесла на-распѣвъ ключница и перекрестилась.

— Поди и въ погребъ-то ко мнѣ заглянеть.

— На всѣхъ достанеть. Мы съ Михѣемъ три вороха въ сарай оттащили.

— Больно ужъ люте сегодня.

— Охъ! укроти его милосердая заступница, и ключница снова перекрестилась.

Въ эту минуту въ сарай раздался пронзительный вопль.

Я вздрогнулъ. Все стало ясно. Опрометью бросился я въ комнатку бабушки: она сидѣла въ уголку, на коврикѣ, очень встревоженная, съ заплаканными глазами. Передъ ней на колѣняхъ стоялъ Васютка, громко всхлипывая и съ трудомъ прожевывая кусокъ сдобной булки, половина которой крѣпко была стиснута въ его рукѣ.

— Кушай, Васюточка, кушай на здоровье... Вотъ тебѣ еще шанечка сдобненькая, сама пекла: кушай, не плачь... Ты не сердись на Ивана Григорича... грѣшно тебѣ сердиться на него. Охъ и побьетъ, охъ и помилуесть... не сердись... Васюточка... смирись... Господь грѣхъ на томъ свѣтѣ съ души сниметь... На тебѣ еще булочку, кушай на здоровье... И бабушка совала ему въ руки сдобную булку.

— А больно охъ тебя поѣкъ; спросила она со слезами въ голосѣ.

— Больно! всхлипывая отвѣтилъ Васютка, едва перемалывая хлѣбъ.

— Охъ ты голубчикъ мой. Знаю я его, люте охъ въ гнѣвѣ.

Охъ господи, господи! прости и помилуй мя грѣшную... На тебѣ яблочко... Ступай съ богомъ, да не сердись на Ивана Григорича... Добрый онъ баринъ... Охъ, добрый-то какой... Это онъ въ сердцахъ только... Охъ господи, господи...» До самаго завтрака я просидѣлъ у бабушки на колѣняхъ. Сколько она мнѣ гостинцевъ понасыпала въ карманы. Какъ долго горѣли ея щеки на моихъ щекахъ. А сама горько заливается, да приговариваетъ что-то въ полголоса. Въ этотъ день она и кофе не пила. За завтракомъ никто почти не дотрогивался до кушанья. Дѣдъ противъ обыкновенія говорилъ много и говорилъ одинъ. Вотъ его рѣчи были новы для меня. Началъ онъ тихо да протяжно, такъ что мнѣ сейчасъ вспомнился отецъ Селифанъ, когда онъ говорить проповѣдъ великимиъ постомъ; но вскорѣ голосъ его сталъ громче и громче, жесты отрывочнѣе, а кончилъ такимъ страшнымъ голосомъ, что я любилъ. Позже, когда я юношей плакалъ, слушая проклятія театральнаго отца, заѣзжей труппы, мнѣ вдругъ вспомнился прощальныйъ завтракъ и рѣчи дѣда. Онъ говорилъ, что гордость и непочтеніе къ родителямъ — грѣхъ смертный, что Богъ наказываетъ ослушниковъ и въ сей и въ будущей жизни, и началъ рисовать картину страшнаго суда такими яркими красками и въ такой подробности, что она съ той минуты всецѣло засѣла въ моей головѣ, и часто, когда на меня падала безсонница и жаръ обхватывалъ голову, — эти раскаленные плиты, огненные рѣки, трехглавыя эфіоны съ шучьими зубами, такъ живо возставали въ моемъ воображеніи. На первый разъ я слышала исторію страшнаго суда; но никогда она не производила на меня такого впечатлѣнія. Дѣдушка, когда былъ сердитъ и хотѣлъ напугать кого, всегда гремѣлъ страшнымъ судомъ. Для большаго впечатлѣнія онъ иногда на почившии рѣчи останавливался, уходилъ въ кабинетъ и приносилъ оттуда большую картину страшнаго суда. — Вотъ, смодри! Не я выдумалъ, говорилъ онъ основному и въ голосѣ его звучала такая обязательная сила, что бабушка блѣднѣла и крестилась, я дуглаво оглядывался во сторонамъ какъ-будто прося заступиться, и боясь, что вотъ-вотъ потянуть меня лизать раскаленные плиты, за то что солгалъ, сказывалъ, что не обрывалъ тарани. Только отецъ невозмутимо спокойнѣе смотрѣлъ на дѣда, и на губахъ его мелькала страшная, грустно-шутливая улыбка. Стали прощаться. Мать поцѣловала у дѣда руку и заплакала. Онъ перекрестилъ ее, поцѣ-

ловалъ въ лобъ, и лице его судорожно искривлялось. Мнѣ показалось, что ему хочется заплакать, но онъ преодолеваетъ себя. Бабушку чуть не помертвную сняли съ шеи матери. Тарантасъ тронулся. Мать всхлипывая высунулась изъ тарантаса и махала платкомъ, пока дѣдовскій домъ не исчезъ изъ виду. Но мнѣ вдругъ стало какъ-то особенно весело.

— Мамаша, мамаша: жолтинькая птичка! мамаша, смотри какая лошадка маленькая!.. Что это... а? вонъ блеститъ; какіе камушки, кричалъ я въ восторгѣ, подпрыгивая въ тарантасѣ и указывая на встрѣчающіеся предметы. Свѣжимъ благодатнымъ воздухомъ повѣяло на меня. Всѣ предметы заиграли въ розовомъ свѣтѣ, хоть день былъ блѣдно сѣревинкій. Мнѣ бы хотѣлось выпрыгнуть изъ тарантаса, прокатиться колесомъ по зеленому дугу, поймать кузнечика, бабочку, птичку и посадить ихъ въ тарантасъ. Но случайно встрѣтившись съ заплаканными глазами матери я вдругъ присмирѣлъ. Тяжелое чувство шевельнулось въ сердцѣ.

Въ городѣ настала новая жизнь. Всѣ какъ-будто ожили. Я не узнавалъ отца и мать. Онъ пересталъ хмуриться и лице его развѣяло такой широкой, добродушной улыбкой, что на душѣ становилось сладко и хорошо, когда онъ поглядывалъ мятенымъ взглядомъ своихъ кроткихъ, голубыхъ глазъ. Матушка тоже встрепенулась и зашебетала какъ птичка, у которой разрывали шуты свивывающія ея крылья и ножки. Ея звонкій голосокъ весело зазвучалъ въ нашемъ маленькомъ домикѣ. Съ раннего утра она на посахъ. Обѣгаетъ весь домъ, погребъ, кухню и все напѣвая какія-то пѣсенки. Няня, няня! вѣдь какая мама стала! у дѣдушки она другая была! сообщалъ я нянѣ, удивленный живостью и рѣзвостью матушки, постоянно молчаливой въ домѣ дѣда. О себѣ и говорить нечего! Правда немножко жаль мнѣ было деревенскій домъ, гдѣ протекли первыя, свѣтлыя лѣта дѣтства; но меня утѣшало, что городъ отстоялъ недалеко. Тамъ обѣжалъ тотъ же тихій, синій Донъ; въ нашемъ небольшомъ домикѣ не было этой странной печи съ Кайномъ. Суровое лицо дѣда не смущало моихъ дѣтскихъ игръ. Съ городского вала, усѣяннаго чугуными заржавленными пушнями, растлалась такая необорымаемая безконечная даль, зааначивающаяся темнос-

ней полосой... то виднѣлись кавказскія горы. А пушечный дворъ! О мой милый пушечный дворъ, никогда я тебя не забуду! Удивительная вещь дѣтство: сколько грандіозныхъ образовъ, поразившихъ насъ въ дѣтствѣ, сгладится съ лѣтами, какая бездна иловитыхъ огорченій и свѣтлыхъ радостей забудется надолго, навсегда быть-можетъ, не оставая и блѣднаго слѣда, а какой-нибудь предметъ, повидимому до того безъинтересный, что и недѣлю помнить-то его не стоитъ, всецѣло живетъ въ воспоминаніи. Засадеть въ душу такъ крѣпко, что не выживутъ его ни бури, ни грозы, ни ясные дни послѣдующихъ лѣтъ. Что было пріятельнаго въ этомъ пушечномъ дворѣ, а зажмурь я глаза,— и вижу себя снова ребенкомъ въ холстинковой рубашечкѣ и кожаныхъ башмачкахъ. Со мной Барбоска, мой неразлучный спутникъ. Вижу огромную площадь, обнесенную казармами изъ сѣра-желтаго цвѣта. Площадь усыпана мелкимъ разноцвѣтнымъ щебнемъ изъ сосѣдней рѣчки. Тамъ и сямъ брилліантами блестятъ на солнышкѣ кусочки разбитыхъ стеколъ. Тяжелыя бомбарды петровскихъ временъ съ затѣйливыми цапфами, въ видѣ птичекъ, дельфиновъ, львовъ, какъ-то сердито смотрятъ съ своихъ бревенчатыхъ полусгнившихъ стоекъ; только ярко зеленый мохъ, пробивающійся между бревнами, смягчаетъ мрачный колоритъ. Кучи ядеръ, симметрично сложенныхъ въ пирамиды, привѣтливо доседаются на солнцѣ. Стая воробушковъ весело чирикаютъ передрыгивая съ ядра на ядрышко. Вспокоенныя галчата кричатъ, широко раскрывъ свои желтенькіе ротки и высунувшись голенькими шейками изъ гнѣздъ, которыхъ было много между стоекъ. А солнце такъ привѣтливо обливаешь своимъ задорно-веселымъ свѣтомъ и черепичныя крыши казармъ, и чугунныя пушки, и ядра, и меня, что чудо какъ хорошо чувствуется на сердцѣ. Въ какомъ-то сумашедшемъ экстазѣ вскочишь верхомъ на Барбоску и въ приливъ задорной веселости понесешь страшную личь. Барбосенька, бабосенька, бабосенька, велосенька, холосенька. И развѣ ужъ на какомъ-нибудь крайне вальдномъ ласкательномъ вдругъ разразишься здоровымъ смѣхомъ, самому станетъ смѣшно и стыдно, а Барбосъ повернетъ свою косматую голову, жмуритъ глаза и точно смѣется, кажется вотъ-вотъ скажетъ: экую брать чушь-то ты несешь, и нестыдно тебѣ! Я брать собака, а такой штуки не скажу.

— Не сердитесь бабосенька, мы впередъ будемъ умень-

кими. Не станемъ глупостей говорить. Пойдемка искать карточекъ... Маршъ!.. и взапуски мы летимъ по двору къ ядримъ. Перероемъ всю землю вокругъ и боже-мой сколько радости, когда отыщется заржавленная карточка. Выпросишь у мамаша коробочку, у няни изъ салопа вытащишь кусокъ хлопчатой бумаги, уложишь карточку какъ мама укладываетъ свои бриллиантовья серьги, и носишься съ коробочкой цѣлый день. А какое роскошное дерево шелковица стояло въ углу пушечнаго двора. Сюда подъ его зеленыя пушистыя вѣтви я прибѣгала съѣдать свои лакомства, которыя мнѣ казались несравненно вкуснѣе и слаще, чѣмъ дома. Какъ теперь вижу: сижу я съ Машенькой подъ его широкою, прохладною тѣнью. А... Б... произносить она своимъ серебристымъ голоскомъ, а тоненькій, бѣленькій пальчикъ, съ яркоглубыми жилками, указываетъ въ книгу. А... Б... повторяю я за ней, а самъ думаю: какая хорошенькая эта Машенька, когда улыбается и у ней на щечкахъ заиграютъ ямки. Вотъ у другихъ нѣтъ такихъ ямокъ. Ну чтоже? Б! говорить Машенька полусердито, замѣтивъ, что мои мысли далеко. Б! повторяю я, смотрю на В, и мнѣ становится ужасно смѣшно, что оно такое пузатое.

Милая Машенька! тебѣ я обязанъ, что казенное выраженіе «корень науки горекъ», не имѣло и не имѣетъ для меня никакого смысла. Легко мнѣ далась книжная мудрость. Помню какъ сильно вдругъ захотѣлось мнѣ учиться. Помню то лихорадочное нетерпѣніе, то сладкое замираніе сердца, когда я впервые перевертывалъ купленную азбуку и впивался въ эти темныя, загадочныя для меня строчки черныхъ фигуръ, называемыхъ грамотой. А какой чудный свѣтлый былъ день, когда мнѣ купили азбуку. На бирюзовомъ небѣ ни облачка, солнышко такъ ярко играетъ, что только потянешь къ нему голову и чихнешь! и весело становится. Мы съ Машенькой чинно рядкомъ выступаемъ впереди. За нами папа съ мамой и Петръ Герасимычъ (отецъ Машеньки). Что за чудесный, что за веселый человекъ этотъ Петръ Герасимычъ. Вѣчно у него шуточки да прибауточки. Какъ начнешь бывало что рассказывать, — лицо хмурое, глазомъ не моргнетъ, а всѣ такъ и заливаются со смѣху. Чуть не каждый вечеръ бывалъ онъ у насъ — его считали за родного. Но вотъ и ярмарка показалась. Народу-то, народу — ужасъ! Шумъ, говоръ... Бабы все такія нарядныя, свитки бѣлыя какъ свѣтъ се-

ребромъ отливаются на солнцѣ; на головахъ красные платочки, огнемъ горять... Чудо какъ весело!

— Папа мнѣ книжку купить, говоритъ Машенька.

— А мнѣ лошадку, говорю я, подпрыгивая отъ удовольствія.

— Ахъ Володя, какой ты смѣшной! говоритъ Машенька и мячки заиграли на щечкахъ. — Право смѣшной. Такой большой и въ куклы играешь. Ты лучше попроси папу книжку купить... Вонъ Петя меньше тебя, а какъ онъ попрыгунью-стрекозу расказываетъ.

Я вспыхнулъ отъ досады.

— Я вотъ... я... вотъ... сдѣлаю съ Петей штуку.

— Что ты съ нимъ сдѣлаешь Володя?

— Я... я... прибую его! Сказалъ я взволнованный и приобрился. Вотъ дескать какой я молодець, — любуйся Машенька!

— За чтожь ты его прибьешь, Володя?

— За то, чтобъ онъ не расказывалъ тебѣ стрекозу. Я знаю зачѣмъ онъ расказываетъ, я все знаю, проговорилъ я уже болѣе печальнымъ голосомъ.

— Зачѣмъ же, Володя?

— Чтобъ ты его больше меня любила, не сказала, а прошептала я чувствуя какъ краска стыда бросилась въ лицо.

— Какой ты смѣшной Володя!.. Ай-ай! смѣшной ты какой.

— Я захочу, я лучше его раскажу... я... я... возьму да и выучусь чвтать. Я Мартышку, я все выучу, я скоро, — въ одинъ день; расхвастался я.

Отецъ удивился и видимо обрадовался, когда я на ярмаркѣ рѣшительно объявилъ, что лошадки не хочу, а хочу азбуку. — Азбука куплена: Славная была азбука, съ картинками надъ каждой буквой. Самая забавная представляла какого-то господина съ растопыренными руками и шапкой на затылкѣ, что меня очень смѣшило. Подпись гласила: Р. разсѣянный. Самая внушительная гласила: Г. генераль... нарисованъ былъ какой-то господинъ съ плечами поднятыми до ушей и въ шляпѣ съ султаномъ. Такъ вотъ они какіе генералы! я задумывался надъ картинкой... Ишь какіе, славно быть генераломъ. Что я тутъ находилъ славнаго, незнаю. На другой же день я присталъ къ отцу: хочу да хочу учиться; а въ головѣ одна мысль — постой братъ Петя, погодимъ еще! Матушка показала мнѣ азбуку и я занялся горячо.

Бда нейдетъ на умъ, пущечный дворъ забыть; одно въ головѣ: какъ бы выучиться поскорѣй читать.

— И смѣшная эта Машенька какая!.. думалъ я. Петю хвалить, и за что? Второй годъ учить стрекозу, выучилъ, велика важность. Я вотъ, я... Весь вечеръ просидѣлъ я въ своей спальнѣ, распѣвая А... В...

— Умница золотой мой! Умница! поощряла няня, штопая чулокъ и поклевывая носомъ подъ мое монотонное чтеніе.

— Няня, я теперь знаю, да боюсь какъ бы къ завтраму не забыть.

— Зачѣмъ забывать, золотой мой, не надо забывать. — Охъ мати пресвятая богородица! Няня зѣвала и крестила ротъ. А ты золотой мой, перекрести книжечку на ночь да подъ головку и положи. Ангелъ—то хранитель и сохранить въ памяти.

Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Всю ночь мнѣ лезли въ глаза буквы. Проснулся и первая мысль не забыть ли, — за книгу — все помню. Ахъ какая няня, все она знаетъ. Съ торжественнымъ лицомъ явился я къ матери и прочелъ азбуку. Восторгамъ конца небыло. Умница ты у меня будешь, сказалъ отецъ и погладилъ по головѣ. Ухъ, какъ хорошо на сердцѣ стало.

— Я мамаша къ Машенькѣ схожу, говорилъ я матери быстро глотая чай и чуть не даваясь булкой.

— Сходи, сегодня ты умница, и мать улыбулась.

Никогда еще я не бѣгалъ такъ быстро, какъ теперь бѣжалъ къ Машенькѣ. Книжка торчала изъ кармана.

Машенька была въ садикѣ. Какъ сумасшедшій подлетѣлъ я къ ней и вдругъ срѣзался. Она возилась у грядки вывѣтъ съ Петей. Мое полное блаженство было нарушено. Неприятное чувство отозвалось въ душѣ.

— А, Володя!.. иди копать грядку.

— Машенька, пойдите къ калиткѣ, мнѣ вамъ нужно сказать что-то.

— Что такое? а?

Мы очутились у калитки.

— Я азбуку выучилъ, сказалъ я и вспыхнулъ.

— Ты обманываешь Володя.. Всю азбуку нельзя такъ скоро выучить.

— Всю! ейбогу, хоть спросите. Вотъ и книжка, и я полезъ въ карманъ.

— Шу прочитай Володя.

— Я при Петѣ не стану. Пойдите на пушечный.

— Пойдемъ! Ахъ какой ты умный Володя! Въ одну минуту всю азбуку выучилъ!

Мы бѣгомъ пустились черезъ площадь. А. Б. В. произносилъ я на память едва пспѣвая за Машенькой. Она вакинувъ ко мнѣ головку лукаво улыбалась и летѣла какъ вѣтеръ.

Шли не долго, а жаръ мой не остывалъ. Я такъ затанулся въ чтеніи по складамъ, что все остальное было забыто. Отца кажется начинало тревожить мое неестественное прилежаніе.

— Будешь тебѣ съ книгой сидѣть... Побѣгай, окажется еще раза два на дню.

— Не конется пошешка, отвѣтища, а самъ за склады, а въ головѣ одна мысль: воскорѣй бы до стишковъ добратъся, что въ концѣ книги, тогда посмотримъ, что скажетъ Петя. И начнешь считать сколько листочковъ осталось. Наконецъ настала давно желанная минута. Наканувъ съ особеннымъ рвеніемъ выучилъ послѣднюю страничку до стиховъ. Ложась спать не разъ, а десять перекрестилъ книжечку, укладывая ее подъ подушку, и сладко заснулъ съ веселою мыслію, что завтра мама стихи дастъ учить. Просыпаюсь: въ комнатѣ какъ-то особенно свѣтло, на душѣ весело, а по всему тѣлу особенно пріятная бодрость разлита. Соскочилъ съ постели къ окну. Господи! смѣгъ, смѣгъ! запрыгалъ я какъ сумасшедшій въ восторгѣ, глядя на обширный дворъ, застланный толстой пеленой смѣга, который отливалъ серебромъ на солнцѣ.

— Кукуреку! закричалъ я, прыгая козликомъ по комнатѣ, совкачиль на кровать и перекувырнулся черезъ голову.

— Что съ тобой? и за этииъ вопросомъ смѣхъ.

Въ комнатѣ стояла мать.

— Смѣшка Богъ послалъ мамаша, и стихи сегодня будемъ учить, проговорилъ я не много сконфуженный, оправдываясь въ своей излишней рѣзвости.

— Пора вставать, — унывайся!

— Я мамаша смѣгомъ умоюсь: Няня сказывала, кто первымъ смѣжкомъ умоется, бѣленькимъ и хорошенькимъ станетъ. А самъ лодумалъ: а Петя вѣрно вернаеть этого. Няня ему неспазывала. И въ глазахъ мелькнулъ образъ Машеньки.

Наконецъ, о радость, стихи выучены. Сама мамаша выбра-

ла, говорить умные стишки. А Петя-то умильть стишковъ не знаетъ. Я виѣ себя отъ восторга. Такъ вотъ и подмиываетъ меня побѣжать къ Машенькѣ и проговорить ей. А мамаша останавливается, говоритъ лучше сказать ей стишки въ день рожденія, всего три дни подождать. Ахъ какіе скучные да долгіе эти три дня. Когда они пройдутъ. Господи! Наканунѣ Машенька пришла, просить у мамашы отуустать меня завтра на цѣлый день. Ухъ! какъ весело-то! Какъ бѣсъ передъ заутреней вѣрчусь я передъ Машенькой. Такъ бы вотъ и проговорилъ ей сейчасъ же стишки, просто терпѣнія нѣтъ. Хорошо, что она скоро ушла, а то бы не выдержатъ мнѣ характера. Я и завкнулся было... я, говорю, Машенька... да мамаша перебила. Но вотъ настало и утро. Я былъ въ сильномъ волненіи. Умывался съ особымъ стараніемъ, натиралъ себѣ щеки мыломъ, такъ что няня сердито зашѣптала... Да будетъ тебѣ... элакъ и кожу сотрешь. Умолилъ няню напомнить меня до-вельзя. Нарядился въ новую шелковую рубашечку, и съ четверть часа разсматривалъ свою рожицу въ зеркало. Притворилъ дверь, разъ десять проговорилъ на память умные стихи и отправился съ няней, не забывъ взять азбуку въ карманъ. Стало всходить на крыльцо, а у меня сердце такъ и стучить.

— Ты няня меня подольше раздѣвай, — мнѣ надо въ ушѣ стишки припомнить.

Наконецъ я въ залѣ. Машенька разрижонная бѣжитъ навстрѣчу. Саша, Петя, Гриша всѣ на лицо.

— Машенька, я вамъ для рожденія стишки приготовилъ и ожидаю отвѣта я началъ: «Науки юношей питаютъ...» и проговорилъ всѣ.

— Ахъ Володя, какой ты умный. Какіе хорошенькіе стишки. Скажи еще Володя! И Машенька запрыгала.

Виѣ себя отъ восторга, я проговорилъ.

— Папаша, мамаша! затебетала Машенька, схвативъ меня за руку я увлекая въ гостиную. Какіе умные стишки Володя знаетъ, прелесть!

— А! гусарь-то нашъ! Молодецъ! Ну скажи, братъ, скажи! Послушаемъ, отличайся! И Петръ Герасимычъ взялъ меня за руку.

— «Науки юношей питаютъ!» Протрещалъ и съ нѣкоторымъ одушевленіемъ.

— Повтъ ты братъ у меня! Молодецъ!

— Спасибо тебѣ Володя, и Машенька обняла и поцѣловала меня.

Какъ я не умреть въ этотъ день отъ восторга!

На другой день я и не заглянулъ въ книгу. Я чувствовалъ себя удовлетвореннымъ. Петя пристыженъ, Машенька меня поцѣловала... Счастье полное. Цѣлые дни я на дворѣ катаюсь съ горы на салазкахъ съ Машенькой, или летаю съ Барбоской взапуски по пушечному двору. Отецъ и мать ни слова. Такъ прошла недѣля, другая и третья.

— Что братъ, Володя, вѣрно наскучило учиться, спросилъ однажды отецъ.

Мнѣ стало стыдно, и я снова съ жаромъ взялся за книжку; Учился прилежно; надоѣло снова, бросилъ и по прежнему за свѣчки и игры. Недѣли три книгу въ глаза невидаль. Отъ отца ни слова упрека. Наконецъ являюсь самъ къ нему.

— Хочу учиться папа.

— Нагулялся значить, сказалъ отецъ улыбаясь. Хорошо! давай учиться.

Такимъ образомъ шли мои занятія. По утрамъ я сидѣлъ съ матерью за книгой и письмомъ, а вечеромъ за чаемъ папа рассказывалъ какіе люди на свѣтѣ живутъ, какіе звѣри и птицы, какія моря большія да глубокія. Какое большое это маленькое солнышко, что мнѣ кадалось не болѣе таза изъ котораго я умывался, и который такъ блестѣлъ на солнышкѣ когда няня натреть его пескомъ. И много-много о чемъ рассказывалъ папа и такъ рассказывалъ, что заслушаешься бывало.

Помню какое сильное впечатлѣніе произвелъ его рассказъ, что земля похожа на лимонъ. Тогда къ чаю лимонъ подали, онъ и началъ рассказывать.

— Какъ же папа! значить и надъ нами люди живутъ? спросилъ я.

Да, душенька, живутъ.

— Какъ же они держатся?

Отецъ объяснилъ насколько мнѣ могло быть понятно.

Но у меня быстро мелькнула и крѣпко зашла мысль добратъся до тѣхъ людей. Всю ночь я продумалъ, а на другой день въ

головѣ моей уже созрѣлъ планъ. Ранѣ утромъ я обѣгалъ всѣхъ моихъ товарищей; собравъ ихъ на пушечный, я сильно-зволнованный объяснилъ имъ, что слышалъ отъ отца и предложилъ обратиться до тѣхъ людей, рыть яму въ углу пушечнаго, но никому ни слова. Книга снова заброшена и я цѣлые дни рою съ товарищами яму. Впрочемъ они скоро поохладѣли, я работалъ больше одинъ и въ мѣсяцъ вырылъ аршина на четыре. Отецъ узналъ какъ-то, улыбнулся и объяснилъ мнѣ всю нелѣпость задуманнаго плана.

Мнѣ стало грустно и стыдно. Когда я улегся въ свою кроватку, я горько заплакалъ.

А время шло... шло.

Пройдетъ много лѣтъ, — но одинъ день изъ моего дѣтства я никогда не забуду. Это было за недѣлю до моего вступленія въ N корпусъ, о чемъ отецъ много хлопоталъ. Вечерѣло. На дворѣ разыгралась вьюга, и порывистый вѣтеръ сильно билъ ставнями въ окна; но въ нашей уютной гостиной было тепло и весело. Я, мама, Машенька и Петя сидѣли за круглымъ чайнымъ столомъ. Самоваръ тонкимъ дискантомъ наувѣвалъ свою монотонно-грустную пѣсенку. Мать разливала чай. Отецъ въ большихъ креслахъ передъ каминомъ читалъ газету. Я съ напряженнымъ вниманіемъ разсматривалъ подносъ для чашекъ, на голубомъ фонѣ котораго затѣйливымъ вкусомъ художника были набросаны букеты такихъ яркихъ и странныхъ цвѣтовъ, какихъ мнѣ въ природѣ не случалось встрѣчать; Петя плакалъ, чтобъ ему налили чай въ стаканъ, а не въ чашку. Въ передней раздался звонокъ и въ комнату вошелъ Петръ Герасимычъ.

— Ну, Николай Александрычъ! сказалъ онъ печальнымъ голосомъ, обращаясь къ отцу, — вашего гусара (такъ онъ называлъ всегда меня) не принимаютъ въ корпусъ.

— Отъ кого вы слышали? вскричалъ отецъ встревоженно.

— Да у меня бумага есть. И подавая отцу распечатанный конвертъ, онъ началъ какъ-то забавно хмуриться и вдругъ расхохотался.

— Надулъ же я васъ! Надулъ... Какъ это вы Николай Александрычъ забыли, что сегодня первое апрѣля! Видъ первое апрѣля сегодня.

— Поздравляю, поздравляю, продолжалъ онъ дружески пожимая руку отца — онъ приять! Неутрачѣлъ. Вижу къ вамъ

казенный конвертикъ. Выпросилъ у Анатолиа Марковича, да и вскрылъ—съ! да—съ.

Отецъ замѣтно обрадовался. Мать понуривъ голову тихо вышла изъ комнаты, а я замѣтилъ какъ на глазахъ у ней блеснули слезы. Петя соскочилъ со стула крича: и я буду кадетъ!

Но Машенька стала надъ нимъ подтрунивать и онъ расплакался. Я торопился въ дѣтскую объявить нянѣ, что я кадетъ, а старушка со слезами на глазахъ, слушая меня, крестилась дрожаю рукою.

Въ этотъ вечеръ мы поздно разошлись спать. Я улегся въ комнату смежную со спальней матери, но мнѣ не спалось. Дѣтское воображеніе было настроено къ мечтамъ.

Я кадетъ, я надѣваю мундиръ такой же какъ Саша (мой знакомый), а то право мнѣ стыдно въ глаза ему смотрѣть. Такой большой, а въ рубашкѣ и башмачкахъ хожу, а тамъ буду сапоги носить. Саша сапоги носить, и всѣ кадеты сапоги носить. И въ банѣ самъ буду мыться. Саша сказывалъ, что они сами моются. Онъ все свѣтется, что меня няня моетъ, барышней дразнить. Развѣ я самъ, вѣдь это мамаша велитъ. Меня и называть—то будутъ не просто Володей, а Моховымъ, по фамиліи, ухъ какъ весело—то! Вотъ только незнаю какимъ офицеромъ сдѣлаться. Саша тоже не знаетъ про себя. Въ артилеріи весело, все изъ пушекъ палать. Саша, тотъ, въ кирасиры хочетъ. Мундиръ говорить у нихъ славный, на груди доска золотая. Только, говорить, росту надо большого быть, а папа сказываетъ, что я такъ карапузикомъ и останусь. А что если я вырасту. Ахъ еслибы выросли. Вотъ отецъ Афонасій сказывалъ, что онъ по семнадцатому году роста началъ. Какой онъ высокій, этотъ отецъ Афонасій, ужасъ. Что это онъ въ кирасиры не пошелъ. Развѣ попомъ лучше. А не вырасту — въ гусары пойду; у нихъ тоже славный мундиръ, такъ и блеститъ. Видѣлъ я какъ на армарку они прѣзжали. Славные такіе. Только надо научиться колечки изъ трубки пускать. А шпоры—то у нихъ какъ колокольчики бренчатъ, особенно когда съ барышнями разговариваютъ. И ходить—то весело когда шпоры. На лошади верхомъ буду ѣздить! На поди! А какъ мама—то обрадуется, когда я въ гусары выйду. Я никому не скажу. Ни одному человѣку въ мірѣ не скажу. Потихоньку подѣду къ крыльцу, да на цыпочкахъ и войду въ переднюю. А у насъ въ это время гости. Машенька сидитъ. Она

выросла красавица, въ розовомъ платицѣ, которое ей шили къ вынѣшней пастѣ. Вдругъ отворяю дверь и говорю громко: честь имѣю рекомендоваться — Владиміръ Николаичъ Мохоу, и шпорами забренчу. Ухъ! какъ обрадуется папа съ мамой, А Машенька? узнаетъ ли она меня? И мое дѣтское сердце забилось сильнѣе и на щекахъ разыгрался румянецъ.

Вдругъ мнѣ послышались рыданія, тяжелыя, удушливыя, которыя нерѣдко и теперь поднимаются со два души и будять ея прошлое. Сердце сильно забилось, какъ-будто отозвалось на этотъ вопль. На цыпочкахъ я подкрался къ дверямъ и приложилъ глазъ къ замочной скважинѣ. Передъ образомъ божіей матери теплилась лампадка; на колѣнахъ передъ нею стояла мать, и я слышалъ съ какой безпредѣльной свѣтлой любовью повторяла она мое имя. Я готовъ былъ броситься къ ней на шею и зарыдать. Но она быстро встала и въ минуту я былъ уже въ постелѣ закутанный одѣяломъ. Дверь тихо скрипнула. Я притворился спящимъ и закрылъ глаза, боясь перевести дыханіе. Матушка тихо подошла къ постели, наклонилась, поцѣлowała меня въ лобъ, перекрестила и также тихо вышла. Странное, необъяснимое чувство овладѣло мной. Мнѣ было и легко и трудно, и грустно и весело въ то же время. На глазахъ чувствовались слезы, но грудь дышала легко.

Все время до отъѣзда изъ роднаго дома прошло незамѣтно. Я былъ веселъ и счастливъ, будущее рисовалась въ розовомъ свѣтѣ, но когда насталъ канунъ и начались сборы, странная лихорадочная тревога овладѣла мной. Сила привязанности къ родному очагу, къ дорогимъ друзьямъ дѣтства, громко заговорила во мнѣ. Я съ торопливой жадностью спѣшилъ насмотрѣться на все что было дорого моему сердцу, и какъ много было привязанностей. Каждый холмикъ, каждый кустикъ смотрѣли роднымъ братомъ. Какъ сумашедшій бросался я на шею матери, крѣпко обнималъ и цѣловалъ ее, бѣжалъ на кухню къ нянѣ: старушка готовила мнѣ на дорогу злобныя булочки и крендельки. Повертѣвшись передъ нею, летѣлъ на пушечный дворъ къ моимъ старымъ друзьямъ чугуновымъ пушкамъ и нѣжно обнималъ ихъ; мнѣ казалось, что онѣ какъ будто сочувствуютъ моей грусти, понимаютъ меня. Такъ мрачно, насущившись смотрѣли онѣ на своихъ неуклюжихъ, тяжелыхъ лафетахъ; ржавчина рѣзко бросалась въ глаза. Прежде я не замѣчалъ ее. Все какъ-то

невесело смотрѣло на меня. Даже Барбоска, всегда лѣтѣвшій ко мнѣ навстрѣчу съ поднятымъ какъ султанъ хвостомъ, тихо подошолъ, понуривъ свою косматую голову. Я крѣпко обнялъ его.

— Прощай Барбосинька, проговорилъ я сквозь слезы, и глаза мои уставились съ любовью въ добрые слезастые глаза Барбоса.

— Пойдемъ купаться на рѣку, закричалъ мнѣ бѣжавшій навстрѣчу Вася. Пойдемъ. — мы бѣгомъ пустились къ Дону. Прощай Донъ! — закричалъ я со слезами въ голосъ, схватилъ камень, бросилъ неловко и сконфузился.

— Домой пора! смывала я, чувствуя, что слезы подступаютъ къ горлу, и небѣжалъ во дворъ. Миньоходовъ обхватилъ грушу, встряхнулъ ее... нѣсколько плодовъ упало на землю. Я машинально положилъ ихъ въ карманъ и бросился къ отцу въ кабинетъ.

— Завтра меня не будетъ! Кричали мнѣ стѣны, двери, окна. Кричалъ какой-то голосъ въ моемъ сердцѣ. Кричалъ воздухъ. Кричало все во мнѣ, и вокругъ меня, заставляли сердце болѣзненно бѣгать.

Вечеромъ пришла Машенька. Безотчетная веселость снова овладѣла мной. Мы бѣгали, шалили, болтали безъ умолку. Я забылъ о моемъ горѣ. Наконецъ утомленные утѣлись мы на кровати въ дѣтской и замолчали. Такъ прошло минуты двѣ.

— Ты завтра ѣдешь, Володя! сказала Машенька и вздохнула.

Какъ ножомъ кольнуло меня въ сердце. Мнѣ вспомнились и завтрашній день, и разлука съ Машенькой, съ папой и мамой.

— Да! хотѣлъ я проговорить, силясь удержать слезы, которыя подступали къ горлу, — не превозмогъ себя и зарыдалъ.

— Печаль, Володя! стала меня успокаивать встревоженная Машенька и обвила своей ручкой мою шею. Но горе еще сильнѣе заговорило во мнѣ. Я зарыдалъ какъ безумный, долго рыдалъ, до того, что утомленный и измученный заснулъ, вздрагивая и плача во снѣ.

Настали проводы. Мной овладѣло лихорадочное безпокойство. Въ головѣ и чувствовалъ жаръ, слезы такъ и душили. Стала служить молебень; я смутно понималъ, что происходитъ во-

кругъ меня. Отецъ Мервиновъ, рыжій дьяконъ съ паликадиномъ въ рукахъ, вяня кладущая земные поклоны у порога : все это мелькало въ моихъ засланныхъ слезами глазахъ какими-то сѣрыми безжизненными пятнами. Монотонное чтеніе дядька, тихія всхлипыванія матери, повременамъ позвякивающей на дворѣ колокольчикъ, все это сливалось въ одинъ странный смутный голосъ, падающій прямо на душу.

Кончили и молебень. По русскому обычаю шѣ разсѣлись по стульямъ. Матушка, держа меня за руку, несукала съ меня заплаканныхъ глазъ. Настала та тихая, сдержанная тишина, про которую говорятъ : тихій ангелъ пролетѣлъ.

Ну боже благослови, прозвучалъ дрожащій голосъ отца.

Всѣ встали, и стали молиться.

И

Сильно забилося мое сердце, какъ я съ дядькою Сидорычемъ сталъ подходить къ огромному двух-этажному дому. Непривѣтливо выглядывали его изжелта-грязныя стѣны, массивное неуклюжее крыльцо и черная доска съ крупной надписью желтыми, порыжѣлыми отъ времени литерами. Холодная дрожь пробѣжала по спинѣ, когда тяжелая дверь съ шумомъ захлопнулась за нами и мы очутились въ мрачномъ длинномъ коридорѣ. Холодомъ и сыростью обдало насъ. Вокругъ мертвая тишина, только огромныя стѣнные часы мѣрно выстукиваютъ секунды. И столько тоски въ этомъ однообразномъ монотонномъ ту-тукъ-ту-тукъ, что каждый звукъ стрѣлой бьетъ въ сердце. Мнѣ стало жутко. Я пугливо понурилъ голову, подвинулся поближе къ Сидорычу и даже слегка схватился за полу его кафтана.

Вдругъ на противоположномъ концѣ коридора, какъ изъ земли выросла высокая худощавая фигура и стала медленно приближаться къ намъ.

— Поклонитесь батинька Володишка. Должно быть набольшій, шепнулъ Сидорычъ.

Я неловко поклонился не поднимая глазъ.

— Барченка привезъ. Николая Александрыча сыночекъ, сказалъ Сидорычъ и отвѣсилъ поклонъ въ поясъ.

— Какъ васъ зовутъ? прозвенѣлъ въ моихъ ушахъ визгливый дискантъ, пронзительный какъ колокольчикъ.

— Володя, отвѣчала я, еще несмѣя поднять глазъ, а самъ подумалъ, какой у него смѣшной голосъ, точно у дядьки Вавилыча, и худой такой же, и вдругъ въ моихъ глазахъ мелькнула городская площадь, обливая яркою, молодою зеленью, перелъ домами насажены березки, въ окнахъ цвѣты. Солнышко такое ясное и все переливается, точно жмурится. Въ воздухѣ чудно пахнетъ. Сейчасъ видно, что троицынъ день. Отецъ Мериновъ идетъ по площади, въ новомъ облаченіи, кресты такъ и горятъ на солнцѣ. За нимъ нѣвчѣ и дядечекъ Вавила съ паникадилломъ, а по бокамъ Вавилы, скачутъ на одной ножкѣ мальчишки съ зелеными вѣтками березы въ рукахъ и поназываютъ Вавилъ языкъ... Вавило сердится, грозитъ паникадилломъ.

Вдругъ визгливый голосъ ударилъ меня въ самое ухо. Я вздрогнулъ и опомнился.

— У насъ по именамъ не зовутъ, — какъ ваша фамилія?

— Владиміръ Николаичъ Моховъ, барина Николая Александрыча сыночекъ, проговорилъ низко кланяясь Сидорычъ.

— Моховъ! Хм! — Ступайте за мной.

Я бросилъ умоляющій взглядъ на Сидорыча, вызывая его не покидать меня, и не трогаясь съ мѣста.

— Идите же! а ты ступай, звонко крикнулъ худошавый и зашагалъ по коридору. Я едва успѣвалъ за нимъ, а сердце такъ и стучитъ

На концѣ коридора онъ отвернулъ дверь направо, и мы очутились въ большой свѣтлой комнатѣ. Я повеселѣлъ въ мгновение. Сквозь огромныя окна солнце обливало яркимъ свѣтомъ комнату и всѣ предметы, которые въ солнечныхъ лучахъ высматривали отчетливо, весело. Игрушекъ—то сколько! чуть не вскричалъ я, взглянувъ на огромные шкафы красного дерева, за бѣлыми стеклами которыхъ красовались на полкахъ чистенькія модели, свѣтлыя какъ зеркальное стеклышко, физическіе и химическіе аппараты. Ни одного пятнышка, ни одной пылинки. Въ другихъ шкапахъ стройно, рядкомъ стояли книги въ безукоризненно свѣжихъ переплетахъ. Ишь какъ хорошо у нихъ! подумалъ я. Книжечки—то какъ солдаты выровнены. И мысль мгновенно перенеслась на вѣнечный дворъ, и стоять на томъ дворѣ солда-

тики и въ ухахъ звучитъ голосъ : маршь ! и маршируютъ солдатики, барабанъ, трахъ-тарарахъ-тахъ.

— Иди же ко мнѣ, чего заглядѣлся, разбудилъ меня хриплый неприятный голосъ. Я вытаращилъ глаза и тутъ только замѣтилъ по срединѣ комнаты огромный столъ, покрытый краснымъ сукномъ, а за столомъ въ креслахъ сѣденыи старичокъ.

Я трусливо подошелъ къ нему не подымая глазъ. Впрочемъ раскинулъ искоса взглянуть на столъ : хорошенькая червленица съ песочницей, ножичекъ, перья и все это разложено въ таномъ порядкѣ, что весело смотрѣть.

— Ишь какъ хорошо все у нихъ, онять подумалъ я.

Старичокъ завертѣлся на креслѣ.

— Читать умѣешь? спросилъ онъ сердито.

— Умѣю.

— Азъ-буки да и еѣлъ. Много васъ тутъ болвановъ присылаютъ, аза въ глаза не знаете, послѣ и возись. А который годъ тебѣ?

Я вспыхнулъ.

— Господи, господи! произнесъ я мысленно съ отчаянiемъ, что я скажу ему, вѣдь я незнаю который мнѣ годъ.

— Ну чтожъ молчишь. Старичка начало подергивать.

— Я незнаю! Едва выговорилъ я, и почувствовалъ какъ кровь бросилась въ голову.

— Экой оселъ! и старичекъ полпрыгнулъ на стулъ.

Слезы навернулись у меня на глазахъ, во рту стало горько.

— Мало сѣкли тебя дома. Ну, говори же! мало сѣкли? А? мало? и онъ поднялся съ кресла.

— Меня никогда не сѣкли, проговорилъ я дрожащимъ голосомъ, чувствуя себя глубоко оскорбленнымъ.

— О! да ты и разговаривать умѣешь. Ну такъ мы тебя будемъ сѣчь. Смотри у меня! Смотри! Отведите его въ приготовительный.

Ишь какой сердитый. И за что онъ ругается, горько раздумывалъ я поспѣвая за худощавымъ. Мы очутились у стеклянныхъ дверей, надъ которыми на огромной доскѣ, красовалась курсивомъ надпись : «Приготовительный.»

Съ трепетнымъ биенiемъ сердца, переступилъ я порогъ клас-са, на половину заставленного скамейками, за которыми торчали бѣлыя, черныя, рыжія головы учениковъ. При входѣ мосащъ

всѣ они, какъ бы по магическому знаку перевернулись въ мою сторону и стали разсматривать съ любопытствомъ. Робко усѣлся я на скамейку и неподвижно уставилъ глазъ на кафедру съ учителемъ, несмѣя не только пошевелиться, но и свободно вздохнуть грудью, которую душили слезы. Я чувствовалъ какъ они подступали къ горлу и готовы были разразиться горькими рыданиями, но я крѣпился. Въ головѣ чувствовалъ жаръ, въ рукахъ и ногахъ дрожь, и какую-то не то неловкость, не то робость во всемъ существѣ. Не прошло и десяти минутъ какъ раздался визгливый колокольчикъ. Я вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и совершенно одурѣлъ. Свистъ, крикъ, гамъ наполнили всю комнату. Я пугово поднималъ глаза и увидѣлъ себя окруженнымъ цѣлой толпой одноклассниковъ. Минута — и сильный щелчокъ въ голову заставилъ меня вскрикнуть отъ боли. Совершенно растерянный, обезкураженный я заревѣлъ.

— Плакса! Плакса! Раздалось со всѣхъ сторонъ и частые толчки посыпались на меня.

— Что братъ, вкусно? кричалъ какой-то карапузикъ, прыгая передо мной съ высунутымъ языкомъ, кривляясь и дразня.

— Постой, братъ, мы еще не поздравили тебя. Давай я поздравлю, провозгласилъ рыженькій мальчикъ, засучивъ рукава и подходя ко мнѣ.

— Поздравь, поздравь! Раздались со всѣхъ сторонъ.

У меня сердце замерло отъ страху; колѣни дрожали.

Разъ—два—три, торжественно произнесъ рыженькій, и неожиданно впелъ большимъ пальцемъ натяжной щелчокъ въ лобъ.

— Я заревѣлъ какъ рѣзанный.

— Ревн, братъ! жалуйся! не боимся. Сегодня Карпъ Карпычъ дежурнымъ. Онъ не любитъ плаксъ, да вотъ онъ идетъ!

Дѣйствительно въ комнату вошелъ Карпъ Карпычъ, плотный мужчина, съ безцвѣтно добродушной физиономіей.

— Что, братишки, новичка уму-разуму учите, хе-хе-хе! а? И онъ залая добродушно глупѣйшимъ хохотомъ.

— Учимъ! бойко отвѣчалъ одинъ голосъ, и отвѣтъ сопровождался общимъ, нѣсколько сдержаннымъ смѣхомъ.

— Молодцы! Хе-хе-хе... А ты ужъ и разревѣлся, обратился онъ ко мнѣ. Какой же ты кадегъ послѣ того. Это, братище, мужиченки на улицѣ плачутъ, когда имъ тетка калача недаетъ, хе-хе-хе, али козыны всѣ оберуть. Эхъ ты, баба плаксивая!..

И тихо посмѣиваясь онъ вышелъ изъ класса.

— Баба, баба! закричали мальчишки, прыгая вокругъ меня и высовывая языкъ.

— Господа! Коркичъ идетъ! закричалъ карапузикъ, оббѣгая въ классъ, и отъ усталости едва переводя дыханіе.

Всѣ отхлынули отъ меня. Въ классъ вошелъ рослый коренастый воспитанникъ, съ сильно развитой грудью, широкоплечій, здоровый. Онъ брелъ нога за ногу, переваливаясь изъ стороны въ сторону и поминутно взбивая рукой густые черные волосы.

— Кто ревѣлъ?.. спросилъ онъ такимъ голосомъ, что я оторопѣлъ.

— Новенькій! зашипѣлъ карапузикъ и указалъ на меня пальцемъ.

Коркичъ подошелъ ко мнѣ, взялъ за кисть руки и промашель отрывисто: «лупку задали?»

Я заплакалъ.

— Есть у тебя гостинцы?

— Есть, проговорилъ я всхлиывая.

— Давай, заступлюсь.

Рыдая полѣзъ я въ карманъ, вытаскилъ горсть конфетъ и подалъ Коркину.

— Кто его билъ? а? рякнулъ Коркичъ обращаясь къ классу.

— Батуричъ билъ! подсказалъ карапузикъ, подбѣгая къ Коркину.

— За наушничество вотъ тебѣ! и Коркичъ отвѣсилъ карапузику тумакъ.

— Выходи, Батуричъ!

Батуричъ, рыженькій мальчикъ, жадя за послѣдней скамейкой къ стѣнѣ.

— Эйбогу, Коркичъ, я пальцемъ не трогалъ.

— Выходи! Хуже будетъ коли самъ подойду.

Состроивъ плаксивую физиономію и ёжась Батуричъ медленно подошелъ. Коркичъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ взялъ его за руку и какъ-то ловко повернувъ его, заставилъ Батурина противъ воли подставить свою спину. Три полновѣсныхъ удара раздалось по классу, — у Батурина навернулись слезы, но онъ перенесъ казнь стовчески; даже не крикнулъ.

— Это на первый разъ кротко обхожусь съ тобой! Смотри у меня, обратился онъ къ классу; только пальцемъ троньте его.

— руки и ноги повольсмаю. И Коркинъ съ полнымъ сознаниємъ своей силы вышелъ ровными шагами изъ класа.

Я былъ какъ въ чаду, смутно понимая что творится вокругъ меня. Въ головѣ ни одной мысли, — на сердцѣ безотчетная тоска, — въ ухахъ шумъ и звонъ. Какъ прикованный къ скамьѣ сидѣлъ я, нешевелясь и безцѣльно смотрѣлъ на уголь печи. Смотрѣлъ часъ, другой, третій... все смотрѣлъ, и ничего не видѣлъ. Прозвонилъ колокольчикъ къ обѣду. Кто-то толкнулъ меня и указалъ мѣсто; машинально поднялся я со скамьи, машинально усѣлся за столъ, машинально ѣлъ все что мнѣ подавали, не чувствуя ни вкуса, ни запаха. Кончился обѣдъ, пошли по класамъ, и я пошолъ. Поднялся шумъ, говоръ, смѣхъ... а я опять на своей скамьѣ, уставился глазами въ уголь печи — и въ головѣ все такъ же пусто, безотчетно пусто; а на сердце точно камень. Пришолъ учитель; началъ что-то рассказывать. Говорилъ долго, очень долго, я ни слова не понималъ. Долетали до уха какіе-то звуки, лишонные всякого человѣческаго смысла. Кончилъ рассказъ, спросилъ что-то меня, незнаю что я отвѣчалъ, но все засмѣялись; учитель тоже засмѣялся. Надъ тѣмъ они смѣются? мелькнула у меня мысль, но на половинѣ вопроса она вдругъ улетучилась, разлетѣлась какъ дымъ. А въ головѣ все тотъ же звонъ и шумъ. Кончился классъ; все бросались въ коридоръ. Я тоже всталъ, подошелъ къ печкѣ и сталъ отколупывать штукатурку. Зачѣмъ я это дѣлалъ, самъ незнаю. Стою, колупаю, а голова, руки, ноги какъ не мои. Одна только мысль смутно бродитъ въ омраченной головѣ — «ишь какъ штукатурка отстаетъ.»

— Моховъ! раздался сзади меня голосъ. Я вздрогнулъ и опомнился. Передо мной стоялъ высокій воспитаникъ, бѣлокурый со свѣтлоглубыми глазами.

— Къ вамъ пришли! Ступайте въ буфетную.

— Гдѣ? гдѣ?.. Проговорилъ я въ сильномъ волненіи.

Онъ ласково посмотрѣлъ на меня и взялъ за руку.

— Пойдемте, я провожу... да что вы дрожите такъ... говорилъ онъ ведя меня по коридору.

— Кто къ Мохову? спросилъ онъ, когда мы вошли въ большую комнату, биткомъ набитую кадетами. Кто пилъ чай, кто ѣлъ булку... Шумъ, говоръ страшный.

— Владиміръ Николаичъ, батюшка! раздался знакомый мнѣ голосъ Сидорыча.

Черезъ минуту я уже висѣлъ у него на шеѣ и плакалъ. Тутъ-то полилась моя горькая жалоба на новую жизнь. Какъ ребенокъ рыдалъ я умоляя Сидорыча взять меня изъ противнаго корпуса. Крѣпко обнималъ я его шею, и цѣловалъ сѣдые зеленоватые усы. Странная вещь: до этого часа я нечувствовалъ къ Сидорычу особой привязанности, но въ эту минуту онъ сталъ дорогъ мнѣ; на него перелились всѣ мои горячія симпатіи, оставленные въ родимомъ городѣ. Въ лицѣ его, я обнималъ все близкое моему сердцу, которое вдругъ ярко озарилось въ моей душѣ, при взглядѣ на Сидорыча, и еще сильнѣй заставило оцѣнить всю великую важность утраты. Не мало нужно было Сидорычу истратить времени и умныхъ, добродушныхъ рѣчей, чтобъ успокоить мое волненіе. Я дѣйствительно стихъ, повеселѣлъ; даже не безъ удовольствія сталъ запрягивать въ карманъ сладкіе пирожки и пряники, которые еще за часъ казались мнѣ противными. Сидорычъ далъ слово побывать завтра въ этотъ же часъ, и мы дружески весело разстались.

Неуспѣла еще затвориться за нимъ дверь, какъ передо мной какъ изъ земли выросъ Коркинъ.

— Что тебѣ принесли? покажи! Съ этимъ вопросомъ онъ безцеремонно полѣзъ въ мой карманъ, вытащилъ оттуда лакомства, отдѣлилъ себѣ порядочную часть, остальные снова положилъ въ мой карманъ и прибавилъ въ видѣ нравоученія: «Смотри, братъ, клянчить стануть, не давай! себѣ побереги!» Такая безцеремонность не удивила и неогорчила меня. Свиданіе съ Сидорычемъ такъ умиротворило мою встревоженную душу, я чувствовалъ такой приливъ нѣжности въ сердцѣ, что поступокъ Коркина мнѣ показался не лишоннымъ даже своего рода прелести... Въ его безцеремонности мнѣ показалось даже что-то дружески-родственное. Ишь какъ онъ распоряжается. Славный какой! подумалъ я. Что мнѣ тутъ показалось славнаго, право не понимаю. Бодро шолъ я въ классъ въ подпрыжку и встрѣтился съ блондиномъ. Онъ стоялъ заложивъ руки за спину и прислонясь плечомъ къ двери. Какое-то сладкое ощущение почувствовалъ я въ моей груди, когда мои глаза встрѣтились съ добрымъ симпатичнымъ взглядомъ его темноглубыхъ глазъ. Какая-то сила толкала меня къ нему. Мнѣ хотѣлось бы прила-

еяться, сказать ему какъ онъ мнѣ нравится... хотя и самъ незнаю за что. Я подошолъ къ нему и протянулъ горсть конфетъ.

— Хотите конфетокъ?

Блондинъ улыбнулся какъ-то особенно хорошо.

— Нѣтъ, душенька; кушайте сами. Я не ѣмъ конфетъ.

Мнѣ стало грустно.

— Возьмите! сказалъ я просящимъ голосомъ, — у меня вѣдь еще есть, и я ударилъ по карману.

Онъ взялъ одну конфетку, хотѣлъ что-то сказать, уже и ротъ открылъ, но вдругъ отвернулся и быстро зашагалъ отъ меня.

Я отправился въ классъ, усѣлся на скамейку и развернулъ книгу. «Поучу-ка немножко, задумалъ я; но воображеніе, настроенное недавнимъ свиданіемъ съ Сидорычемъ, оторвало меня отъ книги и унесло далеко, къ покинутому родному дому. Передъ глазами беспорядочно, безсвязно замелькали знакомыя лица, тысячу вопросовъ закопошились въ головѣ. Что теперь наши дѣлаютъ? Папа съ мамой чай теперь пьютъ, а няня вѣрно на кухнѣ сказку рассказываетъ. Какую она сказку рассказываетъ? вѣрно о «Жарь-птицѣ»; это самая хорошая сказка... Вотъ еще о «мертвой царевнѣ» — тоже хорошо. Можетъ у насъ Машенька въ гостяхъ? нѣтъ, я думаю она дома... вѣрно у нихъ Петя и она съ нимъ играетъ. Радъ я думаю онъ, что меня нѣтъ. Злость кольнула меня въ сердце. Скоро въ пушекъ стануть стрѣлять. Ахъ, какъ весело-то тамъ будетъ. Замечтавшись я не замѣтилъ какъ миновалъ вечеръ, и насъ повели наверхъ въ дортуары... Всѣ разбились на группы; пошли толки, рассказы, споры. Я потихоньку пробрался на свою койку, усѣлся на нее, свѣсилъ ноги, и побалтывая ими, снова замечталъ... Улеглись спать. Закутался я въ одѣяло, закрылъ глаза, а милые, дорогіе образы какъ живые передо мной: неотвязно смотрять мнѣ въ глаза, немолчно ведутъ со мной тихую бесѣду; слышитъ ухо и тихій старушечій шопотъ няни, и легкій всплескъ волнъ синяго Дона, и пушечный выстрѣлъ, а передъ глазами мелькаетъ: то страшная печь дѣдовскаго дома, то пушечный дворъ съ его чугунными тяжелыми орудіями и соблазнительными гнѣздами галчатъ, то большой зеленый лугъ съ ярко-пестрѣющими цвѣтами и кустами черемухи и мелькаетъ между кустами розовое платьице Машеньки.

Нешошмо какъ, убаканннй свѣтлыми грезами, заснулъ я; но не на долго... Страшный ревъ зазвучалъ надъ моею головою. Я вскочилъ какъ сумашедшій; мнѣ казалось, что стѣны падаютъ. Пронзительные, страшные звуки не затихали. Встрепосженннй, испуганннй я задрожалъ какъ въ лихорадкѣ и заплакалъ.

Раздался хохотъ.

— Ишь какъ тебя, братъ, шарахнуло... Хе-хе-хе... Ну, братъ, Капустенко, сыграйка полечку, — развесели молодца.

Я увидѣлъ на срединѣ комнаты Карпъ Карпыча. Онъ стоялъ подбоченясь и залпвалъ самымъ добродушнѣйшимъ смѣхомъ. Передъ нимъ трубачъ Капустенко издавалъ неистовые звуки на сигнальной трубѣ. Въ окна смотрѣла темная ночь, и только на востокѣ бѣлѣлась блѣдная полоса. Лампы горѣли блѣднымъ не-пріятнымъ свѣтомъ, то вспыхивая, то потухая, какъ будто бы имъ тоже недали выспаться и разбудила. У дверей дотѣлѣвалъ въ починкѣ фитиль догорѣвшей свѣчи, и легкій чадъ наполнялъ комнату. У печи истопникъ сваливалъ съ плечъ вязанку дровъ, и они съ шумомъ катились по полу. Всѣ сидѣли на койкахъ какъ полоумные, громко позевывая и протирая глаза. Мнѣ стало невыносимо тяжело и грустно.

— Ну, братишки! Нечего вѣжиться, подымайся, а то холодной водой окачу.

И Карпъ Карпычъ залился смѣхомъ; на какой-то койкѣ кто-то вторилъ ему, но такъ неловко, искусственно, сонно, что скверно было слушать. Всѣ стали подниматься... Я чуть не плакалъ отъ тоски и досады, что невыспался. Сонный, одурѣлый сошелъ я внизъ, сонный просидѣлъ весь день до прихода Сидорыча.

Такъ, или почти такъ потянулись для меня безконечно долгие, томительные дни. Тоска по роднымъ сосала мое сердце. Я до того ушелъ въ свое горе, до того заплпль имъ, что все вокругъ меня ступевалось въ одно сѣрое безжизненное пятно, на которое я смотрѣлъ мутными, заплаканными глазами. Уроки, товарища, наставники безразлично мелькали передъ моими глазами, неоставляя и тѣни впечатлѣннй. Надъ книгой я иногда просиживалъ по цѣлымъ часамъ неотрывая глазъ отъ строкъ; но мысли неслись далеко, и буква оставалась мертвой буквой. Въ рассказѣ учителя мнѣ слышались только рѣзкіе звуки, не-пріятно дѣйствующіе на нервы; но звуки оставались звуками, лашон-

выми всякаго человѣческаго смысла. Кромѣ немногихъ вечернихъ минутъ, когда воображеніе уносило меня къ милому прошлому, я остальное время жилъ жизнью автомата. Прикажутъ встать — встану; сѣсть — сяду; взять книгу — возьму; но въ головѣ ни капли сознанія что я дѣлаю. Какъ-будто я самъ и все окружающее меня принадлежало другому міру, очень далекому, гдѣ-то за тридевять земель, а не передъ моимъ носомъ.

Такое болѣзненное состояніе мальчика естественно немогло остаться незамѣченнымъ. И его замѣтили; но какъ? Надобно сказать, что воспитатели почти всѣ принадлежали къ непосредственнымъ, цѣльнымъ натурамъ, какъ прозвала ихъ литература. Къ каждому жизненному явленію они относятся прямо и смѣло, безъ особой подготовки, безъ предварительнаго анализа. Для такихъ людей дорогъ фактъ, дорогъ субъектъ въ моментъ его разсматриванія, а что подготовило фактъ, что лежитъ въ основаніи явленія — имъ и дѣла нѣтъ, это посторонній вопросъ, это философія, это пожалуй еще что-нибудь хуже. Я цѣлые дни сидѣлъ хныча на своей скамьѣ, ни слова не отвѣчая на милыя замѣчанія вродѣ: «болванъ, чего хнычешь? учишь плакса!» И воспитатели не долго думая рѣшили, что я лѣнтяй и идиотъ. Все это естественно уяснилось мнѣ послѣ. Тогда я смутно понималъ ихъ казенную брань и угрозы. Я чувствовалъ одно: что я заброшенъ, я чужой всѣмъ, и мнѣ всѣ чужіе... Ни слова утѣшенія, ни одного ласковаго взгляда. На меня смотрѣли какъ на казенную вещь, смотрѣли казенными сердцами, какъ-будто я и вправду чужой имъ. Какъ-будто ни у кого изъ нихъ не было дѣтства. Память ли ихъ, сердечная ли плева загрубѣла... Богъ имъ судья! Одинъ человѣкъ пыталъ-было утѣшить меня: то былъ блондинъ. Но голосъ его при этомъ такъ грустно дрожалъ, и большіе голубые глаза послѣднее время смотрѣли такъ печально, что мнѣ становилось еще тяжелѣй. Незнаю, что случилось бы со мной, еслибы не одно обстоятельство, которое разбудило меня изъ самоаключенного гореванія, заставило сознательно оглянуться на себя и другихъ, и сначала хоть не смѣло приподнять доселѣ понуренную голову. Случилось это такъ:

Въ одинъ изъ утреннихъ классовъ, когда я по обыкновенію бессмысленно глядѣлъ на учителя, смутно понимая о чемъ идетъ рѣчь, по классу пробѣжалъ легкій, веселый шопотъ: «Патрикѣвъ выдоровѣлъ», и всѣ головы быстро повернулись къ дверямъ.

За стеклянной дверью стоялъ какой-то господинъ. Рассмотрѣть было трудно. Онъ постоялъ съ минуту и отошелъ. Я оглянулся на клась и мнѣ невольно бросилось въ глаза, что у всѣхъ лица сіяли такимъ полнымъ удовольствіемъ, какимъ только могутъ сіять дѣтскія лица, у которыхъ зеркало души еще не позакоптелось, чисто, свѣтло и вѣрно отражаетъ всѣ ея впечатлѣнія. Клась кончился по обыкновенію шумно. Вдругъ входитъ бѣлокурый и говоритъ: «господа, Александръ Васильичъ проситъ потише, онъ не совсѣмъ здоровъ». Всѣ стихли, и шумъ не возобновлялся даже по уходѣ бѣлокураго. Это меня удивило. Каждый день я слышалъ по сту напоминаній не шумѣть, и всѣ они имѣли дѣйствіе на двѣ-три минуты. Теперь же всѣ тихо разбрелись въ кружки и скромно разговаривали. Только одинъ рыженькій карапузикъ видимо не могъ одолѣть своей козлиной рѣвности, запрыгалъ на одной ногѣ, и вдругъ прокатясь колесомъ, громко прокричалъ «кукарику»! Всегда эта штука возбуждала всеобщее удовольствіе и смѣхъ, — на этотъ разъ случилось не такъ. Къ нему подошло нѣсколько человѣкъ.

— Безстыжая твоя рожа, сказалъ одинъ изъ нихъ. Ты не слышалъ, что Александръ Васильичъ болѣнъ... безсовѣстный ты человѣкъ...

— Ейбогу не зналъ... я не буду... проговорилъ совершенно сконфуженный карапузикъ и стихъ.

Все это удивило меня, удивило и то, когда прозвенѣлъ колокольчикъ. Всѣ разбрелись по мѣстамъ тихо, безъ крику, шума и прыганья черезъ скамейки. Въ это время въ дверяхъ показался высокаго роста черноволосый мужчина. Онъ былъ очень блѣденъ. Въ выраженіяхъ лица, движеніяхъ, походкѣ, проглядывало сильное утомленіе до болѣзненности; только большіе каріе глаза смотрѣли свѣтло и спокойно. Взглядъ ихъ былъ тихъ, глубокъ, съ легкимъ оттѣнкомъ нето грусти, нето болѣзненной истомы. Какъ теперь я вижу передъ собой эти чудные глаза.

— Здравствуйте господа, сказалъ онъ тихо, входя въ клась. И такъ сказалъ, такимъ добрымъ, мягкимъ голосомъ, что у меня какъ-будто просвѣтлѣло на сердцѣ.

— Здравствуйте, Александръ Васильичъ, прозвучало въ отвѣтъ. Какъ ваше здоровье, — спросили нѣкоторые. — какъ мы соскучились безъ васъ. Много искренности звучало въ этихъ словахъ. Совсѣмъ не такъ, какъ съ другими здороваются, подумалъ

я. Такъ-то лучше, а то такъ и обѣрвуть: здравія желаемъ, — точно барабанъ, по которому насъ обѣдать водятъ.

Рядомъ съ Патрикѣевымъ шолъ блондинъ, онъ былъ веселъ и все улыбался.

— Вотъ новички, Александръ Васильчъ, сказалъ онъ указывая на наши скамьи.

Патрикѣевъ поочередно сталъ подходить къ каждому, долго и внимательно спрашивалъ о родныхъ, чему кто учился и т. п., не сводя съ новичка своего тихаго, глубокаго взгляда. Дошла очередь до меня. Я почувствовалъ робость и невольно опустилъ глаза подъ его испытующимъ, долгимъ взглядомъ.

— Вы все скучаете, Моховъ, и неучитесь. — И легкая тѣнь пробѣжала по его лицу.

Онъ замолчалъ на минуту, я тоже молчалъ. Пойдемте со мной, мнѣ надобно съ вами поговорить. Я струсилъ и не трогался съ мѣста. — Пойдемте мой другъ, и онъ взялъ меня за руку. Мы прошли въ коридоръ и вошли въ небольшую комнату. Патрикѣевъ притворилъ дверь и опустился на диванъ. Я стоялъ передъ нимъ какъ на угольяхъ, опустивъ голову и переминаясь съ ноги на ногу.

— Послушайте Моховъ! Вы совсѣмъ не учитесь. Я видѣлъ ваши отмѣтки. Говорятъ, вы все плачете... о чемъ вы плачете, а? Есть у васъ папенька и маменька?

— Есть! глухо отвѣчалъ я.

— Такъ о чемъ же вы плачете? Вѣдь вы ихъ не любите! папеньку и маменьку... Вы вѣрно объ игрушкахъ плачете?... За что вы не любите маменьки? Вѣрно она недобрая, часто наказывала васъ, а? За это вы ее не любите?

Я невольно поднялъ голову и вытаращилъ на него удивленные глаза.

— Я люблю ихъ, проговорилъ я смущеннымъ голосомъ.

— А я думалъ, что вы не любите ихъ. Да нѣтъ, вы нарочно говорите, что любите. Вы не любите; нѣтъ не любите, проговорилъ онъ такимъ грустнымъ, кроткимъ голосомъ, что сердце у меня замерло. Еслибъ вы любили, вы не захотѣли бы огорчать ее. Вамъ вѣдь не жалко маменьки, когда она плачетъ. Вамъ все равно. Ну, скажите, жалко вамъ ее?

— Я люблю, едва выговорилъ я, и слезы градомъ хлынули изъ глазъ.

— Ну простите, сказалъ Патрикѣвъ: — теперь я вижу, что вы ее любите!.. Вы такъ говорите, что я не смѣю вамъ не вѣрить. Но зачѣмъ же вы огорчаете ее. Любите, а огорчаете; странный вы мальчикъ. Вы совсѣмъ не учитесь! Если ваша мамаша узнаетъ объ этомъ, она будетъ печалиться, плакать станетъ. А развѣ вамъ не тяжело огорчать ее. Я по себѣ знаю. Я люблю свою мать и дѣлаю все, чтобъ веселить, радовать ее, а не огорчать. А вы-то что дѣлаете!.. Совсѣмъ не хотите учиться. Вы хотите учиться?

— Я хочу; но я не могу, не умѣю.

— Это, мой другъ, оттого вамъ такъ кажется, что вы все тоскуете да плачете. Тосковать грѣшно... Вы молитесь Богу?

При этомъ вопросѣ я совершенно смѣшался и покраснѣлъ.

— Вы покраснѣли! Видите, вы такъ печалитесь, что и Богу забыли молиться, а вѣрно дома молились каждое утро и каждый вечеръ. Оттого-то вы такъ и грустите. А вы молитесь каждый вечеръ, усердно молитесь, — и на душѣ ставетъ легче, и уроки будутъ легко учиться. Вы думаете, учиться трудно. Ахъ, какъ легко-то; особенно умному мальчику. А вы умный мальчикъ, я по глазамъ вижу. Станете учиться, — каждый день будете узнавать что-нибудь новое, вѣдь это чудо какъ весело. Ну скажите! не хорошо ли знать все, что дѣлается на свѣтѣ?

И рѣчь Патрикѣва полилась потокомъ. Онъ говорилъ съ такой искренностью, ясностью и простотой, съ такимъ задушевнымъ тепломъ о томъ, какъ легко учиться, какъ хорошо и пріятно знать много, много, знать все, что творится на божьемъ свѣтѣ, что чудо какъ весело было его слушать. Въ словахъ его жила какая-то обаятельная сила, она какъ-будто поднимала меня. Я чувствовалъ, что со мной совершается нравственный переворотъ, я расту, выпрямляюсь и дѣлаюсь другимъ. А между тѣмъ слезы сами лились изъ глазъ, я не могъ ихъ остановить и чувствовалъ, что на душѣ становится легче, а въ головѣ свѣжѣе. Это не была схоластическая проповѣдь холоднаго педагога, какихъ немало выпало на мою долю выслушать внослѣдствіи. Это не было и отеческое увѣщаніе по обязанности, гдѣ сквозь назидательное поддѣльное чувство звучитъ фраза. И то, и другое слабо дѣйствуетъ на мальчика. Первое отталкиваетъ, а второе вселяетъ недовѣріе. Говорить съ дѣтьми трудно, уже потому, что дѣти умнѣе взрослыхъ умниковъ. Чтобъ подѣйстви-

вать на мальчика, надо взять его сердце, а этого съ однимъ разумомъ, даже очень большимъ не успѣешь. Только высокой, честной, теплой душѣ дается это право. Отъ Патригѣва я вышелъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ; хотя слезы застилали еще глаза, но всѣ предметы яснѣе смотрѣли на меня, какъ будто съ нихъ спала туманная полоса. И грязная стѣна класса съ червивыми пятнами у печи, и гладкіе лакированные столы, испорченные ножичками шалуновъ, и огромныя оконныя рамы, на половину выкрашенные зелено-голубой краской, и черная доска, и много другихъ предметовъ, цѣлый мѣсяцъ глядѣвшихъ на меня съ каменно-зловѣщимъ равнодушіемъ, какъ-будто окрасились въ другой цвѣтъ, освѣтились другимъ свѣтомъ. Лица учениковъ, до того безразлично мелькавшія передо мной, такъ что и различалъ я ихъ только по цвѣту волосъ, — осмыслились. Я почти никого не зналъ по фамиліи, да они рѣдко и употреблялись. Я слышалъ не разъ возгласы: іуда, бульдожка, сычъ, фараонова мышь; но большой своимъ горемъ, ни разу не обратилъ вниманія кто тутъ іуда, кто бульдожка и фараонова мышь. Теперь же, когда я окинулъ класъ, всѣ эти прозвища, слышанныя когда-то въ просонкахъ, предстали передо мной въ плоти и крови. Вотъ это вѣрно іуда, подумалъ я, взглянувъ на мальчика съ несообразно длиннымъ лицомъ, тонкими, сухими, непріятно улыбающимися губами и карими какъ-то странно-смѣющимися глазками, которые и секунды не оставались спокойны на одномъ предметѣ. А вотъ и бульдожка, — и я невольно улыбнулся, взглянувъ на толстую мордочку, очень некрасивую и удивительно-напоминающую собаку. Онъ училъ урокъ въ слухъ, и при этомъ губы его принимали такое выраженіе, какъ-будто онъ грызлся. А вотъ и фараонова мышь съ волчкомъ сидитъ. Словомъ я узнавалъ всѣхъ; такъ иѣтки были клейма.

Въ послѣдніе часы я совершенно успокоился. У меня явилась даже маленькая общительность. Мнѣ ужасно хотѣлось заговорить съ своимъ сосѣдомъ, волчкомъ. Нѣсколько разъ перывался я, уже и ротъ раскрывалъ, но не зналъ о чемъ бы заговорить, робѣлъ и не рѣшался. Прозвонилъ колокольчикъ, всѣ съ шумомъ высыпали на средину класса.

— Ну, господа, сегодня вѣрно поиграемъ въ волюшку, прокричала мышь.

— Надо спросить Александра Васильча, отозвался кто-то.

— Чего спрашивать, онъ любить это, самъ заставляетъ.

— Не дѣло, господа, надо спросить, провозгласилъ волчокъ. — Слышали, Амосовъ сказалъ, что у него голова болить.

— Спросить, такъ спросить, ступай ты старшій.

Старшій ушелъ и черезъ минуту вбѣжалъ съ сіяющимъ лицомъ.

— Позволил!

Поднялась страшная возня. Играли въ какую-то странную игру, и чехарду и жгутъ вмѣстѣ. Мнѣ очень хотѣлось принять участіе, я уже и подошелъ было, но вдругъ оробѣлъ и отправился на заднюю скамейку.

Въ комнату вошелъ Патрикѣевъ и остановился, прислонясь у двери. Онъ тихо разговаривалъ съ блондиномъ и по временамъ улыбался.

— Чтожъ я Мохова не вижу, гдѣ онъ?

— Онъ не хочетъ, Александръ Васильичъ. Вонъ онъ на заднюю скамейку забился.

— Моховъ, что вы не играете? вѣдь скучно одному сидѣть. Господа примите къ себѣ Мохова, да поберегите его.

— Иди, Моховъ! иди! не бойся! раздалось весело нѣсколько голосовъ.

Я робко подошелъ къ нимъ, робко началъ прыгать, конфузился и краснѣя; но скоро разыгрался и сталъ выкидывать такіа штуки, что самъ себѣ удивлялся.

— Ай-да Моховъ, молодецъ! сказалъ ласково Патрикѣевъ. — Вотъ такъ-то лучше, чѣмъ одному сидѣть.

Похвала его пріятно польстила моему самолюбію и я еще болѣе развернулся. Даже фараонова мышъ не могла убѣжать отъ меня, я влѣпилъ ему въ спину горячій жгутъ, да тутъ же кстати, подъ вліяніемъ какого-то азарта, ни-съ-того, ни-съ-сего хватилъ и бульдожку. Бульдожка огрызся и далъ мнѣ тумака, я — слава! За бульдожку вступился волчокъ, налетѣлъ на меня, жгутъ ужъ висѣлъ надъ моей головой, но я увернулся схвативъ іуду, и подставилъ его вмѣсто себя. Іуда получилъ слѣдуемый мнѣ жгутъ. Выходка моя была встрѣчена всеобщимъ восторгомъ. Іуду видимо всѣ не любили. Онъ посмотрѣлъ на меня, такъ что проглотилъ бы кажется еслибы могъ, оставилъ игру и сталъ жаловаться Патрикѣеву.

— Вѣдь это игра. Не нравится — не играйте, сказалъ Патрикѣвъ и нахмурился.

Иуда, бормоча что-то подъ носъ, отправился на заднюю скамейку.

— Ай-да Моховъ! ай-да мокрая курица, каково словчилъ! прокричалъ кто-то.

— Господа! дать ему другое имя, мокрая курица нейдетъ!

— Въ тихомъ омутѣ черти водятся, нараспѣвъ произнесъ Волчокъ.

— Длинно, господа.

— Омуть! вотъ вамъ и коротко, отвѣчалъ волчокъ серьезно.

— Омуть! омутъ! Такъ будь же ты отнынѣ и вовѣки омутъ, пропищалъ воробей.

— Будетъ, господа! поиграли и довольно; пора и за книгу, — сказалъ Патрикѣвъ, и вышелъ изъ класа.

Всѣ тихо разбрелись по мѣстамъ. Я усѣлся возлѣ своего со-сѣда, волчка, и съ удовольствіемъ развернулъ книгу. На сердце чувствовалась какая-то легкость, веселость, и прежняя усталость разлилась по всему тѣлу.

— Волчокъ, скажите какіе у насъ завтра утренніе класы.

— А! за умъ взялся, пора! Исторія завтра. Карфагеняне за-давы, — и онъ показалъ мнѣ нѣсколько страницъ.

— Охъ, — какія длинныя! а еще какой класъ?

— Только изъ исторіи.

— Да вѣдь у насъ два класа утромъ?

— Изъ другаго никто не готовитъ, — собачій языкъ... трой-ку станутъ объѣзжать, и сказавъ это, волчокъ уткнулъ носъ въ книгу.

— Вы какъ готовитесь... на зубокъ или на расказъ? вдругъ спросилъ онъ меня неожиданно.

— Я на расказъ, отвѣчалъ я, хотя самъ не понималъ, что та-кое на зубокъ, и что на расказъ.

— Ну такъ давайте учить вмѣстѣ, я зубришекъ терпѣть не могу, а мы вотъ какъ... прочтемъ: я расказу, потомъ вы, да такъ и будемъ.

Это меня заинтересовало, и мы весь вечеръ съ волчкомъ рассказывали о карфагенянахъ. Незадолго до ужина вошелъ Па-трикѣвъ, подошелъ къ намъ, выслушалъ наши расказы и по-хваливалъ. Весь класъ окружилъ его, кто просилъ объяснить не-

понятное слова, кто — указать мѣстность на картѣ. Онъ необыкновенно скоро удовлетворялъ желанія всѣхъ.

— Вотъ кабы всѣ такіе какъ этотъ, сказала волчокъ, кивнувъ на Патрикѣва, когда тотъ уходилъ: — такъ хорошо бы было.

— А что, развѣ другіе не хорошіе? спросилъ я.

Волчокъ вытаращилъ на меня глаза.

— Да что у васъ глаза варомъ что-ли залѣплены. Онъ от-вернулся отъ меня и сталъ перелистывать книгу.

— Послушайте, волчокъ! Какія тройки завтра! Вы говорили, что тройки будутъ.

— Самъ увидишь! и онъ уткнулъ носъ въ книгу.

Послѣ ужина отвели насъ въ дортуаръ, и всѣ разбрелся по своимъ номерамъ. Кто не раздѣваясь прямо ложился на койку и дремалъ, въ ожиданіи звонка. Кто доучивалъ урокъ, усѣвшись на корточкахъ возлѣ камина, другіе составляли кучки, спорили и шумѣли. Постилали свою постельку, а тоже подошелъ къ одной группѣ. Ее составляли все мои однокласники, только почетное мѣсто въ срединѣ занималъ незнакомый мнѣ мальчикъ. Онъ страшно гримасничалъ, размахивалъ руками, божился и спорилъ.

-- Врешь ты все, сплетница! обратился къ нему волчокъ.

— Ейбогу, забожился крестясь незнакомецъ. — Всѣмъ классомъ отдули!.. хотѣлъ жаловаться Григорью Григорьичу, да пообѣщали еще побить.

— Ты наговорщикъ извѣстный. У насъ на своихъ плетешь, а къ своимъ придешь — на насъ наговаривать станешь. Что? неправду я говорю.

— Ейбогу, я никогда!

— Божись! Кто тебѣ повѣритъ... Ты что на прошлой недѣли про Пѣтухова рассказывалъ, а?

— Я не самъ, мнѣ передали.

— Передали! гм... а кто Карну Карпычу перенесъ, что Мельковъ съ Сливиннымъ курили въ кухнѣ?.. Баба, сплетница... смотри Моховъ, не связывайся съ нимъ. Онъ станетъ навязываться къ тебѣ. Это лиса! Такъ ты плюнь ему въ глаза.

— Ты что ругаешься, заговорилъ мальчикъ: — я пойду пожалуюсь на тебя.

— Слушай, жалуйся. Пойдемъ, братъ Моховъ, ходить.

— Пойдите!..

И мы вышли въ коридоръ.

Онъ былъ запруженъ гуляющими. Всѣ ходили группами въ четыре, пять и болѣе человѣкъ, обнявшись.

— У тебя есть родители, Моховъ?

— Есть, папенька и маменька.

— Гм... а богатые?

— Нѣтъ, — вотъ дѣдушка у меня богатый... и я началъ рассказывать о дѣдушкѣ, деревнѣ, конномъ заводѣ; но Баробинъ остановилъ меня:

— Твои ничего не прислали инспектору?

— Ничего, отвѣчалъ я, плохо понимая, что такое можно прислать инспектору и зачѣмъ.

— То-то! У насъ племяшей не любятъ. Вотъ они... и всегда вѣсть, сказалъ онъ, указывая на группу въ пять человѣкъ. — Фискалы! громко крикнулъ онъ имъ, когда мы поровнялись.

Въ это время раздался звонокъ.

— Ну, прощай, братъ Моховъ. Да говори мнѣ впередъ ты, а то ты какъ красная дѣвушка, все вы, да вы.

— Славный какой этотъ волчокъ, размышлялъ я, укладываясь въ постель. — А какія это тройки завтра будутъ, самъ говорить увидишь... гм... зачѣмъ это инспектору присылаютъ. И назвали-то какъ ихъ, племяши, гм... нехорошее должно-быть слово... Изъ нѣмецкаго учиться... стыдно: волчокъ сказывалъ. Отчего это стыдно? Вотъ изъ другихъ же не стыдно. Я заснулъ какъ убитый. Всталъ я съ свѣжей головой и въ пріятномъ расположеніи духа. Даже блѣдный свѣтъ лампы, слывавшійся со свѣтомъ загорающейся зори, мнѣ показался только страшнымъ и не дѣйствовалъ уже такъ непріятно на нервы, какъ прежде. Началъ класы. Вошелъ учитель исторіи; я съ любопытствомъ сталъ разсматривать его личность. Это былъ неуклюжій господинъ, небольшого роста, сгорбленный и заика. На немъ былъ надѣтъ уродливый фракъ съ длиннѣйшими фалдами, видимо потертый на локтяхъ и швахъ, и смазные сабоги, которые скрипѣть не скрипѣли, а какъ-то тяжело вздыхали, когда онъ начиналъ ходить по класу. Но его видимо всѣ любили, свѣдѣли смиренно, не шумѣли и только изъ-за балловъ постоянно выходили споры. Спросивъ двухъ-трехъ учениковъ, онъ вызвалъ меня.

Зная урокъ твердо, я началъ расказъ съ увѣренностью, даже увлекся и расказалъ очень хорошо.

— Молодецъ! молодецъ! Вотъ тебѣ двѣнадцать, сказалъ учитель выставляя балъ.

Волчокъ поднялся со своей скамейки.

— Двѣнадцать въ квадратѣ слѣдуетъ, Афанасій Петровичъ!

— Нельзя, нельзя, заговорилъ онъ скороговоркой, запинаясь на каждомъ словѣ: — нельзя, новичекъ еще.

— Коркину вы поставили въ кубѣ, такъ Мохову слѣдуетъ въ квадратѣ, заступался волчокъ, подходя къ кафедрѣ.

— Ты учить хочешь! А! учить хочешь... яйца курицу учать. Вотъ ему съ плюсомъ... будетъ съ него.

— Поставьте въ квадратѣ... онъ стоитъ... это несправедливости. Вы сами учите насъ по справедливости поступать, приставалъ волчокъ.

— У, у! банный листъ присталъ. Ну, ну, такъ и быть для тебя. Ты у меня ораторъ, Демосѣенъ. Ну, доволенъ.

— Благодарю васъ покорно.

— Ну, убирайся къ чорту.

Я земли не чувствовалъ подъ собой отъ восторга... двѣнадцать въ квадратѣ. Весь класъ я просидѣлъ въ какомъ-то лихорадочномъ жару, отъ пріятнаго душевнаго волненія.

Прозвонили перемину. Всѣ окружили Фараонову-мышь, которая на задней скамейкѣ была занята чѣмъ-то серьезнымъ, что было замѣтно по ея озабоченному лицу.

— Ну что, готово у тебя? спрашивали его.

— Погодите, правая пристяжная не дается.

— А урокъ кто готовилъ, господи?

— Я, отвѣчалъ бульдожка.

— Разборчиво ли?

— Небось, разборчиво, и бульдожка поднялъ надъ головой листъ бумаги, написанный нѣмецкими словами, буквами чуть ли не въ вершокъ.

— А кто будетъ держать?

— Калугинъ возлѣ него сидитъ, онъ и будетъ.

Неуспѣлъ учитель-нѣмецъ переступить порогъ класа, какъ поднялся страшный шумъ и крикъ. Одинъ пѣлъ пѣтухомъ, другой, приставивъ кулакъ ко рту, игралъ на трубѣ, третій мяукалъ вежкошечью, четвертый лаялъ псобачью, кто декламировалъ нѣ-

жесткую басню, кто пѣлъ во все горло по методѣ Эртеля: *Das ist eine Rose*, — крикъ, шумъ, свистъ — сущій содомъ.

— *Stille!* закричалъ нѣмецъ неистовымъ голосомъ, краснѣя отъ досады. — Чтой этой есть?

Всѣ стихли.

— Васъ давно не видали, Карлъ Карлычъ, такъ обрадовались.

— Я буду дѣлать радость... я буду вамъ много дѣлать радости... свиней, каналь...

— Не ругайся, нѣмецъ!.. закричалъ волчокъ, ударивъ кулакомъ по столу.

— Ви что сказала... а?

— Ничего.

— Подавать мнѣ стулъ.

— Стулъ, стулъ Карлу Карлычу, закричала фараонова мышь.

И человекъ пять бросились къ кафедрѣ, схватили стулъ, подняли его надъ головой, и въ торжественной тишинѣ поставили у скамьи. Учитель сѣлъ и сталъ вызывать. Онъ видимо привыкъ къ этой церемоніи. Урокъ отвѣчали отлично. Только что являлся ученикъ передъ Карломъ Карлычемъ, какъ Калугинъ поднималъ за спиной его листъ, и вызванный бойко отвѣчалъ по писанному; нѣмецъ не замѣчалъ этой продѣлки. Когда вышелъ бульдожка, фараонова мышь засуетилась на задней скамейкѣ. Не успѣлъ онъ сказать трехъ словъ, раздался хохотъ, и на средину класа вылетѣла тройка мышей, запряженныхъ въ маленькую деревянную телѣжку. Нѣмецъ какъ сумашедшій вскочилъ со стула, поблѣднѣлъ и бросился къ двери. Бульдожка схватилъ его за фалды фрака и не пускалъ.

— Нѣтъ, Карлъ Карлычъ, вы прежде меня урокъ доспросите.

— Пускай меня, негодный твари! кричалъ нѣмецъ, бахтанясь.

— Да вы урокъ доспросите, а то послѣ пожалуетесь, что я не приготовилъ: знаемъ мы васъ.

Между тѣмъ испуганныя мыши, пробѣжавъ раза два по класу, прижались въ углу.

— Вся класа на нога становится! закричалъ нѣмецъ, оправившись отъ перваго страха: — а ти... ти... на печка, и онъ указалъ пальцемъ на бульдожку.

Въ одно мгновеніе онъ очутился на скамьѣ и собирався лѣзть на печь.

— Нѣтъ! нѣтъ! горячился нѣмецъ: — подъ печка!

Бульдожка соскочилъ со скамьи, растянулся на полу и сталъ представлять, что онъ лѣзетъ подъ печь. Весь класъ смѣялся.

Нѣмецъ позеленѣлъ отъ злости; видимо онъ не могъ справиться съ предлогомъ.

— Стой, стой... за печка.

— Это не порусски, Карлъ Карлычъ! закричалъ кто-то: — надо сказать сверху печку.

— Это, это въ печка!.. передъ печка, кричалъ вышедшій изъ себя нѣмецъ.

Гомерическій хохоть оглашалъ класъ. Въ одинъ прыжокъ Карлъ Карлычъ выскочилъ изъ класа.

— Чуръ не выдавать господа, провозгласила фараонова мышъ.

— А ты лошадокъ-то уברי, сказалъ бульдожка, взялъ тройку и передалъ ее фараоновой мыши. Послѣдній живо влѣзъ на печь при помощи плечъ рослаго товарища.

— Пичугинъ, брось кусочекъ сальца, надо покормить соловенькихъ.

На печь полѣтѣлъ сальный огарокъ.

Дверь открылась и въ дверь вошелъ взволнованный нѣмецъ въ сопровожденіи Карпа Карпыча.

— Такъ они тебя мышками пугать вздумали, ха-ха-ха, и онъ залился добродушнѣйшимъ смѣхомъ. — Вотъ я ихъ шедь-медовъ. На ноги, иполяры!

Мы всѣ поднялись.

— А ты ужъ и испугался нѣмчура, эхъ ты, воинъ, воинъ!..

— Я васъ проситъ наказывать ихъ.

— Ишь чего нѣмчурѣ захотѣлось, хе-хе... наказывать, дередразнилъ Карпъ Карпычъ нѣмца. — Будь по твоему, выдержи я ихъ сегодня на хлѣбцѣ да водицѣ. Утѣшу нѣмца... Мышци испугался... твари божьей испугался... ахъ ты итальянецъ.

— Карпъ Карпычъ, мы не пускали мышей, заговорилъ волчокъ. — Это Калугинъ бумажку бросилъ, а Карлу Карлычу показалось, что мышъ. Они боятся мышей.

— Моцать! неистово закричалъ Карлъ Карлычъ, топчущъ

ногой. — Вошь ошь гдѣ сидитъ, проговорилъ ошь ужь болѣе робкимъ голосомъ, указывая на уголь и боясь подойти.

— Что ты нѣмчура, здѣсь ничего нѣтъ... и вправду бумажка лежитъ. Ахъ ты итальянецъ! бумажку за мышъ принялъ. Какой же ты воинъ послѣ того. Ну что, кабы тебя въ кампанію послать, въ походъ, что бы съ тобой сдѣлалось, ха-ха-ха.

— Вы Карпъ Карпычъ смѣваетесь, заговорилъ горячась учитель.

— Я, братъ, ужь сорокъ-одинъ годъ какъ Карпъ Карпычъ, ха-ха-ха... ахти.

— Я жалоба... инспекторъ...

— Ч-т-о? Ахъ ты нѣмчура проклятая... пугать вздумалъ... нетрусливаго, братъ, десятка... хе-хе... ахъ колбасникъ... жаловаться...

И Карпъ Карпычъ, принужденно посмѣиваясь, но замѣтно обиженный, тихо вышелъ изъ класа.

Мы разразились смѣхомъ. Мнѣ чрезвычайно понравилось, что Карпъ Карпычъ назвалъ нѣмца колбасникомъ.

— Карлъ Карпычъ, какъ повѣмецки колбасникъ! спросилъ я, подстрекаемый новымъ для меня чувствомъ пустить шпильку въ больное мѣсто ближняго.

Мой вопросъ вызвалъ общій смѣхъ; щеки у меня запылали отъ удовольствія. Отличился, — рѣшилъ я мысленно.

Весь класъ прошелъ весело. Вотъ это хорошо, подумалъ я; кабы всѣ класы такіе, славно бы... не скучно бы было, пожалуй, въ корпусѣ.

По окончаніи класа по всему корпусу поднялась бѣготня и суматоха. Всѣ спѣшили въ отпускъ на воскресенье. Въ дортуарахъ одѣвались, умывались, чистились, помадились, причесывались и охорашивались передъ зеркалами. У большей части лица были одушевленнѣе обыкновеннаго. На самыхъ серьезныхъ, сонныхъ личикахъ скользила улыбка: лѣнливые и непопротливые обнаруживали своего рода энергію. Только штрафованные, лишонные отпуска какъ тѣни бродили изъ камеры въ камеру, съ повѣшенными носами и мутными, блуждающими взглядами. Маленькіе даже плакали.

— Моховъ, ты нейдешь? спросилъ меня мой отдѣленный старшій (уатерь-офицеръ).

— Нейду, не къ кому!

— Ну такъ на тебѣ шашку. Вычисти хорошенько!

— Я не умѣю-съ...

— Учись... Смотри, сухой банкой чисти; да кистью, а не суконой... чтобъ горѣло у меня.

Совершенно сконфуженный, я взялъ шашку и началъ шкрябаться съ нею изъ камеры въ камеру, незная что мнѣ дѣлать. Выручилъ Барабинъ.

— Ты кому это? спросилъ онъ.

— Старшему.

— Какому?

— Сидоренкѣ.

— Ну, этому можно; давай, я почищу за тебя; а ты смотри да учись.

Я съ ужасомъ увидѣлъ, какъ Барабинъ натеръ помадной банки въ порошокъ, насыпалъ его на шашку, засучилъ рукава рубахи выше локти и началъ кистью руки такъ натирать шашку, какъ-будто вмѣсто руки у него была придѣлана деревянная налка. Мѣдь дѣйствительно скоро заблестала, но вся кожа его руки стала темно-бураго цвѣта и въ какихъ-то пупырышкахъ. «Ай, ай, ай... вонъ какъ вы... больно я думаю».

— Ничего, привыкнешь; на отнеси.

— Молодецъ! сказалъ старшій, когда я подалъ ему шашку: — отлично, за это братъ, я тебѣ позволяю всегда мнѣ чистить.

Меня окружила толпа.

— Вычисти мнѣ за пирожокъ! кричалъ одинъ.

— Нѣтъ мнѣ, — пирожокъ и варенья порція! кричалъ другой.

— Бери двѣ порціи масла! слышался голосъ третьяго.

Я вырвался и убѣжалъ въ коридоръ. Толпа слугъ, бабъ, мальчишекъ окружила меня.

— Скажите батюшка Мумину, что пришла за нимъ Адротья-съ! говорила какая-то старушка въ коцевейкѣ, съ повязаннымъ на головѣ платкомъ.

— Да ужъ и Мирошкину потрудитесь... лошади моль заблудить... цѣлый день съ барыней ѣздила! басыль здоровенной кучеръ.

— Муминъ, Мирошкинъ, за вами есть! крикнулъ я, забѣжавъ въ ихъ камеру, и мнѣ вдругъ стало очень грустно. Я чуть

не заплакалъ, слушая, какъ раздавались голоса : «Коркинъ, за тобой! Власевъ, къ тебѣ пришли».

За мной никто не придетъ! печально подумалъ я : — что-то наши дѣлаютъ! Теперь, я думаю, всеобщая идетъ, а послѣ чай пить станутъ. Отецъ Селифанъ станетъ рассказывать какъ онъ сталъ расти съ шестнадцатаго года ; онъ всякій разъ послѣ всеобщей это рассказываетъ, а потомъ про мощи кievскія станетъ говорить. Какая большая борода у этого Селифана, да бѣлая. А Николай Гаврилычъ про турокъ и про войну. Ахъ, какъ славно бы дома теперь быть. Мамаша дала бы намъ съ Машенькой по кусочку сахару, стали бы мы жечь леденцы на огнѣ, и сами бы скушали. А тамъ бы няня сказку сказала, а тамъ бы завтра къ обѣднѣ пошли ; мнѣ бы просфиру дали, и я бы съ Машенькой пополамъ раздѣлилъ. А здѣсь и поиграть-то не съ кѣмъ, всѣ разошлись.»

Я сошелъ внизъ въ класъ, усѣлся на заднюю скамейку и расплакался.

Утромъ только что мы разбрелись послѣ чаю, какъ ко мнѣ подошелъ Карпъ Карпычъ и объявилъ, что за мной прислалъ Патрикѣевъ, велѣлъ одѣться и далъ билетъ. Въ веселомъ расположеніи духа шолъ я по улицѣ въ подпрыжку, съ гордостью осматривалъ на билетъ, выглядывающій изъ-за борта мундирчика. Меня только немножко сконфузило, что я иду не одинъ, а съ провожатымъ, но я старался помочь этому горю, ускоряя шагъ, такъ что мальчишка, посланный за мной, чуть не бѣгомъ слѣдовалъ за мной.

Первое, что бросилось мнѣ въ глаза при входѣ въ домъ Патрикѣева, — необыкновенный порядокъ и чистота. Множество горшковъ съ цвѣтами занимало всѣ окна и углы залы, на многихъ были бутончики.

Какъ хорошо все здѣсь! была моя первая мысль.

На встрѣчу мнѣ вышелъ самъ Патрикѣевъ и съ нимъ какая-то дама.

— А, Моховъ! прошу пожаловать, сказалъ онъ весело : — я нарочно послалъ за вами. Скучно, думаю, въ корпусѣ, а?

— Скучно! сказалъ я, невольно кланяясь дамѣ и покраснѣвъ.

— Ну, можетъ у меня повеселѣе будетъ. Жоржъ, гдѣ ты?

Въ комнату вбѣжалъ мальчикъ, почти ровесникъ мнѣ по лѣтамъ. Онъ держалъ въ рукахъ книгу.

— Это мой братъ! сказалъ Натриѣвъ. — Господинъ Мохъ, сказалъ онъ мальчику : — прашу любовь да жалость.

— Очень пріятно! заговорилъ мальчикъ, пожимая мнѣ руку : — а я картинки смотрѣлъ. Мнѣ братецъ книжечку подарилъ съ картинками. Вчера было мое рожденіе. Сестрица мнѣ красокъ купила, я покажу вамъ ихъ. Пойдемте къ братцу въ кабинетъ, онъ сегодня не занимается.

Мы вошли въ небольшую комнату съ пыльнымъ столомъ у стѣны, которая вся была обвѣшана портретами. На столѣ лежала кupa исписанной бумаги, портфель, незатѣйливая чернильница бѣлаго стекла и нѣсколько статуэтокъ. Угольная атажерка вся была занята книгами, въ перешлесахъ и безъ перешлетовъ.

— Давайте смотрѣть картинки. Вотъ видите: «Островитяне тихаго океана», прочелъ онъ медленно. — Посмотрите, какіе желтые. И онъ указалъ на картинку.

— Вотъ они какіе, подумалъ я. Картинки мнѣ чрезвычайно понравились : я еще такихъ не видывалъ.

— Какіе между ними злые, еслибъ вы знали; людей ѣдятъ.

— Ай, ай! Зачѣмъ же они ихъ ѣдятъ? и я вытаращивъ глаза отъ изумленія.

— Такъ, ѣдятъ. Необразованные... оттого. Тутъ объ нихъ много описано. А вотъ Кукъ, капитанъ, я и про него прочелъ. И онъ показалъ мнѣ портретъ.

— Пойдите, я вамъ теперь краски покажу! онъ оставилъ книгу и досталъ краски : — смотрите, какія славныя.

Я сталъ разсматривать краски съ любопытствомъ и удовольствіемъ.

— Вотъ желтая, а вотъ красная ; а смѣлая-то какая сладкая, посмотрите.

Онъ взялъ краску, помочилъ языкомъ и попробовалъ ее на пальцѣ.

— Да, хорошая очень.

— Возьмите себѣ ее.

Я сконфузился. Мнѣ и краска очень нравилась, да и брать ее было какъ-то стыдно.

— Возьмите пожалуйста. У меня вѣдь еще старыя остались. Пойдите, я вамъ отберу и другія. Онъ досталъ ящикъ, сфобралъ нѣсколько кусковъ, завернулъ въ бумажку и положилъ мнѣ въ карманъ. — Тутъ всякія есть. Вотъ только зеленой нѣтъ у меня

другой, провизнесъ онъ печально, въ раздумьи. — А знаете ли что, я научу васъ! и глаза его заблестали. — Вы возьмите желтую и синюю и смѣшайте: и выйдетъ зеленая. Я вѣдь не парочно говорю, посмотрите! и онъ показалъ мнѣ этотъ опытъ.

— Нѣтъ, право, я не возьму! проговорилъ я, доставая изъ кармава краски. Мнѣ вдругъ стало ужасно стыдно, что я взялъ ихъ.

— Если вы любите меня, такъ возьмете, а не любите... Васъ братецъ очень хвалить! заключилъ онъ неожиданно.

— А теперь давайте волчокъ пускать.

— Будете лучше картинки смотрѣть.

— Хорошо, только знаете, лучше мы теперь поиграемъ въ волчокъ, а послѣ обѣда, какъ братецъ пойдетъ отдыхать, мы заберемся сюда и всѣ картинки у него пересмотримъ, у него ихъ много; а теперь волчокъ. Братецъ, можно въ волчокъ!

— Сдѣлай милость! послышался голосъ Патрикѣва. Мы принялись за волчокъ.

До обѣда мы съ Жоржемъ рѣзались до-нельзя, а послѣ отправились въ кабинетъ и принялись за картинки. Съ жадностью всматривался я въ другія гравюры, силясь разгадать смыслъ ихъ. Книжки были все иностранныя.

— Жалко, водписи не разберешь, что это такое. Сестрица только что начала меня учить понѣмецки. А вы знаете понѣмецки? спросилъ Жоржъ.

— Нѣтъ, у васъ никто не учится понѣмецки; это собачій языкъ! отвѣчалъ я съ нѣкоторымъ удовольствіемъ.

— Какъ собачій? и Жоржъ вытаращилъ на меня глаза.

— Такъ! нѣмцы всѣ собаки, брякнулъ я со словъ Барабина, которыя почему-то мнѣ показались ушными и острыми. Они тогда произвели всеобщій восторгъ въ класѣ.

— Ахъ, это неправда. Братецъ говоритъ, что нѣмцы очень умные, а братецъ все знаетъ и никогда не обманываетъ. Вотъ это у него все нѣмецкія книжки.

— Русскому стыдно учиться понѣмецки. Русскій никого не боится, русскій покажетъ нѣмцу кулакъ, такъ онъ и умретъ со страху. Нѣмцы колбасники. Это и Карпъ Карпычъ говорилъ, а еще ошпоръ, впрочемъ не станетъ говорить, горячился я.

— Ахъ да, русскіе очень храбрые; русскіе храбрѣе нѣмцевъ, это и братецъ говорилъ. Зато нѣмцы очень умные. Бра-

тѣцъ говорилъ, что у русскихъ нѣтъ такихъ ученыхъ книжекъ, какъ у нѣмцевъ. Вотъ я и хочу учиться понѣмецки. Тогда всѣ, всѣ эти книги прочту.

— Нѣмцы смѣшные всѣ такіе, длинноносые. И въ церковь нашу не ходятъ.

Жоржъ захохоталъ. Мнѣ стало обидно, я надулся, подошелъ къ окну и сталъ смотрѣть на подоконникъ, опустивъ голову. Въ это самое время вошелъ Патрикѣвъ. Жоржъ сообщилъ ему нашъ споръ. Онъ закурилъ сигару, усѣлся въ кресло и сталъ рассказывать намъ о томъ, что и нѣмецъ можетъ быть порядочнымъ человѣкомъ, и русскій дурнымъ и наоборотъ; а что Богъ для всѣхъ одинъ. Онъ объяснилъ это все такъ просто, ясно, что я съ наслажденіемъ слушалъ его, и многое, до того непонятное мнѣ, стало уясняться. Вечеромъ насъ позвали пить чай въ гостиную, и мы всѣ усѣлись за небольшой, круглый столикъ, на которомъ громко шумѣлъ самоваръ. Мнѣ сдѣлалось очень весело. Мысль быстро перелетѣла въ родимый домъ. Я нечаянно взглянулъ на Патрикѣву, и невольно нѣсколько минутъ не могъ отъ нея отвести глазъ. Ахъ, какая она хорошенькая! думалъ я, всматриваясь въ нѣжныя, тонкія, привлекательныя черты ея матоваго, симпатичнаго личика, и въ большіе, мягкіе, сѣрые глаза. Я смотрѣлъ на нее, и передъ глазами моими совершалась странная метаморфоза. Черты ея какъ-будто стали не немного измѣняться, улыбка на губахъ раздвинулась шире, тонкія брови сблизились надъ переносьемъ, большіе глаза прищурились, передъ моими глазами сидѣла мать.

— Ольга! ты не замѣчаешь, какъ на тебя пристально смотрять? спросилъ громко Патрикѣвъ.

Она взглянула на меня, я вспыхнулъ, покраснѣлъ до ушей и оставилъ глаза въ печку.

Патрикѣва улыбнулась такъ хорошо, что вся моя неловкость вдругъ исчезла.

— Сладко ли я вамъ налила? спросила она.

Сладко! отвѣчалъ я, и самъ не знаю почему, весь вспыхнулъ.

Въ это время въ передней послышался шорохъ и въ комнату вошелъ бѣлокурый и съ нимъ еще двое старшихъ кадетъ верхняго класса.

— Здравствуйте, здравствуйте, господа! очень радъ, сна-

собою вамъ! говорилъ Патрикѣевъ, пожимая имъ руки. Всѣ потѣшились и усѣлись вокругъ стола. Блондинъ сѣлъ наискось Патрикѣевой. Зашло общій разговоръ; одинъ блондинъ молча мѣшалъ ложечкой въ стаканѣ. Я взглянулъ на него и увидѣлъ, что онъ пристально смотритъ на Патрикѣеву съ выраженіемъ святаго благоговѣнія. Мнѣ вспомнилась одна старушка, которая, молясь, всегда такъ смотрѣла на образъ. На лицѣ его было написано полное, глубокое счастье. Патрикѣева кажется не видѣла его взгляда. Она о чемъ-то разговаривала, оборотясь къ мужу.

— А теперь ты не чувствуешь на себѣ взгляда? вдругъ спросилъ Патрикѣевъ улыбувшись.

Блондинъ страшно сконфузился и покраснѣлъ какъ ракъ.

— Вотъ и другой покраснѣлъ! сказалъ шутя Патрикѣевъ. — Передъ вами только что Моховъ отличился. Что за причина? Вы отчего покраснѣли, а? сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

Я вдругъ почувствовалъ какой-то приливъ развязности.

— Оттого что онѣ... хорошенькія! сказалъ я и покраснѣлъ, чувствуя, что сказалъ несовсѣмъ то, что хотѣлось сказать, а хотѣлось незнаю почему сказать что-то очень хорошее, такое хорошее, чтобъ понравилось всѣмъ.

— Эге! вотъ какъ! Такъ вы ужъ и хорошенькихъ замѣчаете; рано немножко. Ну, а вы Амосовъ? оборотился онъ къ блондину: — таже причина?

— Полно, Александръ! и она взглянула на мужа съ упрекомъ.

— Знаемъ, знаемъ, что ты вѣчная заступница! Да зачѣмъ же самой краснѣть?

Ольга Петровна дѣйствительно вспыхнула.

Послѣ чая мы съ Жоржемъ снова принялись за волчокъ, а Патрикѣевъ съ женой и гостями ушли въ кабинетъ.

— Знаете что, Моховъ! сказалъ Жоржъ, когда мы вдоволь наигрались: — пойдемте послушать ихъ, что они тамъ говорятъ.

— Хорошо, пойдемте!

Мы вошли въ кабинетъ. Я робко выступалъ за Жоржемъ.

— Что тебѣ? спросилъ Патрикѣевъ Жоржа.

— Мы, братецъ, посидимъ здѣсь и слушаемъ. И мы пробрались въ уголокъ.

Я слушалъ съ жалнымъ вниманіемъ, хотя рѣшительно не понималъ, о чемъ идетъ рѣчь; тѣмъ менѣе я былъ доволенъ. Умъ и сердце говорили мнѣ, что между этими людьми толкуется о хорошихъ и очень умныхъ вещахъ. Я чувствовалъ особенное удовольствіе смотрѣть на Патрикѣева, когда онъ спорилъ. Всегда тихій, скромный, онъ говорилъ много, говорилъ горячо, съ увлеченіемъ. Глаза его горѣли, лицо дышало какой-то обаятельной силой, а на щекахъ пятнами игралъ румянецъ. Блещитъ больше молчалъ и поминутно украдкой взглядывалъ на Патрикѣеву, которая сидѣла на диванѣ и также принимала участіе въ спорѣ. Въ первый разъ я слышалъ, какъ люди спорятъ, и понималъ только одно, что Мамаевъ и Шаловъ, долго не уступавшіе Патрикѣеву, каждый разъ оканчивали тѣмъ, что соглашались и признавали, что онъ правъ.

— Ай, ай, какой умный у васъ братецъ! шепнулъ я Жоржу. Глаза его заблестали удовольствіемъ.

— А какой онъ добрый, какъ любить меня и сестрицу! отвѣчалъ онъ со вздохомъ. Въ этомъ вздохѣ слышался какъ-будто избытокъ счастья.

Вдругъ дверь отворилась и въ комнату вошелъ нашъ офицеръ Еропъ Савичъ, впрочемъ болѣе извѣстный между нами подъ именемъ «образцоваго» и лизуна. Трудно представить себѣ болѣе антипатичную личность. Онъ былъ кособокъ, голова склонена на сторону, а въ выраженіи лица всегда столько меду, что невозможно было на него смотрѣть безъ отвращенія. Небольшой, хриплый, вкрадчивый голосокъ, и масляные заискивающіе глазки, цвѣтъ которыхъ напоминалъ весеннюю, мутную воду, довершали очарованіе. Онъ не былъ ни особенно строгъ, ни особенно несправедливъ, но его всѣ не терпѣли. Всѣхъ отталкивали отъ него его вѣчныя, до наглости явныя заискиванія у начальства, его уморительно-важная манера строго держать себя передъ мальчишками, которая вдругъ измѣнялась въ рабскую, презрѣнную, когда къ нему обращался старшій. Онъ наклонялся всѣмъ корпусомъ впередъ, хотя природа тянула его всѣмъ корпусомъ какъ-то на бокъ, на сторону. Глазки принимали возмутительное, гадкое выраженіе преданности по гробъ, щурились и слезились какъ у морской свинки, а руки спокойно замирали на лампадахъ шароваръ. Послѣдній лѣнтяй и шалуунъ смотрѣлъ на него съ презрѣніемъ, насмѣшкой, и ницѣ не отмы-

вадеса кашъ о лгунишкѣ, хвастунѣ и фискалѣ. Начальство благоволило къ нему какъ къ офицеру, переведенному изъ столицы, и ставило въ образецъ другимъ. Это-то и подало поводъ къ насмѣшливому прозвищу образцоваго. Хитрый, вкрадчивый, онъ успѣлъ развратить трехъ-четырехъ мальчицовъ, сдѣлалъ ихъ своими наущниками и оцѣпилъ ими весь корпусъ. И не было той драгги, той слетки, которой бы не зналъ Еропъ Савичъ, и не доносилъ преданно, по секрету, начальству. Появленіе его видимо произвело непріятное впечатлѣніе на всѣхъ. Всѣ какъ-то значительно переглянулись. Патрикѣевъ даже не нашолъ нужнымъ скрыть этого. Онъ холодно поклонился гостю, и когда тотъ съ сладкой улыбкой протянулъ ему руку, Патрикѣевъ заштыко нехотя подалъ свою и молча указалъ на стулъ. Еропъ Савичъ не сконфузился, только по лицу его пробѣжала гадкая улыбка. Разговоръ не кленся. Блондинъ и его товарищи подыались и стали прощаться.

— Господа, вы въ корпусъ, такъ возьмите съ собой и Мохова! сказалъ Патрикѣевъ: — а вы, Моховъ, если нескучно вамъ у меня, приходите въ воскресенье, я буду радъ. Да вотъ что, — я хотѣлъ спросить васъ: писали вы къ своимъ письмо.

— Нѣтъ-съ, не писалъ-съ!

— Это нехорошо. Приготовьте, я отправлю.

Когда мы вышли на улицу, Шаловъ разлился потокомъ ругательствавъ.

Это вѣрно они Еропъ Савича ругаютъ, подумалъ я.

Когда мы пришли, кадеты были уже въ спальняхъ, и изъ одушка явились почти всѣ. На лицахъ замѣтно было особенное одушевленіе. Шумъ, смѣхъ, говоръ. Каждый повѣрялъ свои праздничныя впечатлѣнія, которыя выслушивались съ жадностью и завистью тѣми, кому судьба въ образѣ инспектора или ротнаго командира, помѣшала побывать дома. Занесенныя городскія новости, какъ молція, быстро обѣгали всѣ камеры. Какъ и вездѣ исторія, рассказанная въ первой камерѣ, во второй уже теряла свою первоначальную простоту, а въ шестой уже дотого змінялась, дополненная загадками и предположеніями, что и узнать-то ее было трудно.

Войдя въ свою камеру, я увидѣлъ бульдожку, окружнаго телной. Онъ что-то ораторствовалъ.

— Моховъ, Моховъ, поди сюда! слышалъ ты объ огненномъ шарѣ?

— О какомъ шарѣ?

— Вотъ Капустинъ (онъ же и бульдожка) рассказываетъ, что огненный шаръ ночью по базару прокатился.

— Ты самъ это видѣлъ, Капустинъ? спросилъ его кто-то.

— Не самъ, а наша прачка сказывала. Она шла въ это время по базару, какъ онъ прокатился.

— Вреть она!

— Ну вотъ вреть; зачѣмъ ей врать... не вреть, а прокатился.

И исторія объ огненномъ шарѣ быстро разнеслась по корпусу. Своей чрезвычайностью она естественно затмила всѣ другія новости. Капустина таскали изъ камеры въ камеру и заставляли повторять рассказъ. Онъ былъ замѣтно доволенъ и смотрѣлъ героемъ дѣя. Я впрочемъ мимо ушей пропустилъ интересную исторію. Меня занимала мысль, что напишу къ мамашѣ. Она засѣла въ голову, немолчно тревожила и не давала спать. Утромъ я долго кряхтѣлъ, пыхтѣлъ и грызъ перо, пока не написалъ первую строку. Начало сдѣлано, остальное пошло какъ по маслу. Довольный успѣхомъ я рѣшилъ, что недурно бы написать и къ Машенькѣ. Послѣ недолгихъ колебаній я началъ.

«Милая Машенька, я васъ не забылъ и очень помню. Учитель нѣмецкій у насъ очень смѣшной. Его Карпъ Карпычъ колбасникомъ...»

Вдругъ сзади меня раздалось хлопанье въ ладоши и крикъ: «Машенька!» Вотъ тебѣ въ награду! закричалъ я неистовымъ голосомъ и пощечина огласила класъ.

Онъ позеленѣлъ отъ злости, ухватился рукой за щеку, вырвалъ начатое письмо у меня изъ рукъ и, желая показаться мелодцомъ, все еще кричалъ сквозь слезы: «Машенька, Машенька!» и показывалъ класу письмо.

— Машенька! закричалъ весь класъ.

И съ этой минуты это прозвище осталось за мной до выпуска.

III

И потекла моя жизнь тихо, ровно, однообразно: чай, класы, ученье, обѣдъ, опять класы, гимнастика, ужинъ. Каждый день

одно в томе, — сегодня что вчера, завтра что сегодня, и так изо дня в день, — шесть лѣтъ. И все это безъ перерывовъ, безъ скачковъ какъ однажды навсегда заведенные часы, въ определенной рамкѣ, въ определенной формѣ, безконечно казенно. Но подѣ этимъ наружнымъ обманчивымъ порядкомъ, безостановочно кипѣла жизнь, роились мысли, гнѣздились мелкія и крупныя страстишки и въ этомъ маленькомъ водоворотѣ развивался, росъ, вырабатывался будущій человекъ. Умъ, сердце, воображеніе впечатлительнаго и нервнаго ребенка работали безъ устали. Работало и въ темномъ уголкѣ длиннаго мрачнаго коридора подѣ однообразный, монотонный звукъ стѣнныхъ часовъ, и подѣ легонькимъ одѣяломъ казенной постельки, когда сонъ убѣгалъ куда-то далеко, и тихо какъ въ могилѣ становилось въ камерѣ. И вдругъ чуднымъ и страннымъ свѣтомъ освѣщалась комната. Койки исчезали; много, много людей входятъ въ нее, и знакомы будто они и не знакомы. И мачинаются у нихъ споры, горячіе, страшные споры, и понимаешь и не понимаешь. Какъ будто и слышалъ что-то такое, да и новы эти рѣчи. И слушаешь со страшнымъ, болѣзненнымъ напряженіемъ, съ неодолимой силой желанія уяснить себѣ эти загадочныя рѣчи, слушаешь, и понимаешь и не понимаешь, а въ головѣ и ушахъ звонъ. Работало воображеніе во фронтѣ, когда руки машинально творили съ ружьемъ разныя штуки, когда грозный голосъ обучающаго перазъ уже напоминалъ, что невниманіе губить полководцевъ и арміи. Работало въ класѣ подѣ монотонныя, безконечно-скучныя расказы учителя. Работало безъ устали, да и могло ли оно оставаться спокойно, когда цѣлый міръ вдругъ распахнулся передо мною, засмотрѣлъ мнѣ въ глаза своими учителями, воспитателями, товарищами по валѣ и помню ея смѣло выставляя на показъ всѣ свои особенности, все свое общее. Тысячу разнородныхъ оцущеній мгновенно возбуждала во мнѣ такая широкая разнообразная картина. Съ жадностью и любопытствомъ бросался я, какъ голодный ребенокъ, на новое незнакомое мнѣ доселѣ блюдо, жадно отыскивалъ и глоталъ лакомые сладкіе кусочки, отбрасывая въ сторону горькіе. Были ли эти сладкіе кусочки лучшими и здоровыми, умъ еще не могъ дать совѣта, а жадность была велика и апетитъ изумительный.

А разнообразенъ былъ этотъ мірокъ, разнообразенъ какъ цѣлый міръ, котораго онъ былъ вѣрнымъ, хотя и своеобразнымъ

отраженіемъ въ мнѣніи. Какія страсти и страстишки не живы въ немъ. Сколько свѣтлыхъ и темныхъ помысловъ зарождается въ этихъ дѣтскихъ головкахъ. Сколько розовыхъ надеждъ яркой звѣздой горѣли гдѣ-то далеко въ туманѣ, влекли и манили къ себѣ, а сколько ихъ уже успѣло разлетѣться мыльными пузырями. Сколько безумно-гордыхъ стремленій, сколько горько-оскорбленныхъ самолюбій.

Дѣтское сердце такое вѣжное, хрупкое существо, что легкое вліяніе заразы уже трогаетъ его; а гдѣ эти консервы отъ разныхъ вѣяній? Правда, вся эта мелкая жизнь маленькаго міра представилась бы неопытному глазу въ формахъ наивно-своеобразныхъ, невинно-дѣтскихъ. Ему показалось бы простодушно-мило тихое нашоштываніе іуды, что такой-то то, а этотъ вотъ что? Онъ искренно улыбнулся бы слушая горькій споръ пебагровѣвшаго бульдожки, что одна Россія велика и могущественна и одни русскіе люди, а остальное все дрянь и нѣмцы собаки. Еще искреннѣе улыбнулся бы онъ, видя какъ Карелинъ болѣе часа любитъ собой въ зеркало и не можетъ отойти: а отойдетъ, такъ о томъ только и рѣчи, что въ воскресенье онъ будетъ танцовать, и какъ лучше руку держать полькируя, повыше фертомъ въ бокъ или на отмашь. Ай, ай, какой практикъ! благосклонно пробормочетъ неопытный наблюдатель, слушая какъ Моравинъ споритъ и горячится, что лучше всего выйти въ казачье войско, получить есаула, да и перейти въ армію капитаномъ; получить майора, да и опять въ казачье войско, полкъ дадутъ, — и рассказываетъ по пальцамъ черезъ сколько лѣтъ можно дослужиться до генерала. Да, простодушному наблюдателю покажется все это наивно-дѣтски, но дѣйствительно ли такъ много въ этомъ наивно-дѣтскаго. Не выглядываетъ ли въ этомъ сѣмячкѣ будущее дерево, въ этомъ мальчикѣ не сквозитъ ли будущій человекъ. Сквозитъ, да еще какъ сквозитъ! Какъ нетрудно зоркому опычному глазу естествоиспытателя отгадать по зародышу будущаго червя. Правдивая фizioномія мальчика вся наружи. Она до дерзости смѣло проявляетъ все что глубоко таится въ самыхъ темныхъ таинственныхъ ея закоулкахъ. Она еще не знакома ни съ масками, ни съ полумасками. И ни время, ни люди, ни обстоятельства не струтутъ этотъ зарождающійся образъ. Онъ можетъ потускнѣть, поблѣкнуть, одніе краски выступать яснѣе, другіе полутьмами, но типичныя черты, — черты его я веревкуютъ людей, время и

обстоятельства. И если вы, встрѣчая взрослога, не узнаете въ немъ когда-то близко-знакомаго мальчика и готовы уже вскрикнуть: «о, какъ ты измѣнился!» — погодите. Вы легко ошибаетесь. Вы невсмотрѣлись еще въ суть, въ зерно его. Вы дали слишкомъ большое значеніе случайнымъ, искусственнымъ и естественнымъ наростамъ, которые на первый взглядъ много измѣнили знакомую вамъ нѣкогда физиономію. Но обойдите эти наросты и она всецѣло предстанетъ предъ вами во всей своей первоначальной красотѣ, только форма ея поразитъ васъ своею законченностью и опредѣленностью, но вѣдь на то и время!

Но гдѣ же тѣ краски, тѣ матерьялы, изъ которыхъ слагается нравственный образъ будущаго человѣка. Часть его прирожденная лежитъ въ немъ самомъ, остальное собирается въ этомъ маленькомъ мірѣ. Оно лежитъ въ доктринахъ и догматахъ, которые громко и безостановочно бьютъ въ уши, въ нравственныхъ личностяхъ воспитателей, во всѣхъ мелочахъ и обстановкѣ этой замкнутой среды. Не широка ея нравственный кодексъ. Учись, будь прилеженъ, не шали, почитай старшихъ, исполняй безпрекословно волю начальства, — вотъ весь онъ, во всей его полнотѣ. И трубятся эти правила съ утра до поздней ночи, трубятся каждадочерно, ежеминутно, и вѣрятъ воспитатели въ наивности и виновности души своей, что свѣтла ихъ мораль и безконечноплодотворна, что добрымъ зерномъ падаетъ она на сердце и даетъ плодъ изобильный. Что не откуда занести вѣтру заразы на мягкія юныя сердца. Высоки стѣны, крѣпки замки. А не чувствуютъ они, что сами на каждомъ шагу лгутъ противъ себя; что помимо этой морали, видятъ яркое дѣтское око другую въ ихъ поступкахъ, въ ихъ словахъ, взглядахъ, дѣйствіяхъ; видятъ и слышатъ во многомъ томъ, что давно уже отказалось видѣть и слышать и нравственное ухо и нравственный глазъ воспитателя. Чуютъ дѣтскія сердца, что тѣсна, узка преслѣдующая насъ мораль, что съ этой моралью дальше крыльца заведенія не уйдешь, что впечатлѣніе ея близко къ впечатлѣнію холодной души, только безъ ея оживляющаго, освѣжающаго свойства. А сердце молодо, кровь быстро течетъ въ жилахъ, мозгъ дѣятельно работаетъ; во всемъ организмѣ чувствуется какая-то болѣзненная жажда чего-то такого что бы утолило и жаръ крови и дѣятельность мозга, а подносятъ безжизненное, неуловимое блюдо — сухую, казенную азбучную мораль, отъ которой болѣз-

венно сжимается сердце, и умъ, какъ испуганная улитка, боязливо свертывается и уходитъ въ свою раковину. А жажда между тѣмъ неудовлетворена, и замечется бѣдная пчелка по нивѣ, нища душистаго меду; бросается она и на чертополохъ, и на бѣленутраву, и на блѣдную лилію и жадно съ болѣзненной истомой всасываетъ ея соки, забывъ, что они ядовиты... Жажда велика! И счастлива пчела, если въ густой чащѣ бѣлены и чертополоха, завидитъ она полевой горошекъ, душицу; о, какъ жадно прильнетъ она, съ какимъ сладостнымъ упоеніемъ пить она сочную медвяную воду. Какъ радостно, звонко шумитъ она свѣтлыми, прозрачными, блестящими крылышками. Какъ музыкально—сладостно ея жужжанье. Да, жажда пчелъ удивительна, а душистыми, сочными цвѣтами такъ бѣдна наша флора. Бѣдная пчелка! И еще жалуются на тебя, что горекъ и неизобиленъ медъ твоихъ сотовъ. Бѣдная пчелка, твоя ли вина!

И потекла моя жизнь тихо, ровно, однообразно. Когда я вспомню распредѣленіе нашего времени для занятій, мнѣ приходитъ въ голову странная догадка. Мнѣ начинаетъ казаться, что механикъ—строитель былъ руководимъ оригинальной мыслью подчинить каждую минуту времени своей волѣ и вліянію, чтобы поминимо этого вліянія не могли, не имѣли мѣста и времени зародиться своеобразная мысль, своеобразное чувство. Онъ видимо дрожалъ и боялся, что вотъ—вотъ совершится страшное дѣло, выскочитъ человѣкъ изъ опредѣленной формы, — формы съ казеннымъ гербомъ и печатью, въ которую должны быть отлиты и мысль, и чувство, и благородство, и много—чего другого, и все это отлито по заранѣе утвержденному рецепту. Столько—то грань безпрекословнаго повиновенія начальству, столько—то уваженія къ старшимъ, столько—то и etc. и проч. и проч. И дѣйствительно, казалось бы такъ и быть должно. Какое тутъ самобытное развитіе. Только знай—успѣвай готовить уроки да отвѣчать ихъ, а подумать, поразмыслить, отчего вотъ этотъ герой поступилъ такъ, а не иначе, а подѣлаться своими загадками съ товарищами, — такихъ минутъ и часовъ не полагается. Позабылъ механикъ—строитель одну истину, что человѣческая природа, хотя бы и дѣтская, не такая вещь, которую можно бы было закупорить въ ящикъ,

хоть бы и съ желѣзными обручами. Такъ или иначе найдеть вы-ходъ, и благо если не разорветъ ящика, и не поранитъ оскол-ками изобрѣтателя хитрой выдумки.

Зажмурю глаза и вижу и себя двѣнадцатилѣтнимъ мальчи-комъ. Вечеръ подъ свѣтлый празникъ. Всѣ, у кого есть родные или знакомые, въ отпуску. Насъ всего-на-всего изъ всѣхъ кла-совъ осталось девять человекъ. На лицахъ у всѣхъ написана смертельная скука. Угловая комната огромнаго дортуара слабо освѣщена моргающимъ ночникомъ и небольшой лампадкой пе-редъ большимъ ротнымъ образомъ, а тамъ даже темнѣе и тем-нѣе, и наконецъ непроницаемая мгла, въ которую изрѣдка не-волью вливаешься пристальнымъ взглядомъ и вдругъ быстро от-вернешься не безъ чувства безотчетной боязни. Бѣлыя наволочки подушекъ выдаются бѣлыми пятнами на черномъ фонѣ. Метал-лическія дощечки на койкахъ какъ-то тоскливо позвякиваютъ при неосторожномъ шагѣ на отставшую паркетину. Подъ влія-ніемъ мучительной скуки, какъ полумумные, кочуемъ мы съ койки на койку. Полежишь на одной, скучно, пойдешь на другую, все скучно, все мѣста не найдешь, гдѣ бы было веселье. Слова вы-дутъ съ языка; у всѣхъ носы повѣшены. Подойдешь къ кому, свресишь что-нибудь и не нужное, такъ только чтобы заговорить, да такъ недождавшись отвѣта и уйдешь. Какъ-будто самъ чув-ствуешь, что сказалъ что-то ужъ очень неловкое. Изъ коридора слабо доносится монотонное всхлипываніе Мурашкина, да мѣр-ные тяжелые шаги Еропа Савича. Ему тоже не весело. Думалъ дома разговѣться, въ семействѣ, анъ нѣтъ, никто изъ холостыхъ смѣнить не захотѣлъ: не стоитъ, говорить, а тутъ еще Мураш-кинъ разсердилъ.

Собралъ насъ Еропъ Савичъ въ кучку (вѣрно очень ужъ ску-ка одолѣла), да и началъ рассказывать: какая онъ важная птица былъ въ столичномъ корпусѣ, какъ кадеты одного взгляда его боялись, а начальство уважало и въ примѣръ товарищамъ ста-вило. Потомъ сталъ поучать какъ слѣдуетъ кадету вести себя, чтобъ заслужить вниманіе начальства: — въ глаза смотрѣтъ весе-ло, всякое приказаніе исполнять быстро, безпрекословно, нераз-суждая и съ веселымъ духомъ. Вольнымъ духомъ отнюдь неза-ражаться, потомучто черезъ вольный духъ все что есть дур-наго въ мірѣ произошло. Много, много чему доброму училъ Еропъ Савичъ, а глупенькій Мурашкинъ, пренаивное существо,

слушалъ, слушалъ да и брякнулъ съ вѣтру: «а намъ говорили, что вы, Еропъ Савичъ, тамъ шпиономъ были.» И спохватился тотчасъ же, покраснѣлъ какъ ракъ, потемъ поблѣднѣлъ, да ужъ поздно было. Разсвирѣнѣлъ Еропъ Савичъ, поставилъ Мурашкина въ коридоръ къ дверямъ, пообѣщалъ розги, разругалъ его на чужъ свѣтъ стоять, да ужъ за одно я насъ всѣхъ обозвалъ негодяями и выходилъ изъ коридору темнѣе ночи. Мучительная тоска! Надо бы мѣдь почистить, къ заутрени поведутъ, да сунонка и щетка изъ рукъ валятся. Никто ничего не дѣлаетъ, никто слова не промолвить, какъ будто всѣ заранее согласились промолчать этотъ вечеръ. Одинъ Кореневъ дѣлатель, да и то молчаливо. Онъ уснѣлъ уже пришить къ шароварамъ огромные карманы до сапогъ и теперь устраиваетъ въ киверѣ перегородку изъ картона, и все платится себѣ подъ носъ, какъ бы смятана сквозь бумагу не прошла. Кореневъ лакомка и надѣется при разговѣннѣ запасться завтракомъ на всю недѣлю.

Часы медленнымъ, хриплымъ басомъ пробили девять. Кто-то началъ считать вслухъ; съ послѣднимъ ударомъ и этотъ голосъ стихъ и опять настала мертвая, скучная тишина.

Вдругъ на койкѣ поднялся Барабинъ.

— Ухъ! долго еще не поведутъ. Экая тоска! Господа, идите ко мнѣ на койку разговаривать.

— И въ самомъ дѣлѣ пойдемте, господа, проговоралъ я, повеселѣвъ отъ одной мысли, что говорить стануть. Нѣкоторые поднялись со своихъ коекъ, перешли на сосѣднія къ Барабину, но никто ни слова. Только Кореневъ страшно сапѣлъ за работой. Ну, приладилъ! сказалъ онъ весело, вздохнувъ всей грудью. Моховъ, ты къ Александру Васильичу разговляться?

— Да, отъ заутрени къ намъ пойду, — просили.

— Смотри, братъ, у меня: безъ яицъ и кулича не ворочайся, и носу лучше непоказывай, — всѣ вихры намну.

— Я принесу, сказалъ я.

— То-то, ты я знаю молодецъ! Захочешь, такъ спроворишь. Эхъ, кабы яйца-то въ крутую, а то въ прошлый годъ въ смятку подали, всѣ штаны черепортилъ. Хорошо кабы въ крутую! Кореневъ вздохнулъ и наступила тишина.

— Господа! давайте объ офицерахъ говорить, раздался чей-то голосъ.

— Ну-ихъ! проворчалъ Барабинъ... Молчаніе...

— Господа! мнѣ кажется Еропъ Савичъ не умный, сказалъ я, желая завязать разговоръ.

Барабинъ разразился хохотомъ.

— У, голова, братъ ты Моховъ! Шутка какую штуку смѣкнуй. Никто и не зналъ безъ него, голова!..

Я сконфузился и замолчалъ.

— Одишь Александръ Васильичъ изъ нихъ умный, а то все пустыя головы, докторальнымъ тономъ произнесъ Барабинъ. Никто ничего изъ предметовъ не знаетъ. Имъ только бы наказывать. Это вѣдь ихъ дѣло—умѣютъ. А вѣдь посмотри какъ накидывается на тебя, зачѣмъ не учишься, урокъ не приготовилъ. Подумаешь, что самъ—то весь предметъ на зубокъ вызудилъ, а ничего не знаетъ, ни по порядку, ни въ разбивку. Я напередъ нарочно Еропъ Савича выслушалъ, при всемъ класѣ, ейбогу. Позвольте, говорю, Еропъ Савичъ, спросить васъ: кто былъ Демосфенъ? — я не знаю.

— Ну чтожъ?.. слышались голоса.

— Разсердился и безъ двухъ блюдъ оставилъ, — не смѣй, говоритъ, приставать съ пустяками, а посмотри въ книжку: тамъ все прописано; вотъ они какіе. Ну, Александръ Васильичъ, — это другой человекъ.

— Это, господа, правду Барабинъ говоритъ, что Александръ Васильичъ умный, ужъ такой умный.

— Они его за то и не любятъ, что онъ умный, отозвался кто-то. Стыдно имъ передъ нимъ, такъ вотъ они и бѣсятся.

— Ахъ, какъ хорошо слушать, когда онъ съ верхнимъ класомъ споритъ на дому у себя. Просто—вотъ какъ въ книгахъ печатаютъ, — чудо какъ хорошо.

— О чемъ это?

— Больше все о правдѣ. Что надо все по правдѣ дѣлать, это атр первое на свѣтѣ, что... да я не умѣю такъ какъ онъ говорить, сказалъ я немного сконфузившись.

— Это, братъ, и безъ него знаемъ, что надо по правдѣ. А сами—то они по правдѣ чтоли дѣлаютъ. Веселый придетъ, такъ ничего еще, а сердитый такъ ни за что ни прочто накажетъ, только бы сердце сорвать по фантазіи своей.

— Нѣтъ, Александръ Васильичъ такъ не дѣдаетъ, — вступился я.

— Онъ не дѣдаетъ, такъ другіе дѣлаютъ. Вонъ Мурашкинъ

развѣ не правду сказалъ лизуну (всѣ засмѣялись), а смотри, пожалуется — худо будетъ. Вотъ она правда-то!

— Это ничего! заговорилъ я горячаеъ. Значить онъ пострадалъ за правду. Это хорошо! это герой значить. Еслибъ ты послушалъ какъ Александръ Васильчъ говорилъ, какъ надо страдать за правду. Ахъ, какъ бы я хотѣлъ пострадать за правду.

— Ступай, скажи Еропу Савичу дурака, сказалъ Барабинъ, и пострадаешь.

Я опѣшилъ. Странное чувство овладѣло мной. Много подстрекательнаго было въ предложеніи Барабина. Я чувствовалъ, что меня тянетъ какая-то неодолимая сила пойти и сказать дурака. Мнѣ казалось, что я такъ много выросту въ своихъ собственныхъ глазахъ, и глазахъ товарищей, и цѣлаго міра, когда поступлю такъ: скажу правду и пострадаю за правду. Мнѣ чувствовалось, что это такъ хорошо, такъ красиво пострадать за правду, что я отвѣчалъ съ какой-то пріятной лихорадочной раздражительностью:

— И скажу дурака! думаешь не скажу, скажу! и я рѣшительно пошелъ изъ камеры. Чувства мои были въ какомъ-то полувосторженномъ настроеніи.

— Стой, стой! Куда ты, закричалъ Кореньевъ, ухвативъ меня за руку. Ты съ дуру и вправду брякнешь. Этого я братъ не хочу. Тебѣ географію впишутъ, а я безъ кулича останусь. Раздался общій хохотъ. Я былъ сконфуженъ и оскорбленъ вмѣстѣ.

— Даю вамъ честное слово господа, заговорилъ я горячо, что послѣ праздникова я стану все дѣлать по правдѣ, и говорить одну правду. Если я неисполню: отдуйте меня всѣмъ класомъ. Слова эти были сказаны мною съ тѣмъ юношескимъ, горячимъ жаромъ и немножко торжественнымъ полутеатральнымъ голосомъ, какимъ вѣроятно клялись во время оно рыцари въ вѣчной, неизмѣнной любви своей любезной, преклонивъ передъ ней одно колѣно, отпраляясь на войну съ невѣрными. Моя клятва не произвела особеннаго впечатлѣнія. Всѣ молчали, кто-то тахо засмѣялся, пробормотавъ: «храбрець!» И затѣмъ наступило молчаніе. Я нѣсколько разъ въ волненіи прошолся по камерѣ и легъ на койку. Всѣ мои мысли, чувства, помыслы сосредоточились въ одно болѣзненно-сильное желаніе, что поскорѣй бы миновали эти праздники, а тамъ я покажу имъ, что я не солгалъ. Я буду всегда стоять за правду! всегда! всегда!.. шепталъ я въ полуво-

сторженномъ забытьѣ... За это всѣ меня любить не станутъ, наказывать станутъ, пророчилъ я мысленно. За то Александръ Васильичъ любить станетъ, папаша и мамаша станутъ любить, товарищи тоже. Машенька узнаеть, что я пострадалъ за правду. Да, я покажу себя! Аександръ Васильичъ говорилъ: кто любить Бога, тотъ больше всего долженъ правду любить. Я люблю Бога, и правду буду любить. За правду Иисусъ Христосъ пострадалъ, за то онъ и воскресъ; а тѣ, что мучили его, — невоскресли. Онъ и сегодня воскреснетъ. Господи, я всегда буду любить правду, всегда! — и слезы, вдругъ неожиданно брызнули изъ глазъ.

— Вставай озорникъ, будетъ иѣжиться и такъ христову заутреню проспалъ, бестыдникъ, — ворчить няня, тормоша меня за руки.

Я вскочилъ съ постельки и стою передъ нею, съ заспанными, выпученными глазами.

— Няня! я къ заутрени хочу! шепчу я слезливо.

— Хотѣлъ бы, такъ послушалъ меня. Залегъ бы послѣ чая, какъ говорила, и прочухался бы до заутрени. Нѣтъ вишь, безъ насъ невазготовятся. Просили насъ бабы обнюхивать, да яйца считать. Имъ счетчикъ нашолся, не сочтутъ безъ него. Какъ можно, мы и безъ сна досидимъ, — таковскій досидѣлъ! А изъ-за тебя-то, пехристъ ты этакій, и меня господь не сподобилъ встрѣтить святой праздникъ похристіански, молитвамъ да поклонамъ земнымъ. Валандайся тутъ съ тобой. Ну вставай скорѣй, — отъ заутрени скоро будутъ.

Миѣ стало ужасно жаль, что няня черезъ меня не пошла къ заутрени, — я заплакалъ.

— Это еще что? Подъ этакій праздникъ нюни-то распустилъ. У! балованный! Умывайся скорѣй. Праздникъ-то заспалъ, да и рюмишь.

Я умываюсь свѣжей водой, и миѣ вдругъ становится весело.

— Скоро, няня, вернутся, а? скоро?.. А что, куличи понесли святить, — мой понесли, няня? а что какова ночь?.. темная вѣрно; а солдаты придутъ съ барабанами? Болтаю я безъ умолку, неожидая отвѣта, потомучто совершенно увѣренъ, что и изъ церкви скоро вернутся, и маленькій куличъ, нарочно испеченный для меня, унесли святить и ночь непременно темная да тихая, какую я всегда видалъ подъ этотъ день, и солдаты придутъ разговляться. Наскоро одѣвшись, я выскочилъ на крыльцо. Сыро-

ватый, влажный холод обхватилъ меня, я почувствовалъ бодрую свѣжесть на воспаленныхъ отъ сна щекахъ, и легкая дрожь пробѣжала по тѣлу. Приливъ сладкаго чувства заговорилъ у сердца. Сивая мгла наполняла весь воздухъ; густой свинцовой пеленой висѣла она въ верхнихъ слояхъ. Долго смотрѣть въ верхъ становилось жутко; оттуда какъ-будто глядѣлъ кто мильономъ невидимыхъ очей. Ни малѣйшаго дуповетія вѣтерка, ноной необъятный.

— Уфъ, какъ хорошо да тихо, — подумалъ я, какъ вдругъ ударъ колокола потрясъ воздухъ, и дрожа и замирая, растаяла въ пространствѣ. Раздался другой, третій, — и начался благовѣсть. Я невольно перекрестился. Сквозь непроницаемую мглу, по направленію къ площади, мелькнулъ огонекъ, другой, и послышался веселый говоръ. Изъ церкви идутъ! И я подпрыгнулъ въ восторгъ. Дѣйствительно огненные точки приближались и я сталъ уже различать разноцвѣтные фоварики и освѣщенные волосы лицъ и яркіе цвѣта праздничной парадной одежды, на которые падали случайно лучи отъ зажженныхъ въ рукахъ свѣчь. Рѣчи становились слышимѣ, порой до уха долетала отрывистая фраза.

— Няня, няня! изъ церкви идутъ, закричалъ я, влетая въ залъ и остановился какъ вкопанный. По срединѣ комнаты стоялъ огромный столъ, покрытый бѣлою какъ снѣгъ скатертью. Старинныя хрустальныя канделябры ярко освѣщали его, и чего-чего только не было на этомъ столѣ. Огромныя бабы, разряженныя въ яркія сахарныя краски, какъ боярыни важно занимали почетное мѣсто. Хорошенькій масляный барашекъ, съ коринковыми глазками и вѣточкой винограда во рту, умильно посматривалъ съ большой зеленой горки; медвѣжій окорокъ съ бантомъ изъ яркихъ, красныхъ лентъ, разливалъ такой зазорный, аппетитный запахъ, что у меня слюнки потекли. Откормленный каплунокъ занималъ почетное мѣсто посрединѣ огромнаго блюда; вокругъ него смиренно лежали рябчики, куропатки, тетерева. Только одинъ поросенокъ смотрѣлъ нѣсколько грустно. Его нѣжная, бѣлая кожа была блѣдымъ пятномъ на свѣтлояркой картинѣ. Мокрыя глазки испуганно закрылись, какъ будто надъ головой висѣлъ ударъ, и выраженіе мордочки исполнено безпредѣльно-грустной ироніи. Ишь какой невеселый, не радъ празднику! И я далъ ему щелчокъ въ самый пятакъ.

— А вѣдь всего этого не съѣмъ одинъ, размышлялъ я. Въ

день съѣшь, а вдругъ не съѣшь, — итъ и въ день не съѣшь! Воиъ ихъ, яичъ—го однихъ сколько, гдѣ тутъ съѣсть! — а вотъ Герасимъ съѣлъ бы, онъ по цѣлому караваю хлѣба съѣдаетъ; и я потащуся къ золоточному яичку.

— Ступайте маменьку встрѣчать! послышавъ голоса няни.

Я бросился на крыльцо.

— Христось воскресъ! Мамаша.

— Воистину воскресъ! И она горячо обняла меня; — а зачѣмъ ты проспалъ, а Машенька не проспала, была въ церкви.

Мнѣ стало досадно и стыдно.

— Мамашенька, я побѣгу похристосоваться къ Машенькѣ, можно? Мнѣ ужасно хотѣлось похристосоваться; всю послѣднюю недѣлю я только и думалъ о томъ.

— Она сама сейчасъ придетъ къ намъ.— Я свѣта не взвидѣлъ отъ радости. Началось христосованье съ отцомъ, няней, дворовыми, которые вдругъ наполнили всю комнату. Всѣ они были такіе нарядные. Лица у всѣхъ такія довольныя, свѣтлыя, веселыя, даже лоснятся. Чудо какъ хорошо.

— Папаша, теперь можно яичко? говорю я заискивающимъ, сладкимъ голосомъ, вертясь у стола.

— Подожди, пасху изъ церкви не принесли.

Это меня обезпокоило. Я сталъ безпрестанно выбѣгать на крыльцо и смотрѣть въ даль.

— Не несуть! ахъ, какъ долго! Вдругъ раздался барабанный бой и къ дому стала приближаться толпа солдатъ. Я забылъ и розговѣнье.

— Папаша, папаша! Солдаты съ барабаномъ!

Отецъ вышелъ, сталъ христосоваться съ каждымъ и я за нимъ, потомъ вынесли свѣч изъ комнаты, и я увидѣлъ большіе, длинныя столы съ куличами, пирогами, яичами и мясомъ. Няня стала одѣвать солдатъ водкой, поднялся веселый говоръ и смѣхъ. Небольшая отцовская команда каждый годъ угощалась на пасху. Я смѣло какъ свой разгуливалъ между солдатами, почти всѣ они были мнѣ знакомы и любили меня, и я уже успѣлъ заставить одного побожиться, что принесетъ завтра карточку. Мнѣ было чудо какъ весело. Я прыгалъ какъ козель, вбѣгалъ въ залъ, вертѣлся около стола, поцѣживая то бабу, то сыръ, то окорокъ, снова летѣлъ на улицу, расхаживалъ между солдатами и снова бѣжалъ сломя голову, въ залъ.

Въ комнату вошелъ Петръ Герасимычъ съ Машенькой, и моя козлиная рѣзвость исчезла. Машенька была въ розовомъ платьѣ; ея свѣжее личико оживлено веселой улыбочкой, которая ясно обозначалась двумя хорошенькими ямками на щочкахъ. Я стыдливо подошелъ къ ней.

— Машенька, давайте похристосуемся.

— Давай, Володя.

— Христось воскресъ!

— Воистину воскресъ! Она протянула ко мнѣ свои хорошенькія, свѣжія губки. Я громко чмокнулъ ихъ.

— Ухъ, хорошо! сказалъ я весело и засмѣялся.

— Будеть тебѣ дрыхнуть! вставай, сейчасъ поведутъ. Я вскочилъ съ постели и тарачу заспанные глаза. Передо мной стоитъ Барабинъ въ парадномъ платьѣ. Всѣ молча одѣваются. Догорающій ночникъ еле-еле моргаетъ, изъ коридора доносится громкій плачь Мурашкина.

— Ахъ, это сонъ былъ, произношу я съ грустью и начинаю торопливо одѣваться. Ведутъ насъ въ церковь. Таже странная, смущающая душу мгла разлита въ воздухъ, такъ же плавно текутъ и замираютъ звуки колокола, на щекахъ чувствуется таже сыроватая, прохладная свѣжесть, все, какъ во снѣ привидѣлось, только нѣтъ въ сердцѣ той свѣжей, бодрой радости. Какое-то темное, грустно-неуловимое чувство закралось въ душу. Плакать хочется, жаль чего-то, а чего—и сказать себѣ неумѣешь. И заплакалъ бы, да товарищей стыдно. Церковь полна народомъ, у всѣхъ въ рукахъ зажжонныя свѣчи и мы зажгли свои. Фараонова мышъ и тутъ остается вѣрна себѣ: безъ шпильки нельзя ни на шагъ. Помѣстился сзади какой-то барыни съ огромнымъ чепцомъ, дѣлаетъ видъ, что молится, а самъ чепчикъ ей поджигаетъ. Кореневъ ничего не видитъ, кромѣ куличей и пасохъ, принесенныхъ для освященія и поставленныхъ у клироса. Онъ такъ на нихъ посматриваетъ, какъ будто бы рассчитываетъ мысленно, на сколько бы ему хватило того, другого, третьяго.

— Моховъ! Моховъ! посмотри-ка Кореневъ какъ юлитъ, сороворитъ онъ яйцо! шепчетъ мышъ.

Дѣйствительно куличи видимо занимають Коренева. Онъ не сводить съ нихъ глазъ. Разъ даже наклонился къ одному и понюхалъ. Барабанъ молится молча и усердно, и все кладетъ земные поклоны. Я молюсь не молюсь. Чувства мои смутны и голова не свѣжа. Беспорядочныя, безсвязныя мысли быстро смѣняютъ одна другую. Что наши-то теперь? спрашиваю я себя. У заутрени вѣрно. Пріѣхалъ ли дѣдушка съ бабушкой? Еслибы дома былъ, червонецъ бы мнѣ подарилъ. Прошлый годъ онъ вмѣсто яичка червонецъ подарилъ. А все-таки онъ злой: бабушку не любитъ. Послѣ заутрени солдаты съ барабаномъ придутъ. Игнатчикъ лучше всѣхъ выбиваетъ на барабанѣ. Какой это сонъ мнѣ сегодня приснился. Однако какъ скучно было вчера вечеромъ. Отчего это? Мурашкина и отъ заутрени оставали. Плачеть я думаю бѣдный. Одинъ онъ теперь во всемъ корпусѣ, дневальной спать, страшно ему. А вѣдь и вправду Кореневъ спроворить что-нибудь. Ишь какъ поглядываетъ. Ейбогу спроворять. Что это, какія мысли все мнѣ въ голову лѣзутъ! это грѣшно. Надо молиться. Молиться стану, — и я начинаю усердно креститься, но мысли неотстають и на сердцѣ тяжело.

«Христось воскрес!» торжественно огласилась церковь, и всѣ вострепенулись. Въ церкви какъ-будто стало свѣтлѣе, ярче горять свѣчи у образовъ и кресты на бѣлыхъ ризахъ священника, лица молящихся разсвѣли радостной улыбкой. Моя сосѣдка старушка, доселѣ клевавшая носомъ свѣчу, которая уже давно потухла въ ея рукахъ — приободрилась, подняла голову, перекрестилась, и алыя ленты зашумѣли на ея бѣломъ огромномъ чепцѣ. Какое-то отрадное чувство шевельнулось въ моемъ сердцѣ. Мнѣ вдругъ захотѣлось хорошенько помолиться и я сталъ усердно класть земные поклоны. На душѣ отлегло и докучныя мысли понемногу отстали.

Только что стали мы выходить изъ церкви, какъ я услышалъ громкое чваканье. Оглянулся. Кореневъ жадно ѣстъ яйцо чуть не со скорлупою. Экой обжора, подумалъ я и отправился къ Патриѣву. Они уже вернулись изъ церкви и приготовились разгавливаться. Ольга Петровна была чудо какая хорошенькая. Ея бѣлое, легкое, пышное платье смотрѣло на ней не просто платьемъ, а какимъ-то легкимъ воздушнымъ облакомъ, изъ котораго выглядывала обворожительная головка съ матовыми блѣдно-розовыми щечками, тонкими алыми губками, сложившимися

въ тихую, мягкую, удивительно-симпатичную улыбку и большими кроткими голубыми глазами.

Онашла ко мнѣ на встрѣчу такъ свободно, легко, какъ-будто шла не по полу, а по воздуху.

— Господи! что это за прелесть такая! подумалось мнѣ невольно. И ходить—то она не какъ всѣ... и не слышно, что идетъ. И мнѣ вдругъ вспомнились барыни, которыхъ я видѣлъ у заутренъ и которыхъ страшно шумѣли своими юбками.

— Совсѣмъ на другихъ не похожа! рѣшилъ я.

— Ну, христосъ воскресъ! сказала она такимъ радостнымъ, свѣтлымъ голоскомъ, что мнѣ стало чудо какъ хорошо. Я крапнѣя вехристосовался съ нею и совершенно повеселѣлъ. За небольшимъ нарядно-убраннымъ столомъ сидѣли: Патрикѣевъ, блондинъ и Жоржъ. Всѣ были особенно одушевлены и веселы. Патрикѣевъ ѣлъ съ большимъ аппетитомъ, часто наливая вина въ рюмку себѣ и другимъ. Онъ даже заставилъ меня выпить полрюмки. Блондинъ почти не ѣлъ, но все улыбался своей доброй улыбкой и поглядывалъ украдкой на Ольгу Петровну. Жоржъ болталъ безъ умолку и тутъ же составилъ программу удовольствій на будущіе праздники. Всѣмъ было весело, хорошо очень хорошо! Вино ли подѣйствовало на меня, на душѣ ли было такъ свѣтло, но я почувствовалъ сильную потребность сердечныхъ излияній и тутъ же шопотомъ, сообщил по секрету Жоржу, что послѣ праздника хочу пострадать за правду и съ поведѣльника всѣмъ стану говорить правду въ глаза. Жоржъ не церемонился сообщить мое рѣшеніе всему обществу, что меня очень сконфузило. Къ счастью прошло оно совершенно незамѣченнымъ. Только Патрикѣевъ нѣсколько разъ впродолженіе завтрака пристально всматривался въ меня, и это меня смущало. Я улѣгся въ спальнѣ Жоржа и сладко заснулъ.

Стою я оленъ среди безконечно-необозримаго поля. Меня кто-то жестоко огорчилъ, я убѣжалъ отъ него, бѣжалъ, бѣжалъ и очутился въ полѣ. Невысокая трава выжжена солнцемъ, ни деревца, ни кустика, глазъ теряется въ необъятной дали. Воздухъ тяжелъ и душливъ. Небо совершенно чисто, ни облачка, но цвѣтъ его неестествененъ, въ первый разъ я вижу такой: онъ пестро-зеленоватъ. Солнце смотритъ тусклымъ пятномъ кроваво-багроватаго цвѣта, — ни лучей, ни тепла отъ него. Морозъ пробѣгаетъ у меня по кожѣ. Мнѣ стало жутко. Хочу подать го-

лось в бою. Но вот на горизонтѣ мелькнула черная точка, ближе, ближе... большая черная собака. Она бѣжитъ прямо на меня, визжитъ и вылетѣть хвостомъ. Обрадованный бѣгу я къ ней навстрѣчу и вдругъ останавливаюсь. Глаза ея смотрятъ на хорошо. Что-то злое, предательское свѣтится въ этомъ заискивающемъ ласкающемъ взглядѣ. Воже, эти глаза знакомы мнѣ, я ихъ видѣлъ... такъ точно... это его глаза, его, и лицо его. Я задрожалъ, кровь похолодѣла, мнѣ стало страшно. Собачка! собачка! говорю я дрожащимъ, прерывистымъ голосомъ, стараюсь его сдѣлать мягкимъ и ласковымъ. А! собачка! отвѣчаетъ собака груднымъ, надорваннымъ смѣхомъ и захохотала. Передо мной стоитъ Еропъ Савичъ, оставилъ на меня свои скверные глаза и смѣется. Что? ты за правду пострадать хочешь... Пойдемъ, вотъ я тебя пострадаю. Неси ребята розги за мной. Оглядываюсь: стоятъ позади меня служители наши Сидоренко и Карповъ, у одного подъ мышкой розги, у другаго скамейка. Пойдемъ братъ пойдемъ, и Еропъ Савичъ беретъ меня за руку. За что, за что? спрашиваю я замирающимъ голосомъ, слѣдуя за нимъ. За что! раздается сзади меня, и страшный хохотъ оглашаетъ воздухъ. Гляжу: въ кучкѣ стоятъ наши офицеры и инспекторъ, смѣются и пальцемъ на меня показываютъ, а кругомъ все тоже поле, тоже мертвая гнетущая тишина, только въ самомъ центрѣ багроваго солнца выступило черное пятно, и я вижу какъ оно медленно растетъ. Ужасъ обхватилъ мнѣ душу. Я не дамъ ни за что, кричу я задыхаясь и вдругъ пускаюсь по полю. Лови! лови его! кричатъ. Свистъ, гамъ несется сзади меня; но я бѣгу, бѣгу... какая-то сверхъестественная сила и быстрота чувствуется въ ногахъ. Я бѣгу, бѣгу, чувствую что почва шатается подъ ногой и лечу стремглавъ въ пропасть. Сердце ёкнуло. Очнулся. Лежу я на берегу широкаго пруда; поверхность его гладка какъ зеркало, а вода такъ чиста и прозрачна, что разноцвѣтные камешки дна его горятъ и искрятся отъ солнечныхъ лучей. Высокія отвѣсныя скалы обхватываютъ прудъ со всѣхъ сторонъ. Яркая зелень покрываетъ ихъ бархатнымъ ковромъ. Она такъ сочна, что кажется вотъ-вотъ лопнуть стволы и брызнуть соки. Огромные кусты махровыхъ розъ свѣсились къ самой водѣ, вѣтки ихъ только-что незадѣваютъ поверхность воды. Въ воздухѣ удивительная музыка. Хорошенькія птички съ розовыми крылышками и желтыми или золотистыми головками такъ и рѣютъ. Господи, господи!

какъ хорошо-то, шепчу я и поднимаю глаза къ небу. Ключокъ ярко-голубого неба виситъ надъ прудомъ. Но вотъ точно сорвалось съ него легкое облако и быстро несется къ пруду. Я слышу даже легкій шумъ отъ полета. Боже, что это оно летитъ прямо на меня. Въ глазахъ мелькаетъ нѣжный женскій обликъ. Огромныя крылья, легкія, прозрачныя, точно сотканныя изъ розоваго воздуха, съ золотистымъ отливомъ, какъ-то сладко шумятъ въ воздухѣ. Спустились, и передо мной Ольга Петровна. Она вся какая-то прозрачная, точно не тѣло у нея; но это она, ея святая, ангельская улыбка и добрый свѣтъ голубыхъ глазъ. Она обнимаетъ меня однимъ крыломъ и шепчетъ, сладостно шепчетъ. Ея лепетъ напоминаетъ мнѣ шумъ воды родного ключа на зорѣ, когда онъ сбѣжитъ по розовымъ камешкамъ. Она шепчетъ: «Я за то къ тебѣ прилетѣла, что ты за правду страдать хочешь, обними меня, — обними!» Жадно протягиваю я руки для объятій и остаюсь какъ окаменѣлый. Она исчезла, и озеро и кусты розъ и звонкій голось птичекъ — все исчезло. И стою я опять одинъ по срединѣ мертваго поля и горько плачу.

— Охъ, какой ты соня, Моховъ! вставай! будить меня Жоржъ и я поднимаюсь на ноги.

Весело, незамѣтно пробѣжали первые три праздника; но по мѣрѣ того, какъ близился срокъ отпуска, мысль о корпусѣ, учителяхъ, классахъ, чаще и чаще отравляла беззаботную веселость. Зашалишься бывало, себя не помнишь отъ рѣзвости, да какъ мелькнетъ мысль, что вотъ всего-то два дня осталось, — и носъ повѣсишь, и куда веселость дѣнется. Последній день и на праздникъ не походилъ, — хуже всякихъ будень. Такъ и грызетъ душу дума, что вотъ вечеромъ въ корпусъ, и пойдутъ съ завтрашняго дня класы, фронтъ, ученья; по утрамъ вода настоенная вѣнниками и называемая чаемъ, за обѣдомъ прогорклое масло, тухлая говядина, а тутъ еще учительскія распеканья, начальническія внушенія, скучныя, однообразныя, безконечно-казенныя. А въ отпуску-то какъ хорошо; и поѣшь въ воду и выспишься въ волю; никто до зори не разбудитъ; а какіе разговоры велись съ Жоржемъ! Я чувствовалъ, что я какъ-будто поумнѣлъ за время отпуска. Я только что не плакалъ отъ тоски и горя, входя въ давно знакомые дортуары. Настало и утро понедѣльника. Сонные, скучные, сами не свои сошли мы внизъ и размѣстились по класамъ. Каждый какъ-будто мысленно прощаясь съ празд-

никогъ, съ тяжолымъ чувствомъ въ груди, приступалъ къ обыкновеннымъ скучнымъ занятіямъ. Ни одного веселаго лица. Всѣ какъ въ воду опущенные. Памятенъ мнѣ этотъ поведѣльникъ. Пришлось мнѣ *пострадать за правду*, да такъ, какъ и не воображалось. Только-что развели насъ во класамъ, — начался справки, что задано.

— Изъ географіи господа много, всю Америку, цѣлыхъ пять билетовъ.

— Не готовить! рѣшилъ кто-то, проучимъ его, а то избаловался рябчикъ!

— Сказать, что два билета задано. Билеты маленькіе, можно приготовить, подсказала фараонова мышь.

Мысль его пришлась всѣмъ по душѣ.

— Ну, господа! не выдавать! Кто и приготовлялъ, не отвѣчать больше двухъ билетовъ! Идетъ!

— Идетъ! рѣшили всѣ.

Вошелъ учитель географіи (по кличкѣ — рябчикъ), маленькая фигурка, всегда надушонная пачулю, чонорная, съ жеманными, противными манерами и кисленькимъ голоскомъ, съ крохотной завитой головкой, неподвижно лежащей между высокими туговакрахмаленными воротничками, которые онъ пестовалъ и лелѣялъ какъ нѣжнолюбящая мать своего первенца. Мы, школьники, скоро подмѣтили слабость его къ воротничкамъ и отравляли его жизнь безпрестанно напоминая, что правый или лѣвый воротничекъ память. Рябчикъ начиналъ суетиться; лицо его принимало пугливо-озабоченное-выраженіе, а правая рука съ легкимъ дрожаніемъ начинала осторожно расправлять мнимо-помытый воротничекъ. Шестъ лѣтъ мы, дѣти, пристально слѣдили за нимъ, повернетъ ли онъ куда голову, отзываясь на чей-либо зовъ или крикъ, и недождались... Разъ было посягнулъ онъ въ страхъ (ему закричали, когда онъ грѣлся у печки, что у него фалда фрака горитъ), память свои воротнички... но и тутъ... остался себѣ вѣренъ... и по обыкновенію быстро поворачиваясь всѣмъ корпусомъ направо и налево — тоскливо вопилъ: «потушите, господа, потушите!»

— Ну-съ господа, о чемъ у насъ сегодня рѣчь?.. спросилъ рябчикъ, входя.

— Два билета: семнадцатый и восемнадцатый, — отозвался Барабинъ.

— Что это значит, господа! Вы шутить дозволите со мной... не советую... я задалъ пять билетовъ.

— Нѣтъ-съ... два задалъ, отозвался весь классъ.

Рябчикъ вспыхнулъ.

— Это что... заговоръ, бунтъ! вы осмѣливаетесь лгать... и кому же, мнѣ?..

Лгать? лгать! мелькнуло у меня въ головѣ. А я котѣлъ съ поведѣльника по правдѣ идти... Вѣдь онъ въ самомъ дѣлѣ задалъ пять; я самъ слышалъ, — значить я солгу, когда скажу, что два билета... значить я не по правдѣ сдѣлаю.. А еще при себѣ же вѣбожился, что я съ поведѣльника буду по правдѣ дѣлать, и Жоржу при прощаніи вѣбожился. Эти мысли съ быстротою молніи быстро слѣдовали одна за другою. Тревога наполнила грудь. Господи, какъ дѣлать... что мнѣ дѣлать! нѣтъ, я скажу что пять задано, по правдѣ выступлю; а классъ? весь классъ встанетъ... а?

Между тѣмъ рябчикъ бѣгалъ по скамьямъ отъ одного къ другому съ вопросомъ «сколько задано?», получалъ въ отвѣтъ «два», подходилъ къ слѣдующему, — тотъ же вопросъ и отвѣтъ, и такъ далѣе.

— Сколько? спросилъ онъ меня.

Странное чувство овладѣло мной, я былъ какъ въ лихорадкѣ. Смутное сознаніе говорило мнѣ, что сказать правду когда всѣ согласились солгать, какъ-то ужь очень не ловко, но въ тоже время во всемъ организмѣ чувствовалось какое-то непреодолимое желаніе сказать правду, какая-то непонятная сила толкала меня на это. Чѣмъ кончилась бы борьба, не знаю, еслибы губы какъ-то шевельне сами не произнесли глухо: — «пять!»

Эффектъ былъ чрезвычайный. Рябчикъ подпрыгнулъ отъ восторга. По классу раздался громкій ропотъ, до слуха моего долетѣло энергическое «подлецъ».

Я вспыхнулъ. Мнѣ стало такъ горько, такъ стыдно, что всѣ предметы помутились въ глазахъ. Въ головѣ зашумѣло... Подлецъ! звучало у меня въ ухахъ... Да, я подлецъ, я выдалъ классъ, шепталъ я... Но вѣдь я по правдѣ... Что жъ это такое правда? Я совершенно смутился, мысли перепутались, и я хотѣлъ уже отказаться отъ своихъ словъ...

— Отвѣчайте мнѣ пятый билетъ! скавалъ рябчикъ.

Отвѣчать мелькнуло у меня въ головѣ, я знаю, я на правди-

какъ приготовилъ; но вѣдь мы сговорились только два отвѣчать, значить я буду обманщикъ, подлецъ; — при этомъ словѣ ознобъ пробѣжалъ по спицѣ, — нѣтъ, я не стану, я не обману класа... я только по правдѣ сказалъ, что пять задано, а отвѣчать не стану, рѣшилъ я мысленно. И этотъ странный силогизмъ какъ-будто прибодрилъ меня.

— Я знаю только два! и оглянулся на класъ... Я ждалъ одобренія, но встрѣтилъ одни насмѣшливые, презрительные взгляды.

— Какъ! вы знаете, что задано пять, а приготовили два? Прекрасно. Вижу-съ, все вижу-съ. Вы всему коноводъ... вы первый бунтовщикъ. Прекрасно-съ, это вамъ не пройдетъ даромъ! и рябчикъ выбѣжалъ изъ класа. Пришелъ инспекторъ. Сталъ кричать на меня. Кричалъ долго, громко; но что онъ кричалъ, я не понималъ. Мысли мои были перепутаны, чувства смутны, я сознавалъ только, что выкинулъ какую-то очень нелѣпую и дикую штуку. Меня отвели въ карцеръ и заперли.

— А! ты еще не пробовалъ этой клѣточки, а вотъ попробуй, такъ перестанешь бунтовать! весело проговорилъ, какимъ-то гадкимъ, злораднымъ голоскомъ, Еропъ Савичъ, повертывая ключъ въ замкѣ. Вошелъ я въ карцеръ, въ страшномъ, ступѣломъ состояніи. Ни одной свѣжей, успокоительной мысли не выжму изъ головы, — тяжело, скверно! Съ отчаяньемъ въ сердцѣ опустился я на голую деревянную скамью и понурилъ голову. Чтожъ такое я сдѣлалъ? за что меня посадили! Чѣмъ же я больше другихъ виноватъ, а наказали одного, быстро задавались вопросы. Я пытался проникнуть въ смыслъ моего поступка. Я уже чувствовалъ смутно въ немъ какую-то неопредѣленную двойственность. Вѣдь я по правдѣ поступилъ, значить хорошо сдѣлалъ... Ну, а товарищи!.. вѣдь я имъ измѣнилъ, вѣдь согласился не выдавать, а я выдалъ... значить не по правдѣ... значить я обманщикъ, подлецъ!.. Я самъ испугался своего вывода. Мнѣ вспомнились тѣ насмѣшливые, полные презрѣнія взгляды, съ которыми встрѣтился я неожиданно, когда обратился къ класу, и на сердцѣ стало еще тяжелѣй... Но вѣдь рябчикъ на самомъ дѣлѣ пять задаль... значить еслибы я сказалъ два... значить я солгалъ бы... значить я тогда тоже былъ бы подлецъ... Мысли мои путались, никакого утѣшительнаго выхода. Я легъ на скамью, подложилъ подъ голову руку и предался самымъ без-

отраднѣмъ чувствамъ. Не знаю какъ случилось, я заснулъ, и когда открылъ глаза, въ комнатѣ уже было темно. Неприятная дрожь пробѣжала по тѣлу; мнѣ стало жутко. Оставаться въ темной комнатѣ одному всегда было для меня страшной нравственной пыткой. Помню, какъ отецъ, желая побѣдить во мнѣ это странное, безотчетное чувство, вводилъ меня за руку въ пустой залъ. Какъ ни былъ я до того веселъ, а страхъ вдругъ охватывалъ меня. Я начиналъ дрожать. Въ темныхъ углахъ залы мнѣ видѣлись какія-то грозныя очи съ стальнымъ, холоднымъ взглядомъ, и бѣлыя длинныя волнистыя бороды. Пробѣжи въ то время мышка, я кажется упалъ бы въ обморокъ. Но вотъ мы повернулись, чтобъ выйти изъ зала, и страхъ еще сильнѣе обхватывалъ разстроенное воображеніе. Я только-что не слышалъ шума, но чувствовалъ, какъ всѣ эти невидимыя жильцы угловъ и запечниковъ бросились за мной въ догонку. Сердце замирало отъ ужаса. Стыдясь своего страха, я сталъ пытливо всматриваться въ темные углы карцера, стараясь увѣрить себя, что ничего и никого тутъ быть не можетъ; но страхъ бралъ свое помимо моей воли. Я уже начиналъ чувствовать легкое трепетаніе сердца. Я нарочно запѣлъ, чтобъ развеселить себя, прогнать тѣ странныя, неопредѣленные образы моего разстроеннаго воображенія, которые уже начали выглядывать изъ угловъ сѣрыи неопредѣленными пятнами. Я чувствовалъ, что скоро, скоро они примутъ болѣе опредѣленную форму, засмотрятъ на меня холодныя стальные взоры, замелькають бѣлыя, какъ лунь, бороды. Я запѣлъ; но голосъ оборвался на первой нотѣ. Онъ такъ болѣзненно-глухо прозвучалъ въ моихъ ушахъ, въ немъ слышалось столько сдержаннаго страха, что я еще болѣе оробѣлъ.

— Стану думать о нашихъ, — о маменькѣ стану думать, рѣшилъ я, настроивая себя всѣми силами души къ воспоминаніямъ; но онѣ не шли, а глаза еще съ большимъ беспокойствомъ смотрѣли въ темные углы карцера. Вдругъ въ залѣ раздался звукъ мѣрныхъ шаговъ, я вздрогнулъ. Дверь скрипнула и Еропъ Савичъ со свѣчей въ рукахъ сталъ передо мною.

— Что весело, бунтовщикъ! Хе-хе-хе...

— Выпустите меня, проговорилъ я глухо: — я боюсь, мнѣ страшно.

— Хе-хе-хе! Такъ тебѣ и надо, уважай старшихъ... не гру-

бѣшь. Вотъ ужъ ночью къ тебѣ черти придутъ, — еще страшнѣе будетъ.

Я вздрогнулъ.

— Что, трусишь?.. хе-хе... блудливъ какъ заяцъ, а трусливъ какъ кошка. Я велѣлъ тебѣ принести хлѣбца и водицы.

— Я не хочу ѣсть... Позвольте, я завтра не буду весь день ѣсть... Цѣлую недѣлю не буду ѣсть, только выпустите; — мнѣ страшно.

— Да ты что, братецъ, учить чтоли меня вздумалъ, какъ тебя наказывать. Смотри, я не изъ шутливыхъ... Я и на цѣлую недѣлю законопачу. И онъ сталъ затворять дверь. Злость, досада обхватили меня.

— Вы меня не выпустите? спросилъ я съ какой-то угрозой и озлобленіемъ.

Онъ опять отворилъ дверь.

— Что, вѣрно трусишь чертей, а? Здѣсь, братецъ, и мертвецы ходятъ.

Я дрожалъ какъ въ лихорадкѣ.

Ключъ щелкнулъ въ замкъ и снова звуки мѣрныхъ шаговъ раздались въ воздухѣ. Я всталъ со скамейки и началъ ходить по карцеру.

— Нажалется онъ опять на меня... Пускай жалуется... Я поправдѣ поступилъ... Я небоюсь... Теперь и страху у меня нѣтъ, вдругъ пришло мнѣ въ голову и я повеселѣлъ. Чертями стращать вздумалъ, дуракъ... Эй, вы, черти! выходите! я не боюсь, я васъ всѣхъ побью, закричалъ я въ веселомъ азартѣ.

Вчера я пострадалъ за правду! была моя первая мысль, когда я открылъ глаза, — и мнѣ стало весело. Какое-то отрадное чувство самодовольства наполнило мнѣ грудь, когда сторожъ открылъ дверь карцера. Мнѣ вспомнилась еще недавно заученная исторія «Іосифа прекраснаго». Карцеръ взглянулъ египетской темницей. Какъ и онъ я безвинно былъ заключенъ, мелькнуло въ головѣ. Я чувствовалъ себя какъ-то особенно хорошо, какъ-то особенно былъ доволенъ собой

— Молодецъ! какъ обѣщалъ, такъ и сдѣлалъ. Съ понедѣльника же началъ за правду страдать. Страданіе за правду ле-

жало передъ моими глазами какимъ-то душистымъ лучемъ въ розовомъ сіяніи загорающейся зори. Причесываясь передъ зеркаломъ, послѣ умыванія, я невольно замѣтилъ, что на моемъ лицѣ какъ-будто прибавились новыя черты, какъ-будто выраженія его сдѣлались полнѣе, осмысленнѣе.. Въ глазахъ свѣтилось довольство и чувство собственного достоинства. О горѣ! я уже начиналъ цѣнить себя... рисоваться собою передъ самимъ же собою. Съ небывалой дотошъ увѣренностью, что я не просто такъ-себѣ, какъ и всѣ, вошелъ я въ классъ, и подошелъ къ Барабину съ вопросомъ что задано изъ исторіи. Барабинъ замѣтно сконфузился и молчалъ. Я повторилъ вопросъ, онъ покраснѣлъ, молча уткнувъ носъ въ книгу и завертѣлся на своемъ мѣстѣ. Озадаченный я посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ. Волчокъ, сидѣвшій съ Барабинымъ рядомъ, торопливо убиралъ со стола тетради, съ видимой цѣлью покинуть свое мѣсто; онъ тоже былъ какъ-будто не въ своей тарелкѣ. Все это не ускользнуло отъ меня.

— Волчокъ! что задано?

Волчокъ не отвѣчая, подошелъ къ кому-то на задней скамейкѣ. Я, совершенно потерянный, обвелъ изумленными глазами классъ.

— Съ подлѣцами не разговариваютъ, отозвался Іуда, напротивно улыбаясь.

Мнѣ стало все ясно. Кровь застучала въ вискахъ.

— Такъ я подлець по вашему? Я — подлець, громко закричалъ я классу, задыхаясь отъ сильнаго волненія. Вы подлецы, а не я! Вы, вы!.. Я сказалъ правду... а вы — солгали... значить вы подлецы... Вы сговорились не говорить со мной! Я самъ съ вами говорить не стану... Вы не стойте, чтобъ съ вами разговаривать. Я знать васъ не хочу... Я ненуждаюсь въ васъ... меня не испугаете. А ты Іуда!.. ты такъ на всю жизнь останешься Іудой. Ты первый подлець въ классѣ.

Злость перехватила мнѣ горло, я замолчалъ и заплакалъ отъ злости, горя, оскорбленія. Ни одного слова, ни одного возраженія на мои ругательства. Всѣ, какъ бы сконфуженные, молчали. Одинъ Іуда позеленѣлъ отъ злости, бросилъ вокругъ вызывающіе взгляды, но все молчало...

.....
 .....

Обыкновенный порядок будничной жизни был для меня нарушенъ. Вызовъ былъ принятъ и для меня началась та тяжелая нравственная пытка, которую естественно испытываетъ членъ семьи, отъ котораго вся семья его отвернулась. Первое время мнѣ было тяжело, больно и досадно. Тяжело тѣмъ болѣе, что я не чувствовалъ себя виноватымъ. За что, за что? спрашивалъ я часто себя, и терялся. Нѣтъ! тутъ что-нибудь да не такъ, чья-нибудь штуки.

Въ одинъ изъ первыхъ дней ссоры, когда я печально, повѣсивъ носъ, одиноко разгуливалъ по коридору, ко мнѣ подошелъ Лизалинъ, воспитанникъ старшаго класса, извѣстный болтунъ и сплетникъ.

— Что, братъ, Моховъ! Видно Иуда подпустилъ тебѣ жучка на славу... носъ-то повѣсилъ.

— Какого жучка?

— А съ классомъ-то разсорилъ. Это его, братъ, штуки. Ужъ ты повѣрь мнѣ; я никогда не лгу. Ужъ и старался онъ въ ту ночь, какъ тебя въ карцеръ заперли.

— Можетъ и не онъ, а всѣ. Зачѣмъ ему, отвѣчалъ я.

— Онъ! Ейбогу онъ! Вотъ тебѣ Христокъ! Я никогда не лгу. Онъ! Ему досадно, что ты по вѣдомостямъ его догналъ; боялся, что на экзаменахъ пожалуй перескочишь. Мнѣ онъ самъ говорилъ. Онъ божился, что ножку тебѣ подставить. Съѣдетъ, говорить, Моховъ подъ гору. Только бы класъ не сталъ съ нимъ говорить, а то срѣжется.

— Не вѣрю я тебѣ Лизалинъ, ты на всѣхъ маговариваешь, отвѣчалъ я, и быстро отъ него отвернулся. Тѣмъ не менѣе слова его заставили меня призадуматься, а нѣкоторыя обстоятельства убѣдили меня, что Лизалинъ на этотъ разъ не лгалъ. Большая часть класса вела себя относительно меня, очень странно. Исключая Иуды, я незамѣтилъ ни малѣйшей злобы, даже недоброжелательства со стороны кого-нибудь. Напротивъ всѣ какъ-будто были сконфужены, ежились и старательно избѣгали моей встрѣчи, даже взгляда. Видимо имъ было совѣстно передо мной. Они какъ-будто сознавали, что были неправы, поступивъ такъ жестоко. Заговорить со мной однако никто не рѣшался. Замѣтно надъ ними висѣло чье-то влияние. Мнѣ было не трудно угадать, что это дѣло хитраго, вкрадчиваго, лъстиваго Иуды... Но когда глаза мои отыскивали нужное мнѣ руководство или атласъ, они

съ замѣтной предупредительностью, конфузясь и опуская глаза, подавали его мнѣ, какъ—будто желая тѣмъ искупить передо мною свою несправедливость. Претендовать на нихъ зато Иуда не могъ по нашимъ корпуснымъ понятіямъ. Они слово держали, не говорили со мной. Прошла недѣля такихъ отношеній и я поуспокоился, сталъ равнодушнѣе. Во мнѣ даже явилась довольно твердая увѣренность, что это такъ и быть должно. Кто идетъ за правду, тотъ ото всѣхъ будетъ страдать. Самъ Патрикѣевъ говорилъ такъ верхнему класу. Я уже начиналъ на себя поглядывать какъ на мученика, на что-то исключительное, непохожее на другихъ, а на класъ, какъ на толпу. Хотя эти представленія смутно ходили въ головѣ и сердцѣ, но самолюбіе уже пустило ростки. Я уже начиналъ учиться владѣть собою. Какъ иногда ни становилось мнѣ тяжело мое отношеніе къ класу, у меня хватало воли казаться равнодушнымъ. Вскорѣ маска равнодушія получила даже отгѣнокъ пренебреженія, презрѣнія. Корпусный терминъ: «я въ васъ ненуждаюсь, я безъ васъ обойдусь», намѣренно сквозилъ въ каждомъ моемъ взглядѣ, словѣ, движеніи. Съ одной стороны размолвка съ класомъ припесла мнѣ значительную пользу. Оставленный одинъ-на-одинъ съ самимъ собою, я сначала отъ скуки, и потомъ войдя во вкусъ, сталъ серьезно заниматься уроками, много думать, еще больше читать. Жоржъ снабжалъ меня книгами. Большею частью это были путешествія, къ которымъ я пристрастился до мани. Въ этихъ книгахъ описывалось все такое чудное, странное и страшное, совѣмъ непохожее на все что я зналъ и видѣлъ прежде. Въ нихъ такъ хорошо говорилось о далекихъ странахъ, гдѣ зимы не бываетъ, гдѣ небо всегда голубое—разголубое, гдѣ и птицы, и звѣри, и травы роскошнѣе и наряднѣе нашихъ. Часто всласть начитавшись на ночь такой книги, я всю ночь на пролетъ гонялся по этимъ роскошнымъ, тропическимъ полямъ, за райской птичкой, за хорошенькой колибри забирался въ густую чащу гигант-камышы, но вдругъ собачій лай алигатора обхватывалъ меня ужасомъ... Тяжелая голова его, страшно пощелкивала зубами, а зеленые глаза смотрятъ также скверно какъ у Еропъ Савича, какъ—будто бы заранѣе лакомясь мовымъ мясомъ... Я неистово вскрикивалъ и просыпался. Книжки Жоржа дразнили и развивали мое воображеніе, и безъ того всегда неспокойное и пугливое. Отъ Патрикѣева и Жоржа я скрылъ мои отношенія къ класу

су. Сказать о нихъ походило бы на жалобу, а жаловаться на кого бы то нибыло и за что бы нибыло, мнѣ всегда казалось самымъ дурнымъ дѣломъ. Ктому же и самолюбіе мѣшало. Жалуются, значить сознаетъ, что безсиленъ, а покаяться въ своемъ безсиліи мнѣ было всегда горько и обидно. Пятилѣтнимъ мальчикомъ я выплакивалъ на единѣ оскорбленія, толчки и щипки спльнѣйшихъ товарищей, когда не хватало средствъ потягаться съ ними; но жаловаться никогда не жаловался. Даже передъ самимъ собой сознаться въ безсиліи мнѣ было тяжко и я всегда старался обойти этотъ вопросъ. Къ счастью обстоятельства помогли скрыть дѣло. Патрикѣевъ заболѣлъ и пролежалъ въ постели почти все время моей ссоры, иначе отъ него бы она не скрылась. Кончилась же она такъ же странно какъ и началась. Страданіе за правду покорило меня, страданіе за правду и помирило.

Наступили экзамены. Даже привычій глазъ съ трудомъ узнаетъ нашъ класъ. Мы ли это? всегда шалуны, школьники, всегда неистовые лѣнтяи. Дѣятельность изумительная; не класъ, а фабрика. Весь день на—пролетъ въ ухахъ стучить ти, ти, та, та, та. Это такъ—называемые зубрилки (они составляютъ значительное большинство) готовятся къ экзаменамъ. Передъ каждымъ изъ нихъ тетрадка, глаза зажмурены (чтобъ не соблазняться тетрадкой) шея вытянута, языкъ безъ остановки, какъ мельничный жорновъ — трещить на память. До свѣжаго уха иногда долетаетъ фраза, лишонная всякаго смысла, но зубряшкѣ не дотога: онъ за смысломъ не гонится. Его задача выучить до тла (вызудить, по техническому выраженію), чтобъ безъ запинки протрещать урокъ. Тпру! тпру!.. остановить его какой—нибудь школьникъ изъ солидныхъ, дернувъ за рукавъ въ самомъ разгарѣ *выкусыванья*. Зубряшка вскакиваетъ, бѣсится, бранится, жалуются, что ему не даютъ дѣломъ заняться, и усаживаясь снова, начинаетъ та—та—та—та—та, только непременно сначала вопроса. Продолжать отвѣтъ онъ уже не можетъ, — его *смѣшали, сбили*, апломбъ потерялъ. Онъ непременно спутается, если не начнетъ сначала. Другіе (весьма немногіе) приготавливаются къ экзамену болѣе солиднымъ образомъ. Сидятъ они человекъ четыре въ кружкѣ: одинъ читаетъ, остальные слушаютъ, потомъ поочередно рассказываютъ другъ другу прочитанное, иногда спорять, даже горячатся, и въ азартѣ далеко за-

Обгаютъ назадъ или впередъ. Это большею частью воспитанники съ хорошими балами, но ужь никакъ не изъ отличивыхъ. Методъ ихъ не нравится учителямъ и инспектору. Они имѣютъ непристѣтельную смѣлость заглянуть иногда въ такъ-называемыя приватныя книги (т. е. руководства не утвержденныя для ихъ классовъ), отвѣчаютъ всегда *своими словами*, а иногда, *вычитывая* кое-что изъ *приватныхъ*, нерѣдко срѣзываютъ учителя. На нихъ смотрять подозрительно, какъ на бунтовщиковъ, желающихъ подорвать авторитетъ учителя и *конспекта*. Униже зинсокъ учителя, мальчикъ ничего не выдумаетъ, рѣшаетъ ученый синклять съ инспекторомъ, такъ зачѣмъ въ *постороннія*—то книги заглядывать, да *посвоему разсуждать*. *Разсуждай какъ указано о предметъ. А это все фанабери, вольнодумство всему причина!* И сообщается воспитателямъ, чтобъ построже слѣдили за ихъ нравственностью. На задней скамьѣ фабрикують билеты подъ руководствомъ фараоновой мыши. Мышь обладаетъ удивительно красивымъ и разборчивымъ почеркомъ. Всѣ учителя обращаются къ нему передъ экзаменомъ написать билеты изъ своего предмета (Расчетъ: дешевле — не платить писарю, да писарь и перевертеть можетъ). А фараонова мышь рада услужить. Это даетъ ему возможность ограничиться къ экзамену приготовленіемъ восьми, девяти вопросовъ, которые тутъ же чрезвычайно тонко подмѣчаются, такъ что надо очень и очень зоркій глазъ, чтобъ узнать помѣченные билеты въ разбросанной кучкѣ. Три-четыре лѣнтя окружають мышъ. Они дѣлають видъ, что ихъ очень интересують помѣченные билеты, и даже боятся что приготовить ихъ. Но они лгутъ, готовиться къ экзамену для нихъ вещь немислимая.

— Господа! семнадцатый билетъ двѣ точки на правомъ уголкѣ. Господа, двадцать-шестой — точка и тире, изрѣдка раздается голосъ фараоновой мыши. Нѣкоторые смѣльчаки заготовляють для себя два-три билета, на два-три вопроса единственно знакомыхъ имъ изъ всего курса. Они смѣло выходятъ съ ними въ карманъ передъ экзаменатора; съ ловкостью профессора натуральной магіи и египетской кабалистики, подмѣшываютъ своимъ билетомъ жеребьевый, и возвращаются съ сияющимъ лицомъ и порядочной отмычкой, благодаря своей находчивости, смѣлости и ловкости. Случается и попадаются, — влопываются, по кадетскому выраженію, но это бываетъ рѣдко. На

экзаменахъ сами учителя помогаютъ плутовать изъ расчета поставить свой предметъ высоко. Тѣмъ болѣе, что въ глубинѣ души и воспитатели и воспитанники видятъ въ экзаменѣ болѣе, нежели какъ кукольную комедію.

Наступилъ день перваго экзамена, изъ математики. Въ класѣ прожурено уксусомъ, вокругъ кафедры поставлены кресла и стулья; мы въ новыхъ курточкахъ, крѣпкихъ сапогахъ и тщательно приглажены по формѣ. Экзаменаторъ будетъ самъ директоръ, страстный любитель математики. Съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ посматриваемъ мы на дверь, когда-то онъ войдетъ, носкорѣй бы начался, а то душой вымучаешься пока вызовутъ. Но вотъ вошелъ и директоръ съ инспекторомъ и ассистентами, и начался экзаменъ. Я оглянулся на класъ, — какая разнообразная игра чувствъ на этихъ физиономіяхъ. Зубряшки всѣ сильно трусятъ, нѣкоторые даже измѣнились въ лицѣ и какъ-будто похудѣли. Они боятся перепутать буквы въ формулахъ заученныхъ на память. Изъ солидныхъ нѣкоторые тоже потрушиваютъ, но это люди болѣе развитые. Они понимаютъ, что испуганная физиономія ихъ можетъ дурно откомендовать ихъ знанія передъ экзаменаторомъ и потому стараются казаться равнодушными, даже веселыми и бросаютъ на экзаменатора смѣлые, вызывающіе взгляды, — я дескать все приготовилъ, хоть сейчасъ спрашивай; но вспыхивающій повременамъ на щекахъ яркій румянецъ, при мысли, что вотъ-вотъ достанется семнадцатый или двадцать-третій билетъ, нетвердо приготовленный, выдаетъ ихъ передъ своими. Два-три закоренѣлые лѣнтя, и тѣ испытываютъ какое-то душевное безпокойство, хотя кажется имъ нечего мучиться вопросомъ какой билетъ достанется: они ни одного не готовили. Но тѣмъ не менѣе они замѣтно безпокойны. Ихъ долго не вызываютъ, а имъ хочется скорѣй отдѣлаться. Они знаютъ, что имъ придется стоять столбнякомъ, что ихъ выбрывать и прогонять изъ класа. Они въ этомъ хорошо увѣрены и это ихъ особенно не тревожитъ, но тревожитъ то, что долго ждать всей этой процедуры... и вотъ они нетерпѣливо рѣжутъ ножичкомъ уголки стола, изрѣдка поглядывая другъ на друга. Иуда блѣднѣе смерти. Я увѣренъ, что у него стоитъ хорошій балъ, хотя математикъ онъ весьма плохой. Но онъ беретъ приватные уроки и учитель порадовалъ своему *плагмашу*. Иуда не ожидаетъ, что экзаменаторомъ будетъ директоръ; онъ всегда предо-

ставлялъ это дѣло инспектору, а инспекторъ съ учителемъ своимъ и къ Іудѣ благоволятъ. Все это разстроило Іуду, онъ точно на иголкахъ, все вертится.

— Моховъ и Коничевскій, раздается голосъ экзаменатора, заставляющій насъ вздрогнуть. Мы выходимъ и отвѣчиваемъ поклоны по всѣмъ правиламъ танцкласа; передъ самымъ экзаменомъ, за часъ, намъ дѣлали репитичку. Іуда отвѣчаетъ плохо, путается, несмотря на всѣ маневры учителя. На посторонніе вопросы экзаменатора рѣшительно стоитъ столбнякъ—столбнякомъ.

Директоръ посматриваетъ въ списокъ отгѣтокъ и морщится. Учитель замѣтно конфузится. Инспекторъ тоже.

— Отвѣчайте вы, Моховъ! говоритъ директоръ.

Я начинаю робко; но поощрительное киваніе головой директора ободряетъ меня; маленькій жаръ обхватываетъ голову — я увлекаюсь и продолжаю бойко, смѣло, съ увѣренностью.

Меня хвалить, начинаютъ дѣлать боковые вопросы, — я всѣ разрѣшаю ловко и свободно.

— Прекрасно! неподобно! говоритъ директоръ, потомъ обращается къ учителю: — Отчего у Мохова десять балловъ, а Коничевскій помѣченъ двѣнадцатью? помилуйте, да онъ въ ученики къ Мохову не годится. Что за причина? И лицо директора принимаетъ насмѣшливое выраженіе. Я вспыхиваю. Я горько оскорбленъ тѣмъ, что Коничевскій поставленъ выше меня. Этого я никакъ не ожидалъ; — самолюбіе уязвленное, злость шевельнулись въ душѣ. Насмѣшливые взгляды директора такъ подстрекательны!

— Коничевскій у нихъ уроки беретъ, зато и поставлено, а я не беру, говорю я, прерывистымъ голосомъ, въ волненіи.

Слова мои производятъ необыкновенный эффектъ. Лицо директора вдругъ принимаетъ суровое выраженіе, впрочемъ нѣсколько потерянное. Учитель мѣняется, у инспектора губы передернуло. Іуда стоитъ блѣднѣе смерти.

— Ступайте въ карцеръ! глухо произноситъ директоръ, все еще не прійдя въ себя. Между инспекторомъ и учителемъ начинается разговоръ знаками и подмигиваньями.

Вошелъ я въ карцеръ уже не въ томъ смутномъ состояніи духа, какъ входилъ въ первый разъ. Я теперь сознательно чувствовалъ, что пострадалъ какъ слѣдуетъ за правду. Весь день

я былъ такъ веселъ и доволенъ собой, что мнѣ въ голову и мысль не приходила, что за мой поступокъ можно поплатиться кое-чѣмъ и посерьознѣе карцера. Зачто меня накажутъ болѣе? разсуждалъ я, — развѣ я неправду сказалъ? — незачто! Въ карцеръ посадили, и будетъ. Въ карцеръ нельзя не посадить, потому что *разсуждать* запрещено, не слѣдуетъ; а больше я ничего не сдѣлалъ. Только правду сказалъ. Вотъ еслибы я дерзости говорилъ, ну тогда такъ; а дерзости я себѣ никогда не позволю. Только правду сказалъ. Зачѣмъ дерзости говорить, это скверно, — а правду надо всегда говорить. Прошли сутки, другія, а плѣнь мой не оканчивался: я началъ беспокоиться. Напрасно пристава въ я къ дневальному солдату, приносившему мнѣ хлѣбъ и воду, когда меня выпустятъ? — онъ естественно не могъ дать отвѣта. Наконецъ меня потребовали въ конференцъ-залу (комитетскую, какъ мы ее называли). Меня встрѣтилъ инспекторъ, кусая свои тонкія, сухія губы. Онъ объявилъ мнѣ, что директоръ поручилъ ему сдѣлать мнѣ отеческое внушеніе и то только на первый разъ въ уваженіе моихъ успѣховъ въ наукахъ, ограничился такимъ слабымъ наказаніемъ; но что если подобное повторится, то и т. д. Началъ инспекторъ внушеніе тихо, скромно, только немножко шипящимъ голосомъ, кончилъ крикомъ и бранью. — Смотри у меня, смотри! кричалъ онъ топая обѣими ногами, — въ грязь втопчу! Ты меня узнаешь! Все я прощу, все... лѣньность прощу, шалость прощу, а за разсужденіе — бѣда! Несчастливымъ на всю жизнь сдѣлаю! Кто разсуждаетъ съ начальствомъ, въ томъ не жди проку; на всю жизнь негодяемъ останется. Смотри, заруба это на носу, заруби! Убирайся!

— Ишь какъ ругается, размышлялъ я, слушая отеческое внушеніе, а еще на директора ссылается... Врешь, братъ, мы знаемъ, что директоръ не любитъ когда ругаются. Это ты все отъ себя, *своими словами!* Сострилъ я мысленно и отправился въ класъ. При входѣ моемъ пробѣжалъ легкій веселый говоръ. Я усѣлся на скамью и открылъ ящикъ, чтобы достать тетради. Гляжу, поверхъ книгъ лежитъ листь бумаги; читаю: «Моховъ! мы на тебя не сердимся и миримся съ тобой, только заговори первый съ класомъ!»

Я вспыхнулъ.

— Это съ чего вы взяли? заговорилъ я горячо, обращаясь къ класу. Вы первые не стали говорить со мной, а я стану

заискивать у васъ, ухаживать за вами... Слышите: я унижаться передъ вами не стану; ни за что въ міръ первый не заговорю съ вами! и не воображайте себѣ!

— А вотъ самъ же заговорилъ первый, закричала фараонова мышь, смѣясь... Ну, Моховъ, не сердись! миръ! Госнода, миръ съ Моховымъ! Онъ молодець! Какъ онъ математика отдѣлалъ.

Многіе подошли ко мнѣ. Всѣмъ имъ замѣтно было неловко.

— Я никогда и не сердился на васъ, заговорилъ я... я не знаю, что это вы...

— Да мы сами не сердились... а такъ...

— Иуда предалъ тебя, Моховъ!

Я взглянулъ на Иуду: онъ сидѣлъ на задней скамьѣ, будто занятый книгою, а самъ изподлобья посматривалъ на происходящую сцену. Лицо его выражало злость и досаду.

— Я знаю, что все это Иуда сдѣлалъ... я съ нимъ всю жизнь говорить не стану...

— Ахъ какъ вы меня огорчили, скажите пожалуйста; — онъ насильственно засмѣялся и отвѣсилъ мнѣ поклонъ въ пость.

Миръ былъ заключенъ. Началась веселая болтовня. Всѣ наперерывъ заявляли мнѣ свое удовольствіе и удивленіе къ смѣлости моего поступка.

— А вѣдь мы думали, что тебѣ не миновать бани. Тутъ, братъ, безъ тебя комитетъ три раза собирался. У инспектора, сказываютъ, со злости ногтей на пальцахъ не осталось, всѣ изгрызъ. Все просилъ, чтобъ тебя передъ класомъ вспрыснуть... Всѣ на тебя поднялись... Лизунъ по всѣмъ класамъ благовѣстилъ, что будетъ лупцовка; да спасибо, директоръ отстоялъ. Что у нихъ крику-то, говорить, въ комитетѣ было! Инспекторъ больше всѣхъ на тебя озлился. Александръ Васильичъ тоже за тебя просилъ, больной сюда припелся.

Я сіялъ отъ восторга, что надѣлалъ такого шума.

— Смотри, Моховъ, изъ математики братъ получше готовься; сказывали, въ комитетѣ похвасталъ, что доѣдетъ тебя.

— Не доѣдетъ! проговорилъ я съ гордостью!

— Будетъ готовиться, такъ какъ онъ его доѣдетъ!

— Задачками доѣдетъ! проговорилъ со вздохомъ волчокъ, очень неглупый мальчикъ, и всегда пасующій передъ задачками.

— Ну, развѣ задачками! подтвердилъ кто-то.

— И задачками не доѣсть! сказала я... не боюсь я его... а начнетъ придираться, — директору пожалуюсь: онъ несправедливостей не любитъ.

— Да, молодецъ директоръ! а вѣдь какой тихій на видъ, и не узнаешь. Досталось, говорить, отъ него всѣмъ. Обѣщала по всѣмъ предметамъ самъ экзаменовать.

Племяши приуныли.

— Моховъ! къ тебѣ пришли! закричалъ кто-то.

Я какъ сунашедшій бросился въ столовую... Кто бы это? кто ко мнѣ?... спрашивалъ я себя громко. Сердце забилося ускорише.

— Моховъ! поди сюда! закричалъ Кореневъ, схвативъ меня за руку и насильно таща въ классъ.

— Пусти! ко мнѣ пришли.

— Успиѣешь! — Я очутился въ среднемъ классѣ, куда никто и никогда изъ мальчиковъ нижнихъ классовъ войти не могъ, подъ опасеніемъ быть тотчасъ же изгнаннымъ съ порядочной встрепкой.

— Господа, Моховъ цѣлъ и невредимъ, провозгласилъ Кореневъ, обращаясь къ классу.

Всѣ обступили меня съ распросами, не былъ ли я высѣченъ келейно, — я побожился.

— Очень рады, очень рады! Ну молодецъ, братъ, Моховъ! лихую штуку удралъ. За это всегда можешь въ нашъ классъ безъ спросу входить.

Я не помнилъ себя отъ восторга. Оказанная честь была выше всякихъ ожиданій.

— Только чуръ не передавать что увидишь, отозвался кто-то.

— Я не наушникъ! отвѣчалъ я вспыхнувши.

— Молодецъ! Ходи къ намъ — не бойся!

Съ разгорѣвшимся отъ удовольствія лицомъ я вбѣжалъ въ столовую и невольно вскрикнулъ отъ радости, увидавъ Петра Герасимыча.

— Здравствуй, здравствуй, гусарь! Фу, молодецъ какой! Наполеонъ да и только! и онъ сталъ меня нѣжно обнимать.

— Твои тебѣ кланяются. Живы и здоровы, гостинца тебѣ шлютъ.

— Вы одни пріѣхали, Петръ Герасимычъ? спросилъ я кра-
сивѣя.

Петръ Герасимычъ засмѣялся.

— Одинъ! Машуркѣ вѣкогда, къ свадьбѣ готовится, — за-
мужъ идетъ!

Я выпучилъ глаза.

— Имъ рано еще...

— Невѣришь! Думаешь, тебя станеть дожидаться, ха-ха-ха.
Ну какъ ты учишься?

И пошли распросы. Уходя Петръ Герасимычъ звалъ къ се-
бѣ. Онъ пріѣхалъ по дѣлу на недѣлю.

— Смотри же приходи! Не придешь, будешь каяться, да поз-
дно. А теперъ возьми эти гостинцы. Онъ подалъ мнѣ огромный
свертокъ разныхъ сластей, которыми черезъ нѣсколько минутъ
я уже обдѣлялъ свой класъ. Весь день я провелъ въ какомъ-то
сладостномъ, умственномъ чаду. Я чувствовалъ, что сталъ пред-
метомъ общаго любопытства, что на меня смотреть, мнѣ уди-
вляются, ищутъ моей дружбы и расположенія; словомъ я былъ
героємъ дня. Честь, оказанная мнѣ среднимъ класомъ, сла-
дость щекотала мое самолюбіе, и высоко поставила меня въ
глазахъ товарищей и кадетъ нисшихъ класовъ. Даже высшій
класъ, всегда державшій себя на недосягаемомъ пьедесталѣ,
заявилъ свое сочувствіе.

— Который здѣсь Моховъ? спросилъ входя въ класъ Бирю-
ковъ, господинъ извѣстный самостоятельностью своихъ убѣ-
жденій, которая заявлялась тѣмъ, что онъ акуратно сидѣлъ ка-
ждую недѣлю въ карцерѣ за комплименты учителямъ.

— Я-съ! отвѣчалъ я робко.

Онъ посмотрѣлъ на меня очень внимательно, даже голову на
сторону склонилъ и прищурилъ лѣвый глазъ. Словомъ посмо-
трѣлъ такъ, какъ покупатель смотритъ на аукціонѣ продаваемую
вещь, соображая, стоитъ ли она объявленной цѣны.

— Гм! ты Моховъ! хорошо... и впередъ веди себя хорошо!
А я тебѣ за обѣдомъ пирожокъ пришлю.

Дѣйствительно за обѣдомъ я получилъ отъ него пирожокъ.
Но каково было мое удивленіе, когда вслѣдъ за нимъ служи-
теля принесли мнѣ съ разныхъ концовъ стола еще пирожковъ
до десяти.

Я былъ сконфуженъ. За что это они, за что?

Стали подавать кашу; служитель принесъ мнѣ тарелку и въ ней порціи шесть или семь масла.

— Приказали сказать, что отъ средняго класа! сказалъ онъ, подавая тарелку.

Слезы у меня выступили на глазахъ. Господи, благодарю тебя! шепталъ я въ сладостномъ упоеніи. Меня всѣ полюбили. Да, хорошо за правду страдать. О! я всегда буду страдать за правду, всегда!

Мнѣ тогда и въ голову не приходило, что главная причина всеобщаго сочувствія моему протесту лежала не въ принципѣ факта, а во всеобщей ненависти къ учителю математики, чловѣку крайне несправедливому, страшно жадному до денегъ, у котораго за извѣстную плату всегда можно было купить хорошій балъ, даже отъявленному лѣнтяю. Четверть корпуса была его племяшами. На каждого *несвоего* онъ смотрѣлъ всегда подозрительно и прижималъ по силѣ—возможности (вспоминаю его любимое выраженіе). Что инспектору все это было извѣстно, мы хорошо знали, но директоръ явно не зналъ, да навѣрное никогда бы не узналъ, еслибы не случай со мной. Вотъ причина манифестацій, на которыя Еропъ Савичъ смотрѣлъ, кусая отъ злости губы, и которыя такъ высоко поставили меня и въ моихъ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ товарищей, и заставили Иуду блѣднѣть и злиться. Онъ видѣлъ, что его авторитетъ падаетъ, что я вдругъ получилъ громкую и почетную популярность, что класъ какъ-то инстинктивно отвернулся отъ него и перешолъ на мою сторону, а отличныя отиѣтки по предметамъ на экзаменахъ довершили его погибель. Червякъ самолюбія жѣтно грызъ его сердце; онъ видѣлъ, какъ его нравственное вліяніе на класъ ускользаетъ изъ его рукъ и переходитъ ко мнѣ вмѣстѣ съ первенствомъ по наукамъ, но по возможности онъ сохранилъ наружное спокойствіе. Онъ кажется еще надѣялся, что я не счумѣю воспользоваться удобной минутой, пропущу ее, и дѣло можетъ принять другой оборотъ. Еще болѣе кажется надѣялся, что упоенный успѣхомъ, я зайграюсь въ эту увлекательную, азартную игру *страданія за правду* и серьезно зарвусь. Онъ выдалъ себя, когда громко заговорилъ въ класѣ, что въ моемъ поступкѣ нѣтъ ничего ни особенно смѣлаго, ни отчаяннаго; что вотъ еслибы я сказалъ въ глаза инспектору, что онъ то-то, да то-то, ну это было бы дѣло другаго рода. Никто бы

не смѣлъ спорить, что я не молодецъ. Онъ говорилъ это такъ хорошо, громко, увлекательно, что я уже загорѣлся желаніемъ еще отличиться, да болѣе благообразный Барабинъ удержалъ меня, раскрывъ глаза, для чего все это говорилось.

Вечеромъ я отправился къ Петру Герасимычу. Одѣлся наскоро въ старое платье и не на помадился даже, не причесался и побѣжалъ. Для него чтоли стану я помадиться, рассуждалъ я. Машеньки не привезъ, такъ нечего и новое платье надѣвать и помадиться нечего. Когда я пришолъ въ его квартиру, онъ бросился ко мнѣ съ распростертыми объятіями и повелъ въ залъ. На небольшомъ столикѣ стоялъ чайный приборъ и кипѣлъ самоваръ.

— Ктожъ, братъ Володя, разливать-то будетъ, я не мастеръ. Развѣ ты удружишь старику.

— Я никогда не разливалъ, не умѣю.

— Экое горе! досадно, что Машурку не взялъ, досадно! и тебѣ поди тоже досадно!

— Не привезли, такъ зачѣмъ говорить объ этомъ! сказалъ я съ досадою.

— Ну а что, еслибы по щучьему прошенію, да по моему желанію, она стала передъ тобой, какъ листъ передъ травой? а, ха, ха, ха! и онъ залился смѣхомъ.

Сердце мое учащенно забилось. Мною овладѣло то смутное, странное, сладко-тревожное волненіе, которое мы называемъ близкимъ предчувствіемъ чего-то давножданнаго, хорошимъ предчувствіемъ.

— Онъ здѣсь? спросилъ я прерывистымъ голосомъ.

— Здѣсь, Володя! сладко прозвучалъ звонкій, знакомый голосокъ, и изъ сосѣдней комнаты выпорхнула Машенька. Не сумѣю высказать мою радость. Первые минуты прошли для меня въ какомъ-то сладостномъ чадѣ. Не помню что такое говорилъ я, какъ съ ней поздоровался. Знаю только, что Петръ Герасимычъ приказалъ намъ поцѣловаться, и этотъ поцѣлуй цѣлую недѣлю загорался на моихъ губахъ при воспоминаніи. Машенька стала разливать чай, а я немножко пришолъ въ себя и сталъ ее разсматривать. Я замѣтилъ, что на ней новенькое левое платьице, и прическа другая, и сама она какъ-будто другая. Какъ-будто и веселѣе прежняго, да и солиднѣе въ тоже время, большую барышню очень напоминаетъ. Разговариваетъ

со мной, а сама глазами такъ дѣлаетъ, что вдругъ они у ней станутъ такіе ясныя, да свѣтлыя, да прозрачныя, точно въ душу вашу она ими глядитъ; а то вдругъ какъ—будто масломъ подернутся, спать ей захотѣлось чтоли. А то подъ лобъ ихъ немножко пустить, и все это такъ быстро, что не успѣешь слѣдить за ихъ игрой. Ишь какимъ она штукамъ научилась, со всѣмъ какъ большая; это вѣрно у поповскихъ дочерей переняла. Они тоже все такъ глазами дѣлаютъ. А мамаша говорила, что вѣдь это нехорошо глазами такъ дѣлать. И что это она все обдергивается и пелеринку поправляетъ. Вѣдь ловко она на ней надѣта! размышляя я, глотая чай и посматривая на Машеньку.

— Какой ты сталъ молодецъ, Володя! и большой какой, и интересный въ этомъ платьѣ! говоритъ Машенька съ улыбкой.

Я самодовольно улыбаюсь и тутъ же съ горечью вспоминаю, что на мнѣ старое платье и я не припомажёнъ.

— Это у меня старое платье; я не зналъ, что вы пріѣхали. Я и не помадился! говорю я и вдругъ краснѣю; мнѣ становится стыдно и досадно на себя, что я это сказалъ.

А Машенька все улыбается.

Нѣтъ, прежде она лучше улыбалась, думалъ я, — и зачѣмъ это она все такъ глазами дѣлаетъ?

Кончили чай. Петръ Герасимычъ ушелъ заниматься дѣлами.

— Ну, Володя, расскажи мнѣ какъ ты живешь! хорошо ли у васъ?

— Хорошо, Машенька; я теперь все за правду страдаю.

— Какъ это страдаешь?

— Такъ, за правду. Изъ всего корпуса я одинъ страдаю за правду. Ахъ какъ хорошо это Машенька. За это всѣ наши любить меня и почитаютъ. Меня средній классъ къ себѣ безъ спросу пускаетъ, а сегодня мнѣ девять пирожковъ прислали. И я начинаю по своему развивать Машенькѣ идею *страданія за правду*. Она сначала слушаетъ меня внимательно, хотя безпрестанно поглядываетъ въ зеркало, которое виситъ напротивъ нея. Руку ли положить на столъ, пелеринку ли поправить, голову ли вытянуть впередъ какъ гусь, или откинетъ на спинку кресла, — все *вглядываетъ въ зеркало*. Вскорѣ она стала обнаруживать замѣтное *нетерпѣніе*, все вертится. Постою, Володя! закричала она, вскакивая съ кресла: — я тебѣ покажу, какія мнѣ папа обновки

купилъ. Бѣжить въ другую комнату и возвращается оттуда въ шляпкѣ и съ узломъ въ рукѣ.

— Что, хорошенькая я въ этой шляпкѣ, а? спрашиваетъ она меня, вертясь передъ зеркаломъ.

— Очень хорошенькая! бормочу я, любуясь ея милою головкой. — А вы любите меня? вдругъ срывается у меня съ языка помимо моей воли.

Машенька какъ-будто конфузится.

— Вотъ видишь, Володя! говорить она такимъ тономъ, какимъ оправдывается пойманный въ школьной продѣлкѣ шалунъ: — ты скоро будешь офицеромъ?

— Нѣтъ, не скоро еще.

— Ахъ, какъ жалко! Вотъ будешь офицеромъ, я тебя любить стану, а теперь нельзя, Володя. Ты кадетъ; развѣ кадета можно любить барышнѣ?

— Отчего же кадета нельзя любить? говорю я, горячася: — кадетъ также, что...

Дальше словъ не находится.

— Такъ ты говоришь, что я хорошенькая! И она стала гримасничать передъ зеркаломъ.

— А Катя Пиголицина хвастаетъ, что она лучше всѣхъ въ городѣ. Какая она завистливая, Володя, еслибъ ты зналъ. Она все завидовала, что меня большіе на танцы приглашали. Папа на мое рожденіе балъ сдѣлалъ. Ахъ, какъ весело было, и мороженое подавали. У насъ очень много было, и я все съ большими танцевала. Больше все съ гусаромъ однимъ; какой хорошенькій, Володя, а мундиръ такъ и горитъ. Ты Володя въ гусары поступай.

— Не выйду я въ гусары! отвѣчалъ я грубо. Злость, досада, ревность обхватываютъ меня.

— Навѣрно дуракъ какой-нибудь, бормочу я сквозь зубы.

— Это почему дуракъ?

— А потому что пѣсня такая есть.... Я въ артилерію пойду.

Пѣсня, какъ замѣтно, озадачила Машеньку; она сконфузилась и притихла.

— А какже у насъ всѣ говорятъ, что онъ умный?

— Чего нельзя говорить, говорить все можно. Вонъ и я вамъ сказалъ, что вы хорошенькая, а вы по правдѣ не хорошенькая, совсѣмъ не хорошенькая, я это такъ сказалъ! говорю я со

злости: Образъ хорошецкаго гусара въ блестящемъ мундирѣ, какъ кошмаръ дравить и душить меня, и подстрекаетъ говорить Машенькѣ неприличности.

— Ну, ужъ это ты врешь, Володя! говоритъ Машенька, наклонивъ на бокъ голову и лукаво улыбаясь. Я хорошецкая! это всё говорить, да я и сама знаю; а это ты поводить меня хочешь. Я вижу, ты ревнуешь меня, Володя! произносить она важно, враспѣвъ.

— Очень нужно мнѣ ревновать, невидаль какая! Захотѣлъ бы ревновать, такъ я бы такую штуку одѣлалъ...

— Чтоже бы ты одѣлалъ?

— Да я бы, я бы... Нѣкогда мнѣ съ вами разговаривать, въ перепуть пера! говорю я сердито.

— Несиди еще Володя! Давай припомнимъ, какъ ты у насъ жилъ, а? Пойдемъ въ гостиную и сядемъ тамъ на ковръ. Помнишь какъ дома бывало!

— Ну, давайте! говорю я, нѣсколько смуглаясь, и сажусь на коверъ напротивъ Машеньки.

— Помнишь, Володя, какъ мы на пушечномъ играли, а? а армарку помнишь?

— А помните, какъ я вамъ стихи читалъ на рожденіе? перебывало я? — Еще помните чтѣ вы тогда одѣлали?

— А: что такое, Володя? спрашиваетъ Машенька, широко раскрывъ свои глаза.

— А вы тогда поцѣловали меня.

— Инъ, какой ты, не забывь! А помнишь, какъ ты Петрушѣ уно, укусила за меня?

И смѣюсь.

И стали мы снова дѣтьми. Зажили еще недавно, свѣтлою, чистою жизнью. Подъ обаяніемъ дорогихъ воспоминаній, долго, долго болтали мы, не сводя другъ съ друга глазъ. Передо мной опять была Машенька въ бѣломъ платьицѣ, розовенькая, хохотушка съ веселыми ямочками на щекахъ, съ большими, свѣтлыми глазами, въ которые такъ весело, хорошо было смотрѣть. Смотрю я съ эти глазами, такъ пристально смотрю и чудное дѣло творится со мною. Какъ въ фантастическо-фантастической плеорамѣ вижу я въ этихъ глазахъ знакомыя лица, знакомыя мѣста, быстро несутся еще передо мной, смѣняясь одни другими. То видится мнѣ широкій мугъ. Зеленъ его такъ сочна и прозрачна, что сол-

вечный луч сквозит сквозь стебли, окрашивая золотом сок растения. Кусты душистой черемухи, как невесты, передъ вѣнцомъ, всё въ бѣломъ цвѣту, тихія, пышная, скромная, облиты золотыми лучами солнца. А тамъ вдали, между кустами мелькаетъ розовое платье Машеньки. Барбоска съ поднятymi хвостомъ несется во всё лопатки, визжа и лая; я не отстаю отъ него, мнѣ ужасно хочется поймать его за хвостъ, а запыдавшая няня хриплымъ, надорваннымъ голосомъ уже давно кричить: «господа за столъ сѣли и насъ ждутъ кушать.» И все это я вижу въ большыя, прозрачныя глаза Машеньки. Еще пристальнѣе всматриваюсь я, — и несутся передо мной: старый мушкетный дворъ, и свѣій Донъ въ золотомъ сіяніи зори, и одинокая груша въ уголкѣ нашего большого двора, и она промелькнула грустная, одинокая, и вспомнилась мнѣ нищенка-сиротка, что у деревянной ограды всегда просила подавнн, восторонъ отъ прочихъ нищихъ. Я всегда берегъ для нея грошечки. Мелькнулъ изразцовою ночью страшный дѣдовскій залъ, отецъ Василій, дьячекъ Вавило, Барбосъ, и много, много яркѣе запечатлѣнныхъ въ сердцѣ образовъ несло передо мною. . . .

Машенька сидитъ смиренно и также пристально смотритъ на меня, и тоже кажется что-то видитъ. Глаза ея широко раскрылись и задумчивый взглядъ исполненъ какой-то серьезной важности. Она уже не играетъ ими, какъ полчаса тому назадъ.

— Машурка! покажи-ка Володѣ серезки, что я тебѣ купилъ! раздастся изъ сосѣдней комнаты голосъ Петра Герасимыча. Очарованіе исчезаетъ, Машенька вскакиваетъ какъ серна, приноситъ серьги, вертится передъ зеркаломъ и играетъ гадъзами.

Мнѣ становится что-то грустно и досадно.

Поздно возвращаюсь я въ корпусъ. Передъ глазами все мелькаетъ ея головка. Пришелъ, раздѣлся, закутался въ едѣло, и она все не отстаетъ отъ меня. Раса два даже поднялся съ койки, показалось, что возлѣ меня зашумѣло платье. Не могу протгнать ея образа изъ головы. Что это я все о ней думаю, зачѣмъ? Она обо мнѣ вѣрно не думаетъ. Она вѣшь съ пусаромъ танцвала. И какая она странная стала, совсѣмъ другая; глазами-то какъ она дѣлаетъ, даже нехорошо смотреть. Такъ лучше, когда она просто ими глядитъ, а вѣрно это поповскія дочери научили. И что это она объ нарядахъ только я говорю, о книжкахъ же

чере ее доверить. Она даже зъгнула, когда я ей рассказывалъ, что несправедливо въ правду. Непочу я о ней думать, не отстану она. Она мнѣ кажется а не умная вовсе. Лучше знаю! И я крѣпко сжимаю рѣшительныя, чтобъ поскорѣй уснуть, а сонъ нейдетъ. Слышать ухоложеній шелесты воздушнаго платья, видѣть сомкнутый глаза свѣжее, улыбающагося личико. Не пойду я къ нимъ завтра! рѣшаю а откровенно. Только сна отъ нея нѣтъ, да уроки не приготовишь, а еще объ ней станешь думать; и зачѣмъ это я думаю объ ней, и не хочу думать, а все думаю! Давно не выдалась, оттого вѣрно думаю. Ну, и опять — она хорошенькая!

Продвинулся я съ твердою рѣшимостью не навѣщать Петра Герасимыча до отъѣзда, и продолженіе цѣлаго дня эта рѣшимость не покидала меня; но только-что повѣстивъ колокольнымъ концомъ вѣселемъ, странное безпорядокство, овладѣло мной, замелькало въ глазахъ палевое платьице, зазвучалъ въ ушахъ звонкій, звонкій востокъ. Не пойду я къ ней, мизачто не пойду! бормоталъ я, быстро шагая по коридору. Лучше у Барбарилы книгу взять про разбойника Фрадыявола, говорятъ хороша книга. Только читать что-то не хочется, все объ ней думаю, а Развѣ, сегодня, еще сходить, развѣ, да больше ужъ и не стану, а? Попрошиться развѣ? попрошусь! Ахъ, еслибы не отпустили, отпустили бы; тогда значить и хотѣлъ бы, да нельзя, не пускаютъ. Ахъ, ужъ половина восьмого! вскрикнулъ я съ испугомъ, взглянувъ на большіе, стѣнные часы. Проситься, такъ теперь, а то и поговорить нѣкогда будетъ. Ахъ, ей-богу, ужъ и не знаю какъ... погадать развѣ? Я зажмуриваю глаза и начинаю сводить указательныя пальцы, но на половинѣ гаданья бросаюсь изъ коридора проситься и бѣгу къ Машенькѣ. А время летитъ, уѣхала и Машенька. Смутно было наше прощанье. Она все вертѣлась передъ зеркаломъ въ своемъ новомъ, дорожномъ камочникѣ. Рядъ пять сидѣла съ головы пуховый платочекъ и слова молвила его; все ей казалось, что онъ неловко сидитъ. Даже задумала было надѣть шляпку, да Петръ Герасимычъ посталъ. Я былъ разстроенъ, сердитъ и должно-быть смѣшонъ, потому что Машенька, взглядывая на меня, все какъ-то странно улыбалась.

... — Прощай, Володя, прощай! Ты не скучай очень обо мнѣ. Можешь я скоро опять приѣду! сначала она съ улыбкой, обнимающая меня. Непріятное чувство нольнуло въ сердцѣ. Мнѣ вспом-

вилось, что ночь такимъ же голосомъ угонявала и уснаивала меня мамаша, подавая мнѣ конфетку, когда я бывалъ очень огорченъ. Столько оскорбленія, столько снисходительнаго слабостя дитяти слышалось въ голосѣ Машеньки. Я испыхнулъ: чувство досады и оскорбленнаго самолюбія заговорило во мнѣ.

— Нечего мнѣ скучать объ васъ. Не бойтесь, и безъ васъ все село будетъ. Ужъ очень много воображаете о себѣ! говорю я съ раздражительностію, напрягая всѣ силы души сохранить наружное равнодушіе, но голосъ противъ воли дрожитъ, а на глазахъ я чувствую какъ выступаютъ слезы.

— Ты не сердись на меня, Володя! ласково говорить она, склоняясь мнѣ на плечо и смотрясь своими прозрачными глазами прямо въ мои глаза.

— Очень нужно сердиться! говорю я, а слезы такъ и капаются изъ глазъ.

— Ну, поцѣлуемся! И она, крѣпко обнявъ, поощадила щѣлуется меня.

— Оставь! и я выхожу на крыльцо. У подъѣзда стоятъ дорожныя сани; лошадки, паскутивъ дожидаться, нетерпѣливо помахиваютъ головами; ящичекъ слезъ съ облучка и грѣтоса; похлопывая рукавицей объ рукавицу; колокольчикъ звѣрдия позвякиваетъ какъ-то мучительно-жалобно. Я совершенно разстроены и чувствую во рту горечь, а въ головѣ боль.

А время летитъ. Пробѣжала и зима съ мятелями, бурянами и морозами, о степени которыхъ могли всего вѣрнѣе судить мы, кадеты, кутаясь въ форменную шинельку, подбитую на синій холстомъ, а на полахъ — воздухомъ; прошла и маслянница съ казенными блинами, весьма вкусными по паружиности, но отъ которыхъ тѣмъ неменѣе мы цѣлую недѣлю ходили со спазмами въ животѣ. Наступилъ в постъ, съ протухлой рыбой, экономно закупленной еще въ июль мѣсяцѣ, гнилыми зеленоватыми грибами, фигурирующими въ росписаніи обѣда подъ псевдонимомъ *бѣлыхъ*, и съ гороховой шелухой съ гренокми, подъ громкимъ именемъ гороховаго соуса. Мы говѣемъ, — сегодня исповѣдь... Всѣ собраны въ залъ и размѣстились на скамейкахъ. Тишина такая, что легкій кашель звонко раздастся въ воздухъ и вызываетъ всеобщее вниманіе, заставляя кашляющаго краснѣть. На срединѣ зала высокая, худощавая, строгая фигура *батюшки*, въ черной рясѣ. Онъ говоритъ тихимъ, ровнымъ, нѣсколько глухимъ голо-

своемъ о великомъ значеніи поговѣда и св. причастія. Всѣ слушаютъ внимательно и какъ-будто встревожены; даже у отъявленныхъ школьникоу физиономія вытянулись и глаза опущены долу. Перечисляетъ батюшка наши великіе грѣхи, и каждому изъ насъ чувствуется неловко, даже странно: да, все это наши грѣшки, наши... Какъ онъ умалъ ихъ? наввно спрашиваетъ себя. Точно онъ видитъ душу нашу насквозь, точно каждый день, каждый часъ былъ съ нами и подсматривалъ, а мы его только въ классѣ да въ церкви видали. Еропъ Савичъ вѣрно все ему пересказалъ, онъ фискальничаетъ всегда; да нѣтъ... можетъ ему Богъ далъ, что онъ все видитъ, и при этой мысли страшно становится, что заподозрилъ въ этомъ дѣлѣ Еропъ Савича, — и видитъ онъ, батюшка, что такъ грѣшио подумалъ, и причастія не дастъ.. Господи! а грѣховъ—то сколько! и лѣность, и непочтеніе къ старшимъ, и смѣялись надъ отцомъ духовнымъ, все это... все дѣлалъ... во всемъ грѣшнень... жутко становится на сердцѣ и тоска обхватываетъ душу. Но вотъ, сказалъ батюшка, что Богъ безконеченъ въ милосердіи своемъ, и все проститъ если покаетесь ему отъ всего сердца, и свѣтлѣй становится на душѣ отъ этихъ словъ, и мысленно даетъ горячую клятву во всемъ покаяться. Но Богъ только тѣхъ прощаетъ, кто самъ прощаетъ, говоритъ батюшка и приказываетъ помириться со всѣми кто въ ссорѣ, просить другъ у друга прощенія, а то грозить не дать причастія, и тихо уходитъ изъ зала. Всѣ съ шумомъ и галомъ вырываются изъ зала, одинъ я стою какъ окаменѣлый.

— Просить прощенія у Іуды! при этой мысли краска бросилась мнѣ въ лицо.

— Нѣтъ, нѣтъ, я никакъ не подойду къ нему первый, ни за что! а то онъ воображить, что я вужлаюсь въ немъ, поддѣлываюсь къ нему. Начнетъ хвастать всѣмъ, что я просилъ у него прощанья. Чтѣ тогда весь классъ скажетъ. Нѣтъ, никакъ!.. Вѣдь батюшка сказалъ, что надо другъ у друга просить прощенія: ну, пусть онъ и подойдетъ ко мнѣ первый, а я его прощу, успокою в себя. А если онъ не подойдетъ, тогда что? Не попрошу прощенія — батюшка причастія не дастъ. Ахъ, еслибы онъ самъ попросилъ прощенія. И вотъ я начинаю вертѣться около Іуды, жду не дождусь, что вотъ скажетъ онъ мнѣ: «прости Моховъ!» Но Іуда видимо и не думаетъ объ этомъ. Онъ даже подсматриваетъ на меня нѣсколько двусмысленно: онъ кажется ви-

дять, что творится во мнѣ, насмѣивается и только что не говорить глазами: «а что, братъ, придется видно прощенья просить у меня!» Это подозрѣніе еще болѣе усиливаетъ мою нравственную пытку, я какъ на иголкахъ. До исповѣди еще долго, еще успѣю, еще часовъ пять осталось; стараюсь я себя успокоить и прогнать докучно-мучительную мысль, но она крѣпко засѣла и не выходитъ изъ головы. Вотъ и за обѣдъ уже едим, — кусочекъ въ ротъ нейдетъ. Господи, какъ мнѣ сдѣлать-то, барахтаю я себя съ отчаяніемъ. Вотъ уже и построиться вальбли, чтобъ вестя къ исповѣди въ домовую церковь, которая стояла на углу корпустнаго двора... Какъ же я пойду не испросить прощенья, что я скажу на исповѣди батюшкѣ... ахъ, Господи, Боже мой!.. А Иуда, какъ нарочно остается со второй половиной, которую повелеть послѣ, а то бы, при входѣ въ церковь, я мимоходомъ бы пробормоталъ бы ему что-нибудь, какъ-будто прощенья прошу; а самъ бы и не просилъ, а такъ что-нибудь пробормоталъ бы. Вотъ ужъ и направо скомандовали, и маршъ скомандовали, и съ крыльца стали мы сходять. Нѣтъ, пойду попрошу прощенья, такъ грѣшно на исповѣдь идти, рѣшилъ я; — скажу ему, что батюшка приказалъ просить прощенья, оттого я прошу, а такъ бы не просилъ, — пусть не знаетъся, и въ сильномъ волненіи сбѣгаю въ коридоръ и сталкиваюсь носъ къ носу съ Иудой:

Мнѣ показалось, что онъ догадался зачѣмъ я приближалъ; онъ насмѣшливо смотритъ на меня и прескверно улыбается.

— Я пришолъ... сказать... тебѣ... говорю я дрожа отъ волненія.

— Прощенья пришолъ просить! произноситъ Иуда съ своей отвратительной улыбкой и посматриваетъ на меня съ чувствомъ затаеннаго торжества. — Ну проси, а я еще подумаю простить ли тебя, и онъ начинаетъ ломаться передо мной.

— Подлецъ! произнесу я, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ негодованія, и бросаюсь догонять своихъ. Они уже въ церкви и смирно стоятъ въ предверіи. Тишина страшная. Никто ни слова; у всѣхъ лица серьезны и озабочены. Въ церкви почти темно. Несколько свѣтъ у мѣстнаго образа слабо освѣщаютъ правый уголъ, а тамъ въ лѣвомъ — непроницаемый мракъ. Предъ амвономъ въ полумракѣ стоятъ небольшія ширмочки, обтянутыя нѣто тканью; нѣто зеленой матеріей; глазъ не можетъ опредѣлить: вѣрно свѣтъ такъ слабо проходитъ сквозь плотную ткань; надъ самой шир-

ной на потолкѣ играетъ тѣнь отъ огня, кругленькая, величиной съ небольшое яблоко, я все смотрю на нее. За ширмами слышится легкій, монотонный шопоть, — то батюшка исповѣдуетъ Коркина... Вдругъ въ полголоса раздаются слова: «нынѣ отпущаеши...», слышатся земные поклоны, и Коркинъ, красный какъ рѣкъ, серьезно-грустный, быстро идетъ къ намъ.

— Ну что? спрашиваетъ его кто-то.

Онъ ни на кого не обращаетъ вниманія и не отвѣчая на вопросъ, задумчиво выходитъ изъ церкви и бѣжитъ въ корпусъ. Очередной трусливый шагъ пребирается къ ширмамъ и исчезаетъ за ними... слытъ неслышимый шопоть, земные поклоны и т. д. Скоро моя очередь... всего двое осталось... мнѣ становится страшно. Что я скажу батюшкѣ! я не помирился, я еще обругалъ его... развѣ не сказать... смущаетъ меня лукавая шельдь. Въ эту минуту кто-то выходя изъ-за ширмъ задѣваетъ ихъ такъ, что одна половина распахнулась, и передъ моими глазами шелькнуло: палочка, свѣтлѣе, большая зажженная свѣча и сгорбленная фигура батюшки съ блѣдыми, суровыми лицомъ. Мнѣ сдѣлалось вдругъ очень, очень страшно, сердце учащенно забилось, ноги задрожали. Подъ влiяніемъ какого-то смутнаго нобужденія, выбѣгаю изъ церкви какъ сумасшедшій, бѣгу въ корпусъ, подбѣгаю къ Іудѣ, произношу скороговоркой: «прости Іуда!» и снова бѣгу въ церковь. Грудь дышетъ легче, страхъ почти прошелъ, хотя тревога снова овладѣла мной, и холодный потъ выступилъ на лбу, когда я сталъ подходить къ ширмамъ.

А время летитъ. Прошло годъ, другой, третій, и я начинаю чувствовать, какъ съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ, болѣе и болѣе становлюсь *своимъ* миниатюрнаго мірка. Я уже чувствую, что поторло висосанъ этой милой трясинной. Еще одно, два благоприятныхъ обстоятельства, еще немножко старанія съ моей стороны, и я окунусь съ головой. Но это меня нисколько не опечалываетъ; я даже радуюсь, сознавая, что начинаю понемногу кристаллизоваться, что сквозь эту кристаллизацію мелькаетъ уже образъ формы, въ которую я отольюсь. Ну, а какая будетъ форма; — объ этомъ еще не думается. . . .

IV

Тихій весенній вечеръ. Запахъ душистой черемухи борется съ запахомъ талой земли. Во всѣхъ членахъ чувствуется приближеніе заката; легкая дрожь шръдка пробѣгаетъ по спицѣ. Воздухъ становится сырѣе и холоднѣе въ тоже время. Солнце уже не грѣетъ какъ часъ тому назадъ. Его наклонные лучи, съ трудомъ пробиваясь сквозь густые кусты желтой акации и сирени, дробятся мениду листьями въ мелкія золотыя точки. Точно солнышко забралось въ средину нуста, барахтается и никакъ не можетъ оттуда выкарабкаться. Покрайней-шръ такъ кажется мнѣ со скамьи, что стоить у забора нашего казанскаго садика, гдѣ мы съ Волчкомъ уже болѣе часа сидимъ надъ послѣдней страницей «Дневника лишняго человѣка.» Давно прочли мы эту страницу и оба какъ-то невольне задумались. Покрайней-шръ на послѣднемъ словомъ повѣсти ни одинъ изъ насъ не сказалъ своего слова. Глаза мои случайно уставились на кустъ сирени, въ которомъ казалось мнѣ такъ забавно-весело барахталось солнышко, а мысли неслись далеко. Волчокъ, понуривъ голову, чертилъ тросточкой по щебню дорожки, и тоже о чемъ-то напряженно думалъ, что можно было замѣтить по сморщенному абу и слепнутымъ бровямъ. Не о повѣсти думалось. Думалось о томъ, что вотъ завтра распахнется передо мной міръ божій, и какъ вольная птичка весело я порхну въ него изъ душевной, ненавистной темницы. Начнется вольная жизнь. При этой мысли къ сердцу прилило сладкое чувство. Будущее замелькало передо мной въ такомъ золотистомъ, свѣтло-розовомъ свѣтѣ, что всѣ окружающіе меня предметы, я самъ, и все во мнѣ вдругъ окрасилось въ этотъ свѣтъ и заиграло въ немъ. На сердцѣ стало чуло какъ весело! Все что нѣкогда въ бессонныя ночи поднималось со дна души смутными, неопредѣленными, но юношески-горячими порывами, смотрѣло въ глаза неясными, но близкими сердцу образами, — теперь какъ живое стояло передо мной во плоти и крови, и такъ близко, такъ близко, что кажется протяни руку — и они мои. «Да, теперь я вольный казакъ!» прошепталъ я восторженно. Не посадятъ въ карцеръ за то, что стану говорить правду, дѣйствовать по правдѣ. Не скажутъ: «думай такъ какъ

тебѣ указано, поступай какъ приказано, а своего мнѣнія, своей воли не смѣй имѣть. Нѣтъ, басня! Теперь она моя, эта воля. Закончилъ я съ вами. Теперь я самъ хозяинъ своихъ поступковъ, полный человекъ. О, я теперь знаю, что мнѣ дѣлать съ моей дорогой волей! И разгоряченное воображеніе зарисовало передо мной тотъ странный фантастическій міръ, въ дикой прелести котораго всегда было чутко сердце мое, который часто, очень часто и во снѣ, и наяву тревожилъ мою душу и разналялъ мозгъ, это міръ, созданный воображеніемъ пернаго, вполнательнаго ума, уже давно получивъ и краски, и тѣни, и формы: — краски небрежно-набросанныя, какъ у живописца выѣсокъ лежали волосами, пятнами, но яркими, огненными; формы были чудовищны, но тѣмъ не менѣе я былъ своимъ въ этомъ мірѣ, я чувствовалъ себя и гражданиномъ и творцомъ его. И теперь въ настоящую минуту я переживаю уже не въ первый разъ жизнь этого міра. Воображеніе и чувства были до того нарккальтивированы, впечатлѣнія такъ ясны, цѣльны, такъ свѣтла призрачная радость, такъ горька призрачная печаль, что чувствую какъ врозь моя те слышѣе приливаетъ къ сердцу, то стынетъ въ жилахъ. То святой восторгъ вдругъ обхватываетъ все мое существо, сладостная дрожь пробѣгаетъ по тѣлу и на глазахъ немаломо наворачиваются слезы; то мучительная скорбь отзовется въ сердцѣ, мускулы лица судорожно искривятся, а стиснутые зубы цѣпчѣють отъ душевной мучи. Страшныя, дикія, но вмѣстѣ съ тѣмъ мучительно-сладкія грезы неслись передо мной. Вижу и чувствую я себя въ эту минуту высоко-честнымъ, полнымъ самоотверженія, глубокой и горячей любви къ Россіи, которой посвятивъ всю свою жизнь. На меня возложена великая, священная миссія преслѣдовать злодѣевъ-враговъ правды, взяточниковъ, лизлоконокловниковъ, все гнилое, подѣлающее, стоять за правду, за угнетенныхъ, за оскорбленнаго. И я благородно несю эту миссію. . . . .

— Сыро! Пойдемъ отсюда, говоритъ Волчокъ, трогая меня за плечо.

Мы встали и отправились изъ сада.

— Что ты такой веселый, Волчокъ? спрашиваю я.

— Нѣтъму, особенно радоваться!

— Какъ мечту? — А завтра вольную дадутъ!

— Вольную, грустно прашенталъ Волчокъ. Чтѣ брать, тол-

ку въ волюной бекъ земля! Знаешь, Моховъ, о чемъ я сейчасъ думалъ. Впрочемъ это не въ первый и не въ десятый разъ: часто мнѣ объ этомъ думается. Вотъ мы съ тобой кончили курсъ, экзамены сдали блистательно. По двадцати-четыремъ предметамъ полныя балы получили. Чего, чего только мы съ тобой не знаемъ: и математику, и механику, и физику, и политическія, и военныя науки, пробѣгались и по естественнымъ, да не разъ и архитектуру съ собой захватили. Словомъ кладезь премудрости: Молодцы да и только. Казалось бы куда хочешь, туда и толкай насъ, въ грязь лицомъ не ударимъ. Ну а скажи, пожажаруку на сердце действительно ли мы знаемъ такъ много, а? продолжая волчокъ болѣе и болѣе горючись. По билетикамъ пожалуй мы хоть сейчасъ проурещимъ по всѣмъ двадцати-четыремъ предметамъ, и сдѣлайте одолженіе. Недаромъ съ красной доски шесть дѣлъ не сходили; а дай нашъ дѣло, настоящее дѣло, мы и ношъ пошсимъ, и подойте къ нему не съумѣемъ. Намъ, архитекторамъ, послѣдній каменщикъ за поясъ заткнетъ. Намъ, законовѣдывъ, послѣдній чиновникъ земскаго суда на смѣхъ подниметъ, въ глаза насмѣется, и полное право имѣетъ. Вотъ завтра мнѣ рапортъ надо подать, по болѣзни матушки въ отпускъ проситься, а вѣдь право не знаю какъ за дѣло взяться... надо будетъ неслера попросить, а вѣдь блистательно кончили курсъ по двадцати-четыремъ предметамъ. Да вѣдь въ какомъ объемѣ всѣ предметы прочитались, что вашъ университетъ за поясъ затинетъ.

Я глядѣлъ на Волчка съ удивленіемъ. Въ первый разъ слышалъ я отъ него такія горячія рѣчи. Это было для меня ново и неожиданно. Онъ всегда былъ молчаливъ, сосредоточенъ, и цѣлый день бывало сидитъ надъ развернутой книгой, уткнувъ въ нее носъ. Въ игры онъ възывался неохотно, зашѣвно избѣгалъ ихъ, и даже, когда самыя серьезныя изъ насъ подъ вліяніемъ свѣтлаго весенняго дня устраивали чехарду, или ланту, онъ жѣрлетъ бывало вдоль забора взадъ и впередъ, повѣевъ носъ и о чемъ-то раздумывал. Мы называли его философомъ. Онъ не отшучивался и не сердился. Ни на одной класной сходкѣ я не слышалъ, чтобы онъ хоть разъ подалъ свой голосъ. Онъ какъ-будто заранѣе соглашался съ тѣмъ какъ рѣшать другіе. Мы знали, что способности у него удивительныя: онъ обыкновенно передъ самымъ классомъ доставалъ тетрадь, наскоро пробѣгалъ урокъ и отвѣчалъ отлично. Онъ шлолъ однимъ изъ первыхъ.

Свободное время онъ сидѣлъ на задней скамейкѣ унаришекъ: сажалъ въ стѣну, колѣнами въ книжку, повѣсалъ голову, и все в чемъ то размышлялъ. Читалъ онъ мало, но не такъ чуждъ имъ всѣмъ-таки, — онъ читалъ медленно, часто надумавшись надъ страницей; просвѣживалъ попура голову, цѣлые часы. Натурность его была неуклюжая, сутуловатая; онъ смотрѣлъ медвѣжьимъ / хоть и восмѣлъ названіе Волчка. Широкое, открытое лицо было всегда серьезно, да улыбка какъ-то и не шла къ нему; низъ подъ губами нависшихъ бровей смотрѣли маленькіе пропитательные глазки. Разговаривая, онъ опускалъ ихъ, и только при возвращеніяхъ, вскидывалъ иногда на васъ взглядомъ, отъ котораго становилось какъ-то неловко. Говорить онъ всегда вѣжливо и всегда такимъ тономъ, какъ-будто сердится на васъ зато, что обезпекли его вопросомъ. Словомъ это была довольно странная личность, на которую впрочемъ никто изъ насъ не обращалъ особеннаго вниманія, чему онъ кажется былъ очень радъ. Я сошолъ съ нимъ уже въ послѣднее время по поводу Бѣлинскаго. Патрикѣевъ познакомилъ меня съ его талантомъ, и я съ жаромъ принялся за его статьи. Однажды вызванный изъ класса, возвратясь, я увидѣлъ, что Волчокъ съ жадностью впился въ оставленную мною книгу «Отечественныхъ Записокъ». Забѣгать меня, онъ оставилъ ее и отошолъ. На другой и третій день, онъ безпрестанно слонялся около меня: видимо его что-то тревожило и ему хотѣлось заговорить со мной о чемъ-то. Я молчалъ и ждалъ что будетъ. На четвертый день онъ подошолъ ко мнѣ и по обыкновенію опустя глаза проговорилъ: «будемъ вмѣстѣ читать Бѣлинскаго.» Я съ радостью принялъ его предложеніе. Нашелся человекъ, которому я могъ повѣрять свои мысли, которыя быстро накипали у меня при чтеніи Бѣлинскаго, и также быстро разлетались, потому что подѣлиться было не съ кѣмъ. Кому я ни начиналъ читать Бѣлинскаго, всѣмъ онъ не нравился; не пришолся по вкусу и показался скученъ. Да и вообще у насъ охотнѣе читали романы Булгарина, Загоскина, Кукольникова, рекомендуемые самимъ учителямъ словесности, чѣмъ серьезные статьи. Нежеланіе было въ пользу критическаго статьи барона Врамбеуса въ Библиотекѣ. Отъ него всѣ были безъ уха. Мы съ Волчкомъ горло принялись за Бѣлинскаго. Читалъ я вслухъ, часто останавливался и начиналъ высказываться. Волчокъ никогда не спорилъ; онъ слушалъ меня молча и терпѣливо; иногда

говорила: да! вчера говорила — нѣтъ! Но въ большія подробности не вникала. Съ этого времени мы очень подружались.

— Чтожъ дѣлать, Волчокъ! унывать стыдно, будемъ учиться. Начнемъ перевоспитывать себя. Помнишь что вчера говорилъ Александръ Васильичъ.

— А что я дѣлалъ въ эти шесть лѣтъ? Отдай мнѣ мои шесть лѣтъ! закричалъ Волчокъ. Вѣдь не можетъ же быть, не хочу я вѣрить, чтобъ во мнѣ ровно ничего не было, чтобъ я ни на что годенъ небылъ. А теперь я знаю, что я дѣйствительно ни на что негоденъ, ни на что неспособенъ. Успѣлъ таки приготовить изъ себя такую вредность.

— Да ктожъ виноватъ? Не наше ли собственное равнодушіе?

— Равнодушіе! ха-ха-ха. Какъ это мило сказано! одолжилъ Моховъ! нечего сказать, одолжилъ. Не ожидалъ я этого отъ тебя. Да откуда взялось это равнодушіе, вотъ въ чемъ вопросъ. Ну естественно ли дѣло, чтобъ у мальчика не было желанія узнать что-нибудь, поучиться чему-нибудь. Ну можно ль допустить такую мысль. Вѣдь это было бы противоприродное чувство. Вѣдь это ужъ нравственное уродство, извѣсти меня. А между тѣмъ оно дѣйствительно есть, существуетъ это равнодушіе. Да еще какое, точно какава болѣзнь. Да отчего же это, а? А оттого что тѣ кому слѣдовало бы подогрѣвать, поддразнивать нашу любознательность, сами равнодушны, снять голубчики, возвышаютъ во всю вѣсковскую, ну а зѣвота заразителна. Ну, скажи мнѣ ради-бога во всѣхъ ли учителяхъ ты замѣтилъ желаніе научить насъ чему-нибудь болѣе того, что полагается по программѣ.

— А вѣдь всѣ они преисправны. Въ классы ходятъ аккуратно, вовремя; рекомендуются отличными учителями, а много ли пользы. Еще бы не существовало равнодушіе къ наукѣ, когда она такъ бьется, чтобъ послать отвращеніе къ ней. Что двигаетъ многими учителями? Какой рычагъ? Желаніе передать свои знанія, чтоли? Нѣтъ! тысячу, сто тысячъ разъ нѣтъ! Всѣ его помыслы устремлены на одно, чтобъ у него твердо знали тетрадку, по которой положено пройти предметъ, и только тетрадку, хотя будь она безсмысленна, тѣмъ насъ тоже не удивишь. Вотъ на что-то допрашивать учитель и бьется во всѣхъ силъ, чтобъ улеглась она въ нашей памяти отъ іоты до іоты. Добьется своего, у насъ будутъ стоять высокіе балы, отличный успѣхъ, а за успѣхъ, извѣстно, учителью награду дадутъ, да и на души

спокойно. Не могу я безъ сгѣха вспомнить его «на душѣ спокой-
но». Помнишь Козлякина. «Вы господа историкитесь покалуста
демонитъ тетрадочку, — на душѣ будетъ спокойнѣе.» А нашими
средствами достигается это *душевное спокойствіе*. Волчокъ захотѣлъ,
но вдругъ нахмурился. Придетъ въ классъ и ну пере-
спрашивать всѣхъ заданный урокъ отселева доселева. Крѣпкая
память у мальчика: выдолбить безъ запявки, трещить звонко,
что шобу жарко, — отличный балъ ему. Не богата память, да и ген-
лева такъ устроена, что не переваривъ пищу не принимаетъ ее.
Ну и влететь и пугается, — нуль въ видѣ прощренія и острастки.
Дескать врешь! заставлю учиться, подгоню единичками да ну-
лами къ экзамену, а главное экзамень состоить бы. А сколько
разъ бываетъ оскорблено самолюбіе такою несправедливостяю.
Бьешься бѣдный какъ рыба объ ледь, а тебѣ все единички, да
единички; ну, и бросишь книгу въ сторону. Наука становъ оти-
вратительна, а объ такимъ учитель я говорить нечего. Ну, чтоу
неправду я говорю? спросилъ Волчокъ взмахнувъ опущенными
дотолѣ глазами и вопросительно посморѣвъ на меня.

— Правда!

— То-то! сказалъ онъ самодовольно улыбувшись. — Я мно-
го братъ Моховъ думалъ объ этомъ. «Равнодушны, лѣнны, не-
де розги въ дѣло.» Вотъ вѣдь что кричить нной ведомогъ. Спа-
себо директору: не изъ такихъ, а те бы такое зуте-дае устрои-
ли, что Филипу II въ пару. Розгами хотять возбудить любовь
къ наукѣ. Ну возможно ли ннѣя хотъ кашлю мозга въ головѣ,
говорить такія безобразныя вещи. Положимъ, что страхъ нака-
занія заставитъ вызубрить урокъ. Ну скажи на милость, какой
пользы можно ожидать отъ ученья, источникъ котораго не же-
ланіе научиться чему-нибудь, а побочный двигатель. Да чорта
съ намъ съ такимъ успѣхомъ. Нѣтъ, заставъ учителей смотрѣть на
насъ не какъ на пѣшокъ, которыя надо переспросить заданный
урокъ, а только; заставъ ихъ поблагороднѣе, посимпатичнѣе
смотрѣть на свое дѣло: тогда стануть учиться. А-то, поставитъ
балъ по справедливости, да и думаетъ, что дѣло святое, руки
умыты. Не великъ подвигъ неподличать. Не въ одной рутинной
честности сила. А розги тутъ непомогутъ. Хорошо ученье нтъ
подъ палки. О такихъ вещахъ и говорить-то совѣстно.

Волчокъ пошолчалъ съ минуту, вдругъ глаза его загорѣлись,
онъ схватилъ меня за руку, и заговорилъ съ жаромъ.

— Знаешь что, Мехонок! третьего дня да... там, д'йовенталь-но третьюю для Александръ Васильичъ бавль особенно въ духъ... Я много съ нимъ говорилъ, все о воспитаніи болше. Онъ онавалъ вещь, которая меня сначала удивила. Онъ скавалъ, что награды, эти красныя доски, похвальные листы и проч. и проч. вредны вонервыхъ потому, что источникъ ученія остается вон-таки не чистъ: награда а не наука; а вонторыхъ она различаютъ вономѣрное самолюбіе. Я долго думалъ объ этомъ, а мнѣ не жоготъ, что оже петива! Застанъ мальчика учитьса нѣтъ-за того, чтобы научитьса, — вотъ это отлично! А то учитьса нѣтъ-за награды, велика честь, потому сказать.

— А какъ справедливо раздаютса эти награды, никакой правды! скавалъ я.

— Ужъ не удивляешься ли ты этому, Мехонокъ? — Знаешь что я скажу тебѣ. Такъ ужъ какая-то отировавшая да разговорливая минута на меня напала. Ты атакой умной, милой, айбону... а все-таки какъ-то смѣише смотришь на вещи! Праве! Ты не сердись на меня, я тебѣ очень люблю. Вотъ напримѣръ, ты за правду страдалъ...

— Ничего отчего, при этихъ словахъ я вспыхнулъ, и мнѣ стало смѣише.

— А правдѣ ли ты внимъ пользу какую-нибудь. Тебя вотъ за это и почетныи ирскими обошли, скавалъ онъ съ иронической улыбкой, — несмотря на то, что ты шолъ первымъ. Значить себѣ не хороша сдѣлалъ, а другимъ вѣдь никакой пользы.

Кровь быстро забѣгала въ мозгъ жилахъ.

— Волчокъ! отвѣчай мнѣ коротко: когда ты видишь несправедливость, съ тобой ничего не дѣлается, ты можешь быть глуподироненъ?

— Я могу тогда грызть, оттого они у меня всѣ укусаны.

— А! те-то! Хорошо, что ты можешь стерпеть и не оказать подлону — подлеца! а я не могу. Когда я вижу подлеца, — мнѣ хочется броситься на него, ударить его... дерзостью наговорить.

— Я дедадываюсь, что это должно быть принято, но вѣдь это бесполезно. Да и кромѣ «подлеца» пожалуй другого слова непринимлось бы произнести, разговоривать бы разоучился.

— Ну, братъ, ты остричь ауетился.

— Плохая острога! Однако пойдемъ къ нашивнѣ! И мы стали всходить на крыльцо.

— Волчок! тебе ничего-ль не жаль коршуа?

— Теперь не жаль. Может-быть послѣ и пожалю.

— А мнѣ жаль. Немного радостей я въ немъ видѣлъ, а все-таки жаль. Вѣдь что ни говори, шесть лѣтъ провели мы въ этихъ стѣнахъ. Шесть лѣтъ, вѣдь это много... все-таки привычка. И глупо может-быть, а все-таки жаль. Вѣдь бог-знаетъ еще что тамъ впереди, snadь я невольно настроиваясь на эстетическій тонъ. Может-быть какъ еще вспомнится-то нашъ корпусъ, какъ пожалюемъ о немъ. Вѣдь были же и здѣсь свѣтлыя минуты, хорошія минуты были. Хотѣ и незлого ихъ, а все же были. Знаешь что Волчокъ: пройдемся по корпусу, простояемъ съ веѣми углами! Право мнѣ этого очень хочется. Завтра не удается, а теперь все въ класахъ. Пойдемъ!

— Странная фантазія, — пойдемъ: И мы вошли въ нижній коридоръ.

— Вотъ здѣсь, здѣсь, заговорилъ я восторженно; — сколько передумалось въ этомъ коридорѣ, когда бывало по цѣлымъ часамъ мѣряешь его изъ угла въ уголъ. А что, Волчокъ, я думаю каждый изъ насъ не одну сотню тысячъ разъ прошолъ по немъ. А вотъ этотъ ларъ у часовъ; какъ бывало на немъ хорошо мечталось, особенно по праздникамъ. Тишина страшная; въ коридорѣ ни души. Наши кто на дворѣ, кто въ класахъ, дежурный дрыхнетъ себѣ наверху; только ту-тукъ, ту-тукъ!.. а ты усядешься съ ногами на ларъ, да и начнешь себѣ думать о томъ, о другомъ! такъ занесешься, что забудешь что и въ коридорѣ, на ларѣ. Чудныя это минуты. Люблю я ихъ!..

Волчокъ молчалъ, но все какъ-то странно улыбался.

Мы вошли въ столовую, которая отдѣлялась отъ пріемной залы двумя широкими колонами.

— Вотъ здѣсь, продолжалъ волчокъ, намѣренно поддѣлываясь подъ мой эстетическій тонъ: — кормили насъ тухлой говядиной, кашей съ прогорклымъ масломъ, въ которомъ случайно попадались свѣчныя свѣчки. Въ торжественныхъ случаяхъ пирожкамъ съ изюмомъ, между которыми иногда по странной игрѣ природная изюмина оказывалась съ длинными тоненькими усиками. А впрочемъ сказать по правдѣ, гдѣ насъ воспитывали и воспитали, такъ это именно въ этой комнатѣ. Намъ дали также желулки, что хотъ уткѣ такъ въ пору — все переварять. Не даромъ въ ходу

выраженіе «кадетскій желудокъ». А вѣдь это, говорятъ, тоже не послѣднее благо!

— Ну, ты вообще сегодня такой, «сказалъ д. съ неудовольствіемъ». А помнишь публичный экзаменъ... вотъ здѣсь столаъ красный столаъ...

— Кукольная комедія!..

— Ахъ, боже-мой, кто-жъ этого не понимаетъ! а все-таки пріятное воспоминаіе. Не знаю какъ ты, а я никогда не забуду того лихорадочнаго ожиданія, съ которымъ я смотрѣлъ на этотъ залаъ, пока меня не вызвали. Когда экзаменаторъ пронялъ мою фамилію, у меня такъ и екнуло сердца; какъ я вышелъ, ойбогу не помню... Знаю только, что когда я брался за бѣлетъ, все прыгало тогда въ глазахъ. Миѣ показалось, что всѣ эти шитые воротники забѣгали съ одной шеи на другую, точно какъ въ игрѣ когда барыня спрашиваетъ весь туалетъ. У одного даже миѣ показалось три воротника на шеѣ, одинъ на другомъ, а главный экзаменаторъ казался сидящимъ на столаъ... Какъ начать я отвѣчать, — смутно помню, но когда я догадался, что меня хвалятъ, весь страхъ вдругъ прошолъ, миѣ стало совсѣмъ легко. Я даже вдругъ почувствовалъ себя очень смѣлымъ, какъ никогда... Миѣ даже захотѣлось, чтобъ кто-нибудь изъ экзаменаторовъ придрался ко миѣ — и я бы его отдѣлалъ... Вотъ какъ, я тогда расходился!.. и какое страшное, сладкое состояніе я тогда испытывалъ; точно и лихорадка тебя бьетъ, да и кровь какъ-то хорошо и скоро бѣжить по жиламъ — славно! Только послѣ экзамена у меня весь день жаръ въ головѣ былъ.

— А вотъ эта комнатка, продолжалъ я, входя въ офицерскую: — неужели и она не оставитъ тебѣ пріятныхъ воспоминаій. Помнишь, какъ бывало усадемся мы около Александра Васильича. Онъ, вотъ тутъ — на диванѣ ляжетъ, и начнутся у насъ споры да разговоры. Какое славное было это время. Такъ бы и проговорилъ всю ночь, а онъ гонитъ спать, говорить вредно. И вѣдь какъ кротко, какъ снисходительно, безъ всякаго задора и жолчи. Онъ спорилъ съ нами, выводилъ на путь истинный, раскрывалъ передъ нами наши заблужденія. Вѣдь вѣтъ сомнѣнія, что иногда ему скучно бывало спорить съ нами, а никогда онъ и намека не дѣлалъ. Онъ какъ-то особенно умѣлъ учить насъ и виду непоказывая, что учить; оттого-то такъ и вѣрилось ему... Когда я выходилъ изъ этой комнаты я

всегда чувствовалъ себя бодрѣе, свѣжѣе, умнѣе... Сознайся Волчокъ, что если у насъ и есть что хорошее, такъ это мы ему обязаны; онъ первый заставилъ насъ благородно взглянуть на жизнь.

— Это намъ съ тобою такъ кажется, а другіе не то скажутъ; спроси ихъ... Они скажутъ что у Еропъ Савича лучше было сидѣть. Тотъ, иногда въ добрую минуту и папирской угостить, и разныя городскія сплетни сообщить. У него бывало всегда хохоть, онъ это любилъ, только смѣйся прилично, въ себя смѣйся, животомъ, а горло не распускай. А ужъ если читать что заставить, такъ ужъ больно занятное... Зотовщину какую-нибудь, гдѣ отъ пожаровъ, да сраженій, да разбойниковъ не оберешься. Даже у Козивкина, скажутъ, веселѣе было: тотъ рассказывалъ какая у нихъ въ образцовомъ служба трудная была, и т. д., и все это пересыпано такими забавными солдатскими шуточками... а иной разъ, подъ веселую руку, и амурсы свои царскосельскіе расскажетъ... въ назиданіе юношеству. А мы съ тобой, — мы научились благородно смотрѣть на жизнь, сказалъ Волчокъ, и лицо его приняло грустно-серьезное выраженіе... Но поведетъ ли это къ хорошему... Много подвѣялъ онъ у насъ со двѣ души такого, что преспокойно бы лежало въ ней, отъ времени до времени заносилось бы тиной, завязло бы въ ней, и совсѣмъ не приходило бы намъ въ голову до гроба, что было у насъ что-то хорошее... и не знали даже бы мы о немъ, а жили бы себѣ припѣваючи — легонько да здоровенько. Впрочемъ, будь что будетъ, а великое спасибо ему, — всегда первая молитва за него. Послушай, Моховъ! и лицо Волчка приняло нѣсколько тревожное выраженіе. Замѣтилъ ли ты, что Александръ Васильичъ въ послѣднее время что-то не хорошъ: часто задумывается, жолченъ, даже несправедливъ подчасъ. Куда его терпѣніе дѣлось? Всегда бывало, каждую ссору, каждое дѣло разберетъ до ниточки, а теперь накажетъ—таки безъ разбору. У него что-нибудь на душѣ нехорошее.

— Да такъ, нездоровъ можетъ-быть, отвѣчалъ я, желая увѣрить самого себя, что это дѣйствительно такъ, хотя внутреннее чувство говорило мнѣ, что это не просто нездоровье, а что-то другое; оно даже смутно подсказывало что это такое именно, но еще не назвало по имени.

— Дай-богъ, чтобъ такъ! Послушай, Моховъ, продолжалъ

Волчокъ, замѣтно смущенный, запинаясь на каждомъ словѣ: — говорить, что Амосовъ цѣлые дни у него сидитъ.

— О, нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! заговорилъ я съ жаромъ. Мнѣ стала ясна мысль Волчка, и я ее испугался. Правда, это подозрѣніе не разъ уже тревожило меня, но я гнала отъ себя страшную мысль. Я готовъ былъ увѣрять себя и весь міръ, что это не правда... Божусь тебѣ, Волчокъ — это слетѣла, это Игнатій Игнатиичъ выдумалъ по злобѣ на Александра Васильича... Бѣ-богу! Амосовъ никогда не бываетъ у нихъ, ягаль я, чувствую, что красивую. Право, онъ рѣдко бываетъ... Его Александръ Васильичъ какъ брата принимаетъ. Да нѣтъ, Ольга Петровна это такая женщина... Она такъ любитъ Александра Васильича, говорилъ я красивую и совершенно смущенный.

Въ эту минуту мы вошли въ дортуаръ, отведенный для насъ, выпускныхъ; шумъ, говоръ, смѣхъ оглашали всю комнату. Вся она была уставлена койками и при нихъ небольшими столиками. Тѣ и другія были завалены разною разностью. Первое мѣсто занимали мундирныя и сертучныя пары, которыя смотря по степени любви къ порядку и аккуратности своихъ хозяевъ, точно лежали на койкахъ, тщательно завернутыя въ чистыя простыни, такъ чтобъ и пылинка не сѣла; то скомканныя и растрепанныя небрежно валялись на табуреткахъ или торчали изъ-подъ угловъ подушекъ. Гораздо болѣе вниманія даже со стороны самыхъ безпорядочныхъ было оказываемо тѣмъ бездѣлушкамъ, которыя во множествѣ украшали столикъ каждаго, указывая на себя, какъ на предметъ первой необходимости въ хозяйствѣ молодыхъ хозяевъ. Столъ Жигалева былъ весь заставленъ складными зеркальцами, помадными банками, флаконами духовъ, одеколона; одного *vinigre de toilette* красовалось три стилишки; щотками и щоточками всевозможныхъ величинъ и названій: и для головы, и для усовъ (существующихъ только въ проектѣ), и для ногтей; даже платяная щотка и двѣ для смазки сапогъ — не были забыты. Самъ онъ уже съ часъ какъ сидѣлъ передъ зеркальцемъ и все причесывался, усердно напوماживая свою голову уже не въ первый разъ и не изъ первой банки. Помада только-что не текла съ головы; но ему все казалось мало и онъ замѣтно былъ недоволенъ собой. Пристально понѣскольку минутъ всматривался онъ въ зеркало, то поднося его къ самому носу, то относя отъ себя на вытянутую руку, и издали лю-

бился собой... Снова помахался, и снова снял прическу. На столике Филькина навалена была гора трубок, чубуков, пачек папирозъ, и каргузовъ табаку всевозможныхъ фабрикъ.

— Моховъ! Волчокъ! Посмотрите! вотъ ихъ сколько, закричалъ онъ намъ весело, симметрично раскладывая на столъ покупки. Ты, братъ, Волчокъ, какія куришь? можетъ Сиглазова или Миллера, а то Дюбека или Достоевскаго можетъ... Такъ ты братъ не стѣсняйся, говори; у меня всѣя есть... Нѣтъ такой фабрики, какой бы у меня не было, айбогу.

— Зачѣмъ ато ты столько накопилъ? спросилъ я.

— Нельзя же, стануть товарищи приходить. Одинъ курить одной фабрики, Сиглазова наприхѣръ — а другой, другія любить, ну и надо имѣть всякія. Зато, братъ, нѣтъ такой фабрики на свѣтѣ, которой бы у меня не было, прибавилъ онъ съ нѣкоторымъ самодевольствомъ.

— А Адилія есть? спросилъ кто-то.

— А развѣ есть такія?

— Ещебы. Конечно есть!..

— Нѣтъ у меня нѣтъ адиліи; да ты врешь, такихъ вѣрно и не бываетъ, выдумалъ.

— Ну вотъ, зачѣмъ я стану врать.

— Айбогу врешь! и нарочно у всѣхъ лавочниковъ спрашивалъ, какія еще папирозы бываютъ, чтобъ всякими заваестись... Ну, и они бежились, что другихъ нѣтъ. Ты врешь, просто хотѣлъ срѣзвать меня, да не удалось.

— Нечего мнѣ тебя срѣзывать, а ты ступай въ кондитерскую, да и спроси папирозъ, тебѣ и подадутъ адилію.

— Да, я небылъ въ кондитерской, проговорилъ Филькинъ, доставая изъ кармана доскутокъ бумаги и написалъ адилію... Гм... Надо сходить. Сейчасъ же пойду, а то какъ же, вдругъ волкѣ есть, а этихъ нѣтъ. Лицо его приняло озабоченное выраженіе, куда вся веселость дѣлась. Онъ принялся торопливо одѣваться, бормоча что-то себѣ подъ носъ.

Передъ большимъ стѣннымъ зеркаломъ Ковыркинъ привѣрялъ новый мундиръ, только-что привезенный портнымъ изъ переправки, въ которой онъ успѣлъ побывать развѣ шесть. Какъ ни ухитрился бѣднѣйшій портной, все не могъ угодить на приятный вкусъ молодого франта.

— Моховъ, Волчокъ, голубчики! закричалъ Ковыркинъ за-

видѣвъ насъ. Ну скажите мнѣ поправдѣ, скажите потоварищески. Вѣдь нехорошо сшито, мало груди, говорилъ онъ вертась передъ нами, въ новомъ щегольскомъ платьѣ.

Платье сидѣло отлично, только грудь была что-то неестественно выпукла, да талья какъ у муровья въ перехватъ. Мы сказали ему это.

— Это ничего что талья узенькая, это хорошо, я самъ приказалъ. Бадагинъ тоже такую носить, а онъ первый кавалеръ здѣсь въ городѣ; всѣхъ дамъ интересуеть, заговорилъ скороговоркой Ковыркинъ. А вотъ груди такъ мало... что это за грудь, развѣ это грудь?.. отнесся онъ къ портному.

— Помилуйте, сударь, да я и такъ никакъ фунтовъ пять ваты подложилъ.

— И еще подложи, жаль тебѣ чтоли ваты; а такъ негодится, что это за грудь, этакая грудь у всякаго штафирки есть... прибавь груди, чтобъ колесомъ была.

— Помилуйте, сударь... началъ было портной.

— Нечего тутъ миловать... не хочу я, негодится мундиръ... прибавь груди, чтобы колесомъ была. И онъ сталъ снимать платье, которое портной тотчасъ же принялъ отъ него съ тяжелымъ подавленнымъ вздохомъ.

На сосѣдней Кувыркину койкѣ собрался кружочекъ, и въ немъ кипѣлъ горячій споръ.

— Ну, Моховъ, ты всегда говоришь правду, горячился карапузикъ Горецкій, съ которымъ мы оба назначены были въ одну батарею: — скажи намъ по совѣсти какая служба благороднѣе: въ артилеріи или кавалеріи?..

— Стой, стой Горецкій! Моховъ въ этомъ спорѣ не можетъ быть судьей — онъ самъ въ артилерію выходитъ, закричалъ Пяменовъ, новоиспеченный корнетъ NN гусарскаго полка.

— Пусть Волчокъ рѣшитъ, онъ въ пѣхоту идетъ, сказалъ кто-то.

— Да о чемъ же тутъ спорить, сказалъ Волчокъ улыбаясь: — каждая служба благородна.

— Ну, хорошо! А все-таки, какая благороднѣе, почетнѣе, а?.. кричалъ Горецкій. Ты забудь то, что въ артилерію первые выходятъ я у нихъ ученый кантъ на воротникъ, а у кавалериста нѣтъ ученаго канта... Вотъ еще у саперовъ да у инженеровъ есть ученый кантъ.

— Да Волчокъ самъ въ пѣхоту идетъ, а не въ артилерію, а онъ изъ первыхъ; вотъ вамъ и рѣшеніе задачи, сказалъ я.

— Отчего въ самомъ дѣлѣ ты не въ артилерію Волчокъ, отговаривался кто-то.

— Семья у меня большая... И Волчокъ отвернулся.

— Ну чтоже рѣши, какая служба благороднѣе? приставалъ Горещкій. Вѣдь артилерія? это ученая служба, а кавалерія что... на лошади ѣздить, тутъ не нужно головы.

— Я вамъ скажу одно, каждая служба требуетъ честныхъ людей, а слѣдовательно честный человѣкъ каждую службу сумеетъ сдѣлать благородной, а подлеца хоть къ чорту сунь — подлецомъ останется.

— Ну это ты изъ книги... это философія, сказалъ Горещкій. Всѣ засмѣялись.

Мы съ Волчкомъ отошли нѣсколько шаговъ и остановились у моей койки. На моемъ столикѣ красовалась хорошенькая хрустальная чернилица, полъ-стопы бумаги, четыре коробки стальныхъ перьевъ и въ хорошенькихъ переплетахъ сочиненія Лермонтова, Гоголя и Бѣлинскаго.

— Это на что ты столько перьевъ да бумаги закупилъ? спросилъ Волчокъ.

— Это я дневникъ стану писать, отвѣчалъ я покраснѣвъ. Мнѣ только теперь стало ясно, что бумаги и перьевъ куплено действительно что-то ужъ слишкомъ много, и стало совѣстно.

— Ну, а ты Волчокъ, что себѣ купилъ?

— Чаю да сахару, люблю я этотъ напитокъ, а больше ничего — да и ненадолго; мнѣ, братъ, неизчего раскошелиться... Я сестрѣ на два платья подарилъ... невѣста она, а женихъ у ней бѣдный, неизчего дарить ее... да и мать-старушка все больная... И въ голосъ Волчка зазвучала болѣзненная нота и по лицу пробѣжала грустная тѣнь; но онъ вдругъ поднялъ свою понуренную голову, встряхнулъ ею какъ-будто отгоняя невеселыя мысли, и засмѣялся не совсѣмъ естественнымъ голосомъ, кивнувъ на Іуду.

— Полюбуйся Іудой, все деньги считаетъ.

Дѣйствительно Іуда сидѣлъ за своимъ столикомъ и считалъ и пересчитывалъ серебро, которое было разложено передъ нимъ красивыми столбиками; пересчитавъ столбикъ онъ аккуратно заворачивалъ его въ бумажку, дѣлалъ надпись, принимался за слѣ-

дующій, и на окончаніи этой процедуры снова принимался считать. Видимо это занятіе доставляло ему удовольствіе. На столѣ кромѣ серебра лежали двѣ небольшихъ тетрадки въ переплетахъ, на коркахъ которыхъ были наклеены бѣлые бумажные ярлыки въ видѣ сердца, съ крупной надписью — на одномъ приходная, на другомъ расходная книга; поношенный шортмене, стальная конилка, шелковый кошелекъ и нѣсколько дѣтскихъ игрушекъ дешоваго достоинства.

— Это онъ инспекторскимъ дѣтямъ купилъ, сказалъ Волчокъ, и потомъ обратился къ Іуда съ насмѣшливой улыбкой.

— Ну что, Іуда, не отыскался ли еще какой дялюшка или тетушка?

— А тебѣ завидно, что у самого нѣтъ, отвѣчалъ злобно смѣясь Іуда, неоставляя своего занятія.

— Вотъ братъ, Моковъ, чуть-то отъскрывать дялюшкѣ да тетушкѣ. И вѣдь безъ большого труда, по адресъ-календарю. Отыщеть однофамильца, и слезть къ нему родственное письмо, кланчить на обзаведеніе. Ну и палочку подачку... Какеръ гусь... Вотъ ужъ головой ручаюсь, что не пропадетъ человекъ.

Въ эту минуту дверь въ концѣ дортуара отворилась, и въ комнату вошелъ Амосовъ. А я-то васъ ищу, кричалъ онъ, идя къ намъ ускореннымъ шагомъ.

Я взглянулъ на Амосова и подовѣрніе недавно высказанное Волчкомъ вдругъ проснулось во мнѣ. Его свѣжія, блѣднорозовыя щеки горѣли болѣе нескело здоровьемъ; сквозь нихъ какъ-будто невольно сквозилъ избытокъ великаго душевнаго счастья. Такъ много играло одушевленія въ этомъ румянцѣ, въ блескѣ его голубыхъ глазъ, которые безпрестанно принимали синеватый отливъ, въ складѣ губъ, юношески-свѣжихъ, въ движеніи, походкѣ, голосѣ, — во всемъ чувствовалось столько сознательнаго довольства, такая полнота счастья, и вообще онъ смотрѣлъ такимъ интереснымъ, такимъ обаятельно-симпатичнымъ, что глядя на него у меня невольно мелькнула мысль. Да, онъ лучше Александра Васильича, и сердце болѣзненно сжалось за Патрикева... Даже платье Амосова, уже далеко не новое, сидѣло на немъ какъ-то особенно хорошо, свободно, какъ-будто онъ родился въ немъ, а бархатный воротничкъ съ топчаными красными кантомъ, правда немножко засаленнымъ, удивительно шло къ нему, еще болѣе отгѣняя матовую бѣлизну лица.

— Наслыу васъ отыскалъ, говорилъ онъ, пожимая намъ руку: — я отъ Александра Васильича. Онъ проситъ васъ завтра въ ложу къ себѣ въ театрѣ.

— Какой театр? и у меня глаза загорѣлись отъ такого неожиданнаго сюрприза.

— Труппа прѣехала, завтра первое представленіе въ театрѣ, гдѣ словъ зимоваль; тамъ говорятъ играли когда-то, и ложки сдѣланы... теперь порасчистили.

— Такъ значить завтра театр! Театрѣ, Волчокъ, театрѣ завтра, забормоталъ я, прыгая какъ козелъ отъ удовольствія.

— Ишь какъ обрадовался! вотъ вамъ и афиша... а теперь прощайте, мнѣ надо еще кое куда... и Амосовъ пожавъ намъ руки вышелъ.

— Театрѣ, театрѣ! все еще бормоталъ я, стоя какъ вкопанный, и перебирая въ рукахъ афишу. Чтожъ это я обезумѣлъ отъ радости... надо афишу прочесть чѣмъ-то играютъ, и я развернулъ было ее, но вдругъ сложилъ и спряталъ въ карманъ; мнѣ хотѣлось отдалить то удовольствіе, которое было въ моихъ рукахъ. Лучше послѣ обѣда прочту, мелькнула у меня мысль; лягу на койку и прочту... съ разстановкой, съ толкомъ, и я даже чмокнулъ губами, заранѣ предвкушая то удовольствіе, которое мнѣ непремѣнно должно было доставить чтеніе афиши.

Надо сказать, что одно слово «театрѣ» имѣло на меня какое-то магическое дѣйствіе... Я до безумія любилъ его, хотя до сихъ поръ мнѣ не удавалось видѣть настоящаго театра; но мнѣ чувствовалось смутно, что это должно быть неисчерпаемое удовольствіе. Еще мальчикомъ двѣнадцати-тринадцати лѣтъ, я всѣ свободные часы просиживалъ за растрепанными книжками Пантеона. Жадно перечитывалъ все что я называлъ театромъ; будь это драма Кукольника или Полевого, водевилъ Коппи или Писарева, переводная ли комедія Скриба, мнѣ было все равно, лишь бы то былъ театрѣ. Помню я приступалъ къ чтенію еще незнакомой мнѣ пьесы съ чувствомъ совершенно отличнымъ чѣмъ къ другой какой книгѣ, хотя вообще книги были моею первою и горячею страстью. Я въ какомъ-то благоговѣнномъ настроеніи развертывалъ книгу, пробѣгая про себя описаніе сцены, и она уже стояла передо мною какъ живая; я забывалъ, что я въ классѣ... эти скамьи, доска, кафедра, все исчезало... я видѣлъ себя въ какой-то огромной, блестящей, розовой залѣ, ярко

освѣщенной, наполненной разряженными народомъ — зала такъ походила на одну изъ тѣхъ, описанія которыхъ жадно читывались мною... Вотъ колеблется огромный занавѣсъ съ золотыми кистями и бархатными бахрамами... оркестръ гремитъ... вдругъ зазвенѣлъ колокольчикъ... и театръ начался. Я становился актеромъ, читалъ пьесу въ полголоса, отгѣняя одно лицо отъ другого. Окончивъ первое дѣйствіе я закрывалъ книгу, мурлыкалъ какую-то пелѣпую импровизацію, причемъ басилъ непомѣрно и билъ кулакомъ по столу; подѣ влияніемъ настроенія я вѣрилъ въ эту минуту, что распѣваю не я, а музыка играетъ въ оркестрѣ... Потомъ произносилъ: динь-динь-динь... и еще съ большимъ аппетитомъ продолжалъ чтеніе на разные голоса съ жестами и завываніями — если то была драма. Чѣмъ болѣе разыгрывался драматическій интересъ, тѣмъ болѣе и болѣе я входилъ въ пафосъ. Въ антрактахъ я уже просто неистовствовалъ, колотил обѣими руками по столу. Мнѣ казалось, что оркестръ непремѣнно долженъ былъ играть въ этомъ антрактѣ громкую и бурную пьесу, потому что дѣло въ драмѣ болѣе уже далеко зашло. Помню мой восторгъ, когда однажды на паску кадетъ верхняго класса торжественно объявилъ передъ завтракомъ, что сегодня у нихъ въ классѣ будетъ представленіе; кто желаетъ смотрѣть, долженъ заплатить шесть яицъ т. е. три завтрака первыхъ трехъ дней праздника и шесть листовъ бумаги. Я конечно и минуты не задумался поголодать за право насладиться театромъ. Помню съ какимъ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидалъ я скоро ли наступитъ вечеръ и насъ пустать въ верхній классъ. Помню то тревожное любопытство, съ которымъ я старался подсмотреть въ замочную скважину запертой двери приготовленія къ спектаклю. А приготовленія должно-быть были огромныя. Шумъ, крикъ не утихалъ все утро, и все это окружено было глубокой таинственностью. Безпрестанно кто-нибудь выходилъ изъ класса и разгонялъ насъ, кочующихъ цѣлый день у дверей. Наконецъ наступила давножданная минута. Съ пяти часовъ безотходно дежурящіе у дверей, мы были въ восемь часовъ впущены въ классъ. Съ гикомъ и гамомъ ворвались мы обрадованные сквозь растворенныя двери, зачѣмъ тотчасъ же и получили по нѣскольку щелчковъ и подзатыльниковъ. Это служило намъ внушеніемъ, что въ храмѣ Мельпомены надо держать себя скромно и прилично. Помню какъ весело забилось мое

сердце, когда я взглянул на занавѣсъ наскоро сшитый изъ нѣсколькихъ казенныхъ простынь. Онъ былъ укрѣпленъ между двухъ класовыхъ досокъ, для большого эффекта занавѣшенныхъ какими-то ситцевыми юпками, выпрошенными напрокатъ за пятиалтынный у жены каптенармуса. Все это казалось мнѣ тогда такъ хорошо, что лучше и быть не нужно. Съ замираніемъ сердца, сдерживая дыханіе, молча смотрѣли мы на бѣлый занавѣсъ, сквозь который слабо сквозилъ свѣтъ отъ сальной свѣчки на сценѣ и нетерпѣливо ждали что-то будетъ. Кто-то постукалъ палочкой и раздалась музыка... Ламповщикъ игралъ на скрипкѣ... скюрриръ былъ свѣше ожиданій: на музыку никто изъ насъ не рассчитывалъ. Кончился вальсъ, отдернули простыню и началось представленіе Архипа Осипова... Я испытывалъ глубокое наслажденіе; и всю ночь и весь послѣдующій день мнѣ все грѣшнее театръ. И теперь... вдругъ, завтра же я увижу настоящій театръ... что-то играютъ они... бормоталъ я перебирая въ карманѣ акуратно сложенную афишу, невыдержавъ характера и принялся читать. Объявлено было: «Коварство и любовь» трагедія г. Шиллера и какой-то водевиль. Шиллеръ! Шиллеръ! «Коварство и любовь! знакомое мнѣ только по названію... я былъ въ восторгѣ... Ахъ хоть бы поскорѣ наступила ночь, заснулъ бы, а тамъ просыпаюсь, присяга... а вечеромъ театръ; и незамѣтилъ бы какъ время до него пролетѣло; вотъ только бы нынѣшній день поскорѣ прошолъ... и я безпрестанно сталъ поглядывать на часы, нетерпѣливо дожидаясь вечера, чтобы поскорѣ завалиться спать.

На другой день меня разбудилъ сильный шумъ. Многіе уже встали, хотя было довольно рано. Ковыркинъ въ мундирѣ вертѣлся передъ зеркаломъ, бравъ на чемъ свѣтъ стоитъ портного, который понуривъ голову только вздыхалъ, безнадежно разводя руками.

— Сказывалъ я тебѣ, скотина, чтобъ колесомъ грудь пустишь... А? сказывалъ вѣдь, сказывалъ? человѣческимъ языкомъ сказывалъ... а это что... это что?.. Развѣ это колесомъ, колесомъ развѣ это? и онъ колотилъ себя въ грудь рукою. Какъ я теперь изъ присягѣ пойду... а?.. ты развѣ за меня пойдешь? я тебя спрашиваю: ты развѣ за меня пойдешь? отвѣчай!

Портной отвѣчалъ глубокимъ вздохомъ.

— Того, теперь вздыхаешь, а тогда не слушалъ, носомъ слу-

шадь... Счастливъ ты, что сегодня такой торжественный день, а то бы я тебѣ твою физиономію колесомъ пустилъ...

Жигалевъ тоже былъ вставши... Лавей его едва успѣвала бѣгать съ рукомыльникомъ за водой для барина, который усердно натиралъ себѣ лицо разными мылами, умывался и опять натиралъ... Нѣсколько хорошенькихъ коробочекъ съ мыломъ, порошкомъ для зубовъ, пудрой, красовались на его табуретѣ.

— Что это вы такъ рано поднялись господа? спросилъ я.

— Надо же приготовиться, отвѣчалъ кто-то.

— Господа, кто хочетъ курить, можете ко мнѣ обратиться... Какой угодно фабрики есть, и адиллія есть... вчера купилъ... раздался голосъ Филькина. Я повернулся на другой бокъ и закрылъ глаза, но сонъ прошолъ; я повертѣлся, повертѣлся и соскочилъ съ койки. Почти всѣ поднялись, — дѣйтельность страшная. У всѣхъ лица замѣтно сіяютъ торжественною веселостью, даже Бубенчиковъ, которому не выгорѣло офицерство и пришлось шесть мѣсяцевъ прослужить юнкеромъ, — до сегодня постоянно озлобленный и нѣсколько сконуженный, понижался кажется съ своей судьбою. Онъ стоитъ передъ зеркаломъ самодовольно любуясь своей талей съ перехватцемъ и ярко горѣвшими уштеръ-офицерскими галунами на воротникѣ, которые были такъ искусно нашиты, что издали его можно было принять за штабъ-офицера, что кажется его немало утѣшало. Впрочемъ его счастье скоро было нарушено. И снова лицо приняло сердитое выраженіе и снова краска пятнами повьстнула на щекахъ.

— А ужъ заставлю же я тебя шапку мнѣ ломать, подкранивала фараонова мышь.

— Недождешься, братъ, прерывающимся голосомъ отвѣчалъ Бубенчиковъ, краснѣя отъ злости.

— Такъ гауптвахты попробуешь.

— Жирно будеть! невелика птица, задыхаясь пропихиваетъ Бубенчиковъ.

— Птица не птица, а офицеръ, хладнокровно отвѣчала мышь. — А васъ господинъ юнкеръ, прошу не забывать. Помните, что вы говорите съ офицеромъ, рѣзкія выраженія нижнему чину неприличны. Вы вѣдь нижній чинъ!

Бубенчиковъ поблѣднѣлъ.

— Зазвался, прощенталъ онъ злобно, отходя отъ мыши.

— Бубничковъ! душка ты моя, неужели ты шутку не умѣешь отличить, ахъ, ты... несть эдакій!.. и онъ бросился его обнимать.

— Скверная шутка, неделикатная шутка, бормоталъ Волчокъ, поднимаясь съ койки и отыскивая сапоги.

Привѣръ всѣхъ подѣйствовалъ и на меня. Я торопливо умылся и сталъ шаркается въ свой новенькій артилерійскій мундиръ, хотя до присяги оставалось добрыхъ два часа. Нѣкоторые, уже давно одѣтые, важно расхаживали по коридору, безпрестанно останавливались у зеркала, любясь собой и своими мундирами. Миѣ показалось это очень смѣшнымъ; — точно женщины а не мужчины, подумалъ я; но когда уже совсѣмъ одѣтый, подошелъ къ зеркалу, взглянулъ все ли по формѣ сидитъ на миѣ, со мной случилось тоже что и съ другими. Я вдругъ ужъ что-то очень понравился себѣ и минутъ съ пять внимательно разсматривалъ свою физиономію и остался ею очень доволенъ. Потомъ оправился къ кейжѣ, привѣрилъ киверъ и въ киверѣ снова подошелъ къ зеркалу... Въ киверѣ я... ничего... еще лучше... (разсуждалъ я про себя) только надо его немножко на бокъ... вотъ такъ... чтобъ было что-то такое... небрежное... а лѣвый високъ расстрепать, какъ-будто незанимаюсь собой... эдакъ я на разочарованнаго похожъ. А что Машенька... я думаю совсѣмъ большая... а вѣдь я кажется влюбленъ въ нее былъ... ребячество... любовь дѣтское чувство... (Эта фраза гдѣ-то вычитанная сильно застряла у меня въ головѣ и я любилъ ею пустить пыль въ глаза). Мужу прелечна другая любовь... гражданская... къ обществу любовь... Бросила ли она свою привычку глазки дѣлать... Она думаетъ, что это удивительно какой магнитъ для мужчины... Берышня! прешепталъ я уже вслухъ, и напустилъ на себя гримасу, которую всегда дѣлывалъ Волчокъ, произнося это слово. Только у него всегда это выходило какъ-то очень хорошо, а у меня вышло дурно, я замѣтилъ и покраснѣлъ. Надо будетъ послѣ присяги прогуляться; вѣрно много гуляющихъ будетъ, — погода чудесная... и дамы вѣрно будутъ... ловко ли въ этомъ киверѣ подъ козырекъ дѣлать. (Я былъ увѣренъ что ловко, но миѣ хотѣлось еще разъ полюбоваться собой какъ я подкозырекъ дѣлаю) — и я началъ раскланиваться себѣ въ зеркало... Я такъ вошелъ въ роль, что миѣ показалось что я раскланиваюсь съ знакомыми дамами а не съ собой... Послѣ присяги на катанье

пойду; Ольга Петровна не видела еще меня въ мундирѣ... а вечеромъ театрѣ: «Коварство и любовь»... и я забывшись, что я въ полномъ мундирѣ и даже въ киверѣ на головѣ, подпрыгнулъ отъ удовольствія.

Кончилась присяга и всѣ мы съ шумомъ и веселымъ говоромъ высыпали на улицу. Сходя съ крыльца я чувствовалъ себя какъ-то ужь очень развязнымъ, веселымъ, довольнымъ, но только что повернулъ на главную улицу... и завидѣлъ дамскія шляпки... куда вся храбрость дѣлась... я почувствовалъ во всемъ организмѣ большую неловкость, точно и руки и ноги мои стали не моими, а когда какія-то гуляющія дамы взглянули на меня, мнѣ стало ужасно совѣстно, чего, — я самъ не зная. Какъ нарочно въ это самое время идущій на встрѣчу солдатъ сдѣлалъ мнѣ фронтъ... Я неловко поклонился ему и покраснѣлъ какъ ракъ... Мнѣ стало досадно на себя. Ну, чего совѣститься... въ офицеры произведенъ, что же тутъ совѣстнаго... Вѣдь это глупо, — старался я себя образумить и успокоить, но неловкость не проходила... Вонъ другіе же не совѣстятся... Вонъ какимъ фертомъ чиновникъ идетъ, даже подъ шляпки дамамъ заглядываетъ, а раскланивается какъ ловко, — а я какъ дуракъ какой все краснѣю... и я съ завистью посмотрѣлъ на чиновника. Нѣтъ, я ужь лучше перулками дойду къ Патрикѣевымъ; тамъ вѣрно нѣтъ гуляющихъ... а по большой улицѣ мнѣ дураку еще рано ходить, и я уже повернулъ было налѣво, какъ услышалъ громкій крикъ, и оглянулся.

Чиновникъ кричалъ на какого-то юнкера, который снялъ ему фуражку, но не сдѣлалъ фронта. Долго и громко кричалъ онъ, такъ что гуляющіе обратили вниманіе, что кажется ему очень понравилось: онъ еще громче сталъ кричать размахивая руками, а молоденькій юнкеръ сконфуженный со слезами на глазахъ неловко переступалъ съ ноги на ногу.

Мнѣ стало совѣстно... Нѣтъ это тоже... очень ужь развязно, подумалъ я, и отправился къ Патрикѣевымъ. На крыльцо я всходилъ еще довольно смѣло; но когда я вошелъ въ залъ, страшная совѣстливость совершенно овладѣла мной, — я растерялся. Я чувствовалъ, что краска все болѣе и болѣе приливаетъ къ лицу. «Дуракъ, осель, дуракъ!» ободрялъ я себя, но напрасно.

Ольга Петровна встрѣтила меня какъ всегда симпатичная, милая, граціозная, какъ всегда свѣтло и счастливо смотрѣли на

свѣтле глаза, какъ всегда влекущая къ себѣ улыбка оживляла ея блѣдно-матовое личико. Черезъ нѣсколько минутъ я уже забылъ свою неловкость и чувствовалъ себя свободно какъ дома. Вскорѣ пришли: Патрикѣевъ, Амосовъ и Волчокъ. Патрикѣевъ крѣпко схватилъ мнѣ руку и поздравилъ. Но вообще взглядъ его былъ разсѣянъ: разговаривая онъ часто умолкалъ и задумывался; видимо что-то серьезное тревожило его, хотя онъ замѣтно старался казаться безпечно-веселымъ. За обѣдомъ онъ какъ-будто ожилъ немножко.

— Ну-съ, за новоспеченныхъ офицеровъ, провозгласилъ онъ шуточно, раскупоривая бутылку шампанскаго.

Въ это время вошелъ слуга и подалъ конвертъ съ почты. Патрикѣевъ оставилъ бутылку, торопливо сорвалъ печать, и началъ быстро пробѣгать письмо. По мѣрѣ чтенія лицо его болѣе и болѣе свѣтлѣло, на щекахъ заиграла краска и довольная улыбка раздвинула губы.

— Добрыя вѣсти, крестьянское дѣло на мази, сказалъ онъ складывая письмо и пряча его въ боковой карманъ сюртука. Теперь значить мы выпьемъ какъ слѣдуетъ. Сережа всѣмъ кланяется, прибавилъ онъ.

— Александръ Васильичъ! началъ я запинаясь: — позвольте по такому случаю и мнѣ поставить бутылочку. Ольга Петровна, можно?

— А что? вѣрно соскучились денежки въ кошелекѣ лежать.

— Нѣтъ-съ, а я хотѣлъ бы... Ольга Петровна...

— Пожалуй, случай такой... и я кутну съ вами.

Начались веселые тосты и болтовня.

Въ первый разъ мнѣ случилось выпить нѣсколько бокаловъ шампанскаго, въ головѣ пріятно зашумѣло, а кровь быстро и горячо забѣгала въ жилахъ.

— Ну-съ, Моховъ, сказалъ Патрикѣевъ, уже совсѣмъ повесѣлѣвшій: — повѣдайте намъ какіе теперь планы васъ занимаютъ... Вѣдь въ эти годы у кого ихъ нѣтъ!

И грустно-шутливая улыбка скользнула на его губахъ.

— У меня одинъ планъ, Александръ Васильичъ, служить обществу, пронзился я горячо съ нѣкоторою торжественностью. Вѣдь улыбнулись.

— Вотъ вамъ смѣшно. Я это зналъ, зналъ, что вы будете смѣяться. Какъ же не смѣяться. Прапорщикъ хочетъ служить

обществу. А мнѣ не смѣшно нисколько, и я не смѣжусь: такого смѣха! Божусь вамъ, не стыжусь! Я напередъ зналъ, что вы засмѣетесь.

Всѣ посмотрѣли на меня съ недоумѣніемъ.

— Да, я буду служить обществу, буду до послѣдней капли крови, и найду чѣмъ служить. Кто хочетъ дѣло дѣлать, — дѣло найдется, дѣла много. Я вѣдь не о фельдмаршальствѣ мечтаю, не въ законодателя мечу. Скажу не краснѣя, — было и это... хотѣлось очень... вотъ думаю себѣ, такъ бы всю Русь и передѣлалъ по своему; ну, а теперь я иначе смотрю, другой взглядъ выработался. Я того убѣжденія, что каждому изъ насъ пора забыть самого себя, свою личность, свое я, и помнить одну родню, и отдать всего себя, свои способности, умъ, средства народу и обществу. Только не надо стыдиться, если принесешь на жертву копѣечку. Чтожь дѣлать, если больше не имѣешь; кто богаче, рубль принесетъ. Только принести—то надо все, все свое достояніе, забыть себя. Вонъ Волчокъ говоритъ, что у насъ нѣтъ дѣятельности для гражданина, — вздоръ. Она есть всегда и вездѣ; не красива она у насъ, не блестяща, размѣнена на мелкую монету, правда, чтожь дѣлать, но она есть. А если мы станемъ отвергать ее зато только, что мало она сулитъ хорошаго лично *намъ*, что намъ, изволите видѣть, нельзя вдругъ блистательно и красиво проявить себя, такъ съ такими разсужденіями мы никогда впередъ не двинемся. А ты дѣлай дѣло насколько силъ твоихъ душевныхъ ставешь; я буду дѣлать, третій, четвертый, и пойдетъ машина въ ходъ, пойдетъ, вѣрь мнѣ. Вѣдь душевныя силы — это такой рычагъ, всякія нары за поясъ заткнуть, только душу—то свою всю отдай, всего себя положи на дѣло, не скупись, ничего для себя не складывай. Смѣло иди впередъ напроломъ. Станутъ надъ тобой смѣяться, подставлять ножки, бить, — иди! дѣлай свое дѣло и забудь все остальное. Волчокъ говоритъ: общество не приготовлено. Да когдажь оно приготовится—то, да ктожь готовить—то его будетъ. Не отъ духа же святаго ждать его просвѣщенія. Ну, и сѣй, сѣй... вѣрь: настанетъ время и жатвы. Не посяешь—не дождешься никогда всходовъ. Знаю, что посмѣются надъ тобой общество. Не одинъ, много разъ посмѣется, а кончатся все—таки тѣмъ, что послѣ само устыдится своего смѣха. Да какъ горько-то еще устыдится. Только не трусь; можетъ и не совладать,

неспорю, сломышся, такъ чтожь, тѣмъ лучше. Безъ жертвы ничего не дѣлается. То-то и есть, дѣло-то старуха на двое сказала. Намъ бы соломинки прежде постлать, чтобъ не ушибиться; это подло вомоему. Вздохиванный, дрожащій я едва перевелъ духъ.

— Горяченькій! обратился Волчокъ къ Патрикѣеву, кивнувъ на меня половой.

— Горяченькій, горяченькій! повторилъ я съ азартомъ. — Смиѣйся Волчокъ, смиѣйся! знаю что у тебя на умѣ. Ты думаешь молодость, кровь бурлитъ, говорить хочется, а поприметъ жизнь, — орелъ мокрой курицей станеть. Такъ вѣдь? Старая, братъ, пѣсня колотъ глаза молодостью; слышали мы ее. Да развѣ одной молодости дано быть честной и любить свою родину. Ну отѣчай! почти закричалъ я въ азартѣ.

— Отвѣчу: тебѣ не слѣдуетъ пить шампанское!

Я подпрыгнулъ на стулѣ какъ укушенный. Мнѣ стало горько и обидно.

— Такъ, такъ, я этого ожидалъ; это, извольте видѣть, не я говорю, а шампанское. Когда мы честны, благородны, негодуметь, возмущаемся, — мы пьяны, мы шампанскаго выпили. Когда мы полны, нажи, мы въ нормальномъ, наитрезвѣйшемъ состояніи духа. Такъ вѣдь? Ты вѣдь это хотѣлъ сказать?

— Да, это! и онъ утвердительно кивнулъ головой.

— И ты не ирасивешь? Для тебя значить не существуетъ ни благородныхъ стремленій, ни высокихъ цѣлей. Ты отвергаешь ихъ существованіе... они возможны только въ пьяномъ видѣ?

— Да, безкорыстно все это только въ пьяномъ видѣ; отъ лица ли, отъ чего ли другого, только при сильномъ возбужденіи нравственнаго организма; а въ трезвомъ состояніи всѣ эти благородныя порывы и жарты не безъ задней мысли. Какъ начнешь доказываться до источника, ай, ай, всегда до какмаль не красненькѣ конной доберешься.

— Вы, дражайше Махова! остановилъ Патрикѣевъ Волчка.

— Нѣтъ, Александръ Васильичъ, говорю по совѣсть, въ ризахъ добродѣтели, да и въ самую добродѣтель плохо вѣрю. Патрикѣевъ выгнувъ на него съ удивленіемъ.

— Отчего же? Разочароваться въ людяхъ кажется было бы невозможно рано! Патрикѣевъ улыбнулся.

— Да и смѣшно, Александръ Васильчъ, и старо и неврилично. Печеринскій армейскій сюртучекъ врядъ ли кому къ рожѣ, ктому же востаскаивъ такъ, что надѣтъ совѣство. А все же не вѣрится, самъ не знаю отчего, инстинкту. Впрочемъ, прибавилъ онъ серьезно: — не одинъ инстинктъ; все что я слышалъ и видѣлъ, все убѣждаетъ меня, что я правъ такъ думая. Всѣ люди ужасные эгоисты, а больше всего эгоисты герои добродѣтели, да и вообще герои.

— Вотъ какъ! и легкій оттѣнокъ ироніи послышался въ голосѣ Патрикѣева: — это ужъ и не теорія, а опытъ! Гм! и широкая улыбка расцвѣла на его губахъ.

— Опытъ, Александръ Васильчъ, опытъ! — проговорилъ Волчокъ усиленно съ замѣтнымъ дрожаніемъ въ голосѣ. Небольшой, маленькій опытъ, шестилѣтній опытъ изо дня въ день надъ двумя-стами мальчиками и пятьюдесятью или шестьюдесятью взрослыми дѣтьми. Опытъ! Да! продолжалъ онъ съ рѣзкимъ жестомъ, да! ошибаюсь я — нѣтъ ли, а въ безкорыстную, безупречную добродѣтель не вѣрю. Меня опыты убѣдили. Онъ какъ-то рѣзко, тоскливо засмѣялся, упирая на словѣ «опыты.» Много благородныхъ порывовъ видѣлъ я на моихъ глазахъ, въ моихъ товарищахъ, и удивлялся имъ, и въ пафосъ приходилъ, а какъ всмотрѣлся да обдумалъ, у всѣхъ была задняя мыслишка. Напускная, своя ли, — а была. Вотъ вамъ! (Волчокъ указалъ на меня пальцемъ). Самая благороднѣйшая личность изъ нашего курса. (Я покраснѣлъ). Не краснѣй, братъ, не торопись, не больно я тебя похваляю, быстро добавилъ Волчокъ. За правду вѣдь страдалъ безкорыстно, мальчикъ нерасчетливый, и съ карцеромъ знакомъ, и лозь отвѣдалъ. А вѣдь согласишься, душа моя, въ строгомъ смыслѣ ты не за правду страдалъ, а для собственнаго удовольствія. Послѣ каждаго твоего пасажа, ты чувствовалъ себя хорошо, у тебя мурашки по спинѣ бѣгали, тебѣ казалось, что ты растешь. А, такъ вѣдь! Великъ ты былъ въ нашихъ глазахъ, кушалъ карцеръ и розги, а вѣдь для тебя они были ничемъ. Карцеръ для тебя смотрѣлъ австрійской тюрьмой, а лозы неязвили тѣло; ты не зналъ боли, а почему? потому что тебя въ это время щекотала русалка, и какая могущественная русалка: она заставляла тебя нечувствовать физической боли; эта русалка ты знаешь какъ ее зовутъ, а? Самолюбіе, эгоизмъ! Волчокъ такъ

ударилъ стуломъ по столу, что посуда задрожала, но онъ какъ-то это не замѣтилъ, хотя мы всѣ переглянулись.

Началъ ты изъ упрямства, продолжалъ онъ, а такъ и заигрался, во вкусъ вошелъ, зарисовался, залюбовался собой, тебѣ казалось это удивительно какъ красиво.

Я сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе:

— Постой, твоя рѣчь впередъ. Я все-таки знаю тебѣ, что ты честный малой. Ты не нашей хвалы искалъ, ты самъ себя и хвалилъ и бранилъ. Да умѣрень ли ты былъ на хвалу себѣ, — головой ругаюсь, и бѣть! А что это такое какъ не самый ужасный эгоизмъ, — медившій эгоизмъ несмотря на всю твою пылающую натуру. Это я говорилъ о товарищахъ, продолжалъ Волчокъ, улыбаясь отчеканивая слова: — а объ отцахъ-командирахъ я молчалъ. Много видѣлъ я съ ихъ стороны благородныхъ перывовъ, да все глядишь оканчивалось или поворотомъ на пошлую обычную колею, или горькимъ раскаяніемъ и надолго скептической эвизіоноіей. Вы одинъ, Александръ Васильчъ, сказалъ Волчокъ возвышая голосъ и быстро приподнимаясь со стула. Вы одинъ, въ честность котораго я безусловно вѣрю. Но позвольте мнѣ быть откровеннымъ. Вы честны потому, потому... что (Волчокъ засмѣялся и покраснѣлъ), что съ вашей точки зрѣнія и убѣжденій вы не находите пользы быть нечестнымъ. Къ отличіямъ у васъ повиновенія не ищется. На карьеру вы давно рукой махнули. Следовательно не-изъ-чего хлопотать, не-изъ-чего ломать свою природу: игра свѣчь не стоитъ, а натура ваша по природѣ своей честная. Извините, я незнаю вашего чареджа, а зналъ бы, я назвалъ бы чѣмъ можно купить и вашу честность. Впрочемъ простите. Вы прежде-всего, если не равнодушны ко всякимъ соблазнамъ, то гнѣжны къ нимъ.

Патрикѣвъ слушалъ, наклоня на бокъ голову, и уставилъ на Волчка пристальный, но мягкій и добрый взглядъ. Я слышалъ. Мнѣ стало обидно за Патрикѣва.

— Волчокъ! Мнѣ вредно, а тебѣ грѣшно пить шампанское! И я почувствовалъ, что въ выраженіи моего голоса ясно сказались моя мысль.

Волчокъ смутился.

— Александръ Васильчъ, кланусь вамъ!.. началъ онъ гнѣчно.

— И, полноте, будто я васъ не знаю. Развѣ я васъ призывалъ

малыши от себя. Не в улыбку ли? Присутство любалось нечаянно. Такое молчание, в которое не вступит как-нибудь оживление, человек. Даже Ольга Петровна, без прерыва, тихо разговаривала с Амосовым, спомогла и опустила глаза в тарелки.

Патрикьев первый прервал ее.

— Скоро вы идете, Мохви?

— Для черной дщи. Я на неделе месяца отпрямилась в деревню к бабушкам, а оттуда проеду в Батарню, близкого от нас: версть сто-двадцать. Хочу заставить отпустить дщда, просылит на волю. Все равно, онъ общается мнѣ какъ заграничье.

— И вы надеетесь, что вашъ дщда поконитъ ваше хозяйство, спросил Патрикьев от улыбки.

— Я постараюсь его убавить. Я вижу ему, что малые людьми — безразличен.

— Бога вамъ въ помощь! Ну, а ваши намерения? — обратилась Патрикьевъ къ Волчку.

— Я, Александръ Васильичъ, за столярное ремесло лечу приниматься.

— Какъ?

— Вѣдь взглянул на Волчка съ удивленіемъ.

— Да такъ. Животная моего не хватитъ на нашу семью. Наши ушатушки шестере. На отчина надежда шлоха. Онъ желитъ чтобъ въ домъ, а паровитъ какъ бы отъ дому... Дурной человекъ, да я не вѣтъ. Ну-съ, я и хочу въ свободное отъ службы время мастертить. Я вѣдь немножко знакомъ съ дѣломъ. Копаясь, столярный мастеръ, еще выѣзка большая на Никольской — она родственникъ мнѣ... Такъ я около него кое-чему понаучился.

Когда стали водиться за-за стола, всѣмъ бросилась въ глаза рѣзкая блѣдность Ольги Петровны. Патрикьевъ встревожился было, но она успокоила его, премило каясь, что она подумала, что это пройдет... Надобно только баньки одѣлать.

— А въ театр? ты не идешь развѣ?..

— Не думаю, устала что-то... а ты, въ театрѣ?

— Нѣтъ, сегодня провожаю Давскаго... онъ прощень и завтра катить въ Питеръ.

— Такъ мнѣ скучно будетъ вечеромъ. Приедите господи изъ театра, не поздно будетъ... театръ районитъ, а жду васъ, обратилась она ко мнѣ, Волчку и Амосову.

И вот наступал легкий, самодостов волчок, когда вместе съ Волчкомъ и Амосовымъ сталъ подходить къ театру одному подвѣзднику, которому безпрерывно подкатывались ящики, кароты, ленточки, а грудами явились пухляды. Два рослыхъ конюха вертели съ подлинными вверхъ нагайками въ рукахъ, какъ статуя стояли по бокамъ подвѣзда театра. Тутъ же какъ-то доверительно цыгала два фонарика съ несоветными чистыми стеклами, и что-то очень суетился частный приставъ. Волчокъ еще больше усмирился, когда встрѣтившій насъ капелланскеръ пошелъ направо-то правымъ темнымъ коридоромъ вверхъ по дѣстному и левымъ задрожали, закричали и завальжились подъ нашими ногами. Блѣдный свѣтъ небольшой лампы въ углу коридора освѣщала намъ путь.

— Точно у Ратилочъ въ прдземельяхъ, бурювалъ Волчокъ.

Но вотъ передъ самымъ нашимъ носомъ скрипнула небольшая дверца, и мы очутились въ ложѣ. Передъ нами сіялъ освѣщенный залъ. На сценѣ колыхался огромный голубой занавѣсъ съ нарисованной на немъ желтой лирой. На боковыхъ кулисахъ красовались гиганты-рыцари. Въ партерѣ было шумно, свѣтло, весело. Влестѣли эполеты, очки, ринсе-пез, звучали сабли, гремѣли отодвигаемые стулья и кресла. Въ ложахъ сидѣли разряженные барыни. Подъ вліяніемъ настроенія мнѣ чудилось, что перенесенъ въ волшебный міръ. Колыхающійся занавѣсъ манилъ и дразнилъ меня, какъ-будто говоря: вотъ поднимусь, и ты увидишь дива-дивныя, чуда-чудныя, — трагедію г. Шиллера; закипятъ передъ тобой страсти, зазвучатъ горячее слово гениальнаго писателя... Барыни въ ложахъ казались всѣ такими хорошенькими, а ихъ открытыя плечи бѣлыми какъ молоко, пышными какъ тюлевая баба, которую мастерски приготовляла бабушка.

— Ахъ, какъ хорошо и свѣтло здѣсь, Волчокъ! невольно высказался я.

— Изъ темнаго коридора вошли, — неоглядѣлись еще. А ты посмотри, какъ лампы-то чадаютъ, какъ-разъ угоришь. Омъ указалъ на лампы и я дѣйствительно увидѣлъ, что копотъ тоненькими струями играла, и колыхаясь разстилась по потолку.

— А на лежи впаляни, кочь-точь стойда. Я уже начинаю чувствовать себя лошадей, а на ссѣдонѣ паннахъ боюсь и гла-

дѣтъ... того и смотря зарнать захочется... особенно радѣтъи голубушки.

Я взглянулъ и дѣйствительно лѣни покудали очень на стоѣла узкія и глубокія. Они были сбиты изъ досекъ, много отесанныхъ и безъ всякой драпировки. Мнѣ стало досадно на Волчка, что онъ разрушаетъ мою иллюзію.

— Чтожъ это не начинаютъ, — шесть часовъ пробало! Замѣтъи Волчокъ.

— Вѣрно губернатора ждуть, спокойно отвѣчалъ Амосовъ.

Въ это время во партеру пробѣжалъ легкій говоръ; наной-то господинъ опротивлю бросился къ выходу, безцеремонно толкая встрѣчныхъ и неизвиняясь. Лицо его было очень озлоблено.

— Это что за сумашедшій?

— Полицмейстеръ! вѣрно губернаторша прѣѣхала, такъ встрѣчать побѣжалъ! пояснилъ Амосовъ.

— Не дурно! пробормоталъ подъ носъ Волчокъ.

Дѣйствительно черезъ нѣсколько минутъ въ ложѣ губернатора, отличающейся отъ другихъ тѣмъ, что она была просторнѣе прочихъ, обклеена шпалерами и драпирована полубархатомъ, показались барыни. Въ партерѣ обнаружилось маленькое волненіе. Очень многіе теропливо устремились къ ложѣ, отившавали глубоко-почтительные поклоны, и домявшись съ ноги на ногу, какъ-то нерѣшительно отходили. Нѣкоторые послѣ замѣтной душевной борьбы рѣшались заговорить, и тогда лица ихъ расцвѣтали такимъ самоуслажденіемъ, какъ у кота, когда его голоднаго кормятъ манной кашой.

— Посмотри, посмотри на этого господина, сказалъ Волчокъ, какъ ему хочется подойти и заявить свою преданность, да дорогу загордили. Лицо-то, лицо какъ дергаетъ, а ножками-то, ножками какъ семенить. У, бѣдненькій! Смотри, по выраженію губъ вижу, молится про себя, чтобъ кто-нибудь отошолъ и уступилъ ему мѣстечко погрѣться у солнышка. И вѣдь знаетъ, что не пополнѣетъ отъ этого, и росту не прибавится, а вотъ поди! А вѣдь молоденькій еще, а ужъ какъ.

И Волчокъ закрѣпилъ свою рѣчь мѣткимъ, сильнымъ, но неудобнымъ для печати словомъ.

— Но не всѣ же, братъ Волчокъ, такіе; посмотри вотъ на этого господина: какое благородное, симпатичное лицо! И я указалъ на какого-то высокаго, стройнаго господина во фракѣ:

Онъ разговаривалъ съ дамами, сидѣвшими рядомъ съ губернаторской ложей. О чемъ шла рѣчь, трудно было разслышать, но въ его жестахъ, выраженіи лица и глазахъ чувствовалась сила и благородство. По временамъ онъ искоса взглядывалъ на губернаторскую ложу.

— Да за этого пожалуй что и поручиться можно. Славная рожа!

Только-что Волчекъ проговорилъ эти слова, какъ господинъ во фракѣ быстро подошелъ къ губернаторшѣ и отвѣсилъ глубокій поклонъ.

— Э-э-э! Да и ты голубчикъ какъ всѣ. Совершилась метаморфоза. Ну посмотри, Моховъ, на него, непрестаннѣе посмотри, да и скажи по правдѣ, та ли это благородная рожа что съ дамами разговаривала. Я взглянуть, и мнѣ стало совѣстно и за свою довѣрчивость, и за господина во фракѣ. Следенькѣ-искаательство свѣтилось въ этомъ дотога смѣломъ взглядѣ; стройный станъ какъ-то некрасиво наклонился впередъ. Губы сдвинулись въ какую-то неестественную, нелѣпую улыбку и вообще господинъ не походилъ на самого себя.

Волчекъ вихнулъ головой, и нахмурился.

Зазвенѣлъ колокольчикъ и замаялъ тихо поднялся. У меня сердце екнуло. Я впился глазами на сцену. Больше половины акта прошло въ глубокомъ молчаніи. Вдругъ въ губернаторской ложѣ раздались легкое хлопанье и театръ задрожалъ отъ рукоплесканій.

— Ишь какъ обрадовались! Ради стараться, приказано! про-бермоталъ Волчекъ съ неудовольствіемъ.

— Это случай, Волчекъ!

— Замѣчай и увидишь, что не разъ повторится этотъ случай.

Слова Волчка сбылись. Впродолженіе всей пьесы ни однаго человѣка ниразу не хлопнулъ прежде чѣмъ не поклоняются въ губернаторской ложѣ. Впрочемъ захопалъ было какой-то господинъ въ креслакъ, но всѣ головы въ партерѣ обернулись быстро къ нему съ такимъ выраженіемъ удивленія, какъ-будто видѣли передъ собою смѣльчана, раскуящаго живнью.

Весь спектакль я весь былъ душой въ Фердинандѣ. Пьеса произвела на меня сильное впечатлѣніе. Я такъ поддавался обаянію игры, дотога навязались чувства, распалилось воображеніе, что мнѣ вдругъ показалось, что это что-то блаз-

кое нѣтъ; что все это случалось или случается со мной, да вѣдь ли и вѣтхеперь происходитъ. Фердинандъ — это страстникъ, это благородная натура; это и; и сомнѣнія нѣтъ. Президентъ — это дѣдушна, который не позволяетъ нѣтъ жениться на Машенькѣ-Луизѣ; Миллеръ — это Петръ Герасимычъ, ея отецъ, такой же добродушный, честный старикъ; а Вурмъ... Вурмъ — это Иуда, такой же коварный и злой.

— Какова пьеса! сказала я восторженно, когда ушла за нѣтъ.

— Хорошая пьеса! пробормоталъ Волчокъ.

— А Фердинандъ, а?

— Да, изъ горяченькихъ.

— Изъ горяченькихъ! какъ это глухо такъ говорить... какая свѣтлая, благородная личность.

— Да, ничего.

— Ты все шутишь; это святая личность!

— Хватилъ брать черезъ край! Такъ себѣ, изъ горяченькихъ, и больше ничего. И горячка-то началась, какъ лобушку отнять захотѣли, а до тѣхъ поръ жилъ себѣ привычно. Можетъ быть и папеньку бы въ чинахъ превзошелъ. Вѣдь до майора же дослужился. Что ему мѣшало бѣжать изъ этой помойной ямы . . . . что ли. Если онъ благородный человекъ и не могъ видѣть равнодушно всѣхъ гадостей, что ему мѣшало бѣжать куда глаза глядятъ; а то ничего, жилось до времени, но послѣвиць: наша хата съ краю, ничего не знаю, а загорѣлась хата и пошла горячка. Всѣ благородныя чувства всплыли наверхъ. Ничего, хорошая драма, съ жизнью вѣрва. Всегда такъ водится на свѣтѣ.

— Ну, а президентъ? Неужели могутъ существовать подобныя личности?

— Нештоль чему удивляться! сплошь да рядомъ. Чай и здѣсь ихъ не оберешься, продолжалъ онъ; обвѣда глазами театръ. Вѣдь это она на сценѣ только такія страшныя, а въ жизни это все чадолюбивые отцы, вѣрные супруги, привѣрные граждане, право такъ. Загляни въ кондуктъ любого изъ этихъ господъ. Не вѣришь кондукту, обрати къ общественному нѣтъ, и оно тоже скажетъ.

— Тебѣ, Волчокъ; точно сто-двадцать лѣтъ! сказала я со досадою.

... — «Сколько же тебе, а старшее тебе». Трудно было как-то привыкнуть к учению, но братья своего шагнули вперед. Даром что мальчишка. Я еще до корпуса, мальчишкой, такими делами интересовался, что и теперь до сих пор люблю читать, как в детстве... когда-то читал много, а теперь, а теперь. Э, да что толковать, в другой раз! Онъ отчаянно махнулъ рукой и задумался, понуривъ голову.

Я молчалъ. Несколько минутъ онъ пробылъ какъ-то въ забытьи, потомъ вдругъ тряхнулъ головою, и поднимаясь, сиротливо спросилъ:

— Ну, съ къ Ольгѣ Петровнѣ, ахъ до дому?

— А еще «Кошка и любовь»?

— Мале тебе «Коварства и любви», еще кошки захотѣлось, спасибо братья, оставайся если хочешь, а я и этикъ съѣздить до дому.

— Ну, пойдемъ къ Ольгѣ Петровнѣ, а гдѣ Анисья?

— Онъ послѣ второго акта исчезъ. Сердце не камень...

Мы вышли изъ театра. На небѣ я тучки. Волнухъ тихихъ и прозрачныхъ. Младшій изобретъ думного свѣта лопнулъ на всемъ: на стѣнахъ зданий, на желтоватомъ пескѣ улицъ, на лицахъ проходящихъ, которые кажутся блѣднѣе обыкновеннаго.

— Славная ночь! сказалъ Волчокъ, вдохнувъ всей грудью: тучки, луна-то, луна! во всѣмъ доглати смотреть! Люблю я такую ночь, тихо, свѣтло! хорошо думать о суэтѣ мірской.

— Ты ослосошь.

— Номера третьяго батальона! замѣтила въ шутливомъ тономъ.

Когда мы стали подходить къ дому Патрикѣева, онъ едва тая меня за шинель.

— Ну, а спать она спитъ?

— Обратился въспять, а теперь войдемъ вътаконьку! На цыпочкахъ вошли мы въ переднюю и мезенцою остановились. Въ залѣ было темно, изъ гостиной долетало сдержанное рыдание. Я взглянулъ на Волчка. Лицо его выражало долгие недоумѣнія. — Девка, Девка! что ты сдѣлала со мной, несчастную! раздался голосъ Ольги Петровны, сколько горя, слезъ, отчаянія слышалось въ этомъ голосѣ. Это не были жалобы, плачь, упрекъ. Безумными, вонючимъ отчаяніемъ вужали ея слова, такими словами, которые рѣдко вырываются изъ человеческой груди.

не разрушить ее. Самое черствое, колючее, заостренное въ житейской бурнѣ сердце издрогнуло бы отъ этого вояла...

И отбросила отъ ужаса.

— Это ужасно! Господи! господа! продолжала она съ отчаяніемъ меная себѣ руки, и вдругъ громко и прерывисто зарыдала.

Я взглянулъ на Волчка, онъ былъ хмуръ и блѣденъ.

— И зачѣмъ это Александръ ушелъ къ этому Хомскому... Зачѣмъ я дома осталась; думала ли я, что все это случится... Почему ты Мохова съ собой не привела. Ахъ, боже мой, боже мой, что мы сдѣлали, произнесла она глухою, убитою голосомъ и тихо заплакала.

— Любить одного, обманывать другого — такая низость! продолжала она измученнымъ голосомъ едва слышимо, тихо разсуждая про себя, и какого человека обманула. О, господи! накажи меня. Смерть пошли, разумъ отними.

Волчекъ дернулъ меня за руку.

— Уйдемъ! не наше дѣло, — и онъ тихо вышелъ.

— Оля, ангель мой, успокойся, прости меня, чтожь дѣлать. Я самъ не знаю какъ это... Успокойся, никто не узнаетъ, послышался голосъ Амосова, полный слезъ.

Кровь быстро забѣгала въ мои жилахъ.

А! коварный оболъститель. Ты надеешься тайной прикрыть свое коварство. Нѣтъ, я явлюсь передъ тобою ангеломъ истиннымъ. Я заставлю тебя дать отвѣтъ за оболъщенный женщину. Такъ-то ты отблагодарилъ благороднаго воспитателя, шепталъ и дрожа отъ волненія, въ какомъ-то лирическомъ жару, невольно впадая въ театральную драматическую тоню. Я не шутя въ эту минуту чувствовалъ себя чѣмъ-то вроде Фердинанда, а тамъ въ этой гостинной гнѣздилося коварство, и судьба несмала меня разорвать коварный сѣтъ, стать передъ лицомъ оболъстителя, сорвать съ него маску, и совершить казнь.

Внезапный, дрожа какъ въ лихорадкѣ, я быстро пошелъ въ гостиную. Я смутно понималъ что дѣлаю, чувствовалъ, что на губахъ уже шевелился громесный монологъ, несомненный горечи и упрямой. Легкій крикъ испуга вырвался изъ груди Ольги Петровны. Она прижалась въ уголокъ дивана и закрыла лицо руками тихо плакала. Амосовъ блѣдный, разстроенный; въ глазахъ полными слезъ непоходила на себя. Взглянувъ на него

и совершенно растерялся в стонѣ дурака-дурашеньки. Била, дѣлалась моя гора. Миѣ стало вдругъ жалко ихъ обидѣть, очень жалко, а самъ чуть не заплакалъ гадя на нихъ. Цокотъ миѣ сталъ обидно, стально за себя, что я ворвался въ комнату безъ всякаго права, что подслушалъ ихъ разговоръ, хотя и вездѣ подслушалъ. Миѣ хотѣлось бы сказать, что я ничего не знаю, ничего не слышалъ, но слова не шли съ языка и я совершенно разстроенный, потерянный, переминался съ ноги на ногу, потупивъ глаза.

— Охъ! вздохнула Ольга Петровна всей грудью, какъ-будто освобождаясь отъ давящаго ее гнета, отняла отъ глазъ руку и протянула ее миѣ.

— Вы изъ театра?.. Плакали?.. спросила она стараясь улыбнуться, но блѣдныя губы судорожно дрожали, а воспаленныя отъ слезъ глаза глядѣли грустно.

— Да-съ... нѣтъ-съ... бормоталъ я, все еще не придя въ себя.

— А я дома театръ устроила, а все ваше шампанское. Такъ нервы разстроились, что я принялась за «Фауста» и расплакалась какъ дура, а на меня глядя и онъ! Она указала на Амосова.

— Да, я недумалъ чтобъ Ольга Петровна, началъ Амосовъ, умолкъ, всталъ и взялся за фуражку. Руки его дрожали.

— Вамъ надо успокоиться, нашолся я раскланиваясь.

— Нѣтъ, куда же вы? чуть не вскрикнула она съ испугомъ. Потомъ медленно проѣхала по лицу рукою и тихо произнесла: «а впрочемъ поздно я думаю», и она протянула миѣ холодную какъ ледъ руку. Вслѣдъ за мной вышелъ въ переднюю Амосовъ. Онъ что-то шепотомъ сказалъ Ольгѣ Петровнѣ. До моего уха донесли только отрывочно «вы погубите себя!»

— Да, страшная Ольга Петровна, первая какая, заговорила холодно Амосовъ, какъ-будто обрадовалась перемене. Я взглянулъ на него. Лицо его при лунномъ свѣтѣ показалось миѣ страшнымъ. Глаза дико, торопливо блуждали по сторонамъ, во всѣхъ чертахъ сквозило не то отчаяніе, не то испугъ; первая походка была не тверда. Миѣ стало жаль его.

— Однако прощайте, глухо произнесъ онъ и повернула въ переулокъ.

Разстроенный, съ перепутанными мыслями побрелъ я домой. Не видѣвъ ли въ Водичку? малышка у меня: жаль! Когда я

даль одно: поментъ, поментъ. — Тутъ логикъ никакой. Человѣкъ политен на женщину:..! обожаютъ ея шумъ и вдруть...

— А тебѣ отъ момента логики захотѣлось. Нѣтъ, братъ, тѣмъ логика; тамъ нѣтъ моменты. Впрочемъ это что-то вроде: пренія о предметахъ вызывающихъ на размышленія, а мнѣ спать пора!

Волчокъ поднимаясь съ завалинки:

— Прощай. Но скажи ради-бога, что мнѣ теперь дѣлать...! какъ поступать...

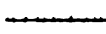
— Какъ найдуть лучшимъ; насъ съ тобой не спросятъ.

— Ты все шутишь. А мнѣ кажется ей всего лучше пойти къ мужу, броситься ему въ ноги и сказать все, а?.. А ему, знаешь чтобы я сдѣлалъ на его мѣстѣ. Я бы уѣхалъ на Кавказъ.

— Фю, фю, фю, фю, засматъ Волчокъ, выѣсто отъѣзда протягивая мнѣ руку.

— Придешь домой, — стаканъ холодной воды выпей, и Волчокъ скрылся въ калиткѣ.

— Холодное созданіе, рѣшилъ я мысленно о Волчкѣ.

Дня черезъ два тройка поджарыхъ ямщицкихъ лошадокъ легонькой рысцей тащила меня по пути къ родному дому. Время было къ полудню. Передо мной широкой лентой валаась черная полоса дороги. По сторонамъ ея и впереди стлалась степь ровная, гладкая, необозримая. Какъ ни напрягалъ я зрѣніе, ничего невиднo за этой степью; только синѣется на горизонтѣ узенькая полоска да нѣсколько рибоватыхъ облачковъ лѣвно плывутъ и плывутъ по блѣдно-зеленоватому небу. По сторонамъ на деревца, на кусты. Только поперстыя столбы, какъ линейные унтеръ-офицеры на парадкѣ, также неподвижно выткнувшись стоять и бытьъ вамъ въ глаза своими пестрыми мундирами, да иногда подслѣзованная галка, уевшись на веру столба и замкнувъ переступая съ ноги на ногу — каркнетъ, но до того лѣвно, вехотъ, что при видной даже охотѣ повторить свою пѣсню, отиростъ ротъ, да такъ и останется съ открытымъ ртомъ, безъ звука. Лѣно до того обуяно! Ямщицкѣ качивалъ дремоту на облучкѣ! Ширѣлки какъ будто съ просовья вдруть приосантотъ; схватится за кнутъ, съ замѣтнымъ намѣреніемъ стогнуть лошацкѣ; но стогнуть не стогнетъ, а побалуеетъ тѣмже наутомъ, и

оставить. Потомъ быстро оглянется на меня, какъ—будто спросить что хочешь, али справиться тутъ ли молъ, не высочалъ ли на какомъ бугрѣ изъ телѣжки, еще отвѣчать придется, казенный вѣдъ на службу ѣдетъ. Да такъ ничего не спросить, а замурачить себя что-то подъ носъ. Апатія, лѣнь, тоска, сонъ глубокий, непробудный сонъ разлитъ въ воздухъ, лежать на этихъ шертвыхъ поляхъ, на этомъ зеленоватомъ небѣ, на которомъ в солнцу видимо нестерпимо скучно: только-что непозевываетъ сердешное; на этомъ перекачи-поле, которое набѣжитъ быстро, быстро, да в осядетъ вдругъ, и долго, долго стоитъ неподвижно, точно его раздумье какое вдале, али больно лѣнь обуяла. Вдемъ часть, другой, все также однообразная сонная картина. Попался на встрѣчу ямщикъ со станціи, лошади едва передвигаютъ ноги, лѣниво помахивая головами, а онъ свернулся кренделемъ, и снакъ во всю ивановскую, — изрѣдка долетаетъ до насъ его богатырскій всхрапъ; здоровъ спать русскій человекъ. Но вотъ замелькала на дорогѣ черная полоска, ближе, ближе и потянулся длинный обозъ. Это руда съ заводовъ. Возчиковъ почти невидать: они всѣ дрыхнуть растянувшись плашмя на телѣгахъ. Только двое рослыхъ мужиковъ идуть у передней подводы молча, съ повѣшенными носами, похлестывая длиннымъ кнутовищемъ по землѣ.

Я высунулся изъ телѣжки.

— Куда везете, православные?.. спросилъ я, чувствуя сильное желаніе перекинуться словомъ.

Мужикъ съ кнутовищемъ остановился, медленно повернулъ голову, потянулся было правой рукой къ гадюкѣ за шляпой, да на половинѣ пути снова опустилъ ее, потомъ слегка ткнулъ въ воздухъ кнутовищемъ, по направленію дороги, и не сказавъ ни слова, снова зашагалъ мѣрнымъ, медленнымъ шагомъ; да на какой-то телѣгѣ возчикъ, вѣроятно разбуженный моимъ громкимъ вопросомъ, повернулся на другой бокъ, промышчалъ: у, господи! и снова захрапѣлъ.

— Эхъ, матушка родная земелька, заспалась голубушка до обмороку. Хотъ бы пригрѣзилось тебѣ что-нибудь эдакое: авось векочина да начнешь креститься, да оплевываться, все лучше чѣмъ спать непробуднымъ сномъ; али труба второго пришествія разбудитъ тебя, родная... Эхъ!..

Но вотъ скоро и уѣздный городокъ, гдѣ перекинемъ лоша-

докъ. Мы вѣзнали въ улицу подгородной деревенки. Тамъ сонливая тишина какъ въ полѣ, только колоритъ сѣрѣ, болѣзненнѣе. Небы очень плохоньки, пошатнувшіеся на бокъ съ плетенными заборами, соломенными, полустгнившими крышами; не весело выглядываютъ онѣ, громко говоря о горькомъ житьѣ-бытьѣ простолюдина. На заваликѣ у крайняго къ полю дома собралась цѣлая семья. Все такія блѣдныя, истомленные лица. Рѣчь ведетъ худощавый, русый мужикъ высокаго роста. Онъ говоритъ тихо, отрывочно, видно что не веселую басню рассказываетъ. Каждая его фраза заглушается тяжелыми вздохами слушающихъ.

Болѣзненное чувство шевельнулось у меня въ сердцѣ; я отвернулся, и глазъ остановился на другой картинѣ.

На срединѣ улицы у бревенчатого колодца стоитъ высокій, красивый паренъ. Онъ видимо привелъ напоить лошадку, которую держитъ въ длинномъ поводу. Опущенная бадья давно уже наполнилась водою; сѣрый периль потерпѣливо гребетъ землю правымъ копытомъ, но хозяинъ стоитъ неподвижно съ тоскливо-устрашеннымъ взглядомъ вдоль улицы, точно видитъ что тамъ. Красивое лицо его сильно озабочено, тяжелая дума виситъ на спорщениномъ лбу. Видимо переживаетъ нелегкая минута, и позабылъ онъ, зачѣмъ и пришелъ. Двое босовогихъ мальчишекъ тяжело кряхтя карабкаются на бревенчатый срубъ: имъ хочется посмотреть, какъ это опустится бадья, и вода забулькаетъ въ нее. Изъ окошечка сѣданой избы доносятся громкія рыданія молодой и ворчливый, сердитый, старушечій голосъ.

— Господи, чтожь это такое? То спятъ, то хмурятся, то плачутъ, ни одного веселаго лица.

Въ эту минуту изъ проулка волилась звонкая пѣсня: «Ужь я ли не добрый молодець, добрый молодець сынъ купеческій!» Изъ питейнаго заведенія шолъ пошатываясь паренъ съ гармошкѣй въ руцѣ.

«Добрый молодець», затянулъ было онъ, да вдругъ остановился, точно ность вскочила ему въ горло, тряхнулъ кудрями и началъ что-то озабоченно разсуждать самъ съ собою, разводя въ воздухѣ руками.

— И ота-то веселость нанущенная! Чай горе заливалъ. Господи, или народныя силы остались только въ сказкахъ о добрыхъ богатыряхъ «Солнышка Владимира». Проснись же Русь,

заполненъ теснотой... Двѣтальности, жизни, жизни большае... на гай: она, эта дѣтельность?..

.. И я предаюся самымъ безотраднымъ мыслямъ. Охъ, нѣтъ, съ конями, несомнѣнно: кинулъ яшинокъ и лошади погнались вонъ. Колеса тележки застучали тяжело дробно по городской мостовой. Заметила особенная окна домовъ, зашнырала мимо насъ миньини, пролетки; какая-то шукающая громадная карета съ трескомъ и грохотомъ обогнала насъ, поднимая огромное облако пыли. Въ каретѣ сидѣла разряженная барыня, на углу улицы, рядомъ со станціей, большой адонтиажный домъ горѣлъ огнями. У оконъ толпился народъ; къ подъѣзду то и дѣло поднималась муть экипажв. Вотъ она, наша дѣтельность! наша жизнь: каретки, плесы, свѣтлыя и все тутъ. Господи! и неужели ничто не разбудитъ тебя, русскій мелокъ, отъ апатии. Неужели не настанетъ другая пора дѣтельности, другіе интересы не увлекутъ общества. Неужели всю жизнь мы будемъ играть только бубновыми да червовыми валетами, свѣтничать, отгласывать трамблямъ, а остальное время спать, безпробудно спать, спать до обѣда, за обѣдомъ, послѣ обѣда, спать въ недѣлярияхъ; въ обществѣ освѣжаться отъ сна за картами, а исподволь, чтобъ послѣ спать на босу ногу. И не ложиться тамъ отъ этого сна, матушка!.. Размышлялъ я входа въ лонь для профессающихъ.

.. — Что это у васъ, у сосѣда?.. спросилъ я стационнаго смотрителя, старичка съ добродушнѣйшей эмзиономіей и маленькими подслѣповатыми глазками.

.. — Петръ Миранычъ (исправникъ) башкетъ даюгъ: знакомыхъ у себя угощаютъ.

.. — Что, онъ имляинникъ, чтоли?

.. — Нѣтъ-съ, такъ-съ... — и онъ засмѣялся самымъ добродушнымъ смѣхомъ.

Утомленная голова моя склонилась на спинку дивана и страшныя грезы, туманныя, какъ осеннее предвѣріе, чудовищныя какъ очертаніе облаковъ, быстро разсѣяныхъ бурей и быстро несущихся во небо, закружились вокругъ него.

Страшный кошмаръ душилъ меня.

.. Разныя разоранченныя господа и дамы рѣбать и прыгаютъ въ глазахъ, и выглядываютъ мѣтъ богатыхъ платьевъ то длиндыя, волчьи морды, блестя своими огненными глазами вѣ-

шелквивая бѣлыми какъ слоновою костью зубами; то уставится глупая, баранья рожа, — мутные глаза неподвижно устремлены на меня, большіе, бессмысленные; страшны мнѣ эти глаза: точно смотришь въ пустую, бездонную пропасть. Замелькали бычачьи, свиные, лошадиныя головы; сколько тупоумія, чванства, самоувѣренности въ ихъ животномъ взглядѣ, и все это блеститъ, и все это прыгаетъ, скачетъ передо мной, дразнить языкомъ, грозить кулаками, кричить, пищать, визжать, а въ ухахъ рѣзко стучитъ барабанъ. Что онъ стучитъ, — не разберешь, но грудь надрывается отъ этого боя и голова идетъ кругомъ, а въ воздухѣ рѣютъ какія-то злобщія птицы, длинныя какъ пьвки, съ такими же голенами, изъ которыхъ выглядываютъ тонкія какъ игла жала и пронзительно смотрятъ ихъ маленькіе, желтоватые глаза; перепончатыя крылья, какъ у летучей мыши, трещатъ и звенятъ въ воздухѣ. Вдругъ пронзительный, нечеловѣческій крикъ заставляетъ меня вздрогнуть, вскрикнуть, и чудовищные образы распадаются; а яду по необозримой синьинѣ равнинѣ въ почтовой кибиткѣ. Тяжелыя облака хмуро смотрятъ съ слезливаго неба. Порывистый вѣтеръ свищетъ въ дыры рогожной обшивки. На дальнемъ горизонтѣ синѣются приподнятыя очертанія длинной цѣпи горъ; заморенныя лошадики але передвигаютъ ноги, скользя неведкованными копытами по оледенѣвшимъ колеямъ дороги; колокольчикъ то замолчитъ, то звякнетъ такъ тоскливо, что тоска возьметъ за сердце.

— Пожалуйте, ваше благородіе, лошадики готовы; въ путь-дорожку! раздался надъ моимъ ухомъ знакомый голосъ, станціоннаго смотрителя. (1)

С. ФЕДОРОВЪ

(1) Авторъ прислалъ намъ для печати одну первую часть своего романа. Такъ-какъ она составляетъ совершенно отдѣльный эпизодъ и имѣетъ свой, вполне-законченный интересъ, то мы печатаемъ ее, не дожидаясь продолженія, тѣмъ-болѣе, что намъ неизвѣстно положительно, когда мы будемъ имѣть его въ рукахъ. Когда получимъ его, то новымъ подписчикамъ нашимъ мы представимъ эту первую часть въ приложеніи, если окажется въ этомъ надобность, т. е. если продолженіе не будетъ само по себѣ составлять совершенно цѣльнаго эпизода.

Ред.

ЖИТЕЙСКІЯ СЦЕНЫ

КОМАНДИРЕНА

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ СУРКОВЪ, майоръ, командиръ линейнаго батальона. Лѣтъ подъ-пятьдесятъ, человекъ добрый, недальновидный, къ женѣ питаетъ почтительное чувство, на томъ основаніи, что она образованная, т.-е. хорошо говорить по-французски.

НАТАЛЬЯ МИХАЙЛОВНА, жена его, лѣтъ подъ-тридцать, belle-femme, съ земнымъ взглядомъ и вообще възерерой склонностью къ сентиментальности.

СЕМЕНЪ ИЛЬИЧЪ НЕВЗОРОВЪ, поручикъ, батальонный адъютантъ. Имѣетъ претензію на свѣтскость.

ПОДПОРУЧИКЪ КОНОПЛИНЪ, субалтернъ-офицеръ. Пустой, но добрый малый; кутила.

ПРАПОРЩИКЪ ВАСИЛЬКОВЪ, скромный, застѣливый юноша, хорошенькій, влюбчивъ, не пьетъ и не куритъ. Вырочкомъ себя-на-умѣ.

БАРБАРА, горничная майорши. Красивая, развязная дѣвка.

Деньщикъ Василькова.

Вѣстовой майорскій.

Дѣйствіе въ уѣздномъ городѣ.

I

(У Коноплина и Василькова. Холостая квартира въ нижнемъ этажѣ. По одну сторону кровать Василькова, около нея маленькій столикъ, на столикѣ карманные часы въ какой-то готической башенкѣ, подсвѣчникъ съ стеариновой свѣчкой, и раскрытый номеръ русскаго журнала. По другую сторону диванъ обитый клеенной, съ валиками по бокамъ. Подлѣ дивана, вмѣсто столика стулъ, къ которому прислоненъ длинный чубукъ въ бисерномъ чехлѣ. На стулѣ ящикъ изъ подъ сардинокъ, служащій для трубочной золы. Въ простѣнкѣ между окнами столъ покрытый толстымъ сукномъ. На немъ бутылка лисабонскаго, колитюфъ съ водкой, рюмка и тарелки съ наръзанными кусочками колбасы. Васильковъ лежитъ на кровати, на спицѣ, заложивъ себѣ руки подъ голову. Коноплинъ въ томъ же положеніи на диванѣ. Въ растворенную дверь видѣнъ деньщикъ, который сидитъ на заважкѣ и чинитъ свои доспѣхи. Онъ въ синей ситцевой рубашкѣ и въ панталонахъ на одной подтяжкѣ. Коноплинъ въ халатѣ, въ ермолкѣ и туфляхъ. Васильковъ въ растегнутомъ сюртукѣ, безъ заполей и безъ галстука; на немъ очень бѣлая и очень тонкая рубашка).

Коноплинъ (*выводитъ баритономъ: Въдѣ пляшущъ море по кольна!*) Хватить развѣ еще рюмочку. Никакъ опохмѣлиться не могу. Такъ ломаетъ всего со вчерашняго дня, что просто ужасъ. И въ головѣ шумъ какой-то. Скверно-скверно-скверно. (*Подымается, злѣвается и потливается, потомъ идетъ къ столу и паливаетъ рюмку водки.*) Счастливецъ ты Володька, что не употребляешь крѣпкихъ напитковъ. А славную про тебя пѣсенку вчера Кривоносовъ сложилъ: (*поѣтъ*)

Есть о-нцеръ молоденькой,
Зовутъ его Володенькой,
Не курить и не пьеть!..

Володька! а Володька? Ты что, спишь или мечтаніямъ предаешься?

Васильковъ (*недовольный*). Что тебѣ нужно?

Кн. X. — Отд. I.

Коноплянѣ. Нужно чтобъ ты разговоромъ меня занималъ. Мнѣ скучно. Понимаешь ты это?

Васильковъ. А ты займись чѣмъ-нибудь. Это лучше будетъ. Я не обязанъ болтать когда тебѣ захочется.

Коноплянѣ. У! Да я вижу ты нынче злощій. Что съ тобой приключилось? Въ карты ты не играешь, — значить проигратъся не могъ. Или опять любвишка какая засѣла? а? Ахъ ты Сердечкинѣ. Ты съ меня примѣръ бери. Я никогда о бабахъ не сокрушаюсь... потому — не стоятъ они этого. На счетъ клубнички — это другое дѣло. Это можно. Одинъ мудрецъ, не помню только какой, нѣмецкій ли, или персидскій, сказалъ: срывай цвѣты наслажденья! Вотъ это былъ умный мудрецъ. Понималъ, значить, всю суть, въ чемъ она состоитъ. Срывай, да и баста. А ты ничего не срываешь, только все стоишь. Ну говори — кайся. Въ кого вто-рился?

Васильковъ. Ахъ, отвяжись!

Коноплянѣ. Нечего — отвяжись. Кайся говорю, не-то заще-кочу. *(Садится къ нему на кровать.)*

Васильковъ. Если ты будешь ко мнѣ приставать, я ейбогу отъ тебя съѣду.

Коноплянѣ. Не съѣдешь, потомучто подло будетъ. Я твой другъ. Ну рассказывай Володька — кто тебѣ сердце пронзилъ. Я можетъ помогу какъ-нибудь.

Васильковъ. Да никто не пронзилъ! Съ чего ты взялъ, ейбогу.

Коноплянѣ. Такъ отчего же ты цѣлые дни на спинѣ лежишь и вздыхаешь. Вонъ и книжка у тебя все на одной страницѣ открыта. Я нарочно замѣтилъ. Денегъ нѣтъ чтоли? Я могу тебѣ одолжить до новой трети. Я вчера Невзорова таки облупилъ порядкомъ. Зна-чить кутимъ!

Васильковъ. Спасибо Ваня. Денегъ не надо. Не то совсѣмъ.

Коноплянѣ. Ну такъ чтоже.

Васильковъ. А то, что мнѣ вчера въ канцеляріи сказали, что меня въ деревню усылаютъ... Рубцовъ оттуда просится, захворалъ. Да его и такъ смѣнить пора. Онъ ужъ сколько времени при слабой командѣ. Не весело брать.

Коноплянѣ *(шолкнувъ языкомъ.)* Тцъ! Э! Это дѣйствительно не того... Да зачѣмъ же «тебя» непременно. Сидоренко самъ туда просится. Онъ радъ-радещенекъ, хоть на край свѣта уйти, только бы его отъ ученья да отъ карауловъ избавили.

Васильковъ. Ну вотъ пойдѣ жъ ты! Все Невзоровъ. Онъ меня терпѣть не можетъ. И майору на меня кляузничаетъ. Намедни, какъ прѣѣхалъ майоръ на ученѣе, такъ прямо на меня и накинулся. А за что? Все его штуки. Я знаю.

Конопляннъ. Надо его съ адъютантства и казначейства долой спихнуть. Не понимаю какъ это наши офицеры его терпятъ. Всѣ жалуются, а начнутъ выбирать, — глядишь опять Невзоровъ остался.

Васильковъ. Выбирать! Да какой же это выборъ? Майоръ скажетъ: я думаю господа, что поручикъ Невзоровъ вполне благонадежный офицеръ; и пришлетъ выборный листъ подписать. Вотъ тебѣ и дѣлу конецъ.

Конопляннъ. Это такъ, это такъ. Да знаешь что Володька — сунь ему подлецу въ зубы четвертную.

Васильковъ. Какже возьметъ онъ съ меня. Съ другихъ я знаю беретъ безъ зазрѣнія. А на меня еще чего-добраго жаловатѣя къ майору пойдетъ... Подкупаетъ скажутъ; оскорбленіе чести наносить.

Конопляннъ. За что онъ тебя прижимаетъ скажи ты мнѣ?

Васильковъ. На это причины есть... Ужъ я знаю.

Конопляннъ. Видно одну тропиночку съ нимъ куда-нибудь проторили? (*хохочетъ.*) Надо полагать ты у него клубничку отбилъ? а? Или смиренница!..

Васильковъ (*краснѣетъ.*) Отбить не отбилъ... а...

Конопляннъ. А — что? Поползновеніе имѣешь? Ну скажи Володькѣ: кто эта особа?..

Васильковъ. Да зачѣмъ тебѣ. Ну, что за любопытство бабѣ...

Конопляннъ. И вовсе не любопытство... а изъ участія къ тебѣ. Я тебѣ советъ подать могу, — вѣдь я, братъ, по этой части дока! Ты еще не знаешь меня хорошенько каковъ я есть.

Васильковъ. Тутъ братъ ты ровно ничего не можешь.

Конопляннъ. Ой-ли? Развѣ добродѣтельная? Чтожъ я и на счетъ добродѣтельныхъ тоже.. Могу наставить... Право могу... Ты думаешь у меня никогда благородныхъ интрижекъ не было?... Были, душенька, ейбогу были. Всякія были.

Васильковъ. Да нѣтъ, это все не то... Вотъ ты лучше придумавай какъ отъ деревни отдѣлаться.

Конопляннъ. Чтожъ, и объ этомъ подумаемъ... Дай сперва вы-

пить (маленькая листочкомато, взглянув въ окно видитъ на улицѣ Варвару, оставляетъ рюмку и стучитъ въ оконное стекло.) Варвара! Варюха! Не слышитъ бестія (стучитъ сильнее.) Услыхала! Идетъ! Славная эта Варька: люблю ее! Весельчакъ дѣжка... Ну, и собой тоже мое почтенье, есть на что поглазѣть.

Тѣже и ВАРВАРА.

(Варвара въ бурнусѣ, большой платокъ на головѣ.)

Коноплянъ (идетъ къ ней на встрѣчу и заключаетъ ее въ объятія.) Варюха! здорово! протягивай свой мордафонъ (цѣлуетъ ее) Гдѣ была шельма?

Варвара (смѣясь.) Гдѣ была тамъ ужъ нѣтъ. И какъ это они меня увидали, ейбогу. Нарочно по той сторонѣ пошла, думаю авось не примѣтятъ. Проказники!

Коноплянъ. Зачѣмъ же ты хотѣла мимо продрать? а? Развѣ такъ съ хорошими пріятелями поступаютъ? Видно ужъ завела кого-нибудь на сторонкѣ? Винись змѣенышъ!

Варвара. Ну да, какже! Завела!.. Ужъ кабы завела тамъ не оглянулася бы, стучи не стучи въ окошко-то... А слышное дѣло было, такъ и торопилась. Барыня къ портникѣ посыдала, за платьемъ за новымъ.

Коноплянъ. Ну ее, барыню! подождетъ. Вѣдь не нынче ей платье-то надѣвать.

Варвара. Такъ чтожъ что не нынче. А ну какъ не хорошо сидитъ, значить перешивать его надобно будетъ; къ завтрашнему-то вечеру пожалуй и не поспѣетъ, коли съ вами тутъ проводаняться.

Васильковъ. А куда же это барыня завтра вечеромъ идетъ, Варенька?

Варвара. А вамъ на что? Много будете знать, — скоро соседаритесь...

Васильковъ. Душечка Варя, скажи пожалуста.

Варвара. «Душечка!» Скажите пожалуста какія нѣжности вдругъ припали! а то такъ сидитъ себѣ волкомъ, словечка отъ него не добьешься...

Коноплянъ. Онъ въ огорченіи находится, Варя, ты не обижай у меня его.

Варвара. Въ какомъ такомъ оторченіи... Ази Наталья Михайловна не тѣмъ глазкомъ взглянуть изволила...

Васильковъ (*вспыхнувъ*.) Чтѣ ты врешь глупости...

Варвара (*хохочетъ*.) Посмотрите-ка, посмотрите, ишь зардѣла! точно вишенка володимерская... Вѣдь какой хорошенькій постреленокъ!

Конопляннѣ. Э-э братъ! Такъ вотъ ты куда махнулъ! На счетъ командирши прохаживаешься!

Варвара. А вы и не знали?.. Мы ужъ давно ээтимъ дѣломъ-то занимаемся...

Васильковъ (*Конопляну*.) А ты и вѣришь, мало ли она тутъ чего наскажеть...

Варвара. Тю, тю, тю! Сдѣлайте ваше одолженіе! Ужь кого другого морочте, а не меня... Сама, своими глазами видѣла какъ въ саду-то ручку у ней цѣловали...

Конопляннѣ. Вонъ какъ ужъ и до ручекъ дошло! Ахъ ты скрытная душа... хотъ бы заикнулся...

Варвара. Да больно ужъ робокъ, какъ я на него посмотрю. Она съ нимъ и такъ и сякъ, а онъ все только вздыхаетъ сердешный. И румяный, румяный сдѣлается, какъ поговорить съ ней, словно изъ бани вышелъ.

Васильковъ (*сквозь слезы*.) Полно тебѣ врать Варвара! Это просто чортъ знаетъ что такое...

Варвара. Матушки! Да никакъ онъ плакать собирается... Дайка я его потормошу, — авось разсмѣется, (*подходить къ нему и щекочить его*) что, ревнивъ видно?

Васильковъ (*смѣется*.) Отстань!..

Варвара. Ревнивъ, ревнивъ!.. И къ кому ревнуетъ-то — знаю.

Конопляннѣ. Ну? неужто соперникъ есть?

Варвара. Есть, да его бояться нечего. Вы только посмѣйтесь дѣйствуйте Володимиръ Андреичъ. Ужь я вамъ говорю, что васъ на него не смѣняютъ.

Васильковъ (*вскакивая*.) Въ самомъ дѣлѣ — Варя? Ты какъ знаешь?

Варвара. Ишь, ишь... глазенки-то такъ и горять... Видно ужъ больно Наталья-то Михайловна намъ понравилась.

Васильковъ. Такъ ты говоришь Варя, что она имъ не интересуется? Да тебѣ вѣрить-то можно ли?

Варвара. Хотите вѣрьте — хотите нѣтъ. Мнѣ что.

Васильковъ. Ну; ну, ахъ, ты не сердись такъ...

Варвара. Ну, а коли взрите, такъ я вамъ вотъ-что скажу: она просто по васъ съума сходить!.. Вторилась, одно слово. Вы хоть ко маху не дайте...

Васильковъ (*обнимаетъ Варвару*). Варя... милочка... какая ты славная!.. Вотъ такъ спасибо.

Варвара. Охъ! вѣдъ какъ жаль-то; батюшки!.. Ужъ онъ думаетъ, что Наталья Михайловна ему попалась. Да пустите! Ну васъ тутъ! Растрепалъ всю.

Коноплицъ. Давай помѣняемся Володька! Я тебѣ мою, а ты мнѣ свою... Варюшка, вѣдъ ты не прочь?

Варвара. Ещебы!.. вишь онъ какой милашка!

Коноплицъ (*замыливается на нее*). Убью!

Варвара. Не убьешь, — пожалѣешь!

Васильковъ. Ахъ! Варя... Сослужи службу... вѣкъ благодаренъ буду...

Варвара. Какую? Поговорить чтоли барынь? Извольте; — ато все въ нашихъ рукахъ. Наталья Михайловна барыня не сдѣлавая. Мы съ ней часто объ молодыхъ кавалерахъ разговариваемъ. Да и то сказать, кому ей голубушкѣ и объяснить свои чувства? Все одна да одна. Только со мной и отведетъ душеньку.

Васильковъ (*шепчетъ ей на ухо*). Вотъ что Варенька... Передай ты ей письмецо...

Варвара. Можно.

Коноплицъ. Что вы тамъ шепчетесь?..

Варвара. Ужъ про-то мы знаемъ! У насъ свои секреты. А вамъ до насъ дѣла нѣтъ.

Коноплицъ. Ты смотри Володька... За двумя зайцами не радуймай гоняться... (*Подходитъ къ нимъ, Варвара отстраняетъ его рукой*).

Варвара. Же-ву-при; нельзя ли подальше... (*Василькову*). Готова чтоли цидулка-то?

Васильковъ (*вынимая изъ бокового кармана*). Ужъ я цѣлую недѣлю въ карманѣ ношу... Только ты смотри — майору не попадись...

Варвара. Ужъ пожалуста! Кого другого учите не насъ. Знаемъ мы всѣ эти фигуры-то.

Васильковъ. И отвѣтъ принесешь?

Варвара. Отъего не принести, коли будетъ. Только сумѣ-

ваюсь я на этотъ счетъ... Дѣшать-то она не любитъ. Осторожна. Не ровень часть..

Конопляинъ. Ну скоро ли вы тамъ кончите?

Васильковъ. Кончили.

Варвара. Ну — пора мнѣ домой.

Конопляинъ. Сиди знай; не пущу.

Варвара. Нѣтъ голубчикъ, Иванъ Петровичъ, нельзя, ей же богу нельзя. Въ другой разъ — пожалуй; отчего не провести время. А теперь я и то замѣшкалась.

Конопляинъ. Ну когда же ты придешь?..

Варвара. Да не знаю право. Вотъ развѣ завтра, барыня на вечеръ поѣдетъ... я и отпрошусь.

Васильковъ. А ты такъ и не сказала куда она ѣдетъ?

Варвара. Ну ужъ такъ и быть скажу: къ помѣщикамъ къ этой вотъ, что по дѣламъ хлопотать прѣѣхали.

Васильковъ. Къ Утлоговой?.. Экъ досадно! не знакомъ я съ ней!.. Вотъ Невзоровъ, такъ тотъ ужъ чай непременно познакомился. Ужъ какже... ему нельзя... адъютантъ!

Варвара (*смѣется*). А вы попросите его: онъ васъ съ собой возьметъ!

Конопляинъ. Такъ вотъ, братъ, онъ тебя за что въ деревню-то выпроваживаетъ! Онъ тоже къ майоршѣ подлѣзаетъ.

Варвара. Неужели и взаправду васъ въ деревню угнать хотятъ?

Васильковъ. Хотятъ, Варенька... Ужъ и бумага написана. Только майору подписать осталось.

Варвара. Ну нѣтъ; ужъ мы эдакого красавчика не выпустимъ. Да Наталья Михайловна безъ васъ просто съ тоски пропадетъ.

Конопляинъ. Ты ей это скажи Варя; вотъ-молъ какія пакости адъютантъ дѣлаетъ.

Варвара. Безпремѣнно скажу... И что только этотъ майоръ въ него ввѣрился! Вотъ подумаешь, кого господь покарать захочетъ, такъ сперва разумъ отыметъ. Майоръ его замѣсто родного считаетъ, передъ всѣми офицерами отличаетъ, а того не видитъ, что онъ у него жену отбить хочетъ.

Конопляинъ. Вчера мнѣ сто рублей проигралъ, Кривоносову пятьдесятъ. А откуда взялъ? Я знаю что у него ни копѣйки не было. Еще я говорю Кривоносову: не отдастъ, братъ, онъ намъ до новой трети. Глядь-анъ сегодня вѣстовой летитъ съ конвертомъ.

Что, спрашиваю его, адъютантъ въ ящикъ ходилъ? ходилъ ваше благородіе. Ужь когда-нибудь и майоръ и всѣ за него поплатятся. Это вѣрно.

Васильковъ. Изъ-за него у Колотверникова роту отняли: тотъ майора при немъ говядиной красной назпалъ...

Варвара (*смѣясь*). А что, развѣ не правда?.. говядина — какъ есть говядина. Теперь хоть бы Наталью Михайловну взять, — ну за что она любить его будетъ?.. Ничего въ немъ нѣтъ благо-роднаго... Ахъ, ты господи! Опять я зарাপортовалась съ вами... Прощайте.

Коноплинъ. Да, ты поцѣлуй на прощаньѣ-то... (*Цѣлуетъ ее*).

Васильковъ. Ужь и меня Варя...

Варвара. Ну вотъ выдумали... А какъ Наталья Михайловна узнаетъ?..

Васильковъ. Ничего!.. мы съ тобой по пріятельски...

Варвара. Ну ужь такъ и быть... (*Поцѣловала его, про себя*): Вѣдь эдакая картинка писаная!.. Такъ бы вотъ до смерти и зацѣло-вала. (*Уходитъ*).

Васильковъ (*про себя*). Ну что-то будетъ!.. А какъ разсер-дится?.. Чтожъ: тогда въ деревню уйду... вотъ и все...

Коноплинъ. Какъ же ты, братъ, Володька, слабую-то команду примешь, чтоли? А вѣдь неприятно, чортъ побери; съ одной сто-роны цвѣты наслажденія, такъ-сказать... а съ другой, эта коман-да... деревушка грязная съ свиньями да телятами! Скверно, сквер-но, скверно. Больнымъ рапортуйся.

Васильковъ. Чтò проку?.. Доктора пришлютъ свидѣтельство-вать.

Коноплинъ. Ну чтожъ... Сигизмундъ Казимировичъ хорошій человекъ... Съ нимъ сладишь...

Васильковъ. Это такъ... да вѣдь не вѣкъ же хворать...

Коноплинъ. Ну хоть мѣсяцъ выиграешь... а тамъ что еще бу-детъ; можетъ-быть Невзоровъ всѣ деньги изъ ящика въ банчикъ спустить. Вотъ ему и капутъ.

ТѢЖЕ И НЕВЗОРОВЪ.

(Невзоровъ, рыжеватый господинъ. Одѣтъ щеголемъ. Чистыя перчатки; воротничкъ у сюртука узенькій; изъ-подъ галстука выпущены узенькіе воротнички; волосы припомажены и завиты; между третьей и четвертой пуговицей болтается золотая цѣпочка. Безпрестанно оправляется и взглядываетъ въ зеркало).

Коноплянъ (*про себя*). Вотъ нелегкая принесла.

Невзоровъ (*пристукивая шпорами*). Bonjour! Что подѣлываете хорошаго, господа! (*протягиваетъ два пальца сперва Конопляну потомъ Василькову*).

Коноплянъ. Ничего, такъ-себѣ... кой о чемъ болтали.

Невзоровъ. Да у васъ тутъ я вижу и жидкости разныя на столѣ.

Коноплянъ. Не хотите ли?

Невзоровъ. Нѣтъ, grand merci. Я водки не пью.

Коноплянъ. Ну, лисабону хватите.

Невзоровъ. Нѣтъ. Я нынче кромѣ лафита ничего не пью; вредно. Докторъ запретилъ.

Коноплянъ. Что это вы куда-нибудь на вечеръ собрались?

Невзоровъ. Майорша просила пріѣхать чай пить... Майоръ нынче въ клубѣ играетъ; такъ ей одной скучно. Хочу прочесть ей вслухъ «Корнета Отлетаева», князя Кугушева. Вы читали?

Коноплянъ. Нѣтъ.

Невзоровъ. Напрасно... Charmant... А прозор... Вы знаете мсье Васильковъ, что васъ майоръ приказалъ назначить въ деревню, на смѣну Рубцову; тамъ ужасно скучно. Вы запаситесь книгами. Я могу вамъ служить если хотите...

Васильковъ. У меня есть, покорно васъ благодарю...

Невзоровъ. Pas de quoi. Теперь есть, но можетъ-быть потомъ понадобятся, — вы вѣроятно останетесь тамъ довольно долго. Сдѣлайте милость обращайтесь ко мнѣ всегда sans cérémonie. Я буду очень счастливъ... Признаюсь вамъ, мнѣ чрезвычайно досадно, что выборъ майора палъ именно на васъ... Я всѣ усилія употреблялъ чтобы отговорить его.. Но вы знаете его характеръ... упрямъ какъ, какъ я не знаю что! Впрочемъ, soyez sûr, что при первой возможности мы пришлемъ вамъ смѣну. Но правдѣ сказать — теперь почти некого и назначить...

Васильковъ. Сидоренко кажется желалъ...

Невзоровъ. Ну да... c'est vrai; онъ желалъ... Я и говорилъ это майору... Но я не знаю онъ почему—то считаетъ Сидоренку неблагонадежнымъ офицеромъ, которому нельзя доверитъ команды... Онъ даже выразился на этотъ счетъ довольно рѣзко... Я съ этимъ конечно не согласенъ... Сидоренко хотя и любить иногда похутить, но онъ исправный офицеръ... Ну, а на васъ ужъ вполне можно положиться. Вы у насъ во всѣхъ отношеніяхъ служите примѣромъ... несмотря на ваши лѣта... Однако я заболтался... (*Выкидываетъ часы и смотритъ.*) Семь часовъ. Какъ разъ пора... Au revoir!.. Получили вы деньги, мсье Коноплицъ?

Коноплицъ. Получилъ—съ. Очень благодаренъ.

Невзоровъ. Прощайте... Ахъ да! Завтра утромъ застрѣльщикъе ученье, господа... Майоръ будетъ. (*Уходитъ.*)

КОНОПЛИЦЪ и ВАСИЛЬКОВЪ

Васильковъ. И все вретъ, все вретъ... Вонервыхъ майорша его совсѣмъ не звала, я увѣренъ... Вонторыхъ онъ самъ напѣлъ въ уши майору чтобы меня отправить... и еще разсыпается въ похвалахъ. Терпѣть не могу такихъ двуличныхъ господъ!

Коноплицъ. И какіе тоны задаетъ! Кромѣ лафиту ничего не пьетъ! Тогда какъ я знаю навѣрное, что дома сивуху тянетъ. А французскій—то діалектъ какъ подпускаетъ? Мерси, банжуръ — только вѣдь и знаетъ... ейбогу... Намедни у коробейника французскіе разговоры купилъ. Ну скажи намилость, зачѣмъ французскіе разговоры человѣку, который умѣетъ пофранцузски объясняться? Это онъ все нашему брату линейному пыль въ глаза пускаетъ. Нельзя! Изъ арміи перешолъ. А майоръ чай не налюбуется на эдакое сокровище. Вотъ дескать у насъ какіе служатъ... Нигдѣ показать не стыдно.

(Набиваетъ трубку и ложится на диванъ. Васильковъ тоже ложится на кровать и сначала беретъ за книгу, но потомъ оставляетъ ее и погружается въ задумчивость.)

II

(Господина майорши. Въ глубинѣ стеклянная дверь на терасу. Мягкая мебель, зеркала, фортепьяно. НАТАЛІЯ МИХАЙЛОВНА сидитъ въ большихъ креслахъ, закинувъ голову вазадъ. Передъ ней столикъ, на которомъ разбросана жемская работа и лежитъ какой-то французскій романъ).

Суркова (*вздыхая*). Ахъ, ахъ, ахъ! что это за скука въ этой глуши!.. Вотъ, подумаешь, участь женщины! Ее воспитываютъ, образуютъ, нѣжатъ... и потомъ чтоже? Выйдетъ замужъ и должна сдѣлать за мужемъ богъ-знаетъ куда, на край свѣта! Мужчинамъ ничего... У нихъ есть цѣль, занятія, служба. А мы бѣдныя, мы живемъ только сердцемъ, и если судьба заброситъ насъ въ такое мѣсто, къ такимъ людямъ, гдѣ насъ никто не можетъ понять... что намъ остается дѣлать? Томиться и ждать — какъ сказалъ кто-то... (*Молчаніе*.) Какое адъсь ужасное общество!.. сидятъ у себя съ свѣчками, и только при гостяхъ зажигаютъ стеариновые. Одѣваются уродами... что за куафюры допотопныя! И хоть бы кто-нибудь умѣлъ пофранцузски... Странно даже, такое невѣжество въ наше время! Правду говорила мнѣ княжна Тарарыкина, когда я передъ отъѣздомъ изъ Москвы пріѣхала съ ней проститься. Vous m'oungrez d'ennui cher ange! Ваша деликатная натура не вынесетъ провинціи!.. (*Молчаніе*.) Въдъ счастье же людямъ! Вотъ Marie Колнакова вышла замужъ за полкового командира; пишетъ мнѣ, что ихъ полкъ стоитъ въ Харьковѣ, — городъ прекрасный, общество образованное, балы, пикники... и между офицерами есть даже нѣсколько человекъ изъ гвардіи. А эти линейные! c'est une horreur! Одинъ Васильковъ... конечно онъ еще мальчикъ, но зато премиленькій... Мнѣ кажется его бы можно сформировать... сдѣлать изъ него: un jeune homme tout à fait comme il faut... Надо за него хорошенько приняться. Это будетъ даже доброе дѣло... а то эти товарищи пожалуй собьютъ его съ толку; научатъ пьянствовать... кутить. (*Помолчанью*.) Какъ онъ всегда нѣжно на меня смотритъ... а наемни, въ саду, какъ я ему протянула руку — даже осмѣлился поцѣловать ее... И самъ весь вслыхнулъ! Мнѣ нравится въ немъ эта стыдливость... А рыжій Невзоровъ кажется тоже неравнодушенъ ко мнѣ?.. Онъ не гауцъ... но фать и болтунъ и притомъ фізіономія его мнѣ не нравится. Въ

ней есть что-то кошачье. Я бы не рѣшилась ему довериться... (*Съ улыбкой.*) Faute de mieux, конечно и съ нимъ иногда кокетничашь!.. нельзя же... а то совсѣмъ разучишься быть любезной. Я помню, князь Тарарыкинъ всегда говорилъ: женщина безъ кокетства — это китайскій розанъ: красивъ но безъ аромату!.. (*Молчаніе.*) Что этотъ Васильковъ такъ рѣдко ходитъ?.. боится вѣрно... Il faut l'arrivoiser... Но странно... куда бы я ни поѣхала, — непременно встрѣчу его на дорогѣ. И въ церкви... онъ всегда становится такъ, чтобы можно было смотрѣть на меня... (*Встаетъ и подходит къ зеркалу.*) Мнѣ кажется я ужасно подурнѣла съ тѣхъ поръ какъ живу здѣсь. (*Поправляетъ волосы и вздыхаетъ.*) Красота! красота! Тебя нужно беречь, лелѣять!.. а для кого? когда нѣтъ существа, которое бы ты могла сдѣлать счастливымъ?.. (*Отходитъ отъ зеркала.*) Чтобы этому гадкому мальчишкѣ догадаться, придти сегодня... Alexandre въ клубъ... Скука!..

(Входитъ Варвара.)

Суркова. Ахъ, Варя! Ну что, принесла платье?

Варвара. Принесла-съ... угодно примѣрить!

Суркова. Не хочется что-то.. завтра утромъ примѣрю. Теперь, при свѣчкахъ и не увидишь хорошенько какъ сидитъ.

Варвара. Какъ вамъ угодно-съ! Чай прикажете готовить?

Суркова (*думая о другомъ*). Чай? Не рано ли? Впрочемъ пожалуй готовь.

(Варвара стоитъ на мѣстѣ и видимо хочетъ сказать что-то, но не рѣшается.)

Суркова. Тебѣ вѣрно со двора уйти хочется?

Варвара. Никакъ нѣтъ-съ (*мнетъ на мѣстѣ*).

Суркова (*смотря на нее пристально*). Ужъ что-нибудь да нужно... Я вижу?

Варвара (*улыбаясь*). Нужно-съ.

Суркова. Говори.

Варвара. Есть къ вамъ порученьеце, Настасья Михайловна, только вы не извольте сердиться.

Суркова. Что такое? какое порученьеце?

Варвара. Отъ Василькова, отъ Владиміра Андрѣича.

Суркова (*краснѣя и стараясь казаться серьезной*). Какое же можетъ-быть порученье отъ Василькова ко мнѣ?

Варвара (*молча подаетъ ей письмо*).

Суркова (*еще болѣе смущенная*). Письмо?

Варвара. Письмо-съ.

Суркова. Вѣрно просить о чемъ-нибудь.

Варвара (*равнодушно*). Должно-быть просить-съ. Его въ деревню угнать хотятъ.

Суркова (*быстро*). Въ деревню? зачѣмъ, кто?

Варвара. Адъютантъ-съ. Съ слабой командой. Ему бѣдненькому отъ адъютанта житья нѣтъ-съ.

Суркова. Но вѣдь онъ долженъ знать, что я въ служебныя дѣла не мѣшаюсь. Хорошо, я прочту... поди (*Варвара идетъ; Суркова клмчетъ ее*.) Варвара!

Варвара. Чего изволите-съ

Суркова. Гдѣ же ты его видѣла?

Варвара (*покраснѣвъ*). Онъ мнѣ на улицѣ попался-съ, у самой почтовой конторы... я иду мимо съ платьемъ-съ, а онъ оттуда выходитъ.

Суркова (*пристально посмотрѣвъ на нее, сомнительно качаетъ головой*). Не врешь ли ты?

Варвара. Ей-богу, сударыня; хоть сейчасъ провалиться на этомъ мѣстѣ!.. Ужъ какъ онъ меня просилъ-то...

Суркова. Ну... ну... хорошо, ступай.

(Варвара уходитъ).

Суркова (*одна*). Каково же это?.. Закабалить бѣднаго мальчика въ деревню! Да онъ тамъ пропадетъ совсѣмъ... Я почти увѣрена, что г. Невзоровъ преслѣдуетъ его изъ ревности, потому что на послѣднемъ вечерѣ у судьи я говорила съ нимъ больше, чѣмъ съ другими. Надо непременно упросить Alexandre! Посмотримъ-ка что онъ пишетъ (*смотритъ на адресъ*.) Какая рука, точно женская (*распечатываетъ и читаетъ; къ концу письма лицо ея оживаетъ, на губахъ появляется улыбка, въ глазахъ видна радость*.) Да это объясненіе! Никакой просьбы, никакого дѣла! Это онъ все только наговорилъ Варварѣ, чтобъ не навлечь подозрѣнія. Каковъ же? Откуда взялась смѣлость (*перечитываетъ нѣкоторыя мѣста*.) «Одно ваше слово можетъ сдѣлать меня безконечно счастливымъ или погубить навѣкъ. Я васъ люблю больше всего на свѣтѣ, больше самой жизни, люблю давно, но скорѣе умеръ бы, чѣмъ рѣшился высказать на словахъ мое чувство. Незнаю какъ и теперь достало у меня духу писать къ вамъ». Онъ очень мило пишетъ! и главное

видно, что искренно, qu'il a mis toute son âme là dedans. Ахъ боже мой! Но что, если его ушлютъ въ самомъ дѣлѣ? (*Ходить въ волненіи по комнатѣ. Варвара выглядываетъ въ дверь.*) Alexandre такъ упрямъ; ну ужъ нѣтъ! на этотъ разъ я не уступлю. Ужъ какъ они тамъ себя хотятъ (*слышенъ стукъ экипажа, подъѣзжающаго къ крыльцу.*) Кого еще принесло! какая тоска, изволь занимать здѣшнихъ уродовъ, когда въ головѣ совсѣмъ другое. Варвара! Варя! (*Варвара вбѣгаетъ.*) Кто-то подѣхалъ. Вели сказать, что я нездорова, не принимаю. (*Варвара бѣжитъ въ переднюю.*) Отвѣчать или не отвѣчать на его письмо? (*Подумавъ.*) Конечно нѣтъ. Вопервыхъ отвѣчать неблагоразумно... Вотвторыхъ, не худо его помучить: когда ихъ помучаешь, этихъ мушницъ, они больше дѣнять насъ. А какъ онъ да съ отчаянія вздумаетъ самъ проситься отсюда куда-нибудь.

(*Входитъ Варвара съ книгой.*)

Варвара. Адъютантъ былъ-съ. Вотъ книжку вамъ велѣлъ передать. Очень жалѣеть.

Суркова. Хорошо, положи. (*Варвара уходитъ.*) Не послать ли за нимъ теперь? Нѣтъ... это ужъ слишкомъ скоро. Подумаетъ, обрадовалась. А впрочемъ онъ вѣроятно будетъ такъ счастливъ, такъ счастливъ, что ему и въ голову не можетъ придти подобная мысль. Онъ не то, что другіе, онъ еще такъ наивенъ, такъ чистъ сердцемъ! Однакожъ все-таки его надо будетъ сначала распечь... надо показать видъ, что я разсердилась. Воображаю, какъ онъ сконфузится, раскраснѣется... Милочка! Варвара, Варвара!

(*Варвара входитъ.*)

Суркова. Варя, мнѣ бы нужно съ нимъ самимъ поговорить хорошенько о томъ, насчетъ чего онъ просить въ своемъ письмѣ... посоветоваться, какъ бы это лучше устроить, чтобъ его не услали.

Варвара. Чтожъ, сударыня. Прикажете только, онъ духомъ прибѣжить.

Суркова. Но какже это... посылать за нимъ? Барина дома нѣтъ. Могутъ богъ-знаетъ что сказать.

Варвара. Да ктоже скажетъ-то, сударыня? Никто этого и не узнаетъ.

Суркова. Вѣстовые эти... это все такой грубый, необтесанный народъ.

Барвара. Да зачѣмъ же посылать вѣстоваго. Я могу сходить.

Суркова. Развѣ ты сходишь... но вѣдь онъ живетъ не одинъ... его товарищъ пожалуй подумаетъ, что я ему какое-нибудь свиданіе назначаю.

Барвара. Ужъ я сударыня сдѣлаю такъ, что меня никто не увидитъ, вызову черезъ дельщика, да и все тутъ... коли подумаютъ что, такъ про меня... а развѣ на васъ можетъ кто думать. Васъ кажется довольно понимаютъ, какія вы есть. Да товарища чай теперь и дома-то нѣтъ; гдѣ-нибудь въ карты дуется. Я мигомъ слетаю...

Суркова. Ну хорошо... только пожалуста...

Барвара. Ужъ будьте спокойны-сь, не сумѣвайтесь. (*Пробл.*) Ахъ какъ обрадуется соколикъ-то ясный. Ужъ на платье стяну съ него за такую послугу. (*Уходитъ*).

Суркова (*садится въ кресло*). Зачѣмъ это я сдѣлала. Ну какъ узнаютъ? Въ этомъ проклятомъ городишкѣ ступить нельзя, чтобы за тобой не слѣдили. Здѣсь принимать кого-нибудь безъ мужа — преступленіе. Они не понимаютъ, эти дикари, какъ люди живутъ въ порядочномъ обществѣ. Боже мой, какъ бьется сердце!.. Не знаю почему мнѣ вдругъ сдѣлалось страшно; это даже смѣшно право, что я трушу мальчика, который никогда не смѣетъ самъ заговорить со мной (*молчаніе*.) А я чувствую, однакожъ, что могу привязаться къ этому мальчику всѣми силами души. О Alexandre! Зачѣмъ ты такой, зачѣмъ ты не можешь понять меня... (*Молчаніе*.) Загадаю въ книгѣ: будетъ ли онъ любить меня такъ, какъ я бы желала, чтобы меня любили. (*Раскрываетъ книгу, привезенную адъютантомъ: изъ нея выпадаетъ записка*.) Что это? Еще записка... Невзоровъ! прошу покорно! И какъ отъ нее несетъ патчули. Вотъ, mauvais genre, душиться патчули. (*Развертываетъ записку*.) Скажите! тоже открывать свои чувства вздумалъ. Самонадѣянность—то какая! Воображаетъ, что можетъ плѣнить, и кого же — меня? Ну еще положимъ для здѣшнихъ дамъ онъ годится; онъ ничего лучше не видѣли, такъ имъ и Невзоровъ въ диковину. А ужъ я—то кажется живя въ Москвѣ могла насмотрѣться на порядочныхъ молодыхъ людей. (*Читаетъ*.) И какъ это тяжело. Я думаю, это онъ просто изъ книги какой-нибудь выписалъ. Какое сравненіе съ тѣмъ!.. Можетъ-быть онъ тамъ бумаги дѣловыя хорошо сочинять умѣетъ, а ужъ о чувствахъ писать не мастеръ, нечего сказать. Надо показать ему, что я нетолько къ нему равнодушна, но даже

презираю его. (*Подумавъ.*) А вотъ мысль! Нельзя ли воспользо-ваться этой запиской и принудить его, чтобы онъ уговорилъ Alexandr'a не усylать Василькова въ деревню. Въ самомъ дѣлѣ, это было бы превосходно. Но я боюсь только, что онъ изъ ревности начнетъ что-нибудь нашоπτывать Alexandr'у... Отъ него все ста-нется. Надо обо всемъ этомъ подумать, взвѣснть все это.

(Вбѣгаетъ Варвара).

Варвара (*въ попыхахъ*). Наталья Михайловна, пришло! Прикажете его сюда привести.

Суркова (*волнуясь*). Ахъ боже мой, Варя... хорошо ли это... я право не знаю. Ужъ я раскаялась, что тебя послала.

Варвара. Да полноте, сударыня. Никто какъ есть не видалъ. Ни одна душа, на дворѣ темно. Да онъ и шолъ-то отъ меня подалъ, по другой сторонѣ. Ужъ примите его, обнадежьте... онъ со-всѣмъ измаялся, бѣдненькій.

Суркова. Ну введи его.

(Варвара исчезаетъ. Суркова подходитъ къ зеркалу и поправляетъ во-лосы; въ движеніяхъ ея замѣтно что-то лихорадочное. Она опускается въ кресло, потомъ вскакиваетъ и переставляетъ свѣчи со стола на роудъ; наконецъ опять садится. Лицо ея въ подумракѣ. Васильковъ вхо-дитъ и останавливается въ почтительномъ отдаленіи).

Суркова (*кивая ему головой*). Bonjour, prenez place!

(Васильковъ подходитъ и робко садится около Сур-ковой. Молчаніе).

Суркова. Я на васъ сердита.

Васильковъ. Наталья Михайловна...

Суркова. Это нехорошо, писать такія письма къ замужней жен-щинѣ...

Васильковъ (*застѣнчиво*). Простите меня, Наталья Михай-ловна... я право незнаю, какъ это случилось.

Суркова. Ну что, еслибы это письмо попало въ руки Alex-ander'у...

(Васильковъ молчитъ).

Суркова. Онъ могъ бы подумать, что я подала вамъ поводъ... вы могли навлечь на меня неприятности; это очень, очень опрометчиво съ вашей стороны.

Васильковъ. Я чувствую, Наталья Михайловна, что я поступилъ дурно .. простите меня.

Суркова. И вѣдь все это, что вы пишете... такъ... однѣ фразы, вздоръ...

Васильковъ (*горячася*). Клянусь вамъ, Наталья Михайловна, вѣсѣмъ для меня священнымъ, что я писалъ искренно... Я готовъ на все, чтобъ доказать вамъ, что я за васъ умереть готовъ!.. Вы можете презирать меня, отвергнуть, но не оскорбляйте меня вашимъ сомнѣніемъ.

Суркова. Ну положимъ даже, что вы чувствуете ко мнѣ нѣкоторую привязанность. Но не забудьте, что у меня есть обязанности.

Васильковъ. Наталья Михайловна, мнѣ довольно взгляда, одного ласковаго слова вашего, одной улыбки... только бы вы мнѣ позволили чаще васъ видѣть, быть подлѣ васъ... я ужь и тѣмъ буду счастливъ, вѣрьте мнѣ, Наталья Михайловна.

Суркова. Но если вы будете часто бывать у меня, начнутся толки, пересуды... вы знаете, какъ здѣсь любить сплетничать.

Васильковъ. Я умѣю владѣть собой, Наталья Михайловна; при другихъ я буду отъ васъ дальше, чѣмъ кто-нибудь... ни однимъ взглядомъ я не выкажу своихъ чувствъ. Наталья Михайловна! еслибъ вы только знали, какъ я давно... какъ я... (*слезы мѣшаютъ ему говорить*).

Суркова (*трокнутая*). Ну вотъ! какой вы ребенокъ!

Васильковъ (*вдругъ схватываетъ ея руку и крепко цѣлуетъ; она старается высвободить ее*). Не отнимайте у меня вашей руки, умоляю васъ... (*Опускается передъ ней на колѣни и плачетъ, прижавъ ея руку къ своему лицу*).

Суркова. Ну полно же, полно!.. Могутъ услышать люди (*оттираетъ ему слезы своимъ платкомъ*.) Пойдемте лучше въ садъ, вечеръ кажется очень хорошъ; воздухъ васъ освѣжить... (*Встаетъ и отворяетъ дверь на терасу*.) Посмотрите какъ тихо; ни одинъ листъ не шелохнется... пройдемтесь немножко по этой аллеѣ; дайте мнѣ вашу руку... (*Васильковъ подаетъ ей руку; они уходятъ*).

Варвара (*входя съ чаемъ, оглядывается*.) Ну, упорхнули! и чай забыли! До чая ли тутъ, разумѣется. Эхъ любовь! Видно ужь мнѣ за нихъ вышить. Все равно остынетъ, пока они прохладжаться тамъ будутъ, придется новаго наливать. Посидѣть на мягкихъ-то креслицахъ (*садится*.) Фу, какъ знатно! Чтò кабы да на мнѣ те-

перича офицеръ женился? А нешто не можетъ этого вваправду случиться? Какъ посмотрю я на этихъ на жонъ офицерскихъ, какія промежъ ихъ есть! просто и непохожи на барынь; ни одѣться онѣ не умѣютъ, ни разговору у нихъ никакого нѣту; такъ какія-то! А есть, что даже и бѣлье на себя самі стирають, ей-богу. Ну ужъ я бы кажется на ихъ мѣстѣ ни въ жисть бѣлья стирать не согласилась. Женись-ка на мнѣ офицеръ, да я всякой барыни носъ утру. Такого форсу задамъ! Шляпку бы это на себя надѣла, по бульвару бы пошла подъ ручку съ супругомъ; бонжуръ, кома ву портеву? Небось, наша сестра лицомъ въ грязь нигдѣ не ударить. А славно чай въ накладку пить, совсѣмъ не то, что въ прикуску (*сѣмлетъ одну чашку, принимается за другую.*) Надо полагать, что нашъ соколикъ свои дѣлашки обдѣлаетъ. Не угонять его въ деревню; что-то больно долго гуляютъ. Ужъ коли барыня захочетъ, разумѣется не угонять. Супротивъ женской хитрости ни одинъ мужчина какъ-есть не устоитъ. Это вѣрно. И почище майора бывали, да оставались съ носомъ. Никакъ идутъ! (*вскланиваетъ, быстро допиваетъ чай и беретъ подносъ съ чашками.*) Убираться поскорѣй. У нихъ небось и аетитъ къ чаю прошолъ, я такъ думаю (*уходитъ посплышко*).

(Входитъ Суркова и Васильковъ).

Суркова (*продолжая разговоръ*). Ужъ у меня есть средство заставить его, а какое, я пока не скажу... Ахъ, Вольдемаръ! еслибы васъ сдѣлали на мѣсто его, это было бы чудо какъ хорошо! Мы видѣлись бы каждый день, такъ вѣдь?

Васильковъ. По нѣскольку разъ въ день. Но этого не можетъ быть! Я не смѣю и вѣрить такому счастью.

Суркова. Вотъ увидите! Но только предупреждаю васъ, мужъ мой вспыльчивъ, взыскателенъ, съ нимъ надо умѣть ладить.

Васильковъ. Я вамъ ручаюсь, Наталья Михайловна, что онъ будетъ доволенъ мной. Я готовъ все снести, лишь бы только быть постоянно около васъ.

Суркова. Надо снискать его довѣріе, это первое. Отъ этого все зависить.

Васильковъ. Конечно-съ, я понимаю это очень хорошо.

Суркова (*улыбалась*). Помните тоже, что и я взыскательна, и даже еще взыскательнѣе мужа, еще капризнѣе! Я требую безусловной преданности и скромности.

Васильковъ. Я скорѣе умру, Наталья Михайловна, чѣмъ...

Суркова. Вѣрю, вѣрю. Въ вашей скромности я никогда не сомнѣвалась; но знаете? мнѣ кажется... вы должны быть очень непостоянны.

Васильковъ. Я непостояненъ? Испытайте меня, Наталья Михайловна. Сколько бы времени ни тянулось это испытаніе, я...

Суркова. Вы такъ молоды, васъ такъ легко увлечь! Въ ваши лѣта скоро влюбляются. Довольно, чтобъ какая-нибудь хорошенькая дѣвочка сдѣлала вамъ глазки.

Васильковъ (*печально*). Вы напрасно такъ думаете, Наталья Михайловна. Вы еще не знаете меня. Я видѣлъ много, очень много хорошихъ, но еще влюбленъ до сихъ поръ никогда не былъ.

Суркова. Будто?

Васильковъ. Клянусь вамъ.

Суркова (*задумчиво*). Незнаю и сама отчето это такъ, но всему что вы говорите, какъ-то невольно вѣрится.

Васильковъ (*тихо беретъ ее за руку*). Это значить, что мои слова искренны.

Суркова. Вы опасный человѣкъ, Вольдемаръ!

Васильковъ. Нѣтъ, кто истинно любить, тотъ неопасенъ. Опасны тѣ, у кого любовь только на языкѣ.

Суркова. Напримѣръ Невзоровъ?

Васильковъ. Пожалуй хоть и онъ.

Суркова. А вотъ я его не боюсь, а васъ боюсь.

Васильковъ. Зачѣмъ бояться? не бойтесь, — любите лучше (*цѣлуетъ ея руку*).

Суркова (*съ улыбкой глядитъ ему въ лицо, не отнимая руки*). Въ самомъ дѣлѣ?

Васильковъ. Развѣ Александръ Ивановичъ въ состояніи оцѣнить ваше сердце, вашъ умъ, понять васъ? онъ весь погруженъ въ службу да въ карты. Еслибъ онъ понималъ какое сокровище послалъ ему Богъ, такъ не сидѣлъ бы по цѣлымъ вечерамъ въ клубѣ. Ну скажите, развѣ я говорю неправду? развѣ онъ любитъ васъ такъ, какъ должнобы васъ любить, какъ вы заслуживаете того.

Суркова (*вздыхая, опускаетъ глаза книзу*). Да, это такъ, Вольдемаръ, и вы правы къ несчастью... Онъ не умѣлъ поддержать моей любви къ нему, онъ самъ виноватъ, что я больше не чувствую къ нему прежней привязанности.

Варвара (*вбѣжала*). Баринъ ѣдутъ-съ...

(Васильковъ и Суркова быстро вскакиваютъ съ мѣста.)

Суркова. Ступайте мосье Васильковъ, я поговорю о вашемъ дѣлѣ съ мужемъ и дамъ вамъ отвѣтъ. Варя проводи ихъ.

(Васильковъ, отвѣсивъ низкій поклонъ, уходитъ въ ту же дверь, откуда привела его Варвара.)

Варвара (*тихо Василькову въ дверяхъ*). Ну чтоже... на платье будетъ?..

(Толкаетъ его въ дверь смѣясь и закрывая ротъ рукой. Суркова садится за рояль и наигрываетъ: «скажите ей!»)

Сурковъ (*входитъ*). Здравствуй Наташа-матушка. (*Цѣлуетъ ее въ руку, потомъ въ губы*).

Суркова. Ты что-то сегодня рано?

Сурковъ. Да чего рано; всего двѣ пьетки сыграли. Пыхтѣвъ не былъ, захворалъ. Ужъ мы съ болваномъ играли. А я не люблю такъ. Вели-ка чайку сдѣлать, что-то захотѣлось.

(Суркова клочетъ Варвару.)

Варвара. Чего изволите-съ?

Суркова. Чаю барину.

Варвара. А вамъ не прикажете-съ?

Суркова. Пожалуй и я выпью. Я не пила еще.

(Варвара уходитъ.)

Сурковъ. Что такъ?

Суркова. Да такъ зачиталась, а потомъ играть сѣла.

Сурковъ. Видно книжка занимательная попалась?

Суркова (*слегка краснѣя*). Да, романъ одинъ французскій.

Сурковъ. А я вотъ, Наташа, романовъ этихъ не люблю совсѣмъ. Потому я знаю, что этого ничего не было. Выдумка одна. А вѣдь говорятъ этимъ сочинителямъ хорошія деньги платятъ. Вотъ у меня офицеръ одинъ былъ, какъ я еще третьимъ батальономъ командовалъ, Подстинъ, такъ онъ я помню, балъ въ дворянскомъ собраніи описалъ, и послалъ въ газету какую-то — чтожъ ты думаешь, — пятьдесятъ рублей ему послали. Ейбогу! А говорить, въ одинъ вечеръ написалъ. Пріѣхалъ, говорить, съ балу, да и написалъ. Да еще всю публику, отшлифовалъ. Какъ его потомъ ругали всѣ въ губерніи... просто мое почтеніе.

Суркова (*улыбаясь*). Чтожъ онъ и тебя описалъ?

Сурковъ. Ну вотъ еще выдумала! Меня! Я ему начальникъ былъ. Развѣ онъ смѣетъ. Да онъ позначительнѣе—то никого не тронулъ. А такъ знаешь, мелюзгу разную... чиновниковъ тамъ этихъ, барынь, учителей. Помѣщика тоже одного выставилъ; больно ужъ тотъ мазурку усердно отплясывалъ, такъ что штрипки у панталонъ лопнули. Онъ все это расписалъ, такъ что сейчасъ узнали. Это говорятъ Колотверниковъ! Нѣтъ! я лучше путешествія люблю. Или вотъ про походы тоже...

(Варвара приноситъ чай и уходитъ.)

Сурковъ (*мѣшая ложечкой въ стаканъ*). Ты какъ-будто не въ духѣ что-то? а?

Суркова. Нѣтъ, ничего.

Сурковъ. То-то. (*Помолчавъ*). Бригадный на той недѣлѣ будетъ.

Суркова. Опять эти смотри!.. Никого цѣлый день не увидишь! Ты приходишь домой сердитый, измученный.

Сурковъ. Что дѣлать, на то служба. Надо къ тому времени стерлядь хорошую припасти. Его превосходительство покушать любить. Боюсь, чтобы нашъ Степка чего не изнакоистилъ. Пьянствуетъ крѣпко, шельма. Я ужъ ему сказалъ вчера: сдѣлаешь хорошій обѣдъ — цѣлковый на водку; не сдѣлаешь — трепку, триста вѣплю.

Суркова. Фи, Alexandre!.. какъ тебѣ не стыдно.

Сурковъ. Это вѣдъ я такъ только, душа моя, пострацать его. Знаешь сама какой это народъ, безъ угрозы ничего съ нимъ не сдѣлаешь. Необразованный. Вотъ теперь грамотѣ ихъ обучать приказаніе вышло, такъ авось умнѣ будутъ. А впрочемъ, вотъ въ заграничныхъ земляхъ, всѣ до одного грамотные, говорятъ; а тоже безъ палки не обходится. Значить простой народъ ужъ вездѣ таковъ. Лѣность, нерадѣніе, въ крови у него полагать нужно. Вотъ тоже про негровъ я читалъ.

Суркова (*зѣваетъ*). Ты еще чаю хочешь?

Сурковъ. Нѣтъ, будетъ.

(Стучитъ ложечкой о стаканъ, опять входитъ Варвара и уноситъ подносъ.)

Сурковъ. Что ты мнѣ ни говори, Наташенька, а ты того... не

вдохъ что-то. Не изгадила ли портниха платье, что я тебѣ къ именинамъ выписалъ, а?

Суркова. Нѣтъ, я его еще и не примѣрала. Ты думаешь, Alexandre, что у меня другихъ заботъ, кромѣ какого-нибудь платья, и быть не можетъ.

Сурковъ. Нѣтъ, зачѣмъ же, душенька... Я совсѣмъ не думаю. Я знаю ты у меня образованная, чувствительная.

Суркова. Вотъ видишь, Alexandre, есть точно одна причина. Я не хотѣла тебѣ говорить ее, но ужь если ты замѣтилъ мое разстройство...

Сурковъ. Скажи, скажи Наташенька, что такое?

Суркова. Только ты долженъ дать мнѣ честное слово, что ты не будешь горячиться, не выйдешь изъ себя по обыкновенію.

Сурковъ. Гм! честное слово!.. какъ же это однако, Наташенька. Ну, а если это что-нибудь такое... ужь очень важное, я не могу поручиться за себя.

Суркова. Долженъ, иначе я тебѣ ничего не скажу.

Сурковъ. Ну, ну, хорошо. Только ты говори скорѣй.

Суркова. Даешь слово не подымать исторію.

Сурковъ. Ну, ну, даю.

Суркова. Слушай же, Alexandre! мнѣ грустно за тебя самого.

Сурковъ. За меня? какъ же это? что-то я въ толкъ не возьму.

Суркова. Да за тебя! Ты такъ довѣрчивъ, добръ съ людьми, которые этого не стоятъ, которые тебя обманываютъ.

Сурковъ. Обманываютъ? Кто же это такой меня обманываетъ?

Суркова. Твой Невзоровъ.

Сурковъ. Адъютантъ! Какъ? чѣмъ?

Суркова. Вонервыхъ, онъ проигрываетъ въ карты деньги, которые беретъ изъ ящика, когда ему угодно, а потомъ передъ повѣркой суммы вкидываетъ ихъ опять.

Сурковъ. Ктоже это тебѣ сказалъ?.. это я думаю вздоръ. Онъ человекъ солидный.

Суркова (*иронически*). Удивительно солидный!.. Но это еще не все... съ офицеровъ онъ беретъ взятки.

Сурковъ. Ну полно, какія взятки.

Суркова. А вотъ какія. Помнишь, когда ты хотѣлъ дать командировку въ Казань Дерюгину, — онъ тебѣ отсовѣтовалъ и уговорилъ послать Прутикова.

Сурковъ. Ну, помню, чтожъ?

Суркова. Онъ взялъ за это съ Прутикова лошадь, а тебѣ сказалъ, что купилъ ее Прутикову хотѣлось повидаться въ Казани съ родными.

Сурковъ (*крутитъ усы*). Гм... скверно! только это все не ошлетни-ли?..

Суркова. И когда составляетъ наградные списки, тоже беретъ съ офицеровъ.

Сурковъ. Но развѣ я, душенька, самъ не знаю, кто какой награды достоинъ.

Суркова. Ужь пожалуста ты меня не увѣрай. Ты очень часто подписываешь бумаги такъ, не читая... Иначе и нельзя, у тебя столько дѣла! Наконецъ если ты хочешь, чтобы я тебѣ вполнѣ открыла глаза на твоего возлюбленнаго Невзорова, такъ вотъ читай... онъ же имѣлъ смѣлость писать ко мнѣ любовное объясненіе! (*подаетъ ему записку Невзорова*).

Сурковъ (*опышавъ*). Что—о?

Суркова. Читай, читай.

Сурковъ (*прочитавъ записку, вскакиваетъ какъ ужаленный*). Да я его туда ушлю, куда Макаръ телятъ не гонялъ! Уничтожу! Съ лица земли сотру.

Суркова. Ты далъ мнѣ слово Alexandre.

Сурковъ (*ходить въ волненіи по комнатѣ*). Что тутъ слово!.. Какъ онъ осмѣлился только! къ начальницѣ къ своей... а! каково... Вѣдь это афронтъ, просто афронтъ...

Суркова (*возвышая голосъ*). Alexandre! опомнись пожалуста; ты не одинъ.

Сурковъ (*цѣлуетъ у ней руку*). Виновать, Наташенька. Ты на меня не сердись. Ты знаешь мой нравъ... особливо когда дѣло до тебя коснется... Да я скорѣй себя оскорбить позволю...

Суркова. Полно же, успокойся Alexandre, поговоримъ хладно; ровню, садись сюда, и обсуди все какъ слѣдуетъ.

(Сурковъ садится).

Суркова. Скажи, что ты намѣренъ сдѣлать?..

Сурковъ. Да что дѣлать! обругаю его прежде всего...

Суркова. Опять! послушай лучше моего совѣта.

Сурковъ. Говори, душенька, говори.

Суркова. Впервыхъ, надо смѣнить его съ адъютантства, найти

какой-нибудь предлогъ... всего лучше, сдѣлай повѣрку денегъ, и если тамъ окажется меньше чѣмъ нужно...

Сурковъ. Очень мнѣ нуженъ предлогъ. Да я его и такъ сейчасъ...

Суркова. Вспомни свое честное слово!.. я не хочу чтобъ онъ зналъ, что я тебѣ показала его записку, слышишь ли, Alexandre, я этого никакъ не хочу, иначе мы поссоримся, и ты отъ меня никогда ничего не узнаешь.

Сурковъ. Ну, ну, пожалуй.

Суркова. Предлогъ ты можешь легко найти... ты начальникъ... какая-нибудь неисправность, ошибка въ бумагахъ, мало ли къ чему можно придаться.

Сурковъ. Ужь объ этомъ не безпокойся, это все въ нашихъ рукахъ, найдемъ за что спровадить.

Суркова. Ну, а потомъ, потомъ Alexandre, я бы, признаюсь тебѣ, не желала видѣть его здѣсь. Послѣ этой записки онъ сдѣлался мнѣ противенъ. Нельзя ли его перевести въ другой батальонъ.

Сурковъ. Нынче же напишу объ этомъ въ дивизионный штабъ. Дудаковъ, старшій адъютантъ, мигомъ мнѣ это обдѣлаетъ... мы съ нимъ свои люди. Я недавно ему коверъ послалъ, у бухарцевъ на мѣновомъ дворѣ купилъ. Славный коверъ; онъ до нихъ охотникъ. А пока мы этого господина къ слабой командѣ въ Верзиловку отправимъ.

Суркова. Но туда ужъ вѣдь кто-то назначенъ... Сидоренко, кажется? или Сидоренко только просился?

Сурковъ. Васильковъ, да мы это отмѣнимъ... Я еще не давалъ предписанія.

Суркова. А кого же ты назначишь на мѣсто Невзорова?

Сурковъ. Объ этомъ надо подумать. Впрочемъ пускай офицеры сами выберутъ зимой... а до тѣхъ поръ кого-нибудь заставимъ исправлять должность.

Суркова. Мнѣ кажется Васильковъ хорошій мальчикъ. Онъ не играетъ въ карты, не пьетъ. Мнѣ бы очень жаль было, еслибъ его послали въ деревню. Со скуки онъ могъ бы избаловаться. Онъ еще такой молоденькій.

Сурковъ. Да это правда... Ну чтожъ, его такъ его. Только неопытенъ онъ еще. Иной разъ недосмотришь чего-нибудь — глядь а изъ штаба выговоръ... Вотъ ужъ Невзоровъ на это хорошъ былъ.

Суркова. Какъ-будто это такъ трудно привыкнуть. Васильковъ

такой старательный, усердный. И я увѣрена, что если ты его приласкаешь, онъ будетъ тебѣ вполнѣ преданъ. У такого молоденькаго, не испорченнаго мальчика, должно быть благодарное сердце.

Сурковъ. Это такъ, такъ... какая ты у меня умница, Наташенька, все это разсудишь, просто тебя бы батальоннымъ командиромъ сдѣлать.

Суркова (*встаетъ и подходитъ къ Суркову, треплетъ его по щеку*). А ужъ ты у меня такая горячка! совершенный порошок!

Сурковъ (*цѣлуетъ ея руку*). Однакожь мнѣ пора и на боковую?.. утро вечера мудренѣе... завтра чѣмъ-свѣтъ повѣрку суммы произведу; и ужъ если только хоть одной копѣйки не досчитаюсь, я съ нимъ такъ объяснюсь въ любви, что чудо!.. Вѣстовой!

(Входятъ вѣстовой).

Вѣги въ канцелярію, скажи чтобы повѣстили гг. офицеровъ, что я завтра требую ихъ къ себѣ, въ семь часовъ утра. Проворный, маршъ.

(Вѣстовой повернувшись налѣво-вкругомъ, уходитъ. Суркова беретъ свѣчку).

Ну прощай, Наташенька. Ты еще не скоро?.. читать будешь?

Суркова. Нѣтъ, мой другъ, я тоже сейчасъ иду. Варвара! дай мнѣ раздѣться.

Варвара (*входитъ съ ночной блузой на руку*). Ну что, Наталья Михайловна, не изволили просить барина?

Суркова (*раздѣваясь*). О чемъ?

Варвара. Да насчетъ того, чтобы Василькова—то не угоняли въ деревню.

Суркова. Ахъ да! Говорила, онъ общалъ, а тебя это очень интересуетъ?

Варвара. Да вѣдь ужъ больно сокрушается онъ, сударыня. Деньщикъ его сказывалъ, что не ѣсть, не пить ничего. Должно быть какую-нибудь зазнобушку сердечную жаль оставить.

Суркова (*бросаетъ на нее испытующій взглядъ*). Ты думаешь?

Варвара. Люди молодые—съ!.. Только ужъ скрытный такой—съ, что бѣда. И товарищи—то всѣ такъ его понимаютъ. Ничего, говорить, какъ отъ каменной стѣны, отъ него не вывѣдаешь.

Суркова. Удивляюсь я, какъ это ты все знаешь?

Варвара. Какъ не знать, сударыня, слухами земля полнится.

Суркова (*смѣясь*). А сознайся, Варвара, у тебя вѣрно есть тоже какой-нибудь предмет?

Варвара (*мокраемлем*). Что это вы, сударыня, какъ можно...

Суркова. Ты вѣдь хорошенькая, Варя, посмотришь въ зеркало.

Варвара. Ну ужъ есть чего смотрѣть.

Суркова (*вздохнувши и смотрясь въ зеркало*). Ты лучше меня, Варя.

Варвара. Полноте, барыня, что, это, Богъ съ вами! какъ это вамъ говорить—то не грѣшно. Да я вамъ и въ подметки не гожусь.

Суркова (*трогая ей пальцемъ*). Хитрая ты! (*Зѣваетъ*). Прощай, Варя, спать хочу. (*Уходитъ*).

Варвара. Спокойной ночи, пріятнаго сна—съ.

Варвара (*одна, смѣясь*). Хитрая! Ну ужъ не знаю, кто изъ насъ изъ двухъ хитрѣе будетъ? Вѣдь какъ она ловко къ майору—то подвѣхала! И записку адъютантскую показала... А небось не показала другую! Ну ужъ только господа эти! Можно ихъ чести приписать! Всякихъ фигуръ у нихъ наглядисься. Теперь я думаю, нашъ соколикъ—то ясный на одной ножкѣ скачетъ. Осчастливили мы его, голубчика! ха-ха-ха. (*Уходитъ*.)

(У Ковоплина и Василькова; деньщикъ убираетъ комнату. Мимо ономъ проходитъ майорскій вѣстовой.)

Деньщикъ (*высовывается въ окно и зоветъ его*). Архиповъ! Архиповъ! куда идешь?

Вѣстовой. Майорша за столаремъ посылала.

Деньщикъ. Зайди, братишка. Люльку покуришь.

Вѣстовой. Не время; наказывали скорѣй вернуться.

Деньщикъ. Ну вотъ не время! Заходи. Говорю тебѣ, люльку выкуришь — и съ Богомъ.

Вѣстовой. Ну ужъ такъ и быть.

(Входитъ; деньщикъ подаетъ ему коротенькую трубочку, садятся на стульяхъ).

Вѣстовой. Майоръ—то ужъ нынче лютъ больно.

Деньщикъ. Ой—ли? что такъ?

Вѣстовой. На казначея осерчалъ. Деньги повѣрять сталъ, да, слышь, рублевъ сто не досчитался. Ужъ онъ его, братецъ ты мой, пырять, пырять. Должно что смѣнить.

Деньщикъ. Ну?

Вѣстовой. Ейбогу такъ. Потому ужь больно золь.

Деньщикъ. Ишь, видно въ карты денежки-то продулъ.

Вѣстовой. Нешто картежникъ?

Деньщикъ. И-и! упаси Богъ! То-есть хлѣбомъ его теперича не корми, а только карты ему подай. Вотъ какъ.

Вѣстовой. Ишь ты! А небось намедни Скворцова съ Кузьменкой въ оврагѣ поймавъ, въ орлянку играли, такъ какую имъ баню задалъ.

Деньщикъ. Выпоролъ?

Вѣстовой. Розогъ двѣсти поди накладалъ.

Деньщикъ. Ктоже теперь, братецъ ты мой, казначейство приметъ.

Вѣстовой. Господа промежь себя толковали, что твой...

Деньщикъ. Володимеръ Ивановъ?

Вѣстовой. Онъ самый.

Деньщикъ (*самодовольно*). Важно! Значить и въ деревню насъ теперича не погонять.

Вѣстовой. Должно, что такъ... Ну братецъ ты мой, идти надо. Нѣтъ ли табачку съ горсточку, одолжи. Больно ужь у тебя табакъ-то хорошъ?

Деньщикъ. Извѣстно господскій, возьми пожалуй (*даетъ табакъ изъ офицерскаго кисета*.)

Вѣстовой. Спасибо. — Счастливо оставаться.

Деньщикъ. Съ богомъ. Никакъ господа идутъ.

(Входятъ Коноплинъ и Васильковъ.)

Коноплинъ (*бросая фуражку на столъ и растегивая куртку*.) Уфъ, жарко! Ну братъ Володька, надо съ тебя бутылку шампанскаго на радостяхъ.

Васильковъ. Можно! (*скидаетъ куртку и закуриваетъ папироску*.)

Коноплинъ. Вотъ братецъ неожиданный-то конфузъ! И кто это только майору шепнулъ? Досталось нашему молодцу на орѣхи, нечего сказать... Шуруповъ! (*Деньщикъ уходитъ*.) Поздравляй барина, адъютантскую должность принимаетъ.

Деньщикъ. Честь имѣю проздравить ваше благородіе. Значать въ деревню не поведемъ.

Коноплинъ. Значить!

Деньщикъ. А я ужъ и прачкѣ наказывалъ, чтобы бѣлье поскорѣй несла, барину молъ ѣхать нужно.

Коноплинъ. Теперь скажи, чтобъ Невзорову поскорѣй выстирала.

Деньщикъ. Неужели ему ваше благородіе въ деревню выпалило?

Коноплинъ. Ему!

(Входитъ Варвара.)

Варвара. Наше вамъ почтеніе. Съ радостью!

Коноплинъ (*бросаясь къ ней навстрѣчу.*) Ее ли не доставало! Ну, Володька разкошеливайся, посылай за шампанскимъ!

Васильковъ (*выкиная деньги.*) Бѣги Шуруповъ, да живѣй. Варя поди-ка сюда, поближе.

Коноплинъ. Опять секретничать. Ужъ вы до чего-нибудь до-секретничаетесь.

(Варвара подходитъ къ Василькову. Онъ суетъ ей что-то въ руку.)

Васильковъ. Это тебѣ Варя, за послугу.

Варвара. Благодарю покорно, Владиміръ Ивановичъ. А вѣдь лихо мы съ Натальей Михайловной дѣлишки-то обдѣляли. Теперь только не плошайте сами (*вслушь.*) Эхъ чай, адъютантъ нашъ теперь бѣсится!.. Не хочется ему сердешному въ деревню-то...

Деньщикъ (*приноситъ вино.*) Раскупорить прикажете — ваше благородіе.

Коноплинъ. Давай, — я самъ. Это мое дѣло. (*Раскупориваетъ, потому наликаетъ въ стаканы.*) За твое здоровье Володька!

Васильковъ. Спасибо. А ты чтожъ Варя.

Варвара. Нѣтъ. Я не стану, какъ можно.

Коноплинъ. Это что? Пей! Не то въ глотку вылью.

Варвара. Нѣтъ ейбогу, не буду.

Коноплинъ. Пей говорю.

Варвара. Да что это, право же... какъ вамъ не стыдно! Сохрани-богъ барыня услышитъ, что отъ меня виномъ пахнетъ.

Коноплинъ. Ну такъ чтожъ, пусть услышитъ. Пей говорю, не то я съ тобой не хочу и знаться, убирайся!

Васильковъ. Да что ты присталъ къ ней. Ну что тебѣ отъ того, что она выпьетъ.

Конопляннѣ. Какъ она смѣетъ супротивничать! Дисциплины не знаетъ.

Васильковъ. Ну отпей хоть немножко Варя.

Варвара (*беретъ стаканъ и отпиваетъ.*)

Конопляннѣ. Урра! Теперь знаешь Володька за кого надо выпить.

Васильковъ. За кого?

Конопляннѣ. За командиршу? Что? я думаю и ты не откажешься, даромъ что не пьющій?

Васильковъ. Не откажусь. Такъ ужъ и быть. Разъ куда не шло. (*Конопляннѣ наливаютъ, потомъ все пьютъ и кричатъ ура!*) Да здравствуетъ командирша!

Конопляннѣ (*поетъ хриплымъ басомъ*)

Будь командирша намъ вѣчно!
Мы тебя любимъ сердечно,
Наши зажгла ты сердца. Ура!

А. ПЛЕЩИНЪ

СОБОРЪ ПАРИЖСКОЙ БОГОМАТЕРИ

(NOTRE-DAME DE PARIS)

РОМАНЪ В. ГЮГО

КНИГА ТРЕТЬЯ (1)

I

СОБОРЪ

Конечно и теперь парижскій соборъ величественное и удивительное зданіе, но какъ бы хорошо оно ни сохранилось въ старости, нельзя удержаться отъ вздоха и негодованія при видѣ разрушеній, сдѣланныхъ постепенно людьми и временемъ безъ всякаго уваженія къ памяти Карла Великаго, заложившаго первый камень, и Филиппа-Августа окончившаго дѣло.

На ликѣ этого маститаго царя нашихъ соборовъ, — рядомъ съ каждой морщиной можно замѣтить рану. *Tempus edax, homo edacior*, что я охотно перевелъ бы такъ: время слѣпо, а человекъ глухъ.

Еслибы слѣдить за каждымъ шагомъ разрушенія, на долю времени пришлось бы немного; всего болѣе повинны люди, и притомъ люди искусства. Необходимо употребить здѣсь слово «люди искусства», потому что въ послѣдніе два вѣка слишкомъ уже многіе считали себя архитекторами.

Конечно немного найдется такихъ престестныхъ архитектурныхъ

---

(1) Время № 9.

памятниковъ, какъ напримѣръ этотъ фасадъ, являющій взгляду три стрѣльчатыхъ портала, цѣлую кружевную цѣпь изъ двадцати-восьми нишъ, огромную центральную звѣзду съ двумя окнами по сторонамъ, какъ священникъ съ двумя дяконами, высокую и легкую галерею сводовъ, поддерживающую на своихъ тонкихъ колонкахъ тяжелую платформу; наконецъ двѣ массивныя и черныя башни съ черепичными кровлями, гармоничныя части стройнаго цѣлаго, вытянутыя въ пять гигантскихъ этажей и бросающіяся въ глаза прямо, смѣло, со всеми безчисленными деталями скульптуры, статуй и рѣзбы, могущественно сливающимися съ спокойнымъ величьемъ общей массы. Это громадная каменная симфонія; колоссальное твореніе челоуѣка и цѣлаго народа, единое и сложное, какъ илліада или романцero, съ которыми оно имѣетъ кровную связь; могучее произведеніе совокупныхъ силъ эпохи, гдѣ въ каждомъ камнѣ является фантазія работника, усовершенствованная гениемъ артиста; твореніе такое разнообразное и могучее, что напоминаетъ созданія самаго божества и носить ихъ двойной характеръ: разнообразіе и вѣчность.

То, что сказано о фасадѣ, можно сказать и о цѣломъ храмѣ; а то что говорится о соборѣ парижской богородицы, можетъ быть применимо ко всемъ христіанскимъ церквамъ среднихъ вѣковъ. Въ этомъ искусствѣ, истекающемъ изъ самаго себя, все логично и пропорціонально. Измѣривши мизинецъ, можно имѣть понятіе о цѣломъ великанѣ.

Возвратимся къ фасадѣ собора, какимъ онъ является еще и теперь, когда любуешься серьезнымъ и величественнымъ храмомъ, уничтожающимъ зрителя, по словамъ его хроникеровъ: *quae mole sua terrorem incutit spectantibus.*

Теперь фасадѣ недостаетъ трехъ важныхъ вещей: во-первыхъ, одиннадцати ступеней, которыя возвышали его надъ землею; потомъ нижняго ряда статуй, занимавшихъ ниши трехъ порталовъ и верхняго ряда двадцати-восьми древнихъ французскихъ королей, украшавшихъ галерею перваго этажа отъ Гильдберта до Филиппа-Августа, державшихъ въ рукахъ «королевское яблоко».

Ступени уничтожило время, медленно возвышая уровень земли; но отнимая одну за другою одиннадцать ступеней, придававшихъ высоту церкви, время взамѣнъ дало фасадѣ ея тотъ темный, вѣковой колоритъ, который придаетъ красоту старымъ зданіямъ.

Но кто уничтожилъ два ряда статуй? Кто опустошилъ ниши?

Кто придвигалъ по самой срединѣ фасада эту новую, незаконную стрѣлку? Кто осмѣлился помѣстить рядомъ съ арабесками Бискарнета эту пошлую, тяжелую дверь, съ деревянной скульптурой во вкусъ Людовика XV? — Люди, архитектора, художники нашего времени.

А если войдемъ во внутренность храма, кто извергнулъ колюсальнаго св. Христофора, столько же извѣстнаго между статуями, какъ зала палаты юстиціи между торговцами, и страсбургская колокольня между всѣми колокольнями? А эти мириады статуй, населявшихъ церковь между алтаремъ и хорами, колѣноупреклоненныя, во весь ростъ, женщины, мужчины, дѣти, короли, архіепископы, — каменные, мраморные, золотые, даже восковые, кто вынесъ ихъ всѣхъ? Это ужъ не время.

А кто замѣнилъ старый готическій ковчегъ, наполненный вещами и святынями, этимъ тяжелымъ мраморнымъ саркофагомъ съ облаками и головами ангеловъ, напоминающими Валь-де-Грасъ или Инвалидовъ? Кто влѣпилъ этотъ тяжелый каменный анахронизмъ на карловингскія плиты Геркандуса? Не Людовикъ ли XIV, исполнявшій обѣтъ Людовика XIII.

А кто вставилъ простыя бѣлыя стекла вмѣсто цвѣтныхъ, на которыя такъ разбѣгались глаза нашихъ предковъ? А что сказали бы дьячки XVI вѣка, еслибъ увидѣли какой жолтой краской выпачкали наши вандалы-епископы свой прежній соборъ? Они припомнили бы, что жолтымъ цвѣтомъ красились отверженныя зданія въ ихъ время; вспомнили бы отель Petit Bourgou выпачканный жолтой краской за измѣну констабля, «такой прочной краской — говоритъ Соваль — что вѣка не могли заставить ее вылинять». Пожалуй имъ пришлось бы въ голову, что храмъ опозоренъ, и они бы разбѣжались.

А если мы взойдемъ на самую крышу, не останавливаясь на тысячѣ мелкихъ варварствъ, что сдѣлали съ этой прелестной маленькой колокольней, которая такъ же смѣло какъ и ея сосѣдъ шпиль святой часовни (тоже уничтоженный) устремлялась въ небо выше башенъ, стройная, острая, вся изъ рѣзьбы? Одинъ бойкій архитекторъ (1787) отпилалъ ее и думалъ, что для покрытія раны достаточно будетъ этого широкаго свинцоваго пластыря, похожато на крышку кострюли. Такъ поступали съ великолѣпнымъ средневѣковымъ искусствомъ во всѣхъ странахъ, особенно во Франціи. Соборъ подвергался тройкому нападенію: со стороны времени, которое мѣстами кое-что опрокинуло и наложило печать на всю его наруж-

ность; потому отъ революцій политическихъ и религіозныхъ, которыя въ своемъ слѣпомъ ожесточеніи кинулись на него, изодрали его богатую одежду изъ рѣзбы и скульптуры, перервали его ожерелья изъ арабесокъ, уничтожили его статуи: то за ихъ митры, то за ихъ короны; наконецъ отъ моды, становящейся все безсмысленнѣе и клонящейся къ упадку послѣ своеобычныхъ и роскошныхъ модуляцій возрожденія. Моды навредили еще болѣе революцій. Онѣ попали въ живое мѣсто, задѣли самый остова искусства; онѣ урвали, обезобразили, убили зданіе въ его формѣ и въ символахъ, въ его логикѣ и красотѣ. У нихъ была сверхъ-того претензія передѣлывать по своему, которой нѣтъ ни у времени, ни у революцій. Онѣ нагло введгли во имя современнаго вкуса на свѣжихъ ранахъ готическаго искусства свои эфемерныя созданія, свои мраморныя ленты, свои металлическіе уборы: цѣлую ватагу драпировокъ, гирляндъ, каменнаго пламени, бронзовыхъ облаковъ, толстыхъ амуровъ, шумныхъ херувимовъ, начавшихъ душить искусство въ молельнѣ Катерины Медичи и доковавшихъ его въ будуарѣ Дюбарри.

Итакъ, теперь готическая архитектура терпитъ тройную напасть: морщины и бородавки снаружи—это дѣло времени; насиліе, ломка—это дѣло революцій отъ Лютера до Мирабо; уничтоженіе, урѣзываніе, разрезненіе членовъ, *реставрація*—это работа профессоровъ греческо-римско-варварская. Это чудное искусство, порожденное вандалами, убито академіями. Къ вѣкамъ и революціямъ, которыя опустошаютъ по-крайней-мѣрѣ съ величіемъ и безпристрастно, присоединилась толпа патентованныхъ архитекторовъ, разрушающихъ безъ вкуса, замѣняющихъ готическія кружева голыми оборками Людовика XV, во славу Партенона. Это ослиный толчокъ копытомъ умирающему льву. Это старый, склоняющійся дубъ, который точатъ черви.

Какъ далеко теперь отъ того времени, когда Робертъ Сеналисъ, сравнивая соборъ богоматери съ знаменитымъ храмомъ Діаны Ефесской, такъ *почитаемымъ прежними язычниками*, храмомъ обезсмертившимъ Эрострата, находилъ соборъ галловъ *превосходливѣе его длиною, шириною, высотой и постройкой*.

Соборъ богоматери не можетъ впрочемъ считаться памятникомъ совершеннымъ, законченнымъ. Это уже не романская церковь, но еще и не вполне готическая. Это зданіе не есть тишь. Соборъ богоматери не имѣетъ, какъ аббатство Турну, серьезнаго и массивнаго склада, круглаго и широкаго свода, холоднаго отрицанія украшеній,

величественной простоты заданій, признающихъ господство полу-круга. Онъ не есть, какъ соборъ въ Буржѣ, роскошное произведе-ніе, легкое, равнообразное, густо-силетенное изъ стрѣлокъ. Невозможно причислить его къ этой семьѣ церквей темныхъ, таинствен-ныхъ, низкихъ и будто подавленныхъ полукругомъ, почти египет-скихъ, за исключеніемъ плафона; іероглифическихъ, символиче-скихъ, наобливающихъ въ украшеніяхъ зигзагами болѣе, чѣмъ цвѣ-тами; цвѣтами болѣе, чѣмъ животными; животными болѣе, чѣмъ людьми; скорѣе произведенія архитектора, чѣмъ архіерея; первое преобразование искусства, носящее слѣды теократической и военной дисциплины, начинающейся отъ восточной имперіи, и оканчиваю-щейся Вильгельмомъ-завоевателемъ. Невозможно помѣстить нашъ соборъ и въ другую семью церквей высокихъ, воздушныхъ, бога-тыхъ стеклами и скульптурой, церковей острой формы, смѣлой осан-ки; общинныхъ и буржуазныхъ, выражающихъ тогдашній политиче-скій символъ; свободныхъ, причудливыхъ, какъ произведеніе иску-ства, второе видоизмѣненіе архитектуры, ужъ не іероглифическое, напоминающее жрецовъ, а артистическое, прогрессивное, популяр-ное, начинающееся съ окончанія крестовыхъ походовъ до Людови-ка XI. Соборъ богородицы не чисто-романскаго происхожденія, какъ нервья церкви, и не чисто-арабскаго, какъ вторья.

Это переходное зданіе. Саксонскій архитекторъ оканчивалъ по-становку первыхъ столбовъ алтаря, когда стрѣльчатый сводъ, при-шедшій изъ крестовыхъ походовъ, предъявилъ свое право и возвы-сился надъ романскими капителями, заставляя ихъ признать полу-кругъ. Съ этой минуты стрѣльчатый сводъ преобладаетъ въ хра-мѣ. Робкій вначалѣ, онъ постепенно расширяется, суживается, сдерживается и еще не смѣетъ взбираться вверхъ стрѣлками и лан-цетами, какъ сдѣлалъ это позднѣе въ столькихъ чудесныхъ собо-рахъ.

Впрочемъ эти переходныя зданія изъ романскаго стиля въ готи-ческой также драгоценны для изученія, какъ и чистые типы. Они выражаютъ оттѣнокъ искусства, который безъ нихъ былъ бы поте-рянъ. Это прививка стрѣльчатаго свода на полукругъ.

Парижскій соборъ есть въ особенности рѣдкій образецъ этого вида. Каждая сторона, каждый камень маститаго памятника пред-ставляетъ страницу не только исторіи страны, но и исторіи науки и искусства.

Упомянемъ только о главныхъ деталяхъ: маленькая красная

дверь достигаетъ почти высшихъ предѣловъ готическаго изищества XV вѣка, между тѣмъ какъ колоны алтаря своимъ объемомъ и важностью подходятъ къ карловингскому аббатству *Saint Germain des Prés*. Можно подумать, что шесть вѣковъ лежатъ между этими колонами и этой дверью. Даже герметики находятъ въ символахъ главнаго портала удовлетворительное сокращеніе своей науки, полнѣйшимъ іероглифомъ которой была церковь *Saint Jacques de la Boucherie*. Итакъ, романское аббатство, философская церковь, искусство готическое, саксонское, тяжелый круглый сводъ, напоминающій Григорія VII, символизмъ герметиковъ, которымъ Николай Фламель предназначалъ Лютера, папское единство, расколъ, *Saint Germain des Prés*, *Jacques de la Boucherie*, все сплавлено, комбинировано въ соборѣ богоматери. Эта центральная, первоначальная церковь имѣетъ такъ сказать химерическій составъ: у ней голова одной церкви, члены другой, туловище третьей, но частицъ отъ всего встрѣчающагося въ прочихъ старыхъ церквяхъ Парижа.

Повторяемъ, эти помѣсныя постройки имѣютъ большой интересъ для художника, антикварія и историка. Онѣ даютъ почувствовать до какой степени архитектура — вещь примитивная, доказывая (что доказываютъ и циклонскіе остатки, египетскія пирамиды и гигантскія нагоды индусовъ), что самыя высокія произведенія архитектуры принадлежатъ не столько отдѣльнымъ личностямъ, сколько цѣлому обществу, что они скорѣе порожденіе труда цѣлаго народа, нежели проблескъ генія одного человѣка; это залогъ, оставляемый цѣлой націей; наносы, дѣлаемые вѣками; накопленіе постепенныхъ испареній людской мысли; однимъ словомъ, родъ формациі. Каждая волна времени кладетъ свой слой, каждая раса оставляетъ свою печать на зданіи, каждая личность закладываетъ камень. Такъ дѣлаютъ бобры, пчелы и люди. Великій символъ архитектуры Вавилонъ представляетъ обширный улей.

Большія зданія какъ и большія горы, — работа вѣковъ. Часто искусство измѣняется, а онѣ еще держатся: *pendent opera interrupta*, они мирно продолжаются, сообразуясь съ измѣненнымъ искусствомъ. Новое искусство беретъ зданіе въ томъ видѣ, въ какомъ его застало, кладетъ на него свою печать, подчиняетъ его себѣ, развиваетъ по своей фантазіи и заканчиваетъ, если можетъ. Дѣло совершается безъ шума, безъ усилій, безъ реакціи, по естественному и спокойному закону. Это принимающаяся прививка, разлитіе растительнаго сока, вновь оживающее растение.

Конечно много книгъ, иногда даже исторію всего человѣчества, можно написать объ этомъ постепенномъ водвореніи разныхъ искусствъ на разныхъ высотахъ одного и того же зданія. Человѣкъ, художникъ, личность стирается на этихъ большихъ массахъ безъ авторской подписи: въ нихъ резюмируется духъ человѣчества. Время архитекторъ, а народъ каменьщикъ.

Когда разсматриваешь европейско-христіанскую архитектуру, эту меньшую сестру большихъ каменныхъ зданій востока, она представляется глазу, какъ огромная формація, раздѣленная на три рѣзко отличающіяся полосы, лежащая одна надъ другою: полоса романская, полоса готическая, полоса возрожденія, которую бы мы охотно назвали греческо-римской.

Романскій слой, древнѣйшій и глубочайшій, весь занятъ полукругомъ, который возвращается, поддерживаемый греческой колонной въ новѣйшемъ, верхнемъ слоеъ возрожденія. Между обоими стоитъ стрѣлка. Зданія, исключительно принадлежащая одному изъ этихъ трехъ слоевъ, легко отличить по единству и полнотѣ. Таково аббатство Жюмьезъ, реймскій соборъ, церковь святаго креста въ Орлеанѣ. Но эти три слоя перемѣшиваются и соединяются по краямъ, какъ радужныя цвѣта въ свѣтовомъ лучѣ. Отсюда сложныя памятники, зданія переходныя и съ разными оттѣнками. Одно и то же романское снизу, готическое въ срединѣ, греко-римское сверху. Это потому, что его строили въ продолженіи шести-сотъ лѣтъ. Впрочемъ этотъ видъ рѣдко встрѣчается; образецъ его: башня въ замкѣ d'Etampes. Но памятники двухъ формацій встрѣчаются чаще. Таковъ соборъ парижской богородицы, стрѣлчатое зданіе, нисходящее первыми сводами въ тотъ романскій поясъ, куда погружены порталъ Saint-Denis и первая часть храма Saint-Germain des Prés. Такова прелестная капитульная зала въ Рошвилѣ, у которой романскій слой покрываетъ цѣлую половину. Таковъ руанскій соборъ, который былъ бы совсѣмъ готическій, еслибъ не погрузилъ конецъ своей центральной стрѣлки въ поясъ возрожденія.

Впрочемъ, всѣ эти оттѣнки и различія касаются только поверхности зданій. Это искусство подъ новой оболочкой. Самая суть христіанской церкви незатронута. Всюду то же устройство нижняго сруба, то же логичное распредѣленіе частей. Какова бы ни была скульптурная и разукрашенная оболочка собора, подъ нею всегда найдешь, хоть въ состояніи зародыша, римскую базилику. Она

вѣчно развивается на почвѣ по одному и тому же закону. Всегда два главныхъ отдѣла, пересѣкающихся крестообразно и которыхъ главная оконечность, округленная въ видѣ апсиды, составляетъ хоры для внутреннихъ процессій; всюду нижнія галереи, для часовень боковые проходы, въ которые главная часть впадаетъ колонами. Сверхъ этого число часовень, порталовъ, колоколенъ, стрѣлокъ, измѣняется до безконечности, по народной фантазіи. Когда исполнены главные требованія богослуженія, архитекторъ можетъ дѣлать что хочетъ. Статуи, стекла, розетки, арабески, капители, барельефы, — она комбинируетъ все это по произвольному логарифму. Отсюда большое внѣшнее разнообразіе зданій, внутри которыхъ царствуетъ единство и порядокъ. Стволъ дерева неизмѣненъ, только вѣтви его капризны.

II

ПАРИЖЪ СЪ ПТИЧЬЯГО ПОЛЕТА

Мы старались, по возможности, возстановить для читателя удивительный храмъ парижской богоматери. Мы въ суммѣ означили красоты, которыми онъ обладалъ въ XV вѣкѣ и которыхъ ему недостаетъ теперь; но мы пропустили самую главную, — это видъ на Парижъ съ его тогдашнихъ башень.

Когда удавалось миновать темную спираль, перпендикулярно прорѣзывающую толстую стѣну колоколенъ и выбраться на одну изъ двухъ высокихъ площадокъ, облитыхъ свѣтомъ и воздухомъ, — глазамъ представлялась со всѣхъ сторонъ чудная картина; видъ *sui generis*, о которомъ могутъ составить себѣ понятіе тѣ изъ читателей, которымъ посчастливилось увидѣть цѣлый готическій городъ, а такихъ городовъ осталось еще небольшое число: Нюренбергъ въ Баваріи, Витторія въ Испаніи; или изъ меньшихъ образцовъ, но также хорошо сохранившихся: Витре въ Бретаніи, Нордгаузенъ въ Пруссіи.

Парижъ, триста-пятьдесятъ лѣтъ назадъ, Парижъ XV вѣка былъ уже гигантскимъ городомъ. Мы, парижане, ошибаемся, когда говоримъ о приобретеніяхъ, сдѣланныхъ послѣ. Парижъ со времени Людовика XI увеличился не болѣе, какъ на одну треть, и конечно болѣе утратилъ красоты, чѣмъ приобрѣлъ протяженія.

Парижъ родился, какъ извѣстно, на старомъ островкѣ въ Cité, который имѣетъ видъ колыбели. Берега этого островка были его пер-

выми укрѣпленіями, Сена — его первымъ ровомъ. Парижъ простоялъ нѣсколько вѣковъ въ видѣ острова съ двумя мостами: одинъ на сѣверѣ, другой на югѣ, и двумя предмостными прикрытіями, служившими воротами и крѣпостями: Grand Châtelet на правомъ берегу и Petit Châtelet на лѣвомъ. Потомъ, при первыхъ короляхъ, чувствуя себя слишкомъ стѣсненнымъ, Парижъ перешолъ рѣку. Тогда за обоими Châtelet начался первый рядъ стѣнъ и башенъ по обѣимъ сторонамъ Сены. Отъ этой первой ограды оставались еще нѣкоторые слѣды въ прошедшемъ вѣкѣ; теперь уцѣлѣли только воспоминаніе и нѣкоторыя мѣстные преданія. Мало-по-малу волны домовъ, выталкиваемая изъ центра города, смяли эту ограду. Филиппъ-Августъ поставилъ новый предѣлъ. Онъ заключилъ Парижъ въ цѣпь высокихъ и крѣпкихъ башенъ. Впродолженіи цѣлаго столѣтія дома жалась, возвышала свой уровень, какъ вода въ резервуарѣ. Они громоздили этажъ на этажъ, лѣзли другъ на друга, старались стать выше сосѣда, чтобъ дохнуть чистымъ воздухомъ. Улицы становились все уже и уже, площади исчезали. Дома рѣшились наконецъ перескочить ограду, и весело разсѣялись въ долину, безъ всякаго порядка, какъ и слѣдуетъ бѣглецамъ. Тамъ было приволье; разводились даже сады. Съ 1367 года городъ такъ выселился въ предмѣстье, что понадобилась другая ограда, особенно на правомъ берегу; Карлъ V ее построилъ. Но ростъ такого города какъ Парижъ не останавливается: изъ такихъ именно городовъ образуются столицы. Это воронки, въ которыя вливаются всѣ теченія географическія, политическія, нравственные, умственные цѣлой страны, всѣ естественные склоны народа; это колодцы цивилизаціи, иногда даже сорныя ямы, въ которыхъ стекаетъ и скопляется капля по каплѣ впродолженіе вѣковъ все, въ чемъ есть жизнь, все что дышетъ и дѣйствуетъ. Ограда Карла V подверглась той же участи какъ и ограда Филиппа-Августа. Съ конца XV столѣтія за нее перешагнули — и предмѣстье распространилось далѣе. Въ XVI вѣкѣ оно, казалось, воротилось назадъ, и все тѣснѣе и тѣснѣе жалось къ старому городу: такъ велико уже было населеніе въ новомъ. Итакъ въ XV столѣтіи Парижъ перешолъ уже три концентрическихъ круга стѣнъ, которыя во времена Юліана Отступника были еще такъ-сказать въ зачаткѣ въ обоихъ Шателе. Могучій городъ заставилъ лопнуть эти четыре пояса, какъ выростающее дитя, которому узко прошлогоднее платьѣ. При Людовикѣ XI мѣстами виднѣлось нѣсколько развалившихся башенъ отъ старой ограды, какъ виднѣются нѣкоторые высокіе холмы

во время наводненія, или какъ архипелагъ стараго Парижа затопленнаго новымъ.

Съ тѣхъ поръ Парижъ еще разъ измѣнился въ ущербъ для нашего глаза; но онъ перешагнулъ за одну только ограду Людовика XV, ограду грязи, достойную поэта ее воспѣвашаго :

Le mur murant Paris rend Paris murmurant!

Въ XV вѣкѣ Парижъ ясно представлялъ три различныхъ города, имѣющихъ каждый свою физиономію, свою спеціальность, свои нравы, обычаи, привилегіи и исторію: старый городъ, университетъ, городъ. Старый городъ, занимавшій островокъ, былъ меньше всѣхъ частей, и помѣщался между ними какъ маленькая старушка между двумя прекрасными дѣвушками. Университетъ занималъ лѣвый берегъ Сены отъ Турнельскаго замка до башни Нейль, — точки, соотвѣтствующія въ теперешнемъ Парижѣ: одна винному рынку, другая монетной площади. Его ограда заключала въ себѣ гору св. Женевьевы. Высшую точку составляли панскія ворота, т. е. почти теперешнее мѣсто Пантеона. Городъ, самый обширный клочекъ Парижа, занималъ правый берегъ. Его набережная мѣстами прерывающаяся шла вдоль Сены отъ башни Билии до деревянной башни т. е. отъ мѣста, гдѣ теперь запасный дворъ до тюльерійскаго дворца. Эти четыре точки, у которыхъ Сена прорѣзывала ограду, назывались *четырьмя парижскими башнями*. Городъ раскинулся еще шире университета. Высшая его точка была у воротъ Сен-Дени и Сен-Мартенъ, которыхъ мѣсто не измѣнилось.

Какъ мы уже сказали, каждое изъ этихъ подраздѣленій составляло городъ, но городъ слишкомъ спеціальныи чтобы быть полнымъ, городъ не могшій обходиться безъ двухъ остальныхъ частей. Отсюда три совершенно различные вида. Въ старомъ городѣ было изобиліе церквей, въ новомъ — дворцовъ, въ университетѣ — учебныхъ заведеній. Чтобы не останавливаться на вещахъ второстепенныхъ, мы скажемъ только съ общей точки зрѣнія, что островъ принадлежалъ епископу, правый берегъ градскому голове, лѣвый ректору. Градской глава Парижа, — чиновникъ королевской службы, а не муниципальный, — былъ поставленъ надъ всѣми. Въ старомъ городѣ былъ соборъ богоматери; въ новомъ Лувръ и Hôtel de Ville; въ университетѣ Сорбона. Въ новомъ городѣ былъ рынокъ, въ старомъ Hôtel-Dieu, въ университетѣ Pré-aux-Clercs. Просту-

покъ школьниковъ на лѣвомъ берегу судился на островѣ въ палатѣ юстиціи, наказывался на правомъ берегу въ Мондюконѣ, если ректоръ не вступался въ дѣло, чувствуя себя сильнѣйшимъ; потому что у школьниковъ считалось привилегіей быть повѣшенными дома.

Въ XV вѣкѣ Сена омывала пять острововъ въ стѣнахъ Парижа: островъ Волчій, гдѣ тогда былъ строевой лѣсъ, а теперь только дрова; Коровій островъ и островъ Богородицы, — оба пустыя, за исключеніемъ одной землянки, и оба составлявшіе владѣнія епископа. Въ старомъ городѣ островъ Пастуха.

Въ старомъ городѣ было тогда пять мостовъ; три съ правой стороны: мостъ Богоматери и мостъ Мѣняль каменные, мостъ Мельничій деревянный; два съ лѣвой стороны: Маленькій мостъ каменный, св. Михаила деревянный; всѣ они были застроены домами.

Университетъ имѣлъ шестеро воротъ, выстроенныхъ Филипомъ-Августомъ; это были начиная съ турнельскаго замка: ворота св. Виктора, ворота Борделезскія, ворота Папскія, ворота св. Іакова, ворота св. Михаила, ворота Сен-Жерменскія. Городъ имѣлъ шестеро воротъ, построенныхъ Карломъ V; это были начиная отъ башни Билли: ворота Сен-Антуанъ, ворота Тампля, ворота Сен-Мартенскія, ворота Сен-Дени, ворота Монтмартрскія, ворота Сент-Оноре. Всѣ эти ворота были крѣпки и красивы, что не мѣшаетъ крѣпости. Широкій и глубокій ровъ съ проточною водою омывалъ ограду Парижа; вода проведена была изъ Сены. Ночью запирали ворота, загораживали рѣку съ двухъ концовъ города большими желѣзными цѣпами, и Парижъ спалъ спокойно.

Видѣнныя съ верху, эти три части являли глазу перепутанную массу улицъ. Впрочемъ съ перваго взгляда можно было замѣтить, что эти три отрывка составляютъ одно тѣло. Тотчасъ бросались въ глаза двѣ параллельныя, длинныя улицы, почти безъ изгибовъ, проходящія черезъ всѣ три части отъ юга къ сѣверу перпендикулярно Сенѣ, соединяя, перемѣшивая населеніе одной съ населеніемъ двухъ другихъ частей. Первая изъ этихъ улицъ шла отъ воротъ св. Іакова до воротъ Сен-Мартенскихъ; она называлась улицей св. Іакова въ университетской части, жиловской улицей въ старомъ городѣ, улицей св. Мартена въ новомъ; она два раза переходила рѣку подъ именами Маленькаго моста и моста Богоматери. Вторая, называющаяся улицей Лагаршъ на лѣвомъ берегу, улицей Барил-

лери на островѣ, улицѣ Сен-Дени на правомъ берегу, мостомъ св. Михаила на одномъ рукавѣ Сены, мостомъ Мѣняль на другомъ, шла отъ воротъ Сен-Мишель въ университетѣ, до воротъ Сен-Дени въ городѣ. Впрочемъ, подъ всѣми этими именами скрывались двѣ улицы-праматери, двѣ артеріи Парижа. Всѣ другія вены тройного города или вливались въ нихъ, или брали изъ нихъ начало.

Независимо отъ этихъ двухъ главныхъ, діаметральныхъ улицъ, пересѣкавшихъ Парижъ въ ширину, и общихъ всей столицѣ, новый городъ и университетъ имѣли каждый свою главную улицу, идущую вдоль параллельно Сенѣ, и пересѣкавшую подъ прямымъ угломъ обѣ *артеріальныя улицы*. Такъ въ городѣ шла прямая улица отъ Сен-Антуанскихъ воротъ къ воротамъ Сен-Оноре; въ университетѣ отъ воротъ св. Виктора до воротъ Сен-Жерменскихъ. Эти два большихъ сообщенія, перекрещиваясь съ двумя первыми, составляли канву, на которой основывался весь спутанный мотокъ парижскихъ улицъ. Въ этой путаницѣ можно еще было различить два главныхъ направленія большихъ улицъ, которыя шли расширяясь отъ мостовъ къ воротамъ.

Еще и теперь существуетъ нѣчто изъ этого плана. Какъ представлялось все это съ башенъ парижскаго собора въ 1482 году? Мы постараемся рассказать это.

Зрителя, взобравшагося на эту высоту, прежде всего поражало изобиліе крышъ, трубъ, улицъ, мостовъ, площадей, колоколенъ. Все разомъ бросалось въ глаза: заостренныя крыши, каменная пирамида XI вѣка, обелискъ пятнадцатаго, круглая сторожевая башня, четырехугольная башня церкви, большое, малое, массивное, воздушное. Взглядъ долго терялся въ этомъ лабиринтѣ, гдѣ все имѣло свою оригинальную красоту, отъ обыкновеннаго домика до пышнаго Лувра, украшеннаго тогда цѣлой колонадой башенъ. Но вотъ начинаютъ выясняться главные массы; глазъ привыкъ ко множеству предметовъ.

Во первыхъ старый городъ, который несмотря на свою тѣсноту имѣетъ нѣкоторыя красоты стіля. Мы уже говорили, что въ XV вѣкѣ это судно было прикрѣплено къ обоимъ берегамъ пятью мостами. Эта форма корабля поразила герольдиковъ, потому что Фавень и Пакье говорятъ, что судно въ старомъ гербѣ Парижа происходитъ именно отъ этого сходства, а не отъ осады нормановъ. Для умѣющихъ разбирать его, гербъ есть алгебра и языкъ. Вся исторія второй половины среднихъ вѣковъ написана въ гербахъ.

какъ исторія ихъ первой половины въ символнѣхъ романскихъ церквей. Это іероглифы феодализма послѣ іероглифовъ теократіи.

Старый городъ прежде всего представлялся глазу съ своей кривой въ востокъ и носомъ на западъ. Обратясь къ шоссе, зритель имѣлъ передъ глазами безчисленное множество старыхъ крышъ, надъ которыми широко округлялся куполъ часовни, напоминающій вооруженнаго слона съ башней. Только здѣсь эту башню представляла стрѣлка самая изящная, самая кружевная, какую только можно себѣ представить. Передъ соборомъ три улицы выходили на площадь съ старыми домами. На южной сторонѣ этой площади рисовался сморщенный фасадъ Hôtel-Dieu съ крышей какъ-бы покрытой бородавками. Потомъ направо, налѣво, на востокъ, на западъ, несмотря на небольшое пространство города, возвышались колокольни двадцати-одной церкви всѣхъ возможныхъ формъ, время и величинъ: отъ низкаго романскаго колокола въ Saint-Denis du Pas, до изящныхъ стрѣлокъ св. Ландра. За соборомъ развѣртывался на сѣверъ монастырь съ готическими галереями; на югъ полу-романскій дворецъ епископа. Въ этомъ множествѣ домовъ глазъ еще различалъ по высокимъ, каменнымъ митрамъ съ съезными верхушками, украшавшимъ тогда самыя высокія окна дворцовъ, замокъ данный городомъ при Карлѣ VI Ювеналу Урсинскому; немного далѣе дегтярныя баракы рынка Palais; еще дальше абсидія св. Жермена; потомъ мѣстами перекрестокъ со множествомъ народа; позорный столбъ на углу улицы; остатокъ мостовой Филппа-Августа, избитой лошадиными копытами, и такъ дурно замѣненной въ XVI вѣкѣ, такъ называемой *ravé de la ligue*; большой пустырь съ прозрачной башенкой, какія дѣлались только въ XV вѣкѣ. Наконецъ вправо отъ часовни, къ западу, располагалась надъ водою группа башенъ палаты юстиціи. Деревья королевскаго сада скрывали островокъ пастуха. Чтоже касается воды, ея не было видно съ башенъ собора: Сена исчезала подъ мостами, а мосты между домами.

Когда взглядъ переходилъ за эти мосты съ кровлями, позеленѣвшими отъ водяныхъ испареній, онъ направлялся влѣво, къ университету; первое зданіе, поражавшее его, былъ большой, низкій снопъ изъ башенъ Petit Chatélet, котораго открытый портикъ поглощалъ конецъ малаго мостика; потомъ тянулся длинный рядъ домовъ съ скульптурными украшеніями, съ цвѣтными стеклами, и многоэтажныхъ; вереница мѣщанскихъ жилищъ, вдругъ перестѣ-

каемая улицей или большимъ каменнымъ отелемъ, широко распространившимъ свои сады и службы между этой мелкой челядью. Было пять или шесть такихъ домовъ по набережной, отъ дома герцоговъ Лорренскихъ до Нейльской башни, заканчивающей Парижъ, котораго острья башни впродолженіи трехъ мѣсяцевъ въ году, вырѣзывались черной массой на красномъ фонѣ заходящаго солнца.

Этотъ берегъ Сены былъ всего менѣе торговый; тутъ было вдвое болѣе школьниковъ чѣмъ ремесленниковъ, и собственно набережная продолжалась только отъ моста св. Михаила до Нейльской башни, — остальное было или пустой берегъ, или дома, нижняя часть которыхъ погружалась въ воду.

Тутъ прачки производили страшный содомъ; онѣ кричали, пѣли съ утра до вечера и звонно колотили бѣлье, что и въ наше время составляетъ не послѣднее развлеченіе парижанъ.

Университетъ представлялся глазу сверху компактной массой. Улицы не раздѣляли слишкомъ замѣтно этой кучи угловатыхъ крышъ. Сорокъ два училища занимали равныя части. Красивыя верхушки этихъ зданій были произведеніемъ того же искусства, какъ и простыя крыши, — это была только умноженная квадратура и кубатура одной геометрической фигуры. Выдавалось нѣсколько большихъ зданій чрезвычайно живописныхъ: отель Клюни, существующій и теперь къ счастію художниковъ. Возлѣ него римскій дворецъ Юліана. Было много аббатствъ, въ томъ числѣ бернардинское съ своими тремя колокольнями; св. Женевьевы, которой четырехугольная башня еще существуетъ и заставляетъ жалѣть объ остальномъ; Сорбонна, полу-училище и полу-монастырь. Церкви возвышались надъ всѣмъ, какъ высшая гармонія въ этомъ цѣломъ гармоническомъ акордѣ и смѣло упирали въ небо свои ажурныя стрѣлки.

Почва здѣсь была холмистая. Красиво было смотрѣть съ высоты, какъ эта масса кривыхъ улицъ и домовъ казалось скатывалась въ безпорядкѣ къ водѣ, держась за своихъ сосѣдей. Въ глазахъ рябило отъ постоянно-движущихся черныхъ точекъ: это былъ народъ, видѣнный издали.

Наконецъ въ интервалахъ между домами и колокольнями видѣлся остатокъ повелѣвшей стѣны и большая, круглая башня. Это была ограда Филипа-Августа. Далѣе зеленѣли луга и шли дороги, да кое-гдѣ рѣдѣли домики. Но что въ особенности приковывало взоръ, это было аббатство.

Когда осматрѣвъ эту часть города зритель обращался къ правому берегу, картина совершенно измѣнялась. Новый городъ не представлялъ такого единства: онъ раздѣлялся на нѣсколько групп. На востокъ было изобиліе дворцовъ. Четыре почти смежные смотрѣлись въ Сену: Jouy, Sene, Barbeau и домъ королевы. Нѣсколько позеленѣвшихъ мазанокъ, дѣпившихся невдалекѣ, не мѣшали видѣть прекрасныхъ угловъ ихъ фасада. За этими дворцами разстилалась во всѣхъ направленіяхъ огромная и разнообразная ограда чудеснаго дворца St.-Pol, въ которомъ французскій король могъ дать роскошное помѣщеніе двадцати-двумъ дофинамъ съ прислугой и свитой, не считая вельможъ и императора, когда тотъ пріѣзжалъ въ Парижъ, и львовъ, у которыхъ былъ свой дворецъ въ королевскомъ дворцѣ. Тогда помѣщеніе принца состояло неменѣе какъ изъ двѣнадцати комнатъ отъ парадной пріемной до молельни, не считая галерей, бань и другихъ «сверхкомплектныхъ» мѣстъ; у каждаго королевскаго гостя былъ также особенный садъ, а сколько было погребовъ, кладовыхъ, службъ, скотныхъ дворовъ, кузницъ, игръ всѣхъ родовъ, птичниковъ, садковъ, звѣринцевъ, конюшень, библіотекъ, арсеналовъ. Вотъ каковъ былъ тогда дворецъ короля! Цѣлый городъ въ городѣ.

Что это за масса огромныхъ башенъ, обведенныхъ ровомъ и въ которыхъ бойницъ больше чѣмъ оконъ? Это Бастилія.

Эти черныя точки, которыя издали кажутся столбами, — пушки.

Далѣе съ богатой растительностью растилается королевскій паркъ, посрединѣ котораго замѣтенъ лабиринтъ, подаренный Людовикомъ XI Куатье. Обсерваторія доктора возвышается уединенной колоной. Страшныя астрологическія наблюденія были совершаемы здѣсь.

На этомъ мѣстѣ теперь королевская площадь.

Центръ города занимала масса частныхъ домовъ, нелишонныхъ своей красоты. Крыши въ столичномъ городѣ, какъ волны морскія, производятъ впечатлѣніе великаго. Сначала идутъ перепутанныя улицы, изображая интересныя фигуры; вокругъ рынка образуется звѣзда. Улицы Сен-Дени и Сен-Мартенъ идутъ одна подлѣ другой съ своими развѣтвленіями, какъ два огромныхъ дерева, перепутавшіяся вѣтвями. Были также красивыя зданія, напр.: Шателе, феодальная башня тринадцатаго вѣка, богатая, четырехугольная колокольня Jacques de la Boucherie; наконецъ домъ съ колонами, о

которомъ мы дали читателю приблизительное понятіе въ описаніи Гревской площади.

Кромѣ дворцовъ и домовъ ясно различался въ новомъ городѣ цѣлый поясъ аббатствъ, охватывавшій его внутренней оградой. Такъ рядомъ съ турнельскимъ паркомъ былъ монастырь св. Екатерины. Между старой и новой Тампльской улицей былъ Тампль, мрачное собраніе башень, высокій и уединенный посреди зубчатой ограды. Потомъ аббатство св. Мартена, великолѣпная укрѣпленная церковь, наконецъ Filles-Dieu, возлѣ котораго видѣлись сгнившія крыши и немощеная площадь двора чудесъ. Это было одно недостойное звѣно въ духовной цѣпи монастырей.

Наконецъ четвертый отдѣлъ новаго города составляли дворцы и дома, собравшіеся у подножія Лувра. Старый Лувръ Филиппа-Августа, это неизмѣримое зданіе съ огромной башней, окруженной двадцатью-тремя меньшими, не считая самыхъ маленькихъ, представлялся издали оправленнымъ въ готическую рамку дворца герцоговъ Алансонскихъ и Petit Bourbon. Эта гидра изъ башень, гигантскій стражъ Парижа съ двадцатью-четырьмя головами, съ блестящей металлической чешуею заканчивала городъ на западѣ.

За стѣнами встрѣчались предмѣстья, но въ меньшемъ количествѣ и на дальнѣйшихъ расстояніяхъ, нежели въ университетской части.

Вотъ Парижъ, который въ 1482 году могли видѣть вѣроны съ башень собора богоматери.

Однакожъ Вольтеръ говорилъ «*что до Людовика XIV городъ этотъ имѣлъ только четыре замѣчательныхъ зданій*»: Сорбонну, Val-de-Grâce, Лувръ и не знаю еще что, можетъ-быть Люксембургъ. Къ счастью Вольтеръ все-таки написалъ Кандида и былъ изъ числа многихъ людей единственный, обладавшій демонскимъ смѣхомъ. Это доказываетъ, что можно быть гениемъ и не понимать въ некоторыхъ искусствъ. Мольеръ вѣдь думалъ же, что дѣлаетъ большую честь Рафаэлю и Микель-Анджело, называя ихъ : *ses Mignards de leur âge*.

Возвратимся къ Парижу XV вѣка.

Онъ былъ тогда не только красивымъ городомъ : онъ былъ городомъ однороднымъ, архитектурнымъ и историческимъ произведеніемъ среднихъ вѣковъ, каменной хроникой. Это былъ городъ, составленный изъ двухъ только слоевъ : слоя романскаго и готическаго, потому что римскій давно исчезъ, за исключеніемъ зданія

Юліана Отступника. Чтоже касается цельтическаго слода, его не находили и слѣдовъ даже вырывая колодцы.

Пятьдесятъ лѣтъ позже, когда возрожденіе примѣшало къ этому строгому, но тѣмъ неменѣе разнообразному единству ослѣпительную роскошь своей фантазіи и своихъ системъ, свои полукруги романскіе, греческія колонны и готическія пониженія сводовъ, свою идеальную скульптуру и арабески, свой архитектурный паганизмъ, оовременный Лютеру, Парижъ сдѣлался еще красивѣе, хотя утратилъ гармонию для глаза и мысли. Это роскошное время было непродолжительное: возрожденіе не удовлетворялось тѣмъ, что само творило, — оно вздумало разрушать; правда, что ему было тѣсно. Готическій Парижъ существовалъ во всей полнотѣ только одно мгновеніе. Едва окончили церковь Jacques de la Boucherie, какъ приступили къ разрушенію стараго Лувра.

Съ тѣхъ поръ городъ все приходилъ въ упадокъ. Готическій Парижъ, задавившій Парижъ романскій, уничтожался въ свою очередь, но какъ назвать Парижъ его замѣнившій?

Въ Тюльери есть Парижъ Екатерины Медичи, въ Hôtel de Ville Парижъ Генриха II, два зданія съ большимъ вкусомъ; Парижъ Генриха IV на королевской площади, — кирпичные фасады съ каменными углами и трехцвѣтные дома; Парижъ Людовика XIII въ Val de Grâce, — сжатая архитектура, своды на подобіе ручекъ у корзинокъ, что-то пузатое въ колонѣ и горбатое въ куполѣ; Парижъ Людовика XIV въ Инвалидахъ, — велико, богато, золочено и холодно; Парижъ Людовика XV въ Saint-Sulpice: банты, облака, макаронны, салатъ и все изъ камня; Парижъ Людовика XVI въ Пантеонѣ, — плохая копія съ римскаго св. Петра; Парижъ республиканскій въ медицинскій академіи: бѣдная смѣсь римско-греческаго стиля, столько же напоминающая коллизей и партенонъ, какъ конституція третьяго года законы Миноса; Парижъ Наполеона на Вандомской площади: это нѣчто величественное, бронзовая колонна, составленная изъ пушекъ; Парижъ реставраціи на биржѣ, очень бѣлая колоннада съ очень гладкими фризами; вся масса четырехугольная и стоила двадцать миліоновъ.

Каждое изъ этихъ характеристическихъ зданій было родоначальникомъ нѣсколькихъ частныхъ домовъ, происхожденіе которыхъ оразу отличить глазъ знатока. Тотъ кто умѣетъ смотрѣть, можетъ возстановить характеръ вѣка и личность короля по одному дверному замку.

Нынѣшній Парижъ не имѣеть цѣльнаго характера. Это собраніе образцовъ архитектуры каждаго вѣка, и притомъ самыя лучшія уничтожены. Столица богатѣеть теперь домами, но какими домами! Если Парижъ будетъ продолжать такимъ образомъ, то ему придется совершенно обновляться каждые пятьдесятъ лѣтъ. Потому-то историческое значеніе его архитектуры съ каждымъ днемъ уменьшается. Памятники искусства становятся очень рѣдки, исчезая отъ наплыва домовъ. Парижъ нашихъ отцовъ былъ каменный, а Парижъ нашихъ внуковъ будетъ уже извѣстковый.

Чтоже касается до новыхъ памятниковъ современнаго Парижа, мы лучше умолчимъ о нихъ, не потому чтобъ мы не были въ состояніи оцѣнить ихъ по достоинству. Святая Женевиѣва г. Суффло конечныи самый лучшій пирогъ, который когда-либо былъ испеченъ изъ камня. Дворецъ почетнаго легіона тоже хорошая кондитерская штука. Куполъ на хлѣбномъ рынкѣ вѣрно изображаетъ фуражку англійскаго жокея на высокой лѣстницѣ. Башни Saint-Sulpice, — два большіе кларнета, а чѣмъ же это хуже чего другого; изогнутый телеграфъ очень встатьи пришлось на ихъ крышахъ. Порталъ въ Saint-Roch равняется великолѣпіемъ только съ Thomas d'Aquin. Въ немъ также есть Голгофа, на подобіе горба и солнце изъ золоченаго дерева, вещи дѣйствительно достойныя вниманія. Фонарь въ лабиринтѣ ботаническаго сада тоже хитраи штука. Чтоже касается до зданія биржи, греческаго по колонадѣ, римскаго по полукруглымъ окнамъ и дверямъ, времени возрожденія по своду, — это въ полномъ смыслѣ, правильный и безукоризненный памятникъ архитектуры: доказательствомъ можетъ служить то, что оно увѣнчано фронтономъ, какаго не бывало въ Афинахъ; это прелестная прямая линія, граціозно пересѣкаемая печными трубами. Прибавимъ еще, что если наружность зданія должна вполнѣ выражать его назначеніе, то какже не удивляться строенію, которое можетъ-быть обращено и въ дворецъ, и въ парламентъ, и въ богадѣльню, и въ школу, и въ манежъ, и въ судебное мѣсто, и въ музей, и въ казарму, и въ гробницу, и въ храмъ, и въ театръ. Пока, это биржа. Зданіе, сверхъ того, должно соответствовать климату. Это построено какъ-разъ для нашего колоднаго и дождливаго неба. Крыша на немъ почти плоская, какъ на востокъ, такъ что зимой ее мегутъ метлами. Зданіе это одинаково могло бы служить биржей во Франціи и храмомъ въ Греціи. Правда, архитектору стоило много труда скрыть циферблатъ, нарушающій чистоту линій фасада, но зато онъ воспроизвелъ колонаду, окружающую

все зданіе , подъ которой въ торжественные дни можетъ грандіозно тянуться цѣль торговыхъ агентовъ и другихъ представителей коммерціи.

Это, конечно, великолѣпныя зданія ; прибавимъ къ нимъ множество разнообразныхъ улицъ , какъ на примѣръ улица Риволи, и я надѣюсь, что Парижъ, видѣнный съ воздушнаго шара, представитъ богатство линий, роскошь деталей, нѣчто грандіозное въ своей простотѣ, напоминающее шашечницу.

Однакожъ , какъ ни хорошъ теперешній Парижъ , попробуйте возстановить въ воображеніи Парижъ XV вѣка; взгляните на свѣтъ божій сквозь этотъ рядъ башенокъ и колоколенъ , разлейте по громадному городу Сену, съ ея зеленовато-желтымъ отблескомъ, переливающуюся, какъ змѣиная чешуя ; представьте на голубомъ горизонтѣ готическій профиль стараго Парижа, потопите его въ совершенной тѣмѣ и наблюдайте оригинальную игру свѣта и тѣни въ этомъ лабиринтѣ зданій ; пустите теперь лунный лучъ , который неясно вывелъ бы изъ тумана огромныя головы башенъ ; или сгустите опять темноту и посмотрите на эти углы и стрѣлки подобные челюсти акулы, рисующіеся на мѣдно-красномъ вечернемъ небѣ.

— Теперь сравните.

Если вамъ хочется получить отъ стараго города впечатлѣніе, котораго никогда не произведетъ новый , взойдите поутру, въ праздничный день на пасхѣ или въ троицу, на какое-нибудь очень возвышенное мѣсто, съ котораго открывалась бы цѣлая столица и ждите когда проснутся колокола. Смотрите, какъ по знаку данному съ неба, потому что его подаетъ самое солнце, содрогаются разомъ эти тысячи храмовъ. Сначала являются отдѣльные звуки, переходящіе отъ одной церкви къ другой, какъ между съигрывающими музыкантами. Потомъ, вдругъ, видите, потому что, въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно видѣть ушами, видите, какъ изъ каждой колокольной, въ одно и тоже время, подымается облако гармоніи. Сначала, звукъ каждаго колокола слышится чисто, отдѣльно отъ прочихъ, потомъ, усиливаясь, всѣ звуки сливаются, растворяются одинъ въ другомъ и составляютъ великолѣпный концертъ. Это уже цѣлая масса звучныхъ вибрацій, отдѣляющаяся отъ каждой колокольной, которая носится, плаваетъ надъ цѣлымъ городомъ и продолжаетъ далеко за горизонтомъ оглушающіе звуковые круги. Между тѣмъ это море гармоніи далеко не хаосъ. Несмотря на глубину, оно не потеряло прозрачности: вы ясно видите каждую группу звуковъ, производимыхъ звономъ. Вы можете

слѣдить за разговоромъ, то важнымъ, то крикливымъ, вы слышите густыя октавы, посылаемыя одною колокольною другою; вы видите какъ онѣ вылетаютъ легкія и свистящія изъ серебрянаго колокола или падаютъ хромые и убогіе изъ деревянаго; вы любуетесь, посреди ихъ, богатой гаммой семи колоколовъ св. Евстафія; вы слышите, какъ между ними быстро пробѣжать рѣзкія нотки, сдѣлаютъ два-три блестящихъ поворота и исчезнутъ какъ молнія. Вонъ аббатство св. Мартена, рѣзкій пѣвецъ съ разбитымъ голосомъ; вотъ мрачный голосъ Бастиліи; на томъ концѣ баситъ огромная луврская башня. Царственный звонъ Palais de justice непрерывно бросаетъ свои звучныя трели, которымъ аккомпанируютъ въ тактъ погребальныя ноты собора богоматери, какъ удары молота по наковальнѣ. Повременамъ, вы слышите разнообразныя звуки отъ тройнаго звона въ Saint Germain des Prés. Отъ времени до времени, эта масса чудныхъ звуковъ разстучается и пропускаетъ волну звуковъ Ave-Maria, игривую и сверкающую, какъ огненный снопъ. Внизу, въ самой глубинѣ концерта, вы смутно различаете церковное пѣніе, вылетающее въ скважины запертыхъ дверей и въ поры сводовъ. Вотъ опера, которую стоитъ послушать. Обыкновенно, звуки, раздающіеся въ Парижъ днемъ, — звуки говорящаго города: ночью слышится его дыханіе и рано поутру его пѣніе. Вслушайтесь же въ это tutti колоколовъ; примѣшайте къ нему миллионы человѣческихъ звуковъ, вѣчную жалобу рѣки, безконечное дыханіе вѣтра, серьезный, отдаленный квартетъ лѣсовъ; умѣрьте этими звуками слишкомъ рѣзкое пѣніе центральныхъ колоколовъ и скажите есть ли на свѣтѣ что-либо полнѣе, радостнѣе, роскошнѣе этой музыки, этихъ десяти тысячъ металлическихъ голосовъ, этого города, превратившагося въ оркестръ, этой симфоніи, равняющейя реву бури.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

I

ДОБРЫЯ ДУШИ

За шестнадцать лѣтъ до начала нашей исторіи, въ воскресенье, въ день св. Квазимодо, живое существо было положено послѣ обѣдни въ соборъ парижской богоматери на кровать, придѣланную съ

дѣвой стороны паперти, противъ огромнаго изображенія св. Христофора, на которое колѣнопреклоненная фигура рыцаря Антуана Д'Ессаръ смотрѣла съ 1413 года и котораго уничтожили, не принявъ въ соображеніе его святость. На этой кровати обыкновенно клали подкинутыхъ дѣтей, призывая на нихъ милосердіе молящихся. Ихъ бралъ кто хотѣлъ. Передъ кроватью была мѣдная кружка для подаванія.

Подобіе человѣческаго образа, лежавшее въ это утро на упомянутой кровати, въ высшей степени возбуждало любопытство кружка собравшагося вокругъ нея. Кружокъ состоялъ большею частію изъ прекраснаго пола. Впрочемъ были почти однѣ старухи.

Въ первомъ ряду, ниже всѣхъ наклонившись къ постели, стояли четыре женщины, коѣрыхъ, по сѣрому платью особеннаго покроя, можно было причислить къ какой-нибудь благотворительной общинѣ.

— Что это такое, сестра? говорила одна изъ нихъ, рассматривая маленькое созданіе, которое кричало и ёжилось на кровати, испуганное столькими зрителями.

— Что это съ нами будетъ, царь небесный! Вотъ какія теперь родятся дѣти!

— Ну, я не знаю толка въ ребятахъ, а на этого просто смотрѣть грѣшно.

— Это не ребенокъ.

— Это обезьяна.

— Это какое-то чудище.

— Ну такъ это ужъ третье въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ; недавно еще божія мать покарала одного насмѣшника.

— Ну ужъ чудовище этотъ подкидышъ.

— Онъ оретъ, какъ звѣрь какой.

— Говорятъ что это его преподобіе реймскій епископъ прислалъ нашему.

— Я думаю, что это отродье свиньи и жида, не христіанская душа; его бы утопить надо.

— Или съечь; ужъ вѣрно никто не возьметъ такого приемыша.

— Ахъ бѣдныя кормилицы, которымъ принесутъ этого урода; я бы скорѣе согласилась дать грудь вампиру.

— Больно невинца ты Анна; развѣ ты не видишь, что чучелъ года четыре и что оно гораздо охотнѣе съѣстъ фунтъ говядины, чѣмъ возьметъ твою грудь.

Въ самомъ дѣлѣ, это не былъ новорожденный. Это была очень угловатая движущаяся масса, заключенная въ мѣшокъ, изъ котораго высовывалась одна голова. Голова эта была верхъ безобразія; на ней былъ цѣлый лѣсъ рыжихъ волосъ, одинъ только глазъ, огромный ротъ и зубы клыками. Глазъ плакалъ, ротъ кричалъ, а зубы готовы были укусить кто подойдетъ близко. Вся масса двигалась въ мѣшкѣ, къ большому удивленію возраставшей толпы.

Алонза де Гонделорье, благородная и богатая дама, держащая за руку дѣвочку лѣтъ шести и важно тащившая за собою длинный вуаль своей золотой остроконечной шапочки, остановилась передъ кроватью, а ея маленькая дочка, одѣтая въ шолкъ и бархатъ, прочла по складамъ надпись: *подкинута дѣти*.

— Я думала, что сюда приносятъ въ самомъ дѣлѣ дѣтей, сказала дама, отворачиваясь съ видомъ отвращенія. Она пошла дальше, бросивъ въ кружку серебряную монету, на которую взглянули разомъ всѣ четыре старухи.

Минуту спустя, ученый Робертъ Мистрикаль королевскій протонотарій прошолъ съ большимъ требникомъ въ рукѣ и съ женою, имѣя такимъ образомъ при себѣ своего духовнаго и свѣтскаго регулятора.

— Вотъ ребенокъ, найденный вѣроятно на берегахъ рѣки Флетгетона, замѣтилъ онъ.

— У него одинъ только глазъ, замѣтила его жена: — другой закрытъ бородавкой.

— Это не бородавка, отвѣчалъ Мистрикаль, — это яйцо, изъ котораго выйдетъ другой такой же демонъ, у котораго изъ глаза выйдетъ третій и т. д.

— Почему ты это знаешь?

— По наукѣ, отвѣчалъ протонотарій.

— Что же будетъ съ нами по милости этого урода?

— Самыя большія несчастія.

— Господи! вскричала одна старуха: — еще въ прошломъ году была чума и, говорятъ, англичане хотятъ высадиться въ Гарфлѣ.

— Вотъ королева и не пріѣдетъ въ сентябрѣ; и такъ уже торговля идетъ худо!

— Лучше бы было разложить это чучело на костеръ!

— Да и поджечь его хорошенько.

— Да, это было бы благоразумно, сказалъ Мистрикаль.

Молодой священникъ прислушивался уже нѣсколько минутъ къ

этимъ рѣчамъ. У него было строгое лицо, широкій лобъ, пронизательный взглядъ. Онъ молча пробрался въ толпу, оглядѣвъ «маленькаго колдуна» и протянулъ руку надъ его головой. Пора было, потомучто святоши приготовлялись уже принести его въ жертву.

— Я беру этого ребенка.

Онъ закрылъ его рясой и унесъ. Присутствующіе съ удивленіемъ проводили его глазами. Онъ исчезъ въ красныхъ воротахъ, вѣдущихъ изъ церкви въ монастырь.

— Я говорила тебѣ, сестра, сказала одна старуха на ухо другой, что Клодь Фролло колдунъ.

II

КЛОДЬ ФРОЛЛО

Въ самомъ дѣлѣ Клодь Фролло былъ далеко не дюжинная личность. Онъ принадлежалъ къ одному изъ тѣхъ семействъ, которыя назывались въ послѣднемъ вѣкѣ *haute bourgeoisie* или *petite noblesse* (высшей буржуазіей или маелнкимъ дворянствомъ). Это семейство наслѣдовало отъ братьевъ Пакле владѣніе Торшакъ, котораго двадцать-два дома были предметомъ горячихъ споровъ въ тринадцатомъ вѣкѣ.

Клодь Фролло, еще съ дѣтства, назначенъ былъ родителями въ духовное званіе. Его читать учили по латинскимъ книгамъ и говорилъ онъ только шопотомъ, опуская глаза. Съ самыхъ малыхъ лѣтъ, отецъ заперъ его въ школу Туршо въ университетѣ. Тамъ-то онъ и выросъ на требникѣ и лексиконѣ.

Это былъ ребенокъ серьезный, печальный, съ удивительнымъ прилежаніемъ и быстрымъ соображеніемъ; онъ не шумѣлъ въ рекреационное время, не раздѣлялъ дебошей товарищей, не зналъ что такое *dare alapas et capillos laniare* и не участвовалъ въ продѣлкѣ 1463 года, которую величали «шестымъ университетскимъ возстаніемъ.» Онъ почти не насмѣхался надъ школьниками изъ Монтею или бурсаками изъ Дорманской школы за ихъ плотно остриженные головы и трехцвѣтное платье *azurini coloris et brunii*, какъ сказано въ кардинальской хартии.

На шестнадцатомъ году, Клодь Фролло могъ поспорить въ мистическомъ и каноническомъ богословіи съ любимымъ знатокомъ, а въ схоластикѣ съ любимымъ докторомъ Сорбонны.

Пройдя богословіе, онъ перешолъ къ постановленіямъ; отъ *Maitre des Sentences* къ *Capitulaires de Charlemagne*; и въ ненасытной жадѣ званія, онъ поглощалъ все что попадало подъ руку: постановленія епископа гиспальскаго, Бушара, епископа воржскаго, епископа шартрскаго, Граціена, сборникъ Григорія IX; потомъ посланіе *Super specula* Гонорія III. Онъ усвоилъ себѣ этотъ смутный періодъ борьбы свѣтскихъ и духовныхъ правъ, періодъ открытый епископомъ Теодоромъ въ 618 и заключенный папой Григоріемъ въ 1227 году.

Потомъ, онъ принялся за медицину и естественныя науки. Онъ изучалъ растенія, яды, онъ умѣлъ лечить лихорадки, ушибы, раны. Жакъ д'Еспаръ призналъ бы его докторомъ и физикомъ; Ричардъ Гелленъ медикомъ и хирургомъ. Онъ изучалъ языки: латинскій, греческій, еврейскій: всѣ три тогда были очень мало извѣстны. У него была лихорадка знанія. Въ восемнадцать лѣтъ, ему уже не оставалось ничего изучать на четырехъ факультетахъ; для этого молодого человѣка въ жизни была одна цѣль: знаніе.

Около этого-то времени, страшно жаркое лѣто 1466 года породило ужасную чуму, жертвой которой пало сорокъ-тысячъ людей и между ними сразила, говоритъ *Jean de Troyes*, «г. Арну, королевскаго астролога, очень добраго и ученаго человѣка». Разнесся слухъ, что улица Тиршапъ преимущественно подвергается опустошеніямъ чумы. Въ ней жили родные Клода. Молодой человѣкъ съ испугомъ побѣжалъ домой и нашолъ отца и мать умершими еще наканунѣ. Грудной ребенокъ, его младшій братъ, кричалъ одинъ въ колыбели. Вотъ все что оставалось Клоду отъ его семейства; онъ взялъ мальчика на руки и вышелъ съ нимъ изъ дома. До сихъ поръ онъ жилъ только наукой, теперь приходилось ему столкнуться съ жизнью.

Катастрофа эта была кризисомъ въ жизни Клода. Сирота, старшій въ родѣ, глава семейства въ девятнадцать лѣтъ отроду, онъ быстро почувствовалъ переходъ отъ школьных мечтаній къ дѣйствительности и страстно привязался къ меньшому брату; ему было сладко любить живое существо, первую привязанность послѣ своихъ учебныхъ книгъ.

Привязанность эта приняла громадныя размѣры; въ этой дѣвственной душѣ она равнялась первой любви. Разлученный съ родителями въ самомъ раннемъ возрастѣ, сосредоточившій весь умъ и все воображеніе на книгахъ, бѣдный школьникъ не имѣлъ времени почувствовать, что и у него есть сердце. Маленькій братъ, этотъ

круглый сирота доставшийся въ его руки, сдѣлалъ изъ него новаго человѣка. Онъ увидѣлъ, что на свѣтѣ есть многое кромѣ оорбонскихъ умозрѣній и стиховъ Гомера, что человѣку необходима привязанность, что жизнь безъ нѣжности и любви суха и безплодна. Только онъ вообразилъ себѣ, потому что время иллюзій еще не прошло, что могутъ существовать однѣ только родственныя привязанности и что любовь къ меньшому брату можетъ наполнить существованіе.

Онъ предался любви къ маленькому Жану съ глубокой, сосредоточенной страстью. Это слабое существо, красивое, розовое и кудрявое, этотъ сирота, имѣющій опорой другого такого же сироту, заставлялъ трепетать его сердце и, по привычкѣ философствовать, онъ серьезно задумался надъ судьбою Жана съ безконечнымъ милосердіемъ. Онъ заботился о немъ, какъ о чемъ-то очень хрупкомъ и драгоценномъ: онъ почти замѣнялъ мать для ребенка.

Ребенокъ былъ еще очень малъ: Клодъ отдалъ его кормилицѣ. Кромѣ Тиршапа, ему досталось послѣ отца помѣстье Муленъ. Это была мельница на холмѣ, возлѣ замка Винчестеръ (Бисетръ). Тамъ была мельничиха съ груднымъ ребенкомъ; это было недалеко отъ университета и Клодъ самъ отнесъ къ ней своего брата.

Съ тѣхъ поръ онъ сталъ очень серьезно смотрѣть на жизнь. Мысль о братѣ сдѣлалась не только отдыхомъ, но и цѣлю его занятій. Онъ рѣшился посвятить всего себя будущности существа, за которое долженъ отвѣчать передъ Богомъ и не имѣть другой цѣли, другого желанія, кромѣ счастья брата. Больше чѣмъ когда-либо, онъ предался своему духовному назначенію. Его достоинства, познанія и качество непосредственнаго вассала парижскаго архіепископа, по торшанскому владѣнію, раскрывала передъ нимъ церковное поприще. Въ двадцать лѣтъ, съ разрѣшенія папы, онъ былъ священникомъ и служилъ въ качествѣ младшаго капелана въ томъ предѣлѣ собора богородицы, который, по причинѣ позднихъ обѣдней, называется *altare pigrorum*.

Его серьезность и постоянныя занятія, отъ которыхъ онъ отрывался только чтобъ навѣстить малютку, приобрѣли ему уваженіе цѣлаго монастыря. Изъ монастыря молва о его учености разошлась въ народъ и превратилась, какъ это часто случается, въ подозрѣніе въ колдовствѣ.

Въ то время, какъ онъ совершивши свою позднюю службу воз-

вращался домой въ день св. Квазимодо, вниманіе его было привлечено крикливымъ голосомъ старухъ у постели подкидышей.

Тогда-то онъ подошелъ къ бѣдному существу, возбуждавшему уже такую ненависть и презрѣніе. Безвыходность положенія, безобразіе, мысль о братѣ, мысль, что умри онъ — и его маленькаго Жана также выставятъ здѣсь на общественное состраданіе, все это разомъ запало ему въ душу. Сильная жалость заговорила въ немъ и онъ унесъ ребенка.

Вытащивъ мальчика изъ мѣшка, онъ нашолъ его очень безобразнымъ. У бѣдняка была на одномъ глазу бородавка, почти не было шеи, горбъ спереди и сзади, ноги кривыя, но онъ казался здоровымъ и сильнымъ и лепеталъ что-то на непонятномъ языкѣ. Сострадательность Клода усилилась при видѣ этого безобразія, и онъ далъ себѣ слово воспитать маленькое существо ради своего брата для того, чтобы проступки, которые впоследствии могъ сдѣлать Жанъ, были ему прощены въ память этого добраго дѣла. Это былъ запасъ добрыхъ дѣлъ, который онъ началъ для маленькаго Жана, въ случаѣ еслибы у послѣдняго оказался недостатокъ въ этой монетѣ, которая одна имѣетъ цѣну при вратахъ рая.

Онъ окрестилъ своего пріемыша и назвалъ его Квазимодо, можетъ быть въ память дня, въ который нашолъ его, или чтобъ означить какое это было несовершенно существо. Въ самомъ дѣлѣ, Квазимодо, кривой, горбатый, кривоногій, былъ только *нѣкое подобіе*.

III

IMMANIS PESORIS CUSTOS, IMMANIUM IPSÆ

Въ 1482 году Квазимодо уже выросъ. Онъ уже нѣсколько лѣтъ былъ звонаремъ въ соборѣ, благодаря своему покровителю Клоду Фролю, который сдѣлался архидіакономъ, въ свою очередь благодаря своему сюзерену Луи де Бомону, принявшему санъ парижскаго епископа въ 1472 году по смерти Гильома Шартье, по протекціи Оливье Олена (le Daim), циркульника королевствовавшего тогда короля Людовика XI.

И такъ Квазимодо былъ соборнымъ звонаремъ.

Съ теченіемъ времени, образовалась какая-то родственная связь между звонаремъ и храмомъ. Отдѣленный отъ свѣта своимъ неиз-

вѣстнымъ происхожденіемъ и рѣдкимъ безобразіемъ, бѣднякъ привыкъ знать въ мірѣ однѣ эти священныя стѣны, приютившія его своею стѣною. Соборъ былъ для него, въ эпоху его тѣлеснаго развитія, яйцомъ, гнѣздомъ, домою, отечествомъ, цѣлымъ міромъ.

Была какая-то гармонія между зданіемъ и этимъ существомъ. Когда онъ маленькимъ ребенкомъ ходилъ между его колонами, съ человѣческимъ лицомъ и туловищемъ животнаго, онъ казался особеннымъ твореніемъ, созданнымъ для этого храма, домашнимъ пресмыкающимся на этихъ плитахъ, отражающихъ странныя тѣни романскихъ капителей.

Позднѣе, когда онъ въ первый разъ уцѣпился за колокольную веревку, повисъ на ней и извлекъ первый колокольный звукъ, его пріемный отецъ Клодъ испыталъ ощущеніе, которое бываетъ при первомъ лепетѣ ребенка.

Мало-помалу, безвыходно живя день и ночь въ соборѣ, Квазимодо такъ-сказать сросся съ нимъ, сдѣлался его неотъемлемой частью. Онъ казался не только обитателемъ, но принялъ форму своего жилища, какъ улитка принимаетъ форму своей раковины; это было его жилище, его оболочка. Между древней церковью и имъ существовала таинственная симпатія, какой-то магнетическій токъ, матерьяльное сродство.

Нужно ли упоминать, что нельзя принимать въ буквальномъ смыслѣ всѣхъ фигуръ, которыя мы употребили для выраженія этого непосредственнаго, симметрическаго, почти существеннаго сродства человѣка со зданіемъ. Понятно также, что во время долгаго житія, Квазимодо изучилъ всѣ тайники собора. Ему часто случалось лазить по фасаду, цѣпляясь за скульптурныя украшенія. Высокія башни, по которымъ онъ ползалъ какъ ящерица, не производили у него головокруженія. Видя какъ онъ легко на нихъ взбирается, можно было подумать, что онъ ихъ сдѣлалъ ручными. Безпрерывное лазанье по всѣмъ высотамъ собора сдѣлало его ловкимъ, какъ обезьяна. Онъ напоминалъ калабрійскихъ дѣтей, которыя, еще не выучившись ходить, плаваютъ и играютъ въ морскихъ волнахъ.

Не только его угловатое тѣло соответствовало готической постройкѣ собора, но также и умъ его. Въ какомъ состояніи находилась эта душа, какую форму приняла она въ этой замкнутой жизни, — опредѣлить трудно. Квазимодо родился кривымъ, хромымъ, горбатымъ. Фролло съ страшными усиліями удалось выучить его говорить. Но судьба преслѣдовала несчастнаго. На четырнадцатомъ

году его постигло новое несчастье; отъ звона колоколовъ лопнула перепонка въ его ушахъ: онъ оглохъ. Единственное сообщеніе съ міромъ посредствомъ слуха для него прекратилось.

Съ нимъ прекратилась и та небольшая доля свѣта о радости, которой пользовался еще Квазимодо. Душа его погрузилась въ безразсвѣтную тьму. Меланхолія бѣдняка сдѣлалась также неизлѣчима, какъ его безобразіе. Глухота сдѣлала его почти нѣмымъ. Чтобы избѣжать насмѣшекъ, онъ добровольно отказался отъ дара слова, который Фролло развилъ съ такимъ трудомъ и говорилъ только когда былъ совершенно одинъ. Поэтому, когда необходимость заставляла его говорить съ другими людьми, языкъ плохо ему повиновался и двигался какъ дверь на заржавѣвшихъ петляхъ.

Еслибъ и удалось намъ проникнуть въ душу Квазимодо сквозь эту грубую оболочку, еслибъ можно было заглянуть въ самую глубь этой несовершенной организаціи, еслибъ дано намъ было вдругъ освѣтить яркимъ лучомъ Психею, привязанную въ глубинѣ этой темной пещеры, мы вѣроятно нашли бы ее сгорбленную, въ жалкомъ положеніи, подобно заключеннымъ въ венеціанскихъ тюрьмахъ, которые старились, согнувшись вдвое, въ узкомъ и низкомъ каменномъ ящикѣ.

Извѣстно, что духъ хилѣетъ въ несовершенномъ тѣлѣ. Квазимодо только смутно чувствовалъ въ себѣ присутствіе души, такой же немощной, какъ онъ самъ. Впечатлѣнія теряли большую степень своей силы, пока доходили до его мысли. Мозгъ его былъ особаго устройства; мысли выходили изъ него, принявъ изуродованную форму. Размысленіе тоже неминуемо носило отпечатокъ этого уродства.

Отсюда тысяча оптическихъ обмановъ, тысяча искаженій и уклоненій мысли, то сумасбродной, то тупой.

Первымъ послѣдствіемъ его несчастной организаціи, было неясное представленіе вещественныхъ предметовъ. Онъ не получалъ о нихъ точнаго понятія посредствомъ зрѣнія. Видимый міръ былъ отъ него дальше, чѣмъ отъ другихъ людей.

Второе несчастье было его озлобленіе.

Онъ былъ золь, потомучто былъ дикъ, а дикость происходила отъ безобразія. Въ его натурѣ была такая же логика, какъ и въ нашей.

Сила, необыкновенно развившаяся въ немъ, еще усиливала его злость. *Malus puer robustus*, говорить Гоббесъ.

Надо впрочемъ сказать, что злость можетъ быть не была его врожденнымъ чувствомъ. Съ перваго шага въ жизни, онъ встрѣтилъ презрѣніе, былъ отвергнутъ. Слова, съ которыми къ нему обращались, всегда выражали насмѣшку или брань. Выростая, онъ видѣлъ вокругъ себя одну ненависть: она-то и возбудила въ немъ злость. Онъ поднималъ оружіе, которое всѣ обращали противъ него.

Впрочемъ онъ вообще избѣгалъ людского общества; соборъ удовлетворялъ его вполне. Его населяли мраморныя фигуры королей, святыхъ, епископовъ, которыя покрайней-мѣрѣ не хотали ему въ лицо, но смотрѣли спокойно и благосклонно. Даже и статуи чудовищъ и демоновъ не выказывали ему ненависти; онъ былъ слишкомъ похожъ на нихъ. Онъ скорѣе смѣялся надъ другими людьми. Святые были его друзья и благословляли его; чудовища также были его друзья и стерегли его. Цѣлые часы проводилъ онъ иногда въ разговорахъ съ какой-нибудь статуей, а если входилъ кто-нибудь, онъ скрывался, какъ застигнутый врасплохъ вздыхатель.

Соборъ былъ для него всей вселенной: онъ замѣнялъ ему природу. Онъ не зналъ другихъ лучей, кромѣ тѣхъ, которые падали изъ его цвѣтныхъ стеколъ; не желалъ другой тѣни, какъ отъ этой каменной листвы, которая разрасталась, населенная птицами, въ саксонскихъ капителяхъ, — другихъ горъ, какъ колосальныя башни, другого океана какъ Парижъ, ревущій подъ его ногами.

Но болѣе всего любилъ онъ въ соборѣ колокола; отъ ихъ звука просыпалась его подавленная душа и онъ бывалъ счастливъ. Онъ любилъ, ласкалъ свои колокола, понималъ ихъ и бесѣдовалъ съ ними. Колокольня и башни были для него большими кѣтками, въ которыхъ воспитывались птицы, поюція только для него. А между тѣмъ, эти же самые колокола и оглушили его; но матери часто чувствуютъ наибольшую нѣжность къ тѣмъ изъ дѣтей, которыя были причиной ихъ сильнѣйшихъ мученій.

Голосъ колоколовъ былъ единственный, который онъ могъ теперь слышать. Потому-то самый большой изъ нихъ былъ его любимцемъ. Его звали *Марьей* и онъ помѣщался въ одной изъ башенъ съ своей сестрой *Жакелиной*, занимавшей меньшую кѣтку. Во второй башнѣ было шесть другихъ колоколовъ, и наконецъ шесть самыхъ маленькихъ помѣщалось у окна, вмѣстѣ съ деревяннымъ колоколомъ, въ которые звонили только съ вечера страстного четверга до свѣтлой заутрени. И такъ сераль *Квазимодо* состоялъ

изъ пятнадцати колоколовъ ; но огромная Марія занимала первое мѣсто.

Трудно вообразить себѣ его радость въ дни торжественнаго звона. Когда архидіаконъ дѣлалъ ему знакъ, что онъ можетъ идти, онъ лѣзъ по винтовой лѣстницѣ, входилъ запыхавшись въ воздушное жилище большого колокола, съ любовью глядѣлъ на него нѣсколько секундъ, начиналъ тихо заговаривать съ нимъ, гладилъ его рукою какъ лошадь, которой предстоитъ долгій путь, жалѣлъ что ему будетъ много работы. Послѣ этихъ вступительныхъ ласкъ, онъ кричалъ своимъ помощникамъ, стоявшимъ на нижней площадкѣ, что можно начинать. Тѣ вѣшали на канатъ, вѣроть начиналъ скрипѣть и огромная масса приходила въ движеніе. Квазимодо въ восторгѣ слѣдилъ за нею. Отъ перваго удара вздрагивала доска, на которой онъ стоялъ. Квазимодо вскрикивалъ вслѣдъ за колоколомъ и заивался безумнымъ смѣхомъ. Между тѣмъ движеніе колокола дѣлалось быстрѣе; глазъ Квазимодо все болѣе расширялся и металъ искры. Наконецъ раздавался полный звонъ, вся башня тряслась, съ Квазимодо катился потъ градомъ; онъ ходилъ взадъ и впередъ, дрожалъ вмѣстѣ съ башней. Раскачавшійся колоколъ обращалъ свою разверстую пасть то къ одной, то къ другой сторонѣ башни и издавалъ ревъ, слышимый за четыре дѣе. Квазимодо становился передъ этой пастью, наклонялся и выпрямлялся вслѣдъ за колоколомъ, вдыхалъ колеблющійся воздухъ, смотрѣлъ то въ пропасть подъ ногами, то на огромный языкъ колокола, гудящій надъ его ухомъ. Это былъ единственный звукъ, прерывающій для него вѣчную тишину. Онъ радовался ему, какъ птица солнечному лучу. Вдругъ имъ овладѣла лихорадка; взгляды его дѣлались необыкновенныя: онъ дожидался когда колоколъ долетитъ до него, какъ паукъ поджидаетъ муху, и вдругъ бросался на колоколъ со всего размаха. Тогда, вися надъ бездной, онъ схватывалъ чудовище за уши, упирался въ его бока колѣнами, и удваивалъ скорость его раскачиванія всею тяжестью своего тѣла. Башня качалась; онъ кричалъ и скрежеталъ зубами; его рыжіе волосы становились дыбомъ, грудь издавала звукъ кузнечнаго мѣха, глазъ металъ искры, огромный колоколъ гудѣлъ подъ нимъ, и тогда это не былъ колоколъ и Квазимодо, — это было видѣніе, вихрь, буря, странный центавръ, получеловѣкъ и полуколоколъ; ужасный Астольфъ, несущійся на живомъ бронзовомъ гиппогрифѣ.

Присутствіе этого страннаго существа разливало накую-то осо-

бую жизнь въ соборѣ. Изъ него, по словамъ суевѣрныхъ, истекала какая-то таинственная сила, оживлявшая всѣ каменные изваянія старой церкви. И въ самомъ дѣлѣ, соборъ какбы подчинялся ему; онъ ожидалъ его воли, чтобъ возвысить свой сильный голосъ; Квазимодо наполнялъ его, какъ домашній духъ; казалось зданіе дышало имъ. Онъ бывалъ всюду, на всѣхъ точкахъ собора. То замѣчали, со страхомъ, на самой вершинѣ башни, страннаго карлу, лазающаго, ползущаго, перепрыгивающаго съ выпуклости на выпуклость, — это былъ Квазимодо, ищущій гнѣздъ. То натыкались въ одномъ изъ темныхъ угловъ церкви на живую химеру — это былъ Квазимодо въ задумчивости. То видѣли на колокольнѣ безобразную голову и массу уродливыхъ членовъ повисшихъ на веревкѣ — это былъ Квазимодо, звонащій къ вечернѣ. Нерѣдко ночью видали странную фигуру, бродящую по тонкой кружевной балюстрадѣ, окаймляющей верхушки башень — это опять былъ соборный горбунъ. Тогда — говорили сосѣднія кумушки — вся церковь принимала страшный, фантастическій видъ: повсюду раскрывались глаза и рты, слышенъ былъ лай собакъ, шипѣнье змѣй. А если это случалось въ рождественскую ночь, то пока большой колоколъ призывалъ людей къ молитвѣ, церковный фасадъ принималъ такой видъ, какъ-будто порталъ его хочетъ проглотить толпу, а розетка смотритъ на нее съ высоты. Все это происходитъ будто бы отъ присутствія Квазимодо. Египтяне признали бы его богомъ этого храма; средніе вѣка признали его демономъ, а былъ онъ на самомъ дѣлѣ его душою.

Для тѣхъ, кто зналъ о существованіи Квазимодо, соборъ богоматери кажется теперь пустымъ, осиротѣлымъ, безжизненнымъ. Чувствуется, что чего-то недостаетъ. Это громадное тѣло пусто; это скелеть; духъ покинулъ его, осталось только его вмѣстилище. Это черепъ, въ которомъ видно мѣсто для глазъ, но нѣтъ самаго глаза.

IV

СОБАКА И ХОЗЯИНЪ

Былъ однакожъ человекъ, котораго Квазимодо исключилъ изъ своей ненависти и любилъ едвали не болѣе самого собора: это былъ Клодъ Фролло.

Исключительность эта объясняется очень просто. Клодь Фролло приарѣлъ его, усыновилъ, вскормилъ. Ребенкомъ, онъ у Клода искалъ защиты отъ собакъ и мальчишекъ. Фролло научилъ его говорить, читать, писать. Наконецъ онъ же сдѣлалъ его звонаремъ, а обручить Квазимодо съ большимъ колоколомъ значило дать Жюльету Ромео.

Благодарность Квазимодо была безграничная, глубокая, страстная, несмотря на постоянно угрюмый видъ и отрывистую рѣчь благодѣтеля. Архидіаконъ имѣлъ въ горбуна самаго преданнаго невольника, самаго покорнаго слугу, самую вѣрную собаку. Когда бѣдный звонарь оглохъ, между имъ и Клодомъ установился разговоръ знаками, понятный только имъ двоимъ. Такимъ образомъ архидіаконъ былъ единственное живое существо, съ которымъ Квазимодо не прервалъ сношенія. Въ цѣломъ свѣтѣ у него были только двѣ привязанности: соборъ и Клодь Фролло.

Ничто не могло бы сравниться съ вліяніемъ архидіакона на горбуна и съ привязанностью послѣдняго. Достаточно бы было одного знака, одной мысли сдѣлать пріятное Клоду, чтобы Квазимодо бросился съ вершины собора. Странно было видѣть, какъ эта громадная физическая сила, развившаяся съ лѣтами у горбуна, слѣпо подчинялась другому. Въ этомъ была и сыновняя привязанность и преданность слуги, но также и подчиненіе одного разума другому. Бѣдная, неудавшаяся организація смиренно склонялась передъ сильнымъ и глубокимъ умомъ. Наконецъ сильнѣе всего этого была благодарность. Благодарность, доведенная до такой степени, что мы не знаемъ съ чѣмъ бы сравнить ее. Примѣры этой добродѣтели не часто встрѣчаются между существами человѣческой породы. Скажемъ лучше, что Квазимодо любилъ архидіакона, какъ никогда собака, лошадь или слонъ не любилъ своего хозяина.

V

ОПЯТЬ КЛОДЪ ФРОЛЛО

Въ 1482 году Квазимодо было около двадцати лѣтъ, Клоду Фролло около тридцати шести. Одинъ выросъ, другой постарѣлъ.

Клодь Фролло былъ уже не простой школьникъ, нѣжный покровитель маленькаго ребенка, молодой философъ-мечтатель, который

зналъ много, но многого и неподозрѣвалъ. Это былъ строгій, важный, угрюмый священникъ, напутствователь душъ, архидіаконъ, правая рука епископа, имѣющій на рукахъ два деканства: Монтлери и Шатофоръ, и сто-семдесятъ-четыре сельскихъ прихода. Это была важная и суровая личность, передъ которой дрожали пѣвчіе, когда онъ медленно проходилъ по хорамъ величественный, задумчивый, съ сложенными руками и головой, такъ низко опущенной на грудь, что видѣнъ былъ одинъ его пѣшивый лобъ.

Домъ Клодъ Фролло не оставилъ однакожь ни науки, ни воспитанія младшаго брата, этихъ двухъ цѣлей его жизни. Время принимало только нѣсколько горечи въ эти прежде столь сладкія занятія. Маленькій Жанъ Фролло, прозванный мельницей, по мѣсту гдѣ выросъ, пошелъ не по тому направленію, которое хотѣлось дать ему Клоду. Онъ рассчитывалъ на ученика набожнаго, послушнаго, исполнительнаго, а маленький братъ, подобно растеніямъ, обманывающимъ старанія садовника, склоняясь въ ту сторону, откуда свѣтитъ солнце, маленький братъ росъ и пускалъ широкіе отпрыски въ сторону лѣни, невѣжества и кутежа. Это былъ настоящій бѣсенокъ, вполне безпорядочный, что заставляло морщиться домъ-Клода, но такой забавный и ловкій бѣсенокъ, что вызывалъ улыбку на губахъ старшаго брата.

Клодъ помѣстилъ его въ ту же школу, въ которой самъ провелъ свою трудолюбивую юность, и тяжело было ему слышать, что это святилище, гордившееся прежде именемъ Фролло, теперь стыдилось его. Онъ часто дѣлалъ брату строгія внушенія по этому поводу, на которыя тотъ обращалъ мало вниманія. Впрочемъ у шалуна было доброе сердце, что видимъ мы въ каждомъ героѣ комедіи, которое однакожь не мѣшало ему продолжать свои похождения тотчасъ послѣ проповѣди старшаго брата. То онъ колотилъ новичковъ (трогательное преданіе, сохранившееся до нашихъ дней), то становился во главѣ школьниковъ, отправлявшихся классически разбивать кабакъ и выпивать вино до послѣдней капли. За этимъ слѣдовалъ великолѣпный латинскій рапортъ, который субъ-инспекторъ, съ плачевной миной, подносилъ Клоду: *Rida, prima causa vinum optimum potatum*. Наконецъ носился ужасный слухъ для шестнадцатилѣтняго мальчика, будто онъ часто посѣщалъ улицу Глатиньи.

Разочарованный въ своихъ свѣтскихъ привязанностяхъ, Клодъ еще съ большимъ рвеніемъ отдался наукѣ, этой сестрѣ, которая не захохочетъ вамъ въ глаза и всегда платитъ за попеченія, хоть ино-

гда пустой монетой. Онъ дѣлался все ученѣе, слѣдственно все строже какъ священникъ и все печальнѣе какъ человекъ. У каждаго изъ насъ есть паралель между нашимъ умомъ, нравами и характеромъ, которые безостановочно развиваются и разрозниваются только при какомъ-нибудь жизненномъ кризисѣ.

Такъ какъ Клодъ, съ ранняго возраста, прошелъ почти весь кругъ человѣческихъ знаній положительныхъ и законныхъ, а жажда дѣятельности была далеко не насыщена, то онъ неминуемо долженъ былъ пойти дальше. Древній символъ змѣи, укусившей себя за хвостъ, всего болѣе можетъ быть примѣненъ къ наукѣ. Клодъ Фродло испыталъ это. Многіе утверждали, что исчерпавъ дозволенные пути науки онъ обратился къ недозволеннымъ. Онъ перепробовалъ всѣ плоды древа познанія, и отъ голода или пресыщенія дошелъ наконецъ до запрещеннаго плода. Онъ принималъ участіе, какъ извѣстно читателю, въ конференціяхъ сорбонскихъ теологовъ, испробовалъ всю кухню, разрѣшаемую четырьмя факультетами и все-таки ощущалъ голодь. Тогда онъ сталъ подкапываться глубже, дальше всей этой науки матерьяльной и ограниченной, онъ рискнулъ можетъ-быть своею душою и съѣлъ за темную трапезу алхимиковъ, астрологовъ, герметиковъ, которыхъ Аверроесъ, Вильгельмъ парижскій и Николай Фламель были представителями въ средніе вѣка и который восходитъ на востокъ, при свѣтѣ семивѣчника, до Соломона, Пифагора и Зороастра.

Таковы были покрайней-мѣрѣ людскія предположенія. Положительно вѣрно, что архидіаконъ часто посѣщалъ кладбище des Saints Innocents, гдѣ были схоронены его отецъ и мать съ другими жертвами чумы 1466 года, но правда и то что онъ гораздо меньше останавливался надъ ихъ могилами, чѣмъ надъ странными знаками, украшавшими памятникъ Николая Фламеля и Клода Пернеа, схороненныхъ неподалеку.

Часто видѣли какъ онъ проходилъ по ломбардской улицѣ и украдкой пробирался въ маленькій домикъ, который Николай Фламель выстроилъ и въ которомъ умеръ около 1417 года. Съ тѣхъ поръ онъ стоялъ пустой и началъ уже разрушаться: такъ герметики всѣхъ странъ исколупали его стѣны однимъ записываніемъ своихъ именъ. Нѣкоторые изъ сосѣдей утверждали даже, что видѣли будто архидіаконъ рылъ землю въ подвалѣ, столбы котораго были испещрены іероглифами самимъ Фламельемъ. Предполагали, что Фламель зарылъ въ этомъ подвалѣ философскій камень, и алхимики, впродол-

женіи двухъ вѣковъ , перерывали его до тѣхъ поръ , пока домъ не разрушился окончательно.

У архидіакона явилась также особая страсть къ символическому порталу собора богородицы, этой странной страницѣ, написанной каменными буквами епископомъ Вильгельмомъ парижскимъ, который вѣроятно былъ проклятъ за прибавку этого адскаго фронтисписа къ святой поэмѣ, которую выражаетъ все остальное зданіе. Говорятъ, что Клодъ Фролло изучилъ также колоссальную статую св. Христофора, которую народъ прозвалъ *monsieur Legris*. Но что каждому бросалось въ глаза, это его продолжительное сидѣнье на паперти и разсматриваніе скульптурныхъ украшеній портала. Онъ по цѣлымъ часамъ не сводилъ глазъ съ мудрыхъ дѣвъ, прямо державшихъ свѣтильникъ и съ юродивыхъ, опрокинувшихъ его, или выискивалъ глазами мѣсто, гдѣ можетъ лежать философскій камень, если онъ не скрытъ въ подвалѣ Фламея. Соборъ богородицы былъ въ равной степени дорогъ двумъ существамъ, по совершенно различнымъ побужденіямъ: Клоду Фролло и Квазимодо. Одинъ, неполное подобіе человѣка, любилъ его за красоту и гармонию частей; другой, страстный ученый, за значеніе, за мифъ, за смыслъ, который въ немъ заключается, за символы разбросанные по его фасаду, за загадочность, съ которой онъ представлялся уму человѣческому.

Положительно знали также, что архидіаконъ устроилъ себѣ на одной изъ башенъ, выходящей на гревскую площадь, неподалеку отъ помѣщенія колоколовъ, маленькую келью, въ которую даже самъ епископъ не входилъ безъ его разрѣшенія. Эта комнатка была сдѣлана на самомъ верху башни епископомъ Гюго безансонскимъ, и въ ней-то онъ производилъ свои колдовства. Никто не зналъ что заключалось въ этой кельѣ, но видѣли ночью красноватый свѣтъ, загоравшійся и исчезающій всегда въ извѣстное время. Пламя это казалось раздували мѣхами. Старухи говорили, что это архидіаконъ раздуваетъ адское пламя.

Все это еще не положительное доказательство колдовства, но достаточное, чтобы предположить его возможность, такъ что архидіаконъ пользовался страшной извѣстностью. Надо однакожь замѣтить, что не было болѣе ревностнаго преслѣдователя и доносчика всякой самаго малѣйшей египетской магіи, будь она самая невинная. Дѣлалось ли это по убѣжденію или изъ желанія укрыть самого себя, но Клодъ Фролло тѣмъ менѣе считался въ монастырѣ душой блуждающей въ предверіи ада. Народъ также не давался въ обманъ. Всякій

здравомыслящій человекъ зналъ, что Квазимодо дьяволъ, а Клодь Фролло колдунъ. Звонарь приставленъ къ архидіакону, чтобы служить ему на землѣ и унести потомъ его душу въ адъ. Итакъ, несмотря на свою строгую жизнь, Клодь Фролло пользовался дурной славой и святоши отрещивались отъ него втихомолку.

Очевидно, что въ душѣ архидіакона произошли съ лѣтами многія потрясенія. Это замѣтно было по его лицу, сквозь которое душа проглядывала какъ сквозь темное облако. Откуда этотъ обнаженный лобъ; отчего голова всегда такъ низко опущена на грудь? Какая тайная мысль вызываетъ на губы эту горькую усмѣшку, между тѣмъ какъ брови сходятся какъ два быка, готовящіяся къ дракѣ? Почему его рѣдкіе волосы посѣдѣли? Откуда этотъ огонь взгляда, дѣлающій глаза похожими на отверстіе раскаленной печи?

Эти симптомы душевной тревоги особенно усилились въ то время когда происходитъ нашъ рассказъ. Нѣсколько разъ церковный прислужникъ убѣгалъ въ страхѣ, встрѣтивъ его одного въ церкви, — такъ странны были его глаза. Часто, во время службы, сосѣди его слышали какъ онъ къ обыкновеннымъ молитвамъ, примѣшивалъ какія-то невнятные фразы. Не одинъ разъ, женщина, которой поручено было мыть церковныя вещи, съ ужасомъ замѣчала слѣды ногтей на стихарѣ архидіакона.

Вмѣстѣ съ тѣмъ строгость его жизни еще усилилась. По сану и по характеру, онъ всегда удалялся отъ женщинъ; теперь онъ возненавидѣлъ ихъ еще болѣе. Одинъ шелестъ шолковаго платья заставлялъ его опускать капюшонъ на глаза. Строгость его по этому поводу дошла до того, что когда г-жа де Божё, дочь короля, желала посѣтить монастырь въ декабрѣ 1481 г., онъ горячо противился этому, напомнивъ епископу, что въ статутѣ св. Варфоломея 1334 г. запрещенъ входъ въ монастырь всякой женщины «молодой или старой, госпожѣ или служанкѣ». На что епископъ вынужденъ былъ отвѣчать ему, что легатъ Одо выдалъ постановление, исключющее изъ общаго правила нѣкоторыхъ знатныхъ дамъ: *aliquae magnates mulieres, quae sine scandalo evitari non possunt*. Архидіаконъ протестовалъ и противъ этого, утверждая, что постановление легата сто двадцатью семью годами моложе Черной книги, стало-быть было опровергнуто ею. И онъ отказался явиться къ принцессѣ.

Замѣтили также, что его ненависть къ египтянкамъ и цыганкамъ усилилась съ нѣкотораго времени. Онъ выхлопоталъ у епископа указъ, запрещающій имъ плясать въ виду соборной паперти и на-

чалъ очень старательно рыться въ судебныхъ архивахъ , отыскивая осужденіе на сожженіе или на висѣлицу за колдовство при помощи козъ , свиней или козловъ.

VI

НЕПОПУЛЯРНОСТЬ

Мы уже говорили , что архидіаконъ и звонарь мало пользовались расположеніемъ людей , живущихъ въ окрестностяхъ собора . Когда они шли вмѣстѣ , что случалось нерѣдко , слуга сзади своего господина , много насмѣшекъ и бранныхъ словъ посылалось имъ вслѣдъ , если только (но это былъ уже совсѣмъ рѣдкій случай) Клодъ Фролло не поднималъ головы и не окидывалъ толпы своимъ пронизательнымъ , внушающимъ уваженіе и трепеть взглядомъ .

То мальчишка рисковалъ своими боками изъ удовольствія всунуть булавку въ горбъ Квазимодо . То молодая дѣвушка , съ большей развязностью чѣмъ слѣдуетъ въ ея лѣта , задѣвала платьемъ архидіакона и пѣла ему подъ носъ : *Niche , niche , le diable est pris* . Иногда куча старухъ , разсѣвшихся на паперти , подымала ворчанье при приближеніи Клода и звонаря , напутствуя ихъ привѣтствіемъ : «вотъ у этого душа такая же безобразная , какъ у того тѣло!» То толпа школьниковъ посыдала имъ латинское привѣтствіе : *Eia ! eia ! Claudius cum claudio !*

Чаще всего ни архидіаконъ , ни звонарь не замѣчали оскорбленій . Чтобъ слышать всѣ эти привѣтствія , Квазимодо былъ слишкомъ глухъ , а Клодъ слишкомъ задумчивъ .

КНИГА ПЯТАЯ

I

ABBAS BEATI MARTINI

Слава домъ-Клода разнеслась далеко . Ей обязанъ онъ былъ , около того времени какъ отказался явиться къ г-жѣ де Божѣ , однимъ посѣщеніемъ , о которомъ онъ долго помнилъ .

Это было вечеромъ . Онъ удалился послѣ службы въ свою уеди-

венную келью. Въ ней, кромѣ нѣсколькихъ банокъ съ порошкомъ подозрительнаго свойства, ничто не наводило на мысль о таинственности. Были надписи на стѣнахъ, но только извлеченныя изъ научныхъ книгъ или отцовъ церкви. Архидіаконъ усѣлся при свѣтѣ трехржковой лампы за кучу манускриптовъ, облокотился на большую книгу de Proedestinatione et libero Arbitrio и перелистывалъ, въ сильной задумчивости, только-что принесенный имъ печатный in folio, единственное произведеніе типографскаго станка во всей его кельѣ. Въ это время стукнули въ дверь.

— Кто тамъ? крикнулъ ученый тономъ привѣтствія голодной собаки, которой помѣшали глотать кость.

Голосъ отвѣчалъ :

— Другъ, Жакъ Куатье.

Онъ отперъ.

Въ самомъ дѣлѣ, это былъ королевскій врачъ, человекъ дѣтъ пятидесяти, котораго суровая физіономія смягчалась хитрымъ взглядомъ. За нимъ слѣдовала другая личность. Оба окутаны были въ сѣрыхъ плащахъ съ головою, руки ихъ были скрыты подъ рукавами, ноги подъ длиннымъ платьемъ, глаза подъ капюшономъ.

— Помогите мнѣ господа, не ожидалъ я такихъ почетныхъ гостей въ этотъ часъ, сказалъ Фролло, бросая безпокойные взгляды на спутника доктора.

— Никогда не поздно посѣтить такого знаменитаго ученаго, какъ домъ-Клодъ Фролло тиршапскій, отвѣчалъ Куатье, растягивая каждое слово какъ шлейфъ знатной дамы.

Тогда начался между гостемъ и архидіакономъ обмѣнъ предварительныхъ учтивостей, безъ котораго нельзя было въ то время двумъ ученымъ приступить къ серьезному разговору, что впрочемъ не мѣшало имъ отъ души ненавидѣть другъ друга. Впрочемъ и въ наше время похвалы одного ученаго другому заключаютъ на днѣ огромный запасъ жолчи.

Комплименты Фролло намекали всего болѣе на существенныя выгоды, которыя Куатье умѣлъ извлечь, во время своей славной карьеры, изъ болѣзней короля, — алхимическая операція, приносящая гораздо болѣе пользы, чѣмъ отыскиваніе философскаго камня.

— По истинѣ, г. докторъ, я былъ душевно радъ назначенію въ епископы вашего племянника. Онъ кажется епископомъ аміенскій?

— Да, г. архидіаконъ, это подлинно милость божія.

— Знаете, что вы были величественны на рождествѣ во главѣ вашихъ подчиненныхъ по счетной палатѣ, г. президентъ.

— Еще только вице-президентъ, не болѣе, домъ-Клодь.

— Какъ идетъ постройка вашего великолѣпнаго дома? Это просто лувръ. Мнѣ очень нравится абрикосовое дерево, вырѣзанное на двери, съ замысловатой подписью: *A l'abri-cotier*.

— Увы, домъ-Клодь, эта каменная постройка стоитъ огромныхъ денегъ. По мѣрѣ окончанія работъ, я раззоряюсь.

— О, у васъ есть еще доходы съ тюрьмы, съ откуповъ со всѣхъ домовъ, лавокъ, прилавковъ, сорныхъ трубъ, харчевенъ, а это порядочный кусочекъ.

— Мое имѣніе въ Пуасси не принесло мнѣ нынѣшній годъ, никакого дохода.

— А ваши дорожныя пошлины въ Триелъ, въ Сень-Жамъ, въ Сень-Жерменъ всегда неизмѣнны.

— Всего только сто-восемьдесятъ ливровъ, ни копѣйки больше.

— А ваша должность королевскаго совѣтника; на нее-то нельзя пожаловаться.

— Да, но это проклятое помѣстье Полиньи, о которомъ такъ много толковали, приносить менѣе шестидесяти экю золотомъ, и то не каждый годъ.

Въ словахъ домъ-Клода былъ тотъ сардоническій, скрытно-насмѣшливый тонъ, на губахъ блуждала та грустно-злая улыбка, съ которой человекъ, сознающій себя несчастнымъ и нравственно-высшимъ, разговариваетъ съ натурой вульгарной. Куатье не замѣчалъ этого.

— Право, сказалъ наконецъ Клодь, пожимая ему руку, я радъ что вижу васъ въ такомъ добромъ здоровьѣ.

— Много благодаренъ, домъ-Клодь.

— Кстати, какъ здоровье вашего царственнаго пациента?

— Онъ плохо платитъ своему доктору, отвѣчалъ Куатье, бросая взглядъ на пришедшаго съ нимъ незнакомца.

— Ты находишь, кумъ Куатье? отвѣчалъ незнакомецъ.

Эти слова, произнесенныя тономъ удивленія и упрека обратили на говорящаго вниманіе архидіакона, который до этой минуты и не взглянулъ на него хорошенько. Нужно было содѣйствіе такого вліятельнаго и опаснаго лица, какъ всемогущій докторъ Людовика XI, для того чтобы Фродло допустилъ въ свою келью неизвѣстную лич-

ность. Лицо его и теперь не выразило удовольствія при слѣдующихъ словахъ Куатье.

— Кстати, домъ-Клодь, я привелъ къ вамъ собрата, который непремѣнно хотѣлъ васъ видѣть, наслышавшись о вашей славѣ.

— Онъ также занимается наукой? спросилъ архидіаконъ, устремивъ на спутника Куатье свои пронизательные глаза. Изъ-подъ бровей незнакомца блеснулъ такой же, еще болѣе недovѣрчивый взглядъ. Это былъ, насколько позволялъ рассмотреть слабый свѣтъ лампы, старикъ лѣтъ шестидесяти, средняго роста, съ болѣзненнымъ видомъ. Его профиль, хотя съ мѣщанскими линіями, имѣла что-то могучее и строгое; глаза его блистали изъ-подъ круглыхъ бровей, какъ свѣча изъ глубины пещеры, а подъ капюшономъ, закрывавшимъ верхнюю половину лица, можно было угадать широкій, гениальный лобъ.

Онъ самъ отвѣтилъ архидіакону :

— Достопочтенный отецъ, началъ онъ серьезнымъ тономъ : — ваша слава дошла до меня и я рѣшился спросить у васъ совѣта. Я бѣдный провинціальный дворянинъ, снимающій башмаки у дверей великихъ ученыхъ. Мое имя Туранжо.

— Странное имя для дворянина, подумалъ архидіаконъ. Впрочемъ онъ чувствовалъ, что видитъ передъ собою кого-то сильнаго и серьезнаго. Инстинктомъ своего ума онъ угадалъ другой сильный умъ подъ мѣховой шапкой Туранжо, и выраженіе насмѣшливости при разговорѣ съ Куатье исчезло мало-помалу, какъ сумерки съ наступленіемъ ночи. Онъ серьезно уясился на свое обычное мѣсто и подперъ голову рукою. Послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія, онъ знакомъ попросилъ гостей сѣсть и обратился къ Туранжо.

— Вы хотите совѣтоваться со мною, а по какой наукѣ?

— Я болѣнъ, очень болѣнъ; вы, говорятъ, великій эскулапъ и я пришолъ просить у васъ медицинскаго совѣта.

— Медицинскаго! сказалъ архидіаконъ, покачивая головою. Онъ подумалъ нѣсколько минутъ и сказалъ : — Ну, Туранжо, если это на самомъ дѣлѣ ваше имя, обернитесь назадъ и прочтите мой отвѣтъ на стѣнѣ.

Туранжо нашолъ надъ своей головой надпись : *медицина есть зилера*.

Между тѣмъ, Куатье, съ замѣтной досадой выслушавшій вопросъ своего сотоварища, пришолъ еще въ большее негодованіе отъ отвѣта. Онъ склонился къ уху Туранжо и сказалъ ему :

— Я говорил вамъ, что онъ сумашедшій. Убѣдились ли вы?

— А пожалуй этотъ безумный и правъ, докторъ, отвѣчалъ тотъ съ горькой усмѣшкой.

— Думайте что угодно, сухо отвѣчалъ Куатъе и обратился къ архидіакону: — Вы скоры на рѣшенія, домъ-Клодь, и Гипократъ даетъ вамъ не болѣе труда, чѣмъ орѣхъ обезьянѣ. Медицина химера! Будь здѣсь фармацевты, они растерзали бы васъ. Стало бытъ вы отвергаете вліяніе лекарствъ на кровь, мазей на тѣло? Вы отвергаете цѣлебную силу растений и металовъ, эту вѣчную міровую аптеку, созданную для вѣчно больного человѣка!

— Я не отвергаю ни больныхъ, ни аптеки, холодно отвѣчалъ Клодь, я отвергаю доктора.

— Стало не правда, продолжалъ Куатъе съ жаромъ, что подагра есть внутренній лишай, что рану, сдѣланную огнестрѣльнымъ оружіемъ, можно вылечить, приложивъ къ ней жаренную мышъ, что вливаніе молодой крови въ старыя жилы возвращаетъ молодость; не правда развѣ, что дважды два четыре?

Архидіаконъ отвѣчалъ равнодушно: — Есть вещи, о которыхъ я думаю по своему.

Куатъе покраснѣлъ отъ злости.

— Тише, не сердись Куатъе, вмѣшался Туранжо, г. архидіаконъ нашъ другъ.

Куатъе успокоился, бормоча про себя: впрочемъ, онъ сумашедшій!

— Вы смутили меня, мѣтръ Клодь, началъ Туранжо, послѣ нѣкотораго молчанія, а я хотѣлъ было предложить вамъ еще вопросъ, касающійся моей звѣзды.

— Напрасно вы трудились подниматься по моей дѣстницѣ, милостивый государь, я не вѣрю ни въ медицину, ни въ астрологію.

— Въ самомъ дѣлѣ? спросилъ удивленный собесѣдникъ.

Куатъе смѣялся насильственнымъ смѣхомъ. Видите ли наконецъ, что онъ безумный, шепталъ онъ Туранжо: — онъ не вѣритъ въ астрологію!

— Есть ли возможность допустить, продолжалъ Клодь, что каждый звѣздный лучъ — нитка, прикрѣпленная къ головѣ человѣка!

— Чему-жъ вы вѣрите! вскричалъ Туранжо.

Архидіаконъ съ минуту остался въ нерѣшимости, потомъ отвѣчалъ съ мрачной улыбкой: — *Credo in Deum.*

— *Domivum vestrum*, прибавилъ Туранжо съ крестнымъ знаменіемъ.

— Амен, сказалъ Куатье.

— Почтенный отецъ, продолжалъ Туранжо, я душевно радъ найти въ васъ такія твердыя религіозныя убѣжденія; но неужели такой ученый какъ вы можете невѣрить въ науку?

— Нѣтъ, отвѣчалъ архидіаконъ, схвативъ Туранжо за руку, и лучъ энтузіазма блеснулъ въ его отуманенномъ взорѣ: — нѣтъ, я не отвергаю науки. Не даромъ я предмыкался въ пыли, недаромъ блуждалъ въ непроходимыхъ изгибахъ пещеры; передо мной мерцалъ слабый свѣтъ, легкое пламя, что-то такое, вѣроятно отблескъ центральной лабораторіи, въ которой люди подстерегли божество.

— Чтоже считаете вы истиннымъ и вѣрнымъ?

— Алхімію.

Куатье вступился. — Конечно, домъ-Клодъ, алхімія имѣетъ свои научныя стороны, но за чтоже оскорблять астрологию и медицину?

— Ничтожество ваше познаніе человѣка! Ничтожество ваше изученіе тѣлъ небесныхъ, съ силою произнесъ архидіаконъ.

— Поспѣшно сказано! усмѣхаясь промолвилъ Куатье.

— Слушайте, мессиръ Жакъ. Я говорю по совѣсти. Я не королевскій докторъ и мнѣ никто не дарилъ лабиринта для обсерваторіи. Не сердитесь и слушайте. Какую истину извлекли вы, не говорю изъ медицины, это ужь слишкомъ безумная наука, а изъ астрологии? Всѣ ваши формулы—заблужденія, между-тѣмъ какъ въ алхіміи есть настоящія открытія. Можете вы развѣ опровергнуть такой результатъ: Ледъ находящійся подъ землею тысячу лѣтъ обращается въ горный хрусталь. Свинецъ родоначальникъ всѣхъ металловъ, потому что золото не металл: это свѣтъ. Свинцу нужно четыре періода, каждый по двѣсти лѣтъ, чтобъ перейти въ состояніе ртути, изъ ртути въ олово, изъ олова въ серебро. Вѣдь это факты, между тѣмъ какъ вѣрить въ магнетическое вліяніе, въ полный лучъ и въ звѣзды также смѣшно какъ вѣрить что иволга можетъ обратиться въ кролика, а хлѣбные колосья въ рыбу особой породы!

— Я изучалъ герметіку, вскричалъ Куатье, и утверждаю.

Воопламенившійся архидіаконъ не далъ ему докончить.

— А я изучалъ медицину, астрологию и герметіку. Здѣсь только заключается истина (говоря это, онъ снялъ съ полки банку съ порошкомъ, о которомъ мы говорили выше). Здѣсь только свѣтъ!

Гипократъ, все это мечта; Уранія мечта, Гермесъ мысль Золото, это солнце; сдѣлать золото значить быть Богомъ. Вотъ единственная наука. Я до послѣднихъ предметовъ исчерпалъ медицину и астрологію, — ничтожество! ничтожество! Человѣческое тѣло — хаосъ! небесныя тѣла — ничто!

И онъ опустился въ кресло съ вдохновеннымъ лицомъ. Туранжо молча слѣдилъ за нимъ. Куатье силился презрительно улыбнуться и повторялъ, пожимая плечами: безумный!

— А достигли ль вы цѣли, спросилъ вдругъ Туранжо, получили ли вы золото?

— Еслибы я этого достигъ, медленно отвѣчалъ архидіаконъ, короля Франціи звали бы Клодомъ, а не Людовикомъ.

Незнакомецъ нахмурилъ брови.

— Что я говорю, продолжалъ Клодъ съ презрительной улыбкой, что мнѣ корона Франціи, когда я могъ бы возстановить Восточную имперію!

— Вотъ это дѣло! сказалъ Туранжо.

— О, бѣдный безумецъ! сказалъ Куатье.

Архидіаконъ продолжалъ, отвѣчая на свои собственные мысли: — Но нѣтъ, я еще пресмыкаюсь; я царапаю лицо и колѣна о подземные камни. Я только предчувствую, но не вижу! Я не читаю, а только складываю!

— А когда выучитесь читать, станете дѣлать золото?

— Кто сомнѣвается въ этомъ?

— Въ такомъ случаѣ Богу извѣстно какъ мнѣ нужны деньги и я хотѣлъ бы также научиться читать по вашимъ книгамъ. Скажите, достопочтенный отецъ, ваша наука не противна Богу?

На этотъ вопросъ домъ-Клодъ отвѣчалъ съ высокомернымъ спокойствіемъ: Какже бы могъ я быть архидіакономъ?

— Правда, правда. Ну такъ поучите меня складамъ.

Клодъ принялъ торжественную осанку Самуила.

— Старикъ, нужно много лѣтъ, чтобъ пройти эту таинственную стезю. Твоя голова носѣдла! Къ цѣли приходятъ, правда, съ сѣдой головою, но въ путь отправляются съ черными волосами. Наука и сама умѣетъ засушить и провести морщины по лицу человѣка, ей не нужно содѣйствія старости. Если впрочемъ васъ томить жажда познанія, если въ ваши годы вы рѣшаетесь приступить къ азбукѣ мудрыхъ, приходите ко мнѣ, я попробую. Я не пошлаю васъ, бѣднаго старика, смотрѣть внутренность пирамидъ, о

которыхъ говорить Геродотъ, на кирпичную вавилонскую башню, на индійскій храмъ изъ блага мрамора. Я самъ не видалъ халдейскихъ построекъ по образу Сихры, ни разрушеннаго храма Соломона, ни каменныхъ вратъ гробницы царей израильскихъ. Мы ограничимся отрывками изъ книги Гермеса, которая здѣсь. Я объясню вамъ статую св. Христофора, символъ сѣятеля и двухъ ангеловъ на порталѣ св. часовни, у одного изъ которыхъ одна рука въ чашѣ, а другая въ облакѣ.

Здѣсь Жакъ Куатье, котораго сбили съ толку горячія реплики Фролло, собрался съ силами и прервалъ его, съ торжествующимъ видомъ ученаго, осаживающаго своего собрата: — *Ergas, amici Claudi*. Символъ не есть число. Вы принимаете Орфеуса за Гермеса.

— Вы сами ошибаетесь. Дедалусъ это фундаментъ; Орфеусъ стѣна; Гермесъ это зданіе, это цѣлое. Вы придете, когда вамъ будетъ угодно, продолжалъ онъ, обращаясь къ Туранжо, и я покажу вамъ песчинки золота, оставшіяся на днѣ плавильника Николая Фламеля; вы сравните ихъ съ золотомъ Вильгельма парижскаго. Я объясню вамъ таинственный смыслъ греческаго слова *peristera*. Но прежде всего, я заставлю васъ прочесть мраморныя буквы, гранитныя страницы книги. Мы пойдемъ отъ портала Гильома къ св. часовнѣ, потомъ къ дому Фламеля, къ его могилѣ. Мы будемъ вмѣстѣ складывать фасады *Sainte Côme, Sainte Geneviève des Ardents*.

Уже давно Туранжо, какъ ни былъ разуменъ его взглядъ, казалось пересталъ понимать Клода. Онъ прервалъ его: — Чтоже это у васъ за книги?

— Вотъ одна изъ нихъ, сказалъ архидіаконъ.

Отворивъ окно кельи, онъ указалъ на громадный фасадъ собора богородицы, казавшійся огромнымъ сфинксомъ съ двумя головами, сидящимъ посреди города.

Архидіаконъ смотрѣлъ нѣсколько минутъ молча на гигантское зданіе, потомъ положилъ одну руку на печатную книгу, а другою указывая въ окно, сказалъ со вздохомъ. *Увы! одно убьетъ другое!*

Куатье, поспѣшно заглянувшій въ книгу, вскричалъ: — Да чтожъ такого опаснаго видите вы въ *Glossa in epistolas D. Pauli. Norimbergæ, Antonius Koburger, 1474*? Это даже не ново. Это книга Пьера Ломбара толкователя притчей. Опасность можетъ быть въ томъ, что она напечатана?

— Именно, сказалъ Клодъ, продолжая стоять въ задумчивости,

положивъ руку на изданіе, вышедшее изъ знаменитой типографіи Нюрнберга. Увы! маленькія вещи всегда поработаютъ большія; одинъ зубъ можетъ осилить цѣлую массу. Нильская крыса убиваетъ крокодила, книга убьетъ знаніе!

Колоколь о потушеніи огня раздался въ монастырской оградѣ въ то время какъ Куатье шепталъ своему спутнику: Онъ сумасшедшій! — на что и спутникъ отвѣчалъ въ этотъ разъ: — Кажется что такъ!

Это былъ часъ, въ который никто изъ постороннихъ не могъ болѣе оставаться въ монастырѣ. Посѣтители вышли. Туранжо сказалъ, прощаясь съ архидіакономъ: — Я люблю великихъ ученыхъ, а васъ уважаю въ особенностяхъ. Приходите завтра въ Турнельскій замокъ и спросите аббата Сен-Мартена турскаго.

Архидіаконъ былъ пораженъ. Онъ понялъ, наконецъ кто былъ Туранжо, припомнивъ мѣсто въ собраніи монастырскихъ грамотъ Сен-Мартена турскаго: *Abbas beati Martini, Scilicet rex Franciæ, est canonicus de consuetudine et habet parvam præbendam quam habet sanctus Venantius et debet sedere in sede thesaurarii.*

Утверждаютъ, что съ этихъ поръ, архидіаконъ имѣлъ частыя совѣщанія съ Людовикомъ XI, когда онъ пріѣзжалъ въ Парижъ, и что вліянію дома-Клода завидовали придворный цирюльникъ и Куатье, позволявшій себѣ даже журить за это короля.

II

ОДНО УБЬЕТЪ ДРУГОЕ

Наши читательницы извиняютъ, если мы остановимся и поищемъ, какая мысль скрывалась подъ словами архидіакона: *Одно убьетъ другое.* Книга убьетъ знаніе.

По нашему мнѣнію, эту мысль нужно понимать двояко. Это была мысль священника, испугъ духовной власти передъ новымъ учителемъ — типографіей. Это кафедра и манускрипты, рѣчь изустная, и рѣчь письменная, возстающіе противъ печатнаго слова. Это во-схлищаніе пророка предъ будущей эмансипаціей человѣчества, который видитъ въ будущемъ торжество разума надъ предрассудками, общественнаго мнѣнія надъ вѣковымъ преданіемъ, видитъ свѣтскую власть, свергающую иго Рима. Это предчувствіе философа, который

видить, что мысль, улетучившись въ печати, отдѣлится отъ теократическаго начала. Это боязнь солдата, осматривающаго чугунный шарикъ и думающаго : башня падеть. Это значило, что одна сила замѣнить другую, что книгопечатаніе ослабитъ власть папъ.

Но подъ этой простой мыслью скрывалась еще другая, болѣе новая, которую не такъ легко схватить, какъ первую, — такой же философскій взглядъ, только не священника, а ученаго и художника. Это было предчувствіе, что человѣческая мысль, измѣнивъ форму, измѣнитъ и способъ выраженія, что капитальная мысль каждаго поколѣнія не будетъ выражена одинаково ; что каменная книга, такая прочная и долговѣчная, уступитъ мѣсто книгѣ бумажной, еще болѣе прочной и долговѣчной. Съ этой стороны, неясная формула архидіакона имѣла еще другой смыслъ; она значила, что одно искусство уничтожить другое, что книгопечатаніе убьетъ архитектуру. Въ самомъ дѣлѣ, съ начала вѣка до XV столѣтія христіанской эры, архитектура была главнымъ выраженіемъ человѣческаго развитія въ материальномъ и нравственномъ отношеніи.

Когда память первыхъ поколѣній была уже слишкомъ переполнена воспоминаніями и живого слова сдѣлалось недостаточно для ихъ передачи, ихъ тотчасъ записали самымъ естественнымъ способомъ : каждое преданіе выражали памятникомъ.

Первые памятники были просто обломки скалъ, *до которыхъ не касалось желѣзо*, говоритъ Моисей. Архитектура началась какъ всякая письменность. Сначала она была азбукой. Ставили камень вмѣсто буквы и каждый камень былъ іероглифомъ; каждый іероглифъ заключалъ въ себѣ группу идей, какъ капитель на колонѣ. Такъ поступали первыя поколѣнія на всѣхъ концахъ міра. Цельтическіе камни, поставленные ребромъ, находятъ въ азіатской Сибири, въ пещерахъ Америки.

Позднѣе изобрѣли слова. Стали класть камень на камень, соединять гранитные слогги. Дольманъ и Кромлехъ цельтовъ, этрусскій курганъ, — уже слова. Нѣкоторыя, въ особенности курганъ, суть имена собственные. Иногда, если было много камней и мѣста, писали цѣлую фразу. Огромное количество камней Карнака есть уже цѣлая формула.

Наконѣцъ составили книги. Преданія породили символы, подъ которыми они скрывались, какъ стволъ дерева подъ листьями ; всѣ эти символы, въ которые человѣчество вѣрило, росли, размножались, дѣлались сложнѣе, первые памятники были уже слишкомъ тѣсны

для нихъ ; эти памятники уже едва выражали первое преданіе, простое, голое и пресмыкающееся по землѣ какъ они сами. Символь долженъ былъ выразиться въ зданіи. Архитектура развивалась наравнѣ съ человѣческой мыслью ; она возросла до гиганта съ тысячью головъ и рукъ, и заключила въ вѣчную форму видимую, осязаемую весь разбросанный символизмъ. Между тѣмъ какъ Дедалъ, который есть сила, — мѣрилъ, Орфей, выражавшій понятіе, пѣлъ ; столбъ, выражающій букву, сводъ слогъ, а пирамида слово, приведенныя въ движеніе геометрическимъ и повѣтическимъ закономъ, группировались, сливались, возвышались этажами до неба, пока не написали, подъ диктантъ общей идеи вѣка, тѣхъ дивныхъ книгъ, которыя въ тоже время были и дивными зданіями, какъ напрімѣръ храмъ Соломона.

Общая идея была не только въ основаніи, но и въ формѣ этихъ зданій. Храмъ Соломона былъ не только переплетомъ священной книги, но и самою книгою. Въ каждомъ его отдѣлѣ священники могли ясно читать живое слово, и переходя отъ одного священнаго предмета къ другому, все больше и больше уразумѣвать главный смыслъ, въ самой конкретной формѣ выраженный въ ковчегѣ, тоже архитектурномъ произведеніи. Итакъ смыслъ заключался во внутренности зданія, а выраженіе его въ наружной сторонѣ, какъ человѣческое лицо на гробѣ муміи.

И не только форма, но и мѣста, гдѣ помѣщалось зданіе, выражали ихъ назначеніе. Граціозныя греческія символы красовались на высокихъ горахъ, между тѣмъ, какъ безобразныя пагоды индійцевъ скрывались подъ землею, поддерживаемыя рядомъ гранитныхъ слоновъ.

Итакъ въ первыя шесть тысячъ лѣтъ архитектура замѣняла письмо у всѣхъ народовъ, начиная отъ древнѣйшей пагоды Индустана, до кельнскаго собора. Не только каждый религіозный символъ, но и каждая человѣческая мысль имѣетъ свой памятникъ и свою страницу въ этой громадной книгѣ.

Не надо думать, что каменная работа можетъ служить только къ постройкѣ храма, къ выраженію мифа, священнаго символизма, къ изображенію закона на этихъ таинственныхъ іероглифическихъ скрижаляхъ. Еслибы было такъ, архитектура не въ состояніи была бы воспроизвести новѣйшаго состоянія человѣческой мысли : ея листы не имѣли бы обратной стороны, ея книга не была бы полна. Она выражаетъ также и вліяніе философскихъ системъ

Возьмемъ для примѣра хоть средніе вѣка, какъ самыя близкіе къ намъ. Въ ихъ первый періодъ, когда теократія преобладаетъ въ Европѣ, когда Ватиканъ собираетъ вокругъ себя и возстановляетъ элементы новаго Рима изъ остатковъ Рима лежащаго въ развалинахъ у Капитолія, между тѣмъ какъ христіанство создаетъ новый іерархическій міръ, котораго центръ есть духовная власть, — изъ хаоса, подъ рукой христіанъ и варваровъ, возстаютъ остатки умершихъ архитектуръ греческой и римской, и создается таинственная романская архитектура, сестра теократическихъ памятниковъ Египта и Индіи, эмблема чистаго католицизма, нетлѣнный іероглифъ единства папской власти. Вся тогдашняя мысль выражается въ этомъ мрачномъ романскомъ стилѣ. Всюду чувствуется власть, единство, непроницаемое, неограниченное, Григорій VII; всюду видѣнъ священникъ, а не человѣкъ, повсюду каста, а не народъ. Но наступили крестовые походы. Это сильное народное движеніе. Нововведеніямъ открыта дорога. Начинается періодъ разныхъ *Jacqueries*, *Pragueries*, лиги. Власть колеблется, единство нарушается. Феодализмъ согласенъ раздѣлить владычество съ теократіей, въ ожиданіи народа, который непременно выдѣлитъ себѣ львиную долю, *quia posuior leo*. Сюзерены просвѣчиваютъ сквозь духовную власть, община сквозь феодальныхъ владѣльцевъ. Видъ Европы измѣнился, архитектура тоже измѣнилась. Она перевернула страницу, какъ и цивилизація, и готова писать подъ диктантъ духа новаго времени. Она принесла изъ крестовыхъ походовъ стрѣльчатый сводъ. По мѣрѣ того какъ ослабѣваетъ Римъ, умираетъ и романская архитектура. Іероглифъ покидаетъ соборы и идетъ украшать феодальныя замки. Самый соборъ, это догматическое зданіе, подвергшись вторженію буржуа и общинъ, ускользнетъ изъ рукъ священника, чтобъ подпасть власти художника. Художникъ строить его по своему. Прощай таинственность, мифъ, законъ. Здѣсь все дѣло фантазіи и каприза. Былъ бы алтарь, а до остального священнику нѣтъ дѣла: стѣны принадлежатъ художнику. Архитектурная книга не принадлежитъ болѣе Риму, но поэзіи и народу. Отсюда быстрыя и безчисленныя архитектурныя измѣненія въ трехъ вѣкахъ, столь поразительныя послѣ шести или семи-вѣкового застоя романскаго стиля. Искусство шло гигантскими шагами. Геній и народная оригинальность взяли за дѣло епископовъ. Каждое поколѣніе оставляетъ свою строку въ книгѣ; оно вымарываетъ романскіе іероглифы на фасадахъ соборовъ и только кое-гдѣ догматизмъ просвѣчиваетъ изъ

подъ новаго символа. Народная драпировка почти скрываетъ прежній остовъ. Архитектура допускала тогда ужасныя вольности. Цѣлыя капители сплетались изъ монаховъ и монахинь, какъ надъ камнями парижскихъ гостиныхъ. Приключеніе Ноя выставлено было *всѣми буквами*, какъ надъ порталомъ въ Буржъ. Монахъ съ ослиными ушами, со стаканомъ въ рукахъ, смѣющийся въ глаза цѣлой общинѣ, красовался надъ умывальникомъ въ рошвильскомъ аббатствѣ. Тогда для мысли, выраженной на камнѣ, была эпоха свободы печати.

Свобода эта заходила очень далеко. Иногда порталъ, фасадъ, цѣлая церковь представляла символическій смыслъ, совершенно чуждый догмату. Съ XIII вѣка Вильгельмъ парижскій, Николай Фламель въ XV, написали нѣсколько возмутительныхъ страницъ въ этомъ родѣ. *Saint-Jaques de la Boucherie* была цѣлая оппозиція.

Мысль тогда не имѣла другой свободы, потому и выражалась только въ зданіяхъ. Будь она выражена въ другой формѣ, ее бы сожгли на площади рукою палача. И такъ имѣя одинъ только исходъ, мысль стремилась къ нему со всѣхъ сторонъ. Потому—то и возникло такое множество соборовъ въ Европѣ, что едва вѣришь, хотя несомнѣнные доказательства передъ глазами. Всѣ матерьяльныя и нравственныя силы общества сосредоточились на одномъ пунктѣ — архитектурѣ. Искусство являлось во всей своей силѣ при постройкѣ церквей.

Всякій, родившійся съ поэтическимъ даромъ, дѣлался архитекторомъ. Общество, сдавленное со всѣхъ сторонъ феодализмомъ, находило исходъ только въ архитектурѣ, и его илліады принимали форму соборовъ. Всѣ другія искусства подчинялись архитектурѣ: это были труженики для одной цѣли. Архитекторъ, поэтъ, маэстро выражали себя въ скульптурныхъ украшеніяхъ фасада, въ живописи на стеклахъ, въ музыкѣ колоколовъ и органовъ. Даже та бѣдная поэзія въ собственномъ смыслѣ слова, которая помѣщалась на страницахъ манускриптовъ, должна была, чтобы выйти на свѣтъ, какъ—нибудь войти въ составъ зданія, въ формѣ гимна или *прозы*: таже самая роль, какую играли трагедіи Эсхила въ священныя празднествахъ Греціи.

Итакъ до Гуттенберга архитектура была всеобщимъ, главнымъ письмомъ. Въ этой гранитной книгѣ, начатой востокомъ, продолжаемой греческой и римской древностью, средніе вѣка написали

последнюю страницу. Впрочемъ это явленіе народной архитектуры вслѣдъ за архитектурой касты произошло тѣмъ же порядкомъ, какъ и въ другія историческія эпохи. Такъ на востокъ, въ этой колыбели первыхъ временъ, послѣ архитектуры индусовъ архитектура египтянъ, праматерь архитектуры арабской; въ древности послѣ египетской архитектуры, видоизмѣненія которой составляли этрусскій стиль и памятники циклопскіе, является греческая архитектура, продолженіе которой составляетъ романскій стиль; въ новѣйшіе вѣка романская архитектура замѣнилась готической. Раздѣливъ на двѣ стороны эти отдѣлы, въ трехъ старшихъ, индійской, египетской и романской архитектурѣ найдемъ одинъ и тотъ же символъ: теократію, касту, единство, догматъ, мнѣе, Бога; а въ трехъ послѣднихъ: египетской, греческой и готической архитектурѣ, какъ бы ни была различна ихъ форма, одно общее значеніе: свобода, народъ, человѣкъ.

Называйся онъ браминомъ, жрецомъ или папой, присутствіе священника, и только священника, чувствуется въ постройкахъ индійскихъ, египетскихъ и романскихъ. Совсѣмъ другое въ архитектурѣ народной: въ ней менѣе святости, но больше богатства. Въ египетской чувствуется купецъ; въ греческой — республиканецъ; въ готической — буржуа.

Общій характеръ теократическихъ построекъ, — неприкосновенность первоначальныхъ линій, страхъ прогреса, сохраненіе первыхъ типовъ, постоянное подчиненіе природныхъ формъ непонятнымъ капризамъ символизма. Это таинственныя книги, которыя могутъ разобрать только посвященные. Впрочемъ всякая форма, и даже безобразіе, имѣетъ въ ней свой непреложный смыслъ. Не требуйте отъ индійскихъ, египетскихъ или романскихъ построекъ улучшенія рисунка или лѣпной работы: всякое измѣненіе считается безбожнымъ. Догматъ разлитъ какъ второй каменный слой на всемя зданіи. Характеръ народныхъ построекъ напротивъ есть разнообразіе, прогрессъ, оригинальность, богатство, постоянное движеніе. Онѣ уже не признаютъ незаконнымъ исправлять свои статуи и украшенія. Онѣ сообразуются съ вѣкомъ. Въ нихъ что-то человеческое примѣшивается къ божественному символу. Оттого-то эти постройки понятны каждой душѣ, каждому уму, каждому воображенію; онѣ еще символическія, но уже настолько доступны пониманію, какъ сама природа. Между теократической архитектурой и этой есть таже разница, какъ между языкомъ священнымъ и обык-

новеннымъ, между іероглифомъ и искусствомъ, между Соломоновъ и Фидіемъ.

Если собрать все, что мы сказали поверхностно, выпуская тысячи доказательствъ и противорѣчій, получится слѣдующее: что архитектура была до XV вѣка главной записной книгой человѣчества: что въ это время не было ни одной сколько-нибудь сложной мысли, которая не выразилась бы въ зданіи; что всякая народная идея, какъ и всякій религиозный законъ, имѣла свои памятники; что наконецъ все важное, что думали люди, они записывали въ каменной книгѣ. А почему? Потому что всякая мысль религиозная или философская ищетъ распространенія; мысль возбуждавшая одно поколѣніе, хочетъ возбудить и другое и оставить слѣды. А манускриптъ — плохой залогъ безсмертія. Зданіе — книга болѣе прочная. Чтобы уничтожить писанное слово достаточно свѣчи и турка; — чтобы разрушить слово построенное, нужна революція социальная или революція земного шара. Варвары прошли надъ Колизеемъ, потопъ можетъ-быть надъ пирамидами.

Въ XV вѣкѣ все измѣнилось.

Мысль нашла способъ размножаться, способъ не только болѣе прочный нежели архитектура, но и болѣе простой и легкій. Архитектура сошла съ пьедестала. Мѣсто каменныхъ буквъ Орфея заняли свинцовыя Гуттенберга.

Книга убила зданіе.

Изобрѣтеніе книгопечатанія одно изъ важнѣйшихъ событій исторіи. Это зародышъ революцій. Это способъ выраженія человѣческой мысли, совершенно возобновившейся, это мысль сбрасывающая одну форму, чтобы принять другую, это полная и рѣшительная перемѣна кожи той символической змѣи, которая со временъ Адама изображала умъ.

Подъ печатной формой мысль больше чѣмъ когда-либо безсмертна; она недоступна уничтоженію. Она смѣшивается съ воздухомъ. Во времена архитектуры, она дѣлалась горою и овладѣвала мѣстомъ и вѣкомъ. Теперь она дѣлается стаей птицъ, разлетается во всѣ стороны и занимаетъ разомъ всѣ пункты воздуха и пространства.

Такимъ образомъ она въ болѣе безопасности Изъ прочной она дѣлается живой, переходитъ отъ долговѣчности къ безсмертію. Массу можно разрушить, но какъ истребить вездѣсущее? Во время потопа гора уже будетъ давно покрыта водою, а птицы все еще бу-

дуть носиться въ воздухѣ, и если завидятъ хоть одинъ ковчегъ, то сядутъ на него, дождутся убавленія водъ, и новый міръ, вышедшій изъ этого хаоса, увидитъ надъ собою живую и крылатую мысль погребеннаго міра.

Кромѣ того, этотъ способъ выраженія мысли нетолько самый долговѣчный, но и самый простой, самый удобный, потому что ему ненужно большихъ и громозкихъ атрибутовъ. Тогда какъ мысль, выраженная каменнымъ зданіемъ, требуетъ содѣйствія четырехъ или пяти другихъ искусствъ, бочекъ золота, груды камней, цѣлую массу лѣсовъ и работниковъ, — мысль выражаемая книгой требуетъ только чернилъ и бумаги. Какъ же было человечеству не предпочесть книгопечатанія архитектурѣ? Проройте каналъ ниже уровня рѣки и она измѣнитъ свое теченіе.

Потому-то съ открытіемъ книгопечатанія архитектура бѣнѣтъ, чахнетъ. Чувствуется, что вода спадаетъ, живительная влага высыхаетъ, мысль времени и народовъ отклоняется отъ нея. Охлажденіе это почти еще незамѣтно въ пятнадцатомъ вѣкѣ, книгопечатаніе еще слишкомъ слабо и отнимаетъ у архитектуры только избытокъ жизни; но съ начала XVI болѣзнь архитектуры уже очевидна; она уже не вполне выражаетъ общество, она переходитъ въ искусство классическое; изъ галлійской, европейской, туземной, она дѣлается греческой и римской; изъ истинной и новѣйшей — псевдо-классической. Этотъ-то упадокъ назвали возрожденіемъ. Упадокъ впрочемъ блестящій потому что древній готическій геній, это солнце, заходящее за гигантскую майнцкую типографію, освѣщаетъ еще своими послѣдними лучами эту смѣшанную массу латинскихъ сводовъ и коринфскихъ колонадъ.

Это-то заходящее солнце мы принимали за новую зорю.

Съ той минуты, какъ архитектура сошла на степень обыкновеннаго искусства, а не всеобъемлющаго, она перестала пользоваться содѣйствіемъ другихъ искусствъ. Они эмансипировались, свергнули его архитектора и пошли своею дорогою. Самостоятельность придаетъ силу. Лѣнная работа дѣлается скульптурой, расписыванье — живописью, церковные мотивы — музыкой. Будто большая имперія распадается по смерти своего Александра и обращается въ отдѣльныя королевства.

Тогда появились Рафаэль, Микель-Анджело, Жанъ-Гужу, Палестрина, эти свѣтила блистательнаго шестнадцатаго вѣка.

Въ одно время съ искусствомъ, эмансипируется и мысль. Сред-

невѣковыя ереси сдѣлали большой подрывъ католицизму. Шестнадцатый вѣкъ разрушаетъ религіозное единство. Безъ книгопечатанія реформа коснулась бы однихъ догматовъ, — книгопечатаніе сдѣлало изъ нея революцію. Отнимите печать, ересь теряетъ силу. Въ силу ли судьбы или самаго providѣнія, но Гуттенбергъ былъ предвозвѣстникомъ Лютера.

Когда солнце среднихъ вѣковъ совсѣмъ закатилось, когда готическій геній навсегда потухъ на горизонтѣ искусства, архитектура все болѣе блекнетъ, стирается. Печатная книга, этотъ червь зданія, сосетъ и пожираетъ его. Ово склоняется, худѣетъ видимо; оно становится бѣдно, ничтожно. Оно не выражаетъ болѣе ничего, даже воспоминанія объ искусствѣ другихъ временъ. Предоставленная самой себѣ, покинутая другими искусствами, потомучто ее покинула чело-вѣческая мысль, архитектура вербуетъ ремесленниковъ вмѣсто художниковъ. Цветныя стекла замѣняются простыми. Каменьщикъ заступаетъ мѣсто скульптора. Прощай оригинальность, жизнь, разумъ. Она переходитъ изъ копій въ копію. Микель-Анджело, вѣроятно предчувствовавшій ея смерть еще съ XVI вѣка, провелъ послѣднюю идею, идею отчаянія. Этотъ титанъ искусства взгромоздилъ Пантеонъ на Пантеонъ и создалъ Святого-Петра. Это великое произведеніе должно бы было остаться единственной, послѣдней оригинальностью архитектуры, подписью гиганта-художника подъ колоссальнымъ каменнымъ реестромъ, который имъ оканчивался. Послѣ смерти Микель-Анджело что дѣлаетъ эта несчастная архитектура, пережившая самое себя? Она пародируетъ Святого-Петра; это ея жалкая манія. Въ каждомъ вѣкѣ былъ свой соборъ Петра; въ XVII — это Val de grâces; въ XVIII — св. Женевьевы. Св. Петръ есть въ каждой странѣ. Въ Лондонѣ свой, въ Петербургѣ свой, въ Парижѣ даже два или три. Бѣдное наследство! послѣднее усиліе ослабвшаго искусства передъ оковчательнымъ паденіемъ!

Если мы бросимъ взглядъ на архитектуру вообще, отъ XVI до XVIII столѣтія, то замѣтимъ ту же степень упадка. Съ Франциска II, архитектурная форма зданія все болѣе переходитъ въ геометрическую, какъ похудѣвшее тѣло больного. Красивыя линіи искусства замѣняются безукоризненными геометрическими. Зданіе уже больше не зданіе, а многогранникъ. Архитектура между тѣмъ выбивается изъ силъ, чтобы скрыть свою немощность. Вотъ греческій фронтонъ, втирающійся во владѣнія римскаго и обратно. Это все еще пантеонъ на парфенонъ, римскій соборъ Петра. Вотъ кирпич-

ные дома Генриха IV съ каменными углами; королевская площадь, площадь Дофина. Вотъ церкви Людовика XIII, тяжелыя, коренастыя, низкія, съ куполомъ, напоминающимъ горбъ. Вотъ мазаринская архитектура, плохое подражаніе итальянской. Вотъ дворцы Людовика XIV, длинныя казармы для придворныхъ, сухія, холодныя, скучныя. Вотъ наконецъ стиль Людовика XV съ салатомъ, макаронами и всѣми наростами, безобразными старую и беззубую кокетку. Отъ Франциска II до Людовика XV болѣзнь росла въ геометрической прогрессіи. У искусства остались кожа да кости. Оно жалко гибнетъ.

Между тѣмъ что дѣлается съ книгопечатаніемъ? Вся жизнь архитектуры переселилась въ него. По мѣрѣ паденія архитектуры, книгопечатаніе возвышается. Весь запасъ силы, который человѣческая мысль тратила на архитектуру, тратится теперь на книги. Съ XVI столѣтія книгопечатаніе доросло до архитектуры и вѣдало борьбу съ нею. Въ XVII оно уже царило и было въ состояніи создать литературный вѣкъ. Въ XVIII, послѣ долгаго отдыха при дворѣ Людовика XIV, оно воскресило старое оружіе Лютера въ Вольтерѣ, и двинулось въ атаку противъ старой Европы, которой архитектурное выраженіе оно уже убило. Къ концу XVIII вѣка все было разрушено. Въ XIX оно будетъ созидать.

Какое же изъ двухъ искусствъ воспроизводило, выродоженіе трехъ вѣковъ, мысль человѣческую? Которое выражало не только ея литературныя и схоластическія маніи, но и ея глубокое, всеобщее движеніе? Что сливалось и двигалось впередъ вмѣстѣ съ жизнью: архитектура или книгопечатаніе?

Книгопечатаніе. Архитектура умерла безвозвратно, убитая печатной книгой, убитая, потому что не можетъ быть такъ долговѣчна, потому что стоить дороже. Каждый соборъ стоитъ миллиарда. Представьте себѣ какой капиталъ нуженъ для вторичной переписки книгъ подобнаго рода, для того чтобы земля вновь покрылась столькими памятниками, что, по словамъ очевидца: «можно бы было сказать, что міръ сбросилъ съ себя покрывало, чтобы облечься въ бѣлую одежду церквей.» (Glaber Radulphus.)

Книга требуетъ такъ мало времени, стоитъ такъ мало и можетъ идти такъ далеко! Чему же удивляться, что вся человѣческая мысль приняла это направленіе. Не говоримъ, что у архитектуры не будетъ по временамъ прекрасныхъ памятниковъ. И подъ владычествомъ книгопечатанія можетъ воздвигнуться колонна, составленная

цѣлой арміей изъ пушекъ, какъ и подъ владычествомъ архитектуры создавались иллиады и романцеры, магабараты и нибелунги, труды цѣлаго народа изъ собранныхъ и слитыхъ въ одно рапсодій. Трудъ великаго архитектора можетъ явиться въ XX столѣтіи, какъ Данте въ XIII. Но архитектура не будетъ болѣе искусствомъ общимъ, собирательнымъ, владычествующимъ. Великая поэма, великое созданіе человѣчества выйдетъ уже въ печати, а не въ постройкѣ.

Еслибы архитектурѣ случилось снова возвыситься, она не была бы законодательницей; ей пришлось бы подчиниться законамъ литературы, которая прежде была въ зависимости отъ нея. Взаимныя отношенія этихъ двухъ искусствъ измѣнились. Въ архитектурное время поэмы, хотя рѣдкія, походили на памятники. Въ Индіи Віаза странна и непроницаема, какъ пагода. Въ Египтѣ поэзія, какъ и аданія, отличается величіемъ и спокойствіемъ ливій; въ древней Греціи — красотой, гармоніей и спокойствіемъ; въ христіанской Европѣ, католическое величіе, народная наивность, богатая и роскошная жатва эпохи возрожденія. Иллиада походитъ на партернонь, Гомеръ — на Фидіа. Данте въ XIII вѣкѣ это послѣдняя романская церковь; Шекспиръ въ XVI, — послѣдній готическій соборъ.

Итакъ человѣческій родъ имѣетъ два реестра, два завѣщанія: каменные постройки и книгопечатаніе, библию каменную и библию бумажную. Конечно когда смотришь на объ эти библии, позволительно сожалѣть о видимомъ величій гранитныхъ буквъ, этой гигантской азбукѣ изъ колонъ, пилястръ и обелисковъ, этомъ родѣ горъ, воздвигнутыхъ человѣческими руками, которыя населяютъ весь міръ отъ пирамиды до стразбургской колокольни. Надо прочитывать прошедшее на этихъ мраморныхъ страницахъ. Надо цѣнить и часто нерелистывать эту архитектурную книгу; но не надо отвергать и великаго памятника, который воздвигнуло въ свою очередь книгопечатаніе.

Это зданіе колосально. Не знаю кто-то вычислилъ, что еслибы накладывать книга на книгу всѣ изданія вышедшія изъ-подъ станка со времени Гуттенберга, можно бы наполнить разстояніе между землей и луною; но мы говоримъ не объ этомъ объемѣ. Между тѣмъ когда захочешь мысленно воспроизвести общую сложность типографскихъ произведеній, не представляется ли она нашему воображенію громадной постройкой, опирающейся на всю вселенную, надъ которой человѣчество работаетъ безъ устали и чудовищная голова

которой теряется въ туманѣ будущаго? Это умственный муравейникъ. Это улей, въ который всѣ воображенія, эти золотыя пчелы, свосятъ свой медъ. У зданія тысяча этажей. Кое-гдѣ въ его ндрахъ видѣются темныя подземелья науки. На фасадѣ его искусство расположило свои кружева и арабески. Въ немъ каждое твореніе отдѣльной личности, какъ бы своеобразно и капризно оно ни было, имѣетъ свое мѣсто. Гармонія вытекаетъ изъ цѣлаго. Отъ собора Шекспира до мечети Байрона тысячи колоколенъ толкутся въ этой метрополиі мысли. Въ основаніи ея записаны нѣкоторыя заслуги человѣчества, пропущенныя архитектурой. Гидра романцero возвышается дальше со многими другими произведеніями, Ведой и нибелунгами. Впрочемъ великое зданіе все еще неокончено. Печать, эта гигантская машина, высасывающая постоянно всѣ умственные соки общества, безпрестанно извергаетъ новые матерьялы для его продолженія. Все человѣчество за работой; каждый умъ — каменьщикъ; самый слабый все-таки замазываетъ какую-нибудь щель или кладетъ свой камень. Всякій день возвышается новый слой. Независимо отъ оригинальныхъ приношеній каждаго писателя, есть сборные матерьялы. XVIII столѣтіе даетъ энциклопедію, революція Монитера. Это зданіе идетъ безконечными изгибами; тутъ полное смѣшеніе языковъ, постоянная дѣятельность, неутомимый трудъ, ревностный конкурсъ всего человѣчества, ковчегъ для будущиxъ поколѣній отъ новаго потопа или нашествія варваровъ. Это новая вавилонская башня; воздвигаемая всѣмъ человѣчествомъ.

КНИГА ШЕСТАЯ

I

БЕЗПРИСТРАСТНЫЙ ВЗГЛЯДЪ НА ДРЕВНЮЮ МАГИСТРАТУРУ

Счастливая личность, въ блаженномъ 1482 году, былъ благородный Робертъ д'Естувиль, шевалье, сиръ де Бейнь, баронъ д'Иври, совѣтникъ и шамбеланъ короля и прево города Парижа. Прошло уже семнадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ получилъ отъ короля эту должность, считавшуюся скорѣе средствомъ получать доходы, нежели службою. Въ тотъ самый день, какъ Робертъ д'Естувиль замѣнилъ Жака де Вилье въ должности прево, Жакъ Дове смѣнилъ

мессира Эли де Тореть на мѣсть первого президента двора и парламента, Жувенель Урсинскій Пьера де Морвилье въ должности канцлера Франціи, Реньо де Дорманъ Пьера Сюм въ должности королевскаго сборщика податей. Черезъ сколько головъ прошли почести съ тѣхъ поръ, какъ Робертъ д'Естувиль пользовался званіемъ старшимъ! Оно отдано было ему на сохраненіе *baillée en garde*, какъ говорилось въ патентахъ. Онъ такъ сроднился, проникнулся и сросся съ нимъ, что устоялъ противъ маніи къ перемѣнамъ Людовика XI, короля недовѣрчиваго, придиричиваго и хлопотливаго, который думалъ расширить свою власть посредствомъ частой перемѣны лицъ, занимающихъ важныя должности. Д'Естувиль сдѣлалъ больше: онъ сдѣлалъ свое званіе наследственнымъ и уже около двухъ лѣтъ имя его сына красовалось на ряду съ его собственнымъ въ спискахъ превоства. Рѣдкая и неслыханная милость! Правда, что Робертъ д'Естувиль былъ храбрый воинъ: онъ рѣшительно поднялъ знамя противъ лиги общественнаго блага и поднесъ прекраснаго сахарнаго оленя королевѣ въ день ея вѣзда въ Парижъ въ 14 .. Онъ сверхъ того пользовался расположеніемъ Тристана Пустынника, старшины королевскихъ маршаловъ. Слѣдственно, существованіе мессира Роберта было самое сладостное. Вопервыхъ, очень хорошее жалованье, къ которому присовокуплялись разные доходы и пошлины. Прибавьте къ этому наслажденіе красоваться въ военномъ мундирѣ одному между своими сослуживцами. Развѣ мало имѣть въ своемъ распоряженіи сержантовъ, привратниковъ въ Шателе, двухъ аудиторовъ, шестнадцать комиссаровъ, всю стражу? Развѣ малая вещь имѣть право суда и расправы, колесовать и вѣшать, не считая судопроизводства по первой инстанціи, какъ сказано въ хартіяхъ, надъ виконтствомъ парижскимъ, имѣющимъ семь судебныхъ мѣстъ? Что можно придумать выше наслажденія отдавать приказанія и подписывать приговоры, что ежедневно дѣлалъ мессиръ Робертъ въ Большомъ-Шателе, подъ широкими сводами временъ Филипа-Августа.

Между-тѣмъ несмотря на всѣ счастливыя условія жизни, мессиръ Робертъ проснулся утромъ 7 января 1482 года въ самомъ скверномъ расположеніи духа. Отчего происходило это дурное расположеніе онъ и самъ не зналъ. Потому ли, что день былъ пасмурный или что проходившіе мимо молодые парни подсмѣялись надъ нимъ? Можетъ быть это было предчувствіе, что будущій король Карлъ VIII убавитъ на будущій годъ триста-семьдесятъ ливровъ, ше-

ствадцать су изъ доходовъ прево? нусть читатель самъ выбирать причину; что до насъ, то мы думаемъ просто, что онъ былъ не въ духѣ потому... что былъ не въ духѣ.

Ктому же это было на другой день праздника, когда всѣ скачутъ, въ особенности же блюстители порядка, которымъ приходится подчищать грязь въ собственномъ и переносномъ смыслѣ, оставшуюся послѣ праздника въ Парижѣ. Въ этотъ день ему приходилось засѣдать въ Большомъ-Шателе, а судьи всегда стараются быть не въ духѣ въ свой присутственный день, потому что тутъ подвернется какой-нибудь обвиненный, на которомъ законнымъ образомъ можно сорвать досаду и жолчь успокоить.

Между тѣмъ аудіенція началась безъ него. Его подчиненные дѣлали свое дѣло, и съ восьмого часа утра парижскіе граждане мужскаго и женскаго пола, тѣснившіеся въ темномъ углу аудіенцъзалы, между дубовой загородкой и стѣною, наслаждались зрѣлищемъ, какъ мессиръ Флоріанъ Барбедьенъ, аудиторъ въ Шателе, помощникъ г. прево, чинилъ судъ и расправу, руководясь большею частию своей фантазіей.

Зала была маленькая, темная, низкая. Въ глубинѣ стоялъ столъ и кресло съ лѣнными украшеніями, еще пустое въ ожиданіи прево, а налѣво скамья для аудитора Флоріана. Внизу стоялъ грѣбъ и записывалъ отвѣты, а передъ ними народъ. У двери и стола было много сержантовъ въ платьяхъ изъ фіолетоваго камлота съ бѣлымъ крестомъ. Два сержанта стояли еще у низенькой двери за кресломъ. Одно стрѣльчатое окно освѣщало блѣднымъ январскимъ лучемъ двѣ смѣшныя фигуры: безобразнаго демона, вытѣпленнаго на окраинѣ свода и судью, сидящаго въ глубинѣ залы на лиліяхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ за столомъ, между двумя кистями бумагъ, Флоріана Барбедьена сидящаго опершись на локти, уткнувъ лицо въ бѣлый мѣхъ своей мантии, такъ-что видѣлись одни его брови, краснаго, толстаго, моргающаго глазами, съ жирными щеками и исполненнаго собственнаго достоинства.

Аудиторъ былъ глухъ, — маленькій недостатокъ для аудитора, не мѣшавшій ему чинить расправу. Давно ужъ извѣстно, что судья въжно только представиться слушающимъ, а нашъ почтенный аудиторъ могъ исполнять это со всею добросовѣтностью, потому что никакіе посторонніе звуки не могли имѣть доступа къ его слуху.

Впрочемъ, въ аудиторіи было лицо сдѣлавшее за каждыиъ его

моступломъ и жестомъ; это былъ Жанъ Фролло, котораго можно было встрѣтить вездѣ, кромѣ школьной скамейки.

— Посмотри, говорилъ онъ Пуспену, стоявшему подлѣ него: — у этого старика вѣрно и глаза отказались: вотъ онъ присудилъ къ денежной пенѣ эту хорошенькую дѣвушку. — А кто эти два дворянина между всей этой сволочью? А, они играли въ кости! Когда же призовутъ сюда нашего ректора? Какой большой штрафъ! Не будь я архидьякономъ, если я перестану играть до послѣдней рубашки! Вотъ Тибодъ ла Тибо, эта платится за любовь, а вотъ этотъ старый жандармъ за крѣпкое словцо. Посмотри, что нашъ глухарь перемѣшаетъ и возьметъ штрафъ за любовь съ жандарма. Постой, кого это вводятъ? Сколько сержантовъ! Клянусь Юпитеромъ, это должна быть крупная дичь! Можетъ даже кабанъ? Такъ и есть. Робентъ, это нашъ вчерашній папа, нашъ звонарь, наша гримаса! Это Квазимодо!

Въ самомъ дѣлѣ это былъ онъ.

Это былъ Квазимодо, связанный, спутанный, подъ прикрытіемъ сильной стражи. Самъ начальникъ стражи былъ на лицо съ гербомъ Франціи на груди и съ гербомъ Парижа на спинѣ. Ничто, кромѣ безобразія подсудимаго не оправдывало такихъ сильныхъ предосторожностей. Квазимодо былъ мраченъ, молчаливъ и спокоенъ. По временамъ только его единственный глазъ бросалъ на веревки сердитые взгляды.

Этимъ же глазомъ обвелъ онъ присутствующихъ, но взглядъ былъ такой тусклый и равнодушный, что даже женщины не испугались, а продолжали смѣясь указывать на него пальцами.

Между-тѣмъ аудиторъ внимательно просмотрѣлъ обвиненіе Квазимодо и на минуту задумался. Благодаря этому обыкновенію, онъ всегда зналъ напередъ имя, званіе, преступленіе подсудимаго, дѣлалъ обычныя реплики на обычные вопросы и успѣвалъ кое-какъ скрывать свою глухоту. Обвинительный актъ былъ для него тѣмъ, чѣмъ собака для слѣпаго. Если недостатокъ его обнаруживался какимъ-нибудь неумѣстнымъ вопросомъ или восклицаніемъ, нѣкоторые приписывали это его глубокимъ соображеніямъ, а другіе его глупости. Въ обоихъ случаяхъ честь магистратуры оставалась неприкосновенной, потомучто судья приличнѣе быть тупымъ или глупымъ, нежели глухимъ. Ему такъ ловко удавалось скрывать отъ другихъ свою глухоту, что онъ и самъ началъ въ ней сомнѣваться. Нѣтъ ничего удивительнаго: вѣдь всѣ горбатые поднимаютъ вверхъ

голову, всѣ заики любятъ ораторствовать, всѣ глухіе говорятъ тихо. Онъ допускалъ, что немного тугъ на ухо, и то ради уступки общественному мнѣнію и въ минуты особенной откровенности.

Сообразивъ порядкомъ дѣло Квазимодо, онъ закинулъ назадъ голову, прищурилъ глаза для большей важности и безпристрастія, такъ-что въ эту минуту сдѣлался глухъ и слѣпъ вмѣстѣ. Двойное условіе для всякаго порядочнаго судьи. Въ этомъ-то положеніи онъ приступилъ къ допросу.

— Ваше имя?

Одинъ изъ случаевъ, непредусмотрѣнныхъ закономъ, есть допросъ глухого глухому, а онъ-то теперь и представился.

Квазимодо, которому ничто не доказывало, что судья обращается къ нему, продолжалъ молча смотрѣть на него. Судья, котораго ни что непредупредило, что обвиняемый глухъ, думалъ, что тотъ уже отвѣтилъ, какъ это обыкновенно случается, и продолжалъ съ своимъ тупымъ, механическимъ анломбомъ:

— Хорошо. Сколько вамъ лѣтъ?

Квазимодо не отвѣчалъ и на это. Судья продолжалъ:

— Теперь, ваше званіе?

Одинаковое молчаніе. Слушатели начали переглядываться.

— Довольно, продолжалъ невозмутимый аудиторъ, рассчитавъ, что обвиненный имѣлъ время отвѣтить и на послѣдній вопросъ. — Васъ обвиняютъ: 1) въ нарушеніи ночнаго спокойствія города; 2) въ насиліи надъ сумашедшей женщиной; 3) въ возмущеніи противъ королевской стражи. Отвѣчайте на эти три пункта... Грефье, записали ли вы что говорилъ подсудимый.

Этотъ неловкій вопросъ встрѣченъ былъ хохотомъ такимъ всеобщимъ и сильнымъ, что даже глухой не могъ не замѣтить. Квазимодо оглянулся и презрительно поднялъ горбъ кверху, между тѣмъ какъ Флоріанъ, удивленный не менѣе его и предположившій, что смѣхъ вызванъ какой-нибудь дерзкой выходкой горбуна, строго прикрикнулъ:

— Такой отвѣтъ заслуживаетъ плети, слышишь ты? Помни, съ тѣмъ говоришь!

Конечно, общая веселость удвоилась при этой выходкѣ. Улынулись даже сержанты, несмотря на броню тупости, защищавшую ихъ мыслительныя способности. Одинъ Квазимодо остался серьезенъ по той причинѣ, что не понималъ происходящаго Судья, пришедшій

въ еще большую ярость, рѣшился продолжать въ томъ же тонѣ, чтобъ задать страху и обвиненному и публикѣ.

— Какъ, негодяй! ты смѣешь грубить аудитору, человѣку, которому поручено наблюдать за нравственностью города, контролировать всѣ ремесла и не допускать монополіи; содержать въ чистотѣ улицы, мѣрить дрова, очищать воздухъ отъ вредныхъ испареній, постоянно радѣть о благѣ города, безъ всякой надежды на вознагражденіе! Знаешь ли ты, что меня зовутъ Флоріаномъ Барбедьень, что я первый помощникъ г. прево, притомъ комисарь, допросчикъ, контролеръ, облеченный такою же властью!

Когда глухой разговариваетъ съ другимъ глухимъ, одному Богу извѣстно, когда прервется потокъ его рѣчи. Неизвѣстно, чѣмъ бы окончилось краснорѣчіе Флоріана, еслибы маленькая внутренняя дверь не растворилась передъ особой самого прево.

Барбедьень не смутился, но перенесъ рѣчь на входящаго, сдѣлавъ оборотъ въ его сторону:

— Монсеньеръ, сказалъ онъ: — предоставляю вамъ избрать наказаніе этому подсудимому, обвиняемому въ важномъ и неслыханномъ попраніи законовъ.

Онъ съѣлъ, отирая платкомъ потъ, капающій какъ слезы на лежащія передъ нимъ бумаги. Мессиръ Робертъ д'Естувиль нахмурилъ брови и сдѣлалъ такой грозный знакъ Квазимодо, что тотъ его понялъ.

— Чтó ты надѣлалъ, негодяй! за чтó ты здѣсь?

Бѣднякъ, думая, что прево хочетъ знать его имя, отвѣчалъ глухимъ и рѣзкимъ голосомъ:

— Квазимодо.

Отвѣтъ такъ мало согласовался съ вопросомъ, что присутствующіе вновь разразились хохотомъ.

— Такъ ты и надо мной смѣешься! вскричалъ д'Естувиль, багровѣя отъ гнѣва.

— Звонарь въ соборѣ Богоматери, отвѣчалъ Квазимодо, думая, что отъ него требуютъ опредѣленія его званія.

— Звонарь! повторилъ прево, проснувшійся уже въ такомъ расположеніи духа, которое не требовало расшевеливанія жолчи подобными отвѣтами. — Звонарь! Я велю задать на твоей спицѣ такой трезвонъ! Слышишь!

— Если вы хотите знать мои лѣта, мнѣ пойдетъ двадцать-первый въ день св. Мартема.

Это было ужъ слишкомъ.

— А, ты смѣешься надъ властями, негодяй! Господа сержанты, вы сведете этого негодяя къ позорному столбу на Гревской площади и провертите его на колесѣ подъ ударами плети цѣлый часъ. Онъ мнѣ заплатитъ за это! Пусть обвиненіе это прокричатъ по всѣмъ улицамъ съ четырьмя трубачами.

Грефѣ началъ составлять актъ.

— Чортъ поberi! Вотъ правосудіе! закричалъ изъ своего угла Фролло.

Превосвернулъ и посмотрѣлъ на Квазимодо сверкающими глазами.

— Кажется негодяй сказалъ *чортъ поberi!* Грефѣ, прибавьте двѣнадцать денье штрафа за бранное слово въ пользу фабрики св. Евстафія. Я имѣлъ особенную вѣру въ этого святого.

Актъ былъ составленъ въ нѣсколько минутъ. Содержаніе его было коротко и ясно. Судебная власть еще не бывала въ рукахъ Тибо Балье и Роже Бармна, украсившихъ ея отправленія разными кляузами и процедурами вначалѣ XVI вѣка. Въ то время она еще прямо шла къ цѣли и, въ концѣ каждой тропинки, безъ малѣйшихъ пренятствій, виднѣлось колесо, висѣлица или позорный столбъ. Тогда покрайней-мѣрѣ всякій зналъ, куда идетъ.

Грефѣ представилъ актъ превос, который приложилъ къ нему печать и обратился къ другимъ дѣламъ, въ расположеніи духа способствующаго къ населенію парижскихъ тюремъ. Фролло и Пуспень смѣялись втихомолку. Квазимодо смотрѣлъ на все съ видомъ удивленія.

Между тѣмъ грефѣ, сжалившись надъ осужденнымъ и въ надеждѣ сколько-нибудь смягчить обвиненіе, наклонился какъ можно ближе къ уху аудитора и сказалъ, указывая на Квазимодо:

— Онъ глухъ. Онъ надѣялся, что встрѣтивъ у обвиненнаго одинаковый съ собой недостатокъ, Флоріанъ смягчится. Но, вопервыхъ, мы уже говорили, что аудиторъ не любилъ, чтобы замѣчали его глухоту; вовторыхъ, онъ не слышалъ, что говорилъ грефѣ, и чтобы доказать противное сказалъ:

— А, а! я этого не зналъ. Въ такомъ случаѣ прибавить еще часть выставки на позорномъ столбу.

И онъ подписалъ приговоръ, измѣненный такимъ образомъ.

— Подѣломъ! сказалъ Пуспень, непростившій толчекъ Квазимодо. — Это научить его обращаться съ людьми.

II

КРЫСЬЯ НОРА

Съ позволенія читателя, мы опять поведемъ его на Гревскую площадь, которую покинули съ Гренгуаромъ, чтобы слѣдовать за Эсмеральдой.

Десять часовъ утра; повсюду видны слѣды праздника. Площадь покрыта лентами, доскутками, перьями, остатками народного торжества. Нѣсколько личностей ходятъ взадъ и впередъ, подправляя ногами головни изъ костровъ или останавливаясь въ раздумьи передъ домомъ съ колонами, являющимъ глазу одни гвозди, на которыхъ держались вчерашнія драпировки. Продавцы лимоннаго квасу проталкиваются между группами. Купцы переговариваются, стоя на порогѣ лавокъ. Праздникъ, посольство, Коппеноль, папа шутовъ переходятъ изъ устъ въ уста. Между тѣмъ четыре конныхъ сержанта, занявшіе мѣста по угламъ позорнаго столба, привлекли къ себѣ часть любопытныхъ.

Если читатель обратитъ свои взоры на полуготическую и полуроманскую башню Роланда, составляющую уголъ набережной на западной сторонѣ, онъ замѣтитъ на одномъ изъ угловъ фасада большой молитвенникъ съ богатыми рисунками, защищенный отъ дождя небольшимъ навѣсомъ, а отъ воровъ рѣшоткой, не мѣшающей однако переворачивать листки. Рядомъ съ молитвенникомъ есть маленькое, овальное отверстіе, загороженное крестообразно двумя желѣзными прутьями, единственное отверстіе, пропускающее струю свѣта и воздуха въ маленькую келью, безъ двери, сдѣланную въ подвальномъ этажѣ дома въ углубленіи толстой стѣны. Тишина и мракъ этой кельи удваиваются близостью шумной, населенной площади.

Эта келья пользуется общей извѣстностью въ продолженіи трехъ вѣковъ, съ тѣхъ поръ, какъ владѣтельница башни Роланда, послѣ смерти отца, убитаго въ крестовомъ походѣ, первая заключилась въ ней на всю жизнь, оставивъ бѣднымъ и Богу все прочее имущество. Такъ прожила она двадцать лѣтъ, молясь день и ночь о душѣ отца, неимѣя даже камня, чтобъ положить голову, одѣтая въ черное рубище, существуя подаеніемъ, которое прохожіе опускали

въ отверстіе кельи. Передъ смертью, переходя въ другой гробъ, она завѣщала этотъ всѣмъ вдовамъ, сиротамъ или женщинамъ, желающимъ день и ночь плакать и молить о своемъ горѣ.

Бѣдняки, облагодѣтельствованные ею, почтили ея похороны слезами и благословеніями. Либералы рѣшили, что на томъ свѣтѣ справедливость возьметъ свое и стали молиться за умершую Богу, помимо папской власти. Большая часть вознамѣрилась своевольно чтить память благодѣтельницы и обратить въ святыню оставшееся послѣ нея платье. Городъ въ свою очередь пожертвовалъ въ память покойной общій молитвенникъ, который и приколотили рядомъ съ окномъ кельи для того, чтобы прохожіе, останавливаясь для молитвы, вспоминали о милостынѣ и не допускали такимъ образомъ умереть съ голода послѣдовательницъ г-жи Роландъ.

Подобное погребеніе заживо было не рѣдкостью въ среднихъ вѣкахъ. Можно было встрѣтить въ самыхъ шумныхъ улицахъ, на самыхъ населенныхъ рынкахъ, почти подъ ногами лошадей и людей, какой-нибудь погребъ, колодезь или хижинку, въ глубинѣ которой молилось день и ночь живое существо, посвятившее себя вѣчному оплакиванію своего горя или проступка. Толпа не обращала на этихъ затворниковъ большого вниманія, ни у кого не шевелились размышленія, способныя возникнуть въ головѣ настоящаго поколѣнія, при видѣ этого страшнаго заточенія, этой переходной точки отъ жизни къ смерти, отъ жилища къ гробу, при видѣ челоуѣка, заживо ушедшаго къ мертвымъ; этой лампы, догорающей въ темнотѣ, этого дыханія, этого голоса, этой вѣчной молитвы въ каменномъ ящикѣ; этого лица, навсегда обращеннаго къ другому міру, этого глаза, въ которомъ уже отражается другое солнце, этого уха, приложеннаго къ отверстию могилы, этой души, заключенной въ тѣлѣ, этого тѣла, заключеннаго въ тюрьму и изъ-подъ этой двойной оболочки, вѣчнаго ропота больной души.

Набожность того времени, не вдававшаяся въ тонкости и разсужденія, смотрѣла на нихъ просто. Она уважала, чтילה жертву, но не анализировала страданій и не жалѣла о нихъ. Заключенному приносили подаваніе, смотрѣли въ окна живъ ли онъ, не знали его имени и съ которыхъ поръ началась его добровольная смерть и отвѣчали постороннему, спрашивающему кто гниетъ въ этомъ погребѣ: «затворникъ» если дѣло шло о мужчинѣ, и «затворница» если то была женщина.

Тогда на все смотрѣли безъ метафизики, безъ увеличительнаго

стекла, простымъ глазомъ. Микроскопъ еще не былъ изобрѣтенъ ни для матерьяльныхъ, ни для нравственныхъ явленій.

Несмотря на общее равнодушіе, примѣры заключенія были часты. Въ Парижѣ было множество келій и почти всѣ были заняты. Правда и то, что духовенство заботилось о ихъ населеніи, и за-немѣннѣемъ кающихся поселяло въ нихъ прокаженныхъ. На горѣ св. Женевьевы подобіе Юва среднихъ вѣковъ пѣло въ продолженіе тридцати лѣтъ семь покаянныхъ псалмовъ, возвышая голосъ сильнѣе къ ночи; теперь антикварію чудится еще его голосъ при входѣ въ улицу *de Puits qui parle*.

Келья въ башнѣ Роланда никогда не оставалась пустою. Со смерти дѣвicy Роландъ, она сиротѣла не болѣе двухъ лѣтъ. Парижское злоязычіе утверждаетъ, что всего менѣе было вдовъ въ ея стѣнахъ.

По обычаю того времени латинская легенда, написанная на стѣнѣ, указывала грамотнымъ прохожимъ на назначеніе кельи. Обычай объяснять назначеніе зданія посредствомъ краткой надписи сохранился до половины XVI вѣка. Такъ надъ тюрьмой замка Турвилъ во Франціи есть еще надпись: *Sileto et spera*; въ Англии, надъ главной дверью гостепріимнаго замка графовъ Кунеръ: *Tuus est*. Тогда вѣдь каждое зданіе было цѣлая мысль.

Такъ какъ у кельи башни Роланда не было двери, то большими романскими буквами написано было надъ окномъ:

TU, ORA.

Народъ, не останавливающийся надъ тонкостями и переводящій слова: *Ludovico Magno* — ворота св. Людовика, далъ этому темному и сырому углубленію названіе Крысейей норы (*trou-aux-Rats*). Объясненіе если не столько грандіозное, то очень краснорѣчивое.

III

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЛЕПЕШКИ

Во время нашего разказа келья была обитаема. Если читатель хочетъ узнать кѣмъ, пусть послушаетъ разговоръ трехъ кумушекъ, идущихъ именно къ Гревской площади.

Двѣ изъ нихъ носили костюмъ парижскихъ гражданокъ. Ихъ тонкая рубашка и голубая съ красными клѣтками юбка, ихъ бѣлые

вязанные чулки, лодки натанутые, ихъ четверугольные башмаки изъ краснаго сафьяна съ черными подошвами, въ особенности головной уборъ, родъ воронки, украшенной лентами и кружевами, доказывали, что онѣ принадлежатъ къ тому класу богатыхъ пупчихъ, который составляетъ средину между тѣмъ, что дакеи называютъ женщиной и дамой. На нихъ не было ни колець, ни золотыхъ ожерелей, но видно было, что не бѣдность, а боязнь штрафа заставляеть ихъ убѣгать роскоши. Третья была одѣта почти также, но въ ея костюмѣ и манерахъ чувствовалось нѣчто, напоминающее жену провинціального нотаріуса. Видно было по ея поясу, что она недавно въ Парижѣ. Прибавьте къ этому, что башмаки ея украшены были бантами, полосы юбки шли поперегъ, а не вдоль, и множество другихъ мелочей, оскрбляющихъ вкучь.

Двѣ первыя шли шагомъ, свойственнымъ парижанкамъ, показывающимъ городъ провинціалкѣ. Провинціалка веда за руку толстаго мальчика, державшаго огромную лепешку.

Къ сожалѣнію мы должны прибавить, что по случаю холодной погоды онъ вмѣсто носового платка употреблялъ свой языкъ.

Ребенка тащили *non possibus æquis*, какъ говоритъ Виргилій; онъ каждую минуту спотыкался къ великому ужасу своей матери. Правда, что онъ гораздо чаще смотрѣлъ на лепешку, чѣмъ подъ ноги. Вѣроятно что-нибудь очень важное заставляло его ограничиваться нѣжными взглядами на нее. Матери слѣдовало бы самой нести лепешку и не обращать мальчика въ Тантала.

Три женщины говорили разомъ.

— Пойдемте скорѣе, демуазель Майета! говорила самая младшая, она же и самая толстая. Я боюсь, что мы опоздаемъ; намъ сказывали въ Шателе, что его сейчасъ повезутъ.

— Что вы, демуазель Ударда Мюнье, подхватила другая парижанка: — онъ будетъ два часа на столбѣ, — поспѣемъ. Видали вы, Майета, какъ вертятъ на столбѣ?

— Да! отвѣчала провинціалка: — въ Реймсъ.

— Подите вы съ вашимъ реймскимъ столбомъ, на которомъ вертятъ однихъ мужиковъ! Важное дѣло!

— Мужиковъ? возразила Майета: — нѣтъ, мы видали важныхъ преступниковъ, такихъ, которые отцовъ и матерей убивали! Мужиковъ? За кого вы насъ принимаете?

Провинціалка готова была разсердиться за нарушеніе чести позорнаго столба, но г-жа Мюнье вовремя перемѣнила разговоръ.

— Кстати, demuазель Майета, каковы наши фламандскіе посланники? видали вы такихъ въ Реймсѣ?

— Признаюсь, только въ Парижѣ и увидишь такихъ! отвѣчала Майета.

— Замѣтили вы того высокаго; онъ говоритъ торгуешь платьемъ.

— Да, онъ похожъ на Сатурна.

— А этого толстяка, у котораго лицо похоже на животь? А маленькаго, съ красными глазами, хохлатаго какъ репейникъ?

— А на лошадей ихъ стоитъ взглянуть: всѣ одѣты по своей модѣ.

— Ну, моя милая! начала Майета, принявъ въ свою очередь важный видъ: — чтоже бы вы сказали, еслибъ увидѣли, во время коронаціи, лошадей принцевъ и королевскаго отряда. Какіе чепраки и попоны! одни изъ дамасскаго сукна, золотые, на горностаевомъ подбоѣ; другіе бархатные, на куньемъ мѣху; другіе еще всѣ въ золотѣ. Какихъ-то это денегъ стоило! А какіе прекрасные пажы на нихъ сидѣли!

— Все это не мѣшаетъ фламандцамъ имѣть хорошихъ лошадей! сухо отвѣчала Ударда. Они вчера ужинали у городского головы.

— Что вы, сосѣдка. Фламандцы ужинали у кардинала.

— Нѣтъ, у головы.

— Нѣтъ, у кардинала.

— Доказательство, что у головы, въ Отель-де-Валь, когда докторъ Скурабль держалъ имъ латинскую рѣчь, которой они остались очень довольны. Мнѣ говорилъ это мой мужъ.

— У кардинала въ Petit Bourbon, говорятъ вамъ; еще вечеромъ освѣтили волшебными огнями слово «надежда» на его фасадѣ.

— Я вамъ говорю, что нѣтъ.

— Я вамъ говорю, что да.

Дѣло зашло бы можетъ-быть очень далеко, еслибъ Майета не вскричала:

— Посмотрите, сколько народу на мосту, тамъ вѣрно что-нибудь любопытное!

— Да, я слышу барабанъ. Вѣрно это Эсмемальда съ козой. Ну, поскорѣй, Майета, тащите своего мальчугана. Вы вѣдь хотѣли видѣть рѣдкости. Вчера вы видѣли фламандцевъ, сегодня надо смотрѣть цыганку.

— Цыганку! вскричала Майета, бросаясь назадъ и крѣпко сжавъ

руку сыну. — Сохрани меня Богъ! она украдетъ у меня ребенка! Пойдемъ мой голубчикъ!

И она бросилась по набережной подалеже отъ моста. Ребенокъ упалъ, она остановилась. Ударда и Жервеза подошли къ ней.

— Она украдетъ вашего ребенка? вотъ фантазія!

Майета покачала головой.

— Странно, что у затворницы такое же понятіе о цыганкахъ! сказала Ударда.

— Кто эта затворница?

— Сестра Гудула въ башнѣ Роланда.

— Та самая, которой мы несемъ лепешку.

Ударда сдѣлала утвердительный знакъ.

— Именно. Вы ее сейчасъ увидите въ окошечко. Она одинаковаго мнѣнія съ вами о цыганахъ, предсказывающихъ на улицѣ. Но вы, Майета, почему вы даже смотрите на нихъ не хотите?

— О! вскричала Майета, охвативъ руками голову сына: — я не хочу, чтобы со мной случилось тоже, что съ Пакетой Шамфлери.

— Раскажите намъ, милая Майета.

— Видно что вы изъ Парижа, когда не знаете этого. Пакета была хорошенькая восемнадцатилѣтняя дѣвушка, моя ровесница; этому прошло тоже восемнадцать лѣтъ и она сама виною, что не сдѣлалась такой же видной женщиной, какъ я, съ ребенкомъ и мужемъ. Впрочемъ съ четырнадцати лѣтъ ей уже нельзя было думать объ этомъ. Это была дочь Гюнберта, нашего менестреля, который игралъ передъ королемъ Карломъ VII во время его коронаванія. Старикъ умеръ, когда Пакета была еще ребенкомъ. Мать ея была добрая женщина, но къ несчастію ничему не научила дочку. Онѣ жили въ Реймсъ. Во время коронаціи нашего короля Людовика XI, Пакета была уже такая большая, веселая и хорошенькая, что на нее всѣ заглядывались. Бѣдная дѣвочка! у ней были прекрасные зубы и она любила смѣяться и показывать ихъ, а ужъ извѣстно, что когда дѣвушка много смѣется, придется ей потомъ плакать. Работа шла плохо. Онѣ съ матерью получали за шитье не болѣе шести денье въ недѣлю. Прошли тѣ времена, когда покойный Гюнбертъ получалъ по шести паризи за одну иѣсню. Въ одну зиму, когда у нихъ не было дровъ, щеки Пакеты такъ покраснѣлись отъ холода, что мужчины стали называть ее маргариткой, и она пропала. Есташъ, смѣй только закусить лепешку! Мы тотчасъ поняли въ чемъ дѣло, когда она разъ пришла въ церковь съ золотымъ кре-

отомъ на шеѣ. Въ четырнадцать-то лѣтъ! Сперва у ней былъ молодой виконтъ де Кормонтрель, потомъ, переходя изъ рукъ въ руки, она попала къ Тьери де Меръ, фонарщику, и ужъ пошла по всѣмъ. Повѣрите ли, въ томъ же самомъ году она стала своими руками постель королю мошенниковъ. Такъ упасть въ одинъ годъ!

Майета вздохнула и отерла слезу.

— Ну, это обыкновенная исторія и я не вижу ни цыганъ, ни дѣтей! сказала одна изъ слушательницъ.

— Не торопитесь. Дитя сейчасъ явится. Въ 66 году, теперь будетъ этому уже шестнадцать лѣтъ, Пакета родила дочь. Бѣдная, какъ она была рада! Ей давно хотѣлось имѣть ребенка. Мать ея уже умерла. У Пакеты не было никого на свѣтѣ, кто бы любилъ ее. Черезъ пять лѣтъ послѣ своей вины, она была очень несчастна. Она была одна на свѣтѣ, на нее указывали пальцами на улицахъ, сержанты ее били, мальчишки поднимали на смѣхъ. Ей было уже двадцать лѣтъ, а это уже старость для женщинъ ея ремесла. Съ каждой морщинкой плата становилась меньше. Зимой ей опять стало холодно и не стало доставать хлѣба. Работать она уже отвыкла, а избаловаться успѣла. Вотъ почему этимъ женщинамъ больше нужно, чѣмъ намъ, когда приходитъ старость.

— Хорошо, а гдѣ же цыгане?

— Погодите, Жервеза, сказала другая парижанка. — Что же бы осталось къ концу, еслибы расказать все вначалѣ. Продолжайте, Майета. Бѣдная дѣвушка!

Она сдѣлалась очень печальна и похудѣла отъ слезъ. Но ей казалось, что приважишь она къ кому-нибудь или будь кто-нибудь привязанъ къ ней, ей было бы не такъ грустно и стыдно. Полюбить ее могъ одинъ только ребенокъ по своей невинности. Она убѣдилась въ этомъ, отдавшись вору, единственному существу не отказавшемуся отъ нея; черезъ нѣсколько времени она замѣтила, что и воръ ее презираетъ. Такимъ женщинамъ нуженъ любовникъ или дитя, чтобъ наполнить сердце: иначе онѣ очень несчастны. Не имѣя любовника, она вся сосредоточилась на желаніи имѣть ребенка и, такъ какъ въ ней еще оставалась набожность, она день и ночь молила объ этомъ Бога. Богъ умилосердился надъ нею и далъ ей дочку. Нельзя передать ея радости. Это были безконечныя слезы, ласки и поцѣлуи. Она стала кормить ребенка, сдѣлала ему пеленки изъ своего единственнаго одѣяла и съ тѣхъ поръ не чувствовала ни холода, ни голода. Она даже похоронѣла. Изъ старой дѣвы вышла молодая

мать. Поклонники опять явились и на всѣ выручаемыя деньги Пакета покупала атласныя чепчики, кружевныя рубашечки, не забывая завести себѣ одѣяла. «Есташъ, я уже запретила тебѣ ѣсть лепешку.» Маленькая Агнеса, такъ звали ребенка, была разряжена какъ принцеса. У ней была между прочимъ пара такихъ башмачковъ, какіе врядъ ли были у короля Людовика XI! Мать сама вышивала ихъ и положила на это все свое искусство. Это были прелестныя розовыя башмачки, величиною съ мой большой палець. Надо было видѣть ихъ на хорошенькихъ розовыхъ ножкахъ ребенка! Впрочемъ не одни только ножки были хороши у Агнесы. Я видѣла ее, когда ей было только четыре мѣсяца: это былъ настоящій херувимъ! Глаза у ней были больше, нежели ротъ, и тончайшіе черныя вьющіеся волосы. Какая бы брюнетка вышла изъ нея въ шестнадцать лѣтъ! Мать влюблялась въ нее съ каждымъ днемъ болѣе. Она ласкала, цѣловала, мыла, наряжала ее, просто готова была съѣсть! Какъ она благодарила Бога! Маленькія розовыя ножки сводили ее съ ума: она вѣчно цѣловала ихъ и не могла надивиться, какъ онѣ малы. Она снимала и надѣвала ей башмачки, разсматривала ножки къ свѣту, пробовала, какъ онѣ будутъ ходить по постелѣ и охотно провела бы всю жизнь у этихъ ногъ.

— Все это хорошо, но о цыганахъ и помина нѣтъ.

— Сейчасъ. Однажды въ Реймсѣ появились странные люди. Это были нищіе подъ предводительствомъ своего герцога и графовъ. Они были смуглы, съ курчавыми волосами и серебряными кольцами въ ушахъ. Женщины были хуже мужчинъ. Лицо ихъ было черно и всегда открыто; на тѣлѣ дрянное рубище: кусокъ грубаго холста черезъ плечо, и волосы какъ конская грива. Дѣти, валявшіяся подъ ихъ ногами, могли бы напугать обезьянъ. Они шли прямо изъ Нижняго Египта въ Реймсѣ черезъ Польшу. Говорятъ, папа ихъ исповѣдывалъ и назначилъ имъ, за грѣхи, странствовать семь лѣтъ, не останавливаясь подъ кровдей. Они пришли гадать въ Реймсѣ, отъ имени алжирскаго короля и нѣмецкаго императора. Этого разумѣется было довольно, чтобъ не впустить ихъ въ городъ. Тогда вся ватага расположилась у городскихъ воротъ, на холмикѣ, гдѣ теперь мельница. Всѣ жители наперерывъ ходили смотрѣть на нихъ. Они глядѣли на руку и предсказывали чудеса. Про нихъ носился слухъ, что они воруютъ дѣтей, отрѣзываютъ кошельки и ѣдятъ человѣческое мясо. Умные совѣтовали глупымъ не ходить, а сами отправлялись тайкомъ. Египтяне рассказывали вещи, способныя уди-

вить кардинала. Матери очень гордились дѣтьми, которымъ цыгане вычитали по рукѣ разныя чудеса, написанныя поязычески и потурецки. У одной сынъ будетъ королемъ, у другой папой, у третьей капитаномъ. Бѣдная Пакета не устояла: ей захотѣлось узнать, не будетъ ли ея хорошенькая Агнеса королевой армянской или другой какой-нибудь. Она понесла ее къ цыганамъ, которые принялись ее хвалить, цѣловать своими черными губами, восхищаться ея ручкой, увы! къ великой радости матери. Въ особенности расхвалили ножки и башмачки. Ребенку не было еще года. Она уже улыбалась матери, лепетала, была такая кругленькая и ловкая какъ ангельчикъ. Египтянъ она очень испугалась и заплакала, но мать поцѣловала ее еще крѣпче и ушла, довольная предсказаніями. Малышка будетъ красавица, умница, королева. Мать съ гордостью принесла королеву домой. На другой день, пока дитя еще не просыпалось, она тихонько встала съ постели, приотворила дверь и вышла рассказать сосѣдкѣ, что придетъ время, когда ея Агнесъ будутъ служить за столомъ король англійскій и эрцгерцогъ ефіопскій. Возвращаясь домой и не слыша крика, она подумала: ребенокъ спитъ. Дверь была однакожь отворена болѣе, чѣмъ она ее оставила; бѣдная мать бросилась прямо къ постелѣ... Ребенка не было, остался одинъ только башмачокъ. Она бросилась съ лѣстницы, билась головой объ стѣны и кричала: «Кто взялъ мое дитя!» Улица была пустая, домъ уединенный, никто ничего не видалъ. Она пробѣгала весь день какъ сумашедшая, съ растрепанными волосами, страшная; въ глазахъ былъ какой-то огонь, иссушившій слезы. Она останавливала прохожихъ и кричала: «Дочь моя, моя хорошенькая дочка! Кто отдастъ мнѣ ее, я буду служить тому какъ собака, вырву ему сердце свое изъ груди!» Ей встрѣтился кюре изъ Сен-Реми, она говорила ему: «Батюшка, я буду пахать землю ногтями, только отдайте мнѣ мою дочку!» Это было ужасно, даже нашъ прокуроръ плакалъ.

— Бѣдная мать! Вечеромъ, она возвратилась домой. Во время ея отсутствія, сосѣдка видѣла, какъ двѣ цыганки прокрались къ ней съ какимъ-то сверткомъ, потомъ затворили дверь и поспѣшно убѣжали. Съ тѣхъ поръ изъ комнаты Пакеты сталъ раздаваться дѣтскій крикъ. Пакета судорожно захохотала, взлетѣла на лѣстницу, вышла дверь и вошла... Чтожь бы вы думали! вмѣсто хорошенькой Агнесы, свѣженькой и розовенькой, по полу ползало и кричало какое-то чудовище, хромое, кривое, изуродованное. Она съ ужасомъ закрыла глаза. Неужели колдуньи превратили мое дитя въ это чу-

довище! Чудовище поскорѣй унеси, нето она сошла бы съума. Это вѣрно было дитя какой-нибудь цыганки, проданное нечистому. Ему было года четыре и онъ говорилъ какимъ-то нечеловѣческимъ языкомъ, слова были какія-то невѣроятныя. Пакета бросилась на маленькій башмачекъ, единственную вещь въ мѣрѣ, остававшуюся отъ всего что она любила. Она такъ долго оставалась надъ нимъ безъ движенія, безъ словъ, безъ дыханія, что ее сочли было мертвой. Вдругъ она дрогнула вѣсѣмъ тѣломъ, покрыла башмачекъ неистовыми поцѣлуями и такъ зарыдала, какъ-будто сердце рвалось у ней на части. Мы всѣ съ ней плакали. Она говорила: О моя дочка, хорошенькая моя дочка, гдѣ ты теперь? У всѣхъ душа содрогалась. Я и теперь не могу безъ слезъ вспомнить. Дѣти, вѣдь это часть насъ самихъ. Бѣдный мой Есташъ, ты тоже хорошенькій. Еслибъ вы знали, какъ онъ милъ! Вчера онъ вдругъ говоритъ мнѣ: я хочу быть жандармомъ! О, еслибъ я его лишилась!.. Пакета вдругъ встала и бросилась по городу съ крикомъ: За мной, въ египетскій лагерь, надо сжечь колдуновъ! Цыганъ уже не было. Ночь была темная, такъ что и погоню посылать было бесполезно. На другой день, въ двухъ лье отъ Реймса, нашли остатки костра, нѣсколько ленточекъ, принадлежавшихъ ребенку Пакеты, слѣды крови и землю изрытую козлиными рогами. Прошедшая ночь была суботняя; никто не сомнѣвался, что цыгане справляли свой шабашъ и съѣли ребенка пополамъ съ Вельзевуломъ, какъ это всегда дѣлають магометане. Когда все рассказали Пакетѣ, она не заплакала, только пошевелила губами, но словъ не вышло. На другой день у ней волосы посѣдѣли, а на третій она пропала.

— Вотъ, въ самомъ дѣлѣ исторія, отъ которой камень заплачетъ.

— Я не удивляюсь теперь, что вы такъ боитесь цыганъ.

— Особенно, вы хорошо сдѣлали, что увели сына отъ нихъ, потому что они тоже пришли изъ Польши.

— Не правда, говорятъ, что они изъ Испаніи и Каталоніи.

— Каталоніи? можетъ-быть, я все смѣшиваю эти названія. Но главное то, что они все-таки египтяне.

— И у нихъ зубы длиннѣе, съѣдятъ ребенка. Я не прочь отъ мысли, что и Эсмеральда готова съѣсть кусочекъ, несмотря на свою деликатность. Ея бѣлая козочка выдѣлываетъ уже черезчуръ мурдренныя штуки. Тутъ что-то не просто!

— Майета шла молча. Она погружена была въ задумчивость, ко-

торая такъ—сказать составляетъ продолженіе грустнаго расказа и останавливается только, когда уже его вибраціи дойдутъ до самыхъ сокровенныхъ фибръ сердца. Жервеза обратилась къ ней: — И никто не узналъ что стало съ Пакетой? Майета не отвѣчала. Жервеза повторила вопросъ, потрясши ее за руку и назвавши по имени. Майета точно проснулась.

— Что сдѣлалось съ Пакетой? повторила она машинально, какъ бы стараясь вникнуть въ смыслъ этихъ словъ. А! объ ней не было больше и слуха.

Она прибавила, по нѣкоторомъ размышленіи:

— Одни говорили, что она вышла рано поутру изъ Реймса въ ворота Флешанбо; другіе указываютъ на другое направленіе. Одинъ бѣднякъ нашолъ ея золотой крестъ, — онъ былъ повѣшенъ на каменномъ крестѣ, на ярморочной площади. Этотъ-то подарокъ и сгубилъ ее въ 61 году. Его подарилъ ей красивый виконтъ де Кормонтрель, первый ея любовникъ, и Пакета не хотѣла разстаться съ крестикомъ, несмотря ни на какую крайность: имъ дорожила она какъ жизнью. Когда мы увидали крестикъ, то всѣ подумали, что она умерла. Послѣ говорили нѣкоторые, что видѣли ее босикомъ на парижской дорогѣ. Тогда впрочемъ ей слѣдовало бы выйти изъ Весльскихъ воротъ, а это несогласно съ первыми показаніями. Да она вѣрно такъ и сдѣлала, перешла черезъ Веслу, только отправилась-то дальше Парижа.

— Я васъ не понимаю.

— Весла рѣка, отвѣчала съ грустной улыбкой Майета.

— Бѣдная Пакета, утопилась!

— Утопилась! повторила Майета. Думалъ ли старикъ Гюнберто, переплывая съ пѣніемъ рѣку, что его маленькая Пакета также со временемъ переплыветъ ее, только безъ лодки и безъ пѣсенъ.

— А куда дѣвался башмачекъ? спросила Жервеза.

— Пропасть вмѣстѣ съ матерью.

— Бѣдный маленькій башмачекъ! сказала Ударда.

Ударда, толстая и чувствительная женщина, готова была молча вздыхать вслѣдъ за Майетой, но любопытство Жервезы все еще не было удовлетворено.

— А чудовище? вдругъ спросила она у Майеты.

— Какое чудовище?

— Маленькое цыганское чудовище, которое козлѣнны оставили

Пакетъ вмѣсто дочери. Что вы съ нимъ сдѣлали? Надѣюсь, также утопили его?

— Вовсе нѣтъ, отвѣчала Майета.

— Какъ! стало-быть сожгли? Впрочемъ такъ и слѣдовало поступить съ ребенкомъ колдуньи.

— Ни того, ни другого, Жервеза. Архіепископъ принялъ участіе въ ребенкѣ, произнесъ надъ нимъ заклинаніе, благословилъ его, и выгнавъ злого духа, отправилъ его въ Парижъ, чтобъ выставить его въ придворѣ собора Богоматери, на мѣстѣ найденнышей.

— Ужъ эти епископы! бормотала Жервеза, потомучто они ученые, такъ ужъ и дѣлаютъ все не такъ какъ другіе люди. Скажите пожалуйста! положить чертенка съ подкидыпами! не говорите, это навѣрное былъ чертенокъ. Ну, Майета, чтоже съ нимъ сдѣлали въ Парижѣ? Вѣроятно никто не взялъ его.

— Не знаю; въ это самое время мой мужъ купилъ должность сельскаго нотаріуса, въ двухъ лье отъ города, и мы потеряли изъ вида эту исторію; тѣмъ болѣе, что передъ нашимъ селеніемъ двѣ высокія горы, которыя заслоняютъ даже реймскія колокольни.

Разговаривая такимъ образомъ, три собесѣдницы дошли до греской площади. Въ разговорѣ, онѣ не замѣтно миновали келью въ башнѣ Роланда и машинально направлялись къ позорному столбу, который уже окружала густая толпа. По всей вѣроятности, зрѣлище предстоящее имъ изгладило бы вовсе изъ памяти ихъ Крысью нору, еслибы шестилѣтній Есташъ не напомнилъ о ней.

— Мама, сказалъ онъ, какъ бы чувствуя по инстинкту, что цѣль путешествія осталась позади: — можно теперь съѣсть лепешку?

Будь Есташъ половчѣе, то-есть не столько жаденъ, онъ сдѣлалъ бы этотъ вопросъ на возвратномъ пути, когда между Крысьей норой и ихъ домомъ лежало бы два рукава Сены и пять мостовъ Старога города.

Теперь же, неосторожное напоминаніе пробудило память Майеты.

— Кстати, мы и позабыли затворницу! вскричала она. Покажите же мнѣ вашу Крысью нору: я снесу туда лепешку.

— Сейчасъ, отвѣчала Ударда, это доброе дѣло.

Есташу это вовсе не нравилось.

— Моя лепешка! закричалъ онъ, поднимая плечи, — знакъ величайшаго неудовольствія.

Женщины воротились назадъ и подошли къ кельѣ. Ударда сказала другимъ :

— Не надо всѣмъ разомъ глядѣть въ окошечко , затворница испугается. Сдѣлайте видъ , что читаете молитву , а я посмотрю : она меня немножко знаетъ. Когда будетъ можно , я скажу вамъ .

Она пошла одна къ окошечку. Въ ту минуту , какъ она заглянула въ темную келью , глубокая жалость выразилась во всѣхъ ея чертахъ ; ея веселая , откровенная физиономія быстро измѣнила свое выраженіе , какъ-будто перейдя отъ солнечнаго луча къ лунному ; глаза ея налились слезами , губы подернулись , какъ у человѣка тоговаго заплакать. Она сдѣлала знакъ Майетѣ .

Майета подошла на цыпочкахъ , тоже взволнованная , какъ подходить къ постелѣ умирающаго .

Въ самомъ дѣлѣ , грустное зрѣлище представилось глазамъ женщины , неподвижно и притаивъ дыханіе смотрѣвшихъ въ рѣшотку .

Келья была узенькая , высокая , со сводами. Издали , она походила на митру епископа. Въ углу , на голомъ полу , скорчилась женщина. Подбородокъ ея упирался въ колѣна , которыя она крѣпко прижала къ груди руками. Черная одежда покрывала ее всю широкими складками ; пряди длинныхъ сѣдыхъ волосъ падали на лицо , и спускались до самыхъ ногъ. Въ этой позѣ она казалась , на темномъ фонѣ кельи , какимъ-то страннымъ треугольникомъ , который лучъ свѣта , падающій изъ окна , рѣзко раздѣлялъ на двѣ половины : темную и свѣтлую. Это было одно изъ тѣхъ привидѣній , состоящихъ изъ свѣта и тѣни , которыхъ можно увидѣть во свѣ или въ необыкновенномъ твореніи Гоа , блѣдныхъ , неподвижныхъ , страшныхъ , стоящихъ у рѣшотки тюрьмы или сидящихъ на надгробномъ памятникѣ . Это не было ни мужчина , ни женщина , ни живое существо , ни опредѣленная форма , — это былъ образъ , родъ видѣнія , въ которомъ дѣйствительное и фантастическое пересѣкались какъ свѣтъ тѣнью. Изъ подъ волосъ едва можно было разсмотрѣть профиль похудѣвшаго лица ; изъ подъ платья едва высывалась босая нога на замерзшемъ полу. Абрисъ человѣческой формы , который можно было различить подъ этой траурной оболочкой , приводилъ въ трепеть .

Она казалась изсѣченной изъ камня , безъ движенія , безъ мысли , безъ дыханія . Одѣтая однимъ холстомъ въ январѣ мѣсяцѣ , на холодномъ гранитномъ полу , въ темной тюрьмѣ , окно которой пропустило только свѣтъ , а не солнце , она казалось и не замѣчала всѣхъ этихъ страданій . Можно было подумать , что она окаменѣла вмѣстѣ

съ домою, превратились въ ледъ съ зимою. Руки ея были сложены, глаза устремлены на одну точку. Съ перваго взгляда ее можно было принять за привидѣніе, со втораго за статую.

Между-тѣмъ ея синія губы раскрывались для дыханія и дрожали, также мертвенно и машинально, какъ листья шевелящіеся отъ вѣтра.

Изъ ея глазъ выходилъ взглядъ невыразимый, глубокій, мрачный, постоянно устремленный въ уголъ кельи, котораго нельзя было видѣть въ окошко; взглядъ, который казалось сосредоточивалъ все мрачныя мысли этой души на какомъ-то таинственномъ предметѣ.

Три женщины смотрѣли въ окошко. Онѣ заслоняли свѣтъ, но несчастная и не замѣчала этого. Не будемъ ей мѣшать, сказала Ударда — она молится.

Между тѣмъ Майета, съ возрастающимъ любопытствомъ, вглядывалась въ эту исхудалую голову и глаза ея наполнялись слезами. Вотъ было бы странно, прошептала она.

Она просунула голову между желѣзныхъ прутьевъ и увидѣла предметъ, на который устремлены были глаза затворницы.

Когда она подняла голову, лицо ея было все въ слезахъ.

— Какъ зовутъ у васъ эту женщину? спросила она у Ударды.

— Сестрой Гудулой.

— А я назову ее Пакетой Шанфлери.

Тогда, приложивъ палецъ къ губамъ, она сдѣлала знакъ Удардѣ, чтобъ та посмотрѣла.

Ударда взглянула и увидѣла въ углу, куда устремлены были глаза несчастной, розовый башмачекъ, вышитый серебромъ и золотомъ.

Жервеза тоже взглянула и все трое заплакали.

Ни взгляды ихъ, ни слезы не въ состояніи были разсѣять затворницу. Руки ея оставались сложенными, губы сжатыми, глаза устремленными на одну точку. Для того кто зналъ ея исторію, зрѣлище было поразительно.

Три женщины не произнесли еще ни одного слова: онѣ не смѣли говорить даже шопотомъ. Это вѣчное молчаніе, великое горе, въ которомъ исчезло все кромѣ одной вещи, производило на нихъ благоговѣйный страхъ. Онѣ молчали и готовы были стать на колѣни. Имъ казалось, что онѣ въ церкви во время страстной недѣли.

Наконецъ Жервеза, самая любопытная и потому менѣе другихъ чувствительная, рѣшилась заставить говорить затворницу.

— Сестра! сестра Гудула!

Она повторила свой зовъ три раза, каждый разъ возвышая голосъ. Затворница не шевельнулась; ни слова, ни взгляда, ни вздоха, ни одного признака жизни.

Ударда, въ свою очередь, произнесла болѣе мягкимъ и ласковымъ голосомъ: Сестра, святая сестра Гудула!

Тоже молчаніе и таже неподвижность.

— Странная женщина! вскричала Жервеза: — ее не разшевелишь пушечнымъ выстрѣломъ.

— Она можетъ-быть глуха, сказала вздохнувъ Ударда.

— Можетъ ослѣпла, прибавила Жервеза.

— Можетъ-быть умерла, сказала Майета.

Если душа и не покинула это недвижимое тѣло, то удалилась въ такую глубину, куда не проникають внѣшнія впечатлѣнія.

— Придется оставить лепешку на окнѣ, сказала Ударда: — пожалуй еще кто-нибудь возьметъ ее; какъ бы разбудить ее?

Есташъ, развлеченный до этой минуты зрѣлищемъ собаки, впряженной въ маленькій экипажъ, вдругъ замѣтилъ, что спутницы его смотрять въ окно и, взобравшись на столбъ, всталъ на ципочки, приложилъ свое круглое личико къ отверстію, крича: мама, и я также хочу смотрѣть!

При этомъ дѣтскомъ голосѣ, свѣжемъ и звучномъ, затворница вздрогнула. Она повернула голову быстрымъ движеніемъ, ея худыя руки раздвинули волосы на лицѣ и она взглянула на ребенка грустностью отчаяніемъ. Взглядъ этотъ былъ какъ молнія. «Господи! вскрикнула она, пряча голову въ колѣни, и казалось ея рѣзкій голосъ рывалъ ей грудь, — по крайней-мѣрѣ не показывай мнѣ чужихъ дѣтей!

— Здравствуйте, важно произнесъ ребенокъ.

Это потрясеніе разбудило затворницу. Долгая дрожь пробѣжала по всему ея тѣлу; зубы ея застучали, она вполонину подняла голову и сказала, взявъ руками свои голыя ноги: «Охъ, холодно!

— Бѣдняжка, сказала съ участіемъ Ударда, хотите немного огня?

Она отрицательно покачала головою.

— Такъ вотъ немного вина, сказала Ударда, передавая ей бутылку: — выпейте, это васъ согрѣетъ.

Она опять покачала головой, пристально посмотрѣла на Ударду и сказала: воды!

Ударда настаивала. — Нѣтъ сестра, въ январѣ надо пить вино и скушать вотъ эту лепешку, которую мы испекли для васъ.

Она оттолкнула лепешку, и сказала : чернаго хлѣба!

— Жервеза, проникнутая въ свою очередь челоѣколюбіемъ, сняла свой шерстяной платокъ и сказала : надѣньте, вамъ будетъ теплѣе.

Она попрежнему отказалась, указывая на свою одежду.

— Вспомните же, что вчера былъ праздникъ, сказала Ударда.

— Я замѣчаю это, отвѣчала затворница, вотъ уже другой день нѣтъ воды въ моей кружкѣ.

И она прибавила помолчавъ : « Праздникъ, — меня забываютъ... и хорошо дѣлаютъ. Зачѣмъ людямъ думать обо мнѣ, когда я объ нихъ недумаю. Холоднымъ углямъ холодная зола. »

И какъ бы уставши отъ этихъ словъ, она опустила голову на колѣни. Простая и добрая Ударда, думая, что она опять жалуется на холодъ, наивно сказала ей :

— Такъ хотите огня?

— Огня? произнесла затворница какимъ-то страннымъ тономъ. Вы сожжете дочку мою, которая уже пятнадцать лѣтъ подъ землею!

Все тѣло ея дрожало, и протянувъ свою сухую, бѣлую руку къ рѣшеткѣ, она закричала :

— Унесите ребенка! цыганка придетъ!

Она упала лицомъ на землю и голова ея издала глухой звукъ, ударясь о камень. Женщины подумали, что она умерла. Минуту спустя, она пошевелилась и поползла на колѣняхъ къ углу, гдѣ висѣлъ башмачекъ. Онѣ не смѣли заглянуть въ окно, но слышали тысячи поцѣлуевъ и вздоховъ, сопровождаемыхъ страшными криками и звукомъ головы, бьющейся объ стѣну; наконецъ раздался такой сильный ударъ, что онѣ содрогнулись и не слышали ничего болѣе.

— Она убилась? сказала Жервеза, заглядывая въ окно: — Сестра Гудула!

— Сестра Гудула! повторила Ударда.

— Господи! она не шевелится! продолжала Жервеза, она умерла! Гудула! Гудула!

Майета, которой рыданія мѣшали говорить, сбѣжала имъ знакъ и подоидя къ окну, произнесла : Пакета! Пакета Шантѣлери!

Ребенокъ неосторожно дунувшій на фитиль ракеты, которая вспыхиваетъ ему въ лицо, не могъ бы быть испуганъ сильнѣе Майеты въ эту минуту.

Затворница вздрогнула всѣмъ тѣломъ, встала на ноги и бросилась къ окну съ сверкающими глазами. Майета и ея спутницы отскочили къ оградѣ набережной.

Между тѣмъ страшное лицо затворницы показалось у рѣшотки. О, сказала она, это цыганка зоветъ меня! и страшно захохотала.

Сцена, происходившая въ эту минуту у позорнаго столба, привлекла ея вниманіе. Лицо ея выразило ужасъ; она протянула изъ окна свои сухія руки и закричала страшнымъ голосомъ: — Опять ты, дочь Египта! Это ты зовешь меня, воровка дѣтей! Будь ты проклята! проклята! проклята!

IV

СЛЕЗА ЗА КАПЛЮ ВОДЫ

Эти слова послужили связью между двумя сценами, разыгравшимися параллельно на двухъ различныхъ пунктахъ, въ одно и тоже время. Одну изъ нихъ мы видѣли въ Крысей норѣ, другую читатель сейчасъ прочтетъ. Свидѣтельницами первой были три уже знакомыя намъ женщины; свидѣтелемъ же второй былъ весь народъ, собравшійся у столба Гревской площади.

Толпа эта, которой сержанты пообѣщали наказаніе кнутомъ, такъ увеличилась и окружила столбъ, что нужно было расталкивать ее съ помощью лошадей и нагаекъ.

Народъ, привыкшій къ ожиданіямъ публичныхъ наказаній, не выражалъ сильнаго нетерпѣнія. Онъ забавлялся разсматриваніемъ столба очень простой постройки, состоящей изъ каменнаго куба, футовъ въ десять вышиною, пустого внутри. Одна крутая каменная ступень, которую называли лѣстницей, вела на верхнюю площадку, на которой виднѣлось горизонтальное дубовое колесо. Наказываемаго привязывали къ этому колесу на колѣняхъ, руки назадъ. Деревянный стержень, приводящій въ движеніе вѣреть, спрятанный внутри зданія, сообщалъ движеніе колесу, такъ что лицо виновнаго обращалось на всѣ стороны площади. Это называлось вертѣть на колесѣ.

Столбъ Гревской площади не представлялъ, какъ видите, тѣхъ развлеченій какъ столбъ на рынкѣ. Въ немъ не было никакой архитектурной идеи, ничего монументальнаго. Ни крыши съ желѣзнымъ

крестомъ, ни осмиграннаго фонаря, ни колонокъ на краю крыши, ни рѣзныхъ украшеній, ни скульптуры.

Зрѣлище было незавидное для любителей готической архитектуры, но народъ не обращалъ на это большого вниманія и не требуетъ красоты отъ позорныхъ столбовъ.

Наконецъ привезли осужденнаго и когда ввели его на платформу и привязали къ колесу, въ толпѣ раздался смѣхъ и рукоплесканія. Народъ узналъ Квазимодо.

Переходъ былъ разительный. Наканунѣ, на той же самой площади, его носили съ триумфомъ, въ сопровожденіи герцога Египта, короля Ефіопіи и разныхъ другихъ чиновъ. Замѣчательно, что никому, даже самому Квазимодо, не пришла въ голову мысль объ этомъ контрастѣ. На площади не доставало Гренгуара съ его философіей.

Скоро Мишель Ногаре, присяжный трубачъ его величества, потребовалъ молчанія и прочелъ черни (manants) приговоръ скрѣпленный г. прево, потомъ удалился съ своими людьми за телѣгу.

Квазимодо оставался недвижимъ. Всякое сопротивленіе съ его стороны было невозможно, потомучто веревки врѣзывались ему въ тѣло. Это обыкновеніе сохранилось и между нами, цивилизованнымъ народомъ, въ отношеніи къ ручнымъ цѣпямъ. Его втащили, привязали, толкали, но на лицѣ его не выразилось ничего, кромѣ идиотическаго удивленія. Всѣ знали, что онъ глухъ, но тутъ можно было подумать что онъ и ослѣпъ.

Его поставили на колѣни; онъ сталъ. Его раздѣли до пояса, онъ непошевелился. Его опять притянули веревками, онъ не далъ признака жизни. Только отъ времени до времени онъ тяжело дышалъ, какъ теленокъ, котораго голова свѣсилась и бьется о край телѣги мясника.

— Животное, сказалъ Фролло Пуспену (оба школьника, конечно, послѣдовали за осужденнымъ), онъ столько же понимаетъ, какъ жукъ запертый въ коробку.

Въ толпѣ раздался громкій смѣхъ, когда увидѣли обнаженный горбъ Квазимодо, его верблюжью грудь и волосатые плечи. Въ это время, человекъ въ городскомъ мундирѣ, приземистый и здоровый, сталъ подлѣ осужденнаго. Имя его тотчасъ разнеслось въ толпѣ. Это былъ Пьера Тортью, палачъ Шателе.

Онъ поставилъ на уголь столба черные песочные часы, верхняя часть которыхъ была полна краснымъ пескомъ, медленно пересыпавшимся въ нижнюю, потомъ снялъ съ одного рукава сюртукъ и всѣ

увидѣли на его рукѣ тонкій кнутъ, съ острыми бѣлыми ремнями, лоснящимися, въ узелкахъ и съ металлическими оконечностями. Лѣвой рукою онъ небрежно заворачивалъ рукавъ правой.

Между тѣмъ, Фролло, возвысивъ свою кудрявую голову надъ толпою, кричалъ :

— Пожалуйте, почтенные господа и прекрасныя барыни! сейчасъ будутъ стегать Квазимодо, звонаря моего брата, архидіакона собора богоматери, полюбуйтесь его восточной архитектурой: смина у него куполомъ, а ноги витыми колонами!

Толпа хохотала, въ особенности дѣвушки и дѣти.

Наконецъ палачъ топнулъ ногой. Колесо завертѣлось. Квазимодо покачнулся. Удивленіе, выразившееся на его безобразномъ лицѣ, удвоило всеобщую веселость. Вдругъ, когда колесо при поворотѣ подставило горбъ Квазимодо палачу Пьера, тотъ поднялъ руку, ремешки свиснули въ воздухѣ какъ стая змѣй, и съ силой упали на плечи несчастнаго.

Квазимодо подпрыгнулъ, будто пробужденный отъ сна. Онъ началъ понимать. Онъ силился разорвать веревки. Выраженіе изумленія и боли подернуло его лицо, но онъ не испустилъ ни одного вздоха. Только голова его, покачиваясь, обращалась во все стороны, какъ голова буйвола, укушеннаго змѣей.

Второй ударъ послѣдовалъ за первымъ, потомъ третій, четвертый и такъ далѣе. Колесо не переставало вертѣться, и удары сыпаться на спину. Скоро брызнула кровь и стала скатываться тысячу ручьевъ на черныя плечи горбуна; тонкіе ремешки, взвиваясь на воздухъ, окропляли ею толпу.

Квазимодо повидимому пришолъ въ прежнее оцѣпненіе. Онъ попробовалъ было тихонько разорвать веревки. Глазъ его заблесталъ, черты исказились, члены напряглись и веревки подались нѣсколько. Усиліе было могучее, отчаянное, но путы устояли. Онъ потрещали и ничего болѣе. Квазимодо выбился изъ силъ. Онъ закрылъ свой единственный глазъ, опустилъ голову на грудь и остался недвижимъ.

Съ той минуты ничто не заставило его пошевелиться. Ни кровь, текущая ручьями, ни усиливающіеся удары, ни гнѣвъ палача, входящаго въ экстазъ по мѣрѣ продолжительности наказанія, ни свистъ ужасныхъ ремней.

Наконецъ экзекуторъ Шателе, одѣтый въ черное и сидѣвшій на черной лошади все время около лѣстницы, протянулъ свой коста-

ной жезлъ къ песочницѣ. Палачъ остановился; колесо перестало вертѣться. Глазъ Квазимодо медленно раскрылся.

Два прислужника палача омыли окровавленные плечи, натерли ихъ какимъ-то снадобьемъ, тотчасъ закрывшимъ всѣ раны и накинули на нихъ родъ желтаго кафтана. Тортью, между тѣмъ, капалъ кровью съ своихъ ремешковъ на площадь.

Для Квазимодо еще не все кончилось. Оставалось выстоять на столбѣ часъ, прибавленный Флоріаномъ Барбедьенъ, къ величайшей славѣ стараго физиологическаго и психологическаго каламбура Жана де Кюмень: *Surdus absurdus*.

Песочные часы перевернули и оставили страдальца на столбѣ, чтобъ въ точности исполнить правосудіе.

Народъ, въ особенности средневѣковый, въ обществѣ тоже что ребенокъ въ семействѣ. Пока онъ остается въ первобытномъ невѣдѣніи, про него можно сказать, какъ про ребенка:

Этотъ возрастъ безжалостенъ.

Мы уже видѣли, что Квазимодо былъ предметомъ всеобщей ненависти, впрочемъ и не совершенно напрасно. Не было почти ни одного изъ зрителей его наказанія, который не имѣлъ бы причины пожаловаться на злого соборнаго горбуна. Всѣ были рады что увидѣли его на позорномъ столбѣ; жестокость наказанія и жалкое положеніе, въ которомъ его оставили, не только не смягчило толпы, но еще усилило ея веселость.

Когда общественный судъ кончился, началась частная месть. Здѣсь, какъ и въ большой залѣ, всего болѣе отличались женщины. У всѣхъ былъ зубъ противъ него: у однихъ — за злость, у другихъ — за безобразіе. Послѣднія всего болѣе свирѣпствовали:

— У, маска антихриста! говорила одна.

— Вѣдьманъ! кричала другая.

— За эту гримасу его бы сдѣлали папой, еслибъ сегодня было вчера!

— Теперь онъ дѣлаетъ гримасу на столбѣ, когда-то сдѣлаетъ ее на висѣлицѣ?

— Когда провалишься подъ землю съ твоимъ большимъ колоколомъ, проклятый звонарь?

— И этотъ-то дьяволъ звонитъ къ божественной службѣ!

— Глухарь, кривой, горбунъ, чучело!

— Средство для выкидыша, безъ всякихъ медицинскихъ пособій!

А два школьника пѣли во все горло старый народный припѣвъ :

Une hart
Pour le pendar,
Un fagot
Pour le magot.

Тысячи другихъ оскорбленій лились дождемъ, сопровождаемыя иногда камнями.

Квазимодо былъ глухъ, но хорошо видѣлъ, а злоба выражалась и на лицахъ и въ жостахъ. Ктому-же камни служили поясненіемъ.

Сначала онъ сносилъ терпѣливо. Но мало-помалу это терпѣвіе, не измѣнявшее ему подъ ударами палача, истощилось отъ всѣхъ этихъ мелкихъ жалъ. Астурійскій быкъ, хладнокровный къ нападеніямъ сильнаго, раздражается лаемъ собакъ.

Онъ навелъ грозный взглядъ на толпу, но взглядъ этотъ былъ безсиленъ, чтобы разогнать этихъ мухъ, кусающихъ его раны. Тогда онъ зашевелился и его яростныя потуги заставили затрещать колесо. Насмѣшки только усилились.

Тогда убѣдившись, что не можетъ порвать своихъ путь, Квазимодо успокоился; только грудь его колыхалась отъ ускореннаго дыханія. На лицѣ его не выражалось чувства стыда: онъ былъ слишкомъ далекъ отъ общества и слишкомъ близокъ къ природѣ, чтобъ понимать это чувство. Да и есть ли возможность еще унижить такое безобразное существо? Но гнѣвъ, ненависть, отчаяніе навели на него мрачное облако, электричество котораго вырывалось молніями изъ единственнаго глаза циклопа.

Это облако разъяснилось однакожь при появленіи ослицы, на которой сидѣлъ священникъ. Лишь только завидѣлъ онъ эту ослицу и этого священника, лицо его прояснилось. Выраженіе злобы смѣнилось странной улыбкой, исполненной кротости и нѣжности. По мѣрѣ приближенія священника, улыбка дѣлалась яснѣе и радостнѣе. Несчастный привѣтствовалъ избавителя. Однакожь когда ослица настолько приблизилась къ столбу, что можно было разсмотрѣть страдальца, священникъ опустилъ глаза, свернулъ съ дороги и поскакалъ, какъ челоуѣкъ, вовсе не желавшій услышать привѣтствіе отъ несчастной жертвы.

Священникъ этотъ былъ архидіаконъ Фролло.

Облако еще больше сгустилось на лицѣ Квазимодо. Улыбка не исчезла еще, но сдѣлалась невыразимо горькая.

Время шло. Уже полтора часа терзали бѣдняка ударами, на-смѣшками и чуть не измозжили камнями.

Вдругъ онъ снова зашевелился съ удвоившимся отчаяніемъ, и прервавъ свое упорное молчаніе, закричалъ рѣзкимъ и гнѣвнымъ голосомъ, скорѣе похожимъ на лай, чѣмъ на человѣческій голосъ: «Пить!» — Воскличаніе это сдѣлалось новымъ поводомъ къ развлеченію добраго парижскаго народа, окружавшаго лѣстницу, народа, который, взятый въ массѣ, былъ неменѣе жестокъ чѣмъ племя бродягъ, къ которымъ мы водили читателя. Сами бродяги составляли только низшій слой народа. Ни одинъ голосъ не возвысился безъ на-смѣшки при крикѣ несчастнаго. Правда, звонарь былъ болѣе страшенъ и гадокъ нежели жалокъ, съ своимъ краснымъ лицомъ, съ котораго катился потъ, съ блуждающимъ глазомъ, пѣною у рта и на-половину-высунутымъ языкомъ. Еслибы даже въ толпѣ и нашлась добрая душа, пожелавшая удовлетворить страдальца, то войти на ступени позорнаго столба считалось такимъ униженіемъ, что одно это остановило бы благодѣтельнаго самарянина.

Помолчавъ съ минуту, Квазимодо простоналъ еще болѣе раздирающимъ голосомъ: «пить!»

Всѣ снова захохотали.

— Вотъ пей! кричалъ Пуспень, бросая въ него губку, выпачканую грязью. — Вотъ тебѣ, гадкій глухарь, я твой должникъ.

Женщина кинула ему камень.

— Вотъ это научить тебя будить насъ по утрамъ своимъ чертовскимъ трезвономъ.

— Что, братъ, гнусилъ какой-то калѣка, силясь достать его своей клюкой: — будешь колдовать и нашоptyвать на своей башнѣ?

— Вотъ тебѣ кружка! кричалъ мужчина, бросая разбитый кувшинъ ему въ грудь. — Моя жена родила двухголоваго ребенка, потому что ты въ это время проходилъ мимо.

— А у меня кошка родила котенка съ шестью лапками, проищала старуха, кинувъ кирпичемъ.

— Пить! повторилъ въ третій разъ изнемогавшій Квазимодо.

Въ эту минуту толпа разступилась. Появилась молодая, странно-одѣтая дѣвушка. За ней слѣдовала бѣлая козочка съ золотыми рогами; въ рукахъ у ней былъ тамбуринъ.

Глазъ Квазимодо засверкалъ. Это была цыганка, которую онъ старался похитить ночью, и за которую былъ наказанъ въ эту минуту, что впрочемъ было не совсѣмъ справедливо: его наказывали

за то, что онъ глухъ и попалъ на глухого судью. Квазимодо не сомнѣвался, что дѣвушка тоже хочетъ отмстить за себя.

Въ самомъ дѣлѣ, она быстро всходила на лѣстницу. Гнѣвъ и досада душили горбуна. Онъ желалъ бы сокрушить зданіе столба, и будь молніей его глаза, будь они способны поразить египтянку, она обратилась бы въ пепелъ, не дойдя до платформы.

Она молча подошла къ страдальцу, дѣлавшему невѣроятныя усилія, чтобъ скрыться отъ нея, и отвязавъ отъ пояса бутылку, тихо поднесла ее къ запекшимся губамъ Квазимодо.

Тогда въ этомъ сухомъ и воспламененномъ глазу заблестала слеза и тихо покатила по лицу, искаженному мукой.

Это была быть-можетъ его первая слеза.

Между тѣмъ онъ почти не пилъ. Цыганка сдѣлала свою обычную гримаску, и съ улыбкой прижала къ его губамъ горлышко бутылки. Онъ началъ пить съ жадностью.

Напившись, несчастный протянулъ свои черныя губы, вѣроятно чтобы поцѣловать благодѣтельную руку, но молодая дѣвушка, вѣроятно не потерявшая всѣхъ опасеній, возбужденныхъ вчерашней попыткой горбуна, отдернула руку со страхомъ ребенка, боящагося укушенія вреднаго животнаго.

Бѣдный глухаръ устремилъ на нее взглядъ, полный тоски и упрека.

Повсюду зрѣлище прекрасной, чистой и слабой дѣвушки, пришедшей на помощь безобразію, злобѣ и несчастію, было бы трогательно, — на позорномъ столбѣ оно было удивительно.

Даже народъ былъ пораженъ и кричалъ, хлопая въ ладоши: «браво! браво!»

Въ это-то время затворница увидала изъ своего окна цыганку на эшафотѣ и послала ей свое проклятіе.

V

КОНЕЦЪ ИСТОРИИ ОДНОЙ ЛЕПЕШКИ

Эсмемальда поблѣднѣла, и шатаясь сошла съ лѣстницы.

Голосъ преслѣдовалъ ее:

— Сходи! сходи, негодная тварь! придетъ и твой чередъ!

— Затворница расхотѣлась! шепталъ народъ, потомучто этихъ

женщинъ боялись и уважали. Тогда не рѣшались нападать на того, кто молился цѣлые дни и ночи.

Наступилъ часъ освобожденія Квазимодо. Его отвязали и толпа разошлась.

Возлѣ Большого моста, Майета, шедшая домой съ подругами, вдругъ остановилась.

— Кстати, Есташъ, гдѣ же лепешка?

— Мама, пока ты говорила съ женщиной въ погребу, пришла большая собака и лизнула лепешку, тогда я взялъ да и съѣлъ ее.

— Какъ, ты съѣлъ ее всю?

— Мама, это собака. Я ей говорилъ, а она не послушалась, тогда и я сталъ ѣсть.

— Ужасный ребенокъ! сказала мать, сердясь и улыбаясь: — Знаете, Ударда, онъ одинъ съѣдаетъ всѣ вишни съ нашего дерева въ саду. Дѣдушка говоритъ про него, что онъ будетъ капитаномъ. Смотри ты у меня, бутузъ ты эдакой!

Мать въ сердцахъ меня журила :
« Я-ль тебя не зарекала,
Чтобъ любви ты окаанной
Пуще полымя бѣжала, —
Да родительскій зарокъ
Видно былъ тебѣ невпрокъ! »

— Мама! мама! чтожъ мнѣ дѣлать!
Я сама ея боялась,
Да она-то во свѣтлицу,
Не спросясь ко мнѣ врывалась
Сквозь окошко, майскимъ днемъ
Съ каждымъ солнечнымъ лучемъ.

Я бѣжала изъ свѣтлицы,
Въ темный садъ отъ ней бѣжала,
А она мнѣ тихимъ вѣтромъ
Все лицо исцаловала,
И отъ мамы въ туже ночь
Увела тихонько дочь.

• **ВСЕВОЛОДЪ КРЕСТОВСКІЙ**

1862 г.

НѢСКОЛЬКО СТРАНИЦЪ

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ЛЕКАРЯ

(посвящается В. А. Юшковой)

По окончаніи курса въ университетѣ, гдѣ я пробылъ пять лѣтъ стипендіатомъ, за что долженъ былъ десять лѣтъ прослужить казнѣ, т. е. служить тамъ, куда пошлютъ,—я поступилъ на службу сначала въ Петербургѣ, а потомъ послали меня служить городовымъ врачомъ въ провинцію, за тысячу триста шестьдесятъ и три версты. При этомъ было мнѣ немедленно выдано шестьдесятъ девять рублей и пятьдесятъ девять съ четвертью копѣекъ прогонныхъ денегъ на пару, да подорожная за двумя печатами и надписью: «по казенной надобности».

I

ДОРОГА

Рано утромъ 4 октября всталъ я и тотчасъ же принялся укладываться. Солнышко такъ радушно и весело свѣтило, что меня даже досада взяла: отчего именно сегодня, въ день моего отъѣзда, оно такъ весело свѣтитъ, а вчера, третьяго-дня, за недѣлю до этого все пряталось? Цѣлое утро незамѣтно прошло въ сборахъ, наконецъ часамъ къ двѣнадцати все уже было готово къ отъѣзду.

Ровно въ часъ пополудни я вышелъ на улицу въ мѣховомъ пальто, съ дорожной сумкой черезъ плечо, подошелъ къ первому встречному извозчику, который съ примѣрнымъ усердіемъ

уписывалъ пирогъ съ капустой. «На московскую желѣзную дорогу!» кричу я ему. Онъ сунулъ пирогъ за пазуху и вскочилъ на козлы. «Садитесь.» Я сѣлъ; поѣхали. На Невскомъ противъ публичной библіотеки я взглянулъ на часы: было ужъ двадцать пять минутъ второго. «Поѣзжай скорѣе! торопилъ я извозчика: — а то опоздаемъ.» Онъ ударилъ по лошади, та бросилась со всѣхъ ногъ, поскользнулась и грохнулась на мостовую. Вотъ оно: тише бы ѣхали, дальше бы были! подумалъ я.

Билетъ на желѣзной дорогѣ былъ взятъ, вещи сланы. Кой-кто изъ короткихъ моихъ знакомыхъ пришли проводить меня. Мы расцѣловались на прощанье, и я скрылся въ вагонѣ третьяго класса за номеромъ 135. Ударили второй звонокъ, за нимъ раздался третій, свистокъ завылъ, вагоны тронулись....

Прощай, Петеръ!

«Желалъ бы я знать что думаютъ лошади въ гололедицу?» Такими словами начинается у Гребенки «Дневникъ студента». А у меня въ первыя минуты отъѣзда явилось желаніе знать: что думаютъ мои пріятели послѣ моего отъѣзда? Иной можетъ-быть не успѣлъ еще выйти изъ вокзала и ужъ забылъ про меня:

Aus den Augen, aus dem Sinn!..

Передъ отъѣздомъ одна дама увѣряла меня, что на пятнадцатой верстѣ я непременно заплачу, потомучто Гоголь сказалъ, будтобы всѣ уѣзжающіе плачутъ на пятнадцатой верстѣ — разумѣется если только они ѣдутъ не за пять, не за десять верстъ. Плакать мнѣ однакожь не привелось, потомучто ѣхать вообще было веселу. Меня развлекали мои желѣзно-дорожные попутчики.

Вдали отъ меня сѣдѣлъ не очень молодой человекъ; рядомъ съ нимъ заняла мѣсто не очень тоже молодая женщина. Она по-минутно обращалась къ своему сосѣду съ разными вопросами и любезностями, и должно-быть крѣпко ему надоѣла, потомучто всякій разъ какъ только она что-нибудь скажетъ, онъ или отворачивался въ уголъ, или просто молчалъ, показывая видъ, будто не слышитъ ея любезностей.

Отъ этой странной четы я перешолъ къ одному господину, который былъ худъ какъ спичка, безпрестанно кашлялъ съ какими-то свистомъ; на щекахъ выше обыкновеннаго рѣзко ограничивался румянецъ; и когда онъ заговорилъ шопотомъ, я поду-

малъ: хорошъ голубчикъ, нечего сказать! врядъ-ли дотянешь и до зимы! Этотъ субъектъ хоть и напомнилъ мнѣ кой-кого изъ мощъ пациентовъ, но особеннаго вниманія я на него не обращаю: встрѣтить чахоточнаго для нашего брата врача вѣдь не богъ-знаетъ какая рѣдкость.

Послѣ чахоточнаго я занялся третьей личностью, по всей вѣроятности сѣдой, потому что изъ-подъ теплой шапки проглядывали на вискахъ бѣлые волосы. Старичекъ повременамъ плакалъ и старался скрыть свои слезы, украдкой прикладывая платокъ къ глазамъ. Но иной разъ онъ не таилъ своего горя, плакалъ открыто, и въ это время лицо его принимало мизантропическое, пожалуй злое выраженіе. Послѣ я узналъ, что старичку было отчего плакать: онъ только-что схоронилъ сына, состоявшаго на службѣ въ Петербургѣ, прямо съ кладбища сѣлъ на московскую желѣзную дорогу и вѣхалъ теперь во Владимірѣ — хоронить другого сына....

Тутъ же въ нашемъ отдѣленіи находилась одна молодая дама, а можетъ-быть и дѣвица; подлѣ нея сидѣлъ очень еще молоденькій офицеръ, повидимому только-что выпущенный изъ корпуса. Между ними шолъ жаркій разговоръ, кончившійся тѣмъ, что дама или дѣвица заплакала и при остановкѣ на первой же станціи просила кондуктора дать ей мѣсто въ другомъ вагонѣ. Какого рода былъ между ними разговоръ, незнаю; я слышалъ только нѣсколько фразъ. Офицеръ говорилъ, наклонясь чуть не къ самому лицу сосѣдки:

— Такъ вы не любите жидовъ за то, что Иуда продалъ Христа?... Ну, а меня вы не продали бы за тридцать золотыхъ?

Лица дамы мнѣ было не видно, но судя по тону, которымъ она проговорила: «Что такое? что вы сказали?» она должно-быть сильно была смущена и обижена словами офицера, который не остановился на этомъ и продолжалъ:

— Такъ за сколько же вы бы продали меня? Больше бы взяли или меньше? за двадцать пять или за тридцать пять?

Что было говорено потомъ, мнѣ неизвѣстно, потому что я сидѣлъ въ углу у самой двери, которая именно въ это время отворилась и шумъ колесъ не позволялъ слышать что говорилось черезъ двѣ скамейки отъ меня.

Возлѣ меня сидѣлъ какой-то юноша-полякъ, напротивъ его

товарищи, тоже молодые и тоже поляки. Между нами вскорѣ завязался разговоръ, и я узналъ, что юноши-поляки были студенты московскаго университета, медики, и всѣ трое изъ виленской губерніи. Одного изъ нихъ звали Бальчини, другого — разумѣется въ шутку — виконтъ де-Бражелонъ, третьяго не помню какъ. Виконтъ де-Бражелонъ былъ превеселый малый и всю дорогу вплоть до Москвы постоянно смѣшил своими рассказами и разными выходками не только меня и своихъ товарищей, но нерѣдко и всѣхъ пассажировъ нашего отдѣленія. Такимъ образомъ у насъ составилъ въ дорогѣ свой отдѣльный кружокъ. Мы говорили объ университетѣ и разныхъ пустякахъ того времени, близкихъ каждому изъ насъ. Жаловаться на скуку мы не могли, да и вообще въ нашемъ отдѣленіи вагона скучъ не было мѣста. Проѣхавъ пять станцій, мы, то-есть я и студенты поляки, обращались другъ съ другомъ уже безъ лишнихъ церемоній, по-студенчески, какъ-будто уже нѣсколько лѣтъ были знакомы. Ночью мнѣ страшно захотѣлось спать; заснуть сидя не было возможности, и я легъ на полъ между скамейками. Виконту рѣшительно негдѣ было прилечь, и онъ помѣстился или старался помѣститься рядомъ со мной; но спать двоимъ между скамейками было очень тѣсно, и намъ просто приходилось лежать другъ на дружкѣ; мы нестѣсняясь душили и давили другъ друга, и когда право сильного брало верхъ, одинъ изъ насъ совсѣмъ уползалъ подъ скамейку. Мы однакожъ нисколько не были въ претензіи другъ на друга за такое несовсѣмъ деликатное обращеніе и утромъ много надъ этимъ смѣялись.

Я уже сказалъ, что виконтъ былъ человѣкъ очень веселаго нрава, и потому онъ былъ душой нашего небольшого кружка. Но душой всего нашего общества, состоявшаго изъ двадцати слишкомъ человѣкъ, т. е. всего нашего отдѣленія, былъ офицеръ-грузинъ, по фамиліи Сацерелидзе. Прослуживъ положенные годы, онъ возвращался на родину. Отъ того ли, что онъ покончилъ свою службу и собирался жить безъ дальнихъ хлопотъ да получать пенсію, или отъ того, что возвращался домой, къ родному очагу, или ужъ просто у него былъ такой счастливый характеръ, только онъ всю дорогу до Москвы былъ веселъ до-нельзя. Это была удивительно симпатичная натура. Его доброта и готовность услужить каждому, насколько разумѣется позволяли обстоятельства, невольно располагали всѣхъ въ его пользу. Около чудовской

станціи въ наше отлѣненіе вошелъ какой-то старичекъ и сѣлъ на мѣсто офицера. Тотъ и не подумалъ заявлять свои права и почти всю ночь простоялъ на ногахъ.

— Чтоже вы стоите? говорили офицеру пассажиры: — вѣдь у васъ есть мѣсто?

— Мыѣ все равно что стоять, что сидѣть, отвѣчалъ офицеръ, — лишь бы ѣхать.

Потомъ дама какая-то, старушка уже весьма почтенныхъ лѣтъ, ужасно беспокоилась о томъ, какъ это, когда поѣздъ придетъ въ Москву, она одна поѣдетъ ночью на Арбатъ? и переспросила всѣхъ пассажировъ, не поѣдетъ ли кто въ ту же сторону. Попутчиковъ однакожъ никого не оказалось, и офицеръ вызвался въ провожатые старушки. Старушка успокоилась.

Потомъ два какихъ-то пассажира затѣяли ссору изъ-за того, что одному хотѣлось открыть окно, а другой не желалъ этого. Одинъ говорилъ, что въ вагонѣ сидѣть нѣтъ возможности — до того жарко и душно, и что открыть окно необходимо, съ чѣмъ безъ сомнѣнія согласится все общество. Другой возражалъ, что если открыть окно, то будетъ сквозной вѣтеръ и можно простудиться, съ чѣмъ также безъ сомнѣнія согласится все общество. Преніе начинало принимать широкіе размѣры.

— Вы ужь что-то очень опасаетесь сквозного вѣтру, иронически замѣтилъ одинъ изъ спорящихъ другому: — вы должно-быть боитесь, что онъ заходитъ у васъ въ головѣ?

— Не боитесь ли вы, что у васъ въ карманѣ загуляетъ сквозной вѣтеръ? злобно возразилъ другой.

Послѣ такихъ плохихъ остротъ дѣло чуть не дошло до крупныхъ, безцеремонныхъ ругательствъ, и почему знать, можетъ вспыхнула бы междуусобная война, въ которой волей-неволей должно было принять участіе и все наше общество, такъ какъ обѣ враждующія стороны ссылались на его мнѣніе. Принявъ участіе, общество разумѣется само раздѣлилось бы на партіи: одна на примѣръ партія стала бы за, а другая противъ открытаго окна — и богъ вѣсть каковъ былъ бы исходъ нашего общаго возстанія. *Concordia res parvæ crescunt, discordia res magnæ dilabuntur*, дѣло извѣстное. Къ счастью революціонное настроеніе умовъ было успокоено все тѣмъ же Сацерелидзе: онъ очень деликатно предложилъ одному изъ мятежниковъ перемиритися съ

нимъ мѣстомъ — и миръ и спокойствіе въ нашемъ обществѣ были восстановлены.

Когда поѣздъ отправился изъ Твери, офицера между нами не оказалось: всякій изъ насъ рѣшилъ, что онъ въ Твери и остался. Отсутствие офицера было для насъ слишкомъ замѣтно: въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ къ нему всѣ такъ привыкли, для каждаго изъ насъ онъ былъ точно свой, говорилъ онъ почти неумолкая, шутилъ, острилъ, но острилъ самымъ невиннымъ образомъ. Тихо и скучно стало въ вагонѣ безъ офицера. Намъ всѣмъ было жаль съ нимъ разстаться, точно съ роднымъ. Иные подумали даже, не случилось ли съ нимъ какого несчастья, кто знаетъ? И вдругъ на слѣдующей станціи онъ опять къ намъ является. Общество опять развеселилось. Что же оказывается? Особеннаго ничего съ офицеромъ не случилось, а просто онъ второпяхъ попалъ не въ свой вагонъ.

Ночью около валдайской станціи нашъ поѣздъ былъ разделенъ на двѣ половины; сначала отправилась одна половина, и когда дали знать по телеграфу о ея прибытіи, тогда тронулась и другая половина нашего поѣзда. Дѣленіе насъ надвое произведено было подъ тѣмъ предлогомъ, что поѣздъ очень великъ и одной машинѣ въ этомъ гористомъ мѣстѣ всѣхъ насъ разомъ не свезти. Нелюбимая нѣсколькихъ верстъ до тверской станціи, мы сбились съ дороги (а солнце какъ на зло свѣтило предоброевѣстно), то-есть поѣздъ нашъ попалъ не на тѣ рельсы, по которымъ бы ему слѣдовало идти, и пока выводили вагоны на другіе рельсы, времени ушло больше получаса. Да и вообще — оттого ли, что вагоновъ было много, или вслѣдствіе другихъ какихъ причинъ, отъ редакціи російскихъ желѣзныхъ дорогъ независящихъ, — нашъ поѣздъ тащился медленно, флегматически, неувлекаясь, хотя на всѣхъ станціяхъ остановки были непродолжительны: такъ напр. на тверской станціи вмѣсто положеннаго часу поѣздъ не простоялъ и получаса, а между тѣмъ вмѣсто восьми часовъ вечера прибылъ въ Москву въ десять. Впрочемъ никто изъ насъ и не думалъ сокрушаться о томъ, что поѣздъ опоздалъ двумя часами; напротивъ, всѣ были чрезвычайно довольны, что вотъ и до Москвы добрались слава-богу всѣ живы-здоровы; иные крестились, приговаривая вполголоса: «слава тебѣ господи, приѣхали!»

Пока я получалъ свои вещи, прошолъ еще часъ, такъ что

Быль уже двѣнадцатый часъ ночи, когда я вмѣстѣ съ Бальчини отправился на Большую Лубянку въ номера Ермакова. Завяли номеръ. Спросили прежде всего самоваръ; намъ его подали часа черезъ полтора. Потомъ бѣлаго хлѣба спросили, но бѣлаго хлѣба намъ ужъ вовсе не дали: теперь ужъ дескать поздно, да и достать нигдѣ нельзя. А ѣсть-то намъ крѣпко хотѣлось, потому что на тверской станціи мы не успѣли пообѣдать и утѣшались тѣмъ, что вотъ вечеромъ будемъ въ Москвѣ, такъ и заморимъ червячка. Расчетъ оказался весьма невѣренъ и мы стончески рѣшились потерпѣть до завтра. Спросили другую евѣчу; намъ отвѣчали лаконически: «не полагается». Номера оказались пре-скверные и дорогіе. Тотъ, который мы занимали, былъ еще дешевле сравнительно съ другими, но в за него съ насъ взяли за сутки полтора рубля, приговаривая: «для васъ только дѣлаемъ уваженіе, а то съ другихъ мы беремъ по два рубля». Въ нашемъ номерѣ дотога было сыро и холодно, что ложась спать, мы не скинули платья, но еще надѣли шубы и калоши: зубы стучали у насъ отъ дрожи...

Занесъ же вражій духъ меня
На распроклятую фатеру!

приговаривалъ каждый изъ насъ, закутываясь въ шубу.

Утромъ на другой день послѣ чаю Бальчини отправился разыскивать своихъ знакомыхъ, а я въ почтамтъ, узнать какой дорогой лучше ѣхать: на Рязань или на Владиміръ? Въ почтамтѣ мнѣ сказали, что если я имѣю подорожную по казенной надобности, то лучше будетъ ѣхать по владимірской желѣзной дорогѣ, а потомъ изъ Владиміра по почтовому тракту. Возвратившись въ номеръ, я уложилъ свои вещи. Бальчини еще не приходилъ, мнѣ такъ и не удалось проститься съ нимъ, и я отправился на владимірскую желѣзную дорогу.

Москвы я собственнно не видалъ почти совѣтъ, или если и видѣлъ, то какъ-будто во снѣ. Помню только, что проѣзжалъ съ вещами на ломовомъ мимо какой-то церкви, которая поразила меня не древностью и не оригинальной красотой архитектуры, а яркимъ краснымъ цвѣтомъ, въ который она была окрашена сверху до низу. Я и спрашиваю извозчика:

— Что это за церковь такая?

— Эта церква хорошая, отвѣчалъ онъ.

— Да ты скажи мнѣ какъ она называется? Во имя какого святого она?

— Всѣхъ святыхъ! сказалъ онъ и рукой махнулъ.

Изъ нумеровъ съ Большой Лубянки до станціи владимірской желѣзной дороги ломовой везъ меня битый часъ. Я радъ былъ поскорѣе выбраться изъ Москвы. Послѣ скверныхъ нумеровъ Ермакова во мнѣ родилось даже какое-то отвращеніе къ Москвѣ. Послѣ Петербурга она показалась мнѣ неряхой большой руки, неотесаной, непривѣтливой. Я душевно радовался, что не прожилъ въ ней и однихъ сутокъ.

Итакъ я поѣхалъ не на Рязань, какъ было предполагалъ еще въ Петербургѣ, а на Владиміръ. Беру билетъ въ третьемъ класѣ, вхожу въ вагонъ и слышу кто-то ораторствуетъ на другомъ концѣ вагона. Я осмотрѣлся кругомъ. Общее молчаніе меня озадачило. Какой-то старичокъ пастырскимъ тономъ читалъ одному мужику длинную нотацию по поводу срамслова. Всѣ слушали со вниманіемъ.

— Да ты подумай только, что ты сказалъ! убѣждалъ ораторъ. — Вѣдь ты посѣялъ то, чего уже никонми силами не вырвешь. Здѣсь вѣдь есть цѣломудренныя дѣвушки, а ты при нихъ такой срамъ говоришь! Ну какъ тебѣ не стыдно! Вѣдь грѣшно такъ ругаться, трижды грѣшно. Неподобаешь христіанину такіа богомерзкія словеса произносить, да еще обзывать ими ту, которая въ утробѣ своей тебя носила, родила и молокомъ отъ своего сосца питала....

Мужикъ просто чуть не плакалъ, слушая благочестивое наставленіе. Общее вниманіе къ гласу добраго пастыря продолжалось до тѣхъ поръ пока проповѣдникъ не занесся за облака и не ударился въ риторику. Тутъ поднялся смѣхъ и ораторъ замолчалъ. Справедливость требуетъ однакожь сказать, что послѣ этого пастырскаго увѣщанія и послѣ отсутствія самого пастыря, который черезъ двѣ станціи уже оставилъ вагонъ, не слышать было въ нашемъ вагонѣ до самаго Владиміра ни одного неприличнаго, крѣпкаго словца. Дѣло обходилось безъ обычныхъ русскихъ присловій.

Нашъ поѣздъ отправился изъ Москвы въ двѣнадцать часовъ дня и въ шесть часовъ вечера пришелъ во Владиміръ. Дорогой я завелъ разговоръ съ сидѣвшимъ подлѣ меня мужичкомъ о различныхъ предметахъ, но болѣе всего о желѣзной дорогѣ и о

Французахъ. Мужичекъ сначала былъ очень словоохотливъ, но когда мы пробѣжали по какому-то мосту и при этомъ случаѣ мнѣ вздумалось похвалить французовъ, строившихъ этотъ мостъ, мужикъ какъ-будто обидѣлся, рассердился на меня и сталъ неразговорчивъ, давъ мнѣ предварительно почувствовать, что моя похвала французамъ была ему непонутру.

— Ты вѣдь ничего въ эфтомъ дѣлѣ не смыслишь, говорилъ онъ мнѣ: — а вотъ дай-ка намъ волю, да обучи насъ, такъ и мы умудрится и не такіе еще хитрые мосты наведемъ, а почище французскихъ.

Потомъ, помолчавъ немного, онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Чтѣ-что французы-то ученые! Да ихъ-то кто обучалъ всему эфтому? Небось у агличанъ переняли?

Признаюсь откровенно, я сталъ втупикъ отъ этого вопроса; но нежелая перечить мужичку, чтобъ не раздражить его еще болѣе, я согласился съ нимъ:

— Да, говорю, у агличанъ.

— Такъ чтѣ-что у агличанъ? А агличане-то у кого переняли? Небось у нѣмцевъ?

— Да должно-быть у нѣмцевъ, отвѣчалъ я: — недаромъ говорятъ, что нѣмецъ хитрый, обезьяну выдумалъ.

— Такъ по-твоему и выходятъ, что нѣмцы-то значить сами до всего дошли. Оно и выходитъ, что не боги-же горшки-то обжигаютъ. Небось и мы бы сами домыслились, только вотъ ходу-то намъ еще нѣтъ. Ну какъ по-твоему, такъ ли я говорю?

— Такъ, такъ! отвѣчалъ я.

Послѣ этого онъ заговорилъ со своими сосѣдами, которые по всей вѣроятности были плотники, потому что у однихъ изъ нихъ висѣли за плечами, а у другихъ лежали въ ногахъ подъ лавкой мѣшки и сумки съ разными плотничьими инструментами. Плотники вели рѣчь о заговорахъ. Одинъ изъ нихъ жаловался на боль въ горлѣ, а другой ему на это отвѣчалъ:

— Эхъ братъ! что ты раньше-то не сказалъ, когда былъ въ нашей деревнѣ? Тебя бы вылечили. Вотъ у меня передъ зимнимъ Миколой горло во-какъ распухло, инда духъ совсѣмъ перехватило. Самсоновна мнѣ и говорить: «Ты, говорить, сердешной, выдь въ сѣни да стань лицомъ къ восходу, перекрестись три раза и скажи: «Изда, изда! я тебя съѣмъ — съ углами, совсѣмъ!»»

Потомъ опять перекрестись и выплюнуть.» Такъ какъ бы ты думалъ? Вѣдь на другой же день полегчало, а тамъ и совсѣмъ прошло.

Прежній мой собесѣдникъ мужичекъ вступилъ было опять со мной въ разговоръ, только ужъ не про желѣзную дорогу и не про французовъ, а о заговорахъ. Я старался его убѣдить, что всѣ заговоры — вздоръ, и потомъ жалѣлъ объ этомъ: моему собесѣднику видимо хотѣлось сообщить мнѣ заговоръ чулки не отъ всѣхъ болѣзней. Я попытался было исправить своей промахъ и сказалъ, что вѣрую въ заговоры, но все это вышло какъ-то ужасно неловко, натянуто; мужичекъ смекнулъ въ чемъ дѣло и наотрѣзъ объявилъ мнѣ, что послѣ этого лучше и не толковать со мной.

— Ты тамъ что ни говори, выговаривалъ онъ мнѣ, — а я вѣдь вижу, даромъ что ты съ бородой и хоть толкуешь про французовъ, что они лучше нашихъ, а вѣдь на умѣ-то у тебя совсѣмъ другое. Да и про заговоры-то разсуждать съ тобой непригоже: вѣдь ученаго учить — что мертваго лечить. Вотъ оно что, я тебѣ скажу!

Отъ Москвы до Владиміра тринадцать станцій; всѣ онѣ довольно коротенькія. На одной только станціи нашъ поѣздъ остановился на четверть часа, на остальныхъ же онъ остановился всего на какихъ-нибудь на три минуты, много на пять; не успеешь и папиросы выкурить — и опять въ дорогу.

Въ артели плотниковъ былъ между прочимъ одинъ очень молодой парень, лѣтъ восемнадцати-девятнадцати, такой коренастый съ виду. Онъ былъ какъ-то особенно восторженъ. Вдругъ наприжѣръ ни съ того, ни съ сего, ни къ кому обращааясь, онъ восклицалъ:

— А вѣдь мы славно ѣдемъ!

Иногда онъ пускался въ разсужденія, точно также обращаая ни малѣйшаго вниманія на то, слушаютъ ли его, нѣтъ ли. Я запомнилъ одинъ изъ такихъ монологовъ:

— Перѣжь бывало поднимаешься на-утрѣ ни свѣтъ ни заря, да и отправишься пѣшкомъ; идешь-идешь, насыду къ поздней ночи притащишься, да и то понатужишься развѣ. Версть-то шестьдесятъ какъ считаешь, придешь въ мѣбу-то, приляжешь — и ногъ подъ-собой не слышишь, такъ и пролежишь цѣлый день послѣ зялой ходьбы. Вотъ какъ умаешься! А то заплатишь бы-

вало какому-нибудь дядѣ двугривенный, чтобъ на обозъ посадилъ, вотъ и плетешься два дня восемьдесятъ—то верстъ. А теперь поди-кась ужъ сотню отмахали, а видно солнышко не сѣло!

Во время остановокъ, когда въ паровые котлы на машинѣ подливали воду, онъ приговаривалъ :

— Ишь ты, словно лошадь, пить захотѣла; выбѣжала верстъ двадцать, ну и давай ей корму. Дали — и опять поѣзжай.

Раздавался свистокъ, и парень замѣчалъ при этомъ :

— Заржала! Напилась—наѣлась значить, сыта стала, больше не хочетъ!

Съ владимірской желѣзной дороги, какъ только пришло нашъ поѣздъ, я отправился прямо на почтовую станцію и предъявилъ тамъ свою подорожную по казенной надобности. Тутъ я совершенно случайно встрѣтился съ однимъ помѣщикомъ, который ѣхалъ въ Муромъ, и такъ какъ и мнѣ надо было ѣхать тоже на Муромъ, то мы и уговорились ѣхать вмѣстѣ, то—есть платить прогоны пополамъ. Лошади были готовы, чемоданы наши уложены, и мы усѣлись въ тряскую почтовую телѣгу. Везли насъ прескверно. Отъ Владиміра до Мурома нѣтъ и ста тридцати верстъ, а мы ѣхали ровно двадцать часовъ, значить по шести верстъ въ часъ. Да петербургскіе пѣшеходы уйдутъ дальше. Въ Муромѣ мы переночевали и разстались. Помѣщикъ поѣхалъ въ свое имѣніе, верстахъ въ девяноста за Муромомъ, составлять уставную грамоту. Моя дорога шла въ совершенно противоположную сторону.

Когда я ѣхалъ первую станцію отъ Мурома, мой ящикъ между разными поощряющими лошадей фразами, вродѣ напри- мѣръ «эхъ вы, родимыя» или «ну—ну соколяки», вставлялъ иногда и такую : «эй вы, студенты!»

На этой же станціи повстрѣчались съ нами на дорогѣ медвѣдчики съ двумя медвѣдями. Я и спрашиваю ящика :

— Что ты не свернешь въ сторону куда-нибудь, пока проведутъ медвѣдей? Развѣ твои лошади не испугаются ихъ?

— Пошто пугаться! ненадо бы! отвѣчалъ ящикъ, и изъ его словъ я заключилъ, что ему хотѣлось испытать своихъ лошадей : а что въ самомъ—то дѣлѣ, испугаются онѣ или нѣтъ?

Противъ моего ожиданія, лошади, повстрѣчавшіяся съ медвѣдями на разстояніи какихъ-нибудь двухъ сажень, стало—быть

довольно близкомъ , не обнаружили особеннаго испугу и только вскося озирались на косолапыхъ , да уши стояли у нихъ топорикомъ , и больше ничего.

Отъ Мурома вплоть до самаго мѣста моей новой службы я ѣхалъ одинъ , потомучто мнѣ не удалось найти ни одного попутчика. Сначала это одиночество было еще сносно : дремучіе муромскіе лѣса , прославленные въ нашихъ пѣсняхъ и легендахъ , нѣсколько развлекали меня ; но потомъ , начиная отъ Арзамаса , когда мнѣ пришлось видѣть только поля да небо , небо да поля , и притомъ поля уже убранныя , съ поблекшей или пожелтѣлой травой , — на меня напала страшная хандра и скука. Никакого развлечения по дорогѣ! Это унылое , какое-то мертвое однообразіе наводило на меня убійственную тоску.

А тутъ опять на станціяхъ новыя удовольствія : клопы и блохи , да вѣчныя придирки зрителей , да постоянныя просьбы старость и ямщиковъ на волку... Все это раздражало и сердило меня чертовски. Въ дорогѣ не съ кѣмъ было и слова перемолвить ; ямщики попадались большею частью все какіе-то неразговорчивые. И сидишь себѣ одинъ въ телѣгѣ , перебрасываетъ тебя со стороны на сторону и поминутно получаешь въ бокъ толчки , отъ толчковъ дѣлается колюще въ боку ; чѣмъ дальше ѣдешь , тѣмъ боль становится нестерпимѣе. Въ головѣ чувствуется какая-то тяжесть , сердце ноетъ... Рѣдко-рѣдко когда попадется по дорогѣ вѣтряная мельница , или скирды сѣна , или села и деревеньки съ избами крытыми соломой , но всѣ эти отрывки изъ идилліи плохо разгоняли мою тоску. Мнѣ было невыразимо досадно на что-то и самъ незнаю , и я весь свѣтъ посылалъ къ чорту.

Въ такомъ миломъ настроеніи духа пріѣзжаю на станцію Прудки. Какъ на зло , зритель оказался тутъ прекраснорѣчивѣйшимъ изъ всѣхъ зрителей. Богъ его знаетъ , спалъ ли онъ долго , или долго не говорилъ ни съ кѣмъ , только когда я вошелъ въ комнату , языкъ у него точно съ цѣпи сорвался. Мой зритель пустился въ такія разсужденія касательно бренности и скоротечности человѣческой жизни вообще , и понесъ такую дичь , что я слушалъ , слушалъ и подошелъ къ оратору и спрашиваю : « а что , лошади скоро будутъ готовы ? » Цицеронъ на минутку опѣшалъ , но только на минуту. Онъ сообразилъ должное

быть, что надоѣлъ мнѣ своими умствованіями, и поспѣшилъ перемѣнить разговоръ.

— Куда ѣхать изволите? спросилъ онъ меня съ особеннымъ участіемъ.

— Да вѣдь вы видѣли, читали и даже прописывали мою подорожную! отвѣчалъ я скрѣпя сердце. А жолчь такъ и подступала подъ самое горло.

— Такъ-съ.

Смотрителю стало какъ-будто неловко.

— А позвольте спросить, вы надолго изволите ѣхать въ этотъ городъ?

— И самъ незнаю. Это не отъ меня зависитъ. Послали меня, вотъ я и ѣду. Почему знать, можетъ не успѣю я доѣхать до города, какъ дадутъ знать по телеграфу, чтобъ я не туда ѣхалъ, а въ Сибирь куда-нибудь.

— Такъ, такъ-съ; конечно туда и надо отправиться.

Нѣсколько минутъ молчанія. Смотритель перемѣняетъ предметъ разговора.

— Служить вѣдь должно; что такъ-то задаромъ-то проживаться? Потому вѣдь разные потребности случаются въ жизни. А гдѣ взять? Ну, а служишь, значить и доходы какіе-нибудь получаешь. Вѣдь человѣкъ тогда только и счастливъ, когда имѣетъ полное свое продовольствіе.

Последняя фраза заняла меня. Смысла ея я не понялъ и просилъ смотрителя растолковать мнѣ, въ чемъ по его мнѣнію заключается счастье и что это такое — полное продовольствіе.

— Да какъ въ чемъ? началъ свое объясненіе смотритель. — Извѣстное дѣло, когда человѣкъ сытъ, значить чего же еще больше этого нужно? Безъ этого вѣдь и жить нельзя. Вотъ почта придетъ, я ее отправлю; вотъ вы пріѣхали, и вамъ лошадей дамъ; ну, а почта не придетъ, да вы бы тоже не пріѣхали — оно вѣдь какъ-будто и ничего, а ѣсть-то все-таки требуется. Ужъ такъ созданъ человѣкъ.

Я сталъ разсматривать какъ созданъ смотритель. Свою теорію какъ-видно онъ весьма успѣшно примѣнялъ къ своей натурѣ. Это былъ человѣкъ немного выше средняго роста, толстенькій, жирненькій, съ маленькими глазами и таки порядочнымъ брюшкомъ. Его фигура гораздо яснѣе его словъ разъяснила

миѣ, въ чемъ именно заключается «полное продовольствіе». Этимъ объясненіемъ дѣло однакожь не кончилось. Смотритель повелъ атаку съ новой стороны, еще нетронутой.

— Грибковъ въ уксуѣ вамъ неудобно ли, или рыжичковъ? А то не любите ли вы грузди моченые? Можно тетерьку или рябчика зажарить. И супъ изъ потроховъ сдѣлаю: свиной вѣдь здѣсь у насъ много. Яичекъ не пожелаете ли?

Я отъ всего отказался. Непріятель не отступалъ.

— А то самоварчикъ поставить не прикажете ли? У меня есть сливки безподобныя—съ, потому значить свои коровушки. Вотъ бы чайку съ такими сливочками. И къ чаю есть у меня слобныя лепешечки. А то творожку со сметанкой да съ коричкой: легкое кушанье—съ.

Я опять отказался.

— Ну, а водочки—съ? Ужь рюмочку разрѣшите пропустить.

— Благодарю, я водки не пью.

— Неужели и въ лорогѣ—то этого снадобья не употребляете? А я вотъ хоть по край деревни пѣшкомъ ли дойду, доѣду ли, — ну ужъ и хочется выпить. Нельзя же безъ этого—съ! Потому протрясешся.

Все это словоизверженіе кончилось тѣмъ, что смотритель спросилъ съ меня прогоны за лишнюю лошадь.

— Да вѣдь въ моей подорожной сказано, говорю я ему, — давать двѣ лошади; я и плачу на пару. А что миѣ вездѣ припрягаютъ третью, такъ это ужъ дѣло ямщика; я и не прошу везти меня на тройкѣ.

— Такъ—съ, это я понимаю; да время—то теперь видите ли осеннее.

— Чѣмъ же я виноватъ, что теперь осеннее время?

— Тяжело возить по—осени: грязь, дороги худыя...

— Да вѣдь до этой станціи везли же меня и не требовали прогоновъ за третью лошадь?

— Тамъ дѣло другое: тамъ были легкія станціи, а наша ужасъ какая тяжелая.

Нежелая вступать въ дальнѣйшія объясненія со зрителемъ, я закурилъ папирску и легъ на диванъ, показывая видъ, что для меня рѣшительно все равно, ѣхать или сидѣть на станціи. Словами тутъ ничего не подѣлаешь, разсуждалъ я самъ про себя: — надо попробовать, нельзя ли взять хоть терпѣнѣемъ;

вѣдь только поддайся этимъ алтыникамъ на одной станціи, а тамъ ужъ и пойдеть. И какъ это у нихъ дѣлается? Ящики ли чтели передають со станціи на станцію, или ужъ какое-то особенное чутье у этихъ станціонныхъ смотрителей... не понимаю!

Смотритель скрылся, но ненадолго. Не прошло двухъ минутъ, какъ онъ былъ опять передо мной. Ему какъ-видво хотѣлось вкратцѣ, еп résumé провѣрить выводы, къ которымъ привелъ его мои предыдущіе отвѣты.

- Такъ закусить вы не хотите?
- Нѣтъ, отвѣчаю я нехотя.
- И самоварчика тоже неужно?
- И самоварчика тоже неужно.
- А за третью-то лошадку заплатите?
- Нѣтъ.

Коротенькая пауза.

— Вотъ бы вы подвезли мою родственницу къ Заплаткамъ, началъ онъ ублажающимъ голоскомъ: — отсюда недалеко-сь, всего четыре станціи.

- На это я пожалуй согласенъ.
- Такъ какъ же-сь, заплатите за третью-то лошадку?
- И еще везти вашу родственницу!..
- Это какъ вамъ будетъ угодно.
- Въ такомъ случаѣ я за третью лошадь не плачу, а пусть платитъ за нее ваша родственница.
- Ну хоть за пол-лошадки-то заплатите!
- И за четверть-лошадки платитъ не буду! сказалъ я наконецъ свирѣпо, выведенный окончательно изъ терпѣнья неотвязчивостью смотрителя.

— Ну ужъ Богъ съ вами, коли неужодно вамъ за третью-то лошадку приплатить. Только позвольте моей-то родственницѣ есть вмѣстѣ съ вами въ телѣжку.

— Извольте, мѣста для нея въ телѣгѣ будетъ.

И поѣхалъ я съ какой-то бабеночкой. На слѣдующихъ трехъ станціяхъ опять таже исторія, то-есть съ меня требовали проговы за третью лошадь. Я отвѣчалъ, что плачу столько, сколько прописано въ подорожной.

— Но вѣдь васъ ѣдетъ двое? замѣчала мнѣ станціонные смотрители.

— Ну такъ вы и требуйте за третью лошадь съ того, кто со

мною ѣдетъ. Если платитъ не будутъ, такъ я одишь поѣду и платитъ буду все-таки за двѣ лошади.

Мучители обращались къ моей спутницѣ, а та начинала своей отвѣтъ затверженной формулой: «Со станціи Прудковъ стационный смотритель такой-то приказалъ вамъ кланяться и просилъ, чтобъ ужъ вы при случаѣ переслали бы меня съ вашей станціи» и т. д. Дѣло улаживалось: денегъ съ нея не брали, и она прелюбополучно, то-есть безпрогонно доѣхала со мной до Заплатокъ.

— Какъ отправить-то васъ, право незнаю? сказалъ мнѣ задумчиво смотритель на послѣдней станціи.

— А что спросилъ я: — развѣ лошадей нѣтъ?

— Лошадя-то есть, да ямщики-то плачутъ.

— О чемъ же они плачутъ?

— Да никому изъ нихъ нехочется везти васъ.

— Почему же нехочется везти? Вѣдь я прогоны плачу и на водку даю.

— Видите ли, до городу-то отсюда почитай-что ровно тридцать верстъ, а городъ-то, куда вы ѣдете, стоитъ не на тракту, а въ сторонѣ, и верстъ двадцать приходится ѣхать проселкомъ, а теперь въ дожди-то по проселку такая дорога — просто кисель. Ужъ я вашему благородію вотъ что скажу: не согласитесь ли вы ѣхать на вольныхъ? Оно вѣдь все равно, что почтовый ящикъ, что вольный. Я сей минуточки представлю вамъ такого молодца, что скорѣе чѣмъ на нашихъ доѣдете.

И согласился ѣхать на вольныхъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобъ платитъ прогоны такіе какъ и почтовому ящику.

По выходѣ со станціи я попробовалъ освѣдомиться у ящика: каковъ городъ Корсаръ? Отвѣты были впрочемъ мало удовлетворительные.

— Кто его знаетъ! говорилъ ящикъ: — онъ вѣдь далеко отъ большой дороги, такъ туда почти-что никто и не ѣздитъ, и ничего про него неслыхать, какъ тамъ люди-то живутъ.

— А кого больше, татаръ или русскихъ въ этомъ городѣ?

— Нѣтъ, тамъ все народъ благочесливый, татаръ-то нѣтъ въ городѣ, а верстахъ въ пятнадцати или маленько побольше живутъ эти поганые нехристы.

Отъѣхавъ версты три отъ станціи, я замѣтилъ, что ноги мои исчезли изъ телѣги; произвожу слѣдствіе, куда дѣвались мои но-

ги? Оказалось по слѣдствію, что телѣга, въ которой я ѣхалъ, тоже была не почтовая, а вольная, некрытая внутри ничѣмъ, а только были одни жордочки, такъ что пространство въ телѣгѣ было безграничное. Когда я садился въ телѣгу на станціи, всего этого и не примѣтилъ, все было замаскировано соломой, которая по мѣрѣ того какъ мы ѣхали, сбѣглась изъ телѣги какъ изъ рѣшета и наконецъ вся исчезла; тогда пошли въ ходъ мои ноги. Со стороны ямщика я ждалъ извиненій въ неисправности его телѣги, а онъ, разбойникъ эдакой, давай подсмѣиваться надо мной, приговаривая:

— Баринъ, держи свои ноги покрѣпче, а то потеряешь!

Съ версту недоѣзжая до города, я былъ встрѣченъ какимъ-то господиномъ въ шинели, съ тростью въ рукѣ и съ кокардой на фуражкѣ. Повидимому онъ вышелъ за городъ ради прогулки. Ямщикъ снялъ шапку и сказалъ:

— Здравствуйте, Лѣксѣй Александрычъ!

— Кто это такой! спрашиваю я потомъ у ямщика.

— Непремѣнный. Онъ теперь за городничаго: настоящій—то въ отпуску, такъ онъ и справляетъ за него должность-ту.

А! такъ вотъ оно, главное-то дѣйствующее лицо! подумалъ я. Кто-то другія дѣйствующія лица! Какова-то будетъ постановка на этой новѣй для меня сценѣ? Какую-то роль придется играть и въ какихъ-то пьесахъ суждено мнѣ быть простымъ зрителемъ? А мало ли какихъ пьесъ разыгрывается вездѣ, на каждомъ шагу — и въ столицѣ, и въ таши и глуши провинціальной жизни.

Для перваго разу обстановка была недурна: передо мной на возвышеніи красовался городокъ съ домами и церквами; справа горы, покрытыя густымъ лѣсомъ, слѣва необозримыя поля. Ландшафтнкъ хоть куда! Точно такой же ландшафтнкъ, я помню, былъ на блюдечкѣ, съ котораго меня еще маленькаго пняд повла чаемъ.

II

ПЕРВЫЕ ВИЗИТЫ

Было сѣренькое утро въ петербургскомъ вкусѣ; напрыскивалъ мелкій дождь,

Туманы по полю, лавъ жёлтый дымъ,
Носилися и медленно рѣдѣли.

— Куда-жь васъ вести-то? спрашивалъ меня ямщикъ на мосту передъ самымъ городомъ.

— Да куда-нибудь. Я всего еще въ первый разъ въ этотъ городъ ѣду, никого не знаю. Не знаю гдѣ и остановиться.

— Такъ не у Бѣлоножки ли? али на постоялый?

— Вези на постоялый.

Привѣщаемъ. Грязь, сырость, смрадъ, холодъ, грубость сразу осадили меня, когда я вошелъ въ комнату постоялаго двора. Тутъ я вспомнилъ одного моего знакомаго, который говорилъ мнѣ въ Петербургѣ, что проѣзжая чрезъ Корсаръ, опъ остановился на постояломъ дворѣ и свалъ на столахъ. Мнѣ же приходилось быть въ этомъ благословенномъ городкѣ не проѣздомъ и не на короткое время, а остаться въ немъ жить и состоять на службѣ. Вотъ я скорѣе опять въ телѣгу и сказалъ ямщику, чтобъ онъ везъ меня къ Бѣлоножкѣ. Тамъ новая неудача: квартира занята судебнымъ слѣдователемъ. Дѣлать нечего, поѣхали въ третье мѣсто искать квартиру, но и тамъ не было еще конца нашему теченью.

— Ну вези хоть на почтовую станцію, если ужъ негдѣ на первый разъ остановиться, сказалъ я ямщику, проѣхавъ городъ съ одного конца до другого, отыскивая квартиру.

— На пошту значить, къ пошмистеру?

— Зачѣмъ къ почмейстеру! я его не знаю, а ты вези меня на почтовую станцію.

— Да на какую же это поштовую станцію? разсуждалъ ямщикъ. — Здѣсь нѣту такой. Развѣ что новѣ доспѣли?.. Перѣѣкъ не было.

— Какъ нѣтъ? Да вѣдь есть же ямщики, которые возятъ почту: вѣдь у нихъ лошади-то чай на почтовой станціи стоятъ?

— Не знаю я про это дѣло! отвѣчалъ ямщикъ, отрицательно покачавъ головой: — ничего я про это не знаю. А вотъ постоялка я сбѣгаю, спрошаю у кого-нибудь.

И онъ отправился въ первыя же попавшіяся ему на глаза ворота, разсуждая вслухъ самъ съ собою: «Не знаю, не знаю... Развѣ что у Чернышова?... Да нѣтъ, все статья неподходящая... Развѣ вотъ гдѣ!» Онъ какъ-будто вспомнилъ о чемъ-то и торпливо шмыгнулъ за ворота. Минуты черезъ три онъ снова по-

казался въ воротахъ , но на этотъ разъ шоль уже какъ-то особенно лѣнливо.

— Нечего было и толковать и выспрашивать , говорилъ онъ мнѣ : — моя правда-то выходитъ. Здѣсь говорятъ , и всего-то навсего два ящика съ половиной , да и тѣ во своихъ избахъ живутъ. А вотъ мнѣ сказали , что тамо , на площади — онъ указалъ рукой — есть фатера отличная : самъ городничій на ней жилъ. Одно слово господская фатера.

— Ну ладно вези куда знаетъ.

Въ сущности для меня было рѣшительно все равно , городничій ли жилъ на той квартирѣ , куда повезъ меня ящикъ , или писецъ при полиціи. Мнѣ бы только уголокъ какой найти , гдѣ бы я хоть на одинъ день могъ приютиться послѣ такой утомительной долгой дороги — и тому бы я радъ былъ душевно.

Вотъ ящикъ привозитъ меня на какую-то площадь , дотога сирую и убогую , что она даже вся травой поросла. Среди площади возвышается нѣчто кирпичное , четырехугольное ; въ этомъ возвышеніи съ двухъ противоположныхъ сторонъ сдѣланы углубленія ; въ углубленія вставлены весьма древнія иконы ; содержаніе иконъ темно , такъ что краска на нихъ почти вся полиняла и остались однѣ досечки. Впослѣдствіи я узналъ , что на этомъ мѣстѣ въ древнія времена стояла церковь , каменная или деревянная , и по какому поводу она превратилась въ кирпичный столбъ — этого никто мнѣ не могъ разъяснить. На этой-то площади я и поселился въ одномъ изъ маленькихъ домиковъ , ее окружавшихъ.

Маленькой домишко , или вѣрнѣе флигелекъ , гдѣ я нанялъ квартиру , гордился древностью своего происхожденія ; стоялъ какъ-то на бокъ и чуть ли не съ каждымъ годомъ все глубже и глубже садился въ землю : среда видимо заѣдала его ; онъ грустно , исподлобья поглядывалъ на площадь своими тремя окошечками съ позеленѣвшими стеклами и какъ-будто спрашивалъ : кто пзъ насъ кого больше красить — я ли площадь или площадь меня? По самыя окна онъ былъ обсыпанъ землей , какъ это бываетъ въ деревняхъ , то-есть сдѣлана завалина , на которой я мечталъ усѣсться въ ясный лѣтній день вмѣстѣ съ какой-нибудь дворняшкой Жучкой и общими силами грѣться на солнышкѣ.

Внутри двѣ комнатки , сырыя , съ угаромъ , нештукатуренныя , но зато оклеенныя грязными , засаленными и несовѣмъ при-

личнаго цвѣта обоями. Ужъ лучше бы было оставить голыя бревенчатыя стѣны. Въ одной изъ двухъ комнатъ, въ переднемъ углу, въ деревянной тяжелой рамѣ въ видѣ кіота, висѣлъ большой образъ въ серебряномъ окладѣ. За стекломъ по обѣимъ сторонамъ образа стояли, какъ гласить мѣстное преданіе — болѣе двадцати лѣтъ, вѣнчальные свѣчи, перевязанныя ленточками сомнительнаго цвѣта. Въ самомъ углу за образомъ торчали пучекъ вербы. По срединѣ потолка и по бокамъ красовалась дождевая протекція.

Вотъ какого содержанія были «парадные» комнаты. Кромѣ нихъ была еще прихожая, цвѣтъ и украшеніе моей квартиры. Климатъ въ этой странѣ весьма тяжолый и нездоровый. Съ одной стороны великолѣпно красуется безобразная, полуразвалившаяся большая печь, точно въ банѣ; съ другой стороны маленькое, едва пропускающее свѣтъ, окошечко; кругомъ по стѣнамъ лавки, полъ безъ всякаго ладу и складу, а всякая доска сама по себѣ; въ углахъ плесень. Въ прихожей я даже не снималъ калошъ, всячески избѣгалъ этой арестантской комнаты и появлялся въ ней только для совершенія процесса умыванія.

Самоваръ подавался весь въ морщинахъ, видно что бѣдняга много пожилъ на свѣтѣ; чайникъ курносый, чашка безъ ручки, стакановъ вовсе не водилось, у блюдечка отбить кажись было нечего: ни носка нѣтъ, ни ручки, а все-таки и у него кусочекъ былъ выломлепъ, точно какъ у драчливой собаки — хоть гдѣ-нибудь да выхваченъ хлопокъ шерсти. Объ остальной домашней утвари нечего распространяться: она не нарушала общей гармоніи и не производила безпорядка въ хронологическомъ отношеніи лѣтъ хозяйки и всего ея дома. Напримѣръ столы, стулья, комодъ, диванъ и проч., все это было построено чуть ли не изъ остатковъ ноева ковчега и доставлено моей хозяйкѣ прямехонько съ араатскихъ вершинъ.

И сама хозяйка принадлежала къ числу рѣдкостей. Это была старушка-вдова мѣщанка, пренеопрятная, безъ криволина, охающая и поминутно вопіющая: «охъ господи помилуй!» Что бы ни спросилъ ее, прежде чѣмъ дать отвѣтъ, она сначала болѣзненно жалобно простонетъ «охъ господи помилуй», и только потомъ отвѣчаетъ на вопросъ. Спросишь ее напримѣръ: «Ну что Федосья Сысоевна, поставили самоваръ?» или «принесли мнѣ воды?» Она отвѣчаетъ: «охъ господи по-

милуй! поставила; охъ господи помилуй! принесла.» Какъ-будто она согрѣшила и раскаивалась въ томъ, что самоваръ поставила или воды принесла. Эта божья старушка была первая личность, съ которой по прїѣздѣ волей-неволей пришлось мнѣ покороче познакомиться.

Такая квартира съ такой хозяйкой, съ дровами и водой стоила въ мѣсяцъ пять рублей.

Имщикъ внесъ въ комнату мои вещи. Прежде всего я спросилъ себѣ умыться, такъ какъ во всю дорогу, то есть въ продолженіе цѣлой недѣли я не умывался ниразу; все какъ-то не доводилось. Мнѣ подали вмѣсто таза большую деревянную чашку, а умывальникъ или кувшинъ замѣнялся кострулей, покрытой со дна и съ боковъ сажей, жаль только что не голандской, а все-россійской, а то бы я непремѣнно нафабрился. По окончаніи обряда умыванія коструля командировалась въ печь и возвратилась оттуда къ обѣду съ кашей.

Былъ уже двѣнадцатый часъ, когда мой туалетъ былъ совершенно оконченъ. Я имѣлъ намѣреніе слѣзть набѣгъ на сосѣдственныя племена, познакомиться съ нравами и обычаями туземныхъ обитателей.

— А кто у насъ здѣсь по сосѣдству живетъ? спрашиваю я у хозяйки.

— Охъ господи помилуй! простонала хозяйка: — да сосѣдъ-то у насъ исправникъ.

Ну исправникъ такъ исправникъ. Иду къ исправнику.

Домъ исправника былъ извѣстенъ всякому: это былъ единственный во всемъ городѣ двухъ-этажный, деревянный, новый домъ. Крыльцо со двора, звонка нѣтъ разумѣется, лѣстница кверху. Иду наверхъ, ни души живой не вижу. Но что въ домѣ была хоть одна живая душа, въ этомъ убѣждали меня звуки органа. Это были не тѣ пѣжные, захватывающіе за душу звуки, которые

Лились, лились,

Какъ слезы, мѣрно другъ за другомъ,

нѣтъ, эти звуки были иного разбора. Это были тѣ звуки, которые заставляютъ собаку выть безчеловѣчно. Непріятное собачье чувство стало мнѣ понятно. Я поднялся по лѣстницѣ ступенекъ десять и остановился; вижу — наверху, въ прихожей, возлѣ лѣстницы стоитъ органъ, на которомъ играетъ горничная. По-

стоявъ минуты двѣ, я поднялся на самый верхъ лѣстницы; горничная все вертитъ да вертитъ ручкой органа, а на меня ни не взглянетъ; ужъ такъ была упоена она музыкой, что не слыкала моего шороху и кашлю, которыми я хотѣлъ вывести ее изъ упоенія. Тактъ былъ быстръ до невѣроятности, многихъ нотъ не хватало. Музыка была удивительная, органъ гудѣлъ изо всей силы какую-то плясовую русскую пѣсню.

Наконецъ горничная оглянулась, увидала мою фигуру и подбѣжала ко мнѣ.

— Александра Юрьевича нѣтъ дома-съ! проговорила она.

— А скоро онъ будетъ дома?

— Они уѣхали-съ. И неизвѣстно скоро ли будутъ-съ.

Дѣлать нечего, пойду теперь къ судѣ. Судья жилъ на Главной улицѣ, въ собственномъ домѣ. Иду въ Главную улицу. Домъ судьи заключалъ въ себѣ нѣчто манежное: длинное зданіе въ одинъ этажъ, казенной архитектуры. Здѣсь крыльцо было парадное, съ улицы; возлѣ двери былъ устроенъ звонокъ (единственный во всемъ городѣ, какъ оказалось впоследствии), петербургски. Но не знаю почему, мнѣ захотѣлось попробовать, не отворится ли дверь безъ звонка. Я потянулъ за ручку и дверь отворилась тотчасъ же. Мнѣ представилась такого содержанія сцена: молоденькая, хорошенькая горничная, нагнувшись къ полу, держитъ лѣвой рукой кошку, филейными частями впередъ, и поретъ ее сыримъ вѣникомъ. Подсудимая вѣроятно была поймана съ поличнымъ, *au flagrant delit*, и сѣкли ее конечно по судейскому приговору. Но что меня всего больше поразило, — подсудимая не издавала никакого крика: хотѣла ли она показать твердость своего характера, или ужъ такъ, просто по сознанию всей тяжести своего преступленія, но только она не ревѣла. Когда горничная меня замѣтила, то сейчасъ же и встала.

— Вамъ кого угодно? спрашиваетъ она меня, между тѣмъ какъ жертва ея устлалась бѣжать безъ оглядки, опустивши хвостъ.

Я назвалъ ей судью.

— Ихъ дома нѣтъ-съ, они теперь въ судѣ. А объ васъ какъ доложить?

— Скажите, что былъ здѣшній лекаръ такой-то.

— Какъ здѣшній лекарь? спрашиваетъ меня горничная съ удивленіемъ.

Я объяснилъ ей, что я «новый» лекарь, только-что пріѣхалъ.

Мнѣ однакожь начинало становиться досадно. Того дома нѣтъ, другого дома нѣтъ. Неужели, думалъ я, возвращаясь отъ судьи — мнѣ придется розыскивать каждаго изъ обитателей Корсара точно также, какъ пришлось розыскивать квартиру? Хоть кого-нибудь да застану же дома. Дай найду къ уѣздному врачу, авось онъ не въ уѣздѣ.

Дѣйствительно онъ былъ дома. Вхожу къ нему и рекомендую :

— Такой-то, здѣшній городской врачъ.

— Наконецъ-то вы пріѣхали! вскричалъ мой собратъ по профессіи : — мы васъ просто заждались. Объ васъ ужъ давнымъ-давно дано знать, что вы опредѣлены въ нашъ городъ. Еще въ сентябрѣ врачебная управа писала мнѣ о вашемъ назначеніи сюда и чтобы я сдалъ вамъ больницу и всѣ дѣла.

Собратъ мой, уѣздный врачъ Николай Федорычъ Исаковъ жилъ въ собственномъ домѣ, со своими, какъ онъ самъ выражался, «стариками», то есть съ отцомъ и матерью. Такъ какъ городского врача не было, то завѣдываніе городской больницей на время поручено было ему.

Между нами завязался вскорѣ оживленный разговоръ, чему помогло то обстоятельство, что Николай Федорычъ и я были медики и притомъ одного поля ягоды, то есть оба мы такъ-сказать цвѣли и зрѣли въ одномъ университетѣ, только разница между нами была та, что онъ раньше меня кончилъ курсъ : такъ-что когда я поступилъ въ университетъ, онъ ужъ былъ на службѣ. Мы говорили о томъ, что и какъ было въ его время и какъ потомъ послѣ него всѣ порядки измѣнились въ университетѣ и въ какомъ видѣ они были уже въ мое время. Говорили о профессорахъ, которыхъ онъ слушалъ и которые сохранялись въ университетѣ и въ мое время. Договорились до того, что на подносѣ внесли въ залу весьма скромную закусочку : водочки, хлѣбца да грибовъ. Приступая къ закусточкѣ, я спросилъ его :

— Какова здѣсь больница?

— Плоха! отвѣчалъ онъ.

— И ужь будто не найдется въ ней хоть чего-нибудь порядочнаго?

— Ровно ничего, а что и есть, такъ никуда не годится. Всего хуже смотритель, ничего не дѣлаетъ, ни за чѣмъ не смотритъ; дѣлать вести вовсе не умѣетъ, сколько я ни старался, ничего не могъ съ нимъ подѣлать. Да мнѣ и возможности не было что-нибудь сдѣлать; то меня нѣтъ въ городѣ, въ уѣздѣ уѣдешь и не знаешь, что дѣлается въ больницѣ; то онъ принесетъ бумаги подписать передъ самымъ отходомъ почты и когда у меня другого дѣла много; ну гдѣ-жъ тутъ сообразишь да повѣришь!

Мы выпили и закусили, онъ продолжалъ.

— Много вы хлопотъ наживете съ смотрителемъ, приходо-расходныхъ книгъ онъ въ свое время не представляетъ къ подписи, и если вы хотите что-нибудь сдѣлать, такъ требуйте, чтобъ по окончаніи каждаго мѣсяца онъ непременно представлялъ вамъ отчетъ; а то вѣдь мѣсяца по три, по четыре ничего неизвѣстно, какъ онъ ведетъ дѣла, какіе сдѣланы расходы и на что истрачены больничныя деньги. Прежде всего надо приняться именно за смотрителя; въ случаѣ неправильныхъ расходовъ, которые онъ сдѣлаетъ, по закону онъ не отвѣчаетъ, а вся отвѣтственность падетъ на членовъ совѣта больницы, а вы кромѣ того какъ членъ, еще и предсѣдатель конторы въ больницѣ, такъ вамъ всѣхъ хуже и придется. Хорошо еще, если напутаешь въ счетахъ и чего не достанетъ, съ васъ только взыщутъ деньги, а то вѣдь и хуже можетъ быть, подъ судъ уекутъ.

— А есть хоть какіе-нибудь хирургическіе инструменты?

— Нѣтъ.

— А лекарства есть?

— Ну это-то хоть немного да есть, впрочемъ хоть оно и есть, но никуда не годится; что годилось, такъ то ужь давно все издержали, ждите новаго году, тогда вышлютъ изъ Москвы по положенію годовой запасъ лекарствъ, половины-то изъ нихъ и на полгода не хватитъ, тогда опять и сидите безъ лекарствъ. Да вотъ завтра я вамъ передамъ больницу, такъ все сами увидите.

Это было сказано такимъ тономъ, что дескать на словахъ передать невозможно, лучше и не спрашивайте, а завтра все на дѣлѣ лучше поймете, потому я прекратилъ разговоръ о больницѣ.

— А какова практика? спросилъ я.

— Въ городъ-то отъ практики вы ничего не получите; много что рублей десять во весь годъ.

— Неужели только?

— И это еще много. Пожалуй, если хотите такъ практика-то у васъ будетъ и даже большая, только платить вамъ никто ничего не будетъ, даромъ лечи! Много и бѣдныхъ есть, которымъ нечѣмъ заплатить врачу; еще есть такіе, сами себя лечащіе и даже практикующіе: это гомеопаты и гомеопатки; напримеръ есть одна барыня Ельцина, у ней говорятъ въ базарный день (у насъ базарный день пятница) много бываетъ народу, который прїѣзжаетъ въ городъ изъ деревень, и всѣхъ она лечитъ своими капельками да крупинками. А то вотъ еще и окружный докторъ тоже въ гомеопата претворился, и есть помѣщички, которыхъ онъ гомеопатически лечитъ.

— Ну, а въ уѣздѣ у помѣщиковъ какова практика?

— У кого какъ, случается что иной разъ просятъ, а лошадей-то непришлютъ, вотъ и наймешь самъ, и ѣдешь верстъ за пятнадцать, за двадцать, да назадъ такимъ же манеромъ, а за визитъ получишь синенькую: воротись домой, этими же деньгами и расплатись съ ямщикомъ. И за это еще слава-богу надо сказать, а то изъ своего кармана добавлять приходится.

Я присидѣлъ у Николая Федорыча часа два. Потомъ онъ повелъ меня знакомить съ другими обывателями города и проходя мимо дома казначея, сказалъ:

— Не зайти ли къ казначею Семену Яковличу Бѣляину? Онъ теперь навѣрно ужъ пообедалъ, но спать еще не легъ.

Зашли къ Семену Яковличу. Это была организація худая, тощая, вытянувшаяся далеко вверхъ, прозѣвавшая почему-то въ положенный срокъ пожениться, но еще колебавшаяся, тоже почему-то превратиться въ стараго холостяка, въ сущности же дѣйствительно таковымъ состоящая: съ нѣскольکو потраченными и отъ времени полинявшими волосами на головѣ, съ физиономіей сильно подержаной, старающейсѣя пріятно улыбаться. Въ университетѣ Семень Яковличъ никогда неучился; онъ даже во снѣ не могъ предетавить себя студентомъ. Онъ былъ чиновникомъ отъ рожденія и именно казначеемъ; его длинныя, тонкіе, костлявыя пальцы были удивительно приспособлены къ быстрѣйшимъ выкладкамъ на счетахъ.

Безъ закуски разумѣется и здѣсь не обошлось. Я вынулъ рябиновой наливки одну, другую рюмочку и т. д. до шести кажется. Я любовался каждый разъ, когда Семень Яковличъ наливалъ себѣ рюмку: онъ брался за нее своими пауковыми пальчиками съ такой отчетливостью, какъ—будто скидывалъ косточку на счетахъ.

Разговаривать съ этимъ субъектомъ было рѣшительно не о чемъ. «Ну какъ вы находите нашъ городъ? да «вамъ онъ вѣроятно послѣ Петербурга показался деревней?» да «Не скучаете ли вы здѣсь?» это были неизбѣжные вопросы во всякомъ домѣ, куда только я ни заходилъ. Скучно было ихъ слушать, а отвѣчать на нихъ даже не хотѣлось, даже досадно было. Всѣ смотрѣли на меня какъ на столичнаго гуся, какъ—то дико; но признаться откровенно, послѣ подобныхъ вопросовъ я на каждого своего новаго знакомаго посматривалъ какъ на провинціальную утку. Съ Семеномъ Яковличемъ только и можно было разсуждать, что о пяточкахъ да о четверточкахъ, да пожалуй для разнообразія о фальшивыхъ бумажкахъ. Къ сожалѣнію я зналъ всего только одинъ анекдотъ о пяточкахъ, да и тотъ не казначейскій, а нашъ медицинскій, изъ лекарской практики. «Вообрази какая странная исторія сегодня у меня вышла, говорить одинъ изъ оканчивающихъ курсъ студентовъ своему товарищу: — Прихожу къ Темникову — ты вѣдь его знаешь? Отчаянно боленъ. Что такое? Да вотъ, говорятъ его родные, цѣлковый серебряный проглотилъ, теперьдохнуть не можетъ. Ну я посмотрѣлъ на больного и вижу — дѣйствительно малого—то вспучило. Я разумѣется сейчасъ же слабительнаго. Сильнѣйшаго. Принялъ, и чтобы ты думалъ: цѣлковый—то вѣдь вышелъ!» — «Чтоже тутъ страннаго—то, я все—таки не вижу?» — «Да ты слушай. Цѣлковый—то вышелъ, да непросто, а, все знаешь пяточками, пяточками...»

Слушатели хохотали и острили, казначей всѣхъ больше. Онъ даже спросилъ: «только нефальшивыми ли?»

Послѣ этого анекдота я вспомнилъ, что я связанъ съ Семеномъ Яковличемъ узами денежныхъ счетовъ, такъ какъ жалованье, какъ я полагаю, мнѣ слѣдовало получать отъ него. Вопросъ о жалованьи былъ слишкомъ близокъ моему сердцу, чтобы я оставилъ его безъ вниманія.

— А когда вы мнѣ жалованье дадите? спрашиваю я у казначея.

— Да вы не отъ меня будете получать жалованье, отвѣчалъ онъ, припавъ вдругъ пресерьозную, истинно-казначейскую мину, — а вамъ будетъ высылать приказъ изъ губернскаго города.

— Акуратно будутъ высылать каждый мѣсяць?

— Вотъ ужъ этого я не знаю; вамъ причитається получать всего въ мѣсяць шестнадцать рублей съ копѣйками, — сумма небольшая, — такъ можетъ-быть будутъ высылать по прошествіи двухъ мѣсяцевъ.

— Какъ же это сдѣлать, чтобъ приказъ въ губернскомъ городѣ узналъ о моемъ пріѣздѣ? спрашивалъ я, такъ какъ юридическія формальности были мнѣ совершенно неизвѣстны.

— Да очень просто: напишите рапортъ въ вашу врачебную управу, что вы прибыли такого-то числа сюда въ городъ къ мѣсту вашей службы, да кромѣ того напишите еще рапортъ о томъ, что вы просите врачебную управу о высылкѣ денегъ слѣдующихъ вамъ въ уплату жалованья, не забудьте, другая-то бумага тоже рапортъ, потому что къ начальству подчиненные пишутъ только рапорты, о чемъ бы ни писали по службѣ; управа ужъ отнесется куда слѣдуетъ, вотъ и все.

«Да все!» думалъ я: знаю я это «все»!

Николай Федорычъ вскорѣ ушелъ домой, а я получилъ отъ казначея приглашеніе сѣсть на дрожки и покататься съ нимъ по городу. Вотъ мы и усѣлись вдвоемъ на дрожкахъ древнѣйшей архитектуры; въ четверть часа объѣхали всѣ улицы города, потомъ зашли въ лавку. Семенъ Яковличъ купилъ разливательную ложку, подсвѣчникъ и миндальныхъ пряниковъ, потому, какъ онъ самъ объяснялъ, что чувствуетъ къ нимъ сильную слабость. Съ своей стороны я купилъ сахару и мыла. Хотѣлъ было еще купить гребенку и щетки для платья и сапогъ, но такого товару неказалось.

Накатавшись досыта, накупивъ обновъ и откушавъ чаю со сливками у казначея, часу въ девятомъ вечера я возвращался домой пѣшкомъ. Осенняя ночь дотога была темна, — хотъ глазъ выколи; незная еще мѣстности города, я какъ слѣпой возлѣ огорода, пробирался около стѣнъ домовъ. Во всемъ городѣ не свѣтилось ни одного фонарика; всюду была тишина ненарушаемая не только людскимъ говоромъ, но даже и собачьямъ

лаемъ; на улицѣ я не встрѣтилъ ни одного живого существа, окна почти во всѣхъ домахъ, мимо которыхъ привелось идти, были закрыты ставнями, отчего мнѣ казалось, что я иду не по городу, а въ какомъ-то подземномъ царствѣ и когда я дошелъ до площади, мнѣ стало страшно: вѣрно оттого, что непривыкши ходить въ потемкахъ, я испугался провинціального мраку, ускорилъ шаги и чуть не бѣгомъ пустился по площади къ своимъ пенатамъ...

III

ВОЛЬНИЦА

Какъ только я очутился дома, сейчасъ же бросился на кровать нераздѣваясь, но странная вещь — никакъ не могъ заснуть: цѣлую ночь я вертѣлся съ боку на бокъ и заснулъ только лишь передъ утромъ. Не успѣлъ я подняться съ постели, какъ является ко мнѣ Николай Федорычъ — вѣроятно съ цѣлью отомстить мнѣ за вчерашній мой визитъ къ нему. «Пойдемте, говоритъ, въ больницу.» — «Пожалуй, пойдемте.»

Отправились въ больницу. Дорогой Николай Федорычъ сообщил мнѣ, что начало больницѣ положено лѣтъ десять-пятнадцать тому назадъ: въ то время, говоритъ, былъ у насъ въ городѣ лекарь такой-то, выстроилъ себѣ домъ, а потомъ и уѣхалъ, на прощанье онъ подарилъ городу свой домъ подъ больницу.

На такъ-называемой Главной улицѣ стоялъ пятиконный домъ съ черной доской надъ среднимъ окномъ; на доскѣ надпись: «Корсарская больница.» Въ наружности больницы изящнаго ничего не было. Да и вообще въ Корсарѣ не любили щеголять внѣшностью: дома всѣ были некрашенные; исключение составляла одна лишь городская больница. Такого цвѣта, въ какой она была окрашена, я еще нигдѣ не встрѣчалъ: это былъ какой-то болѣзненный цвѣтъ, грязновато-желтовато-мутновато-сѣровато-скверный цвѣтъ. При больницѣ имѣлся дворъ обширныхъ размѣровъ — вродѣ той площади, на которой я поселился. Около больницы стоялъ погребъ, а въ концѣ двора баня. И погребъ, и баня были крошечныхъ, можно сказать даже игрушечныхъ размѣровъ. Только игрушки эти были сильно подержанныя.

Ну, садъ тоже былъ. Садъ былъ на дворѣ же, и дворъ ничѣмъ не отдѣлялся отъ сада, напротивъ — даже щедро, по-пріятельски дѣлился съ нимъ соромъ и разными нечистотами. Въ саду кромѣ сору и нечистоты было еще нѣсколько деревьевъ; подъ однимъ изъ нихъ была устроена скамеечка, возлѣ скамеечки трепеталъ столикъ на колышкахъ, возлѣ столика былъ колодецъ.

Николай Федорычъ сказалъ правду: больница дѣйствительно была плоха. Комнаты маленькія, невысокія, съ необыкновенно сухимъ воздухомъ, несмотря на то даже, что крыша сгнила до того, что на потолокъ въ двухъ комнатахъ, гдѣ лежали больные, было счетомъ ровно одиннадцать узоровъ, образовавшихся отъ течи во время дождя, — а воздухъ все-таки былъ сухъ. Несмотря и на то даже, что всѣ печи растрескались такъ, что опасно было ихъ и топить, въ комнатахъ однакожъ было тепло, даже жарко иногда. Это еще больше увеличивало сухость воздуха, отчего, должно полагать, немало потреблялось больными воды. Воду брали обыкновенно изъ колодца. Вода была прескверная: она была жестка на вкусъ — отъ содержащейся въ ней въ большомъ количествѣ извести, и на видъ весьма мутна, вѣроятно оттого, что колодца никогда не чистили. Рядомъ съ двумя комнатами, гдѣ лежали больные, была третья, маленькая комната, въ которой помѣщалась аптека, то-есть нѣсколько полокъ съ банками и пузырьками разной породы, крупной и мелкой, и столъ съ двумя столбиками и съ перекладиной наверху, за которую уцѣплялись вѣски. По причинѣ близкаго сосѣдства съ аптекой, въ комнатахъ больныхъ кромѣ больничнаго запаха былъ еще аптекарскій, а въ аптекѣ наоборотъ — кромѣ аптекарскаго больничнѣй.

Въ той же комнатѣ, гдѣ помѣщалась аптека, была и контора больницы. Контору составляли: столъ съ чернильницей, возлѣ стола сидящій съ перомъ и счетами смотритель, да шкафъ съ бумагами: вотъ почему всѣ дѣла и бумаги, хотя нисколько неотвоящихся до аптеки, ужъ непременно отзывались аптекой. Въ этой же комнатѣ повременамъ собирался «совѣтъ больницы», состоящій изъ предсѣдателя и четырехъ членовъ. Предсѣдателемъ былъ уѣздный предводитель дворянства, а члены — голова, го-родничій, начальникъ инвалидной команды и докторъ.

Больница была устроена всего на шесть кроватей.

— Вотъ вамъ и наши больные, теперь ихъ всего трое, — ска-
ки. X. — Отд. I.

залъ мнѣ Николай Федорычъ, указывая на тронхъ больныхъ, лежавшихъ въ первой комнатѣ. (Вторая комната пуста.)

Всѣ трое были солдаты изъ мѣстной инвалидной команды. Послѣ этого приступлено было къ «сдачѣ» больницы. Николай Федорычъ сказалъ фельдшеру, чтобъ онъ показалъ мнѣ анатомическіе инструменты, аптеку и при ней посуду — мензурки, вѣсы, ступочки, пестики и другія больнично-аптекарскія принадлежности по описи. Все что мнѣ показалъ фельдшеръ никуда негодилось; а если что и годилось, то было въ слишкомъ маломъ количествѣ, напримѣръ нѣкоторыя лекарства. Только одни клопы, которые не значились въ описи, имѣлись при больницѣ въ достаточномъ числѣ для шести кроватей вообще и для тронхъ больныхъ въ особенности. Этихъ *красныхъ* такъ было много, что они изъ кроватей эмигрировали въ щели косяковъ около дверей и оконъ и въ трещины штукатурки и завели по стѣнамъ обширныя, цвѣтуція колоніи, служа украшеніемъ стѣнамъ и оживляя больничныи бытъ своей бѣготней по подушкамъ и по больнымъ. Бѣгали же они безъ зазрѣнія всякой совѣсти: бѣгали ночью, бѣгали днемъ. Эта безсовѣстность клоповъ можетъ сравниться развѣ только съ безсовѣстностью того мазурика, который утромъ встрѣчаетъ — чуть ли не на Тучковомъ мосту — одну благочестивую старушку (а та брела отъ заутрени), атакуеть ее и тащитъ съ нея салопп. А ужъ свѣтло было. Старушка сначала опѣшѣла, потомъ поняла въ чемъ дѣло и закричала: «что ты, батюшка! въ седьмомъ-то часу!» Кромѣ клопныхъ колоній украшали одну изъ комнатъ, гдѣ лежали больные, старинныя стѣнные часы и своимъ стукомъ съ шипѣніемъ краснорѣчиво выговаривали каждую секунду: *memento mori!* Аптечную комнату украшало висѣвшее между окнами на стѣнѣ разбитое зеркальце, а изъ-за него выглядывала беззубая, престарѣлая гребенка да грязное полотенцо. Аптечныя украшенія были неотъемлемой собственностью фершала Луки Михалыча и должно быть очень ему нравились, потомучто впоследствии, сколько я ни просилъ его припрятать куда-нибудь свою пирульню, — онъ вѣроятно находилъ мой эстетическій вкусъ недостаточно развитымъ и еще болѣе украшалъ аптеку: то положить обгрызенное и ощипанное гусиное крыло на самое видное мѣсто, то бутылку съ масломъ поставить.

Все богатство больницы состояло въ библіотекѣ, которая помещалась въ аптекѣ, въ шкапу, за стеклами: всего-навсего книгъ

было до шестидесяти, и все библиографическія рѣдкости, вродѣ такихъ напримѣръ: «О пользѣ бадяги, замѣчанія санктпетербургской адмиралтейской госпитали главнаго лекаря коллежскаго асессора Юсефа Статковскаго, 1809 года», или «Руководятельная врачебная наука», или «Критико-философическое разсмотрѣніе гомеопатической системы. Соч. Ф. Јог. Неймана. Посвящено для употребленія всѣхъ образованныхъ сословій. Москва 1838». или «Необходимыя средства къ приобрѣтенію полезной и пріятной жизни» и проч. «Москва, 1838». Последняя книжка меня особенно заинтересовала. Безъ сомнѣнія она заинтересовала бы всякаго, кто только стремится къ приобрѣтенію пріятной и полезной жизни. Навѣрно думаю себѣ, прескучнѣйшая вещь: трактуетъ о необходимости трудиться (трудивыйся да леть), проповѣдуетъ скромную, цѣломудренную жизнь и проч. Раскрываю первую попавшуюся страницу — о радость! книжечка оказалась пресвеселая. «*Чтобъ свиньи не рыли земли. Поросенку, когда ему недѣль пять, продѣть въ рыло, гдѣ хрящикъ мѣдную проволоку и загнуть съ обоихъ концовъ; она заростетъ и не причинитъ ему никакого вреда, а рыть никогда не будетъ землю.*» Отсюда я заключилъ, что одно изъ средствъ къ приобрѣтенію полезной и пріятной жизни состоитъ въ томъ, чтобъ свиньи не рыли земли. И такихъ средствъ оказалось въ книжечкѣ, шутка сказать! — четыреста восемьдесятъ! Подавленный бременемъ такой массы средствъ, я спѣшилъ добратъя поскорѣе до послѣдней страницы: извѣстно — конецъ дѣло вѣнчаетъ. На этой страницѣ я прочелъ: «*Учить легавыхъ собакъ. Для обученія легавыхъ собакъ употребляютъ французскіе слова. Когда должно собакъ встать на заднія ноги, то ей говорятъ: *adrette...* Стой или остановись: *tu veau*, или *тубо*» и т. д. Вообще очень пріятная и очень полезная книжечка, только не для нашего брата медика.*

Изъ журналовъ только и былъ одинъ «Военно-медицинскій», да и тотъ высылался не за текущій годъ, а все были прошлогодніе нумера, въ числѣ неболѣе двухъ-трехъ.

Генеральный смотръ больницы былъ конченъ. Больше на первый разъ въ ней дѣлать мнѣ было нечего. Ближайшее, болѣе подробное знакомство съ ней предстояло конечно вперед.

Въ этотъ же день я побывалъ съ визитомъ и у другого врача, окружного, Андрона Андроныча Простодрека. Онъ кончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ. Первый мой визитъ къ нему былъ слишкомъ натянута, даже тяжолъ. Разговоръ у насъ какъ-то не клеился; притомъ же Андронъ Андронычъ держалъ себя почему-то такъ, что хотѣлъ казаться чиномъ выше настоящаго; глаза его постоянно бѣгали по сторонамъ, и сколько я ни старался заглянуть въ зеркало души его, однакожь это мнѣ не удалось не только при первомъ, но и при послѣдующихъ свиданіяхъ: при разговорѣ не только со мной, но и со всѣми онъ нѣкогда не смотрѣлъ человѣку въ глаза. Вообще онъ былъ тучный, породный, полный, словомъ господинъ съ вѣсомъ. Въмѣсто всякой закуски намъ подали у Простодрека кофею. Я больше трехъ недѣль не пилъ кофею и признаюсь, радостно выиграло у меня сердце при видѣ крошечныхъ чашечекъ съ кофеемъ, которыя подали намъ у окружного лекаря. Я уже обонялъ аромать аравійскаго нектара, уже чашечка была у меня въ рукахъ — и счастье

Такъ было близко, такъ возможно!

вдругъ чашечка поскользнулась на блюдечкѣ, слегка на боковую — и нектаръ полился на столъ, со стола на полъ. Я до сихъ поръ не могу безъ трепета сердечнаго вспомнить про эту упавшую чашку, и все мнѣ хочется воротить ее! И теперь, когда я пью кофе, какъ бы онъ ни былъ хорошъ, но все онъ не замѣнять мнѣ той чашки кофею, которую мнѣ подали въ Корсарѣ у окружнаго врача и которую я пролилъ...

— Это ничего, не беспокойтесь! успокаивалъ меня Андронъ Андронычъ, въ то время какъ я чуть не со слезами на глазахъ стиралъ носовымъ платкомъ и со стола и на полу пролитый кофею. Наконецъ пришелъ лакей, и вмѣсто моего платка застучала грязная тряпка, а за тряпкой послѣдовала щетка. Слѣды преступленія были тщательно стерты и замечены.

— Скажите, докторъ, спрашиваю я Андрона Андроныча: — вы вѣрите въ гомеопатію?

— Н-нѣтъ, проговорилъ онъ съ растановкой, тихо, какъ бы боясь, чтобъ кто не подслушалъ.

— Такъ чтоже васъ заставляетъ заниматься гомеопатіей?

— Знаете, много есть помѣщиковъ, которые вѣрятъ въ гомеопатію и хотятъ лечиться непремѣнно гомеопатически, никакъ

иначе. Помолчавъ нѣсколько онъ въ свою очередь спросилъ меня :

— А вы гомеопатіей не занимаетесь?

— Нѣтъ.

— Напрасно; а то была бы и у васъ въ уѣздѣ у помѣщиковъ практика.

Мнѣ оставалось только поблагодарить его за добрый совѣтъ.

— Скажите, какъ мы вамъ кажемся? должно-быть двкарами нестѣждами? спросилъ меня Андронъ Андровичъ послѣ разговора о гомеопатіи.

Я не понялъ про кого именно онъ спрашиваетъ и съ какою цѣлью, и не зналъ что сказать ему :

— Я вѣдь еще недавно пріѣхалъ въ вашъ городъ и никого еще не знаю; дѣйствительно городъ—то скверный, ну а люди—то кажется еще ничего и т. д. въ этомъ родѣ.

Скоро послѣ этого объясненія я ушелъ.

Визиты мнѣ окончательно надоѣли — и тѣ, которые я дѣлалъ, и тѣ — которые мнѣ дѣлались. Послѣдніе были особенно невыносимы: скука, китайскія церемоніи, переливанье изъ пустого въ порожнее... Тьфу! даже вспомнить тошно. Одинъ только визитъ приходился мнѣ по душѣ: это былъ визитъ лѣсничаго Гаврилы Гаврилыча Гобоева. Мы съ нимъ были старые знакомые: когда еще я былъ студентомъ, онъ уже кончилъ курсъ и служилъ въ палатѣ; потомъ когда я кончилъ курсъ и уѣхалъ въ Петербургъ, онъ поступилъ въ лѣсничество въ ту-же губернію и уѣздъ, куда и меня запрятала судьба по распоряженію начальства.

Гаврило Гаврилычъ пріѣхалъ ко мнѣ вечеромъ. Меня не было дома. Онъ уже, не дождавшись меня, выходитъ съ моей квартиры, и въ сѣняхъ ему свѣтила моя хозяйка. Въ это самое время я вернулся домой.

— Охъ господи помилуй! Да вотъ и докторъ пришолъ! вскрикнула моя хозяйка.

— Вы ли это, Инсаровъ? вслѣдъ за крикомъ хозяйки раздался голосъ Гобоева, который сначала не узналъ меня: моя борода привела его въ смущеніе и совершенно сбила съ толку.

Мы обнялись.

— Да за что васъ сюла къ намъ сослали? спросилъ меня Гобоевъ.

— Не сослали, отвѣчалъ я: — а послали служить, какъ стипендіата.

Изъ стѣней мы перешли въ комнату, и я спросилъ Гаврила Гаврилыча:

— Какъ это вы узнали, что я пріѣхалъ? И отчего не остались до моего прихода? Хорошо что я скоро вернулся, а то вѣдь бы мы разошлись.

— Я вѣдь живу не въ городѣ, а въ лѣсу, какъ истый лѣсничій, вереть за тридцать отсюда; сегодня проѣздомъ попалъ сюда въ городъ, миѣ и говорятъ, что пріѣхалъ новый докторъ. Кто бы такой, думаю? Фамилію разумѣется ужъ переврали, только все-таки была похожа на вашу; я и спросилъ, изъ какого университета? Какъ назвали нашъ-то родной университетъ, такъ по нему я сейчасъ и догадался, что новый докторъ — тотъ именно Инсаровъ, котораго я зналъ еще студентомъ. Спрашиваю гдѣ онъ живетъ? сказали на площади возлѣ исправника; я и полетѣлъ. Прихожу, а васъ дома нѣтъ. Дождитесь скука, и ктому же я не зналъ, скоро ли вы вернетесь.

Потомъ мы пустились въ разговоры о новомъ нашемъ житьѣ-бытьѣ, пересыпая его старыми воспоминаніями. Гаврило Гаврилычъ сообщилъ миѣ, что ужъ въ городѣ говорятъ про меня, будто я сильно придерживаюсь чарочки, и что даже въ самый первый же день пріѣзда не могъ скрыть своей слабости и хватилъ у казначея черезъ край. Во время разговору Гаврило Гаврилычъ рылся у меня въ чемоданѣ, гдѣ лежали книги, платье и шкатулка. Вытащивъ шкатулку, онъ гряхнулъ ее и сказалъ:

— У, да какъ тяжело! вѣрно вся деньгами набита?

— Нѣтъ, тутъ у меня микроскопъ.

— Вотъ и отлично! Пріѣзжайте ко миѣ въ лѣсъ съ микроскопомъ, станемъ заниматься ботаникой, зоологіей: словомъ всѣми царствами займемся. Звѣринца устранивать ненужно, зайцы, волки подъ окнами бѣгають, акваріумъ тоже ноль окномъ — цѣлое болото, поставимъ прямо въ болото микроскопъ, да изъ окна и будемъ разсматривать, что дѣлается въ болотѣ.

Не дожидаясь отвѣта на свои слова онъ спросилъ меня:

— А вотъ что, гдѣ у васъ деньги-то? Отъ дороги можетъ и гроша не осталось? Здѣсь въ городѣ я бываю проѣздомъ, никого тоже какъ и вы не знаю, такъ мы похожи одинъ на другого: я живу въ лѣсу съ волками, да вы теперь хоть и въ городѣ, а

тоже все равно что въ лѣсу; такъ не наде ли вамъ денегъ на первый разъ? Много я вамъ не дамъ, ну а немного-то могу.

И онъ вытащилъ свой бумажникъ.

Мы просидѣли далеко за полночь. Гаврило Гаврилычъ остался у меня ночевать. Рано поутру онъ сталъ собираться домой; при расставаньи я подарилъ ему поношенную гарибальди, пепельницу и муштучекъ. Съвѣ въ свою тѣлегу онъ закрычалъ мнѣ:

— Скучно будетъ такъ прѣзжайте ко мнѣ въ лѣсъ!

IV

Г О Р О Д Ъ

Два-три слова о городѣ, въ которомъ я поселился.

Я былъ еще въ Петербургѣ. Меня «назначили» городовымъ врачомъ въ Корсарь. Очень естественно, что меня взяло любопытство узнать что это за городъ за такой. Отыскиваю въ самомъ новѣйшемъ календарѣ: Корсарь, уѣздный городъ такой-то губерніи, число жителей — семь тысячъ съ чѣмъ-то. Гм! думаю себѣ: значить жить еще можно. Даже весело стало. Но потомъ вдругъ я вспомнилъ про одного моего пріятеля, тоже городского лекаря. Онъ служилъ въ одномъ богатомъ и многолюдномъ уѣздномъ городѣ, но его увлекала «охота къ переимѣнѣ мѣсть», и онъ перепросился служить въ другой, совершенно незнакомый ему городъ, въ которомъ по календарю считалось чуть-ли не десять тысячъ жителей. Прѣзжаетъ — ой вей мирь! даже трехъ тысячъ нѣтъ. Онъ ужасно загрустил и въ своихъ письмахъ ко мнѣ постоянно жаловался на отчаяннѣйшую скуку. Чтобы не упасть по милости календаря въ подобный просакъ, я рѣшился заглянуть въ прежніе календари: можетъ-быть въ нихъ, чѣмъ старше календарь, тѣмъ больше показано въ Корсарѣ число жителей; покрайней мѣрѣ я могу опредѣлить въ какой прогрессіи прибываетъ или убываетъ тамъ народонаселеніе. Достала календарей съ десятокъ. Въ иныхъ или вовсе не было отдѣльной графы для числа жителей въ нашихъ городахъ, или же вездѣ стояло: «Корсарь — 7000.» И успокоился.

Прѣзжаю въ Корсарь, и первое, что меня поразило въ самое

сердце, такъ это именно безлюдство, даже безсобачество. Сначала меня это сильно обезпокоило, но потомъ я подумалъ: «ну, должно быть всѣ по домамъ сидятъ, всякій своимъ дѣломъ занятъ. Вотъ гдѣ праздность-то изгнана!»

Въ первые же дни по моемъ прїѣздѣ въ Корсарь, когда я знакомился съ его обывателями, я нѣсколькимъ лицамъ выразилъ свое удивленіе насчетъ безлюдья и безсобачія. Оказалось, что въ городѣ собакъ дѣйствительно нѣтъ, а жителей...

— По календарю значится семь тысячъ, говорю я.

— Помилуйте! какія семь тысячъ! Двухъ не наберется.

Но куда-жъ, куда-жъ это безслѣдно исчезло пять тысячъ народу? Отъ холеры что-ли всѣ перемерли? Отъ моровой язвы? «Нѣтъ, говорятъ, ничего такого у насъ не было. Даже землетрясенія не было. Вотъ пожары у насъ были, особенно въ послѣдніе три года, и сильные пожары, около половины города выгорѣло, а чтобъ хоть одинъ человѣкъ сгорѣлъ — этого не было!»

Такъ я ничего и не добился ни отъ городничаго, ни отъ исправника, ни отъ казначея. Я хоть и раньше зналъ, что «всѣ врутъ календари», но по простотѣ душевной полагалъ, что иной разъ они и правду говорятъ. И вдругъ — пятью тысячами человѣкъ меньше... Господи! практики-то на-сколько убыло, практики-то!

Дѣло впрочемъ объяснилось. Его объяснилъ мнѣ лѣсничій Гобоевъ. Изъ его словъ я узналъ, что когда собирались статистическія свѣдѣнія для календаря (это было давно ужъ, лѣтъ десять тому назадъ), тогда дѣйствительно въ Корсарѣ, говорятъ, было тысячъ семь жителей, если только небольшое. Календарь такъ и записалъ: «Корсарь, 7000,» а потомъ и пошолъ печатать изъ году въ годъ: «7000,» «7000». А между тѣмъ въ Корсарѣ съ году на годъ все убывало да убывало число жителей: они оставляли понемногу городъ и селились верстахъ въ пяти, семи отъ него, дѣлались крестьянами и образовали цѣлыя деревни: вотъ напримѣръ Морковка, Арбузовка, Адашевка — шу и другія.

Этнографическія свѣдѣнія о Корсарѣ, какъ видите, довольно сумрачны, а про историческія такъ и говорить нечего: тѣ ужъ просто темны. Мѣстное преданіе гласитъ, что онъ во времена Петра I служилъ мѣстомъ ссылки, а до Петра находился во власти татаръ и былъ значительнымъ пограничнымъ городомъ;

даже укрѣпленія въ немъ были : до сихъ поръ еще неподалеку отъ города видны остатки этихъ укрѣпленій — въ образѣ вала, впрочемъ сильно утоптанаго. Кромѣ этого вала татары оставили по себѣ на память еще подземный гулъ. Дѣло въ томъ, что татары (все по тому же преданію), безъ сомнѣнія съ хорошей цѣлью, устроили подъ землей секретные ходы; ходы эти шли по направленію нѣкоторыхъ изъ нынѣшнихъ улицъ, такъ что теперь, когда ѣдешь по этимъ улицамъ — подразумевается лѣтомъ, — то чувствуешь подъ собой какую-то гудящую пустоту. Къ сожалѣнію этого гула я не слыхалъ, такъ какъ мнѣ привелось быть въ Корсарѣ не лѣтомъ, а зимой. Далѣе; извѣстно также по преданію, что Корсаръ сильно бушевалъ во время пугачевщины. Наконецъ, какъ на историческій памятникъ, жители Корсара указываютъ на каменный столбъ, вышиной аршина въ два, который торчатъ на площади около присутственныхъ мѣстъ : по единодушнымъ показаніямъ жителей столбъ этотъ воздвигнутъ въ честь храбрыхъ ратниковъ, на самомъ этомъ мѣстѣ избитыхъ и тутъ же погребенныхъ. Но что это были за ратники — татары ли, русскіе ли, — когда и за что они пали — граждане корсарскіе не знаютъ. Просто храбрые ратники, да и дѣло съ концомъ.

Этимъ я и закончу взглядъ на прошедшее Корсара. Посмотримте на его настоящее.

Его настоящее нагоняетъ страшную тоску. Изъ любопытства въ него разумѣется никто не заглядываетъ : до такой степени онъ не любопытенъ. Если кто и заглядываетъ въ него и посетитъ въ немъ, такъ развѣ по необходимости, хоть бы напимѣръ нашъ братъ, временно-обязанный служивый людь. Корсаръ такъ скромно ведетъ себя, что на него никто и вниманія не обращаетъ. Онъ какъ-будто и не живетъ совсѣмъ, а только такъ, существуетъ. Если когда городъ и оживлялся нѣсколько, такъ это только въ базарные дни, по пятницамъ. Въ эти дни съѣстные припасы закупались на цѣлую недѣлю, какъ это вообще дѣлается въ нашихъ уѣздныхъ городахъ. Мясa напимѣръ или лровъ вы ужъ ни въ какой другой день не найдете. Зато водокъ всѣхъ сортовъ, винъ, даже шампанскаго — хоть дюжинами можно было найти во всякую пору дня и ночи. Только эта одна отрасль торговли и процвѣтала въ Корсарѣ. Другія отрасли были ему совершенно неизвѣстны. Не было въ городѣ ни бу-

лочной, ни пертного, ни сапожника, ни часовыхъ дѣлъ мастера, ни одной вывѣски. Только на дверяхъ одного дома изображены были графиня и рюмки и подъ ними надпись свидѣтельствовала, что тутъ «въ хотѣ възведеніе.» Да еще на крышѣ другого дома сидѣлъ золоченый орелъ, и всякій зналъ, что въ этомъ домѣ помѣщается вольная аптека. Ни одинъ почти домъ въ городѣ не былъ обшитъ тесомъ, а всѣ были бревенчатые; многіе крыты просто соломой, а иные въ зимнее время обкладывались соломой даже съ боковъ. Почти при всякомъ домѣ имѣлся огородъ, обнесенный скромно плетнемъ. Улицы разумѣется немощенныя, и въ ненастную погоду, особенно осенью грязь была непроходимая. Ни канавъ для стока воды, ни тротуаровъ нигдѣ не было. Короче, городъ былъ деревня деревней. Все великолѣпіе города заключалось въ двухъ каменныхъ, одно-этажныхъ домахъ, штукатуренныхъ, похожихъ на амбары, выстроенные близъ базарной площади. Въ этихъ домахъ, въ каждомъ было по лавкѣ, что и составляло корсарскій гостинный дворъ; тутъ-то мы съ казначеемъ и закупали — онъ миндальныхъ пряниковъ, я мыла и сахару. Кромѣ того по Главной улицѣ высились руины каменнаго дома въ два этажа; крыши не было, потолоковъ и половъ тоже. Домъ этотъ сгорѣлъ въ послѣдній пожаръ, а хозяева его умерли. Въ городѣ было четыре церкви, и всѣ четыре каменные. До какой степени были бѣдны и малочисленны ихъ приходы, можно судить по тому, что у отца протоиерея сверхъ городского прихода былъ еще приходъ въ деревнѣ, верстахъ въ пяти отъ Корсара.

На одномъ концѣ города бѣжали каменные стѣны острога. Рядомъ съ нимъ красовались другія каменные палаты, въ два этажа, съ окнами и дверьми. Подъ крышей этихъ палатъ съ лицевой стороны парилъ орелъ съ длинными до безобразія крыльями. Это были присутственныя мѣста. Другой конецъ Корсара тоже не былъ особенно привлекателенъ: двѣ вѣтренныя мельницы, каменный винный подвалъ, подлѣ него стоятъ и лежатъ сороковыя бочки, да часовой съ ружьемъ ходить. Невдалекѣ отъ подвала домъ управляющаго откупомъ. Этой части города дано жителями почему-то названіе Вифаніи.

Вообще Корсаръ поражалъ своей крайней бѣдностью. Ею только и можно объяснить себѣ эмиграцію пяти тысячъ его жителей. Они разсудили, что лучше жить въ деревнѣ да пахать

землю, не быть сытыми, чѣмъ въ горелѣ бить баклуши и каждый день сидѣть впроголодь. И дѣйствительно, жители сосѣднихъ съ Корсаромъ селъ и деревень были далеко важнѣе горожанъ.

На первой своей квартирѣ я не прожилъ и недѣли: дотого она мнѣ опротивѣла. Одинъ угаръ чего стоилъ... каждый день угаръ, каждый день! Нѣтъ, ужъ это вовсе не по моей головѣ было. Три комнаты нагрѣвались одной печью, въ прихожей, но эта одна стояла трехъ. Жутко мнѣ отъ нея приходилось. Иной разъ дѣло доходило до обмороковъ, а однажды я чуть было и совсѣмъ неотправился на тотъ свѣтъ. Послѣ этого я поспѣшилъ пріяять самую рѣшительныя мѣры, именно пріискать другую квартиру. Вскорѣ она была отыскана у казначея. У меня уже все было приготовлено къ переѣздкѣ, оставалось только расчитаться съ хозяйкой.

— Сколько вамъ слѣдуетъ получить съ меня за пять дней? или какъ вы считаете — за шесть? спрашиваю я ее.

— Охъ господи—помилуй! Да ужъ положите пять—то рубльковъ гладко, такъ я и довольна останусь.

— Что вы, говорю, пять рублей! Да за что? И всего—то прожилъ я у васъ какихъ—нибудь пять дней; это выходитъ по рублю за сутки: вѣдь такую цѣну только въ гостиницахъ ломаютъ. Вѣдь это безсовѣстно съ вашей стороны!

— Охъ господи—помилуй! Да ужъ вы—то поступите по совѣсти, не обманьте бѣдную старуху. За что вы поносите меня, что ужъ будто и безъ совѣсти съ васъ спрашиваю? Охъ господи—помилуй! Одинъ богъ видитъ, кто кого обидитъ! Говорила хозяйка топомъ разбитаго чайника, уставивъ взоры свои на кіотъ, висѣвшую въ переднемъ углу.

— Ну ужъ какъ вы тамъ хотите, отвѣчалъ я, а пяти рублей я вамъ не дамъ, — не—зачто: вѣдь пилъ и ѣлъ я свое. Вотъ у казначея я теперь нанялъ получше вашей квартиру, а она мнѣ съ дровами въ мѣсяцъ стоитъ будетъ пять рублей; а вы за пять дней хотите пять рублей!

— Тамъ я у васъ не знаю, — охъ господи—помилуй! какъ вы сладились съ казначеемъ. Можетъ Семенъ Яковличъ по особой какой милости къ вамъ взялъ съ васъ такъ дешево. И я вѣдь не дорого съ васъ теперь прощусь: какъ есть въ акурать по моему счету выходитъ пять рубльковъ.

— Хороши ваши счеты! говорилъ я, начиная уже терять хладнокровіе: — вамъ бы только содрать! Вотъ у васъ какіе счеты. Да я больше съ вами и говорить не хочу: переѣду да и только, а денегъ вамъ не отдамъ теперь, а послѣ получите мѣсяца черезъ два, теперь у меня нѣтъ денегъ.

— Разъ меня царица небесная, коли я въ чемъ согрѣшила! вопила хозяйка, кинулась къ окошку и гнѣвно заговорила:

— Я васъ отъ себя не выпущу! И ворота запру! Пока денегъ не выложите, не дамъ вамъ съѣхать. Не посмотрю на то, что вы изъ Питера: вѣдь и у насъ тоже свое начальство есть! Сейчасъ пойду къ Андрею Александрычу!

Моя хозяйка расходилась ненашутку. Въ это время по двору проходила какая-то женщина. Хозяйка увидала ее изъ окна, высунула въ форточку голову и закричала, что было мочи:

— Эй, сестрица! А сестрица! Запри-ко ворота! Ворота-то запри! Погоди маненько, не уходи отъ меня!

Ну, думаю себѣ, безъ великаго скандала дѣло какъ видно не обойдется. Нельзя ли будетъ отдѣлаться отъ него, какъ въ нѣмецкомъ клубѣ, тремя рублевками? Вынимаю трехрублевую бумажку и отдаю хозяйкѣ:

— Вотъ вамъ три рубля; больше отъ меня не получите ни копѣйки.

Хозяйка ушла. Все успокоилось. Ворота отперлись и прпятствій къ моему выѣзду съ квартиры никакихъ не имѣлось. Я уже совсѣмъ было собрался выѣзжать, какъ входитъ ко мнѣ сестра хозяйки и сладенькимъ голосомъ говорить:

— Здравствуйте, батюшка! Чтò это моя-то сестра дура какая, и сосчитаться-то съ вами безъ шуму не могла! Дай, я ей, говорю, ужъ я теперь за тебя пойду, ты опять накричишь тамъ безъ толку. Вотъ, батюшка, вамъ всего слѣдуетъ сдачи пять рублей...

— Какъ пять рублей? Какой сдачи пять рублей? Да возьмите вы три рубля, которые я отдалъ вашей сестрѣ, ну этимъ нашъ расчетъ и покончимъ.

— Нѣтъ, батюшка, такъ нельзя. Такъ мы недѣлаемъ. Хотъ и бѣдные люди, хотъ и заступиться за насъ некому, а мы такъ не дѣлаемъ. Вотъ вамъ пять съ полтиной сдачи съ бумажки, извольте получить. Коли не такъ давеча сестра сосчитала, вѣдь ужъ она дура старая. Вы ужъ, батюшка, съ нею незыщайте.

Куда ужъ ей деньги считать! Изъ ума вѣдь совсѣмъ выжила: своихъ лѣтъ счесть не можетъ. Все, говорить, что ей шестьдесятъ девять лѣтъ, и вѣдь все вретъ: ей ужъ теперь семьдесятъ-три. За квартиру съ васъ приходится получить значить пять рублей, значить пять рублей съ полтиной вамъ сдачи. Такъ ли что-ли? Извольте, батюшка, сосчитайте деньги-то.

Я взялъ и началъ считать: сдачи оказалось полтора рубля серебромъ. Тутъ только я понялъ изъ-за чего у меня съ хозяйкой баталія поднялась: она считала на асигнаціи, а я на серебро!

— Такъ, вѣрно, я съ вами согласенъ, сказалъ я.

— Коли вѣрно, такъ ужъ на чаекъ-то пожалуйте.

Я далъ ей на чаекъ.

— Не во гнѣвъ вашей милости, батюшка, я спросить васъ хочу: у казначей-то гдѣ вы жить будете — въ домѣ, или во флигирѣ?

— Во флигелѣ, отвѣчалъ я.

— Какой Семенъ-то Яковличъ добрый для васъ: самъ вѣдь онъ жилъ во флигирѣ, а какъ вы пріѣхали, такъ онъ и уступилъ его вамъ, а вѣдь прежде до васъ никого не пускалъ. У казначей вамъ славное будетъ житье, то-есть просто любо заживете!

— Да чѣмъ же любо-то?

— Какъ чѣмъ? Да вамъ, молодымъ, и женской-то полъ помоложе надо, а у насъ у старухъ какое вамъ веселье! Тамъ сестра у казначей есть. Она вѣдь ужъ давно невѣста. Вотъ скоро четыре года какъ я вдовѣю, да съ мужемъ жила почти-что четыре же года; когда я замужъ выходила, такъ она ужъ втѣпоры была невѣстой. Да вотъ, поди, что станешь дѣлать-то! Видно еще счастье-то у ней впереди. Вотъ сидитъ-сидитъ въ дѣвкахъ-то, ну можетъ и дождется муженька себѣ. Не намъ чета будетъ.

Меня начиналъ интересовать этотъ разговоръ и я старался поддержать его.

— Чѣмъ же она вамъ не чета? спрашиваю я.

— Ну какъ вамъ сказать чѣмъ? Да тѣмъ, что онъ казначей, она ему сестра, и выходитъ люди-то съ достаткомъ, нето-что мы, мѣщане.

— Да вѣдь бываютъ же и мѣщане съ достаткомъ?

— Какъ не бывать, бываютъ! Да все-таки супротивъ ихъ не

бывать, потому тѣ ужь будутъ благородные, а мы что? Одно слово мѣщане. Поживете сначала во флигирѣ, потомъ можетъ барыня-то пондравится, и дѣло у васъ сладится — тогда и въ домикъ благословясь переберетесь. Чѣмъ вамъ не любо будетъ житье у казначея!

— Вотъ какъ! ужь вы мнѣ и невѣсту пріискали, и женить хотите! Почему же вы знаете, что я женюсь на казначейской сестрѣ?

— Да ужь у меня на это есть вѣрныя примѣты. Вотъ когда мужъ-то у меня захворалъ, приходитъ ко мнѣ въ тотъ день кума да и говорить: «Нѣтъ ли у васъ, говорить; картофелю? Дайте, говорить, взаймы. Въ пятницу на базарѣ сами купимъ, тогда и отладимъ. Теперь, говорить, у насъ нѣту его вовсе.» Вотъ я и пошла за картофелемъ въ амбаръ и кума вмѣстѣ со мной, и наступила мнѣ она на ногу. «Ну, говорю, кума! знать-то мнѣ овдовѣть.» Такъ вѣдь и случилось: мужъ похворалъ-похворалъ эдакъ съ мѣсяцъ, да и умеръ. А вы женитесь! — положительно увѣряла меня хозяйкина сестра: — какъ святъ Богъ васъ женять. Ужь у меня на все есть вѣрнѣющія примѣты.

Этимъ разговоромъ и закончилось мое житье на первой квартирѣ въ Корсарѣ. Хозяйка и сестра ея провожали меня за ворота своего дома и на прощанье говорили мнѣ:

— Коли будемъ живы-здоровы, такъ ужь непременно придемъ въ церковь посмотреть какъ вѣнчать-то васъ будутъ!

И затѣмъ пожелали мнѣ, моей будущей женѣ и даже будущимъ дѣтямъ всякихъ благъ земныхъ и небесныхъ.

V

ОСТРОГЪ

Кромѣ городской больницы въ моемъ вѣдѣніи находилась еще больница при острогѣ.

Бѣлый и чистый снаружи, острогъ внутри былъ всего меньше бѣлъ и чистъ: стѣны, потолокъ и полъ были черны и грязны какъ въ кузницѣ. Стекла во всѣхъ окнахъ должно-быть съ самого построения острога ниразу немылись и оттого пропускали сквозь себя весьма мало свѣту, такъ-что въ нѣкоторыхъ комна-

тахъ или каморахъ и особенно въ коридорѣ, который шолъ цесреди острога и раздѣлялъ его на двѣ половины, въ пасмурный день не узнаешь и человѣка въ лицо. Разъ мнѣ нужно было у одного больного арестанта посмотрѣть во рту; къ какому окну я ни подходилъ, все-таки ничего не могъ разглядѣть; просилъ ужь осторожнаго смотрителя прислать этого арестанта подь конвоемъ въ городскую больницу, чтобъ тамъ его осмотрѣть; но смотритель почему-то не прислалъ — и пришлось лечатъ больного на авось, не рассмотрѣвъ и не распознавъ его болѣзни. О каминахъ и говорить нечего: ихъ разумѣется не было, и для провѣтриванія только были однѣ форточки, притомъ дурно-устроенныя, отчего воздухъ въ острогѣ всегда былъ сырой, спертый, пропитанный какимъ-то особеннымъ специфическимъ запахомъ, словомъ воздухъ самый скверный, какой только можно себѣ представить. Человѣкъ пришедшій съ улицы тотчасъ же чувствовалъ какое-то отравляющее дѣйствіе этого воздуха и вмѣстѣ съ тѣмъ появлялось у него чувство какого-то непреодолимаго отвращенія, заставлявшее его поскорѣе уйти изъ этого вертепа. Стѣны внутри острога около оконъ и дверей были постоянно мокрыя, покрыты точно краской толстымъ слоемъ грязи, который составлялся изъ пыли, сору, сырости и испареній людей. На рамахъ оконъ, на подоконникахъ, по стѣнамъ въ углахъ, особенно въ нижней ихъ части, сильно цвѣла плесень, а подь пары лучше и не заглядывать: тамъ была своего рода *Caverna canina* (собачья пещера), что близъ Неаполя, къ которую, какъ извѣстно, если забѣжитъ собака, то тамъ и околѣветъ.

Таковъ былъ острогъ во время моего пребыванія въ городѣ Корсарѣ и такимъ остался при моемъ отъѣздѣ изъ этого города.

Всякій разъ когда извѣщали меня о какомъ-нибудь заболѣвшемъ арестантѣ, признаюсь откровенно, я шолъ въ острогъ нехотя; а ужь по доброй волѣ, такъ чтобы самъ вздумалъ, безъ повѣстки зайти къ заключеннымъ и освѣдомиться, вѣтъ ли между ними заболѣвшихъ, я никогда не ходилъ.

Разъ я спрашиваю осторожнаго смотрителя:

— Отчего это у васъ въ острогѣ такъ темно, грязно и сыро? Вѣдь можно бы держать получше, почище, побѣлѣе, поосвѣтлѣе?

— Оно бы конечно можно, отвѣчалъ смотритель: — отчего же нельзя? Да чего это будетъ стоить!

— Ну да просто, говорю: — хоть стекла чтоли помыть, стѣ-

ны подбѣлнть, ногъ выскоблнть, двери почнствнть — оно бы все-таки лучше было; а то вѣдь нн къ чему прнслоннться нельзя: вездѣ сырость, плѣсень, грязь.

— Ну стонть ли хлопотать для такого народу, какой здѣсь сиднть! отвѣчалъ равнодушно смотрнтель, съ виду н самъ мало чѣмъ отлнчавшнйся отъ острога. Это былъ дряхлый, сморщен-ный старецъ, плюгавый, обноснвшнйся н духомъ н плотью: на правой щекѣ былъ у него мокрый, расплывшнйся лишай, какъ плесень на стѣнахъ острога, а шетнннстая борола прндавала ему видѣ дикобраза. Изъ-за веревко-образнаго галстука высовывался кусокъ грязной рубахи; теплая на ватѣ шапка такъ искусно была засалена, что будто сейчасъ только ее вынули изъ горячнхъ шей: такъ казался н плавалъ по ней жиръ. Овчннная шуба, которую онъ носнлъ въ-накндку, отъ вылъзшей шерсти вся была въ лысннкахъ, какъ-будто лишай съ лица распространнлся н на шубу. Внцмунднрь тоже заодно съ шубой, шапкой н съ самымъ лицомъ смотрнтеля былъ изорванъ, замаранъ, весь въ заплаткахъ; только еслн что н было здороваго, цѣлаго во всемъ острожномъ смотрнтель, — такъ это однѣ форменныя желтыя пуговицы на его внцмунднрѣ. Все н снаружн н внутрн смотрнтеля нстлѣло, умнрало: глаза оловянныя, голось дребезжнть, только однѣ пуговицы блестятъ н геройскн пережнваютъ свой вѣкъ.

Нельзя сказать, чтобъ въ острогѣ было просторно. Разъ я встрѣчаюсь въ острогѣ съ смотрнтелемъ н спрашнваю его:

— Сколько всѣхъ арестантовъ содержнтся въ острогѣ?

— Въ прежнне годы бывало не больше сорока арестантовъ: настолько человѣкъ н выстроены острогъ; а вотъ нынче часто доходитъ до семндесяти...

— Отчего же нынче стало больше?

— Да оттого, что комнсаръ съ исправннкомъ не тѣ люди, что врежде бывало; особенно вотъ какъ другой-то комнсаръ насталь, такъ н много теперь сиднть у насъ въ острогѣ.

— Чтоже дѣлаетъ этотъ комнсаръ, что прн немъ больше сиднть въ острогѣ арестантовъ?

— Этотъ не спускаетъ, не отдѣлаешься отъ него; все-то онъ конокрадство хочеть вывести. Пользы-то впрочеиъ немного: много засадятъ только по подозрѣнню, а прямыхъ-то укнкъ нтъ; стануть допрашнваать такого молодца, онъ нн въ чемъ не

сознается — ну и выпустятъ; а какъ онъ на волю-то выйдетъ, такъ и пойдетъ опять свое дѣло дѣлать почище прежняго: извѣстная вещь — посидѣлъ въ острогѣ, уму-разуму понабрался.

— По какимъ же преступленіямъ больше всего содержитсяъ въ вашемъ острогѣ?

— Да вотъ всего больше по ковокрадству.

И при этомъ смотритель сообщилъ еще нѣкоторыя подробности относительно ковокрадства. Говорилъ, что когда опредѣлились новые исправникъ и комиссаръ, такъ въ корсарскомъ уѣздѣ ковокрадство стало меньше, но зато въ сосѣднемъ уѣздѣ и въ другихъ мѣстахъ оно приняло широкіе размѣры: «значить — говорилъ онъ — изъ нашего-то уѣзда молодцы перѣбрались въ другой, гдѣ исправникъ съ комиссаромъ послабѣе.» Говорилъ о томъ, какъ крадутъ лошадей: иной разъ какъ удастся увести лошадь, такъ и гонять на ней какъ можно дальше, даже ускачутъ въ другую губернію, эдакъ версть за-сто. Выбѣжить лошадь — такъ и барышъ хорошій получать; ну а не выбѣжить, падеть на дорогѣ, такъ что? вѣдь не своя, не купленная, значить и жалѣть о ней нечего! Давай тогда другую доставать.

Тѣснота помѣщенія арестантовъ въ острогѣ вмѣстѣ съ другими неудобствами, грязью, сыростью, испорченнымъ воздухомъ и т. п., служила причиною многихъ болѣзней. Однажды прїѣзжаетъ ко мнѣ городничій (это было въ январѣ) и приглашаетъ меня отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ острогъ, гдѣ разомъ заболѣло больше половины всѣхъ арестантовъ, какъ говорилъ мнѣ городничій. Мы отправились. Кромѣ необходимыхъ гигиеническихъ средствъ, то-есть чистоты комнатъ, хорошей пищи и т. п. я предложилъ еще, чтобы всѣхъ арестантовъ сводили въ баню и послѣ бани дали бы имъ хоть по полрюмкѣ вина. Смотритель и слышать ничего не хотѣлъ.

— Баню топить не къ чему, говорилъ онъ: — потому что арестанты и безъ того недавно были въ банѣ, а вина дать нельзя, потому что арестантамъ вино пить не позволяется.

Мнѣ оставалось дѣйствовать убѣжденіями.

— Знаете что, говорю я смотрителю: — есть много лекарствъ, которыя настаиваются на спиртѣ или на винѣ, напримѣръ тинктуры, эссенции и т. п., и все-таки ихъ позволяютъ давать арестантамъ; ну не все-ли равно будетъ, что больной арестантъ

выпить подрюмня антенарснаго вина или откупнаго? И потому баня: баня тоже, какъ лекарство, можетъ быть назначена больному нѣсколько дней сряду, слѣдовательно нечего обращать вниманія на то, что арестанты недавно были въ банѣ.

Разумѣется дѣло кончилось тѣмъ, что больные арестанты обошлись безъ бани и безъ водки.

Вообще, насколько мнѣ удалось замѣтить, смотритель острога былъ очень хорошии экономъ, судя потому, что въ зимнее время отапливались не всѣ комнаты или каморы острога, отчего когда много было арестантовъ, то въ иной комнатѣ ихъ сидѣло по десяти, по пятнадцати человекъ и даже больше. Разумѣется при такой скученности воздухъ сильно портился отъ дыханія, а сырость зимой увеличивалась отъ неотапливаемыхъ сосѣднихъ комнатъ и тоже сильно портила воздухъ. Потому я нѣсколько разъ замѣчалъ смотрителю, что топить необходимо во всѣхъ комнатахъ, а въ нѣкоторыхъ даже два раза въ день, или же постоянно поддерживать хоть небольшой огонь, чтобы черезъ это если неговсѣмъ уничтожить, то хоть сколько-нибудь освѣжить воздухъ. Советовалъ кромѣ того отпирать каждый день на нѣкоторое время форточки. Но всѣ мои убѣжденія и доводы были напрасны. Смотритель каждый разъ флегматически выслушивалъ меня и каждый разъ я слышалъ отъ него одну и ту же дѣсеню:

— Сырость въ острогѣ не оттого, что не во всѣхъ комнатахъ топятъ печи, а оттого, что внутри стѣнъ вмѣсто кирпича навалены мусоръ да щепы: тутъ сколько ни топи, только дрова даромъ будешь переводить, а сырости-то не выживешь. А форточки отпирай сколько хощь, воздухъ все тотъ же будетъ, только холоду напустишь.

Однимъ словомъ смотритель никогда и ни въ чемъ со мною не соглашался и что замѣчательно, онъ всякій разъ кругомъ былъ правъ. Вотъ примѣръ одинъ изъ сотни: всѣ лекарства для больныхъ арестантовъ отпускались обыкновенно изъ аптеки при городской больницѣ. Разъ заболѣлъ одинъ арестантъ. Прописываю ему лекарство, котораго въ городской больничной аптекѣ не оказалось. Я и говорю острожному смотрителю, чтобъ онъ послалъ за лекарствомъ въ вольную аптеку, и всего-то, говорю, оно будетъ стоить какихъ-нибудь пятнадцать копѣекъ ужъ никакъ не дороже.

— Въ положеніи не сказано, отвѣчать онъ мнѣ: — чтобы брать лекарства изъ вольной аптеки, когда ихъ нѣтъ при городской больницѣ, и по мнѣ будь что будетъ, такъ я ни копѣйки не истрачу, чего не положено.

Больница острога состояла изъ одной небольшой комнаты и находилась рядомъ съ прочими комнатами. Она почти ничѣмъ не отличалась отъ всѣхъ другихъ комнатъ острога: такая же сырая, воздухъ въ ней такой же тяжелый, спертый, какъ и во всемъ острогѣ, только въ ней было какъ-будто немного почище, посвѣтлѣе, чѣмъ въ остальныхъ комнатахъ. вмѣсто наръ стояли въ ней двѣ деревянныя кровати съ грубымъ грязнымъ бѣльемъ, выстигшимся всего въ одномъ экземплярѣ, такъ что когда приходилось его отдавать въ стирку, то кровати вовсе оставались безъ бѣлья. Посреди комнаты у потолка висѣлъ фонарь, чего не было ни въ одной изъ прочихъ комнатъ.

До семидесяти арестантовъ — и всего только одна комната для больныхъ! Хорошо, если изъ этихъ семидесяти человекъ заболѣетъ одинъ, двое; ну а какъ больше? На какія кровати прикажете ихъ класть? да притомъ заболѣютъ такими болѣзнями, которыя требуютъ непременно отдѣлить не только больныхъ отъ здоровыхъ, но даже и больныхъ другъ отъ друга? Даже когда только двое заболѣютъ, но одинъ изъ этихъ больныхъ мужчина, а другой женщина? неужели ихъ запереть въ одну комнату?

Къ счастью мнѣ не пришлось рѣшать этихъ вопросовъ на практикѣ. Въ Корсарѣ я прослужилъ всего три съ половиной мѣсяца; во все это время серьезно больныхъ арестантовъ было немного: одинъ, много два въ мѣсяць.

Женщинъ въ острогѣ содержалось мало; все почти одни мужчины, народъ крѣпкій, здоровый. Разумѣется попавъ въ острогъ, они болѣе или менѣе скоро утрачивали свое крѣпкое здоровье, хотя и несовсѣмъ. Большая часть ихъ страдала или скорбутомъ, или поносомъ. Но эти болѣзни не развивались въ сильной степени и никогда отъ нихъ никто не расхварывался до того, чтобы слечь въ постель.

Разъ меня позвали къ больному въ острогъ. Проходя по коридору мимо дверей больницы, я услышалъ умоляющій голосъ:

— Ваше высокопревосходительство! выслушайте мою просьбу!

Это возваніе повторялось нѣсколько разъ, и непонимая къ ко-

му ово относится, я обратился къ солдату, который всякій разъ сопровождалъ меня съ ружьемъ въ рукѣ.

— Что это за крикъ въ больницѣ?

— Да это больной, ваше благородіе, вась зоветъ въ больницу, — отвѣчалъ конвойный.

— Скажите больному, что я нарочно для него пришолъ въ острогъ и сейчасъ буду въ больницу, только сначала зайду къ другимъ арестантамъ, узнать, нѣтъ ли тамъ больныхъ.

Побывалъ у здоровыхъ арестантовъ и пошелъ въ больницу. Тамъ былъ одинъ больной. Только-что я вошелъ въ больницу, онъ упалъ передо мной на колѣни и умолялъ, чтобъ избавили его отъ невыносимаго для него одиночнаго заключенія, въ которомъ онъ находился уже болѣе недѣли, и чтобы позволили ему сидѣть вмѣстѣ съ другими арестантами. Я, говорить, просилъ объ этомъ и смотрителя, и начальника инвалидной команды, но они сказали, чтобъ я обратился къ вашему высокопревосходительству, что не по ихъ, а по вашему приказанію меня посадили одного въ больницу.

Болѣзнь у арестанта была заразительна, но она уже начала проходить и притомъ боясь, чтобъ онъ не сталъ скрывать свое болѣзнь, я позволилъ его перевести въ общую комнату къ прочимъ арестантамъ, предупредивъ больного, чтобъ онъ пилъ и ѣлъ отдѣльно отъ своихъ товарищей.

— Ужь будьте благонадежны! все такъ и буду дѣлать, какъ прикажете, — отвѣчалъ больной арестантъ: — вотъ у меня чашечка своя здѣсь съ водицей.

Онъ подбѣжалъ къ окну, гдѣ у него стояла чашка съ водой, потомъ отъ окна кинулся въ передній уголъ, гдѣ изъ-за трещины штукатурки вытащилъ какую-то бумагу и ложку, приговаривая: — Вотъ у меня и ложечка своя будеть!

Бумага меня заинтересовала. Для арестанта, сколько я замѣтилъ, она была особенно дорога. Спросить о ней у самого арестанта мнѣ показалось неловко, я и обратился съ вопросомъ къ солдату:

— Что это у больного за бумага?

— Видъ его, ваше благородіе, отвѣчалъ мнѣ конвойный. — Здѣсь каждому арестанту выдается такой видъ: прописывается имя, фамилія, за что посаженъ въ острогъ, и всякій арестантъ этотъ видъ долженъ имѣть завсегда при себѣ, на случай когда

кто спросить. Ну примѣрно вы бы захотѣли узнать кто такой арестантъ и за что сидитъ? Вотъ вы только погребуйте, — онъ сейчасъ вамъ и подастъ этотъ самый видъ.

Забравъ все свое имущество — чашку, ложку и видъ, арестантъ съ радостью вышелъ за мной изъ больничнаго, одиночнаго заключенія.

Этотъ больной былъ крестьянинъ. Да и вообще всѣ арестанты были изъ простаго класа; исключеніе составлялъ только одинъ арестантъ, выдававшій себя за дворянина. По костюму онъ однакожь сильно смахивалъ на дьячка: узкій, длиннопольный, чуть не до пяткокъ кафтанъ, подпоясанный кушакомъ и шапка вродѣ ермолки, плохо говорили въ пользу дворянской породы ихъ владѣльца.

Въ острогъ этотъ quasi-дворянинъ попалъ за бродяжничество. Разгуливая по городамъ и деревнямъ, онъ забрелъ въ Корсарь; корсарской полиціи онъ почему-то показался весьма подозрительнымъ человѣкомъ; она «забрала» его и посадила въ острогъ. Предварительно разумѣется были отъ него отобраны показанія о мѣстѣ жительства, о родствѣ его и т. д. Подозрительный человѣкъ показалъ, что онъ дворянинъ изъ сосѣдняго уѣзднаго города и т. д. Пошли справки. Пока шли справки, бродяга-дворянинъ сидѣлъ въ острогѣ.

Для дворянъ въ острогѣ, какъ извѣстно, бываетъ отдѣльная комната. Такъ какъ бродяга выдавалъ себя за дворянина, то его и посадили въ эту комнату, одного. Два-три дня одиночнаго заключенія до такой степени сильно на него подѣйствовали, что онъ признавалъ за лучшее отрѣчься отъ дворянства.

— Нѣтъ ужъ лучше назваться не дворяниномъ, — говоритъ онъ мнѣ, когда я увидалъ что онъ сидитъ вмѣстѣ съ прочими арестантами-простолюдинами и спросилъ его: почему онъ не сидитъ въ дворянской каморѣ? — Ужъ лучше сказаться недворяниномъ, — покрайней-мѣрѣ вмѣстѣ съ другими посадятъ, а то одному сидѣть въ каморѣ куда какъ тяжело!

Онъ просидѣлъ въ острогѣ недѣли двѣ. Въ эти двѣ недѣли переписка о немъ кончилась. Полиція сосѣдняго города подтвердила показанія бродяги. Тотчасъ по полученіи этого подтвержденія бродягу выпустили изъ острога.

Этотъ арестантъ памятенъ для меня особенно тѣмъ, что по выходѣ изъ острога онъ хотѣлъ меня «пристукнуть.» Дѣло было

такого рода. Встрѣчаюсь я съ нимъ на улицѣ, поздно вечеромъ. Онъ былъ ужасно пьянъ, однакожь узналъ меня. Подходить ко мнѣ и просить денегъ — на штофчикъ, ну всего только на одинъ штофчикъ! Денегъ я ему не далъ. Начинаются моленія: «я пренесчастнѣйшій человекъ въ мірѣ — вотъ вамъ доказательство — я совершенно безвинно былъ посаженъ въ острогъ, гдѣ вы сами изволили меня видѣть — значить я не лгу» и т. д. «я знаю, что вы московскій, вѣдь и я тоже московскій» и т. д.

Онъ былъ горохомъ, я былъ стѣной. Его моленіе меня не тронуло, не далъ я ему ни копѣйки. Тутъ онъ мнѣ объявилъ, что такъ-таки не отстанетъ отъ меня, куда бы я ни пошолъ, онъ отъ меня не отстанетъ. Иду къ себѣ на квартиру. Онъ за мной. Вхожу въ комнату и онъ за мной. Во флигелѣ жилъ я одинъ, прислуги при мнѣ никого не было. Выпроводить этого господина долженъ былъ я самъ, мнѣ этого не хотѣлось. Я сталъ уговаривать его: «вы сперва проспите, это будетъ лучше; хмѣль у васъ пройдетъ, тогда вы ко мнѣ придите и я вамъ дамъ денегъ». Дворянинъ разобидѣлся:

— Развѣ я пьяный какой? Что вы думаете, что я пьянъ что ли? кричалъ онъ. Потомъ показалъ свой кулакъ, довольно приличный и пробормоталъ: — пристукну такъ, что и душа вонъ пойдетъ!

Незная какъ отдѣлаться отъ такого любезнаго гостя, я опять поскорѣе вышелъ изъ моей квартиры, предполагая, что и гость тоже за мной послѣдуетъ, а тамъ ужъ какъ-нибудь мы разстанемся, лишь бы только вышелъ онъ отъ меня съ квартиры.

Такъ и случилось; вслѣдъ за мной и онъ пошолъ.

— Куда же вы? спрашиваетъ онъ меня за воротами.

— Къ больному! отвѣчаю я.

— А денегъ-то мнѣ когда же дадите?

— Да вотъ ужъ когда вернусь отъ больного, тогда и дамъ.

— Ну нѣтъ, вы на обманъ пошли! Да меня не проведете, я вѣдь отъ васъ не отстану!

Цѣлую улицу онъ шолъ за мной. Дошли до дому городничаго.

— Ужъ не къ городничему ли вы идете? спрашиваетъ онъ меня.

— Да, къ городничему! говорю я.

— Зачѣмъ это?

— Попросятъ, чтобъ васъ опять посадили въ острогъ, а то вы мнѣ покою не дадите.

— Ну вернитесь! Ну ради-бога не идите къ городничему! Я къ вамъ больше не пойду! Сейчасъ же отъ васъ отстану, съ-богу отстану!

Я вернулся и онъ пошелъ отъ меня прочь, сказавъ: «прощайте! добраго здоровья вамъ желаю!» Потомъ принялся меня ругать. Вскорѣ я совершенно отъ него скрылся и больше онъ меня не преслѣдовалъ.

На другой день прихожу въ городскую больницу. Сторожъ обращается ко мнѣ съ вопросомъ:

— Ночесъ ваше благородіе изволили прислать больного къ вамъ?

— Какого больного? Я никого не посылалъ въ больницу.

— Значить мы хорошо сдѣлали, что послушали Спиридона (онъ указалъ на больного солдата), что вытолкали его почесъ изъ больницы. Спиридонъ-то когда еще здоровъ былъ и въ караулъ ходилъ, такъ видѣлъ его въ острогъ и слышалъ тамъ, что этотъ больной просто бѣглый какой-то, никуда его не пу-скали на фатеру, такъ онъ нарочно и подвелъ себя, чтобы посадили въ острогъ, благо тамъ поятъ и кормятъ.

Изъ дальнѣйшихъ распросовъ оказалось, что это былъ не кто иной, какъ острожный дворянинъ. Разставшись со мной у дому городничаго, онъ прямо и отправился въ больницу. Пришолъ и говорить сторожу: я дескать боленъ и былъ у доктора, онъ и послалъ меня въ больницу. Сторожъ больничный сначала было и повѣрилъ, уложилъ его на кровать, принесъ бѣлье, но когда больной потребовалъ обѣдъ (было часовъ одиннадцать ночи) сторожъ ему и говорить: «какой тебѣ обѣдъ ночью! Вотъ ночью захотѣлъ обѣда! подожди до завтра, будетъ тебѣ обѣдъ!» Больной расшумѣлся и полѣзъ драться со сторожемъ, почему ему онъ обѣдъ не даетъ? Тутъ подошли къ нему всѣ больные, бывшіе въ то время въ больницѣ, въ числѣ ихъ и солдатъ Спиридонъ. Спиридонъ узналъ его и говорить:

— Вонъ его, вонъ изъ больницы, чтобъ духу его не было! онъ вретъ все, что боленъ, онъ вовсе не былъ у доктора, а просто ѣсть захотѣлъ!

Больной не унимался и продолжалъ шумѣть; его просто-

напросто вытолкали изъ больницы. Онъ сталъ ломиться; ему оказали, что сейчасъ его представить прямо въ полицію. Убѣ-жалъ. Убѣгая онъ говорилъ :

— Ужъ лучше не ловите! самъ бы пошолъ въ полицію, а нето въ острогъ, да сиверно тамъ : пища плоха да и черно все таково, а то бы отчего еще не посидѣть, народъ все тамъ хоро-шій, не такіе каналы, какъ вы тутъ въ больницу — больного выгнали! Да убудетъ васъ что ли, когда бы я пообѣдалъ у васъ да переночевалъ? Эхъ вы! Ужъ казеннаго-то жалъ!

АНАТОЛІЙ ИКСАРОВЪ

С М Е Р Т Ъ

(М. Н. Коптевой)

Мнѣ кажется, что я умру въ дорогѣ,
На станціи. Глухая будетъ ночь,
Я не смогу усталость перемочь
И задремлю тихонько на порогѣ.
Тамъ въ темнотѣ мѣняють лошадей,
Среди тѣней и тусклыхъ фонарей
Бубенчиковъ раздались переливы
И фыркаетъ протяжно конь лѣнливый...

А ночь темна, — безъ звѣздъ и безъ лучей,

И снится мнѣ, что я приѣду скоро,
Что вотъ теперь ужъ конченъ скучный путь,
Что будетъ мнѣ такъ сладко отдохнуть
Среди тихихъ словъ простого разговора,
Подъ жаркій трескъ растопленныхъ печей...

А ночь темна, — безъ звѣздъ и безъ лучей.

Вотъ огоньки блеснули мнѣ привѣтно,
И сердце имъ забилось отвѣтно
И хочется туда летѣть, бѣжать
И новаго такъ много рассказать,
И хочется такъ многихъ мнѣ увидѣть,
По старому любить и ненавидѣть,
И страство жить опять среди людей...

А ночь темна — безъ звѣздъ и безъ лучей.

Темна, темна! И сердце вдругъ упало...
 Ну, стоитъ ли стремиться и желать
 И новое все что-то узнавать?
 И эта мысль мнѣ мозгъ застывшій сжала:
 Такъ тяжела, упорна и одна
 Какъ ночь кругомъ черна и холодна...
 Ну стоитъ ли? Вѣдь все одно и то же!

Когда-то былъ я лучше и моложе,
 Мнѣ нравилась вся эта трескотня,
 Весь этотъ блескъ такъ радовалъ меня!
 Ну, а теперь... теперь съ меня довольно!
 Но отчего жъ вдругъ сердцу стало больно?

И отчего — все будто холоднѣй
 Сырой туманъ ползеть съ сырыхъ полей?

Ну пусть ужъ такъ! Пусть тише сердце бьется!
 Холодный мракъ все шире раздается...
 Но хорошо! Вотъ такъ бы все лежать!
 Ни мучиться, ни думать, ни желать
 И мирно спать безъ сновъ — покойно, вѣчно...

И дальше не поѣду я конечно.

О. БЕРГЪ

* * *

И плескъ, и блескъ рѣчной волны,
Туманы, тѣни ночи синей,
Благоуханія весны
Надъ зеленѣющей пустыней,
Луговъ и свѣжихъ озимей,
Весь этотъ трепетъ, щебетанье,
Вся эта яркость и блистанье
Сквозистыхъ рощъ, небесъ, полей, —
Что свѣтлой, волной жизнью дышать —
И голосовъ несмѣтныхъ хоръ...

Привычный слухъ, спокойный взоръ
Ихъ мало видитъ, мало слышитъ.

Но если въ душевныхъ городахъ
Все это вспомнишь, въ день туманный,
На людныхъ, сиротныхъ площадяхъ,
Подъ гулъ тревоги неустанной —
Широко, полно дышетъ грудь,
Вольнѣе хочется вздохнуть...
И вотъ сверкнула даль нѣмая
Звенитъ, щебечетъ впереди —

Весна цвететъ, благоухаетъ,
Въ твоей взволнованной груди...

О. БЕРГЪ

ЛѢТНІЯ НѢСНИ

I

Солнце горы золотило,
Золотило облака.
Воды свѣтлыя катла
Въ яркой зелени рѣка.

И казалось эти воды
Унесли съ собою въ даль,
И недавнія невзгоды
И недавнюю печаль.

И какъ-будто воротилась
Снова двѣй моихъ весна;
Сердце весело такъ билось,
Такъ душа была асна.

Все чего душа просила
Такъ напрасно, съ давнихъ поръ,
Все природа ей дарила:
И свободу и просторъ!

II

Ночь пролетала надъ міромъ,
Сны на людей навѣвая;
Съ темно-лазуревой рѣзы
Сыпались звѣзды сверкая.

Старые мощные дубы,
 Вѣчно-зеленые ели,
 Грустные ивы — листвою,
 Ночи навстрѣчу шумѣли.

Радостно волны журчали,
 Образъ ея отражая,
 Рожь наклонилась, сильнѣе
 Пахла трава луговая.

Крики кузнечниковъ рѣзвыхъ
 И соловьиныя трели,
 Въ хорѣ хвалебномъ сливаясь,
 Въ воздухѣ тихомъ звенѣли,

И улыбалася кротко
 Ночь надъ землей пролетая...
 Съ темно-лазуревой ризы
 Сыпались звѣзды сверкая...

III

Блѣдный лучъ луны пробился
 Сквозь таинственной листвы,
 И приноситъ вѣтеръ теплый
 Запахъ скошенной травы.

Все бы только здѣсь лежалъ я
 Подъ навѣсомъ этихъ ивъ,
 Въ даль вѣную, въ куполъ звѣздный,
 Взоръ безцѣльно устремивъ ;

Все бы слушалъ какъ вершина
 Ивы дремлющей шумить,
 Какъ на темномъ днѣ оврага
 По камнямъ родникъ журчить.

Это тихое журчанье,
 Шелестъ листьевъ, свѣтъ луны, —
 На меня все навѣваетъ
 Примирающіе сны...

Ночь! съ твоимъ снѣземъ яркимъ,
Для усталого меня
Ты дороже и милѣе
Ярко-блещущаго дня...

А. ПЛЕЩЕЕВЪ

Июль 1862 г.

ЗЕМСТВО И РАСКОЛЬ

БЪГУНЫ

Формы имперіи, какія далъ народному и государственному складу Россіи Петръ великій, радикально измѣнили на все послѣдующее время внутренній, историческій, созданный свободнымъ бытомъ народнымъ составъ и строй русскаго земства. При Петрѣ возвелось до апотеозы московское еливодержавіе. «Росписаніе Россіи на губерніи и провинціи изъ ближней канцеляріи, изъ кабинета Петра великаго», разрушило естественную, колонизаціонную, историко-этнографическую основу федеральнаго областного земскаго строевія и дѣленія. Учрежденіе высшихъ центральнѣйшихъ правительственныхъ вѣдомствъ окончательно уничтожило гражданскую и духовную юридическую самобытность областей, слабые признаки которой еще сохранялись отчасти и въ XVII вѣкѣ. Изданіе регламентовъ, инструкцій и уставовъ сглаживало все разнообразіе и стѣснело, исключало всякую свободу естественнаго, юридическаго, экономическаго, умственнаго и нравственнаго саморазвитія областного земства, устанавливая для него, безъ всякаго отношенія къ разнообразію мѣстныхъ условій, однѣ общія нормы или регулы. Ревизія душъ была завершительнымъ актомъ разложенія исторической организаціи земскаго міра и сословнаго, бюрократическаго, централизаціоннаго строя государства, въ формѣ имперіи всероссійской. Она, во первыхъ, каждую личность прикрѣпляла къ имперіи, записывая каждую душу въ государственную «переписную книгу»; во вторыхъ, раскалывала такъ-сказать цѣльный общинный составъ, организмъ земства на сословныя касты, крѣпостныя, служилыя и податныя, военно-духовно-гражданскія. Вотъ главныя начала, которыя по волѣ Петра великаго, въ самыхъ основахъ преобразовывали земство на разныя сословія имперіи, и которыя, потому во многихъ отношеніяхъ болѣзненно отозвались

въ земствѣ на все послѣдующее время. И вотъ причины, почему общинно-демократическія согласія раскола, поднявши народную оппозицію противъ реформъ Петра великаго, оппозицію недовольнаго земства противъ шведско-нѣмецкихъ формъ тогдашней имперіи, съ самаго начала возстали и доселѣ возстаютъ главнымъ образомъ противъ всѣхъ указанныхъ началъ государственности. И съ тѣхъ поръ и донынѣ свою историко-догматическую полемику они ведутъ обыкновенно со времени Петра I, такъ что каждое историко-обличительное сочиненіе флосѣфцевъ, бѣгуновъ начинается или все наполняется обыкновенно бранью «антихриста, ежесть Петра I» и отрицаніемъ всѣхъ его государственныхъ учреждений: сената, синода, регламентовъ, ревизіи душъ, подушной подати, раздѣленія челоуѣкъ на чины или табели о рангахъ и т. д. Изъ этихъ основныхъ началъ народно-бытовой оппозиціи демократическія общины раскола развивали все свое историко-оппозиціонное ученіе.

Ревизія душъ была камнемъ преткновенія или главнымъ раздвигавшимъ началомъ для земства, и потому сопровождалась особеннымъ развитіемъ раскола въ земствѣ. Эпоха первыхъ двухъ ревизій, 1718 и 1742 года, характеризующаяся тяжелой для народа постройкой имперіи, была временемъ самаго болѣзненнаго и шапранжнаго хаотическаго движенія податныхъ, служивыхъ и крѣпостныхъ массъ народа. Въ это время въ нихъ сильно развивался духъ отрицанья, и выражался хаотическимъ, беззаконнымъ броженіемъ и бѣгствомъ отъ службы, отъ податей, отъ крѣпостного рабства, бѣгствомъ изъ самой имперіи, за границу. Эпоха слѣдующихъ двухъ ревизій, 1762 и 1782 годовъ, когда началась дорога къ установкѣ, къ образованію русскаго сословно-раздѣленнаго общества, ознаменовалась въ исторіи массъ народныхъ сильными, энергическими агитаціями крѣпостного, служилаго и податного земства. Въ этихъ агитаціяхъ преимущественно выразился тотъ духъ недовольства, который наболѣлъ въ сердцахъ податныхъ и крѣпостныхъ массъ народа въ первой половинѣ XVIII столѣтія, и который тогда выражался бѣгствомъ и разбойничествомъ. Основной мотивъ всѣхъ этихъ движеній и физическихъ и нравственныхъ силъ податного, крѣпостного и служилаго народа составляла — месть за угнетенье и жажда воли. Въ это время, во знаменемъ раскола, грянула пугачевщина. Въ это время пророкъ людей божіихъ, освободитель и искупитель душъ крестьянскихъ съ мистическимъ предчувствіемъ, въ мифическихъ образахъ, возвѣщалъ идею свободы, освобожденія, искупленія душъ народныхъ, возвѣщалъ «отъ странъ иркутскихъ до сѣверной страны истер-

свой.» Въ это же время, подъ знаменемъ безпопощнскаго раскола, явились бѣгуны. Въ бѣгунахъ преимущественно выразилось отрицанье ревизской, военно-служилой и податной прикрѣпленности душъ, личностей къ имперіи и великороссійской церкви и порабошенности ихъ властямъ и учрежденіямъ той и другой.

Въ настоящемъ очеркѣ мы хотимъ сказать главнымъ образомъ о происхожденіи и значеніи въ народной исторіи согласія бѣгуновъ, касаясь впрочемъ отчасти и прочихъ согласій раскола.

I

Съ тридцатыхъ годовъ XVIII столѣтія до пугаченщины, почти не слышно. невидно на сценѣ исторіи огромныхъ массъ провинціального народа. А горемычные, — онѣ тогда страшно стояли. Но отдаленный стонъ народный, по словамъ Щербатова, небылъ внушаемъ и слышенъ среди роскоши столичныхъ. Тогдашнее правительство не знало народа, надъ которымъ держало строгую, деспотическую опеку. Народъ не звалъ правительства, и только испытывалъ кругомъ вопіющія злоупотребленія администраціи и судопроизводства, крѣпостного права и проч. «Россія, говоритъ тотъ же историкъ и публицистъ екатерининскаго времени, — Россія не какъ другія страны, гдѣ правительство тщится обнаружить свои операціи передъ народомъ, но о самыхъ вещахъ, касающихся непосредственно до народа, въ совершенной тайнѣ сіе содержитъ. Что я говорю о народѣ? Самыя таковыя дѣла главному правительству неизвѣстны, а знаетъ ихъ токмо тотъ, кому они препоручены. А посему правительство такой повѣренной особѣ сопротивляться не можетъ; самыя операціи его зависятъ отъ хотѣнія того; народъ пребываетъ въ невѣдѣніи и неудовольствіи, иногда и понапрасну. Желаніе научиться способу немызютъ. Размышленія оставлены. Ошибки или злоупотребленія несправляемы остаются, и ошибка ошибкою и зло зломъ, якобы для исправленія, умножаютъ.» Въ половинѣ XVIII столѣтія правительство было въ самомъ печальномъ невѣдѣніи народа, а народъ передъ нимъ былъ самый жалкій, *peuple des esclaves*, по выраженію англійскаго посланника того времени, Сирлея. Императрица Екатерина II такъ описывала, въ какомъ положеніи нашла имперію, когда вступила на престолъ: «Я нашла сухопутную армію въ Пруссіи, за двѣ трети жалованья неполучившую. Въ статьяхъ-конторѣ именныя указы на выдачу 17,000,000 рублей не выполняемыя. Монетный дворъ со времени царя Алексѣя Михайловича считалъ денегъ въ обращеніи

100 миллионов, изъ которыхъ 40,000,000 считали вышедшими изъ имперіи вонъ и патурою отправленными, повсѣе тогда вселеннаго оборота либо вовсе не знали, либо мало употребляли. Почти всѣ отрасли торговли были отлазны частнымъ лицамъ въ монополию. Таможни всей имперіи сенатомъ дамы были на откупъ за два миллиона. 60,000,000 кои остались въ имперіи, были 12 разныхъ вѣсовъ серебряныя деньги отъ 82 пробы по 63, мѣдныя отъ 40 до 32 рублей въ пудѣ. Внутри имперіи, заводскіе и монастырскіе крестьяне почти всѣ были въ явномъ непослушаніи властей, и къ нимъ начали присоединяться мѣстами и помѣщичьи. Правительствующій сенатъ тогда составлялъ одинъ департаментъ. Сей слушалъ апелляціонныя дѣла не экстрактами, но самое дѣло со всѣми обстоятельствами, и чтеніе дѣла о выгонтъ города Масальска занимало при вступленіи моемъ на престолъ первыя шесть недѣль засѣданія сената. Въ губерніяхъ такъ худо исполняли приказы сената, что въ пословицу вошло говорить: ждутъ третьяго указа, пожеже по первому и второму не исполняли. Каждая губернія была раздѣлена на провинціи, а къ каждой провинціи были приписаны окружные города, въ коихъ находились воеводы и воеводскія канцеляріи. Они не получали жалованья, и дозволено имъ было корчиться отъ дѣла, хотя взятки строго запрещены были. Сенатъ опредѣлялъ воеводъ, но числа городовъ въ имперіи не зналъ. Когда я требовала реестры городамъ, то признались въ недѣльи оныхъ, даже карты всей имперіи сенатъ отъ основанія своего не имѣлъ. Я бывъ въ сенатѣ, послала пять рублей въ академію наукъ, чрезъ рѣку отъ сената, и купленный тамъ кириловскій печатный атласъ въ тотъ же часъ подарила правительствующему сенату. По восшествіи моемъ на престолъ, сенатъ подалъ мнѣ реестръ доходовъ имперіи, по которому явствовало, что оныхъ считали 16,000,000. По прошествіи двухъ лѣтъ, я посадила князя Вяземскаго и тайнаго дѣйствительнаго совѣтника Мельгунова считать доходы. Они нѣсколько лѣтъ считали, переписывались разъ по семи съ каждымъ воеводой, наконецъ сочли 28 миллионовъ. При коронаціи моеи было у меня три секретаря, у каждаго изъ нихъ было по 300 прошеній, итого 900... Въ іюнь мѣсяцѣ 1763 года поѣхала я въ сенатъ. Слушали дѣло о новой ревизіи, которой двадцатилѣтній срокъ настоль, и требовали отъ меня повелѣніе нарядить ревизоровъ по всей имперіи и безчетныя воинскія команды; считали, что менѣе 800,000 рублей ревизія не станеть. Сенаторы въ разговорахъ между собою упоминали о безчисленныхъ слѣдственныхъ дѣлахъ, которыя ревизія за собою вовлечеть, о собѣгахъ въ Польшу и за границу ревизскихъ душъ, объ ущербѣ имперіи отъ всякой ревизіи.

зія, почитая однакожь всё ревизію за пужную вещь. Я слушала весьма долго все, что говорили господа сенатъ, наконецъ уставъ говорить замолчали. Тогда я спросила на что таковой нарядъ войскъ и тягостныя суммы для казны. Нельзя ли иначе? Мнѣ сказали: такъ дѣлывалось прежде. Я на сіе отвѣтствовала: а мнѣ кажется вотъ такъ, — публикуйте по всей имперіи, чтобы каждое селеніе послало о наличномъ числѣ душъ реестръ къ свою военную канцелярію, чтобы канцеляріи прислали въ губерніи, а губерніи въ сенатъ. Человѣка четыре сенаторовъ встали, представляли мнѣ, что прописныхъ будетъ безъ числа. Я имъ сказала: поставьте штрафъ на прописныхъ. Паки представляли, что за всѣми уже положенными жестокими наказаніями многое-множество прописныхъ есть. Тогда я имъ говорила: — простите всѣхъ донесите прописныхъ по моей просьбѣ и велите селеніямъ прописныхъ донынѣ внести въ вынѣшнія ревизіонныя сказки. (Далѣе рассказываетъ Екатерина о томъ, какъ сенаторы стали было горячиться, и едва конченъ былъ разговоръ о ревизіи, по мысли императрицы). Заводскихъ крестьянъ непослушаніе унимали посланные генералъ-майоры князь Александръ Алексѣвичъ Вяземскій, и Александръ Ильичъ Бибииковъ, разсмотря на мѣстѣ жалобы на заводосодержателей, но не единожды принуждены были употребить противу нихъ оружіе и даже до пушекъ, и не унялось возстаніе сихъ людей, дондеже гороблагоматскіе заводы за двумиллионный казѣнъ долгъ графа Петра Шувалова возвращены въ коронное управленіе, также воронцовскіе, чернышѣвскіе, лгутинскіе и нѣкоторые иные заводы по таковымъ же причинамъ паки въ казенное поступили вѣдомство. Весь вредъ сей произошолъ отъ самовластной раздачи сенатомъ заводовъ сихъ со приписными къ онимъ крестьянами. Щелрость сената тогда доходила до того, что мѣднаго банка трехмиллионный капиталъ почти весь розданъ заводчикамъ, кои умножая заводскихъ крестьянъ работы, платили имъ либо безпорядочно, либо вовсе ничего, проматывая взятыя отъ казны деньги въ столицѣ.»

При такомъ правительствѣ каково было жить горемычнымъ нодатнымъ, крѣпостнымъ, рабочимъ, служилымъ массамъ народа?.. Въ глуши провинцій, невѣдомо для правительства, стонали они подъ игомъ губернскихъ и военныхъ канцелярій, подъ игомъ начальниковъ губерній, въ родѣ Тутолминыхъ, Гудовичей, Трескиныхъ, подъ игомъ ландратовъ, ландрихтеровъ, ландкомиссаровъ, комендантовъ, оберъ-комендантовъ, оберъ-ландрихтеровъ, исправниковъ, засѣдателей, становыхъ. И вѣковыми путемъ тяжко-прожитыхъ опытовъ стали они невольно доходить мало-помалу до того фактическаго, болѣзненно-прочувствованнаго отрицанья, ка-

кое несдержимое и однажды навсегда выразилось въ демократическѣ-отрицательной опозиціи всѣхъ фелдсѣвскихъ согласій раскола и въ особенности въ согласіи бѣгуновъ. Всѣ массы земства тяжело испытывали горько-жизненное недовольство, и вотъ, во всѣхъ словахъ его, недовольные доходили до такого отрицанья... Взглянемъ хоть бѣгло, въ частности, на бытъ податного, крѣпостного и служилаго народа, на бытъ купечества, мѣщанства, крестьянства и солдатства, въ эпоху появленія и распространенія согласія бѣгуновъ и передъ ней.

Былинный эпосъ и пѣсни народныя воспѣваютъ богатство и веселый, широкій разгулъ гостей новгородскихъ и купцовъ богатыхъ. Не то совсѣмъ представляетъ историческая, грустная дѣйствительность. Рабская забитость, крайній недостатокъ духа инициативы, предприимчивости, недостатокъ просвѣщенной рациональности при здоровомъ, практическомъ русскомъ смыслѣ, вотъ печальные результаты историческаго воспитанія нашего купечества и вообще торгово-промышленнаго класа. По происхожденію ровное крестьянству, неохотно и медленно отрываясь отъ коренныхъ историческихъ обычаевъ сель, наше купечество туго поддается и европейскимъ понятіямъ и формамъ быта, указаннымъ Петромъ великимъ. Оно образуетъ какую-то социальную оппозиціонную реакцію, могучую, плотную, слерживающую силу, посредствующую между сельскимъ крестьянствомъ и городскимъ дворянствомъ, крѣпко, свято, самоупорно охраняющую коренныя начала самобытнаго, народно-крестьянскаго историческаго творчества. Тутъ, въ этой бытовой, тяжело-прожитой самовыдержанности не все самодурная рутинна, а нельзя не обратить вниманія на эту вѣковую, исторически-развившуюся и окрѣпшую силу воли, самостоятельность быта. Большая часть купечества и посадства или мѣщанства, вмѣстѣ съ крестьянами, со временъ царя Алексѣя Михайловича и императора Петра I, пошла въ старообрядство, въ расколъ, и доселѣ упорствуетъ въ немъ. Тутъ, въ этомъ расколѣ не все застой, а есть жизнь, движеніе, поддерживается и воспитывается духъ народнаго саморазвитія, свободной самостоятельности, самораспорядительности, самостоятельности, самоуправления, самоуправленія. Доказательство на это представляютъ между прочимъ московскія и петербургскія старообрядскія народные собранія XIX вѣка. Не говоримъ покуда о политической пассивности старообрядческой. Со временъ Петра великаго большая часть купечества и посадства признала лучшимъ устроитъ, на основѣ старообрядства, свое, хоть и крѣпко замкнутое, но самобытнѣе, безусловное, братское, богатое общество, съ соборно-

общиннымъ и выборнымъ самоуправленіемъ, чѣмъ соединиться, слиться съ православнымъ обществомъ, разъединеннымъ кастально-сословнымъ антагонизмомъ, управляемымъ какъ машина не своими общественными силами. Къ тому невольна вела купцовъ и посадскихъ историческая обстановка, политическій, общественный бытъ и положеніе ихъ.

На земскомъ соборѣ 1642 года посадскіе, торговые и промышленные люди, во имя стариннаго обычая, излюбленнаго общиннаго самоуправленія, выразили протестъ противъ воеводскаго самоуправства и желаніе собственнаго суда посредствомъ своихъ выборныхъ. Голосъ ихъ не былъ уваженъ. Недовольство торгово-промышленныхъ городскихъ класовъ, также какъ и крестьянское, излилось бунтами по всѣмъ городамъ. Но приказно-государственная сила воспреобладала надъ земскими стремленіями. И въ пятидесятыхъ годахъ XVII вѣка, гости, купецкіе и промышленные люди были уже безгласными жертвами приказнаго произвола. Самъ Петръ великій сожалѣя объ *оскудѣніи и разореніи торговыхъ и посадскихъ людей*, и о томъ, что «его великаго государя съ нихъ окладные многіе доходы учинились въ недоимкѣ, а пошлиннымъ сборамъ и инымъ поборамъ большіе недоборы»; самъ Петръ писалъ: «что имъ гостямъ и гостиной и суковной сотни и всѣмъ посадскимъ, купецкимъ и промышленнымъ людямъ, во многихъ ихъ приказныхъ волокитахъ, и отъ приказныхъ разныхъ чиновъ отъ людей въ торгахъ ихъ и во вслкихъ промыслахъ чинятся имъ большіе убытки и разоренье, а иные оттого промысловъ своихъ отбыли и оскудали». Ни комерцъ-колегіи и мануфактуръ-колегіи, ни учрежденіе бурмистрской палаты, московской ратуши и городовыхъ земскихъ избъ, съ ихъ приказно-купеческихъ чиновничествомъ, съ президентами ратушей, оберъ-инспекторами и инспекторами крѣпостныхъ дѣлъ, подьячими, надсмотрщиками, сборщиками и расходчиками, купецкими фискалами, — ни одно изъ этихъ учрежденій не улучшило торговли и промышленности купцовъ и посадскихъ, не замѣнило для нихъ самоуправляемой, самосудной свободы торговаго и промысла. Напротивъ, инструкціями всѣхъ этихъ учрежденій, торговыми и ремесленными уставами до крайности стѣснено было свободное торгово-промышленное развитіе. Купцы и ремесленники попрежнему были рабы и жертвы казны, бурмистровъ ратушныхъ, бурмистровъ таможенныхъ, кабацкихъ и проч., да воеводъ, дьяковъ и подьячихъ. Не охранялъ ихъ отъ безправія, грабежа и обидъ и верховный контроль надъ правосудіемъ юстицъ-колегіи. Въ уставѣ главнаго магистрата такъ показано ихъ положеніе: «хотя судныя дѣла во всѣхъ губерніяхъ и

провидѣяхъ въ смотрѣніи и въ вѣдѣніи подлежатъ въ юстицъ-колегіи, однакожь, понеже купецкіе и ремесленные тяглые люди во всѣхъ городахъ обрѣтаются вѣткою въ какомъ презрѣніи, но чаще отъ всякихъ обидъ, нападокъ и отягощеній неслыханныхъ едва не всѣ разорены, отчего ихъ весьма умалилось, и уже то есть не безъ вѣщаго государственнаго вреда.» Точно также мало благоустроивали быть купцовъ и ремесленниковъ главный магистратъ съ его регламентомъ и городовые магистраты, учрежденные съ цѣлью предоставить купцамъ нѣкоторыя права самосуда и самоуправления, чтобъ обезпечить ихъ доходы для обезпеченія доходовъ казны. Въмѣсто предоставленія купечеству и ремесленнымъ классамъ свободнаго торгово-промышленнаго саморазвитія, тогдашнее правительство по нѣмецкому образцу дѣлало да подраздѣляло ихъ на гильдіи и цунфты или цехи, подчиняло опеку аальдерменовъ, старостъ. Какъ матеріально и нравственно вредны гильдіи объ этомъ будетъ рѣчь дальше. Въмѣсто свободнаго выбора промысла, правительство подробно опредѣляло самые стѣснительные, кастально-корпоративные способы приобрѣтенія регулярнаго гражданства, торговаго и ремесленнаго состоянія. Напримѣръ вродѣ такихъ правилъ: «тотъ изъ мастеровыхъ людей, кто не запишется въ цехъ, лишается права на свободное отправленіе ремесла; безъ предьявленія цеховому аальдермену и безъ клейма, ремесленникъ не имѣетъ права продавать свое издѣліе, и т. п. Такой приказно-магистратскій, корпоративно-крѣпостной или замкнуто-сословный видъ самоуправленія былъ нисколько не легче и не лучше приказно-административнаго управленія. Да и тотъ былъ уничтоженъ при преемникахъ Петра. Въмѣстѣ съ уничтоженіемъ главнаго магистрата въ Петербургѣ, городовые ратуши и магистраты подчинены были губернаторамъ и воеводамъ. И послѣ, когда были восстановлены, не выходили изъ-подъ контроля губернаторовъ и секретарей. Какъ деспотствовали надъ купечествомъ начальники губерній и разныя присутственныя мѣста, желающихъ знать это отсылаемъ къ «Запискамъ Державина» и къ «Запискѣ о Сибири», напечатанной въ «Чтевіи общества исторіи и древностей россійскихъ» за 1859 г. Вслѣдствіе этого и самыя выборныя общественныя учрежденія — магистраты, а послѣ и думы не имѣли почти никакой самостоятельности, самораспорядительности, по причинѣ преобладанія губернскихъ бюрократическихъ канцеларій и властей. Равнымъ образомъ и выборныя должностныя лица президенты магистратовъ, головы думъ и проч., вслѣдствіе преобладанія приказнаго элемента надъ земскими интересами, становились истыми чиновниками-деспотами. Ужасно читать, какіе были во

второй половинѣ XVIII столѣтія президенты городовыхъ магистратовъ, избиравшіеся иногда изъ военныхъ. Напримѣръ, московскій генералъ-губернаторъ графъ Салтыковъ доносилъ отъ 17 ноября 1763 года: «Орловскаго магистрата президентъ Дмитрій Дубровинъ кучечеству дѣлалъ великія притѣсненія, грабежи и смертоубійства, также и казнѣ похищенія, за что главнымъ магистратомъ и былъ отрѣшенъ отъ присутствія; но несмотря на то привилъ ту должность свосволюю. Во время сего нахальнаго правленія собралъ купца Кузнецова товарищами его разграблена и разорена, а бывшіе на оной работники отчасти разогнаны, избиты и переувѣчены, и просилъ онъ, Кузнецовъ, въ сенатской конторѣ, отъ которой я посланъ указъ къ находящемуся тамъ кирасирскаго полка полковнику Давыдову, конитъ велѣно ему, обще съ орловскимъ воеводой и съ опредѣленнымъ отъ главнаго магистрата допущатомъ, все по самой справедливости изслѣдовать, а Дубровина съ сообщниками взять подъ караулъ, для пресѣченія непорядковъ и для возстановленія тишины разставить въ городѣ частыя пикеты, почему онъ, Дубровинъ, и взять подъ караулъ. А какъ между тѣмъ кирасирскій полкъ въ походъ выступилъ, то мятежники ходятъ и поныѣ такъ, какъ и прежде, въ великомъ множествѣ съ заряжонными ружьями и дубьемъ, бьютъ смертно и увѣчатъ всѣхъ тѣхъ, которые съ ними несогласны» (и такъ далѣе идетъ рассказомъ о дѣяніяхъ президента магистрата и его сына). И не только провинціальныя, городовыя магистраты, но и петербургскій главный магистратъ во второй половинѣ XVIII столѣтія былъ страшно неустроенъ. Онъ больше притѣснялъ торговыхъ людей, особенно торгующихъ крестьянъ, чѣмъ заботился о безвредномъ развитіи торговли; больше грабилъ купцовъ, чѣмъ поощрялъ и облегчалъ народную торгово-промышленную производительность. Щербатовъ въ «Статистикѣ въ разсужденіи Россіи» писалъ о главномъ магистратѣ: «Сіе мѣсто, долженствующее бы быть защитою и полною купечества и мѣщанства, учинилося вертепъ разбойниковъ, гдѣ ихъ грабятъ и утѣсняютъ другихъ подданныхъ. Сему я нѣкоторые примѣры предложу. Повелѣно, чтобъ всѣ мастеровыя были занисавы въ дехи; а состояніе російскаго государства требуетъ, чтобъ благородныя имѣли въ домахъ своихъ мастеровыхъ (при существованіи крѣпостнаго права) изъ собственныхъ своихъ людей, которыхъ нельзя удержатъ, да и нельзя имъ запретить, дабы они и на другихъ не работали, а нужнаго и сходственнаго съ сими обстоятельствомъ учрежденія нѣтъ. Запрещено крестьянамъ торговать, а великая часть купцовъ ихъ деньгами торбуютъ, или прибывъ отъ нихъ получаютъ; исключить ихъ изъ торговли, чѣмъ поте-

рается великое число денег, которые нынѣ въ обращеніи и въ торгу, а не исключить, то купечество разорвется; законы старые пребываютъ, новые печатаются, другіе невѣдомые указы именныя магистрату о семъ даются. Не лучше ли бы порядочно сіе рассмотреть, и чего невозможно запретить, то съ нѣкоторыми выгодами для купцовъ позволить (и крестьянамъ торговать). Въ магистратѣ судятся вексельныя дѣла и дѣла о банкротахъ, а полнаго вексельнаго устава нѣтъ, а банкротскаго и не бывало; два или три были сочинены, всѣми мѣстами апробованы, на конфирмацію поданы, но безъ конфирмаціи остались. Послѣдній былъ сочиненъ комиссіей о комерціи, по долгомъ лежаніи пересматриванъ сенатомъ, то-есть мѣстоимъ, ненавидящимъ комиссію о комерціи; ибо князь Вяземскій, генераль-прокуроръ, сіе мѣсто ненавидитъ за то, что оно часто сопротивляется его несходственнымъ съ правилами торговли предпріятіямъ, какъ поелику онъ имѣетъ наблюденіе и о доходахъ государственныхъ. Самъ сенатъ учиня токмо малыя перемѣнки, сей уставъ о банкротахъ апробовалъ за подписаніемъ своимъ и комиссіи о комерціи императрицѣ въ 1774 году подалъ. Но какъ она въ кабинетѣ своемъ хочетъ на всѣ случаи сдѣлать новое пространнѣйшее уложеніе, то сего уставу не апробовала, а между тѣмъ временемъ государство и торговля терпятъ.»

Въ нравственно-юридическомъ отношеніи, купцы и мѣщане много терпѣли обидъ въ судахъ отъ присутственныхъ мѣстъ.

Они много зла терпѣли отъ бюрократическаго канцеляризма, несмотря на ослабленіе его во второй половинѣ XVIII вѣка. «И нынѣ — жаловались купцы во второй половинѣ прошлаго столѣтія — и нынѣ тоже всѣми тѣми монархами (Петромъ, также Анною и Елисаветою, возстановившими учрежденія петровы) купечество отъ канцеляріевъ почти несовсѣмъ отрѣшено, однакоже великое претерпѣваетъ отъ оныхъ притѣсеніе и обиды, которыхъ избѣгнуть никакъ не можно, поелику же паче когда совсѣмъ канцеляріямъ отдано подъ власть будетъ; тогда купцамъ останется дѣлать только то, чтобъ никуда отъ домовъ не отлучаясь, оберегать дома и домашнихъ своихъ, всѣхъ торговъ лишиться и пріати въ отчаяніе.» По чрезвѣрной алчно-придирчивой, корыстолюбивой жестокости, чиновники чрезвычайно медленно вели купеческія дѣла, пона не получали взятки, или запутывали и рѣшали неправильно. На судъ таскали купцовъ и мѣщанъ насильно, безъ всякихъ предварительныхъ повѣстокъ. Лукавые судьи формальными допросами запутывали ихъ на судѣ. Военнослужащіе купечеству приносили обиды и побои; за забранные товары не отдавали денегъ. Дворянство съ презрѣніемъ смотрѣло на купеческія дѣ-

той, какъ «въ грубости рожденныхъ», за то что они попадали въ дворянство. «Черезъ это — по словамъ князя Щербатова — чины умодлились, а служащій кортуетъ дворянскій оворчался.» Словомъ, купечество, по словамъ его депутатовъ комиссiи 1767 года, находилось «въ крайнемъ презрѣнiи»; такъ же какъ и мѣщанство. Недаромъ поэтому представители купечества и мѣщанства въ этой комиссiи, созванной для сочиненiя проекта новаго уложенiя, представляли между прочимъ: 1) о выборѣ изъ купечества особливыхъ депутатовъ и о дозволенiи онымъ входить во всѣ присутственныя мѣста по дѣламъ купеческимъ; 2) о вчиненiи военно-служащимъ людямъ купечеству никакихъ обидъ и побоевъ и о платежѣ имъ за забранные у купцовъ товары денегъ; 3) о правосудiи и скорѣйшемъ рѣшенiи дѣлъ во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ по просьбамъ отъ купечества; 4) объ уменьшенiи судовъ и о штрафѣ судей; 5) о незабранiи насильно изъ суда въ присутственныя мѣста градскихъ жителей безъ учиненныхъ повѣстокъ; 6) объ избавленiи купечества отъ службы при сборѣ казенномъ, отъ ежегодныхъ выборовъ къ откупщикамъ для приѣма и отдачи вина, такъ-какъ это купечество считало самую большою «конфузiей для себя», и т. п.

Въ коммерческомъ отношенiи купечество и вообще торгово-промышленный классъ страдалъ отъ монополiи казны. Уже въ XVII вѣкѣ, особенно въ царствованiе Алексѣя Михайловича, стало государственно-экономическимъ принципомъ: «какъ бы государевой казнѣ было прибыльнѣе.» Петръ великiй, перестраивавшiй московское государство въ имперiю, неуспѣшно хлопоталъ о доходахъ и прибыляхъ казны, и потому «о денежныхъ сборахъ» старался особенно «присматриваться», такъ что все, даже и самыя губернiи учреждалъ главнымъ образомъ съ финансовою цѣлью. При немъ впрочемъ казенная монополiя въ нѣкоторыхъ отношенiяхъ, напримѣръ въ отношенiи къ фабричной и заводской промышленности и производительности, была поучительнымъ для народа примѣромъ или образцомъ. Но правительство и послѣ Петра великаго не только не ослабляло, а еще годъ отъ году усиливало систему казеннаго монополiзма, такъ что къ концу XVIII и къ началу XIX столѣтiя монополiя возрасла до крайности и стала оловнѣе тяжолымъ стѣсненiемъ для торговли и промышленности. Мордвиновъ признавалъ въ этомъ одну изъ главныхъ причинъ разстройства финансовъ въ Россiи и объявленiя торговаго класса. «Казна присвоила себѣ единоторжiе, писалъ онъ: а) Черезъ отстраненiе торговаго класса людей отъ казенныхъ воставокъ. Снмъ отстраненiемъ и посылкою, въ замѣнъ того, во всѣ мѣста казенныхъ чиновниковъ для закупки вещей изъ первыхъ рукъ, ослабле-

на необходимая для общественнаго благосостоянія взаимная связь между производителями, торгующими и потребителями; б) чрезъ ослабленіе въ торговцахъ охоты вступать въ подряды и поставки казенныя. При маломъ числѣ подрядовъ и поставокъ, предоставляемыхъ казною торговому классу людей, самое даже производство на оныя торговъ до безнѣрности затруднено, какъ обрядами самого производства ихъ, такъ и мѣрами обеспечивающими исправность поставокъ: ибо требуются залогомъ (не беззатруднительные обыкновенно для торгующихъ) не только по такимъ обязательствамъ, кои для выполнения своего требуютъ довольно времени, но даже и на работу, которая съ перваго дня начатія ея, сама по себѣ составляетъ уже залогъ. Къ сему присовокупить должно и ослабленіе самой охоты въ торговыхъ людяхъ вступать въ обязательства съ казною, во первыхъ чрезъ разнообразныя имъ чинимыя притѣсненія, и именно: чрезъ неточное соблюденіе казною контрактовъ, съ ними заключенныхъ, чрезъ медленный платежъ денегъ, чрезъ тягостное продолженіе расчетовъ съ ними и т. п.; и во вторыхъ чрезъ притѣсненія появляющіяся многихъ казенныхъ поставщиковъ въ разоренномъ и самомъ нищенскомъ состояніи.» Таковъ былъ экономическій гнетъ казны надъ торговымъ сословіемъ.

Въ экономическомъ отношеніи особенно жалко было положеніе безземельныхъ мѣщанъ. Указомъ отъ 14 марта 1746 года окончательно нарушено всенародное, всеобщее значеніе земли, или землевладѣніе. Купцамъ и цеховымъ ремесленникамъ — посадскимъ, мѣщанамъ запрещено, наравнѣ съ дворянами, покупать земли не только съ деревнями, но и безъ деревень. Такимъ образомъ привилегировано было на крѣпостное землевладѣніе одно дворянство, а купечество и мѣщанство, такъ же какъ и крестьянство, лишено свободнаго права на землю. Отсюда послѣдовало не только юридическое, но и поземельное разединеніе земства, нарушена поземельная общность, связь, и свободная, взаимная, обоюдная переходность изъ купческаго и мѣщанскаго состоянія въ сельское, земледѣльческое, и обратно. Лишеніе земли особенно вредно стало для мѣщанства. Неся всѣ крестьянскія повинности и полущныя подати, не имѣя правъ свободнаго промысла, мѣщане лишены были и главнаго источника обезпеченія и дохода — земли. Оттого большая часть изъ нихъ стала представлять самыхъ несчастныхъ труженниковъ, бобылей, нищихъ, чернорабочихъ, прислужниковъ и т. п. Недаромъ въ XVIII вѣкѣ села, по указамъ, весьма неохотно обращались въ города, и крестьяне, не желая быть безземельными мѣщанами, недаромъ упорно отстаивали свои старинныя земли.

Такимъ образомъ и торговый, и ремесленный классъ, и купцы и

мѣщане теряли несносныя стѣсненія и лишешя въ самыхъ несущихъ источникахъ жизни. «Всѣ знаменитѣйшіе народы древнихъ и настоящихъ временъ, — скажемъ словами Мордвинова, — содѣлались богаты отъ торговли и промысловъ. Одна Россія, занимающая половину Европы, сковывала доселѣ свою торговлю и свою промышленность, и правительство ея, ожидая отъ народа великихъ доходовъ, само поражало то, отъ чего и народъ и казначейство могли бы стяжать великія богатства.» Оттого и города въ Россіи не процвѣтали. Щербатовъ въ свое время замѣтилъ: «города вѣтокимъ въ лучшее состояніе приходятъ, но чаще ослабѣваютъ за недостаткомъ кунечества, а которое остается, то вѣтшую тягость должно нести.» И удивительно ли послѣ этого, если какой-нибудь безземельный мѣщанинъ, труженикъ горемычный, не находитъ въ городѣ ни работы хорошей, обеспечивающей житье-бытье, ни покою, а только одно горько-слезное горе-злосчастье, оставлялъ городъ и шолъ куда-нибудь въ бѣгуны, грустно утѣшаясь словами ихъ ученя: «града настоящаго не имамы, но градаущаго взыскуемъ...» У бѣгуновъ же была покрайней-мѣрѣ надежда, было стремленье, основать гдѣ-нибудь на русской же землѣ свой городъ, свою область.

Изъ города пойдѣмъ по селамъ. Вотъ средневожскія села. Въ XI и XII вѣкахъ, когда была вольнымъ воля на великорусской землѣ, она большею частью только еще устроилась, заселяясь вновь, путемъ добровольнаго свободнаго перехода вольныхъ охочихъ людей, крестьянъ, путемъ мирной земледѣльческой культуры, куда ходили топоръ, коса и соха, по слѣдамъ мирныхъ хозяйственныхъ путей, *ухожаевъ и становъ*. Тутъ отовсюду черезывались и сами приходили добровольные *приходцы*. Тутъ жили мирные *жмилецкіе люди* — крестьяне. До половины или до конца XVI вѣка тутъ не было бѣгства, бродяжничества: только *каликы переходящіе* ходили по монастырямъ, да по православному міру съ духовными стихами. До конца XVI или до начала XVII столѣтій, тутъ, какъ и по всей сельской Руси, былъ въ обычаѣ добровольный, свободный переходъ... Но вотъ уничтоженъ мало-помалу, съ тяжкимъ вѣковымъ трудомъ, свободный переходъ крестьянскій. Вслѣдствіе вѣкового систематическаго укрѣпленія крестьянъ къ сельской, земледѣльческой и казенной землѣ, а посадскихъ людей — къ городамъ, къ посадамъ, — началось повсюду, по всей землѣ великорусской, вмѣсто свободнаго перехода, неудержимое, непрерывное, вѣковое бѣгство и бродяжничество крестьянъ и посадскихъ. Стало и здѣсь, въ этихъ средневожскихъ селахъ такое же бѣгство, бродяжничество. Втеченіе полутора вѣка дѣтъ, правительство энергически преслѣдо-

вало бѣглыхъ и бродягъ: во второй половинѣ XVIII столѣтія бѣгство стало униматься, но не останавливалось. И вотъ въ этихъ средневожскихъ селахъ ярославской, владимірской и костромской губерніи, вмѣсто свободнаго перехода и вмѣсто бѣгства и бродяжничества, являются *бѣгуны, странники*, особое общинно-демократическое оппозиціонное согласіе, которое принципъ бѣгства возводитъ въ догматъ, бѣгству придаетъ религіозную санкцію, въ бѣгствѣ указываетъ *путь спасеній*. Исходный пунктъ его — село Сопѣлки, хотя основатель его былъ солдатъ изъ мѣщанъ. Такимъ образомъ, вмѣсто старинныхъ хозяйственныхъ путей и ухажавъ средневожскихъ областей, здѣсь бѣгуны указываютъ народу путь бѣгства, и составляютъ свои маршруты, путевые указатели, куда нужно бѣжать. Эти маршруты будутъ дальше приведены. Вмѣсто старинныхъ осѣдлыхъ *старожиловъ* и *жмлецкихъ* или *мірскихъ людей*, являются такъ-называемые *жмловые* или *мірскіе бѣгуны*, т. е. осѣдлые и пристанодержатели, укрыватели странствующихъ бѣгуновъ. Вмѣсто старинныхъ *станозъ* и *мѣстъ дворовыхъ* являются и у бѣгуновъ свои пристанища, которыя также называются *станомъ* и *мѣстами*. Такой историческій переворотъ произошелъ въ одной области селъ! И изъ этой средневожской области, бѣгуны быстро распространились по селамъ почти во всѣхъ великорусскихъ губерніяхъ и въ Сибири. Основанное бѣглымъ солдатомъ изъ мѣщанъ, согласіе бѣгуновъ скоро охватило большую часть крестьянства. Что же за причины, отчего крестьяне стали обращаться не только въ согласіе филиповцевъ, фелосѣвцевъ, поморцевъ, но и въ согласіе бѣгуновъ? Вѣрно, что-нибудь да тяготило ихъ и побуждало, вмѣсто бѣгства, къ бѣгуству и странничеству...

Или: тамъ, въ понизовомъ заволжьи, пролегла въ первой половинѣ XVIII столѣтія, черезъ степь саратовскую, къ Уралу путь — тропа, которую преданіе называетъ *сиротскою дорожю*. Черезъ все XVIII столѣтіе по ней шли, пробирались въ саратовскія степи, въ юговосточное приуралье и за Уралъ гонимые старовѣры. Между ними большая часть была бѣглые солдаты и крестьяне, преимущественно крѣпостные. На пути этомъ, многіе изъ нихъ селились на хлѣбородныхъ земляхъ саратовской губерніи, и въ концѣ XVIII столѣтія основали вновь нѣсколько селъ, каковы между прочимъ, Березовую-луку, Острую-луку, Красный-яръ, Ивантѣвку, Хворостянку и многія другія, а также весьма значительно заселили города: Хвалынскъ, Волгскъ, Кузнецкъ, Балашенъ, Аткарь, Серлобъ и самый Саратовъ, и пробирались далѣе за Яикъ и за Уралъ... Куда шли эти бѣглые крестьяне? Что гнало ихъ съ родного мѣста-жительства? Чего искали они — воли или земли?

Не доходимъ до Урала. Тамъ, въ половинѣ XVIII столѣтія, за-
двигались, забунтовали заводскіе крестьяне. Что-то и ихъ тяготило!
Да куда бы путникъ XVIII столѣтія ни пошолъ по Велико-
росіи, по селамъ, вездѣ что-то было неладно въ крестьянскомъ
міру. Съ 1729 года по 1772 или вплоть до пугачевщины почти не
утихали бунты: то здѣсь, то тамъ вспыхивали взрывами, предѣ-
щавшими страшное вулканическое движеніе — пугачевщину. Про-
шла гроза пугачевская. Въ 1797 г. опять начались крестьянскія дви-
женія... Что же возмущало крестьянъ? чѣмъ они были недовольны?
Чего хотѣли? Посмотримъ хоть бѣгло, на тогдашнее положеніе кре-
стьянъ.

Страшное, тяжелое было время для крестьянъ въ 1718—1725 г.,
когда происходила первая формальная поголовная перепись или ре-
визія душъ. По указу 1719 года января 22, повсюду разѣзжались по
Росіи разсылщики и офицеры съ командами для отобранія ска-
зокъ. О крестьянахъ дворцовыхъ, патриаршихъ, монастырскихъ,
однимъ словомъ, не помѣщичьихъ, они отбирали сказки отъ того,
кто ихъ нѣдаетъ: отъ приказчиковъ, старостъ, выборныхъ, за ихъ
руками; о помѣщичьихъ крестьянахъ сказки отбирались отъ владѣль-
цевъ и старостъ, также за руками. Послѣ того происходила повѣрка
сказокъ, и гдѣ оказывался излишекъ въ душахъ противъ сказокъ,
тамъ этотъ излишекъ въ душахъ, съ причитающеюся на нихъ зем-
лей, обращался въ пользу открывателя, или доносчика. И помѣщики
и крестьянскія общины, въ лицѣ представителей, строго наказыва-
лись за утайку душъ. «Смертныя казни, безъ всякой пощады», кон-
фискаціи, цѣпи, «розыски» или слѣдствія съ пытками — вотъ что
принесла съ собой первая ревизія. Сколько земли отошло къ роспис-
чикамъ, офицерамъ, доносчикамъ, за открытіе утайки душъ! Сколь-
ко тысячъ крестьянъ должны были перемѣнить владѣльцевъ, и вы-
шедши изъ-подъ власти законныхъ, изстаринныхъ, прородныхъ,
попасть въ руки новыхъ, нежданыхъ владѣтелей! И несмотря
на такую строгость, крестьяне упорно утаивались отъ ревизіи, и
ревизія втеченіи восьми лѣтъ не была кончена. Такъ страшно-не-
люба, противна была народу поголовная перепись! Многіе перехо-
дили въ расколъ изъ-за ревизіи, говоря: «творите съ нами что хо-
тите, но въ книги законопреступныя писаться не будемъ, и дру-
гимъ не совѣтуемъ, ибо мы записаны въ книги животныя небес-
наго дая» и т. п. Многіе бѣжали, и скрывались въ лѣсахъ.

Крестьяне привыкли къ прежнимъ общиннымъ, мірскимъ под-
ворнымъ переписямъ, въ которыхъ они и посадскіе разсматрива-
лись какъ люди свободные, съ перваго разу увидѣли, что новая ре-
визія совершалась помимо крестьянъ, помимо міровъ, помимо ихъ

выборныхъ. Они хорошо повали, что ревизіей ихъ хотѣли прикрѣпить къ волѣ помѣщика, безъ собственнаго полноправнаго владѣнія землею. Крестьяне почувствовали, что правительство посредствомъ ревизіи передаетъ ихъ во власть помѣщиковъ, отъ лица государства, и на томъ же правѣ безграничнаго господства, на которомъ государство владѣло крестьянами, какъ своими подданными. Изъ помѣстья, въ которомъ записаны крестьяне, они также не могутъ выходить свободно, какъ подданные изъ предѣловъ государства; отъ власти помѣщика такъ же не могутъ освободиться своею волей, какъ жители страны отъ правительства. На основаніи ревизіи, помѣщикъ получилъ право, обезпеченное силой закона, воспрепятствовать крестьянамъ и выходъ изъ его помѣстья, и свободный выборъ промысла, и вступленіе въ бракъ, или избраніе холостой жизни. Въ этомъ—то смыслъ, первая ревизія составляетъ истинное начало крѣпостнаго права, и явившись разъ, это право не могло не отразить своего вліянія на всѣхъ сторонахъ народнаго быта. Какую власть получили помѣщики относительно своихъ крестьянъ, такую же власть должны были пріобрѣсти крестьянскія общины относительно своихъ сочленовъ. Отвѣчая за являющуюся состоятельность въ исполненіи повинностей, стали они воспрепятствовать какъ свободный выходъ изъ общины, такъ и выборъ занятія: то и другое стало зависѣть отъ паспортовъ, отъ разныхъ обезпеченій на случай безработицы и т. д. (1). Эта слержанность, прикрѣпленность крестьянъ и къ имперіи въ качествѣ подданныхъ, и къ помѣщикамъ въ качествѣ крѣпостныхъ, и къ общинамъ по паспортамъ и т. п., страшно тяготило крестьянъ, и многихъ выводило изъ терпѣнія. И вотъ, бѣгунны возвѣстили свободу отъ ревизіи, и бѣгство изъ имперіи, или отъ правительства, бѣгство изъ крѣпостнаго состоянія, бѣгство изъ общины, даже бѣгство изъ семьи и т. д.

Прикрѣпивши крестьянъ къ власти помѣщиковъ, ревизія предала ихъ всѣмъ злоупотребленіямъ крѣпостнаго права. Помѣщики стали насильно прикрѣплять себѣ и свободныхъ людей, какъ свидѣтельствуешь находящаяся у насъ подъ руками рукописная челобитная одного заслуженнаго служилаго человѣка времени Петра. Уже при Петрѣ во всей силѣ обнаружился произволъ помѣщиковъ. Въ одномъ указѣ самъ онъ писалъ: «Есть въ некоторые непотребные люди, которые своимъ деревнямъ сами безпутные разорители суть, что ради пьянства, или иного какого непостояннаго житія, потчуютъ свои нетокмо не снабдѣваютъ и не защищаютъ ни въ чемъ, но

(1) Имуществ. и личн. права, по указамъ Петра В., г. Лешкова. - Русск. Вѣстн. - Дек. 1861 г.

разоряють, налагая на крестьянъ всякія непосильныя тягости, и въ томъ ихъ бьютъ и мучаютъ, и этого крестьяне, покинувъ тяглы свои, бѣгаютъ, и чинится отъ того пустота, а въ государевыхъ податяхъ умножается дощика.» Силошь и рядомъ были такіе помѣщики, которые не давали крестьянамъ на себя работать, и просто грабили ихъ. Крестьянинъ Посошковъ видѣлъ положеніе крѣпостныхъ крестьянъ къ свое время, и между прочимъ вотъ что писалъ: «есть такіе безчеловѣчные дворяне, что въ работную пору не даютъ крестьянамъ одного дня, чтобы имъ на себя что обработать. Такъ пахатную и сѣнокосную пору всю и потеряютъ у нихъ; или что наложено на ихъ крестьянъ оброку или столовыхъ запасовъ, то помещикное заберутъ, да и еще требуютъ съ нихъ излишняго побору, и тѣмъ излишествомъ крестьянство въ нищету повергаютъ; и который крестьянинъ начинаетъ мало-помалу посылѣе быть, то ни него и подати прибавятъ. И за такимъ ихъ порядкомъ, крестьянинъ никогда у такого помѣщика обогатиться не можетъ. И такъ крестьянъ пустошатъ, что у иного и козы не оставляютъ. Отъ таковой нужды крестьяне дома свои оставляютъ и бѣгутъ ниню въ низовыя мѣста, нныя же и въ украинныя, а нныя и въ зарубежныя: такъ чужія страны населяютъ, а свою пунту оставляютъ.» Такимъ образомъ и крѣпостное право вынуждало къ бѣгству, воспитывало въ народѣ склонность къ бѣгству, и слѣдовательно за-долго приготавливало къ бѣгунству.

Въ эпоху второй ревизіи, 1742 года, еще болѣе ушмилось бѣгство крестьянъ. Въ это время, по словамъ бѣгушова, погибла деревня, и сохранилась только въ бѣжавшихъ отъ ревизіи. После второй ревизіи увеличилась и тягость крѣпостного права. Теперь и свободный бѣгачъ-крестьянинъ, по закону, долженъ былъ ужь самъ искать себѣ господина, долженъ былъ просить, какъ милости, чтобы кто-либо изъ привилегированныхъ удостоилъ его принять въ число крѣпостныхъ, съ обязанностью платить за него подушную подать. Помѣщики уполномочены были закономъ — по своему произволу ссылать крестьянъ въ Сибирь, или куда угодно, отдавать въ солдаты, торговать ими, какъ товаромъ, продавать въ рекруты, если находили выгодныхъ покупателей, отдавая дѣтей отъ родителей. Крѣпостные крестьяне постепенно теряли право собственности. Указомъ 14 февраля 1761 года, крестьянамъ запрещено обазываться векселями и вступать въ поручительство, да и подъ земными письма имъ дозволялось брать не иначе, какъ съ удостовѣрительнымъ дозволеніемъ отъ помѣщиковъ. Крестьянамъ заурецалось прежнее свободное право торго въ селѣ ли, или на посалѣ. Уже въ указѣ Петра отъ 27 сент. 1723 г. было постановленіе: «ко-

торые крестьяне не поютать въ посады, и ни въ какихъ торгахъ не торговать, ни промысловъ никакихъ держать, и въ лавкахъ не сидѣть.» Помѣщичьи крестьяне не вѣдуче могли отравиться для своихъ нуждъ въ ближніе торги, какъ съ дозволеніемъ приказчика и подъячиромъ десятекаго или выборнаго. Крестьяне не могли, по прежнему свободному праву, вступить въ купечество безъ увольнительнаго письма помѣщика. Указомъ 3 января 1762 г. повелѣно главному магистрату и его конторѣ «накрѣпно подтвердить, чтобы оныя мѣста дворцовыхъ, синодальныхъ, архіерейскихъ, монастырскихъ и помѣщичьихъ крестьянъ безъ указанныхъ отпусковыхъ и увольнительныхъ отъ властей и помѣщиковъ писемъ въ купечество отнюдь не записывали.» Понятно, какъ все это было стѣснительно для торгующихъ крестьянъ. Помѣщикъ, вродѣ даже Татищева, при своемъ несомненно-отеческомъ онекуствѣ, лишалъ крестьянъ всякой воли и домашней самораспорядительности, морилъ крестьянина трехдневнымъ голодомъ за то, что онъ осмѣлился продать лишніе или венужные ему куршцу или поросенка; помѣщикъ требовалъ, чтобы у крестьянина на дворѣ было столько-то коровъ, лошадей, овецъ, оловяныхъ ложекъ и т. п.; а въ противномъ случаѣ отдавалъ его въ батраки, безъ платежа денегъ за работу. Не говоримъ уже о тѣхъ варварскихъ ужасахъ крѣпостнаго права въ XVIII столѣтіи, про которые едва вѣрится въ эпоху освобожденія крестьянъ. Подобное крѣпостное состояніе крестьянъ хуже было военной, солдатской службы. Почему крѣпостные дворовые люди и крестьяне, въ началѣ царствованія Елизаветы Петровны, уходили отъ помѣщиковъ и сами добровольно просились въ солдатскую службу, «согласясь немалымъ собраніемъ и порознь», подавали самой императрицѣ челобитныя о запискѣ ихъ въ военную службу. И зато бѣднягамъ, по словамъ указа 2 іюня 1742 г., «учинено имъ на площади съ публичкою жестокою наказаніемъ, а именно: которые подавали челобитныя немалымъ собраніемъ, тѣ биты кнутомъ, а изъ нихъ пушіе къ тому заводчики сосланы въ Сибирь на казенные заводы въ работу вѣчно», и проч.

Говорить ли о жалкомъ, угнетенномъ положеніи заводскихъ крестьянъ? Этотъ особый классъ несчастныхъ, безхозяйственныхъ работниковъ, рабовъ фабричныхъ и заводскихъ, создалъ Петръ I, указомъ 18 января 1721 года, прикрѣпивъ крестьянъ къ заводамъ и фабрикамъ. А потомъ ужъ сами управители заводовъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, наиримѣръ въ оренбургской, по своему произволу приписывали крестьянъ къ заводамъ. «Изъ чего произошло, — замѣчаетъ кн. Щербатовъ, — что когда большая часть волостей была приписана къ заводамъ, работники часто должны были хо-

дѣть работать отъ близкаго завода къ другому по 700 верстѣ, и крестьяне были разными проныретами заводчиковъ разорваны, такъ что при началѣ царствованія императрицы Екатерины повсюду бунты и неудовольствія отъ крестьянъ оказались.» Потомъ сенатъ, какъ мы видѣли изъ словъ Екатерины, самовластно и щедро раздавалъ крестьянъ заводчикамъ, «кои, умножая заводскихъ крестьянъ работы, платили имъ либо безнормочно, либо вовсе ничего, проматывая взятые изъ казны деньги въ столицѣ.» Вслѣдствіе такого злоупотребленія, крестьяне въ половинѣ XVIII столѣтія стали бунтовать на заводахъ гороблагодатскихъ графа Шувалова, на воронцовскихъ, чернышевскихъ, ягужинскихъ и многихъ другихъ. Крестьянъ унимали оружіемъ и даже пушками.

При такомъ безправіи крестьяне естественно должны были выходить изъ терпѣнія и не на заводахъ только. Съ 1719 по 1773 г. въ разныхъ мѣстахъ они начинали уже волноваться. Таковы напримѣръ были крестьянскія движенія: въ февралѣ 1729 года по поводу распущеннаго въ народѣ небывалаго указа о поклѣ отъ 19 февраля 1728 г., движенія 1741 и 1742 г., когда обнаружилось стремленіе крестьянъ *записываться въ вольницу*, движенія въ 1758 г. въ тамбовскомъ и козловскомъ уѣздахъ, въ Царицынѣ и по Волгѣ, когда обнаружилось стремленіе крестьянъ къ вольному самоустройству на новыхъ, ими самими выбранныхъ мѣстахъ; движеніе въ 1760 г. въ арзамаскомъ уѣздѣ и въ галицкой провинціи и т. п. Отрицаніе крѣпостнаго права крестьяне непрежнему выражали бѣгствомъ, исканіемъ вольнаго поселенія. Въ указѣ отъ 13 января 1758 г. читаемъ: «Сенату отъ 13 ноября 1757 года донесено по жалобамъ помѣщикамъ изъ тамбовскаго и козловскаго уѣздовъ, что крестьяне, забравъ свои пожитки и лошадей, бѣгутъ, а другіе чинятъ разглашеніе, якобы оные бѣглые, собравшись въ Царицынѣ и переправясь чрезъ Волгу и порывъ землянки, живутъ и принимаютъ будутъ впредь всякихъ прыхожихъ людей. А нѣкоторые крестьяне явнымъ образомъ бѣгутъ же, объявляя при томъ побѣгъ, что они идутъ на поселеніе въ Царицынѣ и Камышенку къ шолковому казенному заводу, гдѣ для принятія ихъ якобы опредѣленъ майоръ Паруберъ.» Военныя команды, отправлявшіяся для усмиренія крестьянъ, дѣйствовали съ непростительною неосторожною, безчеловѣчно. Отправлялась военная команда съ офицеромъ и съ пушками, сама путемъ незная куда, въ которую деревню, начинала экзекуцію, не смотря на на какія представленія отъ крестьянъ, что они вовсе не того помѣщика, что они послушны своему владѣльцу и онъ на нихъ никогда не жаловался; стрѣляла и рубила несчастныхъ крестьянъ и не слушала никакихъ убѣжденій; а послѣ оказывалось, что крестьяне

дѣйствительно правы, что команда должна была идти въ другую деревню, а вовсе не въ ту, которую разорила и опустошила. Манифестъ императора Петра III о вольности дворянства, изданный 18 февраля 1762 года, окончательно обратилъ крестьянъ въ полную собственность помѣщиковъ. Услышавъ о дворянской грамотѣ, крѣпостные люди и особенно крестьяне ждали и себѣ воли отъ службы помѣщикамъ. Они убѣждены были, что помѣщики ихъ временные владѣльцы. Еще крестьянинъ Посошковъ говорилъ: «Крестьянамъ помѣщики не вѣковые владѣльцы, они владѣютъ ими временно.» Такъ думали и всѣ крестьяне. И вотъ, услышавъ о дворянской грамотѣ, крестьяне думали, что и они тогда же получаютъ свободу. Носились слухи, будто новый государь, даровавшій свободу отъ службы дворянамъ, и повелѣвшій на фабрикахъ и заводахъ производить работу вольнонаемными людьми, готовилъ указъ о свободѣ крестьянъ и вообще всѣхъ крѣпостныхъ людей. Слухи эти тотчасъ повели уже и къ тому, что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ крестьяне явно отказались повиноваться помѣщикамъ, ссылаясь на эти слухи. (Манифестъ 19 июня 1762 г. П. С. З., № 11,577).

Такъ словно тучи передъ грозой скоплялись элементы крестьянского недовольства и повременамъ глухо уже взрывались движениями, предвозвѣщая страшный громовой грохотъ пугачевщины. И ложные указы о волѣ уже пророчили про манифестъ Пугачева, обѣщавшій надѣлать народъ «и волей, и землей, и рѣкой, и травами, и морями, и провіантомъ, и порохомъ и свинцомъ...»

Между-тѣмъ и крѣпостное право самой черной, градобойной тучей проходило по землѣ русской, по сердцамъ народнымъ чрезъ все XVIII столѣтіе и глубоко отиѣтился слѣдъ его, даже на новыхъ генерацияхъ. Оно много побило, подавило умственныхъ силъ въ народѣ, много причинило деморализацію энергическому, твердому, богатырскому характеру, широкой, кипучей, богатой натурѣ русскаго народа, буйной, размахистой, сбійчатой волѣ его, много испортило крови въ немъ. Оно выразилось вредно не только материально, въ хозяйственномъ и общественномъ быту народномъ, но и нравственно. Оно отиѣтилось не только въ исторіи народной, не только въ житейскихъ общественныхъ и домашнихъ обычаяхъ, понятіяхъ, семейныхъ преданіяхъ и народныхъ легендахъ, но и въ языкѣ русскомъ, въ пѣснѣ народной. . . .

Не лучше было положеніе и вольныхъ казенныхъ крестьянъ. Впервыхъ, правительство въ XVIII вѣкѣ, щедро раздавая земли вельможамъ и иноземцамъ, своихъ государственныхъ крестьянъ обдѣляло землей. Въ южныхъ напрямѣръ областяхъ удобныя земли оставались во власти у короны, многія лежали впустѣ, а дру-

гія отдавались въ наемъ для паствы, тогда какъ тысячи государственныхъ крестьянъ не имѣли и по осьминѣ на работника выѣзять. Казенные крестьяне были тѣже крѣпостные рабы казны и сельскихъ управъ. Въ первой половинѣ XVIII столѣтія ими управляли больше десяти разныхъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ. Начальство это было тогда не въ-мочь тягостно для крестьянъ, какъ докладывали императрицѣ Екатеринѣ I Меншиковъ, Остерманъ, Макаровъ и Волковъ: «Нынѣ надъ крестьянами — писали они въ своемъ общемъ мнѣніи — развѣ десять и больше командировъ находится вмѣсто того, что прежде былъ одинъ, а именно изъ воинскихъ, начиная отъ солдата до штаба и до генералитета, а изъ гражданскихъ отъ фискаловъ, комиссаровъ, вальдмейстеровъ и прочихъ до воеводъ, изъ которыхъ иные не пастьрами, но волками, въ стадо ворвавшимися назваться могутъ... мужикамъ бѣднымъ страшнѣ одинъ въѣздъ и проѣздъ офицеровъ и солдатъ, комиссаровъ и однихъ командировъ, колыми же паче страшнѣ правожъ и экзекуціи, о которыхъ уже и такъ доносятъ, что крестьянскихъ пожитковъ въ платежъ тѣхъ податей недостають, и что крестьяне не только скотъ и пожитки продають, но и дѣтей своихъ закладывають, а иные и врознь бѣгутъ.» Самые выборные крестьянскіе големы, старосты, сотскіе и т. п. невольнo усвоивъ подъ вліяніемъ приказнаго, царскаго значенія всякой службы, стали больше мироѣлами, придиричивыми приказными притѣснителями крестьянъ, чѣмъ ихъ излюбленными общинными попечителями. Новое раздѣленіе сельскихъ общинъ при Екатеринѣ II на волости, почти съ одинаковымъ для всѣхъ волостей, арифметически опредѣленнымъ числомъ жителей, введеніе въ сельское управленіе исправниковъ, засѣдателей, становыхъ, писарей — все это были новые, не столько благоустроительныя, сколько стѣснительныя и даже вредныя для крестьянства мѣры администраціи. Скоро волостныя начальства — исправники, засѣдатели, становые, секретари сильно надавли крестьянамъ и возбуждали между ними ропотъ. Негодование, раздраженіе противъ сельскаго чиновничества и судовъ дотогo накопило въ сердцахъ крестьянъ со второй половины прошлаго столѣтія, что стало изливаться въ письменности простонародной вопіющими, раздражительными сатирами. Особенно раскольники любили составлять такіа сатиры. Вотъ на-примѣръ отрывокъ изъ крестьянской сатирической «просьбы на исправника», находящейся въ старообрядческихъ сборникахъ:

Всепресвѣтлѣйшій и милостивый творецъ,
Создатель небесныхъ и словесныхъ овецъ!

Просимъ мы слезно, нижайшія твари,
Одноворцы и экономическіе крестьяне,

О чемъ, тому слѣдуютъ пункты :

- 1) Не было въ сердцахъ нашихъ болѣсти,
Когда нераздѣлены были мы на волости,
И всякому крестьянину была свобода;
Когда управлялъ нами воевода,
Тогда съ каждаго жила
По копѣйкѣ съ души выходило,
- 2) А какъ извѣстно всему свѣту,
Что отъ исправника и секретаря житья нѣту.
По наукѣ ихъ головы и сотскіе воры
Поминутно дѣлаютъ поборы,
Поступаютъ съ нами безчеловѣчно,
Чего не слыхать было вѣчно...
Прежде тиранили, ненавидя христовой вѣры,
А сіи мучать, какъ не дашь денегъ или овса мѣры.
Всѣ наши прибутки и доходы
Потребляютъ земскому суду на расходы.
- 3) Суди насъ, владыко, по чловѣчеству;
Какия же слуги будемъ мы отечеству?
До крайности дошли, что нечѣмъ и одѣться,
Въ большіе праздники и разговѣться.
Работаемъ, трудимся до поту лица,
А не съѣдимъ въ христовъ-день куриного яйца;
Ядимъ мякину, обще съ лошадьми...
А какъ придетъ весна,
То жены наши начнутъ ткать кросна
Исправнику, секретарю и приказнымъ,
Чтобъ не быть бабамъ нашимъ празднымъ,
Съ каждаго домишку
Берутъ по полупуду льнишку,
И сверхъ того для своей чести
Собираютъ по полуфунту овечьей шерсти;
Даже со двора по мотку и нитокъ,
Каковъ бы ни былъ нашъ пожитокъ.
И какъ они взѣзжаютъ,
То плуть-десятской съ сотскимъ изъ дому всѣхъ выгоняютъ,
А тѣхъ только оставляютъ, которые помоложе,
Да ужъ и говорить о томъ не пригоже!
Пріѣзды ихъ весьма для насъ обидны,
Тебѣ, владыко нашъ, самому очень видны.
Просимъ мы тебя слезно, простирая руки —
Какъ нынѣ страждутъ адамовы внуки

Отъ властителей такихъ велика намъ бѣда;
 Избавь насъ, господи, отъ вѣчнаго суда

Въ исходѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, казенное крестьянство находилось въ самомъ жалкомъ состояніи. Мордвиновъ такъ изобразилъ «крайнее обиженіе земледѣльческаго сословія» въ это время: «Въ Россіи 18 миліоновъ мужскаго пола душъ сѣютъ хлѣбъ чтобъ прокормить 2 или 3 миліона остальныхъ затѣмъ жителей... Дабы при такихъ мрачныхъ обстоятельствахъ, земледѣльческое наше сословіе (каково почти и во всѣхъ государствахъ есть самое бѣднѣйшее) могло какъ ни есть разживаться, то долженствовали бы покрайней-мѣрѣ облегчать оное всячески въ казенныхъ поборахъ; напротивъ того, сословіе сіе обремененное у насъ боѣе другихъ, и казенными налогами, и личными повинностями, и рекрутскими наборами, и дальне-срочнымъ служеніемъ въ полкахъ. Что принадлежитъ въ особенности до казенныхъ поселенъ, то великая площадь, занимаемая въ россійскомъ государствѣ 12 миліонами сихъ мужскаго и женскаго пола людей, при настоящемъ положеніи у насъ сельскаго хозяйства, не можетъ не оставаться надолго въ дикомъ и скудномъ состояніи. Тамъ, гдѣ сохою скребуть землю не глубже, какъ на 4 палца, гдѣ работаетъ скоть малосильный, всегда тощій, гдѣ паренна существуетъ, гдѣ урожай даютъ отъ 3 до 4 зеренъ, гдѣ и на десятинѣ накашиваютъ 30 или много 50 пудъ сѣна, гдѣ коровы питаются соломою, а люди ѣдятъ хлѣбъ мякинный, конечно, владыкѣ сихъ 12 миліоновъ душъ достаточнаго стяжанія отъ нихъ ожидать не можно. Нѣтъ на семъ великомъ удѣлѣ, составляющемъ 4-ю почти часть пространнаго россійскаго государства и могущемъ вмѣстить нѣсколько европейскихъ королевствъ, нѣтъ ни благоустроенныхъ усадебъ, ни богатыхъ на нивахъ урожаевъ, ни добрыхъ коней, ни удобныхъ къ обработкѣ земли орудій, ни рукодѣльныхъ завесеній, ни обогащающихъ народъ промысловъ, ни сословія иного, кромѣ крестьянскаго, ни лицъ, могущихъ управлять, ни лицъ, могущихъ просвѣщать, нѣтъ и начальныхъ даже учрежденій къ возрожденію впрядь благоустройства. Какое нелѣпообразное великой части имперіи состояніе. Но въ сей дикости она и на вѣки остаться должна будетъ, если населяющіе ее 12 миліоновъ пахарей и пастуховъ, живя среди мховъ и дебрей, въ грубыхъ деревенскихъ хижинахъ, оставлены будутъ безъ всякаго урядства и просвѣщенія ихъ во всемъ, что потребно къ благоденствію народному». Таково было положеніе крестьянства въ теченіи всего XVIII столѣтія. Въ началѣ XVIII столѣтія, яменно въ 1713 году, самъ Петръ великій сознавался: «что возрастаютъ на тягость всенародную и умножаются

для лукавыхъ приобретешій и похищеній государственныхъ интересовъ великія неправды и грабительства, а тѣмъ многіе великихъ чиновъ люди, а *наипаче крестьяне приходятъ въ разоренье и бѣдность.*» Въ началѣ XIX столѣтія, Мордвиновъ изображалъ въ такомъ же видѣ «крайнее обѣдненіе земледѣльческаго сословія». Въ статьѣ о *налогахъ*, онъ тоже замѣчалъ: «въ Россіи земледѣльческое и мѣщанское, сіи два величайшія сословія, на коихъ лежатъ подати, составляющія главные статьи государственнаго дохода, наиболѣе прочихъ сословіи стѣснены и лишены способствъ къ обогащенію». При такомъ уровнѣ бѣдности, при этой равной изобиженности, безправности крестьянъ и мѣщанъ, очень естественно равенство ихъ и въ понятіяхъ и въ стремленіяхъ. Крестьянинъ и солдатъ изъ мѣщанъ, мѣщанинъ и солдатъ изъ крестьянъ — это братья — близнецы, которые сразу поймутъ другъ друга, и равно способны на одну и ту же инициативу. Удивительно ли послѣ этого если какой-нибудь солдатъ изъ мѣщанъ переяславскихъ и крестьянинъ пошехонскій идутъ вмѣстѣ по костромскимъ лѣсамъ, думаютъ одну думу, живутъ въ одной кельѣ, и вмѣстѣ основываютъ и распространяютъ одно согласье бѣгуновъ, и въ ихъ согласье бѣгутъ толпы братій ихъ, и крестьянъ, и мѣщанъ, и солдатъ, и всѣ равно увлекаются новымъ ученіемъ! Стало, у всѣхъ на сердцахъ что-то одно...

Плоть отъ плоти, кровь отъ крови крестьянства, — солдатство, неменѣе крѣпостного народа, тяготилось своимъ крѣпостнымъ положеніемъ въ службѣ царской! ⁽¹⁾ Теперь народъ уже непривыкъ къ рекрутчинѣ. Да и то, надобно только быть въ отдаленной деревнѣ, въ наборъ, чтобъ слышать не въ домахъ только, а по всѣмъ улицамъ раздающійся плачь и рыданье надъ живымъ погребаемымъ молодцомъ... Чтоже было въ ту пору, когда въ первый разъ вышелъ страшный указъ о рекрутскомъ наборѣ, указъ 20 февраля 1705 года о наборѣ съ двадцати дворовъ по рекруту, когда народная семейная жизнь была еще замкнутѣе, самоуглубленнѣе, патриархальнѣе, чѣмъ теперь? Легко представить этотъ стонъ, вопли, рыданія и даже проклатія, какія изливались въ слезныхъ причитаньяхъ надъ рекрутами на учредителя рекрутчины. И тѣмъ болѣе народъ раздражался тогда рекрутскими наборами, что они были слишкомъ часты и разорительны для семействъ крестьянскихъ и посадскихъ, и поглощали самое лучшее, молодое, здоровое, могучее рабочее поколѣвіе земства, прoderживая его въ солдатствѣ подъ на-

(1) По выраженію Меншикова, Остермана, Макарова и Волкова, «солдатъ съ крестьяниномъ связанъ какъ душа съ тѣломъ, и когда крестьянина не будетъ, тогда не будетъ и солдата».

лочной дисциплиной, въ казарменной удушливой средѣ, лѣтъ двадцать-пять и болѣе. Если не ошибаемся, при Петрѣ ужъ было всѣхъ наборовъ, мѣстныхъ и общихъ, до сорока, въ томъ числѣ однихъ повсемѣстныхъ — до пяти. Тутъ поглощено было народу покрайней-мѣрѣ до 180,000 человекъ на одно регулярное войско что очень немаловажно по тогдашнему числу всего народонаселенія. Только съ 1719 г. по 1725, втеченіи шести лѣтъ, взято въ рекруты болѣе 70,000 человекъ. А съ 1718 года, втеченіи слѣдующихъ пятидесяти лѣтъ, рекрутчина поглотила въ одной великой-Россіи до 1,132,000 рекрутъ, т. е. шесть человекъ изъ положенныхъ въ подушный окладъ. Потомъ, въ какія-нибудь первыя пять лѣтъ царствованія Екатерины II, въ семь наборовъ, рекрутчина забрала до 327,044 человекъ, кромѣ церковныхъ причетниковъ. А какъ набирали рекрутовъ и везли въ полки! «А именно, читаемъ въ указѣ, данномъ изъ военной коллегіи 20 октября 1719 года: первое, когда въ губерніяхъ рекрутъ сберуть, то сначала изъ домовъ ихъ ведутъ скованныхъ, а приведчи въ городъ, держатъ въ великой тѣснотѣ и по тюрьмамъ и острогамъ не по малу времени, и такимъ образомъ еще на мѣстѣ изнуривъ, и потомъ отправятъ, не разсуждая по числу людей и по далекости пути, съ однимъ офицеромъ или дворяниномъ, хотя бы тысяча человекъ была, и съ нужнымъ пропитаніемъ, къ тому-жъ поведуть, упуская удобное время, жестокою распутицею, отчего въ дорогѣ приключаются многія болѣзни, и помираютъ безъ временно, а всего злѣе, что многія безъ покаянія; другіе же, не стерпя такой великой нужды, бѣгутъ, и боясь явиться въ домахъ, пристають къ воровскимъ компаніямъ... Отчего такія великія въ государствѣ умножились воровскія вооруженныя компаніи, что не отъ такихъ бѣглецовъ. Другіе, хотя бы и съ охотою хотѣли въ службу идти, но вила сначала такой надъ своею братією неурядокъ, въ великой страхъ приходятъ.» Послѣ Петра, и даже во второй половинѣ прошедшаго столѣтія такъ же дурно обращались съ рекрутами. Виѣсто того, чтобы этихъ бѣлвагъ, и безъ того безутѣшнѣе избивавшихъ разлукой съ роднымъ семействомъ и проч., утѣшать человѣколюбивымъ обхожденіемъ съ ними, ихъ еще обирали «тягостными корыстными приметками и употребляли въ партикулярныя работы». Во время набора, до подготовки квартиръ, забранные рекруты въ большомъ множествѣ стояли зимой, въ стужу, на дворѣ, а ночь проводили въ торговыхъ баняхъ въ жару, и т. п. Отрадно ли было родителямъ видѣть въ такомъ положеніи своихъ дѣтей, братьямъ — братьевъ? Приятно ли, сродно ли было несчастнымъ рекрутамъ, еще до службы царской, претерпѣвать такое мученье? Да, не даромъ вѣрно, въ народномъ эпосѣ сложилась особая моло-

децкія рекрутскія пѣсни, какъ сложились они и про все, что только тяжело протрадалъ народъ нашъ на своемъ историческомъ вѣку. Вотъ наприимѣръ одна изъ старыхъ рекрутскихъ пѣсней :

• Попяла, головушка, пила, погуляла,
 За батюшкины, за матушкины, буйны-головы,
 За братьины и за невѣстныя легкія работы
 Со радости, со весельца кудерюшки вьются,
 Со печали русыя сѣкутся,
 Послышали кудерюшки надъ собой невзгоды :
 Невзгоды, мои кудерюшки, большое солдатство,
 Вечоръ-то меня, молодца, вечеръ поимали,
 Рѣзвы поженьки во желѣзы сковали,
 Бѣлы рученьки назадъ завязали,
 Посадили добраго молодца въ легкія сани,
 Повезли-то меня, добраго молодца, по большой дорогѣ,
 По большой дорогѣ въ симбирскую губернію,
 Поставили добраго молодца на мірскую фатеру,
 Поутру добраго молодца рано поднимали,
 Повели-то добраго молодца меня ко приему,
 Поставили подъ казенную мѣру.
 Я подъ мѣрушку добрый молодецъ не вышелъ,
 И только вышелъ русыми кудрями, черными бровами. •

Служба солдатская велегче была въ прошломъ столѣтіи рекрутскаго набора. Но при Петрѣ великомъ солдаты ясно понимали свои подвиги и заслуги въ походахъ Петра, и въ то же время такъ смотрѣли на многія его учрежденія, какъ только сама горькая жизнь, практика народная взвѣшивала ихъ, какъ прочувствовали, протрадали, перенесли реформы Петра на плечахъ своихъ податныхъ, крѣпостныхъ, рабочія и служилыя массы народа, и какъ должна объ нихъ сказать правдивая, чисто-народная исторія, оцѣнивая ихъ неотвлеченно, не по предзанятымъ идеямъ, а по чувствамъ, по страданіямъ перенесшаго ихъ на себѣ народа, современнаго Петру. Приводимъ здѣсь цѣликомъ замѣчательное «полмет-все письмо» солдатъ петровскаго времени, напечатанное въ «Чтеніяхъ общ. истор. и древн. рос.» за 1860 г. во II книгѣ :

«Уже тому пятнадцать лѣтъ, какъ началась война съ шведомъ, нигдѣ мы худо не сдѣлали и кровь свою не желѣючи проливали, а и повинѣ себѣ невидимъ покою, чтобъ отдохнуть годъ или другой, жонъ и лѣтей не видимъ, насъ какъ нарочно мучать, кругомъ обволать Москву, что чрезъ Москву ближе было итѣвать въ Петербурхъ, нежели чрезъ Псковъ. Сравняли насъ съ посохою; уже приполъ изъ коньпани, изъ лѣсу дрова на себѣ носи, и день и вочь упокою намъ нѣтъ; и деньги, старой окладъ, отнимають, и впрелъ

намъ добра ждать нечего ; хоть кого и отъ службы отставятъ, одна-кожъ не покой, тажъ служба. И въ Питербурхѣ : уже мы вѣдаемъ, то неоднова говорено, что дамъ отдохнуть, а именно послѣ турецкой акци и полтавской батали, а правды нѣтъ. Вить, мы не ангьели, что пятнадцать лѣтъ служи безъ отдыха. Мы на службѣ грѣшимъ, а жоны наши дома иные уже замужъ вышли. Будетъ то, какъ настъ, гдѣ ни есть, въ мори потопить, или гдѣ взойдетъ чрезъ воды и всѣхъ поберутъ. Уже вить двѣ причины было въ перво нарвевскомъ походѣ, въ другой — въ турецкую акцію, смотри я третей причины, либо полонъ дворъ, либо корень конъ ; уже чрезъ мѣру лѣто и осень ходилъ по морю, чево неслыхано въ свѣтѣ, а зиму также упокою нѣтъ на корабельной работѣ, а иные на камняхъ зимуютъ, съ голоду и съ холоду помираютъ. А государство свое все разорилъ, что уже въ иныхъ мѣстахъ не сыщешь у мужика овцы. Чево больша отъ Бога хотѣлъ, что въ Помераніи и славу велию показали, тако-жъ и въ другихъ мѣстахъ завоевали ; потомъ было отдохнуть и Богу благодареніе воздать, и царство свое управить, развести всякія неправды, утолить сирыхъ нашихъ, въ томъ бы угодно Богу и слава во всѣ страны произошла ; а то, хотя и была фортуна на пятнадцать лѣтъ, а иногда сдѣлается въ пятнадцать минутъ худо и слава вся пройдетъ : въ оной фортунѣ человекъ не-можетъ жизнь свою изжить. Уже починъ есть : сдѣлаемъ мы такъ : смолимся человекъ 1000 или 2000 ; хотя и непохотятъ которые дворянчики, а иную есть на нашу руку, а въ другихъ полкахъ мы съ многими говаривали, всѣ готовы, такожъ и черный народъ, и они такожъ говорятъ ; отъ такова распорятку и чрезмѣрной такой войны быть намъ въ великой скудости : по такихъ-де, щастливыхъ побѣдахъ, не далъ отдохнуть ; таперь пошло, и невѣдомо докуль, олно воевать только и вытвержено. А хотя, де надъ нами несчастъе будетъ, то мы и пошлп прямо въ швецкія войска : коли де, онъ не-умѣетъ нами владѣть, что уже и мы видимъ, какъ гдѣ служить и муку терпятъ, а надъ нами уже такъ дѣлаютъ, что не можно чело-вѣку вытерпеть. Вить мы не какъ стрѣльцы, не придемъ съ повин-ною, примутъ насъ вездѣ съ ружьемъ служить. Какъ такъ, что пят-нацать лѣтъ, и уже отдыху нѣтъ ! Вить мы не постриглись въ мо-настырь ! Что говорятъ : «умная голова, умная голова !» Коли-бъ умная голова, могъ бы такую чело-вѣческую нужду разсудить : какъ такъ долго служить, и безъ грѣха прожить, и что будетъ на томъ свѣтѣ за такой грѣхъ отвѣчать. Такъ приводитъ, чтобы изъ на-шихъ душъ не было ни малаго христіанства. Только полюбился Пи-тербурхъ, развѣ тово ждать, какъ въ тюрьму посадить ? Уже въ Пи-тербурхѣ поморилъ всякихъ чиновъ людей, напрасною смертію, че-

ловѣкъ больше мильону. Вотъ смотри, такъ сдѣлаетъ надъ нами: какъ шведъ зашолъ въ руки и все свое потерялъ, такъ и насъ гдѣ-нибудь заведеть, либо въ морѣ потопить, или заведчи гдѣ въ камняхъ съ голоду поморить; а ужъ намъ Котлинъ адъ злой? Во глѣ мы мудрость ево всю видимъ? Выдалъ штуку въ грацкихъ правахъ, учинилъ сенатъ. Что прибыли? Только жалованья берутъ много. Спросилъ бы хоть у одного челобитчика, рѣшили-ль хоть одному безволокитно, прямо, да сыскавъ за такое непослушаніе, хоть одному штрафъ учинилъ, въ кампаніе ты-бъ ихъ небралъ,» и проч.

И послѣ Петра великаго втеченіи всей первой половины XVIII столѣтія, да нѣсколько и позднѣе, все горька, тяжела была для рекрутъ и солдатъ служба. Да съ чего-нибудь да сложились же эти горемычныя солдатскія пѣсни, которыя пѣлись особенно бѣглыми солдатами. . . .

Бѣглые солдаты и въ наше время есть у насъ какъ и вездѣ. Намъ доволилось читать одно въ высшей степени любопытное современное дѣло о бѣгломъ солдатѣ-раскольникѣ. Доволилось и слышать многое о бѣглыхъ солдатахъ. Но никогда бѣглыхъ солдатъ не было столько, сколько ихъ было въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, особенно при Петрѣ великомъ, какъ увидимъ дальше. Главной причиною ихъ бѣгства очевидно было дурное положеніе солдатства.

Таково было въ общихъ чертахъ положеніе податныхъ, крѣпостныхъ и служилыхъ массъ народа, со времени реформъ Петра великаго и въ эпоху развитія, происхожденія и распространенія согласія бѣгуновъ. Все мучило ихъ, возбуждало недовольство и располагало къ бѣгству — единственному спасенію въ безвыходно-тажомъ, стѣсненномъ, крѣпостномъ положеніи. И бѣгство въ XVIII вѣкѣ было непрерывное, неудержимое, повсемѣстное, особенно на юговостокѣ и на западной границѣ. Бѣжать тогда было какою-то роковой необходимостью для податныхъ, крѣпостныхъ и служилыхъ сословій. Бѣгство составляло путь спасенія, единственный способъ совершеннаго и рѣшительнаго отрицанія всего, что не нравилось, что тяготило въ мірѣ. Только и оставалось явиться учителю-бѣгуну, чтобъ возвести бѣгство въ доктрину, въ догматъ, назвать спасеннымъ путемъ. Бѣгство вдохновляло пѣсню народную и выразилось особымъ цикломъ пѣсней, въ молодецкомъ, разбойничьемъ и солдатскомъ народномъ эпосѣ. И какой-то широкій, необъятный, неудержимый, богатырскій разгулъ, просторъ воли выразился въ этихъ пѣсняхъ. Жажда гулалыная, несдержимое стремленіе куда-нибудь въ степь саратовскую, въ степь моздокскую, жажда летать соколомъ, жажда все съ кѣмъ-то сразиться въ чистомъ полѣ — вотъ что вымывается въ молодецкой, разгульной

пѣснѣ. Изъ Сибири добрый молодецъ рвется въ великую Россію,
поеть :

Не пора-то ли мнѣ доброму молодцу
Ѣхать во Росѣюшку гулять...

И здѣсь попадается въ тюрьму. Въ тюрьмѣ онъ поеть пѣсню
«про сокола во поимани».

Съ молодцу закалялась въ крови молодецкая жажда гулянья,
склонность къ бѣгству. Про мальчугу пѣсня поеть :

Вотъ отколь, отколь мальчуга!
Онъ изъ родины бѣжалъ,
Онъ оставилъ мать-старуху
И отца-старика.

Давно рвались, бѣжали удалые буйные молодцы, вольные, гулящіе люди всякаго чина, внизъ по Волгѣ, на тихій Донъ казачій, въ степь саратовскую, на Яикъ и въ Приуралье. Горькое, злобное недовольство Москвой, государствомъ гнало ихъ туда въ XVII вѣкѣ. Пронеслась кровавая борьба съ Москвой буйнаго Стеньки Разина и утихла; только тихій Донъ оглашался съ тѣхъ поръ богатырскимъ, вѣковѣчнымъ народнымъ эпосомъ про Степана-свѣта Тимофѣевича, и пѣсни эти вторились на тысячи голосовъ, на разнообластныя вариации и мотивы черезъ все XVIII столѣтіе: и въ тяжолую петровщину, и въ страшно-кровавую бароновщину, и въ буйную, могучую, страшно-грозную пугачевщину. Только вмѣсто сподвижниковъ Стеньки Разина — казаковъ, эти разгульныя пѣсни прилагались къ бѣглымъ солдатамъ, къ бѣглымъ рекрутамъ, буйнымъ молодцамъ, да къ разбойникамъ. Затихъ казачій тихій Донъ послѣ Стеньки Разина. Но сквозь всѣ сдержки, положенныя Петромъ, молодецкая, разгульная, буйная удаля все прорывалась и на тихій Донъ, и въ степь саратовскую, и въ оренбургское Приуралье. Какъ ни преслѣдовали Петръ великій и его преемники стародавнихъ *вольныхъ гулящихъ людей*, а они все-таки разгуливали по чисту полю южно-волжскому. И пѣсня не даромъ слагалась про бѣглыхъ молодцовъ, зашагавшихся, загулявшихся и съ грудью прострѣленною.

Не бывавушки въ чистомъ полѣ вашаталися,
Зашатрся, загулялся доброй молодецъ
На своемъ ли на добромъ конѣ богатырскимъ.
Его бѣла грудь прострѣлена,
Миткалина рубашечка вся кровью забрызгана.
Прикачнулся добрый молодецъ, привольнулся,
Привольнулся къ тиху Дону и проч.

Рекруты, по словамъ Петра великаго, бѣжали изъ полковъ, и боясь явиться домой, шли въ «воровскія компаніи». А другіе буйные, удалые молодцы бѣжали въ южныя степи, куда въ XVIII вѣкѣ обыкновенно сбѣгались всякаго рода бѣглецы люди. И не рекрутчина только могла гнать въ XVIII вѣкѣ въ дикую степь. Мало ли могло быть горечи житейской, семейной, когда бытъ народа вообще былъ жалокъ, бѣдственъ, печаленъ. И Ломоносовъ въ то время оставилъ свою родную избушку, отца, мать, и бросился въ путь-дорогу далекую, невѣдомую, — и еслибы не обозъ, тоже могъ бы гдѣ-нибудь замерзнуть зимой, или погибнуть какъ-нибудь. И стало-быть много погибало молодцовъ въ дикой степи, когда про нихъ сложились особыя, народныя пѣсни. Напримѣръ вотъ пѣсня «про смерть молодца въ степи».

Не пыль-то въ полѣ запылалася,
 Не туманъ-то съ моря подымается :
 Подымались гуси, лебеди,
 Гуси лебеди, утки сѣрыя.
 Не сами собою они подымались,
 Яснаго сокола они испужались,
 За ѣмъ летить старъ сизой орелъ,
 Закричалъ онъ, возгаркнулъ
 Своимъ громкимъ голосомъ :
 Ужь ты стой, постой младъ ясенъ соколъ !
 Я не бить лечу, я спросить хочу :
 Ужь и гдѣ ты былъ, гдѣ погуливалъ ?
 Я гулялъ погулялъ во дикой степѣ,
 Во дикой степѣ во саратовской ;
 Налетали мы на диковинку,
 Тамъ диковинка не малая :
 Лежить тѣло бѣлое,
 Тѣло бѣлое, молодецкое.
 Не убить лежитъ онъ, неизрѣзанный,
 Вострымъ копьецемъ онъ весь исколотый.
 Кругъ его вьются три ласточки :
 Первая ластушка — родной батюшка.
 А вторая ластушка — родная матушка,
 А третья ластушка — молода жена.
 Гдѣ отецъ плачетъ, тутъ ключи текутъ.
 А гдѣ мать плачетъ — Волга матушка прошла,
 А гдѣ жена плачетъ — роса утренняя ;
 Солнышко взойдетъ, вся роса спадеть.

Послѣ къ бѣгунамъ бѣжали и такіе молодцы, бѣжали сыновья и дочери отъ отцовъ и матерей. Пристано-держатели бѣгуновъ скры-

вали ихъ у себя также гостепрѣимно, какъ и разбойниковъ. Разбойники — это особый, многозначительный въ народной исторіи типъ бѣглыхъ. Отъ мифическихъ богатырей, не чуждыхъ тѣни разбойничества, отъ новгородскихъ ушкуйниковъ, соединявшихъ въ себѣ съ разбойничьимъ характеромъ типическое новгородское отличіе, пролагателей путей колонизаціи, торговли и промышленности, отъ Стеньки Разина и его сподвижниковъ казаковъ, которые называли себя не ворами, не разбойниками, а Стеньки Разина помощниками — до разбойничества XVIII столѣтія и до пугачевщины много перемѣвъ совершилось въ духѣ народномъ, также какъ много перемѣвъ произошло въ бытѣ народномъ, отъ вѣчевой воли до государственной сдержанности, до ревизской, паспортной и т. п. крѣпостности. Разбойничество XVIII столѣтія было уже новымъ, своеобразнымъ характеристическимъ явленіемъ въ народной исторіи. Оно истекало изъ историческаго положенія крѣпостныхъ, служилыхъ и черно-рабочихъ массъ народныхъ въ XVIII вѣкѣ. Особенно порождали его солдатчина, крѣпостное право и деспотизмъ областного начальства. Разбойничество XVIII столѣтія было какимъ-то злобнымъ, свирѣпымъ мщеніемъ, большею частью направленнымъ на богачей, на дворянъ-помѣщиковъ, на начальниковъ. Часто оно было и какимъ-то дикимъ, безразборнымъ разгуломъ могучей физической силы, жаждавшей простора, кипѣвшей какимъ-то неопредѣленнымъ, несознаннымъ злобнымъ чувствомъ мщенія. Но и оно заключало въ себѣ тѣ элементы, которые послѣ вызвали согласіе бѣгуновъ и пугачевщину. Въ разбойничествѣ первой половины XVIII столѣтія выражалась какая-то свирѣпомстительная народная реакція, такимъ звѣрскимъ явленіемъ, какъ на примѣръ бироновщина. И разбойничество отчасти тоже было грубымъ, дикимъ отрицаніемъ противъ-свободныхъ, противъ-народныхъ элементовъ въ государствѣ. Оно было, такъ сказать, дикимъ, лѣснымъ бѣгунствомъ. «Воровскія разбойничьи компаніи» первой половины XVIII столѣтія, — это лѣсныя согласія бѣгуновъ, основанныя не на ученіи, не на доктринахъ, а просто проникнутые разгуломъ, разбойническимъ мщеніемъ и грабежомъ. Оттого послѣ и пристано-держатели бѣгуновъ были въ согласіи съ разбойниками, держали ихъ въ своихъ «пристаняхъ» или «мѣстахъ».

Вообще въ XVIII столѣтіи, во внутреннемъ состояніи земства, много было мотивовъ къ бѣгству всякаго рода. Ревизія душъ, раздѣливъ земство поголовною переписью на военно и гражданско служилыхъ дворянъ, на духовно-служилыхъ церковниковъ, обязанныхъ учиться «въ наележду священства», на гильдейско-цеховыхъ торговоремесленныхъ людей, на помѣщичьихъ крѣпостныхъ и на

казенно и дворцово-крѣпостныхъ людей и крестьянъ, вмѣстѣ съ табелью о рангахъ, съ казеннымъ чиновно-служебнымъ раздѣленіемъ школъ, окончательно произвело сословное раздѣленіе земства. Отсюда уже неизбежно развивался сословный антагонизмъ, дошедшій въ половинѣ XVIII столѣтія до полного развитія, до открытой неприязненности сословій. Вслѣдствіе кастально-сословнаго раздѣленія земства, вслѣдствіе отнятія молодыхъ, здоровыхъ, мощныхъ, лучшихъ рабочихъ силъ земства, крестьянства и мѣщанства, отъ мирнаго производительнаго труда, отъ своей земли и общины, для службы отвлеченнымъ, общимъ, непонятнымъ для массы народной интересамъ имперіи, казны, — естественно пришли въ хаотическое смущеніе и броженіе земскія общины. Вѣковымъ сочиненіемъ и постояннымъ измѣненіемъ табелей губерній, вѣковой перестановкой, перепиской областныхъ общинъ изъ одной провинціи въ другую, изъ уѣзда въ уѣздъ, черезполосно, нарушена была самая федеративно-територіальная областная стройность, цѣльность, естественно-историческая привычная расположенность земства, давняя всѣмъ вѣковымъ бытомъ, свободнымъ колонизаціонно-хозяйственнымъ земскимъ самоуправствомъ и самораспределеніемъ народа, опредѣленная физико-географическими, мѣстнобытовыми и этнографическими условіями. Вѣковымъ *оземствованіемъ*, ссылками, переселеніями, гоненіями перемѣшавъ сложившійся на исторической почвѣ строй и составъ общинъ, міровъ, произведена насильственная хаотическая смѣсь въ составѣ ихъ населенія. Однимъ словомъ, въ земствѣ происходилъ *расколъ*, и кастально-сословный, и политико-географическій или земско-областной, и даже этнографическій. Вслѣдствіе этого раскола, разобщенія разрозненія въ земствѣ, и расколъ старообрядства, расколъ церковно и земско-демократическій развивался еще сильнѣе, и возсталъ противъ раздѣленія челоуѣкъ на чины или на сословія, противъ ревизіи душъ, противъ самой перепутаницы земли русской, и сталъ питать нуризмъ этнографическій, антагонизмъ къ иновѣрцамъ и къ православнымъ мірянамъ, убѣгалъ изъ *міра*, боялся *оміръщенія*. Вслѣдствіе того же раскола, разобщенія, разрозненія въ земствѣ неизбежно происходила эта расплывчивость, расходчивость въ земствѣ. Такимъ образомъ произошло въ земствѣ бролжничество и бѣгство. Бѣжали земскіе люди отъ *міра*, изъ земской общины, потому что по выраженію раскольниковъ, духъ антихристовъ возвѣлъ на міръ, помутилъ міръ, согласье, разрознилъ членовъ общинъ, сдѣлалъ общины съ ихъ выборными представителями служебными орудіями имперіи. Бѣжали земскіе люди отъ рекрутчины, потому что она убивала лучшихъ производительныхъ рабочихъ силы, въ самой свѣжей

ихъ мощи и жизненности, отрывала отъ труда, матерьяльно, существенно полезнаго и для дома и для другихъ, отрывала отъ семьи родной, для войнъ, пользы которыхъ на себѣ вовсе не испытывалъ народъ, а только несъ одинъ ущербъ. Бѣжали земскіе люди отъ налоговъ, отъ податей и повинностей, потому что они въ первой половинѣ XVIII вѣка были особенно несносны, притомъ подрывала частное благосостояніе земства, земское экономическое самоустройство и самораспоряженіе. Бѣжали далѣе земскіе люди отъ крѣпостнаго ига, потому что не было мочи жить подъ помѣщичьимъ деспотизмомъ. Бѣжали отовсюду, изъ городовъ, изъ селъ, изъ казармъ, даже изъ школъ. Бѣжали горемычныя церковническія дѣти изъ бурсы семинарскихъ потому что больно-тяжело было ихъ, по выраженію духовнаго регламента «жестокостное, инокамъ подобное житіе.» Бѣжали и потому еще, что безвыходно было положеніе ихъ и по окончаніи курса; напримѣръ горемычныя студенты александровской семинаріи, въ 1747 году, такъ вопіали о своемъ безвыходномъ положеніи по выходѣ изъ бурсы, по случаю вышедшаго въ то время указа о поставленіи въ священники никакъ не ранѣе тридцати лѣтъ: «Гдѣ намъ, низайшимъ правильныхъ лѣтъ дожидаться? У родителей или сродниковъ? Но тѣхъ большое насъ число не имѣеть. Рукодѣіемъ кормиться? Но того не обучались. Куплями ли промыслять? Но и на двѣ лепты почти у всѣхъ насъ не наберется. А хотя у одного и другого изъ насъ и родитель сыщется, но и самъ онъ на силу пропитаніе имѣеть: какъ же кормить толь возрастнаго сына, отъ котораго и самъ себѣ въ такія лѣта надѣется помощи, станетъ. При семинаріи уже ни саякъ ни такъ оставаться и тридцати лѣтъ дожидаться вовсе немочно. Ибо и такъ уже бѣдственное школьническое житіе паче мѣры наскучило, вѣкъ котораго можетъ быть давно уже нвые честное себѣ заслужили прокормленіе. Итакъ мы, низайшіе, вмѣсто чаямаго за труды дванадесятилѣтніе награжденія, богъ-вѣсть, съ какою надеждою остаемся. Въ монахи постриженія нѣтъ; въ священники безъ всякаго изльтія, по тридцати лѣтъ требуется; въ дяковы желаемаго прихожаны голосу недостаетъ; въ дячки же и пономари стыдно и весьма обидно, и кромѣ посмѣянія отъ всѣхъ, и наипаче отъ тѣхъ, которые за тупостію къ ученію или другимъ коимъ недостаткамъ отставлены отъ семинаріи, и давно по мѣстамъ таковымъ опредѣлены, и живутъ себѣ благополучно, въ совершенномъ житія станѣ, больше нѣтъ чего надѣяться. Отчего и тѣмъ, которые въ класахъ обучаются, уповательно, что охота къ ученію крайне ослабѣеть.» При такомъ положеніи духовныхъ бурсаковъ, удивительно ли что въ XVIII столѣтіи множество изъ нихъ предавалось бѣгству изъ бурсы. Въ

учительскихъ каталогахъ первой половины прошлаго столѣтія часто отмѣчалось: *semper fugitiosus*. Если и въ наше время еще слышно было въ обычаѣ такъ называемое въ классическихъ журналахъ «нахожденіе въ бѣгахъ», то можно себѣ представить, что было въ прошломъ столѣтіи. Неудивительно также и то, что во второй четверти XVIII столѣтія церковники, вмѣстѣ съ крѣпостными людьми, поднимали бунты, за то что и ихъ прикрѣпляли къ помѣщикамъ или отдавали въ солдаты.

Короче скажемъ, бѣжали и бѣгали по бѣлу свѣту всякихъ чиновъ люди, но всѣхъ болѣе податные, крѣпостные и служилые. И собирались эти бѣглые въ разныя компаніи, согласія, скопища. Одни, могучіе физическими силами, собирались въ «воровскія и разбойничьи компаніи большія», и чинились по словамъ Петра великаго, вмѣсто его царскаго величества подданныхъ, злодѣи всему государству, собирались больше полустолѣтія, чтобъ произвести наконецъ *пугачевщину*. Другіе, обладая нравственными силами, движимые религіозно-политическими ученіями, бѣжали въ лѣса, въ горы, въ степи, тайно отъ правительства, основывали свои вольно-народныя колоніи, общины, въ противоположность приказно-государственной, преимущественно военной колонизаціи XVIII столѣтія, собирались въ свои мирныя общины, въ *согласія*, стремились къ особно-областному самоустройству и самоуправленію. Первые, во имя Степекъ Разныхъ, во имя Пугачевыхъ, собирались въ *воровскія и разбойничьи компаніи*, или въ *многолюдныя и вооружонныя станицы бывлыхъ драгунъ, солдатъ, рекрутъ* и казаковъ, и соединяясь съ бѣглыми крѣпостными и разночинцами, помогали, въ пугачевщину, поколебать существующій порядокъ. Вторые во имя стараго вольнонароднаго земскаго устройства, подъ знаменемъ религіозно-обрядовой старины, стремились наибольше путемъ мирной пропаганды основать вездѣ по областямъ свои общины, согласія, привести ихъ всѣ, по выраженію Федосѣевского собора 1751 года, *въ любовь и соединеніе*, и образовать изъ всѣхъ согласій общій совѣтъ или соборъ. Во второй половинѣ прошлаго и въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, зачатки федераціи старообрядческихъ общинъ, зачатки мѣстныхъ и общихъ совѣтовъ или собраній уже обнаруживали значительное развитіе.

Въ первой же половинѣ XVIII столѣтія, расколъ только окривлялся, спасался и пропагандировался путемъ бѣгства. Жестокое преслѣдованіе бѣглыхъ и разбойниковъ, жестокое гоненіе раскола, бирюзовщина усиливали бѣгство и разбойничество, ускоряли появленіе пугачевщины, озлобили и усиливали расколъ. Крѣпкія тюрьмы, желѣзныя оковы цепеняли разбойниковъ, но выры-

вале изъ сердець ихъ накинѣвшей закоснѣлой злобы. Они и въ тюрьмѣ пѣли о лѣсахъ и станахъ своихъ, какъ гласитъ старинная пѣсня :

Вы лѣса ли наши, лѣсочки, лѣса наши темные,
 Вы кусты ли наши, кусточки, кусты наши великіе,
 Вы станы ли наши, станочки, станы наши теплые,
 Вы друзья ли наши, братцы, товарищи!
 Лѣса наши всѣ порублены,
 А кусты наши всѣ поломаны,
 Всѣ станы наши разорены,
 Всѣ друзья наши товарищи переловлены.
 Во крѣпкія тюрьмы наши товарищи посажены,
 Рѣзвы ихъ ноженьки въ кандалахъ заклепаны.
 У воротъ-то стоятъ грозные сторожи,
 Грозные сторожи, brave солдатушки,
 Никуды-то намъ, добрымъ молодцамъ, ни ходу, ни выпуску,
 Ни ходу, ни выпуску изъ крѣпкой тюрьмы.
 Ты возмой, возмой туча грозная,
 Ты разбей-ко, разбей земляны тюрьмы
 Чтобы разбойнички-друзья разбѣжались.

Точно также не искоренялся, а только закалялся и крѣпъ расколъ отъ гоненій. Лѣтописи старообрядческія ужасными чертами изображаютъ страшное время бироновщины. Въ раскольничьей книгѣ, недавно вышедшей за границей, подъ заглавіемъ «церковная исторія», читаемъ на примѣръ такое сказаніе «о мучительствѣ въ станицахъ донскихъ казаковъ».

«Въ царствованіе російской императрицы Анны Іоанновны, посланный полномочный чиновникъ, прибывъ въ станицы донскихъ казаковъ для приведенія ихъ всѣхъ безъ изъятія къ новопреданнымъ церковнымъ догматамъ, и когда отнюдь не находилъ въ нихъ склонности, брѣялъ самыя жестокія мѣры, начиналъ отъ верхнихъ станицъ, перебирая поединному каждому семейству разными мучительными пытками, и ничтоже успѣвъ, наконецъ каждому семейству повелѣлъ выходить на брегъ Дона и избирать изъ двухъ едино — или присягать къ принятію новопечатныхъ книгъ въ соединеніе съ великороссійскою церковію, или на висѣлицѣ умирать, и всѣ согласились умереть. Неизъяснимымъ ужасомъ преисполнено было зрѣлище, когда изъ cadaго дома отецъ съ матерью и дѣтьми, съ неизъяснимымъ воплемъ и рыданьемъ на брегъ Дона торжественно шли за вѣру умирать, и другъ друга объемяше, отецъ сына, а мать дочь, утопали въ слезахъ. Мучитель подавалъ лишь знакъ, — и вдругъ вздергивались на висѣлицу и умирали, а по умертвіи мучитель повелѣвалъ тѣла бросать въ рѣку, да тѣмъ

пловущими мертвецами возвѣститъ и прочіимъ нижнимъ станицамъ, какова постигнетъ и тѣхъ година. Сіе дѣялось первѣе ближе съ прїѣзда объ одной сторонѣ Дона, а между тѣмъ прочія станицы, подѣ командою мудраго и къ предаціямъ святоотеческимъ всервностнаго атамана Игнатія Некрасова съ смико-возможною поспѣшностью и легкостью, въ одну ночь свелись и поднялись *въ быство всего 40,000* самыхъ домохозяевъ съ женами и дѣтьми, остави на мѣстѣ все свое домовое заведеніе и прочее тяжелое имущество, хотя у многихъ отняты были и самые конскіе табуны; но и изъ нихъ многія семейства только съ тѣломъ и душой присовокупались. Тако сей благочестивый народъ, подѣ предводительствомъ своего богомудраго атамана Некрасова единственно направлялись промысломъ божіимъ съ немалымъ препятствіемъ, однако наконецъ благополучно перешолъ Дунай въ турецкіе предѣлы. О такомъ жалостномъ послѣдствіи, сверхъ рукописныхъ исторій, между рукъ старовѣрцевъ находящихся, свидѣлствуютъ со стороны даже самихъ гонителей подлинныя слова изъ печатнаго изданія, подѣ названіемъ историческій, политическій и литературный журналъ Сынъ Отечества».

Вслѣдствіе такихъ гоненій, отъ мучительства биренова, по словамъ Болтина, бѣжало за границу неменѣе 250,000 д. муж. пола. Въ той же старообрядческой «церковной исторіи» сказано:

«Здѣсь покрайней-мѣрѣ возведемъ окрестъ мысленныя очи свои и пробѣжимъ общимъ взглядомъ нетокмо по російскимъ предѣламъ, но и по всей Европѣ, а частью и Азіи для чувствительнаго понятія, како изъ той божественной ограды столь разгнаны были словесныя овцы, что наполнились ими горы и холмы и непроходимыя лебри. Населились отъ вѣковъ ненаселяемыя отдаленныя сибирскія и кавказскія горы. Умножились російскимъ народомъ области: малоросійская, бѣлорусская, польская и бессарабская. Надѣлились тѣмъ же удѣломъ въ значительномъ числѣ цѣлыхъ обществъ многія державы: Турція, европейская и азіятская, Валахія, Молдавія, Австрія и Пруссія. И все такое безчисленное множество російскаго народа, единственно по причинѣ невозможности внутри Россіи содержать древне-церковныхъ чиновъ и уставовъ подѣ жестокимъ притѣсненіемъ и казнью, вынуждено было оставить всю приверженность свою къ отечественной природѣ и искать прибѣжища и свободы вѣры въ чужихъ предѣлахъ.»

И въ началѣ второй половины XVIII вѣка бѣглыхъ было множество. И причинъ къ бѣгству было также много. Въ первые годы царствованія Екатерины II, графъ Петръ Ив. Панинъ исчислялъ слѣдующія причины побѣговъ въ Польшу: «Обстоятельства, дѣ-

дѣлшія донныя поползновеніе къ побѣгамъ изъ Россіи въ Польшу, примѣчаются быть слѣдующія: 1) строгости духовенства и разныя какъ отъ оныхъ, такъ и отъ свѣтскихъ корыстныя градоначальническія приметы къ затвердѣвшимъ людямъ въ расколѣдѣчемъ суевѣрїи; 2) поборы въ рекруты изъ ближнихъ къ границамъ имѣній, причѣмъ и заведшее поползновеніе въ нѣкоторыхъ помѣщикахъ продавать въ рекруты отъ цѣлыхъ семей за постороннія, а не за свои уже деревни, и безъ всякаго въ томъ уваженія, какъ огорченія, такъ и разоренія остающимся ихъ семьямъ, въ которыхъ отдачу въ рекруты почитаютъ жоны мужей, а отцы дѣтей своихъ за взятые на убійство и на всеглашнее отъ нихъ отлученіе. 3) Весьма худое и не только нерачительное содержаніе рекрутъ до отправленія въ войскъ, но и случающіяся къ нимъ, какъ по многимъ слѣдствіямъ извѣстно, тягостныя корыстныя примѣтки, такъ что вмѣсто чтобъ имъ, огорченнымъ людямъ чрезъ отлучку отъ семейства своего, дѣлать всякое къ службѣ приласканіе, нестрашились примѣтками ихъ обирать и употреблять въ партикулярныя работы, да и въ самыхъ режиденціяхъ зимою прежде рекрутъ набирывали, нежели имъ квартиры приуготавливали, слѣдуя обыкновенному порядку полиціи, чтобъ напередъ именной списокъ при доношеніи въ нее вступилъ, а потомъ опредѣленіе и билеты на асигнаціи квартиръ послѣдовали, между тѣмъ же ежедневно въ множествѣ набираемые рекруты принуждены были зимою на дворѣ въ стужѣ, а ночью въ торговыхъ баняхъ въ жару къ новой службѣ приласканіе получать; остающемуся же ихъ семейству было горестнѣйшимъ то зрѣлищемъ и примѣромъ на будущее для дѣтей ихъ поборы. 4) Ничѣмъ неограниченная помѣщичья власть съ выступленіемъ въ роскоши изъ всей умѣренности, къ сборамъ съ подданныхъ своихъ собственныхъ податей и употребленіемъ оныхъ въ работы, не только превосходить примѣры ближнихъ заграничныхъ жителей, по частенько у многихъ выступающія и изъ сноспости человѣческой. 5) Возвышеніе цѣнъ безъ уваженія ближняго заграничнаго примѣру соли, безъ коей никто питаться не можетъ, и вину, къ которому подлый русскій народъ неотвращенную уже привычку имѣеть; а при продажѣ первой большія для поселянъ трудности, распространяющіяся до взятокъ; а строгость во взысканіи вольной винной продажи, употребляемая безъ уваженія же близости границъ, гдѣ въ томъ всякой свободную волю имѣеть. 6) Донныя по великому несчастію распространеннаго, особенно въ отдаленныхъ губерніяхъ, провинціяхъ и городахъ, отъ зловреднаго вкоренившася лихоимства неправосудіе и нерадѣніе безъ корысти никакимъ общимъ дѣламъ и попеченіямъ. 7) Бывшее употребленіе въ выборѣ городскихъ на-

чальниковъ для пользы вѣсылаемыхъ туда персонъ, а не для пользы поручаемыхъ имъ градоначальствъ и дѣлъ.»

По такимъ причинамъ много народу бѣжало въ Польшу, въ Австрію и даже въ Турцію. Въ Польшу старообрядцы малороссійскихъ стародубскихъ слободъ часто переводили бѣглыхъ крестьянъ, солдатъ, казаковъ. Вслѣдствіе указа 14 декабря 1762 года, дозволившаго всѣмъ бѣглымъ за границу безпрепятственно возвращаться на мѣста, отведенныя въ Сибири и на юго-востокѣ Великороссіи, — многіе изъ бѣглыхъ, и въ томъ числѣ старообрядцы, выходилъ изъ Польши и снова пускались въ странствованіе, въ южное заволжье.

Въ августѣ 1772 года, пробирался между толпой бѣглыхъ, изъ-за польской границы бѣглый казакъ, раскольникъ, средняго росту, долголицый, сухощавый; волосы на головѣ русые, борода черная съ просѣдью, глаза каріе, выразительныя; на лѣвомъ вискѣ отъ золотухи шрамъ. На вопросъ: кто? онъ назывался раскольниковъ и бывшимъ прежде пензенскимъ купцомъ Емельяномъ Ивановымъ. На пограничномъ форпостѣ онъ заявилъ желаніе идти на Иргизъ: ему дали паспортъ, и велѣли явиться въ симбирской провинціальной канцеляріи, въ вѣдомствѣ которой находился Иргизъ. Казакъ прошолъ прямо. Тамъ, — гласить старообрядческая пѣсня:

Монастырь верхней издавна стоитъ на крутой горѣ
 Во прекрасной ли во пустынюшкѣ; во зеленой во дубровушкѣ,
 Какъ прекрасенъ садъ, при рѣкѣ древа,
 При древахъ этихъ мелки пшашечки.
 Они райскія поютъ пѣсенки,
 Утѣшаютъ же они иноковъ монастырскихъ и всѣхъ трудниковъ.
 Что возговорить имъ игуменъ рѣчь,
 Наставляя всѣхъ ко спасенію:
 Вы отцы святыи соборныи
 Вы послушайте моего гласу,
 Что и надо намъ признаватися,
 Какъ мы жизнь истеряли
 Всю и во многомъ во смятеніи.
 Возведемъ очи свои къ вышнему,
 Подіемъ слезы, какъ источники.
 Мы просить будемъ самого творца,
 Чтобъ наставилъ насъ ко спасенію,
 Онъ управилъ бы жизнь полезную.
 Вы пѣвцы мои златострунные,
 Воспѣвайте пѣсни пресладкія какъ архангелы.
 Воспѣвайте, аки громъ гремитъ въ удареніяхъ...
 Мы игумену покоряемся,
 Какъ древа вси преклоняемся

А мы вышли вси во долинушку,
 Во зеленую во дубравушку.
 А мы смотримъ вси во зеленой садъ,
 Какъ при той ли, да при пустынушкѣ, при долинушкѣ,
 Протекла рѣка пребогатая;
 Отъ нея же мы, всѣ питаемся,
 Рыболовствомъ всѣ занимаемся.
 Какъ при той же, да при рѣчушкѣ,
 Молодые всѣ вышли иноки,
 И при правныхъ всѣ при лодочкахъ,
 Рыболовнички всѣ держать неводы.

Это былъ монастырь иргизскій. Бѣдный путникъ въ немъ остановился, и былъ принять ласково игуменомъ Филаретомъ, который непреминулъ дать ему наставленіе въ духѣ старообрядства.

Госдя въ монастырѣ иргизскомъ, странникъ ходилъ по окрестнымъ селамъ; особенно часто ходилъ въ мечетную слободу малыковской волости, гдѣ крестьяне были раскольники, и знакомился съ крестьянами. Игуменъ иргизскій и не зналъ, какъ и куда потомъ дѣвался незнакомый пришлецъ.

Любопытно вообще какъ тогда, въ эпоху появленія бѣгуновъ, бѣглые расказывали по бѣлу-свѣту. Но этотъ бѣглець былъ особенно загадоченъ.

Въ ноябрѣ 1772 года, его видѣли съ раскольникомъ мечетной слободы Семеномъ Филиповымъ, въ яицкомъ городкѣ, въ домѣ отставного казака Дениса Пьянкова. Тутъ разъ хозяинъ спросилъ его, по поводу ходившаго на Яикъ слуха:

— Что будто бы въ Царицынѣ явился государь Петръ Федоровичъ!

Бѣглый незнакомецъ съ особенно-утвердительною тономъ отвѣчалъ:

— Это правда, и онъ подлинный царь Петръ Федоровичъ, и хотя его въ Царицынѣ поймали, да онъ ушолъ, а вмѣсто его замучили другого.

— Какъ этому можно стать! Вѣдь Петръ Федоровичъ умеръ! съ сомнѣніемъ возразилъ Пьянковъ.

— Неправда, отвѣчалъ бѣглець: — онъ также спасся и въ Петербургѣ отъ смерти, какъ и въ Царицынѣ.

Пьянковъ, опасаясь бѣды, не захотѣлъ дальше любопытствовать, и замолчалъ. Но бѣглець былъ очень заинтересованъ разговоромъ, и послѣ непродолжительнаго молчанія, самъ завелъ такой разговоръ:

— Какъ вамъ, яицкимъ казакамъ, не стыдно, что вы торяте такое притѣсненіе въ вашихъ привилегіяхъ!

— Чтожь дѣлать-то? отвѣчалъ Пьянковъ: — такъ видно тому и быть.

— Да не лучше ли вамъ выйти съ Яику, заговорилъ бѣглець: — выйти съ Яику въ турецкую область, на Лобу рѣку, а на выходѣ я вамъ даю денегъ, на каждую семью по двѣнадцати рублей.

При этомъ бѣглець прихвастнулъ, что будто у него на границѣ оставлено до 200 тысячъ рублей, да на 70 тысячъ товару.

— Если же, прибавилъ онъ: — яицкое войско согласится бѣжать, то изъ своихъ денегъ буду оное коштовать.

Пьянковъ съ сомнѣніемъ возразилъ на это:

— Да гдѣ ты таки деньги возьмешь, и что ты подлинно за человекъ?

— Я, отвѣчалъ бѣглець: — я заграничный торговый! и сталъ дальше говорить на ту же тему:

— Когда вы выйдете за границу, то всѣхъ васъ съ радостью встрѣтитъ турецкій паша: онъ, ежели будетъ нужда въ деньгахъ войску на проходѣ, то дастъ еще хоть и до пяти миліоновъ рублей.

Пьянковъ не сталъ дальше слушать, и велѣлъ ему больше не говорить такихъ рѣчей. Отъ Пьянкова бѣглець каждый день ходилъ на базарь, и все толковалъ что-то съ народомъ.

Потомъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1773 года, видѣли этого таинственнаго бѣглеца, какъ пробирался онъ ужъ изъ тюрьмы казанской на Узени, въ Камышъ-Самору. Мѣсто это тогда было непроходимое: кругомъ лѣсъ, а въ лѣсу трясины и болота. Тутъ скрывались бѣглецы. Тутъ и вокругъ незнакомаго бѣглеца собралось человекъ семь бѣглыхъ казаковъ, да семь же человекъ раскольничьихъ старцевъ. Тутъ они держали совѣтъ, склонить на свою сторону яицкихъ казаковъ, вовремя плавки рыбы, и съ помощью ихъ взять яицкій городокъ, побить всѣхъ старшинъ и потомъ идти на Оренбургъ...

Затѣмъ видѣли незнакомаго бѣглеца въ половинѣ іюля: онъ ѣхалъ въ Жаловицкій уметъ, отстоящій отъ яицкаго городка въ 50-ти или 60-ти верстахъ, ѣхалъ одинъ въ кибиткѣ, запряженной парой лошадей, въ мужичьемъ платьѣ; при немъ было ружье, котелъ мѣдный и мѣшечекъ съ слобными лепешками. По пріѣздѣ въ уметъ, содержателю его, пахатному солдату симбирскаго уѣзда, Степану Максиму Оболяеву, по народному прозванью — Еремной-курицѣ, онъ сказался пензенскимъ купцомъ Иваномъ Ивановымъ: «былъ де онъ въ яицкомъ городкѣ за покупкой рыбы, и тамъ оставя свой обозъ, велѣлъ оному за собой ѣхать, а самъ напередъ поѣхалъ было въ Пензу, но на дорогѣ лошади забѣглись,

разбили телѣгу»; а потому и просилъ уметчика пробить у него, пока дождется свой обозъ, обѣщая ему за то заплатить. Уметчикъ пустилъ пожить. Бѣглый незнакомецъ принялся за прѣмыселъ: сталъ стрѣлять по степи сайгановъ, и ими самъ питался и кормилъ уметчика. Уметчикъ былъ радъ жильцу промышленному, особенно когда увидѣлъ, что жилецъ старообрядецъ, — крестится двуперстнымъ знаменіемъ. Такъ недѣлю пробылъ бѣглый незнакомецъ у уметчика, высматривалъ, да выпытывалъ его, не переметчикъ ли. Черезъ недѣлю онъ наконецъ рѣшился откровеннѣе заговорить съ нимъ:

— Что ты, Степанъ Максимычъ, знаешь: вѣдь я тебя обманулъ, что сказался пензенскимъ купцомъ, а я вѣдь не купецъ, но дубовскій казакъ, и не Иваномъ меня зовутъ, а Петромъ Ивановымъ.

Уметчикъ Еремина-курица почти и не обратилъ вниманія на эти слова жильца, а заботился главнымъ образомъ объ обозѣ, считывая вѣроятно поживиться отъ него.

— Такъ поэтому ты и объ обозѣ-то солгалъ? только и спросилъ онъ.

Ловкій бѣглецъ, смекнувъ тотчасъ корыстолюбіе уметчика, и не желая вдругъ оказаться обманщикомъ, отвѣчалъ:

— Нѣтъ, это я не солгалъ, а правда: я на сихъ дняхъ его сюда ожидаю.

Уметчикъ Еремина-курица этому и повѣрилъ, и обходился съ жильцомъ дружно. А этотъ, узнавши простоту его и снисходительность къ бѣглецамъ, рѣшился наконецъ открыть ему свой замыселъ. Черезъ двѣ недѣли, по пріѣздѣ, былъ онъ въ банѣ съ хозяиномъ, и послѣ бани, заведя разговоръ стороной, спросилъ уметчика:

— Что, Степанъ Максимычъ, лавича ты былъ со мной въ банѣ, примѣтилъ ли ты на мнѣ царскіе знаки?

А уметчикъ съ усмѣшкой и равнодушно отвѣчалъ:

— Какіе знаки? я ихъ отроду нетолько невидывалъ, да и не слышивалъ.

Бѣглецъ теперь совсѣмъ убѣдился, что простотѣ-уметчику можно все говорить.

— Этакая ты простая курица, сказалъ онъ: — ужь царскихъ знаковъ неслыхивалъ! я тебѣ ихъ когла-нибудь прядцкихъ казакахъ покажу.

— Чтоже это, Петръ Ивановичъ, спросилъ тутъ уметчикъ, затронутый нѣсколько любопытствомъ: — к чему ты это говоришь? какии на тебѣ быть царскимъ знакамъ?

— Эдакой ты безумный, отвѣчалъ бѣглецъ: — ужь того-то не

догадался, к чему я это говорю! Въдь я не купецъ и не казакъ, такъ какъ тебѣ сказался, а государь вашъ Петръ Федоровичъ!

Тутъ уметчикъ Еремина-курица испугался, что онъ принималъ жильца за простаго человѣка, однакожь осмѣлился еще спросить:

— Да какъ же это я слышалъ, что государь померъ?

— Врешь, сказала бѣглець: — Петръ Федоровичъ живъ, а не умеръ: ты смотри на меня такъ, какъ на него. Я былъ за моремъ и пріѣхалъ въ Россію прошедшаго года. И услыша, что яцкіе казаки приведены всѣ въ разоренье, такъ нарочно для нихъ я сюда на выручку пріѣхалъ, и хочу, если Богъ допуститъ, опять вступить на царство.

Уметчикъ тутъ сталъ кланяться и просить прощенья, что обращался съ нимъ попросту. Спустя нѣсколько дней, къ уметчику пріѣхалъ знакомый казакъ, Закладновъ, попросить лошади. Когда Закладновъ сѣдлалъ за плетнемъ лошадь, уметчикъ подошелъ къ нему, и указывая на бѣглеца, который виднѣлся изъ сарая, спросилъ полушопотомъ:

— Что, Гриша, какъ ты думаешь объ этомъ человѣкѣ? какой онъ человѣкъ?

— Почему я могу знать что онъ за человѣкъ, отвѣчалъ Закладновъ.

— Вишь, объяснялъ дальше уметчикъ съ какою-то таинственною торжественностью: — вишь это государь Петръ Федоровичъ. Онъ говоритъ, что имѣетъ на себѣ царскіе знаки и нарочно сюда на выручку къ вамъ пріѣхалъ. Онъ приказалъ тебѣ сказать, чтобы ты открывалъ о немъ войсковою руки надежнымъ казакамъ.

Закладновъ содрогнулся. Тутъ бѣглець-самозванецъ вышелъ изъ сарая и сказалъ самъ уже Закладнову:

— Что, Гриша, слышалъ ты отъ Ереминой-курицы обо мнѣ?

— Слышалъ, государь! поклонясь отвѣчалъ Закладновъ.

— Ну смотри же, Гриша, говорилъ бѣглый самозванецъ: — рассказывай обо мнѣ дома надежнымъ людямъ войсковою руки, да смотри объясняй по тайности, такъ чтобы и жены ваши не знали, и берегитесь старшинской руки, чтобы какъ не провѣдали обо мнѣ. Пришли ко мнѣ сюда отъ войска человѣкъ двухъ нарочитыхъ людей: я съ ними поговорю и скажу имъ, что надо сдѣлать.

Накорня Закладного на дорогу завтракомъ, самозванецъ еще разъ провожая его сказалъ:

— Смотри же, Гриша, не забудь, пришли ко мнѣ казаковъ, а самъ съ ними пріѣзжай. Да проворъ скорѣе!

— Хорошо, сударь, слышу! отвѣчалъ Закладновъ, и взялся за пропаганду пугачевщины.

Такие между прочимъ бѣглецы скрывались въ прошломъ вѣкѣ въ массѣ бѣглыхъ, и потомъ мало-помалу выдвигались на отчаянные подвиги или самозванства, или разбойничества, или религіозно-политической проаганды. И вотъ какъ выдвинулся изъ толпы такихъ бѣглецовъ, прошолъ черезъ скиты старообрядческіе знаменитый бѣглый казакъ зимовейской станицы, раскольникъ вѣтковской и иргизской, *Емельянъ Ивановъ Пугачевъ*. И съ какимъ демократическимъ тактомъ началъ онъ свое отчаянное дѣло! Изъ Польши, откуда вышелъ и первый самозванецъ, идетъ онъ прямо въ приуральское заволжье, въ этотъ необъятный, вѣковой притонъ, омутъ сброднаго народа, куда стекались въ XVIII вѣкѣ самые отчаянные бѣглецы, послѣдніе вольные, гулящіе и голутвенные люди цикла и закалу Стеньки Разина, гдѣ скоплялись всѣ элементы, вся накипь, наболь народнаго недовольства, и раскольниковъ, и крѣпостного, и заводскаго и проч. Бѣглецъ съ могучей натурой идетъ къ своимъ же сброднымъ бѣглецамъ, къ яцкимъ казакамъ, въ которыхъ тоже еще не охладѣлъ закалъ Стеньки Разина, закалъ, поддерживаемый теперь еще расколомъ. Давно эти сбродные, удалые, буйные молодцы старой повольничьей, ушкуйничьей породы сбѣжались на Яикъ. Сначала они тоже, подобно вольницамъ, дружинамъ Ярмака Тимофѣича или Степана Разина, удалствомъ и разбоемъ промышляли по Каспійскому морю и по Волгѣ. Потомъ, натѣшившись вдоволь удалыми разбоемъ, въ волю нагулявшись по широкому раздолью степи саратовской, по Волгѣ и морю, рѣшились наконецъ основать вольную осѣдлую общину: «собрався учинили советъ» и предалися подъ власть Россіи при царѣ Михаилѣ Федоровичѣ. Имъ дана была «жалованная грамота на рѣку Яикъ съ сушими при ней рѣки и притоки и со всякими угодами отъ вершинъ той рѣки до устья». Они набрались бѣглыми всякаго рода, вольными, гулящими людьми и образовали военно-демократическую общину. Демократическая воля въ нихъ до того была сильна, необуздана, что съ 1721 года, когда они подчинены были вѣдѣнію военной коллегіи, до 1770 года, они непрерывно вели открытую, неуступную борьбу съ ограничительными притязаніями начальства. Борьба эта достигла высшей степени разгара, когда въ яцкій городокъ пришолъ Пугачевъ. Казаки раздѣлились тогда на двѣ партіи: на *несогласныхъ* или казаковъ *войсковой руки*, и на *согласныхъ* т. е. сторонниковъ старшинъ и правительства или *старшинной руки*. Пугачевъ сразу понялъ силу и значеніе первой чисто-демократической партіи, и съ нею-то пошолъ въ походъ. И зашевелился, задвигался весь юговосточный край имперіи, зашевелились русскіе и инородцы, затряслось все южное приволжье и заволжье, затряслись уральскіе

заводы и зауральская Сибирь. Полетѣли возмутительные листы, манифесты, но многоглаголиво-краснорѣчивые, а затрогивающіе самое сердце и всѣ вѣковые помыслы, желанія и ожиданія народа: «дарю волей и землею, и рѣкою, и травами, и морями, и хлѣбными провантомъ, и крестомъ, и бородею, и свинцовъ и порохомъ». И слова эти, какъ самая горячая, пламенная искра, просто произвели пожаръ въ сердцахъ народныхъ. И пламя пугачевщины пылало. Крѣпостныя, тяжело-податныя, рабски-служебныя, тяжко-чернорабочія основы имперіи заколебались. А буйные, давшіе волю физической силѣ казаки говорили: «то ли еще будетъ, такъ ли еще трянемъ Москвою» т. е. государствомъ. И ужаснулось правитель-ство. «Богъ знаетъ, чѣмъ все это кончится!» говорила Екатерина. «Зло превелико, ужасно», писалъ ей Бибиковъ: «ухъ дурно!.. Не Пугачевъ важенъ и не воры казаки, а важно общее неодованіе.»

Въ самый разгаръ пугачевщины разъ стоялъ въ Москвѣ на часахъ молодой солдатъ, и пѣлъ такую пѣсню:

Охъ ты, батюшка, Ленбурхъ городъ!
 Про тебя, Ленбурхъ, идетъ славушка,
 Слава добрая, нарѣчье хорошее,
 Будто ты, Ленбурхъ, на красѣ стоишь, на крутой горѣ,
 На крутой горѣ, на жолтымъ пескѣ,
 На жолтымъ пескѣ, разсыпчатый,
 На трехъ рѣчущахъ, да на устьицахъ.
 Да первая рѣчуща течетъ Самарушка.
 Другая рѣчуща — Яикъ рѣка,
 Третья рѣчуща — Уралъ рѣка.
 По Уралъ рѣкѣ живутъ казаченьки,
 По Самарушкѣ живутъ татарушки,
 По Уралу цулла генералъ-Пугачъ.
 Какъ во матушкѣ было во каменной-Москвѣ,
 Молодой-то солдатъ на часахъ стоитъ,
 На часахъ стоитъ, себѣ рѣчи говорить:
 «Не дають-то мнѣ, доброму молодцу,
 Воюшку во Ленбурхъ сходить,
 Во Ленбурхъ сходить, Пугача убить.»

Но въ то время, какъ этотъ солдатъ, вѣрный царю и отечеству до капли крови, или просто жаждавшій только дать волюшку, разгуль молодецкой силѣ, удали, съ такимъ порывомъ зарился Пугача убить, въ то самое время толпы солдатъ убѣгали съ часовой службы, изъ полковъ, даже изъ крѣпкихъ тюремъ. Издавна, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ началась въ Россіи рекрутчина, скаты и слободы старообрядческія, глухія провинціальныя захоластья, даже помѣщичьи избыты наполнены были бѣглыми солдатами и рекру-

тами. Полное собраніе законовъ первой половины и особенно первой четверти XVIII вѣка наполнено указами о бѣглыхъ солдатахъ и рекрутахъ. Въ первой четверти прошлаго столѣтія изъ бѣглыхъ солдатъ, драгунъ и рекрутъ образовались многочисленныя «вооруженныя компаніи», къ которымъ приставали бѣглые и крѣпостные люди. Солдаты по сто, по двѣсти и больше, верхами, съ ружьями, въ регулярномъ порядкѣ разъѣзжали по многимъ уѣздамъ и грабили помѣщичьи имѣнья. Лѣса наполнены были большими скопищами бѣглыхъ солдатъ, гдѣ они приставали иногда и къ «разбойничьимъ компаніямъ». Тамъ, въ темной чащѣ лѣсовъ, свѣтились по ночамъ огни: вокругъ нихъ сидѣли солдаты бѣглые, безпашпортные. Или собирались они, «сходилися на полянушку, на широкою». И старая, гремучая, завѣщанная бойцами Стеньки Разина пѣсня раздавалась по лѣсамъ :

• Ты взойди-ко, взойди солнце красное;
 Обогрѣй ты насъ, добрыхъ молодецъ,
 Солдатъ бѣглыхъ, безпашпортныхъ.

А. ЩАПОВЪ

ИЗЪ ГОРАЦІЯ

Отрокъ вѣжнѣй, мнѣ не надо
Чаръ полунощныхъ пировъ —
Не носи-жь ты мнѣ изъ сада
Шышныхъ розовыхъ вѣнковъ.

Лучше миртовую вѣтку
Свей вѣнкомъ надъ головой
И пойдемъ скорѣй въ бесѣдку
Подъ навѣсъ лозы густой.

ВСЕВОЛОДЪ КРЕСТОВСКІЙ

ЛЕРМОНТОВЪ И ЕГО НАПРАВЛЕНІЕ

КРАЙНІЯ ГРАНИ РАЗВИТІЯ ОТРИЦАТЕЛЬНОГО ВЗГЛЯДА (¹)

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

ЭЛЕМЕНТЫ ПОЭТИЧЕСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ЛЕРМОНТОВА

I

ВВЕДЕНІЕ

Опозиція застоа не даромъ накинута съ ожесточеніемъ на Лермонтова при самомъ первомъ его появленіи на литературную арену.

То была великая художественная сила, которая шла такъ-сказать на помощь къ отрицательному взгляду, узаконивала его неясныя предчувствія, раскрывала ему новые обширные горизонты.

Ни оппозиція застоа, ни самъ отрицательный взглядъ не знали еще тогда, да конечно и не могли знать, что эти обширные горизонты, въ сущности только миражъ, что за ними, за этими туманными картинками, поворотъ къ почвѣ, поворотъ къ народности, что

(¹) Начиная снова прерванный мною на время рядъ статей о развитіи идеи народности въ нашей литературѣ со смерти Пушкина и до настоящей минуты я считаю необходимымъ напомнить нумера «Времени» за 1861 годъ: II, III, IV и V, въ которыхъ помѣщены статьи: 1) Вступленіе. Народность и литература. 2) Западничество въ русской литературѣ, причины происхожденія его и силы. 3) Бѣлинскій и отрицательно-централизаціонный взглядъ. 4) Опозиція застоа, нѣкоторыя черты изъ исторіи мракобѣсія.

Глава о Лермонтовѣ составляетъ непосредственное продолженіе начатаго мною изслѣдованія.

въ самомъ Лермонтовѣ готовился по справедливой догадкѣ Гоголя одинъ изъ великихъ живописцевъ нашего быта.

Истиняктивно-пророческое предвиденіе великихъ поэтовъ — фактъ несомнѣнный, хотя вовсе не мистическій, а объясняемый стихійными началами ихъ природы, ея самостоятельными данными, которые, даже и подчиняясь могущественнымъ вѣяніямъ эпохъ, упорно, хотя сначала и смутно заявляютъ свою самостоятельность.

Нѣтъ! я не Байронъ — я другой
Еще невѣдомый избранникъ,
Какъ онъ же чуждый міру странникъ,
Но только съ русскою душой,

говорить о себѣ самъ Лермонтовъ въ одномъ изъ своихъ такъ-сказать кабинетныхъ, домашнихъ стихотвореній, — и лучшую характеристику едвали можетъ придумать критика.

Благодаря послѣднему, довольно полному и толковому изданію всего того, что оставилъ намъ въ наслѣдство этотъ великій во всякомъ случаѣ, хотя невысказавшійся даже въ половину духъ, характеристика эта ясна до очевидности.

Въ ней, въ этой характеристикѣ, двѣ стороны. Поэтъ хочетъ заявить свою самостоятельность — но между тѣмъ, фактъ отъ котораго онъ ее отстаиваетъ, т. е. Байронъ и его вліяніе, явнымъ образомъ его еще беспокоитъ. Съ этимъ громаднымъ фактомъ онъ еще мучительно, болѣзненно борется.

Борьба была прервана рокомъ въ тотъ самый мигъ, какъ она только переходила въ новый фазисъ. Едва только еще отдѣлился поэтъ отъ мучившаго его призрака, едва свелъ его изъ туманно-неопредѣленныхъ областей, гдѣ онъ являлся ему «царемъ иѣмымъ и гордымъ» въ общежитійскія сферы, въ которыхъ живетъ и дѣйствуетъ маскированный гвардеецъ Печоринъ, еще онъ не успѣлъ хорошенько приглядѣться къ пойманному имъ образу, увидать въ немъ комическую сторону, съ которой неминуемо долженъ былъ начаться поворотъ... какъ смерть сразила его.

Великій поэтъ является передъ нами еще весь въ элементахъ, съ проблесками великой правды, но еще неуяснившейся нисколько самостоятельности, не властелиномъ тѣхъ стихій, которыя заключались въ его эпохѣ и въ немъ самомъ какъ высшемъ представителѣ этой эпохи, а еще слѣпою, хотя и могущественною силою, несущуюся впередъ стремительно и почти бессознательно.

Стремленія этой силы для насъ теперь уже прошедшее, и какъ всякое прошедшее могутъ быть разъяснены: въ нихъ можемъ мы теперь уловить залогов и проблески самостоятельности, можемъ раз-

гадать даже смыслъ ихъ движенія, при пособіи послѣдовавшихъ за Лермонтовымъ литературныхъ явленій, вызванныхъ толчкою, которая дала его поэтическая сила, но во всякомъ случаѣ самъ онъ для насъ представляется не завершенною, а стихійною силою.

Вотъ почему прежде чѣмъ говорить о немъ самомъ безотносительно, необходимо говорить о тѣхъ элементахъ, изъ которыхъ началась его поэтическая дѣятельность.

Въ Лермонтовѣ, на самый первый, поверхностный взглядъ представляются двѣ стороны. Это: *Арбенинъ* или *Арбенъевъ*, какъ онъ названъ въ прозаическомъ отрывкѣ, «Воспитаніе Арбенъева» (я беру нарочно самое первое, юношески-откровенное и рѣзкое выраженіе типа) и *«Печоринъ»*. Внимательное изслѣдованіе поможетъ вѣроятно найти еще и третью сторону, но на первый разъ очевидны только двѣ.

Арбенинъ (или все-равно: Арсеній въ «бояринѣ Оршѣ», «Мцыри», и проч.) это необузданная страстность, рвущаяся на широкій просторъ, почти-что безумная и слѣпая сила, воспитавшаяся въ дикихъ понятіяхъ, вопіющая противъ всякихъ общественныхъ условий, исполненная къ нимъ ожесточенной ненависти. сила, которая сознаетъ на себѣ «печать проклятья» и гордо носитъ на себѣ эту печать; сила отчасти звѣрская, которая сама въ лицѣ Мцыри говорить:

Какъ-будто самъ я былъ рожденъ
Въ семействѣ барсовъ и волковъ.

Пояснить возможность такого настроенія души поэта однимъ влияніемъ музы Байрона, однимъ вѣяніемъ байронизма, нельзя, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя и отвергнуть того, что Лара коснулся обявіемъ своей поэзіи, подкрѣпилъ, оправдалъ и толкнулъ впередъ тревожныя требованія души поэта.

Байронъ и его влияніе однимъ словомъ, несомнѣнны, отражаются въ поэтической физіономіи Лермонтова чертами гораздо болѣе рѣзкими, чѣмъ на болѣе гармонической и раньше достигшей самостоятельности натурѣ Пушкина; но самые элементы такого настроения «русской души» поэта могли зародиться только или подъ гнетомъ жизненной обстановки, славявающей страстные порывы *Мцыри* и *Арсенія*, или на дикомъ просторѣ разгула и неистоваго произвола страстей, на которомъ выросли впечатлѣнія Арбенина.

Вѣдь приглядитесь къ нимъ поближе, къ этимъ туманнымъ, но могучимъ образамъ: — за Ларою и Корсаромъ, проглядываетъ въ нихъ можетъ-быть Стевьякъ Разинъ, хотя съ другой стороны несомнѣнно, что Лара и Корсаръ давили воображеніе поэта.

Не всматриваясь еще заранѣе въ другую сторону лермонтовскаго типа, въ «Печоринѣ», я останавливаюсь на этой сторонѣ и неминуемо долженъ говорить 1) сперва:

О Байронѣ и о матеряхъ важныхъ,

а 2) потомъ о романтическомъ броженіи эпохи, котораго полнѣйшимъ и самымъ яркимъ представителемъ, даже завершителемъ является Лермонтовъ.

Байронъ и байронизмъ какъ общее, и нашъ русскій романтизмъ какъ особенное — вотъ элементы того Лермонтова, какой намъ остался въ его произведеніяхъ. Чтобы добраться до оригинальности этой физиономіи нужно прежде разсмотрѣть ихъ, эти элементы, слѣдя разумѣется повсюду отношеніе самой натуры поэта къ этимъ элементамъ его эпохи, его обстановки.

II

О БАЙРОНѢ И О МАТЕРЯХЪ ВАЖНЫХЪ

Есть большая разница между понятіемъ о Байронѣ его эпохи и нашей, между понятіемъ о немъ его собственнаго отечества и понятіями французовъ, нѣмцевъ и нашими, равно какъ и въ самую эпоху его дѣятельности было различіе между взглядомъ толпы и взглядомъ людей, стоявшихъ съ нимъ въ уровень. Гёте смотрѣлъ напримѣръ на Байрона нѣсколько свысока; онъ изобразилъ его въ «Эйфоріотъ» своего Фауста.

Icarus, Icarus.

Leiden genug!

Молодую, необузданно-порывистую и отчасти неразумную, но ничѣмъ не удержимую силу видѣлъ онъ въ немъ, блестящій метеоръ, рассыпащійся прахомъ. Замѣчательнѣе же всего, что не Прометеемъ, а юношей, только-что вышедшимъ изъ отрочества, представлялъ себѣ многодумный веймарскій старецъ этого, въ глазахъ толпы, мужа борьбы съ людьми и съ судьбою, этого мрачнаго скитальца, проклинавшаго свою туманную родину, этого таинственнаго Лару, душа котораго бездонна, какъ бездна, и темна, какъ бездна. Для него, умѣвшаго однако понимать борьбу прометеевскую, создавшаго сатаническій образъ Фауста, для него, возложившаго въ уста своего Прометейя все энергическое что человѣческая гордость можетъ сказать о себѣ.

Ich — dich ehren? Wofür?

Da sitz ich,
Forme Menschen
Nach meinem Bilde.

Демоническій духъ Байрона былъ ясенъ, и ясенъ былъ самъ поэтъ, яснѣе можетъ быть чѣмъ былъ онъ, или просто сказать, чѣмъ хотѣлъ быть для самаго себя; хотѣлъ быть — потомучто слыш-комъ хотѣлъ казаться таковымъ толпѣ.

Нашъ Пушкинъ, которому дано было расти, т. е. быть и отрокомъ, и юношей, и мужемъ, который былъ бы безъ сомнѣнія и мудрымъ старцемъ, еслибы трагическое начало, тяготящее надъ судьбою нашихъ поэтовъ, не пересѣкло нити его теченія въ самую пору мужества, представлялъ себѣ этого «властиителя духа» своего поколѣнія въ видѣ моря, обращаясь къ сему послѣднему :

Онъ былъ, о море! твой пѣвецъ...
Твой образъ былъ на немъ означенъ,
Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ,
Какъ ты, великъ, могучъ и мраченъ,
Какъ ты, ничѣмъ неукротимъ.

Въ другихъ случаяхъ онъ называетъ его «поэтомъ гордости», («Какъ Байронъ, гордости поэтъ») и, разумѣя глубоко значеніе его поэзіи, равно какъ и самый ея источникъ :

Лордъ Байронъ прихотью удачною
Облекъ въ унылый романтизмъ
И безнадежный эгоизмъ...

ясно видитъ притомъ, какимъ вѣкомъ эта поэзія вызвана :

Свидѣтелямъ бывъ вчерашняго паденья,
Едва опомнились младыя поколѣнья,
Жестокихъ опытовъ собирая поздній плодъ;
Онѣ торопятся съ расходомъ свести приходъ,
Имъ нѣкогда шутить, обѣдать у Темиры,
Иль спорить о стихахъ. Звукъ новой, чудной лиры,
Звукъ лиры Байрона едва развлечъ ихъ могъ.

Ламартинъ одинъ почти призналъ въ Байронѣ то, чѣмъ Байронъ хотѣлъ казаться, — поэтическаго сатану, и даже подвергъ, въ угоду байроновскому обаянію, сомнѣнію вопросъ о томъ, точно ли зло есть зло, и добро — добро?

Toi dont le monde encore ignore le vrai nom,
Esprit mystérieux, mortel, ange ou démon,

Qui que tu sois, Byron, bon ou fatal génie —
 J'aime de tes concerts la sauvage harmonie,
 Comme j'aime le bruit de la foudre et des vents,
 Se mêlant dans l'orage à la voix des torrents ;
 La nuit est ton séjour, l'horreur est ton domaine,
 L'aigle, roi des déserts dédaigne ainsi la plaine :
 Il ne veut, comme toi que des rocs escarpés
 Que l'hiver a blanchis, que la foudre a frappés...

Наконецъ любопытно еще отношеніе къ Байрону Жуковскаго и Козлова, поэтовъ не равныхъ между собою по силамъ дарованій, но такъ-сказать однозвучныхъ; любопытно какъ свидѣтельство могущественнаго вліянія Байрона на натуры, даже совершенно чуждыя мрачнаго байроновскаго настроенія, на натуры кроткія и задумчивыя: вліяніе это указываетъ на одну изъ существенныхъ сторонъ байровова таланта, одну изъ тѣхъ сторонъ, которыми онъ самъ былъ отраженіемъ существенныхъ сторонъ духа человѣческаго. Все что есть мрачно-унылаго, фантастически-тревожнаго, безотрадно-горестнаго въ душѣ человѣческой и что по существу своему составляетъ только крайнюю и сильнѣйшую степень грусти, меланхоліи, суевѣрныхъ предчувствій и суевѣрныхъ обаяній, лежащихъ въ основѣ поэзіи Жуковскаго и въ тонѣ таланта Козлова, — все это нашло для себя въ Байронѣ самаго глубокаго и энергическаго выразителя: никто короче его не знакомъ съ мрачнымъ міромъ однообразно-болѣзненныхъ скорбей, въ которомъ мелькаютъ только

образы безъ лицъ,
 Безъ протяженія и границъ.

Никто не постигъ такъ глубоко всего что есть величаво-унылаго въ развалинахъ, никто не знаетъ такъ хорошо призрачной натуры привидѣній, дѣйствія производимаго на организмъ прикосновеніемъ ихъ длинныхъ мраморно-бѣлыхъ и провзительно холодныхъ перстовъ («Явленіе Франчески Альпу»), никто не подмѣтилъ такъ вѣрно и страшно, судорожныхъ движеній пальцевъ, «невольна бьющихся о чело»; никто не сумѣетъ заставить, какъ онъ, страдать читателя вмѣстѣ съ его Ларой всѣми ужасами безсонной и таинственной ночи. Байронъ великій виртуозъ на этихъ струнахъ души, виртуозъ, извлекающій изъ этихъ тревожныхъ струнъ звуки, потрясающіе натуру человѣческую вообще, и потому естественно, что онъ дѣйствовалъ магически на такія натуры, въ которыхъ особенно развита была чуткость этихъ струнъ.

Наконецъ, что касается до отношеній толпы или лучше-сказать

мѣщанства къ Байрону, то едва ли не явнѣе всѣхъ усмотрѣлъ и по-
равительнѣе высказалъ всю неправильность, фальшь и смѣшную
сторону этихъ отношеній нашъ Грибоѣдовъ, заставившій своего Ре-
нетилова разсуждать съ достойными членами его «секретнѣйшаго
союза по четвергамъ».

О камерахъ, присяжныхъ,
О Байронѣ... ну, объ матеряхъ важныхъ.

Въ самомъ дѣлѣ для свѣтской толпы, французской ли, нашей ли
— та и другая равно невѣжественны. — тупоумной ли нѣмецкой, Бай-
ронъ равно принадлежалъ къ числу «важныхъ матерій», о кото-
рыхъ можно потолковать на досужи, т. е. пережевывать взгляды лю-
дей высшихъ, не понимая ихъ.

Отношеніе къ Байрону собственной его страны опредѣлялось все-
тѣмъ, что онъ былъ эксцентрикъ и, какъ таковой, не подлежалъ
уже никакому дальнѣйшему суду; довольно того, что онъ вышелъ
изъ условныхъ орбитъ условнѣйшаго существованія: онъ могъ быть
хуже или лучше того, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, это уже ни-
чего не прибавило и не убавило бы въ его эксцентрическомъ об-
разѣ.

Таковы различныя отношенія собственно къ Байрону и къ его
таланту. На всѣхъ онъ болѣе подѣйствовалъ такъ-сказать стихій-
ными своими началами: Гёте видѣлъ нѣчто слѣпое въ необузданной
силѣ его таланта; Пушкинъ, поэтизируя эту слѣпую силу, прови-
калъ разумно въ ея личныя пружины; Жуковский и Козловъ со-
чувствовали великому виртуозу на струнахъ души, имъ также, хотя
и не въ такомъ сильномъ стрѣбѣ, доступныхъ... Ламартинъ только
въ посланіи, изъ котораго приводилъ я отрывокъ, посланіи въ ко-
торомъ Байронъ, каковымъ онъ хочетъ казаться, изображается, на-
добно отдать справедливость, — весьма поэтически, — Ламартинъ
только, какъ выразитель въ этомъ случаѣ потребностей цѣлой пре-
сыщенной и выстѣ жадной эпохи, взялъ все на вѣру и притомъ имъ
впервые узаконено слѣпое стихійное начало, *байронизмъ*, это осо-
бое повѣтріе, особый зловѣщій и фосфорическій блескъ, увѣнча-
ннй сначала голову Байрона и перелетѣвшій на нѣсколько другихъ
головъ; байронизмъ, которому не подчинялись конечно, но тѣмъ не
менѣе глубоко сочувствовали великіе и равные Байрону поэты: Пуш-
кинъ и Мицкевичъ; байронизмъ, котораго печать легла и на даро-
витомъ нѣмцѣ Гейне, превратившись изъ ироніи мрачной и сплини-
ческой въ иронію болѣзненно-ядовитую и полу-нахальную, полу-
сентиментальную, и на даровитомъ французѣ Альфредѣ де Мюс-
се, претворившись у него изъ безотраднaго смѣха въ беззаботно-

наглый и вмѣстѣ вавный дивизмъ или въ слезы тоски и стоны искренняго раскаянія, какъ напимѣръ въ «Confessions d'un enfant du siècle»; байронизмъ воплотившійся наконецъ и достигшій крайнихъ предѣловъ своихъ въ яркомъ и могучемъ талантѣ Лермонтова и въ немъ окончательно истощившійся, ибо дальнѣйшее отношеніе къ байронизму самаго Лермонтова, который былъ

не Байронъ, а другой
Еще невѣдомый избравникъ.

было бы непремѣнно комическое, а лицо Печорина и такъ уже одной ногой стоятъ въ области комическаго, что и оказалось, когда писатель не безъ дарованія вздумалъ послѣ Лермонтова повторить этотъ образъ въ лицѣ Тамирина.

Байронизмъ, какъ нѣкоторое повѣтріе, выразилъ свое вліяніе двоякимъ образомъ: во первыхъ онъ пожиралъ страстныхъ натуры, слѣпо и искренно ему отдававшіяся и искавшія въ немъ опрагматизованія своихъ безобразій, и такое вліяніе ни на комъ не отразилось такъ трагически, какъ на нашемъ безвременномъ и бесплодно погибшемъ даровитомъ Полежаевѣ. Нѣсколько напряженно, но искренне въ основахъ и чрезвычайно сильно выразилось это вліяніе въ такомъ напимѣръ изображеніи:

Кто видѣлъ образъ мертвеца,
Который демонскою силой,
Вражду съ темною могилой,
Живеть и страждетъ безъ конца?
Въ часъ полуночи молчаливой,
При свѣтѣ сумрачномъ луны
Изъ подземельной стороны
Исходитъ призракъ болзливый...

.....
Вотъ мой удѣлъ, — игра страстей!
Живой стою при дверяхъ гроба,
И скоро, скоро мечь и злоба
На вѣкъ уснуть въ груди моей.
Кумиры счастья и свободы
Не существуютъ для меня,
И членъ ненужный бытія,
Не оскверню собой природы...

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что изображавшій себя такимъ образомъ несчастный поэтъ, какъ ни падалъ онъ, но все-таки много клеветалъ на себя, и въ этой постоянной клеветѣ на себя, въ постоянномъ стремленіи развивать напряженно-мрачныя стороны ду-

ши, заключалось все зло байронизма — зло страшное, когда оно оказывает свое вліяніе на натуры, подобныя натурѣ Полежаева. Найдя оправданіе, такъ-сказать опозтизирование своихъ внутреннѣхъ тревогъ въ словѣ вождя вѣка, онѣ съ какимъ-то упоеніемъ отдавались стремительному потоку страстей, отдавались *наслажденію страданія* :

Въ моей тоскѣ, въ неволѣ безотрадной,
Я не страдалъ, какъ робкая жена:
Меня несла противная волна,
Несла на смерть, и гибель не страшна
Казалась мнѣ въ пучинѣ безошадной.
И мракъ небесъ, и громъ, и черный валъ
Любилъ встрѣчать я съ думою суровой —
И свисту бурь подъ молніей багровой
Внимать, какъ мужъ отважный и готовый
Испить до дна губительный фіалъ.

Было въ самомъ дѣлѣ нѣчто обаятельное въ этихъ самовольно развиваемыхъ страданіяхъ, что-то сладкое и вмѣстѣ лихорадочно-болѣзненное въ этомъ состояніи духа, что-то безвыходное въ этой тоскѣ, отвергающей даже живительный лучъ свѣта :

Я трепеталъ, чтобъ истина меня,
Какъ яркій лучъ, внезапно осѣня,
Не извлекла изъ тьмы ожесточенья..

Но тяжела была расплата за это болѣзненное сладострастіе сердца, и тяжесть расплаты можетъ быть нигдѣ не высказана съ такою грустью и искренностью какъ въ слѣдующихъ, полежаевскихъ же стихахъ :

Я встрѣчаю зарю
И печально смотрю
Какъ крошечки дождя,
По эфиру слѣтя,
Благотворно живять
Попираемый прахъ,
И кипять и блестятъ
Въ серебристыхъ звѣздахъ
На увядшихъ листьяхъ
Пожелтѣвшихъ луговъ.
Сила горней росы,
Какъ божественный зовъ,
Ихъ младыя красы
И вѣрнить и растить.

Чтожъ кропички дождя
 Вашъ бальзамъ не живить
 Моего бытія?
 Что въ вечерней тиши,
 Какъ пріятный обманъ,
 Не исцѣлитъ онъ ранъ
 Охлаждѣлой души?..
 Ахъ не цвѣтъ полевой
 Жжетъ полднейной порой
 Разрушительный зной, —
 Сокрушаетъ тоска
 Молодого пѣвца,
 Какъ въ землѣ мертвеца
 Гробовая доска...
 Я увялъ и увялъ
 Навсегда, навсегда!
 И блаженства не зналъ
 Никогда, никогда!
 И я жилъ, но я жилъ
 На погибель свою...
 Буйной жизнью убилъ
 Я надежду мою...
 Не разцвѣлъ, а отцвѣлъ
 Въ утрѣ пасмурныхъ дней,
 Что любилъ, въ томъ нашолъ
 Гибель жизни моей...
 .....
 .....
 Не кропите-жъ меня
 Вы, росинки дождя!

Съ другой стороны байронизмъ, какъ повѣтріе, выражался въ
 общежитіи живыми пароліями, заставившими Пушкина спраши-
 вать, даже нѣсколько во вредъ своему герою :

Чудаекъ печальный и опасный,
 Созданье ада или небесъ,
 Сей ангелъ или надменный бѣсъ...
 Чтожъ онъ? Ужели подражанье,
 Ничтожный призракъ, или еще
 Москвичъ въ гарольдовомъ плащѣ,
 Чужихъ причудъ истолкованье,
 Словъ модныхъ полный лексиконъ,
 Ужъ не пародія ли онъ?

Въ томъ и другомъ случаѣ байронизмъ, безъ малѣйшаго сомнѣ-
 нія, имѣлъ вредное, можно сказать пагубное вліяніе. Въ немъ была

неправда, стало быть и безнравственность постольку, поскольку неправда. Неправда же его заключалась въ неправильномъ отношеніи къ мрачнымъ сторонамъ души, къ темнымъ слѣпымъ силамъ, которымъ байронизмъ подчинялъ человѣческую натуру; все, что долѣ, т. е. до байронизма, нѣкоторымъ образомъ скрывалось или порицалось, порицалось даже и тѣми, которые не вѣрили ни во что святое: — безбожіе, эгоизмъ, сухая гордость, злобная иронія въ отношеніи къ людямъ, безстыдство отношеній къ женщинамъ, — все то, однимъ словомъ, что прежде выступало подъ благопристойною маской самой чинной нравственности въ какой-нибудь сухой *Sitten-Lehre*, барона фонъ-Книгге, въ какомъ-нибудь изъ романовъ XVIII вѣка, — все это явилось безъ маски въ байронизмѣ и прямо сказало міру «поклоняйся мнѣ откровенному, какъ ты доселѣ кланялся мнѣ прикрытому». Но между тѣмъ, такъ какъ сама по себѣ высокая поэтическая натура Байрона не могла же принять спокойно обоготворенія эгоизма, то оно и выразилось въ ней тоской или ироніей, что естественнымъ образомъ окружило эгоизмъ поэтическимъ ореоломъ. Можно сказать, что самая крайность неправды была слѣдствіемъ правдивости и поэтичности натуры Байрона. Ненавидя маску ханжества и лицемерія, подъ которою прятался до него эгоизмъ, самъ развращенный ученіями и опытами вѣка, поэтъ, чѣмъ носить маску, готовъ былъ лучше клеветать на самого себя: таковъ онъ, когда смѣется своимъ сатанинскимъ хохотомъ надъ тѣмъ, что матросы съѣли донъ-жуанова учителя; таковъ онъ, поющій неистовый гимнъ чувственности по поводу любви Донъ-Жуана и Гайде; таковъ онъ въ анализѣ отношеній леди Аделины къ Жуану, — все это неправда, все это напряженіе, клевета на самого себя и на душу человѣческую, клевета, протскающая съ одной стороны изъ прихоти человѣка, пресыщеннаго изображеніями условной и истрепаной добродѣтели, изображеніями весьма приторными, а съ другой стороны, изъ правдиваго негодованія на ложь и лицемеріе жизни.

Байронъ есть пламенный поэтическій протестъ личности противъ всего условнаго въ окружавшемъ его обществѣ, и потому можетъ быть судимъ только съ высшей точки зрѣнія христіанскаго суда, но не съ точки зрѣнія нравственности того общества, которую постоянно казнила его муза: онъ ничего иного не сдѣлалъ, какъ обнажилъ только то что прикрывалось ветхимъ покровомъ условнаго, сорвалъ маску съ обоготвореннаго втихомолку эгоизма, и какъ истинный, глубокій поэтъ, воспѣлъ торжество этого страшнаго начала съ тоской и ядовитой ироніей. Въ нихъ-то, въ этой тоскѣ и ироніи — его великая сила, ибо они — горестный плачъ

объ утраченныхъ и необрѣтаемыхъ идеалахъ ; въ нихъ—то, въ этой же тоскѣ и ироніи — его слабость, ибо съ ними связаны у него шаткость основъ міросозерцанія, отсутствіе нравственнаго, т. е. цѣлостнаго взгляда, отсутствіе возможности суда надъ жизнью, и поэтому самому, отсутствіе возможности быть поэтомъ эпическимъ или драматическимъ, вообще быть чѣмъ—либо, кромя величайшаго поэта лирическаго, или лучше сказать величайшаго лирическаго виртуоза на извѣстныхъ указанныхъ мною струнахъ. Высшее обладаніе этими струнами, есть правда, красота и сила его поэзіи, и не безнравственностью, т. е. не ложью, а правдою увлекалъ онъ и доселѣ увлекаетъ поколѣнія, увлекалъ даже мудрецовъ, каковъ былъ Гёте, даже людей ему равныхъ, каковы были Пушкинъ и Мицкевичъ. Ложь въ поэзіи блеснетъ, какъ метеоръ, и какъ метеоръ же разсыплется прахомъ, но постоянное въ извѣстной степени дѣйствіе имѣетъ поэзія Байрона, ибо постоянно затрогиваетъ она чувствованія, живущія въ глубинѣ сердца: она не сдѣлана искусственно, она порождена духомъ человѣческимъ. Поколѣе чело- вѣчество способно мучительно любить, глубоко чувствовать оскорбленіе и жажду мести, стенать посреди мукъ и гордо поднимать голову передъ сѣкирой палача — до тѣхъ поръ оно будетъ жадно читать и Гаура и исповѣдь Уго передъ казнью въ Парижѣ; доколѣ живетъ въ духѣ чело- вѣческомъ необузданное стремленіе, готовое иногда ломать всѣ преграды, полагаемыя условнымъ общежитіемъ, дотолѣ обаятельно будутъ дѣйствовать на людей мрачныя образы Корсара, Лары, Чайльдъ-Гарольда, Альпа и иныхъ чадъ мятежной души поэта. Байронъ есть поэтическое воплощеніе протеста, и въ этомъ опять таки его сила и его слабость: сила его въ томъ, что протесту, вызываемому всегда болѣе или менѣе неправдою, душа горячо сочувствуетъ; слабость въ томъ, что протестъ этотъ есть протестъ слѣпой, протестъ безъ идеала, протестъ самъ по себѣ и самъ отъ себя. Повторяю, что Байронъ ничего иного не дѣлаетъ, какъ срываетъ благопристойную маску съ дикаго по существу эгоизма, вѣнчаетъ его не втихомолку уже, а прямо, — но какъ поэтъ истинный и глубокий, вѣнчаетъ съ тоской и ироніей.

Въ Байронѣ очевидна стало-быть не безнравственность, а отсутствіе нравственнаго идеала, протестъ противъ неправды безъ сознанія правды. Байронъ поэтъ отчаянія и сатанинскаго смѣха потому только, что не имѣетъ нравственнаго полномочія быть поэтомъ истиннаго смѣха, комикомъ — ибо комизмъ есть правое отношеніе къ неправдѣ жизни во имя идеала, на прочныхъ основахъ покоящагося, — комизмъ есть праведный судъ надъ уклонившеюся отъ идеала жизнью, казнь, совершаемая надъ всю зрячимъ художе-

ствомъ. Если же идеалы подорваны и между тѣмъ душа не въ силахъ помириться съ неправдою жизни по своей высшей поэтической природѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ по отсутствіи нравственной мѣры, не можетъ прямо назвать неправды неправдою, то единственнымъ выходомъ для музы поэта будетъ безпощадно ироническая казнь надъ неправдою жизни, казнь обращающаяся и на самого себя, насколько въ его собственную натуру вѣлалась эта неправда, проникла до мозга костей и насколько онъ самъ, какъ поэтъ, сознаетъ это искреннѣй и глубже другихъ. Возьмите самую вопіющую безнравственность въ любой поэмѣ Байрона, — вы увидите, что она есть только казнь, совершенная поэтомъ надъ другой, прикрытою мишурною хламидой безнравственностью: безнравственно напримѣръ отношеніе Уго и Паризины, но въ сущности оно есть только казнь, совершаемая надъ герцогомъ Азо, и казнь совершенно справедливая; скиталецъ Гарольдъ исполненъ порою столь справедливаго негодованія противъ мелочности и суетности свѣтской толпы, противъ гнетущихъ жизнь условныхъ понятій, что скитальчество его становится понятно. Ведя однимъ слѣдомъ муза Байрона есть Немезида жизни; Немезида, въ свою очередь обращающая бичъ на самого поэта, какъ далеко на несвободнаго отъ неправды, а напротивъ, проникнутаго ею до мозга костей, и посылающая прометеева коршуна терзать его собственное сердце.

Но снимая такимъ образомъ съ Байрона единичную отвѣтственность за отсутствіе въ поэзіи его идеальнаго созерцанія, замѣняемаго тоскою и иронією, созерцанія, котораго создать вельзя, а взять при совершенномъ разложеніи жизни не откуда, тѣмъ не менѣе можно указать на него, какъ на примѣръ весьма печальный раздвоенія между поэтическимъ и нравственнымъ созерцаніемъ, раздвоенія вреднаго въ отношеніи къ художеству тѣмъ, что оно: во-первыхъ лишило натуру поэта извѣстной полноты и цѣлости, вслѣдствіе чего онъ остался только лирикомъ, со всѣми своими стремленіями къ эпосу и драмѣ; во-вторыхъ тѣмъ, что вслѣдствіе такого раздвоенія вся поэзія Байрона есть не что иное, какъ гениальная импровизація или лучше сказать постоянная проба на нѣкоторыхъ его, въ особенности доступныхъ ей струнахъ, именно на струнахъ ощущеній мрачныхъ, фантастическихъ, тревожныхъ и негодующихъ. Вслѣдствіе отсутствія поэтически-нравственнаго и гармонически-цѣлостнаго взгляда, у Байрона нѣтъ суда надъ жизнью и надъ создаваемыми образами, того суда, который напримѣръ даетъ возможность и полномочіе Шекспиру, имѣвшему прямое и цѣлостное воззрѣніе на жизнь, казнить неумолимо и расчитанною казнію своего Фольстафа, жирваго, сквернаго, но остроумнаго, милаго и гениально-наглаго Фоль-

стафа, быть может также близкаго его душѣ, какъ близокъ онъ былъ душѣ казнящаго его своею холодною Генриха, — того суда, который суроваго Данта заставилъ обречь мукамъ ада Франческу да-Римини, несмотря на страстное къ ней сочувствіе; того суда, котораго враждебное отношеніе къ дѣйствительности, противурѣчащей ясно сознаваемому идеалу, не можетъ быть инымъ, какъ казнящимъ, — трагически ли казнящимъ Макбета, Отелло, Лира и Гамлета, Уголино и Франческу, или комически казнящимъ Фольстафа, Сквозника-Дмухановскаго, Самсона Сильча Большова, и того суда, при которомъ только и возможно въ художествѣ созданіе живыхъ лицъ и отношеніе къ образамъ, какъ къ живымъ лицамъ — отношеніе Шекспира, Мольера, Данта, Сервантеса, Пушкина, — начиная съ его Овѣгина, — Диккенса, Гоголя. Вслѣдствіе же односторонней своей виртуозности, поэзія Байрона однообразна, а потому утомительно дѣйствуетъ на душу. Байрона можно читать только такъ — сказать приемами и притомъ въ извѣстныхъ минуты душевнаго настроенія, хотя правда, что тогда онъ кажется зато вышшимъ изъ поэтовъ. Въ силѣ его есть именно что-то стихійно-слѣпое, такъ что пушкинское уподобленіе его морю остается едвали не вѣрнѣйшимъ опредѣленіемъ его значенія. Эта сила бунтуетъ во имя самаго бунта, безъ всякихъ другихъ полномочій — поднятая эгоизмомъ, безобразіемъ, безнравственностью общественныхъ понятій и въ неправдѣ этихъ понятій заключается оправданіе для нея самой, хотя и лишонной свѣта правды — и судима она можетъ быть не съ точки зрѣнія той общественной нравственности, которою она вызвана, какъ прямое послѣдствіе и вмѣстѣ казнь. Съ этой точки зрѣнія Гёте и Шиллеръ поэты столь же, какъ и Байронъ, безнравственные, но вѣдь есть же причина, почему вопервыхъ высшія стремленія духа въ этихъ блистательнѣйшихъ представителяхъ жизни духа на западѣ, въ этихъ великихъ міровыхъ силахъ, всегда являлись чѣмъ-то враждебнымъ условіямъ окружавшаго ихъ общества и почему съ другой стороны враждебное отношеніе къ неправдѣ жизни не имѣетъ у нихъ возможности возвыситься до комизма, почему напримѣръ Шиллеръ вмѣсто того, чтобы какъ нашъ Гоголь въ «Ревизорѣ» смѣлою кистью начертать картину вопіющихъ неправдъ жизни, предпочитаетъ возстать на зло зломъ же, на безнравственность безнравственностью же, на мѣщанство — страшною утопіею «разбойниковъ». *Si ferrum non sanat ignis sanat!* И замѣтите, что тотъ же самый образъ, который Шиллеръ осуществилъ сначала въ разбойникѣ Моорѣ, является потомъ въ свѣтлыхъ призракахъ Позы, Юанны и Телля; есть причина, почему Гёте вмѣсто того, чтобы просто насмѣяться въ комической картинѣ надъ мѣ-

щанской нѣмецкой семейностью, какъ напрімѣръ насмѣялся надъ семейнымъ безобразіемъ самодурства Островскій во имя высшаго идеала семейственности, — Гёте, говорю я, создаетъ утопію въ своихъ «Wahlverwandschaften», а въ этой утопіи еще до Занда возстаётъ на святость и неизбежность семейныхъ узъ вообще. Комизмъ есть отношеніе высшаго къ низшему, отношеніе къ неправдѣ съ смѣхомъ во имя оскорбляемой ею и твердо сознаваемой потомъ правды. Когда Гоголь напрімѣръ казнитъ взяточничество, — вы не боитесь за комика, чтобы у него съ взяточничествомъ или развратомъ было что либо общее: но Гёте, враждебно относящійся къ мѣщанской нравственности, и самъ часто впадаетъ въ нее въ своемъ Вильгельмѣ Мейстерѣ; а Шиллеръ только на высотѣ отвлеченныхъ идеаловъ оберегаетъ себя отъ паденія. Но Байронъ, съ сатанинскимъ хохотомъ и съ глубокою тоскою обоготворяющій эгоизмъ, тѣмъ не менѣе обоготворяетъ его, т. е. не можетъ подняться выше этого эгоизма поэтическимъ созерцаніемъ; велика еще заслуга его и въ томъ, что обоготворяя идола, онъ плачетъ о необходимости обоготворенія, язвительно хохочетъ и надъ жизнью, и надъ самимъ собою, обоготворителемъ идола. Въ немъ все-таки глубоко чувство правды, чувство поэзіи! — Я положилъ и положилъ кажется правильно различіе между Байрономъ и байронизмомъ, обозначивши дѣйствіе сего послѣдняго, какъ повѣтрія, пожравшаго силы, зловѣщаго сіянія, перелетѣвшаго съ головы Байрона на головы двухъ байрончиковъ весьма даровитыхъ, Мюссе и Гейне, изъ которыхъ первый замѣчательнѣе въ высокой степени искренностью и обиліемъ казни надъ самимъ собою, а другой фальшивостью неискренностью, возведенною въ принципъ и погубившею необузданно страстную натуру Полежаева. Что касается до Лермонтова, въ которомъ байронизмъ воплотился въ высшей степени ярко, то прежде всего въ жизни, въ которой онъ явился, онъ не представляетъ того значенія, какое имѣлъ Байронъ въ отношеніи къ жизни, которой онъ былъ оразителемъ. Лермонтовъ не болѣе какъ случайное повѣтріе, миражъ иного, чуждаго міра; правда, его поэзія есть правда жизни мелкой по объему и значенію, теряющейся въ безбрежномъ морѣ народной жизни; казнь совершаемая этою, все-таки поэтическою правдою надъ маленькимъ муравейникомъ, въ отношеніи къ которому она справедлива, имѣетъ сколько-нибудь общее значеніе только какъ казнь одинокаго отношенія этого муравейника: весь Лермонтовъ и вся его правда — въ горестныхъ сознаніяхъ, что:

Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
что:

Дубовый листокъ оторвался отъ вѣтки родимой,

что:

... не жду отъ жизни ничего я
И не жаль мнѣ прошлаго ни чуть,

что наконецъ для него:

... жизнь, какъ согласишь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ,
Такая пустая и глупая шутка.

Горе или лучше сказать отчаяніе вслѣдствіе сознанія своего одиночества, своей разъединенности съ жизнью; глубочайшее презрѣніе къ мелочности той жизни, которою создано одиночество, вотъ правда лермонтовской поэзіи, вотъ въ чемъ сила и искренность ея стоновъ... Еслибы Пушкинъ остался подъ искусственными вліяніями, тяготящими надъ первыми его вдохновеніями, онъ впалъ бы въ тоже мрачное отчаяніе; еслибы съ другой стороны Лермонтовъ не былъ постигнутъ общею трагическою участью русскихъ поэтовъ, онъ оправдалъ бы собственныя предчувствія о томъ, что онъ

Не Байронъ, а другой
Еще невѣдомый избранникъ.

И въ немъ вѣроятно, какъ справедливо сказалъ Гоголь, готовился одинъ изъ великихъ живописцевъ родного быта. Не даромъ же по собственному сознанію «любилъ онъ родину», «но странною любовью, не побѣдитъ ея разсудокъ мой.» Говорить о Лермонтовѣ, какъ о русскомъ Байронѣ, нѣтъ никакой возможности серьезно: стоитъ только приложить байронизмъ къ той пошлой свѣтской сферѣ, въ которой къ сожалѣнію вращался нашъ поэтъ, чтобы дѣло приняло оборотъ комическій: стоитъ напримѣръ представить себѣ типъ женскій, къ которому обращены слѣдующія строки:

Въ толпѣ другъ друга мы узнали,
Сотлиси и разошлиси вновь.

Или другой, который опозтизированъ такъ:

Ей нравиться долго нельзя,
Какъ цѣпь, ей несносна привычка..
Она ускользнетъ какъ змѣя,
Порхнетъ и умчится какъ птичка.

Стоитъ представить только эти типы осуществленными въ кругѣ лермонтовскаго муравейника, въ жалкой свѣтской дѣйствительности и взглянуть на нихъ съ высоты идеаловъ, цѣлостно и свято хранимыхъ въ великой, не муравейной средѣ жизни, чтобы эти типы

тотчасъ же равнѣчать, назвать прямо по имени и поставить на настоящее мѣсто въ комическомъ свѣтѣ. Печоринъ, какъ только вышелъ изъ лермонтовской рамки, чрезвычайно искусной, тотчасъ сталъ въ Тамаринѣ фигурою комическою. Съ образами Байрона вы ничего подобнаго не сдѣлаете, ибо если вы сведете ихъ съ пьесталовъ, такъ нечего будетъ поставить на ихъ мѣсто: они точно крайнія грани общественности, ея поэтическія верхушки.

Но представьте себѣ байроновскія требованія души, очевидныя въ лермонтовскихъ юношескихъ образахъ, подъ гнетомъ ли или на дикомъ просторѣ развишіяся противуобщественныя стремленія, въ столкновеніи съ нашимъ лицевымъ общежитіемъ и притомъ съ условнѣйшею изъ міражныхъ сферъ этого сверху сложившагося общежитія, съ искусствѣннѣйшею изъ нихъ, съ сферою свѣтскою.

Если эти стремленія точно то, за что онѣ выдають себя, или лучше сказать чѣмъ они сами себѣ кажутся, то онѣ *совсѣмъ* противуобщественныя стремленія, *совсѣмъ*, а не только въ условномъ смыслѣ противуобщественныя — и паденіе или казнь ждуть ихъ неминуемо. Мрачныя, зловѣщія предчувствія такого страшнаго исхода отражаются во многихъ изъ лирическихъ стихотвореній поэта и въ особенности въ стихотвореніи :

Не смѣйся надъ моею пророческой тоской,
Я зналъ: ударъ судьбы меня не обойдетъ, и проч.

Если же въ этихъ стремленіяхъ есть извѣстная натяжка, извѣстная напряженность, то первое чтó закрадется въ душу человѣка, тревожимаго ими, будетъ конечно сомнѣніе; но на первый разъ еще не истинно разумное сомнѣніе въ законности произвола личности, а только сомнѣніе въ силѣ самой личности.

Вглядитесь внимательнѣе въ эту нелѣпую, съ дѣтской небрежностью набросанную, хаотическую драму «Маскарадъ», и первый, но уже очевидный слѣдъ такого сомнѣнія увидите вы въ лицѣ князя Звѣздича, котораго баронеса, одна изъ героинь драмы, опредѣляетъ такъ :

Безнравственный, безбожный,
Себялюбивый, злой — но слабый человѣкъ.

Въ очеркѣ Звѣздича выразилась минута первой схватки разрушительной личности съ условнѣйшею изъ сферъ общежитія, — схватки, которая кончилась не къ чести дикихъ требованій и необъятнаго самолюбія. Слѣды этой же первой эпохи, породившей разувѣреніе въ собственныхъ силахъ, отпечатлѣлись во множествѣ

стихотвореній, изъ которыхъ одна замѣчательны наиболѣе по извѣстной строгѣ, вполне опредѣляющей минуту подобнаго душевнаго настроенія :

Любить! Но кого же? на время не стоитъ труда,
А вѣчно любить невозможно!
*Въ себя ли залянешь? тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда,
И радость и горе и все такъ ничтожно.*

И много неудавшихся Арбениныхъ, оказавшихся при столкновеніи съ условною свѣтскою сферою жизни сологубовскими Леонидными, отозвались на эти строки горькаго, тяжелаго разубѣжденія; одни только Звѣздичи собою совершенно довольны.

Между тѣмъ лицо Звѣздича и нѣсколько подобныхъ стихотвореній — это тотъ пунктъ, съ котораго въ натурѣ нравственной т. е. крѣпкой и цѣльной, должно начаться правильное, т. е. комическое и притомъ безпощадно комическое отношеніе къ дикому произволу личности, оказавшемуся несостоятельнымъ.

Но до комическаго отношенія Лермонтовъ еще не дошелъ. Ему наобидно было окончательно раздѣлаться съ давнишнимъ его образомъ, окончательно свести его въ общежитейскія формы, и вотъ, все еще поэтизируя его, онъ создалъ Печорина.

Въ сущности что такое Печоринъ? Смѣсь арбенинской необузданности съ свѣтскою холодною и безсовѣстною Звѣздича, или пожалуй, поэтизированный и «приподнятый» Звѣздичъ. Первоначальный, незрѣлый очеркъ Звѣздича показываетъ между-тѣмъ однако, что въ Лермонтовѣ сидѣлъ тоже своего рода Иванъ Петровичъ Бѣлкинъ, который рано или поздно сперва «убоялся» мрачнаго Сильвію, потомъ пожалуй «продернулъ бы» критикой простаго здраваго смысла и провѣрилъ бы простымъ чувствомъ колоссальный образъ Демона.

Но о томъ что *было бы*, разсуждать довольно смѣшно. Въ томъ, что осталось намъ отъ Лермонтова, мы видимъ еще только тревожныя и бунтующія начала, ищущія опредѣленнаго воплощенія въ образы.

Послать *однимъ* Байрономъ и *однимъ* вѣяніемъ байронизма крайнее развитіе этихъ тревожныхъ началъ въ поэзіи Лермонтова — невозможно.

Кромѣ того, что эти тревожныя начала не чужды вообще нашей народнои сущности, они въ особенности бушевали въ ту эпоху, которой Лермонтовъ былъ завершителемъ: въ эпоху нашего русскаго романтическаго броженія.

III

НАЦЪ РОМАНТИЗМЪ

«*Романтизмъ* — писалъ Бѣлинскій въ заключительной статьѣ «Литературныхъ мечтаній» — «вотъ первое слово, огласившее пушкинскій періодъ; *народность* — вотъ альфа и омега новаго періода.»

Чтобы понять это раздѣленіе эпохъ, дѣлаемое Бѣлинскимъ, должно припомнить факты, о которыхъ уже говорилъ я въ одной изъ предшествовавшихъ статей.

Время, въ которое писалъ Бѣлинскій свои «литературныя мечтанія», было временемъ господства историческаго повѣтрія въ литературѣ.

Это была эпоха историческихъ романовъ, выходившихъ дюжинами въ Мѣсяцъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ, — романовъ, въ которыхъ большею частію изображенія предковъ были прямо списаны съ куцеровъ ихъ потомковъ, которыхъ *народность* заключалась только въ разговорахъ амщиковъ, да и то еще подслушанныхъ и переданныхъ вѣрною и не свободно, а историческое заключалось въ описаніяхъ старыхъ боярскихъ одеждъ и вооруженій, да столовъ и кушаній, въ которыхъ оригинальна была только дерзость авторовъ, изображавшихъ съ равною бездѣтностью всякую эпоху нашей исторіи... Разумѣется, что я говорю это не о романахъ Загоскина, не о романахъ Полевого, которыхъ никакъ не слѣдуетъ ставить на одну доску съ его драмами, этими несчастными плодами несчастной эпохи его дѣятельности, и въ особенности не о романахъ Лажечникова. Это были блестящія исключенія, хотя, надобно сказать правду, только даровитость и какая-то оригинальная задуманность тома выкупаютъ романы Загоскина; только смѣлая замашка, только стремленія къ введенію новыхъ историческихъ мыслей, вѣрныхъ или вѣрныхъ, но во всякомъ случаѣ имѣвшихъ отрицательное значеніе, сообщаютъ вѣкоторую жизнь Симеону Кирлянѣ, Клятвѣ при гробѣ господнемъ, и другимъ попыткамъ Полевого, который вовсе не былъ рожденъ творцемъ и художникомъ, и только романы Лажечникова остались и удѣлами для насъ, со всеми ихъ огромными пожалуй недостатками, но и огромными достоинствами... Все же остальное вполнѣ стояло нападкомъ Бѣлинскаго. Писались, или лучше сказать фабриковались эти штуки по извѣст-

нымъ рецептамъ : московскія издѣлія по загощинскимъ , петербургскія по булгаринскимъ .

Кромѣ того историческое повѣтріе ударилося и въ другую область, въ драму. На сценѣ постоянно горланилъ и хвасталъ Ляпуновъ, кобѣнился Мининъ въ видѣ дѣвы орлеанской, и поистинѣ въ грязь стаскивались эти великія и доблестныя тѣни. Опять должно и тутъ исключить нѣсколько попытокъ хомяковскихъ , несмотря на ихъ странный въ приложеніи къ нашему быту шиллеровскій лиризмъ , подававшій поводъ къ правдивымъ и извительнымъ насмѣшкамъ , да пожалуй погодинскихъ , хотя менѣе всего къ художеству способевъ достопочтенный нашъ историкъ , и только глубокое знаніе , столь же глубокое чутье историческое и пламенная любовь къ быту предковъ , подкупали въ отношеніи къ его драмамъ небольшой кругъ друзей , между прочимъ Пушкина , который вовсе не иронически писалъ къ нему извѣстное письмо объ его Марфѣ-посадницѣ . Замѣчательный фактъ , что хомяковскія и погодинскія попытки , т. е. единственные остатки историко-драматическаго повѣтрія , о которыхъ можно вспомнить съ нѣкоторымъ уваженіемъ , не пользовались въ то время никакимъ успѣхомъ ; на сценѣ свирѣпствовали Ляпуновы и ломались Минины...

Таково было состояніе литературы , которое Бѣлинскій охарактеризовалъ какъ стремленіе къ народности и отдѣлилъ отъ прежняго , отъ стремленія романтическаго . Прежде всего самое отдѣленіе такое было неправильно . Эпоха была и долго еще оставалась романтическою ; самъ Бѣлинскій былъ еще въ то время романтикомъ и потому — то впоследствии , разъяснивши себѣ окончательно вопросы , всю свою энергическую вражду обратилъ онъ на романтизмъ , преслѣдуя и бичуя его нещадно... Но понятіе о романтизмѣ — до сихъ поръ столь мало разъясненное понятіе , что и воюя съ романтизмомъ , Бѣлинскій долго еще былъ романтикомъ , только въ другой кожѣ , да едвали и пересталъ быть имъ до конца своего поприща . Нѣтъ по крайней мѣрѣ сомнѣвій , что Бѣлинскій второй эпохи своего развитія , т. е. развитія нашего общаго критическаго сознанія — эпохи и «Наблюдателя» зеленого цвѣта и «Отечественныхъ записокъ» 1839 , былъ романтикомъ гегелизма и съ наивнострастною энергіею бичевалъ въ себѣ и во всѣхъ романтика старой формы , романтика французскаго романтизма .

Да и что называть романтизмомъ , мы доселѣ еще едвали можемъ дать себѣ ясный и окончательный отчетъ .

Поэзія Жуковскаго — романтизмъ .

Гюго — романтикъ .

Полежаевъ и Марлинскій — романтики .

Гамлетъ Полевого и Мочалова — романтикъ.

А Кольцовъ развѣ не романтикъ? А Лермонтовъ въ Арсенинъ и Мцыри, развѣ не романтикъ?

Все это романтизмъ, и все это весьма различно, такъ различно, что не имѣетъ никакихъ связующихъ пунктовъ.

Романтическое въ искусствѣ и въ жизни на первый разъ представляется отношеніемъ души къ жизни несвободнымъ, подчиненнымъ, несознательнымъ, а съ другой стороны оно же, это подчиненное чему-то отношеніе, есть и то тревожное, то вѣчно-недовольное настоящимъ, что живетъ въ груди человѣка и рвется на просторъ изъ груди, и чему недовольно цѣлаго міра, — тотъ огонь, о которомъ говоритъ Мцыри, что онъ

Отъ юныхъ дней

Таяся жилъ въ груди моей...

И онъ прожогъ свою тюрьму.

Начало это несвободно, потому что оно стихійно, но оно же, тревожное и кипящее, служитъ толчкомъ къ освобожденію человѣческаго сознанія отъ всего стихійнаго; оно же разрушаетъ кумиры темныхъ боговъ, хотя подчинено имъ еще само, и подчинено потому, что слишкомъ хорошо помнить, еще чувствуетъ на себѣ ихъ силу и вліяніе, но само въ тоже время есть вѣяніе. Романтическое такого рода было и въ древнемъ мірѣ, и Шатобрианъ, одинъ изъ самыхъ наивныхъ романтиковъ, чутьемъ романтика отыскиваетъ романтическія вѣянія въ древнихъ поэтахъ; романтическое есть и въ средневѣковомъ мірѣ, и въ новомъ мірѣ, и въ стремленіяхъ гётовскаго Фауста, и въ лихорадкѣ Байрона, и въ судорогахъ французской словесности тридцатыхъ годовъ. Романтическое является во всякую эпоху, только-что вырвавшуюся изъ какого-либо сильнаго моральнаго переворота, въ переходные моменты сознанія.

Я упомянулъ имя Шатобриана — и въ самомъ дѣлѣ, это одинъ изъ самыхъ характеристическихъ представителей одной стороны романтическаго вѣянія, и та страница въ его «Mémoires d'Outre-tombe», гдѣ онъ называетъ себя предшественникомъ Байрона, не покажется нисколько хвастовствомъ тому, кто читалъ «Начезовъ», «Рене», «Аталу». Что такое «Рене», какъ не исповѣдь самаго Шатобриана? Сквозь всю шумиху фразъ и старыхъ формъ, затрудняющихъ для читателей новаго времени чтеніе поэмы «Начезы», не прорывается ли тотъ недугъ de la mélancolie ardente, который конечно не въ одинаковой степени грызъ и автора «Генія христіанства», и автора «Чайльда Гарольда»? Что такое Рене, какъ не болѣзненный первенецъ XIX вѣка, получившій въ наслѣдіе безотрад-

ный скелетъ, о, до пошл совладѣвшій съ нами и не усвоившій какъ Байронъ и собою комедіа бдства, а бросившійся напроломъ съ отчаянія въ ои нать? Казн, рущающихся, но величавыхъ старикъ фортъ? Что такое, общему какъ не тотъ же «Корсаръ и Лара», только не переступивъ стурѣ башной бездны, въ которую они ринулись, а остановившійся на заду въ болѣзненномъ недоумѣніи? А помните ли вы въ 1848 въ Эндора въ «Les Martyrs» — единственный, не зато истинно стѣ дическій оазисъ этого надутаго романа? Надъ этимъ отрывкомъ притоосится романтическое вѣніе переходныхъ эпохъ. Въ тяжкой нѣносби, терзающей героя, въ безсознательномъ пресыщеніи жизнью къ в и всѣхъ лицъ его окружающихъ, въ безумно-лихорадочномъ алпорывѣ страсти къ Веллехъ пробивается тотъ же романтически-делугъ, то же тревожное начало, которое равно способно и въ нѣбу по старомъ мірѣ и къ его разрушенію, только неспособно ни къ какому созиданію. Поэтому—то у Шатобриана есть странное чутье на открытіе романтической струи повсюду; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только развернуть на любой страницѣ второй томъ «*agénie du Christianisme*», гдѣ подвѣчаетъ онъ порывы романтическіе у Виргилія, ищетъ романтической струи въ самой одиссеѣ Гомера, ищетъ только этой одной струи надобно прибавить, угадываетъ на нее всегда правильно и ею только въ состояніи отъ души увлекаться.

Зачѣмъ же, спрашивается, назвали *романскимъ* это начало стихійное и тревожно-лихорадочное, которое было обще многимъ эпохамъ, и вѣроятно будетъ обще многимъ другимъ, этотъ зюбъ и жаръ съ напряженнымъ біеніемъ пульса, который равно болѣзненъ, окажется ли онъ сладкою, но все-таки тревожною и развѣдующею мечтательностью Жуковского, тоскою ли по прошедшемъ Шатобриана, врачнымъ ли и сосредоточеннымъ отрипаніемъ Байрона, безрелетно ли роющимся въ глубь жизни и души анализомъ другого великаго и равнаго Байрону поэта, Гюго, лихорадкою ли литературы тридцатыхъ годовъ, борьбою ли съ этимъ началомъ свѣтлой и ясной пушкинской натуры, подчиненіемъ ли ему до моральнаго уничтоженія натуры Марлинскаго и Полежаева, мочаловскаго ли создателями, воплями ли огаревскихъ «монологовъ», или фетовскими «страшными», но для души ясными замесами на какіе-то звуки», которые

Льнутъ къ моему изголовью,
Полны они томной разлуки
Дрожатъ небывалой любовью;

которые

Такъ томно и грустно-небрежно,

Въ свой мѣръ раздвѣченный, колѣна, д.
И ластятся къ сердцу такъ вѣнника обт
И такъ умогательно просятъ. ии въ ту, и

Зачѣмъ же назвали, говорю я, исключительно *чуждымъ* это начало, которое столь же, если не болѣе свойственно *иной* русской природѣ, которое не разъ закруживало эту прѣхи типовъ *выходной* хандры, до лермонтовскаго ожесточенія и зловъ самыхъ *бѣдъ* чувствій, до тургеневскаго раздвоенія и расслабленія, абы свое *души* болѣе грубыхъ до полежаевскаго цинизма и до запоя *царя*..

Неудачное названіе придумано въ неудачную эпоху и чуждъ эпоху такъ-называемой романтической реакціи, дошедшей *Мочерманія*, странъ послѣдовательности логическаго мышленія, до *досъ* чувствъ «Доктора любви» Захарія Вернера и до католическаго *бѣдъ* брательевъ Шлегелей!.. Въ этой своей формѣ — въ формѣ тоски по прошедшему, доходящей до кукольной комедіи въ отношеніи *въ* прошедшему, романтизмъ намъ мало свойственъ. Самое наше славянофильство далеко не то, что романтизмъ Гёссера и брательевъ Шлегелей, ибо подъ формами его таятся нѣчто живое, нѣчто иное, ибо иная была наша историческая судьба, и иное вслѣдствіе того возникло у насъ отношеніе къ нашему прошедшему.

Поэзія Жуковскаго, несмотря на великій талантъ Жуковскаго, мало привилась въ нашей жизни. Поэтъ остался для насъ дорогъ какъ поэтъ истинный, но тихо-грустное вѣнаніе его пѣсней, туманныя порыванія въ даль встрѣтили себѣ отпоръ въ нашемъ здоровомъ юморѣ или тотчасъ же доведены были до послѣднихъ границъ смѣшнаго русскою послѣдовательностью, дошли до комическаго въ *нашихъ* повѣстяхъ, романахъ и драмахъ Полевого, котораго «Блаженство безумія», «Аббадона» и «Угольно», въ этомъ отношеніи факты драгоцѣннѣйшіе.

Крайность развитія этой стороны романтизма необходимо вызвала и реакцію.

Было время и притомъ очень недавнее, когда все романтическое безъ различія клеймилось насмѣшкою, когда мы всѣ пытались казнить въ себѣ самихъ то, что называлось нами романтизмомъ, и что гораздо добросовѣстнѣе будемъ называть началомъ тревожнаго порыванія, тревожнаго стремленія, соединеннаго съ давленіемъ и гнетомъ разрушеннаго, но еще памятнаго, еще вліяющаго прошедшаго. Анализируя безтрепетно самихъ себя, мы дошли наконецъ до судорожнаго и болѣзненнаго смѣха тургеневскаго Гамлета, Щигровскаго уѣзда надъ тревожнымъ порываніемъ, до совершеннаго чевѣрія въ тревожное начало жизни, къ которому привелъ ана-

ливъ Толстого, да и вытокъ положительныхъ успокоеній, которыя выражали собою вѣдін Островскаго... На чемъ же разрѣшился процессъ нашей жизни романтизма, повсюду совершавшаяся во все это время въ области мышленія и отражавшаяся во всей современной литературѣ? Является однако вовсе не такъ рѣшительно, какъ она начиналась, дѣло и въ самое продолженіе борьбы эта казнь представляла въ видѣ живое изображеніе змѣя, кусающаго собственный хвостъ. Критическій анализъ бывалъ часто поворотомъ къ началу; при этомъ весьма у немногихъ изъ насъ доставало послѣдовательности, та основаній вражды къ тревожному началу, взглянуть какъ о незаконныя, на многія сочувствія, въ которыхъ мы воспитались. Храбрыхъ въ этомъ дѣлѣ нашлось повторю немного, а тѣмъ, которые нашлись, храбрость ровню ничего не стоила, т. е. они по натурѣ лишены были органовъ для пониманія того, съ чѣмъ другимъ тяжело было разставаться. Многіе храбрились сначала, а потомъ рѣшительно теряли храбрость и возвращались потихоньку къ незаконнымъ сочувствіямъ. Тургеневъ привался было казнить Рудина, а въ эпилогѣ круто поворотилъ къ апотеозѣ. Голоса, вопіявшіе на Лермонтова за то, что онъ мало уважаетъ своего «Максима Максимыча», нашли мало сочувствія. Толстой, сохраняя всю силу своего безтрепетнаго анализа, впадалъ въ переходную, — конечно мы на это крѣпко надѣемся, — но тѣмъ менѣе очевидную апатію мышленія. Писемскій тщетно пытался опозтизировать точку зрѣнія на жизнь губернскаго правленія: ни сила таланта, ни правда манеры, ни новостъ приемовъ не спасли отъ анти-поэтической сухости его большія, стремившіяся къ цѣлости произведенія.

Въ жару борьбы мы забыли многое что романтизмъ намъ далъ: мы, какъ и самъ выразитель нашего критическаго сознанія, Бѣлинскій, осудили самымъ строгимъ судомъ, предали анафемѣ *тридцатые* годы нашей литературы.

У насъ въ эти годы, за исключеніемъ Пушкина и нѣсколькихъ лириковъ его окружавшихъ, было конечно немного. Представителями романтизма съ его тревожной стороны были Марлинскій, Полежаевъ и въ особенности Лажечниковъ. Былъ еще представитель могущественный, чародѣй, который творилъ около себя міры однимъ словомъ, однимъ дыханіемъ, но отъ него кромѣ вѣянія этого дыханія ничего не осталось, и такъ еще мало отвыкли мы отъ казенщины и рутинности въ приемахъ, что о немъ какъ-то странно говорить, говоря о писателяхъ, о литературѣ. Я разумѣю Мочалова, великаго актера, имѣвшаго огромное моральное вліяніе на все молодое поколѣніе тридцатыхъ годовъ, великаго выразителя, который былъ гораздо больше почти всего имъ выражаемаго, — Мочалова, слѣдъ

котораго остался только въ памяти его поколѣнія, да въ пламенныхъ и высокопоэтическихъ страницахъ Бѣлинскаго объ игрѣ его въ Гамлетѣ. Единственный человекъ, который въ ту эпоху стоялъ съ Мочаловымъ въ уровень богатствомъ романтическихъ элементовъ въ душѣ, Лажечниковъ, не давалъ ему никакой нищи, потому что писалъ романы а не драмы: эпохи новой, эпохи типовъ гениальный выразитель не дождался, и онъ творилъ изъ самыхъ бѣдныхъ матерьяловъ, творилъ, влагая въ скучныя формы свое душевное богатство.

Для людей, отвыкшихъ отъ казенщины въ мысли и чувствахъ, будетъ поэтому нисколько не странно, что имя трагика Мочалова попало въ критическую статью о литературѣ: это сдѣлалось потому же самому, почему имя Грановскаго, оставившаго по себѣ очень скудныя письменныя, литературныя слѣды, займетъ самое значительное мѣсто въ очеркахъ другой литературной эпохи, тогда какъ множество много-писавшихъ господъ будутъ упомянуты только по именамъ. Какъ съ Грановскимъ сливается цѣлое жизненное воззрѣніе, цѣлое направленіе дѣятельности, такъ съ Мочаловымъ сливается эпоха романтизма въ мысли, романтизма въ искусствѣ, романтизма въ жизни — и если пришлось говорить о романтизмѣ, то нельзя миновать его имени.

Бѣлинскій, какъ воплощенное критическое сознаніе эпохи, можетъ-быть сильнѣе всѣхъ подвергался вліянію этой стороны романтическаго вѣянія. Можно сказать, что оно наполняло всю его страстную душу въ періодъ отъ 1834 года, отъ ряда статей «Литературныя мечтанія» до 1838 года, когда онъ въ «Наблюдателѣ зеленаго цвѣта» спѣлъ ему послѣднюю прощальную пѣсню въ страстныхъ и великолѣпныхъ «статьяхъ о Гамлетѣ и игрѣ въ немъ Мочалова», на половину уже впрочемъ пропитанныхъ мистическимъ гегелизмомъ, т. е. новымъ видомъ романтизма.

Это «романтическое вѣяніе» съ одной стороны пришло къ намъ извнѣ, но съ другой стороны нашло въ насъ самихъ, въ нашей натурѣ готовыя даныя къ его воспріятію. Тяжкую борьбу выдержала съ этимъ бурнымъ вѣяніемъ великая натура Пушкина. Но то, что одолѣлъ Пушкинъ, надъ чѣмъ сталъ онъ властелиномъ, что привелъ въ мѣру и гармонію, то другихъ, менѣе сильныхъ, закруживало въ какомъ-то угарѣ — и сколько жертвъ пало закруженныхъ этимъ вихремъ: Марлинскій, Полежаевъ, Владиміръ Соколовскій, самъ Мочаловъ, Іеронимъ Южный... Есть книги, которыя представляютъ собою для наблюдателя нравственнаго міра такой же интересъ многоговорящей уродливости, какъ остатки допотопнаго міра для геолога. Такая книга напримѣръ, весь Бестужевъ (Марлинскій)

съ шумихой его фразъ, съ насильственными порывами безумной страстности — совершенно ненужными, потому что у него было достаточно настоящей страстности, съ дѣтскими промаками и широкими замашками, съ зародышами глубокихъ мыслей... Его уже нельзя читать въ настоящую эпоху — потому что онъ и въ своей то эпохѣ промелькнулъ метеоромъ; но тѣ элементы, которые такъ живо бушуютъ въ Амалатъ-бекѣ, въ его безконечно тянувшемся Мулауурѣ, въ ямъ же, только сплоченными мочучею властительною рукою художника, любуетесь въ созданіяхъ Лермонтова.

Онъ, по отношенію Бѣлинскаго къ этому, въ 1834 году еще молодому, еще любимому писателю истинно изумительно и наводитъ на многія разъмышленія. Оцѣнка Марлинскаго Бѣлинскимъ въ «Литературныхъ мечтаніяхъ» несравненно выше и вѣрнѣе оцѣнки Марлинскаго имъ же въ «Отечественныхъ Запискахъ» сороковыхъ годовъ. Въ ней дорого то, что Бѣлинскій тутъ еще самъ романтикъ — да и какой еще! романтикъ французскаго романтизма! тогда какъ въ сороковыхъ годахъ, перешелши горнило гегелизма правой стороны и отринувши эту форму — онъ уже относится къ Марлинскому съ слишкомъ отдаленной и эпохъ Марлинскаго чуждой высоты требованій.

Къ этой оцѣнкѣ почти нечего прибавить и въ наше время, какъ къ чисто-художественной; слѣдуетъ только посягнуть ея тамъ, гдѣ наше сознаніе выросло до болѣе яснаго разумѣнія. Но общій тонъ ея до сихъ поръ и вѣренъ и дорогъ, несмотря на то, что Бѣлинскій является здѣсь фанатическимъ поклонникомъ лицъ, подобныхъ Феррагюсу и Монриво, и что самъ онъ потомъ съ такою же наивною яростью преслѣдовалъ поклоненіе этимъ призракамъ, перенося озлобленіе нефита гегелиста на всю французскую литературу...

Вотъ этотъ фактъ, этотъ быстрый переворотъ, совершившійся въ Бѣлинскомъ, въ представителѣ критическаго сознанія цѣлой эпохи, и даже въ высочайшей степени. Мы замѣтять, что Пушкинъ никогда не увлекался юной французской словесностью, а умѣлъ между тѣмъ оцѣнить въ ней перлъ дарованія А. де Мюссе, — но Пушкинъ пережилъ уже тревожное вліяніе поэзіи, поэзіи Байрона — и юная французская словесность застала его уже въ зрѣлую эпоху развитія. Мы замѣтять, что И. В. Кирѣевскій, авторъ цѣлаго философскаго взгляда на нашу литературу, остался чуждъ этому вліянію, равно какъ и его кружокъ; но Кирѣевскій и его кружокъ были чистые теоретики, таковыми остались и такими окончательно являются. На натуры живыя, подобныя натурамъ Надеждина и Бѣлинскаго, ата вліяніе должно было сильно подействовать. На

натуры. богато одаренныя художественными силами, но недостаточно зрѣлыя, какъ натура Полежаева, или недостаточно гармоничныя, какъ натура Лажечникова, это вѣяніе опять-таки должно было дѣйствовать сильно. Кто изъ насъ, дѣтей той эпохи, умолъ изъ-подъ этого вѣянія?

Тѣмъ болѣе, что вліяніе-то было сильное. Вѣдь «Notre-Dame» Виктора Гюго расшевелила даже старика Гёте — и понятно почему; на что онъ слегка намекнулъ въ своей «Миньонѣ», то гениальный уродецъ, какъ долго титуловали мы великаго поэта, развила до-трай-никъ предѣловъ поэтическаго въ своей Эсмеральдѣ! Вѣдь и теперь еще надобно большія, напряженныя усилія дѣлать надъ собою, чтобы вначалѣ читать «Notre-Dame», не забрести, искренне не заревети вмѣстѣ съ голоднымъ поэтомъ Пьеромъ Гренгуаромъ за дыга-почкой и ея козочкой въ *Soixant-huit ans*; не увлечься потомъ до отстрастнаго сочувствія судьбою бѣдной мушки, надъ которой вѣтъ сътъ злой наукъ-судьба; не проклинать этого злого паука съ другою его жертвою Клавдіемъ Фролло; удержаться отъ головокруженія и проч. и проч. И вѣдь право, тотъ лирическій восторгъ, съ которымъ одинъ изъ нашихъ тогдашнихъ путешественниковъ, нынѣ едва ли помнящій или даже можетъ-быть постаравшійся забыть эту впечатлѣнія, описывалъ въ «Телескопѣ» свое восхожденіе на башни «Notre-Dame» и свое свиданіе съ В. Гюго, гораздо понятнѣе той принужденной и сочиненной холодности или того величественнаго презрѣнія, съ которымъ долго говорили мы о гениальномъ произведеніи и о самомъ гениальномъ поэтѣ. Да и не Гюго одинъ; въ молодыхъ повѣстяхъ, безнравственныхъ драмахъ А. Дюма, разбивавшагося въ послѣдствіи на «Монте-Кристо» и «Мускатеровъ», бьетъ такъ лихорадочно пульсъ, klokoчетъ такая лава страсти, хоть бы въ маленькомъ рассказѣ: «Маскералъ» или въ драмѣ «Антони» (а надобно припоминать еще, что въ «Антони» мы видѣли Мочалова — да и какого Мочалова!) что потребна и теперь особенная крѣпость нервовъ для того, чтобы эти вѣянія извѣстнѣмъ образомъ на насъ не подѣйствовали. Скажу болѣе — они, эти вѣянія, должны были быть пережиты всѣ отъ романовъ Гюго до «Мертваго осла и обезглавленной женщины» Ж. Жанена... Эти вѣянія отразились и притомъ отразились двойственно, созидательно съ одной стороны и разрушительно съ другой, на дѣятельности полнѣйшей и даровитѣйшей художественной натуры тридцатыхъ годовъ — Лажечникова.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что перейдя бездну, лежащую между написанными въ карамзинскомъ духѣ «Воспоминаніями офицера» и послѣдующими романами, натура богатаго бесстрастнѣйшимъ чутьемъ, женственно-страстною впечатлительностью, не положитель-

но лишонная самобладанія, Лажечниковъ, подѣ вліаніємъ вѣвнѣ, возвысившійся до «Ледяного дома» и «Бусурмана», переживши вѣвнѣ, отдавши ему дань — упалъ до «Бѣленскихъ и черненькихъ», до драмы «Еврейка» и проч.

Поразительнѣйшее явленіе этотъ огромный талантъ безъ всякаго мѣрила, въ которомъ романтизмъ получилъ русскій характеръ, — талантъ, могущественный до созданія истинно-народныхъ типовъ и безтактно сопоставляющій съ этими типами фигуры сумасбродныхъ художниковъ à la Кукольникъ, сладкихъ мечтателей à la Полевой. Но о немъ и его значеніи уже достаточно говорилъ я во второй главѣ моего изслѣдованія.

Другимъ яркимъ представителемъ этой эпохи былъ Полежаевъ, великое, погибшее дарованіе, о которомъ уже говорено въ этой статьѣ по поводу байронизма и о которомъ еще болѣе необходимо говорить, когда начинаешь вести рѣчь о нашемъ романтическомъ броженіи.

Въ самомъ дѣлѣ взгляните пристальнѣе въ ту поэтическую фантомію, которая встаетъ изъ-за отрывочныхъ, часто небрежныхъ, но мрачныхъ и пламенныхъ вѣсенъ Полежаева, и вы признаете то лицо, которое устами Арбенина говоритъ :

На жизни я своей узналъ печать проклятья,
И холодно закрылъ объятія
Для чувствъ и счастья земли.

Только Лермонтовъ уже прямо и безтрепетно начинаетъ съ того, чѣмъ безнадежно и отчаянно кончалъ Полежаевъ, — съ положительной невозможности процесса нравственнаго возрожденія. О чемъ Полежаевъ еще стонетъ, если не плачетъ, о томъ Лермонтовъ говоритъ уже съ холодной и иронической тоской. Полежаевъ, рясая мракъ и адъ собственнаго душевнаго міра, говоритъ :

Есть духи зла — неистовыя чада
Благословеннаго творца,
Удѣлъ ихъ, — грусть, отчаянье, отрада,
А жизнь — мученье безъ конца,

и описывая судъ, совершившійся надъ падшими духами, кончаетъ такъ :

Съ тѣхъ поръ, враги прекраснаго созданья
Таятся горестно во мглѣ —
И мучить ихъ и жечь безъ состраданья
Печать проклятья на челѣ.
Наирасно ждуть преступныя свободы.

Они противны небесамъ —
 Не долетитъ въ объятія природы
 Ихъ недостойный шумъ и гнѣвъ.

Лермонтовъ безъ страха и угрызений, съ ледяной ироніей становится на сторону тревожнаго, отрицательнаго начала въ своемъ «Демонѣ» и въ своей «Сказкѣ для дѣтей»; онъ съ ядовитымъ наслажденіемъ идетъ объ руку съ мрачнымъ призракомъ, имъ же вызваннымъ, видитъ вмѣстѣ съ нимъ,

. . . . . съ невольною отрадой
 Преступный сонъ подъ сѣнью палаты,
 Короткій трудъ предъ тощею лампадой
 И страшныхъ тайнъ вездѣ печальный рядъ;

ловить какъ этотъ же зловѣщій призракъ

. . . . . блуждающіе звуки,
 Веселый смѣхъ и крикъ послѣдней муки.

подслушиваетъ «въ молитвахъ — упрекъ»

Въ бреду любви безстыдное желанье,
 Вездѣ обманъ, безумство или страданье.

Состояніе духа, конечно болѣе послѣдовательное, но едвали не болѣе насильственное, нежели дрожь и знобъ страданія и страха, смѣшанные съ неукротимою страстностью и гордостью отчаянія, которые слышны въ полежаевскихъ звукахъ.

Мрачныя, зловѣщія предчувствія, терзавшія душу Полежаева, вырывали порою изъ души его энергическіе стовы вродѣ пьесы «Осужденный» въ особенности ея начала:

Я осужденъ къ позорной казни,
 Меня законъ приговорилъ;
 Но я печальный мракъ могилъ
 На плахѣ встрѣчу безъ боязни,
 Окончу дни мои какъ жилъ.
 Къ чему раскаянье и слезы
 Передъ безчувственной толпой,
 Когда назначено судьбой
 Мнѣ слышать вопли и угрозы
 И гулъ проклятій за собой?
 Давно душой моей мятежной
 Какой-то демонъ овладѣлъ
 И я зловѣщій мой удѣлъ,
 Неотразимый, неабѣжный,

Въ дали туманной усмотрѣлъ...
 Не розы свѣтлаго нафоса,
 Не ласки Гурій въ тишинѣ,
 Не искры ахонта въ вивѣ,
Но смерть, стѣхи и колеса
Всегда мнѣ президись во оны.

(Стихотвореніа Полежаев. Москва 1857 г. стр. 59, 60.)

Эти мрачныя, зловѣщія предчувствія, звучащія стономъ и трепетомъ ужаса, совершенно понятны будутъ, если читатели припомнятъ обстановку, изъ которой вышелъ Полежаевъ. У Лермонтова такъ же выдадутся вполнѣствіи эти мрачныя, зловѣщія предчувствія, но самый каннискій трепеть получить у него что-то и извѣстнаго и вмѣстѣ могущественнаго въ стихотвореніи «Несмѣйся надъ моею пророческой тоскою» или въ другомъ:

Гляжу на будущность съ боязнью,
 Гляжу на прошлое съ тоской,
 И какъ преступникъ передъ казнью
 Ищу кругомъ души родной.

У Лермонтова все оледенится, застынетъ въ суровой и жестокой горлости. Онъ съ наслажденіемъ будетъ, вмѣстѣ съ своимъ Арсеніемъ, всматриваться въ смерть и разрушеніе:

Но приближаясь видѣть оны
 На тонкихъ бѣлыхъ кружевахъ
 Чернѣющій сломаи прахъ
 И ткани паутины сѣдыхъ
 Вкругъ замазѣсокъ парчевыхъ...
 Тогда въ окно свѣтлицы той
 Упалъ заката лучъ златой,
 Играя. На поверъ цвѣтной
 Арсеній голову склонилъ...
 Но вдругъ затрясся, оглохнулъ
 И вскрикнулъ, будто на змѣю
 Поставилъ оны лету свою.
 Увы! теперь оны былъ бы радъ,
 Когда бъ быстрой чѣмъ выскъ или авгадъ
 Въ него проникъ смергельный адъ.
Громаду бѣлую костей
И жолтый черепъ безъ очей
Съ улыбкой сплелъ и шлоей —
Вотъ что узрѣлъ оны предъ собой.
Густая, длинная жеса,
Плечъ бѣломраморныхъ краса

*Разсыпавшись въ сумамъ постлажь
Кой идь прилинула, и тамъ,
Гдѣ сердце чистое такой
Любовью билось огневою,
Давно безъ пищи ужъ бродилъ
Кривавый червь — жилецъ могилъ.*

Уже и по одному такому многознаменательному мѣсту, мы всѣ были вправѣ видѣть въ поэтѣ, что онъ самъ въ себѣ провидѣлъ, т. е. «не Байрона, а другого, еще невѣдомаго избранника» и притомъ «съ русской душой», ибо только русская душа способна дойти до такой безопазднѣйшей послѣдовательности мысли или чувства, въ ихъ приложеніи на практикѣ, и отъ этой трагической, еще мрачной безтрепетности — одинъ только шагъ до простыхъ отношеній графа Толстого къ идеѣ смерти и до его безопаднаго анализа этой идеи, или даже до рассказовъ извѣстнаго рассказчика о смерти старухи, или о плачѣ барыни о покойномъ мужѣ — рассказовъ, въ которыхъ въ самой смерти уловлено и подмѣчено то что въ ней можетъ-быть комическаго. А между тѣмъ безтрепетность Лермонтова есть еще романтизмъ, выходитъ какъ уже сказано, изъ состоянія духа болѣе послѣдовательнаго, но зато болѣе насильственнаго чѣмъ настроеніе полежаевское въ пѣсняхъ «Черная коса», «Мертвая голова» и проч.

Ледяное, ироническое спокойствіе Лермонтова — только кора, которою покрылся романтизмъ, да и кора эта иногда спадаетъ, какъ напримѣръ въ пѣсняхъ «къ ребенку», «1 января», гдѣ поэтъ, измѣняя своей искусственной холодности, плачетъ искренно, уносится въ своего рода «Dahin!» въ романтическій міръ воспоминаній:

И если какъ-нибудь на мигъ удастся мнѣ
Забыться памятью, къ недавней старинѣ,
Лечу я вольной, вольной птицей,
И вижу я себя ребенкомъ и кругомъ
Родныя всѣ мѣста, высокій барскій домъ
И садъ съ разрушенной теплицей.
Зеленой сѣтью травъ подернуть сиящій прудъ,
А за прудомъ село дымится и встаютъ
Вдали туманы надъ полями.
Въ алею темную вхожу я, сквозь кусты
Глядитъ вечерній лучъ, и желтые листы
Шумятъ подъ робкими шагами
И странная тоска тѣснить ужъ грудь мою.
Я думаю объ ней, я плачу и люблю,
Люблю мечты моей созданье,
Съ глазами полными лазурнаго огня,

Съ улыбкой розовой, какъ молодого дня
За рощей первое сіанье!

Подобнаго рода порывы тоскующаго глубоко и искренне чувства рѣдкіе у Лермонтова, постоянно встрѣчающіеся у Полежаева («Черные глаза», «Зачѣмъ задумчивыхъ очей»), нашли для себя особенный голосъ впоследствии въ поэтѣ: «Монологъ» «Дилжанса» и другихъ дышащихъ глубокою и неподдѣльною скорбію стихотвореній, въ поэтѣ, который несмотря на безыскусственность и небрежность своихъ пѣсней, занимаетъ очень важное мѣсто въ исторіи нашего душевнаго броженія, какъ искреннѣйшій поэтъ скорбей своего поколѣнія, выразитель хотя и однообразный, но глубокой его задумчивѣйшихъ стонувъ...

АПОЛЛОНЪ ГРИГОРЬЕВЪ

НАШИ ДОМАШНІЯ ДѢЛА

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ

Основные преобразованія судебной части въ Россіи. — Рѣчь волостного старшины. — Хитрая барыня. — Введеніе уставныхъ грамотъ. — Вольнонаемный трудъ въ сельскомъ хозяйствѣ. — Экономическая будущность Россіи. — Земско-хозяйственныя учрежденія. — Кошерный сборъ. — Рекрутскій наборъ. — Золотое дѣло. — Акціонерныя дѣла. — Николаевская желѣзная дорога. — Непестижимыя исторіи.

Громаднѣйшій переноротъ готовится въ судьбѣ Россіи, переворотъ радикальный, охватывающій всю нашу внутреннюю жизнь, преобразование, которое по огромной важности своей почти равняется освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Переворотъ еще только готовится, но главныя основанія его уже утверждены, упрочены за Россіей. Двадцать девятого сентября высочайше утверждены основныя положенія преобразованія судебной части въ Россіи въ смыслѣ самыхъ серьезныхъ улучшеній. Эти основныя положенія еще не введены въ жизнь: правительство еще работаетъ надъ составленіемъ законоположеній сообразно съ утвержденными началами, еще будутъ приняты переходныя мѣры, при помощи которыхъ совершится окончательное вступленіе Россіи въ новую, юридически-полноправную жизнь, и срокъ этихъ мѣръ еще неизвѣстенъ; еще самый текстъ законоположеній можетъ имѣть вліаніе на степень дѣйствительности основныхъ положеній; но правительство обнародовало эти положенія, и тѣмъ исполнило пламеннѣйшія желанія всѣхъ любящихъ Россію. Будемъ теперь съ нетерпѣніемъ ждать общанныхъ преобразованій, зная очень хорошо, что существующіе теперь такъ-называемые порядки судебной части признаются неудовлетворительными не только частными людьми, но и самымъ правительствомъ. Это неудовлетворительное существуетъ некамість, но всякій видитъ очень хорошо, что это не куколка, изъ

которой должна вывестись бабочка, что ожидаемый теперь порядок не только не похожъ на нынѣшній, какъ бабочка не похожа на куколку, но и не имѣетъ съ нимъ ровно ничего общаго, тогда какъ органы куколки всѣ прямо и непосредственно переходятъ въ органы бабочки.

Переворотъ въ судебной части у насъ произойдетъ полнѣйшій: новое выработается не изъ стараго, фениксъ сгоритъ до тла и прахъ его развѣется вѣтромъ, а на мѣсто его лягнетъ не фениксъ, а нѣчто совершенно другое.

Основанія новаго судоустройства могутъ быть выражены въ четырехъ пунктахъ:

1) Власть судебная *отдѣляется* отъ исполнительной, административной и законодательной.

2) Судебныя засѣданія для рѣшенія гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ происходятъ *публично* въ присутствіи тяжущихся, обвиняемыхъ, свидѣтелей и *постороннихъ лицъ* (§ 60).

3) Каждое окончательное рѣшеніе состоявшееся публично можетъ быть *напечатано* какъ самимъ судомъ, такъ и частными лицами и обсуждается сими послѣдними въ юридическихъ журналахъ, съ сохраненіемъ должнаго къ суду и его членамъ уваженія. (§ 62)

4) *Различіе подсудности* по сословіямъ *отмѣняется*. (§ 17)

Во всемъ этомъ вѣтъ и слѣда тѣхъ засѣданій, которыя у насъ теперь называются судами, и правительство, принимая эти четыре пункта, крайне огорчаетъ тѣхъ убогихъ публицистовъ, которые увѣряютъ, будто всякая новал мѣра должна постепенно вытекать изъ старыхъ, укрьпившихся временемъ и обычаями формъ. Какимъ образомъ изъ канцелярской тайны можетъ произойти публичность? Какъ изъ зависимости судебной власти отъ администраціи произошла бы независимость? Какъ изъ различія подсудности могла бы произойти отмѣна этого различія? Конечно, правительство предупреждаетъ насъ, что будетъ переходное время, но это будетъ только «опредѣленный порядокъ постепеннаго введенія въ дѣйствіе новыхъ уставовъ и положеній.» Само собою разумѣется, что невозможно въ одинъ день установить по цѣлой Россіи и мировыхъ судей, и окружные суды, и присяжныхъ засѣдателей, и судебныя палаты, и присяжныхъ повѣренныхъ; на все это нужно время, но кто же не видитъ, что благо Россіи зависитъ отъ того, чтобы это время было какъ можно короче, и чтобы новые уставы и положенія не имѣли ни малѣйшаго сходства со всѣмъ существовавшимъ. Остается только громко пожалѣть тѣхъ подсудимыхъ и тяжущихся, которые будутъ въ какихъ-нибудь отношеніяхъ съ судебною властью втеченіе всего времени отъ 29 сентября до окончательнаго введенія въ дѣй-

ствіе новыхъ уставовъ и положеній, потому что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ положеніе измѣнится къ величайшей выгодѣ всѣхъ привлеченныхъ или прибѣгающихъ къ суду. Начиная съ бѣдняка, подозреваемого въ убійствѣ, до счастливица, отыскивающего полтора миліона наслѣдства, всѣ почувствуютъ величайшее облегченіе своей участи.

«Власть обвинительная отдѣляется отъ судебной.» Прокуроръ преслѣдуетъ обвиняемого, но судить его не можетъ. На это учреждается особенная судебная власть, которая безъ всякаго участія властей административныхъ разсматриваетъ уголовныя дѣла и постановляетъ приговоры. Въ публичномъ засѣданіи суда доказательства, обнаруженныя предварительнымъ слѣдствіемъ, повѣряются и дополняются. Въ основныхъ положеніяхъ преобразованія у насъ судебной части не видно въ какой мѣрѣ будутъ измѣнены правила о предварительныхъ слѣдствіяхъ, и будетъ ли попрежнему подозреваемый сидѣть цѣлые годы въ острогѣ, ожидая окончанія предварительнаго слѣдствія. Если предварительное слѣдствіе остается безпредѣльно въ рукахъ администраціи, то не останется ли въ дѣлахъ прежней медленности и прежняго административнаго произвола? Въ главѣ «о дознаніяхъ и предварительныхъ слѣдствіяхъ» сказано, что полиція производитъ только дознанія о преступленіяхъ и проступкахъ, а потомъ učinенное полиціею дознаніе передается ею непосредственно мѣстному судебному слѣдователю. Полиція, при производствѣ дознанія, можетъ задерживать подозреваемыхъ въ преступленіяхъ только въ случаяхъ законами опредѣленныхъ, и по задержаніи кого-либо, должна немедленно увѣдомить о семъ судебного слѣдователя и прокурора. Далѣе судебный слѣдователь приступаетъ къ предварительному слѣдствію: 1) по требованіямъ прокуроровъ, 2) по сообщеніямъ присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ, 3) по жалобамъ и объявленіямъ частныхъ лицъ и 4) по собственному усмотрѣнію. Въ «основныхъ положеніяхъ» мы не могли отыскать опредѣленія степени зависимости судебного слѣдователя отъ администраціи. Въ судебномъ слѣдователѣ заключается весь ключъ будущаго устройства судебной части, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что недавно введенныя правила о судебныхъ слѣдователяхъ должны будутъ быть точно такъ же радикально измѣнены, какъ и всѣ законы, касающіеся судебной части. При нынѣшнемъ положеніи вещей судебный слѣдователь иногда долженъ начать двадцать слѣдствій въ одинъ день, на другой день пятнадцать, на третій семьнадцать, въ разныхъ частяхъ уѣзда, и т. д. Понятно, что въ слѣдствіяхъ нельзя ожидать особенной быстроты; законъ и не опредѣлялъ никакого срока на производство слѣдствій, что было бы даже

невозможно по самой сущности дѣла. Стало-быть ожидаемый законъ измѣнить также и положеніе судебныхъ слѣдователей, въ видахъ точнѣйшаго опредѣленія ихъ отношеній и степени ихъ независимости отъ администраціи.

Участь человѣка, попавшаго подъ предварительное дознаніе, обезпечена только въ томъ отношеніи, что онъ непремѣнно долженъ быть допрошенъ втеченіи сутокъ. Но что будетъ за тѣмъ и какъ будетъ производиться дознаніе, и чѣмъ обезпеченъ подозреваемый, что предварительное дознаніе не будетъ продолжаться нѣсколько лѣтъ, — это покаместъ еще неизвѣстно и разъяснится впоследствии. Но когда судебный слѣдователь признаетъ предварительное слѣдствіе оконченнымъ, онъ представляетъ его прокурору окружнаго суда. Если прокуроръ найдетъ, что подозреваемый долженъ быть преданъ суду, то онъ составляетъ обвинительный актъ, который предъявляется судомъ обвиняемому, съ предоставленіемъ ему указать, кого онъ признаетъ нужнымъ вызвать въ судъ къ судебному слѣдствію и кого избираетъ своимъ защитникомъ. Обвиняемый и его защитникъ могутъ требовать выдачи имъ копія съ обвинительнаго акта и разсмотрѣть подлинное слѣдствіе въ канцеляріи суда подъ належащимъ надзоромъ. Затѣмъ судебное публичное засѣданіе начинается чтеніемъ обвинительнаго акта. Обнаруженныя при предварительномъ слѣдствіи доказательства повѣряются и дополняются въ судѣ: 1) разсмотрѣніемъ полныхъ протоколовъ объ осмотрахъ, выемкахъ, обыскахъ и другихъ письменныхъ и вещественныхъ доказательствахъ, и 2) отобраніемъ показаній отъ подсудимаго, свидѣющихъ людей, свидѣтелей и участвующихъ въ дѣлѣ лицъ. Для полнаго разъясненія дѣла, въ допросахъ и преніяхъ на судѣ принимаютъ участіе прокуроръ, подсудимый, его защитникъ и лицо, потерпѣвшее отъ преступленія. Члены суда и присяжные засѣдатели могутъ требовать разъясненій; послѣднее слово въ преніяхъ на судѣ принадлежитъ всегда обвиняемому или его защитнику. Потомъ предсѣдатель суда вручаетъ старшему присяжному засѣдателю письменные вопросы: 1) о дѣйствительности событія, вошедшаго поводъ къ обвиненію и 2) о винѣ или невинности подсудимаго по предметамъ обвиненія. Присяжные засѣдатели разрѣшаютъ предложенные имъ вопросы по большинству голосовъ. Въ случаѣ равенства голосовъ дается преимущество тому мнѣнію, которое оправдываетъ подсудимаго.

Такимъ образомъ всякому подсудимому обезпечено справедливое рѣшеніе его дѣла, съ той минуты, какъ онъ преданъ суду; но во все время предварительнаго слѣдствія, то-есть въ самое тяжелое для обвиняемаго время онъ будетъ находиться въ такихъ же точне

обстоятельствахъ , какія существуютъ и теперь , если ожидаемыми законоположеніями это не будетъ измѣнено.

Въ основныхъ положеніяхъ преобразованія судебной части постановлены также правила о судопроизводствѣ по преступленіямъ и проступкамъ по службѣ. Наложене на должностныхъ лицахъ взысканій административнымъ порядкомъ , за упущенія по службѣ , производится на прежнемъ основаніи. Но когда начальство передаетъ обвиняемаго суду , то оно обязано привести всѣ предметы обвиненія въ такую ясность , чтобы постановленіе о преданіи суду служило обвинительнымъ актомъ , и чтобы судебному мѣсту можно было приступить въ его засѣданіи прямо къ судебному слѣдствію. Затѣмъ дѣла о преступленіяхъ и проступкахъ по службѣ производятся въ судебныхъ мѣстахъ и кассационныхъ департаментахъ сената по общимъ правиламъ уголовного судопроизводства. Въ подробныхъ уставахъ и положеніяхъ конечно будутъ опредѣлены права лица , напрасно обвиняемаго въ преступленіи по службѣ. У насъ прежде нерѣдко простая минутная прихоть начальника отдавала подчиненнаго подъ судъ ; затѣмъ по суду подчиненный оказывался ни въ чемъ ни душой ни тѣломъ не виноватымъ. Но дѣло было уже совершенно-непоправимо , точно такъ же какъ непоправимо лишеніе жизни. За пребываніе подъ судомъ , несмотря ни на какое блестящее оправданіе подсудимаго , на доказательство совершенной его невинности , онъ лишается службы , теряетъ свою карьеру , теряетъ право на пенсію. Неизвѣстно , будетъ ли въ подробныхъ уставахъ и положеніяхъ постановлено что-нибудь въ огражденіе подчиненныхъ отъ произвола начальства и чѣмъ подчиненный будетъ огражденъ : преданіемъ ли суду неправильно обвинившаго начальника , или денежнымъ штрафомъ , или чѣмъ другимъ , или будутъ отиѣнены всѣ послѣдствія неправильнаго обвиненія и безвиннаго нахожденія подъ судомъ.

По гражданскому судопроизводству преобразованіе производится тоже радикальное. Гражданское судопроизводство будетъ гласное , такъ что Россія наконецъ будетъ избавлена отъ безконечнаго многописанія , отъ такихъ объемистыхъ дѣлъ , которыя трудно увезти на двухъ возахъ. Канцелярская тайна , источникъ тысячи злоупотребленій , уничтожается. Тяжущимся и ихъ повѣреннымъ открывается свободный доступъ къ обзорѣнію судебного производства , и никакое дѣйствіе , показаніе или требованіе одной стороны не должно быть скрываемо отъ другой. Всѣ необходимыя для разъясненія дѣла свидѣнія и справки собираются самими тяжущимися и судъ не входитъ по этому предмету ни въ какую переписку съ другими мѣстами и лицами , но выдаетъ тяжущимся , по просьбѣ ихъ , свидѣ-

тельства для полученія этихъ справокъ и свѣдѣній. Число подаваемыхъ тяжущимися состязательныхъ бумагъ ограничивается четырьмя: по двѣ для каждой стороны. Затѣмъ докладъ будетъ производиться въ публичномъ засѣданіи суда не секретаремъ, а однимъ изъ членовъ. По объясненіи докладчиковъ сущности дѣла, начинается состязаніе сторонъ. По окончаніи словеснаго состязанія, предсѣдатель излагаетъ вкратцѣ сущность дѣла и требованія сторонъ, и за тѣмъ судъ постановляетъ рѣшенія по общимъ правиламъ.

Нѣтъ возможности въ короткихъ словахъ передать всѣ тѣ подробности ожидаемаго преобразованія судебной части, которыя изложены въ «Основныхъ положеніяхъ.» Читатели наши, безъ сомнѣнія, прочитали въ подлинникъ «Основныя положенія». Теперь приняты мѣры для составленія подробныхъ уставовъ и положеній, для чего и составлена въ государственной канцеляріи особая коммиссія. Теперь она собираетъ свѣдѣнія о составѣ, кругѣ дѣйствій и дѣлопроизводствѣ различныхъ судебныхъ мѣстъ, такъ какъ это необходимо имѣть въ виду для точнаго и успѣшнаго окончанія всего вообще поручаемаго коммиссіи дѣла, особенно по составленію проектовъ, касающихся судоустройства. Само собою разумѣется, что коммиссіи извѣстенъ и кругъ дѣйствій и дѣлопроизводство различныхъ судебныхъ мѣстъ, какъ извѣстно это всякому, читавшему Сводъ Законовъ; но надо полагать, что коммиссія наводитъ справки о личномъ составѣ судовъ и о количествѣ въ нихъ дѣлъ, чтобы сообразно съ этимъ опредѣлить въ какой мѣрѣ нужны намъ образованные юристы въ особенности и образованные люди вообще, — стало-быть въ какой мѣрѣ необходимы намъ университеты и еще университеты.

Громадное дѣло возложено на коммиссію. И нельзя не порадоваться, что ей предоставлено приглашать въ свои засѣданія юристовъ, «замѣчанія коихъ могутъ принести пользу при предварительномъ обсужденіи работъ.» Къ участію въ засѣданіяхъ будутъ призваны также нѣкоторые предсѣдатели или товарищи предсѣдателей судебныхъ палатъ, предсѣдатели коммерческихъ судовъ и прокуроры, и *нѣкоторые другія лица.* Само собою разумѣется, что чѣмъ больше будетъ этихъ лицъ, до извѣстнаго предѣла, тѣмъ многостороннѣе будетъ обсуждено дѣло, тѣмъ прочнѣе установится вновь вводимый порядокъ, тѣмъ меньше впоследствии потребуетъ перемѣнъ и тѣмъ съ большею благодарностью Россія приметъ новые суды, и тѣмъ охотнѣе предастъ своему обычному великодушному забвенію старое.

Объ этомъ весьма наивно и дѣльно выразился волостной стар-

пяти Иванъ Никитинъ, на обѣдѣ, который онъ давалъ въ день тезоименитства императора, у себя дома, въ боровскомъ погостѣ великолукскаго уѣзда (исков. губ.) Народъ обѣдалъ на дворѣ, а мировой посредникъ и сосѣдніе помѣщики въ домѣ у старшины. Во время обѣда Иванъ Никитинъ обратился къ присутствующимъ съ слѣдующими словами: «милостивые государи, забудемъ старыя наши отношенія въ крѣпостномъ правѣ, и будемъ жить пососѣдски. Вы не забывайте насъ, не чуждайтесь насъ, а мы васъ не забудемъ.» Въ этихъ словахъ заключается окончательная ликвидація крѣпостного права: забудемъ крѣпостныя отношенія, но людей, бывшихъ съ нами въ этихъ отношеніяхъ, не забудемъ и не оставимъ; дѣло только въ томъ, чтобы они насъ не чуждались, а сблизились бы съ нами, да не совершали бы продѣлокъ вродѣ той, которая случилась недавно въ новоржевскомъ уѣздѣ.

Тамъ, именно въ третьемъ мировомъ участкѣ (посредникъ Кришцынъ), нѣкоторая помѣщица, имя которой скромно умалчивается въ «Сѣверной Почтѣ», запродала постороннему лицу часть усадебной земли, принадлежащей временно-обязаннымъ крестьянамъ, на ея землѣ поселеннымъ, да кстати запродала и бывшій въ постоянномъ ихъ пользованіи прогонъ для скота. Все это совершилось послѣ обнародованія положеній объ освобожденіи крестьянъ. Запроданныя мѣста были надлежащимъ образомъ загорожены, и новые владѣльцы стали стѣснять крестьянъ. Къ счастью мировой посредникъ не далъ себя обмануть и привелъ надлежащее толкованіе закона, по которому запродажа владѣльцемъ постороннимъ лицамъ земель, состоящихъ въ пользованіи крестьянъ, не должна служить основаніемъ къ отрѣзкѣ этихъ земель отъ крестьянскаго надѣла. Такимъ образомъ помѣщицѣ не удалось обмануть крестьянъ и мирового посредника, да въ добавокъ она еще будетъ вѣдаться судомъ съ людьми, купившими у нея крестьянскія земли, да еще судомъ прежнимъ, основаннымъ на канцелярскихъ тайнствахъ и поощреніи бумажныхъ фабрикантовъ.

Уставныя грамоты вводятся и представляются чрезвычайно медленно. Срокъ, назначенный положеніями для составленія грамотъ самими помѣщиками, уже давно кончился и близокъ къ окончанію срокъ, опредѣленный для повсемѣстнаго введенія грамотъ. Помѣщики нерѣдко представляютъ посредникамъ уставныя грамоты, несогласныя съ положеніями. Чтобы покончить съ ними, распоряженіемъ министерства постановлено не возвращать болѣе такія грамоты помѣщикамъ для исправленія, съ тѣмъ, чтобы ихъ исправляли или составляли вновь уже сами мировые посредники.

Къ началу прошедшаго сентября всего представлено 71,212 уста-

вныхъ грамотъ , и изъ нихъ введено въ дѣйствіе только 39,371. Крестьяне, обладающіе уже дѣйствующими уставными грамотами, составляютъ нѣсколько болѣе третьей доли (именно 37½ процентовъ) общаго числа временно-обязанныхъ крестьянъ. Но дѣло въ томъ , что когда нужно , мы умѣемъ и поторопиться. По этому можно надѣяться , что къ назначенному сроку , до истеченія котораго остается еще около полугода , грамоты будутъ введены въ дѣйствіе повсемѣстно.

Впрочемъ есть уже много мировыхъ участковъ , въ которыхъ всѣ до одной грамоты и составлены и введены уже въ дѣйствіе. Такихъ мировыхъ участковъ пятьдесятъ два. Есть даже цѣлыя два уѣзда , въ которыхъ введены всѣ грамоты.

И тогда Россія окончательно вступить въ періодъ вольнонаемнаго труда , и тогда только начнетъ мало-помалу уясняться наша экономическая будущность. Теперь уже многіе помѣщики сократили свою запашку и обрабатываютъ меньшее противъ прежняго количество земли. Между прочимъ это видно изъ одной замѣчательной статьи , помѣщенной въ калужскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ. Статья эта составлена изъ свѣдѣній , присланныхъ тринадцатью мировыми посредниками , и потому достоверность фактовъ , въ ней сообщаемыхъ , не можетъ подлежать сомнѣнію. Оказывается , что вольнонаемный трудъ въ сельскомъ хозяйствѣ далеко не даетъ тѣхъ удовлетворительныхъ результатовъ , какіе отъ него ожидалось. Обработка земли обходится помѣщикамъ такъ дорого , что не окупается произведеніями земли , или едва окупается. Поэтому помѣщики обрабатываютъ лишь лучшія свои земли , а остальные отдаютъ въ наемъ крестьянамъ. Желающихъ нанять земли весьма много , такъ что распахиваются старыя залежи , запущенныя по негодности.

Теперь оказывается несомнѣннымъ , что наше сельское хозяйство должно по необходимости измѣниться радикально , сообразно съ происходящимъ радикальнымъ измѣненіемъ нашего сельскаго быта , и что наука должна и здѣсь быть руководительницею наступающихъ преобразованій. Теперь оказывается , что мы не имѣемъ понятія о необходимой въ сельскомъ хозяйствѣ расчетливости. Благодаря крѣпостному труду , мы еще не считали , во что намъ самимъ обходится четверть хлѣба , и теперь еще надо учиться считать. Бывали примѣры , что помѣщикъ не зналъ куда дѣвать своихъ рабочихъ , на какую работу ихъ поставить , и приказывалъ рыть въ саду прудъ , который на другой годъ приказывалъ засыпать. Теперь этого уже нельзя , потому что невольно кидается въ глаза итогъ того , во что подобная бесполезная работа обойдется. Но это примѣръ уже

слишкомъ рѣзкій. Цѣны на хлѣбъ устанавливались у насъ безо всякаго отношенія къ тому, во сколько производителю обходится пудъ хлѣба, потому что у производителя не было твердаго основанія для этого расчета. Теперь основаніе есть, и несмотря на нѣкоторую стѣснительность общаго положенія, всякій хозяинъ лучше захочетъ заплатить дорого, но знать сколько именно, чѣмъ блуждать въ хозяйственной мглѣ. Результатъ выходитъ въ высшей степени благопріятный для рациональнаго хозяйства; оказывается, что безъ введенія машинъ, безъ улучшенія породъ скота, безъ прочныхъ каменныхъ построекъ, безъ строжайшей расчетливости помѣщиковъ не въ состояніи будетъ соперничать на рынкѣ съ крестьянскимъ хлѣбомъ.

До сихъ поръ наша экономическая дѣятельность вся носила на себѣ печать крѣпостного труда, и не было такой отрасли дѣятельности, на которой не отзывалось бы это учрежденіе, теперь отжившее. Начать съ того, что Россія считалась, и до сихъ поръ считается у нѣкоторыхъ экономистовъ государствомъ, самую природою созданнымъ для земледѣлія. На томъ основаніи, что мы отправляемъ за границу ленъ и покупаемъ полотно изъ нашего льну приготовленное, они увѣряютъ, будто такъ всегда и должно быть, и что кромѣ льну, цѣпки, хлѣба, кожъ и сала мы никогда ничего не должны производить. Они въ своихъ горемычныхъ трактатахъ, пышно именуемыхъ политическою экономіей, увѣряютъ, будто Россія вѣчно будетъ государствомъ земледѣльческимъ. Восемь мѣсяцевъ зима, восемь мѣсяцевъ земледѣлецъ вынужденъ даромъ ѣсть свой хлѣбъ, — и это страна по преимуществу земледѣльческая? При отсутствіи удобныхъ глубокихъ рѣкъ, въ добавокъ еще полгода покрытыхъ льдомъ — страна земледѣльческая? При зимнемъ пути, по которому на каждой верстѣ твердо стоитъ по двѣсти пятидесяти замороженныхъ волнъ морскихъ, называемыхъ ухабами, и причиняющихъ самому здоровому путешественнику морскую болѣзнь, если не членовредительство — страна земледѣльческая? — Мы не станемъ, конечно, произносить рѣшительнаго приговора объ экономической будущности Россіи; но никто, конечно, не усомнится, что съ окончательнымъ освобожденіемъ крестьянъ наша дѣятельность приметъ другое направленіе: Россія не останется государствомъ чисто земледѣльческимъ. Повятно само собою, что при существованіи крѣпостного права, помѣщики всего проще могли извлекать изъ своихъ крѣпостныхъ какой-нибудь доходъ при помощи земледѣльческой работы, потому что въ земледѣліи большая часть производительнаго труда возлагается на даровыя силы природы, а то, что приходится на долю человѣка, можетъ быть сдѣлано

болѣе или менѣе тщательно, безъ рѣзкаго вліянія на болѣе или менѣе обильные результаты. Въ другихъ отрасляхъ промышленности на даровыя силы природы люди рассчитываютъ гораздо менѣе, и несравненно большей тщательности требуется отъ человѣческаго труда. Этой тщательности, отчетливости нельзя было ожидать отъ крѣпостного труда. Къ тому еще наша паспортная система и нашъ подушный окладъ привязывали человѣка къ землѣ, такъ что ежели человѣкъ и жилъ внѣ своей общины, то всегда невидимая цѣнь въ видѣ паспортнаго срока привязывала его къ мѣсту рожденія. Съ перемѣною паспортной системы и съ перехода окладовъ съ душъ на имущества исчезнетъ и это стѣсненіе. Тогда, при помощи нѣкоторыхъ облегченій, экономическая дѣятельность наша приметъ свое естественное направленіе, но какое именно, это сдвали кто теперь можетъ сказать на сколько-нибудь прочныхъ основаніяхъ.

Въ калужской губерніи, говорятъ, крестьяне охотно навиваютъ помѣщичьи земли. Прекрасно; они конечно видятъ въ этомъ свои выгоды и извлекаютъ ихъ даже изъ плохихъ, заброшенныхъ участковъ. Но дѣло въ томъ, что навсегда въ такомъ положеніи дѣла остаться не могутъ. Запущенныя за негодностью старыя залежи отъ времени поправляются, но при усиленной разработкѣ истощаются весьма скоро. Приверженцы англійскихъ взглядовъ на нашу торговлю не хотятъ этого знать, не хотятъ справиться съ земледѣльческою химіей и съ статистикой, и увѣряютъ, будто страна вѣчно можетъ производить хлѣбныя растенія и безнаказанно вывозить свои продукты. Пусть же она справится, въ какомъ положеніи теперь земли Мариланда, Кентуки и сѣверной Каролины, считавшіяся плодороднѣйшими на земномъ шарѣ. Они узнаютъ, что эти земли, вслѣдствіе усиленной обработки, потеряли всякую производительность и съ трудомъ родятъ дрянныя сорныя травы. Пусть они спросятъ опытныхъ хозяевъ хѣта екатеринославской губерніи, велики ли тамъ средніе урожан. Они узнаютъ, что самыя пята считается тамъ урожаемъ далеко не самымъ дурнымъ, и что наши великолѣпныя черноземы выпахались, такъ что и они уже требуютъ перехода на рациональное хозяйство. Пусть же они взглянуть въ земледѣльческую химію: тамъ они узнаютъ, что составныя части зерна заключаются въ почвѣ въ очень ограниченномъ количествѣ, что самая богатѣйшая почва наконецъ истощается, если съ нея постоянно увозить эти драгоценныя составныя части; что для поддержанія плодородія эти части должны въ томъ или въ другомъ видѣ возвращаться въ почву, а то на мѣсто плодородія явится наконецъ мерзость запустѣнія. Калужскіе крестьяне знаютъ это все очень хорошо, и если теперь охотно каму-

лись на дешовыя помѣщичьи земли, то разумѣется не для того, чтобы поддержать въ нихъ плодородіе, а чтобы извлечь изъ нихъ теперь же какъ можно болѣе продажныхъ продуктовъ. А послѣ — хоть трава тамъ не расти. Послѣ, года черезъ три-четыре необходимо будетъ удобреніе, безъ котораго съ выпашанной земли не соберешь и сѣмянъ. А гдѣ взять удобреніе, that is the question.

Любители англійскихъ взглядовъ на нашу торговлю не хотятъ этого знать, и стараются витать въ самыхъ высокихъ и далекихъ отъ дѣйствительности сферахъ, не удостоиваютъ свести счеты съ удобреніемъ, съ навозомъ, съ этой альфой и омегой земледѣлія. Если мы тутъ и сосчитаемъ для нихъ во что обходится въ калужской губерніи возъ навозу, то это не послужитъ имъ въ пользу, потому что они привыкли вертѣться въ софизмахъ подалеже отъ земли и отъ дѣйствительности.

Одинъ англичанинъ, случайно попавшій съ нами въ богатое и нѣвніе калужской губерніи, въ жиздринскомъ уѣздѣ, въ первый разъ увидѣлъ русскаго пашущаго мужика, и никакъ не хотѣлъ повѣрить, что это онъ на лошади пашетъ. Онъ все старался увѣрить, что это какое-нибудь странное порожденіе чахоточной курицы и отставного козла. Происхожденіе туземныхъ крошечныхъ коровъ должно объясняться такимъ же загадочнымъ чудомъ. Но мы будемъ рассчитывать на скотъ нѣсколько болѣе крупный, напримѣръ корову цѣною рублей въ пятьдесятъ.

Расходъ на нее. Коровы достанетъ круглымъ счетомъ на пять лѣтъ, — она или устарѣетъ, или подохнетъ отъ чумы. Стало-быть надо откладывать каждый годъ по десяти рублей на покупку новой. Это соотвѣтствуетъ ремонту коровы или страховой за нее преміи. Затѣмъ необходимо ее кормить хорошо, чтобы она дала какъ можно больше молока. Для этого въ калужской губерніи дается 200 пудъ сѣна по 8 копѣекъ, всего на 16 рублей. Пастуху за лѣто изойдетъ два рубля. Посыпать въ пойло муки рубля хоть на три въ годъ, да на подстилку употребить 70 пудъ озимой соломы, хоть по пяти копѣекъ, всего на 3 руб. 50 коп. За помѣщеніе и уходъ надо положить хоть пять съ полтиной. Выходить, что исправному крестьянину содержаніе коровы средней руки обходится круглый годъ менѣе сорока рублей, не считая покупки.

Приходъ. Пятидесяти-рублевая корова даетъ молока ребятишкамъ по три штофа въ день, — по одной копѣйкѣ за штофъ, всего на десять рублей, да при хорошей хозяйкѣ два пуда масла, всего на 12 руб., да теленка на три рубля. Весь приходъ отъ коровы 25 рублей. Оказывается, что съ коровы въ годъ чистаго убытку пятнадцать рублей. Но сверхъ того въ годъ можно собрать двадцать возовъ

навозу, который и обходится крестьянину по 75 копѣекъ возъ. Чтобы порядочно удобрить на три года десятину, пужно 80 возовъ съ четырехъ коровъ, всего на 60 рублей, не считая вывозки.

Такимъ образомъ, чтобы земля, нанимаемая у помещика, не истощалась, необходимо крестьянину держать на каждыя три десятины во всѣхъ трехъ поляхъ по четыре коровы, кромѣ тѣхъ, которыя нужны для удобренія конопляника и своего собственного надѣла. Это значитъ ипаче, что ему нужно затрачивать ежегодно по двадцати рублей на каждую арендуемую десятину, не считая арендной платы и всего того, во что обойдется обработка. Очевидно, что этого мы еще очень долго не дождемся, и земля, если только исполнятся желанія приверженцевъ англійскихъ взглядовъ на нашу торговлю, должна весьма скоро истощиться, страна должна дичать все болѣе и болѣе, народонаселеніе при безхлѣбницѣ увеличиваться не можетъ. Яснѣе солнца, что дѣла такъ идти не могутъ. Свободная дѣятельность свободныхъ людей покажетъ, какое направленіе приметъ наша экономическая дѣятельность.

Если же въ самомъ дѣлѣ Россія повѣритъ англійскимъ совѣтамъ, да сдѣлается государствомъ исключительно земледѣльческимъ, что будетъ тогда, въ случаѣ благопріятнаго урожая въ Европѣ? Въ нынѣшнемъ году отчасти такъ и случилось; хлѣба отпущено за границу на четыреста-тысячъ четвертей менѣе, нежели въ прошломъ году. Не хотятъ они понять, что тогда намъ у тѣхъ же англичанъ не на что будетъ купить сахару, хлопчатой бумаги, москательныхъ товаровъ и т. д. Не хотятъ они понять, что для народа несравненно выгоднѣе увеличеніе внутренней торговли на рубль, чѣмъ увеличеніе внѣшней на сто рублей. Но обо всемъ этомъ въ другой разъ. Очень много накопилось фактовъ, которые слѣдуетъ еще занести въ нашу лѣтопись.

Облегченіе крѣпостной зависимости до введенія уставныхъ грамотъ отозвалось уже въ высшей степени благопріятно на поступленіи податей и государственныхъ земскихъ повинностей. Въ прошедшемъ году вмѣсто ожидаемыхъ 70,440,501 рубля поступило на 2,004,965 рублей болѣе, стало-быть недоимка уменьшается, такъ что къ нынѣшнему году оставалось недоимки всего $4\frac{3}{4}$ миліона рублей.

Предпринято преобразование земско-хозяйственныхъ дѣлъ въ Россіи. Завѣдываніе имуществами, капиталами и денежными сборами земства; составленіе смѣтъ и раскладокъ денежныхъ сборовъ, устройство и содержаніе земскихъ зданій и тѣхъ путей сообщенія, которые будутъ отнесены къ разряду земскихъ; мѣры обезпеченія народнаго продовольствія, общественное призрѣніе, взаимное стра-

хованіе строеній, попеченіе о развитіи мѣстной торговли и промысловъ, и еще нѣкоторыя другія дѣла возлагаются на уѣздныя и губернскія земскія собранія и управы. Всѣ члены этихъ собраній и управъ будутъ избираемы землевладѣльцами, городскими жителями всѣхъ сословій, — волостные старшины и сельскіе старосты. Земскія учрежденія будутъ обсуживать, опредѣлять и приводить въ исполненіе всѣ мѣры, необходимыя для хода земскихъ дѣлъ по губерніи или по уѣзду, и будутъ дѣйствовать самостоятельно въ дѣлахъ, отнесенныхъ къ ихъ вѣдомству. Собранія будутъ имѣть общую распорядительную власть и контроль по земскимъ дѣламъ, а управы будутъ приводить въ дѣйствіе распоряженія собраній. Теперь въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ составляется окончательная редакція проекта положенія о земско-хозяйственныхъ учрежденіяхъ для внесенія на разсмотрѣніе государственнаго совѣта.

И совершенно по всѣмъ частямъ управленія готовятся или происходятъ дѣятельныя преобразованія. Между многими готовящимся перемѣнами, готовится также и облегченіе участи евреевъ, которыхъ права очень ограничены, которые до сихъ поръ прикрѣплены къ землѣ извѣстныхъ губерній, именно юго-западныхъ, и имѣютъ право жить только тамъ. Въ другихъ губерніяхъ они живутъ только при исполненіи извѣстныхъ условій, наприимѣръ объявивъ значительный торговый капиталъ. И въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имъ позволено жить, они пользуются не всѣми гражданскими правами, и одно изъ самыхъ тяжкихъ ограниченій есть такъ называемый *кошерный* сборъ. Кто жила въ югозападныхъ губерніяхъ, тотъ знаетъ очень хорошо, что это за сборъ. Въ послѣднее время онъ отмѣненъ въ царствѣ Польскомъ, но у насъ онъ находится еще въ полной силѣ, и чуть ли не въ томъ же номерѣ «Сѣверной Почты», гдѣ объявлено, что въ царствѣ Польскомъ евреи избавляются отъ кошернаго сбора, объявлены торгова отлачу этихъ сборовъ съ торговъ въ подольскомъ губернскомъ правленіи.

Кошерный или коробочный сборъ происходитъ отчасти отъ религіозной вражды. Въ концѣ прошлаго столѣтія, когда бывшія польскія губерніи стали присоединяться къ Россіи, при ревизіи и повѣркѣ дѣлъ оказалось, что многія еврейскія общества были должны нѣкоторымъ помѣщикамъ, духовнымъ лицамъ и костеламъ. Они занимали деньги на устройство своихъ школъ и на постройку синагогъ. Встарину, извѣстно, деньги отдавались за громадныя проценты, и потому многія синагоги не въ состояніи были уплачивать костеламъ процентовъ, не говоря уже о капиталѣ. Мало-помалу долги росли, и вслѣдствіе крайней бѣдности

еврейскихъ обществъ становились неоплатыми. Поэтому цѣль еврейскія общества были въ чистой кабалѣ у своихъ заимодавцевъ. Тогда правительство рѣшило освободить евреевъ, и приняло на себя уплату ихъ долговъ, устроивъ для этого особенный сборъ съ обществъ, независимо отъ подушнаго и всякихъ другихъ окладовъ. До сихъ поръ это совершенно справедливо и понятно: взятая взаимно деньги должны быть уплачены; но форма этого добровочнаго, новаго сбора, бывшая въ то время не дурною, по нынѣшнимъ понятіямъ оказывается совершенно устарѣлою, безправственною, и въ царствѣ Польскомъ поэтому и отиѣнена. Дѣло вотъ въ чемъ: по закону Моисея, всякое животное, убиваемое на пищу еврея, должно быть убито съ извѣстными приѣмами, обрядами, съ соблюденіемъ установленныхъ правилъ. Только такимъ образомъ убитое животное считается чистымъ и годнымъ въ пищу еврея, если при этомъ вдобавокъ окажется при разсмотрѣніи внутренностей все въ надлежащемъ порядкѣ. Такое мясо называется *кошернымъ* или *кошеръ*, а мясо наше, убитое обыкновенными христіанскими мясниками, называется нечистымъ или *трефнымъ*. Постановлено было отдавать на откупъ право убивать скотъ и домашнюю птицу по моисеевскимъ правиламъ, и продавать эти вещи евреямъ. Нашлось много евреевъ, желающихъ взять на откупъ мясное производство своихъ единоуврцевъ, вслѣдствіе великой выгоды и заманчивости всякаго откупнаго дѣла, всякой монополіи. За въ который уѣздный городъ откупщикъ платитъ, положимъ, полторы тысячи въ годъ, и разумѣется выручаетъ четыре или пять тысячъ, потомучто иначе онъ не взялъ бы откупа, не платилъ бы въ казну за мѣсяцъ или за годъ деньги впередъ. Выручаетъ онъ свои деньги, продавая своимъ единоуврцамъ кошерное мясо дороже, нежели покупаютъ обыкновенное трешное мясо христіане. Чтобы оградить евреевъ отъ преувеличеннаго грабежа откупщика и отъ всякихъ съ его стороны прижимокъ, постановлена такса, для разныхъ мѣстностей различная, смотря по степени благосостоянія жителей и по многолюдству. Есть мѣста, гдѣ откупщикъ продаетъ кошерное мясо только двумя копейками за фунтъ дороже противъ христіанской таксы: это въ деревняхъ и небольшихъ мѣстечкахъ. Въ другихъ мѣстахъ эта разница доходитъ до трехъ копѣекъ, до 4, до 5 и даже до 7½ копѣекъ съ фунта. Это уже въ большихъ губерскихъ городахъ, гдѣ еврей имѣютъ право жить. Въ губерскомъ городѣ благочестивый еврей покупаетъ фунтъ говядины за пятнадцать копѣекъ, когда христіанинъ платитъ за тотъ же фунтъ семь съ половиною копѣекъ. Сверхъ того еврей самъ не имѣетъ права зарѣзать курцу, гуся, индѣйку или барана, еслибы даже онъ очень хо-

реше зналъ довольно простыя и несложныя правила моисеева закона касательно этого дѣла. Онъ долженъ снести свою курицу къ откупщику или къ рѣзнику, который и совершитъ обрядъ зарѣзанія, получивъ за это впередъ сколько назначено по таксѣ. При этомъ разумѣется, что если еврей заплатитъ за эту работу десять копѣекъ, то не всѣ эти деньги поступаютъ въ казну, а около двухъ третей изъ нихъ, а можетъ быть и три четверти, или даже болѣе идутъ откупщику.

Понятно само собою, какое пагубное вліяніе имѣетъ на здоровье свреевъ эта искусственная, привилегированная дороговизна мясной пищи. По необходимости имъ приходится удовольствоваться пищею растительной, страдать худосочиємъ и накожными болѣзнями ради барышной своего кошернаго откупщика.

Сверхъ того въ это дѣло вкралось безчисленное множество злоупотребленій, которыя неизбежны во всемъ человѣческомъ, а въ откупномъ дѣлѣ накладываются самою сущностью откупа, монополиєю.

Кошерныя откупщики по большей части народъ очень богатый. Нѣкоторые изъ нихъ берутъ на откупъ цѣлую губернію, и двѣ, и три; но такъ какъ торги производятся на каждый городъ и на каждое мѣстечко отдѣльно, то у нихъ есть подставныя лица, при помощи которыхъ они съ большимъ удобствомъ обходятъ законъ. Въ силу богатства, они находятся въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ раввинами и разными учителями, которые наблюдаютъ за благочестивымъ исполненіемъ правилъ, касающихся кошернаго мяса. Каждый еврей имѣетъ полнѣйшее гражданское право покупать мясо трефное, которое вдвое дешевле, имѣетъ право самъ убить барана; но раввины и учителя бдительно слѣдятъ за барышными откупщика, поддерживая религиозный предрасудокъ своихъ единоверцевъ. Такимъ образомъ выходитъ, что кошерный сборъ есть штрафъ, платимый евреємъ за то, что онъ исполняетъ моисеевъ законъ, то есть за то, что онъ еврей. Правительство въ царствѣ Польскомъ попыло, что такой штрафъ не соотвѣтствуетъ ни духу времени, ни вѣротерпимости, и отиѣнило этотъ сборъ, предоставивъ евреямъ вѣсть что они хотятъ, и при убоѣ скота исполнять или не исполнять какіе бы то ни было обряды. Эта мѣра тѣмъ благодѣтельнаѣе, что кошерный сборъ былъ сопряженъ еще съ большимъ количествомъ злоупотребленій.

Является жидокъ къ своему рѣзнику съ бараномъ. Купленъ этотъ баранъ на деньги, добытыя всяческими правдами и неправдами, при помощи неутомимой бѣготни, съ перенесеніемъ всевозможныхъ оскорбленій и величайшихъ лишеній. Рѣзникъ беретъ

впередъ установленную плату и надлежащимъ орудіемъ съ должными обрядами совершаетъ зарѣзаніе барана. Но на бѣду при вскрытіи внутренностей оказывается, что баранъ не кошеръ, а трефъ, потому что у него замѣчается какая-нибудь дѣйствительная или мнимая аномалія во внутренностяхъ, что-нибудь противное моисееву закону. Возникаетъ споръ. Жидокъ не можетъ ѣсть своего барана; онъ долженъ уступить его рѣзнику, который можетъ пролатъ его христіанамъ. Рѣзникъ предлагаетъ за барана полцѣны; жидокъ требуетъ назадъ свой двугривенный, заплаченный впередъ, за убой скотины на кошеръ. Но при соблюденіи всѣхъ обрядовъ вышло мясо не кошерное. Кто виноватъ? Однако завязывается тяжба, поступаетъ куда слѣдуетъ прошеніе. Резолюція не удовлетворяетъ просителя, онъ восходитъ по инстанціямъ выше и выше, такъ что дѣло идетъ уже вообще о притѣсненіи евреевъ кошерными откупщиками.

Евреи знаютъ очень хорошо, что по закону кошерный откупъ или коробочный сборъ назначается на содержаніе раввинскихъ училищъ, синагогъ, больницъ и остатки зачисляются въ уплату податей за бѣднѣйшія еврейскія общества той губерніи, въ которой образовались эти остатки. Поэтому въ убѣжденія всѣхъ еврейскихъ обществъ проникла мысль, что коробочный или кошерный сборъ существуетъ взаимно податей; поэтому еврейскія общества вовсе не заботятся о сборѣ податей, всегда рассчитывая на остатки отъ кошернаго сбора, и нигдѣ по цѣлой Россіи не накопляется столько недоимокъ, какъ на евреяхъ. Они никакъ не могутъ понять, какъ это выходитъ, что они платятъ, платятъ откупщику, переплатятъ за кошеръ втрое больше, чѣмъ нужно на уплату податей, а все-таки подати платить приходится своимъ порядкомъ. Отсюда неудовольствіе на христіанъ, которые будто бы берутъ податей втрое больше, нежели нужно, тогда какъ всѣ ихъ платежи поступаютъ на обогащеніе нѣсколькихъ такъ-называемыхъ капитальныхъ евреевъ откупщиковъ.

Несмотря на всю очевидную тягость этого сбора, между евреями далеко нѣтъ согласія во взглядахъ на кошерные откупа. Тѣ, у которыхъ есть нѣкоторый капиталецъ, увѣряютъ, будто эти откупа — благодѣяніе для евреевъ, такое благодѣяніе, которое слѣдовало бы даже усилить посредствомъ возвышенія таксы, и заставить ихъ платить за мясо не пятнадцать, а тридцать копѣекъ тамъ гдѣ христіане платятъ по семи, съ тѣмъ только, чтобы уже откупщикъ уплачивалъ за общество всѣ подати. Она говорятъ, что такимъ образомъ прямой душевой налогъ будетъ обращенъ въ косвенный, который будетъ уплачиваться совершенно незамѣтно копѣйками, а въ

казну будетъ поступать смело, отъ откупщика, да еще впередъ за какое угодно время. Тутъ они пустятся въ доказательства, какъ выгоденъ для платящаго и собирающаго непрямой налогъ въ сравненіи съ прямымъ, и какъ тутъ естественно само-собою выходить пропорціональное распредѣленіе налога, смотря по состоянію и заработкамъ человѣка. Тутъ выйдетъ такъ, что не хочешь или не можешь платить, — не покупай только мяса, если оно по твоимъ средствамъ слишкомъ дорого, живи на пищѣ св. Антонія, забудь требованія своего организма, забудь, что твои зубы и кишечный каналъ устроены для растительной и въ тоже время для животной пищи, хворай отъ этого, умирай, но если не хочешь платить — не плати. Другіе евреи, не обладающіе болѣе или менѣе круглымъ запятымъ, не имѣющіе надежды взять со временемъ коммерцій откупъ и понимающіе сущность дѣла, говорятъ, что это разоренье, прямой налогъ на первую жизненную потребность.

Но въ царствѣ Польскомъ, гдѣ евреи живутъ на тѣхъ же основаніяхъ и при тѣхъ же условіяхъ, что и въ нашихъ югозападныхъ губерніяхъ, кошерные сборы уничтожены. Будемъ надѣяться, что они скоро уничтожатся и у насъ, причемъ евреямъ можно будетъ ѣсть что издумается, не платя откупнику за право ѣсть, то-есть существовать, втроѣ больше, нежели платится за это въ казну.

Евреи платятъ еще свѣчной сборъ, поручасмый тому же кошерному откупщику. Извѣстно, что всякую недѣлю въ шабашъ они собираются, чтобы читать установленныя священныя книги, и что при этомъ зажигаются свѣчи, на cadaго изъ членовъ семейства по одной. За зажиганіе этихъ свѣчей они тоже платятъ извѣстный штрафъ своему откупщику. Тутъ дѣло такъ ясно говоритъ само за себя, что нѣтъ надобности какимъ-нибудь образомъ анализировать этотъ налогъ на религіозный обрядъ.

Такимъ образомъ евреи стѣснены весьма значительно, и огромное количество ихъ живетъ въ крайней бѣдности, съ огромнымъ количествомъ дѣтей, вопреки мудрому закону, открытому куническою проникательностью Мальтуса. Живутъ они обыкновенно въ страшной тѣсотѣ, и въ своихъ занятіяхъ, ремеслахъ соперничаютъ другъ съ другомъ до послѣдней крайности, чтобы только какимъ-нибудь образомъ просуществовать. Въ какомъ-нибудь крошечномъ мѣстечкѣ случается встрѣтить двухъ и даже трехъ весьма искусныхъ ювелировъ, десятокъ слесарей, двадцать кузнецовъ и множество другихъ ремесленниковъ, тогда какъ для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей за глаза было бы довольно и десятой доли этихъ мастеровыхъ. И каждый изъ этихъ бѣдняковъ имѣетъ претензію

жить своими ремесломъ, и еще прокармливать свое семейство, состоящее душъ въ двѣнадцать маленькихъ дѣтей. Отъ этого является отчаянная конкуренція, столь благотворная во всякомъ случаѣ, какъ увѣряютъ политиковоконы. Сбивая одну другому цѣны, они наконецъ работаютъ за такую дешовую цѣну, что уже нѣтъ возможности работать не только хорошо, но сколько-нибудь сносно. И толнятся они такимъ образомъ можетъ-быть у самой границы сосѣдней губерніи, гдѣ они не имѣютъ правъ гражданства. И тутъ же рядомъ съ ними въ сосѣдней губерніи, какъ на примѣръ въ курской, почти вовсе нѣтъ мастеровыхъ, такъ что если въ лодилкѣ или вѣялкѣ сломается какъ-нибудь винтъ, то приходится оставить работу и везти всю машину въ Харьковъ или въ Москву, въ починку. Если есть хотя тѣнь правды въ томъ, что евреи вредятъ христіанскому населенію того края, въ которомъ они живутъ, разоряя крестьянъ своими настойчивымъ добываніемъ барышей всѣми неправдами, то на это одна только причина: относительная пустота еврейскаго населенія и невозможность выселиться туда, гдѣ нужна ихъ работа, гдѣ они могутъ быть полезны прямымъ, честнымъ трудомъ. Это не во гдѣвъ будъ сказано въ какой-нибудь московской газетѣ, весьма сердитой на евреевъ.

Всего еврейскаго населенія у насъ въ Россіи миллионъ четыреста тысячъ душъ. Живутъ они въ извѣстныхъ только губерніяхъ, слишкомъ тѣсно, чувствуютъ себя такъ-сказать въ непріятельскомъ лагерѣ, несмотря на отчаянную конкуренцію держатся другъ за друга, пользуются въ случаѣ крайности покровительствомъ своего кошернаго откупщика, ихъ же обирающаго, сами страдаютъ отъ тѣсноты и естественнымъ образомъ стѣсняютъ другихъ. Когда имъ дано будетъ право гражданства въ цѣлой Россіи, то они расплзутся по всему государству, сдѣлаются незамѣтны, исчезнутъ, поглотятся большинствомъ, потому что ихъ придется только одинъ на сто христіанскихъ душъ. Положимъ, что они не станутъ заниматься земледѣліемъ, но они пополнятъ весьма чувствительный у насъ недостатокъ въ мастеровыхъ. Опять-таки не во гдѣвъ будъ сказано московской газетѣ, они на примѣръ весьма могутъ быть очень ловкими винокурами и вступить въ конкуренцію съ винокурами острейскими. Чѣмъ же для насъ русскихъ выгоднѣе острейскій винокуръ или слесарь, въ сравненіи съ винокуромъ или слесаремъ еврейскъ? Впрочемъ можетъ-быть мы и ошибаемся: у московскихъ газетъ бывають иногда невозможныя для обыкновенныхъ смертныхъ фантазіи.

Впрочемъ довольно о евреяхъ: мы возвратимся къ нимъ, когда возникнетъ вопросъ объ уравненіи ихъ правъ съ христіанами, о

дарованіи нѣтъ въ Россіи правъ гражданства, уже дарованныхъ въ Польшѣ.

Между нашими домашними дѣлами не послѣднее мѣсто занимаетъ объявленный на будущій годъ рекрутскій наборъ. Наши полетныя сословія шесть лѣтъ не тревожились вѣстью о рекрутскомъ наборѣ, и въ это время обстоятельства такъ перемѣнились, что извѣстіе о наборѣ, сколько намъ извѣстно, не произвело той ужасающей тревоги, какъ это бывало встарину. Бывало по деревнямъ слышится вой и плачь: матери, обвиняя голову сыновей, причитываютъ и голосать какъ надъ покойниками; отцы съ своею сосредоточенною, страшною покорностью судьбѣ, гдѣ-нибудь въ клѣткѣ или въ конюшнѣ укралкой отирають кулакомъ выдавленную горемъ слезу. Теперь стало совсѣмъ другое. Во всѣхъ деревняхъ, въ самыхъ дальнихъ захолустьяхъ извѣстно теперь, что солдатское житье не хуже мужицкаго, а мѣстами и гораздо лучше; что солдатъ не бьютъ, какъ бывало встарину, за малѣйшій проступокъ, съ свирѣпою жестокостію; что срокъ службы сталъ гораздо короче, такъ что на службу не уходятъ всѣ лучшие годы жизни, или вѣрнѣе сказать, вся жизнь; что солдатъ содержать хорошо, кормятъ сытно, гораздо лучше, нежели въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ѣдятъ крестьяне. Извѣстно, что у насъ, въ странѣ по преимуществу земледѣльческой, какъ увѣряютъ такъ-называемые политикоэкономы и вольное экономическое общество, крестьяне иногда вынуждены печь хлѣбъ если не пенолапъ съ мякиной, то по крайней мѣрѣ съ значительною примѣсью этого неудобоваримаго вещества, — солдатамъ же выдается мука чистая, безъ примѣси. Все это въ деревняхъ очень хорошо извѣстно, и вѣсть о наборѣ вовсе не произвела тягостнаго впечатлѣнія. Нѣсколько приуныли только тѣ молодые люди, которые давно уже на дурномъ счету у своихъ обществъ и угождать непримѣнно водъ красную шапку, причѣмъ придется оставить деревню, печь, красныхъ дѣвушекъ и прочія пріятности сельскаго быта. Но опять же и то сказать, авось Богъ милостивъ, можетъ-быть какъ-нибудь гроза и пройдетъ. А если не пройдетъ, то чтоже, вѣдь подъ красной шапкой люди живутъ, да еще припѣваючи.

Для предстоящаго набора приняты нѣкоторыя облегчительныя мѣры, въ ожиданіи окончательнаго пересмотра рекрутскаго устава. Впервыхъ прощено двадцать-пять тысячъ рекрутъ, числившихся въ долгу за номѣщичьи имѣнія по долговымъ рекрутскимъ должностямъ. Вовторыхъ, уменьшена мѣра роста, который долженъ имѣть каждый рекрутъ, на цѣлыя три четверти вершка, такъ что теперь солдаты могутъ быть не болѣе 2 арш. 3 вершк. ростомъ. Это обстоятельство показываетъ значительное измѣльчаніе породы, которая

уже не производитъ тѣхъ сажонныхъ голіафовъ, которые въ прошломъ столѣтіи посылались отъ насъ въ подарокъ иностраннымъ государямъ цѣлыми отрядами. Въ третьихъ, рекрутскія присутствія назначены теперь въ каждомъ уѣздномъ городѣ, вмѣсто того, что прежде бывало по одному рекрутскому присутствію на два и на три уѣзда, что весьма сократитъ дальніе переѣзды, какіе приходилось дѣлать рекрутамъ, отдачникамъ и всѣмъ провожающимъ родственникамъ. Въ четвертыхъ, пограничныя съ Австрією и Пруссією на стоверстномъ разстояніи жители не избавляются, какъ прежде, отъ рекрутства, а несутъ эту повинность наравнѣ съ другими, что до вѣкоторой степени облегчитъ все остальное населеніе имперіи. Въ пятыхъ, теперь младшимъ возрастомъ поступления въ рекруты охотниковъ назначено не 17 лѣтъ, какъ это было прежде, а 21 годъ, на томъ основаніи, что семнадцати-лѣтній юноша еще не можетъ вполне разумно располагать своею участью. Сверхъ того впредь рекруты въ рекрутское присутствіе будутъ вводимы въ сорочкѣ, а не голые. Дворянамъ и класнымъ чиновникамъ дозволено вѣняться въ рекруты. Употребленіе гербовой бумаги по дѣламъ рекрутскимъ отмѣняется. Самый составъ рекрутскихъ присутствій неизмѣненъ; въ число членовъ ихъ внесены кавдлаты на мѣста мировыхъ посредниковъ и городскіе головы. Прежде, ежели очередной рекрутъ скроется, на его мѣсто сдавался подочередной, съ тѣмъ, что онъ возвращался въ первобытное состояніе если очередной отыскивался и поступалъ на службу и если сверхъ того не прошло шести мѣсяцевъ со дня поступления на службу подочередного. Теперь этотъ шестимѣсячный срокъ отмѣненъ, и принятой на службу подочередной можетъ во всякое время возвратиться въ первобытное состояніе, если только тотъ, за кого онъ принять, поступитъ на службу. Но изъ всѣхъ облегченій важнѣйшее и по послѣдствіямъ благотѣльнѣйшее есть слѣдующее: перемѣна рекрута охотникомъ дозволялась по рекрутскому уставу только отдѣльнымъ семействамъ и только въ опредѣленные сроки, — брать могъ замѣнить брата не далѣе, какъ въ теченіи года со дня его приѣма, а для представленія наемника срокъ полагался только въ полгода. Теперь *замѣна рекрута охотникомъ разрѣшается во всякое время*, какъ обществамъ такъ и отдѣльнымъ семействамъ и лицамъ; братья, или родственники одной семьи или цѣлыя общества *могутъ принять бремя рекрутской повинности на себя сообща и смѣнять другъ друга поочередно*. Всякій легко замѣтитъ, что это радикальнѣйшая перемѣна, и если общества будутъ пользоваться значительною долею самостоятельности и самоуправленія, которыя одни только и могутъ полвинуть впередъ ихъ развитіе, то они поймутъ, что отъ нихъ вполне зависитъ срокъ

военной службы, что они могут ограничить его пятью годами, семью годами, четырьмя годами, какъ они найдутъ выгоднѣйшимъ. Прежде общества неимѣли права назначать рекрутамъ наградныхъ денегъ болѣе шести рублей, а семействамъ ихъ выдавать въ пособіе болѣе двухъ сотъ рублей. Теперь это стѣснительное для общества ограниченіе отиѣнено; сумма награды и пособія совершенно предоставлена усмотрѣнію самаго общества, съ тѣмъ только, чтобы каждый рекрутъ лично получалъ не менѣе трехъ рублей. Но можетъ-быть развитыя общества найдутъ, что имъ выгоднѣе не выдавать семействамъ рекрутовъ пособія, а только ограничить военную службу извѣстнымъ срокомъ, съ тѣмъ, чтобы на мѣсто каждаго поступившаго, по истеченіи пяти наприимѣръ лѣтъ, представлять новаго рекрута, а прежде принятаго возвращать обществу и семейству. Можетъ-быть окажется полезнымъ, въ развитыхъ обществахъ, безъ исключенія каждаго изъ молодыхъ людей проводить черезъ пятилѣтнюю практическую военную школу, чтобы каждый умѣлъ владѣть ружьемъ, чтобы каждый былъ хорошимъ стрѣльцомъ, зналъ службу, и возвращался бы въ общество, къ прежнимъ своимъ занятіямъ, всегда готовый, по призыву отечества, явиться въ ряды его защитниковъ не жалкимъ ополченцемъ, не злосчастнымъ волонтеромъ, какъ волонтеры сѣверо-американскіе, неимѣющіе понятія о ружьи до перваго сраженія, куда бросить ихъ неворотливый, нерасторопный и нерѣшительный предводитель, а настоящими, знающими свое дѣло солдатами. Такой взглядъ со стороны обществъ на военную службу значительно облегчилъ бы и правительство, которое всегда имѣло бы такимъ образомъ въ запасъ, на случай непредвидѣннаго вѣшняго столкновенія, богатый благонадежный и сверхъ того даровой резервъ. Нельзя не пожелать, чтобы общества какъ городскія, такъ и сельскія исполнѣ поняли это послѣднее указанное манифестомъ радикальное преобразованіе и воспользовались имъ въ полномъ его объемѣ, со всѣми благодѣтельными его послѣдствіями.

Говоря вообще о преобразованіяхъ, нельзя не вспомнить о томъ, какое готовится по золотопромышленности, которая до сихъ поръ платитъ слишкомъ большую подать. Въ тридцатыхъ годахъ платилось въ казну 15 процентовъ со всякаго количества добытаго золота. Въ 1840 году открыты были очень богатые росыны по рѣкѣ Удерею, и подать съ нихъ положена въ 24 процента, а въ прочихъ мѣстахъ Сибири 20 проц. Сверхъ того платилось съ каждаго фунта по 4 рубля на администрацію, да еще нѣкоторые другіе платежи, доходившіе до трехъ и даже четырехъ процентовъ, такъ что всякій, добывшій золота около цула, на десять тысячъ рублей, платилъ въ

кавну отъ 2400 до 3000 рублей, независимо отъ расходовъ на добычаніе, тоже огромныхъ. Въ богатойъ верхнеудинской округѣ добываніе золота было разрѣшено, но обложено совершеннo запрѣтальною податью съ пріисковъ небольшихъ, именно въ 30 проценто́въ, независимо отъ четырехъ-рублевого платежа на администрацію и проч., и разумѣется, независимо отъ разныхъ косвенныхъ, не прямыхъ, тайныхъ расходовъ. Поэтому верхнеудинскіе пріиски почти не давали дохода и мало-помалу оставались, несмотря на богатое содержаніе въ нихъ золота. Чтобы сколько-нибудь подвинуть дѣло, въ 1849 году была принята пропорціональная подать, по количеству добываемаго золота. Всѣ пріиски были раздѣлены на десять разрядовъ: кто добывалъ менѣе пуда, платилъ въ казну 300 рублей, не считывая подати съ добычи на проценты. Второй разрядъ, отъ 1 до 2 пудъ платилъ пять проц., третій, до 5 пудъ платилъ 10 проц.; четвертый, до 10 пудъ — 15 проц.; пятый, до 15 пудъ, платилъ за первые десять пудъ по 17 проц., а выше этого количества 25 проц., и т. д. Десятый разрядъ, за добычу золота болѣе 50 пудъ платилъ въ казну 35 проценто́въ. Въ силу такого громаднаго налога, золотые промыслы постоянно падали. Въ 51 году добыто всего 1035 пудъ, въ 52-мъ только 900 пудъ, въ 53-мъ 878 пудъ. Въ тысячу первый разъ доказана была та несомнѣнная истина, что слишкомъ высокій налогъ всегда обманываетъ возлагаемыя на него надежды. Въ 1854 году составлены были новыя правила, въ видѣ опыта, на три года: всѣ пріиски по добычѣ золота раздѣлены на четыре разряда, до 2, до 5, до 10 пудъ и болѣе 10 пудъ, съ податью въ 5, 10, 15 и 20 проценто́въ и съ платою отъ каждаго лигатурнаго фунта по 4, 6, 8 и 10 рублей. Вслѣдъ за этимъ постановленіемъ началось увеличеніе добычи золота и возрастаніе казенныхъ прибылей. Въ 1855 году добыто 1110 пудъ, въ слѣдующемъ году 1177 п., потомъ 1275 п., потомъ 1301 п., а казна получила подати 177, 184, 203 и 207 пудъ, гораздо болѣе предшествовавшихъ лѣтъ, несмотря на то, что тогда процентъ брался высшій. Въ официальномъ сообщеніи сказано, что «произведенный опытъ *опушаетъ основательное предположеніе*, что еще нѣкоторое пониженіе подати содѣйствовало бы увеличенію добычи золота, причемъ и доходы фиска остались бы безъ уменьшенія.»

А золото покажи́тъ намъ нужно до зарѣву, вопреки всему тому, что говорятъ политиковоконы, проповѣдующіе англійскіе взгляды на нашу торговлю. Они утвѣряютъ, что драгоценныя металлы *необходимы* только какъ орудіе мѣны, что они товаръ, довольно удобно представляющій всякій другой товаръ, и что ежели мы выпустили за границу пудъ золота, то-есть ежели у насъ пудомъ стало меньше

то мы же въ выигрышѣ, потому что не даромъ пулъ бросили, а получили за него известное количество тканей для своей одежды, или машинъ, для производства новыхъ цѣнностей, или истративъ его во время путешествія, получили известное количество умственного свѣту. Золото и серебро были у насъ непродуцательны, стало-быть бесполезны, тогда какъ одежда приноситъ прямую пользу, предохраняя насъ отъ холоду, машины производятъ новые предметы мѣны, а говорить о пользѣ умственного свѣта какъ-то даже неприлично: такъ это ясно само собою. Ктому же золото — что вода, всегда найдетъ свой уровень, и всегда съ большою охотою естественно приливаетъ туда, гдѣ оно дорого, и уходитъ оттуда, гдѣ оно дешево и проч. и проч. Мало ли чего не говорятъ наши политико-экономы.

Но не хотятъ понять эти господа, не хотятъ видѣть очевидности. Золото, какъ представитель цѣнностей, уходитъ за границу и охотно возвращается, правда, но только въ обмѣнъ опять-таки на другія цѣнности, а не даромъ. Положимъ, что въ нѣкоторомъ царствѣ имѣется известная сумма звонкой монеты изъ драгоценныхъ металловъ, хоть на примѣръ 150 миліоновъ рублей. Положимъ также, что это царство имѣетъ нужду въ предметахъ заграничной промышленности. Прекрасно. Это хорошая нужда, она составляетъ источникъ, причину международныхъ сношеній, ключъ къ общенію народовъ, задатокъ братства между людьми, къ какимъ бы различными національностямъ они ни принадлежали. Все это очень хорошо. Но политическая экономія выработала между прочимъ ту несомнимую истину, что торговля есть обмѣнъ продуктовъ, и деньги тутъ составляютъ только удобныхъ представителей. Приобрѣтаетъ взятое нами въ примѣръ нѣкоторое царство различныхъ продуктовъ заграничной фабрикаціи на 500 положимъ миліоновъ въ нѣсколько лѣтъ, платитъ за нихъ своими сырыми продуктами 410 миліоновъ, а остальные 90 миліоновъ приплачиваетъ звонкою монетой. Продукты ввозятся, распределяются, тратятся; потомъ сводится балансъ. Оказывается, что жители царства или для краткости само царство состоятъ должнымъ за границу своихъ продуктовъ на 90 миліоновъ, что одно средство воротить монету, необходимое орудіе мѣны, состоитъ въ томъ, чтобы отдать этотъ долгъ продуктами своего труда: тогда возвратятся и отосланные представители труда, драгоценные металлы. Но на бѣду случись за границей благопріятный урожай: царство и не можетъ заплатить долга на примѣръ хлѣбомъ; оно и радо бы заплатить, да не берутъ, говорятъ не надо, отдавайте чѣмъ-нибудь другимъ. Чтобы какъ-нибудь извернуться, царство дѣлаетъ заемъ; но что такое заемъ, это известно. Дѣлается

заемъ только тогда, когда нѣтъ готовыхъ продуктовъ труда для получения за нихъ звонкой монеты, стало-быть закладывается будущій трудъ нашего и слѣдующихъ поколѣній, иначе сказать берутся деньги впередъ за будущую работу. Каково-то будетъ потомъ отработывать, хотя заемъ, пока онъ въ рукахъ, еще не истраченъ, дѣло очень удобное.

Царство могло перетратить сказанные 90 миллионовъ рублей, могло и не перетратить, все это было въ его волѣ или лучше сказать это зависѣло отъ соображеній каждаго лица, тратившаго деньги на покупку предметовъ заграничной промышленности. Но еслибы впередъ этимъ всѣ лучшіе граждане царства собрались и обсудили дѣло, не могли ли бы они прийти къ слѣдующему заключенію: вымѣнивая за границей трико первѣйшаго свойства ковры-Персію, машины тамъ этакія какія-нибудь на такое количество нашего хлѣба, кожъ и сала, какого теперь выставить не можемъ, мы обязуемся отдать ихъ впоследствии, а покаместъ разницу досылаемъ деньгами. Это весьма удобно, но не совсѣмъ расчетливо. Мы очевидно теряемъ, хотя нѣкоторые изъ насъ въ данную минуту выиграютъ. Мы лишаемъ себя необходимаго орудія мѣны, и чтобы воротить его, придется 90 миллионовъ рублей отослать сырыми продуктами и въ обмѣнъ за нихъ получить не трико первѣйшаго свойства, не ковры, не машины, которыя намъ такъ необходимы, а прѣзрѣнный металлъ, который относительно такъ-сказать тоже необходимъ. Но что намъ будетъ дѣлать, если заграничные торговцы, отвратительные эгоисты, не захотятъ во всякое время, когда намъ ни вздумается, принять наши хлѣбъ, сало и кожи, отговариваясь тѣмъ, что покаместъ не требуется, навѣдайтесь въ другое время? Какъ намъ быть, если у нихъ своего хлѣба родится довольно? Что намъ наконецъ дѣлать, если они въ своемъ грубомъ, отъявленномъ эгоизмѣ зная, что мы нуждаемся въ прѣзрѣнномъ металлѣ, то есть нуждаемся въ отдачѣ имъ продуктовъ, стануть прижимать насъ и давать слишкомъ мало металла въ обмѣнъ на хлѣбъ, сало и кожу? Входить въ долги вообще дѣло скверное, но денежный, металлическій долгъ несравненно легче того, котораго предметъ — товары, которыхъ достоинство неопредѣлено, сроки отдачи и цѣны не назначены. По этому непродержать ли намъ въ сколько свою склонность входить въ долги. Политическая экономія, которой нѣкоторые любители такъ усердно стараются навязать титулъ науки, увѣряетъ, будто въ государствѣ *essada* находится въ обращеніи столько золота и серебра, сколько ихъ требуется торговыми оборотами, но мы собственнымъ опытомъ дознали, что это вздоръ, и потому считаемъ нужнымъ принять нѣ-

которыя шьры. Пусть это будетъ стѣснительно для нѣкоторыхъ, пусть это непріятно будетъ иностранцамъ, которые стараются удержать насъ, будто для насъ свободная безрасчетность всего выгоднѣе; но такъ какъ отъ своей безрасчетности все-таки приходится плохо намъ, а не имъ, то мы и распорядимся дома какъ намъ выгодно.

Еще такъ называемая наука увѣрять, что во Франціи слишкомъ много находится въ обращеніи и въ банковыхъ подвалахъ драгоценныхъ металловъ, именно до тысячи мильоновъ рублей, что составляетъ на cadaго изъ 37 мильоновъ жителей по 27 рублей. «Наука» увѣрять, будто столь огромное накопленіе металловъ невыгодно для Франціи. Чтоже? Значить 60 мильоновъ рублей, находящихся въ обращеніи въ Россіи, или по 86 коп. на человѣка выгодно? Значить въ государствѣ *seesda* находится въ обращеніи столько золота, сколько требуется торговыми оборотами? И почему же это было бы невыгодно? Золото въ рукахъ того, кому оно принадлежитъ, представляетъ квитанцію въ полученіи отъ него товаровъ или труда на такую-то сумму, обязательство возратить ихъ или другихъ товаровъ на такую же сумму. Слѣдовательно ему должны, все равно кто,—хоть цѣлый свѣтъ долженъ различныхъ товаровъ и продуктовъ на имѣющееся въ наличности количество золота. Весьма выгодное положеніе всеобщаго кредитора, могущаго потребовать уплаты товарами во всякое время, когда ему вздумается или когда придетъ нужда.

Хотя въ Англіи имѣется въ обращеніи и банковыхъ фондахъ не болѣе 450 мильоновъ рублей звонкою монетой, или по 17 рублей на человѣка, но это вовсе не значить, что такая пропорція выгодно, и что и при такой пропорціи можно дѣлать большіе обороты, если хорошо организованы банки и если вошли въ обычай платежи посредствомъ переводныхъ бумагъ.

При этомъ не мѣшаетъ оговориться, что мы вовсе не считаемъ полезнымъ запрещеніе вывоза драгоценныхъ металловъ изъ государства. Кромѣ того, что это невыгодно, это было бы и бесполезно: въ Испаніи всегда было мало золота и серебра, хотя вывозъ ихъ за границу наказывался смертною казнью. Для удержанія въ странѣ нормальнаго количества золота нужны другія шьры, болѣе дѣйствительныя.

Въ Англію привозится золота и серебра каждый годъ до 250 мильоновъ рублей и почти столько же вывозится, такъ что годовой оборотъ этими металлами доходитъ тамъ до 500 мильоновъ. Значительная доля вывоза идетъ на заимообразное удовлетвореніе потребностей другихъ государствъ, что конечно равняется обложенію

въливаясь налогомъ труда выѣзжаго и будущимъ пожеланіемъ чужихъ народовъ.

Изъ Россіи въ 1857 году вывезено золота и серебра на $23\frac{1}{2}$ мил., а привезено $8\frac{3}{4}$ мил. Въ 1858 году отпущено $30\frac{3}{4}$ мил., а привезено $6\frac{1}{2}$ мил. Въ 1859 году отпущено $28\frac{1}{2}$ мил., а привезено только $2\frac{3}{4}$ мил. Вотъ уже въ три только года $82\frac{3}{4}$ мил. вывезено, а привезено только 18; стало-быть количество нашихъ металовъ уменьшилось въ три года на $64\frac{3}{4}$ мил. рублей или въ годъ на $21\frac{1}{2}$ мил. Слѣдуетъ замѣтить, что въ это число еще не включены драгоценные металы, идущіе всякій годъ за границу на уплату процентовъ по вѣнскимъ государственнымъ займамъ, что какъ извѣстно составляетъ не малую сумму; вывозъ этотъ не входитъ въ официальные отчеты. Сюда еще не включены издержки нашихъ путешественниковъ, платежи правительства по различнымъ заказамъ, содержаніе всѣхъ нашихъ посольствъ и консульствъ, которымъ жалованье выдается золотомъ, и наконецъ платежи по акціямъ и облигаціямъ гласнаго общества желѣзныхъ дорогъ. Если принять все это въ соображеніе, то ежегодная у насъ убыль золота дойдетъ очень далеко за исчисленные нами $21\frac{1}{2}$ мил. руб., уходящихъ за границу по частнымъ торговымъ оборотамъ.

Слѣдовательно за границу вывозилось въ эти три года не только все то количество золота, которое добывалось въ рудникахъ и россыпяхъ Сибири и Урала на казенныхъ и частныхъ заводахъ, но приходилось извлечь изъ обращенія большія суммы.

1860 годъ представляетъ уже значительное улучшение, указывающее далеко еще не на барыши, а только на начало уплаты долговъ. Въ этомъ году отпущено товаровъ за границу на 22 миліона болѣе, чѣмъ привезено, а вывозъ золота и серебра только на $2\frac{3}{4}$ миліона превышаетъ привозъ. Отчетъ за 1861 годъ еще не обнародованъ до сихъ поръ, но судя по нѣкоторымъ извѣстнымъ даннымъ, торговые обороты этого года почти равнялись предшествующему году. Произошло это не вслѣдствіе того, что всѣмъ почувствована была необходимость приостановить чрезмѣрную выписку товаровъ изъ-за границы, а просто потому, что курсы наши чрезвычайно упали, такъ что окончательно прекратилась возможность съ выгодой скушать золотую монету. Сверхъ того въ весьма значительныхъ размѣрахъ уменьшилась отправка денегъ за границу по правительственнымъ и частнымъ заказамъ машинъ (по морскому министерству состоялось высочайшее повелѣніе о заказѣ непременно въ Россіи тѣхъ судовъ и машинъ, которыя могутъ быть сдѣланы здѣсь, а не за границей), а наши путешественники бросаютъ за границей далеко уже не тѣ сумасшедшія суммы, какъ бывало прежде. Все это

значительно исправляетъ общее наше положеніе. Къ тому же внутрѣнный кредитъ нашъ начинаетъ мало-помалу возстановляться, благодаря послѣднему займу въ 15 миліоновъ фунтовъ стерлинговъ, назначенному на выкупъ изъ народнаго обращенія кредитныхъ билетовъ. Правда, что резервный фондъ государственнаго банка съ полутораста миліоновъ дошолъ до ста, однако теперь онъ опять клонится къ увеличенію. Кредитныхъ билетовъ находится въ обращеніи все еще около 700 миліоновъ, но размѣнъ ихъ на золото и серебро открытъ и въ скоромъ времени вѣроятно разница въ цѣнѣ между билетами и металомъ исчезнетъ. Бумажные знаки или безпроцентные банковые билеты необходимы въ народномъ обращеніи, и всегда останутся въ обращеніи на ряду съ звонкою монетою, если только они свободно будутъ обмѣниваться на монету въ кассетахъ банка или въ уѣздныхъ казначействахъ. Отъпускъ золота за границу на уплату процентовъ по государственнымъ займамъ будетъ конечно продолжаться, даже вслѣдствіе послѣднихъ займовъ вѣсколко увеличится; но надобно надѣяться, что при помощи вѣкоторой умѣренности, основанной на прямомъ торговомъ расчетѣ, мы вѣсколко приостановимъ излишне роскошную выписку товаровъ изъ-за границы, что избавитъ насъ отъ вывоза золота; и съ другой стороны облегченіе постановленій, существующихъ относительно золотопромышленности увеличитъ количество добываемаго у насъ золота, которое конечно будетъ болѣе вышшняго, т. е. болѣе 21 миліона въ годъ.

Само собою разумѣется, что на поправленіе акціонерныхъ нашихъ дѣлъ это не будетъ имѣть ни малѣйшаго вліянія, потому что вовсе не безденежье виновато въ крайнемъ разореніи акціонерныхъ обществъ. Напротивъ, эти общества собрали пропасть денегъ, и ежели разорились, то по одной только причинѣ, именно вслѣдствіе нашего повѣчческаго *авось*. Это вовсе не тотъ авось, который у другихъ народовъ называется рискомъ и безъ котораго, говорить, ничего нельзя выиграть; это и не лотерейная игра, въ которой на тысячу билетовъ приходится одинъ выигрышъ; это повѣротно-нелѣпное предоставленіе своей участи не случаю, но какому-нибудь непредвидѣннымъ обстоятельствомъ, а почти повѣрвно-известной неудачѣ; это хроническое самоотверженіе во случаѣ нужи сдѣлать маленькое усиліе, чтобы уберечься.

А во всемъ виноваты два-три иностранныя слова, не переведеныя надлежащимъ образомъ на нашъ языкъ, причѣмъ вошли и въ обычай иностранныя понятія, вовсе не подходящія къ дѣлу. Обыкновенно соберутся акціонеры, и въ первомъ собраніи выберутъ директоровъ, какихъ-нибудь *бизнесовыхъ* или *административныхъ*

тузовъ. Не привычка быть тузами въ другихъ сферахъ, они не принимаютъ своей участи и передъ акціонерами, да сверхъ того, занятые дѣлами видъ акціонернаго общества, они здѣсь дѣлами вовсе не занимаются, а только подписываютъ предписанія, полномочія, акты, или съ общественной суммой «живутъ какъ съ собственной назлою.» Но будь здѣсь иностранное слово хорошо переведено на нашъ языкъ и наши народно-общинные нравы, дѣла не приняла бы такого траурнаго оборота. Не директоровъ должны избирать общества, а управляющихъ-приказчиковъ. Дѣло торговое, промышленное, денежное, такъ незначитъ тутъ дирекція, совѣтъ управленія и проч. Тутъ нужны холоди, приказчики, повѣренныя, а не директора-распорядителя, директора-учредителя, управляющіе. Названіе, титулъ чрезвычайно много у насъ значать, да и не только у насъ, но и вездѣ. Собралась община денежныхъ вкладчиковъ, произошла между ними складчина. Хозяева складчины, безъ различія суммъ вкладовъ, всѣ на одинаково равныхъ правахъ должны избрать исполнителей своихъ плановъ, холодовъ, повѣренныхъ, приказчиковъ. Во первыхъ тузы не согласились бы на такіе унижительные (въ ихъ глазахъ) титулы, вотъ уже и огромный выагринтъ. Потомъ тѣ, которые приняли бы должности, чувствовали бы себя на подлежащемъ мѣстѣ, понимали бы, что они подчиненные міру, а не начальники ему. Это чувство весьма помогало бы правильному воденію дѣла. Сами вкладчики смотрѣли бы на себя иначе, яснѣе понимали бы, что они хозяева дѣла, стало быть всѣ отношенія были бы несравненно ближе къ дѣйствительному, настоящему своему значенію. Акціонеры въ качествѣ хозяевъ наблюдали бы за ходомъ *своего* дѣла, а директора, въ качествѣ повѣренныхъ и приказчиковъ, дѣлали бы свое дѣло какъ слѣдуетъ, зная, что за ретивство хозяинъ спуска не дастъ, а за безтолковую растрату общественныхъ денегъ на міру бываетъ и расправа, потому что общество потребуетъ строгаго отчета, какъ хозяинъ отъ приказчика, а не такъ, какъ всепокорнѣйшій акціонеръ отъ всеволеможнаго директора-распорядителя.

А дѣла акціонерныхъ компаній окончательно теперь въ упадѣ. Биржевыя вѣдомости недѣли двѣ тому назадъ утѣрали, будто «положеніе нашего акціонернаго рынка, послѣ долговременнаго зстоя и полной апатіи къ покупкамъ, представляетъ нынѣ конечный результатъ биржевого акціонернаго кризиса: цѣны упали въ цѣнѣ до крайняго предѣла и дальнѣйшее пониженіе ихъ неискрѣпно.» Слѣдуетъ замѣтить, что это было биржевое самооболеніе. Конечный результатъ кризиса нигдѣ не положенъ, крайній предѣлъ упадка цѣны не определенъ, и если нехочется вѣрять всеможно-

сти дальнѣйшаго пониженія, то это не удержитъ цѣны отъ дальнѣйшаго пониженія. Въ началѣ нынѣшняго года акція падали въ цѣнѣ, — это всякій помнитъ. Теперь лучшія акціи, то-есть тѣ, которыя до сихъ поръ продаются дороже своей номинальной цѣны, упали противъ цѣны, бывшихъ въ началѣ года, на 6, на 11 и даже на 13 процентовъ. Это акціи общества «Надежда», «бумагопрядильной мануфактуры», «перваго страхового общества» и «застрахованія капиталовъ и доходовъ». Акціи «россійско-американской компаніи» продаются теперь по номинальной цѣнѣ, но ниже, чѣмъ въ началѣ года на 19 процентовъ. Какъ ни жаль акціонеровъ за такую огромную потерю, нельзя однакоже не радоваться, за колошей, алеутовъ и прочихъ краснокожихъ и бѣлокожихъ крѣпостныхъ этой компаніи. Если дѣла компаніи идутъ дурно, то это значить что дѣла колошей и алеутовъ идутъ лучше прежняго, и всякій можетъ радоваться упадку акцій сѣверо-американской компаніи или приходитъ отъ этого въ глубокую печаль, смотря по тому, кому онъ сочувствуетъ: эксплуатируемому или эксплуататору. Остальныя акціи упали противъ цѣны, бывшихъ въ началѣ года, отъ 3 до 35 процентовъ. Но кто же можетъ удостовѣрить, что пониженіе цѣны не будетъ продолжаться? На это нѣтъ никакого ручательства, потому что неслыхать даже о пересмотрѣ уставовъ, о перемѣнѣ системы, — а только одно это и можетъ остановить дальнѣйшее пониженіе цѣны.

Само собою разумѣется, что акціи съ поручительствомъ правительства не подвержены такому упадку какъ всѣ остальные; такъ облигаціи и акціи главнаго общества желѣзныхъ дорогъ продаются почти по номинальной цѣнѣ, а открытіе движенія по всей варшавской линіи вѣроятно еще возвыситъ ихъ цѣну, въ особенности въ наступающую зиму, когда начнется сухопутный привозъ товаровъ. Но объ этой дорогѣ и объ этомъ обществѣ мы поговоримъ въ свое время.

Дѣла николаевской желѣзной дороги процвѣтають. Она выручила въ первые восемь мѣсяцевъ нынѣшняго года 5,467,792 рубля; втеченіе одного августа выручено 722,951 рубль за перевозку пассажировъ, грузовъ, товаровъ, багажа и почты. Пересматривая ежемѣсячные отчеты этой дороги, замѣчаемъ, что наибольшій доходъ ея — отъ пассажировъ, и именно тѣхъ, которые ѣздятъ на пассажирскомъ, а не на почтовомъ поѣздѣ. Въ августъ, въ сентябръ и въ октябръ, когда рабочіе изъ Петербурга ѣдутъ по деревнямъ, лодной, доходъ наибольшій, точно такъ же какъ и въ весенніе мѣсяцы, когда рабочіе сѣзжаются въ столицу. Въ остальные мѣсяцы дѣла идутъ гораздо тише: почтовые поѣзды иной разъ бываютъ почти пусты. Зато пассажирскіе поѣзды третьяго класса бываютъ

чрезвычайно переполнены. Кому не случилось заглянуть въ тотъ залъ, гдѣ берутъ билеты третьеклассные пассажиры (4 руб. до Москвы), тотъ не можетъ составить себѣ ни малѣйшаго понятія о томъ что тамъ происходитъ. Поѣзды изъ Петербурга отправляются въ часъ и въ два часа пополудни; при огромномъ стеченіи народа иногда въ промежуткѣ отправляется еще поѣздъ. Желаящихъ ѣхать бываетъ въ осеннее время около тысячи человекъ за разъ. Касиръ одинъ. Онъ долженъ вырѣзывать изъ книги отъ 700 до 800 билетовъ на каждый поѣздъ, или около двухъ тысячъ билетовъ стеченіе трехъ часовъ; на каждый изъ нихъ наложить штампель и на каждый изъ нихъ получить деньги и дать сдачи. Чтобы вся масса желающихъ ѣхать не задавила касира вѣстѣ съ его прилавокъ, устроены перила, вдоль которыхъ желающимъ ѣхать приходится стоять поодиночкѣ, подходить стало-быть поочереды, но шѣрь того, какъ получившій билетъ уходитъ, уступая мѣсто слѣдующимъ. Когда за перилами не помѣщаются еще неудовлетворенные желающіе, они становятся вѣрь периль и дѣлаютъ такъ-называемый хвостъ, on fait la queue. Все это придумано чрезвычайно хорошо. Но за перилами и въ хвостѣ находятъя человекъ дѣвсти. Покамѣтъ касиръ удовлетворяетъ перваго, всѣмъ среднимъ, отъ втораго до сто-девяносто-девятаго приходится жутко. Пламенно стремясь къ одной цѣли, они слегка надавливаютъ другъ друга, но дѣвсти легонькихъ давленій равняются чуть ли не давленію трехъ атмосферъ. Ктому же вся почтеннѣйшая публика одѣта въ овчинные тулумы (эма на дворѣ), да у каждаго за плечами котомка съ имуществомъ или шѣшокъ пуда въ полтора. Разогрѣваніе человекъ въ кипящей смолѣ викакъ не можетъ быть тягостнѣе того, что тутъ испытываетъ публика. Но пожалуй, это бы еще ничего: вопервыхъ паръ костей не ломить, а во вторыхъ помучился, пропрѣлъ какой-нибудь часть, съѣлъ потомъ на машину, и считаешь себя будто дома, — тутъ уже несомнѣнна минута, въ которую пріѣдешь на свою станцію. Но каково же это для здоровья, выйти изъ этого эда на морозъ и на сквозномъ вѣтру отыскивать себѣ мѣста, перекоды изъ вагона въ вагонъ. Не лучше ли было бы устроить двѣ или три касы, чтобы публика, дающая дорогѣ наибольшій доходъ, не терла по крайней шѣрь здоровья.

Понятно, что дѣвсти-первому стать въ хвостѣ — страшная перспектива, потому что онъ скоро перестанетъ быть послѣднимъ, только-что примкнетъ къ нему новый желающій, тамъ явится третій, и пойдетъ давленіе такъ-сказать гидравлическое. Поэтому публика поднимается на хитрости. Мужики, дѣлающіе хвостъ вѣрь рѣшотки, честнѣйшимъ образомъ стоятъ одинъ за другимъ, не пере-

бывая очереди. Но вотъ является какое-нибудь пальто, только не мужикъ, и насильственно втирается въ очередь, нарушая права всего хвоста, бездально, безпошлинно увеличивая его муку. И замѣчательно, что никто не протестуетъ, никто не поднимаетъ голоса, чтобы выгнать притѣснителя, чтобы заставить наглеца занять свое мѣсто въ очереди. Публика съ паразитическимъ терпѣніемъ переноситъ злоупотребленіе. Только разумѣется, что-нибудь нехорошее случивается. Или какая-нибудь барыня подойдетъ къ периламъ, за которыми прѣдетъ очередная публика, и попроситъ кого-нибудь ближайшаго къ цѣли взять и для нея билетецъ, до такой-то станціи. И беретъ у нея деньги прѣющій, и беретъ для нея билетецъ, не думая о томъ, что позади его по этому случаю цѣлую лишнюю минуту страдаетъ хвостъ.

Но вотъ потопролитіе кончилось; счастливецъ съ билетомъ спѣшитъ въ вагонъ, и тутъ оказывается степень нравственнаго развитія нашей публики. Вы входите въ вагонъ и обращаетесь къ первому лицу, которое сидитъ одно на лавкѣ, назначаемой для двухъ пассажировъ: — возлѣ васъ мѣсто не занято? — Занято, отвѣчаетъ лицо съ надутою важностью, и вретъ, чтобы удобнѣе сидѣть одному. — А возлѣ васъ мѣсто свободно? — Здѣсь мой мужъ сидитъ, сейчасъ придетъ, — отвѣчаетъ особа, и нагло вретъ, чтобы удобнѣе сидѣть одной. Проходя долго по вагону, вы наконецъ встрѣчаете простодушно-привѣтливый взглядъ и радушныя слова: свободно, садись, кормилецъ!

Вопросъ о степени нравственнаго развитія нѣкоторой публики сводится непосредственно къ вопросу объ образованіи, о просвѣщеніи, о развитіи умственномъ. Намъ приходится теперь принять рѣшительныя мѣры для того, чтобы образованіе подвинулось впередъ. Это становится необходимымъ даже по хозяйственнымъ соображеніямъ; этого прямо требуютъ наши выгоды, не говоря уже о человѣческомъ достоинствѣ. Преобразованія судебной части требуютъ юристовъ въ огромномъ количествѣ; сельское хозяйство силою обстоятельствъ поставлено такъ, что должно принять новое, раціональное направленіе и требуетъ естественниковъ и камералистовъ; крайняя нужда въ различныхъ фабрикахъ и заводахъ вызываетъ химиковъ, технологовъ, механиковъ и минералоговъ; всеобщій недостатокъ дорогъ требуетъ инженеровъ; наконецъ духъ времени требуетъ честныхъ, нравственно развитыхъ гражданъ, а съ духомъ времени ктоже совладаетъ? Пусть никто и не пробуетъ: совладать нельзя.

Если мы не потерпимся удовлетворить **всѣмъ этимъ законнымъ**

шимъ и настоятельнѣйшимъ требованіямъ, то наша лѣтопись будетъ обыкновенно и нормально слѣдующаго содержанія:

Орловской губерніи малоярославскаго уѣзда въ селѣ Фошѣ, жена кантониста Трофима Яковлева, Анна Семенова, изрубилась топоромъ обѣ ноги и спину. Она объяснила, что къ ней приходилъ какой-то старичекъ и совѣтовалъ ей удавиться, отъ чего она отказалась; но потомъ тотъ же старичекъ, взявши топоръ, отрубилъ ей на лѣвой ногѣ палецъ, и передавая ей топоръ, сказалъ, чтобы она себя рубила, что она и исполнила, желая испытать трехдневную муку, которую претерпѣлъ Спаситель. Признаковъ помѣшательства въ Семеновой не замѣчено, а извѣстно только, что она не знала заповѣдь.

Въ августовской книжкѣ «Трудовъ экономическаго общества» г. Гакъ увѣряетъ, будто *предметъ кирпичныхъ заводовъ и кирпичное производство* составляетъ важную *отрасль политической экономіи*. Тоже ученое общество, которое распространяетъ такіа глубокія истины, поручаетъ временное отправленіе должности своего ученаго секретаря, бывшаго за границей, — лицу, не имѣющему никакого ученаго или экономическаго авторитета.

Тамбовской губ. липецкаго уѣзда села Алексѣевки крестьянинъ Никита Абросимовъ проповѣдывалъ, что 29 іюля между заутренней и обѣдой будетъ свѣтопреставленіе. Народъ началъ толпами стекаться къ Абросимову ветолюкъ изъ своего села, но изъ Ивановки, Семеновки и Головицны. На мѣсто происшествія долженъ былъ пріѣхать становой приставъ, чтобы доказать народу заблужденіе проповѣдника Абросимова, потерявшаго разумъ.

6 сентября г. Холневъ, секретарь «Вольнаго экономическаго общества», неизвѣстно для какой цѣли и въ какихъ видахъ посланный на деньги общества на лондонскую выставку, читалъ въ собраніи краткій отчетъ о своей поѣздкѣ. Изъ этого отчета оказывается, что поѣздка была вовсе бесполезна, ни къ чему не повела, да и не могла повести. Г. Холневъ повторилъ то, что мы уже знаемъ изъ газетъ, именно что образцы хлѣбныхъ зеренъ были самого дурнаго качества, ленъ и пенька визшихъ сортовъ, а изъ минеральныхъ богатствъ былъ выставленъ, по энергическому выраженію самого г. Холнева, «какой-то хламъ, какъ бы съ толкучаго рынка: большіе, грязные и запыленные образцы, расположенные почти на самомъ полу, безо всякой системы.» Въ добавокъ г. Холневъ имѣлъ неосторожность напомнить о нашей сельско-хозяйственной выставкѣ, не имѣвшей каталога и стоявшей обществу огромныхъ денегъ. На лондонской выставкѣ тоже не было каталога нашихъ вещей. «Такова уже видна судьба нашихъ каталоговъ, что они всегда послѣ исцѣ-

ваютъ», неосторожно замѣчаетъ г. Ходневъ, но не упоминаетъ, кому поручено было составленіе каталога и кто за него взялся, — не тотъ ли самый господинъ, который распорядился нашею выставкой въ Петербургѣ?

Г. Дмитревскій въ «Москов. вѣдом.» высчитываетъ, что московскій купеческій клубъ получаетъ отъ одной игры въ лото-домино около ста тысячъ рублей серебромъ въ годъ, взимая по пятидесяти коп. за каждую сыгранную партію.

Въ подольскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ напечатано: 29 іюля крестьянинъ с. Глинянца, Михальчукъ, семидесяти лѣтъ, страдавшій съ давняго времени чахоткой, умеръ отъ удара въ лицо, нанесеннаго мировымъ посредникомъ 4 участка брацлавскаго уѣзда, Запольскимъ.

ПО ПОВОДУ ГОДИЧНОЙ ВЫСТАВКИ ВЪ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ

Почтенное зданіе академіи, мрачное и безлюдное весь годъ, съ потемнѣлыми копіями и гипсами въ пыли, съ холодною лѣстницей и длинными коридорами; тѣсныя студіи молодыхъ художниковъ, страдающихъ надъ разными Агамемнонами, Харонами и Тирзисами, этими чистилищами, сквозь которыя непремѣнно суждено пройти грѣшнику искусства, чтобы сподобиться медали; тяжелая дубовая дверь входа на заперѣ; швейцаръ такой же тяжелый на подъемъ, при появленіи рѣдкаго посѣтителя, какого-нибудь заѣзжаго чудака, осматривающаго Петербургъ какъ рѣдкость; все это, неподвижное, запертое и затхлое, съ наступленіемъ осени, начинаетъ вдругъ обнаруживать признаки движенія, оживать отъ хлынувшаго извнѣ свѣжаго воздуха, выползати на свѣтъ и въ началѣ сентября доказывать свое рѣшительное существованіе раскрытою настежь дверью. Холсты, рисунки, чертежи, гипсы, иногда мраморы, съ вѣкоторыхъ поръ всегда фотографіи (а современемъ вѣроятно будетъ и что-нибудь другое — выдѣланныя кожи напримѣръ), везутся, везутся и тащатся изъ закоулковъ всякаго рода и изъ мастерскихъ. (Слово мастерская надо принимать впрочемъ болѣе за метафору: собственно мастерскихъ въ Петербургѣ вовсе нѣтъ, а есть болѣе или менѣе неудобныя комнаты, гдѣ художники, порабатывшіе въ странахъ съ мастерскими, долго приворапливаются какъ-нибудь работать, пока не придутъ къ убѣжденію, что лучшее средство — совсѣмъ не работать...) Но не одна только дверь въ швейцарскую, дверь въ храмъ безсмертія, или покрайней-мѣрѣ сбыта художественнаго товара, осенью

Отперта для званныхъ и незванныхъ —
Особенно изъ иностранныхъ.

Академическій совѣтъ въ мундирахъ произноситъ слово жизни или смерти Тирзисамъ и Агамемнонамъ. Слѣдствіемъ бываетъ по-

явленіе ярлыковъ надъ произведеніями искусства: «удостоенъ первой золотой медалію, признанъ академикомъ, профессоромъ» и т. п. Пріятно доносится до слуха рассказы свѣдущихъ людей о томъ, какъ вѣрныя стражи чистоты искусства, признавая весьма основательно, что только изъ чистаго источника и могутъ истекать настоящіе Хароны и Тирзисы, подвергаютъ при этомъ тщательному изслѣдованію нравственную сторону производителей — почему благонаравіе, т. е. послушаніе и соединенныя съ нимъ добродѣтели, получаютъ (или по крайней мѣрѣ до сихъ поръ получали) *заслуженную* награду; свойства же противоположныя, т. е. безнравственность, достойно наказуются...

При общемъ упадкѣ нравственности вообще, нельзя не остановиться съ нѣкоторымъ даже умиленіемъ передъ совѣтомъ нравственности академіи и не остановитъ у его порога читателя...

Советъ этотъ, читатель, состоитъ изъ 12 членовъ, и начало несмѣлимости, о которомъ вамъ толкуютъ по поводу новаго учрежденія верховныхъ судей, имѣетъ здѣсь давно свое приложеніе. Советъ такимъ образомъ есть пожизненная собственность опредѣленнаго числа *заслуженныхъ* профессоровъ. Этотъ художественный ареопагъ, недоступный для современнаго художника, представляетъ въ полномъ своемъ собраніи тысячелѣтіе русскаго искусства и онъ-то рукою указываетъ дорогу молодымъ дарованіямъ⁽¹⁾. Одна смерть властна ввести новое лицо въ старую залу стараго совета, но вѣтъ сила сплоченности подставляетъ ему ногу, и подъ видомъ новаго лица вводитъ безличность или продолженіе фирмы, какъ это было еще не такъ давно съ кресломъ профессора пейзажной живописи. Профессоръ этотъ получалъ свое званіе преемственно отъ отца и не выдержалъ бы тогда, а теперь и подавно, конкурса не только что съ такими профессорами-художниками, каковы Боголюбовъ, Лагорію, Эрасси и др., но даже и съ весьма многими учениками, которымъ онъ присуждаетъ преміи и которыхъ можетъ-быть лишаетъ премій...

Правда, молодые художники влекутся болѣе отъ старыхъ профессоровъ совета къ профессорамъ-художникамъ, находящимся внѣ совета, но вѣдь это уже во всякомъ случаѣ *безнравственность*. И вотъ ученикъ, имѣя страшилище экзамена передъ собою, волей или неволей бредетъ за приказаніями къ своему начальнику-

(1) Между членами совета есть люди старѣе 90 лѣтъ; какъ исключенія, можно назвать двухъ-трехъ замѣчательныхъ художниковъ, сохранившихъ способность быть руководителями и судьями въ искусствѣ: довольно назвать Пяменова, Бруни, А. Брюлова...

професору, держа картину какъ хлѣбъ-соль предъ собою (такая уже заведена форма).

— Гм! это что у тебя тамъ? спрашиваетъ наставникъ со свойственною фамильярностью.

— Программа, ваше п—ство... Агамемнонь, ваше п—ство, отвѣчаетъ ученикъ.

— Гм! Агамемнонь. Такъ это у тебя Агамемнонь? Хорошо. Ну, такъ чтоже тебѣ надо отъ меня?

— Не прикажете ли чего, ваше п—ство...

— Гм! произноситъ професоръ, разваливаясь въ креслахъ: — держи, братецъ, картину перелъ собою, какъ слѣдуетъ, — ничего не вижу... И вытащивъ очки изъ футляра, его превосходительство начинаетъ водить глазами по картиѣ — иногда пальцемъ, а иной разъ табакеркою или зонтикомъ, если изволило вернуться съ прогулки.

— Стиля нѣтъ у васъ нынче, — рѣшаетъ онъ, укладывая очки обратно въ футляръ. А впрочемъ, ступай себѣ, братецъ, съ богомъ — дѣлай какъ знаешь. Только къ молодымъ професорамъ не ходи. У нихъ неуваженію къ старшимъ только наберешься. *Слышь! А не то медали тебѣ какъ своихъ ушей невидать. Слышь!*

Послѣ такого или почти такого полезнаго назиданія, художникъ отправляется, сохраняя по возможности инкогнито, къ одному изъ молодыхъ набираться, вмѣстѣ съ неуваженіемъ къ старшимъ, чему-нибудь по части умѣнья писать картины.

Ну что еслибы сдѣлать обмѣнъ ролей, т. е. професоровъ съ учениками и совѣтами признать за професоровъ академіи и членовъ академическаго совѣта, а професоровъ безъ учениковъ и совѣтовъ оставить на покоѣ, на пенсіи, въ высокомъ чинѣ, какъ хотите, но только не на аренѣ художественныхъ подвиговъ, превратившихся для нихъ въ бремя не по силамъ? Отчѣго бы не назначить конкурса, по истеченіи опредѣленнаго срока, на право занимать кресло въ совѣтѣ? Это не позволяло бы професору художественные интересы мѣнять на чиновные и въ тоже время давало бы возможность молодому, свѣжему дѣятелю войти въ составъ совѣта, на мѣсто отставшаго или облевившагося. Подрядная иконопись, само собою разумѣется, не должна бы давать правъ истинной живописи, но при обсужденіи вопроса о продолженіи занятія должности професора академіи, слѣдовало бы требовать самостоятельной живой работы отъ конкурента. Тогда увидѣли бы всѣ, кто продолжаетъ быть професоромъ-художникомъ и кто сдѣлался чиновникомъ? А теперь, дарованія сильныя и развитыя современно (каковы напримѣръ гг. Худяковъ, Боголюбовъ, Лагорио, Эрасси, Соколовъ и другіе) устра-

цены отъ права сказать свое слово въ стѣнахъ академіи и только подъ секретомъ могутъ учить молодыхъ художниковъ, чтобы не пооредить имъ на экзаменѣ. Московское училище ваянія и живописи, которому посчастливилось приобрести себѣ Сорокина (старшаго), неумѣло даже найти свѣтлаго угла г. Худякову, гдѣ онъ могъ бы работать и вынудило его черезъ то переселиться въ Петербургъ. Здѣсь, благодаря опустѣлой мастерской одного академика, умѣвшего себѣ добыть это диво, Худяковъ имѣеть покрайнѣ мѣрѣ довольно пространства и свѣту, чтобы помѣстить холстъ, на которомъ пишетъ. А у профессоровъ-чиновниковъ половина зданія академіи подъ квартирами, и свѣтъ обширныхъ оконъ только мѣшаетъ имъ спать покойно.

Вообще положеніе нашихъ молодыхъ профессоровъ въ академіи совершенно противоположно ихъ правамъ на это положеніе: въ свѣтъ они, какъ сказано, не имѣютъ голоса, и только нѣкоторые изъ нихъ получили недавно помѣщеніе, въ которомъ могутъ работать; всѣ большіе заказы отъ правительства отданы и отдаются безъ конкурса чиновникамъ академіи, и кисти людей даровитыхъ служатъ откупщикамъ, которые одни въ состояніи покуда выплачивать большія деньги за ихъ картины. Съ прекращеніемъ откупа придется вѣроятно понизить цѣны, отчего впрочемъ выиграютъ не только истинные любители съ размѣрами кармановъ болѣе скромными, чѣмъ у откупа, но и художники, переставъ состоять, на старомъ положеніи, подъ покровительствомъ денежныхъ меценатовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что художники не захотятъ долго оставаться подъ этою опекою и свергнуть съ себя, какъ русская литература, иго богачей, покровительственно относившихся когда-то къ писателю и несовсѣмъ еще отвыкшихъ относиться такимъ образомъ къ художнику. Когда монополія капиталовъ въ области художества прекратится, послѣдняя перестанетъ быть невѣдомою странною для большинства публики. Еще Петербургъ и Москва покрайнѣй-мѣрѣ изрѣдка напоминаютъ своими выставками, что есть вѣчто кромѣ литографій въ эстампныхъ магазинахъ и образцовъ на золотомъ фонѣ; прочія же мѣста Россіи почти незнаютъ вовсе что такое картина. За свои большія деньги, художникъ, самъ того не подозревая, продаетъ часто свою извѣстность, потому что картина, перешедшая изъ мастерской прямо въ залу какого-нибудь откупщика или московскаго торговаго мецената, за немногими исключеніями, хоронится для публики. Только усерднымъ посѣтителямъ мастерскихъ художниковъ и извѣстны всѣ ихъ работы; самыя лучшія по большей части остаются тайной для публики: ревнивый ихъ заказчикъ не хочетъ даже подразнить ими чужихъ глазъ и не пу-

связать на выставку, какъ строгій отецъ своихъ дочерей изъ бала. Пусть не говорятъ и перестанутъ думать, что искусство есть роскошь, достояніе богатства: нѣтъ, искусство есть потребность образованнаго общества, средство къ смирненію нравовъ и очищенію вкуса. Оно должно стремиться къ тому, чтобы жертва по возможности, на ряду съ книгой, вошла въ небогатый жилища людей, шпунцихъ свѣта и утѣшенія, въ чемъ бы они ни провалялись: въ звуцѣ, печатномъ словѣ, или краскахъ. Задача искусства — вовсе не забавить богача — она гораздо возвышеннѣе. Искусство (по выраженію одного знаменитаго писателя) «вѣбствѣ съ зарницами личнаго счастья, единственное несомнѣнное благо наше.»

Съ нѣкоторыхъ поръ учреждена въ Петербургѣ (и кажется также въ Москвѣ) постоянная выставка художественныхъ произведеній. Въ Петербургѣ она помѣщалась сперва далеко отъ центра города, въ зданіи биржи, и одни отчаянные любители чувствовали въ себѣ довольно храбрости, чтобы предпринимать эстетическіе походы «на гѣ острова, гдѣ растетъ тринь-трава.» Послѣ настояній художниковъ и нѣкоторыхъ изъ этихъ отчаянныхъ, меценаты перевели выставку на Невскій проспектъ. Къ ихъ крайнему удивленію, залы новаго помѣщенія остаются почти также пусты, какъ и залы стараго. А удивляться-то собственно нечему: неудача въ выборѣ перваго пристанища успѣла охладить вниманіе публики къ постоянной выставкѣ; привычка же къ тому, что все послѣднее названіе художественнаго произведенія соединено съ понятіемъ о большихъ деньгахъ, породило убѣжденіе въ недоступности впускной цѣны на настоящую выставку. Выставьте цѣну (а она очень умѣрена: 15 коп.) на наружныхъ дверяхъ и въ окнахъ — и вы увидите, что посѣтели явятся.

Заговоривъ объ этой выставкѣ, я вовсе неуклоняюсь отъ выставки *академической*: одна докончаетъ другую, также какъ одна и обираетъ другую. Дѣйствительно, на постоянной выставкѣ, всякое или почти всякое произведеніе (исключеніе составляютъ собственности ревнивыхъ хозяевъ) можетъ появиться во всякое время года, не дожидаясь, когда двери академіи украсятся представителями порядка. Такимъ образомъ, только-что конченная работа художника показывается въ помѣщеніи на Невскомъ проспектѣ. Простовѣе недѣлю, другую, она замѣщается новою, и на годичную выставку попадаетъ только непроданная или прямо вышедшая изъ мастерской. Отъ этого-то въ послѣдніе годы, особенно въ самый послѣдній, академическія выставки все малочисленнѣе и бѣднѣе количествомъ (и даже отчасти качествомъ) своихъ произведеній. Допрежнему являютъ въ полномъ составѣ только программы учениковъ.

Все это мало извѣстно большаинству публики; даже небольшие залы восточной выставки (1), богато снабженныя собраніем преподавателями современныхъ и старыхъ мастеровъ, чужихъ и иностранныхъ, доставляемыхъ изъ мастерскихъ и изъ лучшихъ галерей Петербурга — вѣрно бывали бы полныя. Между глумящими естественне нашлось бы не мало людей, готовыхъ вынуть изъ кошелька 15 к., чтобы отдохнуть, кто душою, а кто и просто погамн... А вслѣдъ имъ знаетъ, что эти 15 копѣекъ имѣютъ значеніе помогать дароватымъ бѣднякамъ художникамъ, и что изъ нихъ, со взносами членовъ общества поощренія художниковъ, образуется капиталъ, воспитывающій и уже воспитавшій не одного замѣчательнаго живописца, скульптора и т. д.? Общество поощренія художниковъ дѣйствительно ихъ поощряетъ, только публика-то мало поощряетъ самое общество. Причиной тому, мнѣ кажется, все также неизвѣстность и исключительность, окружающія наши предприятия по части художествъ. Еслибы всѣмъ было извѣстно, что входя членомъ въ это общество, поощритель, за свои 10 рублей въ годъ, имѣетъ разные права и привилегіи, какъ-то: бесплатный входъ на восточную выставку, право бесплатнаго выигрыша на художественной ежегодной лотерей, гдѣ разыгрываются, только для однихъ членовъ, оригинальныя картины, рисунки, гравюры и проч., сверхъ того, вслучаѣ невыигрыша, непрѣмное полученіе, въ видѣ преміи, особаго эстампа, — еслибъ все это было хорошо извѣстно, то великодушные жертвователи, не замедлили бы обнаружиться... Жаль, если и при такихъ соблазнительныхъ правахъ членовъ, общество поощренія художниковъ останется безъ членовъ и постоянная выставка — эта драгоценная школа для развитія эстетическаго вкуса публики и для готоваго во всякое время назиданія художниковъ, молодыхъ и зрѣлыхъ, должна будетъ закрыться... Меценаты, нанявшіе помѣщенія на Невскомъ проспектѣ, закотятъ ли еще нести дефицитъ на себѣ, — да и неутѣдно ли достаточной части публики, бросающей охотно деньги на всякія наслажденія крѣмъ эстетическихъ, предоставлять кому-нибудь исключительное право пренормленія художествъ...

Кстати о профессорахъ-художникахъ, остающихся за штатомъ. Пишущему эти строки положительно извѣстно, что многіе изъ вышеуказанныхъ молодыхъ профессоровъ согласились бы занять мѣста профессоровъ-преподавателей живописи при учебныхъ округахъ и посылаться въ Харьковъ, Одессу, Казани, Кіевъ или Москву. Поэтому, какъ это способствовало бы развитію эстетическаго чув-

(1) Царскому Александровскому дворцу, на Невскомъ проспектѣ.

есть цѣлаго края: мастерская художника, открытая для всѣхъ, пріучала бы глазъ не однихъ посѣтителей университета къ произведеніямъ искусства и рождала охоту къ приобретенію картинъ, видѣнтію золоченыхъ обоевъ, которые богатые провинціалы выписываютъ за большія деньги изъ Петербурга. Молодые люди, съ призваніемъ къ искусству, лишонные средствъ добраться до Москвы и Петербурга, нашли бы готовую школу у себя подъ рукою и развились бы современемъ въ художниковъ, или приобрѣли бы своими работами нѣкоторыя матеріальныя средства, чтобы довершить развитіе въ академіи. Довольно вспомнить, что многіе изъ лучшихъ современныхъ талантовъ нашихъ: Худяковъ, братья Сорокины и др., почувствовали призваніе къ искусству въ деревняхъ, подъ умалкой простыхъ иконописцевъ. Чтоже было бы, еслибъ они встрѣтили сразу опытнаго в даровитаго художника-профессора, до котораго не было бы нужды добираться путями всевозможныхъ лѣшней, преодолевая тѣ препятствія, какія встрѣчаетъ бездомный бѣднякъ, прішкомъ прішедшій въ московское училище живописи и ваянія, или въ петербургскую академію художествъ. А теперь взгляните на каталоги выставокъ: есть ли хоть одно произведеніе, присланное изъ провинціи? Ни одного. Есть ли кому заказать хоть портретъ въ губернскомъ городѣ? у кого купить пейзажъ или картину! Нѣтъ, рѣшительно нѣтъ! Въ Крыму правда есть Айвазовскій, и около него образовалось нѣсколько художниковъ; но Айвазовскій живетъ у себя въ деревнѣ, и потому ему трудно составить школу, чѣмъ жителю большого города. Миѣ удалось видѣть очень недурные пейзажи одного изъ его учениковъ въ Харьковѣ, куда они попали случайно. Выслалъ еще когда-то одну или двѣ картины на выставку Гарановичъ изъ Оренбурга, но Гарановичъ ученикъ Карла Брюллова, занесенный обстоятельствами изъ Петербурга на границы Киргизіи. Вообще же далѣе столицъ не проникъ свѣтъ искусства въ Россіи, и дурно-освѣщенныя улицы губерній волею соотвѣтствуютъ мраку по этой части. Такъ будетъ до тѣхъ поръ, пока художники, полные силы и готовности къ труду, останутся (а пока они остаются) въ сѣрой атмосферѣ петербургскихъ четвертыхъ этажей или заднихъ дворовъ академіи. Мало того: виды Италіи и Швейцаріи не сойдутъ со станковъ художниковъ, покуда они не станутъ проживать внутри Россіи: меморетныя ихъ поѣздки за стюдами не достаточны для усвоенія характера новой для нихъ страны. Говорю новой, потомучто всѣ они учены на образцахъ и на природѣ иныхъ странъ; глазъ ихъ привыкъ уловлять иные краски, иные очертанія. Я не думаю оскорбить г. Боголюбова, наприимѣръ, сказавши, что его картины изъ русской приволжской

природы (невыставленные) отстали отъ его же картинъ, изображающихъ Италію, Нормандію, Голландію и т. п. А отчего это? Оттого что художникъ много и пристально учился надъ тѣми мѣстностями и только схватилъ на лету общій видъ мѣстностей приволжскихъ; оттого что роскошныя краски еще горятъ въ его глазахъ и мѣшаютъ видѣть блѣдныя, блѣдныя тоны этихъ картинъ.

Живописцы быта (жанристы) обнаруживаютъ болѣе влеченія къ русской, или покрайней-мѣрѣ петербургской жизни, введенные въ нее смѣлымъ Федотовымъ. Впрочемъ это происходитъ можетъ-быть и оттого, что за нею не надо ѣздить. Собственно *русскій* бытъ дается и въ этой области немногимъ. Нельзя не замѣтить также самоотверженнаго поступка академіи, наложившей, какъ Сатурнъ, свои руки на собственныхъ ея чадъ — Тирзисовъ и Агамемноновъ, замѣненныхъ для конкурса Іоаннами III и стрѣльцами. Бѣдныя исполнители программъ спасены такимъ образомъ отъ переодѣванья русскихъ Архиповъ и Матренъ въ боговъ и царей Греціи, а посѣтители выставки — отъ непріятности быть свидѣтелями этого страннаго маскарада.

Затѣмъ общій видъ выставки похожъ на всѣ бывшія и вѣроятно будущія виды академическихъ выставокъ; вообще вѣскольکو произведеній солистовъ послѣдней залы (антчанной) утопаютъ въ хорахъ и между статистами, наполняющими остальные залы, — только на этотъ разъ и первыхъ и вторыхъ численно менѣе обыкновеннаго; еслибы вторыхъ было еще менѣе, то было бы еще лучше. Незабываемыя, родовыя признаки выставки — вакханка и пейзажи братьевъ Чернецовыхъ на лицо. Вакханка такая же розовая, какъ принято быть вообще вакханкамъ на выставкахъ, пейзажи такіе же сѣрые, словно писанные горохомъ, какими и подобаетъ быть пейзажамъ братьевъ Чернецовыхъ.

Кисть заслужонныхъ братьевъ, передавшая 'счастливому человечеству Волгу отъ Твери до Астрахани», Палестину и Египетъ, не мѣняя красокъ на палитрѣ, произвела изъ нихъ остатковъ на этотъ разъ какъ кажется видъ Чукотскаго-носа, который только для удовольствія публики названъ въ каталогѣ видомъ южнаго берега Крыма.

Портреты есть тоже такіе, какіе должны быть на выставкахъ: портреты вѣныхъ господъ съ выпученными глазами, кунцовъ съ золотыми медалями на шеѣ, барынь съ лорнетами и въ бархатныхъ платьяхъ, словомъ такіе какъ слѣдуетъ. Но и этихъ статистовъ что-то уродило меньше; побиле ли ихъ фотографіями, или всѣ иные господа, купцы и барыни успѣли прежде перенести свои отличительныя черты на холсты, только этого украше-

ція первыхъ замъ куда какъ публично. Чужаковъ, раскритикованныхъ письмо, закуривающихъ папироску и т. н. даже не видне въске. Олимпъ совсѣмъ зеленый господишь, правда, передалъ особенность своего колорита, или своего художника, и тѣмъ вѣсколь-ко одобрилъ общую бездѣятность портретнаго отдѣла, про который пришлось бы иначе отозваться словами паспорта: лицо круглое, носъ обыкновенный, подбородокъ выбивающійся, глаза чистые, особыхъ примѣтъ не имѣется. Какой-то проказникъ еще издаетъ табачокъ, всѣ прочіе ведутъ себя скучно.

Въ самомъ дѣлѣ портретная живопись остановилась, упала съ нѣкоторыхъ поръ: сильныхъ портретистовъ невидано болѣе. Приятныя работы Макарова можно видѣть въ каждомъ домѣ, но ихъ не увидите на выставкѣ: это произведенія гостиныхъ. Горавскій, судившій своими первыми опытами большого мастера въ портретной живописи, какъ-то колеблется, теряетъ старую дорогу и новой еще не видать; доказательство — его работы на выставкѣ. Прочіе работаютъ старательно и честно, но вѣдь и фотографическіе станки тоже честно и старательно работаютъ. Портретисты-акварелисты — царица Рауловъ и вѣзжій римлянинъ Беллоли, каждый въ своемъ родѣ выставивши вещи, достойныя полной похвалы, — одинъ чрезвычайно сильныя, другой граціозныя, и вотъ единственныя замѣчательныя портреты выставки. Академія, вѣроятно ища пятель, не нашла неприличнымъ рядомъ съ Беллоли выставить оптическіе портреты Штейнберговъ и компаніи, а можетъ быть и это сдѣлано въ удовольствіе публики. Спора нѣтъ, на промышленной выставкѣ эти громады-фотографіи могли бы назваться художественными, какъ театрыя шелковыя картины лондонскихъ фабрикъ, но на художественной они кажутся невозможно промышленными. Трудно также доискаться причины присутствія на *художественной* выставкѣ нѣкоторыхъ заказовъ для церквей.

По части пейзажей солистами являются: Эрасси, Боголюбовъ, Клотъ и Дюкеръ (Лагоріо и Мещерскій ничего не выставилъ). Дюкеръ молодой художникъ, одаренный такою способностью видѣть природу и передавать ея краски съ правдою такою поразительною, что работы его во многихъ отношеніяхъ превосходятъ работы вѣлыхъ художниковъ. Его деревья — совершенство рисунка и письма. Такъ ништо у насъ не напишетъ деревьяевъ.

Г. Дюкеръ часто являлся въ прошлую зиму на восточной выставкѣ: всѣ его пейзажи болѣе этюды, чѣмъ картины, это кони съ природы; но начинаютъ такъ и слѣдуетъ: натура лучшая школа для художника. Будетъ ли г. Дюкеръ также удачно сочинять, какъ онъ копируетъ — сказать покуда трудно; но, повторимъ, копиро-

вать натуру лучше нельзя. Вдобавок краски его свѣтлы, свѣтлы, и блѣднѣйшій типъ свѣтра усвоить имъ плохонѣ. Выставленные имъ на этотъ разъ два пейзажа такъ просты, что не всякій лама остановится передъ ними. Но кто всматривался въ природу, тотъ прикуется къ этому дереву, размѣстившему свои роскошные партіи и сквозящему глубокимъ и свѣтлымъ воздухомъ, тотъ не оторвется отъ этой быстро-бѣгущей рѣчки. Работы г. Дюкера — артефакты изъ живой природы. Что если молодой художникъ разрабатываетъ свой талантъ добросовѣстно, какой изъ него выйдетъ замѣчательный мастеръ!

Пейзажи г. Клода, особенно ночной, имѣютъ также много хорошаго; борьба огненнаго освѣщенія, охватывающаго группу людей перваго плана, съ освѣщеніемъ звѣздной ночи, выдержаны прекрасно. Такая же противоположность солнечнаго свѣта и тѣни на дневномъ пейзажѣ гораздо менѣе удалось художнику въ отношеніи естественности и правды.

Г. Эрасси признанъ профессоромъ за четыре выставленные имъ пейзажа. Дѣтъ около пятнадцати посѣтители выставки привыкли встрѣчать работы этого художника въ залахъ академіи. Дарованіе Эрасси — одинъ изъ назидательныхъ примѣровъ для молодыхъ дарованій: сначала на натурѣ, потомъ въ женевской мастерской Калама оно развивалось и разрабатывалось неумолимо; усиленно, послѣдовательно, и наконецъ является въ полномъ расцвѣтѣ собственнаго сознанія. Прежнее сходство Эрасси съ его женевскимъ учителемъ, доводившее иногда до *qui pro quo*, исчезло совершенно въ новыхъ произведеніяхъ молодого профессора, который является со своею собственною физиономіею. Если выставленные виды Швейцаріи и напомнятъ кому-нибудь о Каламѣ, то это покажетъ только, что Каламъ и Швейцарія въ понятіяхъ зрителя не могутъ быть разведены, какъ законно-обвѣнчанные супруги. Болѣе основательный наблюдатель увидитъ сейчасъ, что озеро запримѣръ и сочинено и написано совсѣмъ не по-каламовски, и что въ немъ видна одна только Швейцарія, безъ всякаго Калама на придачу.

«Озеро» Эрасси — лучшее его произведеніе. Сколько воздуха, утренняго пару въ глубинѣ картины, которая такъ сквозна, что высокое дерево перваго плана совсѣмъ отдѣляется отъ фона и стоитъ само по себѣ, далеко отъ горъ и озера; между нимъ и ими — безпредѣльность, и видишь ясно, что дерево можно обойти со всѣхъ сторонъ. Лиловатыя горы мягко уходятъ въ пространство, отражаясь въ невозмутимой утренней тишинѣ воды. На небѣ ни облачка; будетъ восхитительный день. Первый планъ уже облитъ пригрѣвающими лучами солнца, а въ роуцѣ еще царствуютъ ночная

пропадае и тѣнь. И надъ всѣмъ этимъ вѣетъ та проткая тишина, та сѣвность и какая-то торжественная простота, какія свойственны одной Швейцаріи. На картинѣ Эрасси лежатъ печать страны, а для художественнаго произведенія это огромное достоинство.

Рядомъ съ озеромъ Швейцаріи стоитъ озеро или большой прудъ въ Малороссіи. Тамъ было утро; здѣсь — вечеръ. Тамъ вставалъ чудный лѣтній полдень изъ-за горъ; здѣсь уходитъ знойный день съ равнины. Горячія облака столпились на западномъ склонѣ неба. Даль утоула в свозитъ въ вечернемъ заревѣ, отраженномъ въ сыпающемъ прудѣ... А дубы и тополи уже облеклись сумерками и вода утратила цвѣтъ заката... Еще минута — в черная ночь спустятся своими южнымъ мигомъ на прудъ, в на деревья, и на едва-мелькающую вдали церковь Дикавки.

Трудно сказать: которая изъ двухъ картинъ лучше. Сила, съ какою нависана вторая, производитъ своего рода противоположность мигкой манерѣ первой, и обѣ виѣстѣ показываютъ искусство художника въ полномъ его проявленіи.

Остальные два пейзажа (одинъ тоже швейцарскій и другой тоже малороссійскій) очень хороши каждый самъ по себѣ.

Въ настоящее время Эрасси — въ Италіи, гдѣ онъ еще никогда не былъ. Художникъ во всей силѣ своего развитія, неутомимый труженикъ и почти фанатикъ искусства, какимъ всѣ признають Эрасси, подъ впечатлѣніемъ этой страны искусства, долженъ излиться лучшими своими красками и самыми пламенными вдохновеніями. Счастливъ тотъ, кто видитъ берега средиземнаго моря и снѣбящія Аппенины, съ кипарисными и пинновыми рощами у подошвы, — съ блѣдною зеленью оливы на яркомъ небѣ, тысячелѣтними каменными дубами, бѣлой акаціей и лавромъ... кто все, чѣмъ околдовывается Италія, какъ неувимую улыбку, можетъ запечатлѣть на холстѣ, хоть частію, хотя въ отрывкахъ и намекахъ красокъ.

А какія краски! Картина г. Боголюбова блистательно о томъ свидѣтельствуешь. Это яркое воспоминаніе Италіи такъ и мечется въ глаза полуденными тонами «золотого свѣтлаго юга» поэта. Не всегда и не всякому художнику удается общій мотивъ картины такъ счастливо, какъ удался этотъ южный мотивъ Боголюбову. Конечно Боголюбовъ писалъ картины и лучшія — позамысловатѣе и оконченнѣе; но конечно также, небольшое произведеніе выставки, одно изъ самыхъ эффектныхъ по каталогу и широкому письму. На немъ тоже печать страны. Отъ него возстають въ памяти

Тотъ край, тотъ брегъ, съ его полуденнымъ сіяньемъ,
Гдѣ вѣчный блескъ и ранній цвѣтъ,

Гдѣ позвонитъ, блѣднѣхъ розъ дѣхнѣемъ
Декабрьскій воздухъ разогрѣтъ...

И нескоро выгонять его изъ головы и сердца

Сводъ небесъ зелено-блѣдный,
Скука, холодъ и гранитъ !

Мудрено ли, послѣ этого, что долго, и крѣпко сидятъ въ душѣ и въ памяти художника тѣ далекія краски, тѣ чудные очерки, понула иное — родное, убогое и тусклое, не затмѣять блесна чужого, но роскошно-влѣбительнаго...

Всѣ, или почти всѣ, лучшія произведенія выставки посвящены не Россіи — это все еще отголоски «прекраснаго далека». Даже лучшія картины быта (жанры) или привезены прямо изъ Италіи, или родились подъ петербургскимъ небомъ, о которомъ не думалъ художникъ, перенесшій съ собою въ этюдахъ и воспоминаніи небо Италіи, ея жизнь или хотя и нашу жизнь, но въ проявленіи болѣе романтическомъ и съ другою обстановкою подъ разными вліяніями страны любви и красоты... Таковы, между прочимъ картины гг. Реймера и Худякова. Первая — совсѣмъ итальянская, безъ всякой русской примѣси, даже безъ примѣси чего-либо особенно своего : все это мы видѣли и видимъ чуть не на каждой выставкѣ въ Петербургѣ, Парижѣ, Римѣ — особенно въ Римѣ. Сюжетъ (если только можно назвать это сюжетомъ) картины Реймера (осенній сборъ винограда въ окрестностяхъ Рима) почти такой же новый, какъ сюжеты вакханокъ, дѣвушекъ у фонтана, семействъ нищаго, пиеараровъ и т. п. Въ Римѣ, гдѣ сосредоточены всѣ художественныя народности, каждую зиму каждая изъ нихъ ставитъ непременно по одному сбору винограда. У насъ памятиѣ другихъ были сборы винограда (кромѣ брюловскаго) гг. Орлова и Тимашевскаго : у перваго, какъ всегда, людной праздникъ олицетворялся тремя полу-фигурами, изъ которыхъ одна скалитъ зубы... у него же римскій карнавалъ, съ двигающимися, скачущими, кидящими букеты и муку, бѣснующимися тысячами народа, воплощался въ одну женскую полуфигуру съ букетомъ, и тоже съ оскаленными зубами. Г. Тимашевскій собиралъ виноградъ en grand, какъ и г. Реймеръ, — на большомъ холстѣ, посредствомъ цѣлыхъ и многочисленныхъ фигуръ ; нѣкоторыя изъ нихъ плясали также искусно, какъ тѣ балетныя солисты, которые вертятся мельницею на сценѣ. Г. Реймеръ обошелся со своимъ виноградомъ нѣсколько иначе : безъ балета, съ замѣчательнымъ блескомъ красокъ и мастерствомъ группировки, но содержанія въ картинѣ оттого не прибавило. Глядя на работу г. Реймера,

исполненную съ большимъ искусствомъ, вкусомъ и знаніемъ дѣла, жалѣешь о потраченномъ дарованіи на такой пустой предметъ. Что онъ вполне овладѣлъ умѣньемъ разставить фигуры, ловко и вѣрно нарисовать и написать ихъ — въ томъ картина вполне удостовѣряетъ; но еще пріятнѣе было бы удостовѣриться въ умѣнья художника *задумать* картину. А что умѣнья этого г. Реймерсу не занимать-стать — тому порукой нѣкоторые изъ его прежнихъ небольшихъ работъ (похороны наиримѣрь, съ фигурой женщины въ траурѣ). Зачѣмъ же было затѣвать большую картину съ замѣреннымъ блеснуть однимъ вышнимъ достоинствомъ? Развѣ для полученія званія профессора? Но неужели за картину съ содержаніемъ, званіе это не дается?

Еще одно замѣчаніе: при большихъ достоинствахъ рисунка и письма г. Реймерса, не хотѣлось бы встрѣчать въ его работахъ какого-то предвзятаго, какъ бы заказаннаго себѣ художникомъ приема, вслѣдствіе чего большая его картина, чрезвычайно свѣтлая и колоритная, грѣшитъ нѣсколько противъ природы: дневной свѣтъ — скорѣе освѣщеніе сцены солнечными лампами, чѣмъ свѣтъ солнца. Всѣ прочія работы, г. Реймерса, меньшихъ размѣровъ, предостыны по мотивамъ и исполненію, подверглись еще болѣе капризу его манеры: онѣ точно прошли сквозь старыя картины разныхъ галерей, сквозь нихъ прокатаны и около нихъ набрались копоти, потускнѣли. Зачѣмъ это? Безспорно, старая картина, подъ педеною временемъ, имѣетъ свою особенную, какую-то таинственную прелесть. Но это происходитъ оттого, что сквозь эту плесень глазъ проникаетъ мысленно до первоначальныхъ красокъ, о потерѣ которыхъ скорбятъ, какъ о поблекшей свѣжести щокъ красавицы, воображая ихъ себѣ можетъ быть даже цвѣтущѣе, чѣмъ онѣ были... Но прямо коптитъ свои свѣжія произведенія, стирать со щокъ румянецъ, превращая ихъ въ «новѣйшіе антики», какъ выражался одинъ губернской купецъ о своихъ товарахъ, право уже черезчуръ капризно. Дарованіе, какимъ надѣлила природа г. Реймерса, можетъ и должно обходиться безъ этихъ приправъ; матеріалы только не свѣжіе нуждаются въ приностяхъ, — свѣжая пища хороша и сама по себѣ...

Взгляните на картину г. Худякова «Тайное посѣщеніе»; или вспомните его «Игру въ мячъ»: онѣ безъ всякихъ приправъ, а кто станетъ жалеть о томъ? «Игра въ мячъ» даже не приправлена и особеннымъ содержаніемъ: беззаботные люди, подъ балующимъ ихъ солнцемъ, предаются пустой игрѣ, какъ чему-то важному — и только; но безукоризненная правда и простота, съ какими отвесся художникъ къ своему изображенію, дѣлаютъ изъ его картины безъ содержанія — картину полную содержанія: это жизнь простона-

редья Италіи въ живѣ, какъ она есть, безъ всякаго укищрвѣнїа и переданная въ тѣхъ краскахъ, какія есть въ ней самой, а не въ фантазіи живописца, посмотрѣвшагося галерей. Оттого-то, глядя на нее, вспоминаешь живую Италію, а глядя на картины г. Реймерса (мелія) вспоминаешь галерею Италіи... (1)

Нынѣшняя работа г. Худякова не всякаго даже заставитъ остановиться передъ собою. Иные назовутъ ее (и даже называютъ) пустякомъ, шуткою, не болѣе. Дѣйствительно, вещь не важная: холстъ небольшой, три-четыре фигуры, да и тѣ ничего особеннаго не дѣлаютъ: блондинка въ амазонкѣ, брюнетъ въ высокихъ запыленныхъ сапогахъ; смуглая римская простолюдинка у кельбелы; розовый ребенокъ въ атласѣ и кружевѣ и черномазый въ растрепаной рубашкѣ... И никто даже руками не размахиваетъ; ни краски, ни движенія — ничто не бьетъ въ глаза. Точно пустякъ — шутка художника, не болѣе. Но такими пустяками не всякій художникъ забавляется и не всякій можетъ дошутиться до такихъ шутокъ. Впрочемъ и шуточной-то картина г. Худякова покажется развѣ тому, кто наделъ знакомъ съ заключенною въ ней драмою и съ той сферой, гдѣ она разыгрывается, или кому нужны красные плащи, княжалы, кровь, таинственное ночное освѣщеніе, факелы, ракурсы мертвыхъ тѣлъ и развѣя страсти, въ которыхъ

Все есть, коль нѣтъ обмана...

Страсти, разыгрывающіяся въ картинкѣ г. Худякова, одѣты въ обыденное платье, освѣщены яркимъ, откровеннымъ солнцемъ, отчасти и вызвавшимъ-то ихъ наружу; онѣ проявляются спокойно, безъ рѣзкихъ тѣлодвиженій, благовоспитанно и прилично, — словомъ, это страсти какъ онѣ есть въ извѣстномъ кругу, и влобадокъ, при условіяхъ голубыхъ глазъ и сѣвернаго женскаго личица, только загорѣшаго подъ тѣмъ небомъ, которое такъ уже прямо и рождаетъ загорѣлыхъ брюнетовъ... да еще какихъ соблазнительныхъ для голубыхъ глазъ брюнетовъ!

Жизнь сѣверной женщины на пескахъ и лисицахъ только въ половину жизнь: кровь ея, согрѣтая березовыми древами, густѣетъ и недвижется. Все тому способствуетъ: холодъ на улицѣ, холодъ въ обычаяхъ, холодъ въ той половинѣ челоуѣчества, который приносить свой юный жаръ на жертвенникъ канцелярій и департаментовъ, или расточаетъ на минеральныхъ водахъ и у разныхъ губительныхъ

(1) Позже явились на выставкѣ этюды и сцена *Келлера*, молодого художника, бывшаго въ Италіи насчетъ общества поощренія художествъ. Работы эти обличаютъ рѣшительное дарованіе, и по правдѣ красокъ составляютъ противоположность работамъ г. Реймерса.

Милль, привлекая къ себѣ фортуна, но не привлекая женщины ничто, дакъ развѣ только законнымъ образомъ... Мудрено ли, что проше- веденія Италіи и Франціи, даже какого-нибудь Баденъ-Бадена или самой Вѣны, съ груднымъ теноромъ, со скрипкою подъ боролою или съ метаньемъ по воздуху своего тѣла обтанутаго въ трюно, явля- ются какими-то метеорами новыхъ свѣтъ, болѣе горячихъ и фос- форическихъ въ этомъ свѣрномъ мірѣ холодной золотухи и ге- мороя. И боже, какія батареи биноклей направляютъ лопи и какъ воспламеняется кровь белъ-этажей и всѣхъ вообще этажей отъ од- ного присутствія въ залѣ этихъ зажигательныхъ снарядовъ! Поли- ція дѣйствуетъ очень неосмотрительно, терпя ихъ присутствіе въ городѣ, гдѣ пожарная команда дурно устроена... Но платоническій пожаръ только обжигаетъ глаза, даѣе его не допустить брантъ- мауеры приличія, общественнаго надзора, чина и другихъ гаситель- ныхъ средствъ благоустроенной жизни. Погодите однако: потушю- ная вельшка возьметъ свое при другихъ обстоятельствахъ, пола- дѣе, гдѣ приличіе на время можно сбросить какъ тѣсный корсетъ, чтобъ нѣсколько размять съ дѣтства зашнурованныя чувства... И вотъ, настроенная на романтической ладъ, спѣшитъ, съ замираю- щимъ сердцемъ, молодая женщина, бывшая только статскою совѣт- ницею, генеральшею, на Каменномъ острову или въ Петоргофѣ — въ страну Петрарка и Лауры. Она воображаетъ себѣ и вообразить боится, что тамъ, въ этой странѣ чудесъ, эти могучіе красавцы, съ глазами какъ ночь и какъ огонь, съ волосами чернѣе ночи, встрѣ- тятся на каждомъ шагу, что и лакей на запяткахъ даже будетъ итальянецъ, и кучеръ на козлахъ; что подобно тому, какъ кто-то, описывая Германію, сказалъ: «Вы знаете, что такое одинъ нѣмецъ? Ну, представьте же себѣ цѣлую страну населенную нѣмцами», что также точно въ Италіи, только видѣсто нѣмцевъ — все чистые ита- лянцы. Всякій прохожій по улицѣ, всякая фраза долетѣвшая до слу- ха — приводитъ въ восторгъ бѣдную женщину: герои театра и звуки арій, измѣнявшіе теченіе ея крови въ театрѣ по одному разу въ не- дѣлю, — злѣсь толпа, говоръ этой толпы. А южный воздухъ! что за шутки такія онъ шутитъ съ ея кровью, что за маки разсыпаетъ онъ на ея щеки — маки, неусыпняющіе, но отъ которыхъ плянѣютъ глаза, кружится голова... А тутъ еще этотъ металлическій говоръ за окнами — говоръ голосовъ, производящихъ дрожь, какъ струна віолончеля подъ смычкомъ... Скорѣе на балконъ... спѣши на улицу; лови минуту жизни, о которой ты мечтала всю жизнь, спеленутая душа!.. Солнце бросаетъ свое послѣднее золото на верхушки хра- мовъ; развалины стоятъ розовыя въ заревѣ заката... длинные ли- ловыя тѣни пошли надъ городомъ и улеглись по улицамъ, по вло-

падають... Колоколъ Петра ударилъ *ave-Maria*, и сорокъ-сорокъ колоколовъ Рима наполнили вечеръ своимъ перекликаящимся ивнiемъ... Шаги на улицахъ умножаются. Римъ дождался сумерокъ и начинаетъ жить... Февраль напоилъ воздухъ знакомъ цвѣтущаго миндаля и бѣлой акаціи... Скорѣе на Пинчіо, на *Villa Medicis*, *Borghese*!.. Какъ прекрасны и статны всѣ эти люди, которыхъ обгоняешь, которыхъ встрѣтить и къ которымъ прикуется глазами загорѣлая бѣлокурая головка.

— Oh, bella biondina! раздается вдругъ подъ самымъ ухомъ, и помутившіеся голубые глаза встрѣчаются съ черными глазами съ поволокой—ухъ, съ какими глазами! такихъ и на сценѣ она не видѣла... по крайней-мѣрѣ такъ близко не видѣла...

И все это: вечеръ, и глаза, и звуки віолончели уже прямо къ ней направленны, — все шутитъ съ нею шутки, какихъ она не знала прежде... Смотришь, новый февраль, вновь напоая воздухъ миндалемъ и акаціей, уже сводитъ бѣлокурую головку съ смуглою и черноволосою на одну картину, въ избу загорѣлой простолюдинки, къ люлькѣ — къ тайному посѣщенію... Понятно ли теперь содержаніе работы Худякова «Тайное посѣщеніе», которое могло бы быть названо также южнымъ изверженіемъ сѣвернаго волкана. Этимъ изверженіемъ обязанъ не одинъ красивый прислужникъ кофейни или обтесчикъ мрамора въ мастерской ваятеля титуломъ маркиза, купленнаго на заложенныхъ въ опекуновомъ совѣтѣ саратовскія и ивыя души и правомъ на ихъ законное обладаніе... Покуда право это еще незаконно, происходятъ пассажи, вродѣ подмѣченныхъ г. Худяковымъ. Окрестности Рима — это царство художниковъ и кормилицъ — знаетъ не одну тайну такихъ тайныхъ посѣщеній...

Картина г. Худякова поднимаетъ завѣсу, или говоря проще, открываетъ дверь потаеннаго уголка, въ которомъ спрятано грѣшное послѣдствіе февральскихъ вечеровъ на вилахъ и проулкахъ святаго города... Въ избу простолюдинки заѣхала, катаясь верхомъ, молодая женщина, съ знакомымъ круглымъ очертаніемъ лица, такимъ же круглымъ носикомъ и русыми волосами, миловидная, какъ бывають миловидны тѣ женщины, которыхъ принято называть *миленькими*. Верхомъ безъ кавалера не ѣздить — и у нея есть кавалеръ, но только не скучная необходимость своей страны, а цвѣтокъ, сорванный на пути кратковременной свободы и жизни почти поэтической въ странѣ, гдѣ есть изъ чего выбрать по части цвѣтовъ. Это красивый юноша-итальянецъ, съ недавно-пробившимся усомъ и мягкимъ пушкомъ на подбородкѣ, съ волосами черными какъ смоль и густыми какъ рудо... О, какъ онъ не похожъ на молодыхъ

стало начальниковъ Петербурга и даже на офицерахъ въ бѣлыхъ фуражкахъ, потрясающихъ прохожихъ своими рыжками... Съ пересомъ на губахъ и счастьемъ во взорѣ, она смотритъ на своего красавца юншу, нѣсколько тупо и почти перепуганно уткавшася на малютку въ люлькѣ — такого же бѣлокурого и кругленькаго, какъ мать... Радъ ли онъ, какъ и она, или только потрясенъ важностью послѣдствій? Чего онъ боится? что его удивляетъ? Кому же какъ не ему было знать о возможности послѣдствій? Картина не даетъ положительнаго отвѣта на наши вопросы. Додумывайте сами что хотите... Надъ люлькою, бокомъ къ зрителю, сидитъ красивая итальянка, сдвинувшая немножко розовое атласное одѣяльцо со спящаго ребенка, чтобы лучше показать его родителямъ. Бѣдное дитя спитъ также спокойно, какъ существо; котораго будущность опредѣлена и обезпечена. А какая это загадочная будущность! Страшно за малютку! Срокъ паспорта, срокъ домашняго отпуска, истощившійся кредитивъ банкира — все можетъ лишить его завтра же и его розоваго одѣяльца, и кружевомъ обшитаго чепчика, и вкуснаго молока здоровой кормилицы, которая продовольствуетъ пока свое собственное дѣтище, грязное, смуглое, взерошенное и полунагое, средствами козы, такъ восхитительно озаренной на картинѣ полоскою яркаго свѣта, упавшаго въ растворенную дверь... Вотъ вамъ и вся картина г. Худякова. Всѣ дѣйствующія лица: женщина въ амазонкѣ, ея спутникъ въ запыленныхъ сапогахъ, кормилица, ребенокъ въ люлькѣ и ребенокъ на полу, съ мѣдными образками, перевернувшимися съ груди на спину, даже коза — исполнены съ мастерствомъ и граціею, какіе встрѣтишь рѣдко у нашихъ художниковъ. Кисть г. Худякова пріятная и мягкая, передаетъ всю правду дѣйствительности въ ея истинныхъ краскахъ, не прибѣгая ни къ какимъ приравамъ или эффектамъ. Строгость рисунка и сочиненія до послѣднихъ подробностей достойны настоящаго профессора, которому отнюдь не слѣдуетъ оставаться безъ вліянія въ академіи.

Но до сихъ поръ было упомянуто только о главныхъ лицахъ «стайнаго посѣщенія». Остаются еще неглавные — двѣ верховыя лошади, играющія в дыблящіяся въ рукахъ наряднаго негра. Онѣ видны въ открытую дверь избы и составляютъ какъ бы фонъ картины. По поводу этихъ—то второстепенныхъ лицъ и нельзя не сказать нѣсколько словъ, вето чтобы порицанія, но несогласія со взглядомъ автора картины. Миѣ кажется, что положеніе лошадей, одѣлавшихъ, судя по запыленнымъ сапогамъ кавалера, не одну и не двѣ версты, едвали избрано удачно: глядя на нихъ скорѣе можно подуматъ, что ихъ только что вывели изъ конюшни, и что: огъѣзтъ

впередѣ. Самое присутствіе тутъ негра, хотя и составляющаго выгладное пятно въ картинѣ, сбиваетъ съ толку. Я слышалъ кругомъ вопросы: «не на востокъ ли происходитъ дѣйствіе?» Конечно у богатой барыни *заграницею* можетъ быть негръ, и даже часто бываетъ. Но едвали она возьметъ его съ собою, отправляясь на *тайное* посѣщеніе. Притомъ же художникъ добровольно лишилъ себя, насчетъ негра, одной изъ характерныхъ чертъ страны, имъ изображаемой: я говорю объ уличныхъ *факимахъ* — этихъ полу-нагихъ Ювовъ Италіи, существующихъ мѣдными крупницами, падающими отъ кошельковъ *форестьера* (ивостранца). Пріѣзжіе волей-неволей должны были бы отдать поволя своихъ лошадей одному (еслибъ умѣли отдѣлаться отъ многихъ) изъ этихъ хозяевъ улицъ, площадей и городскихъ воротъ Италіи. Ихъ характерныя фигуры, любопытство превъшающее всякое воображеніе, лакомое ожиданіе поладки за услугу — все это дало бы художнику не пятно только, но и превосходный типъ, который настолько же пояснилъ бы, гдѣ происходитъ дѣйствіе, насколько негръ это затемняетъ. Да негръ и немогъ: Брюловъ непремѣнно поставилъ бы тутъ негра.

Этимъ оканчиваются произведенія нерусскихъ, или смѣшанныхъ картинъ быта (жанра) на выставкѣ. Всѣ прочія чисто свои и вышли болѣе или менѣе изъ Федотова, какъ Минерва изъ головы Юпитера. На многихъ изъ нихъ (напримѣръ: «Кредиторъ описываетъ имѣнне вдовы» или «Первое число») Федотовъ оставилъ такіе замѣтные слѣды, какъ учитель на работѣ учениковъ. Прочія болѣе самостоятельны, да и авторы ихъ болѣе зрѣлы. Таковы двѣ простонародныя сцены гг. Перова и Попова. Первое мѣсто между ними занимаетъ картина г. *Перова*, явившаяся уже послѣ составленія каталога и исчезнувшая на другой же день съ выставки, *по причинамъ отъ художества независимымъ*.

Г. *Перовъ* обнаружилъ рѣшительное дарованіе два года назадъ своею работою: «Сынъ дьячка произведенный въ чинъ». Теперь это сатирическое дарованіе является съ сатирою, которую можно назвать «картинною безобразіемъ русской жизни». Изъ избы зажиточнаго мужика только-что вышелъ крестный ходъ и удаляется по улицѣ, предшествуемый пономаремъ въ затрапезной хламидѣ. Нѣсколько молодыхъ парней и мужиковъ, изъ грамотныхъ, одинъ почтенный старичокъ, нето мастеровой, нето дворовый, но во всякомъ случаѣ большой мастеръ выпить, въ стеганомъ халатѣ, тоже пожившемъ на своемъ вѣку, молодая бабенка, шлепаютъ по грязи, подтыкавши полы и поютъ. Съ крыльца спускается духовная особа въ облаченіи и дьячокъ сзади... Судя по операціи, совершаемой въ это время надъ хозяиномъ, проводившею дорогихъ гостей хозяй-

кою, — надо полагать, что въ избѣ была закуска. На голову этого достойнаго амфитріона льется цѣлый потокъ холодной воды изъ привѣшннаго къ крылечной перекладникѣ большого чайника и стекаетъ ручьемъ на гостя (тоже мужичка), поваливагося замертво подъ крыльцомъ. Осень; по небу ходять низко тучи, гонимыя вѣтромъ. Все это такъ вѣрно и такъ безобразно, что г. Перова нельзя не поздравить съ умѣньемъ попадать не въ бровь, а прямо въ глазъ. Типы фигуръ и техническое исполненіе превосходны: такъ впору работать и совсѣмъ зрѣлымъ художникамъ.

Мотивъ картины 1. *Попова* элегической, но простой и потому хватающей за сердце: «больная крестьянка, исхудавшая отъ недуга, лежитъ въ рабочую пору на соломѣ въ избѣ; надъ нею машетъ вѣткою дѣвочка лѣтъ восьми и качаетъ въ тоже время колыбель, изъ которой выглядываетъ кулачокъ ребенка, по всѣмъ вѣроятіямъ надрывающагося отъ крика. А въ открытую дверь идетъ лѣтнее тепло и солнце кладетъ свою золотую полосу на полъ. Желтѣющая нива, уставленная снопами, кишитъ рабочимъ людемъ.

Остальныя картины быта принадлежать жизни чиновниковъ, мастеровыхъ и того отдѣла человѣчества, которое всего лучше можно назвать *петербургскимъ*. Это міръ истертыхъ вице-мундировъ и жалованій по двѣнадцати рублей въ мѣсяцъ, міръ Петровичей и Акакіевъ Акакіевичей, открытый для искусства Гоголемъ, — сцены жалкой бѣдности и смѣшного довольства, мелкихъ стремленій и крупныхъ надежій Федотова, слезы вдовы, у которой описываютъ за долгъ бѣдняка или пьяницы мужа послѣднюю старую нитку, причемъ каска квартальнаго является роковымъ символомъ въ комнатѣ... Грязь невѣжество или роковое бѣдствіе всюду. Въ этотъ-то міръ перенесли свои палитры наши молодые художники быта, и надо имъ отдать справедливость, что если не всегда удачнымъ исполненіемъ, то почти всегда болѣе или менѣе удачно затѣею они привлекаютъ къ себѣ зрителей. Последнее обстоятельство даже отчасти балуетъ ихъ и оттого-то исполненіе часто далеко отстаетъ отъ сюжета.

Между сценами изъ быта *петербургскаго человѣчества* особенно привлекательна сцена 1. *Клодта*: «Бѣдная невѣста». Сумерки. Вдали, на потухшемъ осенне-свѣжемъ петербургскомъ небѣ рисуется церковь. Сквозь открытую дверь видны свѣчи и оклады образовъ. Изъ темной улицы, мимо подъѣзда богатаго дома, молчаливо, почти робко направляются къ церкви старушка, скромно одѣтая и дѣвушка въ бѣломъ платьѣ съ бѣлымъ вѣнкомъ на головѣ и покрываломъ невѣсты. Мальчикъ въ курточкѣ, вѣрно меньшей братъ невѣсты, безъ шапки, несетъ образъ. Сзади —

дѣвчонка-горничная тѣшитъ большой дождевой зонтикъ, на всякій случай. У невѣсты на плечахъ, тоже на всякій случай, накинута бѣдненькая мантилья. Отъ всего этого такъ и вѣетъ скромно, забитою долей, тощимъ обѣдомъ, тѣснымъ уголкомъ въ деревянномъ домикѣ, *Песками*, *Подъ-таурическими* и тому подобными мѣстностями Петербурга, куда богатые люди тоже уносятся иногда свой сытый покой въ высокія палаты, сметающія каждый годъ по десятку такихъ деревянныхъ, кривыхъ, повалившихся на-бокъ убѣжищъ бѣдности. И вотъ одна изъ нарядныхъ обитательницъ этихъ палатъ, возвращаясь домой, въ сопровожденіи ливрейнаго лакея, окидываетъ своимъ лорнетомъ бѣдную невѣсту, и вѣрво будетъ рассказывать со смѣхомъ у чайнаго стола о необыкновенномъ покрое ея платья... Лакей «изъ хорошихъ домовъ» почти недоволенъ встрѣчей: всякая мода сволочь тоже болтается подъ ногами у барыни...

«Сватовство» 1. *Петрова* (ученика) происходитъ разомъ отъ Гоголя и отъ Федотова: къ Петровичу-портному, сидящему на столѣ, на корточкахъ, какъ и слѣдуетъ сидѣть истинному портному, явлется съ предложеніемъ руки, сердца и чина его краснощекой дочеря гемороидальный герой въ вице-мундирѣ о двѣнадцати рубляхъ жалованья. Отъ такого казуса, подмастерье — русскій парень съ бородкой, почесываетъ у себя въ затылкѣ: «Эхъ, мода, не мнѣ досталась — пропадай дѣвка!» Дѣвка тоже потупилась и украдкой поглядываетъ на парня... Можетъ быть имъ жалко чего-нибудь. Теперь она чиновницею станетъ, знатность не позволить: *poblesse oblige*. Петровичъ, какъ человекъ благополучно дожившій на корточкахъ до блестящей лысины и очковъ на носу и надъ сердцемъ котораго приутоженный шовъ приобрѣлъ почти кровные права, непріятно развлеченъ въ эту торжественную минуту семьянина необузданностью босого мальчика, который зазѣвался и уронилъ на полъ раскаленный утюгъ, да еще дуется себѣ на пальцы, а утюга не поднимаетъ. Петровичъ съ угрозой и неудовольствіемъ смотритъ на нарушителя порядка: «Погоди, дескать, дай благословить, я тебя ужо!» Старуха-портниха — та поглощена однимъ зрѣлищемъ своей дочери-невѣсты, будущей чиновницы... А будущая чиновница?.. Не ея ли это долю предсказываетъ на своей картинѣ 2. *Кошелевъ* (*Первое число*)? Пригорюнившаяся, худая и блѣдная, надъ пустымъ бумажникомъ мужа, который пришолъ въ первое число мѣсяца домой съ однимъ запасомъ хмѣля да ругательствъ и болѣзненно храпитъ, растяннувшись на оборванномъ диванѣ: вотъ она — будущая чиновница. Парень, почесывающій въ головѣ, привесъ ли бы еще ей худшую долю — невѣдомо...

Чтобы покончить со сценами изъ быта петербургскаго человечества, укажу на «опись имѣнія вдовы» г. *Журавлева*, съ очень типичными квартальнымъ, приказнымъ и куцонъ-кредиторомъ (извиняющими нѣсколько излишнее родство сюжета съ «Вдовушкой» Федотова), и еще г. Перова (автора «безобразія») «Дилетантъ». Толстый майоръ (чина не видно, но если онъ не майорскій, то начальству слѣдуетъ поспѣшить возвести дилетанта въ это званіе за его *deportement* (1)). Майоръ съ брюшкомъ и коротенькими жирными ножками занимается живописью. Онъ состряпалъ что-то такое, что возбуждаетъ въ немъ удовольствіе. Прищуривъ глазъ и откинувшись назадъ, онъ изслѣдуетъ свое произведеніе вмѣстѣ съ майоршей, вѣсящей съ мужемъ пудовъ конечно болѣе десяти. Сложивъ руку въ зрительную трубу, она тоже разсматриваетъ эфектъ майорской кисти. Законный отпрыскъ художественныхъ родителей, невсосавшій еще съ молокомъ вкусовъ своей матери, предается въ это время самымъ матерьяльнымъ побужденіямъ пряролы, лезетъ ручонкою за талью майорши... Г. Перовъ дѣйствительно одаренъ большою способностью *отрицанія*, какъ принято выражаться, а по моему — положительнымъ умѣньемъ смѣяться надъ тѣмъ, что смѣшно.

Большія картины выставки (называемыя обыкновенно историческими) менѣе всего могутъ заставить говорить о себѣ, и даже тѣмъ менѣе, чѣмъ онѣ болѣе. Что наиримѣръ можно сказать объ очень большомъ холстѣ г. Венига, «Два ангела, возвѣщающіе гибель Содома», гдѣ все есть — и познаніе, и трудъ, и пожалуй даже право на званіе професора, но нѣтъ чего-то такого, что дѣлаетъ изъ труда произведеніе, изъ познаній — пользу, т. е. достиженіе впечатлѣнія, нѣтъ себя, — словомъ, нѣтъ... таланта. Что сказать о «Положеніи во гробъ», г. Тимашевскаго? Развѣ то, что по краскамъ оно гораздо лучше картины г. Венига; но вѣдь и въ немъ — однѣ воспоминанія разныхъ галерей Италіи... Говорить ли объ Александрѣ Невскомѣ, въ двухъ видахъ, професора Моллера, или о «Явленіи ангела женамъ мирносолицамъ», г. Ксенофонта, гдѣ художникъ точно раскололъ сперва свои фигуры на двое и потомъ приставилъ ихъ къ холсту, отчего онѣ вышли какъ-то плоски и бокомъ... Поменьше картины и получше: «Убійство архіепископа лѣжскаго» г. *Страшнскаго* даже было бы совсѣмъ хорошо, еслибы ошибка въ освѣщеніи не испортила нѣсколько дѣла. Картина, величиной въ нѣсколько аршинъ, вся кака-то каленая, багровая, какъ-будто она изображаетъ пожаръ, а ей надо представить просто

(1) Помните одного изъ героевъ Дикенса съ его знаменитымъ *deportement*?

залу освѣщенную лампами. Г. Страшинскій настолько же пережарилъ свою картину, насколько г. Реймерсъ свою недожарилъ, и отъ этого обѣ теряютъ. Впрочемъ у г. Страшинскаго и движенія, и экспрессіи гораздо болѣе, чѣмъ у г. Реймерса, да и самое сочиненіе сложнѣе. Несмотря на нѣкоторые недостатки и между прочимъ на отсутствіе центра, отчего зритель развлеченъ отдѣльностями, картина г. Страшинскаго все-таки лучшее произведеніе выставки по части большихъ картинъ. Дарованіе у художника несомнѣнное и значительно разработанное.

Небольшая картина г. *Мясопдова* «Побѣгъ Гришки Отрепьева изъ корчмы» очень хороша по типамъ и движенію. Изъ картинъ русской исторіи — она положительно лучшая. Отрепьевъ въ окнѣ, съ ножомъ въ рукѣ, какъ волкъ ослабившійся на ухватившаго его за кушакъ человѣка, просто мастерская фигура...

Но если живопись настоящей выставки не представляла ничего крупнаго, или крупныя ея явленія оказались мелкими, то зодчество обогатилось приобретеніемъ, хотя и въ копіи, безцѣннаго памятника искусства. Архитекторъ г. *Нодбекъ* привезъ изъ Испаніи слѣпки *Аллбры*, воспроизведенной имъ съ необыкновеннымъ совершенствомъ. Это просто каменное кружево. Художникъ посвятилъ десять лѣтъ жизни на свой утомительный трудъ, но зато онъ перенесъ подъ финское небо Петербурга одинъ изъ блистательнѣйшихъ остатковъ мавританскаго зодчества. Зала, въ четверть настоящей величавы, собранная въ цѣломъ, поразительна болѣе всего изваяніями потолка: точь-вточь столкититы повисли надъ головою... Прочія воспроизведенія разложены въ частяхъ, и ими, вмѣстѣ съ обранныю залой, занята вся большая брюловская комната академіи.

Слѣпки г. *Нодбека* публикѣ не показывались — изъ опасенія, какъ смѣшно, чтобы ихъ не разбили. Такимъ образомъ ихъ точно никто не разобьетъ, но никто и не увидитъ; а неужто это была цѣль десятилѣтней работы художника! Уберечь *Аллбру* отъ рукъ, готовыхъ ее расколотить, конечно необходимо, но не беречь же ее отъ глазъ, умѣющихъ только смотреть...

И. К.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Общее положеніе.

Прусскія дѣла. — Прекращеніе конституціоннаго образа правленія въ Пруссіи. — Возвращеніе къ абсолютному. — Закрытіе палатъ.

Итальянскія дѣла. — Прощеніе Гарibaldi. — Ходъ его болѣзни. — Папа и Францискъ II.

Греко-славянскій или восточный вопросъ. — Возстаніе въ Греціи. — Удаленіе короля. — Очеркъ исторіи греческаго королевства. — Сущность восточнаго вопроса. — Выгоды окончательныхъ рѣшеній.

Последнія извѣстія.

Если взять человѣка, который никогда не обращалъ большого вниманія на политическія дѣла западной Европы, не имѣлъ времени или не хотѣлъ познакомиться съ дѣлами внутренняго быта и вѣшнихъ отношеній западныхъ державъ и стало-быть не посвященъ во всѣ не очень таинственныя тайны стремленій, соображеній и комбинацій кабинетовъ, — если взять такого человѣка, и до нѣкоторой степени подробно описать ему нынѣшнее общее положеніе политическихъ дѣлъ въ Европѣ, то онъ подумаетъ, что все это сказка, вродѣ плохого французскаго романа съ преувеличенною, натянутою запутанностью завязки и интриги. Два-три отдѣльныя явленія онъ понялъ бы совершенно, но остальное показалось бы ему уродливымъ коверканьемъ празднаго воображенія. И много времени, много усилій стоило бы человѣку окончательное убѣжденіе въ томъ, что все это голая дѣйствительность и самая истинная правда. Но и тому, кто взялся бы познакомить свѣжаго человѣка съ этою дѣйствительностью, было не легко это сдѣлать: пришлось бы рассказывать о существованіи такихъ установившихся, но условныхъ понятій, которыя не объясняются обыкновеннымъ здравымъ смысломъ; пришлось бы называть нормальными такія положенія, которыя противорѣчатъ всему тому что свѣжій человѣкъ привыкъ считать естественнымъ, наконецъ вало бы называть нравственнымъ то, что во всякой другой сферѣ считается преступнымъ. Ничего нѣтъ

мудренаго, что свѣжій человѣкъ счелъ бы своего рассказчика сумасшедшимъ, или вошелъ бы въ роль бѣднаго титулярнаго совѣтника Поприщина.

Есть на свѣтѣ одинъ народъ, который считаетъ себя первымъ народомъ на свѣтѣ; есть и другой народъ, который тоже себя считаетъ первымъ. У каждаго изъ этихъ народовъ есть, какъ водится, правительство, и каждое въ этомъ только пунктѣ съ своимъ народомъ совершенно согласво. Но такъ какъ два первые нумера невозможны, то они и готовы во всякое время между собою подрагаться, каждый имѣя въ виду низвести своего сосѣда во вторые нумера, чтобы остаться неоспоримо первымъ, и тогда распоряжаться безъ помѣхи выгоднѣйшимъ для себя образомъ. Оба они однако знаютъ, что драка — дѣло невыгодное, тѣмъ болѣе, что между равносильными противниками никогда неизвѣстно чѣмъ она кончится, и чтобы какъ-нибудь нечаянно не покориться, заключаютъ между собою союзы, трактаты, договоры, застраховываясь отъ невыгодъ войны торговыми барышами. Одинъ изъ этихъ народовъ лѣтъ двадцать жилъ на всей своей волѣ, крѣпко стѣсняя свое правительство; но одинъ изъ стѣсненныхъ правителей счелъ полезнѣйшимъ для блага народа перемѣстить давленіе и стѣснить народъ. У другого народа правительство давно не было стѣсняемо и всегда пользовалось всеобщимъ уваженіемъ, распоряжаясь произвольно; имя ему капиталъ. Стало-быть оба соперника пользуются одинаковыми условіями по отношенію къ правительству, хотя и въ разныхъ формахъ. Каждый изъ соперниковъ силится имѣть возможно большее вліяніе на другихъ, и въ дальнихъ странахъ оба заботятся о распространеніи цивилизаціи, т. е. торговли, т. е. своихъ барышей. Все-таки боясь столкновенія между собою, они вступаютъ въ частые союзы для распространенія цивилизаціи посредствомъ пушекъ, какъ на примѣръ въ Китаѣ и въ Мексикѣ, и по поводу различныхъ внѣшнихъ вопросовъ часто заранее условливаются, какъ дѣйствовать. Куда одинъ пошлетъ свои корабли, туда и другой, чтобы неуступить сопернику исключительнаго вліянія, и оба тратятъ громаднѣйшія суммы на постройку непроницаемыхъ кораблей и неодолимыхъ крѣпостей, защищаясь другъ противъ друга. Одинъ изъ этихъ двухъ народовъ все-таки счастливѣе другого и въ своей внѣшней политикѣ сноситѣ нежели другой, потому собственно, что во главѣ его правленія стоитъ штыкъ, тогда какъ во главѣ другого — капиталъ, а штыкъ, еслибы даже онъ былъ самымъ дурнымъ на свѣтѣ штыкомъ, все-таки лучше капитала: у него хоть когда-нибудь, хоть нарѣдка могутъ проявляться добрыя чувства, проскальзывать стремленія къ справедливости, тогда какъ капиталъ никогда себѣ нева-

мѣняетъ, на одну минуту не теряетъ своей холодной бездушности, своего непреклоннаго, всеугнетающаго деспотизма.

Скучая очень вмѣшательствомъ штыка во всѣ дѣла ближнихъ в дальныхъ сосѣдѣй, капиталъ придумалъ очень хитрое начало, *не-смѣшательства*, и постарался доказать штыку, что никуда же это не годится безпрестанно всовываться вездѣ, гдѣ насъ не спрашиваютъ. Штыкъ съ этимъ совершенно согласился, нашолъ это вполнѣ справедливымъ, и продолжаетъ всюду всовываться, потому что нельзя же ему отказаться отъ своей природы и, чтобы сдѣлать удовольствіе сосѣду, перестать быть штыкомъ. Поэтому правило не вмѣшательства остается, но допускаются нѣкоторые исключенія, здѣсь, тамъ, въ другомъ мѣстѣ, въ третьемъ, словомъ сказать вездѣ. Штыкъ остается въ чужой столицѣ; капиталъ состоитъ опекуномъ при одномъ умирающемъ государствѣ, считаетъ его копѣйки и терпѣливо ждетъ его смерти для полученія наслѣдства. Особенно торопится ему и нечего, да и выгодаѣ не торопится, потому что фактически наслѣдство въ рукахъ, а тогда придется решить вопросъ о формѣ.

Рядомъ съ умирающимъ государствомъ есть другое, маленькое, меньше любой изъ нашихъ губерній; въ немъ произошла перемѣна правленія: король чужеземецъ удаленъ, народъ хочетъ устроиться по своему. Казалось бы здѣсь-то и надо не вмѣшиваться; но капиталъ послалъ свои корабли, штыкъ послалъ свои, — вмѣшались будто бы для поддержанія начала не вмѣшательства. Значить, ожидаются барыши.

Еще въ одномъ государствѣ, по распоряженію правительства, раненъ и взятъ въ плѣнъ доблестный сынъ своего отечества. Штыкъ весьма доволенъ, потому что не очень любитъ чужія доблести. Капиталъ не вмѣшивается, не видитъ тутъ никакой надежды на барыши. Народъ подвластный капиталу требуетъ вмѣшательства своего правительства, но капиталъ находитъ другія помѣщенія и спокойно воздерживается подъ пятью замками.

Еще одно государство имѣло хартію, которой присягали всѣ. Въ послѣднее время правительство нарушило ее и начинаетъ преслѣдовать людей, крѣпко стоявшихъ за свои убѣжденія, несмотря на свои служебныя отношенія. Оно восторжествовало надъ хартіею, одержало полнѣйшую побѣду, и теперь не знаетъ какъ отдѣлаться отъ своего торжества.

Есть и еще одно государство, въ которомъ правительство устроило для разнообразныхъ своихъ подданныхъ однообразную колодку зешнаго счастья и свободы, — ни дать ни взять какъ еслибы начальство какого-нибудь учебнаго заведенія для воспитанниковъ разныхъ

лѣтъ и возрастовъ вздумало шить совершенно одинаковые сапоги. Одному они велики, другому не лѣзутъ, вовсе не аходятъ на ногу; а начальство говоритъ: ничего, — налѣвай, если приказано. И выходитъ, что шито недоволенъ: ни начальство, ни воспитанникъ. Начальство сердится, называетъ воспитанника строптивымъ, безпощаднымъ; стѣсаенная нога ломить и не даетъ воспитаннику ступить, и наконецъ самый сапогъ изъ гнилого товара трещить по швамъ и расползается. Не догадался, — если уже такъ необходимо шить сапоги по одной колодкѣ, — сдѣлать ихъ какъ можно просторнѣе, потому что младшіе воспитанники имѣютъ способность расти очень скоро, въ особенности ежели ихъ развитіе нисколько нестѣснено; да сверхъ того доказано, что просторные сапоги въ зимнее время лучше держатъ тепло и отъ малѣйшаго движенія не ломаются по швамъ.

Много еще удивительныхъ и совершенно неправдоподобныхъ вещей можно бы рассказать свѣжему человѣку; но все равно, лучше и не рассказывать, потому что онъ не повѣритъ. Чтобы все это видѣть и слышать не возмущаясь, нужна особенная привычка, которая извиняетъ то что неизвинимо, оправдываетъ то что не можетъ быть, не должно быть оправдано, и придумываетъ уловки и извороты, посредствомъ которыхъ черное выставляется въ бѣломъ свѣтѣ, а бѣлое вдругъ и неожиданно оказывается совершенно чернымъ.

ПРУССКІЯ ДѢЛА

Официальная газета великаго герцоства баденскаго въ замѣчательной статьѣ: «Наше положеніе относительно прусскаго конституціоннаго кризиса» превосходно опредѣляетъ значеніе того, что произошло въ Пруссіи. Обращаемъ на эту статью особенное вниманіе читателей, потому что она помѣщена въ правительственномъ органѣ, который долго молчалъ объ общегерманскихъ дѣлахъ.

«Прусская конституція нарушена въ одномъ изъ своихъ главнѣйшихъ пунктовъ, — это событіе, богатое послѣдствіями, важная ошибка, которая обратится противъ совершившихъ ее съ силою обратно пропорціоальною той легкости, съ какою она совершена. Девяносто девятый параграфъ прусской уставной грамоты говоритъ до послѣдней степени ясно: «приходъ и расходъ государства должны быть на каждый годъ предложены заранѣе и вписаны въ смѣту, которая утверждается ежегодно закономъ.» Два собранія, — то, которое кончилось распущеніемъ палаты депутатовъ весною нынѣшняго года, и то, которое только-что закрыто, работали надъ утвержденіемъ смѣты на нынѣшній годъ. Вслѣдствіе закрытія собранія оказывается невозможнымъ кончить начатое дѣло, и мнѣн-

стерство объявило, что оно будетъ управлять безъ смѣты, и безъ предварительнаго смѣтнаго прихода-расходнаго закона будетъ распоразаться государственными расходами, которые, по точному смыслу уставной грамоты, могутъ производиться только на основаніи этого закона. Правительство отринulo 134 милліона, на которые получило законное согласіе, и предпочло незаконно истратить съ чѣмъ-то 170 милліоновъ. Но какъ бы ни легко было совершить незаконность, она все-таки продолжаетъ оставаться незаконностію, и эта кажущаяся легкость исполненія откликнется со временемъ очень тяжело. Сколько разъ прусскій кабинетъ можетъ повторить ту же самую продѣлку? Съ 1859 года народное движеніе въ Германіи клонилось къ тому, чтобы довѣрять Пруссіи наше политическое возрожденіе или воскресеніе; а нынче не только свободномыслящіе люди, ревниво стоящіе за всякое обезпеченіе свободы, но и самыя безусловныя сторонники германскаго единства вынуждены признаться, что Пруссія не имѣетъ свойствъ, необходимыхъ для предводительствованія такимъ движеніемъ. Правительство, не имѣющее никакого уваженія къ своему парламенту, не можетъ создать *германскій парламентъ*, а германское единство не можетъ быть основано безъ воли народа. Народное стремленіе, вслѣдствіе переворота происшедшаго въ Пруссіи, потеряло такъ-сказать сборный пунктъ и ограничивается собою.»

По всей справедливости слѣдуетъ замѣтить, что прусское правительство нарушило свою уставную грамоту не какъ-нибудь торопливо, сгорая, въ припадкѣ гнѣва на палату народныхъ представителей, не соглашавшихся платить на военныя издержки столько, сколько назначило правительство. Нѣтъ, правительство знало рѣшеніе палаты, не торопясь обдумало свое рѣшеніе, дало время всѣмъ высказаться, привести всѣ доводы, пригрозило неутвержденіемъ смѣты въ верхней палатѣ, устроило благообразную обстановку посредствомъ форменной прилирки, отринulo утвержденную въ сокращенномъ видѣ смѣту, и спокойно, какъ слѣдуетъ увѣренной въ себя силѣ, объявило, что нарушаетъ уставную грамоту потому, что такъ хочетъ. Оказалось, что всѣмъ давали высказаться собственно для обнаруженія большей или меньшей самостоятельности убѣжденій каждаго изъ членовъ палаты.

Съ другой стороны справедливость требуетъ замѣтить, что во все время повидимому бурныхъ преній о смѣтѣ, члены палаты вели себя въ высшей степени умѣренно, строго держались закона, требовали только законности и не дозволяли себѣ ни одного малѣйшаго увлеченія. Въ своихъ протестаціяхъ самыя рѣзкія мѣста члены цитировали изъ чужихъ ораторовъ, такъ что все выходило

въ высшей степени прилично, и самый щекотливый министр не могъ оскорбиться.

Положено было протестовать противъ расходовъ, совершаемыхъ сверхъ утвержденной палатою смѣты. Протестаціи эти были въ разныхъ формахъ, но сущность была одна и таже: продолженіе расходовъ, однажды и экстраординарно разрѣшенныхъ на 1860 и 61 годы, составляетъ въ 1862 году передержку противъ смѣты; эта передержка ложится на отвѣтственность королевскаго правительства и не можетъ быть покрыта иначе, какъ съ согласія обѣихъ палатъ особымъ закономъ. Палата заранѣе протестуетъ противъ возможности предположить, будто она молча соглашается на продолженіе тѣхъ же расходовъ въ 1863 году, и не допускаетъ иныхъ расходовъ, кромѣ обусловленныхъ быстрымъ переходомъ съ военнаго положенія на мирную ногу, при условіи двухлѣтней военной службы.

Сверхъ того палата изъявляла свое неудовольствіе по поводу поздняго представленія смѣты, и объяснала это не безпечностью со стороны министерства, а преднамѣреннымъ промедленіемъ. «Въ такомъ же точно положеніи находилась палата общинъ въ Англіи, во времена Питта, — говоритъ одинъ изъ ораторовъ, — и тогда къ протесту палаты было сказано: будетъ считаться тяжкимъ преступленіемъ, дерзкимъ посягательствомъ на довѣріе общества, насиліемъ противъ уставной грамоты посягнуть всякаго чиновника министерства финансовъ, который заплатитъ или прикажетъ заплатить малѣйшую сумму, не утвержденную предварительно парламентскимъ постановленіемъ».

Въ самомъ дѣлѣ смѣта тогда только есть смѣта, когда составлена до начала расходовъ. Это въ 99 параграфѣ и обозначается словомъ «заранѣе». Палата не хотѣла даже употребить слова «протестуемъ», а выразилась гораздо умѣреннѣе, говоря, что она «приглашаетъ» министерство. Ей легко было быть умѣренною, потому что она прельщавляла только свои несомнѣныя права, тогда какъ министерство стояло внѣ своихъ правъ отъ перваго слова до послѣдняго. Приходорасходная государственная смѣта есть главное основаніе всякой конституціи; но въ Пруссіи нѣтъ другого важнѣйшаго закона объ отвѣтственности министровъ, хотя собственно говоря, эта отвѣтственность сама собою вытекаетъ изъ уставной грамоты; тамъ нѣтъ еще закона объ отказѣ платить подати, ни объ отказѣ утвердить смѣту, но у палаты имѣется конституціонное право участвовать въ составленіи и утвержденіи смѣты. Это *минимумъ*, при помощи котораго возможенъ какой-нибудь законный конституціонный порядокъ. Но это *минимумъ* должно быть неукосновлено,

Если уничтожить 99 параграфъ или согласиться въ немъ на какую-нибудь уступку, то конституція не существуетъ. Во всѣхъ конституціяхъ на свѣтѣ, въ финансовомъ вопросѣ первую роль играетъ нижняя палата, потому что она непосредственно избирается тѣми, кто платитъ подати. Если она отвергла какой-нибудь расходъ, то онъ этимъ самымъ вычеркивается изъ свѣты, не можетъ уже составлять ея часть. Но нѣсколько лѣтъ тому назадъ нынѣшній президентъ совѣта министровъ эту простую теорію разбивалъ противоположными началами, говоря: «если свѣта не утверждена, то можно управлять безъ свѣты, а если утвержденная палатою свѣта не правится, можно составить другую». Нечего говорить, въ какой мѣрѣ эти начала согласны съ существующею уставною грамотой, тѣмъ болѣе, что прусскій народъ достаточно развитъ для пониманія финансового вопроса, и знаетъ что значить растрачивать жизненные силы страны въ самовольныхъ расходахъ; сверхъ того народъ имѣетъ вѣру въ установившееся и нравственное право, которое все-таки произноситъ послѣднее слово въ судьбахъ народовъ. Въ народѣ прусскомъ заключается огромнѣйшій запасъ силъ, которыя приведутъ его къ побѣдѣ, помогутъ сопротивляться и страдать, чтобы побѣдить непостижимое легкомысліе, съ которымъ министерство свѣтеса надъ конституціей.

Что должно бы произойти, еслибы верхняя палата не утвердила свѣты? Тогда не было бы никакой свѣты, а такъ какъ безъ свѣты государство существовать не можетъ, то изъ этого прямо слѣдуетъ, что правительство должно представить другую, исключивъ изъ нея всѣ непринятые пункты. Въ случаѣ если и другая была бы отвергнута верхней палатою, палата обязана была бы заняться разсмотрѣніемъ третьей. Но еслибы упущено было время, вслѣдствіе постоянныхъ отказовъ верхней палаты, пришлось бы наконецъ прибѣгнуть къ силѣ, на употребленіе которой такъ тонко намекнулъ предсѣдатель совѣта министровъ; но сила должна бы быть употреблена противъ тѣхъ, кто злонамѣренно не платитъ, злонамѣренно отказывается отъ утверждаемыхъ 133 миліоновъ, злонамѣренно упустилъ время. И тогда наступитъ минута, столь горячо желаемая прусскимъ народомъ уже столько лѣтъ сряду; тогда доказана будетъ ясно и очевидно необходимость совершенно преобразовать верхнюю палату, составляющую важное препятствіе цивилизаціи въ Пруссіи.

Возвращаясь опять къ 99 параграфу, замѣтимъ, что свѣта каждаго года есть особенный каждый разъ законъ. По смыслу прусской уставной грамоты всякій законъ обсуживается въ двухъ палатахъ и утверждается королемъ, стало-быть всякій законъ есть продуктъ

тройственного согласія трехъ властей. Такимъ образомъ палата депутатовъ одна не можетъ разрѣшать расходы; это разрѣшеніе должно всегда сопровождаться двумя другими. Но далѣе надо различать: не нужно трехъ отказовъ, чтобы отвергнуть смѣту; довольно чтобы не доставало одного утвержденія, — и смѣта не допускается. Еслибы существовалъ законъ объ отвѣтственности министровъ, то въ случаѣ крайней необходимости министръ переступаетъ конституцію, и тогда его положеніе исполнено высоконравственнаго значенія. Когда въ 1766 году Питтъ нарушилъ уставную грамоту, чтобы спасти отъ голода цѣлое народонаселеніе, онъ спокойно могъ явиться передъ народными представителями. Когда генералъ Юркъ 30 декабря 1812 года заключилъ въ Таурогенѣ конвенцію, въ силу которой не спросясь короля отложился отъ французскихъ войскъ и принялъ нейтральное положеніе, онъ очень хорошо зналъ, что преступилъ границы своей власти; но онъ могъ спокойно предоставить королю выборъ между утвержденіемъ его конвенціи и наданіемъ его съдой головы. Когда министръ знаетъ, что онъ подлежитъ законной отвѣтственности, пусть онъ нарушаетъ уставную грамоту, пускай въ крайнемъ случаѣ онъ становится выше закона; иначе онъ оскорбляетъ здравый смыслъ и нравственное чувство народа.

Когда смѣта была окончательно разсмотрѣна въ палатѣ и утверждена въ замѣненномъ видѣ, она перешла на разсмотрѣніе верхней палаты. Послѣ краткихъ предварительныхъ премій, графъ Арминъ Бойценбургъ предложилъ отвергнуть смѣту, замѣненную палатою депутатовъ, и утвердить ту, которая предложена была министерствомъ. 150 голосовъ противъ 17 отвергла смѣту, замѣненную парламентомъ, и потомъ 114 голосовъ противъ 44 утвердила смѣту, составленную министерствомъ.

На другой же день, 13 октября, президентъ палаты депутатовъ, достопочтенный старецъ фонъ-Грабовъ, прочелъ въ засѣданіи постановленіе верхней палаты касательно смѣты на 1862 годъ и прибавилъ: я горько и откровенно сожалею, что вамъ черезъ меня пришлось узнать это горестное рѣшеніе. Я глубоко убѣжденъ, что верхняя палата поступила противно нашей конституціи; но я не имѣю права не подвергнуть верхнихъ постановленій обсужденію этой палаты, и потому предлагаю передать ихъ смѣтной комиссіи, которая должна будетъ представить намъ свой отчетъ черезъ часъ.

Дѣйствительно, менѣе чѣмъ черезъ часъ комиссія представила слѣдующій проектъ заключенія:

«Палата депутатовъ объявляетъ, что постановленіе верхней палаты не ограничивается принятіемъ или непринятіемъ постановлен-

ной палатою депутатовъ смѣты, которая только и была представле-
на на разсмотрѣніе; напротивъ, отвергнувъ постановленіе палаты
депутатовъ, она утвердила непредставленную ей на разсмотрѣніе
смѣту ирравительства; такое постановленіе впротивно точному смыслу
и тексту 62 параграфа уставной грамоты, и потому считается ни
ничто и не существуетъ. Королевское правительство не можетъ вы-
вести никакого права изъ этого постановленія верховей палаты.»

Это заключеніе утверждается палатою единогласно. Потомъ г. Би-
смаркъ прочелъ королевское посланіе, созывающее палаты во дво-
рецъ для ихъ закрытія. Наконецъ президентъ Грабовъ сдѣлалъ
бѣгное обзорѣніе всего того что сдѣлала палата, и выразилъ на-
дежду, что королю удастся разрѣшить вынѣшнее затрудненіе въ
смыслѣ уставной грамоты. Кончилъ онъ, три раза провозгласивъ:
«да здравствуетъ король, неколебимо стоящій на почвѣ конститу-
ціи, которой онъ присягалъ, и да здравствуетъ конституція!» Чле-
ны палаты съ восторгомъ повторили этотъ крикъ.

Въ тотъ же день палата была закрыта королевскимъ посланіемъ.
Многіе изъ членовъ въ тотъ же день уѣхали изъ Берлина.

Послѣ этого началось запрещеніе нѣкоторыхъ номеровъ различ-
ныхъ газетъ, началось преслѣдованіе нѣкоторыхъ чиновниковъ, ко-
торые были членами распущенной палаты, подавали голоса противъ
смѣты, составленной министерствомъ. Началось представленіе ко-
ролю различныхъ депутацій, поздравляющихъ его величество съ
благополучнымъ избавленіемъ отъ палаты. Нѣкоторымъ депута-
ціямъ король отвѣчалъ между прочимъ: «Я твердо рѣшился не
оставлять болѣе ни одного изъ доставшихся мнѣ преемственно
правъ. Скажите это пославшимъ васъ. Богъ всемогущій всегда
покровительствовалъ Пруссіи и будетъ продолжать намъ покрови-
тельствовать. Девизъ Пруссіи есть: Съ Богомъ за короля и отече-
ство!»

Побѣда министерства надъ прусскою уставною грамотой была
чрезвычайно легка, точно также, какъ итальянскому министерству
легко досталась побѣда при Аспромонте. Чтобы далѣе съ успѣхомъ
вести дѣла, необходимо сообразить всѣ обстоятельства, извѣстныя
всѣ возможности, собрать мнѣнія людей компетентныхъ, посовето-
ваться съ первыми знатоками и мастерами государственныхъ пере-
воротовъ въ извѣстномъ смыслѣ. Нынѣшній президентъ совѣта
министровъ г. Бисмаркъ-Шенгаузенъ, какъ извѣстно, нѣкоторое
время былъ посланникомъ въ Парижѣ. Теперь онъ опять уѣхалъ
въ Парижъ, подъ предлогомъ представленія императору короле-
вскаго письма, отызывающаго его съ воста посланника.

ИТАЛЬЯНСКІЯ ДѢЛА

Итальянскія дѣла происходятъ теперь въ разныхъ мѣстахъ, въ Парижѣ, въ Біаррицѣ, въ Лондонѣ, только не въ Италіи. Тамъ лежитъ только больной человекъ съ прострѣленной ногой и ожидаетъ операціи и смерти. Но смерть его конечно не страшитъ. Столько разъ онъ вдалѣе ее лицомъ къ лицу, столько разъ былъ къ ней готовъ, что теперь она его не удивитъ. Но страшно ему оставить свою Италію, проститься съ нею въ такое время, когда еще ей необходимъ такой преданный сынъ, бросить ее на произволъ біаррицкихъ распоряженій и можетъ быть очень честныхъ, но очень, очень далеко негениальныхъ опекуновъ. Что станетъ съ его твореніемъ? Кто подниметъ его изъ униженія? Чье обожаемое имя подниметъ массы противъ притѣснителя? Чей голосъ вдохнетъ въ эти массы увлеченіе, необходимое для великаго дѣла? А энтузіазмъ простываетъ; онъ, раненый, это чувствуетъ, и боится это сознать ясно и отчетливо, потому что въ этомъ сознаніи смерть, не его, раненаго смерти, которая ровно ничего не значитъ, а политическая смерть прекрасной Италіи, которой чужеземецъ не даетъ стать на ноги, не даетъ укрѣпиться, опериться, которому въ этомъ помогаютъ иъщавскіи умѣренные и акуратные опекуны. И къ невыносимому физическому страданію присоединяется глубокое страданіе нравственное, и могучій, несокрушимый организмъ наконецъ уступаетъ адскимъ страданіямъ. Само собою разумѣется, что извѣстіе о прощеніи не опечалило его и не порадовало. Онъ лежалъ, закрывши глаза, въ полуусыпленіи, когда ему объявленъ былъ королевскій декретъ, нѣсколько открывъ глаза, сказалъ «а!» и опять погрузился въ болѣзненный полусонъ. А между тѣмъ стоило обратить вниманіе на этотъ актъ и предшествовавшій ему докладъ, какъ на любопытнѣйшіе документы внутренней дипломатіи.

Въ докладѣ сказано, что поводы, заставившіе министровъ воспротивиться великодушнымъ стремленіямъ королевскаго сердца, болѣе не существуютъ; владычество законовъ восстановлено и утверждено. Довѣріе къ открытой и въ тоже время мудрой политикѣ короля умѣрило нетерпѣніе, которое подвигнуло Гарибальди на пугъ возстанія и привело аспромонтскую катастрофу. Всякому стало очевидно, что когда онъ сражался во имя короля, то совершалъ чудеса, а когда онъ, забывъ свои обязанности, употребилъ оружіе противъ королевскихъ правъ, то немедленно пораженъ былъ неудачей. Теперь уснокосившая Италія, вспоминая услуги, оказанныя раненымъ героемъ, желаетъ забыть его заблужденія. Пока надо было бороться

съ возстаніемъ, правительство принимало самыя дѣятельныя мѣры, а теперь, когда всякая опасность прошла, можно исполнить общее желаніе и даровать помилованіе. Въ текстѣ королевскаго декрета Гарибальди не упомянуто; сказано только, что зачинщики и соучастники событій и попытокъ къ возстанію, бывшихъ въ прошломъ августѣ мѣсяцѣ въ южныхъ провинціяхъ, и не виновные въ обыкновенныхъ преступленіяхъ, освобождаются отъ всякой отвѣтственности передъ судомъ. Исключаются изъ этого прощенія военные какъ сухопутные, такъ и моряки. — Коротко, но не совсѣмъ ясно.

Главный зачинщикъ тоже военный генералъ итальянской сухопутной службы; его сынъ военный полковникъ. По точному смыслу декрета оказалось, что зачинщикъ не прощенъ, такъ какъ объ немъ—то шло все дѣло, противъ него только юстиція не имѣла оружія, о немъ только болѣла и болитъ его Италия. Но не придираясь къ словамъ, не дозя министерство на промахѣ въ выраженіи, зачинщикъ сказалъ только «а!» и не протестовалъ противъ прощенія: для него не въ томъ заключалось главное дѣло. Италия ничего не выигрывала и не проигрывала отъ этого декрета, потому что ея боецъ во всякомъ случаѣ выбылъ изъ строя, и сколько столѣтій пройдетъ, пока она дожидется такого же!

Съ самаго начала состояніе раны было очень удовлетворительно: была надежда не только на полное, но и на скорое выздоровленіе. Но не все врачи были такого мнѣнія. Докторъ Палашіано былъ того мнѣнія, что пуля осталась въ ранѣ; того же мнѣнія были два другіе врача. Но четыре доктора, бывшіе постоянно при больномъ, и съ ними еще два итальянскіе профессора и англійская знаменитость докторъ Партриджъ, считали, что пули нѣтъ въ ранѣ и что заживленіе произойдетъ безпрепятственно. Оптимисты въ этотъ случаѣ основывались на томъ, что пули нельзя найти, что различные куски шерсти и кожи, увлеченные пулей въ рану, вышла сами собою вместе съ гноемъ, тогда какъ еслибы въ ранѣ была и пуля, то она не выпустила бы этихъ кусковъ, притиснувъ ихъ къ стѣнкамъ раны. Пессимисты возражали, что неестественное положеніе ступни прямо указываетъ на то, что между костями находится постороннее тѣло. Потомъ рана имѣетъ одно только отверстіе, и если пуля вышла, то могла выйти только обратно, отскочивъ отъ кости; но этого допустить нельзя, потому что берсалеры стрѣляли на очень близкомъ разстояніи, не болѣе девяноста сажень, а на этомъ разстояніи коническая пуля въ наръзномъ ружья летитъ еще съ полною силой, и не распадается, какъ обыкновенная круглая пуля. Сверхъ того легкость, съ какою вышла изъ раны предметы, увлеченные туда пулей, ничего

не догадывается, потому что пуля по своей конической формѣ и вращательному движению, проникая въ тѣло, весьма могла оставить за собой увлеченныя въ тѣло лоскутья одежды. Такъ сначала споръ и небылъ рѣшонъ. А между тѣмъ состояніе больного становилось хуже и хуже, такъ что надо было 10 октября созвать консультацію. Разсмотрѣвъ больное мѣсто врачи нашли сильную опухоль выше щиколки, и приписали это явленіе припадку ревматизма, который мѣлся и въ другихъ суставахъ, вслѣдствіе перемежчиваго состоянія атмосферы. Ислѣдуя рану зондомъ, легко проникнуть въ боковую вѣтвь, глубиною дюйма въ два: тамъ замѣчаются неровности обломанной кости. Конецъ зонда останавливается близъ внѣшней щиколки, не встрѣчая твердаго тѣла. Нагноеніе хорошаго качества и пропорціональное объему раны. Вокругъ сустава значительная отекая опухоль. На нѣсколько линій впереди внѣшней щиколки замѣчается краснота кожи; прикосновеніе въ этомъ мѣстѣ производитъ сильную боль, а въ глубинѣ можно примѣтить нѣкоторое сопротивленіе. При давленіи подъ щиколкой, изъ раны выходитъ гной. Общее состояніе больного удовлетворительно, всѣ отравленія совершаются нормально. Однако онъ сильно похудѣлъ, что уже несабытно вслѣдствіе продолжительной неподвижности и страданій отъ раны и отъ ревматизма. Изъ всего хода болѣзни и изъ состоянія раны выведено, что рана очень серьезная, потому что имѣется переломъ внутренней щиколки, и суставъ обнаговъ; потому что нельзя положительно сказать, чтобы пули тамъ не было, наконецъ потому что у больного есть расположеніе къ ломотѣ. Несмотря на все это, можно произнести предсказаніе благоприятное, хотя и могутъ произойти осложненія, болѣзнь можетъ затянуться и усилиться.

До сихъ поръ больной лежалъ въ небольшомъ фортѣ Варивьяно, принадлежащемъ къ системѣ укрѣпленій Спеція. Въ этомъ фортѣ есть лазаретъ, обширное помѣщеніе для каторжниковъ и морской запасный магазинъ. Остроумный г. Ратацци чрезвычайно искусно помѣстилъ своего плѣнника вмѣстѣ съ каторжниками. Чтобы дойти до помѣщенія больного, надо было пробраться въ отравленной атмосферѣ среди работающихъ въ цѣпяхъ арестантовъ. У входа къ больному всегда стояло два карабинера съ зарядными ружьями. Мѣсто печальное: тюрьма и больница въ одно время, слышится звукъ цѣпей, чувствуется запахъ лекарствъ; страшное мѣсто.

Посѣтитель, желающій видѣть больного, пройдя часовыхъ, попадаетъ въ отрядъ красныхъ рубашекъ: это штабъ раненаго. Въ первой комнатѣ находится вѣчный дежурный старый докторъ Рипари, сердитый, ворчунъ, недоступный; мало говорить, иногда не

сидѣлся, но плачетъ иногда, видя страданія своего больного. Если носѣтитель не принадлежитъ къ числу друзей и старыхъ знакомыхъ, то дальше этой комнаты онъ и не попадетъ. Проникнуть къ больному можно только черезъ длинный рядъ небольшихъ лазаретныхъ комнатъ, изъ которыхъ каждая занята однимъ или двумя изъ преданнѣйшихъ друзей.

Несмотря на ужасающія страданія, Гарибальди и въ болѣзни сохранилъ ту величаво-спокойную простоту, которая такъ привязывала къ нему всякаго, кто къ нему приближался. Говорилъ онъ мало, охотнѣе слушалъ, и если скажетъ что-нибудь, то съ необычайною краткостью и точностью, удивительно вѣрно и удачно. Ненависти въ немъ рѣшительно не было замѣтно ни къ кому, а въ этомъ отсутствіи гнѣва было что-то величественное. Онъ не любилъ говорить о себѣ, о своихъ страданіяхъ и ранѣ; тридцать дней онъ пробылъ безъ сна и ни разу не жаловался.

Англійскій докторъ Партриджъ осматривалъ его больную ногу, трогалъ ее, шупалъ и давилъ во всѣхъ направленіяхъ. Замѣчая, что на лицѣ больного не шевелится ни одинъ мускулъ, онъ наконецъ испугался и спросилъ: «Неужели вамъ не больно?» — Очень, отвѣчалъ больной. Тогда онъ снова принялся за осмотръ. — «Здѣсь какъ?» спросилъ онъ. — Боль не большая. — «А тутъ?» — Очень больно. — «Здѣсь?» — Мука невыносимая, отвѣчалъ больной своимъ обычнымъ, кротко спокойнымъ голосомъ. Можетъ-быть эта стойкость и обманула англійскаго хирурга.

Пятка и суставъ обнажились, такъ что вся нога должна была лежать на икрѣ; нога привязана перевязкою къ особенной подставкѣ, такъ что она постоянно виситъ.

Жизнь въ Вариньяно была печальная; въ теченіе дня случалось одно только происшествіе, — прибытіе почты; всякій ждалъ и надѣялся писемъ. Одинъ Гарибальди не ждалъ и не надѣялся ничего; если дадутъ ему газеты, то онъ читаетъ, забудутъ дать — не спрашиваетъ. Писемъ получалъ онъ много, но конечно ему подавали только тѣ, которыя до него лично касались. Не было возможности только перечесть письма отъ разныхъ лекарокъ и знахарей, которые предлагали его лечить. Онъ получалъ много подарковъ, оружія, кнѣгъ, волкой провизіи. Одна дама прислала ему изъ Манчестера изъ своихъ оранжерей винограду. Въ Спеціи нѣсколько стрѣлковъ охотились постоянно только для его стола.

Между тѣмъ время шло; всѣ окончательно убѣдились, что пуля осталась въ ранѣ, а рѣшительныхъ мѣръ не принимали. Пріѣхалъ г. Бергани, по мнѣнію котораго необходимо немедленно отнять ногу; но для этого надобно перевести его изъ Вариньяно, не защищен-

наго горани отъ сѣвернаго вѣтра , что въ его ломотномъ расположеніи вредно. Еслибы Гарибальди былъ какой-нибудь неизвѣстный бѣднякъ или обыкновенный больной , то съ нимъ справились бы весьма скоро, вынули бы пулю или отняли бы ногу. Но тутъ возбуждаемое больнымъ сочувствіе было причиною надежды вылечить его безъ отнятія ноги. Думали пособить дѣлу тщательнѣйшимъ уходомъ, внимательнѣйшимъ, ежеминутнымъ присмотромъ, и можетъ-быть потеряли слишкомъ много времени.

22 октября больной былъ перевезенъ черезъ заливъ изъ форта Вариньяно въ самую Спецію. Положили его на лодку, взятую на буксиръ арсенальнымъ пароходомъ; потомъ его буксировала шлюпка съ корабля «il Re Galantuomo». Горькое совпаденіе обстоятельствъ. Это слово изобрѣтено самимъ больнымъ въ то счастливое время, когда онъ взялъ Италію и отдалъ ее королю. Отъ короля имя перешло къ кораблю, съ котораго шлюпка буксировала чуть не похоронную лодку. На пристани палатку сняли съ лодки и вынули оттуда больного на большомъ креслѣ, въ полулежащемъ положеніи. Нѣсколько человекъ подняли его и понесли. Народу собралось множество, но всѣ молчали и молча снимали шапки, какъ передъ гробомъ. Больной отвѣчалъ на поклоны движеніемъ руки. Народъ замѣтилъ, что онъ похудѣлъ и въ тоже время какъ-то отекъ. Вокругъ носилокъ шло человекъ двѣнадцать въ красныхъ рубашкахъ и нѣсколько друзей въ обыкновенномъ платьѣ. Самъ онъ былъ тоже въ красной рубашкѣ покрытой сѣрымъ плащемъ. На головѣ у него была низенькая сѣрая шляпа; одинъ изъ друзей прикрывалъ его зонтикомъ отъ солнца.

Теперь надо ожидать извѣстій о результатахъ консиліума: отнимутъ ногу или попробуютъ вынуть пулю со стороны внѣшней щиколки? Но Италія въ страстномъ напряженіи ожидая развязки, трепещетъ и боится несчастнаго исхода. Въ теченіи семи недѣль потеряннаго времени не успѣло ли уже развиться худосочіе, которое вслѣдъ за операціей убьетъ больного? На консиліумъ ѣдетъ опять докторъ Партриджъ, съѣзжаются другія европейскія хирургическія знаменитости. Но успѣютъ ли они что-нибудь сдѣлать? Что они могутъ сдѣлать противъ худосочія? Не придется ли имъ только своимъ безсиліемъ доказать г. Ратацци старую поговорку, что одинъ броситъ камень въ воду, а десять умныхъ не вытащатъ.

Между тѣмъ пока больной лежалъ въ страшныхъ мукахъ, благополучно совершилось бракосочетаніе дочери короля Виктора-Эммануила съ королемъ португальскимъ. Торжества по этому случаю были пышныя, великолѣпныя; различные города прислали разные

свидѣбныя припомнѣнія, болѣею частію художественныя; король ихъ благодаритъ.

Сильно поговариваютъ о перемѣнахъ, имѣющихъ произойти въ составѣ министерства, и важность ихъ весьма понятна, если принять въ соображеніе, что президентомъ совѣта министровъ останется тотъ же господинъ Ратацци, министръ внутреннихъ дѣлъ сдѣлается министромъ финансовъ, министръ финансовъ возьметъ портфель публичныхъ работъ, а министръ публичныхъ работъ займется министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Впрочемъ, можетъ-быть произойдетъ перетасовка другого рода, карты подтасуются въ другомъ порядкѣ; но игра останется все таже. Благодаря безсилію министерства, его неумѣнью воспользоваться рѣдкимъ въ жизни народомъ энтузіазмомъ, овладѣвшимъ Италіей, эта прекрасная страна поставлена въ такое положеніе могущественнымъ покровительствомъ императора Наполеона III, что всякая перемѣна министра во Франціи отзывается болѣзненнымъ или радостнымъ образомъ на Италію. Такъ перемѣнился тамъ министръ иностранныхъ дѣлъ: мѣсто г. Тувенеля занялъ г. Друэнъ-де-Люи. Это произошло совершенно неожиданно какъ все, что дѣлаетъ императоръ Наполеонъ III. И вотъ офиціальныи миръ заволновался: что будетъ? какъ будетъ? какъ новый министръ будетъ смотрѣть на итальянскій вопросъ? Но бѣдныя политики могутъ быть совершенно спокойны: онъ будетъ смотрѣть глазами своего императора. «Все мое, сказалъ бы онъ.»

Папа находится теперь въ Кастель Гандольфо. Онъ ищетъ развлечения отъ своихъ великихъ заботъ въ маленькихъ поѣздкахъ въ сосѣдніе городки и деревни. По большей части его вездѣ народъ встрѣчаетъ выраженіями сочувствія и преданности. Злые языки увѣряютъ, будто эти встрѣчи устроиваются клерикалами для доказательства передъ цѣлымъ міромъ, что народъ блаженствуетъ подъ управленіемъ обожаемаго папы-короля. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ однакоже святого отца встрѣчаютъ довольно враждебно, иногда просто холодно, вовсе его незамѣчая, а иногда раздаются свистки.

Король Францискъ II все еще живетъ въ Квириналѣ, но скоро намѣренъ переѣхать въ свой купленный дворецъ Боргезе. Папа уговаривалъ его остаться, представляя, что въ Квириналѣ онъ находится прямо подъ его непосредственнымъ покровительствомъ, тогда какъ во дворцѣ Боргезе онъ уже не въ состояніи будетъ дать швейцарскихъ тѣлохранителей и устроить обстановку, подобающую бывшему королю. Однако Францискъ II все-таки намѣренъ переѣхать, можетъ-быть изъ деликатности, чтобы не отагощать папскую казну содержаніемъ ста-двадцати человѣкъ его свиты. Но онъ можетъ-быть совершенно спокоенъ. Кромѣ того, что папская область дастъ

короточный доходъ, и шѣется еще доходъ со всего католичества, антарій св. Петра, котораго достанетъ на содержаніе бывшего короля, съ его свитой и швейцарцами.

Греко-славянскій или восточный вопросъ

Недавно Европа была удивлена маленькою телеграфическою депешей изъ Корфу отъ 23 октября: «Ожидаютъ сегодня провозглашенія временнаго правительства. Произошли беспорядки въ Миссологіи, Акарваніи, Патрасѣ и Мессеніи. Войска охраняютъ тюрьмы и казначейства.» То-есть какъ же это слѣдовало понимать? Зачѣмъ было временное правительство, когда и шѣется постоянное, учрежденное властью и вліаніемъ великихъ европейскихъ державъ. И что за беспорядки? Какого свойства? Весьма недавнее возстаніе въ Навплии было болѣе нежели беспорядкомъ, однако постоянное правительство привело все въ порядокъ, и не оказалось надобности въ правительствѣ временномъ. Невольно навязывалось внимательному читателю газетъ, что это извѣстіе изъ Корфу, находящагося подъ тѣснѣйшимъ покровительствомъ Англіи, что въ Лондонѣ, конечно, посламо болѣе подробное донесеніе, а Европѣ достались только непонятные отрывки. Понятно, что телеграфная станція въ Корфу прежде всего обратилась къ своему правительству.

Отъ 24 числа была депеша уже изъ Триеста. Въ ней сказано было, что временное правительство учреждено для всего королевства, что будетъ созвано народное собраніе и что въ Афинахъ спокойно. Опять загадка. Но и этого короткаго извѣстія довольно было для газетъ, чтобы составить большія, порою даже очень дѣльные статьи по поводу правъ Греціи на распоряженіе своею участію и необходимости удержать верховное господство Порты надъ христіанскими ея подданными, все равно — греки они или славяне.

Отъ 25 числа явились уже извѣстія болѣе подробныя. Изъ Смирны получена депеша, возвѣщающая что переворотъ въ Греціи произошолъ окончательно 22-го, стало-быть 23-го былъ весьма хорошо извѣстенъ въ Корфу, но не возвѣщенъ Европѣ ради предосторожности, чтобы Англія имѣла время принять свои мѣры. Король Отонъ отказался отъ престола въ пользу своего брата, и уѣхалъ. Временное правительство провозгласило удаленіе отъ престола баварской династіи. Король съ королевой уѣзжали изъ Афинъ съ тѣмъ, чтобы осмотрѣть нѣкоторыя мѣста своего государства. Въ ихъ отсутствіе совершился переворотъ, такъ что на возвратномъ пути король не присталъ къ берегу въ Пирей, а остановился на якорѣ въ Саламинскомъ заливѣ. Тотчасъ же къ его маршеду подо-

шли и стали съ обѣихъ сторонъ два фрегата, французскій и англійскій. Къ ихъ величествамъ королю Отону и королеви немедленно явились представители постороннихъ державъ, уведомили о совершившейся революціи и совѣтовали не дѣлать ей никакихъ уступокъ. Говорятъ, что особенно г. Больверъ подстрекалъ дворъ къ самой упорной настойчивости, общая самую дѣлательную помощь со стороны Англии. Тогда король отказался входить въ какія бы то ни было сношенія съ Булгарисомъ, предсѣвателемъ временнаго правительства, и уѣхалъ. 27 октября король Отонъ и королева Амалия утромъ благополучно прибыли въ Корфу и въ тотъ же день отъправились по направленію къ Венеціи. Въ тотъ же самый день вечеромъ французская эскадра Средиземнаго моря вышла изъ Тулона въ греческія воды. 29 числа около полудня король и королева благополучно прибыли въ Венецію. Въ тотъ же день четыре австрійскіе корабля получили приказаніе отплыть въ греческія воды. Такимъ образомъ временное правительство въ Греціи находится подъ внимательнымъ надзоромъ, если не водъ тѣсною оекой трехъ эскадръ, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ двѣ прямо поддерживаютъ Турцію и прямо враждебны всякому греческому движению. Газета «Times» уже успѣла подать свой голосъ касательно греческаго переворота, и заявила, что Греція имѣла право такимъ образомъ распорядиться съ своею династіей, а что Англія съ своей стороны не желаетъ избранія на греческій престолъ принца Альфреда, но не станетъ противиться избранію или герцога лейхтенбергскаго, или графа фландрскаго, или князя Исплантти.

Вотъ и все, что мы пока мѣстъ знаемъ о греческомъ возстаніи и о свершеніи короля Отона, перваго и послѣдняго греческаго короля баварской династіи. Хотя фактовъ о самомъ возстаніи извѣстна еще весьма немного, но источники и причины его очень хорошо извѣстны. Какъ явленіе органическое, это возстаніе сдѣлалось не случайно, не вдругъ: оно было неизбежнымъ слѣдствіемъ всего предыдущаго, оно было такъ—сказать продолженіемъ войны за независимость. Эта война была только прервана тридцатилѣтнимъ царствованіемъ короля Отона. Это весьма продолжительное время для переставшаго управлять короля, но въ жизни народа это не очень длинный срокъ, пропавшій впрочемъ для Греціи не даромъ.

Въ 1825 году Порта собрала всѣ свои силы, чтобы подавить греческое возстаніе, которое втеченіи четырехъ лѣтъ сдѣлало уже значительные успѣхи, несмотря на всѣ ужасы самой опустошительной и варварской войны. Ибрагимъ, паша морейскій, съ египетскими войсками, начиналъ одоумввать возстаніе. Число сожженныхъ

нить городовъ и деревень считалось уже сотнями; греческіе плѣнники и плѣнницы цѣлыми корабельными грузами вывозились уже въ Египетъ на продажу въ неволю. Къ концу осени 1825 года вся Морея превратилась въ пустыню. Но и тутъ греки еще не падали духомъ; они продолжали отчаянно отстаивать только-что только-что выигранную для нихъ независимость. Наконецъ ожесточенность борьбы подвинула великія державы къ дѣятельному вмѣшательству, особенно потому, что они сильно боялись, чтобы не вмѣшалась въ дѣло одна Россія, что дало бы ей рѣшительный перевѣсъ въ восточныхъ дѣлахъ.

Англія открыла въ Петербургѣ переговоры, которые привели 4 апрѣля 1826 года къ подписанію протокола. Россія съ Англіей условились (а послѣ къ нимъ пристала и Франція), что Греція будетъ управляться туземнымъ княземъ, будетъ имѣть полную свободу вѣры и торговли, и будетъ платить Портѣ известную дань, находясь все-таки подъ ея покровительствомъ. Протоколъ былъ предложенъ Портѣ; но она его отвергла безусловно особеннымъ ультиматумомъ 10 іюня 1827 года, такъ что великимъ державамъ осталось только или вовсе отказаться отъ всякаго вмѣшательства въ греческія дѣла, или подкрѣпить свои представленія оружіемъ. Переговоры тянулись цѣлые четырнадцать мѣсяцевъ. 6 іюля 1827 года великія державы подписали трактатъ о независимости Греціи и немедленно предписали адмираламъ, командовавшимъ ихъ флотами въ Средиземномъ морѣ, противаться всякой новой присылкѣ египетскихъ войскъ въ Грецію, но прибѣгнуть къ употребленію силы только въ такомъ случаѣ, если Ибрагимъ-паша первый начнетъ непріязненные дѣйствія. 20 октября дѣйствительно произошла битва, въ которой при Наваринѣ уничтоженъ былъ турецко-египетскій флотъ. Державы придавали наваринскому сраженію какое-то двусмысленное значеніе. Поэтому Турція снова заговорила свысока и потребовала окончательной покорности Морей. Въ концѣ года посланники трехъ державъ уѣхали изъ Константинополя. Дипломатическія сношенія съ Турціей кончились.

Битва при Наваринѣ нѣсколько ободрила грековъ, которые цѣломъ одержала нѣсколько незначительныхъ побѣдъ. Въ началѣ 1828 года пріѣхалъ графъ Каподистрія, избранный на семь лѣтъ президентомъ греческой республики, и немедленно занялся организаціей того, что оставалось въ Греціи. Дѣло это было чрезвычайно трудно. Семь лѣтъ войны за независимость совершенно разстроили греческіе финансы, породили внутреннія несогласія и междоусобія. Военныя операціи были незначительны, по неимѣнію войскъ, такъ что даже не было возможности заставить Ибрагима-пашу выйти

нѣхъ Морей, несмотря на то, что великія державы требовали его увольненія. Вообще дѣла шли чрезвычайно медленно. Только въ концѣ августа 1828 года въ Морѣ высадилось 14,000 французовъ, которые и вытѣснили Ибрагима. Благодаря неутомимой дѣятельности графа Каподистрія раны Греціи начали мало-помалу заживать, хотя со всѣхъ сторонъ являлось еще множество недовольныхъ, и были частыя возстанія противъ власти президента. Такъ прошолъ весь 1829 г. Между тѣмъ въ Лондонѣ собралась особенная конференція для обсужденія греческихъ дѣлъ. Къ 3 февраля 1830 г. Греція объявлена государствомъ независимымъ съ опредѣленными на конференціи границами, и престолъ ея отдавался принцу Леопольду саксен-кобургскому. Сначала принцъ согласился взять на себя управленіе Греціею, и тотчасъ сталъ хлопотать объ увеличеніи давнихъ Греціи границъ, доказывая, что постановленныя на конференціяхъ границы малы, неудовлетворительны, не обезпечиваютъ независимости и безопасности новаго государства. Но Англія и тогда ревниво берегла Турцію: домогательства принца не имѣли никакого успѣха; пробывъ три съ половиною мѣсяца номинальнымъ королемъ Греціи, онъ отказался 21 мая.

Тутъ вскорѣ вспыхнула іюльская революція, а съ нею вмѣстѣ и другія важныя перемѣны въ Европѣ. Это остановило работы лондонскихъ конференцій по греческимъ дѣламъ, а въ самой Греціи откликнулось возстаніями въ разныхъ мѣстахъ. Президентъ долженъ былъ прибѣгнуть къ вооруженной силѣ для сбора налоговъ; повсюду были неудовольствія, смуты, и наконецъ вспыхнуло неждоусобіе по случаю ареста нѣкогого Полизондеса, редактора журнала «Аполлонъ». Командиръ русской эскадры въ Средиземномъ морѣ потребовалъ, чтобы выданъ былъ весь греческій флотъ, стоявшій тогда близъ острова Пароса. Міаулисъ рѣшился тогда на страшное дѣло: чтобы не выдать флота русскимъ, чтобы этотъ флотъ не послужилъ президенту новымъ орудіемъ будтобы для угнетенія Греціи, онъ смегъ двадцать-восемь большихъ кораблей и взорвалъ укрѣпленія паросскаго порта. Казалось, что Греція должна была погибнуть въ судорогахъ междуусобной войны; но убійство президента на нѣкоторое время возстановило миръ между партіями. Новый президентъ, Августинъ Каподистрія, точно такъ же вынужденъ былъ усмирять различныя возстанія до тѣхъ поръ, пока не ирришло извѣстіе о протоколѣ лондонскихъ конференцій 7 марта 1832 года, объ избраніи принца Оттона баварскаго королемъ Греціи.

Между великими державами и Баваріей заключенъ былъ 7 мая договоръ; имъ формально утверждался принцъ Оттонъ королемъ греческимъ, учреждалось регентство для управленія отъ его имени

до совершеннѣтвѣ; великія державы обѣщали свое ручательство за Грецію по случаю займа въ 60 миліоновъ франковъ, а Баварія обѣщала послать въ Грецію регентство и 3500 человекъ войска. Поэтому народное собраніе въ Навплии единодушно выбрало принца Оттона своимъ королемъ. Только къ 6 октября назначено было въ Мюнхенѣ регентство, состоящее изъ генерала Арманшперга, генерала Гейдеггера и статскаго совѣтника Маурера. 30 января 1833 года это регентство съ юнымъ королемъ прибыло къ Навплии, вошло на берегъ не ранѣе 6 февраля, когда высадились привезенныя войска и заняли караулы. Такая осторожность произвела уже неблагоприятное впечатлѣніе на вѣроподданныхъ. Народъ, правды ради двѣнадцать лѣтъ сряду драться за свою независимость и жизнь ставить ничто, считалъ неумѣстнымъ дѣломъ тѣ мелочныя предосторожности, которыя принимались при высадкѣ.

Регентство немедленно принялось за дѣло, и надо отдать ему справедливость, съ большою энергіей. Пошли образованія, какія требовались для устройства Греціи по баварскому образцу съ нѣмцами во главѣ всѣхъ важныхъ мѣстъ. Гражданскія и военныя должности занимались преимущественно нѣмцами, такъ что природныя греки оттерты были на второй планъ и въ должности съ малыми окладами жалованья. Министры были конечно нѣмцы, генералы нѣмцы, судьи нѣмцы, офицеры нѣмцы, чиновники нѣмцы, такъ что народъ чистосердечнѣйшимъ образомъ возненавидѣлъ все иностранное, въ особенности нѣмецкое. Потомъ, когда король, достигнувъ совершеннѣтвѣ, вступилъ въ бракъ съ принцессой голштейнско-ольденбургскаго дома, что еще болѣе усилило вліяніе нѣмцевъ въ Греціи, то народъ уже ненавидѣлъ и своего короля. Но греки были очень терпѣливы, и установившійся порядокъ вещей табулся бы вѣроятно до сихъ поръ, еслибы не подвернулся денежный вопросъ, весьма интересовавшій и великія державы.

Заемъ въ 60 миліоновъ франковъ мало-помалу былъ истраченъ, а правительство не сумѣло распорядиться такъ, чтобы при помощи его создать себѣ способы уплаты процентовъ и погашенія. Вместо того, чтобы употребить заемъ преимущественно на улучшение матеріальнаго благосостоянія страны, правительство весь его потратило на содержаніе огромнаго, ненужнаго по числу войска количества генераловъ и на содержаніе самой хитрой системы администратціи, вовсе несообразной съ истинными потребностями страны. Не доставало наконецъ денегъ не только на уплату процентовъ по вѣшнему займу, но и на внутреннія потребности. Россія, Франція и Англія подписали наконецъ въ Лондонѣ протоколъ в общую ноту, переданную королю въ сентябрѣ 1843 года. Его просили озаботиться

уплатою процентовъ и погашенія займа, удалить отъ публичныхъ должностей иностранцевъ и созвать народное собраніе.

Когда недовольные узнали, что и великія державы недовольны греческимъ правительствомъ, тотчасъ же въ Афинахъ вспыхнуло возстаніе, удавшееся потому что войска, подъ начальствомъ Калерджи и Макрианвса, приняли въ немъ дѣятельное участіе. Король принужденъ былъ уволить свое вѣмецкое министерство и пригласить новое, національное. Созвано было народное собраніе для обсужденія новой уставной грамоты. Послѣ продолжительныхъ и шумныхъ толковъ и споровъ, сочинено было уложеніе по образцу Французской хартіи 1830 года. Король ему присягнулъ, и дѣла могли бы пойти очень хорошо, если бы постоянная вражда партій не тормозила всего хода. Англіи и Франціи постоянно казалось, что Россія интригуетъ въ Афинахъ для приобрѣтенія себѣ исключительнаго вліянія на дѣла. Поэтому онѣ сами непрерывно интриговали и расшевеливали всевозможныя оппозиціи всякій разъ, какъ только принималась мѣра, могущая, по ихъ мнѣнію быть хотя въ малѣйшей степени благопріятною для воображаемаго вліянія Россіи. Не останавливаясь этимъ, англійское правительство все съ большею настойчивостью и горечью требовало своихъ денегъ у государства, лишоннаго всякихъ средствъ. Лордъ Пальмерстонъ, недовольный тѣмъ, что Греція своимъ отпаденіемъ ослабила его обожаемую Турцію, требовалъ денегъ съ настойчивостью неумолимою. 11 января 1850 года англійская эскадра Средиземнаго моря стала на якорь противъ Пирея и предъявила правительству различныя требованія, и между прочимъ требованія португальскаго еврея Пачифико, которому надо было заплатить 800,000 драхмъ убытковъ, будто бы понесенныхъ имъ во время какого-то возстанія. Сверхъ того англійскій адмиралъ требовалъ уступки въ пользу Англіи двухъ острововъ Элафонизи и Сапіенца. Англійскіе полетики сами знали очень хорошо, что большая часть этихъ требованій не имѣетъ ни малѣйшаго основанія; но все это было только предлогомъ, чтобы начать борьбу противъ русскаго вліянія на востокъ. Въ этомъ собственно и заключается весь восточный вопросъ.

Въ европейской Турціи находится болѣе онадцати миліоновъ жителей, исповѣдующихъ греческую и армянскую вѣру, тогда какъ поклонниковъ ислама нѣтъ и четырехъ миліоновъ. Если разсматривать Турцію по племенамъ, то окажется, что славянъ тамъ 7,700,000 душъ, а грековъ 1,050,000. Эти-то цифры и не даютъ спокойно спать лорду Пальмерстону, потому что въ самомъ дѣлѣ Россія могла бы имѣть покровительственное значеніе и по славянскому племени своему и по греческой вѣрѣ. Для Англіи теперь гла-

вное дѣло — имѣть одинакое, безраздѣльное вліяніе на торговлю Турціи; для этого нужно убавить русское вліяніе и ослабить все, что въ Турціи можетъ принять какую-нибудь самостоятельность. Греки, какъ наиболѣе развитой народъ, имѣютъ претензію, сдѣлавъ Византію своей столицей, быть повелителями турецкихъ славянъ, такъ какъ они тоже греческой вѣры.

Такимъ образомъ весь восточный вопросъ для Англійи заключается въ возможномъ стѣсненіи двухъ національностей, греческой и славянской и собственно для того, чтобы предотвратить могущее возникнуть исключительное вліяніе Россіи въ нынѣшнихъ турецкихъ областяхъ. Но обстоятельства сходятся такъ, что стѣсненіе грековъ и славянъ въ пользу османовъ кажется непостижимымъ туркофильствомъ, которое въ чистомъ видѣ было бы непостижимо въ сколько-нибудь мыслящемъ человѣкѣ. Однакоже изъ чего бы ни происходило туркофильство, оно есть крайняя нелѣпость, показывающая все-таки плохое пониманіе турецкихъ дѣлъ. Въ Турціи почти восемь милліоновъ славянъ и только одинъ милліонъ съ чѣмъ-то грековъ. Когда турки будутъ вычеркнуты изъ Европы (а это будетъ непремѣнно и неизбѣжно; весь вопросъ только во времени), то все-таки останутся два враждебные между собою элемента: славянской и греческой. У грековъ есть старинная мечта, которая въ политическихъ тамошнихъ кружкахъ технически называется «великая идея», — это завоеваніе или занятіе нынѣшней Турціи, пораженіе турецкихъ славянъ и основаніе византійской имперіи. Разумѣется само-собою, что славяне по мнѣнію грековъ тутъ будутъ играть такую же роль, какъ въ Чехіи или въ Познани; иначе греки не представляютъ себѣ византійской имперіи. Но ихъ меньше нежели славянъ, и потому едва ли имъ скоро и легко удастся устроить себѣ хорошую и прочную имперію. Славяне разумѣется охотнѣе согласятся быть въ неволѣ у грековъ, нежели у мусульманъ, если уже вельзя будетъ дѣлать никакого выбора; но есть еще третья возможность, весьма заманчивая, это свобода совершенная, безъ мусульманскаго да и безъ греческаго гнета. Ктому же въ случаѣ войны за независимость, придется довольно удобно, за одинъ походъ, такъ-сказать сбрасывать всякое иго. Такимъ образомъ пространство, занимаемое теперь Турціей, очень долгое время не будетъ представлять ничего прочнаго, такъ что лордъ Пальмерстонъ и его преемники совершенно могутъ быть на этотъ счетъ спокойны. Пуще всего имъ страшно, что турецкіе славяне въ числѣ восьми милліоновъ, соединившись съ славянами австрійскими, въ числѣ пятнадцати милліоновъ примкнутъ къ Россіи, для которой увеличеніе въ 23 милліона составитъ опасное для европейскаго равновѣсія, черезъ мѣру могущественное

государство. И на этот счет они могут быть совершенно покойны. Россія слишкомъ много дѣла у себя дома, чтобы ей можно было расхоловать силы еще наружу.

Чтобы сбросить турецкое яго, славяне еще могутъ соединиться съ греками и дѣйствовать заодно чрезвычайно дружно, но потому только-что главное дѣло будетъ покончено, цѣль будетъ достигнута, начнутся такія межлоусобія, какихъ Европа можетъ-быть и не видала. Чего же лорду Пальмерстону бояться? отчего было такъ сильно хлопотать объ униженіи, оскорбленіи и разореніи маленькаго государства? Не въ томъ ли вся сила, что греческая торговля стала развиваться и процвѣтать, что отъ греческихъ капиталистовъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не стало житья англійскимъ финансовымъ тузамъ? Кажется, что это вѣрнѣйшее разрѣшеніе сущности дѣла.

По случаю исторіи съ евреемъ Пачифако, англійскій адмиралъ объявлялъ, что ежели ему втеченіи 24-хъ часовъ не будутъ выплачены деньги по всѣмъ требованіямъ, то онъ употребитъ силу. Министерство объявляло, что его требованія неосновательны, и 19 января началась блокада всѣхъ греческихъ портовъ англійскимъ флотомъ. Въ мѣсяцъ захвачено было болѣе двухъ-сотъ торговыхъ и военныхъ кораблей, а греческому правительству ничего не оставалось дѣлать, кромѣ какъ протестовать въ Парижѣ и въ Петербургѣ. Франція и Россія протестовали въ Лондонѣ; а между тѣмъ торговля остановилась, капиталы, обезсиленные, притаивались, и пачифаковская цѣль достигалась самымъ блестящимъ образомъ. Напрасно французскій посланникъ въ Афинахъ давалъ знать англійской эскадрѣ, что посредничество Франціи въ этомъ дѣлѣ приваго денджемскимъ кабинетомъ; англійскій посолъ увѣрялъ, будто онъ не знаетъ касательно святія блокады никакихъ инструкцій отъ своего правительства, и стѣсненіе греческой торговли продолжалось. Въ концѣ апрѣля окончательно прекратилась блокада, когда лордъ Пальмерстонъ убавилъ сумму всѣхъ своихъ требованій съ 800 до 33 тысячъ драхмъ. Такое мелочно-торгашеское поведеніе Англии во всемъ дѣлѣ Пачифако, необходимость уступить представленіямъ Россіи и Франціи и даже самая убавка требованій сильно уронили Англию на востокѣ; зато Россія выиграла и своимъ заступничествомъ и тѣмъ еще, что обѣщала не требовать у Греціи процентовъ по займу до тѣхъ поръ пока эта страна не поправится отъ послѣдствій блокады и слишкомъ жестокой предшествовавшей зимы.

Въ августѣ того же года король Отонъ, не имѣвшій дѣтей, отправился въ Баварію устраивать дѣло по наследству греческаго престола; въ его отсутствіе королева была регентшей, въ продолженіи цѣлаго года. Во все это время она умѣла заслужить общую ве-

любви самозабвенно манерою своего обращенія. Она верная держала себя съ неестественною важною невѣрою высоко и далеко отъ земли и всѣхъ земныхъ интересовъ, радостей и печалей, отъ всего человѣческаго. Когда король возвратился, ничего не устроивъ для наслѣдства своего престола, то нашолъ свое королевство въ такомъ же точно неустройствѣ, каковымъ его оставилъ. Греція была раздираема мѣстными, туземными интригами и беспорядками въ соединеніи съ интригами дипломатическими. Англійскіе и французскіе посланники постоянно вели таинственныя, подземныя интриги противъ воображаемыхъ русскихъ интригъ, и нутали дѣла такъ, что сами потомъ не могли распутать. Все имъ казалось, что Россія старается приобрѣсти исключительное вліяніе на тамошнія дѣла, и всякое новое министерство было окружено такими кознями, происками и подкупами, что долго удержаться не могло и падало. А русское вліяніе въ самомъ дѣлѣ было; Греція въ самомъ дѣлѣ тяготѣла и до сихъ поръ тяготѣетъ къ Россіи по двумъ весьма важнымъ причинамъ, которыхъ дипломаты истребить не въ состояніи. Первая — искренняя ненависть противъ Турціи со стороны Россіи и Греціи; оба государства дружно соединяются въ одномъ чувствѣ: во враждѣ за угнетеніе своихъ единоплеменниковъ османами. Вторая — единство вѣры и опять вражда за угнетеніе общей религіи въ турецкихъ областяхъ. Тутъ дипломатія ровно ничего не сдѣлаетъ.

По этому ничего нѣтъ удивительнаго, что греки всенїи разъ были глубоко благодарны Россіи за всякое предпріятіе противъ Турціи, со временъ еще Петра I. Поэтому понятно, что когда всныхнула ваша послѣдняя турецкая война, въ концѣ 1853 года, то на греко-турецкой границѣ всныхнуло сильное возстаніе. Спиридіонъ Коранскаки провозгласилъ крестовый походъ противъ турокъ, съ тѣмъ, чтобы завоевать «византскую имперію или смерть!» Движеніе скоро охватило всю Фессалію и весь Эпиръ; изъ Афинъ отправился корпусъ волонтеровъ на помощь возстанію; вскорѣ за тѣмъ отправился другой корпусъ, подъ начальствомъ вице-президента палаты депутатовъ. Турецкое правительство требовало отозванія волонтеровъ, но греческое правительство не рѣшалось это сдѣлать, такъ что наконецъ турецкій посланникъ выѣхалъ изъ Афинъ (21 марта 1853 года), а черезъ нѣсколько дней послѣ того, Англія и Франція объявили войну Россіи. Чтобы облегчить Турціи подавленіе греческаго возстанія, французскія и англійскія войска высадились въ Шареъ и заняли всѣ тамошнія укрѣпленія. Послѣ того въ англійскихъ газетахъ точно также какъ и во французскихъ долгое время раздавались радостныя гимны въ честь торжества западной дипло-

маціи, которая раскрыла и подавила русскія шпиглы. Дѣйствительно, греческое возстаніе было скорѣ подавлено турецкими силами, которыя уже не были отвлечены войной съ Россіей.

И до сихъ поръ Греція чувствуетъ тоже и всегда будетъ чувствовать то что говорилъ принцъ Леопольдъ саксенъ-кобургскій, именно что великія державы, вслѣдствіе отдаленныхъ соображеній, покусившись отрѣзать ей естественныя границы, достаточныя для самостоятельности и независимости государства. Въ 1830 году не былъ рѣшонъ, а только отложенъ греческій вопросъ. Безъ сомнѣнія теперь его рѣшеніе нѣсколько труднѣе, нежели было тридцать два года тому назадъ; но въ дѣлахъ политическихъ всегда такъ бываетъ, что отложенный вопросъ отъ времени запутывается и осложняется всѣми обстоятельствами, которыя въ теченіе давняго времени воспослѣдовали. Теперь здравая политика уже бросаетъ старинное правило, будто время, давность узаконяетъ какое угодно безобразное и незаконное явленіе. Оказалось, что у народовъ память гораздо лучше, нежели всегда полагали управляющіе, и что несравненно выгоднѣе рѣшить дѣло несомнѣнно выгодно, но окончательно, чѣмъ отложить рѣшеніе въ долгій ящикъ. Европа можетъ это видѣть на каждомъ шагѣ, по поводу вопросовъ римскаго, аспромонтскаго, венгерскаго, аgramскаго, берлинскаго-конституціоннаго, вашингтонскаго, шлезвигъ-голштинскаго, кургессенскаго и еще множество другихъ, включая сюда и шумный вопросъ восточный или грекославянскій.

Рѣшеніе римскаго вопроса отложено въ долгій ящикъ ради кажущихся выгодъ настоящаго времени. Чтоже изъ этого вышло и неизбежно выйдетъ? Отцы іезуиты, которыхъ меньше всего можно обвинять въ томъ, что они понапрасну теряютъ время, хлопочутъ между тѣмъ нѣо всѣхъ силъ, чтобы доставить торжество своему дѣлу; во Франціи въ высшихъ сферахъ ихъ вліяніе процвѣтаетъ, и мало-помалу они докажутъ всѣмъ и каждому, какъ дважды два четыре, что Италіи совсѣмъ не нужно Рима, и что не только католичество, но и все христіанство безъ свѣтскаго значенія папы пропадетъ, будетъ хуже какого-нибудь магометанства, что вѣчныя муки (слѣдуютъ подробности о кипящей смолѣ, желѣзныхъ крючьяхъ и т. п.) ожидаютъ тѣхъ, кто не употребляетъ всего своего вліянія въ пользу свѣтской власти папы. Отъ этихъ проповѣдей въ церквахъ и наединѣ, въ канцеляріяхъ и булуарахъ, въ конторахъ и въ театрахъ разрѣшеніе римскаго вопроса становится день ото дня труднѣе. А между тѣмъ ему нужно же разрѣшиться; необходимо ему чѣмъ-нибудь кончиться. И когда наконецъ пробьетъ часъ его рѣшенія, кто знаетъ, съ какими насліями это будетъ сопря-

жено, какіе расколы и секты въ католичество въ это произведеть какимъ нравственнымъ распаденіемъ общество будетъ сопровождаться.

Римскій вопросъ шолъ къ своему разрѣшенію, когда Гарибальди сказалъ: Римъ или смерть. Буль на мѣстѣ г. Ратацци геніальный человѣкъ, или покрайней-мѣрѣ даровитый, какъ Кавуръ, извѣстно очень хорошо что онъ сталъ бы дѣлать. Онъ прежде всего не сдѣлалъ бы аспромонтской ошибки, о которой итальянскіе генералы, самые военные, говорятъ уже теперь, что еслибы теперь они получили приказаніе оставить Гарибальди, то всѣ вышли бы въ отставку. Кавуръ не отложилъ бы римскаго вопроса, Онъ предоставилъ бы полный просторъ энтузіазму итальянцевъ, подъ рукой пособлялъ бы имъ вооружаться, подъ рукой помогалъ бы военнымъ упражненіямъ водоноетеровъ, накопилъ бы около мильона такого войска и потомъ поговорилъ бы съ императоромъ французомъ, на правахъ политѣйшаго равенства, хотя и въ надлежащихъ прилично-дипломатическихъ формахъ: дескать, извините, — народъ, пользуюсь вполнѣ своими конституціонными правами, вооружился и требуетъ Рима; не благоволите ли намъ его уступить, а у насъ ни много, ни мало, мильонъ наръзныхъ ружей, и каждое попадаетъ въ туза. Конечно императоръ французомъ говорилъ бы съ нимъ иваче, нежели говорить теперь со своимъ покорнѣйшимъ слугою, председателемъ туринскаго министерства, г. Ратацци. И дѣло кончилось бы миролюбиво, безъ разрыва, безъ кровопролитія, съ подобающимъ приличіемъ. А теперь какъ? Энтузіазмъ итальянцевъ простываетъ, охлажденный большими военными движеніями для приведенія гражданъ будто бы въ порядокъ. А римскій вопросъ все-таки выступаетъ на сцену; рано или поздно онъ поведетъ къ разрыву, къ войнѣ, и обойдется несравненно дороже.

Точно также отложенъ въ долгій ящикъ венгерскій вопросъ. Императоръ весьма удобно могъ бы подарить мадьярамъ всѣ тѣ права, которыхъ они теперь добиваются. Но тогда это былъ подарокъ. А теперь все-таки придется сдѣлать всѣ требуемыя уступки, только насильно, пройдя сквозь униженіе насилія, потернѣвъ неудачу въ говорашвомъ, но глубоко бесполезномъ рейхсратѣ, выдержавъ нѣсколько лишнихъ лѣтъ крайняго безденежья и надавивъ на разноплеменные народы нѣсколько лишнихъ очень болѣющихъ мозолей.

Въ Пруссіи конституціонная форма управленія, установившаяся вслѣдствіе кроваваго переворота тридцать лѣтъ тому назадъ, отложена въ долгій ящикъ. Но прусаки не даромъ привыкли стремиться къ самоуправленію, къ конституціонной формѣ, и что рано или

поздно во всякомъ случаѣ придется нѣтъ уступить эту форму со всюю ея сущностью. Вся разница во времени.

Въ Вашингтонѣ отдѣленіе южныхъ штатовъ отъ сѣверныхъ тоже отложено; только въ промежутокъ между завлеченіемъ желанія отдѣлиться и окончательнымъ отдѣленіемъ вставлена продолжительная, бесполезная и свирѣпая рѣзня. Опять—таки дѣло вкуса, однако болѣе или менѣе хорошаго, человѣческаго. Меньше нежели въ годъ истреблено съ одной только стороны сто-тридцать тысячъ человѣкъ, да вѣроятно столько же съ другой. А между тѣмъ отдѣленіе все-таки совершится: предупредить его нѣтъ никакой возможности, потому что причина его заключается не въ чьей-нибудь волѣ, не въ капризѣ, а въ физическихъ, климатическихъ условіяхъ враждующихъ между собою странъ. Если даже сѣверъ одержитъ верхъ, покорить возставшій югъ и заставить его уступить всѣ свои права, то это будетъ только на время. Климатическія и физическія условія отъ этого не перемѣнятся; они опять поднимутъ югъ, потому что они сильнѣе не только сѣвера, но и всего человѣчества.

Тожѣ самое можно сказать и о знаменитомъ восточномъ вопросѣ, который возникаетъ теперь съ новой силой по поводу отреченія отъ престола греческаго короля Отона. Тридцать два года тому назадъ Греціи слѣдовало предоставить ея естественныя границы. Отложили это дѣло, оставили болѣе мильона грековъ подъ турецкимъ игомъ. Рано или поздно греки турецкіе и греки греческіе составятъ одинъ народъ; въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Но времени потеряно много, такъ что множество новыхъ, тогда не существовавшихъ интересовъ втянуто въ это дѣло и пролито много крови въ Крыму, на Дунаѣ, въ Сербіи, въ Босніи, въ Черногорьѣ. Съ тѣхъ поръ, все вслѣдствіе откладыванья, множество англійскихъ денегъ перешло въ Турцію, и всѣ капиталисты, владѣющіе облигаціями турецкихъ займовъ, требуютъ поддержанія турецкой независимости. Съ тѣхъ поръ Черногорье унижено, сотни тысячъ людей легло въ Крыму, мильоны денегъ истрачено на веденіе въ Константинополѣ интригъ и производство всевозможныхъ надзоровъ. И все это совершенно напрасно, вслѣдствіе слѣпотаго консерваторства вочто бы нестало.

Еслибы англійское правительство тридцать пять лѣтъ тому назадъ слѣдовало собственному побужденію, то оно поступило бы не такъ, какъ пришлось поступить, послушавшись общественнаго мнѣнія и требованій филеленовъ или любителей Греціи. Сначала оно крѣпко держалось своихъ холодныхъ расчетовъ въ восточномъ вопросѣ. Христіане бились отчаянно, погибали поголовно; Царелика

и другія испещены владѣли ружьемъ не хуже мужчинъ и выходили драться съ патронами въ подолѣ и съ груднымъ ребенкомъ за плечами. Народъ терпѣлъ всевозможныя нужды, голодъ, мученическую смерть, отстаивая свою рождавшемуся политическую независимость. Въ это время англійская политика держала свои корабли возлѣ приморскихъ пунктовъ, осажденныхъ турками и не допускала грековъ подвозить провіантъ и боевые снаряды своимъ братьямъ, умиравшимъ съ голоду и переставшимъ стрѣлять по немѣнной зарядовъ. Это была настоящая, хорошая англійская политика, и это было логично, при англійскомъ возрѣніи на восточный вопросъ; слѣзовало ожидать поголовнаго истребленія грековъ и даже отчасти ему помогать двумя-тремя небольшими высадками въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ греки особенно удачно выдерживали турецкій натискъ. Но англійская публика стала наконецъ сочувствовать грекамъ; множество замѣчательныхъ людей пѣвало изъ Англій сражаться въ рядахъ грековъ; состоялся даже на биржѣ греческій заемъ, и правительство было увлочено противъ воли. Однако оно уступило общественному мнѣнію не совсѣмъ. Въмѣсто того, чтобы отдать грекамъ все греческое, оно оставило большую половину въ неволѣ, и посредствомъ этой несчастной полумѣры надѣлало только себѣ пронасть лишнихъ хлопотъ, именно для поддержанія невозможнаго существованія турецкой имперіи. Чтобы ее уберечь, чтобы она не развалилась отъ малѣйшаго сосѣдскаго дуновения, приходится принимать даже забавныя мѣры предосторожности.

Такъ напримѣръ, мѣсяца три тому назадъ, вслѣдъ за возстаніемъ въ Навплии, въ Греціи состоялся законъ о національной гвардіи или гражданской стражѣ. Это было хорошее дѣло: нація хотѣла вооружиться, и правительство на это согласилось. Въ прошломъ году такимъ же образомъ вооружилась Сербія. Тогда англійскій посланникъ заставилъ Порту протестовать противъ учрежденія гражданской стражи въ Сербіи; въ тогдашней нотѣ писалось, что княжество, по случаю своихъ вассальныхъ отношеній, не имѣетъ права безъ особеннаго разрѣшенія вооружаться. Сербскій князь опровергнулъ эти претензіи. Въ Греціи Порты не имѣетъ права опираться на вассальныя отношенія и ставить себя въ роль высокой некропительницы, но въ нотѣ 25 августа минувшаго года сказано, что «статья третья закона о гражданской стражѣ, допуская на службу даже иностранцевъ, можетъ нарушить спокойствіе Турціи.» Если въ греческую гражданскую стражу будутъ наступать турецкіе подданные, заявивъ только желаніе перейти въ подданство Греціи, то это составитъ новый замаскированный способъ рекрутскаго набора, совершенно противнаго, — сказано въ турецкой нотѣ, — «друже-

скимъ отношеніемъ Порты оттоманской къ эллинскому правительству.» Эти новыя эллины будутъ поддерживать съ своими турецкими соотечественниками безпокойныя для Порты сношенія и распространять духъ непокорности и возмущеній. Англійскій посланникъ въ Афинахъ, въ нотѣ 6 сентября, выражаетъ тѣже самыя опасенія, и обѣ ноты требуютъ, чтобы «эллинское правительство, въ доказательство того, что оно цѣнитъ хорошія отношенія къ Портѣ, уничтожило это неудобство.»

Греческій министръ иностранныхъ дѣлъ отвѣчалъ, что «онъ съ большимъ удивленіемъ видѣлъ, какой смыслъ турецкое министерство придаетъ третьей статьѣ. Гражданская стража есть учрежденіе, которое страна дастъ себѣ во всей полнотѣ своихъ самостоятельныхъ правъ. Лондонскіе протоколы не постановили этой самостоятельности никакихъ предѣловъ. Греція будетъ устроить у себя такія учрежденія, какія найдетъ полезными для своего благосостоянія и безопасности, причемъ никакая держава не имѣетъ права мѣшаться въ ея внутреннія дѣла. Къ тому же въ законѣ не говорится о турецкихъ подданныхъ, законъ даетъ правительству полномочіе распространять безразлично на всѣхъ безъ исключенія иностранцевъ, желающихъ вступить въ подданство, одну изъ тягостей, лежащихъ на подданныхъ. Сама Порта тотчасъ принимаетъ въ свое подданство всякаго иностранца, который только изъявитъ на это желаніе, безо всякихъ условій и ручательствъ. Какъ же можно опасаться, чтобы жители Фессалии и Эпира рѣшились оставить свои дома единственно съ тою цѣлью, чтобы записаться въ греческую народную стражу?..» Англійскому посланнику отвѣчено было почти тоже самое и выражено очень ясно, что Греція, допустивъ третью статью въ законѣ о гражданской стражѣ, несколько не уклонилась отъ правъ, неоспоримо принадлежащихъ ей, какъ націи независимой.

Греція, само собою разумѣется, совершенно права, но не о томъ рѣчь. Съ тѣхъ поръ, какъ Турція имѣетъ основаніе рассчитывать на рѣшительную поддержку со стороны Англій, она находитъ, что всѣ на свѣтѣ наступаютъ ей на ногу, и уже ничѣмъ ее не переувѣришь, что никто не наступалъ. Эти двѣ ноты прямо показываютъ, что для Турціи вооруженные христіане по близости ея границъ во всякомъ случаѣ подозрительны и непріятны, и что сверхъ того Англія неулыбно печется о томъ, чтобы ея милому дѣтищу не грозило на себѣ ни одно славянское или греческое облачко, затѣмъ-то дѣтище и прикрывается густою, непроглядною тучей англійскаго протектората.

По поводу нынѣшнихъ событій въ Греціи, мы увидимъ много любопытнаго со стороны англійской политики. Вѣроятно будутъ

нѣкоторыя колебанія между требованіями христіанской цивилизаціи и потребностями напятаго. Говориться будетъ за Грецію и дѣлаться будетъ противъ нея. И все это въ самомъ недалекомъ будущемъ. Англійская эскадра уже усыпала берега Греціи.

Последнія извѣстія

Недавно во Франціи былъ поединокъ, о которомъ кстати вспомнить по поводу войны. Герцогъ де-Граммонъ-Гадерусъ дрался съ г. Дильономъ, редакторомъ журнала «Спортъ», и убилъ его на-попалъ. Война эта возгорѣлась слѣдующимъ образомъ. Г. Дильонъ, описывая какія-то скачки, невѣрно или несправедливо выразился о герцогѣ де-Граммонѣ; можетъ-быть выразился до нѣкоторой степени колко. На это герцогъ написалъ отвѣтъ и послалъ въ редакцію. Г. Дильонъ грубаго отвѣта не напечаталъ. Тогда молодой герцогъ (какъ называютъ его французскія газеты) напечаталъ свой отвѣтъ въ бельгійскомъ журналѣ. Только что узналъ объ этомъ редакторъ «Спорта», тотчасъ распѣтушился и послалъ къ герцогу двухъ секундантовъ. Тотъ сначала не хотѣлъ драться, на томъ основаніи, что господинъ Дильонъ принадлежитъ къ простому званію. Это съ нашей стороны не выдумка, не клевета; это дѣйствительно такъ было. Выходить что для молодого герцога безъ слѣда прошла французская революція, которая вычеркнула всѣ званія изъ кодекса и изъ нравовъ. Дѣло было негласнымъ образомъ передано на обсужденіе жокей-клуба, который въ современномъ (французскомъ) духѣ рѣшилъ, что молодой герцогъ имѣетъ право принять вызовъ. Тогда секунданты г. Дильона выбрали оружіемъ пистолеть, на что г. де-Граммонъ не согласился, желая не застрѣлить, а заколотъ своего неурядителя. Произошелъ споръ. Снова спрощенный жокей-клубъ сказалъ, что оскорбленъ тутъ молодой герцогъ и потому онъ можетъ выбирать оружіе. Рѣшено было рѣзаться, а не стрѣляться. Произошла встрѣча, и молодой герцогъ прокололъ своему противнику лѣвое легкое. Убійца успѣлъ уѣхать въ Бельгію, и тамъ разумѣется на него будутъ смотрѣть не какъ на убійцу.

Одинъ изъ прусскихъ, кажется, королей прошлаго столѣтія, недовольный огромнымъ количествомъ поединковъ, происходившихъ безпрестанно, несмотря на строгія запрещенія, наконецъ разрѣшилъ всякія дуэли вообще, какимъ угодно оружіемъ, безпрепятственно, хоть даже публично. Постановлено было однако непрѣннымъ условіемъ, чтобы однимъ изъ секундантовъ непрѣменно былъ палачъ, который былъ обязанъ оставшагося въ живыхъ тутъ же на мѣстѣ повѣсить. «Какое несчастіе быть слишкомъ счастливымъ въ подоб-

ной встрѣчѣ», замѣчаютъ газеты, которыя и по этому случаю не могутъ воздержаться отъ страстнаго сестрить, хоть плохо, хоть какъ, а все-таки оострить.

Въ Лондонѣ на дняхъ повѣсили женщину за убійство. За немѣнѣемъ политическихъ занимательныхъ новостей, такъ-какъ парламентъ закрытъ, это зрѣлище было принято публикою съ восторгомъ. Огня на площади отдавались въ наемъ за баснословную цѣну; на крышахъ домовъ при помощи особеннаго устройства, разставлены были стулья для зрителей. Торговцы биноклями накануне распродали весь свой товаръ. Любители, нежелавшіе платить, заняли свои даровыя мѣста на площади еще съ вечера, вооруженные патентованными зонтиками. Представленіе началось въ назначенный часъ. Главное дѣйствующее лицо взошло какъ слѣдуетъ на лѣстницу съ двумя секундавами, которые наложили ей на шею варанѣе приготовленный и хорошо приспособленный аппаратъ. Черезъ минуту все было кончено; трупъ качался въ воздухѣ еще цѣлый часъ послѣ того. Какъ заплатившіе, такъ и незаплатившіе за мѣсто получили желаемое удовольствіе. Можно положить, что антрепренеры, выстроившіе мѣста амфитеатромъ на площади и на крышахъ, получили въ этотъ день чистаго барыша около девяти тысячъ рублей, да столько же, если не больше, за окна, выходяція на площадь. Сверхъ того стеченіе народу на площади дало возможность хорошо расторговаться многимъ разносчикамъ, да получили значительный барышъ продавцы описаній процесса. Всего можно полагать отъ 25 до 30 тысячъ рублей чистаго барыша отъ одного представленія. Поэтому одному уже видно, какъ процвѣтаетъ въ Англіи промышленность.

28 октября манчестерскій городекой банкъ учрежденный, какъ известно, на акціяхъ, прекратилъ свои платежи, по случаю огромныхъ недочетовъ. Оказалось, что директоръ банка, г. Андрыо, получавшій 35,000 рублей жалованья, слишкомъ сильно попользовался на счетъ акціонеровъ. Онъ арестованъ и, разумѣется, будетъ сосланъ въ каторжную работу въ Австралію. Акціонеры цѣлаго свѣта могутъ утѣшаться: и въ Англіи директоры «пользуются».

29 октября была у Гарибальди консультація. Собрано было семнадцать знаменитѣйшихъ въ Европѣ хирурговъ, въ числѣ которыхъ далеко не послѣднее мѣсто занималъ Н. И. Пироговъ. Они всѣ рѣшили, что пуля находится въ ранѣ и что надо будетъ произвести

новое изслѣдованіе для точнаго опредѣленія ея мѣста. Докторъ Нелатонъ (Французская хирургическая знаменитость) объявилъ, что вынуть пулю будетъ легко и выздоровленіе послѣдуетъ быстро. Къ несчастію, намъ еще неизвѣстно что сказали объ исходѣ болѣзни и операціи другія знаменитости.

КУПЦЫ — РЕФОРМАТОРЫ ГИМНАЗИЙ

Двѣ болѣе другихъ важныя, въ количественномъ отношеніи, петербургскія газеты — «Сѣверная пчела» (№ 246 13 сент. 1862) и «С. Петербургскія вѣдомости» сообщаютъ будто :

«Вѣкоторые московскіе купцы берутъ дѣтей своихъ изъ гимназій, полагая, что дѣти ихъ получаютъ тамъ воспитаніе *недовольно религіозное и нравственное* и находя, что *знаніе* латинскаго языка, которому обучаютъ въ гимназіяхъ, для нихъ *безполезно*. Говорятъ, что эти родители намѣреваются устроить въ Москвѣ, насчетъ общества, свою особенную гимназію съ тѣмъ, чтобы *само общество* завѣдывало *хозяйственною* частію заведенія, безъ всякаго посторонняго вмѣшательства, а чтобы учебною и воспитательною частію распоряжался одинъ изъ московскихъ священниковъ, заслужившій общее уваженіе и любовь *купцовъ*. Если же это предположеніе не удастся (такія предположенія иногда удаются), то тѣже лица полагаютъ отдать своихъ сыновей въ одинъ *частный* пансіонъ съ тѣмъ, чтобы тотъ же священникъ (т. е. заслужившій любовь *купцовъ*) имѣлъ постоянное наблюденіе за учебною и воспитательною частію въ ономъ.»

Изъ этого читатель можетъ вполне убѣдиться въ совершенной неосновательности весьма распространеннаго мнѣнія, будто наши купцы — мертвый народъ въ дѣлѣ распространенія образованія. Помните, наши купцы начинаютъ являться даже реформаторами гимназій, и какіе еще купцы? — московскіе. Несовершенство, недостатки нашего гимназическаго воспитанія замѣтили наконецъ наши *татины* и *мамы*; мало того, они протестуютъ противъ гимназическаго воспитанія, берутъ изъ гимназій, *изъ науки* — своихъ любезныхъ дятютокъ, и хотятъ заводить свои гимназіи, по *своему* учить ихъ наукамъ. Чтожъ, пора наконецъ и имъ взяться за умъ, пора вспомнить и имъ, что мы начали новое тысячелѣтіе... Мы даже долго не вѣрили, когда прочитали въ нашихъ петербургскихъ газетахъ тѣ строки, которыя сейчасъ выписали; но наконецъ должны были повѣрить авторитетнымъ газетамъ, хотя правду ска-

затѣ, для совершеннаго убѣжденія въ подобныя драгоцѣнныя слухахъ, стоило бы нарочно прокатиться въ Москву...

Чтоже такое въ гимназическомъ воспитаніи возбудило благородный протестъ московскихъ купцовъ и полталкиваетъ ихъ на полезную для общественнаго образованія дѣятельность? Два обстоятельства: во первыхъ, что тамошнее гимназическое воспитаніе будто бы недовольно религіозно и нравственно, и во вторыхъ, что въ кругъ его введено преподаваніе латинскаго языка, которое совершенно бесполезно для купеческихъ дѣтей. Ну, въ послѣднемъ случаѣ именитое купечество сообразило какъ-будто неладно. Это хорошо оно сообразило, что *знаніе* латинскаго языка совершенно *безполезно* для ихъ дѣтей; противъ этого мы ни слова: пусть въ самомъ дѣлѣ наконецъ провалится сквозь землю вся эта заморщина!.. Но *зачѣмъ* же брать дѣтей изъ заведенія, если въ этомъ заведеніи читается одинъ лишній предметъ, положимъ и бесполезный для дѣтей? Ну, пусть они и не слушаютъ этого бесполезнаго предмета... Вѣдь московскіе купцы всегда могли бы сдѣлать, что ихъ дѣти продолжали бы ходить въ гимназіи и не поганились бы тамъ латынью. Видно главное-то дѣло въ первомъ обстоятельствѣ. Оно такъ и есть. Если въ самомъ дѣлѣ воспитаніе въ московскихъ гимназіяхъ недовольно религіозно и нравственно — по взгляду московскихъ купцовъ, въ которыхъ вѣроятнo по ихъ собственному мнѣнію, только и живетъ до сихъ поръ настоящее-то благочестіе, — то это ужъ фактъ не мелочной, а дѣло первой важности. Тутъ ужъ нельзя не обратить вниманія на московскія гимназіи... Купцы московскіе совершенно правы, вполне здраво относятся къ прогрессу и должны обратить на себя общее вниманіе русскаго общества. А московскимъ гимназіямъ пожалуй придется плохо. Въ самомъ дѣлѣ имъ нужно быть впередъ поосмотрительнѣе. «Сѣверная пчела» первая побивается за нихъ. Она тутъ же говоритъ и надѣется, что «гг. директоры московскихъ гимназій и преподаватели разъяснятъ путемъ печати палающее на нихъ обвиненіе (?)». Въ то же время «Сѣверная пчела» до того любезна и сострадательна, что, выражая свою невольную радость проявляющемуся между купцами стремленію учредить свою собственную гимназію, заодно молвитъ словечко и въ пользу московскихъ гимназій, предполагая, будто недовѣріе къ нимъ со стороны московскихъ купцовъ есть «совершенно незаслуженное» недовѣріе. Милая, хотя и странная эта «Сѣверная пчела»: почему-то въ ней весьма сильно развита слабость *трусить за другихъ*. Пусть бы трусила только за себя...

Наши московскіе купцы, реформаторы московскихъ гимназій, думаютъ, что ихъ дѣти произойдутъ настоящую науку, сдѣлаются пра-

свенными только тогда, когда будутъ воспитываться не въ мундирной директорской гимназіи, а подъ исключительнымъ всестороннимъ вліаніемъ священника и именно того, кого они любятъ. Мы не сомнѣваемся, что московскіе купцы достигнутъ своей цѣли. Они именно увидятъ дѣтей своихъ такими, какими имъ хочется. Мы даже рады за ихъ роль реформаторовъ гимназій, потому что чрезъ нихъ можно-быть получаемъ правильное понятіе о нашихъ гимназіяхъ; думаемъ даже, что самымъ московскимъ гимназіямъ весьма лестно быть признанными достойными реформы — по взгляду такихъ реформаторовъ, какъ московскіе купцы. Но непонятно, какимъ же это образомъ многіе знаменитые воспитатели, — возьмемъ хоть Оуэна — совсѣмъ противоположными путями, сдѣлали своихъ питомцевъ изъ отъявленныхъ негодяевъ честными, нравственными гражданами? За что это тысячи людей цѣлую жизнь свою благословляли вотомъ има Роберта Оуэна, какъ своего великаго благодѣтеля? Какой секретъ былъ у Роберта Оуэна, добивались узнать многіе другіе знаменитые люди, въ свою очередь тоже великіе благодѣтели челоуѣчества, которые изъ далекихъ странъ пріѣзжали къ нему сказать съ нимъ слова два-три?.. Трудно выяснить все это такъ, чтобы хоть чуть-чуть поняли московскіе реформаторы. Есть люди, которыхъ можно научить, потѣшить, расшевелить, задѣть за живое, но только не убѣдить; и есть люди которыхъ и убѣдишь, но они все-таки будутъ противъ тебя...

Впрочемъ попробуемъ въ настоящемъ случаѣ воспользоваться однимъ извѣстнымъ намъ психологическимъ секретомъ; чтобы заставить своихъ противниковъ согласиться съ нашими мыслями, будемъ сначала сами побольше соглашаться съ ними, тѣмъ болѣе, что вѣдь на самомъ дѣлѣ мы почти согласны съ нашими московскими реформаторами... Право такъ.

Мы сами очень часто нападали на мысль о недостаткахъ нашего гимназическаго воспитанія (не преподаванія) и именно о недостаткѣ въ томъ отношеніи, что оно не довольно нравственное. По всѣмъ другимъ сторонамъ наши гимназіи постепенно улучшаются и идутъ впередъ; мало идутъ впередъ относительно только этой важной стороны. Въ этомъ, повторяемъ, мы совершенно согласны съ московскими купцами.

Воскресныхъ, въ нашихъ гимназіяхъ болѣею частію не воспитываютъ мальчиковъ въ нравственномъ и религіозномъ отношеніи, а учатъ ихъ извѣстной религіи и извѣстной системѣ нравственности; религія и нравственность есть для мальчиковъ не дѣло ихъ жизни, а одна изъ предметовъ школьнаго изученія, подобный другимъ отвлеченнымъ предметамъ гимназическаго курса; въ семь лѣтъ

они проходить полный курсъ религіи и нравственности, получаютъ всегда въ своихъ аттестатахъ безусловныя отличія въ способѣ поведенія и въ усіяхъ, оказанныхъ ими въ религіи, отличія, въ которыхъ будто на ладонь выложены ихъ нравственныя стороны, потому что даже превращены въ неглядимыя математическія формулы, такъ что сейчасъ видишь кто каковъ гусь, сейчасъ видишь, напримѣръ что этому только одной единицы недостаетъ, чтобы быть совершенно нравственнымъ, а этотъ цѣлыми двумя единицами ниже его по нравственности, а следовательно малый ненадежный... Надобно здѣсь впрочемъ отдать честь нашимъ воспитателямъ, которые весьма заботятся, чтобы математическія величины, которыя они ставятъ на аттестатахъ своихъ интенцій для выраженія ихъ нравственнаго состоянія, великіе точно соотвѣтствовали этому состоянію; для этого нѣкоторые мудрые воспитатели объявляютъ комматныхъ надзирателей ежедневно въ особо-заведенныхъ книгахъ отмѣчать балами поведенію каждаго изъ вѣранныхъ имъ мальчиковъ, а потомъ въ концѣ года, или трети, выводить общій балъ. О рациональности такого пріема не можетъ возникнуть и вопроса: тутъ ужъ какъ ни юли другой, а непременно получить достойное, потому что очевидно общій балъ ставитъ не начальство, а каждый воспитанникъ самъ себя; начальство тутъ изобрѣтаетъ завидную возможность оставаться въ совершенно-страдательномъ положеніи... спокойнѣе... Взглядъ на нравственность, какъ на вѣчто идеально-высокое, и главное — вѣщное, что наносимымъ слоемъ ложится на воспитанниковъ, а не воспитывается въ нихъ самихъ при помощи обыденныхъ, минутныхъ проявленій ихъ воли и сердца (хотя конечно не многіе изъ нашихъ воспитателей признаютъ въ себѣ такой взглядъ), есть весьма неудачный по жизненнымъ результатамъ взглядъ. Учить воспитанника нравственности — это значитъ навязывать ему извѣстное чувство, извѣстную добродѣтель, а это въ свою очередь значитъ приучить его двоюшничать, лицемерить; тогда какъ подправляя, очищая, облагораживая каждую особенность, или вообще каждое свойство *собственной* природы воспитанника, вы прямо и неизбежно будете образовывать въ немъ честный, прямой, искренній характеръ. Воспитанникъ, выучившій наизусть курсъ нравственности, пожалуй скоро забудетъ его, какъ забываетъ онъ все, что выучиваетъ къ зубу; или пожалуй еще въ самомъ заведеніи пропуститъ его мимо ушей. Въ такомъ случаѣ ему придется остаться *самимъ собою*, съ данными своей природы, весьма мало тронутымъ школьнымъ воспитаніемъ. Но это еще ничего, если школьная нравственность пройдетъ мимо ушей воспитанника и онъ останется *цена безъ нравствен-*

ного достоинства; впереди у него все-таки остается возможность нормального нравственного развитія. Большая же часть натуръ соединяется съ школьным наносным нравственностью, превращаетъ ее въ себѣ и кровью своей жизни, а лучшіе природные человѣческіе инстинкты остаются задавленными, страдательными. Передъ нами поднимается цѣлый рой этихъ лицемѣрно-пошлыхъ, бездушныхъ натуряшекъ, искаженныхъ принятою отъ другихъ моралью... При вопросѣ, кто они такіе, — онѣ самоловно осматриваются и многомъ припоминаютъ извѣстную степень своего секретарства, или совѣтничества. Мало-помалу они въ самомъ дѣлѣ убѣждаются, будто лучше другихъ... Какъ видите, читатель, московскіе купцы совершенно справедливо съ недоумѣемъ взглянули на нравственное и релігіозное воспитаніе гимназій. Положимъ всѣ гимназій, потому надѣмся и московскія, въ настоящее время начинаютъ выбиваться изъ средневѣковой нормы воспитанія; но вѣдь еще только выбиваются, а московскимъ купцамъ не дожидаться же, особенно когда подъ руками у нихъ есть люди, которые легко могутъ поправить все дѣло. Новые воспитатели, которымъ они вполнѣ вѣряютъ своихъ дѣтей, конечно поведутъ нравственное ихъ воспитаніе совершенно иначе и лучше. Они не будутъ преподавать имъ извѣстную нравственную теорію, существующую уже весьма давно, какъ въ гимназіяхъ, не отладутъ ихъ подъ вліяніе многихъ предрассудковъ, хотя бы милыхъ имъ самимъ и до сихъ поръ идущихъ изъ рода въ родъ путемъ преданія, а въ полномъ смыслѣ воспитаемъ въ мальчишкахъ задатки правильной человѣческой жизни, воспитаютъ въ нихъ добрыхъ гражданъ съ честнымъ и свѣтлымъ взглядомъ на жизнь. Ихъ воспитаніе конечно не создастъ такихъ ничтожныхъ натуръ, какія, мы видѣли, создаетъ школьная наносная нравственность, выучиваемая наизусть...

Восторжъ наше школьное воспитаніе съ нравственной стороны весьма плохо рекомендуетъ система наказаній, существующая въ практикѣ (не въ уставахъ) во всѣхъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Прежде всего наказаніе за шалость, за проступокъ, каково бы оно ни было, есть пріемъ самъ по себѣ весьма нерациональный. Положимъ, всякая шалость, всякій проступокъ есть ошибочное, ненормальное дѣйствіе, положимъ даже есть вредъ, зло; вѣдь же, если разъ произошелъ вредъ, случилось зло, еще снова дѣлать вредъ, производить зло, т. е. назначать наказаніе за него? Развѣ можетъ когда-нибудь быть оправдано разсудкомъ то, что такъ или иначе увеличиваетъ сумму зла? Но, скажутъ, хотя наказаніе само по себѣ есть тоже зло, но оно имѣетъ хорошую цѣль и употребляется всегда какъ средство къ достиженію добра.

Ужели же всякое средство, если даже оно есть чистое зло, можетъ быть оправдано доброю цѣлью? Въдъ это отзывается логикомъ патера Родена. А наказаніе дѣйствительно всегда есть чистое зло, потому что оно дѣйствіе воли свободное, преднамѣренное и сознательное. Даже всякая шалость, всякій проступокъ съ этой стороны всегда есть меньшее зло, чѣмъ наказаніе; весьма трудно представить, чтобы шалости и проступки производились, и особенно школьниками, такъ-сказать изъ чистой любви къ искусству, ради самихъ шалостей и проступковъ: они всегда вызываются чѣмъ-нибудь внѣшнимъ, предшествующимъ, либо окружающимъ ихъ, либо порождаются юношескимъ легкомысліемъ; въ иныхъ случаяхъ они совсѣмъ не могутъ не быть. Совсѣмъ нельзя этого сказать о другомъ злѣ — наказаніи, которое поэтому всегда есть большое зло. А мы всѣ увѣрены, что наказывать за шалости, воздавать за меньшее зло большимъ, мстить легковѣрному мальчику солидно-сознаннымъ и какъ-бы законнымъ образомъ, это значитъ нравственно воспитывать его!.. Далѣе, чистая ложь, будто школьное наказаніе можетъ когда-нибудь привести къ добру, т. е. будучи нераціонально само по себѣ, оно не оправдывается и *практическими* результатами. На первыхъ порахъ наказаніе всегда до-нельзя *возмущаетъ* мальчика; многіе изъ нихъ всю жизнь потомъ съ негодованіемъ вспоминаютъ, какъ ихъ первый разъ наказали, хотя многіе воспитатели часто замѣчаютъ имъ, наказывая, что впоследствии они сами будутъ благодарны за наказаніе, а въ возмущенномъ, невооруженномъ состояніи каждому мальчику гораздо естественнѣе сдѣлать новый проступокъ, новое зло, чѣмъ обсудить прежнее и раскаяться въ немъ. Такъ всегда и бываетъ. Всегда мальчикъ, котораго наказываютъ, затѣиваетъ въ себѣ запасъ кипучей злобы, которая очевидно никогда не приводитъ, да и не можетъ привести ни къ чему хорошему. Послѣ каждаго наказанія онъ непремѣнно становится хуже. Всякое наказаніе есть униженіе, обида; а униженіе развѣ можетъ воспитывать, возвышать нравственно? Каждый изъ насъ конечно самъ переживалъ состояніе мальчика, сдѣлавшаго извѣстный проступокъ, состояніе мучительное, сжимающее сердце, собирающее въ себя, упрекающее; подобное состояніе всегда есть большое нравственное состояніе, экстренное, болѣе другихъ чуткое и потому весьма удобное и даже драгоценное для нравственнаго вліянія на воспитанника со стороны воспитателя. Войдя воспитатель въ такое его состояніе, коснись бережно его больного мѣста, отнесись гуманно къ его страданію, которое уже и есть наказаніе за его проступокъ, и если только воспитатель не мундирная кукла, а человекъ съ душою и сердцемъ, онъ сумѣетъ извлечь слезы изъ вос-

питавшиа, за котрима дѣйствительно тотъ будетъ потому долго, долго благодаренъ. Смиъ мальчикъ, сдѣлавшій шалость, инстинктивно всегда желаетъ такого образа дѣйствованія со стороны своего воспитателя; его природа возмущается при одной мысли, что сейчасъ придуть расправляться съ нимъ; онъ уже безконечно презираетъ и ненавидитъ воспитателя, отъ котораго еще только ждетъ наказанія, тогда какъ онъ безконечно уважалъ бы его, еслибы тотъ помялъ его мучительное состояніе и отнесся къ нему именно какъ воспитатель, а не какъ раздаватель казней. Всякій проступокъ есть эле нравственное, по крайней мѣрѣ въ немъ заслуживаетъ порицанія только зло нравственное; ясно это какъ дважды-два четыре, что и дѣйствовать на него должно только однимъ нравственнымъ образомъ, а не чрезъ наказаніе, которое всегда сопряжено бываетъ съ видимымъ физическимъ зломъ. Нравственную боль безнравственно лечитъ физическою болью. Всякій мальчикъ всегда будетъ пораженъ и задумается надъ собою, если даже совсѣмъ не дѣйствовать на него нравственнымъ образомъ, а просто оставить его только безъ физическаго наказанія; всякій мальчикъ, сдѣлавшій проступокъ, до наказанія бываетъ несравненно лучше, чѣмъ послѣ наказанія. А что сказать о томъ состояніи воспитанниковъ, когда они, переиспытавши нѣсколько разъ всѣ роды наказаній, перестаютъ наповецъ и возмущаются ими, когда наказанія опомшляются, когда они со стороны мальчиковъ вызываютъ большыя смѣха, немалыя раскаянія; когда мальчикъ, поставленный на колѣни, смѣется, дѣлаетъ гримасы товарищамъ и высовываетъ языкъ воспитателю?.. А то, что этотъ мальчикъ — жалкое существо, и не исключеніе изъ общей массы, а напротивъ прямое, законное слѣдствіе системы наказаній, существующей въ нашихъ заведеніяхъ. Когда мальчика немалобѣжно систематически подвергаютъ чрезъ наказанія всевозможнымъ родамъ униженій, то было бы полезно и требовать, чтобы онъ возвышался, облагораживался нравственно; напротивъ ему и слѣдуетъ все болѣе и болѣе онускаться, унижаться. На высунутый имъ воспитателю языкъ, воспитатель долженъ полюбоваться какъ на плодъ, какъ на торжество и гордость своей системы. А наказанія необходимо опомшляются во всякомъ заведеніи. Это происходитъ оттого, что число родовъ и видовъ наказаній никогда не можетъ соответствовать даже одной четверти числа родовъ и видовъ школьныхъ шалостей и проступковъ. Шалости и преступни, какъ нравственныя явленія, весьма многочисленны и разнообразны; самыя похожія одна на другую шалости рѣдко бываютъ одинаковы, и болѣею частію отличаются каждая своими особенными характеристическими чертами. Поэтому а на-

казаніямъ , чтобы быть справедливыми и точными , слѣдовало бы также видоизмѣняться и отгѣняться характеристическими особенностями ; но такъ какъ они всегда сопряжены болѣе или менѣе съ физической болью и вообще составляютъ видимое зло , то умножать и видоизмѣнять ихъ было бы ужь слишкомъ нехорошо и нечеловѣчно . Отъ этого въ педагогической практикѣ рѣдко можно не считать больше десяти извѣстныхъ видовъ наказаній , которыя поэтому повторяются каждый день и даже весьма много разъ каждый день , опошляваются , теряютъ всякую цѣну и чуть ли не превращаются въ забаву . А хороша забава , нечего сказать ! Правда , есть нѣкоторые воспитатели , которые ухищряются до-нельзя видоизмѣнять наказанія , ухищряются по возможности въ наказанія выразить всегда характеръ самаго проступка , чтобы пристыдить виноватаго . Такъ напримѣръ , если мальчикъ ругается гадкими словами , то , написавши на клочкѣ бумаги «за сквернословіе» , заткнуть ему клочокъ за воротникъ и поставять на колѣни ; если что-нибудь онъ разбилъ , или взялъ чужое , то дадутъ эту разбитую или присвоенную вещь ему въ руки и опять поставять на колѣни и проч . Но не нужно забывать , что и на стыдливость мальчика нужно дѣйствовать весьма осторожно . Стыдливость — это такое нѣжное и щекотливое чувство , что оно заглушается и тратится отъ подобныхъ крутыхъ , грубоватыхъ , несвойственныхъ приемовъ . Разъ , другой выставленная на публичный позоръ стыдливость просто напросто превращается въ безстыдство . А все оттого , что и тутъ не хотятъ довольствоваться только нравственнымъ томленіемъ виновнаго , а еще примѣшиваютъ непременно и томленіе физическое — наказаніе . Остричь и каламбурить можно на словахъ , въ бесѣдахъ съ друзьями , а каламбурить въ дѣйствіяхъ , да еще такихъ , которыя имѣютъ цѣлью быть воспитательными дѣйствіями , какъ напримѣръ наказанія — непростительно . Въ подобномъ остроумничаньи наказаніями проглядываетъ дѣйствительно одна здравая по нашему мнѣнію педагогическая идея , уже высказанная нами : та , что воспитатель при помощи самаго проступка провинившагося мальчика долженъ отыскать источникъ для нравственнаго воздѣйствія и исправленія мальчика ; но если онъ въ образѣ своего дѣйствованія не довольствуется чисто-нравственными стимулами , а усиливается изобрѣсти еще соотвѣтствующее имъ по характеру физическое принужденіе , то выходитъ просто жалко и смѣшно .

Вообще система наказаній и со стороны практическихъ результатовъ есть весьма ненадежный элементъ нравственнаго воспитанія юности . Возьмемъ любое изъ общепотребительныхъ въ законѣхъ наказаній , и мы увидимъ , что оно всегда гораздо болѣе

приносить вреда, нежели пользы. Мальчикъ невнимательно сидитъ во время лекціи, смѣется; его оставляютъ безъ обѣда. То, что нехорошо смѣяться въ классѣ, онъ очень хорошо знаетъ самъ и прежде нежели смѣялся, и прежде нежели, послѣ смѣха, приказали ему остаться безъ обѣда; зачѣмъ же оставляютъ его безъ обѣда? Зачѣмъ хотятъ достигать результата, который уже существуетъ? Скажутъ затѣмъ, что онъ и зналъ, что нехорошо смѣяться на лекціи, а все-таки смѣялся, такъ чтобъ не забывалъ. Но въ такомъ случаѣ онъ и послѣ того, какъ останется безъ обѣда, все равно одинаково будетъ смѣяться, потому что сдѣлалъ свой проступокъ, смѣялся не оттого, что забылъ, что не надо смѣяться, а оттого, что были причины и обстоятельства, побудившія его къ смѣху, которыя могутъ быть и послѣ. Скажутъ, такъ вотъ онъ затѣмъ долженъ остаться безъ обѣда, чтобъ зналъ, что ни при какихъ причинахъ и обстоятельствахъ онъ не долженъ смѣяться на лекціи. Прекрасно, это послѣднее знаніе для него весьма необходимо; оно можетъ предотвратить проступокъ съ его стороны на будущее время, но зачѣмъ же этого духовнаго результата достигать такимъ неблагороднымъ нашіемъ физической природы, какъ оставленіе безъ обѣда? Для этого нужно показать ему ясно, какъ дважды-два четыре, что смѣяться на лекціи глупо, при какихъ бы то нибыло обстоятельствахъ; объяснить это такъ, чтобы онъ уважалъ ваши слова и исполнялъ бы ихъ въ послѣдствіи, а оставлять безъ обѣда дѣло все-таки лишнее. Скажутъ, сколько ни объясняй воспитатель, этого недостаточно. То-то вотъ и есть: значить воспитатель не умѣетъ придавать цѣны и вѣсу своимъ словамъ, значить его не уважаетъ, или мало уважаетъ виновный; въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ виноватъ уже не столько мальчикъ, сколько воспитатель; слѣдовательно, если уже необходимо оставаться кому-нибудь безъ обѣда, то по всей справедливости слѣдуетъ оставаться воспитателю... Притомъ, если виновный мальчикъ такого рода, что сколько ему ни толкуй, все равно, то и сколько ни оставяи безъ обѣда, одинаково будетъ все равно. Итакъ наказаніе остаться безъ обѣда виновному мальчику — дѣло лишнее и нерациональное. Но этого мало. Положимъ онъ въ самомъ дѣлѣ остался безъ обѣда. Изъ этого вѣдъ выйдутъ еще кой-какія *послѣдствія*. Ему обидно быть голоднымъ; онъ либо подговоритъ товарищей вынести ему что-нибудь съѣстное, либо самъ достанетъ себѣ разнымъ плутовствомъ обѣдъ изъ своего же заведенія, или со стороны; пойдутъ новые обманы, новые проступки, какъ съ его стороны, такъ и со стороны другихъ постороннихъ лицъ, которыхъ онъ, по милости уже одного воспитателя, запугаетъ въ свою исторію... Накомедь, если

даже ничего этого не случится, и мальчикъ останется безъ обѣда, т. е. если мѣра воспитателя вполнѣ будетъ выполнена, — то и тогда случится болѣе худого, чѣмъ хорошаго. Мальчикъ всю остальную часть дня проведетъ въ неестественномъ злостномъ состояніи; по свойству этого состоянія, будетъ дѣлать все и всѣмъ наперекоръ; вообще надѣлаетъ гораздо болѣе худого, чѣмъ сколько надѣлалъ бы пообѣдавши, и главное не выучитъ урока къ слѣдующему дню, потому что этому будутъ препятствовать не только нравственныя причины, но и физическая — голодъ. Это только когда длиннонолые дьячки были у насъ воспитателями юношества, была справедлива поговорка: «satur venter non studet libenter», а теперь каждому извѣстно, что если сытое брюхо учится плохо, то голодное совсѣмъ не можетъ учиться. Возьмемъ другое, весьма употребительное наказаніе — заключеніе въ карцеръ, куда послали воспитанника, положимъ за то, что онъ курилъ табакъ. Онъ сидитъ тамъ двое-трое сутокъ; его выпускаютъ. Зачѣмъ его, спрашивается, сажали въ карцеръ? Какая польза и какой смыслъ этого наказанія? Вѣдь онъ и послѣ карцера, при первомъ вольномъ шагѣ, закуритъ папиросу, да и въ карцерѣ пожалуй *затягивался*. Вѣдь почему онъ куритъ табакъ? Потому что у него есть табакъ; вотъ и уничтожьте причины проступка, слѣжайте такъ, чтобы онъ не имѣлъ табаку въ заведеніи, если ужъ не хотите, чтобы онъ курилъ табакъ. Это трудно слѣлать? тогда подумайте хорошенько, стоитъ ли еще и дѣлать; и если видите у него папиросу въ зубахъ, возьмите папиросу, возьмите отъ него всѣ папиросы и считайтесь съ нимъ нравственнымъ образомъ; но только пожалуйста не ведите его въ карцеръ, потому что впервыя вы сами косвеннымъ образомъ виноваты въ его проступкѣ, а вѣдь сами вы только провожаете его до карцера, и вторыхъ — карцеръ принесетъ ему не пользу, а вредъ. Мальчикъ напрасно потеряетъ время, можетъ-быть захвораетъ отъ невыносимой тоски, отъ нечего дѣлать подымется на какія-нибудь продѣлки; если онъ мальчикъ не дюжинный, впечатлительный и самолюбивый, — можетъ первый разъ натолкнуться на самыя печальныя мысли, которыя вполнѣдствіи, при подобныхъ обстоятельствахъ всегда будутъ преслѣдовать его, какъ демоны-искусители; и во всемъ этомъ уже прямо будетъ виновато одно наказаніе, которымъ ему мстятъ за его проступокъ. Еще весьма распространено наказаніе — лишеніе отпуска къ роднымъ. Наказаніе въ высшей степени нераціональное въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія. Никакое начальство не можетъ никогда такъ благотворно и энергично вліять на нравственное развитіе своего воспитанника, какъ семья на своего живого члена, ка-

кое бы нибыло отеческое начальство и какова бы нибыла семья. А какъ же можетъ отозваться на нравственномъ воспитаніи мальчика подобное наказаніе, разрывающее и оскорбляющее всегда живой и священный союзъ его съ семьей, прекращающее ему доступъ къ тому источнику, который всегда такъ благотворно вліяетъ на его нравственное воспитаніе? Притомъ въ наказаніи лишеніемъ отпуска воспитанника къ роднымъ, есть явная несообразность. Заведеніе должно имѣть отношенія къ воспитаннику, именно какъ къ *воспитаннику* своему, какъ къ мальчику извѣстныхъ способностей и наклонностей, какъ къ мальчику, опредѣленному въ училище для извѣстной опредѣленной цѣли, — а не какъ къ *сыну* извѣстнаго отца и матери, не какъ къ члену извѣстной семьи; сфера его сыновнихъ отношеній, равно какъ на примѣръ сфера его религіозной совѣсти, должна быть совершенно выдѣлена изъ-подъ администраціи заведенія. Нелогично ему, провинившемуся какъ лѣнивому, или дурному *воспитаннику*, отвѣчать и нести наказаніе какъ *сыну*, — можетъ-быть и примѣрному сыну. Дурныхъ же послѣдствій для него и послѣ этого наказанія равно можетъ быть очень много, какъ и послѣ всякаго другого наказанія.

Существуетъ въ нашихъ заведеніяхъ, по милости системы наказаній, еще одно обыкновеніе, парализирующее нравственное воспитаніе юношества, а не способствующее воспитанію. Это *табуилое* (извините за слово, оскорбляющее гуманное чувство) разбирательство дѣла, если сдѣлана шалость, а между тѣмъ виновный неизвѣстенъ. Въ такомъ случаѣ обыкновенно имѣютъ дѣло съ цѣлымъ *классомъ*, съ цѣлою *массою* воспитанниковъ и ведутъ съ ними сѣдующую нравственную рѣчь: «вы сами должны отыскать виновнаго или виновныхъ изъ среди-себя, а если нѣтъ, то мы не будемъ разбирать Сидора, Петра, Карпа, Ивана и Матфея, *не будемъ разбирать кто правъ и кто виноватъ, а накажемъ всѣхъ*», и дѣйствительно наказываютъ всѣхъ. Прежде всего что сказать о томъ, что *сами* воспитанники должны отыскать виновныхъ? Почему это они должны дѣлать дѣло начальства, или помогать ему?.. Далѣе, — кто это говорить: мы не будемъ разбирать *праваго и виноватаго*? Уже ли человекъ, поставленный нравственно воспитывать юношество? Чтоже послѣ такихъ словъ будутъ думать о воспитателяхъ воспитанники? Будутъ ли, да и могутъ ли воспитанники уважать ихъ? Итакъ чрезъ такой педагогическій образъ дѣйствования воспитатели сами себя нравственно унижаютъ предъ воспитанниками. Притомъ тѣ же воспитатели въ настоящемъ случаѣ нравственно унижаютъ и воспитанниковъ. Въ подобной ихъ тактикѣ весьма ясно проглядываетъ обидный, унижающій, обезличивающій взглядъ на воспитанниковъ,

какъ на безправную массу, какъ на *табуи* животныхъ, гдѣ не разбираютъ отдѣльныхъ экземпляровъ, и гдѣ по отношенію ко всѣмъ однѣ и тѣже мѣры, одинъ способъ дѣйствованія. Если виновные, которыхъ два-три невѣдѣны и товарищамъ своимъ и не называютъ сами себя, то благотворно ли подѣйствуетъ на многихъ отдѣльныхъ лицъ, совершенно невиновныхъ, то обстоятельство, что они будутъ терпѣть наказаніе совершенно невѣнно?.. Что сказать о такомъ образѣ дѣйствованія воспитателей, который лишомъ даже элемента юридической правды? Но положимъ товарищи нападуть на слѣдъ виновныхъ; сколько опять тутъ невѣдѣнно произойдетъ зла отъ ссоры товарищей виновныхъ съ невиновными! По этому поводу могутъ разсориться самые задушевные друзья. Сколько потомъ будетъ затаено враждебнаго чувства въ груди виновныхъ противъ нѣкоторыхъ изъ невиновныхъ, послѣ того какъ виновныхъ выдадутъ и начальство накажетъ ихъ еще строже! И проч. и проч.

Вотъ что такое система наказаній и к чему она всегда приводитъ. Между тѣмъ она органической, необходимый элементъ нашего воспитанія; безъ нея въ нашихъ заведеніяхъ педагогика не дѣлаетъ ни шагу. Легче представить преступника, помилованнаго за преступленіе чѣмъ школьника, ненаказаннаго за дѣтскую шалость. Откуда это и что за убѣжденіе такое, что ежели школьникъ напакоститъ, то и ему непременно нужно напакостить, и его доканать—такъ самого?! Развѣ эта своего рода месть, то воздаяніе зломъ за зло, можетъ воспитывать, можетъ исправлять? Впрочемъ извѣстно, откуда такіа убѣжденія: они отзываются добрымъ старымъ временемъ... Вспомнимъ мысль хоть божественнаго Платона, что наказаніе — это не только неизбежное *слѣдствіе* проступка, но даже *неотъемлемое право* виновнаго. Вспомнимъ культъ неумолимаго правосудія боговъ, древніе и не столь древніе. Вспомнимъ громоносныя слова Эммануила Канта, что еслибы завтра рушился весь міръ, то сегодня все—таки послѣдній виновный долженъ быть наказанъ. Зачѣмъ и долго ли будутъ оставаться эти призраки, когда въ человечествѣ засвѣтились великія имена: Бентама, Шопенгауера, Конта, Гутчесона, Оуэна, Литтре, Фурье, и другія современныя намъ?..

Наказаніе никогда не воспитываетъ и не можетъ быть элементомъ воспитанія. Но безъ системы наказаній не будетъ никакой возможности поддерживать въ заведеніи извѣстный внѣшній порядокъ, дисциплину. Настанетъ война всѣхъ противъ всѣхъ. Чѣмъ, скажутъ намъ, будете слерживать вы внѣшнее поведеніе воспитанниковъ въ извѣстныхъ границахъ?.. А зачѣмъ же вамъ и хлопотать очень о внѣшнемъ повеленіи воспитанниковъ? Не для

попарнаго же шествія, не для церемоніальныхъ выправокъ они живутъ у васъ. Притомъ развѣ только наказаніями, или страхомъ наказаній, развѣ только этими внѣшними и весьма нецеремонными стимулами вы удерживаете внѣшнее поведеніе воспитанниковъ въ извѣстныхъ границахъ?.. Хорошо же. Мы только съ своей стороны къ вашему же удивленію сильно сомнѣваемся въ этомъ. Воспитанники исполняютъ извѣстный внѣшній порядокъ въ своей школьной жизни тогда, когда *понимаютъ* или *испытываютъ* на *самомъ дѣлѣ*, что это хорошо для нихъ самихъ; на наказанія же они всегда смотрятъ какъ на несправедливую и случайную кару судьбы и не по нимъ располагаютъ жизнь свою... Если исполнять какую-нибудь отдѣльную статью заведеннаго порядка они не видятъ никакого резона и не ощущаютъ въ исполненіи ея никакой пользы для себя, то какимъ бы ни пришлось подвергаться имъ наказаніямъ, все-таки они весьма небрежно и неохотно будутъ исполнять ее. Всякій, кто сколько-нибудь знакомъ съ школьною жизнью, подтвердитъ это. И это понятно безъ фактовъ: требованіе воспитателей, подкрѣпляемое угрозами наказаній, не мирится въ настоящемъ случаѣ съ требованіями собственной природы воспитанника, и потому, исключая самые рѣдкіе отдѣльные случаи, вообще перевѣсъ будетъ конечно на сторонѣ природы. А такого рода отдѣльныхъ статей внѣшняго порядка школьной жизни весьма много. Объ этихъ именно статьяхъ влеть всегда дѣло въ тѣхъ случаяхъ, когда воспитатель говоритъ съ жаромъ воспитаннику: вы еще смѣете разсуждать? вамъ сказано и basta! и—тогда воспитанникъ, дѣйствительно, перестаетъ разсуждать и смотритъ на воспитателя изумленными глазами. Къ чему существуютъ такіа статьи въ правилахъ поведенія воспитанниковъ? А вѣдь, собственно для нихъ нужна, да только для нихъ и можетъ быть нужна, система наказаній... *Нравственное* поведеніе, правильное направленіе чувствъ, особенностей характера воспитанниковъ должно быть воспитываемо, да и достаточно всегда можетъ быть воспитано только нравственнымъ воздѣйствіемъ воспитателя. Нравственную силу воспитанника точно также нужно воспитывать, какъ и умственную. Какъ вы развиваете умъ воспитанника? Вы сначала сами уясняете ему, до послѣдней возможности дѣло, потомъ возбуждаете въ немъ его собственную умственную самостоятельность, и такъ какъ она слаба, то постепенно поддерживаете и укрѣпляете ее; по лучше ли, яснѣе ли, скорѣе ли въ самомъ дѣлѣ пойметъ воспитанникъ извѣстную объясняемую ему истину, если учитель пригрозитъ ему за непониманіе наказаніемъ и дѣйствительно накажетъ? Точно такимъ же образомъ воспитатель долженъ вліять и на нравственную сторону воспитан-

ника; точно также и тутъ, если воспитатель, самъ вліяя на чувство и особенности характера и воли воспитанника, исправляя его нравственную дѣятельность, вдругъ пригрозитъ ему наказаніемъ за извѣстный проступокъ и дѣйствительно накажетъ, то для нравственной силы, воспитанника, ненормально выразившейся въ проступкѣ, это рѣшительно все-равно. Она не исправится отъ наказанія, она только оскорбится и закружится отъ соприкосновенія съ грубымъ и чуждымъ себѣ элементомъ. Что же касается извѣстнаго порядка *внѣшняго* поведенія, то объясните воспитанникамъ, убѣдите ихъ здравымъ разсужденіемъ, что извѣстный порядокъ, для нихъ же самихъ — благо, польза, и что дѣйствительно рационально въ этомъ порядкѣ, въ чемъ они увидятъ дѣйствительную для себя пользу — то всегда будутъ они исполнять опять-таки безъ системы наказаній; система наказаній, повторяемъ, будетъ необходима только для тѣхъ отдѣльныхъ статей порядка, весьма впрочемъ многихъ, въ которыхъ воспитанники не увидятъ достаточно здраваго смысла и пользы для себя. Скажутъ, извѣстныя статьи педагогической практики, извѣстный образъ жизни воспитанниковъ должно устанавливать и обсуживать начальство, которое безъ этого не будетъ имѣть своей самостоятельности. Кто же спорить, что именно начальство должно *обсуживать* все; самостоятельность его и должна болѣе всего состоять въ томъ, чтобы дѣло обсуживанія не доставалось вмѣсто начальства на долю воспитанниковъ. Но вѣдь люди, которые будутъ спорить съ нами для поддержанія самостоятельности начальства, будутъ требовать, чтобы исполняемы были строго всѣ статьи внѣшняго порядка школьной жизни безъ разговоровъ о томъ, какая изъ нихъ рациональна, и какая нерациональна, и для этого признаютъ вполнѣ необходимую систему наказаній. Хорошо же, если начальство стремится къ такой капризной самостоятельности! Хорошо же, нечего сказать, если оно, только для поддержанія такой своей самостоятельности, будетъ сохранять систему наказаній!

Такимъ образомъ система наказаній въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ парализируетъ нравственное вліяніе воспитателей на воспитанниковъ, унижаетъ, какъ мы видѣли, и первыхъ и послѣднихъ. Поэтому весьма понятно, что нѣкоторые московскіе купцы съ недовѣріемъ взглянули на нравственное воспитаніе въ московскихъ гимназіяхъ и берутъ оттуда дѣтей своихъ. Въ новой, проектируемой ими гимназій, нравственные элементы будутъ конечно пониматься во всей широтѣ и высотѣ, ни въ какомъ случаѣ не будутъ сведены въ каталогъ узкихъ предписаній, въ перечень общепринятыхъ, узаконенныхъ давностію мелочей, и главное, по всей

вѣроятности, не будутъ вдавливаться въ ихъ дѣтей физическими принужденіями, системою наказаній... Мы горячо вѣрнимъ и сочувствуемъ этому, потомучто зачѣмъ было бы въ противномъ случаѣ московскимъ купцамъ брать дѣтей своихъ изъ гимназій?.. Совершенно незачѣмъ....

Въ *третьихъ*, нравственное состояніе въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ находится въ неудовлетворительномъ состояніи отъ такъ называемаго *надзирательства* въ томъ *statu quo*, въ какомъ требуютъ, чтобы оно существовало, и въ какомъ большею частию оно дѣйствительно и существуетъ. Определить должность надзирателя вѣдругъ въ краткихъ и опредѣленныхъ чертахъ—дѣло невозможное. Прежде всего онъ нравственный *воспитатель* юности, вообще контролирующій жизнь воспитанниковъ въ заведеніи, изучающій ее и влияющій на нее, смотря по степени собственнаго нравственнаго развитія. Потомъ — онъ надзиратель, который въ продолженіи двадцати-четырехъ часовъ долженъ *видимымъ* образомъ слѣдить за каждымъ шагомъ, каждымъ внѣшнимъ движеніемъ воспитанниковъ, вѣренныхъ ему, и смотрѣть притомъ за ними во всѣ глаза, чтобы, какъ говоритъ начальство, сами воспитанники видѣли, что неослабный надзоръ надзирателя не прекращается надъ ними ни на одну минуту. Вы ясно видите, что чрезъ это расширеніе надзирательской должности, къ прежнему чисто-*нравственному воспитательному* элементу уже примѣшался элементъ *полицейскій*, такъ что надзиратель оказывается уже и воспитателемъ и отчасти кварталнымъ надзирателемъ. Далѣе, онъ *гувернеръ*, подъ руководствомъ котораго идутъ приготовительныя домашнія учебныя занятія воспитанниковъ внѣ классовъ, — и *учитель*, потомучто за отсутствіемъ собственно-патентованныхъ учителей, обязанъ занимать ихъ классы. Потомъ онъ обязанъ смотрѣть за *одежею* воспитанниковъ, пересматривать ихъ сапоги, бѣлье, прическу, — по желанію воспитанниковъ, на ихъ деньги доставлять имъ булки, пирожное, — обязанъ укладывать ихъ спать и стараться не прозѣвать, чтобы они не просыпались раньше его; т. е., какъ сами видите, — онъ гувернеръ, весьма много смахивающій на *лакея и дядьку*. Можно и еще отыскать въ нашемъ надзирательствѣ нѣсколько сторонъ, но довольно и этихъ. Спрашиваемъ, возможно ли вообще какому бы то нибыло человѣку хоть на половину добросовѣстно исполнить подобную сложно-разнородную должность, исполнять только *вообще* количественно, не разговаривая пока, будетъ ли это исполненіе нравственно-благодѣтельно вліять на развитіе воспитанниковъ, или нѣтъ? Возможно ли представить въ человѣкѣ присутствіе такой счастливой и отчасти странной всесторонности, чтобы онъ безотлучно двадцать-

четыре часа могъ быть при воспитанникахъ, чтобы онъ могъ быть учителемъ *всѣхъ* наукъ, чтобы онъ былъ въ состояніи или захотѣлъ изъ человѣка съ высокими нравственно-воспитательными тенденціями тутъ же вдругъ превращаться въ полицейскую штучку, и быть отчасти лакеемъ и дядькой? Скажутъ, слишкомъ несправедливый и отжившій взглядъ, будто нравственное вліяніе надзирателя на воспитанниковъ можетъ страдать, если надзиратель въ тоже время будетъ заниматься мелочами внѣшней жизни воспитанниковъ, — будто занятіе подобными мелочами можетъ унижать самого надзирателя. Напротивъ, прибавятъ, чѣмъ цѣльнѣе, всестороннѣе вліяніе надзирателя, тѣмъ больше чести для него самого, тѣмъ больше нравственныхъ плодовъ для воспитанниковъ. Такое возраженіе совершенно справедливо съ общей гуманной точки зрѣнія на вещи; но не забудемъ, что мы стоимъ на частной и своеобразной *школьной* почвѣ. Конечно, никакого, самой высокой природы человѣка не унижить то обстоятельство, если онъ вычиститъ другому сапоги, не унижить ни предъ нимъ самимъ, ни предъ мною съ вами читатель, но всегда это обстоятельство унизило бы его въ глазахъ школьничковъ средняго учебнаго заведенія. Для рациональнаго взгляда на такія мелочи нужно вообще слишкомъ немелко быть развитымъ, ну а вѣдь отъ мальчишковъ-школьничковъ напрасно было бы этого требовать. Это только *мамашу* свою мальчикъ одинаково уважаетъ и любитъ, и въ то время когда она учитъ его молитвамъ, и въ то время когда моетъ ему шейку и причесываетъ головку, потомучто во всемъ этомъ ухаживаніи мальчикъ ощущаетъ нѣжное, сладостное родственное чувство; ухаживаніе же надзирателя, хоть бы оно дѣйствительно было ухаживаніемъ, хоть бы даже осмысливалось извѣстнымъ официально-отеческимъ чувствомъ, всегда для него не повутру, всегда вызываетъ въ немъ досаду, и главное, опошляетъ предъ его глазами личность самаго надзирателя. Въ школьной сферѣ вообще чѣмъ многостороннѣе будетъ служба надзирателя, тѣмъ меньше въ глазахъ воспитанниковъ она будетъ имѣть важности и значенія и тѣмъ меньше слѣдовательно принесетъ хорошихъ результатовъ. Всякій надзиратель есть человѣкъ съ извѣстными слабостями и недостатками, такъ какъ онъ поставленъ въ необходимость дѣйствовать на воспитанниковъ *всеми* родами вліяній, то этимъ самымъ поставленъ въ печальную необходимость сдѣлаться извѣстнымъ имъ со всѣхъ своихъ сторонъ и дурныхъ и хорошихъ; между тѣмъ школьники бѣдовый народъ и мигомъ *подымутъ на зубки* всѣ его слабости до единой. Мало этого, какъ лицо по отношенію къ нимъ все-таки стороннее, оппозиціонное, официальное и во всякомъ случаѣ не милое, онъ въ ихъ глазахъ превратится въ *воплощеніе*

однѣхъ именно слабыхъ своихъ сторонъ, которыми школьники и будутъ потомъ тѣшиться, совершенно оставляя въ сторонѣ — достойныя его стороны... Вотъ и ждите послѣ этого нравственныхъ результатовъ отъ вліянія надзирателя на воспитанниковъ! Надзиратель напрямѣръ пришолъ въ классъ вмѣсто отсутствующаго учителя и начинаетъ записываться съ воспитанниками. Если даже онъ знаетъ предметъ, которымъ пришолъ заниматься не хуже самого учителя (а это можетъ быть весьма рѣдко), то и тогда воспитанники смотрятъ на него все-таки *скептически*, слѣдятъ исключительно за новою его *ролюю*, а не за *содержаньемъ* его лекціи; для воспитанниковъ, слѣдовательно, пользы никакой, а для надзирателя, самое лучшее, если только онъ не провалится въ ихъ мнѣніи. А если онъ знаетъ предметъ похуже настоящаго учителя, или вообще знаетъ предметъ, но не сумѣетъ стать на точку зрѣнія прежняго учителя, или просто — будетъ выражаться иначе, нежели тотъ (что естественно почти всегда и бываетъ), то его кредитъ у воспитанниковъ на уваженіе къ себѣ мгновенно падаетъ: мальчишки просто начинаютъ диспутировать съ нимъ, да еще съ полнымъ сознаньемъ своего превосходства предъ нимъ, бѣднымъ импровизированнымъ учителемъ! Вотъ и опять ждите съ его стороны нравственнаго вліянія на воспитанниковъ, требуйте побольше нравственныхъ результатовъ! А каково дорого обходится надзирателю то требованіе его службы въ настоящемъ *statu quo*, что онъ безотлучно долженъ торчать при воспитанникахъ день и ночь! Прежде всего, для него это *физически* невозможно, и отлучаясь по необходимости, онъ долженъ *плутовать*, что конечно видятъ и понимаютъ воспитанники. Надзирателю напрямѣръ нужно нѣсколько разъ отлучиться покурить, два раза выпить чаю, есть и еще нужды, для которыхъ неизбѣжно ему отлучиться еще два раза. Кромѣ подобныхъ постоянныхъ нуждъ, могутъ быть еще нѣкоторыя случайныя. Далѣе, есть огромная *нравственная* невыгода для надзирателя быть при воспитанникахъ безотлучно сутки. Кто изучалъ человѣка съ его психической стороны, тотъ знаетъ, что въ одинаковомъ равномъ состояніи, въ одной и той же роли человѣку оставаться долго весьма трудно, а въ роли, требующей такой энергіи, такого общаго напряженія силъ, и притомъ такой продолжительной (сутки), какова роль надзирателя средняго учебнаго заведенія, даже совершенно невозможно. Это всякій надзиратель подтвердитъ своимъ собственнымъ опытомъ. Во все *продолженіе* дежурства ему весьма рѣдко бываетъ психически возможно остаться въ равномъ состояніи. Къ половинѣ и къ концу дня, его непремѣнно либо одолѣетъ утомленіе, и нападетъ на него апатія, либо онъ слѣзается раздражителемъ, досадливъ,

притирчивъ поэтому къ воспитанникамъ, даже несправедливъ. Судите опять, какіе отъ этого должны произойти результаты для его нравственнаго вліянія на воспитанниковъ. Но положимъ, для *надзирателя* весьма неудобно исполнять требованіе его службы, о которомъ мы говоримъ, но можетъ быть для *самихъ воспитанниковъ* исполненіе этого требованія благотворно? А вотъ посмотримъ, въ какой мѣрѣ оно благотворно и для нихъ. Можетъ ли заключаться что-нибудь существенно-благотворное въ томъ условіи школьной жизни воспитанниковъ, что они видятъ подлѣ себя надзирателя день и ночь, чувствуютъ себя связанными по рукамъ и по ногамъ, чувствуютъ какъ онъ слѣдитъ за каждымъ жестомъ, словомъ, шуткою каждаго изъ нихъ? Нѣкто весьма справедливо замѣтилъ, что человѣку весьма трудно оставаться *собою*, быть какимъ онъ обыкновенно бываетъ, когда ему извѣстно, что со стороны наблюдаютъ за нимъ. Чуть только въ мальчикѣ зародится искра сознанія, т. е. чуть онъ сознаетъ себя чѣмъ-то *отдѣльнымъ* и отъ вещей міра внѣшняго и отъ существъ, подобныхъ себѣ, у него въ то же время естественно и необходимо является потребность жить своею *отдѣльною*, единичною жизнію, не быть связаннымъ въ этой своей единичной жизни чужою волею, вообще внѣшними условіями, внѣшнимъ насиліемъ; это первое проявленіе въ немъ *человѣческой свободы*, которая въ свою очередь есть первое и существеннѣйшее условіе нормальной *человѣческой нравственности*. И вотъ это-то стремленіе быть *собою*, быть въ сферѣ своей единичной жизни, такъ-сказать одному безъ другого, эти первые росточки личной свободы и убиваются аргусовскимъ надзоромъ надзирателя. Надзиратель, котораго цѣль нравственное воспитаніе юношей, своимъ неослабнымъ надзоромъ самъ уничтожаетъ въ воспитанникахъ то, что больше всего, и скорѣе всего привело бы его къ его цѣли. Воспитанники отъ неослабнаго надзора надзирателя необходимо превращаются мало-помалу въ *лицемѣровъ*: тутъ въ жизни ихъ неизбежно развиваются до крайности два образа дѣйствій: либо замашка *скрытничать*, заператься донельзя, непризнаваться даже въ томъ что сейчасъ всѣ видѣли собственными глазами, либо страсть съ намѣреніемъ, или невольно *рисоваться* предъ надзирателемъ. Они непремѣнно живутъ двойственною жизнію: одною для самихъ себя, дѣтскою, искреннею, другою для надзирателя, фальшивою, *лицемѣрною*; они свыкаются мало-помалу съ этою жизнію, такъ что въ обыкновенную естественную ихъ жизнь превращается именно эта жизнь, неестественная, двойственно-лицемѣрная. Имъ до того противно, если надзиратель какъ-нибудь случайно увидитъ ихъ *самихъ по себѣ*, какъ они есть, что они совершенно возмущаются въ такихъ случаяхъ. Мальчикъ

напримѣръ забудется иной разъ и дѣлаетъ себѣ что-нибудь въ уголку такое, что совершенно не составляетъ шалости, но чего по вкоренившемся въ него въ школѣ обыкновенію, онъ никогда не сталъ бы дѣлать подлѣ глазомъ надзирателя. Если чрезъ нѣсколько времени онъ замѣтитъ, что надзиратель наблюдалъ и наблюдаетъ за нимъ, тогда онъ непремѣнно вспыхнетъ, покраснѣетъ, смутится, какъ-будто слѣлалъ какое-нибудь преступленіе. Да чего проще: мальчикъ напримѣръ почесалъ у себя сзади, — чтожъ, криминала нѣтъ никакого, а между тѣмъ, если это видѣлъ надзиратель, мальчикъ возмущается до крайности. Что это значить? Это именно и значить то, что воспитанники привыкли лицемѣрить, скрываться предъ надзирателемъ, а между тѣмъ въ приведенныхъ случаяхъ надзиратель засталъ ихъ наединѣ съ собою, безъ лицемѣрія; понятно отчего имъ неловко: они какъ-будто жалѣютъ объ этомъ. Отъ этого именно условія жизни, т. е. вѣчнаго неослабнаго надзора надзирателей, изъ нашихъ среднихъ *сельскихъ* школъ и выходятъ нерѣдко пассивныя, мелкія натуры, въ которыхъ фальшь не всегда потомъ уничтожается и такую великою школою, какъ *жизнь*. Хотя въ нихъ какъ-бы въ нѣкоторые живые чемоданы, каждый воспитатель и учитель и положилъ отъ себя нѣчто, но они большею частью остаются и навсегда чемоданами, безъ самостоятельно-выработанныхъ убѣжденій, безъ самостоятельно-развитаго благородства и правильной человѣческой чести. Чему же удивляться, если потомъ они совершенно равнодушно склоняютъ свою шею равно и для кулака и для искательства?.. А между тѣмъ нашъ попечительныя гимназическія начальства до сихъ поръ еще хлопочутъ, чтобы какъ-нибудь надзиратель не отошелъ отъ воспитанниковъ; они не могутъ быть спокойны, когда не увѣрены, что надзиратель дѣйствительно *надзираетъ*. Интересно обратить вниманіе на тѣ слова, которыми нѣкоторые мудрецы убѣждаютъ надзирателей неотходить отъ воспитанниковъ. «Вы когда-нибудь подлѣтите, — какой шумъ и гамъ бываетъ, чуть только вы отлучитесь», говорятъ они. Дѣйствительно, когда надзиратель уйдетъ, — все измѣняется, всѣ мальчики какъ-будто перерождаются. Да и еще бы: они вѣдь цѣлый день только и ждутъ, пока исчезнетъ этотъ чловѣкъ, котораго даже всѣ вишнія черты лица, всѣ особенности походки, голоса, пріемовъ давно уже опротивѣли имъ, который вообще *опошленъ* въ ихъ глазахъ до крайности. Ихъ лица веселѣютъ, движенія развязываются; они вполне отдаются искренней и шумной радости, почувявъ свободу. Они милы въ это время, и нравственнѣе, выше, чѣмъ когда-нибудь; только въ этомъ положеніи изъ нихъ и можетъ выйти семья братьевъ, а не толпа *школьниковъ*. Шумъ дѣйствительно бываетъ большой, но какой смѣлъ

имѣеть этотъ шумъ?.. Ясно, что фактъ, ради котораго начальство требуетъ безотлучнаго присутствія надзирателя при воспитанникахъ, громко говоритъ какъ-разъ противъ него. Теперь представьте себѣ положеніе надзирателя, вполне раціонально понимающаго свою должность, ясно вилящаго и глубоко сознающаго, что для него желѣно было бы дѣйствовать такъ, какъ требуетъ дѣйствовать *казенное* пониманіе его службы, но все-таки поставленнаго въ необходимость дѣйствовать по казенному! И представьте себѣ потомъ положеніе воспитанниковъ, которыхъ судьба надѣлила другого рода надзирателями, *примѣрными* надзирателями, которыхъ *точностью* любитъ начальство, поощряетъ ее и вполне удовлетворяется ею. Нечего сказать, — завидныя положенія и стоятъ одно другого!

Такимъ образомъ величайшая, благороднѣйшая и благодѣтельнѣйшая служба человечеству и обществу — служба воспитателя — въ нашихъ средне-учебныхъ свѣтскихъ заведеніяхъ, чрезъ присоединеніе въ ней къ чисто-воспитательному элементу совершенночуждыхъ и разнородныхъ элементовъ *дядьки* и *полицейскаго*, до того уничтожается, становится безсильною, противорѣчающею себѣ, что въ своемъ *statu quo* большею частію не воспитываетъ юношества, а скорѣе препятствуетъ его здоровому, нормальному воспитанію. Между-тѣмъ, повторяемъ, она можетъ-быть и всегда будетъ величайшею и благодѣтельнѣйшею службою, именно если очиститъ ее отъ чуждыхъ дѣлу воспитанія элементовъ. Пусть надзиратель не связываетъ воспитанниковъ по рукамъ и ногамъ своимъ постояннымъ видимымъ присутствіемъ, пусть напротивъ заботится о томъ, чтобы они вполне всегда были собою, отдавались своимъ природнымъ инстинктамъ, — пусть является въ ихъ кругъ только тогда, когда есть какая-нибудь опредѣленная нужда; но за то въ это время пусть сумѣетъ поставить себя, такъ невидимо овладѣтъ ихъ умами и волями, чтобы ихъ дѣйствія невольно сдерживались уваженіемъ къ нему, — чтобы и безъ него тяготѣло надъ нимъ его присутствіе, чтобы личность надзирателя была любимая и симпатичная личность, не опошленная и докучливая. Воспитаніе приметъ тутъ существенно иной характеръ: воспитанникъ будетъ вести правильный образъ жизни и развитія — самъ отъ себя, — по собственному состоянію и желанію, а не потому, что его будетъ подталкивать къ этому вѣчный его спутникъ — надзиратель. Дѣйствительно, много еще недостатковъ въ нашихъ гимназіяхъ и московскихъ и петербургскихъ и губернскихъ, но онѣ совершенствуются и нѣтъ сомнѣнія, что воспитаніе въ нихъ современемъ будетъ удовлетворительно. Теперь же, по нашему мнѣнію, московскіе купцы правы. Воспитаніе

въ гимназіяхъ еще очень плохо. Гимназія нашихъ реформаторовъ можетъ выйти и лучше. Особенно если они отрицаютъ современное гимназическое воспитаніе въ томъ именно смыслѣ, въ которомъ единственно можно отрицать его и который мы попробовали изложить въ этой статьѣ. Вѣдь не новую же, небывалую свѣтскую бурсу хотятъ сочинить наши реформаторы изъ своей новой гимназіи? Вѣдь не о новыхъ же «Бурсацкихъ типахъ» хлопочутъ они въ самомъ дѣлѣ? Это было бы такъ нелѣпо, что и возможности этого вѣрить не хочется... А впрочемъ... А впрочемъ подождемъ и увидимъ. *Finis coronat opus.*

М. РОДЕВИЧЪ

ЩЕКотЛИВЫЙ ВОПРОСЪ

СТАТЬЯ СО СВИСТОМЪ, СЪ ПРЕВРАЩЕНІЯМИ И ПЕРЕОДЪЗВАНІЯМИ

Въ нашей литературѣ раздался недавно очень щекотливый вопросъ, именно: «кто виновать?» Это «кто виновать?» крикнуло недавно «Современное Слово» и его крикъ немедленно слился съ безчисленнымъ хоромъ тѣхъ голосовъ, которые давно уже спрашиваютъ и справляются, кстати и некстати: «кто виновать?» Ктожъ наконецъ виновать? Статья «Современнаго Слова» продолжалась четыре номера (1); ее многіе читали съ жадностію; мы тоже съ крайнимъ любопытствомъ прочли ее и все-таки не узнали кто виновать. Мало того, намъ показалось, что вопросъ поставленъ сбивчиво и что дѣло затемняемо. Оговоримся: мы вовсе не хотѣли нападать на «Современное Слово». Вопросъ конечно поставленъ неточно, но намъ понятна и цѣль, съ которой онъ такъ поставленъ. Тутъ точность сознательно была пожертвована извѣстному результату. Собственно съ этой точки зрѣнія все ясно. Но вопросъ въ томъ: можно ли такимъ способомъ достигать извѣстныхъ и заранѣе поставленныхъ результатовъ? Достигаетъ ли наконецъ статья какого-нибудь результата? Такой вопросъ показался намъ въ своемъ родѣ любопытнымъ. Мы соображали, подводили, рѣшали, и въ некоторую часть нашихъ выводовъ хотимъ теперь сообщить нашимъ читателямъ. Но прежде всего изложимъ содержаніе статьи «Современнаго Слова».

Въ послѣднее время раздавались повсемѣстно крики, обвинявшіе нашу молодежь; раздаются и теперь. Худо то, что рядомъ съ дѣльными, заботливыми вопросами нерѣдко раздавались и предположенія опасныя, нецѣльныя, вредныя, которые были даже гораздо вреднѣе для самихъ обвинителей, чѣмъ для обвиненныхъ. Нелѣпица

(1) - Современное Слово - №№ 99, 100, 101, 102.

подобныхъ обвиненій падаетъ каждую минуту и современемъ падеть окончательно, а нелѣпность вныхъ обвинителей перейдетъ въ исторію. Это хоть бы и ничего, въ исторію-то, но вѣдь и современное мнѣніе высказывается. Оно есть и теперь. Нѣкоторые даже рады были приписать все зло молодежи, и конечно на этомъ одномъ не успокоились. Естественно, что тотчасъ же и самъ собою, во всемъ обществѣ, возникъ вопросъ: «Ктожъ виноватъ? Кто наущалъ молодежь и съ пути ее совращалъ?» Эти вопросы раздались и въ литературѣ; посыпались яростныя обвиненія и обличенія. Но замѣчательно, что изъ всѣхъ яростныхъ особенною яростію отличались именно тѣ, которые чувствовали, что у нихъ самихъ рыльце вашло въ пушку. Они искали виновныхъ всюду, и вблизи и вдали, ругались, изъ себя выходили и кричали такимъ голосомъ, что ихъ чуть не въ Парижѣ было слышно. Къ нимъ приставало все болѣе и болѣе литературнаго народу (чтожъ дѣлать, мода!) и еще недавно Николай Филиповичъ Павловъ бросилъ всему этому народу, всему этому новому направленію и новому слову свое горькое слово проклятій, свой стихъ.

Облитый горечью и злостью,

т. е. хоть и не стихъ, а проза, но эта проза стоитъ стиха. Онъ говоритъ въ своемъ объявленіи объ изданіи газеты «Наше Время» въ 63 году слѣдующее:

«Въ литературѣ и въ настроеніи общества произошла перемѣна. Разные общественные вопросы выяснились. Теперь въ нашемъ смыслѣ говорятъ столько голосовъ, что мы боимся остаться назад и уступить имъ въ рвеніи.»

Такая филиппика отъ Николая Филиповича многозначительна. Его обвиняютъ что онъ ретроградъ. Намъ кажется что къ Николаю Филиповичу такое слово какъ-то нейдетъ: не по носу табакъ. Впрочемъ положимъ, что онъ и дѣйствительно ретроградъ, если судить его теперь сравнительно съ его прежней дѣятельностью въ то молное прогрессивное время лѣтъ пять тому назадъ, когда роль прогрессиста сулила почетъ и выгоду. Но къ обвиненіямъ въ ретроградствѣ онъ кажется совершенно равнодушенъ. Есть такіе люди, которые не только не жмутся отъ иныхъ обвиненій, но отъ этого цвѣтъ лица у нихъ становится лучше. Покрайней-мѣрѣ обвиненія сходили съ него какъ съ гуся вода. Разумѣется защита его одна, какъ и у всѣхъ въ такихъ случаяхъ: «говорю дескать по убѣжденію». Мы не споримъ и о томъ, что г. Павловъ былъ убѣжденъ; даже обходимъ вопросъ: чѣмъ именно онъ былъ убѣжденъ? Вѣдь намъ лично никакого и дѣла-то нѣтъ собственно до г. Павлова

и его убѣжденій. Заинтересовало насъ только теперешнее интересное его положеніе: вдругъ такой человекъ, какъ онъ, начинаетъ замѣчать, что многіе, даже изъ тѣхъ самыхъ, которые еще такъ недавно смотрѣли на него свысока, которые подчасъ изливали на него свою жолчь, свой ядъ и насмѣшки, что тѣ самые рвутся теперь въ запуски, чтобъ говорить и писать въ томъ же тонѣ и духѣ какъ онъ. Мало того: рвутся до такой степени, что онъ уже опасается, чтобъ эта накинувшаяся вдругъ толпа не оттерла его со всѣмъ отъ тѣхъ благъ и плодовъ, которые онъ завосвалъ своимъ литературнымъ талантомъ. Онъ боится за свою литературную идею, за свою литературную собственность; ею пользуются, ее расхищаютъ и вотъ, съ горькимъ смѣхомъ онъ принужденъ свидѣтельствовать, что онъ, онъ самъ, боится отстать отъ новыхъ литературныхъ талантовъ, онъ! отстать!!! Развѣ это не стоитъ стиха, облитая горечью и злостью? развѣ это не демоническій хохотъ изъ Москвы? развѣ это не монологъ московскаго въ нѣкоторомъ ролѣ Гамлета надъ черепомъ Юрика, королевскаго шута:

«Ахъ бѣдный Юрикъ! Зналъ я его, Горацио; онъ былъ весельчакъ и умница...»

Шутъ Юрикъ, разумѣется представляетъ въ этомъ случаѣ русскую литературу. Весельчакъ! Умница! Даже самъ г. Краевскій, пашневиннѣйшій г. Краевскій, который вовсе никогда не бывалъ ни весельчакомъ, ни... ну и такъ далѣе (1), даже и г. Краевскій, и тотъ кричитъ въ своемъ пискливомъ объявленіи о «Голосѣ», что отказывается отъ республики, что онъ не хочетъ вторично впасть въ ошибку, которую уже до него сдѣлала Франція. Моргентъ-Фри, дескать, теперь ужъ не надуешь Андрея Александровича. Какъ будто онъ былъ надутъ и прежде! Какъ будто и прежде-то кто-нибудь стоялъ собственно за республику! Какъ будто собственно республики искала и добивалась Франція въ сорокъ восьмомъ году? Какъ будто республика желаетъ кто-нибудь и теперь! О невинность! о рутиня рутинъ! Но... это все покамѣстъ въ сторону. Мы остановились на томъ, что повсемѣстно у насъ раздались вопросы: кто виновать? Затѣмъ стали искать виноватыхъ. Затѣмъ стали намекать, указывать, обличать. Ярость распространялась все сильнѣе и сильнѣе; иныхъ и не спрашивали, но они лѣзли сами. Иныхъ обвиняемыхъ, особенно такихъ, которые почему-либо не могли защищаться, окричали наиболѣе, даже съ ругательствами. Всѣхъ злѣе

(1) Въ своей литературной дѣятельности разумѣется; никогда не позволимъ мы себѣ коснуться частной жизни литературныхъ дѣятелей нашихъ, ибо она для насъ священна

въ этомъ смыслѣ работалъ профессоръ отъ литературы «Русскій Вѣстникъ» и его редакторъ г. Катковъ. И вотъ теперь «Современное Слово», занявшись окончательно формулированіемъ и рѣшеніемъ этого вопроса, выводитъ презабавную вещь: именно что г.—то Катковъ и былъ родоначальникомъ всѣхъ нашихъ злокачественныхъ увлеченій; что онъ, онъ — главнѣйшій преслѣдователь виновныхъ, такъ—сказать Немезида всѣхъ неблагомыслящихъ, сыщикъ и изобличитель преступниковъ, совлекавшихъ нашу молодежь съ пути истиннаго, что онъ, этотъ самый г. Катковъ и есть этотъ самый главный преступникъ; что онъ началъ первый, что примѣромъ своимъ онъ расплодилъ и послѣднихъ, что отъ него весь сыр-боръ загорѣлся, что наконецъ и такъ далѣе, и такъ далѣе, и такъ далѣе. Надо отдать справедливость «Современному Слову»: процессъ г. Каткова изложенъ чрезвычайно ясно, удовлетворительно, изобличительно и поразительно. Съ поразительною ясностію выводится, какъ, еще въ древнія времена, во времена баснословныя, тотчасъ же послѣ осады Трои, — виновать, — Севастополя, начался «Русскій Вѣстникъ» въ Москвѣ. Общій духъ всѣхъ русскихъ былъ тогда настроенъ и разстроенъ въ высочайшей степени! Требовали реформъ, заговорили о злоупотребленіяхъ, рѣшали колоссальныя вопросы въ одинъ присѣсть, преслѣдовали г. Владиміра Зотова, рѣшались докопаться до корня, откопать этотъ корень, и ничего не выкопали. Чтобъ откопать этотъ корень и начался «Русскій Вѣстникъ», съ англійскимъ началомъ и проборомъ въ Москвѣ

.... Какъ провозвѣстникъ
Московскихъ думъ и англійскихъ началъ.

«Современное Слово» съ необыкновенною послѣдовательностію повѣствуетъ какъ «Русскій Вѣстникъ», соблазнилъ сначала все поколѣніе и всю молодежь развратной картиной англійскихъ началъ, а уже потомъ началъ проповѣдывать и московскія думы. Затѣмъ «Современное Слово» приступаетъ къ исторіи московскихъ думъ и проникаетъ при семъ даже въ самую таинственную сущность вещей. Мало того: пускается въ археологическія изысканія, страхая пыль съ древнѣйшихъ хартій и цитуетъ древнѣйшихъ мудрецовъ, такъ сказать Гостомысловъ «Русскаго Вѣстника», а именно Николая Филиповича Павлова, г. Леонтьева, г. Байбороду, и проч., и проч. Страхнули даже пыль съ мирнопочивающихъ, но незабвенныхъ статей г. Громеки «О полиціи виѣ полиціи». Привели цитаты изъ «Біографа—оріенталлиста» и «Чиновника» — статей драгоцѣнныхъ и наполнившихъ въ свое время весь міръ изумленіемъ. Какъ жаль, что ничего не цита-

ровали при семъ удобномъ случаѣ изъ замѣчательной статьи того же автора о дерзости и нечѣстности посыпанья пескомъ московскихъ тротуаровъ въ іюлѣ мѣсяцѣ. Ужъ все бы одно къ одному! Наконецъ, къ довершенію картины, изображено было пространно и тоже съ поразительной ясностью, какъ г. Катковъ, столь заботящійся о сохраненіи невинности и нравственнаго цѣломудрія учащихся юношей, заботящійся объ укорененіи въ ихъ сердцахъ почтительности къ профессорамъ и авторитетамъ, и обличающій всѣхъ тѣхъ, которые лишь подозрѣваемы были въ соблазнѣ невинности этихъ отроковъ, — какъ этотъ же самый г. Катковъ, единственно изъ удовольствія повредить профессору Крылову, пошлялъ, допускалъ и поощрялъ въ своемъ журналѣ статьи, которыя именно вели къ возбужденію юношества противъ ихъ наставниковъ и учителей, и тѣмъ самымъ зарождалъ скептицизмъ, цинизмъ и нигилизмъ въ ихъ сердцахъ, достойныхъ лучшей участи. И такъ далѣе, и такъ далѣе, всего не пересчитаешь; однимъ словомъ изъ четырехъ номеровъ «Современнаго Слова» выходитъ ясно какъ день, что г. Катковъ, выдающій теперь себя въ нѣкоторомъ смыслѣ за генія хранителя нашего, грѣшнѣе того козла, на которомъ исповѣдывались древніе евреи, а потомъ навьюченнаго грѣхами своими пускали въ степь. Родоначальникомъ всѣхъ винъ и провинностей, всѣхъ прогресистовъ и нигилистовъ нашихъ, «Современное Слово» выставляетъ г. Каткова, великодушно щадя при семъ случаѣ товарища и сотрудника его, г. Леонтьева. Послѣ всего этого отвѣтъ на вопросъ становится ясенъ! Вопр. Кто виновать? Отв. Катковъ.

Вотъ безпристрастное и повозможности полное извлеченіе статьи «Современнаго Слова.»

Какой же вопросъ зародился у насъ послѣ этой статьи? Мы упомянули, что и мы начали соблазняться многоразличными вопросами и привели одинъ изъ этихъ вопросовъ: достигаетъ ли такая статья хоть какого-нибудь результата? Въ самомъ дѣлѣ: что руководило публициста? Къ какой цѣли стремился онъ? Неужели къ одному только скандалу? Но вѣдь это все равно, что искусство для искусства. А ужъ выше позора, какъ служить искусству для искусства, въ наше время не существуетъ.

Замѣтимъ, что мы уже не станемъ теперь распространяться о томъ, что самъ по себѣ вопросъ неясенъ и поставленъ сбивчиво, хотя мы и упомянули объ этомъ вскользь на первой страницѣ и хотя матерья эта очень интересная. Въ самомъ дѣлѣ, если уже сказано: «кто виновать?» значитъ несомнѣнно признается существованіе «вины», а если признается существованіе «вины», значитъ

допускается и виновникъ, какъ отдѣльное лицо, какъ единица. Такъ и дѣлаетъ «Современное Слово», называя и допуская виновника. А это невозможно. Виновника при такой постановкѣ вопроса найти трудно; тутъ можно еще, пожалуй, допустить зло, но не вину, слѣдовательно нельзя найти и первоначальнаго виновника. Въ этомъ смыслѣ г. Катковъ въ виновники не годится, — ни г. Катковъ, ни Бѣлинскій, ни ктобы-то нибылъ. Въ этомъ столько же какъ и они виноваты и Пушкинъ, и Фонъ-Визинъ, и Кантемиръ, и Ломоносовъ. Пойдемъ дальше: Столько же, именно столько же, если не больше, виноваты и Лапласъ, и Галлейи Коперникъ. Это дѣло — клубокъ. Тутъ дѣйствительно можно добраться до Аргонавтовъ, или покрайней-мѣрѣ до призванія трехъ князей варяжскихъ, до сихъ поръ невзвѣстно откуда.

Намъ можетъ-быть и очень бы хотѣлось распространиться на эту тему побольше, но разныя обстоятельства мѣшаютъ на этотъ разъ. Кому же насъ особенно привлекаетъ вышеставленный вопросъ о цѣли статьи «Современнаго Слова», о чемъ мы уже и начали говорить. Мы упоминали о скандалѣ; но мы первые и отвергаемъ эту причину. Статья слишкомъ серьезно и горячо написана. Тутъ цѣль была другая. Какая же? Неужели «Современное Слово» имѣло въ виду подѣйствовать на самого г. Каткова лично, на его сознаніе, совѣсть, упрекнуть его, убѣдить его и вывести на путь истинный? Нѣтъ, и такая цѣль была бы нелѣпою. Такіе господа, какъ г. Катковъ, не выводятся такими путями на путь истинный. Приемъ совершенно не тотъ. Но если и это не такъ, то не имѣло ли въ виду «Современное Слово» подѣйствовать своими доводами на иныхъ специалистовъ, чтобъ имъ помочь и направить ихъ при рѣшеніи иныхъ вопросовъ? Но, сколько мы можемъ судить, специалисты такихъ извѣщеній въ руководство не принимаютъ и ими никогда не стѣсняются. Однимъ словомъ, чтобъ не перебирать всѣхъ нашихъ догадокъ, скажемъ одно: мы остановились на единственно-возможной причинѣ, а именно: цѣль «Современнаго Слова» была — доносъ публикѣ. Такъ-таки формальный доносъ, для настоящаго и полнаго обличенія настоящихъ виновниковъ дѣла, виновниковъ разумѣется въ смыслѣ «Современнаго Слова». Такіе доносы и извѣщенія разумѣется сами посебѣ допускаются, потому что представляются всей публикѣ. Они — гласность, обличенье, они даже иногда необходимы. Представляется характеръ и образъ дѣятельности извѣстныхъ лицъ, вѣрно рисуется эта дѣятельность, выводится абсурдъ и зазоръ этой дѣятельности, и все это, по возможности, освѣщается бенгальскимъ огнемъ, для удобства разсматриванья.

Но если и такъ, что же выходитъ и изъ этого? Неужели въ самомъ

дѣлѣ «Современное Слово» работало только для того; чтобъ изобличить г. Каткова лично и выставить всю его суть. Но если такъ, то понашему, оно оказало г. Каткову даже услугу. Вопросъ теперь именно такъ поставленъ, что г. Катковъ имѣеть превосходный предлогъ отвѣчать на него со всѣми выгодами на своей сторонѣ, между прочимъ и потому, что вопросъ заданъ ему въ самомъ крайнемъ видѣ:

— Ты виноватъ? признавайся.

— Кто, я виноватъ? можетъ спросить г. Катковъ, — въ чемъ? въ томъ, что отъ меня сыр-боръ загорѣлся? — Хорошо, пусть; но вѣдь я раскаялся. Въ томъ ли, что я преслѣбую теперь моихъ же послѣдователей? Но чѣмъ же другимъ могъ бы я сильнѣе заявить мое раскаяніе, заявить поворотъ въ моихъ убѣжденіяхъ? Преслѣбую зло, — значить ненавижу его; преслѣбую моихъ же послѣдователей, — значить преслѣбую самого себя за прежнюю дѣятельность. Въ томъ ли, что я перемѣнилъ убѣжденія, но.. »

Но тутъ намъ внезапно представилась другая картина. Это было видѣнье, сонъ, мечта, что угодно, но фактъ тотъ, что она намъ представилась. Предъ нами явилась величественной архитектуры, блистательно освѣщенная огнями. Что это: клубъ, манежъ, парламентъ? Нѣтъ, это не парламентъ; пьютъ и ѣдятъ, а въ парламентѣ только говорятъ. Длинные столы тянутся черезъ всю комнату, а за столами сотни гостей. Это вѣрно какой-нибудь обѣдъ по подпискѣ, что-то торжественное, клубное, пахнетъ митингомъ. Кухать кончили, но по британскому обычаю все еще пьютъ. Вдругъ подымается издатель журнала и просить слова. Онъ желаетъ самъ передъ почтеннымъ собраніемъ изложить свое дѣло; онъ хочетъ объясниться; онъ говорить, что его принуждаютъ къ тому его обвинители (слушайте, слушайте!) онъ присовокупляетъ, что ихъ находится немало и въ числѣ гостей... (шумъ), что вся Москва, а слѣдовательно и вся планета интересуются рѣшеніемъ вопроса. (Слушайте, слушайте!) онъ хочетъ сказать рѣчь... (браво! bis!) Раздаются вопли одобренія и радости. Поспѣшно назначается президентъ (лицо безъ рѣчей и занимающееся римскими древностями), воздвигается трибуна. Ораторъ всходитъ на нее съ торжественною важностью. Онъ бодръ, въ лицѣ его сіяетъ самоувѣренность; нѣсколько насмѣшливая, но чрезвычайно идущая къ дѣлу улыбка бродитъ на губахъ его. Онъ прилично щуритъ глаза, пытливо обводитъ взглядомъ все общество и нѣсколько минутъ наблюдаетъ молчаніе. Въ это время усиліями президента и нѣсколькихъ лжентльменовъ, его помощниковъ, молчаніе и тишина возобновляются. Взоры всѣхъ жадно устремлены на оратора. Онъ начинаетъ:

Милорды и господа!

Я намѣренъ говорить о себѣ. Меня побуждаютъ къ тому мои обвинители. Не думайте впрочемъ, что я хочу защищаться, оправдываться. О нѣтъ! Я просто хочу поговорить о своихъ дѣлахъ, такъ, послѣ обѣда, такъ сказать за бокаломъ вина. Очень пріятно говорить о себѣ въ такомъ почтенномъ собраніи. Но не думайте однакоже, что я особенно люблю говорить о себѣ. Не скрою, я самолюбивъ и очень люблю помечтать иногда о своемъ значеніи и о своей славѣ. Но говорить, — о, я говорю только въ рѣдкихъ случаяхъ, когда надо, такъ сказать, выпалить изъ пушки, когда надо раздавить, скосить, уничтожить. И я раздавливаю, скашиваю и уничтожаю. Но къ чему скрывать? Признаюсь вполне: если я взойду теперь на эту трибуну и объявлю, что начну говорить о дѣлахъ моихъ, и о себѣ лично, то единственно въ томъ убѣжденіи, что такимъ разговоромъ доставлю необыкновенное удовольствіе всему почтенному собранію (шумъ). Скажу болѣе: я увѣренъ, что съ тѣхъ поръ, какъ стали существовать на свѣтѣ собранья, клубы, парламенты, митинги и проч., не было и не будетъ предмета болѣе интереснаго, любопытнаго, важнаго и благороднаго, какъ тотъ, о которомъ я намѣренъ сейчасъ повести рѣчь передъ почтеннымъ собраньемъ.

(Начинается страшный шумъ. Нѣсколько сотъ членовъ собранья режутъ во все горло. Президентъ тщетно звонитъ въ колокольчикъ. Шумъ не утихаетъ. Во все это время ораторъ гордо стоитъ въ благородной позѣ и синхронительно улыбается. Онъ не сердится за шумъ и какъ-бы любитъ его; онъ увѣренъ въ побѣдѣ. Лѣвая рука его опирается на столъ, правая заложена за жилетъ. Но въ собраньи чрезвычайно много приверженцевъ и обожателей оратора. Мало-помалу они одерживаютъ верхъ и шумъ затихаетъ. Нѣсколько ярыхъ прогрессистовъ съ лѣвой стороны еще долго не могутъ успокоиться. Особенно отличается своимъ волненіемъ одинъ джентльменъ изъ нигилистовъ, съ растрепанными волосами, крайній лѣвый. Онъ рѣшительно не можетъ успокоиться. Ораторъ приглядываетъ къ глазу стеклышко и минуту двѣ его разсматриваетъ какъ букашку. Повидимому это выводитъ противниковъ его изъ послѣдняго терпѣнія. Раздаются возгласы: «Ретроградъ! отступникъ! милордъ!» Но молчаніе все-таки наконецъ восстанавливается и ораторъ продолжаетъ, уже увѣренный въ побѣдѣ).

Милорды и господа! Я совершенно былъ увѣренъ, что вы затѣете изъ-за моихъ словъ шумъ, и вовсе не сердитесь за него. Не

думаю, рѣшительно не думаю, чтобъ я хоть чѣмъ-нибудь могъ нарушить законы парламентскихъ формъ. Они для меня священны. Прошу вникнуть въ дѣло: я признаюсь, что очень уважаю себя и считаю свои интересы выше всего на свѣтѣ. Но развѣ найдется здѣсь хоть одинъ нобльменъ, изъ всего почтеннаго собранья, который бы не уважалъ себя и не считалъ своихъ интересовъ выше всего на свѣтѣ? Чтоже, если я сверхъ того признаюсь, что не только люблю и уважаю, но даже нѣсколько обожаю себя? Скажу болѣе: я даже желаю, чтобъ всѣ обожали меня и считаю, что это только мнѣ должное. Обращаюсь опять къ почтенному собранью: есть ли здѣсь хоть одинъ нобльменъ, который бы не желалъ себѣ того же самого? Вся разница въ томъ, что я говорю объ этомъ публично, а другіе нѣтъ, потомучто не умѣютъ говорить о себѣ публично. Но впервыхъ, почему же не говорить объ этомъ публично? Всякій британецъ имѣетъ привилегію оригинальности. Я хочу говорить то, что думаю, и увѣренъ, что выражая мнѣніе о важности моеѣ особы и моихъ интересовъ, не только не манкирую передъ почтеннымъ собраніемъ, но даже дѣлаю ему честь моею снисходительною откровенностью.

Голосъ съ правой стороны (*сквозь зубы*). Остроумно и... и... и забавно.

Другой голосъ. Чувства настоящаго британца.

Лицо оратора выражаетъ ощущеніе удовлетвореннаго самолюбія. Собранье очевидно склоняется, въ о громадномъ большинствѣ, въ его пользу, а на лѣвой сторонѣ ропотъ усиливается. Начинаятъ кричать: «безъ лишнихъ словъ, безъ фразерства! къ вопросу, къ вопросу!»

Ораторъ. Начну съ необходимыхъ объясненій. Я даже занимался литературой. Я перевелъ Ромео и Джульету, я написалъ еще одну статью, кажется о Пушкинѣ. Я писалъ еще... но право я уже забылъ, объ чемъ я писалъ. Тѣмъ неменѣе мнѣ очень хотѣлось быть извѣстнымъ. К чему ложная деликатность: я откровенно считалъ себя и считаю выше всѣхъ моихъ современниковъ. Надѣюсь, что никого не оскорбляю въ почтенномъ собраньи. Но случая для меня не было. Онъ наступилъ во время нашего всеобщаго обновленія. Я затѣялъ тогда мой удивительный журналъ, и пустилъ въ ходъ англійскія начала. Само собою, что я тотчасъ же завоевалъ значеніе, деньги и безсмертную славу. И вдругъ, теперь, нѣсколько страннѣхъ джентльменовъ (не скажу жалкихъ, хотя и сожалѣю о нихъ) объявляютъ... намекаютъ... однимъ словомъ, вздумали нафискалить на меня публикѣ и доносить, что я веду дѣла свои во

последними вопросами несовѣсть... какъ бы это выразиться по-натиѣ... однимъ словомъ, будто бы несовѣсть честно.

Разъяренный нигилистъ съ лѣвой стороны громкимъ голосомъ : «совѣсть нечестно!»

Ропотъ пробѣгаетъ по собранью. Ораторъ нѣсколько смущается отъ такого прямого и громкаго восклицанія. Улыбка впрочемъ не сходитъ съ устъ его. Разъяренный членъ, чувствуя что совершилъ подвигъ, смотритъ на него отчаянно, прямо въ упоръ. Воздается глубокое молчанье. Всѣ ждутъ съ напряженіемъ, чѣмъ разрѣшится ссора.

Ораторъ (*сдержаннымъ, но глубоко внушительнымъ голосомъ*) : Я не вслушался и желаю, чтобъ почтенный членъ повторилъ слова свои.

Нигилистъ (*громовымъ и страшно ошущительнымъ голосомъ*) : На вашу уклончивую фразу : «несовѣсть честно», я возражалъ, что совѣсть нечестно! Ну, что вы на это скажете?

Ораторъ. Въ такомъ случаѣ я принужденъ обратиться къ нашему почтенному спикеру и препоручить ему спросить у почтеннаго члена : въ обидномъ или не въ обидномъ для меня смыслѣ сказаны слова его?

Нигилистъ. Пусть повинаемъ какъ захочетъ, въ какомъ угодно смыслѣ.

Ораторъ. При всемъ уваженіи къ почтенному члену, я не могу удовлетвориться его отвѣтомъ, и потому принужденъ снова угрождать высокороднаго спикера. Я желаю положительно знать : въ обидномъ или не въ обидномъ смыслѣ сказаны были слова почтеннаго опонента?

Нигилистъ (*сверкая глазами и стукнувъ кулакомъ объ столъ*) : Въ обидномъ! и жалѣю что не могу еще сильнѣе выразиться.

(Сильный шумъ. Нигилистъ вскакиваетъ съ мѣста, какъ бы не помня себя отъ ужаса. Ораторъ, хотя нѣсколько блѣдный, еще разъ спокойно обращается къ спикеру).

Ораторъ. Въ такомъ случаѣ я долженъ особенно просить уважаемаго друга моего передать почтенному опоненту, что я, къ величайшему моему сожалѣнію, долженъ буду немедленно упомянуть о четвертакѣ, внезапно провавшемъ со стола редакціи.

Неистовый шумъ. Опонентъ въ высшей степени ярости. Его усмиряютъ всѣми средствами. Кричатъ со всѣхъ сторонъ, что онъ ибѣгаетъ, что чрезъ него можетъ прекратиться рѣчь, чтобъ онъ убирался вонъ. «Вонъ его, вонъ!» Прогрессисты на этотъ разъ уступаютъ. Ораторъ пылливо и съ достоинствомъ оглядывается со-бранью.

Нигилистъ (*въ волненіи съ видимымъ отарженіемъ*). Я говорилъ не въ обидномъ, а во всеобщемъ смыслѣ.

Ораторъ (*съ ложностью*): Въ такомъ случаѣ я объявляю почтенному члену, что съ своей стороны готовъ взять назадъ вопросъ о внезапно пропавшемъ четвертакѣ.

Нигилистъ. Отвяжитесь съ вашимъ четвертакомъ!.. Я говорилъ не въ обидномъ, а во всеобщемъ смыслѣ и...и довольно съ васъ!

Ораторъ торжествуетъ, и объявляетъ, что онъ совершенно доволенъ; онъ предлагаетъ даже выпить съ почтенымъ оппонентомъ рюмку вина. Оппонентъ что-то рычитъ про себя въ знакъ согласія. Поднимаютъ бокалы, выпивается вино. Спокойствіе восстанавливается совершенно. Ораторъ продолжаетъ внушительнымъ голосомъ, ударяя на каждомъ словѣ :

— Итакъ я говорилъ, что нѣсколько странныхъ, скажу болѣе, — жалкихъ (язвительно смотря на нигилиста) вредныхъ, сумасшедшихъ крикуновъ, (надѣюсь, что слова мои не могутъ быть приняты за личную обиду почтенымъ оппонентомъ) вздумали стоять на томъ, что будто бы я поступаю теперь не совсѣмъ честно. Да, не совсѣмъ честно; я стою на выраженія хотя можетъ быть оно все еще не имѣетъ счастья нравиться почтенному лжентльмену. Но на чемъ же основываются ихъ обвиненія? Впервыхъ, если я и проповѣдывалъ англійскія начала, то ктоже увѣрилъ ихъ, что и поступать буду по этимъ началамъ? (Смѣхъ.) Но это въ сторону. Это только вопросъ о свободѣ личности и дѣйствій. Признаюсь, я до такой степени презираю всѣхъ моихъ обвинителей, настоящихъ и будущихъ, что никогда не соглашусь сдѣлать имъ честь защищаться передъ ними. И если говорю теперь передъ такимъ почтенымъ собраньемъ, то единственно для того, что самъ хочу позабавиться. Нашъ митингъ дѣло семейное и я увѣренъ, что ни одно слово, произнесенное здѣсь, не перейдетъ за эти двери. А впрочемъ мнѣ все равно... (кое-гдѣ раздаются крики одобренія. Слушайте! Слушайте!)

Нигилистъ ворчитъ заглушеннымъ голосомъ: Да вѣдь это маскарадъ... Мы не въ Англии... шутство!

Ораторъ. Продолжаю со всѣмъ достоинствомъ, которымъ я обязанъ самому себѣ. Впервыхъ: утверждаютъ, что будто бы я изложеніемъ англійскихъ началъ развратилъ общество и особенно юную часть его, что я возбуждалъ... и проч. и проч. Это мнѣ просто смѣшно. Обхожу на время вопросъ о возбужденіи общества и займусь его «юною частью», т. е. школьниками. Точно никто не знаетъ эту юную часть, точно никто самъ изъ нихъ не былъ юнымъ и не помнитъ какъ развивается юношество, особенно на вашей почвѣ! Но ра-

звѣ можно что-нибудь скрыть отъ нашего юношества, отъ этихъ не сформировавшихся, во вострыхъ, пытливыхъ, скептическихъ умовъ? Замѣчательно, что все наше юношество полно скептицизма и недовѣрія къ авторитетамъ. Это кажется законъ нашей почвы. Но кому они ввѣрятся, кто заслужить ихъ уваженіе, затѣмъ они идутъ съ энтузіазмомъ. Признаюсь мнѣ некогда было заслуживать ихъ энтузіазмъ къ моей персонѣ. Кому же пришлось бы пожалуй заслуживать средствами неурличными моею особѣ, моему значенію въ свѣтѣ, моему достоинству. Фамильярности и всего этого прочаго я не терплю; а всѣ эти нравственныя равенства, духовныя братства и проч. и проч. все это уже фамильярность. Тѣмъ не менѣе я ждалъ поклоненія, хотя бы и отъ этихъ безтяглыхъ мальчишекъ. Я вообще люблю поклоненіе. Я люблю его даже отъ тѣхъ, которыхъ въ высшей степени неуважаю и презираю. Я слишкомъ гордъ, чтобы скрывать что-нибудь въ этомъ случаѣ передъ почтеннымъ собраніемъ.

Нигилистъ. Да мы не въ Англіи! что вы! Вы просто заигрались.

Ораторъ (съ презрительнымъ взглядомъ на нигилиста и дѣлая намѣренно видъ что подавляетъ насмѣшливую улыбку). Продолжаю: я надѣялся, что у меня достанетъ ума, чтобы овладѣть нашими юношами безъ большого труда. Но они увлеклись въ другую сторону и пошли за моими послѣдователями. Такъ и должно было быть; я тотчасъ же увидѣлъ что это трудъ потерянный, да и собственно выгоды приносить не много. Школьниками можно всегда овладѣть, хоть бы и розгой. (Браво, браво!) Кажется моему почтенному оппоненту розги не нравятся? (Язвительно смотритъ на нигилиста, тотъ отвѣчаетъ ему тѣмъ же). Итакъ я предпочелъ заняться самимъ обществомъ, о чемъ и поведу теперь рѣчь передъ почтеннымъ собраніемъ. Положимъ я и дѣйствовалъ на него англійскими началами. Но, во первыхъ, я остановился на извѣстномъ пунктѣ. Разумѣется я во все время поступалъ и поступаю чрезвычайно ловко, такъ что сначала всѣ думали, что я никогда не остановлюсь въ прогрессивномъ движеніи; но вольно-жъ имъ думать! Тогда поднялись разные общественные вопросы. Мы разрѣшили ихъ въ извѣстной степени и въ извѣстномъ видѣ представляли свой идеалъ. Мы знали, что мы могли это дѣлать и пользовались обстоятельствами? О томъ, о чемъ мы говорили, можно всегда говорить и мы это знали. Иначе надо уничтожить и математику, и желѣзныя дороги, и инженеровъ, и все. Ну, я и трактовалъ до извѣстной степени объ извѣстныхъ матерьяхъ. Ктожъ виноватъ, что они сунулись дальше? Чѣмъ въ этомъ случаѣ я зачинщикъ? Я остановился на извѣстной точкѣ и

знать ничего не хочу. (Браво!) Кто мнѣ велѣлъ идти дальше? Какое мнѣ дѣло? Мы въ сторонѣ. Мало того: мы должны преслѣдовать ихъ, обвинять ихъ для нашей же пользы, для нашего счастохраненія. Это вообще выгодно, даже во всѣхъ отношеніяхъ. А я люблю выгоду во всякомъ случаѣ и прежде всего придерживаюсь практической стороны во всѣхъ обстоятельствахъ. (Страшные аплодисменты. Лѣвая сторона выражает сильное безпокойство.)

Ораторъ (*продолжалъ съ наслажденіемъ*): Сейчасъ я сослался на практицизмъ. Практицизмъ — свойство всякаго истиннаго британца. Но сознаюсь съ гордостью: Есть одинъ пунктъ, на которомъ я страшный идеалистъ, и даже, при случаѣ, готовъ пожертвовать и практической стороной дѣла. Этотъ пунктъ — собственное мое самолюбіе. Не совѣтую въ этомъ случаѣ раздражать меня. Тутъ ужъ я несмотрю на выгоды, и рука моя, готовая всегда пожать дружески руку моего обожателя, — рука моя, всегда и вездѣ найдетъ непочтительнаго къ моимъ достоинствамъ. Будь онъ хоть подъ землей, за порами, я достану его вездѣ, и задамъ ему такой боксъ, что до новыхъ вѣтчиковъ не забудеть! Вотъ этимъ-то самолюбіемъ и объясняется вся моя литературная дѣятельность. Изъ самолюбія я и журналъ основалъ. Я хотѣлъ первенствовать, блистать, и покорять.

Я ввелъ англійскія начала. Расскажу вамъ откровенно какъ было дѣло: Англійскія начала для насъ тѣмъ хороши, что тутъ и то, и другое, и третье, и парламентъ, и пресса, и присяжные и т. д. и т. д. а тогда, съ непривычки, все это было какъ-то особенно соблазнительно, всѣ этимъ бредили, начинали съ азова; я очень хорошо зналъ до чего дойдутъ.

Николай Филиповичъ (*съ своего мѣста*). Или лучше ни до чего не дойдутъ.

Ораторъ. Я совершенно согласенъ съ высокоролнымъ баронетомъ и очень благодаренъ за его замѣчаніе... Итакъ, я очень хорошо зналъ до чего дойдутъ; но какъ же было не воспользоваться случаемъ? Ктому же англійскія начала, — это для насъ, не совсѣмъ приготовленныхъ, (т. е. я разумѣется говорю о публикѣ; я-то приготовленъ) ну-съ, это для насъ есть до такой степени что-то неудовимое растяжимое, — и свободой пахнетъ и аристократическіе элементы льстятъ, — до такой степени способное, въ крайнемъ случаѣ (т. е. когда припрутъ къ стѣнѣ) къ переливанію изъ пустого въ порожнее, что невозможно было упустить случай и не схватиться за нихъ. Наконецъ и то, что эти начала способны вполне отвлечь общество отъ начала народнаго, національнаго, а я его терять не могу (браво, браво, yes, yes). Скажу болѣе: я ненавижу его. Я уже объявилъ разъ, что даже самой народности не признаю и очень былъ

радъ, когда петербургскіе передовые ревіѣли со мною заодно во все горло и называли ретроградными тѣ, которые стоятъ за народъ и признаютъ его самостоятельность, т. е. желаютъ освободить его отъ будущаго, вторичнаго, нравственнаго крѣпостнаго состоянія, отъ будущей опеки иностранныхъ книжекъ, отъ всѣхъ говоруновъ, желающихъ его осчастливить, отнявъ у него напередъ самостоятельность и свободу. Всѣ эти крошечные Петры великіе возбуждали во мнѣ ужасный смѣхъ, но я радъ былъ за нихъ: пусть идутъ впередъ, думалъ я, пусть идутъ; пусть идутъ! (Смѣхъ и крики одобренія).

Нигилистъ. Взоръ! болтовня!

Ораторъ (*сія самодовольствомъ и наипренокъ не замѣчалъ нишляма*). Но я отялекся. Я сказалъ что въ Россіи англійскія начала вообще имѣютъ вѣчто обаятельное. Въ Москвѣ же они популярны. Не помнить ли кто изъ почтенныхъ джентльменовъ князя Григорія, того самого, о которомъ упоминаетъ поэтъ въ своей комедіи, въ разговорѣ Рецетилова съ этимъ безтолковымъ Чацкимъ (впрочемъ превосходнымъ и истиннымъ джентльменомъ)

Вопервыхъ князь Григорій,
Вѣкъ съ англичанами, вся англійская складка;
И также онъ сквозь зубы говоритъ,
И также коротко обстриженъ для порядка.

Я зналъ этого превосходнаго и незабвеннаго нобльмена, князя Григорія. Онъ даже занялъ у меня книгу, которую и забылъ отдать; но я уже давно простилъ ему это. Онъ тоже стоялъ на англійскихъ началахъ. Тѣ же которые шли далѣе его, ушли потомъ очень далеко (смѣхъ, браво, браво!) Князь Григорій испугался и уѣхалъ въ свою деревню. Помню я видѣлъ его потомъ въ деревнѣ, въ его развалившемся деревянномъ замкѣ. Онъ разорился, и носилъ стеганный ватный халатишка, хандрилъ, иистъ и расправлялся на конюшнѣ съ своимъ камердинеромъ Сенькой, ходившимъ въ сюртукъ съ продранными локтями. Отъ англійскихъ началъ почти ничего не осталось. Вся англійская складка исчезла безвозвратно. И послѣ этого обвиняютъ меня, что я развращалъ общество? Я очень хорошо зналъ, что англійская складка у насъ въ Москвѣ, когда доходитъ до дѣла, исчезаетъ тотчасъ же и безвозвратно. Разумѣется я самъ смотрю на дѣло неизмѣримо серьезно... гм... да, я всегда уважалъ Великобританію... (браво, браво, уес, уес). Я только въ томъ смыслѣ сейчасъ говорилъ, что за нее ужъ никакъ нельзя обвинять въ развращеніи. Почему-жъ не позабыться этой складкой когда она такъ вещна и прилична? Конечно общество требовало обновленія серьезнаго. Но на первыхъ порахъ и англоманія могла послужить. Я и

употребилъ ее въ дѣло. Въ англоязычій есть и еще одно драгоценное свойствѣ (о боже, сколько въ ней драгоценныхъ свойствъ!) именно: она — дѣло готовое, устроенное, оконченное. Говоришь, проповѣдуешь и разумѣется ни одной юты не уступаешь изъ своихъ убѣжденій (именно потому, что ничего уступить нельзя, ничего измѣнить, потому что все безъ насъ уже одѣлано, а мы-то форсимъ и куражимся надъ готовымъ! однимъ словомъ дѣло цѣльное и устроенное). А тѣмъ самымъ вы тотчасъ же достигаете двухъ выгодъ. Во-первыхъ прославите крѣпко-убѣжденнымъ и стойкимъ, потому что ничего не уступаете, а во вторыхъ, можно проповѣдывать безъ конца, а на дѣлѣ...

Нигилистъ (*съ лѣвой стороны*). Ни съ мѣста!

Ораторъ. Именно ни съ мѣста! я совершенно согласенъ съ джентльменомъ.

Нигилистъ. А еще лучше два шага впередъ, а три назадъ.

Ораторъ (*съ нѣкоторой злобой*). Я вавойнѣ согласенъ съ почтеннымъ джентльменомъ, который любитъ такъ часто меня прерывать, и благодарю его за его замѣчаніе.

Почтенный новльменъ съ правой стороны. Два шага впередъ и три назадъ, это значитъ ровно одинъ шагъ назадъ.

Ораторъ (*нетерпѣливо и не безъ ироніи*). Я совершенно согласенъ съ высокороднымъ маркизомъ и нахожу догадку его чрезвычайно остроумною. Но продолжаю...

Президентъ (*прерывая оратора*). Такъ какъ пошло на перерывы, то и я осмѣлюсь позволить себѣ одно замѣчаніе. Высокородный лордъ и почтенный другъ мой вѣроятно позволитъ ему замѣтить, что онъ отчасти на себя клеветаетъ. Теперь онъ выпилъ вѣсело бокаловъ вина и увлекается нѣкоторыми великосвѣтскими замашками. Онъ видимо форситъ передъ нами и ставитъ себя гораздо хуже, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ. Надѣюсь благородный другъ мой не разсердится за мое замѣчаніе. Подымаю этотъ бокалъ за его здоровье и считаю за честь во всеуслышаніе провозгласить, что благородный лордъ искалъ истинной пользы при основаніи своего журнала и уже многократно заявлялъ себя самой разнообразной полезной дѣятельностью. (*Хнычетъ отъ удивленія*).

Николай Филиповичъ (*съ своего мѣста*). Миѣ хочется слѣдять одно сравненіе по вопросу о полезной общественной дѣятельности. Въ нашемъ дѣтствѣ я думаю мы всѣ любили играть съ котатами. Если привязать бумажку къ хвостикъ и дергать ее перодъ котомкомъ, онъ начинаетъ ловить ее. Потомъ раздражается, увлекается игрой и наконецъ совершенно принимаетъ ее за настоящую мышь, ловить ее, грызеть, теревить лапками. Вотъ точно также

бываетъ и съ нами по поводу этой общественной пользы. Мы большею частію эгоисты (и это прекрасно) люди положительнаго и самолюбиваго. Я не про насъ однихъ говорю; я говорю про все свѣтъ, про всѣхъ безъ исключенія, даже про самыхъ передовыхъ нашихъ прогресистовъ. Ну кто изъ насъ въ самомъ дѣлѣ способенъ увлечься общественной пользой? Что до меня, такъ я даже убѣжденъ, что заботы объ общественной пользѣ и быть не можетъ ни у кого на свѣтѣ, да никогда и не было; все это обманъ и надуванье, но надуванье превосходное и необходимое; оно законъ природы. Но несмотря на это, при случаѣ, мы дѣйствительно можемъ увлечься игрой, какъ и тотъ котенокъ. При всѣхъ начинаніяхъ нашихъ мы увѣряемъ публику, что стремимся къ ея пользѣ и даже готовы за нее всю жизнь отдать. Такъ какъ у насъ бываютъ всегда и конкуренты, то мы до того иногда раздражаемся и увлекаемся этой игрой, что наконецъ даже самихъ себя увѣряемъ, что служимъ общественной пользѣ, что хлопочемъ только о ней, и что она-то и есть вѣнецъ всѣхъ нашихъ желаній. Такъ ли я говорю? Обращаюсь къ совѣсти всего почтеннаго собранія и спрашиваю: есть ли хоть одинъ джентльменъ на свѣтѣ, который поступалъ бы иначе! Впрочемъ предупреждаю, мнѣ даже пріятнѣе будетъ если вслухъ со мной никто не согласится. Это будетъ гораздо приличнѣе. А формы приличія — это все, самое главное. Всѣ мы вѣдь такая дрянь (я говорю про всѣхъ, то-есть пожалуй хоть про все человѣчество) что не будь этихъ спасительныхъ формъ, мы бы тотчасъ же передрались и перакусались. И потому блаженно общество, которое выжило себя эти формы, остановилось на нихъ и умѣетъ ихъ отстаивать. Я за формы. Но все бѣда, что мы русскіе еще до нихъ не доросли. Что же касается до мнѣнія моего объ общественной пользѣ, то я въ немъ убѣжденъ совершенно.

(Громкій крикъ одобренія. Но прогресисты вскакиваютъ съ мѣстъ своихъ и неустово протестуютъ. Многіе кричатъ, что готовы сейчасъ на костеръ за свои убѣжденія. Никъ отпѣваютъ съ правой стороны: «что костеръ! и костеръ изъ самолюбія, все изъ самолюбія!». Шумъ продолжается долго, наконецъ мало-помалу стараніями президента видное спокойствіе возобновляется.)

Ораторъ. Милорды и господа! Я торжественно объявляю, что совершенно согласенъ съ высокороднымъ баронетомъ, сдѣлавшимъ свое остроумное замѣчаніе о бумажкѣ и котенкѣ. Да, въ основаніе всеобщей пользы полагается всегда наша собственная. Это совершенно согласно съ личнымъ началомъ, т. е. началомъ западнымъ, а сдѣланнымъ и британскимъ, въ противоположность началу стал-

ному, общинному, котораго я никогда не пойму. Кстати, по поводу чисто личной выгоды: припоминаю теперь одно безсмысленное обвиненіе, которое воздвигаютъ на меня мои оппоненты. Говорятъ что будтобы я, когда-то преслѣдуя моимъ гнѣвомъ и сарказмами одного профессора, старался повредить его авторитету даже въ стѣнахъ аудиторіи, и тѣмъ самымъ нарушалъ въ студентахъ уваженіе къ профессору. Но это дичь, совершенная дичь! Развѣ я того именно добивался, чтобъ искоренить въ студентахъ уваженіе къ профессору и вообще къ авторитету наставника? Я просто былъ увлеченъ самолюбіемъ, положимъ раздражительнымъ, мелкимъ (а слишкомъ гордымъ, чтобъ скрывать это); но мнѣ надо было палить своей гнѣвъ на профессора и я не остановился даже и передъ аудиторіей, потому что въ такихъ случаяхъ не останавливаюсь я передъ чѣмъ. Я не пощадилъ юношей, говорятъ мнѣ. Но что значать для меня юноши, когда меня самого задѣваютъ? Зачѣмъ они сами подвернулись мнѣ на дорогѣ! (yes, yes, браво! браво!) Развращалъ, возбуждалъ, возмущалъ! Но это смѣшно и противно. Кромѣ того, что вы уже знаете мой взглядъ на юношество и мое мнѣніе, что они и безъ нашихъ возбужденій и развращеній все видятъ и понимаютъ насковозь, кромѣ этого, спрашиваю васъ окончательно: хотѣлъ ли я ихъ возбуждать? У меня было въ виду только доконать профессора и доконалъ его! (вторичные аплодисменты.)

Голоса съ лѣвой стороны. Это наконецъ несносно! все только о себѣ! Къ дѣлу, къ дѣлу!

Ораторъ. Кстати, насчетъ возбужденій. Вотъ уже болѣе мѣсяца какъ высокородный маркизъ Андрыю вынулъ свое объявленіе о новой газетѣ: «Умѣренный Басокъ». Но послѣ этого и этотъ почтенный нобльменъ возбуждаетъ общество? Посмотрите, въ объявленіи сказано:

«Мы вѣримъ, что хорошія учрежденія способствуютъ къ развитію въ обществѣ гражданскихъ доблестей, но вмѣстѣ съ тѣмъ убѣждены, что даже наилучшія учрежденія останутся мертвою буквою, если само общество будетъ равнодушно къ дѣламъ общественнымъ. Дѣятельная инициатива самого общества необходима.»

Вслѣдствіе этого, мы съ своей стороны постараемся постоянно и настойчиво возбуждать дѣятельность общества на такихъ предметахъ, которые указаны ей закономъ и т. д. и т. д.

— Слышали? Онъ хотеть, да еще *постоянно и настойчиво* возбуждать общество къ дѣятельности и когда же? Теперь, теперь, когда мы не знаемъ куда дѣваться отъ дѣятелей и отъ жажды дѣятельности? А онъ еще возбуждать хотеть? (Смѣль.) Положимъ уважаемый маркизъ написалъ это отъ невнимости...

Голосъ съ правой стороны. Позвольте! Высокоролный лордъ очевидно забываетъ, что высокоролный и уважаемый маркизъ говорить о дѣятельности, указанной закономъ. Слѣдственно тутъ возбужденіе много рода.

Ораторъ. Я ничего не забываю. Но все-таки не могу понять объявленія.

Николай Филиповичъ. Я совершенно его понимаю. Маркизъ конечно говорить о гражданскихъ и военныхъ чиновникахъ и хочетъ ихъ возбуждать къ лучшей дѣятельности, т. е. чтобъ они слушали вѣрно и прилежно и т. д. и т. д. Однимъ словомъ это тирада изъ прописей, чтобъ чѣмъ-нибудь наполнить объявленіе. Впрочемъ иначе и понять нельзя.

Ораторъ. Во всякомъ случаѣ я хотѣлъ только поставить на видъ какъ легко можно злоупотреблять словомъ «возбужденіе». Но оставишь это. Я...

Гневные голоса съ лѣвой стороны. Да кончите ли вы наконецъ! все я, да я! это несносно! къ вопросу! къ вопросу!

Ораторъ. Дѣятельны, я полагаю, что нахожусь въ самой сущности вопроса. Я защищаюсь, или лучше сказать забавляюсь анализированіемъ всѣхъ способовъ, которыми могу защищаться. Это такъ сказать игра... И такъ какъ собственно меня она забавляетъ, то надѣюсь что и почтенное собраніе съ удовольствіемъ меня слушаетъ (Yes, yes!). Я именно хочу рассмотреть тотчасъ же еще одинъ способъ къ моей защитѣ. Неловкіе враги мои оборачиваютъ на меня теперь мое же оружіе и хотятъ меня добить упреками въ неблагонамѣренности. Но ужь если на то пошло, то съ этой точки зрѣнія мои способы къ защитѣ великолѣпны: вы доказываете, друзья мои, что я теперь то и то, но что я самъ былъ неблагонамѣренъ и возбуждалъ... Но боже-мой, вѣдь это было да сплыло. Теперь я благонамѣренъ и не возбуждаю. Я одумался, я воротился (хотя я никогда не возвращался, а всегда стоялъ на той же точкѣ, какъ и теперь. Вольно-жъ было имъ самимъ еще сначала меня выпихнуть на такой пьедесталь. Но это только способъ защиты). Я принесъ наконецъ богатые и сладкіе плоды:

• Съ плодами сладкими принесъ кошницу Тавръ. •

Наконецъ я...

Николай Филиповичъ. Я тоже принесъ плоды, но за мой десертъ рассчитываю на весь обѣдъ.

Ораторъ. Кричатъ: зачѣмъ я не объявилъ, что измѣню убѣжденія. Смѣшной вопросъ. Но если вы и безъ того замѣтили что я ихъ измѣнилъ, к чему-жъ объявлять? И однакоже въ чемъ и когда

я ихъ измѣнилъ? повторю, я точно таковъ же какъ и былъ въ самомъ началѣ. Но положимъ еще разъ, что я измѣнился. Кричать, что я преслѣдую тѣхъ, которые пошли дальше меня. Но впервыхъ, чѣмъ же иначе я бы могъ заявить мои новыя убѣжденія? А вторыхъ, я именно преслѣдую ихъ за то, что они пошли дальше меня.

Голоса (браво, браво, ловко, хорошо!)

Ораторъ. Но я все насчетъ этихъ убѣжденій, милорды. При-знаюсь, подчасъ меня это даже начинаетъ бѣсить: всѣ съ убѣжденіями! у всѣхъ какая-то мода, какая-то ярость убѣжденій. И все это шарлатанство, и вздоръ!

Съ лѣвой стороны (не вздоръ! не вздоръ.)

Нигилистъ съ лѣвой стороны. Нѣтъ! адѣсь невозможно сидѣть; я уйду!

Ораторъ. Кстати: я намѣренъ еще разъ повеселить почтенное собраніе. Тотъ же самый высокородный маркизь, о которомъ мы сейчасъ говорили, подписался и подъ другимъ объявленіемъ вмѣстѣ съ однимъ, чрезвычайно почтеннымъ и уважаемымъ нобльменомъ. Они оба издавали и продолжаютъ издавать вмѣстѣ одинъ извѣстный своею древностію толстый журналъ: «Старухины записки». Вотъ слово въ слово тирада изъ объявленія объ изданіи этого журнала въ будущемъ году. Все это по поводу убѣжденій:

«Вопросы общественныя, политическія и интересы литературныя и историческія — вотъ главные предметы, которыми обыкновенно посвящены всѣ періодическія изданія, ежемѣсячныя, точнее также, какъ и ежедневныя. Если газета преимущественно слѣдитъ за интересами дня и летучими извѣстіями, то журналъ, по нашему глубокому убѣжденію, долженъ быть преимущественно посвященъ болѣе подробному, менѣе торопливому разсмотрѣнію вопросовъ, возникающихъ въ жизни. Иначе какая же его цѣль при существованіи ежедневныхъ газетъ, гораздо раньше овладѣвающихъ событіями, фактами?»

— Чтожъ и это убѣжденіе, что ли? Оба думали цѣлый годъ и выдумали удивительную новость: что газета говоритъ только про ежедневныя новости, а журналъ за весь мѣсяцъ. Да еще увѣриютъ, что это ихъ *глубокое убѣжденіе*. (Смѣхъ). Это какая-то мода на убѣжденія, манія...

Николай Филиновичъ. А я такъ просто думаю, что это сатира. Оба нобльмена хотѣли написать пародію на современные объявленія.

Почтенный нобльменъ (съ правой стороны). Непремѣнно... Высокородный маркизь очень остроумень... когда захочетъ.

Ораторъ. Совершенно готовъ согласиться съ высококороднымъ нобльменомъ, сдѣлавшимъ это замѣчаніе, но ужъ если пошло на прихѣры, то я приведу сейчасъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ ирихѣровъ, неловкости враговъ нашихъ. Въ журнальномъ мірѣ существуетъ одинъ джентльменъ...

Голоса съ лѣвой стороны. Но вы злоупотребляете терпѣніемъ нашимъ! Къ вопросу, къ вопросу!

Ораторъ (*съ досадою*). Джентльмены, я убѣжденъ, что я нахожусь въ самомъ центрѣ вопроса и продолжаю...

Голоса съ правой стороны, уе, уе, все это очень забавно.

Ораторъ. Я знаю, что это забавно. Случай, который я хочу рассказать имѣетъ даже нѣкоторое сходство съ моими собственными обстоятельствами (браво! браво!). И такъ: въ журнальномъ мірѣ существуетъ одинъ, впрочемъ весьма почтенный джентльменъ, издающій одинъ журналъ съ весьма мрачнымъ направленіемъ. Человѣкъ онъ ловкій, а потому выѣзжаетъ на благонамѣренности. Враги его отыскивали, что когда-то у него была какая-то Лурлея, полногрудая Лурлея, къ которой онъ писалъ въ свое время стихи....

Одинъ голосъ. Ахъ это тотъ... какъ его... изъ кувыркателей.

Ораторъ. Совсѣмъ не изъ кувыркателей. Почтенные члены ошибаются положительно: вовсе не изъ кувыркателей и трасуеетъ. Именно на благонавія онъ и основалъ свою защиту. Я хочу показать на какую подходящую для него же самаго точку опоры его ставить враги его. Откопали они эту Лурлею и ужасно обрадовались. «А! такъ вотъ какъ! Толкуешь о благонавія, а у тебя Лурлея была полногрудая». «Да что жъ такое» могъ бы отвѣчать имъ издатель мрачной газеты, чтожъ такое что была. Она была, а теперь и нѣтъ. Чѣмъ же можетъ такой случай поколебать направленіе моего мрачнаго журнала? Да тѣмъ паче (я увлекаюсь и говорю даже слогомъ почтеннаго журналиста) тѣмъ паче, что она была. Тѣмъ явственнѣе спасеніе мое, ибо утопалъ въ смрадной нечистотѣ, а теперь проарѣлъ и просіялъ. Тѣмъ внушительнѣе обращеніе мое, и тѣмъ паче оправдалось то, что обратило меня. Что тычете вы имѣ теперь сію Лурлею? О моего окаянства! О смрада бѣсонскаго! Да нусть я похотствовалъ съ Лурлеей за ея полногрудіе. Но теперь ея нѣтъ и неужели вы, окаянные невѣгласи, не видите, что тѣмъ паче слава спасенія моего объявляется?..

Голосъ съ правой стороны: Да, пожалуй...

Дряхлый, козлиный голосъ (*оттуда, же отъ дряхлаго джентльмена съ оставшими зубами*). И... и... пол-но-грудая?

Ораторъ. На этотъ счетъ, къ сожалѣнію, я не могу доставить

почтенному виконту точнѣйшихъ свѣдѣній. Но однакоже, милорды и джентльмены: Не похожъ ли хоть отчасти/этотъ случай на мой? Я тоже могу защищаться въ этомъ же родѣ. Что упрекаете вы меня за прежнее, снажу я нинѣ всѣмъ: прежнее давно прошло и теперь я не только принесъ плоды, но даже сами вы замѣчаете, что пробиваюсь статьями «о сухихъ туманахъ». Въ портфель редакціи...

Нигилистъ (*съ лѣвой стороны*). Просто въ шкапу. Какой тамъ еще портфель редакціи!

Ораторъ (*мѣсколько язвительными тонами*). Миѣ кажется почтенный членъ еще не привыкъ къ парламентскимъ формамъ выраженій.

Нигилистъ. И слава-богу, если они только въ этомъ и состоятъ! Какія тутъ формы! По моему и въ парламентѣ рѣжь правду.

Ораторъ. Правду? А четвертакъ?

Нигилистъ (*въ изступленіи*). Послушайте, если вы еще разъ скажете слово объ этомъ проклятомъ четвертакѣ, то я... я...

Ораторъ. Что?

Нигилистъ. Я... я ужъ и не знаю, что тогда сдѣлаю!

Николай Филиповичъ (*язвительно*). Почтенный членъ, хоть и не любитъ парламентскихъ формъ, но очевидно наблюдаетъ ихъ... въ крайнихъ случаяхъ...

Нигилистъ. Вздоръ! Я ничего не наблюдаю... Я... я... я требую, положительно требую, чтобъ ораторъ немедленно объяснился объ этомъ проклятомъ четвертакѣ! Онъ до меня не касается! ни до кого изъ нашихъ!.. Вся моя жизнь на виду... Я требую, я настаиваю! Я обращаюсь къ президенту!..

(Начинается чрезвычайный шумъ, но опоненты поднялись всѣ вмѣстѣ и на этотъ разъ не хотятъ уступить. Президентъ, по ихъ требованію, принужденъ формально поднять вопросъ о пропавшемъ четвертакѣ. Ораторъ отдѣляется сначала парламентскими формами; но опоненты на этотъ разъ не хотятъ парламентскихъ формъ. Ораторъ утверждаетъ, что свазалъ не въ обидномъ смыслѣ. «Вздоръ! кричатъ опоненты, это все формы, а намъ надо правду. Правду! правду!». Ораторъ сознается наконецъ, что онъ самъ не знаетъ про что говорилъ, и что четвертакъ надо принимать въ какомъ-то аллегорическомъ смыслѣ, а что прямое значеніе придали ему крикуны. Прогрессисты удовлетворены. Обиженный, но удовлетворенный нигилистъ громко говоритъ: «Это сонъ! Это невыносимо! Прочь изъ этого звѣрища!». И съ негодованіемъ выходитъ изъ залы.

Собрание возмолвлено. Члены очевидно перессорились. Ораторъ чувствуетъ себя почти обиженнымъ.)

Ораторъ (*язвительно*). Это все отъ убѣжденій... вотъ примѣръ... Мы были въ такомъ прекрасномъ, джентльменскомъ настроеніи дуа, такъ свободно, такъ легко говорили... в что же!..

Крики съ лѣва. Нѣтъ, нѣтъ, не отвертитесь. Вы нападаете на убѣжденія! Вы смѣете не признавать убѣжденій!

Ораторъ. Напротивъ, я именно требую къ нимъ уваженія, и если я перемѣнилъ ихъ, то можете не уважать моихъ новыхъ убѣжденій, но свободу перемѣлы ихъ не ставьте въ порокъ.

Крики съ лѣва. Свободу такъ. Но развѣ всякое убѣжденіе почтенно? И развѣ вы свободно мѣняете ихъ?

Ораторъ. Джентльмены, я даже не понимаю чего вы хотите. Ингририрую совершенно. Говорю окончательно, я убѣжденъ только въ одномъ: было-бъ мнѣ хорошо, а если и другимъ, то пожалуй хоть и другимъ, но только въ такомъ случаѣ, когда это лично мнѣ не мѣшаетъ.

Крики съ права (yes, yes, bravo, урре! урре! Это чувства настоящаго британца.)

Крики съ лѣва. Вздоръ! вздоръ!.. Это не такъ...

Николай Филиповичъ. Но, джентльмены, я убѣжденъ, совершенно убѣжденъ, что вы тоже самое исповѣдуете; подумайте!

Крики съ лѣва. Вздоръ! Только честныя убѣжденія почтенны! Прочь, прочь! мы довольно наслушались!.. assez causé.

Подымается шумъ, какого еще не было. Президентъ принужденъ прекратить засѣданіе; джентльмены и нобльмены, послѣ многихъ препиваній, схватываются наконецъ за палки...

Николай Филиповичъ. Вотъ этого-то я и боялся! Драка за убѣжденья, бѣда! Нѣтъ ужъ давай Богъ ноги!

Москва, Россіи дочь любима,
Гдѣ равную тебѣ сыскать!

Цитую эти стихи, онъ тихонько пробирается между сражающимися и выходитъ коварно улыбаясь.

Ораторъ (*въ смущеніи наблюдавшій съ трибуны всю кашу*). Не дозрѣли до формъ, не доросли! Это противно, это абструзно! А можно бы было такъ хорошо, такъ сладко проболтать, хоть до утра! (*печально сходитъ съ трибуны*).

Затѣмъ начинается страшная нелѣпность, которую можно только увидѣть во снѣ. Это наводитъ меня на мысль, что я можетъ быть дѣйствительно вижу сонъ. Палки, президентъ, парламентскія формы, высокородные маркизы, лурлеи и милорды блѣднѣютъ, пере-

мѣняютъ лица, ступовываются и исчезаютъ сами собой; усліе съ моей стороны и я просыпаюсь окончателно. Уже часъ за полночь, свѣчи догораютъ, на столѣ начата статья и 102 номеръ «Современнаго слова» съ вопросомъ : кто виновать?

Невозможно чтобъ я заснулъ отъ статьи «Современнаго Слова»; статья чрезвычайно любопытная; нѣтъ, это былъ сонъ магнитическій. Но не явись въ «Современномъ Словѣ» эта статья, я бы не видалъ и таковаго сна, т. е. нѣтъ, хотъ и увидѣлъ бы, не помогъ бытъ не записалъ бы его.

ЗАМѢТКИ ПО ВОПРОСУ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПРАВСТВЕННОСТИ (1)

(ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ)

М. Г! Въ августовской книжкѣ издаваемаго вами журнала помѣщена статья г. Родевича, по поводу книжки эстляндскаго дворянина и барона г. Штейнгеля «Наша общественная нравственность. Мысли объ устройствѣ убѣжища, или общества для обращающихся съ пути заблужденія женщинъ въ Россіи». Статья читается съ интересомъ, и очевидно, писана съ участіемъ къ дѣлу, но въ ней встрѣчаются нѣкоторыя мысли, которыя могутъ возбудить недоумѣніе, или которыя, во всякомъ случаѣ, спорны. Между тѣмъ, почтенный авторъ рѣшаетъ ихъ категорически, и тѣмъ вызываетъ на объясненіе. Позвольте мнѣ, м. г. въ вашемъ же журналѣ представить мои соображенія на этотъ счетъ, которыя можетъ-быть дополнять то, что кажется упущеннымъ изъ виду г. Родевичемъ.

Вопросъ о нравственности — прежде всего вопросъ чисто-нравственный. Я хочу сказать этимъ, что для оцѣнки нравственнаго значенія какого нибудь поступка, проступка, преступленія или просто дѣйствія, — намъ гораздо важнѣе знать *побужденія* къ нимъ, чѣмъ самый *фактъ*.

Виѣшнія проявленія разврата существенно разнятся отъ внутреннихъ, и ихъ нельзя связывать въ одно неразрывное звено. Можно встрѣтить въ одинъ вечеръ сотню публичныхъ женщинъ на

---

(1) Помѣщаемъ это письмо, во первыхъ потому, что мысль автора показалась намъ сама по себѣ замѣчательною, а во вторыхъ потому, что вопросъ объ общественной нравственности такъ мало еще выясненъ и опредѣленъ въ нашей литературѣ, что мы съ охотою даемъ мѣсто еще статьѣ по этому предмету. Хотя эта статья и противорѣчитъ статьѣ г. Родевича, недавно напечатанной въ нашемъ журналѣ, но такъ-какъ она прогрессивна и гуманна и трактуетъ о дѣлѣ съ особенной и оригинальной точки зрѣнія, то намъ кажется, что подобныя противорѣчія служить къ дальнѣйшему разрѣшенію вопроса, въ которомъ окончательнаго слова еще долго ждать.

Ред.

какой-либо великолѣпной, ярко-освѣщенной улицѣ, и все-таки чемъ бы ни малѣйшаго понятія о состояніи ихъ нравственности. Чтобы получить это понятіе, необходимо переселиться въ ихъ внутренній міръ, а оттуда, подѣ угломъ новой точки зрѣнія, взглянуть на ихъ поступки. Однаго голый внѣшній фактъ, оторванный отъ своей почвы, отъ корней, которыми онъ держится въ нравственной природѣ человѣка, ничего еще недоказываетъ. И сужденія о нравственности чрезвычайно условны, потому что для оцѣнки ея нужно принять во вниманіе всѣ психическіе и физиологическіе моменты въ жизни человѣка, совершившаго какой-либо поступокъ, подпадающій подѣ разрядъ общепринятаго понятія о развратѣ. Что изъ этого выходитъ, постараюсь представить послѣ, а теперь приведу замѣтки изъ статьи г. Родевича, вызвавшія мое недоумѣніе.

«Всякому извѣстно (говорить авторъ), что бѣдность есть главная причина, препятствующая заключенію брачныхъ союзовъ». На это мы замѣтимъ, что причина эта условна; бѣдность въ какомъ быту? въ нашемъ крестьянскомъ, на примѣръ, она не помѣха. Даже напротивъ, бѣдный крестьянинъ вступая въ бракъ, приобретаетъ себѣ помощницу въ трудахъ, которая зимою стряпаетъ обѣдъ и ужинъ, исполняетъ разныя домашнія работы, а лѣтомъ помогаетъ ему въ полевыхъ работахъ. Совсѣмъ другое мы видимъ въ среднихъ сословіяхъ и въ быту фабричныхъ. Для первыхъ, если и существуютъ препятствія къ браку, то скорѣе — общепринятая рутинна, а не бѣдность. Мы, конечно, не представляемъ себѣ такой абсолютной бѣдности, которая прямо ведетъ къ нищенству, къ просьбѣ куска хлѣба у прохожихъ. Такая бѣдность, у насъ покрайней-мѣрѣ, нѣсколько исключительна, и ужъ прямо касается благотворительности. Нѣтъ, мы говоримъ вообще о нашихъ среднихъ сословіяхъ, къ которымъ относимъ купцовъ, чиновниковъ, учителей, ученыхъ, журналистовъ, землевладѣльцевъ средней руки, и т. д., словомъ, людей приобретающихъ средства къ существованію трудомъ, но не исключительно физическимъ, какимъ приобретаютъ ихъ крестьяне и ремесленники. Дѣйствительно въ этомъ кругу, по увѣренію многихъ, замѣчается годъ отъ году уменьшеніе числа браковъ. Если это и справедливо, то на чемъ основано такое явленіе? гдѣ его причины? Скажутъ, въ бѣдности. Но бѣдность если только неидетъ лѣло о кускѣ хлѣба — понятіе слишкомъ условное. Для А. тысяча рублей въ годъ, значитъ бѣдность, а для Б. пятьсотъ — богатство. Чтобы не слишкомъ распространяться, скажемъ коротко: лѣло идетъ не о бѣдности, а о невыгодной обстановкѣ брачнаго союза въ его общепринятыхъ формахъ. Живя въ обществѣ, въ городѣ, А. невольно подчиняется ходячимъ понятіямъ о приличіяхъ и обязанностяхъ

свихъ къ женѣ, семьѣ и обществу, онъ вращается въ извѣстномъ кругу, знакомъ съ разными лицами, и не желаетъ составлять исключенія изъ общаго правила. Онъ и разсуждаетъ такимъ образомъ: если я одинъ съ тысячею рублями живу только кое-какъ, то *жениться, одоумъ, мнѣ* будетъ положительно дурно. Я долженъ войти въ долги, для совершенія всѣхъ формальностей брака и сватовства, я долженъ обзавестись полнымъ хозяйствомъ, гостинною, родежъ, мебелью, я долженъ доставлять наряды женѣ, долженъ принимать гостей, и самъ выѣзжать съ женою, иначе она зачахнетъ отъ скуки и бездѣлья, или придумаетъ свои собственные средства развлечения, несомвѣстныхъ съ семейною жизнью, — словомъ, я долженъ жить, какъ и другіе семейные люди моего круга, или вообще, окружающаго общества. На это у меня нѣтъ средствъ. Ergo: А. не женится. Нѣ тому жъ съ году на годъ все дорожаетъ, и доходы остаются тѣ же, и обстановка брачной жизни — все *таже*. И такъ, А. и подобные ему люди остаются холостыми. Также точно остаются не замужними и дѣвѣцы одного съ ними поколѣнія и возраста. Между ними стала преграда, которая не позволяетъ имъ сблизиться въ общепринятыхъ формахъ сближенія; но эта преграда не мѣшаетъ контрабандѣ. Жизнь беретъ свое и сближеніе свершается. Пуритсты называютъ это развратомъ, и причины его относятъ къ бѣдности.

Мы же, напротивъ, относимъ причины «контрабанднаго пути», къ общепринятыхъ формъ и условій, къ фальшивому положенію женщины въ обществѣ, и къ устарѣвшимъ понятіямъ о значеніи и сущности брака. Очевидно, что надъ А. тяготѣетъ деспотизмъ общественнаго мнѣнія, въ силу котораго онъ считаетъ себя бѣднымъ для брака. Но пусть измѣнится только нѣсколько условій въ этомъ мнѣніи, и А. измѣнитъ свое мнѣніе о брачной жизни. Пусть напримеръ, общественное мнѣніе потребуетъ такого воспитанія женщинъ, которое бы не только научало ихъ кокетничать, но и приобретать собственными трудами средства къ существованію. Тогда вмѣстѣ оно должно потребовать и разширенія круга дѣятельности женщины; а для этого въ свою очередь потребуются обученіе ея болѣе разнообразнымъ мастерствамъ и ремесламъ, чѣмъ нынѣ это дѣлается, и допущеніе ея въ болѣе разнообразныя мѣста и учрежденія для службы и приобретенія трудовыхъ денегъ. Это могло бы свершиться пока и безъ всякаго законнаго, офіціальнаго внимательства; одно только прогрессивное движеніе въ нашихъ мнѣніяхъ, понятіяхъ, во взглядахъ общества (то есть во взглядахъ Иванова, Андреева, Петрова, Николаева, Сидорова, словомъ, *толпы*, которая всего страшнѣе единичнымъ людямъ изъ той же толпы), могло бы двинуть этотъ вопросъ впередъ. Съ другой стороны, пусть толпа

прокричить въ свою могучую трубу рутинны: «отнынѣ, мы не связываемъ нашихъ членовъ, изъ нашей толпы, особенными обязательствами для обстановки семейной жизни. Мы не ставемъ глушиться, если кто-либо изъ васъ, женись, не запасется приличною мебелью, шолковыми нарядами для жены, билетомъ въ театральную ложу, пріемными и выходными днями, в всюю мѣщавскою обстановкою, считавшеюся до сихъ поръ по мнѣнію свѣта, обязательною для комфорта женатаго человѣка, хотя бы онъ и не имѣлъ къ тому средствъ.» Совершите эти измѣненія въ такъ-называемомъ нашемъ «общественномъ мнѣніи» (1), или вѣрнѣе, въ ходячихъ понятіяхъ нашихъ Петровыхъ, Сидоровыхъ, Ивановыхъ и вообще всей толпы, и А. — смѣю увѣрить васъ, — непременно женится. Онъ найдетъ, напримѣръ, что если его будущая половина, вмѣсто того, чтобы разорять его нарядами, выѣздами и пріемами гостей, театрами и потребностями въ комфортѣ, — принесетъ еще дохода рублей пятьсотъ, и въ семейную жизнь внесетъ тѣже привычки къ труду, которыя помогаютъ А. поддерживать свое одинокое существованіе въ этомъ «юдольномъ» мірѣ, то «брачная жизнь» представится ему въ гораздо болѣе привлекательномъ свѣтѣ, и онъ не найдетъ препятствій къ ней въ бѣднѣ. Но А. человѣкъ толпы, и потому ожидаетъ такихъ переворотовъ не въ самомъ себѣ, а въ Ивановѣ, Сидоровѣ, Петровѣ и tutti quanti: только когда они прокричатъ свою фанфару въ грозную трубу (матерьяльно) сильнаго общественнаго мнѣнія, когда толпа дастъ свой законъ для толпы, то есть, для самой же себя, тогда только А. осмѣлится жениться, съ тысячею рублями годового дохода. А вотъ В. такъ поступилъ иначе: онъ не дождался переворота въ мнѣніяхъ толпы, а прозвелъ его въ самомъ себѣ, и съ пятьюстами рублей — женился. О ужасъ! чтожъ онъ дѣлаетъ?.. Живетъ, и болѣе ничего. У него нѣтъ условнаго комфорта, требуемаго Ивановыми и Сидоровыми, но есть комфортъ, умягчающій его собственную жизнь. У него нѣтъ дивана и фортепьяно и пріемныхъ дней, но жена любитъ его, и не скучаетъ съ нимъ. Они оба работаютъ, и пользуются вождѣленнымъ здравіемъ. За то В. долженъ

(1) Признаюсь, на счетъ нашего общественнаго мнѣнія, я немножко скептикъ. Тутъ все условно: какъ для кого? Напримѣръ для чиновника все общественное мнѣніе заключается въ мнѣніи начальства; для солдата — тоже, для батрака — въ мнѣніи хозяина, для сидѣльца и приказчика тоже, для многихъ публицистовъ въ мнѣніи кружка, или высшаго какого-либо лица и т. д. Гдѣ собственно сказывается наше общественное мнѣніе? При своемъ несносномъ скептицизмѣ, я рѣшаюсь видѣть его въ крестьянскомъ мірѣ только... Но можетъ-быть я и ошибаюсь...

былъ пожертвовать добрымъ мнѣніемъ о себѣ и знакомствомъ съ Ивановыми и Сидоровыми. Но у него явился свой кругъ знакомыхъ, и онъ не жалуется на судьбу.

Таже самая исторія разыгрывается и въ большихъ и въ меньшихъ размѣрахъ. Не допускайте только абсолютно бѣдныхъ людей въ кругъ вашихъ разсужденій, то есть людей, которыхъ въ эту самую минуту надо накормить, напоить, согрѣть и обуть, иначе они завтра же откажутся влечать далѣе свое отчаянное существованіе, и вы увидите, что въ заключеніи брачныхъ союзовъ въ среднихъ сословіяхъ главную роль играетъ не бѣдность, а *понятіе о бѣдности*. Для людей слабыхъ, малодушныхъ, живущихъ не своимъ умомъ, это понятіе о бѣдности навязывается не внутреннею правдою, а деспотизмомъ ходячихъ понятій, силою какого ни-на-есть общественнаго мнѣнія. А бѣденъ, потому что не можетъ удовлетворить всѣмъ тѣмъ требованіямъ неразвитаго общества, которыя оно предъавляетъ какъ *норму* для семейнаго человѣка изъ такого-то круга (или состоянія, профессіи). Эту же норму предъавляетъ и будущая жена его, и если А. не можетъ ее выполнить, то прости семейное счастье! Вѣдь жена воспитана въ духѣ господствующихъ понятій, и не будетъ считать безстыдствомъ съ своей стороны вогнать мужа въ чачотку для того только, чтобы ей можно было съ приличіемъ принимать въ своемъ будуарѣ пансіонскую или институтскую подругу, тоже вышедшую замужъ, и тоже съ приличіемъ принимающую своихъ подругъ, въ назначенные дни, въ своей изящной гостиной. Само собою разумѣется, что если А. мало-мальски разсудительный человѣкъ, то онъ заранѣе бѣжитъ отъ такой заманчивой перспективы въ будущемъ. Итакъ, мы не видимъ, чтобы дѣйствительно бѣдность мѣшала брачнымъ союзамъ въ нашихъ сословіяхъ: крестьянскомъ и среднемъ. Для первыхъ, т. е. для крестьянъ, судьбу которыхъ историческія обстоятельства у насъ связали неразрывно съ землею, бѣдность скорѣе благопріятствуетъ браку, чѣмъ противодѣйствуетъ. Для среднихъ сословій препятствіемъ къ бракамъ служитъ опять не бѣдность, а узкія, неразвѣтныя требованія массы, обращающіяся къ брачнымъ людямъ, и заставляющія ихъ избѣгать очевидно непріятнаго положенія. Улучшите эти понятія и требованія массы, и таже самая бѣдность превратится въ богатство, а непріятное положеніе въ пріятное, воображаемый комфортъ семейнаго человѣка — въ дѣйствительный.

Если мы и признаемъ бѣдность помѣхой къ брачнымъ союзамъ, то развѣ въ отношеніи къ ремесленникамъ и фабричнымъ, и людамъ, живущимъ поденнымъ, физическимъ трудомъ, безъ собственнаго хозяйства. Но очевидно, что мы тутъ ужъ переходимъ на

почву пролетаріата, развитаго болѣе заграницей, въ Англіи или во Франціи, чѣмъ у насъ. Явленіе это у насъ не такъ обще и громадно, чтобы придавать ему особенно значеніе въ «общественной нравственности.» Для Англіи, которая вся состоитъ изъ фабрикъ, для Франціи, на половину состоящей изъ фабрикъ, — вопросъ этотъ на первомъ планѣ; у насъ на второмъ. Самъ г. Родевичъ, чтобы подкрѣпить свое положеніе о бѣдности, препятствующей бракамъ, сейчасъ же бросается (не въ Россію) именно въ Англію: «англійскими учеными, говоритъ онъ, найдено что въ ихъ отечествѣ число браковъ бываетъ болѣе, или менѣе, смотря потому, выше или ниже цѣны на хлѣбъ, больше или меньше заработки простого класса и доходы классовъ высшихъ.»

Я не имѣю надобности сомнѣваться въ этихъ наблюденіяхъ. Пусть и такъ; но вѣдь тутъ не сказано въ какомъ именно сословіи или кругу уменьшилось число браковъ: въ фабричномъ (городскомъ), или земледѣльческомъ (сельскомъ)? Для послѣднихъ рѣшительно все равно: поднялись ли цѣны на хлѣбъ, или уменьшились, уменьшились заработки, или нѣтъ, и т. д. Если хлѣбъ дороже, то онъ и продасть его дороже; заработокъ же у него всегда на мѣстѣ, обработать и убрать свой участокъ земли. Идея о бракѣ не входитъ ни въ какія противорѣчія съ такою обстановкою. Вообще же, сельскій бытъ, въ томъ видѣ, какъ онъ у насъ существуетъ, не тяготеетъ брачными условіями жизни. Они неудобны только для городскихъ, фабричныхъ, ремесленниковъ—учениковъ и т. д., потому что въ городѣ, и при фабричной жизни нѣтъ твердыхъ точекъ опоры труда, какъ поземельному владѣльцу, и всякое подобное лицо можетъ выработать буквально *только* то, что нужно для его жизни. Тутъ бѣдность — прямая причина отсутствія браковъ. Помочь ей могутъ только лучшія условія организаціи фабричнаго труда, о чемъ теперь и пишутъ лучшіе люди экономической и соціальной науки. Если заработокъ таковъ, что едва хватаетъ на пропитаніе одного лица, а на пріютъ, точку опоры — первое условіе семейной жизни, — ужъ не хватаетъ средствъ, то о бракѣ и говорить нечего. Но это вопросъ спеціальнѣйшій, и для Россіи болѣе или менѣе мѣстный: вліяніе его чувствуется въ столицахъ, въ трехъ-четырехъ большихъ городахъ, да въ нѣсколькихъ фабричныхъ округахъ средней Россіи. Вопросъ объ «общественной нравственности» поставленъ г. Родевичемъ вообще, безъ примѣненія къ даннымъ мѣстностямъ, а болѣе съ философской соціальной точки зрѣнія; съ этой же точки и я излагаю свои недоумѣнія, и потому отрекаюсь отъ цифръ и мѣстныхъ наблюденій. Такъ какъ число фабричныхъ и вообще бобылей у насъ,

относительно общей массы населенія, невелико, то я рѣшаюсь принять такую формулу:

1) *Бѣдность у насъ, пока, не составляетъ причины, препятствующей заключенію брачныхъ союзовъ.* Для земледѣльческаго класа она — не помѣха. Фабричный бытъ у насъ сравнительно мало развитъ, а въ среднемъ сословіи бракамъ мѣшаетъ у насъ не бѣдность, а фальшивыя понятія о бѣдности, о бракѣ, о женствѣ.

Сѣтующимъ на малое число браковъ предстоитъ тутъ одно лишь средство: улучшить, просвѣтить и развить въ духѣ труда и правды понятіе толпы, дающей законы людямъ толпы.

Затѣмъ я ставлю другую формулу:

2) *Уменьшеніе числа браковъ вовсе не находится въ прямой связи съ увеличеніемъ общественнаго разврата.* Оно можетъ находиться въ связи съ нимъ лишь случайно. Здѣсь я уже прямо противорѣчу г. Родевичу. Онъ говоритъ: «черезъ уменьшеніе числа браковъ увеличивается масса холостыхъ людей, естественно и необходимо поддерживающихъ общественный развратъ. Нерѣдко даже мать продаетъ въ развратъ свою дочь изъ-за гнетущей бѣдности.» Остановимся пока на этомъ. Впервые мать, если продаетъ въ развратъ свою дочь, то ей все равно: холостому ли, или женатому. Ей нужны деньги, ее гнететъ бѣдность, — и потому здѣсь не виноваты ни холостые, ни женатые, или собственно виноваты тѣ и другіе, если они становятся покупателями такого товара. Обстоятельство это прямо касается бѣдности и безнравственности матери, а холостые люди тутъ становятся на одну доску съ женатыми. Но почему же именно масса холостыхъ людей *естественно* (1) и *необходимо* (?) поддерживаетъ общественный развратъ?

Если имѣются на это числовыя данныя, для извѣстной мѣстности, и наблюденія нѣсколькихъ лѣтъ, — то стоило бы привести ихъ.

Одному проступку женатаго человѣка (въ томъ видѣ разврата, о которомъ идетъ рѣчь) можно противопоставить десять проступковъ холостыхъ людей. Если даже послѣдніе вторгаются съ соблазномъ въ чужую семью, то этому вторженію большею частью предшествуетъ внутреннее разложеніе семьи: въ здоровомъ состояніи она всегда дастъ отпоръ враждебному элементу.

Это — *primo*; остается еще дополнить наши объясненія *secundo*: холостые люди большею частью самими обстоятельствами враждаются (относительно нашего вопроса) въ такихъ опредѣлительныхъ перипетіяхъ, которые никакъ не могутъ производить ихъ въ распространителей разврата. Объяснимся: нельзя вѣдъ назвать всякое сближеніе мужчины съ женщиной развратомъ; чтобы дока-

зять это, забудемъ на минуту, что женщина отлична отъ мужчины, и примемъ ее, вмѣстѣ съ моралистами, просто за человѣка. Чтоже изъ этого выходитъ? что всякое сближеніе человѣка съ человѣкомъ есть развратъ! Неужели? Но вѣдь вы забываете главное: нравственныя побужденія; безъ нихъ нечего и говорить ни о развратѣ, ни о нравственности. Если человѣкъ сошелся съ человѣкомъ во имя любви, дружбы, сердечнаго расположенія, взаимной помощи, одинаковыхъ вкусовъ, словомъ во имя человѣческой цѣли, а не съ тѣмъ, чтобъ обворовать другъ друга, то ихъ сближеніе исполнѣ нравственно, какимъ бы именемъ оно ни называлось на общепринятомъ языкѣ массы. Тоже самое мы должны сказать и о всякомъ сближеніи мужчины съ женщиной; пока мы не знаемъ нравственныхъ поводовъ къ ихъ сближенію, мы положительно не въ состояніи судить о степени нравственности или безнравственности ихъ отношеній. Положимъ, нравственныхъ нитей, связующихъ ихъ отношенія, мы не находимъ: ихъ нѣтъ. Вся связь основана лишь на физиологическихъ причинахъ: женщина превращается исключительно въ женщину, а мужчина исключительно въ мужчину; человѣкъ забывается съ обѣихъ сторонъ; нравственной, душевной или сердечной нити нѣтъ и въ поминѣ. Какая же нить остается? Только одна и можетъ оставаться: нить личнаго интереса. Одна сторона платитъ, другая продаетъ. Покупщикъ — человѣкъ, продавецъ — человѣкъ, товаръ — человѣкъ. Открывается рынокъ и торговля; одни продаютъ себя изъ крайней бѣдности, другіе изъ явныхъ выгодъ; третьи привлечены на рынокъ мутною волною житейской грязи, захватившей ихъ врасплохъ; четвертые попали туда жертвою обмана; пятые — жертвою неопытности и глупости, шестые — изъ любопытства, седьмые — ради ощущеній и т. д. Каждое паденіе вмѣстѣ свою грустную исторію и съ ней-то и слѣдовало бы имѣть дѣло моралисту. Но мы не знаемъ этихъ исторій; мы ходимъ по рынку, справляемся о цѣнахъ, видимъ массы падшихъ измученныхъ женщинъ, массы товара, такую же массу жадныхъ покупателейъ, и восклицаемъ: «о ужасъ! развратъ охватилъ общество; продажа и купля совершается въ очію, паденіе идетъ волною, захватываетъ все болѣе и болѣе грунта, и грозитъ общему опасностью!» Можетъ быть мы и правы, можетъ быть и неправы. Я говорю только, что мы ничего не знаемъ собственно о «развратѣ», хотя и были на рынкѣ разврата. Мы видимъ жертвъ разврата, послѣдствія позорной торговли, мѣсто рынка, массу товара и покупателейъ, но о самомъ развратѣ не имѣемъ никакого понятія. Такъ точно мы можемъ видѣть башню, разбитую выстрѣлами пушки, и все-таки не имѣть понятія о самой пушкѣ.

На нашемъ рынкѣ одни только осколки, разбитыя существованія, голодъ, изнуреніе, вопли, румяна и бѣлила, бѣдность и нищета; словомъ, публичныя проявленія всего того, что выкинула пѣна бродячаго общества; но самое то броженіе идетъ незамѣтно, своимъ порядкомъ, и выкидываетъ все новую пѣну, и мы опять восклицаемъ: «ахъ, какъ много пѣны! скоро все въ пѣну превратится!» и хотимъ снять всю пѣну, и пристроить ее, а забываемъ, что завтра наростутъ новыя волны пѣны, и опять поразятъ насъ своею массою... Прекратите броженіе—то, такъ и пѣны не будетъ. Такъ и развратъ: пѣна его видна, а броженіе скрыто; происходитъ онъ незримо, какъ духъ носится надъ обществомъ въ его предразсудкахъ, злоупотребленіяхъ, и пожираетъ жертвы съ приличною тайною, за тройными замками.

На свѣтъ выходятъ только разбитыя остатки человѣка.

Эти остатки разсортировали покупатели по относительному ихъ достоинству. Вышли просто публичныя женщины, полу-камельи, настоящія камелии, и камелии въ модѣ. Всѣ они болѣе или мѣнѣе носятъ на себѣ печать рыночнаго происхожденія по своему характеру публичности. Спрашиваемъ: есть ли какія-либо особыя причины приписать ихъ происхожденіе преимущественно холостымъ людямъ? Нѣтъ; это просто продукты того незримаго духа безнравственности, который носится вообще надъ даннымъ обществомъ. Въ большихъ городахъ такихъ существъ болѣе, потому что размѣръ явленія больше; пропорція же вѣроятно одна и таже, вездѣ при одинаковыхъ условіяхъ жизни. Если же подозрѣвать холостыхъ въ большемъ развратѣ потому только, что имъ предстоитъ эта возможность, то это будетъ лишь одно отвлеченное разсужденіе. Напротивъ, сама жизнь въ большихъ городахъ показываетъ намъ, что они охотнѣе вступаютъ въ извѣстныя постоянныя отношенія къ женщинѣ, связуемыя человѣческимъ чувствомъ общепитія, чѣмъ въ блужданія по рынкамъ. Такихъ отношеній общество пока еще не подвело подъ свою формулу брака, а между тѣмъ, въ сущности они подходятъ къ ней, и часто даже гораздо чаще отношеній, прикрытыхъ лишь формальною связью. Тамъ гдѣ нельзя опереться на форму, силу закона и обычая, поневолѣ надо искать душевныхъ, нравственныхъ связей для прочности союза. Для мыслителя и моралиста такія связи вполне человѣчны.

Если же мы вспомнимъ массу женщинъ, попадающихъ на содержаніе, равно какъ и болѣе обще-доступныхъ камелий, и захотимъ ихъ поставить въ извѣстныя отношенія къ холостымъ людямъ, то это будетъ напрасный трудъ. Вся суть тутъ основывается не на брачномъ или безбрачномъ состояніи, а на деньгахъ. Мы не

можемъ тутъ привести никакихъ положительныхъ данныхъ, да и кто это можетъ? — но знаемъ изъ рассказовъ, слуховъ и другихъ источниковъ, что лучшій товаръ попадаетъ не къ холостымъ, а вообще къ зажиточнымъ людямъ, любящимъ пожить «себѣ въ удовольствіе». Чтоже касается до посѣтителей публичныхъ домовъ, то нельзя не замѣтить, что характеръ этихъ посѣтителей, равно какъ и характеръ посѣщеній отлѣчаются совершенною случайностью. Притомъ, кто бы ихъ ни посѣщалъ, въ ихъ происхожденіи нельзя винить холостыхъ людей; это остатки того глухого, незримаго, душевнаго разврата, котораго мы не видимъ за стѣнами домовъ, у котораго есть время, средства и охота губить невинность, и который остается загадкою для наблюдателя однихъ внѣшнихъ фактовъ, наблюдателя, видящаго только рынокъ, жертвы, гнусныя улыбки, уничтоженную красоту, тусклые взоры, впалые щоки, морщинистыя уста и черные зубы... А пружинъ-то и не видно.

Я не иду далѣе, потому что кажется выяснилъ въ общихъ чертахъ свою мысль: что нельзя исключительно обвинять холостыхъ людей и вообще холостую жизнь въ служеніи дѣлу разврата. Это не подтверждается ни практикою, ни принципами такой жизни. Если не быть крайнимъ пессимистомъ, и не отвергать безъ нужды естественнаго стремленія человѣку къ лучшему, къ идеалу, къ высшей задачѣ жизни, смутноающейся въ душѣ жаждаго даже не развитаго человѣка, — то нѣтъ нужды и связывать распространеніе разврата съ уменьшеніемъ браковъ. Въ реестрахъ статистиковъ могутъ стоять цифры этого уменьшенія, но онѣ мертвы для объясненія состоянія общественной нравственности въ обществѣ. Помимо реестровъ, люди (мужчины и женщины) могутъ сближаться между собою въ тысячахъ разнообразныхъ отношеній, и освящать ихъ истинно человѣческими чувствами, вмѣсто формальныхъ внѣшнихъ нитей. Реестры могутъ навести совсѣмъ на нныя размышленія, напиримѣръ о неудовлетворительности брачнаго состоянія въ давнюю эпоху, въ данномъ обществѣ, о переменахъ въ понятіяхъ массы, и т. п. Но для моралиста они нѣмы. Напротивъ, пять-шесть исторій жизни публичныхъ женщинъ, правдиво рассказанныхъ со всѣми подробностями и съ психическими указаніями — могли бы значительно объяснить вопросъ объ общественной нравственности. Реестры же тоже, что самый рынокъ съ своимъ товаромъ и торговлею: видѣть-то мы видимъ, что вотъ столько-то на рынкѣ публичныхъ женщинъ, а болѣе ничего. Почему они тамъ, этого мы не видимъ; между тѣмъ это «почему», и есть то, чего мы ищемъ, и не находимъ.

Наконецъ, въ противоположность г. Родевичу, я ставлю третью формулу: 3) *Распространеніе общественнаго разврата не находится*

въ прямой связи съ бѣдностью. Она можетъ помогать ему, и случайно давать ему пищу, но необходимо-разумной или неотразимой связи между этими двумя явлениями не существуетъ. А г. Родевичъ говоритъ: «вообще можно признать справедливымъ, что какъ отдѣльный человѣкъ тѣмъ болѣе развратенъ, чѣмъ ниже его матерьяльное обезпеченіе, такъ и въ каждомъ отдѣльномъ сословіи государства, и въ каждомъ государствѣ среди другихъ государствъ уровень безнравственности тѣмъ ниже, чѣмъ выше его матерьяльное обезпеченіе». Стало-быть, я совершенно противоположнаго мнѣнія. Доводы мои слѣдующіе:

Если подъ словомъ развратъ понимать развращенность воли и сердца (умъ едва ли можетъ-быть развратнымъ), то мы необходимо должны допустить въ немъ участіе *сознанія*. Безъ сознанія развратъ перестаетъ быть настоящимъ развратомъ, въ нравственномъ смыслѣ этого слова; онъ можетъ быть дурною привычкою, рутинною, подражаніемъ обычаямъ среды, проявленіемъ невѣжества, наконецъ физиологическою манією, продуктомъ болѣзненнаго состоянія, и т. д. Но чтобы получить значеніе разврата, онъ долженъ быть основанъ на свободѣ выбора, на проявленіи нравственной природы. Когда человѣкъ знаетъ, что это дурно, а это — хорошо, и поступаетъ дурно, то онъ развратенъ. Если же онъ не знаетъ и не понимаетъ такого различія, то мы никакъ не можемъ назвать его развратнымъ, хотя бы поступки его и относились къ разряду развратныхъ поступковъ. Объяснимся примѣромъ. Семилѣтній мальчикъ, подавшій въ услуженіе въ комнаты къ М., очень пристрастился играть въ бабки съ уличными мальчишками. Онъ то выигрываетъ, то проигрываетъ. Наконецъ ему предстала необходимость купить цѣлую игру бабокъ: эту игру онъ видитъ во снѣ и на яву, просыпается и засыпаетъ съ нею. И нужно-то всего шесть копѣекъ серебромъ, а ихъ нѣтъ какъ-нѣтъ. Замѣтивъ нѣсколько мѣдныхъ монетъ на столѣ у барина, онъ беретъ ихъ и покупаетъ себѣ игру бабокъ. Баринъ призываетъ рыжого Ваньку.

— Ты взялъ на столѣ шесть копѣекъ?

Ванька начинаетъ отпираться.

Почему же онъ отпирается?.. Потому ли, что сознаетъ за собою нехорошее дѣло, или потому, что испугался грознаго вида барина? Конечно потому что испугался. Попробуйте спросить рыжого Ваньку съ ласковой улыбкой, и онъ сейчасъ же скажетъ: «я взялъ.»

— Зачѣмъ же ты взялъ?

— Нужно было купить бабокъ.

— А! вотъ что!

Затѣмъ начинается какая-нибудь экзекуція. Ванька пробуетъ

еще разѣ два-три пользоваться барскими деньгами, и каждый разъ получаетъ экзекуцію все сильнѣе и сильнѣе. Наконецъ, онъ перестаетъ красть. Его останавливаетъ страхъ наказанія, — болѣе ничего; но онъ еще не скоро пойметъ что такое чужая собственность, и почему красть — дурно, безнравственно. Онъ только боится непріятнаго опущенія, сопряженнаго съ экзекуціей. Еслибы въ этомъ періодѣ развитія Ваньки мы занесли его кражи въ реестры, статистики, и потомъ прибавили бы къ нимъ и кражи всѣхъ другихъ подобныхъ Ванекъ, то, спрашиваю дала ли бы намъ полученная цифра хоть какое-нибудь понятіе о состояніи нравственности общественной? Я полагаю — никакого. Такъ точно, число человѣческихъ жертвъ, принесенныхъ бушманами, малайцами или самоѣдами, съ 1850 по 1860 годъ, не дали бы намъ никакого понятія о ихъ нравственности, хотя ужаснѣе нѣтъ преступленія, какъ убить или сжечь человѣка. Только тогда Ванька начинаетъ поддаваться разврату, когда онъ уже сознаетъ, что красть — дурно, и что чужая собственность неприкосновена. До этого онъ легко доходитъ путемъ личнаго опыта: онъ самъ начинаетъ зарабатывать деньги трудомъ, и обзаводиться кое-какою собственностью; ему становится понятнымъ трудъ и права труда не по урокамъ только барина, а по собственному ощущенію. Скажутъ, у дѣтей нерѣдко проявляется чувство собственности съ самыхъ раннихъ лѣтъ, когда они объявляютъ претензіи на куклы, и различаютъ «свои» куклы отъ «чужихъ». Стало-быть безнравственность кражи можетъ чувствовать и ребенокъ. Конечно можетъ, когда онъ ужъ отвѣдалъ «сладость» собственности, тогда онъ отчасти знакомъ и съ понятіемъ и чувствомъ собственности; но что они еще слабы у него, доказываются извѣстными наклонностями дѣтей — дарить свои куклы то другимъ дѣтямъ, то взрослымъ. Они еще не цѣнятъ своей собственности, потому что не сами приобрѣтали ее... Но я удалился въ сторону.

Въ отношеніяхъ между мужчиной и женщиной безсознательнаго разврата не можетъ быть. Онъ или сознательнъ, или не развратъ. Но такъ какъ эти отношенія проявляются въ извѣстномъ возрастѣ, когда сознаніе уже достаточно развито для отличія зла отъ добра, то обыкновенно они или порождены чувствомъ, или же извращены холоднымъ расчетомъ ума, пускающимъ въ ходъ и деньги и софизмы, чтобы удовлетворить физиологическое побужденіе цѣною чьего-нибудь нравственнаго паденія. Здѣсь развратъ является какъ противорѣчіе съ высшею идеею жизни: онъ разбиваетъ чье-нибудь нравственное существованіе, разбиваетъ личность, физически и морально и тѣмъ нарушаетъ гармонію жизни вообще, гармонію законовъ природы. Камень могъ обрушиться со скалы и раздавить женщину;

но камень не поправил нравственной ея природы; женщина умерла, но идея жизни въ ней не умерла, вѣчный принципъ не поправятъ. Развратъ, напротивъ, попираетъ сначала идею, принципъ, и приводитъ за собою физическое разрушеніе, разложеніе, какъ результатъ отсутствія нравственной идеи въ жизни. Только она одна, идея оживляетъ человѣческій организмъ; развратъ, *de facto*, отрицаетъ эту идею, и тѣмъ наноситъ смертоносный ударъ жизни.

Итакъ разврата нѣтъ безъ сознанія. Онъ весь вращается въ нравственномъ мірѣ, и потому заключается не *ex facto*, а въ *смыслъ* факта, въ томъ духовномъ побужденіи, которое родило фактъ.

Помѣшанный можетъ случайно лишить дѣвушку невинности; и хотя это будетъ фактъ разврата, но онъ не годится въ реестры тѣхъ фактовъ, на основаніи которыхъ мы бы хотѣли судить объ общественной нравственности.

Здѣсь мы опять приходимъ къ тому же заключенію, что и прежде: сотни и тысячи публичныхъ женщинъ, какъ цифра, ничего не доказываютъ въ вопросѣ общественной нравственности.

Если принять къ свѣдѣнію наши объясненія, и то, что изъ нихъ вытекаетъ, то не трудно будетъ согласиться съ слѣдующими положеніями:

1) Развратъ гораздо сильнѣе въ богатыхъ классахъ общества, чѣмъ въ бѣдныхъ.

2) Развратъ гораздо сильнѣе въ образованныхъ классахъ общества, чѣмъ въ необразованныхъ.

3) Бѣдность не находится въ прямой связи, какъ причина, съ распространеніемъ разврата. Бѣдность — только легкая добыча разврата. Такъ точно сухая солома легче вспыхиваетъ отъ огня, нежели сырая, но откуда берется — то огонь? Неужели солому можно назвать причиною пожара, потому только, что она легко загарается? Совсе нѣтъ. Огонь подъ нее подкладываетъ развратъ, который гнѣздится тамъ, гдѣ болѣе развито сознаніе, гдѣ болѣе путей для выбора, то-есть между классами образованными и богатыми.

Сама жизнь не доказываетъ ли это на каждомъ шагу? Булочникъ Швабе, пока былъ мало извѣстнымъ, бѣднымъ ремесленникомъ, пекъ булки вкусныя, полновѣсныя, и старался угождать покупателямъ; а какъ разбогатѣлъ, такъ и сталъ пренебрегать честнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей: оказался и недобѣсъ, и поташъ не въ мѣру, и мука смѣшанная. Мадамъ Салеçon, изъ Парижа, пока была скромною, бѣдною модницею, дѣлала корсеты по пяти рублей, и корсеты ея не лопались; попавши въ моду, вслѣдствіе протекціи кое-какихъ барынь (а по другимъ, — джентльме-

новъ), стали запрашивать за такіе же корсеты, по двадцати пяти рублей, и въ счетахъ дѣлать разныя спеціализаціи: за матерію, за работу, за часоу, за моду, за фирму, за стараніе, за кайму и проч.; а корсеты ея стали лопаться.

Сапожникъ Фирсовъ былъ отличнымъ малымъ, пока скромныя средства держали его въ границахъ золотой умѣренности; сапоги его носились по цѣлымъ годамъ, и ласковыя рѣчи сыпались на него отовсюду. Но вотъ онъ разбогатѣлъ, — и его же сапоги на третьемъ мѣсяцѣ стали развѣрзать нескромныя тайны.

Емельяновъ былъ честнымъ, скромнымъ пахаремъ, а попавъ въ фабричныя, развился и сталъ развратничать.

Что же? — возразятъ мнѣ — такъ для противодѣйствія разврату надо противодѣйствовать развитію и матерьяльному благосостоянію?

Но я спрошу въ свою очередь: неужели для того, чтобы противодѣйствовать пожару, надо отказаться отъ постройки домовъ, городовъ, отъ сбора соломы, сѣна, и т. д.

Вовсе нѣтъ. Надо принять мѣры противъ пожаровъ. Если у васъ есть закромы хлѣба, которыя усердно посѣщаются мышами, то неужели, чтобы избавиться отъ нихъ, надо отказаться отъ земледѣлія, отъ жатвы, отъ хлѣба? Вѣдь это будетъ очень не разсудительно, потому что противъ мышей есть болѣе простыя мѣры, которыя нисколько не нуждаются въ уменьшеніи земледѣлія. Закромы съ хлѣбомъ должны остаться, и ихъ должно стараться всячески увеличивать, а противъ мышей все-таки надо принять свои мѣры.

Образованіе, и богатство представляютъ болѣе возможности и для разврата, и для высшаго служенія вѣчнымъ идеямъ; вотъ и все. Гдѣ предстоятъ двѣ дороги, тамъ легче и ошибиться, и заблудиться; гдѣ одна — рутина, тамъ процессъ жизни очень простъ, но зато и труднѣе выйти изъ колеи, изъ стихійнаго прозябанія.

Г. Родевичъ упоминаетъ о замѣчаніи Виктора Гюго (въ его послѣднемъ романѣ «Les misérables»), что и орлеанская дѣва можетъ-быть не осталась бы дѣвою, если-бъ была голодною. Предположимъ, что это и случилось бы въ самомъ дѣлѣ: мы бы не видѣли въ этомъ фактѣ ничего болѣе; кромѣ печальной необходимости; перейти же въ развратъ она могла бы только послѣ такого душевнаго процесса, съ которымъ совершилось бы нравственное паденіе орлеанской дѣвы. Можетъ-быть это и случилось бы впоследствии, а можетъ быть и нѣтъ.

Я же съ своей стороны, въ защиту своего мнѣнія, приведу слѣдующую дѣйствительно случившуюся исторію. Въ городѣ Е. ря-

домъ со мною жилъ купецъ М. Къ нему изъ города К. пріѣхала, въ концу зимы, погостить его сестра; она была въ чахоткѣ, въ связи съ какою-то другою женскою болѣзною. Лучшіе доктора тщетно истощали надъ нею свое искусство; М. былъ человѣкъ зажиточный, и ничего не жалѣлъ для спасенія любимой сестры, однакожь она видимо таяла. Тогда, въ виду крайности, докторъ Х., а за нимъ и другіе, сообщили купцу М., что единственное средство спасти молодую дѣвушку отъ смерти состоитъ въ томъ, чтобы ее немедленно выдать замужъ. Но кто женится на дѣвушкѣ въ такомъ положеніи? Жениховъ не оказывалось, да и М. не хотѣлъ какъ-нибудь сбить сестру. Оставалось одно: не выдавая ее замужъ, тѣмъ не менѣе, въ видахъ леченія, доставить ей супружеское ощущеніе. Сообщили объ этомъ М. Онъ наотрѣзъ отказалъ. Когда объ этомъ узнала и дѣвушка, она также наотрѣзъ отказала, прибавивъ: «Лучше я умру». И дѣйствительно, — ни братъ, ни сестра ни на минуту не колебались въ своемъ рѣшеніи. Черезъ полтора мѣсяца ея уже не было на этомъ свѣтѣ.

Это — была. Наша дѣва, цѣною смерти, осталась дѣвою. Кто знаетъ: можетъ быть, такъ поступила бы и орлеанская дѣва!

Послѣ всего сказаннаго понятно, почему я не одобряю напимѣръ раздѣленія г. Родевича: развратъ публичный, и развратъ патріархальный.

Развратъ только одинъ: душевный, развратъ воли, сердца, развратъ внутренній. Бросаясь въ различныя сферы жизни, онъ и проявляется въ различныхъ формахъ: взяточничества, воровства, обмана, прелюбодѣянія, семейнаго деспотизма и т. п. Человѣкъ, который не задумавшись губить чужую жизнь, неужели задумается сорвать взятку, или солгать предъ старшимъ, сильнымъ?

Патріархальнаго же разврата нѣтъ. Если онъ и проявляется въ формахъ, свойственныхъ разврату, то онъ все-таки неразвратъ, а *рутина*, пока въ немъ нѣтъ сознанія. Но лишь только оно явилось, — рутина дѣлается развратомъ.

Какое же значеніе могутъ имѣть для насъ, въ такомъ случаѣ, напимѣръ цифры публичныхъ жевщицъ въ такомъ-то городѣ или государствѣ?

Весьма относительное. Сами по себѣ они указываютъ только на число *жертвъ* разврата; а какъ жертвами легче дѣлаются бѣдность и невѣжество, то цифры могутъ отчасти дать указанія на эти элементы въ обществѣ. Если же мы поставимъ эти цифры въ связь съ другими цифрами преступленій, а также съ цифрами бѣдности, благотворительныхъ учреждений, учебныхъ заведеній, числа браковъ, смертности и т. д., то въ результатѣ получатся кое-какія

данныя для сужденія объ общественной нравственности. Но все-таки и тутъ мы будемъ имѣть дѣло только съ вѣншиимъ развратомъ, съ формою, а не съ сущностью.

Если и говорятъ, что между бѣдными болѣе разврата, то это потому только, что онъ тамъ вилѣе, обнажонѣе, циничнѣе, но не забудемъ, что въ этомъ быту развратъ болѣею частью носитъ характеръ ужаса, отчаянія, тотъ мрачный, раздрающій душу характеръ, который такъ поражаетъ насъ въ произведеніяхъ вѣкторныхъ англійскихъ писателей, и который придаетъ ему еще чело-вѣческое значеніе на самомъ краю пропасти. Въ утонченномъ развратѣ — на сценѣ холодный расчетъ. Льдомъ окружены его шаги, а гдѣ нужно — блескомъ и золотомъ. Толпа часто не видитъ его, а еще чаще не понимаетъ. Но оттуда-то и идетъ закваска того ала, который такъ легко поражаетъ бѣдность и невѣжество. Тамъ — огонь. А солома — внизу.

По какимъ же даннымъ мы можемъ судить о состояніи общественной нравственности въ данномъ обществѣ, въ данное время?

Развратъ есть противорѣчіе идеалу, а потому онъ самъ — идея. Судить же состояніе идей въ обществѣ слѣдуетъ по его проявленіямъ на томъ пути, по которому люди стремятся къ вѣчнымъ идеямъ жизни: истинѣ, благу и красотѣ. Какова литература въ обществѣ, каковы законы и учрежденія, каковы обычаи, ходячія понятія, общественное мнѣніе, каковы науки и искусства, каковы люди, такова и общественная нравственность. Если на сто душъ приходится девяносто взяточниковъ, воровъ, грабителей, прелюбодѣевъ и тирановъ (не въ древне-греческомъ смыслѣ), — то на общественную нравственность в руку можно махнуть... Не надо посѣщать и рынковъ публичныхъ женщинъ, чтобы на основаніи цифръ, выводить глубоко-ученыя изслѣдованія. Дѣло ясно само по себѣ. Если изъ ста душъ девяносто лгутъ, — очевидное дѣло, что нельзя доискаться правды.

Итакъ въ заключеніе: *развратъ — не отъ бѣдности, не отъ не-вѣжества и не отъ уменьшенія числа брачныхъ союзовъ.*

Напротивъ наоборотъ: бѣдность, невѣжество и уменьшеніе числа брачныхъ союзовъ *отъ* плохого состоянія общественной нравственности.

Но это кругъ, скажутъ. — Какъ кругъ? Все ли равно: причина и слѣдствіе? Развратъ — причина. Бѣдность, невѣжество, и уменьшеніе числа браковъ — слѣдствіе.

Вы хотите помочь общественной нравственности: дѣйствуйте на причины. Конечно исполнѣ гуманно дѣйствовать и на слѣдствія, то-есть учреждать убѣжища для совратившихся съ честнаго пути

женщинъ, или общества для предупрежденія ихъ отъ паденія, — но помните, что вы дѣйствуете не на причины.

Причина же — развратъ, и орудія его — развратители.

Слѣдствія — жертвы разврата: публичныя женщины, массы бѣдныхъ, массы голодныхъ, неразвитыхъ, массы пребывающихъ во тьмѣ кромѣшной...

Средства противъ разврата: укрѣпленіе въ обществѣ идей правды и добра, которыя онъ попираетъ.

Противъ развратителей — сила мнѣнія. Вооружите противъ нихъ всю силу негодованія и мщенія за поруганное человѣческое достоинство, воздвигните между ними и ихъ жертвами непреоборимую преграду мнѣнія, защитите честный трудъ и честное имя отъ голода и нищеты, дайте свѣту въ тьму кромѣшную, — и вы сдѣлаете что-нибудь для общественной нравственности...

И. С.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ ДРАМАТУРГІИ И СЦЕНЫ

СТАТЬЯ ВТОРАЯ

А мы вотъ какими товарами торгуемъ!

Кульчешское прилово.

III

Мы хотѣли разобрать наличные капиталы нашей сценической драматургіи, покончивши дѣло съ драматургіею литературною тѣмъ что весь образованный и мыслящій людъ признаетъ за русскую драматургію — и что явнымъ образомъ мало признается или даже вовсе не признается за таковую специальными блюстителами театра и театральными комитетами, позволяющими себѣ отвергать пьесы Островскаго и восторгающимися издѣліями гг. Дьяченко и Боборыкина.

Чтоже въ самомъ дѣлѣ даютъ на *такъ-называемомъ* «русскомъ театрѣ». Понастоящему слѣдовало бы прослѣдить цѣлый, хоть на-примѣръ прошлогодній сезонъ т. е. время отъ сентября 1861 г. по іюнь 1862 года, и статистическими данными доказать всю бессмысленность и безосновность нашего сезоннаго репертуара, но въ настоящее время, только-что принявшись слѣдить за русской сценой, мы должны сократить повозможности всякія вступленія, и такъ или иначе, *partir du point où nous sommes*, взять дѣло до его настоящей мнвуты.

Тѣмъ болѣе, что насчетъ бессмысленности репертуара прошлаго сезона, можно намъ повѣрять и на-слово. Бессмысленность — такой обычный фактъ въ нашей обычной общественной жизни — что доказывать статистическими фактами нужно развѣ только ея рѣдкія *lucida intervalla* здраваго смысла. Съ другой стороны, статистиче-

скіе факты за одинъ предшествовавшей мѣсяцъ достаточно могутъ удостовѣрить каждаго, кто только усумнится (а кромѣ членовъ разныхъ специальныхъ комитетовъ, право сдвали кто усумнится) въ томъ, что слова безсмысленность и безосновность по отношенію къ репертуару русской сцены, употреблены нами вовсе не для «красоты слога».

Еслиже, противъ всякаго нашего чаяніа, насъ упрекнуть въ опрометчивости или заносчивости сужденія, мы возьмемъ на себя благодарный трудъ вывести «любопытныя» статистическія данныя изъ афишъ прошлагоднаго сезона.

Въ настоящую минуту, мы прежде всего исчислимъ что давалось въ послѣднее время, хоть напримѣръ отъ 25 сентября — на двухъ русскихъ театрахъ, на Маріинскомъ и на Александринскомъ. До балета (покрайней-мѣръ покажемъ) итальянской оперы — какъ дѣла музыкальныхъ специалистовъ и любителей, до французской и нѣмецкой сцены, до появленія на нихъ какого-либо новаго и поучительнаго художника намъ дѣла нѣтъ. На первое время мы ограничиваемся только насущнымъ.

Итакъ вотъ что давалось на русскихъ театрахъ съ 25 сентября.

25 сентября на Александринскомъ: «Отецъ и дочь», драма. «А. и Ф.», водевиль. На Маріинскомъ «Горе отъ ума» и «Беззаботная» (г-жа Спорова).

26 сентября на Александринскомъ «Тридцать лѣтъ или жизнь игрока», драма. «Баль у банкира», водевиль. (Г. Жулевъ — Нарцисъ Бишоно). На Маріинскомъ «Жизнь за царя».

27 сентября на Александринскомъ «Уголино». «Милыя бранятся, только тѣшатся». Въ Маріинскомъ «Не въ деньгахъ счастье», (г. Васильевъ 2) «Бѣдовая бабушка».

28 сентября на Александринскомъ въ первый разъ «Легкая надбавка», драма въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. г. Погоесскаго. «Въ чужомъ паре цохмѣль», комедія А. Н. Островскаго. «Всѣхъ цѣточковъ болѣ — розу я любилъ». На Маріинскомъ «Норма» (г-жа Лаврова-Снежки). Второе дѣйствіе оперы «Новѣста-лунатикъ» (г. Никольскій и г-жа Булахова).

30 сентября въ Александринскомъ «Смерть Ляпунова». «Живчикъ». На Маріинскомъ «Испорченная жизнь», комедія г. Чернышова. «Прокази барышень на черной рѣчкѣ». Сцена г. Гербузова.

1 октября на Александринскомъ «Не по вусу табакъ», г. Погоесскаго. «Комедія съ дядюшкой». «Волшебная флейта», водевиль. На

Марининскомъ «Марта», опера. «Москаль-чаривникъ» (г. Артемовскій и г-жа Леонова).

2 октября на Александринскомъ «Велизарій», драма. «Взаимное обученіе». На Марининскомъ «Сватъба Кречинскаго», комедія. «Вотъ что значитъ влюбиться въ актрису» (г-жа Спорова). «Бабушкины грѣшки» (г-жа Спорова).

3 октября на Александринскомъ въ первый разъ «Не первый и не послѣдній», комедія въ пяти дѣйствіяхъ, г. Дьяченко. «Женщины-гвардейцы» (бенефисъ г. Марковецкаго). На Марининскомъ «Жизнь за царя» (208 представленіе).

4 октября. На Александринскомъ театрѣ: «Уголино», «На ловца и звѣрь бѣжитъ». На Марининскомъ — «Гроза», А. Н. Островскаго, «Женяхи», «Дядюшка болтушка».

4 октября. На Александринскомъ: «Тридцать лѣтъ или жизнь игрока», «Балъ у банкира». На Марининскомъ — «Русалка» опера А. С. Даргомыжскаго...

Но вѣдь это перечисленіе, скучно нашимъ читателямъ?.. Оно в самомъ намъ скучно — но вѣдь изъ него открывается фактъ довольно поучительный. Если вѣрить нашему репертуару, то должно быть «Уголино», «Жизнь игрока» пьесы наиболѣе капитальныя. Отъ 25 сентября до 5 октября, включительно — онѣ раздѣлили честь повторенія съ одной только дѣйствительной, всѣми признанной капитальной вещью — съ оперой Глинки.

Пропустимте недѣлю.

14 октября. На Александринскомъ театрѣ: «Уголино» (ого! въ третій разъ), «Женщины-гвардейцы» (тоже должно быть штука капитальная). На Марининскомъ — «Жидовка» (гг. Сѣтовъ, Васильевъ 1, Булаховъ — г-жи Валентина Біанки, Анненская).

15 октября. На Александринскомъ: «Жертва за жертву», драма г. Дьяченко. На Марининскомъ «Испорченная жизнь», «Комедія съ дядюшкой», сцена г. Горбунова.

16 октября. На Александринскомъ: въ первый разъ по возобновеніи — «Ермакъ Тимофеечъ», Полевого, «Беззаботная». На Марининскомъ — (въ пятый разъ), «Непервый и непослѣдній», г. Дьяченко, «Что имѣемъ нехранимъ».

17 октября. На Александринскомъ: «Легкая надбавка», г. Погосскаго. «Игроки», Гоголя. «Первое декабря».

18 октября. На Марининскомъ: «Непервый и непослѣдній», г. Дьяченко (въ шестой разъ). На Александринскомъ — «Двумужница».

19 октября. На Александринскомъ: «Велизарій», «Живчикъ». На Марининскомъ «Жизнь за Царя».

Въ «ространство времени, пропущенное нами, промелькнула еще

комедія Островскаго: «Правдивый сонъ...» Мы замѣчаемъ это, желая быть справедливыми...

Но спрашиваемъ читателей — что должно заключить изъ образчика нашего репертуара за мѣсяцъ. Что кромѣ «Жизни за Царя», у насъ есть одна капитальная вещь, это — «Уголино», Полевого и что первый драматическій писатель нашъ — г. Дьяченко, второй — г. Чернышовъ, третій — г. Погоскій? Не такъ ли? *Недурно* также писалъ Гоголь, такъ что иногда еще можно его лавать; не безъ достоинства тоже и комедія Островскаго.

Но мы не можемъ продолжать далѣе въ шуточномъ тонѣ. Театръ для насъ — дѣло серьезное, дѣло народное.

И вотъ именно, прежде всего мы беремъ вопросъ съ этой точки зрѣнія. На Александринскомъ театрѣ — понизили цѣну мѣстамъ, стало-быть, явнымъ образомъ хотѣли сдѣлать его доступнымъ небогатой массѣ. Чѣмъ же угощаютъ эту небогатую массу? Сверхъштатомъ г. Степанова въ «Уголино» и «Жизни игрока»... такими драмами какъ «Айвенго» и «Велизарій», возобновленіемъ постыднаго вздора, въ родѣ «Ермака» покойнаго Полевого... Почему же спрашивается, эту небогатую массу лишаютъ удовольствія видѣть и слышать такія капитальныя вещи русскаго искусства какъ «Жизнь за Царя» и «Гроза» — за что ее осуждаютъ на вольное-невольное выслушиванье дичи, которую несутъ Нива Галлури или Ермакъ Тимофеевичъ?

Наконецъ мы поймемъ даже и вздоръ, если онъ логиченъ. Но какимъ логическимъ мѣриломъ руководствуются въ распредѣленіи спектаклей на двухъ русскихъ театрахъ?.. Будь Маринскій театръ, исключительно оперный — мы это поймемъ, хотя опять-таки пожалѣемъ, что небогатая масса лишается — Богъ знаетъ за что и прочто — высокихъ наслажденій, доступныхъ ей нисколько не менѣе зажиточнаго мѣщанства. Будь Маринскій театръ — опредѣленъ для спектаклей съ великолѣпной обстановкой — тоже было бы понятно, но въдѣ «Айвенго» же напримѣръ и даже «Ермакъ Тимофеевичъ» требуютъ немалой обстановки, а давались на Александринскомъ театрѣ, а съ другой стороны — ни «Испорченная жизнь», ни «Горе отъ ума», ни даже «Гроза», особеннаго великолѣпія не требуютъ, а давались на Маринскомъ и на Александринскомъ. Будь даже Александринскій театръ — мѣстомъ предопредѣленнымъ для свалки сора вродѣ «Уголино» и произведеній г. Дьяченки, тоже было бы дѣло логически объяснимое. Но въдѣ на немъ играютъ: «Въ чужомъ пиру похмѣлье», Островскаго — «Игроковъ», Гоголя. Будь наконецъ этотъ театръ ареною для рева г. Степанова и вообще для актеровъ — ослабже, мы бы и это поняли, хотя конечно не могли

бы одобритъ такого аристократическаго раздѣленія. Съ другой стороны, будь Марининскій театръ предназначенъ для людей съ эстетически-развитымъ вкусомъ, на немъ не соединялась бы съ «Грозною Островскаго, такая пошлость, какъ «Дядюшка болтушка», не давалась бы въ немъ пьесы въ родѣ волеяна «Прокказы барышени на черной рѣчкѣ»...

Но оставимъ безсмысленный фактъ быть безсмысленнымъ фантомъ, и обратимся къ нашему вопросу, т. е. къ вопросу о капиталахъ нашей драматургіи. Неужели же въ самомъ дѣлѣ «Уголино», «Ермакъ Тимофеевичъ» и хламъ г. Дьяченко — считаютъ распорядители репертуара за капитальныя произведенія?.. Неужели же они не знаютъ, что о произведеніяхъ хоть бы наприимѣръ г. Дьяченко, хоть бы наприимѣръ о новостъ его произведеніи, серьезная критика постыдится говорить; что по поводу штукъ г. Погоескаго; она пожалѣетъ только, что не безларный, судя по его прежнимъ военнымъ рассказамъ, авторъ садится не въ свои сани. Въдъ среди этихъ штукъ комедіи г. Чернышова и драмы г. Потѣхина старшаго — перлы, а между тѣмъ и объ этихъ перлахъ смѣшно говорить серьезно въ литературѣ, которая имѣетъ Грибоѣдова, Гоголя и Островскаго. Комедіи г. Чернышова наприимѣръ очень нравятся на сценѣ, и мы нисколько не думаемъ посягать на ихъ сценическое достоинство, тѣмъ болѣе, что онѣ представляютъ для такихъ высокодаровитыхъ артистовъ, какъ г. Васильевъ 2, хорошія роли, но попробуйте прочесть ихъ, и вы увидите, какими бѣлыми нитками онѣ шиты, какъ все въ нихъ «сдѣлано», натянуто за волосы, какъ изъ-за всякой сцены неурядно-навязчиво скачетъ вамъ въ глаза задняя мысль, такъ называемая «илейка». Возьмите хоть послѣднюю изъ нихъ: «Испорченная жизнь»; въдъ это драматизированный, разжиженный и отвратительно-подслащенный казенной нравственностью «Подводный камень» г. Авдѣева! Или драмы г. Потѣхина наприимѣръ? (мы говоримъ о г. Потѣхинѣ старшемъ, ибо о г. Потѣхинѣ младшемъ считаемъ болѣе лишнимъ говорить; чѣмъ о г. Дьяченко или г. Боборыкинѣ). Напишетъ Островскій «Не въ свои сани не садись» и выставитъ типъ патріарха, въ лицѣ Рукакова; г. Потѣхинъ даетъ «Судъ людской не божій», гдѣ пересаливаетъ этотъ типъ до невозможности, обставивъ его отвратительными бабами-кликушами. Коснется Островскій какъ художникъ типа широкой русской природы въ Петрѣ Ильичѣ, сумѣвши при всей правлѣ удержаться въ границахъ поэзіи; г. Потѣхинъ заставитъ четыре акта пьянствовать, буянить и воровать какого-то дуromана въ пьесѣ «Чужое добро въ прокъ нейдетъ». Или вдругъ наприимѣръ, съ чего-то въкоторымъ господамъ приходится въ го-

лову при перемѣхъ комедійхъ Островскаго, что онъ ведетъ войну съ образованностью, и вотъ г. Владыкинъ всю вину начинаетъ валить на образованность, не постыдившись даже назвать «образованностью» одну изъ своихъ комедій, въ которой образованность выходитъ виновата въ томъ, что молодой кунчикъ обирадываетъ дражайшаго родителя. O imitatores, servum pecus! Думалъ ли когда Островскій, что его Непяль Сидоровны и другія лица, убѣжденные, что образование ведетъ людей къ безобразіямъ, найдутъ своимъ мыслямъ поборниковъ въ литературѣ? Думалъ ли не только онъ, но думалъ ли даже покойный Добролюбовъ, толкуя о самодурствѣ темнаго царства, что для возбужденія тошноты заѣдигъ г. Чернышовъ самодурство въ своихъ комедіяхъ?

Нѣтъ, господа распорядители репертуара русскаго театра, плохи ваши капиталы, которыми вы думаете замѣнить вещи Гоголя и Островскаго!

IV

Чтобы начать наши замѣтки о «русскомъ театрѣ» чѣмъ-нибудь хорошимъ и приятнымъ, мы прежде всего должны сказать, что до самаго начала сезона мы верѣлко выносили истинно-отрадное чувство изъ нашей русской оперы. Тенерешій составъ ея съ такими *primi* и *secondi tenori*, какъ гг. Сѣтовъ, Никольскій, Булаховъ, Васильевъ 2, съ такими замѣчательными пѣвицами, какъ г-жа Валентина Біанки и г-жа Леонова, съ такими басами и баритонами, какъ гг. Петровъ, Васильевъ 1, Артемовскій, Гумбиня, — тенерешій составъ ея, соединенный съ великолѣпнѣйшею постановкою, удовлетворитъ хоть кого. Кто видѣлъ напримѣръ «Жидовку» Галеви на нашей и на парижской сценѣ, тотъ не можетъ не согласиться, что и поставлена она у насъ гораздо великолѣпнѣе и исполняется несравненно лучше. Но что это за странность такая, что въ «Жидовкѣ» напримѣръ у насъ исторически вѣрна костюмировка, а въ нашей родной оперѣ «Жизнь за царя» не вывелись еще театральные пейзажи вѣсто крестьянъ, и театральныи пейзажи съ какими-то мантильями, шифующими претензіей быть шубками. Автомила въ костюмѣ средневѣковой герцогини, и сирота Валя, одѣтый плашущимъ театральнымъ пейзажникомъ, въ кафтанчикѣ съ галунчиками. Не говоришь уже о кринолинахъ, съ которыми не въ силахъ разстаться даже русаки въ оперѣ Даргомыжскаго; уничтожить кринолины, положимъ дѣло невозможное, но неужели нельзя ввести сермягу, зипунъ,

кочку и истолкованій заправскій сарказмъ въ заправскую, народную оперу Глинки? Вѣдь такая вещь должна быть исполнима, мы полагаемъ, съ почтеніемъ.

Во все это время, истинно серьезныя драматическія спектакли былъ всего одинъ: это «Горе отъ ума», да и оно было кажется для дебюта новой артистки г-жи Споровой. Какъ объ этомъ единственномъ серьезномъ спектаклѣ, такъ и о новой дебютанткѣ, мы обязаны сказать нѣсколько словъ.

Въ «Горѣ отъ ума» на нашей сценѣ вышло собственно только одно, вполнѣ живое и художественно созданное лице, да и то глухонѣмое, князь Тугоуховскій (г. Васильевъ 2). Это мы говоримъ совсѣмъ не для краснаго словца, а весьма серьезно.

Затѣмъ наибольшая часть принадлежитъ г. Нильскому, въ роли Чацкаго. Большая заслуга его игры въ Чацкомъ уже та, что онъ не похожъ ни на покойнаго Максимова, ни на г. Самерша 1. Мы думаемъ, что г. Нильскій современемъ сыграетъ настоящаго Чацкаго, какого до сихъ поръ мы не видывали. Ему только слѣдуетъ прежде всего выкинуть изъ головы мысль, что Чацкій, jeune premier; отлаться болѣе своему внутреннему жару и сдѣлать Чацкаго нѣсколько постарше; мы не станемъ заниматься какъ рецензентъ «Сѣв. Пчелы» счисленіемъ лѣтъ Чацкаго. Можетъ быть Чацкому и двадцать-три года, но на физиономію такихъ людей какъ Чацкій мысль и чувство рѣзко кладутъ свою печать. Вездѣ глѣ г. Нильскій искренно увлекался, забывая о томъ что онъ jeune premier, онъ былъ не только хорошгъ, но превосходень.

Фамусовъ (г. Григорьевъ 1) походилъ гораздо болѣе на департаментскаго сторожа, о которомъ пишетъ Хлестаковъ къ душѣ Тряпичкину, чѣмъ на грибоѣдовскаго Фамусова.

Молчалинъ (г. Шемаевъ) былъ такимъ пошлякомъ, въ котораго не могла бы влюбиться не только Софья, но даже жена портного Петровича гоголевской шинели.

Софья... Неужели г-жа Сибткова 3 думаетъ серьезно, что всѣ роли можно играть однимъ тономъ — да и тономъ-то вѣчно плаксивымъ?

Скалозубъ былъ скопированъ съ фельдфебеля, да и то не гвардейскаго, а армейскаго, изъ безсрочно-отпускныхъ.

Хлестова, хоть и играла ее г-жа Лиская, артистка весьма даровитая — нисколько не была московкой барыней, передъ которой всѣ трепещуть. Тоже къ сожалѣнію должно сказать и о другой, истинно же даровитой артисткѣ, г-жѣ Левкѣевой, въ роли Натальи Дмитревны.

О г. Соснячкомъ въ роли Ренетилова, мы совершенно не поня-

той, лучше умоветь изъ уваженія къ его лѣтамъ и дѣйствительнымъ заслугамъ.

Г. Каратыгинъ въ Загорѣцкомъ, копируетъ какого-то петербургскаго прощальгу и несоздалъ московскій типъ, который имѣлъ въ виду Грибоѣдовъ.

Чтоже сказать о дебютанткѣ? По роли Лизы, которую какъ и стараются защищать, а все-таки она въ комедіи Грибоѣдова ибъчто условное и смахиваетъ на французскую субретку, по этой роли, говоримъ мы, о ней еще нельзя пронаести какого-либо окончательнаго сужденія, да къ сожалѣнію и по другимъ ролямъ, выбраннымъ ею для дебютовъ—тоже. Г-жа Спорова, очень ловка на сценѣ, говоритъ со смысломъ, иногда даже съ огнемъ—но какъ видно изъ ея выбора дебютовъ, на счетъ искусства, весьма «легковѣрнаго» мнѣнія. Впрочемъ, тутъ мы можетъ-быть и ошибаемся. Если на долю ея выпадали все такія ничтожныя и пустыя роли, то это можетъ-быть и потому, что лучшихъ ей и не дали.

Смѣшна въ высшей степени театральная публика, раздѣлявшаяся уже на двѣ партіи: *сильковистовъ* и *споровистовъ*. Изъ этихъ партій «объ лучше», а та которая неистово хлопаетъ г-жѣ Сивтиковой за неудачно выполненную роль Софьи и та, которая подноситъ вѣнки и букеты г-жѣ Споровой, за то что г-жа Спорова очень хороша собою.

ГОЛОСЪ ЗА ПЕТЕРБУРГСКАГО ДОНЪ-КИХОТА

ПО ПОВОДУ СТАТІИ Г. ТЕАТРИНА

Нѣкто санктпетербургскій донъ-Кихоть (котораго мы и въ глаза не видали) напалъ на какой-то фантастическій комитетъ. (См. «Гудокъ» № 40).

Нѣкто г. Театринъ вступился за честь своихъ фантастическихъ сотоварищей, и готовый за нихъ въ огонь и въ воду, вооружился перомъ, сталъ въ оборонительное положеніе, (Смотр. «Спб. Вѣдомости» № 236.) и воскликнулъ:

— Не донкихотствуйте г. донъ-Кихоть! а нето... я васъ!..

Такъ какъ г. Театринъ, мы увѣрены, самъ лицо вовсе не фантастическое, (г. Краевскій ничего фантастическаго, т. е. не существеннаго и не допустилъ бы въ свою газету), лицо нетолько не фантастическое, но лишонное даже всякой фантазіи, — то очень можетъ быть, что и комитетъ, подвергающій разбору драматическія сочиненія — также не фантастическій.

Очевидно, что донъ-Кихоть на все смотритъ съ своей точки зрѣнія, во всемъ видитъ нѣчто волшебное и чародѣйственное, — и это совершенно въ его характеръ. Мало того, сей странствующій рыцарь вполне убѣжденъ, что всѣ неправды, всѣ злоупотребленія совершаютъ не люди, а духи; что даже взятки берутъ не люди, — а все какіе-то волшебники или волшебницы. О высокое, благородное безуміе! Изъ какой глубокой вѣры въ честность челоувѣчества ты пристокаешь!

Г. Театринъ, внимая рѣчамъ донъ-Кихота, сначала прикидывается будто бы вовсе и не знаетъ, о какомъ комитетѣ рѣчь идетъ. Наконецъ не выдерживаетъ характера и проговаривается.

И то сказать: будь комитетъ дѣйствительно фантастическій, какое бы дѣло вступаться за него реальному г. Театрину!

Чтобъ поразить донъ-Кихота, убить его наповаль передъ публикой, онъ статью его приписываетъ оскорбленному самолюбію...

Дескать подалъ онъ въ какой-то фантастическій комитетъ какую-то драму «*Русскіе въ 1862 году или народная подоплека*», ну и члены этого комитета, читавшіе эту пьесу, ее не одобрили, такъ какъ она что-нибудь да смыслятъ въ драматическомъ искусствѣ. Ну вотъ донъ-Кихотъ и разсердился и вапалъ на комитетъ.

А донъ-Кихотъ вѣроятно драмы этой и не писалъ, а просто выдумалъ ее, чтобъ имѣть случай проскользнуть въ фантастическій комитетъ; это съ его стороны была военная хитрость, которая иногда допускалась рыцарями.

Стало-быть донъ-Кихотъ сталъ донкихотствовать противъ комитета не ради оскорбленнаго самолюбія, а просто потому, что вознегодовалъ, и такъ какъ онъ петербургскій, а не ламавчскій донъ-Кихотъ, то и замаскировалъ свое негодованіе.

Видя все это, г. Театринъ совѣтуетъ донъ-Кихоту не донкихотничать, и увѣряетъ насъ, читателей, что роль донъ-Кихота самая жалкая и постыдная.

Ну вѣтъ, г. Театринъ, не совѣмъ такъ!

Быть-можетъ у насъ оттого такъ много всякихъ неправдъ и злоупотребленій, такъ много невѣждъ, взяточниковъ и казнокрадовъ, что мало, увы! очень мало святая Русь производитъ на свѣтъ донъ-Кихотовъ. Вѣдь донъ-Кихотъ (Сервантеса, прибавимъ), — это идеалъ честности, неподкупности и неустранимости.

Ламавчскій донъ-Кихотъ отперъ клѣтку со львомъ, и вызывалъ сего царя звѣрей на бой. Петербургскій донъ-Кихотъ льва не зоветъ, а много-много что отворить двери въ засѣданіе какого-нибудь комитета и поглядить, что тамъ дѣлаютъ чародѣи или господа Театрины.

Левъ, когда-то вызванный ламавчскимъ донъ-Кихотомъ, только зѣвнулъ и повернулся къ нему хвостомъ, не чувствуя за собой никакой вины; и вы, г. Театринъ, сдѣлали бы гораздо лучше, еслибъ на вызовъ петербургскаго донъ-Кихота также бы зѣвнули, но въ этого не могли сдѣлать: правда, хоть и замаскированная, кольнула васъ, вы испугались и вскрикнули:

«Не донкихотствуйте и донъ-Кихотъ!»

Перейдемъ теперь отъ фантазій къ дѣйствительности.

Въ г. Театринъ говорите, что пьесы г. Островскаго въ настоящее время не даются часто потому, что г. Островскій не пишетъ ничего новаго.

Помилуйте, г. Театринъ, неужели вы ничего не читаете? Да въ продолженіи года г. Островскій напечаталъ двѣ пьесы: драму «*Козьма Миничъ Сухорукій*» («*Современникъ*») и комедію «*Женитьба Бальзаминова*» («*Время*»). Неужели этого мало? Послѣдняя ко-

медія г. Островскаго такъ хороша, что едвали не одна изъ лучшихъ его произведеній, и на сценѣ имѣла бы успѣхъ громаднѣй; ее и читать-то вельзя не умирая со смѣху. Отчегоже ни этой драмы, ни этой комедіи нѣтъ на сценѣ?

Авторъ не даетъ... авторъ самъ объ этомъ не хлопочеть.

Но вопросъ, отчего не даетъ и не хлопочеть авторъ? Ужь не смотритъ ли онъ на весь комитетъ глазами донъ-Кихота, и не будучи самъ донъ-Кихотомъ, не считаетъ нужнымъ съ вами безплодно ратовать. Вѣдь имѣть съ вами дѣло не легко — говорить авторы.

Но положимъ это вздоръ, положимъ г. Островскій не даетъ своихъ пьесъ и о томъ не хлопочеть... а вы-то начто? Вѣдь вы обязаны думать и о славѣ и о направленіи театра... Хлопочите, просите г. Островскаго; пишите къ нему: онъ талантливѣйшій писатель, оказавшій уже много услугъ нашему театру. Его и портретъ красуется на одномъ изъ театральныхъ плафоновъ. А вы? вы кто? Какія ваши заслуги? И вы хотите, чтобъ талантъ вамъ кланялся, васъ упрасивалъ, не оставьте-де меня вашимъ покровительствомъ! Нѣтъ-съ! вы ему поклонитесь, вы ищите его вниманья, если только вамъ дорога русская сцена, если только вы для театра, а не театръ для васъ.

Вы, г. Театринъ, между прочимъ просите донъ-Кихота хоть *пердѣлать вкусъ публики*.

Да развѣ это его дѣло! Вкусъ публики неразвиеть, восхищается всякимъ вздоромъ, а вы употребляете всѣ ваши усилія для того, чтобъ еще болѣе исказить этотъ вкусъ, поглажая его неразвистости.

Понимаете ли вы, что одна пьеса, написанная съ идеей, съ жаждой сказать правду, съ талантомъ, стоитъ цѣлой сотни, цѣлой тысячи такихъ эфемерныхъ фарсовъ и водевилей, какіе стряпаеть вамъ г. П. Федоровъ съ компаніей.

Мы не хуже васъ знаемъ, что репертуаръ не можетъ состоять изъ пьесъ первокласныхъ, но мы также знаемъ, что пьесу à la П. Федоровъ за деньги можетъ написать любой фельетонистъ, и что стоитъ только поощрить переводчиковъ, какъ весь заграничный репертуаръ, все лучшее, появившееся на нѣмецкой, французской и англійской сценахъ за послѣдніе десять лѣтъ, появится и на нашей сценѣ, и что всякая переводная пьеса, написанная съ талантомъ, во сто разъ лучше бездарнаго, доморощенаго произведенья, т. е. такого, изъ котораго зритель ничего не вынесетъ, ни одной мысли, ни одного нравственнаго побужденія.

Неужели же бездарныя комедіи, водевилы и фарсы все болѣе и

болѣе будутъ плодиться у насъ на сценѣ, потому только, что есть авторы привлекательные и благодарные. Ужели публика все болѣе и болѣе будетъ портить вкусъ свой и убивать время въ театрѣ на праздное и безплодное удовольствіе, потому только, что это гораздо выгоднѣе для авторовъ вродѣ г. Федорова и другихъ.

Слышали мы, будто фантастическій комитетъ повременамъ свадиваетъ кой-что на цензуру, будтобы цензура смотритъ строже и оказывается неумолимою ко всему, на чемъ лежитъ печать таланта, и задерживаетъ лучшія пьесы, по одному, по два и даже по четыре года. Едва ли это правда; но если это и правда, то все-таки комитетъ долженъ быть первымъ заступникомъ и ходатаемъ нашихъ лучшихъ драматическихъ писателей передъ суломъ цензуры. Въ этомъ случаѣ комитету и подонкихотничать не мѣшало бы. За такое допихотство мы не только бы не назвали его жалкимъ, напротивъ склонились бы передъ его благородной храбростію.

А отъ фантастическаго комитета многое зависитъ. Можно на примѣръ любую пьесу убить нановалъ недобросовѣстнымъ чтеніемъ, можно самую патетическую сцену прочесть такъ вяло, или такимъ тономъ, что она покажется и смѣшной и глупой. Недаромъ говорить, что *le ton fait la musique*.

Можно также иначе поступить для того, чтобъ пьеса не понравилась, а именно: нынче прочесть начало, а потомъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда начало забудется, дочесть конецъ.

Какихъ фокусовъ нельзя придумать въ такихъ стѣнахъ, куда не проникаетъ гласность и куда не хотятъ даже писатели заглядывать, тѣ писатели, которыхъ когда-то приглашала сама дирекція. Пусть дирекція спроситъ этихъ писателей, отчего они покинули этотъ комитетъ и какъ имъ не грѣхъ и не стыдно показать къ театру такое равнодушіе, вмѣсто того, чтобъ принять въ немъ самое горячее участіе.

Жаль, если г. Театринъ говоритъ правду, т. е. если такіе воеводы и бездарныя комедіи даютъ лучшей сборъ, нежели комедіи Гоголя, Островскаго, Тургенева, Потѣхина и другихъ менѣе даровитыхъ писателей. Въдъ Гоголь и Островскій передъ г. П. Федоровымъ то же, что Лаблашъ и Маріо передъ уличнымъ цыганомъ. Отчегоже умная дирекція не приучаетъ слухъ публики къ уличному пѣнію, а выискиваетъ для оперы лучшихъ европейскихъ пѣвцовъ и пѣвицъ, дорого имъ платитъ и убѣждена, что эти деньги не пропадшія, что эти деньги развиваютъ эстетическій вкусъ публики, и быть-можетъ побуждаютъ ее къ изученію музыки.

Почему же въ отношеніи оперы дирекція рассчитываетъ не на дешовыя посредственности, а на знаменитости, и почему комитетъ

болѣе рассчитываетъ на посредственности, чѣмъ на знаменитости? Слава-богу, что пѣвцы выбираются не фантастическимъ комитетомъ, — вотъ была бы у насъ опера!

Но довольно.

Пусть члены фантастическаго комитета засѣдаютъ яко боги на Парнасѣ, и вѣнчаютъ своихъ вѣрныхъ и благодарныхъ поклонниковъ, но пусть они помнятъ, что и гласность, настоящая, святая, неумолимая гласность не за горами.

Ч. КОМИТЕТСКІЙ

ТЯЖОЛОЕ ВРЕМЯ

(ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ «ВРЕМЕНИ»)

Ума холодныхъ наблюдений
И сердца горестныхъ замѣтъ.

Пушкинъ

Помните ли вы, милостивый государь, тотъ номеръ «Гудка», гдѣ между другими совѣтами дѣлается также увѣщаніе г. Страхову прекратить со мною знакомство? Признаюсь вамъ, что увидѣвъ эти коварныя строки, я пришолъ въ большое смущеніе. Давно уже замѣчалъ я, что г. Страховъ неблагоклонно смотритъ на мои письма къ вамъ; несмотря на довольно короткое знакомство со мною, онъ или вовсе не говорилъ объ нихъ, или же отзывался какими-то очень неопредѣленными фразами. А что, подумалъ я, какъ онъ въ самомъ дѣлѣ послушается совѣта «Гудка»? Вѣдь нынче, говорятъ, печать имѣетъ страшную силу. Не долго думая, я бросился къ г. Стрaхову.

Дорога была не близкая. Должно быть было грязно, тряско, холодно; но ничего этого я не помню. Дѣло въ томъ, что мало-помалу, меня начинала угрызать совѣсть. Я ѣхалъ, глубоко задумавшись. Сталъ я припоминать, въ чемъ меня печатно упрекали; вспомнилъ я, что въ одномъ журналѣ меня назвали *мрачнымъ*; въ другомъ еще лучше — *лишоннымъ гуманности* (причемъ въ примѣръ гуманности мнѣ былъ поставленъ П. Л. Лавровъ), въ третьемъ наконецъ меня назвали *свирьпыымъ*; вспомнилъ я, что меня пространно упрекали въ злости, да еще въ какой! въ чистой злости для злости, подобной чистому искусству для искусства. Неужели, думалъ я, эта нерадостная репутація имѣетъ какое-нибудь основаніе? Знаю я, очень хорошо знаю, что не могу я равняться гуманностію съ П. Л. Лавровымъ; но чѣмъ выше эта гуманность, тѣмъ больше степеней отдѣляется се отъ злобы. Ужели я стою ниже всѣхъ этихъ степеней?

Ужели во мнѣ есть искра злобы, которой я не замѣчаю по самообольщенію и которая противъ моей воли проглянула въ моихъ письмахъ? Не можетъ-быть! Въ этихъ письмахъ я кажется занимался самымъ невещнымъ дѣломъ: я наблюдалъ, сравнивалъ, анализировалъ, дѣлалъ выводы; я строжайшимъ образомъ держался логики и стремился къ дѣйствительности... Гдѣ же злоба?

Волнуемый такимъ мыслями я вошелъ къ г. Страхову. По обыкновенію онъ переводилъ Куно Фишера. Думалъ ли онъ о *жизнелюблѣ планетъ*, — какъ это постоянно утверждаютъ журналы, не могу сказать навѣрное. Тутъ произошелъ между нами разговоръ, который глубоко поразилъ меня и который, съ его позволенія, я передамъ вамъ, какъ фактъ весьма по моему мнѣнію любопытный для наблюдателя и дѣписателя нашей словесности.

— Вотъ, сказалъ я ему, подавая сѣренкій номеръ «Гудка»: — посмотрите-ка что здѣсь написано. Я надѣюсь, продолжалъ я, занимаясь, что вы однакоже... тѣмъ не менѣе не послѣдствуете этому совѣту. Но... я рѣшился по этому случаю все-таки спросить васъ окончательно: какого вы мнѣнія о моихъ письмахъ въ редакцію «Времени»?

— Если вы уже такъ настоятельно требуете, отвѣчалъ онъ, то такъ и быть скажу вамъ прямо мое мнѣніе. Я не считаю вашихъ писемъ чѣмъ-нибудь дурнымъ или вреднымъ. Но признаюсь, я все-таки ими недоволенъ и недоволенъ по причинѣ, которая по моему очень важна: я думаю, что они бесполезны. По моему мнѣнію, они не могутъ производить никакого дѣйствія, ни дурного, ни хорошаго.

— Какъ? воскликнулъ я. Почему же такъ? Вы полагаете, вѣроятно, что они дурно написаны, сбивчивы, неосновательны, вялы...

— Нисколько, нимало! Въ нихъ нѣтъ большихъ недостатковъ этого рода, но зато есть недостатокъ, который несравненно хуже и котораго, какъ я вижу, вы и не подозреваете. Не правда ли, что въ нихъ вы главнымъ образомъ стараетесь быть логичнымъ, употреблять строгіе, научные приемы, дѣлать точные выводы?

— Конечно, отвѣчалъ я съ нѣкоторымъ изумленіемъ, хотя и безъ самодовольства. Но какой же тутъ недостатокъ?

— Да такой, что его трудно чѣмъ-нибудь поправить. Такъ какъ вся сила и вся сущность вашихъ писемъ заключается въ логикѣ, то они не имѣютъ почти никакой силы и даже можно сказать никакой сущности.

— Какъ такъ? Я васъ не понимаю. Развѣ логика чему-нибудь можетъ помѣшать? Вѣдь масло каши не портить. Кажется, это вѣрно!

— Вѣрно, да не совсѣмъ. Скажите, развѣ когда-нибудь люди руководствовались чистою логикою? Развѣ она когда-нибудь имѣла господствующее значеніе? Всегда и вездѣ истина въ ея строгой и чистой формѣ была доступна немногимъ; всегда она была трудна для пониманія, распространялась и дѣйствовала медленно...

— Экую премудрость вы мнѣ проповѣдуете, сказалъ я съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ. — Слыхали мы это и прежде васъ. Чтоже повашему — сложить руки и молчать?

— Кто же вамъ мѣшаетъ говорить? Пишите все что вамъ угодно. Я говорю только, что ваши писанія не будутъ имѣть никакого значительнаго вліянія. Для этого нужно употреблять другія средства.

— Какія же это, позвольте спросить?

— Странно, если вы ихъ до сихъ поръ не знаете. Развѣ вы не замѣтили еще, что именно имѣетъ вліяніе и приобретаетъ значеніе? Дѣйствительную, жизненную важность преимущественно имѣетъ то, что болѣе или менѣе уклоняется отъ формы чистой мысли; напримѣръ страсть, одностороннее увлеченіе, фанатическое, слѣдовательно преувеличенное, неправильное, несоразмѣрное поклоненіе какой-нибудь идеѣ. Чтобы заинтересовать людей, чтобы ихъ увлечь, мысль должна непремѣнно воплотиться, должна отказаться отъ своего невозмутимаго спокойствія и прозрачнаго теченія. Вотъ почему также производить такое обширное дѣйствіе прекрасная музыка, романъ, сценическое представленіе; все это, какъ вы видите, очень далеко отъ чистой логики.

— Положимъ такъ, сказалъ я, приходя въ раздумье. — Но вѣдь я не претендую на какое-нибудь важное значеніе моихъ писемъ; вы знаете, до какой степени я дѣйствительно скромнѣнъ. Все-таки я не могу рѣшиться считать ихъ бесполезными. Я согласенъ, что логикою взять много нельзя. Но неужели же вы въ самомъ-дѣлѣ держитесь такого обиднаго мнѣнія, что логика вовсе неумѣстна въ нашей журналистикѣ?

Такой прямой вопросъ, какъ мнѣ показалось, нѣсколько затруднилъ г. Страхова.

— Какъ вамъ сказать? уклончиво отвѣчалъ онъ. — Можетъ быть менѣе умѣстна, чѣмъ многое другое. Посмотрите въ самомъ-дѣлѣ, какъ некстати вы дѣйствуете во многихъ случаяхъ! Гдѣ надобно кричать, — вы разсуждаете; гдѣ нужно браниться, — вы дѣлаете точные анализы; гдѣ нужно смѣяться, — вы подводите силлогизмы. Чтоже изъ этого выходитъ? Васъ не слушаютъ, а тѣ, кто кричитъ, бранится, смѣется, — достигаютъ своей цѣли.

— Знаете ли, сказалъ я съ нѣкоторымъ уныніемъ. — Я нако-

нецъ былъ бы радъ, еслибы вы были исполнѣ правы, то-есть еслибы мои письма въ самомъ-дѣлѣ не возбуждали никакого вниманія. Но дѣло кажется гораздо хуже, чѣмъ вы думаете. Почему-то, право не знаю, меня ославили какъ человѣка злобнаго и видать въ моихъ письмахъ одно порожденіе моей злости и свирѣпости.

— Неужели! воскликнулъ г. Страховъ.

Тутъ я рассказалъ ему всѣ тѣ печатныя заявленія, по которымъ я убѣдился въ своей позорной репутаціи.

— Сдѣлайте милость, сказалъ я въ заключеніе: — объясните мнѣ, отчего это такъ вышло, и какимъ образомъ мое пристрастіе къ логикѣ привело меня къ такому великому бѣдствію?

Выслушавъ меня очень внимательно, г. Страховъ задумался и какая-то двусмысленная улыбка показалась на его губахъ.

— Это интересно, заговорилъ онъ. — Признаюсь я не ожидалъ, чтобы ваши письма возбудили какой-нибудь отзывъ; но если они произвели дѣйствіе, то именно такое, какого должно было ожидать. Вы, какъ я вижу, очень наивно и простодушно смотрите на свое дѣло. Вы дивитесь, что въ логикѣ нашли злость? Но логика по сущности дѣла свирѣпа и никогда не была милостивою и снисходительною. Снисходительною можетъ быть жизнь, а не логика. Неужели вы не знали, съ какимъ опаснымъ оружіемъ вы обращаетесь? Если такъ, то недурно васъ предупредить. До сихъ поръ, сколько могу судить, вы не налѣзали еще никакой бѣды; но съ вашимъ пристрастіемъ къ логической строгости, съ вашимъ отвращеніемъ отъ логической нечистоплотности вы можете впасть въ большую опасность.

— Вы шутите! воскликнулъ я. — Какая же можетъ быть опасность въ строгихъ выводахъ и правильныхъ заключеніяхъ?

— Не въ этомъ дѣло! говорю вамъ серьезно. Не смотрите на вещи такъ легкомысленно. Легко можетъ случиться, что вы натолкнетесь на великій талантъ и великое сердце, однимъ словомъ на огромную духовную силу, и вмѣсто того, чтобы понять ее, взять ее въ ея цѣлости и глубинѣ, станете капризно прикидывать къ ней мѣрку вашихъ точныхъ силогизмовъ. Вы пуститесь проповѣдывать, какъ это было съ вами до сихъ поръ, что люди не идиотки, что Гегель былъ не помѣшанный, что нельзя уничтожить на свѣтѣ ни глупыхъ книгъ, ни глупыхъ людей, и т. п. и конечно вы будете совершенно правы; но вмѣстѣ съ тѣмъ на васъ ляжетъ великая вина, что вы не поняли всего объема той духовной силы, о которой рѣшились говорить. И тогда — горе вамъ! Чѣмъ яснѣе будутъ ваши аргументы, чѣмъ свирѣпѣе будетъ ваша логика, тѣмъ хуже для васъ, тѣмъ тяжелѣе ваша вина. Жизнь отмститъ вамъ за то, что

вы не прислушивались къ ея голосу, что отвернулись отъ нея, что вздумали наслаждаться чистымъ и яснымъ мышленіемъ, когда ей было не до того!

Съ ужасомъ выслушалъ я эти слова, и признаюсь въ ту минуту не нашолся что возразить. Невольная тоска закралась въ мою душу. Я поспѣшилъ проститься и поѣхалъ домой. Давно уже была ночь, и въ темнотѣ Петербургъ имѣлъ самый гнусный видъ. Туманъ стался по пустымъ и пустынно-широкимъ улицамъ. Фонари глядѣли сквозь него тускло и кроваво. Кое-гдѣ на перекресткахъ, какъ огромныя статуи, стояли городовые. И вотъ все яснѣе и яснѣе я сталъ чувствовать, среди какой жизни мнѣ привелось жить, какую атмосферу я дышу, какой городъ меня окружаетъ. Давно уже знакомъ мнѣ Петербургъ. Сталъ я припоминать тысячи рѣчей и мнѣній, которыя мнѣ случалось слышать, всѣ эти убѣжденія и руководящія мысли, возбуждавшія споры, служившія предметомъ горячаго проповѣдыванія. Какой страшный хаосъ! Какія изумительныя уродливыя недоросшей, подавленной, изгибающейся мысли! Какія дикія, невѣроятныя формы! Какія антилогическія сплетенія и сочетанія! Но въ тоже время я чувствовалъ, что чѣмъ безобразнѣе этотъ міръ, тѣмъ кажется несправедливѣе прилагать къ нему шѣрку правильной и чистой мысли. Припоминая людей, которымъ принадлежали эти рѣчи, я невольно вспомнилъ, какъ часто они обнаруживали чистыя, благородныя чувства, какъ часто отъ нихъ вѣло сердечной теплотою; передо мною какъ-будто мелькнули эти одушевленные лица, мелькнуло пламя этихъ глазъ, которыя я видѣлъ, и я понималъ, что въ глубинѣ этого туманнаго міра безобразныхъ мыслей все-таки скрываются горячіе источники жизни. Если же присутствіе этихъ источниковъ не обнаруживается правильными и чистыми явленіями, то виноваты не они, а та атмосфера, которая ихъ окружаетъ, густая, смрадная, удушающая творческія біенія жизни. Вотъ отчего и литература, вмѣсто того, чтобы производить на своей почвѣ стройныя и красивыя растенія, поражаетъ множество уродливыхъ и извращенныхъ формъ. Безумецъ тотъ, кто приступилъ бы къ этому міру съ требованіемъ правльныхъ формъ и мыслей, кто думалъ бы, что живя въ немъ, онъ можетъ наслаждаться такими формами и мыслями! Но еще болѣе безумецъ тотъ, кто сталъ бы упрекать этотъ міръ за его безобразіе, и вмѣсто сожалѣнія и сочувствія, казнилъ бы его сарказмомъ и презрѣніемъ!

Можетъ быть вы найдете, милостивый государь, что я употребилъ нѣсколько рѣзкихъ выраженія, но таковы именно были мысли, которыя овладѣли мною, когда я возвращался отъ г. Страхова. Я пришелъ тогда въ то печальное расположеніе духа, которое съ нѣкото-

раго времени все чаще и чаще находить на меня. Вы помните колючую мое прежнее спокойное настроеніе, всеглашнюю ясность моего характера. Увы! Едвали имъ вернуться когда-либо! Меня глубоко поразили нѣкоторыя событія, всѣмъ памятыя. Первый ударъ моему счастливому настроенію былъ нанесенъ закрытіемъ двухъ журналовъ — «Современника» и «Русскаго Слова». При моей извѣстной вамъ любви къ чтенію, при моей страсти къ литературнымъ наблюденіямъ, отсутствіе двухъ журналовъ не могло не показаться лишеніемъ. Но кромѣ того я былъ повергнутъ въ такое недоумѣніе, что долго не могъ опомниться и сообразить, въ чемъ дѣло. Представьте себѣ (я не найду лучшаго сравненія), что на глазахъ астронома вдругъ исчезла бы комета или планета, исчезла бы въ то самое время, когда онъ внимательно наблюдалъ ее въ телескопъ. Что долженъ бы почувствовать въ этомъ случаѣ астрономъ? Онъ вдругъ и самымъ очевиднымъ образомъ увидѣлъ бы, что онъ обманывался во всѣхъ своихъ расчетахъ и соображеніяхъ. Я такъ и подумалъ. Я призналъ, что мои статьи не имѣютъ никакого правильнаго значенія, я отказался отъ своихъ прямыхъ наблюдательныхъ пріемовъ и зачеркнулъ свои наблюденія, какъ ни къ чему пока не ведущія. На сей разъ я поступилъ логически; я, милостивый государь, логичъ и слѣдовательно во всемъ ищу сущности; вы понимаете теперь, что я не могъ не отказаться отъ своихъ заключеній какъ скоро увидѣлъ, что сущность не въ нихъ. Боюсь одного, что въ настоящее время никакія усилія моей логики уже не могутъ открыть мнѣ существенной стороны дѣла.

Такое жестокое пораженіе моей логики не могло не огорчить меня. Но этимъ не кончилось. Послѣ того, какъ изъ солнечной системы нашихъ журналовъ исчезли двѣ планеты, я предполагалъ, что равновѣсіе остальныхъ планетъ будетъ нарушено. Я внимательно наблюдалъ ихъ и чтоже? Не обнаружилось ни малѣйшаго признака нарушенія равновѣсія. Все было тихо и перемѣна произошла совершенно незамѣтно. Новый ударъ моей логикѣ! Я принужденъ былъ убѣдиться, что наши журналы или вовсе не образуютъ системы, или составляютъ какую-то особенную систему безъ общаго центра тяготѣнія, странную систему, — въ которой есть планеты, но нѣтъ солнца. И въ самомъ дѣлѣ, что всего удивительнѣе, въ журнальномъ мірѣ понемножку слышались даже звуки какого-то музыкальнаго согласія, чего-то вроде гармоніи міровъ, звуки, своею монотонностью наводящіе непреодолимую тоску. Присутствіе этой гармоніи положительно было заявлено многими; всего яснѣе ее замѣтилъ чуткій слухъ Н. Ф. Павлова. «Въ литературѣ и въ настроеніи общества», говоритъ онъ въ своемъ объявленіи, «произошла

перемѣна». «Теперь въ нашемъ смыслѣ (т. е. въ смыслѣ Н. Ф. Павлова) говорятъ столько голосовъ , что мы боимся остаться назади и уступить имъ въ рвеніи».

Послѣ такихъ уроковъ , надѣюсь , вамъ будетъ понятно , что мною овладѣло уныніе. Разговоръ съ г. Страховымъ довершилъ его. Я сталъ мягкимъ и робкимъ и пришолъ въ необыкновенно мирное расположеніе духа до того , что даже насмѣшки на мой счетъ , попавшіяся мнѣ въ журналахъ не только не раздражали меня , но даже приводили въ нѣкоторое умиленіе.

Не будемъ ссориться, думалъ я , не станемъ раздражаться одинъ противъ другого ! Къ чему приступать другъ къ другу съ строгими, тяжелыми требованіями ? Къ чему мѣрять нашу умственную жизнь слишкомъ большими мѣрками, которыя къ ней вовсе не идутъ ? Положимъ , что мы очень дурно рассуждаемъ ; зато мы прекрасно чувствуемъ. Пусть умъ нашъ производитъ уродливыя несообразности ; зато сердце наше пламенѣетъ любовью къ добру. Изъ-зачего же намъ расходиться ? Не лучше ли соединиться какъ возможно тѣснѣе, пренебrecь своими спорами и разногласіями и стремиться къ существованію — къ образованію одной великой нравственной силы ?

Такъ думалъ я, и въ этихъ мирныхъ мысляхъ сталъ совершенно другими глазами смотрѣть на наши литературныя явленія. Я чувствовалъ къ нимъ нѣжность, которая переходила даже въ страхъ, въ боязнь, что я не сумѣю оцѣнить въ нихъ хорошую сторону. Съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ брался я за каждый листокъ газеты, за каждую книжку журнала. Въ самой жестокой брани я видѣлъ слѣды тайной гуманности автора. Въ величайшихъ нелѣпостяхъ я умѣлъ находить самую незамѣтную черту добраго чувства, которое ихъ внушало. А вѣдь вы знаете, милостивый государь, что когда-то нелѣпость была для меня вещь жестокая, нестерпимая, непереносимая никакими средствами. Но тутъ я помирился и съ нелѣпостью. Вездѣ я слѣдилъ ту сокровенную живую силу, которая такъ или иначе но все-таки двигаетъ нашу литературу. Они не умѣютъ рассуждать, они ничего не знаютъ , часто думалъ я , но зато какъ много чувствуютъ !

Въ такомъ настроеніи духа я даже благополучно перенесъ статью «Современнаго слова»: *Кто смновать?* Я нашолъ , что въ этой статьѣ много правды, что она недурно написана ; я твердо вѣрилъ, что она имѣетъ благороднѣйшую цѣль. И однакоже каждый разъ, когда я читалъ ее (она появилась въ четырехъ нумерахъ газеты), глубокой стылъ овладѣвалъ мною и я краснѣлъ до корня волосъ. Скажу прямо — я очень радъ , что эта статья написана и однакоже я кажется вначто бы не рѣшился самъ написать ее. Какъ объ-

яснить вамъ это? Представьте себѣ оскорбленіе, которое почувствовалъ бы астрономъ, увидѣвши, что одинъ изъ его собратій играетъ роль астролога, и вмѣсто научныхъ наблюденій, составляетъ гороскопы. Или нѣтъ, еще хуже. Представьте себѣ съ какимъ чувствомъ можно смотрѣть на челоуѣка, который бы по принужденію и ради достиженія извѣстной цѣли, рѣшился бы публично бить по щекамъ свою мать. Положимъ что онъ былъ бы только для виду; положимъ, что многіе понимали бы, что онъ дѣйствуетъ по принужденію и что такое дѣйствіе необходимо; все-таки зрѣлище было бы отвращающее и тяжелое.

Вы можете-быть опять найдете, что я употребляю слишкомъ рѣзкіе образы; но таково именно было мое впечатлѣніе при тогдашнемъ чувствительномъ настроеніи. Я старался однакоже переспить чувство униженія, которое возбуждала во мнѣ эта тройная или четверная уродливость и наконецъ помирился со статьею, предполагая, что не легко было и тому, кто ее писалъ.

И вообще я сталъ больше жалѣть, чѣмъ осуждать. Поэтому я преимущественно сочувствовалъ мрачному тону; мнѣ правилось все, въ чемъ проглядывала горькая иронія; и даже въ случаѣ веселыхъ разглагольствій я любилъ предполагать, что у автора тѣмъ неменѣе скребутъ кошки на душѣ. Увы, милостивый государь, вы понимаете, что подобное самообольщеніе не могло не нарушиться. Скоро я сталъ замѣчать, что нѣкоторые изъ нашихъ дѣятелей въ сущности чувствуютъ себя очень хорошо и многіе очень довольны собою; что они позволяютъ себѣ презирать другихъ и обходиться съ другими съ наглостью, а между тѣмъ ихъ презрѣніе основано только на дикой самоувѣренности и ихъ наглость на слѣпомъ самодовольствѣ. Я сталъ замѣчать, что у многихъ умъ вовсе не томится и не тревожится, а напротивъ совершенно спокоенъ и чувствуетъ себя сытымъ; что вмѣсто несправильнаго и уродливаго, но все-таки живого движенія впередъ, онъ предпочитаетъ сидѣть неподвижно тамъ, куда его толкнула случайность, или кружиться на одномъ мѣстѣ, какъ котенокъ за своимъ хвостомъ. Однимъ словомъ мнѣ начала открываться обратная сторона дѣла. Вмѣсто живыхъ, хотя и извращенныхъ явленій, я увидѣлъ просто фальшивыя явленія, которыхъ источникъ не въ умѣ и сердцѣ, а въ лакейскомъ лицемеріи, въ раболѣпномъ подражаніи чужому уму и сердцу. И когда я замѣтилъ, что эти явленія имѣютъ однакоже силу, что они образуютъ авторитетъ, внушаютъ самодовольство, то мое мирное расположеніе духа опять поколебалось и во мнѣ опять стала пробуждаться моя старинная свирѣпость.

Такимъ образомъ, милостивый государь, во мнѣ постоянно про-

исходитъ тягостная борьба между умилениемъ и свирѣпостью. И я не вижу ей исхода и окончанія. Есть люди, которые въ этомъ хаосѣ, именуемомъ россійской словесностью, плаваютъ свободно, какъ въ настоящемъ своемъ элементѣ, чувствуютъ себя хорошо какъ рыба въ водѣ. Я не принадлежу къ этимъ счастливицамъ и постоянно натакиваю на случаи, приводящіе меня въ увыніе и недоумѣніе. Расскажу вамъ нѣкоторые изъ нихъ, какъ мнѣ кажется вполне подтверждающіе правильность и законность моихъ колебаній.

Въ 39 № «Дня», г. Аксаковъ отнесся къ Петербургу и санктпетербургской литературѣ съ великой свирѣпостью и безъ малѣйшаго умиленія. Понятно что сначала я долженъ былъ почувствовать припадокъ нѣжности къ Петербургу и вооружиться противъ московскихъ взпадокъ. И въ самомъ дѣлѣ, послушайте, что пишетъ г. Аксаковъ:

«Санктпетербургскія газеты толкуютъ много о либерализмѣ и демократизмѣ, но, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, опѣ, со всею запальчивостью того деспотизма, который внесенъ Петербургомъ въ дѣло нашего просвѣщенія и развитія, угнетаютъ насмѣшками, грубыми нападками, постоянными оскорбленіями самыя святая чувства русскаго народа, свободу его вѣрованія, обычая, жизни. Ихъ либерализмъ является насиліемъ и тираніей въ отношеніи къ русскому народу. Для нихъ нѣтъ ничего зашѣтнаго въ русской исторіи до Петра, въ этой «дикой Азій нашего прошедшаго», какъ выражается «Современное слово». Все это очень естественно и понятно; иначе санктпетербургскія газеты и думать не могутъ: въ противномъ случаѣ они бы противорѣчили своему призванію, отрицали бы свой собственный принципъ, которому санктпетербургская пресса, надобно отдать ей справедливость, такъ вполне вѣрна, такъ храбро служить!»

Сначала я оскорбился этими рѣчами и готовъ былъ отвѣчать на нихъ такъ: «О какомъ деспотизмѣ вы говорите? Не разумѣете ли вы подъ этимъ словомъ силу европейскаго знанія, авторитетъ науки? Такъ знайте же, что это власть законная, непрерывкаемая, святая, на которую никто не имѣетъ права жаловаться. Вы говорите объ угнетеніяхъ и насмѣшкахъ; но естественно, что наука не даетъ покоя невѣжеству, что насмѣшки колятъ въ глаза наше безобразіе. Этому нужно радоваться а не печалиться! И о какомъ либерализмѣ вы говорите? Либерализмъ санктпетбургской прессы есть отголосокъ европейскаго либерализма, того великаго либерализма, принципы котораго тамъ въ Европѣ нашли во многихъ случаяхъ свое осуществленіе и на которомъ мы всѣ воспитаны, на которомъ воспитаны вы сами, закоренѣлый и непоколебимый славянофил!»

Такъ думалъ я отвѣчать, но подумалъ и раздумалъ. Такъ мо-

жетъ отвѣчать только тотъ, кто смотритъ на вещи поверхностно и видитъ ихъ въ общихъ чертахъ. Я же къ несчастью слишкомъ подробно изучалъ петербургскую прессу, чтобы удовольствоваться такимъ общимъ взглядомъ. Къ несчастью мы не имѣемъ права говорить во имя науки и европейскаго либерализма, потому что у насъ очень мало и того и другого, а есть у насъ въ изобиліи самобитные плоды, принесенные наукою и европейскимъ либерализмомъ на нашей петербургской почвѣ. Вкусъ и запахъ этихъ плодовъ я знаю, и вижу совершенно ясно, что слова г. Аксакова на этотъ разъ относятся именно къ этимъ плодамъ. Невольно мнѣ пришло на память множество случаевъ, множество подробностей — и я принужденъ былъ согласиться съ г. Аксаковымъ и рѣшился печально умолкнуть.

Я и молчалъ бы, еслибы г. Аксаковъ въ своей статьѣ не сказалъ далѣе жестокаго слова, которое показало мнѣ, какой слѣпой гнѣвъ имъ обладаетъ.

«Изъ всего сказаннаго ясно, — говоритъ онъ въ заключеніе, — что истинный либерализмъ и русское народное чувство невозможны для санктпетербуржца, если онъ санктпетербуржецъ не по одному мѣсту жительства, а по принципу имъ ясно сознаваемому.»

«Это бымобы *contradictio in adjecto*, одно исключаетъ другое. Поэтому мы съ своей стороны не только не даемъ никакой цѣны либерализму санктпетербургской прессы, но положительно ему не вѣримъ, точно также какъ и благоволенію санктпетербургскихъ газетъ къ русской народности...»

Вотъ упрекъ, котораго снести невозможно и который возмущаетъ свою жестокостью. Г. Аксаковъ *не вѣритъ* искренности нашихъ петербургскихъ убѣжденій! Его собственныя убѣжденія кажутся ему до того святыми, что онъ не вѣритъ никакой святости другихъ убѣжденій; наши петербургскія убѣжденія кажутся ему до того нелѣпыми, что онъ не вѣритъ возможности держаться ихъ искренно и честно. Какой фанатизмъ! Какое непониманіе жизни! Не вѣритъ г. Аксаковъ! Но онъ забываетъ, что дѣло нимало не измѣняется отъ того, вѣритъ онъ или не вѣритъ. Онъ забываетъ, что закрыть глаза еще не значить уничтожить предметы, которые стоятъ передъ глазами. Г. Аксаковъ не можетъ *не знать* того, чему онъ старается не *вѣрить*. Это странное невѣріе можно сравнить только съ тѣмъ случаемъ, когда тотъ же г. Аксаковъ, ревнуя о православной вѣрѣ, пришолъ къ заключенію, что евреи не могутъ быть у насъ терпимы какъ члены гражданскаго общества. Какъ тогда онъ отлучалъ евреевъ, такъ теперь, ревнуя о народномъ духѣ, онъ отлучаетъ насъ, отлучаетъ петербургскую прессу.

Это ужасно, неправда ли? Но что вы скажете, милостивый госу-

дарь, если я замѣчу, что санктпетербургская пресса не уступитъ московской въ ревности и слѣпотѣ? Вѣдь и у насъ нетерпимость считается похвальнымъ признакомъ опредѣленности направленія; если г. Аксаковъ не признавалъ сврестъ согражданами, то вѣдь и мы ставили г. Аксакова на одну доску съ г. Аскоченскимъ; если г. Аксаковъ не вѣритъ искренности нашихъ убѣжденій, то вѣдь и мы прямо и криво и всячески изводили на него упреки въ разныхъ противу-гражданскихъ свойствахъ. Такъ что собственно говоря, намъ обижаться нечѣмъ. Мы заранѣе и съ избыткомъ отплатили ему за его высокомеріе и невѣріе.

Таковы черты того удивительнаго расположенія умовъ, въ которомъ мы находимся. Москва и Петербургъ одинаково шеголяютъ взаимнымъ непониманіемъ и взаимною враждою. Кто изъ нихъ лучше, рѣшить трудно; что касается до меня, то какъ я вамъ писалъ еще въ первомъ своемъ письмѣ, я несмотря ни на что, не теряю надежды на Петербургъ. Петербургъ мнѣ всегда представляется хаосомъ, въ которомъ бродятъ безчисленные элементы; онъ подобенъ планетѣ, которая быстро развивается и до времени покрыта странными чудищами. Москва же есть нѣчто пришедшее въ порядокъ; она подобна планетѣ, которая уже вполне развилась, и потому вполне довольна собою и своими обитателями.

Такъ какъ я стою за Петербургъ, то мнѣ всегда бываетъ прискорбно, когда онъ что-называется срамить себя передъ Москвою. Теперь вышелъ именно такой случай. Едва г. Аксаковъ успѣлъ яроизнести свое отлученіе надъ петербургскою литературой, едва я успѣлъ проникнуться надлежащимъ гнѣвомъ противъ такого отлученія, какъ въ «Искрѣ» явилась статья, которая огорчила меня до глубины души и чуть ли не вполне оправдала г. Аксакова. Эта статья называется «Балаганчики Дня». Изобразить всю странность, всю хаотическую нескладницу этой статьи, я рѣшительно отказываюсь. Остановлюсь только на одномъ вопросѣ, который столь интересенъ самъ по себѣ, что трудно умолчать о немъ.

Въ 38 № «Дня» г. Аксаковъ сказалъ нѣсколько теплыхъ и свѣтлыхъ словъ о милостынѣ. Главная мысль статьи, по моему мнѣнію, необыкновенно правильна. Она состоитъ въ томъ, что истинная благотворительность, по самой сущности, должна быть дѣйствиемъ свободнымъ, которое совершается съ личнымъ участіемъ, потому что только въ такомъ случаѣ она будетъ дѣйствиемъ нравственнымъ, будетъ вполне удовлетворять и тебѣ нравственности. На этомъ основанія г. Аксаковъ замѣчалъ, что какъ скоро *помощь бѣднымъ* не совершается свободно и сознательно, какъ скоро она производится административнымъ порядкомъ, посредствомъ подати и ре-

гламентаціи, она теряетъ часть своего нравственнаго достоинства, хотя можетъ быть очень полезною. И на оборотъ дѣйствій, безпольныя или можетъ-быть даже вредныя, какъ на примѣръ раздача милостыни, имѣютъ однакоже большое значеніе, потому что носятъ на себѣ нравственный характеръ благотворительности. Раздача милостыни, совершаемая на всемъ пространствѣ Руси, есть одно изъ средствъ, которыми народъ удовлетворяетъ свою потребность чисто нравственныхъ дѣйствій.

При этомъ, само собою разумѣется, г. Аксаковъ не могъ не впасть въ нѣкоторыя увлеченія. Онъ вовсе не обращаетъ вниманія на вопросъ, не вредны ли для общества всякія чисто-нравственныя дѣйствія; если не вредны, то необходимо ли они нужны и не можетъ ли общество обойтись безъ нихъ? Такіе вопросы вѣроятно кажутся ему оскорбительными, и онъ говоритъ такимъ тономъ, какъ-будто хочетъ сказать: нравственныя дѣйствія должны быть совершаемы ради нравственности; а что изъ этого будетъ, все равно, хотя бы разрушился міръ!

Благородное увлеченіе! Но нѣтъ ли здѣсь неправильнаго энтузіазма, который фальшинитъ, потому что въ немъ вовсе нѣтъ нужды? Зачѣмъ напрасно геройствовать, мечтая о разрушеніи міра, когда міръ и не думаетъ рушиться? Чисто-нравственныя дѣйствія, какъ прямое слѣдствіе самой природы человѣка, викакимъ образомъ не могутъ быть ни неизбѣжно вредными, ни совершенно лишними для общества людей. Напротивъ идеаль благополучнаго общества можно себѣ представить не иначе, какъ предполагая, что всѣ отношенія членовъ этого общества превратились въ чисто-нравственныя отношенія. Когда разсуждаютъ объ обществѣ, то многіе представляютъ себѣ, что оно сложено изъ людей такъ, какъ зданіе изъ камней. Если зданіе красиво и держится крѣпко, то это не зависитъ отъ кирпичей, изъ которыхъ оно состоитъ, а только отъ архитектора. Онъ расположилъ камни такъ, что каждый изъ нихъ крѣпко опирается на однихъ и самъ служитъ прочною опорой для другихъ, а всѣ вмѣстѣ образуютъ правильное цѣлое. Поэтому камни не имѣютъ никакой заслуги, а вся заслуга принадлежитъ архитектору. Вотъ отчего въ такую славу вошли многіе архитекторы, составлявшіе красивые планы для общества. Но почетъ, имъ оказываемый, нѣсколько преувеличенъ: эти строители все-таки люди, а не особыя существа. И матерьялъ, изъ котораго они брались строить, напрасно былъ разсматриваемъ такъ презрительно: этотъ матерьялъ не камни, не кирпичи, а люди. Поэтому общественное зданіе должно представлять себѣ не иначе, какъ предполагая, что каждый камень въ немъ сохраняетъ за собою достоинство

человѣка. Слѣдовательно каждый камень самъ занимаетъ свое мѣсто и держится на немъ сознательно, а не вслѣдствіе цемента и давленія. Если же такъ, то чѣмъ сознательнѣе и свободнѣе дѣйствуетъ каждый членъ общества въ отношеніи къ другимъ, тѣмъ оно будетъ крѣпче и правильнѣе, тѣмъ меньше будетъ опасности, что какой-нибудь камень изъ него выпадетъ и разобьется. Только при общемъ сознательномъ взаимодействіи возможно благоустройство между людьми. Тотъ оскорбляетъ человѣческую природу, кто воображаетъ, что можно устроить благополучное человѣческое общество, безъ содѣйствія его сознанія и свободы; а не это ли обилие предположеніе дѣлаетъ тотъ, кто говоритъ, что развитію благополучія въ обществѣ нужно предпочитать развитіе нравственности?..

Но, мнѣ кажется, я увлекся; я вѣдь хотѣлъ рассказать вамъ про статью «Искры». Вы меня извините, что я нѣсколько распространюсь объ ней. Я знаю, что противъ «Искры» существуетъ предубѣжденіе: ей не отвѣчаютъ, и ея статьи не считаются подлежащими разбору. Но мнѣ мало до этого дѣла: случай вышелъ слишкомъ любопытный и я чувствую въ себѣ безпощадное расположеніе къ анализу.

Уже во вступленіи статья беретъ фальшивыя ноты, которыя по дѣйствовали на меня раздражительно.

«День», говоритъ она, — продолжаетъ открывать давно открытую Америку, т. е. наивно выдавать за что-то новое вопросы, давно рѣшенные и всѣмъ извѣстные, или беретъ за перевершеніе вопросовъ науки, рѣшенныхъ умами первой величины, не примѣчая того, что они вовсе не перевершаютъ этихъ вопросовъ, а только путаютъ дѣло.»

Быть можетъ вы найдете, что это очень простыя слова; но я вамъ скажу, что на первой страницѣ «Искры» они имѣютъ видъ возмутительный, почти преступный. Замѣчу вообще, что всякій разъ, когда я встрѣчаю въ нашихъ журналахъ ссылку на науку, я прихожу въ невольное безпокойство. Здѣсь же я сейчасъ готовъ приступить къ строжайшему допросу. Чѣмъ это вы насъ пугаете, достопочтенная «Искра»? Что это за вопросы *давно рѣшенные и всѣмъ извѣстные*? Что это за умы *первой величины*, которыхъ касаться воспрещается умамъ второй и всякой другой величины? Что касается до вопросовъ, давно рѣшенныхъ, то чѣмъ давнѣй они рѣшены, тѣмъ хуже для нихъ. Что касается до вопросовъ, рѣшеніе которыхъ всѣмъ извѣстно, то я позволю себѣ вовсе усомниться въ существованіи такихъ вопросовъ, особенно же для васъ. Наконецъ что касается до умовъ *первой величины*, то я требую, чтобы умъ, который мнѣ указываетъ на такіе умы, самъ бы не былъ на-

кой-нибудь сто-двадцатой или сто-тридцатой величины, а иначе я отправлю его куда-нибудь подальше, вмѣстѣ съ его указаніями. Рѣшонные вопросы! великіе умы! Такъ вотъ за какія оружія беретъ нынче «Искра»? Кто бы могъ ожидать, что она начнетъ наконецъ проповѣдывать поклоненіе авторитетамъ и возставать противъ непокорности, которую имъ оказываютъ!

Между тѣмъ дѣло дѣйствительно такъ.

• Г. Аксаковъ — пишетъ она — отстаиваетъ ту московскую благотворительность, которая раздѣлю мѣдныхъ пятаконъ и грошей нищимъ на улицахъ поддерживаетъ тунеладство, пьянство, развратъ, ханжество. Такъ какъ современная, экономическая наука всѣми силами вооружается противъ подобнаго неразумнаго деморализированія общества, то г. Аксаковъ стремится потрясти основы самой науки. Вотъ онъ какъ!»

Вы видите (признаюсь вамъ, это глубоко меня возмущаетъ), что наука здѣсь служитъ прямо авторитетомъ, что ея имя произносится здѣсь съ такимъ же удареніемъ и вѣсомъ, какъ еслибы говорилъ самъ «Русскій Вѣстникъ». Вотъ неожиданное совпаденіе!

За этимъ въ «Искрѣ» слѣдуетъ выписка изъ «Дня», которую, ради достоинства самого отрывка, я приведу цѣликомъ, безъ урѣзковъ, слѣдующихъ «Искрою».

• Практикъ Иуда, — какъ гласитъ евангельское сказаніе, съ такою властью живущее и такъ неослабно-благодарящее въ душевной памяти каждаго, кто бы онъ ни былъ, если только читалъ онъ евангеліе, — практикъ и политико-экономъ Иуда, видя святой порывъ Маріи, съ стремительностью женскаго сердца отдавшейся любви къ божественной истинѣ, и расточительно изливавшей дорогое міро на ноги Учителя, сдѣлалъ замѣчаніе совершенно практическаго и политико-экономическаго свойства. Онъ выразилъ мнѣніе, повидимому совершенно справедливое, что подобная трата многозначительной цѣнности вовсе не производительна; онъ основательно доказалъ, что міро, будучи проданнымъ, дало бы столько-то барыша, принесло бы такую-то сумму, которая могла бы быть съ пемалою пользою употреблена на нищихъ. Кажется, чѣмъ же неправъ былъ Иуда Искаріотъ (въ душу котораго, вспомнимъ, еще не входилъ тогда умыселъ предательства), Искаріотъ, напоминавшій о бѣдныхъ, противопоставлявшій неосмотрительнымъ движеніямъ умиленнаго сердца логическіе выводы разсудка и безрасчетной благости соображенія пользы и практической благотворительности?.. Христосъ однако не отвергъ приношеній Маріи, не отнялъ у неа свободы въ выраженіяхъ вѣры и радости, и повидимому безцѣльная, безразсудная расточительность чистой, святой, пламенѣющей любви, тѣснямая отовсюду расчетами житейской мудрости, нашла себѣ убѣжище у ногъ Христа, подъ покровомъ его милосердіа...

• Намъ часто приходитъ на память этотъ практицизмъ Іуды, въ наше практическое время. Нельзя не поразиться сходствомъ вышеприведенныхъ соображеній павшаго апостола съ ученіемъ нѣкоторыхъ знаменитыхъ политико-экономовъ, которые всё нравственныя побужденія человѣка переводятъ на языкъ математическихъ формулъ, всякое добро опредѣляютъ вѣсомъ и мѣрой, не признаютъ никакого другого двигателя въ человѣчествѣ, кромѣ выгоды, и подчиняютъ (въ теоріи) этому кумиру всё произволенія нравственной природы человѣка. По доктринѣ Мальтуса, Смита и другихъ выходитъ, что не благоустроенное хозяйство существуетъ ради человѣка, а наоборотъ человѣкъ, со всѣми своими нравственными запросами, приносится въ жертву отвлеченному принципу и имѣетъ значеніе только какъ рабочая сила, какъ часть благоустроеннаго механизма.

Нельзя не согласиться, что сравненіе, выбранное г. Аксаковымъ мѣтко, рѣзко, что вопросъ рисуется въ немъ выразительно и глубоко. И вы ясно видите какъ смотритъ г. Аксаковъ на милостыню. Онъ вовсе не безусловный ея защитникъ. Онъ сравниваетъ ее съ міромъ Маріи, онъ называетъ ее *безцѣльною, безразсудною расточительностью*, но онъ оправдываетъ ее, когда она есть *неосмотрительное движеніе умиленнаго сердца*, когда она сдужитъ выраженіемъ *чистой, святой любви*.

Что же отвѣчаетъ на это «Искра»? На этотъ разъ она сочла удобнымъ сдѣлать голую ссылку на авторитеты и, вмѣсто того, чтобы говорить о дѣлѣ, начинаетъ говорить о политико-экономѣхъ.

• Ожидали ли — пишетъ она — Мальтусъ, Смитъ и другіе политико-экономы, посвятившіе свою жизнь добросовѣстному служенію науки на благо человѣчества, что найдется когда-нибудь литераторъ, не изъ дерзкихъ, недоучившихся юношей, а литераторъ вполне доучившійся, снабженный многочисленными дипломами, который поставитъ ихъ на одну доску съ Іудой Искаріотомъ?.

• Читатель видитъ — побѣдоносно продолжаетъ «Искра» — сколько въ этомъ сопоставленіи безобразія, натянутости, пустого словозверженія.

Покажѣтъ я думаю, читатель ровно ничего не видитъ, кромѣ громкихъ словъ, кромѣ безцеремонно-явнаго желанія запугать именами и фразами всякаго, кто рѣшился бы

... Смитъ
Свое сужденіе имѣть.

Глубоко огорчаютъ меня подобныя вещи, милостивый государь. Чистосердечное раболѣпство передъ именами, передъ авторитетами

въ шкурѣ и въ члвкѣ бы то шбыло, еще можетъ быть прощено слабости человеческой; но рабѣзство злое, но употребленіе *суду* именъ великихъ умовъ, служенія наукъ и т. д., есть дѣло никакъ непростительное.

Вы можетъ быть спросите, почему я такъ думаю; вы можетъ быть возразите, что авторъ разбираемой мною статьи написалъ предъидущія строки совершенно искренно, что онъ вѣроятно глубоко изучилъ Смита и Мальтуса, питаетъ величайшее уваженіе къ наукамъ вообще и къ политической экономіи въ особенности, что онъ обидѣлся сравненіемъ ученыхъ съ Иудею Искаріотомъ можетъ быть даже потому, что и самъ онъ *желаетъ посвятить свою жизнь добросовѣстному служенію науки на благо человечества?*

Счастливы вы, отвѣчу я вамъ, если можете еще питать такіа смѣлыя и пріятныя предположенія. Что касается до меня, то я считаю болѣе основательнымъ предполагать, что автору, о которомъ идетъ рѣчь, вовсе неизвѣстны какія бы то шбыло научныя изслѣдованія, относящіяся къ настоящему вопросу. Доказательствомъ этому служить то, что ни въ предъидущихъ, ни въ дальнѣйшихъ его разсужденіяхъ о милостыни нѣтъ ни одного изъ тѣхъ доводовъ, которыя противъ нея приводятся въ наукѣ. Ссылаясь на Смита и Мальтуса, онъ самъ не знаетъ на что ссылается, — таково мое печальное заключеніе. Дальше, какъ вы увидите, онъ старается привести доводы противъ милостыни, но то, что онъ говоритъ, не имѣетъ никакого отношенія къ наукѣ и не можетъ быть судимо съ научной точки зрѣнія. Какъ я уже говорилъ, науки у насъ нѣтъ, или очень мало; и то, что я буду сейчасъ разбирать, есть не научныя, не политико-экономическія или какія-нибудь другія мнѣнія, а просто петербургскія, или если хотѣте санктпетербургскія разсужденія, то есть образчикъ тѣхъ плодовъ, какіе принесли сѣмена европейскихъ книгъ на нашемъ родномъ нигерманландскомъ болотѣ.

Съ вашего позволенія я возьму всю аргументацію «Искры» цѣликомъ.

«Дѣйствительно ли, (такой вопросъ задаетъ себѣ статья) ручная благотворительность, состоящая въ раздачѣ таскающимся по улицамъ нищимъ пятаконъ и мѣдныхъ грошей, (каково опредѣленіе! И вы могли подумать, что это лежало подлѣ Мальтуса и Смита!) возбуждаетъ чувство, пораждаетъ, по выраженію г. Аксакова, процессъ нравственныхъ ощущеній, переживаемый какъ дающимъ, такъ и принимающимъ даянія, *благотворныхъ для обонхъ, очищающихъ душу, хотя бы и на время, сводящихъ ее въ общеніе съ тмчлою благодію, замыдущою міръ?*»

Чтобы доказать, что нѣтъ, статья разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ:

• Если вы человекъ исполненный и вострыми симпатіями — полубосога, полуодѣтаго, голоднаго, можете ли вы утѣшиться, сунувъ ему въ руку мѣдный пятакъ или грошъ? •

Конечно нѣтъ, отвѣчаетъ читатель, пораженный трогательною картиной. Я не могъ бы успокоиться и тогда, еслибы онъ былъ не полубосога, а въ крѣпкихъ сапогахъ, еслибы я не сунулъ, а вѣжливо подаль ему, и не мѣдный грошъ, а блестящій двугривенный послѣдняго чекана. Но постарайтесь, милостивый государь, доблести нѣкоторое хладнокровіе. Замѣчаете ли вы куда мы заѣхали съ перваго шагу? Вопросъ «Искры» предлагается людямъ развитымъ и вѣроятно, какъ мы дальше увидимъ, богатымъ. А развѣ о нихъ было дѣло? Г. Аксаковъ говорилъ о милостыни, которую подаетъ *народъ*, т. е. эти десятки миліоновъ, которые за малыми исключеніями и не развиты и не богаты; онъ говорилъ напрямѣрь о тѣхъ подавннхъ, которыя дѣлаются ссыльнымъ и арестантамъ; вотъ въ этихъ-то сердцахъ г. Аксаковъ ручался за присутствіе нравственнаго процесса, а не въ сердцахъ *развитыхъ* людей, довольствующихся разлачею пятаковъ. Простому челоуку простиительно не знать ни Маллуса, ни Смита, и онъ конечно можетъ успокоиться, подавая нищему можетъ-быть свой послѣдній грошъ, послѣднюю лишнюю копѣйку. Но о такихъ случаяхъ «Искра», какъ видно и думать не хочетъ. Чтобы судить о нравственныхъ явленіяхъ, она непременно беретъ людей развитыхъ; а у неразвитыхъ, помните, кака я же тамъ нравственность, какіе нравственные процессы!

И вотъ обращаясь къ развитымъ людямъ, «Искра» держитъ такую рѣчь:

• Въдъ этотъ нищій — говоритъ она — взялъ братъ, членъ общества. Онъ имѣетъ полное право быть и сытымъ, и одѣтымъ, и обутомъ какъ и вы. •

Что значить развитые люди! Какими сладкими рѣчами они угощаютъ другъ друга! Что касается до неразвитыхъ, то тамъ подобныя рѣчи показались бы можетъ-быть слишкомъ наивными и простыми. Они, эти неразвитые, давно и крѣпко знаютъ, что все люди братья: у нихъ никто другъ на друга не смотритъ особенно свысока, и у всѣхъ равныя права. Тамъ нищаго не презираютъ, а обходятся съ нимъ какъ съ ровнею. Тамъ именно существуетъ мысль, что съ точки зрѣнія любви — все равны и милостыня дается не только бѣднымъ, но и преступникамъ, убійцамъ.

Посмотримъ, какъ должны поступать люди развитые.

• Если ваше участіе къ нему (къ нищему, подробно описанному)

ше) не принадлежъ пустого тщеславія, не прихоть играющаго въ гудальность барства, а истинно-человѣческое чувство, — вы увидите его разъ на улицѣ, не можете оставить тутъ. Вы должны ввести его въ свой домъ, одѣть его, обувъ, дѣлить съ нимъ вашъ столъ дологъ, пока вы нестанете его въ возможность нѣтъ все это самому.

Вотъ она — истинная гуманность! Даже на бумагѣ читать это очень пріятно, а не только видѣть на самомъ дѣлѣ. Одно жалъ — бѣднымъ людямъ плохо приходится. Дать грошъ или пятакъ — запрещается; не позволятъ пожалуй и цѣлковый рубль. Сейчас скажутъ — *припадокъ тщеславія, прихоть играющаго въ гуманность барства!* А *вести въ свой домъ, одѣть, обувъ*, — вѣдь это не всякій можетъ. Иному самому едва въ силу прокормиться и одѣться.

Чтоже касается до насъ съ вами, милостивый государь, то мы обязаны замѣтить, что «Искра» очевидно витаетъ въ облакахъ. Она вообразила, что проповѣдуетъ какую-то неслыханную, высоко-развитую мораль, а между тѣмъ эта самая мораль исполнялась и исполняется у насъ въ огромныхъ размѣрахъ. Изъ древности богатые люди у насъ не только раздавали деньги нищимъ, но вводили ихъ въ свои дома, кормили ихъ, поили и одѣвали. Еще недавно не было почти ни одного достаточнаго дома, гдѣ бы не жили нахлѣбники и приживальщицы. Только чтоже изъ этого выходило? Разумѣется тоже, что и изъ раздачи денегъ, такъ какъ это было продолженіе одной и тойже системы. Принятіе нищихъ въ домъ, держаніе нахлѣбниковъ и приживальщицъ было точно также время, какъ и уличная раздача денегъ; говоря словами «Искры», оно *поддерживало тунеядство, пьянство, развратъ, ханжество*. Употребляя выраженіе г. Аксакова, это была *безразсудная расточительность*, въ которой результаты не соответствовали намѣренію и въ которой намѣреніе заслуживаетъ большаго почтенія и искупаетъ собою результаты.

Чтоже такое послѣ этого предлагаетъ намъ «Искра»? Ужь не скрывается ли въ ся словахъ какой-нибудь высшій смыслъ? Повидимому нѣтъ; повидимому она находитъ великую разницу между *введеніемъ въ домъ* и подачею пятака и думаетъ, что въ этомъ весь секретъ.

«Сунуть нищему — говоритъ она — мѣдный грошъ или пятакъ и затѣмъ уйти отъ него, бросивъ его на улицѣ, значить не имѣть не только никакого истинно-человѣческаго чувства къ нему, а просто — *важничаться надъ его положеніемъ*».

Если эти слова относятся дѣйствительно къ милостынямъ, то они очень дикі. Но авторъ говоритъ одно, а на умъ у него совѣмъ дру-

гое. Слѣдите прилежно за игрою его воображенія. Ему кажется представляется миллионеръ, котораго умоляютъ о помощи и который подаетъ грошъ.

Развѣ — продолжаетъ Искра — пришедши развѣ въ нищенство, онъ (нищій) вашими пятакомъ или даже двадцатью пятаками, которые онъ получить въ день отъ подобныхъ вамъ милосердыхъ людей, можетъ поправиться и прійти въ прежнее независимое положеніе? Если же вы не имѣете въ виду привести его въ это положеніе, то что же по вашему мнѣнію вслѣдъ нищій? Субъектъ, назначенный вамъ въчюю благостью для упрямченій вашихъ въ добродѣтели милосердія?.

Этъ баринъ! сказалъ бы я думаю на это иной простой человекъ. Больно ужъ вы высоко берете, больно ужъ разносились съ вашими *независимыми положеніями*. Тутъ иногда думаешь о томъ, какъ бы человекъ не умеръ съ голоду, не замерзъ съ холоду, а вамъ вотъ непремѣнно подавай независимое положеніе. И за что вы меня корите и стыдите? Съ чего вы взяли, что я ему не желаю этого положенія, что я *не имѣю этого въ виду*? Я радъ бы всею душою. Понять не могу, чѣмъ похвѣшалъ тутъ мой пятакъ. Что его мало — я самъ знаю; но у насъ говорится: съ міру по ниткѣ — голому рубашка. Потому я и подаю грошъ или пятакъ, что знаю — весь міръ подастъ и нищій будетъ на это сытъ. И самъ нищій это знаетъ и не обижается своимъ трудовымъ трошомъ. Но вашему это и выходитъ *общественная благодѣтельность*, почти таже подать, только собираемая безъ писарей и становыхъ, а съ крестомъ и молитвою. Не я одинъ кормлю нищаго: его кормитъ міръ. Ему оттого легче, чѣмъ еслибы кто одинъ помогалъ ему; тотъ пожалуй попрекалъ бы его каждой коркой хлѣба. А что мірское подаваніе скудно, такъ и это не всегда правда; бывали нищіе, которые набирали тысяча и десятки тысячь рублей.

Мы съ вами, милостивый государь, разумѣется будемъ говорить иначе. Мы примемъ во вниманіе спутанность мыслей автора и постараемся открыть, что за идея смутила его вображеніе. Повидимому онъ желаетъ, чтобы каждый имѣлъ независимое положеніе; онъ хочетъ чтобы нищему не давали денегъ, или хлѣба, или чего другого, а постарались бы привести его въ *независимое* положеніе. Вотъ наконецъ, скажете вы, гдѣ авторъ явно приближается къ доктринамъ Мальтуса и Смита. Не думаю, чтобы такъ. Едвали напимѣръ онъ знаетъ, что для того, чтобы каждый былъ въ независимомъ положеніи, лучшее средство — устроить общество такъ, чтобы безъ независимаго положенія не было возможности и жить на свѣтѣ. Пусть тѣ, кто потерялъ независимое положеніе, подвергаются величай-

имѣть уверенность и опасеніи умереть съ голоду. Тогда и только тогда всѣ будутъ изъ всѣхъ силъ стараться приобрести и сохранить это положеніе. Такъ думаютъ многіе политико-экономы и въ этихъ мнѣніяхъ есть своего рода смыслъ. Они не безъ основанія говорятъ, что если вы дадите людямъ возможность существовать внѣ независимаго положенія, то сейчасъ же найдутся люди, которые воспользуются этою возможностью. Политико-экономы того мнѣнія, что люди, вообще говоря, большіе подлецы и всегда готовы пожить на чужой счетъ. Они утверждаютъ, что если вы усилите частную благотворительность, то вмѣстѣ увеличите число лицъ, которые будутъ ею жить, а если учредите общественную благотворительность, то ею воспользуются еще легче, еще охотнѣе, на томъ самомъ основаніи, по которому украсть изъ казны не считается такимъ грѣхомъ, какъ украсть у частнаго человѣка. Слѣдовательно чѣмъ больше будетъ благотворительность, тѣмъ меньше будутъ люди дорожить независимымъ положеніемъ. И вотъ почему политико-экономы, тоже полагающіе свой идеалъ въ независимомъ положеніи, отвергаютъ всякую благотворительность.

Мнѣ кажется они послѣдовательны. Благотворительность по самой сущности дѣла состоитъ въ томъ, что одинъ человѣкъ принимаетъ на себя трудъ, необходимый для другого, слѣдовательно люди при этомъ неизбѣжно приходятъ въ зависимое положеніе. Такимъ образомъ благотворительность и независимое положеніе суть вещи, вытекающія изъ совершенно различныхъ источниковъ. Стремленіе къ благотворительности основывается на любви и довѣрїи, стремленіе къ независимому положенію — на эгоизмѣ и опасеніи. Если главною пружиною общества, главнымъ двигателемъ въ человѣкѣ признается эгоизмъ, то благотворительность должна быть отвергнута, потому что цѣль благотворительности не можетъ состоять въ развитіи эгоизма. Нельзя сказать: благотворите, т. е. доставьте каждому возможность жить эгоистомъ, независимо отъ другихъ. Гораздо повѣрливѣе политико-экономы; они говорятъ: не благотворите и тогда всѣ будутъ эгоистами.

Нашъ авторъ очевидно и не подозреваетъ, что политико-экономы отвергаютъ не одну частную благотворительность; онъ не подозреваетъ, что они гораздо послѣдовательнѣе и строже его въ своихъ выводахъ и что вслѣдствіе этой болѣе строгой послѣдовательности они отвергаютъ *всю* благотворительность безъ исключенія. Этой точки зрѣнія для него, какъ кажется, и не существуетъ.

• Возьмемъ дѣло, пишетъ онъ, съ другой стороны. Какой человѣкъ, если онъ только невозможно развитъ и привыкъ жить своимъ трудомъ,

можетъ безъ чувствъ санаго ташонца униженія; *Безъ суровости и строгости, безъ праски на ямѣ прогнать руку, чтобы дралась, стыдно?*

Ну, сейчасъ видно, что бѣлоручка! Жить на чужой счетъ, ему ничего; а руку протянуть — стыдно. Препустой народъ!

Въ самомъ дѣлѣ, замѣтите милостивый государь, что картина опять перемѣняется. Прежде авторъ сдѣлалъ благотворителя чело-вѣкомъ развитымъ, теперь онъ дѣлаетъ развитымъ и нищаго, и слѣдовательно заставляетъ просить развитого чело-вѣка у развитого же. Ужасная картина! Представьте себѣ, что чело-вѣкъ развитой, привыкшій жить въ независимомъ положеніи и пользоваться правомъ точно также ѣсть, пить и одѣваться, какъ и вы, протягиваетъ руку къ вамъ, къ чело-вѣку развитому, но не потерявшему своего богатства. Вы имѣете возможность вдругъ, сейчасъ привести его въ независимое положеніе, такъ что онъ попрежнему будетъ жить своимъ трудомъ. И вдругъ вы суете ему мѣдный пятакъ! Ужасная картина! Сколько злобы въ этомъ пятакѣ! Какая ехидная насмѣшка! Какое униженіе!

• И при подобныхъ неестественныхъ, нечеловѣческихъ отношеніяхъ дающаго и принимающаго, восклицаетъ «Искра», какого можно ожидать въ нихъ процесса нравственныхъ ощущеній, очищающихъ душу, и вводящихъ ее въ общеніе съ вѣчною благодію, ожидающею міръ? Тутъ напротивъ одинъ играетъ роль палача, а другой жертвы.

Вотъ оно куда пошло! Трагедія да и только!

Но куда же наконецъ мы заѣхали? Въ какой-то очарованный міръ, въ которомъ всѣ развиты, всѣ привыкли къ независимому положенію, всѣ могутъ взять нищаго къ себѣ въ домъ и такъ или иначе привести его снова въ независимое положеніе, и проч. и проч. Пусть въ этомъ мірѣ совершаются чудеса нравственности, пусть въ немъ милостыня есть стыдъ и преступленіе. Но развѣ отсюда слѣдуетъ, что мы, живущіе совсѣмъ не въ такомъ мірѣ, уже вовсе лишены нравственности? Развѣ отсюда слѣдуетъ, что въ нашемъ народѣ, въ дѣлахъ его благотворенія невозможенъ никакой процессъ нравственныхъ ощущеній?

А между тѣмъ вѣдь этого, а не какого другого заключенія добивается «Искра!»

• Только при варварствѣ и грубости чело-вѣческаго рода, заключается она, при общемъ неустройствѣ его общественной жизни могъ возникнуть подобный (т. е. ручной чтоли?) способъ благотворительности.

Хоть этого вы намъ не доказали нисколько, ни на одну югу, но

люди. Однако же, что такъ. Положивъ, что современемъ онъ замѣнилъ некую-нибудь своеобразно превосходительнѣйшую способъ. Слѣдуетъ ли изъ этого, что въ древнемъ способѣ милостыни нѣтъ нравственнаго начала и есть хотя бы тѣнь безнравственности?

Этимъ я и кончу.

Замѣтаю, милостивый государь, съ какою поразительною истощенностью здѣсь обнаруживается безобразіе извѣстнаго, очень распространеннаго направленія мыслей. Еслибы авторъ напалъ на полноту народныхъ понятій, еслибы онъ не признавалъ ничего свѣтлаго въ народномъ міросозерцаніи, — это было бы понятнѣе; еслибы онъ не сумѣлъ найти никакого достоинства въ произведеніяхъ народного творчества, въ народной музыкѣ, поэзіи и проч., это было бы простительнѣе. Но отвергать нравственный элементъ въ народной жизни, но не видѣть его въ такомъ простомъ и чистомъ явленіи, какъ милостыня, — хуже этого ничего не можетъ быть. Дальше этого въ презрѣніи или лучше сказать въ легкомысліи къ народу идти нельзя.

Повидимому подобная статья способна возбудить величайшее негодованіе. Но авторъ такъ ужъ хватилъ черезъ край, что скорѣе заслуживаетъ сожалѣнія. Что до меня, то я былъ бы очень-неполнослѣдователенъ, еслибы не простилъ его ото всей глубины души. Нужно судить его съ той самой точки зрѣнія, съ которой мы судили о милостыни, нужно цѣнить не столько самое дѣло, сколько доброе намѣреніе. А что намѣренія автора были прекраснѣйшія, въ этомъ я не сомнѣваюсь. Вѣдь онъ сострадательно думалъ о нищихъ! Онъ желалъ того блаженнаго состоянія, когда ихъ вовсе не будетъ! О прекрасный, чувствительный, гуманный человѣкъ!

Я поэтому именно и выбралъ эту статью для письма къ вамъ, что она показалась мнѣ разительнымъ примѣромъ того, какъ прекраснѣйшія намѣренія соединяются съ самымъ плохимъ исполненіемъ. Примѣръ же нуженъ потому, что подобныхъ статей, подобныхъ разсужденій, подобныхъ авторовъ у насъ великое множество.

Будемъ же благодушны, какъ благодушенъ русскій человѣкъ, подающій милостыню всѣмъ: и правымъ и виноватымъ; положимъ, что нѣкоторые изъ этихъ авторовъ не говорятъ ни одного путнаго слова, все-таки скажемъ имъ спасибо за ихъ доброе желаніе, простимъ имъ много, потому что они много возлюбили!

Въ частности, что касается до «Искры», то я не имѣю противъ нея ничего, сколько-нибудь враждебнаго. Говорю это не изъ боязни ея насмѣшекъ. Помилуйте! Прекрасный журналъ! Приносящій весьма много пользы! Имѣющій хорошее направленіе! «Гудокъ» конеч-

по острѣ, но и «Искра» хороша! Очень хороша! Узнаю хоть на паро-
родѣ на князя Вяземскаго: онѣ доставили мнѣ величайшее удоволь-
ствіе!

Если же несмотря на то, иногда очень грустно читать наши жур-
налы, какъ грустно иногда дѣлается при видѣ нищихъ у церквей,
или гдѣ-нибудь на большихъ дорогахъ и въ дальнихъ селехъ, то
причина этому не въ томъ, чтобы милостыня была безразлична
или чтобы у насъ не было журналовъ съ прекрасными карти-
нками.

Н. КОСИЦА

СОДЕРЖАНІЕ

ОКТАБРЬ. № 10

Свое и Невѣстное. Романъ. Часть первая. С. Федорова	5
Командирша. — Житейскія сцены. А. Плещеева	144
Соборъ парижской Богоматери. (Notre-Dame de Paris). Романъ Виктора Гюго.	174
Мать въ сердцахъ меня журила... Стихъ. Всывоода Крестовскаго.	260
Изъ Горация. Стихъ. Его же.	364
Нѣсколько страницъ. (Изъ записокъ лекаря) Анатолия Инсарова.	261
Смерть. Стихъ. О. Берга	313
И влесье, и блескъ рѣчной волны, Стихъ. Его же	315
Дѣтнія пѣсни. Стихъ. А. Плещеева	316
Земство и расколъ. Бѣгуны. А. Щапова	319

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Лермонтовъ и его направленіе. Крайнія грани развитія отрицательнаго взгляда. Статья первая. Элементы поэтической дѣятельности Лермонтова. — I. Введеніе. — II. О Байронѣ и о матерьяхъ важныхъ. — III. Нашъ романтизмъ. Аполлона Григорьева 1

НАШИ ДОМАШНІЯ ДѢЛА. (современныя замѣтки). Основныя преобразованія судебной части въ Россіи. — Рѣчь волостного старшины. — Хитрая барыня. — Введеніе уставныхъ грамотъ. — Вольнонаемный трудъ въ сельскомъ хозяйствѣ. — Экономическая будущность Россіи. — Земско-хозяйственныя учрежденія. — Кошарный сборъ. — Рекрутскій наборъ. — Золотое дѣло. — Акціонерныя дѣла. — Николаевская желѣзная дорога. — Непостижимая исторія 33

По поводу годичной выставки въ академіи художествъ. П. К. 66

ПОЛИТИКА. Общее положеніе. — Прусскія дѣла. — Прекращеніе конституціоннаго образа правленія въ Пруссіи. — Возвращеніе къ абсолютному. — Закрытіе палаты. — Итальянскія дѣ-

ла. — Прощеніе Гарібальди. — Ходъ его болѣзни. — Папа и Францискъ II. — Греко-славянскій или восточный вопросъ. — Восстаніе въ Греціи. — Удаленіе короля. — Очеркъ исторіи греческаго королевства. — Сущность восточнаго вопроса. — Выгоды окончательныхъ рѣшеній. — Последнія новѣстія . . . . .

Кушцы — реформаторы гимназій. М. Родевича	120
Щекотливый вопросъ. Статья со снисхожд., съ превращеніями и переодѣваньями	161
Замѣтка по вопросу общественной нравственности (письмо къ редактору). П. Сокальского	164
Русскій театръ. Современное состояніе драматургіи и сцены. Статья первая.	181
Голосъ за петербургскаго донъ-Кихота. (По поводу статей г. Тетриша	189
Тяжкое время (письмо въ редакцію «Времени». Н. Косицы	196

DEC 19 1939

